ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2009 году

Выходит один раз в месяц

ISSN 2076-1503 (print)

ISSN 2949-205X (online)

Индекс подписки
в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46138

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)

Журнал является сетевым изданием (Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по отраслям науки: **5.1.1, 5.1.2, 5.1.3.**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

ОБРАЗОВАНИЕ
и ПРАВО
научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический научно-правовой журнал, посвященный актуальным вопросам философии, социологии, педагогики, юриспруденции, образования, а также правовому мониторингу, инновационным технологиям и реформе образования в России и мире

Председатель редакционного совета:
Светлана Иванова

Главный редактор:
Бадма Сангаджиев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора по научному развитию:
Руслан Гандалоев

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Марина Горячева

Дизайн:
Александр Черкасов

Материал подготовлен с использованием СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва, Зеленый проспект, 22-302.

Home page:
www.education.law-books.ru

E-mail:
mail@law-books.ru

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

С 20 июля 2022 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ) по специальностям:

5.1.1. “Теоретико-исторические правовые науки”;

5.1.2. “Публично-правовые (государственно-правовые) науки”;

5.1.3. “Частно-правовые (цивилистические) науки”.

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2026

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋 杨 – 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

С.А. Барков – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджментасоциологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

В.Т. Волов – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, доктор экономических наук, доктор социологических наук, доктор технических наук, доктор физико-математических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, заведующий кафедрой «Естественные науки» ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

А.В. Морозов – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИЦ-2 ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Ф.Ш. Мухаметзянова – член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник ФГОУ ВПО "Казанский Государственный Институт Культуры"

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Л.А. Тхабисимова - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно-образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)"

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора по научному развитию: Р.Б. **Гандалоев**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Научного исследовательского сектора Ингушского государственного университета.

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Е.Г. Багреева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

А.В. Барков – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России

Н.И. Беседкина – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Е.В. Богданов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор

Е.В. Виноградова – доктор юридических наук, профессор. И.о. первого заместителя директора Института государства и права Российской академии наук

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилин — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры социологии Гуманитарного института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, действительный член Академии педагогических и социальных наук

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Кавказского института Всероссийского государственного университета юстиции, доцент кафедры прикладной информатики в юриспруденции Дагестанского государственного технического университета, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН)

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО "Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации"

М.М. Дикажев — доктор юридических наук, доцент, профессор Ингушского государственного университета

И.В. Дойников –доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университетаим. А.И. Герцена

В.Б. Исраелян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы

Р.А. Каламкарян – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

В.П. Камышанский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой гражданского права и процесса Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К.В. Россинского, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.С. Канюк – доктор педагогических наук, доцент, профессор РАО, проректор по научной, образовательной деятельности и молодежной политике ФГБОУ ВО «Гжельский государственный университет»

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

А.Н. Левушкин - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия

П.Г. Межидова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований Академии Наук Чеченской Республики, г. Грозный

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Меськов — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета

А.Х.Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

Г.Б. Прончев - кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра химической физики им. Н.Н. Семенова Российской академии наук, действительный член Российской академии естественных наук, Россия, г. Москва

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихо-океанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

А.Б. Синельников – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

А.А. Соловьев – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории и истории государства и права Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, врио ректора Гжельского государственного университета

Т.А. Сошникова –доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Д.П. Стригунова – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В.Н. Ткачев – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

А.Г. Тюриков – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

М.С. Халиков – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Н.П. Ходакова — доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Х.С. Шагбанова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел ФГКУ ДПО «Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России», член–корреспондент РАЕН

Г.Г. Шинкарецкая – доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Батурина А.В. * Место правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации 15

Бажанов С.А. * Уголовная политика современного государства: проблемы системности, профилактики и обеспечения законности 19

Жидков Д.И., Кожанчиков О.И. * Правовое обеспечение национальной безопасности в условиях новых геополитических вызовов: анализ законодательства о противодействии санкциям 23

Валов К.Д. * Принципы публичного контроля (надзора) в сфере предпринимательской деятельности в системе конституционно-правового регулирования 30

Косьмин А.Д., Кузнецова О.П., Кузнецов В.В., Кузнецов В.П. * О специализации России в системе глобальных производственных цепочках создания добавленной стоимости (или долго быть России в плену «проклятия ресурсов») 35

Аббуд Р.Р., Комендантов С.В. * Позиция Российской Федерации относительно понятия и трансграничности киберпреступления 43

Матвиенко С.В. * Актуальные вопросы правового просвещения современной российской молодежи: проблемы и пути решения 47

Шульженко Д.А. * Принцип территориальной целостности: нормативно-правовые основы и развитие на современном этапе 51

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Берзения Т.Э. * О понимании демократии философом Жайме Лимой 55

Реймер Л.Р., Захарья И.Т. * Правовые гарантии семей участников СВО при получении дошкольного и общего образования 65

Андрейцо С.Ю. * Правовые проблемы защиты прав мигрантов в России: региональный аспект (опыт Санкт-Петербурга) 71

Политова Т.Э., Стахеева Л.М., Зарубина Е.В., Горбунова О.С., Малькова Ю.В., Пильникова И.Ф. * Человеческий фактор в обеспечении безопасности и здоровья человека 74

Шишкин А.Е. * О некоторых вопросах регистрационного учета иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства и месту пребывания в Российской Федерации 82

Чукреев В.А. * Криминальная эксплуатация биологической и социальной сущности человека: уголовно-правовые проблемы защиты персональных данных в условиях цифровизации 88

Осина Д.М. * Презумпция невиновности как межотраслевой принцип современного российского права 95

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

Виноградова Е.В. * Принцип in dubio pro natura в системе экологического конституционализма арктических стран: суверенные права коренных народов и межпоколенческая справедливость 99

CONTENT:

POLICY AND LAW

Baturina A.V. * The place of legal ideology in ensuring the national security of the Russian Federation 15

Bazhanov S.A. * Criminal policy of the modern state: issues of systemic coherence, prevention, and the rule of law 19

Zhidkov D.I., Kozhanchikov O.I. * Legal support for national security in the face of new geopolitical challenges: analysis of sanctions counteraction legislation 23

Valov K.D. * Principles of public control (supervision) in the field of entrepreneurial activity in the system of constitutional and legal regulation 30

Kosmin A.D., Kuznetsova O.P., Kuznetsov V.V., Kuznetsov V.P. * On the specialization of Russia in the system of global production value chains (or for a long time to be captured by the curse of resources) 35

Abbud R.R., Komendantov S.V. * The position of the Russian Federation on the concept and cross-border of cybercrime . . 43

Matvienko S.V. * Current issues of legal education of modern Russian youth: problems and solutions 47

Shulzhenko D.A. * The principle of territorial integrity: legal foundations and development at the present stage 51

HUMAN RIGHTS

Berzenia T.E. * About the philosopher Jaime Lima's understanding of democracy 55

Reimer L.R., Zakharya I.T. * Legal guarantees for families of special military operation participants in obtaining preschool and general education 65

Andreitco S.Yu. * Legal problems of protection of migrants 'rights in Russia: regional aspect (St. Petersburg experience) 71

Politova T.E., Stakheeva L.M., Zarubina E.V., Gorbunova O.S., Malkova Ju.V., Pilnikova I.F. * Human factors in ensuring human safety and health 74

Shishkin A.E. * On certain matters of registration of foreign citizens and stateless persons at their place of residence and place of sojourn 82

Chukreev V.A. * Criminal exploitation of the biological and social essence of man: criminal law problems of personal data protection in the context of digitalization 88

Osina D.M. * Presumption of innocence as a cross-branch principle of modern Russian law 95

CONSTITUTION THEORY

Vinogradova E.V. * The principle of "in dubio pro natura" in the system of environmental constitutionalism of arctic states: sovereign rights of indigenous peoples and intergenerational justice 99

Широков Г.С. * Либеральная политико-правовая идеология в конституционных проектах декабристов и государственно-правовое строительство в России в первой половине XIX века 104

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Антипова Е.П. * Реализация принципов правового регулирования в деятельности органов публичной власти (теоретический и практический аспекты налоговых правоотношений) 111

Афанасьева С.А. * Вопросы правового регулирования государственной политики в сфере туризма 118

Ильин А.Ю., Милкина Е.В. * Юридическая ответственность за дисциплинарные правонарушения коррупционной направленности 122

Ахьядов И.И. * Постоянная законодательная эволюция как феномен российского местного самоуправления 128

Кириллова Т.К. * Принудительное исполнение исполнительных документов неимущественного характера ФССП России 136

Валов К.Д. * Гарантии соблюдения прав субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении публичного контроля (надзора) 143

Никишов П.С. * Правовая природа актов территориального планирования: «гибридность» градостроительной документации 148

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Могилевский Г.А., Быковская Е.А., Комиссаров А.В. * Эмодзи как способ волеизъявления лица с применением информационных цифровых технологий в договорных обязательствах военных организаций войск Национальной гвардии Российской Федерации 153

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Смелова Е.В. * Избирательное право в первой Конституции Франции (1791 г.) 160

Прусс Я.Ю. * Анализ опыта правового регулирования лоббизма в США и ЕС и перспективы применения зарубежного опыта в Российской Федерации 164

Калитовский Т.В. * Промедление административных органов: проблема эффективности судебной защиты права на рассмотрение административного дела в разумные сроки на примере Соединенных Штатов Америки 172

Озимок Д.В. * Реформирование институциональной структуры ООН: пути повышения эффективности и снижения политизации 179

Денисенко В.В., Кривцов С.Д. * Демократизация парламента Испании способы и перспективы 187

Вэй Д. * Влияние искусственного интеллекта на международный политический ландшафт и международное право 192

Остроумов Н.В., Суслова В.А. * Трансграничное банкротство в условиях санкций: признание иностранных процедур и защита российских кредиторов 198

Шарифуллин Р.А., Юн Л.В. * Легитимность сквозь призму формирования судейского корпуса в международных судах 203

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Седых В.Н. * Конституция СССР 1936 года и репрессии 1937 года 208

Shirokov G.S. * Liberal political and legal ideology in constitutional projects of the decembrists and state and legal construction in Russia in the first half of the 19th century 104

PUBLIC LAW

Antipova E.P. * Implementation of the principles of legal regulation in the activities of public authorities (theoretical and practical aspects of tax relations) 111

Afanasyeva S.A. * Issues of legal regulation of state policy in the sphere of tourism 118

Ilyin A.Yu., Milkina E.V. * Legal liability for disciplinary offences of a corruptional nature 122

Akhyadov I.I. * Constant legislative evolution as a phenomenon of russian local self-government 128

Kirillova T.K. * Enforcement of non-property-related executive documents by the federal service for judicial bailiffs of Russia . . . 136

Valov K.D. * Guarantees of observance of the rights of business entities in the exercise of public control (supervision) 143

Nikishov P.S. * The legal nature of territorial planning acts: hybrid character of urban planning documents 148

CONTROL THEORY

Mogilevskiy G.A., Bykovskaya E.A., Komissarov A.V. * Emoji as a way of expressing the will of a person using information digital technologies in the contractual obligations of military organizations of the national guard of the Russian Federation . . 153

HISTORY OF THE STATE AND RIGHTS OF FOREIGN COUNTRIES

Smelova E. * Voting rights in the first French Constitution (1791) 160

Pruss Y.Yu. * Analysis of the experience of legal regulation of lobbying in the USA and the EU and prospects for applying foreign experience in the Russian Federation 164

Kalitovskiy T.V. * Agency delay: the problem of the effectiveness of judicial protection of the right to timely agency adjudication in the United States of America 172

Ozimok D.V. * Reforming the UN'S institutional structure: ways to increase efficiency and reduce politicization 179

Denisenko V.V., Krivtsov S.D. * Democratization of the Spanish parliament ways and perspectives 187

Wei D. * Impact of artificial intelligence on the international political landscape and international law 192

Ostroumov N.V., Suslova V.A. * Cross-border insolvency under sanctions: recognition of foreign proceedings and protection of russian creditors 198

Sharifullin R.A., Yun L.V. * Legitimacy through the prism of formation of the judicial corps in international courts 203

HISTORY OF THE STATE AND LAW OF RUSSIA

Sedykh V.N. * The 1936 constitution of the USSR and the 1937 repressions 208

Кухтяева Е.А. * Историческая ретроспектива суда присяжных: осмысление ценности коллегиального правосудия 218

Майданевич Ю.П., Петухова В.В. * Теоретико-правовые основы становления и эволюции государственного контроля в России: историческая ретроспектива и современные тенденции 225

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Садовский Я.В. * К вопросу о понятии политического у Карла Шмитта в условиях кризиса государственности 231

Иванов Б.С. * Доктринальные подходы к определению задач нотариальной деятельности 239

Толстик Д.Б. * Концепция суверенитета Жана Бодена и её трансформация в условиях современного государства 243

Кабанов В.А. * Субъект права в социо-правовой концепции Б. Латура: теоретико-правовой анализ 252

Андреева И.А. * Диалектика суверенитета и свободы передвижения в истории правовой мысли 256

Епифанов А.Е. * К вопросу трансформации национального права в условиях глобализации 261

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Ильясов О.Р., Лопаева Н.Л., Синько В.Н., Шиловцев А.В., Пильников Л.Н. * Мероприятия по формированию культуры безопасности производства на предприятии. . 267

Горбунова О.С., Кот Е.М., Стахеева Л.М., Малькова Ю.В., Пильникова И.Ф., Петрякова С.В. * Возможности сельского туризма в Свердловской области: проблемы развития и эффективность для аграрного сектора экономики 275

Ибрагимов А.А. * Проблемы налогообложения электронных азартных игр и перспективы развития налога на игорный бизнес 281

Стахеева Л.М., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Пильникова И.Ф., Бабкина А.А., Пильников Л.Н. * Прибыль как основной финансовый результат предприятий АПК 288

Валентик Г.И. * К вопросу о правовом регулировании отношений в сфере защиты конкуренции 297

Антипова Е.П. * Вопросы трансформации налогового законодательства при рассмотрении налоговых споров 303

Кот Е.М., Пильникова И.Ф., Горбунова О.С., Малькова Ю.В., Петрякова С.В., Радионова С.В. * Методы оценки финансового состояния организации 309

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Гаранян Э.А. * Административно-правовой механизм реализации программ дополнительного профессионального образования: доктринальные подходы и конструкция действующей правовой модели 315

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Злобина Е.А. * Построение судебной системы с соблюдением баланса инстанционности и судебной специализации . . . 323

Тутушев Т.Т. * Обеспечение эффективности доказательственной деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве 329

Чибинов Д.В. * Имущественная ответственность арбитра в форме возмещения убытков: возможные пути реформирования 335

Kukhtyaeva E.A. * Historical retrospective of the jury trial: understanding the value of collegial justice 218

Maidanevich Yu.P., Petukhova V.V. * Theoretical and legal basis for the formation and evolution of state control in Russia: historical retrospective and contemporary trends 225

INTERPRETATION OF LAW

Sadovsky Ya.V. * On Carl Schmitt's concept of the political in the context of a statehood crisis 231

Ivanov B.S. * Doctrinal approaches to defining the tasks of notary activities 239

Tolstik D.B. * Jean Bodin's concept of sovereignty and its transformation in a modern state 243

Kabanov V.A. * The legal subject in B. Latour's socio-legal concept: a theoretical and legal analysis 252

Andreeva I.A. * The dialectic of sovereignty and freedom movements in the history of legal thought 256

Epifanov A.E. * On the transformation of national law in the context of globalization 261

LAW AND ECONOMICS

Ilyasov O.R., Lopaeva N.L., Sinko V.N., Shilovtsev A.V., Pilnikov L.N. * Activities to develop a culture of industrial safety at the enterprise 267

Gorbunova O.S., Kot E.M., Stakheeva L.M., Malkova Yu.V., Pilnikova I.F., Petryakova S.V. * Rural tourism opportunities in the Sverdlovsk region: development challenges and efficiency for the agricultural sector 275

Ibragimov A.A. * Problems of taxation of electronic gambling and prospects for the development of the gambling tax 281

Stakheeva L.M., Zarubina E.V., Simachkova N.N., Pilnikova I.F., Babkina A.A., Pilnikov L.N. * Profit as the main financial result of agribusiness enterprises 288

Valentik G.I. * On the legal regulation of competition protection relations 297

Antipova E.P. * Issues of transformation of tax legislation under consideration tax disputes 303

Kot E.M., Pilnikova I.F., Gorbunova O.S., Malkova Yu.V., Petryakova S.V., Radionova S.V. * Methods for assessing the financial condition of an organization 309

ADMINISTRATIVE LAW

Garanian E.A. * Administrative and legal mechanism for implementing continuing professional education programs: doctrinal approaches and the structure of the current legal model 315

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Zlobina E.A. * Construction of a judicial system with a balance of instance and judicial specialization 323

Tutushev T.T. * Ensuring the effectiveness of evidential activities of defense attorneys in criminal proceedings 329

Chibinov D.V. * Liability of an arbitrator in the form of damages: possible ways of reform 335

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Синицын А.С. * Правовые основания для осуществления налогового контроля за ценообразованием в неконтролируемой сделке 341

Кондратюк Д.Л. * Актуальные проблемы злоупотребления неимущественными корпоративными правами участником общества с ограниченной ответственностью 349

Грудцына Л.Ю., Лахин Д.Н. * Актуальные вопросы наследования по завещанию в Российской Федерации 353

Захаров К.А. * Обеспечительный механизм подрядных обязательств 362

Бичурина Е.В. * Влияние категорий внутреннего российского права на определение понятия «международная корпоративная сделка» 365

Букалерова Л.А., Остроушко А.В., Васильев И.А. * Понятие, классификация социально-ориентированных некоммерческих организаций 372

Бикбулатов Р.Х. * К вопросу о прямых и косвенных доказательствах при субординации требований кредиторов 379

Чешин А.В. * Внешнеэкономические договоры в предпринимательской деятельности: проблемы правового регулирования и правоприменения 387

Гуменная В.Ю. * Вопросы реализации общего имущества супругов в банкротстве 393

Бабыкина В.А. * Проблемы и пути совершенствования правового регулирования защиты субъектов рекламных правоотношений в сети интернет 399

Гончарова В.А., Евсеева И.Д. * Характер осуществляемой лицом деятельности как основание квалификации заключаемых им договоров в качестве публичных 406

Евсеева И.Д. * Направления развития российского законодательства о добровольном страховании жилых помещений от стихийных бедствий 413

Гатиятуллина Э.М. * Концепция «контролируемого оборота» персональных данных: гражданско-правовые механизмы реализации 422

Самогин А.С. * Некоторые проблемы контроля оборота криптовалют со стороны государства 427

Веселова А.Р., Скворцов К.В. * Киберпедофилия как социально-правовой феномен: анализ понятий, подходов и практик противодействия 431

Баширов Э.Э. * Особенности определения применимого права к трансграничному трансферному договору 439

Кружкова Т.И., Куликова Е.С., Батракова С.И., Гаврилов Д.Е., Рущицкий Л.С. * Основные направления повышения эффективности управления дебиторской и кредиторской задолженностью на предприятии 446

Захаров К.А. * Актуальные проблемы применения счета эскроу в подрядных обязательствах 453

Сварчевский К.Г., Терещенко Д.В. * Проблемы формирования пенсии космонавтов 456

СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Муратшина Н.Ю., Малашенко М.С., Кузьминых С.В., Сусулов М.А. * Преимущественные основы использования комбинированных нагрузок во время занятия спортом 461

Реди Е.В., Бортникова Г.Н. * Анализ развития скоростного апноэ в ластах в Красноярском крае 466

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Sinitsyn A.S. * Legal basis for exercising tax control over pricing in an uncontrolled transaction 341

Kondratyuk D.L. * Current issues of misuse of non-property corporate rights participant of a limited liability company 349

Grudtsina L.Yu., Lakhin D.N. * Topical issues of inheritance by will in the Russian Federation 353

Zakharov K.A. * The security mechanism of contractual obligations 362

Bichurina E.V. * The influence of categories of domestic Russian law in the deginition of the concept of “international corporate transaction” 365

Bukalerova L.A., Ostroushko A.V., Vasiliev I.A. * Concept and classification of socially oriented non-profit organizations 372

Bikbulatov R.Kh. * On the question of direct and indirect evidence in the subordination of creditors’ claims 379

Cheshin A.V. * Foreign economic contracts in business activities: problems of legal regulation and law enforcement 387

Gumennaia V.Yu. * Issues of the sale of the spouses’ common property in bankruptcy 393

Babykina V.A. * Problems and ways to improve the legal regulation of the protection of subjects of advertising relations on the internet 399

Goncharova V.A., Evseeva I.D. * The nature of the activity carried out by a person as the basis for the qualification of contracts concluded by him as public 406

Evseeva I.D. * Directions of development of the russian legislation on voluntary insurance of residential premises against natural disasters 413

Gatiyatullina E.M. * The concept of «controlled circulation» of personal data: civil law mechanisms for implementation 422

Samogin A.S. * Some problems of cryptocurrency turnover control by the state 427

Veselova A.R., Skvortsov K.V. * Cyberpedophilia as a socio-legal phenomenon: analysis of concepts, approaches, and counteraction practices 431

Bashirov E.E. * Specifics of determining applicable law to cross-border transfer agreement 439

Kruzhkova T.I., Kulikova E.S., Batrakova S.I., Gavrilov D.E., Rushchitsky L.S. * Key directions for improving the efficiency of accounts receivable and accounts payable management in an enterprise 446

Zakharov K.A. * Actual problems of using an escrow account in contractual obligations 453

Svarchevsky K.G., Tereshchenko D.V. * Problems of cosmonaut pension formation 456

SPORTS LAW

Muratshina N.Yu., Malashenko M.S., Kuzminykh S.V., Susulov M.A. * Preferred bases for using combined loads during sports 461

Redi E.V., Bortnikova G.N. * Analysis of the development of rapid apnea in fingers in Krasnoyarsk region 466

Таштиев Р.И., Корнилова А.А., Платунов М.С., Кочура А.С., Тазиева З.Н. * Физическое воспитание студентов и подготовка их к военной службе 470

Абзалова С.В., Сафиуллин Б.В. * Роль физической культуры в формировании правосознания и социальной ответственности 473

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Радченко Е.П., Бажанов С.А. * Образование перед лицом проблем современного мира: роль и значение образования в пенитенциарных учреждениях 476

Старовойтова И.Е. * Академическая мобильность как вектор интернационализации образования: сравнительный анализ опыта России и Китая 481

Паночевный П.Н. * Юридические аспекты менеджмента качества образовательного процесса в вузе в мультикультурной образовательной среде 487

Ковалев О.Г. * Организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы оставления в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия 493

Рамазанова П.К., Гайдарова Л.И., Аликберов С.А. * Психологический кризис юридического образования и науки: диагностика проблем и пути преодоления 499

Каминский А.В. * Проблемы и перспективы дополнительного профессионального образования 507

Гордей Я.В. * Актуальные вопросы патриотического воспитания молодежи в образовательной юридической среде современной России: стратегия реализации государственной политики 515

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Некрасова К.И., Макарова Т.Н., Рощина Н.В., Волкова С.А., Шакирова Е.Р. * “English grammar in use” Рэймонда Мёрфи: феномен культового учебника в истории методики преподавания английского языка 523

Родионова М.С., Шахова Е.А. * Применение проектного метода при обучении высшей математике в вузе 531

Гришина Е.В. * Обучение чтению и анализу англоязычных статей и отчётов по судебной экспертизе в сфере пожарной безопасности 537

Хальзова Н.А., Паночевный П.Н. * Цифровая трансформация образовательной среды вуза как механизм управления качеством обучения студентов из разных стран 545

Царькова Е.Г. * Адаптивный диалоговый тренажер на основе искусственного интеллекта как средство дифференцированного обучения цифровой гигиене в образовательных организациях ФСИН России 552

Канунников Р.И. * Факторы изменения ценностных ориентаций курсантов вузов МВД России в процессе социально-психологической адаптации к условиям учебно-служебной деятельности 558

Казберов П.Н. * Развитие воспитательной работы с персоналом силовых структур 562

Вахитов И.Х., Васенков Н.В., Миннибаев Э.Ш., Валиев Р.М. * Влияние гиподинамии на состояние современного студента 566

Спирица Е.В., Дьякова Н.В. * Методологическая эрозия современной прикладной психологии: проблема инфильтрации невалидных концептов в академическую среду и юридическую практику 571

Tashtiev R.I., Kornilova A.A., Platunov M.S., Kochura A.S., Tazieva Z.N. * Physical education of students and their preparation for military service 470

Abzalova S.V., Safiullin B.V. * The role of physical culture in the formation of legal awareness and social responsibility 473

MODERNIZATION OF EDUCATION

Radchenko E.P., Bazhanov S.A. * Education in the face of the challenges of the modern world: the role and importance of education in penitentiary institutions 476

Starovoytova I.E. * Academic mobility as a vector of internationalization of education: a comparative analysis of the experience of Russia and China 481

Panochevny P.N. * Legal aspects of quality management of the educational process at a university in a multicultural educational environment 487

Kovalev O.G. * Organizational, legal, psychological and pedagogical issues of abandonment in educational colonies of the penal system of persons sentenced to imprisonment who have reached the age of majority 493

Ramazanova P.K., Gaydarova L.I., Alikberov S.A. * Title of the article (in capital letters): the psychological crisis of legal education and science: diagnosis of problems and ways to overcome 499

Kaminsky A.V. * Problems and prospects of continuing professional education 507

Gordey Ya.V. * Topical issues of patriotic education of youth in the educational legal environment of modern Russia: a strategy for implementing state policy 515

PEDAGOGICAL SCIENCES

Nekrasova K.I., Makarova T.N., Roshchina N.V., Volkova S.A., Shakirova E.R. * “English grammar in use” by Raymond Murphy: the phenomenon of a cult textbook in the history of english language teaching methods 523

Rodionova M.S., Shakhova E.A. * Application of the project method in teaching higher mathematics at a university 531

Grishina E.V. * Teaching reading and analysis of English-language articles and reports on forensic expertise in the field of fire safety 537

Khalzova N.A., Panochevny P.N. * Digital transformation of the university educational environment as a mechanism for managing the quality of education for students from different countries. .545

Tsarkova E.G. * Learning analytics as a tool for personalization and quality management in the system of professional education of the federal penitentiary service of Russia 552

Kanunnikov R.I. * Factors of changing value orientations of cadets of higher education institutions of the ministry of internal affairs of Russia in the process of social and psychological adaptation to the conditions of educational and service activities 558

Kazberov P.N. * Development of educational work with law enforcement personnel 562

Vakhit I.Kh., Vasenkov N.V., Minnibaev E.Sh., Valiev R.M. * The impact of lack of physical dynamia on the condition of a modern student 566

Spiritza E.V., Dyakova N.V. * Methodological erosion of modern applied psychology: the problem of infiltration of invalid concepts into the academic environment and legal practice 571

Реди Е.В., Фалеева Е.А. * Самостоятельные занятия физической культурой, как фактор формирования здорового образа жизни студентов 579

Радионова С.В., Петрякова С.В., Фатеева Н.Б., Пильникова И.Ф., Горбунова О.С., Малькова Ю.В. * Мотивация педагогических работников образовательных организаций 582

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Фатеева Н.Б., Петрова Л.Н., Алимарданова Н.А., Стахеева Л.М., Симачкова Н.Н., Петрякова С.В. * Анализ системы обучения персонала в организации 587

Садовский Я.В. * Прекаризация академического труда в Германии: правовые проблемы срочной занятости научных сотрудников 591

Морозов А.А., Боенко Д.В. * Проблемы разграничения срочного и бессрочного трудового договора 598

Фатеева Н.Б., Петрова Л.Н., Алимарданова Н.А., Стахеева Л.М., Симачкова Н.Н., Петрякова С.В. * Совершенствование программы развития персонала в организации 604

Андрейцо С.Ю. * Проблемы трудовой миграции в современной России: правозащитный аспект 609

Пильников Л.Н., Ильясов О.Р., Иовлев Г.А., Стахеева Л.М., Голдина И.И., Пильникова И.Ф. * Актуальные проблемы охраны труда на предприятиях агропромышленного комплекса 613

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Аветисян К.Р. * Опыт использования OSINT при противодействии преступлениям в сфере IT 618

Гончар В.В. * Особенности осмотра и изъятия серверного оборудования 623

Жанова Д.А. * Профилактика криминализации гражданского населения в зоне проведения СВО: работа с семейной системой как основное направление психологической помощи 628

Букалерова Л.А., Уварова И.А., Остроушко А.В. * Вред, причиненный несовершеннолетними лицами своим сверстникам противоправными действиями, должен быть обязательно возмещен 631

Чуйков П.В. * Вопросы декриминализации экономических статей УК РФ в разрезе картельных сговоров 641

Шикула И.Р., Шоткинов С.А., Куртынов И.В. * К вопросу ужесточения наказания за преступления против жизни и здоровья (по материалам судебной практики) 645

Лунёв М.В. * Дистанционное мошенничество: некоторые аспекты понятийно-категориального аппарата 651

Муркштис М.И. * Правовые пределы использование искусственного интеллекта при вынесении приговора 660

Ковалев О.Г. * К вопросу организации учебно-воспитательного процесса в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы 665

Казберов П.Н. * Компетентность пенитенциарных работников в направлении профилактики и коррекции проявлений идеологии терроризма в исправительных учреждениях 671

Корягина С.А., Гармышев Я.В. * Некоторые аспекты по противодействию вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств: криминологический и уголовно-правовой аспекты 676

Redi E.V., Faleeva E.A. * Independent physical culture as a factor in the formation of a healthy lifestyle for students 579

Radionova S.V., Petryakova S.V., Fateeva N.B., Pilnikova I.F., Gorbunova O.S., Malkova Yu.V. * Motivation of teaching staff of educational organizations 582

EMPLOYMENT LAW

Fateeva N.B., Petrova L.N., Alimardanova N.A., Stakheeva L.M., Simachkova N.N., Petryakova S.V. * Analysis of the Personnel Training System in an Organization 587

Sadovsky Ya.V. * Precarization of academic labor in Germany: legal issues of fixed-term employment of researchers 591

Morozov A.A., Boyenko D.V. * Problems with distinguishing between fixed-term and indefinite-term employment contracts . . 598

Fateeva N.B., Petrova L.N., Alimardanova N.A., Stakheeva L.M., Simachkova N.N., Petryakova S.V. * Improving the staff development program in an organization 604

Andreitco S.Yu. * Problems of labor migration in modern Russia: human rights aspect 609

Pilnikov L.N., Ilyasov O.R., Iovlev G.A., Stakheeva L.M., Goldina I.I., Pilnikova I.F. * Current occupational health and safety issues in agro-industrial enterprises 613

CRIMINAL LAW AND PROCESS

Avetisyan K.R. * Experience using OSINT to counter IT crimes 618

Gonchar V.V. * Inspection and removal of server equipment 623

Zhanova D.A. * Prevention of criminalization of the civilian population in the zone of conducting the SVO: working with the family system as the main area of psychological assistance 628

Bukalerova L.A., Uvarova I.A., Ostroushko A.V. * Harm damage caused by unlawful acts by minors to their peers must be compensated 631

Chuikov P.V. * Issues of decriminalization of economic articles of the Criminal Code of the Russian Federation from the viewpoint of cartels 641

Shikula I.R., Shotkinov S.A., Kurtynov I.V. * To the question of strengthening punishment for crimes against life and health (based on court practice) 645

Lunev M.V. * Remote fraud: certain aspects of the conceptual and categorical apparatus 651

Murkshtis M.I. * Legal limits to the use of artificial intelligence in sentence-delivery 660

Kovalev O.G. * On the issue of the organization of the educational process in the educational colonies of the penal system 665

Kazberov P.N. * Competence of prison staff in preventing manifestations of terrorist ideology in correctional facilities 671

Koryagina S.A., Garmyshev Ya.V. * Some aspects of countering the involvement of minors in drug trafficking: criminological and criminal law aspects 676

Лунёв М.В. * Квалификация звонка мошенника как оконченного преступления 683

Синёв И.И. * Социальные свойства истязаний их общественные связи и негативные последствия. 690

Свередюк М.Г., Меньшакова А.С., Пшеничнов М.В. * Анализ причин и факторов привлечения к уголовной ответственности медицинских работников (по материалам офтальмологического профиля) 695

Хасанова С.К., Таптыков А.В. * Институт передачи исполнения наказания иностранными гражданами в государство их гражданской принадлежности: международные стандарты и реализация в Российской Федерации 700

Ковалев О.Г. * Использование учреждений, исполняющих уголовные наказания, для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в национальном уголовно-исполнительном законодательстве 704

Казберов П.Н. * Развитие способностей пенитенциарных работников по определению криминологических свойств осужденных, совершивших террористические преступления 710

Шикула И.Р., Шоткинов С.А., Куртынов И.В. * Актуальные проблемы ужесточения наказания за преступления против жизни и здоровья в контексте современной судебной практики РФ 716

ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Кот Е.М., Радионова С.В., Петрякова С.В., Пильникова И.Ф., Малькова Ю.В., Горбунова О.С. * Применение искусственного интеллекта и цифровых технологий в сельском хозяйстве на современном этапе и перспективы развития 722

Кострюков А.С., Яндиев А.А. * Проблема применения принципов цивилистического процесса в условиях электронного правосудия 727

Печерская А.Ю. * Информационные посредники в системе защиты интеллектуальных прав в цифровом пространстве . .738

Беззатеева В.С. * Право на забвение несовершеннолетних в цифровой среде 745

Ярыгин Д.А. * Понятие информатизации и её воздействие на юридические факты 750

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Шуров Е.А. * Правовое регулирование экологической экспертизы и оценки воздействия на окружающую среду: зарубежный опыт 754

Конев С.И., Слюзар К.И. * Проблемы правового регулирования зелёной энергетики в условиях повышения нестабильности энергетического перехода стран Европейского Союза . . 760

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Коровина Л.В. * Особенности современного этапа эволюции английского языка 765

Искандаров Р.Р. * Homo incarceratus: тюрьма как антрополог гический катализатор 769

Рощина Н.В., Вукович И.С., Волкова С.А., Макарова Т.Н., Некрасова К.И. * Нравственно-философская проблематика романа «Преступление и наказание» 774

Некрасова К.И., Макарова Т.Н., Рощина Н.В., Волкова С.А., Степанов Р.И. * Концепт «честь» в пространстве мультикультурного романа: травма, эмиграция и непростая женская судьба в произведении Элиф Шафак «Честь» 779

Lunev M.V. * Classification of a fraudulent telephone call as a completed crime 683

Sinev I.I. * The social properties of torture, their social connections and negative consequences 690

Sverediuk M.G., Menshakova A.S., Pshenichnov M.V. * Analysis of the reasons and factors for the criminal liability of medical workers (based on ophthalmological profile materials) . . 695

Khasanova S.K., Taptykov A.V. * The institution of transfering punishment by foreign citizens to their state of citizenship: international standards and implementation in the Russian Federation 700

Kovalev O.G. * The use of penal institutions for the detention of suspects and those accused of committing crimes in national penal enforcement legislation 704

Kazberov P.N. * Developing the capacity of prison staff to determine the criminological characteristics of convicted terrorist offenders 710

Shikula I.R., Shotkinov S.A., Kurtynov I.V. * Current issues of stronger punishment for crimes against life and health in the context of modern judicial practice in the Russian Federation . . . 716

DIGITAL LAW

Kot E.M., Radionova S.V., Petryakova S.V., Pilnikova I.F., Malkova Yu.V., Gorbunova O.S. * The application of artificial intelligence and digital technologies in agriculture at the present stage and development prospects 722

Kostryukov A.S., Yandiev A.A. * The problem of applying the principles of civil procedure in e-justice 727

Pecherskaya A.Yu. * Information intermediaries in the system of protection of intellectual rights in digital space 738

Bezzateeva V.S. * The right to forgive minors in the digital environment 745

Yarygin D.A. * The concept of informatization and its impact on legal facts 750

ENVIRONMENTAL LAW

Shurov Ye.A. * Legal regulation of environmental expert review and environmental impact assessment: international experience 754

Konev S.I., Sluzar K.I. * Problems of legal regulation of green energy in conditions of increasing instability of the energy transition of the countries of the European Union 760

HISTORY AND CULTURE

Korovina L.V. * Modern stage of the English language evolution 765

Iskandarov R.R. * Homo incarceratus: prison as an anthropological catalyst 769

Roshchina N.V., Vukovich I.S., Volkova S.A., Makarova T.N., Nekrasova K.I. * Moral and philosophical issues of the novel «Crime and punishment» 774

Nekrasova K.I., Makarova T.N., Roshchina N.V., Volkova S.A., Stepanov R.I. * The concept of “honor” in the space of a multicultural novel: trauma, emigration and a difficult female fate in Elif Shafak’s “Honor” 779

Егоров С.Г., Чупина И.П., Симачкова Н.Н., Синько В.Н., Шиловцев А.В. * «Людей, отлынивающих от учебы... критиковать беспощадно»: подготовка к реорганизации партийного образования на среднем Урале в 1946 году 787

Искандаров Р.Р. * Тюремная камера как модель сознания: проекции внутренних демонов на стены 793

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Елаев А.А. * Общее положение об орденах, медалях и почётных званиях СССР 1979 года в системе правового регулирования института государственных наград СССР 798

Егоров С.Г., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Кошеленко Л.В., Симачкова Н.Н. * «Лучше не держать для пользы дела»: кадровая политика Свердловского обкома Вкп(Б) в 1946 году 807

Михалев В.Е. * Шведская Африканская компания и британская Южно-Африканская компания: сравнительно-правовой анализ моделей колониального управления 813

Шиловцев А.В., Синько В.Н., Егоров С.Г., Смирнова Е.С., Ражина Е.В. * К вопросу о развитии огородничества в г. Свердловске в годы Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.) 819

Иванова С.И. * Правовые проблемы, связанные с задействованием искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности 825

Клишкова Н.В., Максимова М.В., Новикова Н.Г. * Моделирование как метод обучения курсантов в военной академии 831

Патеева А.А. * Актуальные правовые вопросы использования искусственного интеллекта: особенности музыкальной индустрии 838

Бадаева М.И. * Проблема соотношения родительской власти и прав ребенка сквозь призму конвенции о правах ребенка 1989 г. 845

Чибинов Д.В. * Имущественная ответственность арбитра в форме возмещения убытков: возможные пути реформирования 852

Бадаева М.И. * К вопросу о возможности судебного оспаривания несовершеннолетними старше 14 лет воспитательного решения родителя (п. 2 ст. 56 Семейного Кодекса РФ) 858

Кужахметова С.Н. * Совершенствование правовых основ деятельности советской милиции в 1966-1985 гг. 865

Egorov S.G., Chupina I.P., Simachkova N.N., Sinko V.N., Shilovtsev A.V. * «People who skipped their studies... Must be criticised mercilessly»: preparation for the reorganization of party education in the middle Urals in 1946 . . . 787

Iskandarov R.R. * Prison cell as a model of consciousness: projections of inner demons on walls 793

LEGAL ARCHIVE

Elaev A.A. * The 1979 statute on orders, medals, and honorary titles of the USSR in the system of legal regulation of the institute of state awards of the USSR 798

Egorov S.G., Chupina I.P., Zarubina E.V., Koshelenko L.V., Simachkova N.N. * «It is better not to keep for the good of the cause»: personnel policy of the Sverdlovsk regional committee of the all-union communist party (Bolsheviks) in 1946 807

Mikhalev V.E. * Swedish African company and British South African company: comparative legal analysis of colonial management models 813

Shilovtsev A.V., Sinko V.N., Egorov S.G., Smirnova E.S., Razhina E.V. * On the development of horticulture in Sverdlovsk during the Great Patriotic War (1941-1945) 819

Ivanova S.I. * Legal issues related to the involvement of artificial intelligence in the creation of results of intellectual activities 825

Klishkova N.V., Maksimova M.V., Novikova N.G. * Modeling as a method of teaching cadets at a military academy 831

Pateeva A.A. * Current legal issues of the using ai: features of the music industry 838

Badaeva M.I. * The problem of the relationship between parental authority and the rights of the child through the prism of the convention on the rights of the child 1989 845

Chibinov D.V. * Liability of an arbitrator in the form of damages: possible ways of reform 852

Badaeva M.I. * On the issue of the possibility of judicial challenge by minors over the age of 14 of a parent's educational decision (paragraph 2 of article 56 of the Family Code of the Russian Federation) 858

Kuzhakhmetova S.N. * Improving the legal foundations of the soviet militia in 1966-198 865

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-15-18

БАТУРИНА Алиса Витальевна,
Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС,
аспирант,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕСТО ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В данной статье анализируются аспекты, в которых находит свое проявление функция правовой идеологии по обеспечению национальной безопасности государства, формулируется и доказывается тезис о том, что правовая идеология играет в этом процессе значимую роль только в том случае, если она отвечает национальным интересам конкретного государства, как это имеет место в России.*

Ключевые слова: *правовая идеология, обеспечение национальной безопасности, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, соответствие национальным интересам.*

BATURINA Alisa Vitalyevna,
University at the EurAsEC Interparliamentary Assembl,
graduate student

THE PLACE OF LEGAL IDEOLOGY IN ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article analyzes the aspects in which the function of legal ideology to ensure the national security of the state finds its manifestation, formulates and proves the thesis that legal ideology plays a significant role in this process only if it meets the national interests of a particular state, as is the case in Russia.*

Key words: *legal ideology, ensuring national security, National Security Strategy of the Russian Federation, compliance with national interests.*

Обеспечение национальной безопасности относится исследователями к разряду основных функций правовой идеологии [6].

В связи с этим представляется интересным подробнее остановиться на рассмотрении вопроса о месте указанной общественно-политической категории (правовой идеологии) в комплексе мер по обеспечению национальной безопасности.

Напомним, что в соответствии со Стратегий о национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) категория «национальная безопасность Российской Федерации» пони-

мается как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [1].

При этом согласно пункту 27 Стратегии национальная безопасность Российской Федерации обеспечивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов, среди которых в Стратегии перечислены: сбережение народа России и развитие человеческого потенциала; оборона страны; государственная и общественная безопасность; информационная безопасность; экономическая безопасность; научно-технологическое развитие; экологическая безопасность и рациональное природопользование; защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти; стратегическая стабильность и взаимовыгодное сотрудничество.

При этом, по мнению А.И. Клименко, место правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации находит свое проявление в нескольких аспектах.

Во-первых, упоминается социально-политический аспект, в рамках которого существование правовой идеологии не позволяет утвердиться в качестве массовых идеологий иным мировоззренческих концептам, носящим деструктивный и опасный для государства, его органов власти и общества характер.

Во-вторых, правовая идеология проявляет себя в религиозном аспекте, играя важную роль в нейтрализации деструктивного потенциала религиозной идеологии. Кроме того, общая правовая идеология для многоконфессионального общества способствует либерализации межконфессионального общения.

В-третьих, не менее важен в вопросе обеспечения национальной безопасности и нравственный аспект правовой идеологии, поскольку правовая идеология создает основания оправдания того или иного решения, связанного с жертвованием определенной ценностью (например, возможность причинения вреда жизни и здоровью заложников при их освобождении от захвативших их террористов).

В-четвертых, называется также социально-экономический аспект функции правовой идеологии по обеспечению национальной безопасности, в рамках которого правовая идеология, по сути, должна маскировать существующее социальное неравенство через создание представления о системе «формального равенства» – равенства возможностей.

В-пятых, у функции правовой идеологии по обеспечению национальной безопасности существует также и собственно правовой аспект, учитывая, что она позволяет формировать у членов общества определенное подчиненное установленному порядку поведение, и наоборот – должна порицать поведение, являющее противоправным. В связи с этим можно утверждать, что правовая идеология нацелена на формирование определенного правопорядка.

В-шестых, функция правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности находит свое проявление также в информационном аспекте, поскольку заложенные в правовой идеологии соответствующие мировоззренческие установки (идеи, ценности) позволяют именно с их позиций производить оценку циркулирующей в общественном пространстве информации.

Наконец, в-седьмых, функция правовой идеологии по обеспечению национальной безопасности проявляется, согласно позиции А.И. Клименко [3] и в международном аспекте, так как способствует формированию общего международного идеологического пространства с теми государствами, правящая элита которых разделяет аналогичные ценности и идеалы, продвигает их на мировой арене в качестве противовеса идеологии других государств, делая ставку на так называемую «мягкую силу» [2].

Таким образом, как мы видим, А.И. Клименко весьма подробно раскрыл и обозначил место правовой идеологии в обеспечении национальной безопасности России. Не отрицая в целом значительную роль, которую играет правовая идеология в этом вопросе, мы не стали бы причислять функцию обеспечения национальной безопасности исследуемого нами феномена к числу основных, и вот почему.

Сущность правовой идеологии, как и любой иной идеологии вообще заключается в том, чтобы способствовать сплочению (объединению) людей вокруг идей, идеалов, ценностей и т.п., составляющих ее содержание. В связи с этим можно утверждать, что люди, составляющие между собой некоторую идеологическую общность, разделяют одни и те же взгляды, идеи, принципы мировоззренческие установки и т.д. В таком случае, если правовая идеология ориентирована на обеспечение национальных интересов соответствующей страны, тогда действительно, одной из функций подобной идеологии будет обеспечение национальной безопасности этого государства. Однако нам известны и другие примеры, когда сформированная правовая идеология подчинена не нацио-

нальным интересам государства, а скорее даже наоборот – идет в разрез с такими интересами, ставя во главу угла интересы, например, транснациональных корпораций или надгосударственных образований.

В частности, если обратиться к содержанию Стратегии, то можно узнать, что в Российской Федерации с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в нашей стране и в мире ее национальными интересами на современном этапе являются:

1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;
2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;
3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;
4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;
5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;
6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;
7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;
8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений (пункт 25 Стратегии).

Вполне очевидно, что такие категории как «суверенитет» и «независимость» являются важными признаками, которые должны присутствовать у любого самостоятельного государства, и защита которых должна относиться к числу обязательных национальных интересов. Однако на примере большинства стран современной Европы мы можем видеть картину, когда слепое следование так называемым «общеевропейским» ценностям, закрепленным в общем законодательстве ЕС и инкорпорированным в национальное законодательство подавляющей части европейских стран, входящих в этот Союз, далеко не всегда отвечает национальным интересам отдельных европейских государств, а подчас и вовсе создает угрозу таким интересам. В частности, правительства многих европейских государств не всегда самостоятельны при выборе курса своей внешней политики, часто следуя прямому указанию органов управления ЕС под угрозой применения к ним и их странам мер политического или экономического воздействия. А это и есть не что иное, как частичная утрата тем или иным государством своего суверенитета. Кроме того, избранный общеевропейский курс на бездумное не имеющее разумных рамок культивирование толерантности по отношению к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, на пропаганду однополых браков и т.п. фактически способствовал падению в этих странах престижа семьи и брака, что в конечном итоге привело к значительному падению рождаемости и сокращению коренного населения, восполнение которого, по всей видимости, будет производиться за счет притока мигрантов. И движение в этом направлении скорее всего будет продолжаться, если не поменяется существующая идеологическая парадигма. Можно и дальше приводить подобные примеры, но вывод очевиден: такая правовая идеология вряд ли соответствует истинным национальным интересам государств современной Европы, а потому данная идеология скорее обретает функцию угрозы для их национальной безопасности, чем функцию по ее обеспечению.

Кстати сказать, состояние, когда правовая идеология не соответствует уровню развития общественных отношений, в нашем случае – не отвечает национальным интересам какого-либо государства, А.И. Клименко называет дисфункцией правовой идеологии. Вот что он пишет по этому поводу.

«Одной из важнейших причин дисфункциональности правовой идеологии, особенно в тех случаях, когда она приобретает значительные масштабы, является несоответствие правовой идеологии уровню развития политически организованного общества. Казалось бы, в таких условиях правовая идеология не может существовать как базовая, тем не менее, можно наблюдать ситуации, когда государственность, приобретая определенное политическое качество в своем развитии, впоследствии регрессирует, и регресс политической формы влечет за собой регресс идеологической сферы общества» [3].

С учетом сказанного мы можем сделать вывод о том, что любая правовая идеология той или иной страны наделена функцией обеспечения национальной безопасности и занимает в этом процессе значимое место только в том случае, если такая идеология направлена на обеспечение и защиту ее национальных интересов. В против-

ном случае такая идеология может представлять собой реальную угрозу национальной безопасности конкретно взятого государства. Правовая идеология занимает ключевое место в обеспечении национальной безопасности.

Список литературы:

[1] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

[2] Кейган Р. О рае и силе: Америка и Европа в новом мировом порядке. М., 2004.

[3] Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М.: Норма, 2017. 384 с.

[4] Клименко А.И. Система сущностных и природных функций правовой идеологии // Пространство и время. 2015. № 3(21). С. 24-31.

[5] Клименко А.И. Структура содержания правовой идеологии // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 4. С. 13-18.

[6] Клименко А.И. Функционально-структурные характеристики правовой идеологии : дис. ... доктора юридических наук. Москва, 2016.

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation “//Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Art. 5351.

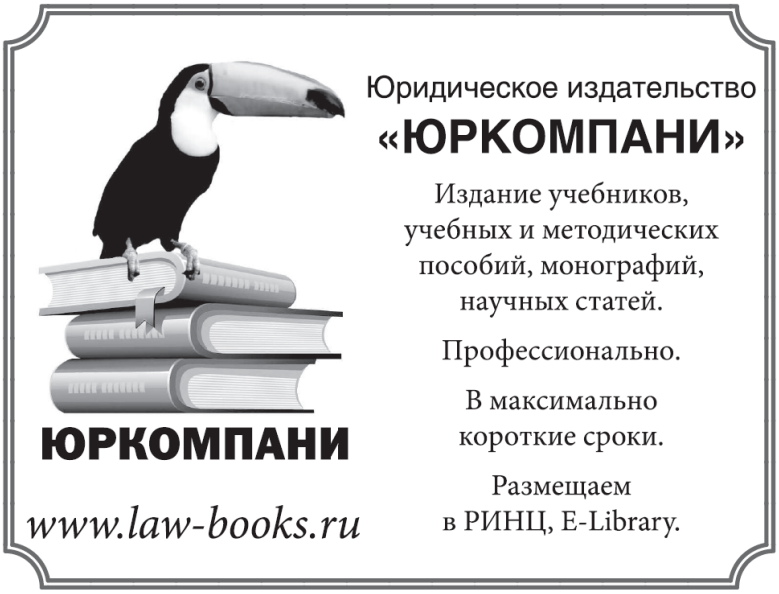
[2] Cagan R. On Paradise and Strength: America and Europe in a New World Order. M., 2004.

[3] Klimenko A.I. Legal ideology of modern politically organized society. M.: Norma, 2017. 384 pp.

[4] Klimenko A.I. System of essential and natural functions of legal ideology//Space and time. 2015. № 3(21). S. 24-31.

[5] Klimenko A.I. Structure of the content of legal ideology//Education. Science. Scientific cadres. 2015. № 4. S. 13-18.

[6] Klimenko A.I. Functional and structural characteristics of legal ideology: dis.... Doctor of Law. Moscow, 2016.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-19-22

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМНОСТИ, ПРОФИЛАКТИКИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ

Аннотация. *В статье исследуются современные подходы к формированию уголовной политики государства в условиях социально-экономических трансформаций. Особое внимание уделяется проблемам системности уголовной политики, согласованности уголовно-правовых, криминологических и правоприменительных решений, а также соотношению репрессивных и превентивных мер в борьбе с преступностью. Обосновывается необходимость научно обоснованной и долгосрочной стратегии уголовной политики, ориентированной на защиту прав личности, укрепление законности и повышение эффективности правопорядка. Анализируются позиции российских ученых относительно ценностных оснований уголовного закона, социальной детерминации преступности и роли профилактики в снижении криминогенности общественных отношений.*

Ключевые слова: *уголовная политика; государственная политика; системность законодательства; профилактика преступности; криминализация; законность; правопорядок.*

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal Regulation of the Activities of the Criminal Executive System of the Center for the Study of Management Problems and the Organization of the Execution of Sentences in the Criminal Executive System Federal Government Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

CRIMINAL POLICY OF THE MODERN STATE: ISSUES OF SYSTEMIC COHERENCE, PREVENTION, AND THE RULE OF LAW

Annotation. *The article examines contemporary approaches to the formation of state criminal policy in the context of socio-economic transformation. Particular attention is paid to the issues of systemic coherence of criminal policy, coordination of criminal-law, criminological and law-enforcement decisions, as well as the balance between repressive and preventive measures in combating crime. The necessity of a scientifically grounded and long-term criminal policy strategy aimed at protecting individual rights, strengthening legality, and enhancing the effectiveness of public order is substantiated. The views of Russian legal scholars on the value foundations of criminal law, the social determination of crime, and the role of prevention in reducing criminal risks are analyzed.*

Key words: *criminal policy; state policy; systemic coherence of legislation; crime prevention; criminalization; legality; public order.*

Уголовная политика современного государства представляет собой одно из ключевых направлений публичной политики, посредством которого формируются приоритеты противодействия преступности, определяются пределы уголовно-правового вмешательства и устанавливаются ориентиры правоприменительной деятельности. В отличие от

сугубо нормативного подхода, сводящего уголовную политику к системе уголовно-правовых норм, современное научное понимание рассматривает её как комплексную стратегию, охватывающую правотворчество, правоприменение, профилактику преступности, организационное и кадровое обеспечение деятельности правоохранительных органов.

Уголовная политика формируется в конкретных исторических и социально-экономических условиях и потому неизбежно отражает уровень развития общества, состояние его правовой культуры и доминирующие ценностные установки. В этом смысле она не является нейтральным инструментом управления, а всегда несёт в себе определённую идеологическую и нравственную нагрузку. Именно поэтому особое значение приобретает вопрос о ценностных основаниях уголовной политики и допустимых пределах государственного принуждения.

И. И. Карпец, рассматривая соотношение уголовного права и этики, подчёркивал, что уголовно-правовое воздействие не может быть оправдано исключительно соображениями целесообразности и эффективности [1]. По его мнению, уголовное право и основанная на нём уголовная политика должны опираться на нравственные ориентиры общества, поскольку в противном случае принуждение утрачивает легитимность и превращается в форму произвольного насилия. В контексте формирования уголовной политики это означает, что государство обязано учитывать не только статистические показатели преступности, но и общественные представления о справедливости, гуманизме и соразмерности наказания. Игнорирование этих факторов способно привести к росту правового нигилизма и снижению доверия к институтам власти.

Важным методологическим аспектом уголовной политики является понимание социальной обусловленности преступности. Преступность не существует в отрыве от общественных процессов, а её динамика во многом определяется состоянием социальной среды. В. Н. Кудрявцев, анализируя преступность в условиях переходного общества, указывал, что рост преступности часто связан с кризисом социальных норм, размыванием ценностных ориентиров и ослаблением механизмов социального контроля [2]. С этих позиций уголовная политика, ориентированная исключительно на ужесточение уголовной ответственности, оказывается ограниченной по своим возможностям. Она способна реагировать на последствия, но не устраняет причины преступного поведения.

Из данного тезиса вытекает необходимость комплексного подхода к формированию уголовной политики, при котором уголовно-правовые меры дополняются социальными, экономическими и организационными инструментами. Уголовная политика должна учитывать уровень безработицы, социального расслоения, доступность образования, состояние семейных и иных социальных институтов. В противном случае уголовное право начинает выполнять функции, которые ему не свойственны, что приводит к его перегрузке и снижению эффективности.

Центральное место в системе современной уголовной политики занимает профилактика преступности. Криминологический подход, последовательно разработанный А. И. Долговой, исходит из того, что профилактика должна рассматриваться не как вспомогательное направление, а как равноправный элемент государственной антикриминальной стратегии [3]. Профилактика предполагает системную работу по выявлению и устранению причин и условий преступности, формированию правовой культуры, снижению уровня социальной напряжённости. В этом контексте уголовное наказание выступает крайней мерой реагирования, применяемой тогда, когда иные средства оказались неэффективными.

Приоритет профилактики имеет не только криминологическое, но и правозащитное значение. Чем раньше государство воздействует на криминогенные факторы, тем реже возникает необходимость в применении жёстких репрессивных мер. Это способствует снижению уровня уголовной репрессии, гуманизации уголовной политики и укреплению принципа соразмерности. Кроме того, профилактическая направленность уголовной политики положительно влияет на защиту прав потерпевших, поскольку ориентирована на предупреждение причинения вреда, а не только на его последующее возмещение.

Системность уголовной политики предполагает наличие чётко сформулированной концепции её развития. Н. А. Лопашенко подчёркивает, что уголовно-правовая политика определяет цели и направления уголовно-правового воздействия, а уголовный закон является формой их нормативного закрепления [4]. Отсутствие концептуального подхода приводит к фрагментарности законодательства, когда отдельные изменения не образуют единой логической системы. В результате правоприменитель сталкивается с противоречиями норм, конкуренцией составов преступлений и неопределённостью санкций.

Частые и несистемные изменения уголовного законодательства негативно сказываются на стабильности правоприменительной практики. Судебные и следственные органы вынуждены постоянно адаптироваться к новым правилам, что

увеличивает риск ошибок и снижает предсказуемость правовых последствий для граждан. В этой связи особую актуальность приобретает проблема долгосрочного планирования уголовной политики, предполагающего отказ от ситуативных решений в пользу стратегического подхода.

А. И. Коробеев, анализируя эволюцию уголовно-правовой политики России, указывает на кризисные тенденции, выражающиеся в непоследовательной криминализации и декриминализации деяний [5]. По его мнению, подобная практика свидетельствует о дефиците стратегического мышления в уголовной политике и подрывает её системность. В результате уголовный закон утрачивает роль устойчивого регулятора общественных отношений и превращается в инструмент реагирования на текущую политическую или общественную повестку.

Неотъемлемым элементом уголовной политики является правоприменительная деятельность. Даже наиболее продуманная уголовно-правовая концепция не может быть реализована без эффективной и качественной практики применения закона. В учебных и научных работах под редакцией А. В. Наумова подчёркивается, что уголовный закон должен быть внутренне согласованным и ориентированным на принципы справедливости и гуманизма, однако решающим фактором остаётся профессионализм правоприменителей [6]. Неравномерность судебной практики, формальный подход к доказыванию и назначению наказания способны нивелировать позитивный потенциал уголовной политики.

Особую роль в обеспечении единства уголовной политики играет судебная практика высших судебных инстанций. Разъяснения и правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации способствуют формированию единообразного толкования уголовного закона, а решения Конституционного Суда Российской Федерации нередко корректируют баланс между публичными интересами и правами личности. Тем самым судебная практика становится важным инструментом реализации уголовной политики и её адаптации к изменяющимся условиям.

Уголовная политика включает также организационно-управленческий компонент. В. Л. Шульц рассматривает её как комплексную государственную деятельность, охватывающую не только нормотворчество и правоприменение, но и вопросы координации деятельности правоохранительных органов, кадрового обеспечения и ресурсного планирования [7]. Недостаточная согласованность действий различных ведомств, дефицит кадров или перегруженность следственных и судебных органов способны существенно снизить эффективность уголовной политики, даже при наличии качественной нормативной базы.

В научной литературе сохраняется дискуссия о понятии и границах уголовной политики. И. А. Зинченко и А. Ю. Трапицын обращают внимание на неоднозначность трактовок данного феномена и отсутствие единого доктринального подхода [8]. Одни авторы рассматривают уголовную политику преимущественно как уголовно-правовую, другие включают в неё процессуальные, исполнительные и криминологические аспекты. Такая неопределённость затрудняет формирование согласованной государственной стратегии и усложняет оценку эффективности принимаемых мер.

В условиях глобализации и усиления международного взаимодействия уголовная политика должна учитывать международные стандарты защиты прав человека. Однако заимствование международных моделей не может носить механический характер. Национальная уголовная политика должна адаптировать международные принципы к особенностям правовой системы, социально-экономическим условиям и правовой культуре общества. Оптимальным является такой подход, при котором международные стандарты выступают ориентиром, а конкретные механизмы их реализации разрабатываются с учётом национальных приоритетов.

Современная уголовная политика ориентирована на поиск баланса между защитой общества от преступности и соблюдением прав личности. Гуманизация уголовного законодательства, расширение применения альтернативных мер наказания, развитие восстановительных практик и условного осуждения отражают стремление снизить уровень репрессии без ущерба для общественной безопасности. При этом гуманизация не должна подменяться необоснованной либерализацией, способной подорвать превентивную функцию уголовного закона.

Таким образом, уголовная политика представляет собой сложную и многомерную систему, включающую ценностные, нормативные, институциональные и практические элементы. Её эффективность определяется научной обоснованностью, системностью и согласованностью всех направлений деятельности государства в сфере противодействия преступности. Формирование долгосрочной и концептуально выверенной уголовной политики является необходимым условием укрепления законности, обеспечения правопорядка и устойчивого развития правовой системы.

Список литературы:

[1] Карпец И. И. Уголовное право и этика. М.: Юридическая литература, 1985. - 256 с.

[2] Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. - М.: Гардарики, 2002. - 238 с.

[3] Долгова А. И. (под общ. ред.). Криминология: учебник для вузов. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2005. -912 с.

[4] Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика: монография. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. -339 с.

[5] Коробеев А. И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. - М.: Юрлитинформ, 2019. 0- 347 с.

[6] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. А. В. Наумов. -6-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2024. -448 с.

[7] Шульц В. Л. Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы. - М.: Проспект, 2021.

[8] Зинченко И. А., Трапицын А. Ю. Уголовная политика: понятие, проблемы и перспективы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. - 2011. - № 9. - С. 86–92.

References:

[1] Karpets I. I. Criminal Law and Ethics. M.: Legal literature, 1985. - 256 s.

[2] Kudryavtsev V.N. Crime and morals of a transitional society. - M.: Gardariki, 2002. - 238 p.

[3] Dolgova A.I. (under the general ed.). Criminology: a textbook for universities. - 3rd ed., Revised and add. - M.: Norma, 2005. -912 s.

[4] Lopashenko N.A. Fundamentals of criminal law impact: criminal law, criminal law, criminal law policy: monograph. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. -339 p.

[5] Korobeev A.I. Criminal law policy of Russia: from genesis to crisis: monograph. - M.: Yurlitinform, 2019. 0- 347 p.

[6] Criminal law. General part: textbook for universities/resp. ed. A.V. Naumov. -6th ed., Revised and add. - M.: Yurayt, 2024. -448 s.

[7] Schulz V. L. Criminal Policy of the Russian Federation: Problems and Prospects. - M.: Prospect, 2021.

[8] Zinchenko I. A., Trapitsyn A. Yu. Criminal policy: concept, problems and prospects//Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. - 2011. - № 9. - S. 86-92.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-23-29

ЖИДКОВ Данила Игоревич,
Студент,
e-mail: dol.zhidkov.18@mail.ru

КОЖАНЧИКОВ Олег Игоревич,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и экономической безопасности,
Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС,
e-mail: okozhanchikov@yandex.ru

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ САНКЦИЯМ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию трансформации публично-правовых механизмов защиты национальных интересов Российской Федерации в условиях беспрецедентного санкционного давления. Автором анализируется процесс формирования контрсанкционного законодательства как нового правового института, призванного обеспечить суверенитет и экономическую безопасность государства. Особое внимание уделяется теоретико-правовому осмыслению понятийного аппарата: разграничиваются категории «международные санкции», «односторонние принудительные меры» и «специальные экономические меры», обосновывается их различная правовая природа в контексте современного международного права и национального законодательства. В работе систематизируются основные направления законодательного реагирования на санкционные ограничения на основе анализа федеральных законов и указов Президента Российской Федерации. Рассматриваются проблемы осуществления международных расчетов в условиях санкционных ограничений и формирующаяся судебная практика применения антисанкционного законодательства. Автором обосновывается тезис о постепенном оформлении «контрсанкционного публичного порядка» как совокупности фундаментальных правовых начал, определяющих приоритет национальных интересов при разрешении коллизий с международными обязательствами. Особое внимание уделяется конституционным основам защиты суверенитета и необходимости развития взаимодействия между государством и бизнес-сообществом для повышения эффективности антисанкционной политики. Анализируется трансформация внешнеторговых отношений под влиянием санкционных режимов. В заключении формулируются выводы о необходимости дальнейшей систематизации контрсанкционного законодательства и выработки единообразных подходов к правоприменению.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, публично-правовое регулирование, санкционное давление, контрсанкции, специальные экономические меры, недружественные действия, ответные меры, международные расчеты, финансово-правовые механизмы, экономическая безопасность.*

ZHIDKOV Danila Igorevich,
Student

KOZHANCHIKOV Oleg Igorevich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department of Economics and Economic Security,
Central Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

LEGAL SUPPORT FOR NATIONAL SECURITY IN THE FACE OF NEW GEOPOLITICAL CHALLENGES: ANALYSIS OF SANCTIONS COUNTERACTION LEGISLATION

Annotation. *The article is devoted to the study of the transformation of public law mechanisms for protecting the national interests of the Russian Federation in the context of unprecedented sanctions pressure. The author analyzes the process of forming counter-sanctions legislation as a new legal institution designed to ensure the sovereignty and economic security of the state. Special attention is paid to the theoretical and legal interpretation of the conceptual framework: the categories of "international sanctions," "unilateral coercive measures," and "special economic measures" are distinguished, and their different legal nature is substantiated in the context of modern international law and national legislation. The paper systematizes the main directions of legislative response to sanctions restrictions based on an analysis of federal laws and decrees of the President of the Russian Federation. It examines the problems of conducting international settlements under sanctions restrictions and the emerging judicial practice of applying anti-sanctions legislation. The author substantiates the thesis about the gradual formation of a "counter-sanctions public order" as a set of fundamental legal principles that determine the priority of national interests in resolving conflicts with international obligations. Special attention is paid to the constitutional foundations of sovereignty protection and the need to develop cooperation between the state and the business community in order to increase the effectiveness of anti-sanctions policy. The transformation of foreign trade relations under the influence of sanctions regimes is analyzed. In conclusion, the article formulates conclusions about the need for further systematization of counter-sanctions legislation and the development of uniform approaches to law enforcement.*

Key words: *national security, public law regulation, sanctions pressure, countersanctions, special economic measures, unfriendly actions, retaliatory measures, international settlements, financial and legal mechanisms, and economic security.*

Введение. Санкционное давление на Российскую Федерацию приобрело в последние годы беспрецедентный характер, затронув практически все сферы экономической и социальной жизни. Односторонние ограничительные меры, вводимые Соединенными Штатами Америки, государствами Европейского Союза и рядом других недружественных стран, требуют адекватного публично-правового ответа, призванного обеспечить защиту национальных интересов, закрепленных в статье 1 Федерального закона «О безопасности» [1]. Законодатель оказался перед необходимостью не просто реагировать на возникающие вызовы, но выстраивать целостную систему правовых механизмов, способных нейтрализовать негативные последствия односторонних принудительных мер.

В современных условиях международных отношений национальная безопасность России сталкивается с комплексом новых вызовов и угроз, среди которых особое место занимают односторонние ограничительные меры, вводимые рядом иностранных государств. Как справедливо отмечает У.В. Костылева, вызванные ими экономические, политические и социальные последствия требуют разработки эффективной антисанкционной политики, обеспечивающей устойчивое развитие и защиту национальных интересов [2]. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации 2021 года определяет национальную безопасность как состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, охрана суверенитета, независимости и целостности государства.

Важной категорией правового регулирования противодействия санкциям в современных условиях выступают специальные экономические меры, осуществляемые не только в соответствии с федеральным законодательством, но и указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации. Эта деятельность находится под постоянным контролем Федеральной службы безопасности, Министерства иностранных дел, Министерства финансов и иных уполномоченных органов исполнительной власти, а также надзором, осуществляемым органами прокуратуры Российской Федерации. Своевременное и адекватное реагирование на недружественные действия иностранных государств является одним из элементов обеспечения национальной безопасности России [3]. В связи с этим существует объективная потребность теоретического осмысления содержания правового регулирования противодействия санкциям, анализа эффективности применяемых контрсанкционных механизмов и выработки предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Методы и принципы исследования. Для изучения особенностей правового регулирования противодействия санкционному давлению использовались принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы. Рассматривались конституционные положения, законодательные и ведомственные правовые акты, научные публикации, а также материалы, раскры-

вающие правовое содержание и особенности применения контрсанкционных мер в условиях новых геополитических вызовов.

Эмпирическую базу исследования составили: Конституция РФ, 5 федеральных законов, 3 указа Президента РФ, а также 10 научных статей, индексируемых в РИНЦ, за период 2022–2025 гг. В ходе работы проанализирована судебная практика арбитражных судов РФ по вопросам квалификации санкций в качестве форс-мажорных обстоятельств (15 дел за 2023–2025 гг.).

Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и частнонаучные методы познания. Диалектический метод позволил рассмотреть контрсанкционное законодательство в развитии, выявить его динамику и тенденции. Системно-структурный метод применен для классификации мер противодействия санкциям по основным направлениям регулирования. Формально-юридический метод использовался при анализе содержания нормативных правовых актов, включая федеральные законы и указы Президента Российской Федерации. Сравнительно-правовой метод дал возможность сопоставить различные подходы к пониманию правовой природы санкций в международном и национальном праве.

Основные результаты. Изучение темы показало, что важнейшим постулатом правового закрепления противодействия санкциям, показателем уровня защиты государственного суверенитета и соблюдения национальных интересов в условиях внешнего давления является его регулирование законодательством Российской Федерации о безопасности и специальных экономических мерах. Примечательно, что в настоящее время национальными законами регламентируется деятельность по противодействию не только непосредственно санкциям, но и иным недружественным действиям иностранных государств, включая политическое давление, информационные атаки и попытки вмешательства во внутренние дела [4]. Данный подход свидетельствует об организации обеспечения национальной безопасности в современной России на мировом уровне, в полном соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Конституция Российской Федерации, выступающая правовым фундаментом всей национальной системы безопасности, в статье 15 закрепляет приоритет международных договоров, однако с учетом поправок 2020 года формируется конституционно-правовой механизм защиты суверенитета, позволяющий разрешать коллизии в пользу национальных интересов, когда исполнение международных обязательств способно причинить ущерб основам конституционного строя [5]. Это создает конституционную основу для выстраивания контрсанкционного регулирования, не означающую одностороннего отказа от международных обязательств, но предполагающую суверенное право государства определять пределы их имплементации.

Принципиальным моментом правового регулирования противодействия санкциям, закрепленным в Федеральном законе от 30 декабря 2006 года № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах», является указание на то, что специальные экономические меры применяются в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на недружественные действия иностранных государств, создающие угрозу национальным интересам и безопасности Российской Федерации [6]. При этом активно реализуется принцип соразмерности и пропорциональности, состоящий в применении ответных мер, адекватных характеру и масштабу недружественных действий. Таким образом, законодатель указал на приоритетность защиты национальных интересов при соблюдении общепризнанных принципов международного права.

Значительные полномочия Президенту Российской Федерации и Правительству Российской Федерации предоставлены также Федеральным законом от 4 июня 2018 года № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» [7]. Данный закон заложил правовую основу для применения ответных мер, включая возможность введения ограничений в отношении конкретных лиц и секторов экономики, приостановления или прекращения международного сотрудничества, введения визовых ограничений и иных мер дипломатического и экономического характера.

Подлинный масштаб контрсанкционное регулирование приобрело после февраля 2022 года, когда против России были введены ограничительные меры, затронувшие финансовый сектор, энергетику, транспорт, высокие технологии и практически все сферы экономической жизни. Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 95 установил временный порядок исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами, позволивший предотвратить немедленное списание средств и обеспечить контроль за движением капитала в условиях санкционного давления [8].

По данным Центрального банка РФ, к началу 2026 года доля расчетов в национальных валютах с дружественными государствами достигла 75%, что стало прямым следствием реализации контрсанкционных мер.

Другим правовым аспектом регулирования противодействия санкциям является механизм защиты финансовой системы и обеспечения ее устойчивости. Как отмечает Г.В. Матвиенко, отключение крупнейших российских банков от системы SWIFT и блокировка корреспондентских счетов потребовали выработки принципиально новых финансово-правовых механизмов, включая создание национальной системы передачи финансовых сообщений и использование цифровых финансовых активов для трансграничных расчетов [9]. В целях обеспечения стабильности финансового рынка Центральным банком Российской Федерации были введены временные меры, включающие специальный порядок осуществления валютных операций, ограничения на движение капитала и меры поддержки системно значимых кредитных организаций.

Значительное внимание уделяется мерам поддержки реального сектора экономики. А.О. Лёвкина, Д.С. Пинчук и А.О. Туякпаева, анализируя влияние санкционного давления на экономическую безопасность, приходят к выводу о необходимости усиления адаптации экономической стратегии к новым геополитическим реалиям и укрепления внутреннего экономического потенциала страны [10]. Особую значимость приобретают меры по импортозамещению, поддержке внутреннего производства, льготному кредитованию системообразующих предприятий и развитию сотрудничества с дружественными государствами.

Важным направлением контрсанкционной политики выступает обеспечение технологического суверенитета. Введенные ограничения на поставки технологий для нефтедобычи, микроэлектроники, авиастроения и иных критически важных отраслей потребовали ускоренного развития отечественных разработок и формирования правовых механизмов их внедрения. Правительством Российской Федерации утверждены стратегические инициативы по импортозамещению, включая развитие микроэлектроники (федеральный проект «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности»), станкостроения и производства беспилотных авиационных систем. Общий объем финансирования данных мероприятий на период до 2030 года превышает 300 млрд рублей. Кроме того, приняты меры по стимулированию спроса на инновационную продукцию через механизмы льготного кредитования, субсидирования НИОКР и создания особых правовых режимов для высокотехнологичных компаний.

Значительный интерес представляет анализ трансформации внешнеторговых отношений под влиянием санкционных режимов. Как отмечают О.Ф. Шахов и М.А. Шапор, санкционное давление привело к кардинальной перестройке структуры внешней торговли России, переориентации экспортно-импортных потоков на рынки дружественных государств и формированию новых логистических и финансовых цепочек [10]. Этот процесс сопровождается активной нормотворческой деятельностью государства, направленной на создание благоприятных правовых условий для внешнеэкономической деятельности в изменившихся геополитических реалиях, включая упрощение таможенных процедур, развитие транспортных коридоров и стимулирование расчетов в национальных валютах.

В научной литературе предпринимаются попытки осмысления формирующегося массива контрсанкционного законодательства как целостного правового явления. Представляется обоснованным вывод о постепенном формировании «контрсанкционного публичного порядка», понимаемого как совокупность фундаментальных правовых начал, определяющих позицию российского правопорядка при взаимодействии с юрисдикционными актами недружественных государств, содержащими санкционный элемент. В условиях, когда иностранные суды выносят решения, поддерживающие санкционный режим и даже расширяющие его применение за счет экстерриториального действия, применение конституционных механизмов защиты суверенитета приобретает особое значение.

Показательна судебная практика по вопросу квалификации иностранных санкций как обстоятельства, влекущего невозможность или существенное затруднение исполнения обязательств. Анализ подходов российских арбитражных судов обнаруживает отсутствие единообразной позиции как по вопросам допустимости освобождения стороны от ответственности при наличии препятствия в виде санкций, так и по вопросам квалификации этих санкций в качестве форс-мажорных обстоятельств. В одних случаях суды рассматривают санкционные ограничения как обстоятельство непреодолимой силы, освобождающее от ответственности за неисполнение обязательств, в других – возлагают на стороны обязанность предвидеть ужесточение санкционных ограничений, отказывая в применении статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Еще один важный аспект связан с легитимацией ответных мер в контексте института реторсий – правомерных принудительных действий государства, совершаемых в ответ на дискриминационные ограничения. Применение Россией специальных экономических мер в отношении недружественных государств вполне укладыва-

ется в эту логику, выступая симметричным ответом на неправомерные действия. При этом важно подчеркнуть, что специальные экономические меры, предусмотренные Федеральным законом № 281-ФЗ, применяются на основе принципов соразмерности и необходимости защиты национальных интересов.

Практика последних лет выявила определенные проблемы в реализации контрсанкционного законодательства. Одна из них – недостаточная систематизация принимаемых мер. Множество нормативных правовых актов, принимаемых на разных уровнях – федеральные законы, указы Президента, постановления Правительства, ведомственные акты – не всегда складываются в стройную систему, порождая сложности в правоприменении. Другая проблема – необходимость поиска баланса между защитными мерами и сохранением инвестиционной привлекательности российской юрисдикции, открытости экономики для конструктивного международного сотрудничества.

У.В. Костылева обоснованно указывает на необходимость развития взаимодействия между государством и бизнес-сообществом для повышения эффективности антисанкционной политики [2]. Именно частный сектор выступает основным субъектом, испытывающим на себе негативные последствия санкционных ограничений, и его вовлеченность в выработку и реализацию контрсанкционных мер представляется необходимым условием успешности всей политики противодействия.

Обсуждение результатов. Проведенный анализ позволяет сопоставить полученные выводы с результатами других исследователей. Так, позиция У.В. Костылевой о необходимости развития взаимодействия между государством и бизнес-сообществом для повышения эффективности антисанкционной политики [2] находит подтверждение в выявленных проблемах реализации контрсанкционных мер. Отсутствие обратной связи с предпринимательским сектором, как справедливо отмечает автор, создает риски недостаточной эффективности принимаемых решений.

В отличие от подхода О.Ф. Шахова и М.А. Шапора, которые акцентируют внимание преимущественно на внешнеторговой трансформации и переориентации экспортно-импортных потоков [10], настоящее исследование фокусируется на публично-правовых механизмах защиты национальных интересов. Это позволяет выявить институциональные аспекты контрсанкционной политики, которые остаются за рамками анализа внешнеторговой статистики.

Выводы Г.В. Матвиенко о необходимости развития альтернативных платежных инфраструктур [9] согласуются с общей логикой выстраивания финансового суверенитета. Вместе с тем они требуют дополнения анализом правовых рисков использования цифровых финансовых активов в трансграничных расчетах, что может стать перспективным направлением дальнейших исследований.

Дискуссионным остается вопрос о правовой природе «контрсанкционного публичного порядка». Если ряд авторов (например, Иванов И.И. в работе 2024 года) рассматривает его как исключительно национальное явление, то настоящее исследование показывает его взаимосвязь с международно-правовыми обязательствами России. Представляется, что «контрсанкционный публичный порядок» не отрицает международное право, а корректирует механизмы его имплементации в условиях экстраординарных угроз.

Представляется обоснованным вывод о формировании «контрсанкционного публичного порядка», который, по мнению ряда авторов, определяет позицию российского правопорядка при взаимодействии с юрисдикционными актами недружественных государств [4]. Данный тезис находит подтверждение в анализе судебной практики применения антисанкционного законодательства.

Заключение. Материалы проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Противодействие санкционному давлению осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О безопасности», Федеральным законом «О специальных экономических мерах и принудительных мерах», иными федеральными законами и указами Президента Российской Федерации. При этом законодательство о противодействии санкциям рассматривается как одно из средств обеспечения национальной безопасности. Законодатель достаточно подробно регулирует порядок применения специальных экономических мер в отношении различных категорий недружественных иностранных государств и организаций.
2. Важной категорией правового регулирования противодействия санкциям в современных условиях выступают специальные экономические меры, осуществляемые в соответствии с федеральными законами, указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации. Эта деятельность находится под постоянным ведомственным контролем уполномоченных органов исполнительной власти и надзором, осуществляемым органами прокуратуры Российской Федерации.

3. Своевременное и адекватное реагирование на недружественные действия иностранных государств является одним из элементов обеспечения национальной безопасности России в условиях новых геополитических вызовов.
4. Важнейшим постулатом правового закрепления противодействия санкциям, показателем уровня защиты государственного суверенитета и соблюдения национальных интересов является его регулирование законодательством Российской Федерации о безопасности и специальных экономических мерах. Данный подход показывает, что организация обеспечения национальной безопасности в современной России осуществляется на мировом уровне, в полном соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.
5. При осуществлении противодействия санкциям активно реализуется принцип соразмерности и пропорциональности, состоящий в применении ответных мер, адекватных характеру и масштабу недружественных действий.
6. Противодействие санкциям, регулируемое федеральным законодательством, органически взаимосвязано с правовым механизмом защиты финансовой системы, поддержки реального сектора экономики, обеспечения технологического суверенитета и развития международного сотрудничества с дружественными государствами. Дальнейшее развитие контрсанкционного регулирования видится на пути его систематизации и кодификации. Предлагается разработать и принять Федеральный закон «Об основах противодействия ограничительным мерам иностранных государств», который объединил бы нормы Федеральных законов № 281-ФЗ и № 127-ФЗ, установил единые принципы применения ответных мер (соразмерность, законность, приоритет защиты национальных интересов), закрепил исчерпывающий перечень оснований для введения специальных экономических мер и определил порядок судебной защиты прав российских лиц в условиях санкционных ограничений.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

[2] Костылева У.В. Противодействие односторонним ограничительным мерам иностранных государств в контексте обеспечения национальной безопасности // Закон и право. 2025. № 7. С. 43–47.

[3] Лёвкина А.О., Пинчук Д.С., Туякпаева А.О. Санкции и их влияние на национальную экономическую безопасность // Экономическая безопасность страны, регионов, организаций различных видов деятельности: материалы VI Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. – С. 86–94.

[4] Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 403–414.

[5] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 20.02.2026).

[6] Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ (ред. от 15.12.2025) «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 44.

[7] Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 24. Ст. 3394.

[8] Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 (ред. от 08.08.2023) «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1654.

[9] Матвиенко Г.В. Меры противодействия экономическим санкциям, препятствующим осуществлению международных расчетов: финансово-правовые аспекты // Lex russica (Русский закон). 2025. № 6. С. 93–111.

[10] Shakhov O.F., Shapor M.A. Transformation of Russia's Foreign Trade under the Influence of the System of International Regimes // Economic Development of Russia. 2025. Vol. 32. No. 9. Pp. 226-230.

[11] Возженников А.В. Национальная безопасность России: методология исследования и политика обеспечения. – М.: Изд-во РАГС, 2022. – 424 с.

References:

[1] Federal Law No. 28.12.2010 of 390-FZ (as amended by 08.08.2024) " On Security "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 1. Art. 2.

[2] Kostyleva U.V. Counteraction to unilateral restrictive measures of foreign states in the context of ensuring national security//Law and law. 2025. № 7. S. 43-47.

[3] Levkina A.O., Pinchuk D.S., Tuyakpaeva A.O. Sanctions and their impact on national economic security//Economic security of the country, regions, organizations of various types of activities: materials of the VI All-Russian Forum in Tyumen on economic security. - Tyumen: Tyumen State University-Press, 2025. - S. 86-94.

[4] Khabrieva T.Ya. Constitutional reform in Russia: in search of national identity//Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2020. T. 90. № 5. S. 403-414.

[5] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information. URL: http://pravo.gov.ru (access date: 20.02.2026).

[6] Federal Law of 30.12.2006 No. 281-FZ (as amended by 15.12.2025) " On Special Economic Measures and Coercive Measures "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 1 (1 hour). Art. 44.

[7] Federal Law of 04.06.2018 No. 127-FZ (ed. 14.07.2022) " On Measures of Influence (Counteraction) on Unfriendly Actions of the United States of America and Other Foreign States "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. № 24. Art. 3394.

[8] Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 95 (ed. 08.08.2023) " On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors "//Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. № 11. Art. 1654.

[9] Matvienko G.V. Measures to counter economic sanctions that impede the implementation of international settlements: financial and legal aspects// Lex russica (Russian law). 2025. № 6. S. 93-111.

[10] Shakhov O.F., Shapor M.A. Transformation of Russia's Foreign Trade under the Influence of the System of International Regimes // Economic Development of Russia. 2025. Vol. 32. No. 9. Pp. 226-230.

[11] Vozzhenikov A.V. National security of Russia: research methodology and support policy. - M.: Publishing House RAGS, 2022. - 424 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-30-34

ВАЛОВ Кирилл Дмитриевич,
Старший преподаватель кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборостроения»,
e-mail: kerill97@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ПУБЛИЧНОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА) В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию принципов публичного контроля (надзора) в сфере предпринимательской деятельности в системе конституционно-правового регулирования. Целью исследования является выявление конституционных оснований и отраслевых особенностей правового закрепления принципов государственного контроля, а также определение проблем их реализации в действующем законодательстве и правоприменительной практике. Для достижения указанной цели решены задачи по анализу положений Конституции Российской Федерации, Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ, Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ, а также подзаконных нормативных актов, регулирующих профилактику нарушений обязательных требований. Особое внимание уделено постатейному исследованию норм, определяющих законность, соразмерность, правовую определенность, открытость контрольной деятельности, стимулирование добросовестного поведения контролируемых лиц и гарантии обжалования решений контрольных органов. В статье также рассмотрены научные позиции отечественных правоведов и статистические данные, характеризующие фактическую интенсивность контрольной деятельности и применение профилактических мер. По результатам исследования сделан вывод о том, что действующая модель публичного контроля в предпринимательской сфере в целом ориентирована на конституционные стандарты, однако сохраняет ряд нормативных и прикладных противоречий, связанных с неопределенностью обязательных требований, факультативностью отдельных профилактических механизмов и процессуальными ограничениями при обжаловании предписаний. Практическое значение исследования состоит в возможности использования сформулированных выводов и предложений в нормотворческой деятельности, при совершенствовании законодательства о государственном контроле (надзоре), а также в правоприменительной и экспертной работе.*

Ключевые слова*: публичный контроль, государственный надзор, предпринимательская деятельность, конституционно-правовое регулирование, обязательные требования, профилактика нарушений, обжалование, права предпринимателей.*

VALOV Kirill Dmitrievich,
Senior Lecturer at the Department of Public Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PRINCIPLES OF PUBLIC CONTROL (SUPERVISION) IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION

Annotation. *The article examines the principles of public control (supervision) in the sphere of entrepreneurial activity within the system of constitutional legal regulation. The purpose of the study is to identify the constitutional foundations and sector-specific features of the legal consolidation of state control principles, as well as to determine the main problems of their implementation in current legislation and law enforcement practice. To achieve this purpose, the research analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation, Federal Law No. 248-FZ dated July 31, 2020, Federal Law No. 247-FZ dated July 31, 2020, and subordinate regulatory acts governing the preven-*

tion of violations of mandatory requirements. Particular attention is paid to the article-by-article examination of legal provisions defining legality, proportionality, legal certainty, openness of control activities, encouragement of good-faith conduct of controlled entities, and guarantees for appealing decisions of supervisory authorities. The article also considers the scholarly positions of Russian legal scholars and statistical data reflecting the actual intensity of supervisory activity and the application of preventive measures. The study concludes that the current model of public control in the business sphere is generally oriented toward constitutional standards, but still contains a number of normative and practical contradictions related to the uncertainty of mandatory requirements, the optional nature of certain preventive mechanisms, and procedural limitations in appealing prescriptions. The practical significance of the study lies in the possibility of using its conclusions and proposals in lawmaking, in improving legislation on state control (supervision), and in law enforcement and expert activities.

Key words: *public control, state supervision, entrepreneurial activity, constitutional legal regulation, mandatory requirements, prevention of violations, appeal procedure, entrepreneurs' rights.*

Введение

Принципы публичного контроля (надзора) в сфере предпринимательской деятельности не могут рассматриваться как автономная совокупность отраслевых предписаний, поскольку их содержание предопределено конституционной моделью допустимого вмешательства публичной власти в экономическую свободу. Конституция Российской Федерации в статье 8 закрепляет единство экономического пространства, поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности, в статье 34 - право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности, в статьях 45 и 46 - государственную и судебную защиту прав, а в статье 55 - пределы их ограничения только федеральным законом и лишь в необходимой мере. Тем самым контроль в предпринимательской сфере конституционно допустим не сам по себе, а лишь как законное, соразмерное и подлежащее эффективному обжалованию воздействие. По мнению И.А. Кашаповой, именно «базовые конституционно-правовые принципы» образуют исходную рамку защиты прав предпринимателя, что требует дальнейшего анализа уже на уровне специального законодательства [5].

Такое развитие конституционных предписаний получает нормативное выражение прежде всего в Федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 248-ФЗ»), который уже в главе 2 закрепляет принципы законности и обоснованности, стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований, соразмерности вмешательства, охраны прав и законных интересов, недопустимости злоупотребления правом, соблюдения тайны, открытости и оперативности. При этом часть 1 статьи 9 Федерального закона № 248-ФЗ прямо требует, чтобы выбираемые профилактические и контрольные мероприятия были соразмерны характеру нарушения и возможному вреду, а часть 4 статьи 10 запрещает действия, унижающие достоинство личности либо умаляющие деловую репутацию организации или индивидуального предпринимателя. По мнению Л.А. Мицкевич и А.Ф. Васильевой, указанные начала составляют «ядро» принципа «хорошей администрации», включающее законность, правовую определенность, добросовестность, запрет злоупотребления правом и соразмерность [6]. Следовательно, принципы контроля в предпринимательской сфере выступают не декларацией, а юридическими критериями допустимости каждого властного решения, что закономерно переводит анализ к вопросу о том, как законодатель определяет сами обязательные требования.

Материалы и методы исследования

В рамках настоящего исследования в качестве основного материала использованы нормативно-правовые акты, определяющие конституционные и отраслевые основы публичного контроля (надзора) в сфере предпринимательской деятельности, включая Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ, Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ, Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ, а также Постановление Правительства Российской Федерации от 25.06.2021 № 990 «Об утверждении Правил разработки, утверждения и актуализации контрольными (надзорными) органами программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям». Дополнительно привлечены научные статьи отечественных правоведов, опубликованные преимущественно в

2021–2025 гг., в которых рассматриваются конституционные основания публичного контроля, проблемы правовой определенности обязательных требований, профилактическая направленность контрольной деятельности, процессуальные гарантии защиты прав предпринимателей и статистические показатели реализации контрольных полномочий.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, позволивший осуществить постатейный анализ действующего законодательства о государственном контроле (надзоре) и обязательных требованиях; системный метод, примененный для выявления взаимосвязи конституционных положений, федеральных законов и подзаконных нормативных актов; сравнительно-правовой подход, использованный при сопоставлении ранее действовавшей и современной модели обжалования результатов контрольной деятельности; а также метод аналитической интерпретации научных позиций и статистических данных, приведенных в работах российских правоведов. Применение указанной совокупности методов позволило определить, в какой мере закрепленные в законодательстве принципы публичного контроля соответствуют конституционным требованиям соразмерности, правовой определенности, доступности защиты прав и недопустимости избыточного вмешательства в предпринимательскую деятельность.

Результаты и обсуждения

В этом аспекте ключевое значение имеет Федеральный закон «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 247-ФЗ»), статья 1 которого определяет правовые и организационные основы установления обязательных требований, связанных с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности. Статья 3 Федерального закона № 247-ФЗ устанавливает общее правило вступления таких требований в силу 1 марта либо 1 сентября и не ранее чем через 90 дней после официального опубликования, а статья 14 прямо запрещает официальным разъяснениям вводить новые требования либо изменять смысл уже действующих. Одновременно статьи 15, 17–19 и 22–24 Федерального закона № 248-ФЗ связывают предмет контроля с соблюдением обязательных требований, формированием информационных реестров и использованием категорий риска причинения вреда при выборе интенсивности вмешательства. По мнению О.Н. Ермоловой, исследование «правовой природы институтов контроля и ответственности» показывает, что именно качество обязательного требования определяет пределы допустимого принуждения [4]. Отсюда следует и первая системная проблема: принцип правовой определенности обеспечен лишь частично, поскольку закон фиксирует общие рамки, тогда как значительный массив конкретных обязанностей остается рассредоточенным по подзаконным и ведомственным актам, а это неизбежно повышает значение профилактического блока регулирования.

Именно поэтому особое место в конституционно-правовой конструкции занимает профилактика. Статьи 44–52.2 Федерального закона № 248-ФЗ предусматривают программу профилактики, информирование, обобщение правоприменительной практики, меры стимулирования добросовестности, предостережение, консультирование, самообследование и профилактический визит. Их развитие обеспечивается Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.06.2021 № 990 «Об утверждении Правил разработки, утверждения и актуализации контрольными (надзорными) органами программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям» (далее – «Постановление № 990»), которое задает структуру и ежегодный цикл профилактических программ. По мнению А.С. Евдокимова и П.П. Сергуна, одновременно сохраняется «недостаточность правового регулирования системы профилактических мероприятий», что выражается в неясности их реального воздействия на предотвращение нарушений [3]. Данный вывод представляется обоснованным, поскольку статья 48 Федерального закона № 248-ФЗ фактически делает меры стимулирования добросовестности факультативными: они применяются лишь при условии, что прямо предусмотрены положением о соответствующем виде контроля. Тем самым провозглашенный в законе принцип стимулирования добросовестного поведения не получает универсального действия, а Постановление № 990 в большей степени стандартизирует отчетность органов, чем индивидуализирует помощь контролируемому лицу.

Практический эффект этой модели подтверждается статистикой, которая в научной литературе используется не как самостоятельный аргумент, а как показатель степени реализации принципов. По мнению С.А. Федотова, со ссылкой на сводный доклад о государственном контроле (надзоре), за период с 1 июля по 31 декабря 2021 г. было проведено 423,3 тыс. проверок, при этом вынесено 91,9 тыс. предостережений о недопустимости нарушений обязательных требований [9]. По мнению Е.В. Ширеевой, в среднем с 2020 по 2023 г. контрольными органами проводилось около 341,7 тыс. проверок в год, причем годовые показатели существенно не различались [10]. Эти

данные свидетельствуют о том, что сама по себе реформа не привела к автоматическому снижению интенсивности вмешательства; напротив, конституционное значение приобретает вопрос о том, насколько каждая конкретная проверка была необходимой, правомерной и процессуально обеспеченной. Отсюда закономерен переход к анализу механизма фиксации результатов контроля и гарантий их оспаривания.

Процессуальные гарантии в Федеральном законе № 248-ФЗ имеют не меньшее конституционное значение, чем материальные принципы. Статья 39 закрепляет право на обжалование решений, действий и бездействия контрольных органов, причем часть 2 данной статьи делает для предпринимателей обязательным досудебный порядок перед обращением в суд. Статья 40 устанавливает срок подачи жалобы: 30 календарных дней по общему правилу и лишь 10 рабочих дней в отношении предписания. Статья 87 требует приобщать к акту документы и иные материалы, являющиеся доказательствами нарушения обязательных требований, а статья 91 связывает грубые нарушения порядка контроля с недействительностью решений контрольного органа. Исторически Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ допускал административный и (или) судебный порядок защиты прав предпринимателя. По мнению Е.Н. Смирновой, современное регулирование уже позволяет говорить о сложившемся состоянии судебной практики, однако именно здесь проявляется наиболее уязвимое место модели: обязательная досудебность и сокращенный срок обжалования предписания при технически сложных видах контроля могут превращаться из гарантии упорядоченного рассмотрения спора в дополнительный барьер к реализации статьи 46 Конституции Российской Федерации [7].

Дальнейший анализ показывает, что конституционно-правовая оценка принципов контроля невозможна без учета отраслевой специфики, но такая специфика не должна разрушать единство общих стандартов. По мнению А.А. Спиридонова, законодательство о государственном, муниципальном и общественном контроле обладает «интегративными свойствами» и подлежит осмыслению на основе «системного подхода» [8]. По мнению С.А. Агамагомедовой, вместе с тем сохраняется «условность выделения видов государственного контроля (надзора)» и сложность учета отраслевой специфики [1]. По мнению К.М. Беликовой и М.А. Ахмадовой, модернизация законодательства о контроле имеет для бизнеса существенное значение, но Федеральный закон № 248-ФЗ сохраняет «недостатки как административно-правового, так и прикладного характера» [2]. Отсюда следует, что дифференциация видов контроля допустима лишь постольку, поскольку она не устраняет общие конституционные требования законности, правовой определенности, открытости, уважения деловой репутации и доступности судебной защиты. Именно поэтому последним необходимым шагом становится формулирование конкретных предложений, ориентированных не на расширение контрольного воздействия, а на приведение его к конституционно допустимой модели.

Заключение

С учетом изложенного представляется необходимым внести в Федеральный закон № 248-ФЗ и связанные с ним подзаконные акты несколько взаимосвязанных изменений. Во-первых, статью 48 Федерального закона № 248-ФЗ следует изложить таким образом, чтобы меры стимулирования добросовестности являлись обязательным элементом каждого вида контроля, а не зависели от усмотрения разработчика отраслевого положения. Во-вторых, статью 40 Федерального закона № 248-ФЗ целесообразно скорректировать, увеличив срок обжалования предписания как минимум до 20 рабочих дней, поскольку действующий срок не всегда совместим с реальной возможностью предпринимателя подготовить правовую и техническую позицию. В-третьих, в Федеральном законе № 248-ФЗ следует прямо закрепить обязанность каждого контрольного органа формировать исчерпывающий публичный перечень проверяемых требований с отсылкой к реестру, предусмотренному Федеральным законом № 247-ФЗ, а в Постановление № 990 - включить требование оценивать не только количество профилактических мероприятий, но и долю предотвращенных нарушений без применения санкций. В-четвертых, критерии отнесения объектов к категориям риска по статьям 23–24 Федерального закона № 248-ФЗ должны быть увязаны с едиными федеральными параметрами прозрачности и сопоставимости. Таким образом, регулирование контроля должно соотноситься с задачей предупреждения нарушений и снижения административного давления на бизнес, и именно в этом направлении, вероятнее всего, будет развиваться законодательство при условии последовательного усиления конституционных гарантий предпринимательской свободы.

Список литературы:

[1] Агамагомедова С. А. Отраслевая специфика государственного контроля (надзора): административно-правовое обоснование // Административное право и процесс. 2024. № 11.

[2] Беликова К. М.; Ахмадова М. А. Значение реформы законодательства о государственном контроле (надзоре) для государства и бизнеса // Хозяйство и право. 2023. № 3. С. 15–26.

[3] Евдокимов А. С.; Сергун П. П. Система профилактических мероприятий, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора): оценка регулирующего воздействия // Административное право и процесс. 2023. № 7. С. 53–59.

[4] Ермолова О. Н. Обязательные требования к предпринимательской деятельности: вопросы контроля и ответственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 5. С. 60–75.

[5] Кашапова И. А. Конституционный контроль в сфере защиты прав и свобод предпринимателя // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 83–87.

[6] Мицкевич Л. А.; Васильева А. Ф. Принципы «хорошей администрации» в сфере государственного контроля (надзора) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 2. С. 72–93.

[7] Смирнова Е. Н. Административно-правовое регулирование профилактики нарушений обязательных требований при осуществлении государственного контроля (надзора): дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 246 с.

[8] Спиридонов А. А. О системности законодательства о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле и об общественном контроле: конституционно-правовые аспекты в русле развития механизмов государственного управления в России // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 2 (147). С. 21–33.

[9] Федотов С. А. Юридическое значение предостережения // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 2. С. 12–16.

[10] Ширеева Е. В. Использование результатов контрольной (надзорной) деятельности на стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 68–72.

References:

[1] Agamagomedova S. A. Industry specifics of state control (supervision): administrative and legal justification//Administrative law and process. 2024. № 11.

[2] K. M. Belikova; Akhmadova M. A. Significance of the reform of legislation on state control (supervision) for the state and business//Economy and law. 2023. № 3. S. 15-26.

[3] Evdokimov A.S.; Sergun P. P. System of preventive measures used in the implementation of state control (supervision): assessment of regulatory impact//Administrative law and process. 2023. № 7. S. 53-59.

[4] O. N. Ermolova Mandatory requirements for entrepreneurial activity: issues of control and responsibility//Property relations in the Russian Federation. 2022. № 5. S. 60-75.

[5] Kashapova I. A. Constitutional control in the field of protection of the rights and freedoms of the entrepreneur//Law and the state: theory and practice. 2022. № 7 (211). S. 83-87.

[6] L. A. Miscavige; Vasilyeva A.F. Principles of “good administration” in the field of state control (supervision)//Bulletin of Voronezh State University. Series: Right. 2022. № 2. S. 72-93.

[7] Smirnova E. N. Administrative and legal regulation of prevention of violations of mandatory requirements in the implementation of state control (supervision): dis. cand. jurid. sciences. Nizhny Novgorod, 2022. 246 pp.

[8] Spiridonov A. A. On the consistency of legislation on state control (supervision), municipal control and public control: constitutional and legal aspects in line with the development of public administration mechanisms in Russia//Current problems of Russian law. 2023. T. 18. № 2 (147). S. 21-33.

[9] Fedotov S. A. Legal significance of the warning//State power and local self-government. 2025. № 2. S. 12-16.

[10] E.V. Shireeva. Use of the results of control (supervisory) activities at the stage of initiating an administrative offense case//Administrative Law and Process. 2025. № 4. S. 68-72.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-35-42

КОСЬМИН Анатолий Данилович,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры «Государственное
муниципальное управление и таможенное дело»
Омского государственного технического университета,
академик Российской академии естественных наук,
e-mail: kosmin.39@mail.ru

КУЗНЕЦОВА Ольга Павловна,
доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Государственное
муниципальное управление и таможенное дело»
Омского государственного технического университета,
e-mail: opkuznetsova@omgtu.tech

КУЗНЕЦОВ Владимир Владимирович,
кандидат технических наук,
доцент кафедры «Государственное
муниципальное управление и таможенное дело»
Омского государственного технического университета,
e-mail: mivladirvvk@rambler.ru

КУЗНЕЦОВ Владимир Петрович,
кандидат технических наук,
доцент кафедры «Государственное
муниципальное управление и таможенное дело»
Омского государственного технического университета,
e-mail: kuznecov_vpf@mail.ru

О СПЕЦИАЛИЗАЦИИ РОССИИ В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЦЕПОЧКАХ СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ (ИЛИ ДОЛГО БЫТЬ РОССИИ В ПЛЕНУ «ПРОКЛЯТИЯ РЕСУРСОВ»)

Аннотация. *В статье анализируются гибельные симптомы обострения сырьевой зависимости российской экономики в условиях непрекращающегося санкционного давления со стороны недружественных стран. В российском экспорте очень высокая доля « восходящего участия» в глобальных цепочках добавленной стоимости, что является следствием специализации страны на поставках продукции с низкой добавленной стоимостью. Сформулирован и обоснован вывод о том, что стратегический переход к специализации на поставках продукции с высокой добавленной стоимостью возможен только в случае упразднения существующей модели экономики, преодоления « ресурсного проклятия», зависимости от сырьевых товаров, доходов от их экспорта. Статья рекомендуется студентам, аспирантам и научным работникам.*

Ключевые слова: *протекционизм, фритредерство, экспорт, глобальные цепочки добавленной стоимости, торговая активность, модели мировой торговли.*

KOSMIN Anatoly Danilovich,
Doctor of Economics, Professor, Professor,
Department of State Municipal Administration and Customs,
Omsk State Technical University, Academician
of the Russian Academy of Natural Sciences

KUZNETSOVA Olga Pavlovna,
Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of State Municipal Administration and Customs, Omsk State Technical University

KUZNETSOV Vladimir Vladimirovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Department of State Municipal Administration and Customs, Omsk State Technical University

KUZNETSOV Vladimir Petrovich,
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, D epartment of State Municipal Administration and Customs, Omsk State Technical University

ON THE SPECIALIZATION OF RUSSIA IN THE SYSTEM OF GLOBAL PRODUCTION VALUE CHAINS (OR FOR A LONG TIME TO BE CAPTURED BY THE CURSE OF RESOURCES)

Annotation. *The article analyzes the disastrous symptoms of aggravation of the raw material dependence of the Russian economy in the face of ongoing sanctions pressure from unfriendly countries. In Russian exports, there is a very high share of "bottom-up participation" in global value chains, which is a consequence of the country's specialization in the supply of products with low added value. The conclusion was formulated and substantiated that a strategic transition to specialization in the supply of high value-added products is possible only if the existing model of the economy is abolished, the "resource curse" is overcome, dependence on commodities and income from their exports. The article is recommended for students, graduate students and researchers.*

Key words: *protectionism, free trading, exports, global value chains, trade activity, world trade models.*

Введение

Актуальность темы исследования обусловливается давно назревшей необходимостью преодоления « ресурсного проклятия» , зависимости от сырьевых товаров, доходов от их экспорта, а также обреченностью, объективной невозможностью избежать* в современном глобализированном пространстве двух вещей – диверсификации экономики и активного участия, включения экономики России в глобальные производственные цепочки создания добавленной стоимости. Эти вещи – основополагающие драйверы максимизации выгоды от внешнеэкономической деятельности. Поскольку форма участия и степень интенсивности связей определяется прежде всего потенциалом экспортной диверсификации, постольку важнейшим приоритетом российской внешнеэкономической политики в настоящее время является категорическое смещение фокуса с пока еще доминирующего сырьевого экспорта на развитие ненесырьевого неэнергетического экспорта продукции и товаров с высокой добавленной стоимостью в другие страны. Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 года №474 был установлен целевой ориентир – увеличение экспорта несырьевых неэнергетических товаров к 2030 году не менее чем на 70% от уровня 2020 года. [8]

Основная часть

Содержание этого раздела целесообразно предварить историческим экскурсом– как формировалось и эволюционировало представление о торговле вообще, о классических страновых теориях мировой торговли, в том числе и о современной неоклассической теории, которая подходит для анализа глобальных производственных цепочек добавленной стоимости.

Святой Фома Аквинский (1225—1274 гг.), средневековый итальянский философ-теолог поведал о том, что «Торговля изначально является злом, которое, однако, оправдывается приносимой обществу пользой» [1].

Не случайно, что основной идеей меркантилистов (как раннего, так и позднего меркантилизма – 15-17 вв.) была также защита страны и её населения от деградации, связанной с режимом свободной торговли.

*«С неизбежностью и Боги не спорят» - ПИТТАК (один из семи мудрецов Древней Греции, государственный деятель и поэт)

Меркантилисты, в числе которых Антуан де Монкретьен, который ввел в научный оборот термин «меркантилизм», Жан Батист Кольбер (Франция),, У. Стаффорд, Томас Ман (Англия), А. Серра (Италия), А. Ордин-Нащокин и И. Посошков (Россия) впервые в истории экономической мысли сфокусировались на внешней торговле как на основном источнике увеличения национального богатства и разработали конкретные политические рекомендации (протекционизм, активный торговый баланс) для достижения этой цели.

Наиболее известным представителем позднего меркантилизма был Т. Ман, влиятельный английский купец, руководитель Ост- Индийской компании . Самая значительная его работа- « Богатство Англии во внешней торговле, или баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства», изданная в 1664 году, была высоко оценена А. Смитом.

Т. Ман писал, что нет иных способов получить деньги, кроме торговли, и когда стоимость экспортных товаров будет превышать стоимость ежегодного ввоза товаров, денежный фонд страны будет увеличиваться Он обосновал доктрину активного торгового баланса- для обогащения страны необходимо превышение экспорта над импортом. Он рекомендовал отказаться от чрезмерного потребления иностранных товаров в питании и одежде путем введения законов о потреблении товаров собственного производства А увеличение объемов экспорта национальной продукции он связывал со снижением затрат на ее производство и её цены.[6]

Экономическая политика, которую предлагал Т Ман, получила в дальнейшем название «протекционизма», или политики защиты национального рынка. В общем виде эта политика сводится к ограничению импорта и поощрению экспорта, и меры, направленные на достижение этого результата, остаются неизменными по сей день.

Меркантилизм является первой классической страновой теорией международной торговли. Позже, в конце 18-го и начале 19-го вв. А. Смит и Д. Рикардо разработали базовые модели абсолютных и относительных преимуществ, ставшие достаточным обоснованием необходимости поощрения свободной торговли, - заканчивается эра протекционизма и наступает эра фритредерства – открытости – юности промышленного строя. Потенциальные выгоды теории Д. Рикардо, в которой основой для осуществления международной торговли являются различия в технологии производства (в производительности труда), более значительные, чем предполагал А. Смит в своей концепции абсолютных преимуществ.

Для анализа глобальных производственных цепочек создания добавленной стоимости, по мнению экспертов Всемирного банка, лучше всго подходит рикардианская модель международной торговли, дополненная теорией соотношения факторов производства (теория Э. Хекшера –Б. Олина), которая утверждает, что страны экспортируют товары, требующие интенсивного использования избыточных у них факторов производства, и импортируют товары, в производстве которых испытывают нехватку факторов производства.

Различия в международной торговле вызваны не только разницей в производительности труда (по Рикардо), но и разной обеспеченностью ресурсами.

Важнейшими индикаторами экономическогоразвития и способности конкурировать на международной арене являются показатели экспорта и импорта как в количественном, так и в качественном выражении.

Специфика внешнеэкономической деятельности определяется тремя ключевыми факторами: а) уровнем экономического развития страны, б) степенью её вовлеченности в международные экономические объединения, в) текущей глобальной политико-экономической конъюнктурой.

Доля России в мировом экспорте товаров и услуг остается относительно стабильной, находясь в диапазоне 2 – 3% для товаров и немного ниже для услуг, с существенной зависимостью от экспорта энергоносителей (нефть, газ, уголь).

(Для сравнения: доля Китая в мировом экспорте является самой значительной в мире и составляет 14 – 18% от общего объема [12].)

Таблица 1. Динамика внешнеторгового оборота России за 2021-2024 г.г (млрд. долларов США, %)

	2021 г.	2022 г.	2022 г. в % к 2021 г.	2023 г.	2023 г. в % к 2022г.	2024 г.	2024 г. в % к 2023 г.	2024 г. в % к 2021 г.
Экспорт	493.3	591.5	119.9	425.1	71.9	434	102.0	88.0

Импорт	293.3	259.9	88.3	285	112.0	283	99.2	96.6
Общий торговый оборот	796.6	851.4	106.9	710	89.0	717	101.0	90.0
Профицит торгового баланса	200.9	331.7	165.8	140.1	42.2	151	107.8	75.5

Источник: [9; 10].

Профицит товарного баланса 2024 году сократился в 2.2 раза по сравнению с рекордным в 2022 году из -за падения экспорта и восстановления импорта.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что экспорт России в 2022 году достиг максимального значения, что связано с благоприятной ценовой конъюнктурой на энергоресурсы. Однако в 2023 году произошло резкое снижение экспорта – на 28.1% - из-за санкций и геополитических изменений. В 2024 году наблюдается небольшой рост – 2%, что является свидетельством о начале адаптации к изменяющимся условиям. Импорт, напротив, демонстрирует более стабильную динамику, но также снижается из-за ограничений. Достигнув пика в 2022 году внешнеторговый оборот сокращается, что отражает общие снижение торговой активности.

В досанкционном 2021 году в пятерку крупнейших торговых партнеров России входили: Китай - 18,3% товарооборота России; Германия-7,4%; Нидерланды - 5%, Белоруссия - 5%, США - 4,2%. Турция находилась на шестом месте.

Уже по итогам 2023 года доля дружественных стран в торговом обороте России превышала 75%. А в 2024 году - уже более 80%.[11]/

Резкое снижение профицита торгового баланса – это «'эхо парадокса изобилия» («ресурсного проклятия»), свидетельствующее о чрезмерной зависимости от добычи сырья, что препятствует диверсификации экономики и углубляет социальные и политические проблемы. [3].

Россия – преимущественно рентное государство, поскольку основным источником ее доходов является не созданная добавленная стоимость, а рента от природных ресурсов. Зависимость от сырьевых товаров, доходов от их экспорта делает экономику уязвимой к волатильности мировых цен.

Российская экономика продолжает демонстрировать гибельные симптомы обострения сырьевой зависимости. Отрасли, добывающие минеральное сырье, растут с рекордной за последнее десятилетие скоростью, в то время как несырьевой сектор стремительно теряет рентабельность и балансирует на грани реальных рецессий. Сырьевые экспортеры показывают рентабельность от 33% в добыче нефти, до 50% - в производстве металлов, а рентабельность бизнеса исчисляется единицами - от 2.9% в строительстве - до 6.9% в розничной торговле [14].

(В плену „проклятия ресурсов» находится наряду с Россией Венесуэла и Нигерия. А в Норвегии, Ботсване и ОАЭ смогли преодолеть „ресурсное проклятие», направив доходы от природных ресурсов на развитие образования, инфраструктуры, на развитие цифровых технологий, туризма и т.д.).

В стратегии экономического развития России в современных условиях ключевое место занимает стратегическое увеличение экспортных показателей, включая повышение доли глубоко переработанной продукции и ее конкурентоспособности на мировых рынках, в глобальных цепочках создания добавленной стоимости (global value chains GVC).

Специализация России в системе GVC – экспорт первичных и промежуточных товаров и услуг, которые становятся составной частью экспорта других стран. Роль крупного мирового экспортера сырья обусловливает преимущественно «восходящее участие» России в глобальных цепочках поставок или в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Основной российский вклад в глобальные цепочки поставок на стороне таких товаров, как нефть, газ, кокс, металлы, продукция химической промышленности (удобрения), транспортное оборудование, агропромышленные товары и услуги. В целом чуть больше 35% российского экспорта — это продукция «восходящего участия». Это максимальная доля среди крупных экономик мира.{12}.

Однако вернёмся к описанию существующих форм участия стран мира, их включённости в глобальные цепочки добавленной стоимости.

При анализе включённости экономики в производственные цепочки принято различать «восходящее участие» (forward participation) и «нисходящее участие» (backward participation).

Более высокая доля «восходящего участия» означает, что страны экспортирует в основном сырье, промежуточный товар и услуги, которые используются другими странами для создания продукции с высокой добавленной стоимостью для последующего экспорта в другие страны (в том числе и в страну, предоставляющую сырье).

Высокая доля «нисходящего участия» означает, что в экспорте страны, напротив, преобладают товары конечного спроса, товары с высокой добавленной стоимостью.

Восходящие и нисходящие участие крупных экономик мира в создании цепочек добавленной стоимости(доля экспорта, %, 2024 г.)

Таблица 2

Страна	Восходящее участие	Нисходящее участие
Россия	38	8
США	27	9
Южная Африка	26	24
Бразилия	24	12
Китай	18	17
Индия	17	20
ЕС-27	15	14

Источник: [12]

Доля экспорта, нисходящего участия России, то есть экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью, минимальна среди всех крупных экономик и составляет 8% [12].

Основные товары, которые Россия импортирует как участник глобальных цепочек, используются в производстве автозапчастей, конечных механических товаров, деталей для машиностроения и в профессиональных технических услугах. Запреты на экспорт в Россию подрывают её производственные возможности, особенно в области электроники, производстве автомобилей, чёрной металлургии и авиации [10].

До начала СВО главными российскими торговыми партнёрами в нисходящих цепочках поставок были «недружественные» теперь России страны Евросоюза (Германия, Франция, Нидерланды, Италия и Польша), а также Великобритания, США, Южная Корея. Среди «дружественных» России стран её крупнейшими поставщиками выступают Китай и Беларусь.

Технологическая отсталость России не позволяет производить конкурентноспособную, несырьевую и высокотехнологичную продукцию. Не постигнет ли нашу страну такие же грядущие перспективы как в конце 1919 года* и какие существуют прогнозы отечественных и зарубежных пророков?

*Как писал М. А. Булгаков в конце 1912 г. в своих «Грядущих перспективах», «мы так сильно опоздаем, что никто из современных пророков, пожалуй, не скажет, когда же, наконец, мы догоним их и догоним или вообще»(2, с.16).

Эксперты Всемирного экономического форума полагают, что экономическая политика, которая когда-то позволяла соперникам получать взаимную выгоду в торговых отношениях, теперь рассматривается зачастую как инструмент стратегической конкуренции[13}.

Обострение конкуренции и рост протекционизма (как зрелого благоразумия), источником которых стали торговые войны и политическая реакция на глобализацию в развитых странах привели к тому, что глобальная экономика начинает разваливаются на зоны – США, Европа ,Китай и страны Юго-Восточной Азии.

Эпоха фритредерства, либерализации заканчивается: на повестке дня императивный лозунг – назад от А. Смита к Т. Ману.

На день сегодняшний принципы открытости экономики отстаивает только Россия и Китай. Против этих принципов – США, где предпринимаются меры по «возвращению производителей домой» и защиты внутреннего рынка от иностранных конкурентов, а также по сокращению или даже по упразднению многосторонних договоров и фактически вернуться к двусторонним отношениям в экономической сфере и к принципам меркантилизма.

Однако в новых условиях нельзя добиться экономического роста только за счёт политики открытости прибыли. Однако сейчас приверженность «открытой торговли» не позволяет стране выйти на прежние («пышные») рубежи. Россия должна пройти путь своего возрождения, не вписываясь в глобальные процессы, где объективно выгодно оставить ее неразвитым поставщиком природных ресурсов для более развитых стран.

Тектонические подвижки в глобальных производственных цепочках создания добавленной стоимости, вызванные такими «персонажами» «черных лебедей» ,

*«Черный лебедь» - архетип непредсказуемого, но влиятельного фактора, меняющего реальность.

как пандемия COVID – 19, война в Украине, растущие идеологические разногласия побудили Правительства и корпорации пересмотреть свои внешние зависимости, усилить поиски более устойчивой модели роста, ориентируясь на внутренние ресурсы и на надёжных партнёров.

В итоговом Докладе о результатах основных направлений деятельности Федеральной таможенной службы (ФТС) России указываются меры протекционистской политики Правительства, которое в течение 2024-го года вводило специальные экономические меры и временные односторонние меры нетарифного регулирования. В частности, принято 9 постановлений Правительства РФ, устанавливающих: запрет на вывоз отходов и лома драгоценных металлов, запрет на вывоз бензина товарного и дизельного топлива, запрет на вывоз риса и крупы рисовой, запрет на вывоз сахара тростникового, количественное ограничение на вывоз минеральных удобрений, запрет на вывоз семян сельскохозяйственных растений.

В результате скоординированной работы таможенными органами на этапе таможенного декларирования с подачей декларации на товары предотвращен вывоз из Российской Федерации: 909 тонн высокотехнологичного оборудования, 473 тонны сырьевых товаров в недружественные страны, 55.7 тонн товаров двойного назначения в недружественные страны.{10}

Заключение

В условиях нынешней деглаболизации, снижения взаимосвязи и взаимного влияния стран мира России крайне важно определиться «со своей столбовой дорогой» – с основным, прямым путём своего развития, дорогой, которая неверно было определена в самом начале пути своего капиталистического развития.

В 2021-м году на Пленарной сессии международного дискуссионного клуба « Валдай» Президент В. Путин говорил о том, что существующая модель капитализма, как основа общественного устройства не только в России, а в подавляющем большинстве стран мира, исчерпала себя*, и призвал к поиску новых моделей общественного и экономического развития, намекая на необходимость большего государственного регулирования и социальной ответственности[8].

Потеря доверия к существующей модели развития страны должна замотивировать усилия экономических властей по поиску такой страны, в которой модель общественного устройства демонстрирует ошеломляющие успехи. Это и Франция, и Италия, и Польша, и Китай, самый верный союзник страны, но не предлагающий ей такой экспортный специфический товар, как «китайское чудо» , самую эффективную в мире модель общественного устройства. Китай является стратегическим и инновационноориентированным. Взрывной рост экспорта электромобилей, батарей и солнечных панелей – это результат многолетних инвестиций в НИОКР, создания полных производственных цепочек внутри страны и целенаправленной государственной поддержки.

В Китае адекватная духу времени эффективная модель смешанной экономики, в которой телеологические механизм государства превалирует над телеологическим механизмом рынка. Это модель обязана китайской

* «Если человек начнёт с уверенности, он закончит сомнениями; но если он согласится начать с сомнений, он закончит уверенностью» - Ф. Бэкон.

элитарной «мягкой силе», прежде всего экономической, сумевшей достичь высоких темпов экономического роста, исторического лидирования и превосходства, высокого значения ВВП на душу населения и более высокого по сравнению с Россией уровня образования.

Необходимо смещение фокуса с массового потребления (спроса) китайского ширпотреба на проведение сознательной политики на заимствование совокупного инструментария эффективного китайского хозяйственного механизма.

Особое внимание следует уделять мерам государственной поддержки малых и средних

предприятий, доля которых в производстве и экспорте не сырьевых неэнергетических товаров составляет 88,4% [9]. Общая доля малого и среднего бизнеса (МСП) в ВВП России составляет 20 – 21%, несмотря на усилия Правительства по его увеличению. (в России 6,7 млн. индивидуальных и коммерческих предприятий, из них более 95% микропредприятий, а малых и средних – около 5%. Общая численность занятых в них составляет около 30 млн. человек). А в Китае – доля МСП в его ВВП составляет 60 – 70%. В Китае 124 млн. индивидуальных промышленных и коммерческих домохозяйств, из них 70% микропредприятий, малых – 25% и средних – 5%. Они обеспечивают более 80% всех рабочих мест в Китае, а их доля в общем объеме экспорта составляет 62,3%. МСП Китая обеспечивает 50% налоговых поступлений в госбюджет, играет ключевую роль в обрабатывающей промышленности, где его доля составляет 80%. Все это говорит о том, что МСП в Китае является ключевым драйвером экономики[13].

Список литературы:

[1] Аквинский Ф. Сумма теологии / Пер. с лат. Н.В. Апполонова.-М.: Издатель Савинов С.А., 2007. – 654 с.

[2] Булгаков М.А. Похождения Чичикова: повести, рассказы, фельетоны, очерки (1919-1924) – М.: Современник, 1999 –591 с.

[3] Как избежать ресурсного проклятия (Escaping the resource curse / под редакцией Маккартена Хамфрисе, Джеффри Д.Сокса и Джозефа Ю. Стичлица. Предисловие Джорджа Сороса (пер. с англ. Н. Автономовой, И. Фридмана) – М.: Издательство института Гайдара, 2011 - 462 с.

[4] Косьмин А.Д. Проблемы повышения экспортного потенциала стран Евразийского экономического союза как важнейшего приоритета их социально-экономического развития: Монография /А.Д. Косьмин, Е.А. Косьмина, Н.В. Черножожкина/ - М.: Креативная экономика, 2019 – 228 с.

[5] Косьмин А.Д., Кузнецова О.П., Косьмина Е.А. Проблемы экспортного потенциала России (или о повышении степени ее вовлеченности в мирохозяйственный оборот // Экономические отношения – 2019 – Т.9.- №2 – С.1021-1060. – doi: 10.18334//co.9.2.40593

[6] Ман Т. Меркантилизм. Богатство Англии во внешней торговле. – М.:Директ – Медиа, 2007 – 30с.

[7] Селюков М.В. Развитие внешнеторгового потенциала России как фактор обеспечения экономической безопасности государства/М.В. Селюков, Н.П. Шадыгина // Экономика. Информатика – 2024 - №1. – С.93-106.

[8] Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения 5.12.2025).

[9] Официальный сайт Российского экспортного центра. [Электронный ресурс]. URL: https://www.exportcenter.ru/ (дата обращения 5.12.2025).

[10] Официальный сайт Федеральной таможенной службы России [Электронный ресурс]. URL: https:customs.gov.ru/folder/s19 (дата обращения 10.12.2025).

[11] Официальный сайт «Октагон Медиа» [Электронный ресурс] URL:https://octagon.media/economika/ как izmenilas vneshnaya torgovlya rosii s nachala svo. html (дата обращения 10.12.2025).

[12] Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: http://www.worldbank/org/ru/country (дата обращения 12.12.2025).

[13] Официальный сайт РБК [Электронный ресурс]. URL: hhtps://www.rbk.ru (дата обращения 15.12.2025).

[14] Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращеє ния 15.12.2025).

[15] Porter M. The Gompetitive Advantage of Nationg. – New York: Free Press? 1990. - 900p.

References:

[1] Aquinas F. Sum of Theology/Per. with lat. N.V. Appolonova. - M.: Publisher Savinov S.A., 2007. - 654 p.

[2] Bulgakov M.A. Chichikov's adventures: novels, short stories, feuilletons, essays (1919-1924) - M.: Contemporary, 1999 -591 p.

[3] Escaping the resource curse, edited by McCarten Humphreys, Jeffrey D. Stokes and Joseph Y. Sticlitz. Foreword by George Soros (translated from English by N. Avtonomova, I. Fridman) - M.: Gaidar Institute Publishing House, 2011-462 p.

[4] Kosmin A.D. Problems of increasing the export potential of the countries of the Eurasian Economic Union as the most important priority of their socio-economic development: Monograph/A.D. Kosmin, E.A. Kosmina, N.V. Chernozhozhkina/- M.: Creative economy, 2019 - 228 p.

[5] Kosmin A.D., Kuznetsova O.P., Kosmina E.A. Problems of Russia's export potential (or about increasing its involvement in the world economic turnover//Economic Relations - 2019 - T.9.- No. 2 - P.1021-1060. - doi: 10.18334//co.9.2.40593

[6] Man T. Mercantilism. England's wealth in foreign trade. - M.: Direct - Media, 2007 - 30 s.

[7] Selyukov M.V. Development of Russia's foreign trade potential as a factor in ensuring the economic security of the state/M.V. Selyukov, N.P. Shadygina//Economics. Informatics - 2024 - No. 1. - S.93-106.

[8] Official website of the President of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: http://www.kremlin.ru (accessed 5.12.2025).

[9] Official website of the Russian Export Center. [Electronic resource]. URL: https://www.exportcenter.ru/ (accessed 5.12.2025).

[10] Official website of the Federal Customs Service of Russia [Electronic resource]. URL: https:customs.gov.ru/folder/s19 (date of contact 10.12.2025).

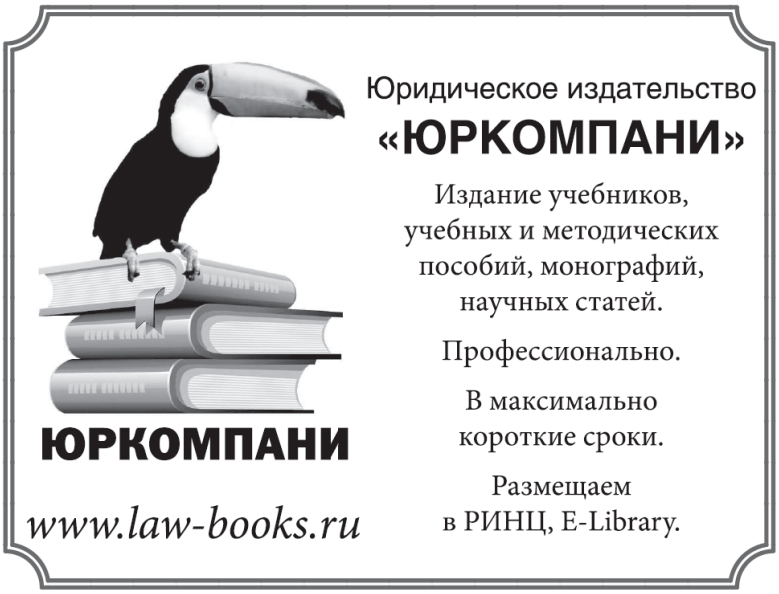
[11] Official Octagon Media website [Electronic Resource] URL: https ://octagon.media/economika/as izmenilas vneshnaya torgovlya rosii s nachala svo.html (date of contact 10.12.2025).

[12] Official World Bank website [Electronic Resource]. URL: http ://www.worldbank/org/ru/country (date of contact 12.12.2025).

[13] RBC's official website [Electronic Resource]. URL: hhtps ://www.rbk.ru (date of contact 15.12.2025).

[14] Official website of the Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru (date of contact 15.12.2025).

[15] Porter M. The Gompetitive Advantage of Nationg. – New York: Free Press? 1990. - 900p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-43-46

АББУД Руслан Ратебович,
Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры международного права
Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: ruslan625@yandex.ru

КОМЕНДАНТОВ Сергей Васильевич,
Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного права
Дипломатической академии МГИМО МИД России,
e-mail: wtolaw@yandex.ru

ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОНЯТИЯ И ТРАНСГРАНИЧНОСТИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *В данной статье авторы анализируют определение и трансграничность киберпреступления с точки зрения позиции Российской Федерации на основании правовых документов, принятых на уровне в целях развития международно-правовой базы в части преследования не только тех киберпреступлений, совершаемых в отношении ИКТ (кибератака на конфиденциальность, доступность и целостность компьютерных данных), но и посредством ИКТ (дипфейк, кибербуллинг), а также международных соглашений.*

В век цифровизации и стремительного прогресса информационных технологий практически не осталось сфер, где киберпреступления не оставили свой след. По данным Международного союза электросвязи, текущий уровень киберпреступлений оценивается приблизительно в 2200 кибератак в мире ежедневно, при этом ежегодно количество кибератак в мире увеличивается на 80%. Схожие данные приводит и Роскомнадзор, указывая на то, что число компьютерных и DDoS-атак ежегодно увеличивается в среднем на 70%. Кроме того, в соответствии с информацией мирового индикатора Estimated Cost of Cybercrime, совершение киберпреступлений в период с 2024 г. по 2029 г. будет идти по нарастающей с каждым годом на 6,4 трлн долл. США.

В настоящее время экономический, а также финансовый сектор, являются одними из самых популярных целей для киберпреступников. В первую очередь страдают компании, производящие товары, а также предоставляющие услуги по страхованию. Более того, кибератаки часто совершаются в отношении интеллектуальной собственности, а также на системы управления объектами жизнеобеспечения. Бороться с этой уязвимостью компании пытаются при помощи выделения средств на финансирование в целях повышения иммунитета от киберугроз и противодействию киберпреступлениям.

Ключевые слова: *киберпреступление, Конвенция ООН против киберпреступности 2024 года, трансграничность, ИКТ, Российская Федерация.*

ABBUD Ruslan Ratebovich,
candidate of law, Senior Lecturer Professor of the International Law
Department at the Lebedev Russian State University of Justice

KOMENDANTOV Sergey Vasilievich,
candidate of law, associate professor,
associate professor of the Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Moscow State Institute
of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation

THE POSITION OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE CONCEPT AND CROSS-BORDER OF CYBERCRIME

Annotation. *In this article, the authors analyze the definition and signs of cybercrime from the point of view of the position of the Russian Federation on the basis of legal documents adopted at the domestic level in order to develop an international legal framework for the prosecution of not only those cybercrimes committed against ICT (cyber attacks on confidentiality, accessibility and integrity of computer data), but also through ICT (deepfake, cyberbullying), as well as international agreements.*

In the age of digitalization and the rapid progress of information technology, there are practically no areas where cybercrimes have not left their mark. According to the International Telecommunication Union, the current level of cybercrime is estimated at about 2,200 cyber attacks in the world every day, while the number of cyber attacks in the world increases by 80% annually. Roskomnadzor provides similar data, indicating that the number of computer and DDoS attacks increases by an average of 70% annually. In addition, according to the information provided by the global Estimated Cost of Cybercrime indicator, the commission of cybercrimes in the period from 2024 to 2029 will increase by 6.4 trillion US dollars every year.

Currently, the economic as well as the financial sector are among the most popular targets for cybercriminals. First of all, companies that produce goods and provide insurance services are affected. Moreover, cyber attacks are often carried out against intellectual property, as well as against life support management systems. Companies are trying to combat this vulnerability by allocating funds for financing in order to increase immunity from cyber threats and counter cybercrime.

Key words: *cybercrime, the UN Convention on Cybercrime of 2024, cross-border, ICT, the Russian Federation.*

На сегодняшний день в научном дискурсе участвуют сторонники как широкого, так и узкого подхода в части определения киберпреступления. Позиция Российской Федерации эксплицитно ратует за широкий подход в части понимания определения киберпреступления, однако на сегодняшний день на законодательном уровне не выработана легальная дефиниция в части определения киберпреступления. По мнению В.Н. Русиновой, государства, реагируя на случаи вредоносного использования ИКТ, предпочитают выбирать политическую, а не юридическую риторику, а если обращаются к праву, то используют национальные нормы [1]. На национальном уровне в Российской Федерации действуют документы, направленные на развитие международно-правовой базы в части преследования киберпреступлений. К этим правовым документам можно отнести:

1) Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»;
2) Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»;
3) Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229.

На основе вышеназванных документов позиция Российской Федерации заключается в том, чтобы международное определение киберпреступления включало в себя не только так называемые «чистые киберпреступления» (вирусы, DDoS-атаки), но и преступления, совершаемые с помощью ИКТ (использование ИКТ для террористических и экстремистских целей). Кроме того, Российская Федерация активно выступает за включение в международное определение деяний, связанных с распространением противоправной, а также дискредитирующей информации. Это часто является камнем преткновения в части спора с западными странами. Приоритет государственного суверенитета является ключевым элементом позиции нашей страны. Определение киберпреступления и механизмы борьбы с ним не должны позволять иностранным спецслужбам получать трансграничный доступ к компьютерным данным и информации на территории Российской Федерации без официального согласия российских властей. Именно из-за статьи 32 b Будапештской конвенции, допускающей такой доступ, Россия отказалась ее подписывать. До недавнего времени не существовало единого, универсального международно-правового договора, направленного на пресечение киберпреступности [2]. Однако в 2024 году резолюцией 79/243 ГА принята универсальная Конвенция ООН против киберпреступности. Несмотря на то, что Российская Федерация является ее инициатором, наша страна намерена в этом году разработать дополнительный протокол к Конвенции. В частности, речь идет о расширении перечня криминализируемых деяний (экстремизм, терроризм).

Таким образом, для Российской Федерации киберпреступление – это не только технических взлом, но и любое использование цифровой среды для совершения общественно опасных деяний, при этом борьба с ними должна вестись в соответствии с строгим соблюдением цифрового суверенитета государств.

Вопрос трансграничности киберпреступления является также составной и неотъемлемой части данного криминогенного деяния. Позиция Российской Федерации в отношении трансграничности киберпреступлений является одной из самых принципиальных и последовательных на международной арене. Она строится на балансе между признанием глобального характера угрозы и защитой цифрового суверенитета.

По своей природе киберпреступления не имеют границ. По мнению Н.А. Чернядьевой, о трансграничном характере говорит то, что киберпреступление не ограничено территориальными границами одного государства [3]. Преступник может находиться в одной стране, использовать серверы в другой, а ущерб наносить жертве в третьей. Таким образом, это делает невозможной эффективную борьбу с такими преступлениями в одиночку, без международного сотрудничества.

Так, в деле США против Карима Баратова, обвиняемый взломал аккаунты пользователей Yahoo (около 500 млн аккаунтов) и украл их личные данные, включая адреса электронной почты и номера телефонов. Хакер был арестован в Канаде. Затем киберпреступника экстрадировали в США. Федеральный суд Северного округа Калифорнии в Сан-Франциско приговорил гражданина Казахстана к 5 годам лишения свободы и штрафу в четверть миллиона.

Таким образом, в данном юридическом кейсе указаны базовые признаки преступлений транснационального характера, отображенные в ст. 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. в частности, киберпреступление совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве.

Говоря о методах, которое предлагает наше государство в целях предотвращения киберпреступлений, то здесь выкристаллизовывается такая модель, при которой любое трансграничное взаимодействие должно идти через официальные запросы о правовой помощи. Например, следователь одной страны не может сам зайти на сервер в другой стране. Далее он должен направить запрос в компетентный орган (Генеральная прокуратура или МВД). Местные власти сами изымают данные и передают их запрашивающей стороне. Стоит отметить, что именно эта модель легла в основу проекта Конвенции ООН против киберпреступности.

Подход России относительно трансграничности заключается в том, что первичной является юрисдикция того государства, на чьей территории находится физическая инфраструктура (серверы) или где находится подозреваемый. Наша страна выступает против «экстерриториальной юрисдикции» (когда США или другие страны пытаются судить людей за действия, совершенные вне их территории, просто на основании того, что транзакция прошла через их банк или сервис).

В Конвенции ООН против киберпреступности от 2024 г., закреплены следующие принципы трансграничного сотрудничества, отображающие риторику нашего государства: уважение суверенитета; создание круглосуточных каналов связи (сети 24/7) для оперативной передачи данных, но под контролем национальных властей; четкий перечень оснований для отказа в выдаче данных (например, если это угрожает национальной безопасности).

Таким образом, трансграничность киберпреступлений – это повод для межгосударственного сотрудничества, а не для трансграничного вмешательства. Позиция Российской Федерации заключается в том, что сеть «Интернет» не является «ничейной землей», и каждое государство должно иметь полный контроль над своим сегментом киберпространства, взаимодействуя с соседями на основании соблюдения принципов международного права и соблюдения международных договоров.

Из всего вышесказанного полагаем логичным заключить следующее. Позиция Российской Федерации представляет собой суверенно-ориентированную концепцию, в которой технический прогресс и глобальный характер информационных сетей не должны превалировать над базовыми принципами международного права – суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела.

Кроме того, Российский подход в части определения киберпреступления характеризуется максимальной широтой и универсальностью. В отличие от западной традиции, ограничивающей киберпреступление преимущественно атаками на компьютерные данные и системы, Россия настаивает на включении в это понятие широкого спектра сопутствующих преступлений. Данный тезис расширяет объект международно-правовой охраны, включая в него не только информационную безопасность, но и общественную безопасность, экономическую стабильность и государственный строй. Особое внимание к контентным преступлениям (экстремизм, терроризм, дезин-

формация) свидетельствует о стремлении Российской Федерации закрепить на международном уровне ответственность за использование ИКТ как инструмента политической и социальной дестабилизации.

Кроме того, Россия выступает против концепции трансграничного доступа к данным (ст. 32. b Будапештской конвенции), квалифицируя её как попытку легализации цифрового экспансионизма. Вместо этого предлагается модель «контролируемого сотрудничества», где трансграничное расследование возможно исключительно через механизмы взаимной правовой помощи и центральные государственные органы.

Российская Федерация формирует альтернативную парадигму международного информационного права, где борьба с киберпреступлениями является не поводом для создания прозрачного цифрового мира без границ, но инструментом укрепления межгосударственного взаимодействия на основе четкого соблюдения национальных юрисдикций и официальных процедур в рамках осуществления международно-правовой помощи.

Список литературы:

[1] Русинова В.Н. Международно-правовая квалификация вредоносного использования информационно-коммуникационных технологий: в поисках консенсуса // Московский журнал международного права. 2022. № 1. С. 38-51.

[2] Штодина Д.Д. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 года – итог «киберкомпромисса»? // Московский журнал международного права. 2025. № 1. С. 110-124.

[3] Чернядьева Н.А. Цифровые технологии и права человека: эпоха взаимозависимости или кризис международной системы защиты прав человека? // Правопорядок: история, теория, практика. № 2 (37) / 2023. С. 164 – 172.

References:

[1] Rusinova V.N. International legal qualification of the malicious use of information and communication technologies: in search of consensus//Moscow Journal of International Law. 2022. № 1. S. 38-51.

[2] Stodina D.D. United Nations Convention against Cybercrime 2024 - the result of “cyber compromise” ?//Moscow Journal of International Law. 2025. № 1. S. 110-124.

[3] Chernyadyeva N.A. Digital technologies and human rights: the era of interdependence or the crisis of the international system for the protection of human rights ?//Law and order: history, theory, practice. № 2 (37) / 2023. S. 164-172.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-47-50

МАТВИЕНКО Софья Васильевна,
старший преподаватель Северо-Западного филиала
ФГБОУ ВО «Университета правосудия им В.М. Лебедева»
(г. Санкт-Петербург), e-mail: karafizi.sofya@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье анализируются нормативные основы и практика правового просвещения российской молодежи. На материале действующего законодательства, включая Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», и данных социологических исследований выявлены основные проблемы в этой сфере: фрагментарность нормативного регулирования, отсутствие преемственности между школьным и вузовским этапами правового обучения, правовой нигилизм среди молодых людей, недостаточная юридическая подготовка педагогов. С опорой на отечественные исследования предложены меры по формированию единой системы непрерывного правового воспитания, интеграции цифровых инструментов и привлечению институтов гражданского общества к правопросветительской работе.*

Ключевые слова: *правовое просвещение, молодежь, правовая культура, правовая грамотность, правосознание, правовой нигилизм, молодежная политика, правовое воспитание.*

***MATVIENKO Sofya Vasilievna**,*
the head teacher, North-West Branch
FSBEI HE «RSUJ named after V.M. Lebedev»
(St. Petersburg)

CURRENT ISSUES OF LEGAL EDUCATION OF MODERN RUSSIAN YOUTH: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Annotation. *The article analyzes the regulatory framework and practice of legal education of Russian youth. Based on the current legislation, including the Federal Law 'On Youth Policy in the Russian Federation', and sociological research data, the main problems in this area are identified: fragmentation of regulatory framework, lack of continuity between school and university stages of legal training, legal nihilism among young people, and insufficient legal training of teachers. Based on domestic research, measures are proposed to create a unified system of continuous legal education, integrate digital tools, and involve civil society institutions in legal education work.*

Key words: *legal education, youth, legal culture, legal literacy, legal awareness, legal nihilism, youth policy, legal upbringing.*

Введение. По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2023 года в Российской Федерации проживало около 37,9 млн человек в возрасте от 14 до 35 лет, что составляет 25,9 % от общей численности населения [7]. Эта социальная группа находится на этапе формирования жизненных установок, и уровень ее правовой грамотности напрямую влияет на состояние правопорядка в стране. Между тем социологические опросы фиксируют тревожную картину: значительная часть молодых россиян затрудняется назвать свои конституционные права, слабо ориентируется в механизмах их защиты и относится к закону скорее формально, нежели осознанно. Государство осознает масштаб проблемы. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» включил правовое просвещение и правовое информирование молодежи в число основных направлений молодежной политики (п. 14 ст. 6). Стратегия реализации молодежной политики на период до 2030 года (распоряже-

ние Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р) закрепила противодействие деструктивному поведению молодежи и ее правовое воспитание в качестве приоритетных задач. Однако между нормативными установками и реальной практикой сохраняется разрыв, который требует научного осмысления. Цель настоящей статьи состоит в выявлении ключевых проблем правового просвещения современной российской молодежи и обосновании конкретных мер по их преодолению.

Нормативные основы правового просвещения молодежи. Понятие «правовое просвещение» до настоящего времени не получило легального определения. Как показал А. С. Доценко, отсутствие законодательного закрепления этого термина создает разночтения и затрудняет разграничение правового просвещения, правового воспитания и правового информирования [3]. Тем не менее нормативная база, регулирующая данную деятельность, достаточно обширна. Фундаментальным документом в этой области являются Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утверждены Президентом РФ 28 апреля 2011 г.). Они определяют цели, принципы и механизмы формирования правовой культуры населения, выделяя работу с молодежью в число приоритетов. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» закрепляет правовое просвещение как форму профилактического воздействия (ст. 18). Закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» регламентирует вопросы правового информирования населения (ст. 28). При этом М. А. Истомин и А. В. Нечкин обоснованно указывают на бессистемность существующего регулирования: на федеральном, региональном и муниципальном уровнях действует множество не согласованных между собой актов, что препятствует достижению целей правового воспитания [4, с. 29]. Отсутствие единого координирующего документа, который увязывал бы деятельность образовательных учреждений, органов власти и общественных организаций, порождает дублирование одних функций и пробелы в других.

Проблемы правового просвещения молодежи. Анализ научной литературы и правоприменительной практики позволяет выделить несколько взаимосвязанных проблем, снижающих результативность работы по правовому воспитанию.

Наиболее серьезной из них представляется разрыв преемственности в правовом обучении. Правовые знания, полученные учениками в школе в рамках курса обществознания, практически не получают развития на следующих этапах образования. Для студентов неюридических специальностей правовые дисциплины нередко сводятся к одному семестровому курсу, содержание которого слабо связано со школьной программой. Э. И. Атагимова и Г. И. Макаренко отмечают в связи с этим назревшую необходимость формирования единой программы непрерывного правового воспитания [2, с. 66]. Без такой программы у молодых людей складываются отрывочные, несистемные представления о праве, которые не трансформируются в устойчивые навыки правомерного поведения.

Другая проблема, тесно связанная с первой, состоит в распространенности правового нигилизма. А. А. Керимов, исследуя деформации правосознания в современной России, фиксирует две полярные формы: правовой нигилизм и правовой идеализм. Обе формы наиболее выражены именно среди молодежи [5, с. 102]. По результатам его исследования, молодые россияне склонны либо не доверять правовой системе вовсе, либо, напротив, возлагать на нее нереалистичные ожидания. И то, и другое препятствует формированию зрелой правовой культуры, основанной на понимании как возможностей, так и ограничений правового регулирования. Низкая правовая информированность остается значимым фактором вовлечения молодежи в противоправную деятельность. Э. И. Атагимова, анализируя связь между уровнем правовых знаний и молодежной преступностью, приходит к выводу, что многие молодые граждане не располагают минимальным набором правовых знаний, необходимых для защиты собственных интересов [1, с. 17]. Это делает их уязвимыми перед манипуляцией со стороны экстремистских организаций и провокаторов.

Отдельной проблемой является уровень подготовки тех, кто непосредственно ведет работу по правовому воспитанию в школах. А. В. Минбалеев, исследуя роль медиаобразования в формировании правовой культуры, отмечает, что среди основных препятствий выделяются недостаточная информационно-правовая культура самих педагогов и отсутствие методических разработок по данному направлению [6]. Педагоги, не имеющие юридической подготовки, вынуждены преподавать правовые темы формально, что не формирует у обучающихся ни интереса к праву, ни практических навыков его применения. Наконец, существует заметное несоответствие между каналами коммуникации, которыми пользуется молодежь, и формами правового воспитания. Молодые люди получают информацию преимущественно через социальные сети и мессенджеры, тогда как

работа по правовому просвещению по-прежнему ведется в традиционных форматах лекций и классных часов. Потенциал цифровых инструментов используется минимально, что существенно ограничивает охват аудитории.

Пути решения выявленных проблем. Логика предложенных мер вытекает из структуры обозначенных выше проблем. Преодоление фрагментарности нормативного регулирования требует прежде всего законодательного закрепления самого понятия «правовое просвещение» и принятия на федеральном уровне единой государственной программы, координирующей деятельность школ, вузов, органов власти и общественных объединений. Такая программа должна содержать конкретные показатели результативности и учитывать положения Стратегии реализации молодежной политики на период до 2030 года. Для обеспечения преемственности правового обучения целесообразно выстроить его как непрерывный процесс: от формирования базовых представлений о правах и обязанностях в начальной школе через систематическое изучение отраслей права в старших классах до практико-ориентированных курсов в вузах и колледжах. Ключевым условием здесь выступает разработка единых методических стандартов, обеспечивающих содержательную связь между этапами.

Противодействие правовому нигилизму предполагает смещение акцента с информирования на вовлечение. Положительный опыт накоплен в рамках проектов «Школа права» Ассоциации юристов России, Всероссийского правового диктанта, юридических клиник при вузах. Модельные судебные заседания, правовые квесты, участие студентов в волонтерских консультационных проектах формируют у молодых людей личный опыт правоприменения, который эффективнее лекционного формата.

Повышение квалификации педагогов в области правового воспитания может быть достигнуто за счет включения соответствующих модулей в программы переподготовки, а также за счет привлечения юристов-практиков к проведению занятий в школах. Создание региональных методических центров правового воспитания обеспечило бы постоянную консультативную поддержку педагогическим работникам. Цифровая трансформация работы в сфере правового просвещения представляется одним из наиболее перспективных направлений. Разработка мобильных приложений с правовой информацией, адаптированной для молодежной аудитории, запуск правопросветительских каналов в социальных сетях, создание онлайн-курсов по правовой тематике позволят существенно расширить охват. При этом контент должен использовать язык и форматы, привычные для целевой аудитории: короткие видео, инфографику, интерактивные тесты.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что разрыв между нормативными декларациями и практикой правового воспитания молодежи обусловлен не дефицитом правовых актов, а их несогласованностью и отсутствием единой методологии. Ни один из выявленных факторов (разрыв преемственности, правовой нигилизм, низкая информированность, слабая подготовка педагогов, устаревшие форматы коммуникации) не может быть устранен изолированно; они образуют систему, воспроизводящую низкий уровень правовой культуры. Соответственно, и меры по их преодолению должны носить системный характер. Принятие единой государственной программы непрерывного правового воспитания, опирающейся на современные цифровые инструменты и вовлекающей институты гражданского общества, способно обеспечить качественный сдвиг в формировании правосознания молодых россиян. Практическая реализация этих мер, безусловно, требует дальнейших эмпирических исследований, в том числе мониторинга эффективности конкретных форм работы по правовому воспитанию в различных регионах страны.

Список литературы:

[1] Атагимова Э. И. Правовое просвещение и предупреждение молодежной преступности // Мониторинг правоприменения. 2015. № 4 (17). С. 16–22.

[2] Атагимова Э. И., Макаренко Г. И. Правовое просвещение: проблемы и пути решения // Мониторинг правоприменения. 2015. № 1 (14). С. 64–68.

[3] Доценко А. С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1 (110). С. 113–121.

[4] Истомин М. А., Нечкин А. В. Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 2. С. 26–33.

[5] Керимов А. А. Проблемы правовой культуры в современной России // Koinon. 2022. Т. 3. № 3-4. С. 98–106.

[6] Минбалеев А. В. Роль медиаобразования в формировании информационно-правовой культуры современной молодежи // Медиаобразование. 2014. № 2. С. 70–76.

[7] Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 17 августа 2024 г. № 2233-р // Собрание законодательства РФ. 2024. № 35. Ст. 5139.

References:

[1] Atagimova E. I. Legal education and prevention of youth crime//Monitoring of law enforcement. 2015. № 4 (17). S. 16-22.

[2] Atagimova E.I., Makarenko G.I. Legal education: problems and solutions//Monitoring law enforcement. 2015. № 1 (14). S. 64-68.

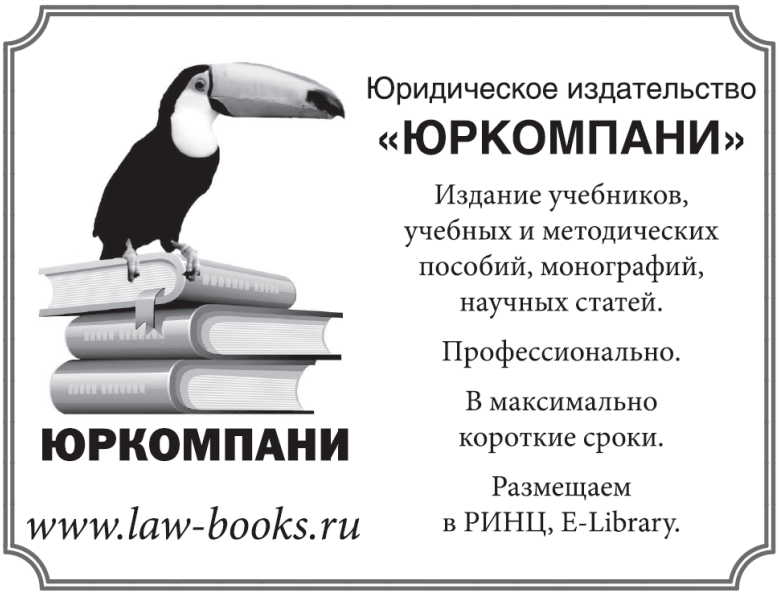
[3] Dotsenko A. S. On the concept of legal education//Actual problems of Russian law. 2020. № 1 (110). S. 113-121.

[4] Istomin M.A., Nechkin A.V. Legal education in Russia: modern problems of theory and practice// Legal Bulletin of Samara University. 2021. VOL. 7. № 2. S. 26-33.

[5] Kerimov A. A. Problems of legal culture in modern Russia//Koinon. 2022. VOL. 3. № 3-4. S. 98-106.

[6] Minbaleev A. V. The role of media education in the formation of the information and legal culture of modern youth//Media education. 2014. № 2. S. 70-76.

[7] Strategy for the implementation of youth policy in the Russian Federation for the period up to 2030: approved by by order of the Government of the Russian Federation of August 17, 2024 No. 2233-r// Collection of legislation of the Russian Federation. 2024. № 35. Art. 5139.



Дата поступления рукописи в редакцию: 23.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-51-54

ШУЛЬЖЕНКО Даниил Андреевич,
аспирант 1 года обучения,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
e-mail: daniil.shulzhenko@icloud.com

Научный руководитель:
САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного и международного права
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

ПРИНЦИП ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ: НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И РАЗВИТИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *Работа посвящена фундаментальному принципу территориальной целостности. Подчеркивая актуальность проблематики, связанной с регламентацией и толкованием принципа территориальной целостности, автор отмечает особую значимость данного принципа на современном этапе в условиях глобальных вызовов современности. В работе акцентируется внимание, что принцип территориальной целостности важен как в разрезе международных отношений, так и на внутригосударственном уровне. Анализируя нормативно-правовую основу принципа территориальной целостности, автор обращается к анализу п. 3 ст. 4 Конституции РФ, где речь идет о целостности территории. При этом делается вывод о равнозначности понятий «целостность территории» и «территориальная целостность». На основе анализа содержания конституционной реформы 2020 года автор приходит к выводу о развитии принципа территориальной целостности, что нашло свое отражение в появлении новой нормы, зафиксированной в п. 2.1. ст. 67 Конституции РФ, где получил легальное закрепление термин «территориальная целостность». Также анализируются понятия «территориальная целостность» и «государственная целостность», делается вывод об их соотношении, но не тождестве.*

Ключевые слова: *конституционные принципы, территориальная целостность, государственная целостность, целостность территории.*

SHULZHENKO DANIIL ANDREEVICH,
1st year postgraduate student,
All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry
of Justice of the Russian Federation)

THE PRINCIPLE OF TERRITORIAL INTEGRITY: LEGAL FOUNDATIONS AND DEVELOPMENT AT THE PRESENT STAGE

Annotation. *The work is devoted to the fundamental principle of territorial integrity. Emphasizing the relevance of the issues related to the regulation and interpretation of the principle of territorial integrity, the author notes the special significance of this principle at the current stage in the context of global challenges. The work emphasizes that the principle of territorial integrity is important both in terms of international relations and at the domestic level. By analyzing the legal basis of the principle of territorial integrity, the author turns to the analysis of Article 4, paragraph 3, of the Constitution of the Russian Federation, which refers to the integrity of the territory. The author concludes*

that the concepts of "territorial integrity" and "territorial unity" are equivalent. Based on the analysis of the content of the 2020 constitutional reform, the author concludes that the principle of territorial integrity has evolved, which is reflected in the introduction of a new norm in Article 67, paragraph 2.1, of the Constitution of the Russian Federation, which legally defines the term "territorial integrity." The concepts of "territorial integrity" and "state integrity" are also analyzed, and their relationship is concluded, but not their identity.

Key words: *constitutional principles, territorial integrity, state integrity, and territorial unity.*

Принцип территориальной целостности сформировался не сегодня, его основы уходят в глубокую историю, когда государства стремились обезопасить свои владения от посягательств соседей. Что касается современного периода, то он приобрел международно-правовое значение на фоне событий Второй мировой войны. Знаковым обстоятельством для развития принципа территориальной целостности стало создание Организации Объединенных Наций, что явилось свидетельством осознания мировым сообществом необходимости установления четких правил, предотвращающих агрессию и войны.

На протяжении не одного десятка лет принцип территориальной целостности выступал гарантом мира и стабильности, способствуя развитию межгосударственных отношений на основе взаимного уважения и предсказуемости. На основании данного принципа шел процесс формирования международных границ, признания государств и регулирования их взаимодействия. Территориальная целостность, будучи краеугольным камнем международного порядка, в XXI веке сталкивается с невиданными угрозами. Среди них – геополитические амбиции, сепаратизм, гибридные войны, информационные атаки, международный терроризм, а также экономическое давление и санкции.

Несмотря на существующие трудности, значимость принципа территориальной целостности не только сохраняется, но и усиливается. Это обусловлено тем, что признание и соблюдение территориальной целостности выступают в качестве фундаментальной предпосылки для успешного взаимодействия на международной арене.

Принцип территориальной целостности, прежде всего, относится к числу важнейших принципов международного права.[1] Говоря о значении данного принципа ученые-международники, в частности, Л.И. Волова, отмечают его роль в контексте обеспечения независимого развития государств, способных противостоять внешней агрессии.[2] В науке конституционного права территориальная целостность традиционно рассматривается как один из конституционных принципов, имеющих значение в рамках различных отраслевых институтов.

Изначально, нормативно-правовым базисом для выделения указанного принципа послужили положения российского основного закона, закрепленные в ст. 4, где речь идет об обязательствах нашей страны обеспечить целостность и неприкосновенность своей территории (п. 3). Хотелось бы обратить внимание на понятийно-категориальный аппарат нормы п.3 ст.4 Конституции РФ. Законодатель не употребляет термин «территориальная целостность», в указанной норме говорится о целостности территории. Полагаем, что использование в доктрине приема адъективации вполне уместно без потери смысловой нагрузки указанных понятий. Как видно из содержания п. 3 ст. 4 Конституции РФ целостность территории российского государства органично связана с ее неприкосновенностью. Положение о неприкосновенности территории с точки зрения международных процессов предполагает недопустимость чьего-либо посягательства извне, направленное на реализацию территориальных притязаний.

Что касается исследуемого нами принципа территориальной целостности, то о нем ученые говорят, как правило, именно в контексте п.3 ст.4 Конституции РФ. Примером могут служить рассуждения С.В. Нарутто, которая подчеркивает, что в соответствии с указанной нормой территориальную целостность можно рассматривать в двух аспектах - международном и внутринациональном.[3] Также отметим, что комментируя содержащуюся в п. 3 ст.4 Конституции РФ норму, некоторые авторы отождествляют понятие «целостность территории» с понятием «целостность российского государства». [4] На наш взгляд, подобное отождествление вполне допустимо, если учитывать тесную связь категорий «государство» и «территория». Однако, считаем нецелесообразным смешивать указанные понятия, хотя и близкие по значению, но имеющие различную смысловую нагрузку. Очевидно, что понятие «целостность российского государства» по своему содержанию шире, нежели понятие «целостность территории».

Некоторые авторы содержащуюся в п.3 ст.4 норму о целостности и неприкосновенности территории толкуют через анализ основных свойств суверенной власти. В рассматриваемой норме, по мнению Ю.А. Дмитриева, получил закрепление

такой признак суверенной государственной власти как ее неделимость.[5] С течением времени рассматриваемый принцип территориальной целостности получил свое дальнейшее развитие, в частности, в рамках конституционной реформы 2020 года. Имеется в виду новое положение ст. 67 Конституции РФ, которая была дополнена пунктом 2.1. В соответствии с новой нормой Российская Федерация должна обеспечить защиту своей территориальной целостности наряду с суверенитетом. В современной конституционно-правовой доктрине подчеркивается, что указанные новеллы появились в нашем основном законе не случайно, они явились результатом народной воли, направленной на усиление конституционно-правовых гарантий территориальной целостности российского государства.[6]

Примечательно, что в рассмотренной норме п.2.1 ст.67 Конституции РФ законодатель использует непосредственно термин «территориальная целостность». Это единственный случай использование указанного термина в нормах основного закона. Необходимо отметить, что наряду с категорией «целостность территории» («территориальная целостность»), в Конституции РФ также употребляется термин «государственная целостность» (п. 3 ст. 5). При этом государственная целостность указывается как основа федеративного устройства нашей страны. В этой связи считаем необходимым провести анализ соотношения данных категорий.

В рамках конституционно-правовой доктрины государственную целостность рассматривают как один их принципов российского федерализма. В частности, в своем учебном курсе В.Е. Чиркин с опорой на ст. 5 Конституции РФ раскрывает содержание принципа государственной целостности как единство территории, государственного суверенитета, экономического пространства, правового пространства при верховенстве федерального права.[7] Приведенные рассуждения автора с очевидность свидетельствуют о тесной взаимосвязи понятий «государственная целостность» и «территориальная целостность». Представляет интерес толкование рассматриваемых терминов в рамках осуществления конституционного правосудия. Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 31.07.1995 г. подчеркнул, что и в п.3 ст. 4 и в п.3 ст. 5 Конституции РФ речь идет о государственной целостности как основе конституционного строя Российской Федерации.[8] В науке конституционного права неоднократно обращалось внимание на необоснованное смешение термина «территориальная целостность» с другими правовыми категориями. В частности, Н.А. Михалева анализируя данный факт, отмечает, что ученые зачастую отождествляют такие понятия, как «территориальная целостность», «государственное единство», «государственная целостность».[9] При этом мы согласны с автором, что данные понятия, безусловно, взаимосвязаны, но не тождественны.

Итак, анализ законодательства, доктрины и правоприменительной практики позволяет нам сделать вывод, что как равнозначные используются следующие термины: «целостность территории», «территориальная целостность», «государственная целостность», «целостность российского государства». Полагаем, что термины «целостность территории» и «территориальная целостность» тождественны по содержанию и означают постоянство государственной территории и недопустимость сецессии. Если соотносить категории «территориальная целостность» и «государственная целостность», то второе является более широким понятием и предполагает первое.

Список литературы:

[1] См.: Моджорян Л.А. Становление и развитие демократических принципов международного права. М., 1969. С. 75.

[2] Волова Л.И. Принцип территориальной целостности и неприкосновенности в современном международном праве / Отв. ред. В.К. Собакин. Ростов, 1981. С. 22.

[3] Территория в публичном праве / И.А. Алебастрова, И.А. Исаев, С.В. Нарутто и др. М.: Норма, Инфра-М, 2013.

[4] См., например: Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015.

[5] Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / М.П. Авдеенкова, А.Н. Головистикова, Л.Ю. Грудцына и др.; рук. авт. кол. Ю.А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2013.

[6] Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 т. / С. А. Авакьян. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2026.С. 99.

[7] Чиркин В.Е. Конституционное право: учебник для бакалавриата / В.Е. Чиркин. - М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2018. С. 146.

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 N 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. N 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных воору-

женных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино - ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. N 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. N 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Михалева Н.А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М.: ЮРКОМПАНИ, 2010.

References:

[1] See: Modyorian L.A. The Formation and Development of the Democratic Principles of International Law. Moscow, 1969, p. 75.

[2] Volova L.I. The Principle of Territorial Integrity and Inviolability in Modern International Law / Edited by V.K. Sobakin. Rostov, 1981. P. 22.

[3] Territory in Public Law / I.A. Alebastrova, I.A. Isaev, S.V. Nutto, et al. Moscow: Norma, Infra-M, 2013.

[4] See, for example: Barkhatova E.Yu. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (by Article). 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Prospekt, 2015.

[5] The Constitution of the Russian Federation. Doctrinal Commentary (Article-by-Article) / M.P. Avdeenkova, A.N. Golovistikova, L.Yu. Grudtsyna, et al.; ed. by Yu.A. Dmitriev, scientific ed. by Yu.I. Skuratov. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Statut, 2013.

[6] Constitutional Law of Russia. Training course: textbook: in 2 vol. / S. A. Avakyan. — 7th ed., revised. and add. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. P. 99.

[7] Chirkin, V.E. Constitutional Law: Textbook for Bachelor's Degree / V.E. Chirkin. - Moscow: NORMA: INFRA-M, 2018. P. 146.

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 31 July 1995 No. 10-P "In the case of checking the Constitutionality of Decree of the President of the Russian Federation No. 2137 of November 30, 1994 "On measures to restore constitutional legality and law and order on the Territory of the Chechen Republic", Decree of the President of the Russian Federation No. 2166 of December 9, 1994 "On measures to curb the activities of Illegal Armed Groups on the Territory of the Chechen Republic and in the the Ossetian-Ingush conflict", Decree of the Government of the Russian Federation No. 1360 of December 9, 1994 "On Ensuring State Security and Territorial Integrity of the Russian Federation, Legality, Rights and Freedoms of Citizens, disarmament of Illegal Armed Groups on the Territory of the Chechen Republic and adjacent regions of the North Caucasus", Decree of the President of the Russian Federation of November 2, 1993 G. N 1833 "On the basic provisions of the military doctrine of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus".

[9] Mikhaleva, N.A. Constitutions and Statutes of the Subjects of the Russian Federation (Comparative Legal Study). Moscow: YURKOMPANI, 2010.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-55-64

БЕРЗЕНИЯ Тимур Эрикович,
аспирант,
Кубанский Государственный Университет,
e-mail: TimBer95@mail.ru

О ПОНИМАНИИ ДЕМОКРАТИИ ФИЛОСОФОМ ЖАЙМЕ ЛИМОЙ

Аннотация. *Цель статьи – реконструкция и концептуальный анализ философско-политических воззрений португальского мыслителя Жайме де Магальяйнша Лимы на природу демократии, её устойчивость и внутренние противоречия на материале его ключевых работ, прежде всего эссе «Демократия» (1888). Методология исследования базируется на историко-философском и сравнительно-политологическом анализе текстов Лимы, а также на применении герменевтического подхода для выявления этических оснований его политической теории. Рассмотрение взглядов автора осуществляется в широком контексте европейской интеллектуальной традиции конца XIX – начала XX века. Результаты: выявлено, что Лима, сочетая толстовскую этику и приверженность традиционным ценностям, разрабатывает оригинальную концепцию демократии как нравственного идеала и конкретного механизма властвования. Установлено, что мыслитель диагностирует демократию как наиболее хрупкую форму правления, выделяя в качестве дестабилизирующих факторов империализм и радикализм. Показано, что Лима подвергает критике всеобщее избирательное право, ведущее, по его мнению, к формированию олигархии и «политической капитализации». Особое место в его наследии занимает анализ американской модели, которая интерпретируется им как образец стабильности, достигнутой не прямым народовластием, а системой институциональных сдержек и заимствованием британских традиций. Зафиксировано, что одной из главных угроз демократии Лима считает разрастание безответственной бюрократии. Выводы: исследование демонстрирует, что мыслитель не отвергает демократический принцип как таковой, но стремится преодолеть его внутреннюю нестабильность через восстановление нравственных оснований политики, корпоративного представительства и ограничение законодательной «лихорадки», предлагая, по сути, этически ориентированную модель укрепления народовластия.*

Ключевые слова*: демократия, народ, воля, демократический политический режим, политический режим, общество, элита.*

BERZENIA Timur Ericovich,
Postgraduate student,
Kuban State University

ABOUT THE PHILOSOPHER JAIME LIMA'S UNDERSTANDING OF DEMOCRACY

Annotation. *The purpose of the article is to reconstruct and conceptually analyze the philosophical and political views of the Portuguese thinker Jaime de Magallanes Lima on the nature of democracy, its stability and internal contradictions based on the material of his key works, primarily the essay "Democracy" (1888). The research methodology is based on the historical-philosophical and comparative-political analysis of Lima's texts, as well as on the application of a hermeneutic approach to identify the ethical foundations of his political theory. The author's views are considered in the broad context of the European intellectual tradition of the late 19th and early 20th centuries. Results: it is revealed that Lima, combining Tolstoy's ethics and adherence to traditional values, develops an original concept of democracy as a moral ideal and a specific mechanism of power. It is established that the thinker diagnoses democracy as the most fragile form of government, singling*

out imperialism and radicalism as destabilizing factors. It is shown that Lima criticizes universal suffrage, which, in his opinion, leads to the formation of an oligarchy and "political capitalization." A special place in his legacy is occupied by the analysis of the American model, which he interprets as a model of stability achieved not by direct rule of the people, but by a system of institutional checks and borrowing of British traditions. It has been recorded that Lima considers the proliferation of irresponsible bureaucracy to be one of the main threats to democracy. Conclusions: the study demonstrates that the thinker does not reject the democratic principle as such, but seeks to overcome its internal instability by restoring the moral foundations of politics, corporate representation and limiting the legislative "fever", offering, in fact, an ethically oriented model of strengthening democracy.

Key words: *democracy, people, will, democratic political regime, political regime, society, elite.*

Введение:

Жайме де Магальяйнш Лима был выдающимся политиком, критиком, мыслителем в Португалии в конце XIX – начале XX веков. Родился он в 1859 году в небольшом городе Анадии, в семье, принадлежавшей к провинциальной земельной аристократии. Его ранние годы прошли в сельской местности, что сформировало глубокую, почти мистическую связь с португальским ландшафтом и традиционным укладом жизни. Получив строгое католическое воспитание, он на всю жизнь сохранил приверженность религиозным ценностям, которые позднее стремился гармонизировать с современными ему социальными идеями. Образование он завершил на юридическом факультете Коимбрского университета — интеллектуального центра, где в то время бурлили споры между традиционализмом и нарождающимся республиканским движением. В Коимбре он активно участвовал в академической жизни, вращаясь в кругах, где обсуждались проблемы национальной идентичности и будущего Португалии. Не удовлетворившись карьерой юриста, он посвятил себя литературе и публицистике, став заметной фигурой в культурной жизни своей родины. Он лично общался с ключевыми мыслителями своего времени, что позволило ему стать своеобразным «мостом» между португальской культурой и общеевропейскими философскими течениями. Он был активным участником движения «португальского ренессанса» (Renascença Portuguesa), ставившего целью духовное и культурное возрождение нации. В течение жизни его взгляды эволюционировали от умеренного либерализма к более консервативному и эсхатологическому восприятию истории и современности. Не занимая официальных академических постов, Лима оказывал влияние через журналистику, публичные лекции и участие в интеллектуальных обществах. Его фигура остаётся противоречивой: одни видят в нем пророка и духовного учителя, другие — утопического реакционера, носящего маску прогрессиста. Его труды носили не только политический оттенок, но и элементы художественной романтики.

В 30 лет Жайме Лима издает сборник «Города и пейзажи» [9] с изложением путевых и философских очерков о городах и природных ландшафтах Европы. Жайме Лима исследует, как пространство формирует человеческий характер и моральное чувство. Там город противопоставляется природе как символ духовного напряжения и культурного кризиса. Социально-экономическая структура городов практически не анализируется, уступая место эстетике и этике.

Лима также был одним из самых известных последователей Льва Толстого в Европе. Публицист и политолог, не просто восхищался произведениями великого писателя, но и сам в 1892г. написал работу «Учения графа Льва Толстого» [8], в которой систематически изложена критика насилия. Толстовство, как философское явление, им представлено неким универсальным путем нравственного обновления общества.

В 1899г. под его авторством издается серьезный экономический труд «Сельскохозяйственный кредит в Португалии» [10]. Это не просто мнение Лимы, но экономико-публицистическое исследование системы сельскохозяйственного кредита в родной стране. Там он анализирует проблемы доступа крестьян к финансированию и необходимость институциональных реформ. Лима рассматривает кредит как средство морального и национального возрождения сельской жизни. Хоть в работе и существует критика капиталистических финансовых отношений, однако она носит умеренный и реформаторский характер.

В его сборнике эссе 1902г. «Голоса из моего дома» [11], им рассматривается семья как нравственная основа общества. Тексты насыщены этическими и эмоциональными размышлениями.

При жизни Лима издал несколько биографических очерков о видных личностях: об общественном деятеле Эдмунде Машаду, об ораторе Жозе Этевано, об историке Оливейре Мартинше, о святом Франциске Ассизском и др.

В 1909г. в своей статье он сокрушительно критикует аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Лима негативно высказывается об империалистической политике. Однако, он

делает это не с точки зрения экономики, политики, а с точки зрения нравственных и правовых позиций. Причины международных конфликтов он объясняет именно моральным кризисом общества и элит.

Однако, на фоне множества его статьей, публикаций, романов, выделяется философско-политическое эссе 1888г. под названием «Демократия», посвящённое сущности и задачам данного политического режима. Лима рассматривает демократию как нравственный идеал и форму общественного согласия, а не как результат классовой борьбы, например. В ней он анализирует мысли английского социолога Самнера Мейна, и основное внимание им акцентируется гражданским добродетелям, ответственности личности и моральному воспитанию народа для достижения демократии.

Материалы и методы исследования.

Эмпирическую базу работы составило оригинальное сочинение Жайме де Магальяйнша Лимы. Центральным источником выступил его философско-политический трактат «Democracia: (A questão portugueza)» (1888), в особенности его первая глава, содержащая развернутую критику демократической формы правления и анализ перспектив народовластия. Для реконструкции эволюции мировоззрения мыслителя привлекались: сборник путевых очерков «Cidades e Paisagens» (1880), раскрывающий его эстетико-философские воззрения на взаимосвязь пространства и человеческого характера; работа «As doutrinas do conde Leão Tolstoi» (1892), позволяющая проследить влияние толстовской этики на формирование нравственно-религиозной позиции автора; экономико-публицистическое исследование «O credito agricola em Portugal» (1899), демонстрирующее интерес Лимы к конкретным социально-экономическим проблемам португальской деревни; а также сборник этических эссе «Vozes do meu lar» (1902), посвященный семье как нравственной основе общества. Исследование носило качественный характер и основывалось на комбинаторной методологии, включающей следующие методы: общенаучные методы, технико-юридический метод, общефилософские методы.

Литературный обзор

Группу источников составляют труды мыслителей и политических деятелей, тезисы которых взяты для возражения мыслей Лимы. Среди них: работа Ф. Эймса «Works of Fisher Ames» (1809), содержащая метафору демократии как вулкана; эпистолярное наследие Дж. Адамса (письмо Д. Тейлору от 15 апреля 1814 г.), где формулируется тезис о самоубийственном характере демократии; исследование Э. У. Робинсона «The First Democracies: Early Popular Government Outside Athens» (1997); фундаментальный труд В. П. Бузескула «История афинской демократии» (2003); современное исследование В. Р. Гущина «Афины на пути к демократии: VIII–V века до н.э.» (2021); работа Ч. Тилли «Демократия» (2009), подтверждающая тезис об обратимости демократических форм правления; а также теоретические разработки Р. Чопп, Д. Хелда, Р. Т. Мухаева, Ф. Б. Хейманна и Ф. Нонета, привлекаемые для сравнительного анализа.

В первой главе под названием «Будущее демократии», Лима выдвигает ключевой тезис – происходит утрата «райских иллюзий» о демократии как о безусловном благе, ведущем к эре процветания. Политика, как и литература, по его мнению, вступает в «реалистическую» фазу, отвергая опасные абстракции (здесь происходит явный намек на идеи Просвещения и естественного права). Теперь допустимо, не будучи обвиненным в варварстве, спрашивать о долговечности демократических форм — это знак зрелости политической мысли. Мыслитель отмечает парадокс: несмотря на рост критического анализа, для многих демократия остается неопровержимой догмой, подобной религиозной вере. Он приводит блестящую аналогию с предреволюционной Францией для иллюстрации слепоты элит, не желавших видеть нарастающий кризис абсолютизма. Например, как сообщает Лима, известный британский дипломат Лорд Честерфилд и философ из Шотландии Дэвид Юм ошибались, считая французский абсолютизм стабильным и процветающим, — институты, кажущиеся вечными, могут рухнуть неожиданно. Главный вопрос, который задает автор труда в этой главе: «не находимся ли мы (общество) в аналогичной иллюзии относительно «неодолимости» победившей демократии?». Здесь, несомненно, можно вспомнить схожие мысли оратора по имени Фишер Эймс, что заявлял: «Демократия — это вулкан, который скрывает в себе огненные материалы собственного разрушения. Они вызовут извержение и принесут опустошение на своём пути» [6]. Или можно сослаться на мысли второго президента США Д.Адамса в письме политику Д.Тейлору, где сформулировано, что «Помните: демократия никогда не длится долго. Она быстро растрачивает, истощает и убивает себя. Ещё не было демократии, которая не совершила бы самоубийства» [7]. Жайме Лима также задается вопросом: содержат ли демократические правительства внутренние элементы распада, угрожающие их стабильности?

Лима не просто объясняет, но требует читателей к выработке профессионально-юридического подхода строго определить термин «демо-

кратия» во избежание путаницы. Известный педагог Ребекка Чоп твердит, что «демократия никогда не бывает лишь набором законов равенства и справедливости. Скорее она есть непрерывная интерпретация самой себя, непрерывное производство новых практик, новых ценностей и форм общественной и частной жизни» [15]. Британский социолог Дэвид Хелд считает же, что демократия «означает форму правления, при которой, в отличие от монархии и аристократии, правит народ. Демократия порождает политическое сообщество, в котором для народа существует определенная форма политического равенства» [5]. Российский ученый Р.Мухаев писал, что «демократия — форма государства, характеризующаяся рядом признаков: источник власти — народ; свободные выборы как способ формирования властных институтов; равноправие граждан; гарантия прав и свобод личности и др.» [3]. В случае Жайме де Магальяйнш Лима, то он придерживается следующего понимания содержания демократии: если существует политический режим, где власть (управленец, элита, слой, либо правитель) стоит выше населения, а власть населения считается опекуном, и каковы бы ни были ее недостатки, управляемые должны оказывать всяческое почтение, то демократия – это обратное, это именно политический режим, где любые представители власти являются простыми агентами и уполномоченными временными управленцами, а источник власти кроется в населении, которые дают возможность управлять или отнимать, как сочтут более полезным. Автор хотя и сообщает, что содержание такого понимания будет все равного недостаточным. Ибо нужно было бы добавить труды философов и ученых, подготовивших народный дух, и условия, в которые научный прогресс поставил производство богатства; нужно было бы, главным образом, изучить исторические обстоятельства, определившие утверждение демократии, — обстоятельства, различные для каждой нации [12]. А в этом смысле возможно содержание и природа демократии в разных странах может быть разной.

Жайме Лима мудро отказывается от монистического объяснения происхождения демократии, указывая на совокупность причин: конституционные прецеденты, философские труды, научный прогресс, уникальные исторические обстоятельства.

Переходя к истории, португальский критик делает ключевое наблюдение: демократия проявила большую нестабильность, что требует поиска общих системных причин. Приводится наглядная эмпирика: французская чехарда режимов, испанские восстания, трагическая статистика по президентам Боливии и др. На основе исторического обзора делается смелый вывод: демократия — наиболее хрупкий и нестабильный режим, подверженный переменам. Этого же мнения, например, придерживается Ч. Тилли – социолог и историк, который пишет: «даже в недавние времена демократия была неустойчивой и обратимой формой правления» [4].

Лима же видит корень нестабильности демократии в двух «национальных чувствах»: в империализме и радикализме. Империализм и демократия непримиримы; главное условие первого — повиновение, а фундаментальная основа второго (то есть народных правительств) — это свобода обсуждения и способность к мятежу. Всякий раз, когда эти две противоположные тенденции проявляются, беспорядок будет неизлечим: однако победа нередко достается империализму, потому что чувство мира и порядка в сознании людей иногда выше чувства свободы. Это чувство порядка начинается с того, что насильственно навезётся повиновение, а затем воспитательное воздействие, а привычка сделает со временем общество абсолютно покорным. Вторая из перечисленных причин потрясений — это Радикализм. «Не могло бы быть более грозного и угрожающего для народного правительства «знамения времени», чем появление непримиримых групп в массе населения» [12] - заверяет автор. Радикализм представляет собой смертельную угрозу для демократии, поскольку его воинственная непримиримость и стремление к перманентному хаосу сталкиваются с присущей демократической системе слабостью и нерешительностью власти. Эта внутренняя уязвимость демократии, порожденная её фрагментацией и изменчивостью, не способна противостоять организованному радикализму, чья единственная цель — разрушение порядка, а не созидание новой формы правления. Демократии действительно находят в этих формах радикализма врага, который постоянно колеблет их между жизнью и смертью.

Лима, поддерживая мысль философа Гоббса, о том, что стремление к свободе есть стремление к доле во власти. Демократия дает эту долю, но автор также сомневается в ее эффективности, указывая на реальную концентрацию власти в руках ловких манипуляторов. Вводится важная экономическая аналогия: существует «политическая капитализация», порождающая «политических предпринимателей» и «влиятельных людей». Португальский политолог анализирует США, считающиеся эталоном демократии, однако и им же приводятся как пример, как там превращается голос человека в товар, а власти — в объект капитализации. Лима делает радикаль-

ный вывод: всеобщее избирательное право на практике может стать основой «подлинной тирании» новой олигархии.

Лима в своей работе также формализует о «войнах политического феодализма» и «избирательных маркизатах» — яркая метафора для клиентелизма и партийных машин. Даже в идеальной модели свободного голосования автор видит проблему: консерватизм народного духа, враждебного инновациям, идущим от науки. Формулируется важное теоретическое противоречие: между импульсами массовой демократии и требованиями научно-технического прогресса. Мыслитель утверждает, что процветание возможно и при недемократических режимах (например Помбала в Португалии), что подрывает тезис о демократии как единственном условии прогресса.

Часть первой главы посвящена демократии Афинского общества. Если историк-антиковед Робинсон говорит, что в самом общем виде демократия определяется как тип власти, основанной на правлении народа [16]. Если историограф Бузескул верит, что «Афинская демократия, со всеми ее недостатками и светлыми сторонами, сложилась исторически, была национальным созданием афинского народа» [1]. Если историк Гущин, анализируя Афинскую демократию, приходит к мысли, что демократия древними греками понималась не только как политический строй, но и как идея, находящая воплощение в политических институтах [2]. То философ Лима, выделяя и великое искусство, науку и философию греков, считает, что демократия Афин была не чем иным, как аристократией, возвысившейся на развалинах другой, гораздо более ограниченной аристократии. Великолепие, привлекавшее в Афины весь самобытный гений тогдашнего цивилизованного мира, питалось наложением безжалостных налогов на тысячу подвластных городов; а искусные рабочие были простыми рабами.

Апеллируя к социологу Мейну, автор переходит к, возможно, самому острому вызову — проблеме перераспределения богатства при демократии. Придя к власти, трудящиеся классы через демократические институты попытаются исправить имущественное неравенство. Эта попытка, по Мэйну, рисована, так как двигатели производства (свободная конкуренция) неразрывно связаны с неравенством в распределении. Ссылаясь на Мейна, Лима постулирует лишь две исторически эффективные системы: 1) свободную конкуренцию и 2) принудительный труд (рабство, как при Инках). Общества, по его мнению, обречены выбирать одну из этих систем под угрозой нищеты и упадка. Автор начинает полемику, указывая, что демократия на практике часто порождает не власть трудящихся, а новые олигархии, правящие в своих интересах. Но португалец продолжает настаивать, что, если демократия станет подлинной, она неизбежно будет править в интересах большинства, то есть менять правила экономической игры. С юридической тонкостью отмечается, что право собственности уже ограничено (например, налогообложением и возможной экспроприацией), но это не уничтожает стимул к его приобретению. Делается смелое заявление им: свободная конкуренция, порождающая капитализм, по своей сути (эксплуатационной) не отличается от рабства. Ставится ключевая цель: установить конкуренцию на основе справедливого распределения, сохранив стимул к труду. Делается принципиальный вывод: если ради большей справедливости придется пожертвовать частью экономической эффективности, это приемлемая цена.

Лима предстает все равно в качестве идеалиста. Рассуждения о том, станет ли демократия «подлинной» и сможет ли она через реформы изменить экономическую систему, отражают реформистскую иллюзию. Государство при капитализме, независимо от его формы (демократия, диктатура), по сути является «комитетом по управлению общими делами всего класса буржуазии». Его институты, включая парламент, суды, полицию, в конечном счёте защищают отношения частной собственности. Вера в то, что можно постепенно, через демократические процедуры, «исправить имущественное неравенство» и установить «справедливое распределение», игнорирует классовый характер государства. Правящий класс не отдаст свою власть и собственность добровольно через голосование. Любые серьёзные реформы, реально угрожающие его господству, рано или поздно будут встречены экономическим саботажем, политическим кризисом или открытым насилием.

Вторая глава его труда пытается понять «Природу демократии». Лима продолжает методологически важную работу по строгому определению ключевого понятия «демократии», справедливо отмечая, что без этого любая дискуссия о теряет смысл. Лима видит демократию не как ценность или идеал, а конкретный механизм осуществления власти, имеющий те же функции (обеспечение порядка, безопасности), что и иные формы. Теоретик права акцентирует «первый долг» любого правительства — охрана национального существования, что коррелирует с классической функцией государства по обеспечению внешнего и внутреннего суверенитета. Автор выстраивает иерархию обязанностей государства: первична внешняя безопасность, а следом — внутренняя, обеспечиваемая навязыванием уважения к законам. Лима отмечает жесткий «реалистический» критерий оценки режима: его способность выжить

и поддерживать порядок, а не соответствие абстрактным идеалам. Критикуется романтическая иллюзия о спонтанном правопорядке: Лима, как хороший историк права, указывает, что такие привычки — продукт долгой репрессивной деятельности государства, а не его отсутствия. Им делается важное обобщение: демократии, вышедшие из Французской революции, обвиняются в «перманентном социальном брожении», то есть хронической неспособности обеспечить базовый порядок. Политолог сохраняет научную объективность, допуская поиск лекарств для демократии «в рамках того же принципа правления», не отрицая его полностью. Лима доносит до читателя мысль, что основатели политической философии Афин и ключевые фигуры Нового времени (такие как Токвиль или Тьер) относились к демократии скептически или страхом. Переходя к анализу «цементирующих» сил демократии, автор называет дух партийности и коррупцию, отмечая их древнее происхождение. Коррупция диагностируется Лимой как «величайший рак» народных правительств, находящий в них особенно благодатную почву. Похожее мнение озвучивал известный юрист, профессор Ф.Хейманн: «одна из важнейших взаимосвязей между коррупцией и демократией заключается в том, что коррупция может серьезно подорвать поддержку демократии в любой хрупкой демократической стране» [14]. Жайме Лима делает важное уточнение: коррупция не исключительное свойство демократий, но демократии, основанные на индивидуализме и конкуренции, создают для нее «в высшей степени благоприятную» почву. Политолог связывает всплеск коррупции с открытием доступа во власть для «самых мелких» честолюбцев, не обремененных сословной или профессиональной этикой. Конечная цель его анализа — прагматична: найти способ обеспечить через демократические институты «порядок в обществе и разумное и честное управление».

Третья глава работы называется «Эпоха прогресса». Лима в ней описывает современную ему эпоху как «период непрерывного законодательства», где реформы нагромождаются ради самих реформ, создавая видимость плодородия при реальном бесплодии. Законодательная деятельность доведена до состояния «лихорадки», парализующей нормальную работу парламентов, которые перестают обсуждать бюджеты и отчеты. Демократический импульс характеризуется как слепое стремление «вперед, всегда вперед», пренебрегающее укреплением, исправлением и развитием существующих институтов. Автор проводит аналогию между Реформацией XVI века и политическими реформами XIX века, отмечая, что и там, и здесь масса людей увлечена «удовольствием менять ради самой перемены». В основе этой страсти к переменам могут лежать как эгоистические интересы вождей, так и бессознательное подражание и слепое следование инстинктам. Ключевой вопрос согласно мыслителю Лиме: является ли это изменение реальным прогрессом, ведущим к улучшению, или же оно самоцельно и деструктивно. Мыслитель задается вопросом о природе этой страсти: является ли она универсальным свойством человеческой природы или временным политическим феноменом. Критикуется ложная ассоциация между научно-техническим и политическим прогрессом: успехи в одной сфере не должны автоматически влечь за собой преобразования в другой. Португальский политик утверждает, что наука и политика имеют различные области: наука устанавливает отношения человека с природой, а политика — социальные отношения между людьми. Более того, наука, по его мнению, часто указывает на непопулярные истины (например, на естественность неравенства), что противоречит догматам демократии. Лима предлагает интересный подход к демократическому реформизму: возможно следует ограничивать реформы строго по числу, подобно тому, как жизнь организмов возможна лишь в узком диапазоне температур. В качестве альтернативы и демократическому радикализму предлагается восстановить уважение к традициям, опыту истории, преобразуя институты шаг за шагом, по мере реальной необходимости, как это делают «благоразумные» страны.

Четвертая глава этого небольшого произведения португальского мыслителя затрагивает «Соединенные Штаты». В ней автор разбирает успехи и особенности американской демократической модели. Пишет он, что американская демократия является для европейских республиканцев своеобразным «покровителем», гарантирующим жизнеспособность народного правления. Успех США контрастирует с крахом Первой французской республики, что требует объяснения, а не слепого подражания, по его мнению. Ключевой тезис автора: американская республика была создана не как отрицание старого порядка, а как его адаптация, будучи смоделирована по образцу британской конституционной монархии конца XVIII века. Отцы-основатели, воспитанные на английских институтах, не испытывали к ним идеологической ненависти и стремились перенести их положительный опыт в новые условия. Республика была для них не идеалом, а практическим решением, «единственным выходом» после войны за независимость, подобно тому как республика стала вынужденным решением для Тьера во Франции.

Американская революция была направлена не против монархии как таковой, а против конкретных узурпаций британского короля и парламента, пишет Лима. Автор подчеркивает, что создание американской конституции радикально отличалось от европейской практики революционного разрыва с прошлым. Институт президентства им прямо сравнивается с королевской властью в Британии образца 1787 года, обладая широкими исполнительными полномочиями. Примечательно, что президент страны в конце XVIII века был даже могущественнее британского короля, чья власть уже к тому времени ослабла. Главное различие виделось не в объеме власти, а в способе замещения поста (выборы против наследственности). Именно это закладывает серьезный фундамент для демократического политического режима. Верховный суд с правом судебного конституционного надзора представлен как гениальное, но не абсолютно оригинальное американское изобретение. Его истоки автор видит в европейской философии разделения властей (философа Монтескьё) и в стремлении избежать английских конституционных конфликтов. Двухпалатный конгресс (Сенат и Палата представителей) напрямую заимствован из британской парламентской модели. Сенат описан как одно из самых могущественных политических учреждений в мире, обладающее значительными контрольными полномочиями. Палата представителей, в отличие от европейских парламентов, жестко ограничена в возможности вмешиваться в текущие исполнительные дела. Автор детально описывает строгую процедуру запросов к министрам через комитеты, что исключает хаотичные дебаты и давление на правительство. Инициатива законов принадлежит только членам Конгресса, а не правительству, что четко разделяет законодательную и исполнительную ветви. Критикуется Лимой европейская практика, где правительства инициируют законы, а парламенты вмешиваются в управление, что ведет к «извращению функций». В США, благодаря такому разделению, работа правительства не парализуется парламентскими баталиями и вотумами недоверия. Жесткая процедура внесения поправок в Конституцию (требующая сверхквалифицированного большинства) представлена как ключевой элемент стабильности. Редкость и незначительность поправок доказывают эффективность этого механизма защиты от скоропалительных реформ. Успех американской демократии объясняется не народным суверенитетом как таковым, а сильной, независимой и сбалансированной структурой властей. Критик Лима видит в США «демократию, в которой порядок сумел утвердиться силой, авторитетом и строгим ограничением, и независимостью всех властей». Американский опыт показал, что стабильность возможна не благодаря расширению народного участия, а благодаря его ограничению продуманными институтами. Вывод для Европы: слепое копирование американских форм бессмысленно без учета их британских корней и уникального исторического контекста. Подлинный урок США — в умелом заимствовании и адаптации проверенных историей институтов, а не в революционном отрицании традиции. Демократия в американском понимании — это, прежде всего, система сдержек и противовесов, а не прямое правление большинства. Стабильность обеспечивается не доверием к народу, а недоверием к любой концентрированной власти, включая народное представительство. Лима в тексте защищает элитистскую модель управления, где ключевые институты (Сенат, Верховный суд, президент) дистанцированы от сиюминутных народных страстей. Американская конституция представлена как антитеза европейскому «периоду непрерывного законодательства», так как она ограничивает саму возможность частых изменений. Успех США объясняется тем, что они избежали «политического фетишизма» и построили государство на прагматичном заимствовании, а не на абстрактных теориях. Португальский автор имплицитно противопоставляет два типа республик: европейскую, основанную на разрыве и идеологии, и американскую, основанную на преемственности и прагматизме. Роль личности (отцов-основателей) подчеркивается как ключевая: их умеренность и уважение к традиции позволили создать устойчивую конструкцию.

Безусловно Лима, подходит к толкованию американской модели демократии как буржуазный мыслитель, и эти идеи можно раскритиковать. Институты в его идеях представлены как почти неизменные структуры. Такой подход антидиалектичен и антиисторичен. Институты в их развитии и изменении были под давлением классовой борьбы. «Неизменная» Конституция на деле радикально меняла свое содержание через судебные интерпретации, поправки (например, Билль о правах, отмена рабства) и разные социальные движения. Отдельные демократические права с каждым разом были завоеваны жестокой классовой и расовой борьбой (рабочие выступления, движение суфражисток, борьба за гражданские права чернокожих и др.), а не дарованы мудрыми «отцами-основателями». Успех Лимой объясняется личными качествами «отцов-основателей» — их умеренностью, уважением к традиции, прагматизмом. Однако, это типичное проявление идеалистического «культа личности» в историографии. Роль личности не отрицается, но ее следует

рассматривать в контексте объективных исторических условий и классовых интересов, которые она выражает. «Мудрость» Д. Вашингтона, Д. Мэдисона, А. Гамильтона заключалась не в абстрактной любви к порядку, а в точном понимании и защите интересов класса, к которому они принадлежали, — класса собственников (плантаторов-рабовладельцев, торговой и финансовой буржуазии). Их «прагматизм» был прагматизмом класса, стремившегося закрепить свою победу в революции и обезопасить собственность от посягательств как со стороны британской короны, так и со стороны собственного «неимущего большинства». Их Конституция не плод гениальной мысли, а продукт компромисса между фракциями господствующего класса.

В пятой главе Лима пишет «выводы». Он вспоминает об еще одной угрозе демократического порядка – это административные органы, то есть бюрократия. Именно ее он считает одной из самых пагубных последствий слабости демократий. Эта некая «четвертой власти» — всесильной, безответственной бюрократия, монополизирует ключевые функции государства, разрастаясь по мере ослабления традиционных ветвей власти. Более того, вспоминаются слова теоретика права Ф. Нонета: «бюрократия не является динамичным институтом, нацеленным на решение проблем и достижение целей» [13]. Лима цитирует ученого Гумбольдта, называвшего бюрократию «пожирающим вампиром», и философа Баджота, видевшего в мелком чиновнике «печальный фетиш». Парадоксально, что эта новая бюрократическая власть укрепляется именно под сенью всеобщего избирательного права и народного правления, негодует автор. Бюрократия становится хранилищем постоянства, твердости и решительности, которых так не хватает нестабильным демократическим правительствам и парламентам. Это явление наблюдается на всех уровнях — от министерских департаментов до муниципальных управ, где реальная власть принадлежит несменяемым чиновникам, а не избираемым лицам.

Затем Лима возвращается к главной проблеме: можно ли в рамках принципа народного суверенитета создать сильное, долговечное и нравственное правительство, которое будет защищать демократию. Мыслитель вновь подчеркивает, что обсуждает демократию именно как «особую форму правления», а не как социальный идеал равенства. Демократия как правление толпы рассматривалась как средство достижения политического равенства, но оказалась недостаточной или неспособной к этому. После достижения зрелости народами и упадка военных инстинктов воля управляемых признается единственным законным источником власти. Главная проблема, таким образом, заключается не в легитимности, а в эффективности: как учредить через демократию действенное правительство. Возможно, представительная система даст ответ!? Исторически представительная система зарождалась как представительство корпораций и общностей, а не индивидов; нынешний беспорядок — следствие распада социальных связей под влиянием индивидуализма. Представительство будет законным лишь тогда, когда будет представлять организованные общественные силы, а не хаос индивидов. Такая реформа поможет демократии одолеть радикализм, порожденный социальной несправедливостью, так как защита и благотворительность будут должным образом организованы. Нынешние формы демократии не удовлетворяют, но Лима призывает делать скидку на неизбежные недостатки любого режима.

Заключение

Обращаясь к политической теории, Лима принципиально отказывается рассматривать демократию лишь как механизм выборов, настаивая на её понимании как категории нравственной. Ключевым в его наследии является сомнение в том, что демократическая форма правления автоматически гарантирует стабильность и прогресс, и он смело ставит вопрос о возможных внутренних причинах её саморазрушения. Изучая историю различных режимов, исследователь приходит к выводу о том, что народовластие является наиболее уязвимой и подверженной кризисам конструкцией. Две главные угрозы для свободного общества он видит в жажде внешнего господства, подавляющей свободу, и во внутреннем непримиримом радикализме, разрушающем государство изнутри. Изучая американский опыт, он подчеркивает, что устойчивость тамошней системы обусловлена не абстрактной верой в народ, а умением заимствовать проверенные институты и выстраивать жесткие сдержки и противовесы. Особое беспокойство у него вызывает феномен бюрократии, которая при демократии становится той теневой силой, что подменяет собой выборную власть и парализует её волю. Мыслитель не отрицает ценность участия народа в управлении, но убежден, что для эффективности это участие должно быть организованным, представляющим реальные социальные общности, а не атомизированную массу. Его подход к перераспределению богатства отличается смелостью: он допускает сознательное снижение экономической эффективности ради достижения большей социальной справедливости. Критически оценивая его взгляды, нельзя не заметить склонность автора

приписывать устойчивость государства мудрости отдельных личностей, порой упуская из виду глубинную борьбу классов и интересов. В конечном итоге, представленный портрет мыслителя показывает нам человека, который, разочаровавшись в абстрактных идеалах, искал не идеальную, а дееспособную и нравственную модель власти, способную защитить общество от него самого.

Список литературы:

[1] Бузескул В. П. Б. История афинской демократии / Вступ. ст. Э. Д. Фролова; науч. редакция текста Э. Д. Фролова, М. М. Холода. — СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2003.

[2] Гущин, В. R Афины на пути к демократии: VIII-V века до н.э. Г98 [Текст] / В. Р. Гущин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

[3] Мухаев Р. Т. Политология: учеб. пособие. М.: Проспект, 2010.

[4] Тили, Ч. Демократия : [пер. с англ.] / Чарльз Тили ; [пер. Т.А. Азаркович ; науч. ред. О.А. Оберемко]. – Москва : Прогресс-Традиция, 2009. С.52

[5] Хелд, Дэвид. Модели демократии. Третье издание/Дэвид Хелд; перевод с англ. М. Рудакова.—М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.

[6] Ames, Fisher. Works of Fisher Ames, Compiled by a Number of His Friends. T. B. Wait & Co., 1809.

[7] April 15 1814: John Adams Explains Everything [Электронный ресурс] // Pastnow: History, Arts and Stuff. – 2014. – 15 апреля. – URL: https://pastnow.wordpress.com/2014/04/15/april-15-1814-john-adams-explains-everything/ (дата обращения: 21.09.2025).

[8] Lima, J. de M. As doutrinas do conde Leão Tolstoi [Электронный ресурс] / Jaime de Magalhães Lima. — Paris : Liv. de E. Chardon, 1892. — 179 p. — Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/As_doutrinas_do_conde_Le%C3%A3o_Tolstoi.html?id=Mo_lttz-zycC&redir_esc=y (дата обращения: 21.09.2025).

[9] Lima, J. de M. Cidades e Paisagens [Электронный ресурс] / Jaime de Magalhães Lima. — Электрон. дан. — Porto : Typ. de A. J. da Silva Teixeira, 1880. — Режим доступа: https://www.gutenberg.org/files/24774/24774-h/24774-h.htm (дата обращения: 21.09.2025)

[10] Lima, J. de M. O credito agricola em Portugal [Электронный ресурс] / Jaime de Magalhães Lima. — Электрон. дан. — Lisboa : Typ. Estevão Nunes & Filhos, 1899. — Режим доступа: https://www.gutenberg.org/cache/epub/24412/pg24412-images.html (дата обращения: 21.09.2025).

[11] Lima, J. de M. Vozes do meu lar [Электронный ресурс] / Jaime de Magalhães Lima. — Lisboa : F. Amado, 1902. — Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/Vozes_do_meu_lar.html?id=OtE-AAAAIAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 21.09.2025).

[12] Magalhães Lima, J. Democracia: (A questão portugueza) / J. Magalhães Lima. – Lisboa: Livraria Editora de Mattos Moreira & C.ª, 1888.

[13] Nonet, P. Law and society in transition : toward responsive law / P. Nonet, Ph. Selznick ; with a new introduction by Robert A. Kagan. — 2nd ed. — London : Routledge, 2017. — XXXVII.

[14] Philip B. Heymann, Democracy and Corruption, Fordham International Law Journal. Volume 20, Issue 2, Article 1. (1996).

[15] Rebecca S. Chopp, From Patriarchy to Freedom: A Conversation between American Feminist Theology and French Feminism, в изд.: The Postmodern God: A Theological Reader, ed. Graham Ward (Oxford: Blackwell, 1997).

[16] Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government Outside Athens. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997.

References:

[1] Buzeskul V.P. B. History of Athenian democracy/Entry. Art. E. D. Frolova; scientific. revision of the text by E. D. Frolov, M. M. Colds. - St. Petersburg: IC “Humanitarian Academy,” 2003.

[2] Gushchin, V. R Athens on the way to democracy: VIII-V centuries BC G98 [Text]/V. R. Gushchin; Nat. †. University “Higher School of Economics.” - M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2021.

[3] Mukhaev R. T. Political science: study. manual. M.: Prospect, 2010.

[4] Tiley, C. Democracy: [trans. From English]/ Charles Tiley; [trans. T.A. Azarkovich; scientific. ed. O.A. Oberemko]. - Moscow: Progress-Tradition, 2009. S.52

[5] Held, David. Models of democracy. Third Edition/David Held; translation from English M. Rudakova. - M.: Publishing house “Delo” RANEPA, 2014.

[6] Ames, Fisher. Works of Fisher Ames, Compiled by a Number of His Friends. T. B. Wait & Co., 1809.

[7] April 15 1814: John Adams Explains Everything [Электронный ресурс] // Pastnow: History, Arts and Stuff. – 2014. - April 15. - URL: https://pastnow.wordpress.com/2014/04/15/april-15-1814-john-adams-explains-everything/ (access date: 21.09.2025).

[8] Lima, J. de M. As doutrinas do conde Leão Tolstoi [Электронный ресурс] / Jaime de Magalhães

Lima. — Paris : Liv. de E. Chardon, 1892. — 179 p. — Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/As_doutrinas_do_conde_Le%C3%A3o_Tolstoi.html?id=Mo_lttz-zycC&redir_esc=y (дата обращения: 21.09.2025).

[9] Lima, J. de M. Cidades e Paisagens [Электронный ресурс] / Jaime de Magalhães Lima. - Electron. dan. — Porto : Typ. de A. J. da Silva Teixeira, 1880. - Access mode: https://www.gutenberg.org/files/24774/24774-h/24774-h.htm (access date: 21.09.2025)

[10] Lima, J. de M. O credito agricola em Portugal [Электронный ресурс] / Jaime de Magalhães Lima. - Electron. dan. — Lisboa : Typ. Estevão Nunes & Filhos, 1899. - Access mode: https://www.gutenberg.org/cache/epub/24412/pg24412-images.html (access date: 21.09.2025).

[11] Lima, J. de M. Vozes do meu lar [Electronic Resource]/Jaime de Magalhães Lima. — Lisboa : F. Amado, 1902. — Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/Vozes_do_meu_lar.html?id=OtE-AAAAIAAJ&redir_esc=y (дата обращения: 21.09.2025).

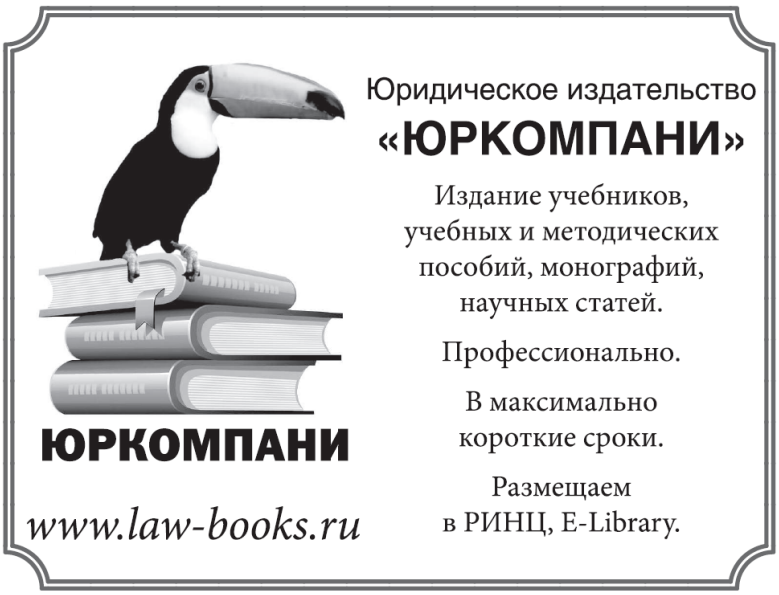
[12] Magalhães Lima, J. Democracia: (A questão portugueza) / J. Magalhães Lima. – Lisboa: Livraria Editora de Mattos Moreira & C.ª, 1888.

[13] Nonet, P. Law and society in transition : toward responsive law / P. Nonet, Ph. Selznick ; with a new introduction by Robert A. Kagan. — 2nd ed. — London : Routledge, 2017. — XXXVII.

[14] Philip B. Heymann, Democracy and Corruption, Fordham International Law Journal. Volume 20, Issue 2, Article 1. (1996).

[15] Rebecca S. Chopp, From Patriarchy to Freedom: A Conversation between American Feminist Theology and French Feminism, в изд.: The Postmodern God: A Theological Reader, ed. Graham Ward (Oxford: Blackwell, 1997).

[16] Robinson E. W. The First Democracies: Early Popular Government Outside Athens. — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997.



Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-65-70

РЕЙМЕР Ладвига Рудольфовна,
аспирант 2курса Оренбургского государственного университета факультета юриспруденции, кафедра гражданского права; Руководитель МДОАУ № 79 г.Орска,
e-mail: reimer.albert@yandex.ru

ЗАХАРЬЯ Ильяс Тюлюгенович,
Преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности УНК ЭКД Волгоградской академии МВД России,
e-mail: ils1701@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СЕМЕЙ УЧАСТНИКОВ СВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ДОШКОЛЬНОГО И ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Объектом данного исследования выступаю общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации права на образование детьми из семей участников специальной военной операции. Предмет исследования - нормы российского законодательства, подзаконные акты, включая Указы Президента Российской Федерации, а также региональные нормативные правовые акты, устанавливающие гарантии и льготы для указанной категории семей в области дошкольного и общего образования. Цель работы - комплексный анализ действующего механизма правовых гарантий, выявлении проблем его реализации и разработке научно обоснованных предложений по повышению эффективности защиты прав детей из семей участников СВО в образовательной сфере. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: 1. анализируется понятийный аппарат и дифференциация правового регулирования в зависимости от уровня образования; 2. исследуется связь реализуемых гарантий с указами главы государства; оценивается правоприменительная практика; 3. формулируются рекомендации по совершенствованию механизма гарантий. Представлена авторская классификация правовых гарантий по критерию уровня образования и механизма реализации. Выявлена системная проблема межведомственного взаимодействия при предоставлении льгот, а также в разработке модели «единого окна» и предложений по внесению изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» для унификации прав детей участников СВО на всей территории страны.*

Ключевые слова*: правовые гарантии, семьи участников СВО, дошкольное образование, общее образование, механизм реализации, Указы Президента РФ, право на образование.*

REIMER Ladviga Rudolfovna,
graduate student of the 2nd course of the Orenburg State University Faculty of Jurisprudence, Department of Civil Law; Head of MDOAU No. 79, Orsk

ZAKHARYA Ilyas Tyulyugenovich,
Lecturer, Department of Fundamentals of Forensic Science, UNK EKD, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LEGAL GUARANTEES FOR FAMILIES OF SPECIAL MILITARY OPERATION PARTICIPANTS IN OBTAINING PRESCHOOL AND GENERAL EDUCATION

Annotation. *This study examines social relations surrounding the exercise of the right to education by children from families of special military operations participants. It focuses on Russian legislation, bylaws, including Decrees of the President of the Russian Federation, and regional regulations establishing guarantees and benefits for this category of families in the area of preschool and general education. The objective of this study is to comprehensively analyze the current mechanism of legal guarantees, identify implementation issues, and develop scientifically sound proposals for improving the protection of the rights of children from families of special military operations participants in the educational sphere. To achieve this goal, the study addresses the following objectives: 1. Analyzes the conceptual framework and differentiates legal regulation depending on the level of education; 2. Examines the relationship between the implemented guarantees and decrees of the head of state; evaluates law enforcement practice; 3. Formulates recommendations for improving the guarantee mechanism. The author presents a classification of legal guarantees based on the criterion of educational level and the implementation mechanism. A systemic problem with interdepartmental cooperation in the provision of benefits was identified, as well as in the development of a "single-window" model and proposals for amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" to standardize the rights of children of SVO participants throughout the country.*

Key words: *legal guarantees, families of SVO participants, preschool education, general education, implementation mechanism, Decrees of the President of the Russian Federation, right to education.*

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена беспрецедентным вниманием реализацией механизма социального обеспечения и гарантий государства и общества нужд граждан, участвующих в специальной военной операции и членов их семей. В условиях проведения СВО, которая затрагивает судьбы сотен тысяч российских семей, вопросы социальной защиты становятся приоритетным направлением государственной политики. Особое место в государственной политике занимают правовые гарантии в сфере образования, поскольку так как именно они обеспечивают реализацию конституционного права на обучение и воспитание подрастающего поколения, позволяя детям развиваться и социализироваться независимо от сложных жизненных обстоятельств, в которых оказалась их семья. Дошкольное образование представляет собой первую ступень непрерывного образования, закладывает основы физического, психологического и социального благополучия ребенка, а для семьи, где один из родителей выполняет боевые задачи, а часто и находится в отрыве от дома, возможность беспрепятственно устроить ребенка в детский сад, особенно в ясельную группу, является критически важной, что позволяет второму родителю или иным законным представителям выйти на работу, обеспечивая материальное благополучие семьи, или уделить время решению иных бытовых и психологических проблем. Гарантии внеочередного или первоочередного зачисления снимают огромный пласт общечеловеческого стресса, связанного с очередями и нехваткой мест и это действительно важно для семей итак находящихся в состоянии фрустрации.

Общее образование, включая начальное, основное и среднее, выполняет не только образовательную, но и важнейшую воспитательную и социализирующую функцию - школа становится для ребенка «вторым домом», местом безопасности и стабильности. Для детей участников СВО, которые могут испытывать психологические трудности, связанные с тревогой за близкого человека, смена школы или отказ в приеме (например, при переезде семьи в другой регион) могут нанести серьезную психологическую травму. Правовые гарантии, такие как льготный порядок перевода в другую школу, освобождение от вступительных испытаний (где они предусмотрены), обеспечение бесплатным горячим питанием и продленкой, создают условия для сохранения психологического комфорта и академической успеваемости. Образование выступает ключевым фактором социального лифта, и государство, предоставляя гарантии детям защитников Отечества, тем самым инвестирует в будущее страны и выполняет свой социальный долг перед теми, кто рискует жизнью ради его безопасности.

Материалы и методы

Материалами для настоящего исследования послужили нормативные правовые акты различного уровня, регулирующие предоставление льгот и гарантий семьям участников СВО в сфере образования. В первую очередь, это Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [9], закладывающий общие принципы получения образования и категории лиц, имеющих право на льготы. Ключевое значение имеют Указы Президента Российской Федерации, в частности Указ «О некоторых

вопросах социальной поддержки семей лиц, выполняющих задачи в ходе специальной военной операции» [10], а также указы, регламентирующие статус ветеранов боевых действий, который распространяется на многих участников СВО. Правовому анализу подвергнуты региональные законы и постановления правительств субъектов РФ, поскольку значительная часть гарантий, особенно в части дошкольного образования (освобождение от родительской платы, компенсации части платы), делегирована на уровень субъектов. Важным источником стали ведомственные акты Министерства просвещения РФ и муниципальных органов управления образованием, регламентирующие порядок комплектования дошкольных образовательных организаций и приема в школы.

Существенным аспектом анализа является различие правового регулирования в зависимости от вида образования, в отношении дошкольного образования преобладает так называемый «натуральный» характер льгот внеочередное или первоочередное предоставление места в детском саду [1], [2], [3], [4]. Это право регулируется как федеральными законами (например, для детей военнослужащих по месту жительства их семей), так и региональными актами, которые могут расширять этот перечень. Льготы по оплате за присмотр и уход (родительская плата) также устанавливаются регионами и могут варьироваться от частичной компенсации до полного освобождения для отдельных категорий, к которым регионами часто причисляются и семьи участников СВО.

В сфере общего образования гарантии имеют иную природу так как здесь речь идет не о дефиците мест (хотя проблема второй смены существует), а о создании особых условий обучения и социальной поддержке [5], [6], [7], [8]. К ним относятся преимущественное право приема в школы с углубленным изучением предметов или профильные классы (при условии успешного прохождения испытаний, что требует отдельной оговорки), обеспечение бесплатным двухразовым горячим питанием, предоставление мест в группах продленного дня на льготной основе, а также психолого-педагогическое сопровождение. Важно подчеркнуть, что нормы о питании часто имеют адресный характер и устанавливаются на уровне субъекта федерации или даже муниципалитета, что создает неравенство возможностей для детей из разных регионов.

Методологическую основу исследования составляет комплекс методов научного познания, использован всеобщий диалектический метод, позволивший рассмотреть правовые гарантии в их развитии и взаимосвязи с изменяющейся социально-политической ситуацией. Среди общенаучных методов применялись анализ и синтез при изучении нормативной базы и правоприменительной практики, системный подход для рассмотрения механизма гарантий как целостной системы. Специально-юридические методы включали формально-догматический метод для толкования правовых норм, сравнительно-правовой метод для сопоставления федерального и регионального законодательства, а также методы правового моделирования при разработке предложений по совершенствованию правового механизма.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ реализации правовых гарантий семей участников СВО в сфере дошкольного и общего образования позволяет говорить о формировании в Российской Федерации многоуровневой системы социальной поддержки, центральное место в которой занимают Указы Президента РФ. Именно Указы главы государства стали тем социальным и правовым катализатором, который запустил процессы унификации и расширения льгот на федеральном уровне. Например, поручения Президента, данные по итогам заседаний Государственного Совета и встреч с членами семей военнослужащих, легли в основу разработки механизмов по освобождению детей участников СВО от платы за обучение в кружках и секциях в государственных и муниципальных учреждениях дополнительного образования, что является важным дополнением к гарантиям основного образования. Прямое действие указов Президента обязывает высших должностных лиц субъектов РФ принимать исчерпывающие меры по поддержке данной категории граждан, что находит свое выражение в принятии соответствующих региональных программ и выделении бюджетных ассигнований.

Эвристический и правовой анализ правоприменительной практики выявляет ряд системных проблем, препятствующих эффективной реализации этих гарантий: 1. наблюдается значительная дифференциация объема льгот в зависимости от региона проживания семьи. Если в одном субъекте Федерации семьи участников СВО полностью освобождаются от родительской платы за детский сад и обеспечиваются бесплатным проездом до школы, то в соседнем регионе они могут рассчитывать лишь на компенсацию части родительской платы в размере двадцати процентов и стандартные условия зачисления, что создает ситуацию правовой неопределенности и нарушает принцип равенства прав детей, чьи отцы сражаются в одном подразделении, но проживают в разных регионах; 2. существуют сложности с документооборотом и подтверждением статуса. Семьи вынуждены собирать многочисленные справки из военкоматов, воинских частей, органов

соцзащиты, что в условиях психологического напряжения является крайне обременительным. Отсутствие единой межведомственной электронной базы данных, позволяющей оперативно подтверждать статус участника СВО и членов его семьи, приводит к волоките и затягиванию сроков предоставления льгот, особенно актуальных при зачислении ребенка в первый класс или в детский сад в начале учебного года; 3. механизм гарантий в сфере общего образования зачастую сводится лишь к финансовой поддержке (питание), оставляя без должного внимания содержательную и психологическую составляющую. Школьные педагоги и психологи не всегда имеют достаточную квалификацию для работы с детьми, пережившими травму разлуки или потери. Отсутствие системного психологического сопровождения таких детей в школах, закрепленного на нормативном уровне как гарантия, а не как эпизодическая мера, снижает эффективность всего комплекса поддержки.

Для повышения эффективности правовых гарантий и совершенствования самого механизма их реализации предлагаются следующие практические рекомендации - первым и основополагающим результатом является вывод о необходимости унификации базового набора гарантий на федеральном уровне, нам представляется целесообразным внести изменения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», дополнив статью 34 («Основные права обучающихся и меры их социальной поддержки и стимулирования») пунктом, прямо устанавливающим для детей участников СВО единый перечень федеральных гарантий: право на внеочередное предоставление места в дошкольных образовательных организациях; право на бесплатное двухразовое горячее питание в течение всего времени обучения в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях; право на приоритетный прием в группы продленного дня; право на получение психолого-педагогической помощи в образовательной организации, что позволит установить «твердый» федеральный стандарт, ниже которого регионы не смогут опускаться, оставив за собой право расширять перечень льгот.

Вторым значимым правовым действием является обоснование необходимости создания единой цифровой платформы межведомственного взаимодействия по типу «единого окна» для семей участников СВО. Механизм гарантий должен строиться не на заявительном принципе с бесконечным сбором справок, а на принципе проактивного информирования и назначения. Интеграция баз данных Министерства обороны, Министерства цифрового развития, Министерства просвещения и региональных органов соцзащиты позволит автоматически подтверждать статус семьи при подаче заявления в детский сад или школу через портал Госуслуг. Государственная система сама должна «видеть», что заявитель относится к льготной категории, и предлагать доступные меры поддержки и это минимизирует бюрократическую нагрузку на семью и обеспечит оперативность реализации права.

Также предлагается разработать и утвердить на уровне Министерства просвещения методические рекомендации по организации психолого-педагогического сопровождения детей участников СВО в образовательных организациях. В качестве правовой гарантии следует закрепить наличие в штате школы или группы детских садов (или прикрепление к ним) квалифицированного психолога, имеющего подготовку по работе с детьми в кризисных ситуациях, а также ввести обязательные адаптационные программы для таких детей при поступлении в образовательное учреждение или переводе в новую школу. Финансирование этих мер должно осуществляться за счет целевых субсидий из федерального бюджета, чтобы снять финансовую нагрузку с регионов и гарантировать равный доступ к психологической помощи вне зависимости от бюджетной обеспеченности субъекта РФ.

Более эффективная реализация правовых гарантий для семей участников СВО видится в переходе от фрагментарных, регионально разрозненных льгот к единой, системной федеральной политике, использующей современные цифровые инструменты и обеспечивающей не только материальную, но и психологическую поддержку семьи и ребенка в процессе получения дошкольного и общего образования.

Обсуждение

Наличие сформированной системы правовых гарантий для семей участников СВО в сфере образования, но и выявить глубинные противоречия и векторы дальнейшего развития данного института. Обсуждение полученных данных целесообразно проводить в контексте более широких научных дискуссий о социальной функции государства, принципах справедливости и эффективности правового регулирования в условиях экстраординарных ситуаций, так как требует осмысления выявленная дихотомия между федеральным и региональным уровнями регулирования. Передача значительного объема полномочий по установлению конкретных льгот (особенно в части освобождения от родительской платы за детский сад, обеспечения питанием в школах) на уровень субъектов Федерации выглядит оправданной с точки зрения учета местной специфики и бюджет-

ных возможностей, что соответствует конституционному принципу самостоятельности регионов в решении вопросов социальной поддержки. Как показал правовой и эвристический анализ, на практике это привело к чрезмерной дифференциации, которую сложно объяснить объективными экономическими различиями. Возникает ситуация, когда дети военнослужащих, выполняющих идентичные задачи в одной воинской части, но прописанные в разных регионах, оказываются в неравном положении. Такое положение дел вступает в противоречие с конституционным принципом равенства прав и свобод человека и гражданина, закрепленным в статье 19 Конституции РФ. Следовательно, необходим поиск баланса между региональной самостоятельностью и необходимостью обеспечения единого минимального стандарта прав ребенка, чей родитель участвует в защите Отечества. В настоящем исследовании выявлено, что основной массив льгот носит «компенсационный» или «преференциальный» характер (внеочередное зачисление, освобождение от платы) - это, безусловно, важно и снимает острую материальную и организационную нагрузк, но такой подход не в полной мере учитывает долгосрочные психосоциальные последствия участия родителей в боевых действиях для развития ребенка. Современные исследования в области педагогики и психологии (как зарубежные, так и отечественные) убедительно доказывают, что дети в семьях военнослужащих, особенно в период длительного отсутствия родителя или при его ранении/гибели, находятся в группе риска по развитию тревожных состояний, посттравматических стрессовых расстройств и школьной дезадаптации. В этом контексте становится очевидным, что правовые гарантии не должны ограничиваться лишь «входным билетом» в образовательную организацию или удешевлением его стоимости. Необходимо движение в сторону «содержательных» гарантий, а именно — гарантий качества образовательной среды, включающей обязательный психологический компонент. Предложенное в результатах исследования введение системного психолого-педагогического сопровождения должно рассматриваться не как дополнительная опция, а как неотъемлемая часть правового статуса ребенка участника СВО.

Данное исследование базировалось преимущественно на анализе нормативных правовых актов и обобщении правоприменительной практики, отраженной в открытых источниках и СМИ. Эмпирическая база, включающая масштабные социологические опросы самих семей участников СВО о степени удовлетворенности реализацией их прав, а также глубинные интервью с руководителями образовательных организаций, могла бы существенно дополнить и скорректировать полученные выводы. Возможно, реальная картина реализации гарантий имеет нюансы, не улавливаемые при формально-юридическом анализе, например, существует риск «стигматизации» детей, выделенных в особую льготную категорию, что может создать обратный эффект и затруднить их социализацию в детском коллективе. Изучение этого аспекта требует отдельного психолого-педагогического исследования. Перспективы дальнейшей разработки темы лежат в плоскости проведения междисциплинарных исследований на стыке права, педагогики и социологии для выработки наиболее гармоничной и эффективной модели защиты детства в условиях современных вызовов.

Заключение

Правовые гарантии семей участников СВО в сфере дошкольного и общего образования являются важнейшим элементом государственной социальной политики, обеспечивающим стабильность и защиту детства в условиях особого риска для жизни родителей. Действующая система права, основанная на Указах Президента РФ и региональном нормотворчестве, создала фундамент для поддержки этих семей, однако ее эффективность сдерживается разрозненностью, бюрократизацией и неравенством возможностей в зависимости от места проживания. Научные результаты работы наглядно показывают, что ключевыми направлениями совершенствования механизма гарантий должны стать законодательная унификация минимальных федеральных стандартов, внедрение проактивных цифровых технологий предоставления услуг и интеграция психологической помощи в систему образования как неотъемлемой правовой гарантии. Только комплексный подход, сочетающий материальную поддержку с организационной и психологической помощью, способен в полной мере реализовать конституционное право детей защитников Отечества на доступное и качественное образование, являющееся залогом их успешного будущего и благополучия всей страны.

Список литературы:

[1] Сырых, В. М. Образовательное право как отрасль российского права / В. М. Сырых // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2006. – № 1(46). – С. 6-12. – EDN HTCXWV.

[2] Нифанов А. Н., Билык К. В. Воспитание как элемент публично-правового обязательства в России //NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2025. – Т. 50. – №. 4. – С. 845-857.

[3] Соболевская Ю. В. Проблемы правового регулирования ответственности субъектов Рос-

сийской Федерации и муниципальных образований в сфере бюджетных отношений //Журнал российского права. – 2009. – №. 8 (152). – С. 25-35.

[4] Гусева, А. А. Особенности образовательного правоотношения в контексте права граждан на образование' / А. А. Гусева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 8(127). – С. 99-102. – EDN RDVMRJ.

[5] Соловьева Е. О. Государственная политика в сфере общего образования: модернизация и перспективы развития : дис. – СПб., 2009, 2009.

[6] Харина Р. Д., Аристов Е. В. Реализация права на образование детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных учреждениях //образование. – Т. 44. – С. 01Педагогическое.

[7] Волков В. Н. Обеспечение качества общего образования //Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. – 2011. – №. 2. – С. 246.

[8] Березина Т. И., Москаленко М. С. Круглый стол «Современные стратегии развития содержания и технологий педагогического образования» // Неделя науки и образования в интересах мира и развития. Итоговые материалы. – 2019. – С. 17.

[9] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция).- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=mm0cuqamu3569569032

[10] Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2025 г. № 300 «О дополнительных социальных гарантиях членам семей военнослужащих, сотрудников некоторых федеральных государственных органов и граждан, пребывающих в добровольческих формированиях»- https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411889708/?ysclid=mm0cvuk3h7813301163

References:

[1] Syrykh, V. M. Educational law as a branch of Russian law/V. M. Syrykh//Bulletin of the Saratov State Academy of Law. – 2006. – № 1(46). - S. 6-12. – EDN HTCXWV.

[2] Nifanov A.N., Bilyk K.V. Upbringing as an element of public legal obligation in Russia//NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. – 2025. - T. 50. – №. 4. - S. 845-857.

[3] Sobolevskaya Yu. V. Problems of legal regulation of the responsibility of the constituent entities of the Russian Federation and municipalities in the field of budgetary relations//Journal of Russian Law. – 2009. – №. 8 (152). - S. 25-35.

[4] Guseva, A. A. Features of educational legal relations in the context of the right of citizens to education '/A. A. Gusev//Scientific statements of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right. – 2012. – № 8(127). - S. 99-102. – EDN RDVMRJ.

[5] Solovyova E.O. State policy in the field of general education: modernization and development prospects: dis. - St. Petersburg, 2009, 2009.

[6] Kharina R. D., Aristov E. V. Realization of the right to education of children with disabilities in general educational institutions//education. - T. 44. - S. 01Pedagogic.

[7] Volkov V.N. Quality Assurance of General Education//Quality Management of Education: Theory and Practice of Effective Administration. – 2011. – №. 2. - S. 246.

[8] Berezina T. I., Moskalenko M. S. Round table "Modern strategies for the development of the content and technologies of pedagogical education "//Week of science and education in the interests of peace and development. Final materials. – 2019. - S. 17.

[9] Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated 29.12.2012 N 273-FZ (latest edition) .- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=mm0cuqamu3569569032

[10] Decree of the President of the Russian Federation of May 8, 2025 No. 300 "On Additional Social Guarantees for Family Members of Military Personnel, Employees of Certain Federal State Bodies and Citizens Staying in Volunteer Formations" - https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411889708/?ysclid=mm0cvuk3h7813301163

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-71-73

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного
университета аэрокосмического приборостроения,
e-mail: andreytso@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ МИГРАНТОВ В РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (ОПЫТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Аннотация. *В статье рассматривается ряд правовых проблем, связанных с различными аспектами защиты прав мигрантов. Автор анализирует имеющиеся исследования по проблеме, обращается к практике работы органов государственной власти и общественных организаций на основе опыта Санкт-Петербурга. Анализируется государственной управление в исследуемой сфере. Выявлен комплекс проблем, связанных с миграцией, предложены меры по их устранению. Защита мигрантов рассматривается как гуманитарная деятельность государства. Автор анализирует соответствующие обязанности, а также возникающие проблемы. При этом в статье содержится вывод, о том, что имеются нерешённые проблемы, что обуславдивает ряд авторских предложений.*

Ключевые слова*: миграция, иностранные граждане, беженцы, права человека, государственные органы.*

ANDREITCO Sergej Yuryevich,
PhD, Law,
Associate Professor of the Department of public law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

LEGAL PROBLEMS OF PROTECTION OF MIGRANTS 'RIGHTS IN RUSSIA: REGIONAL ASPECT (ST. PETERSBURG EXPERIENCE)

Annotation. *The article addresses a number of legal issues related to various aspects of migrant rights protection. The author analyzes the available research on the problem, refers to the practice of public authorities and public organizations based on the experience of St. Petersburg. State administration in the area under study is analyzed. A set of problems related to migration was identified, measures were proposed to eliminate them. The protection of migrants is seen as a humanitarian activity of the state. The author analyzes the relevant responsibilities, as well as emerging problems. At the same time, the article contains a conclusion that there are unresolved problems, which pleases a number of copyright proposals.*

Key words*: migration, foreign nationals, refugees, human rights, public authorities.*

Сегодня миграция остаётся одной из наиболее острых проблем современной России. Это объясняет необходимость обращения к опыту решения проблем защиты прав мигрантов в отдельных субъектах российской Федерации. В настоящей статье использованы работы, посвящённые исследованиям в Санкт-Петербурге [1-5] и собственный опыт автора.

Автором исследованы правоотношения, складывающиеся в связи с деятельностью органов государственной власти в сфере миграции, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением миграционного законодательства, а также развивающиеся в ходе правоохранительной деятельности МВД России, и правозащитной деятельности государственных и негосударственных институтов в отношении иностранных граждан.

Материал статьи базируется на комплексном исследовании трудовой миграции на примере Санкт-Петербурга, выработке единого научного подхода к пониманию и реализации правоохранительными органами, институтами гражданского

общества посредством теоретического анализа действующего российского законодательства, существующих научных представлений и взглядов о сущности правоохранительной деятельности структур государства в сфере миграции.

В рамках работы по теме автором:

– проведён экспертный опрос,
– разработаны учебные материалы по дисциплинам образовательной программы направления «Юриспруденция»,
– проведены мероприятия в рамках апробации материалов программы,
– подготовлены рекомендации по совершенствованию законодательства,
– результаты научно-исследовательской работы изложены в публикациях.

Выводы исследования внедрены и в практику: внедрение в практическую деятельность Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге, федеральных органов государственной власти, органов государственной власти Санкт-Петербурга, внедрение в учебный процесс.

Как показывает проведенное исследование в сфере противодействия торговле людьми в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, проведенное ОБО «Санкт-Петербургский центр международного сотрудничества Красного Креста», предпринимаются усилия как органами власти, так и некоммерческими организациями и международным сообществом по предотвращению торговли людьми и оказанию помощи пострадавшим. Однако представляется, что в случае принятия новых специальных федеральных законов «О борьбе с торговлей людьми» и «О помощи жертвам торговли людьми», а также разработки эффективного национального плана действий и назначении национального координатора работа по противодействию торговли людьми была бы более скоординирована и приводила к лучшим результатам.

В Санкт-Петербурге начиная с 2006 года реализовано 3 основных программы:

1) программа «Толерантность» на 2006–2010 годы;
2) программа «Толерантность» на 2011–2015 годы;
3) программа «Миграция» на 2012–2015 годы.

В дальнейшем (2026-2026) действовал ряд схожих по содержанию подпрограмм [3,4].

Анализируя лишь стратегические элементы программ: цели, наименования основных разделов, отражающих задачи (и, соответственно, исключая практики реализации), можно сделать следующие выводы.

Программа «Толерантность-1» была адресована жителям Петербурга и направлена в первую очередь на реализацию политики мультикультурализма, развитие идеи толерантности как гармонии в многообразии. При этом интеграция мигрантов в программе занимает незначительное положение и отнесена к разделу «обеспечение законности и правопорядка».

Программа «Толерантность-2» относит интеграцию мигрантов уже к одной из основных своих целей, однако приоритет отдается культурно-языковой интеграции. При этом меняется и само содержание понятия «толерантность»: «Программа исходит из того, что формирование толерантности – это встречный процесс и уважение личности каждого человека, взаимную толерантность нужно воспитывать как у жителей Петербурга, так и у «новых петербуржцев» .

Программа «Миграция» определяет приоритет внутренней миграции, определяет мигрантов как источник напряженности, приоритет социокультурной и языковой интеграции.

Одной из основных проблем правового регулирования прав мигрантов в Санкт-Петербурге является отсутствие четкой и эффективной системы контроля за соблюдением прав мигрантов на рабочих местах. Это приводит к тому, что многие работодатели нарушают права мигрантов, не выплачивая им зарплату, не оформляя документы и не обеспечивая безопасность на рабочем месте. Другой проблемой является недостаточная информированность мигрантов о своих правах и возможностях защиты. Многие из них не знают, как обратиться за помощью в случае нарушения своих трудовых прав или как получить юридическую поддержку. Наконец, одной из главных проблем на региональном уровне является отсутствие законодательства, которое бы регулировало трудовые права мигрантов и обеспечивало их защиту. Существующие законы и нормативные акты не всегда учитывают специфику трудовых отношений с мигрантами, что создает проблемы в их реализации [2,6].

Главная рекомендация органам власти, экспертному сообществу, участвующему в определении политики: пересмотреть принципы и приоритеты стратегии адаптации иммигрантов, заменить «борьбу с нелегальными мигрантами» (может ли человек быть нелегальным?) на комплексную интеграцию, начинающуюся с правовой и экономической.

Список литературы:

[1] Куценко, Т. И. Международная трудовая миграция в России и эволюция подходов к ее нормативно-правовому регулированию / Т. И. Куценко // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. № 10. – С. 46–51.

[2] Малышев, Е. А. Гарантии прав субъектов внешней трудовой миграции в российской феде-

рации и административно-правовые средства их реализации / Е. А. Малышев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. № 2 (36). – С. 86.

[3] Положение детей и семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге // Аналитические материалы о положении детей и семей, имеющих детей, в Санкт-Петербурге / Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской информационно-методический центр «Семья», URL: http://www.homekid.ru/analiticheskie-materialyi-o-polozhenii-detej-i-semej-v-sankt-peterburge.html (дата обращения: 1.02.2026).

[4] Практика работы с семьями, имеющими в своем составе иностранных граждан: опыт учреждений социального обслуживания населения Санкт-Петербурга [Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник] / Под ред. Ю. Ю. Ивашкиной, О. В. Костейчука, С. П. Павлова. – СПб.: СПб ГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья», 2014. – 198 с.

[5] Черкашина, О. В. Процессы трудовой миграции в России и их коррупционная составляющая / О. В. Черкашина // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. № 2 (36). – С. 153–159.

References:

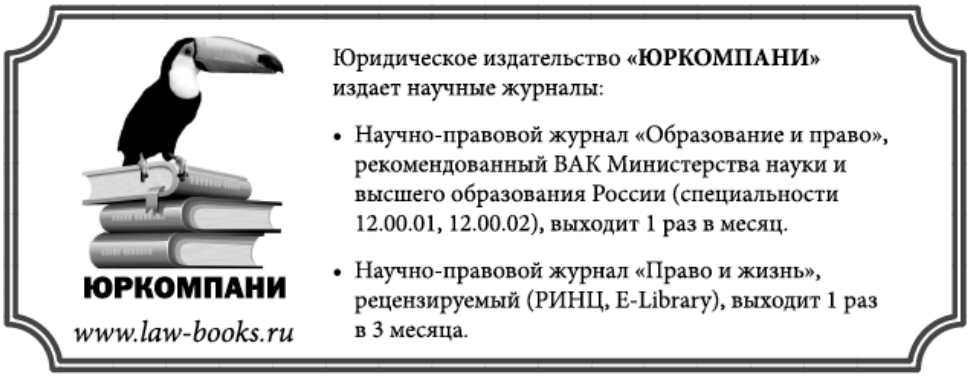
[1] Kutsenko, T. I. International labor migration in Russia and the evolution of approaches to its legal regulation/T. I. Kutsenko//Standard of living of the population of Russian regions. – 2007. № 10. - S. 46-51.

[2] Malyshev, E. A. Guarantees of the rights of subjects of external labor migration in the Russian Federation and administrative and legal means of their implementation/E. A. Malyshev//Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. № 2 (36). - S. 86.

[3] Situation of children and families with children in St. Petersburg//Analytical materials on the situation of children and families with children in St. Petersburg/St. Petersburg State Budgetary Institution “City Information and Methodological Center “Family,” URL: http://www.homekid.ru/analiticheskie-materialyi-o-polozhenii-detej-i-semej-v-sankt-peterburge.html (date of contact: 1.02.2026).

[4] The practice of working with families with foreign citizens: the experience of institutions of social services for the population of St. Petersburg [Social services for families and children: scientific and methodological collection]/Ed. Yu. Yu. Ivashkina, O. V. Kosteychuk, S. P. Pavlova. - St. Petersburg: St. Petersburg State Budgetary Institution “City Information and Methodological Center “Family,” 2014. - 198 s.

[5] Cherkashina, O. V. Processes of labor migration in Russia and their corruption component/O. V. Cherkashina//Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. № 2 (36). - S. 153-159.



Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-74-81

ПОЛИТОВА Татьяна Эдуардовна,
обучающейся по программе магистратуры
«Психологическое консультирование»
на кафедре профессиональной педагогики и психологии
государственного педагогического университета,
e-mail: alekseevat22@mail.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики бухгалтерского
учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, ,
доцент, доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного экономического университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. *Актуальность темы исследования «Человеческий фактор в обеспечении безопасности и здоровья человека» обусловлена тем, что в современной жизни человеческий фактор зачастую является источником опасностей и угроз. Это связано с неправильными действиями человека, которые могут привести к несчастным случаям, авариям и катастрофам, а также с плотностью населения с каждодневным контактом людей различных производственных и социальных сфер.*

Авторами в данной статье обусловлена актуальность темы исследования, приведены методы, обзорные источники, и практическая значимость работы. Поставленная цель достигнута путем раскрытия поставленных задач по ходу исследования: рассмотрен человеческий фактор в обеспечении безопасности и здоровья человека, приведена ста-

тистика возникновения чрезвычайных ситуаций под действием человеческого фактора. Дан обзор на психологию труда, рассмотрен человеческий фактор с точки зрения психологических отклонений человека и психологических заболеваний. Описаны три стадии стресса по модели Селье: Рассмотрены организационные и личностные факторы стресса, методы и способы воздействия на снижения уровня стресса. Изучены инструменты и факторы в психотерапии, позволяющие облегчения симптомов тревоги и стресса при помощи суггестии. По исследуемой теме определены выводы: Человеческий фактор - одна из первых причин возникновения техногенных, транспортных аварий и катастроф, Самым распространенным и опасным психологическим заболеванием является стресс, который несет большую опасность для безопасной жизнедеятельности человека в частности и всего общества в целом. На стрессовые воздействия нет готового ответа и готовой программы реагирования, требуется поиск способов воздействия на стрессы и выхода из сложившейся ситуации своими методами и разумом (Суггестии).

Ключевые слова*: человеческий фактор, безопасность, психология, техника безопасности, стресс, суггестия.*

POLITOVA Tatyana Eduardovna,
studying under the master's program
"Psychological Counseling" at the Department
of Professional Pedagogy and Psychology
of the Ural State Pedagogical University

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
of the Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy
of the Ural State Agrarian University

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control
of the Ural State Agrarian University

MALKOVA Julia Vadimovna,
Ph.D. in Economics, Associate Professor,
Department of Accounting and Audit,
Ural State University of Economics

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

HUMAN FACTORS IN ENSURING HUMAN SAFETY AND HEALTH

Annotation. *The relevance of the topic of the study "The human factor in ensuring human safety and health" is due to the fact that in modern life the human factor is often a source of dangers and threats. This is due to improper human actions that can lead to accidents, accidents and disasters, as well as population density with everyday contact between people of various production and social spheres.*

The authors in this article determine the relevance of the research topic, provide methods, overview sources, and the practical significance of the work. The set goal was achieved by disclosing the tasks set in the course of the study: the human factor in ensuring human safety and health was considered, statistics on the occurrence of emergencies under the influence of the human factor were given. An overview of labor psychology is given, the human factor is considered from the point of view of human psychological deviations and psychological diseases. Three stages of stress are described according to the Selye model: Organizational and personal stressors, methods and ways of influencing stress reduction are considered. Tools and factors in psychotherapy have been studied to relieve symptoms of anxiety and stress with the help of suggestion. On the topic under study, the conclusions were determined: The human factor is one of the first causes of man-made, transport accidents and disasters. The most common and dangerous psychological disease is stress, which carries a great danger to the safe life of a person in particular and the whole society as a whole. There is no ready-made response to stress impacts and a ready-made response program, it is necessary to find ways to influence stress and get out of this situation with your own methods and mind (Sugestia).

Key words: *human factor, safety, psychology, safety, stress, suggestion.*

Целью исследования выступает «Человеческий фактор в обеспечении безопасности и здоровья человека»

Для изучения и описания исследуемой темы следует решать следующие задачи:

– дать понятие человеческий фактор;
– привести общие статистические показатели аварийных ситуаций за счет человеческого фактора;
– рассмотреть основные психологические причины травматизма на производстве и пути их решения;
– рассмотреть психологические причины заболеваний;
– описать три стадии стресса по модели Селье:
– рассмотреть организационные и личностные факторы стресса, методы и способы воздействия на снижения уровня стресса
– изучить инструменты и факторы в психотерапии, позволяющие облегчения симптомов тревоги и стресса при помощи суггестии.
– по исследуемой теме описать вывод

Методами исследования стали: в связи с невозможностью применения эксперимента использован теоретический и абстрактно-логический метод исследования.

При исследовании научной статьи «Человеческий фактор в обеспечении безопасности и здоровья человека» обзорными источниками стали учебные пособия и интернет ресурсы по проблеме исследования, приведенные в списке литературы.

Практическая значимость работы. Материалы исследования могут быть применены как лекционный материал для обучающихся среднего профессионального обучения и бакалавров по дисциплине: «Безопасность жизнедеятельности», «Психология - изучающая закономерности психической жизни человека» а также в научных статьях с учетом специфики темы.

Основная часть. Человеческий фактор – всевозможное влияние человеческой личности на любой вид деятельности. Крайне важно понимание человеческого фактора в среде безопасности, так большинство травм и заболеваний вызвано именно социально -психологическим контактом. [2].

Зачастую из-за человеческого фактора возникают аварийные и опасные случаи. По данным МОТ около 90 % авиакатастроф связано с ошибочными действиями экипажей авиалайнеров; 60–90 % случаев ДТП возникает из-за ошибок водителей автомобилей; свыше 60 % аварий на объектах с повышенным риском происходит из-за ошибок персонала. Статистика свидетельствует, что на производстве неблагоприятные психологические качества человека все чаще становятся причиной несчастных случаев, достигая на отдельных производствах до 40 % от общего комплекса причин [2].

Первое, что нужно рассмотреть в человеческом факторе в трудовой деятельности – это психологию труда [1].

Психология труда. Является разделом психологии, посвященным изучению психологических особенностей социальной и творческой деятельности человека.

Опыт свидетельствует, что в основе аварийности и травматизма часто лежат не инженерно-конструкторские дефекты, а организационно-психологические причины:

– низкий уровень профессиональной подготовки;
– недостаточное воспитание;
– нарушение производственной дисциплины;
– допуск к опасным видам работ лиц с повышенным риском травматизма;

– пребывание людей в состоянии утомления или других психологических состояниях, снижающих надежность (безопасность) деятельности специалиста.

Основные психологические причины травматизма на производстве.

Основа всех травм лежит в нарушении правил и инструкций безопасности, отказу выполнять требования безопасности, неспособность их выполнять. В основе этих причин лежат психологические отклонения:

1) Нарушение мотивационной части действий человека. Проявлением является нежелание применения комплексов действий, обеспечивающих безопасность. Может возникнуть вследствие недооценки человеком опасности, склонности к риску, скептическом отношении к технике безопасности.

Такие нарушения, как правило, действуют некоторое время в связи с плохим настроением, трудными жизненными ситуациями или из-за употребления алкогольных и психотропных веществ.

2) Нарушение ориентировочной части деятельности человека. Проявляются через незнания норм и правил поведения, обеспечивающего безопасность. Наиболее критичны при работе с высокотехническим оборудованием. Требуется серьезное обучении.
3) Нарушение исполнительской части деятельности человека. Проявляются через невыполнение техники безопасности с силу ограниченности физиологических возможностей человека (недостаток координации, слабая реакция, плохое зрение, несоответствие роста и др.) [2].

Перечислив основные психологически причины травматизма, напрашиваются пути их решения:

Для предотвращения мотивационных причин может помочь пропаганда, дополнительное обучение в области безопасности.

При причинах ориентировочной части помогает выработка основных правил, методика исполнения, приемы безопасных действий.

Для устранения исполнительской части необходимы медицинская профилактика и периодическое обследование, профессиональный отбор подходящих кандидатов на должности повышенной опасности.

Однако, несмотря на разнообразие психологических причин, следует акцентировать внимание на причинах осознанного нарушения правил безопасности [3]:

– экономия сил;
– экономия времени;
– безнаказанность (экономическая и административная);
– безнаказанность (физическая и социальная);
– самоутверждение в глазах окружающих;
– стремление следовать групповым интересам и нормам;
– ориентация на идеалы;
– привычка работать с нарушениями;
– самоутверждение в собственных глазах;
– переоценка собственного опыта;
– стрессовые состояния;
– склонность к риску.

Данные причины должны быть приняты во внимания при разработке техники безопасности, подборе кандидатов на, те или иные должности. Крайне важно их учесть на высоко опасных работах и местах пребывания людей [3].

Психологические причины заболеваний.

Наряду с производственным травматизмом, заболевания также могут нести психологический характер.

Все заболевания делятся на органические и функциональные.

Функциональные – это заболевания, вызванные органическими, механическими или физическими изменениями в разных системах организма человека. Такие заболевания в большинстве своем являются необратимыми.

Функциональные заболевания также называют психосоматическими. Они составляют до 90% всех случаев болезней и также не имеют патологических изменений организма. Но при этом человек все равно себя плохо чувствуют, организм без физического изменения ощущает боль и другие некомфортные ощущения.

Эти заболевания обусловлены душевными и психологическими травмами, исходящими из собственной головы и мышления в ней. Причины у них две: стресс и суггестабельность [4].

Стресс.

Ученый психофизиолог Ганс Селье считал, что стресс – это «неспецифический ответ организма на любое предъявленное ему требование» и выделил три стадии стресса: тревога, сопротивление, истощение [5].

Таблица 1. Проявление трех стадий стресса.

1.Начальная стадия:- тревоги:	2. Средняя стадия сопротивления:	3. Сильная стадия истощения:
-напряжение мышц, -учащение сердцебиения,	-тревога, воодушевление	-зацикливание,
-учащение или задержка дыхания,	- напряжение,	-чрезмерное беспокойство,
-потоотделение,	- поллакиурия	-апатия, усталость, скука.
-холод, зуд, покалывание,	-сухость, боль в горле,	-боли, напряжения, язва, сыпь, тики,
-сжатые кулаки, челюсти,	-диарея, боль в животе,	-расстройство желудка, частые простуды,
- возбуждение	-головная боль	-ослабление внимания
-покраснение, жар в лице	- гиперактивность,	-нервные отупляющие привычки,
- дрожащие руки,	- спешка,	- нарушение сна,
-судорожное хватание предметов	- ворчание, плачь	-потеря чувство юмора, изоляция

Как видно из *таблицы 1* все воздействия на человеческий организм подразделяются на три категории: слабые (тревоги), средние (сопротивление) и сильные (истощение).

1. Слабые воздействия. Не требуют мыслительных процессов. Грубо говоря, это человеческие рефлексы, к примеру, когда одергиваешь руку при прикосновении к горячему предмету. Ответ на слабое действие готов заранее, что и называется рефлексами – неосознанный ответ на раздражитель. Такое воздействие не попадает под категорию стресса, но может создавать его с силу постоянного непрерывного воздействия.
2. Средние воздействия. Уже требуют протекания мыслительных процессов для способа осознанного ответа реагирования. Мыслительный процесс может протекать как на сознательном уровне, так и на подсознательном, заставляя нас давать определенную реакцию на воздействие.
3. Сильное воздействие. Также протекает при мыслительной активности, но намного дольше, чем среднее воздействие, и не всегда находится ответ, как отреагировать организму на воздействие, мыслительный процесс не всегда заканчивается успешно.

Именно среднее и сильное воздействия принято считать стрессовыми состояниями человека [4,5].

Состояние стресса характеризуется наличием мыслительного процесса (обычно на подсознательном уровне), направленного на поиск решения возникающих проблем.

Постоянный стресс способствует не только подавленному состоянию человека и потери мотивации, повышенной агрессии и подавленного состояния, но и также приводит к повышенной заболеваемости. Дело в том, что при стрессе наш организм истощается, в силу чего не остается ресурсов на борьбу с заболеванием, усугубляется это все приобретением хронического характера болезни.

Поэтому так важно исключать стресс из своей жизни, так как он напрямую влияет на безопасность и здоровье не только самого человека, но и окружающих в силу невыполнения правил безопасности.

На рисунке 1 представлены организационные и личностные факторы формирования стресса [7].

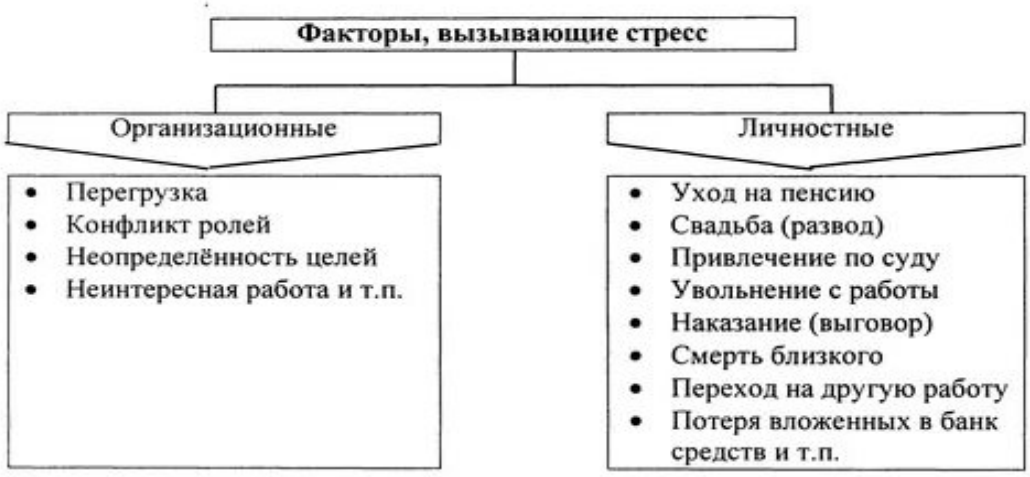


Рисунок 1. Организационные и личностные факторы стресса.

На рисунке 1 показаны формирование стресса под воздействием организационных и личностных факторов, которые могут быть психологическими, средовыми, социальными и физиологическими. Важно учитывать, что причины стресса субъективны и зависят от индивидуальных особенностей человека, для одного может стать сильным стрессом, а на другого почти не повлиять.

В *таблице 2* представлены основные методы и способы воздействия на снижения уровня стресса.

Таблица 2. Основные регулярные методы и способы воздействия на снижения уровня стресса.

Методы стресса	Способ воздействия на стрессы
Физическая активность.	Регулярные упражнения способствуют выработке эндорфинов — гормонов счастья.
Медитация и дыхательные практики.	Медитация позволяют сосредоточиться на текущем моменте, на дыхании. звуке, музыке и т.д.
Творческая деятельность.	Творчество, помогают выразить эмоции и отвлечься от повседневных забот.
Качественный сон.	Крепкий и полноценный сон приводит к позитивным мышлениям и надежде на благоприятный исход событий и вере в светлое будущее

Здоровое питание.	Физической активности и качественному сну добавить правильное питание это увеличивает стрессоустойчивость
Массаж.	Процедура убирает усталость и напряжение, положительно влияет на психоэмоциональный фон.
Водные процедуры.	Водные процедуры - укрепляют физическое здоровье, психологическое, повышая стрессоустойчивость.

Как видно из данной таблицы приведенные методы с точки зрения теории способны воздействовать на стрессовые ситуации, при этом следует учесть уникальность человека то, что подходит для одного, не подойдет для другого. При выборе предлагаемых методов воздействия на стресс важно учитывать индивидуальные особенности человека и от стадии стресса. Существуют наиболее эффективные комбинированные подходы физиологические, психологические, социальные и внушительные (Суггестабельность) методы.

Суггестабельность.

Суггестивность влияет на эффективность суггестии, так как степень восприимчивости у разных людей неодинакова, зависит от того насколько успешно внушение проникает в подсознание.

Суггестия (внушение) – это инструмент в психотерапии, который используется для облегчения симптомов тревоги и стресса. Используются различные методы, которые направлены на внушение чувства спокойствия, безопасности и усиления положительных эмоций [6].

Суггестия активно используется в рекламе для формирования предпочтений, паттернов в психотерапии для коррекции негативных поведенческих и эмоциональных стрессов.

Рассмотрим некоторые рекомендательные факторы, как эффективно применять суггестию *таблица 3.*

Таблица 3. Рекомендательные факторы, применения суггестию.

Рекомендации	Эффективность суггестии
Знать конкретные формулировки	Чёткие и ясные изложения увеличивают их эффективность.
Использовать позитивный подход	Перепрограммировать мысли, чувства и поведение в направлении, которое приводит к благополучию и саморазвитию.
Придавать суггестиям эмоциональную окраску.	Употреблять предложения, вызывающие положительные эмоции и ассоциации.
Повторять суггестивные утверждения.	Неоднократное повторение помогает укрепить новые убеждения и модели поведения.
Учитывать индивидуальные особенности.	Избегать вводящих в заблуждение форм суггестии.
Соблюдать этические соображения.	Суггестию нужно использовать с уважением к личности и автономии другого человека,

Из данной таблицы видно, что эффективность применения суггестии зависит от множества факторов, включая авторитетность источника и эмоциональное состояние получателя информацию.

Индивид, с суггестабильностью не уверен в себе, робок, покорён, имеет низкую самооценку, чрезмерно впечатлителен. Для устранения такой ситуации рекомендуется обратиться к специалисту – психоаналитику, который разработает специальную индивидуальную программу в помощь преодоления неуверенности в себе, освоения навыков самоанализа, снижения эмоционального напряжения и устранения страха [9].

Важно отметить, стрессовые воздействия это такие, на которые нет готового («специфического») ответа на уровне рефлекса, нет готовой программы реагирования, требуется поиск выхода из сложившейся ситуации своим разумом (Суггестии) [6].

Таким образом, человеческий фактор является ключевым в большинстве опасных и чрезвычайных ситуаций. Именно под влиянием нежелания, некомпетентности, незнания или подавленности человек совершает те или иные ошибки, приводящие к плачевным последствиям.

Важным показателем здоровья человека является его психологическое здоровье. Самым распространенным и опасным психологическим заболеванием является стресс, так как он сам по себе опасен, так еще и может стать катализатором более сильных душевных расстройств, что несет большую опасность для безопасной жизнедеятельности человека в частности и всего общества в целом.

Восстановление психологических заболеваний не мгновенное действие, требуется проявить терпение и быть готовыми к тому, что не все усилия принесут ожидаемый эффект и выход их стрессовых ситуаций.

Список литературы:

[1] Артеменко А.П., Стахеева Л.М. Методы и инструменты управления социальной защитой работников // Молодежь и наука. 2016. № 6. С. 64.

[2] В. В. Бугаевский, С. М. Сидоренко, В. Ю. Фролов, Д. П. Сысоев, В. Ф. Кремянский, В. Н. Ефремова. Безопасность жизнедеятельности: учеб. пособие / В. В. Бугаевский, [и др.]. – Краснодар, 2014. – 452 с. (дата обращения 11.03.2026).

[3] Безопасность жизнедеятельности: учебник / под ред. проф. Э. А. Арустамова. М.: Издат. Дом «Дашков и К», 2005. – 678 с. (дата обращения 11.03.2026).

[4] Сидоренко С. М. Безопасность жизнедеятельности. Человеческий фактор в обеспечении безопасности: Учебное пособие. – Краснодар: Кубанский ГАУ, 2009. – 161 с. (дата обращения 11.03.2026).

[5] Краткое изложение взглядов Селье. [Электронный ресурс] https://www.b17.ru/ (дата обращения 11. 03.2026).

[6] Суггестия – что это? [Электронный ресурс] https://quasa.io/ru/media/suggestiya-chto-eto (дата обращения 11. 03.2026).

[7] Факторы формирования стресса[Электронный ресурс] https://proholdingtorg.ru/cooking/ (дата обращения 11. 03.2026).

[8] Стресс и суггестия таблицы: смотрите и скачивайте изображения [Электронный ресурс] https://studme.org/141884/psihologiya/psihologiya (дата обращения 11. 03.2026).

[9] Преобразовать страх в интерес: как побороть неуверенность в себе [Электронный ресурс] https://dzen.ru/ (дата обращения 11. 03.2026).

References:

[1] Artemenko A.P., Stakheeva L.M. Methods and tools for managing social protection of workers// Youth and science. 2016. № 6. S. 64.

[2] V.V. Bugaevsky, S.M. Sidorenko, V. Yu. Frolov, D.P. Sysoev, V.F. Kremyansky, V.N. Efremova. Life safety: textbook/V.V. Bugaevsky, [et al.]. - Krasnodar, 2014. - 452 p. (date of circulation 11.03.2026).

[3] Life safety: textbook/edited by prof. E. A. Arustamova. M.: Izdat. House “Dashkov and K,” 2005. - 678 p. (date of circulation 11.03.2026).

[4] Sidorenko S. M. Life safety. Human factor in security: Tutorial. - Krasnodar: Kuban GAU, 2009. - 161 s. (date of circulation 11.03.2026).

[5] Summary of Cellier’s views. [Electronic resource] https://www.b17.ru/ (access date 11. 03.2026).

[6] Suggestia - what is it? [Electronic resource] https://quasa.io/ru/media/suggestiya-chto-eto (access date 11. 03.2026).

[7] Stress factors [Electronic resource] https://proholdingtorg.ru/cooking/ (accessed on 11. 03.2026).

[8] Stress and table suggestion: watch and download images [Electronic resource] https://studme.org/141884/psihologiya/psihologiya (access date 11. 03.2026).

[9] Convert fear into interest: how to overcome self-doubt [Electronic Resource] https://dzen.ru/ (accessed 11. 03.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-82-87

ШИШКИН Артём Евгеньевич,
аспирант Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала ВО «Российская академия народного хозяйства и службы при Президенте Российской Федерации», Россия, Саратов,
e-mail: arteborg@icloud.com

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕГИСТРАЦИОННОГО УЧЕТА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА ПО МЕСТУ ЖИТЕЛЬСТВА И МЕСТУ ПРЕБЫВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Автором проводится анализ правового регулирования миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства по месту жительства и месту пребывания в Российской Федерации. Выявляются пробелы правового регулирования, связанные с прибытием в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без граждан в рамках безвизового режима с иностранными государствами. Предлагаются меры совершенствования административно-правового регулирования миграционных отношений, направленные на актуализацию информации о местах проживания иммигрантов и повышение прозрачности для государства процессов в сфере миграционных потоков.*

Ключевые слова*: миграция, регистрационный учет, иностранные граждане и лица без гражданства, миграционное право.*

SHISHKIN Artyom Evgenievich,
graduate student of the Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin - a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation", Russia, Saratov

ON CERTAIN MATTERS OF REGISTRATION OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS AT THEIR PLACE OF RESIDENCE AND PLACE OF SOJOURN

Annotation. *The author provides an analysis of the legal regulation of migration registration of foreign citizens and stateless persons at their place of residence and place of sojourn in the Russian Federation. Gaps in the legal framework are identified, related to the arrival in the Russian Federation of foreign citizens and stateless persons. Measures are proposed for improving the administrative-legal regulation of migration relations, aimed at updating information on immigrants' places of residence and increasing transparency for the state regarding processes within migration flows.*

Key words*: migration, registration, foreign citizens and stateless persons, migration law.*

Вопросы регистрационного учета иностранных граждан и лиц без гражданства по месту пребывания и жительства в Российской Федерации составляют одну из самых значимых сфер функционирования административных органов Российской Федерации в сфере миграционных правоотношений. Как указано в п. 20 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы, «целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического, научно-технологического, пространственного развития страны, повышения качества жизни ее населения, защиты национального

рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода» [11]. В.Ю. Дибель понимает регистрационный учет как одну из характеризующих черт паспортного режима, в целом, в контексте отечественной административно-правовой традиции [1]. Учитывая высокую актуальность миграционной политики в контексте современного состояния развития государства, экономики и социума, представляет интерес исследование взаимосвязи регистрационного учета в сфере миграционных отношений и механизмов въезда и депортации (выдворения) иностранных граждан и лиц без гражданства, в целях разрешения некоторых правовых пробелов и коллизий, усложняющих правоприменительную административную практику.

По общему правилу, лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации, въезжающее в Российскую Федерацию, не обязано предоставлять подтверждение того, что оно имеет место предполагаемого пребывания, жительства внутри Российской Федерации. Вместо этого, требуется подтвердить наличие средств на проживание и на обратный путь (п. 6 ст. 27 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [12] (далее – ФЗ № 114).

Однако, условие гарантированности наличия жилья у иммигранта при въезде в Российскую Федерацию присутствует у тех иммигрантов, кто въезжает на основании визы (то есть, с государством, гражданином которого является въезжающее лицо, у Российской Федерации отсутствует международное соглашение о безвизовом режиме). В большинстве случаев, относящихся к обычному виду иммиграции (исключая дипломатические и иные неординарные случаи), для получения визы требуется приглашение. Согласно абз. 2 ч. 5 ст. 16 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 115), «приглашающая сторона принимает меры по реализации гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения приглашенного иностранного гражданина в период его пребывания в Российской Федерации» [13]. Таким образом, обязанность гарантировать наличие жилья для иммигранта, которому выдаётся приглашение, лежит на приглашающей стороне.

Между тем, в России сохраняется ориентация на привлечение иностранных работников из стран с безвизовым режимом въезда в Россию, как указывает А.В. Васильева [2]. Этот же автор отмечает потенциал привлечения трудовых ресурсов из стран с визовым режимом.

Таким образом, складывает противоречивая ситуация. Существует общий порядок правового регулирования, согласно которому приглашающая по визе сторона обязана гарантировать жилищное обеспечение иммигранта, въезжающего в Россию. С другой стороны, большей своей частью, Россия продолжается ориентироваться на безвизовых иммигрантов в качестве источника привлечения внешних трудовых ресурсов. При въезде же любой иммигрант обязан только лишь подтвердить наличие средств на проживание. Однако, в известной степени, само наличие денежных средств на проживание и на обратный путь может не в полной мере отражать мотивацию въезжающего лица потратить данные денежные средства на обеспечения самого себя жилищными условиями. Кроме того, имеется риск «курсирования» одних и тех же денежных средств от одного мигранта к другому, в целях простого обмана пограничных органов.

В целях долгосрочного и стабильного развития трудового рынка Российской Федерации представляется важным обозначить следующие направления регулирования в области жилищного обеспечения иностранных работников:

– все трудовые мигранты должны проживать в соответствующих санитарным и гигиеническим стандартам Российской Федерации жилых помещениях;
– все трудовые мигранты должны надлежащим образом оформлять свои гражданско-правовые отношения в области обеспеченности жилищными условиями (оформлять договоры аренды);
– органы власти Российской Федерации и административного контроля (надзора) должны обладать достоверной и оперативной информацией о месте проживания иностранных работников.

Отсутствие надлежащих санитарных и гигиенических условий в местах проживания иностранных работников создаёт риски развития эпидемиологических заболеваний, которые могут распространяться так же и среди граждан Российской Федерации. Отсутствие надлежащим образом оформленного договора аренды у иностранного работника, в первую очередь, создаёт предпосылки для нарушения прав самого этого работника, манипулирование жилищными условиями, иное недобросовестное поведение принимающей стороны, работодателей. Что касается достоверной информации о местах проживания (пребыва-

ния) мигрантов, то это является залогом актуальной и эффективной государственной политики в области миграционных и демографических отношений.

Для всех иностранных граждан и лиц без гражданства, пребывающих в Российскую Федерацию, существует обязательство встать на регистрационный учёт по месту жительства или по месту пребывания. Эти вопросы регулируются Федеральным законом от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ (далее – ФЗ № 109). Регистрация иностранных граждан по месту жительства производится по их собственному уведомлению, в течении 7-ми дней с момента прибытия в место проживания в Российской Федерации. Регистрация иностранных граждан по месту пребывания производится на основании уведомления государственных органов приглашающей стороной [14]. Ответственность за нарушение соответствующих норм предусмотрены статьями 18.8 и 18.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [15].

Отдельно стоит отметить положения ч. 6 ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) от 29.05.2014 г. (подписан в г. Астана),

«Граждане государства-члена, прибывшие в целях осуществления трудовой деятельности или трудоустройства на территорию другого государства-члена, и члены семей освобождаются от обязанности регистрации (постановки на учет) в течение 30 суток с даты въезда» [16].

В ЕАЭС на момент 2026 года входят Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Армения. На граждан, пребывающих в Российскую Федерацию из данных государств, распространяются, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации [17], положения ч. 6 ст. 97 Договора о ЕАЭС, и они обязаны осуществить соответствующую регистрацию в течении не 7-ми суток, а в течении 30-ти суток с момента въезда в Российскую Федерацию.

При определении основных векторов государственной политики в области обеспечения общественной долгосрочной безопасности вопрос контроля проживания иностранных граждан и лиц без гражданства является критически важным. На основании данных о географических аспектах проживания иностранных граждан и лиц без гражданства, государство, в лице как федеральных, так и региональных органов власти, а также органы местного самоуправления могут проводить гибкую политику по недопущению образования т.н. «гетто», представляющих собой места компактного проживания иностранных граждан и лиц без граждан. Как замечает О.Ю. Патласов, «в России на долю трудовых мигрантов из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии приходится четыре пятых от всей иностранной рабочей силы, что создает угрозу создания этнических анклавов и, соответственно, требует регулирования» [3].

«Все граждане государств-членов ЕАЭС (независимо от статуса) осуществляют безвизовый въезд на территорию Российской Федерации» [4] - Н.А. Балашова.

Так же, по наблюдению Н.С. Прошиной, С.Г. Максимовой увеличивается доля иностранных студентов из африканских и южноазиатских стран в российских вузах [5]. По мнению Е.С. Красинеца, образование этнокультурных анклавов может угрожать стабильности российского социума [6]. В этих обстоятельствах, сведения о проживании (пребывании) иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации должны быть достоверными. Существующая же система, представляется, содержит определенную мотивацию для иностранных граждан в том, чтобы сообщать органам власти неверный, неправильный адрес проживания.

Так, пребывая в Российскую Федерацию по безвизовой системе, человек сталкивается с обязанностью осуществить регистрацию по месту жительства. Между тем, сам факт наличия такой обязанности мог стать известен иностранному гражданину уже после прибытия в Российскую Федерацию. В такой связи открываются угрозы для того, чтобы организовать себе фиктивную регистрацию по месту жительства или пребывания, особенно, в ситуации, когда принимающая сторона не предоставляет нужного содействия в организации официальной регистрации, а этот вопрос заранее не обговаривался (в том числе по причине отсутствия требования предоставления подтверждения права проживания при въезде в Российскую Федерацию).

С другой стороны, выглядят не вполне обоснованными с экономической точки зрения и справедливыми жесткие меры по выдворению таких иностранных граждан с территории Российской Федерации в случае, если об их фиктивной регистрации станет известно государственным органам. Вместо этого, целесообразно было бы разработать механизмы более гибкой системы учета иностранных граждан по месту жительства или пребывания.

Как отмечают С.А. Сидоров, А.Л. Лабунский, «существенным фактором, оказывающим влияние на миграционную динамику, может быть миграционная политика России, остававшаяся в

последнее десятилетие несколько нестабильной и противоречивой, балансирующей между либерально-экономическим подходом, нацеленным на более активное привлечение мигрантов в страну, и полицейско-надзорным, направленным на ограничение и контроль миграционных потоков» [7].

Комментируя данное высказывание авторов, следует отметить, что либерально-экономический подход не обязательно всегда должен противоречить полицейско-надзорному. Хотя, и следует признать, что последний должен претерпеть определенную трансформацию. Ключевым приоритетом деятельности административных (и, в т.ч., полицейско-надзорных) органов следует признать сбор прозрачной, достоверной и в известной степени всеобъемлющей информации обо всех иностранных гражданах и лицах без гражданства, находящихся в Российской Федерации. Информационная открытость миграционных процессов для правоохранительных и административных органов позволит, во-первых, более качественно и актуально государству оценивать текущее миграционно-демографическое состояние в Российской Федерации, во-вторых, на основании этого, прогнозировать оптимальные пути развития миграционной и демографической политики в Российской Федерации. Кроме того, это будет существенным образом способствовать снижению уровня коррупции в области миграционных правоотношений.

Возможно предложение следующих мер:

– введение системы уведомительного порядка регистрации по месту жительства и пребывания иностранного гражданина и лица без гражданства, въехавшего на территорию Российской Федерации по безвизовому режиму, без подтверждения права пользования жилым помещением, но с заявлением о фактическом местопребывания по данному адресу, с обязательством в течении 6-ти месяцев обеспечить подтверждение прав проживания в установленном гражданским законодательством порядке;
– для эффективной реализации нововведения разумно проведение ограниченной «миграционной амнистии», что будет предполагать отсутствие каких-либо негативных правовых последствий для тех иммигрантов, что в добровольном порядке раскроют органам власти своё фактическое место проживания (в случае отсутствия каких-либо других правонарушений), периодом на 1 год. Эта мера позволит разово пополнить и актуализировать базы данных правоохранительных органов о местах компактного проживания иммигрантов.

Следует отметить, что отечественным законодателем уже совершаются шаги в сторону трансформации административно-полицейских мер в данной области. Так, Н.А. Коровникова позитивно оценивает такие нововведения последних лет, как «замена наказания в формате «выдворения» на штраф в индивидуальном порядке в случае уплаты налогов и наличия жилья у мигранта» и «предоставление разрешения на временное проживание для получения образования в РФ (РВПО) «на весь срок обучения иностранного студента» и дальнейшая возможность получения выпускником вида на жительство в России» [8].

Следует отметить и введение Реестра контролируемых лиц (далее РКЛ). Е.С. Макарова подчёркивает потенциал использования РКЛ в деятельности сотрудников органов внутренних дел при патрулировании: «Для слаженной работы органов внутренних дел необходимы четкие алгоритмы для работы с РКЛ с целью выявления иностранных граждан и лиц без гражданства на маршруте патрулирования, при отработке жилого сектора и проведении оперативно-профилактических мероприятий. Сотрудники полиции должны осуществлять проверку иностранцев на предмет включения их в РКЛ» [9]. Следует дополнить предложения автора о том, что с помощью РКЛ сотрудники внутренних дел могут выявлять места компактного проживания иностранных граждан и лиц без гражданства и составлять об этом соответствующий рапорт для дальнейшей проверки соответствия внесенных сведений о месте жительства (пребывания) обнаруженных граждан фактическому адресу. Недостатком системы РКЛ следует признать общедоступный характер данного реестра (что создаёт угрозы для злоупотреблений со стороны некоторых частных лиц). На необходимость модернизации «системы правовых, организационных и технических мер, ориентированных на поддержание надлежащего уровня конфиденциальности информации в электронных банках данных МВД России» указывает и Е.Н. Щеглов [10].

Приведенные выше нововведения в правовое регулирование миграционных правоотношений демонстрирует то, что государство осознаёт важность сбора достоверной и объёмной информации об иммигрантах. Предложения по совершенствованию правового регулирования, обозначенные в данной статье, позволят государству иметь актуальную информацию о местах проживания иностранных граждан и лиц без гражданства и, тем самым, прогнозировать и организовывать эффективную политику в области регулирования миграционных отношений.

Список литературы:

[1] Дибель В.Ю. Паспортная система, регистрация граждан: основные функции и задачи // Вестник Московского университета МВД России. 2012. №6. С. 153-157.

[2] Васильева А.В. Инструменты максимизации легальной занятости иностранной рабочей силы в России // Социально-трудовые исследования. 2025. №1. С. 67-78.

[3] Патласов О.Ю. Новые тренды миграционных процессов в контурах полицентрического мирового порядка // Прогрессивная экономика. 2024. №4. С. 260-273.

[4] Балашова Н.А. Особенности реализации положений договора о ЕАЭС в Российской Федерации в сфере трудовой миграции // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. №3-2. С. 39-46.

[5] Прошина Н.С., Максимов С.Г. Образовательная миграция в российских вузах: последние тренды и вызовы // Society and Security Insights. 2025. №1. С. 13-28.

[6] Красинец Е.С. Внешняя трудовая миграция в современном российском обществе: динамика и последствия // Народонаселение. 2025. №3. С. 61-73.

[7] Сидоров С.А., Лабунский А.Л. Миграция как угроза государственной безопасности: состояние и пути минимизации // Право и государство: теория и практика. 2025. №4. С. 180-183.

[8] Коровникова Н.А. Трудовая миграция в регионах Российской Федерации: тенденции, потенциал, перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2024. №1 (14). С. 50-64.

[9] Макарова Е.С. Особенности использования модуля «Реестр контролируемых лиц» в деятельности полиции при обеспечении охраны общественного порядка // Вестник экономики и права. 2025. №108. С. 49-53.

[10] Щеглов Е. Н. О некоторых вопросах реализации защиты отдельных сегментов конфиденциальной информации в деятельности органов внутренних дел // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. №4. С. 196-201.

[11] Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы» // Официальный Интернет-портал Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490 (Дата обращения: 14.01.2026 г.).

[12] Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 23.07.2025) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029; 2025. № 30 (Часть II). Ст. 4406.

[13] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; 2025. № 31. Ст. 4683.

[14] Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 30. Ст. 3285; 2025. № 31. Ст. 4624.

[15] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Российская газета. 2026. № 1 – 2.

[16] Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 16.01.2015, № 0001201501160013; 28.11.2023, № 0001202311280007.

[17] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001-202210060013 (Дата обращения: 14.01.2026 г.).

References:

[1] Dibel V.Yu. Passport system, registration of citizens: main functions and tasks//Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. №6. S. 153-157.

[2] Vasilyeva A.V. Tools for maximizing the legal employment of foreign labor in Russia//Social and labor research. 2025. №1. S. 67-78.

[3] Patlasov O.Yu. New trends in migration processes in the contours of the polycentric world order// Progressive economy. 2024. №4. PP. 260-273.

[4] N.A. Balashova. Peculiarities of the implementation of the provisions of the agreement on the EAEU in the Russian Federation in the field of labor migration//Izvestia TulSU. Economic and legal sciences. 2018. №3-2. S. 39-46.

[5] Proshina N.S., Maksimov S.G. Educational migration in Russian universities: the latest trends

and challenges//Society and Security Insights. 2025. №1. S. 13-28.

[6] Krasinets E.S. External labor migration in modern Russian society: dynamics and consequences//Population. 2025. №3. S. 61-73.

[7] Sidorov S.A., Labunsky A.L. Migration as a threat to state security: state and ways to minimize// Law and state: theory and practice. 2025. №4. S. 180-183.

[8] Korovnikova N.A. Labor migration in the regions of the Russian Federation: trends, potential, prospects//Social innovations and social sciences. 2024. №1 (14). S. 50-64.

[9] Makarova E.S. Peculiarities of the use of the Register of Controlled Persons module in police activities in ensuring the protection of public order//Bulletin of Economics and Law. 2025. №108. S. 49-53.

[10] Shcheglov E.N. On some issues of implementing the protection of certain segments of confidential information in the activities of the internal affairs bodies//Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2025. №4. S. 196-201.

[11] Decree of the President of the Russian Federation of October 15, 2025 No. 738 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030 "//Official Internet portal of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52490 (Accessed 14.01.2026).

[12] Federal Law of 15.08.1996 No. 114-FZ (as amended by 23.07.2025) " On the Procedure for Leaving the Russian Federation and Entering the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 34. Art. 4029; 2025. No. 30 (Part II). Art. 4406.

[13] Federal Law No. 25.07.2002 of 115-FZ (ed. 31.07.2025) " On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" (amended and supplemented, entry by virtue of 01.09.2025) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3032; 2025. № 31. Art. 4683.

[14] Federal Law of 18.07.2006 No. 109-FZ (as amended by 31.07.2025) " On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation "//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 30. Art. 3285; 2025. № 31. Art. 4624.

[15] Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ (rev. dated 29.12.2025) (as amended and supplemented, entry by virtue of 09.01.2026) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 1; Russian newspaper. 2026. № 1 – 2.

[16] Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana 29.05.2014) (as amended 25.05.2023) (with amendments and additions, entry by virtue of 24.06.2024) //Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, 16.01.2015, No. 0001201501160013; 28.11.2023, № 0001202311280007.

[17] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official publication of legal acts. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 (Accessed 14.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-88-94

ЧУКРЕЕВ Вадим Андреевич,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель прокурора Свердловской области,
г. Екатеринбург, Российская Федерация,
e-mail: chukreevva@mail.ru

КРИМИНАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и практические проблемы уголовно-правовой защиты человека как единства биологической и социальной сущности. Обосновывается необходимость четкого разграничения указанных сущностей в уголовном праве для адекватной квалификации общественно опасных деяний. Анализируются формы криминальной эксплуатации человека, включая новые виды — использование биометрических персональных данных и создание дипфейков. Рассматриваются последние изменения уголовного законодательства (ст. 272.1 УК РФ), актуальные проблемы правоприменения и перспективы его дальнейшего совершенствования с учетом зарубежного опыта и требований технологической безопасности.*

Ключевые слова: *биологическая сущность человека, социальная сущность человека, криминальная эксплуатация, персональные данные, биометрические данные, дипфейки, автоматизированная обработка, уголовная ответственность.*

CHUKREEV Vadim Andreevich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Deputy Prosecutor of the Sverdlovsk Region,
Yekaterinburg, Russian Federation

CRIMINAL EXPLOITATION OF THE BIOLOGICAL AND SOCIAL ESSENCE OF MAN: CRIMINAL LAW PROBLEMS OF PERSONAL DATA PROTECTION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Annotation. *The article examines the theoretical and practical problems of criminal legal protection of a person as a unity of biological and social essence. The necessity of a clear differentiation of these entities in criminal law for an adequate qualification of socially dangerous acts is substantiated. The forms of criminal human exploitation are analyzed, including new types — the use of biometric personal data and the creation of deepfakes. Recent changes in criminal legislation are being considered (art. 272.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), current problems of law enforcement and prospects for its further improvement, taking into account foreign experience and technological safety requirements.*

Key words*: human biological essence, human social essence, criminal exploitation, personal data, biometric data, deepfakes, automated processing, criminal liability.*

Современный этап развития общества характеризуется глубокой трансформацией представлений о человеке как объекте правовой охраны. Уголовное право должно четко выделять, какие именно сущности — биологические или социальные — защищаются в той или иной норме, и достаточно ли последней для защиты биологической или социальной сущности личности. Отсюда вытекает необходимость четкого определения и разграничения биологической и социальной сущностей человека. К сожалению, представители различных отраслей юридической науки чаще изучают соотношение понятий «личность», «человек», «индивидуум» и «гражда-

нин», не акцентируя внимания на важности и значении биологической и социальной сущностей человека. Между тем именно это разграничение приобретает ключевое значение в условиях, когда анатомическая структура, физиологические свойства, биометрические данные человека становятся предметом самостоятельных посягательств. Важно поднять проблему уголовно-правовой и криминологической защиты понятия «человек», в котором воплощено неразрывное единство различных сторон его существа: социальной, биологической и новой — технической, поскольку под воздействием внешней информации происходит формирование ранее неизвестных интересов и целей людей в обществе. Цель настоящего исследования — на основе анализа доктринальных подходов, законодательства и правоприменительной практики разработать концептуальные основы уголовно-правовой охраны биологической и социальной сущности человека, а также сформулировать предложения по совершенствованию уголовного закона в части защиты персональных и биометрических данных.

Человека как биологическое существо, его природные, приобретенные качества или свойства, навыки можно эксплуатировать (использовать) совершенно различными способами. Эксплуатация человека обладает повышенной опасностью, высоколатентна и очень доходна. Можно согласиться с мнением В.И. Коваленко, что «криминальная эксплуатация человека осуществляется в следующих формах: эксплуатация человека как целостной личности (социотипа), его социально и психологически обусловленных индивидуальных личностных качеств, физических, сексуальных, интеллектуальных свойств, умений, трудовых навыков (услуг); эксплуатация биологических свойств, физиологических функций организма человека (биотипа) в сфере трансплантационных, репродуктивных технологий, в ходе которой последний эксплуатируется как представитель биологического вида (человек)»[1]. Указанная классификация носит очень общий характер и не включает в себя ряд иных противоправных видов эксплуатации, например, эксплуатацию человека для извлечения гамет или использование биометрических персональных данных человека для противоправных целей. Статья 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» «биометрическими персональными данными признает сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность (биометрические персональные данные)» [2].

В этой связи следует говорить о таких называвшихся выше видах эксплуатации человека, как 1) эксплуатация (использование) человека как личности (его навыков, способностей, умений), 2) эксплуатация (использование) анатомической структуры или физиологических свойств человека и 3) эксплуатация биометрических персональных данных человека.

Развитие искусственного интеллекта, в том числе создание с его помощью «фиктивных» видео, звукозаписей, изображений с использованием биометрических персональных данных создает правовые пробелы в уголовном законодательстве по защите и охране основных прав человека. Существует и другие проблемы в уголовно-правовой науке, связанных с защитой персональных данных и использования биометрических персональных данных человека.

Во-первых, угроза нарушения целостности (подмены, удаления) биометрических персональных данных, нарушения конфиденциальности (компрометации) биометрических персональных данных при автоматизированной обработке биометрических персональных данных на устройстве клиента-физического лица в целях идентификации и (или) аутентификации физического лица в случае выполнения условий, установленных в частях 18.18 и 18.20 статьи 14.1 Федерального закона от 27 июля 2006 года N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в том числе путем реализации целенаправленных действий с использованием возможностей, указанных в пункте 10 Состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности, утвержденных приказом Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 10 июля 2014 года N 378, зарегистрированным Министерством юстиции Российской Федерации 18 августа 2014 года N 33620.

Во-вторых, угрозы безопасности, актуальные при сборе биометрических персональных данных, их передаче в осуществляющие идентификацию и (или) аутентификацию с использованием биометрических персональных данных физических лиц информационные системы организаций финансового рынка, указанных в части 10 статьи 14.1 Федерального закона N 149-ФЗ, в целях идентификации и (или) аутентификации физического лица в случае выполнения условий, установленных в частях 18.18 и 18.20 статьи 14.1 Федерального закона N 149-ФЗ. В-третьих, угрозы безопасности, актуальные при обработке (за исключением сбора), в том числе хранении, био-

метрических персональных данных и информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица (далее - информация о степени соответствия) в информационной системе организации финансового рынка в целях аутентификации физического лица в случае выполнения условий, установленных частью 18.18 статьи 14.1 Федерального закона N 149-ФЗ. В-четвертых, угроза нарушения целостности (подмены, удаления) биометрических персональных данных и информации о степени соответствия, нарушения конфиденциальности (компрометации) биометрических персональных данных при обработке (за исключением сбора), в том числе хранении, биометрических персональных данных и информации о степени соответствия в информационной системе организации финансового рынка в целях идентификации либо идентификации и аутентификации физического лица в случае выполнения условий, установленных частью 18.20 статьи 14.1 Федерального закона N 149-ФЗ, в том числе путем реализации целенаправленных действий с использованием возможностей, указанных в пункте 13 «Состава и содержания организационных и технических мер».

В-пятых, угрозы безопасности, актуальные при передаче биометрических персональных данных и информации о степени их соответствия в информационную систему организации финансового рынка в целях аутентификации и (или) идентификации физического лица в случае выполнения условий, установленных частями 18.18 и 18.20 статьи 14.1 Федерального закона N 149-ФЗ.

В-шестых, угроза безопасности, актуальная при взаимодействии организаций финансового рынка, иных организаций, индивидуальных предпринимателей с информационными системами организаций финансового рынка в целях аутентификации физического лица в соответствии с частью 18.24 статьи 14.1 Федерального закона N 149-ФЗ – угроза нарушения целостности (подмены, удаления) информации о степени соответствия, нарушения конфиденциальности (компрометации) информации о степени соответствия, в том числе путем реализации целенаправленных действий с использованием возможностей, указанных в пункте 12 «Состава и содержания организационных и технических мер» [3].

Можно прогнозировать, что подобные угрозы могут возникнуть при обработке биометрических персональных данных, их проверке и передаче информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица в информационных системах иных организаций. К сожалению, в УК РФ пока нет статей, которые предусматривали бы наказание за нарушения в сфере оборота персональных данных. Наиболее близкие статьи УК РФ – это ст. 137 «Нарушение неприкосновенности частной жизни», ст. 138 «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений», ст. 183 «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации».

Уголовный закон только в ч. 2 ст. 173.2 предусматривает ответственность за незаконный оборот именно персональных данных: использование персональных данных, полученных незаконным путем, если эти деяния совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. В этой связи возникает необходимость совершенствования уголовного-правового механизма охраны персональных данных, в том числе разработку специальной уголовно-правовой нормы об ответственности за совершение общественно опасных деяний, нарушающих требования законодательства о персональных данных гражданина. В этой связи возникает ряд задач, связанных с определением общественной опасности такого деяния, которая была бы достаточна для криминализации. Такая задача решается путем осуществления сопоставительного анализа действующих норм об административной ответственности за неправомерные действия с персональными данными, а также моделированием негативных последствий, которые могут наступить в результате совершения таких правонарушений.

Действующее российское законодательство предусматривает различные виды юридической ответственности за нарушение правил обращения персональных данных. КоАП РФ содержит ряд специальных норм об ответственности для физических лиц и организаций за неправомерные действия с персональными данными граждан: ст. 13.11. Нарушение законодательства РФ в области персональных данных. Действие данной нормы распространяется на физических и юридических лиц, подлежащих ответственности за совершение нарушений действующего законодательства о персональных данных. Учитывая, что уголовная ответственность организаций действующим законодательством исключается, следует рассмотреть содержание деяний-правонарушений, ответственность за совершение которых может быть возложена на физическое лицо за утрату или иное несанкционированное распространение персональных данных, а равно – создания условий, при которых будет возможным получение персональных данных третьими, не уполномоченными на то лицами: – неправомерная обработка персональ-

ных данных (ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ); – обработка персональных данных, произведенная без согласия их правообладателя – субъекта персональных данных (ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ); – невыполнение обязанности по предоставлению субъекту персональных данных информации, касающейся обработки его персональных данных (ч. 4 ст. 13.11 КоАП РФ); – невыполнение обязанности о блокировании или уничтожении персональных данных в случае, если персональные данные были неполными, устаревшими, неточными, незаконно полученными или не являются необходимыми для заявленной цели обработки (ч. 5 ст. 13.11 КоАП РФ); – невыполнение обязанности по соблюдению условий сохранности персональных данных и исключающих несанкционированный к ним доступ, если это повлекло различные «неправомерные действия» в отношении персональных данных (ч. 6 ст. 13.11 КоАП РФ). Перечисленные в ст. 13.11 КоАП РФ деяния представляют собой частные случаи нарушения установленных действующим законодательством правил обращения персональных данных граждан. Сами по себе они едва ли могут претендовать на статус преступления в виду отсутствия должной общественной опасности. Поэтому криминализация правонарушения, предметом которого являются персональные данные, возможна только в случаях наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда жизни и здоровью, имущественного ущерба или иных тяжких последствий. Толкование содержания ст. 13.11 КоАП РФ позволяет заключить, что лицо, допущенное в установленном законом порядке, к получению, обобщению, систематизации и иным действиям с персональными данными, может в случае нарушения нормативных требований безопасности создать угрозу для утраты и/или получения третьими неуправомоченными лицами конфиденциальной информации – персональных данных, а равно – их действительная утрата и/или распространение. Поэтому при формулировании уголовно-правовой нормы нет необходимости перечислять все возможные виды нарушений законодательства о персональных данных в качестве общественно опасного деяния – признака объективной стороны. Но все же следует понимать, что общественная опасность такого преступления формируется ввиду несанкционированной передачи или получения персональных данных третьими неуправомоченными лицами, которые, в свою очередь, получают возможность для совершения противоправных действий, направленных против прав, свобод и законных интересов граждан, интересов общества и государства.

Юридическая конструкция состава преступления, предметом которого являются персональные данные, должна предполагать наступление общественно опасных последствий, которые выступают обязательным признаком объективной стороны. Конструирование состава преступления как формального не обеспечит должного уровня общественной опасности для криминализации и сведет описываемое деяние к уровню административного правонарушения. В части видов общественно опасных последствий следует предусмотреть имущественный ущерб в размерах, сопоставимых с особо крупным размером хищений, т. е. от одного миллиона рублей. Для обеспечения высокого уровня дифференциации ответственности за совершение преступления последствия в виде причинения вреда здоровью, жизни человека, а также иные тяжкие последствия необходимо рассматривать в качестве квалифицирующих обстоятельств по отношению к признакам основного состава преступления.

Сопоставление уголовной и административной ответственности в данной сфере выявило еще одно предложение по совершенствованию института ответственности за нарушение конфиденциальности персональных данных.

Во-первых, необходимо урегулировать вопрос об ужесточении ответственности субъектов отношений по сбору, обработке, хранению и распространению персональных данных. Согласно ст. 24 Федерального закона «О персональных данных» лица, виновные в нарушении требований данного Закона, несут предусмотренную законодательством Российской Федерации административную ответственность.

КоАП РФ устанавливает административную ответственность лиц за нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных (ст. 13.11), за осуществление незаконной деятельности в области защиты информации (ст. 13.13), за разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей (ст. 13.14).

Отметим, что размер административного штрафа за указанные административные правонарушения весьма мал. Так, обработка персональных данных без согласия в письменной форме субъекта персональных данных на обработку его персональных данных в случаях, когда такое согласие должно быть получено в соответствии с законодательством Российской Федерации, влечет наложение административного штрафа на должностных лиц – от 10 тыс. до 20 тыс. руб., а на юридических лиц – от 15 тыс. до 75 тыс. руб. (ч. 2 ст. 13.11 КоАП РФ). Разглашение

информации, доступ к которой ограничен федеральным законом, лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанностей, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 500 до 1 тыс. руб.; на должностных лиц - от 4 тыс. до 5 тыс. руб. Очевидно, что размер такой ответственности не соответствует материальным (и не только) последствиям разглашения персональных данных и информации с ограниченным доступом. Размер ответственности за нарушение правил обработки персональных данных, установленных Директивой ЕС, во много раз превышает размер штрафа, предусмотренного КоАП РФ. С мая 2018 г. в Европе действуют новые правила обработки персональных данных, установленные Общим регламентом по защите данных (Регламент ЕС 2016/679 от 27.04.2016, GDPR - General Data Protection Regulation). Названный Регламент имеет прямое действие в 28 странах ЕС. С его принятием утратила силу Директива о защите персональных данных 95/46/ЕС от 24.10.1995. Важной особенностью GDPR является экстерриториальный принцип действия новых европейских правил обработки персональных данных, а также усиление ответственности за нарушение правил обработки персональных данных: штрафы достигают 20 млн евро (около 1,5 млрд руб.).

Отсюда очевидна необходимость изменения российского законодательства в части значительного усиления ответственности за нарушения законодательства о персональных данных. Кроме того, расширение сфер применения современных технологий значительно изменяет степень общественной опасности правонарушений, совершаемых в этих областях. Особенно это относится к распространению информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Думается, что такое существенное усиление административной ответственности операторов за неисполнение обязанности по локализации баз с персональными данными послужит снижению уровня нарушений в сфере сбора и обработки персональных данных граждан. Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос о введении уголовной ответственности за данное деяние. Полагаем необходимым усилить ответственность операторов и за нарушение правил, установленных ч. 1 и 2 ст. 13.11 КоАП РФ. Нуждается в соответствующем изменении также и ч. 6 ст. 13.11 КоАП, устанавливающая ответственность за невыполнение оператором при обработке персональных данных обязанности по обеспечению сохранности персональных данных при хранении материальных носителей персональных данных, недопущения несанкционированного к ним доступа (в том числе уничтожения, изменения, копирования, распространения данных). В настоящее время ч. 6 ст. 13.11 КоАП РФ предусматривает наложение административного штрафа за неисполнение обязанности по обеспечению сохранности персональных данных на должностных лиц от 4 тыс. до 10 тыс. руб. Для юридических лиц максимальный размер штрафа составляет всего 50 тыс. руб. Несомненно, что такой мизерный размер штрафа не может препятствовать действиям по незаконному доступу к персональным данным, их копированию и распространению. С учетом того что основными обладателями персональных данных являются кредитные организации (банки, МФО), понятна необходимость существенного усиления ответственности операторов за нарушение законодательства о персональных данных.

Многие авторы сходятся во мнении о том, что за незаконные действия с персональными данными необходимо установить уголовную ответственность, но при этом предлагают различные варианты в части и вариантов квалификации указанных общественно опасных деяний по уже действующим уголовно-правовым нормам, и видов криминализируемых действий. Так, А.Ю. Волкова, ссылаясь на отдельные вступившие в законную силу приговоры, обосновывает необходимость квалификации незаконных действий с персональными данными граждан по ст. 137 или 272 УК РФ [4]. С.И. Гутник обосновал необходимость корректировки положений ст. 137 и 183 УК РФ, которые должны применяться в случае «распространения» сведений, которые являются персональными данными. Он указывает, что уголовная ответственность в таких случаях будет возможной, если лицо-правообладатель не давало разрешения на распространения своих персональных данных, а лицо-правонарушитель совершает запрещённые действующим законодательством действия с персональными данными. Аналогичные действия, по мнению автора, не образуют состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ [5]. А.А. Шутова приводит доводы о том, что при совершении незаконных действий с персональными (но не регистрационными) данными, которые включаются в объем банковской тайны, нарушаются три самостоятельных, но взаимосвязанных друг с другом объекта уголовно-правовой охраны: отношения собственности, отношения в сфере охраны компьютерной информации и информационно-экономические отношения. Исходя из этого, автор полагает, что совершение указанных выше действий образует идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 158, 183 и 272 УК РФ [6].

Стоит отметить, что первые два предложения могут относиться и к совершению преступле-

ний в отношении несовершеннолетних, однако предложения А.А. Шутовой уже к ним отнести затруднительно. Б.Н. Кадников полагает, что обеспечение прав и законных интересов граждан в части сохранности и правомерности пользования их персональными данными должно осуществляться в соответствии со специальной нормой Особенной части УК РФ. Общая уголовноправовая норма (ст. 137 УК РФ) не охватывает перечисленные действия, а равно предусматривает чрезмерно мягкие меры ответственности в сравнении с общественной опасностью незаконных действий – нарушения правил обращения с персональными данными граждан. Поэтому в условиях обеспечения надлежащей охраны персональных данных граждан необходима более емкая дифференциация уголовной ответственности по увеличению степени строгости наказаний, предусмотренных ст. 137 УК РФ, а также введение специальной уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил обращения с персональными данными – конфиденциальной информацией. Но, указывая на необходимость введения специальной нормы, автор не предлагает ее содержания и точно не указывает место ее предполагаемого нахождения, исходя из родового объекта общественно опасного посягательства [7]. Аналогичной позиции придерживается Е.В. Хохлова. Не предлагая конкретного описания диспозиции и санкции специальной уголовно-правовой нормы, она предлагает аргументацию «социально-правового и криминологического» содержания в пользу введения такой нормы в отечественный уголовный закон. Общественная опасность деяний, связанных с нарушением правового режима использования персональных данных, обусловлена высокой ценностью нарушаемых прав и свобод – жизнь, личная/семейная тайна, честь, достоинство, собственность, а также особенностями современных отношений, в которых ключевую роль стала играть глобальная компьютеризированность, виртуализация [8]. И.Н. Мосечкин также указывает на необходимость установления специальной нормой уголовной ответственности за посягательства на персональные данные, которые выражаются в их незаконном получении, хранении, обработке, сбыте и использовании. Данные общественно опасные действия указывают на принципиально новое преступление, которое автор предлагает именовать «кражей личности», но не раскрывает юридических особенностей и предполагаемых признаков его состава [9].

Некоторые авторы небезосновательно полагают, что использование в нормах уголовного закона конструкции «похищение личности» нежелательно, т. к. в таком случае человек приравнивается к предмету гражданско-правовых отношений. Хищение и иные незаконные действия с персональными данными следует рассматривать в качестве преступления, ответственность за которое предусмотрено отдельной нормой из гл. 19 УК РФ. Авторы также предлагают рабочий вариант диспозиции этой уголовно-правовой нормы: «Незаконное получение цифровых идентификационных данных. Получение цифровых идентификационных данных путем похищения, обмана, шантажа, принуждения, угрозы применения насилия либо иным незаконным способом…». Правда, здесь же делается оговорка, что данное преступление следует квалифицировать по совокупности со статьями иных глав УК РФ в зависимости от посягательства на объект уголовно-правовой охраны. Кроме того, к данной уголовно-правовой норме необходимо по аналогии статьи 137 УК РФ также выделить квалифицирующий состав относительно незаконного получения цифровых идентификационных данных несовершеннолетних. Кроме того, предлагаемое решение нельзя считать окончательным, т. к. во всех случаях совершения преступления, предметом которых являются персональные данные, по мнению авторов, всегда будет требовать дополнительной квалификации и установления идеальной совокупности [10].

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы и предложения.

1. Теоретическое значение разграничения биологической и социальной сущности человека. В условиях цифровизации и развития биотехнологий уголовное право должно четко определять, какая именно сущность человека — биологическая, социальная или информационная (техническая) — выступает объектом охраны в конкретной норме. Это необходимо для адекватной квалификации деяний и конструирования составов преступлений, отражающих специфику причиняемого вреда.

2. Классификация форм криминальной эксплуатации человека. Обосновано выделение трех форм эксплуатации: эксплуатация человека как личности (социальная сущность); эксплуатация анатомической структуры и физиологических свойств (биологическая сущность); эксплуатация биометрических персональных данных (информационная сущность). Последняя форма является новой и требует специального уголовно-правового регулирования.

3. Оценка изменений уголовного законодательства. Введение ст. 272.1 УК РФ является значительным шагом вперед в деле уголовно-правовой охраны персональных данных. Однако практика применения выявила определенные сложности, связанные с необходимостью доказывания

незаконности получения исходных данных и отграничения от административных правонарушений.

4. Значение сравнительно-правового анализа. Зарубежный опыт демонстрирует разнообразие подходов к защите персональных и биометрических данных. Российское законодательство должно развиваться с учетом лучших практик, сохраняя баланс между эффективностью уголовно-правовой охраны и соблюдением принципов гуманизма и справедливости. В конечном счете, речь идет о формировании целостной системы уголовно-правовой и криминологической безопасности человека как единства биологической, социальной и информационной сущности. Только такой комплексный подход способен обеспечить надежную защиту прав и свобод личности в условиях цифровой трансформации общества.

Список литературы:

[1] Коваленко В.И. Криминальная эксплуатация человека: понятие, виды, проблемы правовой регламентации // Право и образование. 2014. № 2. С. 90-99.

[2] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

[3] Официальный сайт Банка России. URL: http://www.cbr.ru/ (дата обращения: 13.01.2026).

[4] Волкова А. Ю. Персональные данные как объект уголовно-правовой охраны / А. Ю. Волкова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – 2023. № 3. С. 132-137.

[5] Гутник С. И. Уголовно-правовая характеристика преступных посягательств в отношении персональных данных: дис. … канд. юрид. наук / С. И. Гутник. – Красноярск, 2017. 241 с.

[6] Шутова А. А. Уголовно-правовое противодействие информационным преступлениям в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной аспекты : дис. … канд. юрид. наук / А. А. Шутова. Н. Новгород, 2017. 264 с.

[7] Кадников Б. Н. Уголовно-правовая охрана конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Б. Н. Кадников. М., 2008. 27 с.

[8] Хохлова Е.В. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, связанные с персональными данными / Е. В. Хохлова // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 3. С. 141-148.

[9] Мосечкин И. Н. Направления совершенствования уголовно-правовых средств обеспечения защиты персональных данных / И. Н. Мосечкин // Научные исследования в современном мире. Теория и практика. Сборник избранных статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 10 января 2022). – СПб.: ГНИИ «Нацразвитие». 2022. С. 200-202.

[10] Зварыгин В. Е. Похищение «цифровой личности»: проблемы квалификации / В. Е. Зварыгин, А. М. Ахатова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2023. № 3. С. 148-157.

References:

[1] Kovalenko V.I. Criminal exploitation of a person: concept, types, problems of legal regulation // Law and Education. 2014. No. 2. pp. 90-99.

[2] Federal Law “On Personal Data” of July 27, 2006 N 152-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3451.

[3] Official website of the Bank of Russia. URL: http://www.cbr.ru/ (date of access: January 13, 2026).

[4] Volkova A. Yu. Personal data as an object of criminal law protection / A. Yu. Volkova // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century. - 2023. No. 3. pp. 132-137.

[5] Gutnik S. I. Criminal-legal characteristics of criminal attacks against personal data: diss. ... Cand. Sciences (Law) / S. I. Gutnik. - Krasnoyarsk, 2017. 241 p.

[6] Shutova A. A. Criminal-legal counteraction to information crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied aspects: diss. ... Cand. Sciences (Law) / A. A. Shutova. N. Novgorod, 2017. 264 p.

[7] Kadnikov B. N. Criminal-legal protection of the constitutional right of citizens to privacy: author’s abstract. diss. ... Cand. Sciences (Law) / B. N. Kadnikov. Moscow, 2008. 27 p.

[8] Khokhlova E.V. Social Determination of Criminal Liability for Crimes Related to Personal Data / E. V. Khokhlova // Bulletin of Tver State University. Series “Law”. 2022. No. 3. pp. 141-148.

[9] Mosechkin I. N. Directions for Improving Criminal-Law Means of Ensuring the Protection of Personal Data / I. N. Mosechkin // Scientific Research in the Modern World. Theory and Practice. Collection of Selected Articles of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, January 10, 2022). - St. Petersburg: State Research Institute “NatSrazvitie”. 2022. pp. 200-202.

[10] Zvarygin V. E. Theft of a “Digital Identity”: Problems of Qualification / V. E. Zvarygin, A. M. Akhatova // Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century. 2023. No. 3. P. 148-157.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-95-98

ОСИНА Дина Матвеевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения, МГИМО МИД России,
e-mail: d.osina@inno.mgimo.ru

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ КАК МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ПРИНЦИП СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа презумпции невиновности как принципа современного российского права, изучаются вопросы места указанного принципа в теории права, а также особенности его закрепления и реализации в отдельных отраслях права в том числе с учетом цифровизации и автоматизации отдельных сфер общественной жизни. В заключении автор приходит к выводу о межотраслевом характере указанного принципа и наличии особенностей его реализации в ряде отраслей российского права.*

Ключевые слова: *правовая презумпция, правовой принцип, межотраслевой принцип, презумпция невиновности, опровержимая презумпция, общеправовой принцип.*

OSINA Dina Matveevna,
Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Legal Theory and Comparative Law, MGIMO University

PRESUMPTION OF INNOCENCE AS A CROSS-BRANCH PRINCIPLE OF MODERN RUSSIAN LAW

Annotation. *The article examines the legal nature of the presumption of innocence as a principle of modern Russian law. It examines the place of this principle in legal theory, as well as the specifics of its implementation in specific branches of law, taking into consideration digitalization and automation in particular spheres of life. The author concludes on the interdisciplinary nature of this principle and outlines the specifics of its implementation in several areas of Russian law.*

Key words: *legal presumption, legal principle, interdisciplinary principle, presumption of innocence, rebuttable presumption, general legal principle.*

Введение и постановка проблемы

На сегодняшний день презумпция невиновности является важным правовым принципом, без полноценной реализации которого невозможен справедливый суд. Она закреплена не только в законодательстве большинства стран мира, но и на международном уровне (например, в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека). Презумпции невиновности посвящено большое количество научных исследований как в российском, так и зарубежном праве. Применительно к отечественной юриспруденции наиболее часто презумпция невиновности упоминается в трудах по уголовному процессу, что неудивительно, ведь в уголовных делах решается без преувеличения дальнейшая судьба человека, а соблюдение указанного принципа становится неотъемлемой процессуальной гарантией. Между тем, в настоящее время, в том числе с учетом цифровизации отдельных сфер общественной жизни, содержание презумпции невиновности в системе принципов российского права приобретает свои особенности.

Все принципы права в теории отечественного права принято классифицировать на общеправовые (общие), межотраслевые и отраслевые, при этом презумпция невиновности иногда бывает отнесена к отраслевому принципу, как свойственная уголовно-процессуальному праву [8, с.64]. Иногда ее именуют «гарантированным Конституцией РФ принципом, получившим отраслевое развитие в ст.14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [5]. В п. 2.6 Разъяснения № 02/16 Комиссии по этике и стандартам по вопросу применения пункта 3 статьи 21 Кодекса профессиональной этики адвоката (утв. решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 28.01.2016, протокол № 3) отмечается, что презумпция невиновности является конституци-

онным принципом и конкретно-отраслевым. В некоторых исследованиях презумпции невиновности приписывают и вовсе общеправовое значение [6, с. 110; 7].

Нам представляется, что истина находится где-то посередине, ведь презумпция невиновности свойственна не только одной лишь отрасли уголовно-процессуального права; она свойственна и другим отраслям, хотя и приобретает подчас в них новые, особенные очертания. Этим и другим вопросам будет уделено внимание в исследовании, основной целью которого является осмысление роли и места презумпции невиновности среди других принципов российского права, исследование содержания данного принципа сквозь призму различных отраслей современного права в том числе с учетом глобальных трендов на цифровизацию и автоматизацию всех сфер общественной жизни. Методологию исследования включают как общенаучные методы (анализ, синтез и др.), так и специально-юридические методы (сравнительно-правовой, формально-юридический).

Презумпция невиновности и её проявление в отраслевой юриспруденции

Презумпция невиновности характерна для целого ряда отраслей (подотраслей) российского права. В самом общем виде приведем ее так, как она закреплена в ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Далее в ч. 2 и ч.3 данной статьи содержатся положения об отсутствии обязанности доказывать свою невиновность и о необходимости толковать неустранимые сомнения в пользу обвиняемого. Основной смысл данной презумпции фактически состоит в распределении бремени доказывания: человек невиновен до тех пор, пока сторона обвинения не предоставит неопровержимые доказательства вины, и не вступит в законную силу соответствующий правоприменительный акт.

В уголовно-процессуальном праве презумпция невиновности находит отражение в ст. 14 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ), где использованы формулировки наиболее близкие к Конституции РФ. Смысл данной презумпции в уголовном процессе – не допустить осуждение невиновного. Некоторые исследователи в содержание презумпции по сути включают и другой принцип – принцип осуществления правосудия только судом, в частности, говоря о рисках для реализации презумпции невиновности на фоне внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство. Так, в качестве примера приводится опыт функционирования «умных» судов в КНР, где судей обязали консультироваться с искусственным интеллектом при рассмотрении дел, и если судья принимает решение отклонить рекомендацию искусственного интеллекта, то он обязан письменно обосновать мотивы такого решения [5]. Полагаем, что в таком случае риски опосредованно могут возникнуть и для презумпции невиновности, поскольку в случае ошибок и неточностей в алгоритмических инструментах, используемых искусственным интеллектом, может быть осужден невиновный.

В административном праве презумпция невиновности закреплена в ст. 1.5 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ). С 1 июля 2008 года вступило в силу примечание к данной статье, в котором указано, что презумпция невиновности не применяется в ряде случаев, в частности, если административное правонарушение было зафиксировано с помощью средств фото- и видеофиксации. Де-факто речь идет об объективном вменении – например, в случае назначения административного наказания собственнику транспортного средства за противоправное деяние, совершенное другим лицом, управлявшим автомобилем, поскольку при привлечении к ответственности вина автовладельца презюмируется, а само противоправное деяние автоматически становится административным правонарушением. Указанное примечание затем неоднократно дополнялось и на сегодняшний день охватывает немало ситуаций, в связи с чем исследователи обращают внимание на то, что проблема объективного вменения при привлечении к административной ответственности за нарушения, зафиксированные специальными техническими средствами, актуализируется в связи с расширяющимися возможностями этих средств фиксировать разнообразные виды нарушений [3]. Также существует точка зрения, что в делах об административных правонарушениях фактически действует презумпция правильности акта государственного органа – поскольку на практике доказательством вины лица могут служить любые фактические данные, на основании которых судья или должностное лицо могут сделать вывод о виновности привлекаемого к административной ответственности лица, что особенно актуально, когда в деле отсутствуют какие-либо доказательства кроме показаний предполагаемого нарушителя и протокола об административном правонарушении. В таком случае протокол становится единственным доказательством вины, а требования презумпции

невиновности с точки зрения доказывания вины в предусмотренном КоАП порядке считаются соблюденными [1]. Некоторые ученые идут еще дальше и отмечают, что в глазах суда лицо, ведущее себя пассивно в процессе со ссылкой на отсутствие обязанности доказывать свою невиновность, будет выглядеть менее добросовестно, чем должностное лицо, содействующее осуществлению судопроизводства, что в итоге приводит к тому, что неустранимые сомнения в виновности привлекаемого лица могут быть истолкованы в пользу привлекающей стороны, как более добросовестной [2]. Однако несмотря на все обозначенные в различных исследованиях риски презумпция невиновности прямо содержится в КоАП РФ, что однозначно свидетельствует о ее значимости в административном праве (даже с учетом примечания в тексте ст. 1.5 КоАП РФ) и применении в ситуациях, когда речь не идёт о фиксации административных правонарушений с помощью средств фото- и видеофиксации.

В подотрасли финансового права – налоговом праве презумпция невиновности находит отражение в п. 6 ст. 108 Налогового кодекса Российской Федерации. Однако несмотря на прямое закрепление презумпции с использованием достаточно классического варианта формулировок на практике возникают вопросы по поводу реализации данного принципа, связанные, в частности, с применением концепции должной осмотрительности: налогоплательщика обязывают доказывать факт проявления должной осмотрительности, в противном случае привлекают к ответственности за налоговое правонарушение. Этому есть очевидное объяснение: сложно доказать то, чего нет, поэтому проверяющий орган может лишь заявить этот довод, а налогоплательщик, в опровержение довода, может предоставить позитивные доказательства осуществления должной осмотрительности в требуемых законом пределах. Важным залогом полноценной реализации презумпции невиновности в налоговых правоотношениях выступает доброжелательность со стороны налогового органа и отсутствие какого-либо давления при взаимодействии с налогоплательщиком. На практике это не всегда осуществляется: порой при вызове в налоговую инспекцию вне рамок налогового контроля налогоплательщики сталкиваются с подозрениями в свой адрес, в связи с чем вынуждены пояснять отдельные факты хозяйственной деятельности, чтобы избежать, например, назначения выездной налоговой проверки. Ранее подобные мероприятия с приглашением налогоплательщика в инспекцию осуществлялись в рамках комиссий по легализации налоговой базы (которые, напомним, также не были предусмотрены в Налоговом кодексе Российской Федерации), в настоящее время – в рамках различного рода рабочих совещаний. При указанных обстоятельствах налогоплательщики вынуждены обосновывать размер заработных плат персонала, причины убытков и т.д., в то время как с точки зрения налогового законодательства имеют права ничего не пояснять, не доказывать свою невиновность, с учетом того, что рабочие совещания – даже не форма налогового контроля. Разумеется, налогоплательщики обычно заинтересованы в конструктивном диалоге с налоговым органом, а заблаговременное предоставление информации способствует процессуальной экономии для обеих сторон налоговых правоотношений и снимает необходимость переходить к налоговому контролю, однако формат «прийти и отчитаться, чтобы не получить решение о назначении выездной проверки» – не совсем про презумпцию невиновности в том виде, в каком она закреплена в Налоговом кодексе РФ.

В трудовом праве в целом и Трудовом кодексе Российской Федерации в частности презумпция невиновности прямо не закреплена (т.е., носит косвенный характер), однако применяется, например, при разрешении в суде дела о восстановлении на работе уволенного по инициативе работодателя работника, поскольку обязанность доказывать наличие законного основания увольнения и соблюдение порядка увольнения лежит именно на работодателе[1], т.е. работник не обязан доказывать незаконность своего увольнения. Применение презумпции невиновности в трудовом праве объясняется социальным назначением отрасли трудового права [4]. Однако если сотрудник заявляет какие-либо дополнительные аргументы, в частности, сообщает о проявлении дискриминации, доказывать факты дискриминации придется именно бывшему работнику, а работодателю необходимо доказывать лишь наличие законного основания увольнения, которое было применено к работнику (например, увольнение ввиду сокращения численности или штата и др.).

Наконец, совершенно по-особенному обстоят дела в гражданском праве. Из ч. 2 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) следует, что презумпция невиновности уступает место презумпции вины должника, так как отсутствие вины должно быть доказано нарушившей обязательство стороной. Также в ГК РФ есть исключения, когда ответственность наступает вне зависимости от вины лица – например, в случае ответственности владельца источника повышенной опасности за причинение вреда

[1] П. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации №2 от 17.03.2004 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»

таковым (ст. 1079 ГК РФ). И даже несмотря на то, что основополагающий принцип гражданского права – принцип добросовестности (из которого потенциально может быть выведена и презумпция невиновности), говорить о презумпции невиновности в гражданском праве мы все же не можем.

Выводы

На основании проведенного исследования можно предложить рассматривать презумпцию невиновности как опровержимую презумпцию – межотраслевой принцип в современной теории права, который характерен для комплекса отраслей права, в которых он находит свое выражение весьма по-разному: от прямого закрепления в одной отрасли (в уголовно-процессуальном, административном, налоговом праве) до косвенного выведения путем системного толкования положений закона – в другой (трудовое право). Невозможность распространения указанного принципа на все без исключения отрасли, тем не менее, не позволяет считать данный принцип общеправовым. Цифровизация и автоматизация отдельных сфер общественной жизни несут потенциальные риски для применения принципа презумпции невиновности, в том числе посредством объективного вменения в ряде случаев.

Список литературы:

[1] Волкова И.В. Правовая конструкция, закрепленная в КоАП РФ, предполагающая нейтрализацию применения принципа презумпции невиновности // Административное право и процесс. – 2023. – № 6.

[2] Кириллов Д.А. Притворные правовые явления в системе принципов административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – № 2.

[3] Кисин В.Р., Хадисов Г.Х. Объективное вменение в законодательстве об административных правонарушениях // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 11.

[4] Клепалова Ю.И., Незнамов А.В., Щербакова О.В. Презумпция трудового характера отношений в свете тенденций развития судебной практики // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 3.

[5] Папышева Е.С. Искусственный интеллект как угроза принципу презумпции невиновности // Адвокатская практика. – 2022. – №5. – С. 2-5.

[6] Степанов Р.Г., Максимов Ю.А. Принцип презумпции невиновности и его интерпретация в основных отраслях российского права // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2020. – №4 (76). – С. 110-113.

[7] Султанов А.Р. Арбитражные суды и презумпция невиновности в антимонопольных разбирательствах // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 4.

[8] Теория права и государства : учебно-методическое пособие : [16+] / авт.-сост. А. А. Малиновский, В. М. Малиновская, А. М. Михайлов ; под ред. А. А. Малиновского [и др.]. – Москва : Проспект, 2024. – 592 с.

References:

[1] Volkova I.V. Legal structure, enshrined in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, implying neutralization of the application of the principle of presumption of innocence // Administrative Law and Procedure. – 2023. – No. 6.

[2] Kirillov D.A. Feigned legal phenomena in the system of principles of administrative process // Siberian Law Review. – 2021. – No. 2.

[3] Kisin V.R., Khadisov G.Kh. Objective imputation in the legislation on administrative offenses // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2020. – No. 11.

[4] Klepalova Yu.I., Neznamov A.V., Shcherbakova O.V. Presumption of the labor nature of relations in light of trends in the development of court practice // Bulletin of Civil Procedure. – 2023. – No. 3.

[5] Papysheva E.S. Artificial Intelligence as a Threat to the Principle of the Presumption of Innocence // Advocate's Practice. – 2022. – No. 5. – P. 2-5.

[6] Stepanov R.G., Maksimov Yu.A. The Principle of the Presumption of Innocence and Its Interpretation in the Main Branches of Russian Law // Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov. – 2020. – No. 4 (76). – P. 110-113.

[7] Sultanov A.R. Arbitration Courts and the Presumption of Innocence in Antitrust Proceedings // Bulletin of Civil Procedure. – 2023. – No. 4.

[8] Theory of Law and State: a teaching aid: [16+] / compiled by A. A. Malinovsky, V. M. Malinovskaya, A. M. Mikhailov; edited by A. A. Malinovsky [et al.]. – Moscow: Prospect, 2024. – 592 p.

ТЕОРИЯ КОНСТИТУЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-99-103

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права РАН,
e-mail: evsfrf@gmail.com

ПРИНЦИП IN DUBIO PRO NATURA В СИСТЕМЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА АРКТИЧЕСКИХ СТРАН: СУВЕРЕННЫЕ ПРАВА КОРЕННЫХ НАРОДОВ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Аннотация. *В статье анализируется содержание и применение принципа in dubio pro natura («при сомнении - в пользу природы») в конституционно-правовых системах арктических государств. Рассматривается взаимосвязь данного принципа с концепцией экологического конституционализма. Цель настоящей статьи - проанализировать содержание принципа in dubio pro natura. Методология исследования включает анализ конституционных положений арктических государств, международно-правовых документов, научной доктрины и правоприменительной практики.*

Ключевые слова*: in dubio pro natura, экологический конституционализм, Арктика, коренные народы, межпоколенческая справедливость, суверенитет, права человека.*

VINOGRADOVA Elena Valerievna,
Doctor of Law, Professor, Chief Researcher,
Sector of Constitutional Law and Constitutional
Justice Institute of State and Law,
Russian Academy of Sciences

THE PRINCIPLE OF “IN DUBIO PRO NATURA” IN THE SYSTEM OF ENVIRONMENTAL CONSTITUTIONALISM OF ARCTIC STATES: SOVEREIGN RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES AND INTERGENERATIONAL JUSTICE

Annotation. *This article analyzes the content and application of the principle of “in dubio pro natura” (“when in doubt, in favor of nature”) in the constitutional and legal systems of Arctic states. The relationship between this principle and the concept of environmental constitutionalism is examined. The purpose of this article is to analyze the content of the principle of “in dubio pro natura.” The research methodology includes an analysis of the constitutional provisions of Arctic states, international legal documents, scientific doctrine, and law enforcement practice.*

Key words*: in dubio pro natura, environmental constitutionalism, Arctic, indigenous peoples, intergenerational justice, sovereignty, human rights.*

Новые конституционно-правовые концепции возникают сегодня на основе междисциплинарного анализа, объединяющего юриспруденцию, этнологию, политику и психологию, информационные технологии, экологическую проблематику. Особую комплексную систему прав, обязанностей и принципов в области охраны природной среды, вытекающих из конституций и международных соглашений представляет концепция экологического конституционализма. В российской юридической науке фундаментальное обоснование категории экологического конституционализма предложил Н.С. Бондарь. По его определению, «экологический

конституционализм - это межотраслевое понятие, в основе которого лежат конституционные начала регулирования природоохранной деятельности, обеспечения экологической безопасности личности, общества и государства» [1]. Права, включенные в экологический конституционализм, подразделяются на: право на здоровую окружающую среду, собственно экологические права и процессуальные права.

Особое значение в рамках экологического конституционализма приобретают процессуальные права, гарантированные международными конвенциями: право общественности на участие в принятии решений и право доступа к правосудию по экологическим вопросам . Эти права уравновешиваются обязанностями граждан и государства по защите природной среды, формированию эффективной нормативно-правовой базы, а также действующих механизмов обеспечения соблюдения экологического законодательства.

Конституциолизация экологической проблематики представляется весьма эффективной для реализации экологических принципов, т.к. конституционная система обладает значительным потенциалом в судопроизводств. Кроме того, внутреннее законодательство в большей степени вовлекает граждан страны в процессы принятия решений, поскольку конституционные поправки обычно требуют квалифицированного большинства, а иногда даже референдума.

Эволюция экологического конституционализма отражает глубокие изменения в правосознании от антропоцентрической парадигмы к экоцентрическому подходу, признающему самоценность природных систем. Это предопределяет особые юрисдикционные подходы к разным регионам. Беспрецедентные изменения, вызванные глобальным потеплением, которое ведет к таянию ледников, деградации вечной мерзлоты и трансформации экосистем, происходят сегодня в Арктическом регионе. Исследователи полагают, что «…с глобальным потеплением климата неразрывно связан процесс смещения широтных границ арктических экосистем к северу и проникновения в них новых биологических видов, традиционно обитающих южнее, что может привести нарушению функционирования экосистем вследствие возможного доминирования новых видов над уже встроенными в экосистему. Здесь необходимо также отметить проблему случайного проникновения, либо преднамеренной интродукции, в арктические экосистемы чужеродных видов в следствие осуществления в регионе различного рода антропогенной деятельности» [7]. При этом экономический интерес к Арктике постоянно возрастает: расширяется судоходство по Северному морскому пути, осваиваются новые месторождения полезных ископаемых, развивается туристическая инфраструктура. В этих условиях особую остроту приобретает вопрос о правовых механизмах, способных обеспечить баланс между экономическим развитием и сохранением уникальной природной среды этого региона. Как утверждает академик А.Н.Савенков «…необходимо совершенствовать действующее законодательство в целях приведения его в соответствие с требованиями, которые предъявляет Арктика как уникальный регион России, имеющий планетарное значение, для обеспечения национальных интересов, безопасности и дальнейшего освоения российского Севера» [8].

Одним из механизмов решения многих вопросов, при различиях в нормативном регулировании разных стран, можно считать применение принципов. Возможности использования принципа in dubio pro natura (лат. «при сомнении - в пользу природы») как метода разрешения правовых коллизий, демонстрирует серьезный потенциал для применения. Он направлен на защиту экологического благополучия в случае деятельности, потенциально вредной для окружающей среды. Принцип in dubio pro natura означает, что «при сомнении относительно того, следует ли разрешить деятельность, наносящую вред окружающей среде, сомнение должно толковаться в пользу защиты окружающей среды» [3]. Рассуждая «… об экологическом конституционализме в Арктике данный принцип может быть использован как аргумент в пользу того, что при столкновении интересов промышленного освоения и сохранения уязвимых арктических экосистем, любые сомнения должны толковаться в пользу природы, особенно учитывая права коренных народов и межпоколенческую справедливость» [3]. Первыми имплементировали этот принцип в конституционно-правовое пространство латиноамериканские юрисдикции. В 2002 г. Конституционный суд Колумбии установил: « должен соблюдаться, принцип, который может быть выражен формулой ‘in dubio pro ambiente’».

Анализ конституционно-экологических положений восьми арктических юрисдикций (Аляска (США), Канада, Дания (Гренландия), Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Россия) определяет сходные подходы к использованию принципа In dubio pro natura, который направлен на защиту экологического благополучия при возникновении событий, потенциально вредных для природной среды. Он напоминает принцип предосторожности, но существенно отличается от него. Принцип предосторожности активируется в случае неопределенности относительно потенциального риска экологической деградации и призывает государства принимать меры предосторожности в той

степени, в которой они являются «экономически эффективными». Принцип предосторожности не переносит бремя доказывания безвредности предполагаемой деятельности на ее инициатора. In dubio pro natura, напротив, применяется к уже существующим нормативным рамкам как инструмент разрешения конфликтов интересов в пользу природы и переносит бремя доказывания в экологических спорах .

Очень часто сфера применения принципа in dubio pro natura определяется сквозь призму прав коренных народов (территориальные споры, защита священных мест, сохранение биоразнообразия, права на участие в принятии решений, касающихся эксплуатации природных ресурсов и др.)

Конституция штата Аляска 1959 г. признает важность сохранения природных ресурсов и биоразнообразия. Статья 8 устанавливает, что природные ресурсы штата (воды, леса, объекты животного мира, полезные ископаемые) должны использоваться и развиваться для максимальной выгоды народа, включая коренных жителей Аляски, при сохранении устойчивости для будущих поколений. Статья 11 посвящена охране природных ресурсов.

Вместе с тем, в ст. 8 гарантируется доступ к природным ресурсам, при запрете лишения граждан или резидентов права на их использование, но не признаются исключительные права коренных жителей Аляски на охоту или рыболовство в сельских или традиционных районах и в культурных целях.

Конституция Канады не содержат специальных статей об экологических принципах. При этом, признаются особые отношения коренных народов с их землями через уважение права на самоопределение (ст. 35).

Конституция Королевства Дания не содержит прямых ссылок на экологические принципы. Правовое регулирование в этой сфере осуществляется на уровне специального законодательства и автономных полномочий Гренландии.

Конституция Исландии также не имеет специальных положений об экологических принципах, делегируя регулирование этих вопросов парламенту. Однако данная тема активно обсуждалась в контексте готовящейся конституционной реформы.

Конституция Норвегии в ст. 112 закрепляет право на здоровую окружающую среду и устанавливает ответственность за обеспечение устойчивого развития для нынешнего и будущих поколений. Ст. 108 (бывшая 110a) определяет, что народ саами имеет право сохранять и развивать свой язык, культуру и образ жизни . В отличие от Аляски признается исключительное право саами заниматься оленеводством в свете их культурных прав и средств к существованию.

Конституции Швеции (Ст. 2, раздел 4) устанавливает, что «публичные институты должны способствовать устойчивому развитию, ведущему к хорошей окружающей среде для нынешнего и будущих поколений» .

Финляндия признает культурные и языковые права саами (ст. 17 Конституции), а также право на культурное самоуправление (ст. 121 Конституции). Определено, что природа является «ответственностью каждого», а «публичные власти должны стремиться гарантировать каждому здоровую окружающую среду» (ст. 20, раздел 1 Конституции).

Конституция России не содержит прямых статей, посвященных экологическим принципам, однако «гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации» (ст. 69 Конституции), закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением(ст. 42 Конституции), устанавливает обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду (ст. 58 Конституции).

Можно утверждать, что арктические страны интегрировали межпоколенческую справедливость в свои конституции, тем самым они, сохраняя правовую природу национального суверенитета [5], который «…раскрываясь через философские концепции, предлагает весьма интересные модели» [6]. признают межпоколенческую справедливость в силу доктрины публичного доверия, согласно которой государство несет ответственность за охрану природной среды перед будущими поколениями.

Концептуальное принятие принципа in dubio pro natura означает признание тесной связи между природой и культурными, духовными и традиционными практиками коренных народов. Этот принцип также может служить основой для права общин коренных народов на свободное, предварительное и осознанное согласие и содержательные консультации в проектах освоения ресурсов. В отношении традиционных знаний коренных народов принцип in dubio pro natura неразрывно утверждает принцип межпоколенческой справедливости, признавая право будущих поколений на равный доступ к природным ресурсам с точки зрения количества, качества и доступности .

Поскольку защита культуры коренных народов тесно связана со здоровой окружающей средой, особое значение приобретает вопрос о том,

как межпоколенческая справедливость применяется к правам коренных народов и сохранению их традиций для будущих поколений.

Конституционное право, включающее межпоколенческую справедливость главным образом через упомянутую доктрину публичного доверия, согласно которой природные ресурсы являются ответственностью государства, действующего в качестве доверительного управляющего от имени своих граждан и бенефициаров, при жестком контроле своих суверенных интересов. Межпоколенческая справедливость сама по себе не проводит различия между коренными и некоренными общинами, особенно потому, что экологические обязательства представляются универсальными. Однако презумпция универсальности не отражает всех возможных представлений, поскольку коренное население имеет иное мировоззрение, тесно связывающее культурное выживание с состоянием окружающей среды .

На Аляске принцип in dubio pro natura сталкивается с конституционным закреплением доступа к природным ресурсам. Как отмечалось ранее, статья 8 Конституции Аляски гарантирует доступ к ресурсам, но не признает исключительных прав коренных жителей. В контексте китобойного промысла, охоты и рыболовства возникают сложные коллизии между традиционным образом жизни коренных народов (инупиатов, юпиков, атабасков), необходимостью сохранения биоразнообразия, интересами коммерческого рыболовства и охоты, туристической индустрией. Применение принципа in dubio pro natura в этих спорах могло бы способствовать более взвешенному учету экологических факторов и прав коренных народов, особенно в ситуациях, когда научные данные о состоянии популяций животных являются неполными или противоречивыми.

В Норвегии показательным примером является конфликт вокруг строительства ветряных электростанций на территориях традиционного природопользования саами . Эти территории используются для оленеводства - ключевого элемента культуры и экономики саами. Конфликт обостряется тем, что ветряные электростанции позиционируются как «зеленая» энергетика, способствующая борьбе с изменением климата, строительство и эксплуатация ветропарков нарушают миграционные пути оленей и сокращают пастбища. Конституция Норвегии признает право саами на сохранение культуры и образа жизни (ст. 108), а также исключительное право на оленеводство. В данном случае принцип in dubio pro natura мог бы служить инструментом разрешения коллизии между двумя экологически значимыми ценностями: развитием возобновляемой энергетики и сохранением традиционного природопользования коренных народов. Применение принципа означало бы, что при сомнениях относительно воздействия ветропарков на оленеводство, решение должно приниматься в пользу сохранения экосистем, необходимых для традиционного образа жизни саами.

Примеры Аляски и Норвегии демонстрируют сложность конфликтов, возникающих в арктическом регионе, и потенциал принципа in dubio pro natura для их разрешения. В обоих случаях применение принципа могло бы способствовать более взвешенному учету как экологических факторов, так и прав коренных народов.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о потенциале принципа in dubio pro natura в арктическом контексте.

Во-первых, принцип может служить эффективным инструментом для защиты традиционного природопользования коренных народов [2]. Поскольку культура коренных народов Арктики (охота, рыболовство, оленеводство, собирательство) неразрывно связана с состоянием окружающей среды, любое решение, способное нанести ущерб экосистемам, должно приниматься с учетом принципа in dubio pro natura.

Во-вторых, принцип усиливает межпоколенческую справедливость. Как отмечалось ранее, одно поколение не имеет права решать, как культура должна развиваться в будущем . Применение in dubio pro natura обеспечивает сохранение для будущих поколений как биологического разнообразия, так и возможности вести традиционный образ жизни.

В-третьих, принцип способствует реализации процессуальных прав коренных народов. Он может служить основой для требования свободного, предварительного и осознанного согласия и содержательных консультаций при реализации проектов освоения ресурсов на территориях традиционного природопользования .

В-четвертых, принцип позволяет учитывать особую связь коренных народов с природой и культурными, духовными и традиционными практиками.

Принцип in dubio pro natura представляет собой важный инструмент современного экологического конституционализма, способствующий интеграции экологических ценностей в правовые системы и обеспечению баланса между экономическим развитием и сохранением окружающей среды.

Для арктических стран, сталкивающихся с беспрецедентными климатическими изменениями и растущим промышленным освоением, имплементация данного принципа приобретает особое значение. Как показал анализ конституционных положений, арктические юрисдикции

демонстрируют сходные подходы к закреплению экологических принципов от минимального регулирования до детального закрепления права на здоровую окружающую среду и межпоколенческой справедливости.

Учитывая особую уязвимость арктических экосистем и неразрывную связь культуры коренных народов с состоянием окружающей среды, принцип in dubio pro natura должен занять достойное место в конституционном праве и правоприменительной практике арктических государств.

Список литературы:

[1] Бондарь Н.С. Экологический конституционализм в современной юриспруденции: от доктрины к практике // Российская юстиция. 2023. № 6. С. 15.

[2] Баттахов П.П. Правовые проблемы и перспективы международного взаимодействия в Арктике // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11(215).

[3] Виноградова Е.В. Экологический конституционализм в системе обеспечения национальных интересов России в Арктике // Право и управление 2026. №3. С. 87.

[4] Виноградова Е.В. Грани современного российского конституционализма. М.: Ритм, 2021. - 240 с.

[5] Виноградова Е.В. Место государственного суверенитета в парадигме российской конституционной идентичности. //Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников министерства внутренних дел Российской Федерации. 2022. №2(62).

[6] Виноградова Е.В. Укрепление суверенитета. Административные и уголовно-правовые меры в сфере регулирования отношений в этнических анклавах. // Право и управление. 2024. №2.

[7] Редникова Т.В. Формирование единых подходов к правовой охране биологического разнообразия и его компонентов в Арктике: к постановке проблемы // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2020. № 4.

[8] Савенков А.Н. Арктика:правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды Института государства и права РАН /of the Institute of State and Law of the RAS 2018. №1.

References:

[1] Bondar N.S. Ecological constitutionalism in modern jurisprudence: from doctrine to practice//Russian justice. 2023. № 6. S. 15.

[2] Battakhov P.P. Legal problems and prospects for international interaction in the Arctic//Law and state: theory and practice. 2022. № 11(215).

[3] E.V. Vinogradova. Environmental constitutionalism in the system of ensuring Russia's national interests in the Arctic//Law and Governance 2026. №3. S. 87.

[4] E.V. Vinogradova. Facets of modern Russian constitutionalism. M.: Rhythm, 2021. - 240 s.

[5] E.V. Vinogradova. Place of state sovereignty in the paradigm of Russian constitutional identity .// Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2022. №2(62).

[6] Vinogradova E.V. Strengthening sovereignty. Administrative and criminal legal measures in the field of regulation of relations in ethnic enclaves .// Law and administration. 2024. №2.

[7] T.V. Rednikova. Formation of uniform approaches to the legal protection of biological diversity and its components in the Arctic: to raising a problem//International Law and International Organizations. 2020. № 4.

[8] Savenkov A.N. Arctic: legal support for sustainable development and cooperation//Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS/of the Institute of State and Law of the RAS 2018. №1.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-104-110

ШИРОКОВ Глеб Сергеевич,
аспирант кафедры Теоретических и публично-правовых дисциплин Института права,
Челябинский государственный университет,
Челябинск, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ ДЕКАБРИСТОВ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация. *Статья посвящена либеральным политико-правовым идеям, отраженным в проектах декабристов по преобразованию государственно-правового устройства России. Рассмотрены исторические предпосылки возникновения декабристского движения. Исследованы вопросы, изложенные в проектах П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева. Автор приходит к выводу, что идеи, изложенные в программах декабристов, не могли быть реализованы в рамках законодательной практики первой половины XIX века, поскольку их содержание не соотносилось с государственно-правовой реальностью России этой эпохи. Кроме того, проекты носили антигосударственный (экстремистский) характер, что также не позволяло реализовать их на практике. Автор отмечает, что политико-правовые воззрения декабристов, напротив, усилили влияние консервативных учений на представления законодателя и определили окончательное утверждение консервативной политико-правовой идеологии на следующие десятилетия николаевской эпохи.*

Ключевые слова: *политические и правовые идеи, либерализм, законодательство, естественное право, конституция.*

SHIROKOV Gleb Sergeevich,
PhD student, Department of Theoretical and Public Law Disciplines,
Institute of Law, Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia

LIBERAL POLITICAL AND LEGAL IDEOLOGY IN CONSTITUTIONAL PROJECTS OF THE DECEMBRISTS AND STATE AND LEGAL CONSTRUCTION IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Annotation. *The article is devoted to liberal political and legal ideas reflected in the projects of the Decembrists to transform the state and legal structure of Russia. The historical prerequisites for the emergence of the Decembrist movement are considered. The issues set forth in the projects of P. I. Pestel and N. M. Muravyov are investigated. The author comes to the conclusion that the ideas set forth in the programs of the Decembrists could not be implemented within the framework of the legislative practice of the first half of the 19th century, since their content was far from the state-legal reality of Russia of this era. In addition, the projects were anti-state (extremist) in nature, which also did not allow them to be implemented in practice. The author notes that political and legal concepts, on the contrary, strengthened the influence of conservative teachings on the views of the legislator and determined the final approval of the conservative political and legal ideology for the next decades of the Nikolaev era.*

Key words: *political and legal ideas, liberalism, legislation, natural law, constitution.*

Попытки осмыслить и применить положения либеральных политико-правовых учений и концепций к действительности Российской империи предпринимались ещё задолго до декабристов.

Уже у В. Н. Татищева в трудах встречаются рассуждения о естественном праве и договорном характере происхождения государственной организации, об управлении последней на началах законности и об ограничении власти монарха по средствам учреждения законосовещательного двухпалатного органа, комплектуемого из представителей дворянства [1].

Далее, либеральные идеи воспроизводились в наказе Екатерины II, данном ей Уложенной комиссии как руководство к действию при кодификации законодательства [2]. Они получили своё воплощение в части, касающейся правового статуса дворянства, что стало благодатной почвой для распространения идей либерализма среди представителей данного сословия [3]. Однако часть дворян, несмотря на предоставленные государством привилегии, не устраивал тот факт, что положения о естественных правах человека, о правовом государстве, выдвинутые философами-просветителями, не реализуются в полной мере [4].

Таким образом, происходила радекализация в среде молодых дворян, а революция во Франции и либеральная политика правительства императора Александра I выступали благоприятными факторами, способствующими распространению политического экстремизма . Создавались тайные общества, в рамках которых обсуждались альтернативные сценарии развития государственно-правовой системы России. Разрабатывались планы по практическому воплощению последних. Теперь перейдём к непосредственному рассмотрению политико-правовых воззрений декабристов.

К 1821 году сложились 2 организации декабристов: Южное общество и Северное общество, соответственно. Программным документом Южного общества являлась «Русская правда» за авторством П. И. Пестеля. Программным документом Северного общества – «Конституция» Н. М. Муравьева. В них авторы излагали свои воззрения на государственное устройство России и предлагали перечень мероприятий по его преобразованию. Начнем с политико-правовых взглядов Пестеля.

Павел Иванович Пестель (1793—1826) родился в Москве в семье крупного сановника. Он получил домашнее образование, которое продолжил в Германии. По возвращении в Россию окончил с отличием Пажеский корпус. Участвовал в войне 1812 г., был награжден золотым именным оружием. В 1821 г. произведен в чин полковника. Однако Пестель вместо карьеры офицера, сулившей ему неплохие перспективы дальнейшего продвижения по службе, избрал другой жизненный путь. В целях преобразования общества и государства он вступает в тайные союзы и впоследствии становится организатором и главой уже упомянутого Южного общества, для которого и создает «Русскую правду» [5]. Сам документ завершен не был. Недостающие фрагменты «Русской правды» имеются в материалах уголовного дела о мятеже декабристов. Исходя из текста проекта преобразований, можно увидеть следующее.

Пестель различал общественное и государственное устройство, определяя государство как приведенное в законный порядок общество. Последнее возникло в силу природного разделения людей на повинующихся и повелевающих. Правительство имеет обязанность «распоряжаться общим действием и избирать лучшие средства для достижения Благоденствия всем и каждому...». народ вправе требовать от правительства того, чтобы оно имело стремление к общему и частному благу. Государство, по Пестелю, существует на равновесии взаимных прав и обязанностей правительства и народа. Если последнее нарушается, то в государстве наступает политический кризис. Для этого необходимо издание эффективных законов, которые могли бы обеспечивать баланс прав и обязанностей правителей и народа.

Все законы Пестель подразделял на три вида: духовные (божественные), естественные и гражданские.

Духовные законы известны из Священного Писания: они «связывают духовный мир с естественным, жизнь бренную с жизнью вечной».

Естественные законы вытекают из требований природы и естественных потребностей человека. Эти законы не могут в силу выше названного обстоятельства быть пересмотрены или отменены.

Государственные (гражданские) законы представляют собой, по Пестелю, постановления государства, которые ставят себе задачей достижение общественного блага, и потому они должны издаваться в полном соответствии с законами духовными и естественными. Такое соответствие является непременным условием их действительности. Иными словами, автор говорит о соответствии норм позитивного права праву естественному.

Другим условием, определяющим содержание позитивного права, служит приоритет общественных интересов: выгоды целого всегда превалируют над выгодами части. Гражданские законы составляются таким образом, чтобы законные интересы отдельного лица не противоречили

интересам общества в целом. Применительно к правам и свободам человека эту формулу можно трактовать так: права и свободы одного индивида (личности) заканчиваются там, где начинаются права и свободы других лиц.

Всякое деяние, противное «Благоденствию», согласно идеям Пестеля, надлежит признавать преступным. Каждое справедливо устроенное общество обязано находиться под непременной властью законов, а не личных прихотей правителей.

Пестель усматривал определенные различия в «коренных законах» отдельных стран и народов, но, в отличие от Ш. Монтескье, связывал эти различия не только с географическим расположением страны и климатическими условиями, но преимущественно с теми социальными и политическими институтами, сложившимися в том или ином государстве.

Современная автору государственная организация в России не служит достижению общественного Благо. В связи с этим последняя характеризуется Пестелем как «зловластие», что приносит стране и народу унижение, ниспровержение законов и крах государственности. Поэтому имеющиеся в России нарушения законов (естественных, духовных и положительных) «требуют изменения существующего ныне государственного порядка и введения вместо него такого, который был бы основан только на точных и справедливых законах и постановлениях и не представлял бы ничего личному самовластию и в совершенной точности удостоверял бы Народ Российский в том, что он составляет Гражданское общество, а не есть и никогда не может быть чьей-либо собственностью или принадлежностью». В этих положениях Пестель формулирует право народа на революционное свержение государственного строя по средствам военного мятежа.

Критика абсолютной монархии как формы правления сопровождается у Пестеля осуждением крепостного права, которое он считал несовместимым с понятием блага государства и его подданных.

Он требует отмены последнего и наделения всех крестьян землей безвозмездно. Крепостное право автором характеризуется как «постыдный» и «гнусный» порядок, который Пестель сравнивает с рабовладением.

Земля по естественному праву является всеобщим достоянием, а следовательно, каждый человек должен иметь в ней собственную долю, так как земля - главный источник «пропитания человечества».

Всю землю, согласно «Русской правде», надлежит разделить на две части: волостную (общественную) и частную. Волостная земля неприкосновенна, и она, в свою очередь, разделяется на участки, которые раздаются членам волости. Таким образом, все граждане становятся помещиками. В случае переселения какого-либо крестьянина в другие места земля поступает в распоряжение волости и в обороте не участвует. При возвращении бывшего члена волости в деревню ему из волостного фонда выдается необходимое для пропитания количество земли. Право частной собственности названо Пестелем «священным и неприкосновенным». Он считал, что в силу природного неравенства людей в способностях и физической силе в обществе сохранится деление на бедных и богатых, но тем не менее каждый гражданин не будет чувствовать себя ущемлённым и в надлежащем порядке будет обеспечен минимумом материальных благ, необходимым для жизни.

Право частной собственности рассматривается мыслителем как фундамент будущего развития России, и оно должно держаться на самых твердых началах.

Переход к будущим порядкам, согласно проекту Пестеля, предполагается постепенный. Земля у помещиков выкупается оброком или работой, с оставлением в частных руках не более чем по десяти тысяч десятин на хозяйство, причем с оплатой только половины изъятой земли, остальное подлежит безвозмездной экспроприации. Вначале новые порядки вводятся только на казенных землях, а затем разрабатывается постепенный и последовательный план перехода всех земель в этот правовой режим.

Если затрагивать форму правления государства, то идеальной формой Пестель считает республику.

В организации верховной власти в государстве он различает Верховную законодательную власть и Управление (исполнительную власть). Верховная власть вручается Народному вече, исполнительная - Державной думе, а надзор за их деятельностью — Верховному собору, который наделяется надзорными полномочиями.

Воспринимая теорию разделения властей, Пестель вносит в последнюю некоторые изменения, утверждая, что в его проекте «отвергается правило равновесия властей, но принимается правило определенности круга их действия». Таким образом, в теорию Дж. Локка о разделении властей вносится разработанный Ж. Ж. Руссо принцип разграничения их компетенции. Этим Пестель обосновал практическое требование ответственности всех облеченных властными полномочиями лиц за свою деятельность, вплоть до предания их суду.

Избирательными правами, по проекту, пользуются все лица мужского пола, достигшие двадцатилетнего возраста, за исключением тех, кто состоит в личном услужении.

Народное вече - однопалатный орган, избираемый сроком на пять лет с ежегодным переизбранием одной пятой его части, при этом одно и тоже лицо может быть избрано вновь. Вся законодательная власть в нем сосредоточена. Оно объявляет войну и заключает мир, а также принимает законодательные акты. Народное вече роспуску не подлежит.

Исполнительная власть - Державная дума - состоит из пяти человек, избираемых сроком на пять лет; один из них сроком на один год избирается президентом. Державной думе принадлежит высшая исполнительная власть, она, в частности, осуществляет внешнюю политику государства в пределах своей компетенции. Все министерства и другие органы исполнительной власти состоят под ведомством и начальством Державной Думы». Говоря иначе, «державная дума» - это правительство, а другие ведомства – это отраслевые органы.

Надзорная власть - Верховный собор - состоит из 120 человек, которые назначаются на всю жизнь и не участвуют ни в законодательной, ни в исполнительной власти. Кандидатов назначают губернии, а Народное вече замещает ими «выбылые места». Каждый закон направляется на утверждение в Верховный собор, который не рассматривает его по существу, но тщательно проверяет соблюдение всех необходимых формальностей, и только после утверждения Верховным собором закон получает юридическую силу.

Собор имеет серьезные контрольные функции, так как назначает по одному из своих членов в каждое министерство и в каждую область. Главнокомандующие действующих армий также назначаются Верховным собором, и сам Верховный собор осуществляет командование армией, если последняя участвует в боевых действиях за пределами государства.

Таким образом, согласно Русской правде, Собор удерживает в пределах законности Народное вече и Державную Думу. Собор имеет право отдавать под суд государственного служащего любого уровня за злоупотребление должностными полномочиями.

Действия законодательной и исполнительной властей, а также государственное устройство определяются Конституцией, которую Пестель называет Государственным заветом.

Местные органы власти формируются также на демократических принципах. Пестель предусматривал создание системы поместных народных собраний: волостных, уездных и губернских, образуемых на представительной основе и избираемых непосредственно населением каждой административно-территориальной единицы. Народные собрания всех уровней заседают сессионно и занимаются распорядительной деятельностью, а исполнительные функции вручаются выборным исполнительным органам, отчитывающимся о своей работе перед соответствующим народным собранием. К компетенции этих органов относится совокупность полномочий по осуществлению местных хозяйственных, административных и фискальных функций. Губернским народным собраниям, по проекту, вручается еще и право избирать депутатов в Народное вече, Державную думу и Верховный собор.

Таким образом, по Пестелю, «никто не будет зловластно от участия в государственных делах исключен...».

Россия представлена в проекте Пестеля унитарным государством, разделённым на 10 областей. Каждая область, в свою очередь, подразделяется на пять губерний, губернии состоят из уездов, а уезды из волостей. Местные органы власти строятся по образцу центральных.

Интересны соображения Пестеля об определении положения различных народностей, населяющих территорию России.

«Весь российский народ составляет одно сословие — гражданское. Все различные племена, составляющие Российское государство, признаются русскими и, слагая свои различные названия, составляют один народ русский». Иными словами, автор говорит о том, что этнические группы, населяющие Россию, должны принять русскую идентичность, отказавшись от своей, и, таким образом, ассимилироваться.

Право на образование самостоятельного государства Пестелем признавалось только за Польшей. Остальным народам (например, финнам) Пестель отказывает, поскольку это, по его мнению, может привести к сепаратистским устремлениям народов и к ослаблению России. Правда, здесь имеет место ряд нюансов, которые не учитывать мы не можем.

Во-первых, когда отделяется часть территории государства, то может запуститься цепная реакция, выражающаяся в попытках других частей страны сепарироваться от последней.

Во-вторых, польская национальная идея предполагает не только обретение независимости самой Польши, но и возвращение последней тех русских земель, что ранее входили в её состав. Никаких идей на этот счёт Пестель в своём проекте не выдвигает.

Далее, мыслитель возражает против федеративного устройства территории государства по причинам, показанным нами выше. Но данное положение также вступает в противоречие с поло-

жениями по части, затрагивающей польский вопрос. А это говорит о непоследовательности автора «Русской правды» в своих суждениях о национальной политике.

Столицу русского государства Пестель предлагает перенести в Нижний Новгород, который он рассматривает как географический центр России и колыбель русской вольницы.

Сословные привилегии, титулы и звания уничтожаются, и все признаются российскими гражданами. Всем гражданам предоставляются равные гражданские и политические права: все равны перед законом и судом, никому не будут дароваться никакие привилегии. Гибельный обычай даровать привилегии некоторым людям будет совершенно уничтожен. При определении вида занятий и предоставлении должностей во внимание принимаются только личные способности граждан, которые могут быть обнаружены «во всех сословиях». Статус гражданина в государстве определяется законами. Здесь автор проекта проводит классификацию законов, составляющих в совокупности позитивное право.

Все законы, согласно этой классификации, подразделяются на «заветные» и «все прочие». Первые требуют всероссийского обсуждения, вторые принимаются в общем порядке, предусмотренном Конституцией.

Целью законодательства Пестель считает обеспечение «коренных естественных свойств человеческой природы» и общественного блага. Законы, соответствующие этой цели, он называл справедливыми. Вместе с тем «законы должны быть существенны, т. е. ответствовать в полной мере... коренным свойствам и истинной сущности предметов, для которых они издаются».

Автор «Русской правды» считает необходимым составить для России новый Свод законов - Государственное Уложение.

В этом издании автор усматривает три части: Государственный Устав (законы, касающиеся образования правительства и общественного состояния граждан); Государственный Наказ («правила действий Правительства по всем отраслям и Степеням правления»); Государственный Судебник (правила, предусматривающие «деяния и поступки Народа и Частных Лиц»).

Поскольку Государственный Судебник содержит законы Гражданские и Уголовные, то все они касаются не только частных лиц, но и всех государственных служащих. По этому Судебнику все судьи государства выносят процессуальные решения и приговоры. Преступление Пестель определяет как намеренное нарушение закона. Наказания предусмотрены «одинаковые для всех сословий и состояний...», они наступают неизбежно и «возможно скорее после преступления». Но законы должны быть милосердны, а «судьи непреклонны и справедливы». Жестокость в наказаниях скорее вредна, нежели полезна, ибо она «унижает народную нравственность».

В «Русской правде» уделяется большое внимание обоснованию необходимости введения общедемократических прав и свобод: неприкосновенности личности, равноправия, свободы совести, слова, собраний и т. д. Однако православию оказывалось государственное покровительство, а создание партий вообще запрещалось из опасения разрушения единства народа и нового общественного порядка.

Как мы уже сказали ранее, средством достижения предполагаемых преобразований Пестелем считается военно-революционный переворот с немедленной ликвидацией монархии и физическим уничтожением членов императорской фамилии в целях предотвращения реставрации самодержавия.

Проведение всех необходимых для установления «нового строя» мероприятий поручается Временному Верховному правлению во главе с диктатором. Такое временное правление учреждается сроком на десять-пятнадцать лет. Пестель полагал, что установление конституционного режима станет возможным только тогда, когда нынешние порядки не только прекратят свое существование, но и воспоминание о них уйдут из народной памяти.

Временное правление, согласно проекту, должно было опубликовать «Русскую правду» в качестве наказа для деятельности революционного правительства, которому надлежит сосредоточить в своих руках всю власть в целях предотвращения внутренних раздоров, а затем принять меры к ликвидации царской фамилии и объявить об отмене крепостного права, после чего приступить к переделу земельных активов и подготовке страны к введению республиканского правления на основе конституции. Но «Русская правда», как мы уже сказали выше, не была единственным альтернативным проектом преобразования государственно-правового устройства России.

Со своими проектами конституции также выступил глава Северного общества Никита Михайлович Муравьев (1795—1843). Он родился в Петербурге. Домашнее образование получил под руководством отца, который был воспитателем царевичей Александра и Константина и попечителем Московского университета. Учился в университете на математическом факультете, не окончив который ушел добровольцем в действующую армию в 1812 г.

В 1816 г. по возвращении из Парижа в Москву Муравьев становится членом нескольких оппозиционных организаций, к числу которых относится возглавляемое им Северное общество.

Арестован в декабре 1825 г., приговорен судом к 20 годам каторги.

Умер в 1843 г.

Свою политическую и социальную программу Муравьев изложил в нескольких проектах конституции, последний из которых написан уже в заключении по требованию органов следствия.

Основу политико-правовых взглядов Муравьева также составили идеи Европейских мыслителей (доктрина естественного права, договорная теория происхождения государства), а также положения о суверенитете народа как источника власти в государстве. Кроме того, в концепции Муравьева имеют место элементы христианской доктрины. Таким образом, мы наблюдаем переплетение идей естественного права с теологическими воззрениями на государство и право. Он апеллирует к христианству в преамбуле проекта конституции.

Однако, в отличие от консервативных авторов, Муравьев считал, что самодержавная монархия – неприемлемая форма правления для России.

Автор, ссылаясь на опыт народов западной Европы, утверждает, что самодержавная форма ведет государство к гибели, поскольку основано на страхе и безоговорочном подчинении правительству. Такая власть «не достойна ни разумного правителя, ни разумных исполнителей». Источником власти (сувереном), как уже отмечалось выше, выступает народ. И в силу этого только народ вправе издавать законодательные и иные нормативные правовые акты, касающиеся различных сторон его жизни и функционирования политической организации, им учрежденной.

В конституционном проекте Муравьева Россия представлена как конституционная монархия с федеративным устройством, основанная на принципе разделения властей. Территория государства, согласно проекту, подразделяется на 14 держав и 2 области (глава IV) [6]. В каждом из указанных регионов создается свое правительство и законодательные (представительные) органы, а также органы суда.

Законодательная власть на федеральном уровне принадлежит Народному вече, состоящему из двух палат: Верховной думы и Палаты Народных представителей. Последняя состоит из 450 депутатов, которые избираются гражданами сроком на 2 года. Верховная дума (вторая палата) избирается на 6 лет и состоит из представителей регионов. Народное вече издает и отменяет законы, решает вопросы налогообложения, утверждает бюджет и т.д.

Император, по конституции, является главой исполнительной власти. Его суверенитет ограничивается в части законотворчества. В частности, император не вправе отменять и изменять законодательные акты, принятые парламентом в лице Народного вече. Он лишь может возвратить законопроект в ту палату вече, где последний разработан, в случае своего несогласия с его положениями.

Далее, являясь главой исполнительной власти, император осуществляет следующие полномочия:

1) выступает верховным главнокомандующим вооруженными силами государства;
2) назначает и смещает министров, командующих армии и флотом;
3) представляет Россию на международной арене.

Престол, согласно конституции, передается по наследству. Однако в случае, если династия пресеклась, народ вправе избрать нового правителя. Деятельность императора контролируется парламентом. В частности, император не может использовать силовые средства в целях подавления внутренних беспорядков без согласия на то Народного вече.

Судебная власть отделяется от администрации. Судебная система в конституционном проекте Муравьева выстроена следующим образом:

1) совестные суды в уездах – аналог института мировых судей;
2) областные суды;
3) Верховный суд располагается в столичном округе. Последний, в частности, рассматривает, согласно проекту, дела в отношении высших должностных лиц государства, лишенных своего звания Верховной думой. Кроме того, Верховный суд наделен полномочиями толкования законодательных актов. Соответственно, если обнаруживается неопределенность нормы права или ее противоречие другим нормам, он сообщает об этом в законодательный орган. В проекте предусмотрен порядок рассмотрения дел с участием присяжных.

Как мы отмечали ранее, «Конституция» Муравьева, как и «Русская правда» Пестеля, построена на основе положений теории естественного права. Провозглашаются все основные права и свободы человека и гражданина. В их перечень входят политические права, в частности, избирательные. Говорится о правах гражданских, например, о праве собственности на землю и иное недвижимое и движимое имущество, о личной свободе индивидов и т.д. К слову, консерваторы второй половины XIX века воспримут положения о правовом статусе личности, что позволит лишить представителей либеральных и револю-

ционных течений идеологического обоснования для их противодействия установленному государственному порядку.

Исходя из выше изложенного, мы можем сказать, что идеи декабристов, в отличие от воззрений консервативных мыслителей, не могли быть полностью воплощены в законодательстве России, тем более, если речь идет о первой половине XIX века. Хотя есть исследователи, которые не согласятся с этим [7], им можно возразить, что По существу, и «Русская правда» Пестеля, и «Конституция» Муравьева являли собой оторванные от государственно-правовой действительности продукты интеллектуальной деятельности дворян-интеллигентов. Никакой всенародной поддержки декабристы с их проектами государственных преобразований не получили, что показала попытка военного переворота, осуществленная в декабре 1825 года. Наоборот, скорее, усилилось влияние консервативных идей на представления законодателя о государственно-правовом строительстве, что отразилось в нормативном материале, вошедшем в свод законов.

Еще раз отметим, что положения либерализма о правовом статусе личности в государстве, об институтах общественной кооперации, что в наше время принято называть институтами гражданского общества, заимствовались русскими националистами-консерваторами. В связи с этим тайная деятельность революционных организаций лишалась идеологического обоснования.

Лишь частично взгляды декабристов получат развитие и закрепление в пореформенном законодательстве второй половины XIX- начала XX века. В частности, положения основных государственных законов Российской империи (далее – законы) в редакции 1906 года, ограничивавшие самодержавную власть монарха (его внутренний суверенитет), от части соответствуют положениям, выдвинутым Муравьевым [8].

Список литературы:

[1] Татищев, В. Н. Избранное. // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 3. – М.: изд-во «Мысль», 1997. – С. 404-417.

[2] Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии по составлению нового уложения // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 4. Россия. – М.: изд-во «Мысль», 1999. – С. 322.

[3] Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского дворянства: от 21.04.1785. // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М.: Юридическая литература, 1987. – С. 23.

[4] Радищев, А. Н. Сочинения. – М.: 1988. – С. 111-115, 129-135.

[5] Пестель, П. И. Русская правда или заповедная государственная грамота Великого Народа Российского, служащая заветом для усовершенствования государственного устройства России и содержащая верный наказ как для народа, так и для Временного Верховного Правления. [электронный ресурс] // Акты конституционного значения (1600-1918). – URL: https://constitution.garant.ru

[6] Проект конституции России, составленный Н. М. Муравьевым. [электронный ресурс] // Акты конституционного значения (1600-1918). – URL: https://constitution.garant.ru

[7] Галуза, В. П. Политико-правовые аспекты концепции дворянских революционеров по реформированию России // Вестник ЗабГУ. 2008. №3. 53-58.

[8] Основные государственные законы Российской империи от 23.04.1906. // Свод законов Российской империи. В 16 т. Т. 1. – СПБ.: 1912.

References:

[1] Tatishchev, V.N. Favorites .//Anthology of world political thought: in 5 vols. T. 3. - M.: Publishing House “Thought,” 1997. - S. 404-417.

[2] The order of Empress Catherine II, given by the commission on the compilation of a new code// Anthology of world legal thought: in 5 vols. 4. Russia. - M.: Publishing House “Thought,” 1999. - S. 322.

[3] Certificate of rights, liberties and advantages of the noble Russian nobility: from 21.04.1785 .//Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. 5. Legislation of the heyday of absolutism. - M.: Legal literature, 1987. - S. 23.

[4] Radishchev, A. N. Works. - M.: 1988. - S. 111-115, 129-135.

[5] Pestel, P.I. Russian truth or a reserved state letter of the Great People of Russia, which serves as a testament to improve the state structure of Russia and contains the right order for both the people and the Provisional Supreme Government. [electronic resource]//Acts of constitutional significance (1600-1918). – URL: https://constitution.garant.ru

[6] The draft constitution of Russia, compiled by N. M. Muravyov. [electronic resource]//Acts of constitutional significance (1600-1918). – URL: https://constitution.garant.ru

[7] Galuza, V.P. Political and legal aspects of the concept of noble revolutionaries to reform Russia//Bulletin of ZabSU. 2008. №3. 53-58.

[8] Basic state laws of the Russian Empire of 23.04.1906 .//Code of Laws of the Russian Empire. In 16 vol. 1. - ST. PETERSBURG.: 1912.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-111-117

АНТИПОВА Елена Павловна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail: epa2707@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ)

Аннотация. *Статья посвящена комплексному исследованию реализации принципов правового регулирования в системе публичной власти через призму налоговых правоотношений. Актуальность темы обусловлена фундаментальной ролью принципов как системообразующего каркаса правопорядка, определяющего границы и методы властного воздействия. Особую значимость этот вопрос приобретает в налоговой сфере, где наиболее остро проявляется противоречие между фискальными интересами государства и правами собственности налогоплательщиков. В исследовании анализируется система принципов публичной власти, включая единство системы, разграничение полномочий и обеспечение прав и свобод, а также специфика налоговых правоотношений, характеризующихся властным характером и особым составом участников. Рассматривается имплементация этих принципов в налоговое законодательство, проявляющаяся в создании единого правового поля и установлении трехуровневой системы налогов.*

Ключевые слова: *принципы правового регулирования, система публичной власти, налоговые правоотношения, налоговое право, фискальный интерес, права налогоплательщиков, налоговое администрирование, правоприменительная практика, судебные споры.*

ANTIPOVA Elena Pavlovna,
Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Public Law,
North-Western Branch of the Russian State
University of Justice named after V.M. Lebedev

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF LEGAL REGULATION IN THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES (THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF TAX RELATIONS)

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive study of the implementation of the principles of legal regulation in the system of public authority through the prism of tax relations. The relevance of the topic is due to the fundamental role of principles as the backbone of the rule of law, defining the boundaries and methods of power influence. This issue is particularly important in the tax sphere, where the contradiction between the fiscal interests of the state and the property rights of taxpayers is most acute. The study analyzes the system of principles of public authority, including the unity of the system, the delimitation of powers and the provision of rights and freedoms, as well as the specifics of tax law relations, characterized by a domineering nature and a special composition of participants. The article considers the implementation of these principles in tax legislation, manifested in the creation of a unified legal framework and the establishment of a three-tier tax system.*

Key words: *principles of legal regulation, system of public authority, tax relations, tax law, fiscal interest, taxpayers' rights, tax administration, law enforcement practice, litigation.*

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальной ролью принципов правового регулирования в построении и функционировании современной системы публичной власти. Эти принципы выступают системообразующим каркасом всего правопорядка и определяют границы методы властного воздействия на общественные отношения.

В условиях становления в России правового государства и совершенствования управленческих механизмов вопрос последовательной реализации данных принципов на практике приобретает ключевое значение. Особую остроту он получает в сфере налоговых правоотношений, где публично-властное начало проявляется наиболее ярко, а противоречие между фискальными интересами государства и правами собственности налогоплательщиков требует тонкого и сбалансированного правового регулирования.

Именно в налоговой сфере теория принципов сталкивается с комплексом практических вызовов, связанных с правоприменением что и определяет актуальность их комплексного анализа.

Налоговые отношения являются зоной максимальной концентрации публично-властного начала, где государство обладает полномочиями по принудительному изъятию средств, а налогоплательщик обязан подчиниться. Это создает постоянное напряжение между фискальным интересом государства к наполнению бюджета и частным интересом налогоплательщика к защите своей собственности.

Принципы правового регулирования выступают главным инструментом для нахождения баланса между этими конкурирующими интересами [15]. На практике это проявляется в решении конкретных коллизий таких как разграничение законной налоговой оптимизации и недобросовестной налоговой выгоды применение принципа приоритета экономического содержания над юридической формой сделки обеспечение правовой определенности для налогоплательщиков [11].

Изучение того, как теоретические принципы работают в сложной области налогового права, позволяет не только диагностировать системные проблемы правопорядка, но и предложить конкретные пути их решения что имеет непосредственное значение для улучшения инвестиционного климата стабильности хозяйственного оборота и социально-экономического развития страны в целом.

Вопросы, связанные с принципами права, имеют солидную историю в отечественной юридической науке. Общетеоретический фундамент был заложен в трудах таких видных ученых, как Ю.А. Крохина [5], И.И. Кучеров [6], Д.В. Тютин [13], которые исследовали природу, систему и функции правовых принципов, определяя их в качестве фундаментальных начал, пронизывающих всю правовую материю. Их работы позволяют понять системную роль принципов как связующего звена между правовой политикой, законодательством и непосредственным правоприменением.

Применительно к сфере финансов и налогов отраслевая специфика принципов была тщательно проанализирована в исследованиях ведущих специалистов в области финансового и налогового права. А.Н. Козырин и Г.Ф. Ручкиной были детально разработаны системы принципов финансового права в целом, в то время как Г.А. Гаджиев [7] и Пепеляев С.Г [8] активно участвует в дискуссиях о таких проблемах, как применение налогового законодательства и интерпретация его норм, подчеркивая важность «коммуникативного права», рождающегося в процессе дискуссии. Благодаря их работам сформировалось четкое понимание отраслевых принципов, таких как единство налоговой системы, презумпция добросовестности налогоплательщика, запрет придания обратной силы законодательству, ухудшающему положение субъектов, и других, закрепленных в статье 3 НК РФ.

Однако при всей ценности и глубине существующих научных разработок в исследовательском поле сохраняется существенный пробел. Он заключается в недостаточной изученности проблемы сквозной реализации принципов. Большинство работ останавливается на уровне теоретического осмысления и анализа законодательных дефиниций, не прослеживая всю цепочку воплощения принципа в жизнь. Этот пробел проявляется в следующем:

Во-первых, существует разрыв между декларацией принципа в законе и его интерпретацией в ведомственных актах и инструкциях. Теоретики констатируют наличие принципа, а практики - суды и налогоплательщики - сталкиваются с тем, что его реальное наполнение определяется не столько духом закона, сколько узковедомственными разъяснениями финансового и налогового органа, которые зачастую носят ограничительный характер и ориентированы сугубо на фискальный результат [3].

Во-вторых, недостаточно исследован механизм трансформации принципов на разных уровнях публичной власти. Как один и тот же принцип, например, единства экономического простран-

ства, должен реализовываться на федеральном уровне при установлении налогов, на региональном - при предоставлении льгот, и на муниципальном - в процессе местного налогообложения? Каковы границы усмотрения властей каждого уровня в рамках общего принципа? Эти вопросы остаются без комплексного ответа.

В-третьих, именно в правоприменительной практике, в ходе налоговых проверок и последующих судебных споров, теория принципов сталкивается с «суровой правдой жизни». Здесь возникает ключевой диссонанс: принципы, которые в теории призваны защищать налогоплательщика от произвола, на практике зачастую используются налоговыми органами как дополнительный инструмент доказывания его неправоты. Яркий пример - эволюция применения принципа недобросовестной налоговой выгоды, который из средства противодействия откровенно мошенническим схемам превратился в ряде случаев в инструмент переквалификации законной предпринимательской деятельности исходя из субъективного мнения контролирующего органа.

Таким образом, научная новизна и исследовательская задача заключаются не в том, чтобы заново открыть или перечислить принципы, а в том, чтобы проследить их «жизненный цикл» - от конституционно-правовой доктрины и нормы закона через ведомственное правотворчество до конкретного административного и судебного решения. Требуется преодолеть тот самый разрыв, анализируя, как теоретически безупречные правовые начала «преломляются» в сложной и зачастую конфликтной реальности налогового администрирования.

Деятельность органов, входящих в единую систему публичной власти, осуществляется на основе фундаментальных принципов, закрепленных в законодательстве. Эти принципы определяют организацию, функционирование и взаимодействие всех уровней власти.

Принцип единства системы публичной власти означает, что все органы государственной власти и местного самоуправления интегрированы в единую систему для обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия [16]. Этот принцип является конституционной основой для создания непротиворечивого правового поля, в том числе в налоговой сфере [1], гарантируя единообразное применение налогового законодательства на всей территории страны.

Принцип разграничения предметов ведения и полномочий между различными уровнями публичной власти конкретизирует единство системы, устанавливая четкие рамки компетенции для федерального, регионального и муниципального уровней [16]. В налоговом праве этот принцип находит прямое выражение в установлении исчерпывающего перечня федеральных, региональных и местных налогов и сборов, где каждый уровень власти в пределах своей компетенции обладает правами по установлению отдельных элементов налогообложения, таких как ставки, льготы и порядок уплаты.

Принцип обеспечения прав и свобод человека и гражданина занимает центральное место в системе публичной власти, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью. Государство обязано не только признавать, но и соблюдать, и защищать эти права. В налоговой сфере данный принцип трансформируется в систему гарантий прав налогоплательщиков, закрепленных в Налоговом кодексе РФ [4]. Эти гарантии обеспечивают защиту частной собственности от чрезмерного налогового бремени и устанавливают требование о сбалансированности публичных и частных интересов в налоговых отношениях.

Налоговые правоотношения обладают рядом уникальных характеристик, которые определяют их правовую природу и отличают от других видов правоотношений [5].

Властный характер является определяющим признаком налоговых отношений. Законодательство о налогах и сборах регулирует именно властные отношения по установлению, введению и взиманию налогов, а также отношения, возникающие в процессе налогового контроля и привлечения к ответственности. Этот характер исключает равенство сторон: налогоплательщик обязан подчиниться законным требованиям государства, которое, в лице уполномоченных органов, обладает правом на принудительное взыскание налоговых платежей. Властность проявляется в полномочиях налоговых органов проводить проверки, истребовать документы и применять меры принудительного взыскания без предварительного согласия налогоплательщика.

Состав участников (субъектов) налоговых правоотношений четко определен законодательством и отражает их властную сущность. С одной стороны, в них участвуют публично-правовые образования в лице налоговых и таможенных органов, которые представляют государство и наделены властными полномочиями. С другой стороны, ключевыми участниками являются частные субъекты - налогоплательщики и налоговые агенты. Налогоплательщиками признаются организации и физические лица, на которых законом возложена обязанность уплачивать налоги. Налоговый агент — это лицо, на которое возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджетную систему. Изначально неравное положение

сторон, однако, не означает бесправие налогоплательщика, который обладает комплексом прав, гарантированных законом, включая право на получение информации, на льготы и на обжалование решений контролирующих органов [2].

Имплементация принципов в налоговое законодательство представляет собой сложный процесс трансформации конституционных положений в конкретные нормы налогового права [12]. Этот механизм обеспечивает реализацию фундаментальных начал публичной власти в одной из самых чувствительных сфер государственного регулирования.

Принцип единства системы публичной власти находит свое воплощение в создании единого правового поля для налоговой системы на всей территории Российской Федерации. Конституционное закрепление этого принципа обеспечивает верховенство федерального налогового законодательства, что исключает возможность установления региональными или местными властями налоговых норм, противоречащих федеральным стандартам. Налоговый кодекс РФ выступает системообразующим актом, определяющим все основные элементы налоговой системы, включая исчерпывающий перечень налогов и сборов, общие условия их установления и введения, единые принципы налогообложения. Единое правовое поле проявляется в унификации процедур налогового администрирования, создании централизованной системы налоговых органов, обеспечивающей одинаковое применение налогового законодательства во всех субъектах Федерации. Этот принцип гарантирует, что налогоплательщики в разных регионах страны находятся в равных условиях относительно исполнения налоговых обязанностей, что предотвращает возникновение внутренних барьеров для свободного перемещения товаров, работ, услуг и финансовых средств.

Принцип разграничения полномочий между уровнями власти получает конкретное выражение в установлении трехуровневой системы налогов и сборов. Налоговый кодекс РФ четко дифференцирует полномочия публично-правовых образований в налоговой сфере, закрепляя отдельные виды налогов за каждым уровнем бюджетной системы. Федеральные налоги и сборы устанавливаются исключительно федеральным законодательством и обязательны к уплате на всей территории страны. К ним относятся налог на добавленную стоимость, акцизы, налог на доходы физических лиц, налог на прибыль организаций и другие, имеющие наибольшее фискальное значение. Региональные налоги вводятся законами субъектов Федерации в пределах, определенных Налоговым кодексом, что позволяет учитывать экономические и социальные особенности каждого региона. Законодательные органы субъектов РФ наделены правом определять налоговые ставки в установленных федеральным законом пределах, порядок и сроки уплаты налогов, а также особенности применения налоговых льгот. Местные налоги устанавливаются нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований, что обеспечивает финансовую самостоятельность муниципалитетов в решении вопросов местного значения. Такая система разграничения полномочий позволяет сочетать единство налоговой системы с гибкостью в решении региональных и местных задач, обеспечивая сбалансированность интересов всех уровней публичной власти в процессе формирования доходных источников бюджетов.

На практике принципы налогового права наполняются конкретным содержанием через решения судов и действия налоговых органов. Яркой иллюстрацией этого процесса является толкование и применение норм, направленных на противодействие злоупотреблению правом.

Верховный Суд РФ рассматривал спор, где налоговый орган переквалифицировал отношения между взаимозависимыми лицами и доначислил налоги, ссылаясь на правила о контролируемой задолженности и недопустимостью минимизации налогообложения. Налогоплательщик, в свою очередь, настаивал на том, что его действия не содержали признаков злоупотребления, а проценты по займам представляли собой экономически оправданные расходы.

Разрешая это дело, Верховный Суд указал, что формальное соответствие операции критериям контролируемой задолженности не освобождает налоговый орган от обязанности установить ее подлинное экономическое содержание. Суд подчеркнул, что специальные антизлоупотребительные нормы (в данном случае – п. 2 ст. 269 НК РФ) должны применяться в системной связи с основными началами законодательства о налогах и сборах, такими как всеобщность, равенство налогообложения и экономическая обоснованность расходов. Таким образом, суд не позволил применить специальную норму формально, в ущерб общим принципам справедливости и соразмерности, реализуя на практике принцип правовой определенности [10].

Так, Верховный Суд Российской Федерации указывает, что Конституционная норма закрепляет принцип единства системы публичной власти в Российской Федерации. Это означает, что все органы государственной власти, иные государственные органы и органы местного самоуправления в своей совокупности входят в эту единую систему и осуществляют взаимодействие для

эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Таким образом, законодатель подчеркивает целостность и согласованность функционирования всех уровней власти, от федерального до местного, что является практической реализацией одного из основополагающих принципов организации публичной власти.

Правоприменительная практика сталкивается с рядом системных проблем, которые создают напряженность в налоговых правоотношениях.

Противоречие между фискальным интересом и правами налогоплательщиков: это основное противоречие проявляется в тенденции налоговых органов отдавать приоритет наполнению бюджета, иногда в ущерб гарантиям, предоставленным налогоплательщикам. Например, несмотря на закрепленный в НК РФ принцип презумпции добросовестности, на практике бремя доказывания необоснованности расходов или наличия недобросовестной налоговой выгоды часто фактически возлагается на самого налогоплательщика. Это приводит к тому, что законные предпринимательские решения могут быть переквалифицированы исходя из их потенциального фискального эффекта, а не экономической сути.

Проблема единообразия толкования и применения норм: отсутствие единообразных подходов к толкованию одних и тех же норм порождает правовую неопределенность. Как отмечается в исследованиях, несовершенство и частые изменения законодательства приводят к тому, что еще не сформировались стандарты доказывания по отдельным видам налоговых споров. Наличие различных правовых позиций у судов по схожим вопросам создает риски для бизнеса и подрывает принцип равенства, поскольку налогоплательщики в аналогичных ситуациях могут получить разные судебные решения.

Коллизии при переквалификации сделок и определении действительного размера налоговой обязанности: налоговые органы, руководствуясь принципом приоритета содержания над формой, активно используют инструмент переквалификации сделок. Однако границы этого полномочия размыты. На практике это приводит к спорам о том, что является целью налогового контроля: установление формального соответствия или определение действительного размера налоговой обязанности, исходя из реальных экономических отношений [9]. Это порождает конфликты вокруг применения судебных доктрин «деловой цели» и «экономического существа».

На практике принцип единства системы публичной власти реализуется через систему «вертикальных фильтров», где формальное соблюдение единого правового поля зачастую подменяется механическим выполнением плановых показателей. Федеральный центр транслирует свои установки в виде конкретных KPI [14] и инструкций, вынуждая региональные и местные власти действовать в условиях системного давления. Чиновники на местах, стремясь выполнить спущенные сверху нормативы по налоговым сборам или борьбе с теневой зарплатой, начинают применять законы формально, ориентируясь не на дух законодательства, а на ведомственные разъяснения Минфина и ФНС. Это приводит к ситуации, когда единство системы обеспечивается не гармонизацией правоприменения, а приоритетом инструкции над принципом справедливости.

Одновременно принцип разграничения полномочий подвергается эрозии из-за финансовой асимметрии между уровнями власти. Формально самостоятельные муниципалитеты, зависящие на 80-90% от федеральных и региональных трансфертов, вынуждены жертвовать своей автономией ради получения финансирования. Вышестоящие власти используют этот рычаг для непрямого управления, увязывая выделение средств с выполнением тактических задач - будь то перевыполнение плана по налоговым сборам или реализация иных показателей. В результате конституционное разграничение полномочий де-факто заменяется системой финансовой субординации, где самостоятельность нижестоящих уровней власти становится условной.

Проведенное исследование реализации принципов правового регулирования в системе публичной власти через призму налоговых правоотношений позволяет сделать ряд основополагающих выводов. Теоретический анализ подтвердил системообразующую роль правовых принципов, выступающих каркасом всей конструкции публичной власти и определяющих баланс между фискальным суверенитетом государства и правами собственности налогоплательщиков. Налоговые правоотношения, в силу своей властной природы и изначального неравенства сторон, становятся тем полигоном, где теоретические конструкции проходят проверку на прочность в условиях правоприменительной практики.

Эмпирический аспект исследования выявил существенный разрыв между законодательными установлениями и реальными механизмами реализации принципов. Анализ административной и судебной практики продемонстрировал, что такие фундаментальные начала, как справедливость, соразмерность и правовая определенность, зачастую подвергаются эрозии под влиянием ведом-

ственного нормотворчества, фискального прессинга и отсутствия единообразных подходов к толкованию. Ярким примером этого служит эволюция применения принципа недобросовестной налоговой выгоды, который из средства противодействия откровенно мошенническим схемам в ряде случаев трансформировался в инструмент переквалификации законной предпринимательской деятельности.

Научная новизна исследования заключается в прослеживании сквозной реализации принципов через все уровни публичной власти - от конституционных положений до конкретных решений налоговых органов и судов. Такой подход позволил выявить системные дисфункции, возникающие в процессе трансформации теоретически безупречных правовых конструкций в практические инструменты государственного управления.

В качестве перспективных направлений совершенствования сложившейся практики предлагается законодательное закрепление более детализированных критериев применения оценочных понятий и принципов, усиление роли судебного контроля за ведомственным нормотворчеством, а также развитие научной доктрины, направленной на формирование единых подходов к толкованию и применению принципов в налоговом праве. Достижение подлинного баланса публичных и частных интересов в налоговых правоотношениях остается сложным, но достижимым ориентиром для дальнейшего совершенствования российской правовой системы, непосредственно влияющим на инвестиционный климат, уровень доверия к государству и темпы социально-экономического развития страны в целом.

Список литературы:

[1] Вахрамеев Е.Ю. К вопросу о принципах взаимодействия публичной власти и личности в правовой системе России // Издательская группа «Юрист». URL: https://lawinfo.ru/articles/8612 (дата обращения: 12.10.2025).

[2] Властный характер налоговых отношений // Центр правовой помощи по налогообложению. URL: https://www.lawyer-tax.ru/publikacii/vlastnyj-harakter-nalogovyh-otnoshenij/ (дата обращения: 12.10.2025).

[3] Григорьева Е. Н. Понятие и классификация принципов налогового права / Е. Н. Григорьева // Налоги. - 2008. - № 3. – С. 91-104.

[4] Кравченко Н. А. Регламентирующее значение принципов налогового права в выделении налогового права в самостоятельную отрасль / Н. А. Кравченко // Modern Science. – 2020. – № 4-4. – С. 110-114.

[5] Крохина Ю. А. Налоговое право: учебник для вузов / Ю. А. Крохина. -10-е изд., перераб. и доп. -Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 503.

[6] Налоговое право России : курс лекций / И. И. Кучеров; Ин-т актуал. образования «ЮрИнфоР-МГУ». - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва: Центр ЮрИнфоР, 2006. - С. 398 - 441.

[7] Налоговое право в решениях Конституционного Суда РФ журнал «Налоговед», юридические факультеты СПбГУ и МГУ им. М.В. Ломоносова, Международный центр по налогам и инвестициям, Международная ассоциация финансового права, Школа права «Статут» 19–20 апреля 2013 г., Москва, Конгресс-центр Торгово-промышленной палаты РФ.

[8] Налоговый контроль: Правовые проблемы и риски / под ред. С. Г. Пепеляева; сост. С. А. Сосновский. – Москва: Статут, 2025. С. 400.

[9] Принципы налогового права в свете новейшей судебной практики // Налоговед. URL: https://nalogoved.ru/event/8920.html. (дата обращения: 18.10.2025).

[10] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) (ред. от 25.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 18.10.2025).

[11] Садчиков М. Н. Принцип баланса частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях как гарантия налогового суверенитета государства / М. Н. Садчиков // Налоги. – 2020. – № 1. – С. 23-25.

[12] Смирнов Д. А. Принципы российского налогового права: понятие, формирование, реализация: монография / Д. А. Смирнов; Д. А. Смирнов; под ред. Н. Н. Химичевой. – Москва: Юрлитинформ, 2011.

[13] Тютин Д.В. Налоговое право: курс лекций // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 18.10.2025).

[14] Что такое KPI простыми словами и как его рассчитать // РБК. URL: https://www.rbc.ru/industries/news (дата обращения: 12.10.2025).

[15] Увайсаев Б. З. Принципы налогового права в системе принципов российского права (Теоретико-правовое исследование) : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Увайсаев Бадрутдин Заурбекович. – Ростов-на-Дону, 2005. – 208 с.

[16] Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).

References:

[1] Vakhrameev E. Yu. On the Principles of Interaction between Public Authority and the Individual in the Russian Legal System // Publishing Group “Lawyer”. URL: https://lawinfo.ru/articles/8612 (date of access: 10/12/2025).

[2] The Power Nature of Tax Relations // Center for Legal Assistance in Taxation. URL: https://www.lawyer-tax.ru/publikacii/vlastnyj-harakter-nalogovyh-otnoshenij/ (date of access: 10/12/2025).

[3] Grigorieva E. N. Concept and Classification of Principles of Tax Law / E. N. Grigorieva // Taxes. - 2008. - No. 3. - P. 91-104.

[4] Kravchenko N. A. The regulatory significance of the principles of tax law in the allocation of tax law as an independent branch / N. A. Kravchenko // Modern Science. - 2020. - No. 4-4. - P. 110-114.

[5] Krokhina Yu. A. Tax law: textbook for universities / Yu. A. Krokhina. - 10th ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2025. P. 503.

[6] Tax law of Russia: lecture course / I. I. Kucherov; Institute of Actual. Education “YurInfoR-MSU”. - 2nd ed., revised and enlarged. - Moscow: YurInfoR Center, 2006. - Pp. 398 - 441.

[7] Tax Law in Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, Nalogoved Journal, Law Faculties of St. Petersburg State University and Moscow State University named after M.V. Lomonosov, International Center for Tax and Investment, International Association of Financial Law, Statut Law School, April 19-20, 2013, Moscow, Congress Center of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation.

[8] Tax Control: Legal Problems and Risks / edited by S. G. Pepeliaev; compiled by S. A. Sosnovsky. - Moscow: Statut, 2025. P. 400.

[9] Principles of Tax Law in Light of the Latest Judicial Practice // Nalogoved. URL: https://nalogoved.ru/event/8920.html. (date accessed: 18.10.2025).

[10] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2020)” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 23.12.2020) (as amended on 25.04.2025) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru (date of access: 18.10.2025).

[11] Sadchikov M. N. The principle of balance of private and public interests in tax legal relations as a guarantee of the tax sovereignty of the state / M. N. Sadchikov // Taxes. - 2020. - No. 1. - P. 23-25.

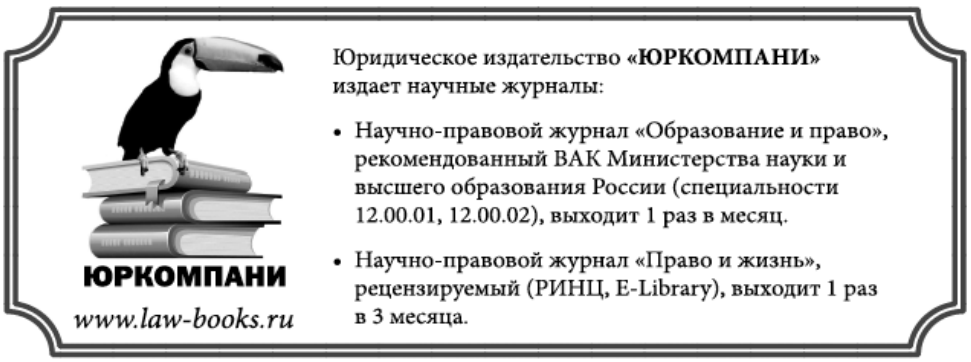
[12] Smirnov D. A. Principles of Russian tax law: concept, formation, implementation: monograph / D. A. Smirnov; D. A. Smirnov; edited by N. N. Khimicheva. - Moscow: Yurlitinform, 2011.

[13] Tyutin D.V. Tax Law: Lecture Course // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru (accessed: 18.10.2025).

[14] What is a KPI in simple terms and how to calculate it // RBC. URL: https://www.rbc.ru/industries/news (accessed: 12.10.2025).

[15] Uvaysaev B.Z. Principles of Tax Law in the System of Principles of Russian Law (Theoretical and Legal Research): specialty 12.00.01 “Theory and History of Law and State; History of the Doctrines of Law and the State”: dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Badrutdin Zaurbekovich Uvaisaev. - Rostov-on-Don, 2005. - 208 p.

[16] Federal Law of 21.12.2021 N 414-FZ (as amended on 31.07.2025) “On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation” (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2025).



Дата поступления рукописи в редакцию: 23.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-118-121

АФАНАСЬЕВА Светлана Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры культуры мира и демократии (Кафедра ЮНЕСКО)
Российского государственного гуманитарного университета,
e-mail: rivz20071@rambler.ru

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ТУРИЗМА

Аннотация. *В представленной статье рассматриваются отдельные аспекты правового регулирования основ государственной политики в сфере туристской деятельности в Российской Федерации. Автор обращается к анализу международных и национальных нормативных правовых актов в сфере туризма, уделяя отдельное внимание характеристике базового федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и действии его норм в отношении субъектов туристской индустрии. Кроме того, в статье рассматриваются основные методы осуществления государственного регулирования туристской деятельности в Российской Федерации, отмечается значимость нормативного правового регулирования сферы, а также разработка и реализация федеральных, отраслевых целевых и региональных программ развития туризма. Отдельное внимание уделяется Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г. В представленной работе сделан вывод о наличии многообразия нормативных правовых актов, направленных на реализацию эффективной государственной политики в исследуемой сфере, и необходимости их дальнейшего совершенствования.*

Ключевые слова: *государственная политика в сфере туризма, принципы государственного регулирования, законодательство, стратегия развития туризма, органы государственной власти, туристская деятельность, подзаконные нормативные правовые акты.*

AFANASYEVA Svetlana Anatolyevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Culture
of Peace and Democracy (UNESCO Department)
Russian State University for the Humanities

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF STATE POLICY IN THE SPHERE OF TOURISM

Annotation. *This article examines certain aspects of the legal regulation of state policy principles in the sphere of tourism in the Russian Federation. The author analyzes international and national regulatory legal acts in the field of tourism, paying particular attention to the characteristics of the basic federal law "On the Fundamentals of Tourism Activity in the Russian Federation" and the application of its provisions to tourism industry entities. Furthermore, the article examines the main methods of state regulation of tourism in the Russian Federation, noting the importance of legal regulation in this area, as well as the development and implementation of federal, sectoral target, and regional tourism development programs. Particular attention is given to the Strategy for Tourism Development in the Russian Federation through 2035. This paper concludes that there is a diversity of regulatory legal acts aimed at implementing effective state policy in this area and the need for their further improvement.*

Key words: *state policy in tourism, principles of state regulation, legislation, tourism development strategy, government bodies, tourism activity, by-laws.*

На современном этапе государственная политика Российской Федерации в сфере туризма занимает важное место в развитии экономики страны и ее регионов и регулируется многообразными международными и национальными нормативными и правовыми актами. Среди основных международных документов, определяющих туристскую политику и закрепляющих общепризнанные мировые ценности туризма, можно выделить Манильскую декларацию по мировому туризму Хартию туризма, Гаагскую декларацию по туризму, Глобальный этический кодекс туризма, которые легли в основу и законодательства Российской Федерации о туризме. Одной из основных задач государственной политики в туристской сфере на сегодняшний день является «разработка целостной, всеобъемлющей, современной законодательной базы, на основе норм международного права» [6, с. 779].

Данная отрасль в настоящее время развивается достаточно стремительно, что требует от российского законодателя оперативного решения ряда проблем в части регламентирования индустрии туризма. Особая общественная значимость исследуемого института в современных реалиях определяется тем, что туризм представляет возможности знакомиться с историей, культурой, обычаями, духовными и религиозными ценностями государства, а также вносит значительный вклад в доходную часть бюджета страны [1, с. 4]. Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (далее – закон о туризме) заложил основы государственной политики в данной сфере, впервые определив туристскую деятельность как одну из приоритетных отраслей экономики Российской Федерации и закрепив основные принципы государственного регулирования туристской деятельности.

Создание благоприятных условий для развития туризма в Российской Федерации в настоящее время требует эффективной государственной политики. Государственная политика – это система мер и действий, принимаемых государством для достижения определенных целей и решения задач в интересах общества, основывающаяся на определенных принципах и использующая разнообразные инструменты. Под государственной политикой в сфере туризма следует понимать деятельность органов государственной власти всех уровней, различных организаций по определению форм, задач и содержания управления данной отраслью [3]. Государственное управление индустрией туризма использует разнообразные методы и средства, включая целевое планирование, обеспечение стабильности налоговой системы, координацию экономической деятельности в данной отрасли, определение ее приоритетных направлений, обеспечение государственной защиты прав и законных интересов субъектов данной деятельности, антимонопольное регулирование, осуществление государственного надзора.

Среди основных методов осуществления государственного регулирования туристской деятельности в Российской Федерации законодатель выделяет нормативное правовое регулирование сферы, а также разработку и реализацию федеральных, отраслевых целевых и региональных программ развития туризма [5, с. 456-457].

Кроме того, в законе о туризме нашла отражение единая терминологическая база для участников туристской индустрии, что является необходимым условием достижения целей реализации государственной политики в исследуемой сфере. Законодатель систематически дополняет и уточняет приведенный перечень понятий, а также вводит новые понятия. В последнее время все большее внимание уделяется развитию новых видов туризма, выступающих катализаторами туристской индустрии в государстве, в связи с чем Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «О Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 г.» была утверждена Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (далее – Стратегия), которая значительно дополнила и расширила понятийный аппарат, представленный в законе – впервые были определены такие виды туризма, как автотуризм, горнолыжный, деловой, круизный, культурно-познавательный, лечебно-оздоровительный, молодежный, научный, промышленный, экологический туризм. Кроме того, Стратегия определила ряд новых понятий, имеющих важное значение для развития отрасли, в частности, даны легальные определения «туристской инфраструктуры», «магистральной инфраструктуры», «мастер-плана развития туристской территории», «обеспечивающей инфраструктуры», «плана развития туристской территории», «системы навигации и ориентирования в сфере туризма», «туристского маркетплейса» и другие [1, с. 13-18]. Уточняя положения закона о туризме Стратегия дополнила и цели развития туризма в Российской Федерации, выделив также комплексное развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации за счет создания условий для формирования и продвижения качественного туристского продукта, конкурентоспособного на внутреннем и мировом рынках; усиление социальной роли туризма, увеличение доступности услуг туризма, отдыха и оздоровления для всех жителей Российской Федерации.

В 2020 году в России Ростуризмом был разработан нацпроект «Туризм и индустрия гостеприимства», который стартовал весной 2021 года по поручению Президента России. Срок реализации национального проекта окончен 31.12.2024 г. Основной идеологией национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» являлось обеспечение максимальной доступности разнообразных и качественных туристских услуг для населения в целях удовлетворения потребности в отдыхе и личностном развитии, через познание духовно нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций. В октябре 2022 года Президент России упразднил Федеральное агентство по туризму (Ростуризм), разрабатывавшее и отвечавшее за нацпроект, его функции передали Минэкономразвития. С 2025 года в Российской Федерации стартовал и реализуется национальный проект «Туризм и гостеприимство», главная цель которого создание условий по развитию внутреннего и въездного туризма, повышению роли туристической отрасли в экономике страны и увеличению числа туристских поездок до 140 млн. к 2030 году. Национальный проект рассчитан на 5 лет с 2025 по 2030 годы, а в его реализации принимают участие различные органы исполнительной власти (на федеральном уровне – Минэкономразвития, Роспотребнадзор, Минприроды, Минкультуры и пр.).

Особая роль среди государственных органов, регулирующих индустрию туризма и гостеприимства в Российской Федерации, принадлежит Федеральному Собранию Российской Федерации, где в Совете Федерации функционирует Экспертный совет по туризму при Комитете по социальной политике, который вырабатывает рекомендации и готовит экспертные заключения по вопросам социально-экономического и законодательного обеспечения деятельности в области туризма, и Комитет Государственной Думы по туризму и развитию туристической инфраструктуры, являющийся рабочим органом, к ведению которого отнесены вопросы законодательства Российской Федерации в сфере туризма и туристской деятельности, туристической инфраструктуры, индустрии гостеприимства.

Закон о туризме также наделяет достаточно широкими полномочиями органы государственной власти субъектов Российской Федерации, они должны создавать благоприятные условия для развития туризма в субъектах Российской Федерации, участвуя в реализации государственной политики в сфере туризма, различных стратегий развития туризма, государственных программ Российской Федерации, федеральных целевых и иных программ развития туризма, в организации и проведении международных, всероссийских, межрегиональных мероприятий в сфере туризма. Так, например, на территории Амурской области создано Министерство экономического развития и внешних связей Амурской области, в структуре которого функционирует Отдел по туризму; в Хабаровском крае – Министерство туризма Хабаровского края; в Республике Татарстан – Государственный комитет Республики Татарстан по туризму; в Калининградской области – Министерство по культуре и туризму Калининградской области; в Санкт-Петербург – Комитет по развитию туризма Санкт – Петербурга; в Республике Карелия – Управление по туризму Республики Карелия; в Республике Крым – Министерство курортов и туризма Республики Крым; в Москве – Комитет по туризму города Москвы.

Законодатель наделяет некоторыми правами в сфере туризма и органы местного самоуправления – статья 3.3. закона о туризме. Так, являясь низовым звеном органов публичной власти в Российской Федерации, органы местного самоуправления наделены также некоторыми полномочиями в сфере туризма и гостеприимства, например, полномочиями по формированию и развитию туристского комплекса – администрация муниципального образования «Старомайнский район» Ульяновской области постановлением от 29.12.2023 г. № 1380 утвердила муниципальную программу муниципального образования «Старомайнский район» «Развитие туризма в муниципальном образовании «Старомайнский район» на 2024-2026 годы».

Анализируя вопросы правового регулирования государственной политики в сфере туризма, следует отметить, что в Российской Федерации действует целый массив нормативных правовых актов, направленных на реализацию эффективной государственной политики в исследуемой сфере. Основополагающим является закон о туризме [2, с. 1086], который определяет основные принципы государственной политики, направленной на установление правовых основ единого туристского рынка в Российской Федерации, и регулирует отношения, возникающие при реализации права граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства на отдых, свободу передвижения и иных прав при совершении путешествий, а также определяет порядок рационального использования туристских ресурсов Российской Федерации. В законе содержится девять глав, где содержатся определения основных понятий в туризме, финансового обеспечения туроператоров, права и обязанности туристов, безопасность туризма, государственный надзор и т.д.

Таким образом, государственная политика в сфере туризма регулируется в Российской Федерации многообразными международными, федеральными, региональными правовыми актами, среди которых особую значимость имеют подзаконные нормативные правовые акты, в частности, указы Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, акты отраслевых органов исполнительной власти различного уровня. Эффективной реализации мер государственной политики в сфере туризма способствуют различные государственные программы развития туризма, которые разрабатываются для достижения приоритетов и целей развития отрасли, определенных в Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года. Туристская деятельность является одной из интенсивно-развивающихся экономических направлений в Российской Федерации, при грамотном правовом регулировании этой сферы, государство, а также иные субъекты туристской индустрии могут оказать значительное влияние на развитие отрасли и решение актуальных проблем. Только комплексный подход в сфере туризма будет способствовать достижению поставленных государством целей государственной политики в данной отрасли – законодатель при совершенствовании нормативной правовой базы, регулирующей туризм, должен учитывать взаимодействие всех субъектов туристской индустрии в условиях современных вызовов.

Список литературы:

[1] Афанасьева С.А. Основы государственной политики в сфере туризма и гостеприимства: учебное пособие / С. А. Афанасьева. – Москва: Саратовский источник, 2025. 106 с.

[2] Еремкин А.А. Нормативное и правовое регулирование государственной и региональной политики в сфере туризма // Вестник науки. 2023. №12 (69). С. 1084-1092.

[3] Организация туристской деятельности: электронное учебное издание (учебное пособие) / И.С. Кусов, Р.Р. Тимиргалеева, Н.В. Шабалина, Е.С. Каширина, С.В. Поспелова, И.В. Журавлева, И.Ю. Гришин, Е.А. Лукьяненко, Э.Р. Кутыева, А.Д. Никанорова (под общ. ред. Р.Р. Тимиргалеевой) – Майкоп: ЭлИТ, 2021. URL: https://201824.selcdn.ru/elit-142/pdf/978-5-6045802-5-7.pdf (дата обращения: 10.03.2026).

[4] Приходько Т.П. Туризм и индустрия гостеприимства России в современных реалиях // Управление стратегическим развитием основных сфер и отраслей народного хозяйства в условиях современных вызовов. Донецк: ДОНАУИГС, 2024. 810 с.

[5] Саченок Л.И. Проблемные аспекты правового регулирования туристической деятельности: направления их решения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. №4. С. 437-449.

[6] Чернышенко М. Н. Государственная политика в сфере туризма // Форум молодых ученых. 2018. №8 (24). С. 778-791.

References:

[1] Afanasyeva S.A. Fundamentals of State Policy in the Sphere of Tourism and Hospitality: a textbook / S. A. Afanasyeva. - Moscow: Saratov Istochnik, 2025. 106 p.

[2] Eremkin A.A. Normative and Legal Regulation of State and Regional Policy in the Sphere of Tourism // Science Bulletin. 2023. No. 12 (69). P. 1084-1092.

[3] Organization of Tourism Activities: an electronic textbook (textbook) / I.S. Kusov, R.R. Timirgaleeva, N.V. Shabalina, E.S. Kashirina, S.V. Pospelova, I.V. Zhuravleva, I.Yu. Grishin, E.A. Lukyanenko, E.R. Kutyeva, A.D. Nikanorova (ed. by R.R. Timirgaleeva) - Maykop: ElIT, 2021. URL: https://201824.selcdn.ru/elit-142/pdf/978-5-6045802-5-7.pdf (accessed: 10.03.2026).

[4] Prikhodko T.P. Tourism and the hospitality industry of Russia in modern realities // Managing the strategic development of the main spheres and sectors of the national economy in the context of modern challenges. Donetsk: DONAUIGS, 2024. 810 p.

[5] Sachenok L.I. Problematic aspects of legal regulation of tourism activities: directions for their solution // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2020. No. 4. P. 437-449.

[6] Chernyshenko M. N. State policy in the field of tourism // Forum of young scientists. 2018. No. 8 (24). P. 778-791.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-122-127

ИЛЬИН Александр Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин Российского
экономического университета имени Г.В. Плеханова,
доцент кафедры юриспруденции Херсонского государственного
педагогического университета,
e-mail: Aleksandr_kun@mail.ru

МИЛКИНА Екатерина Валериевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой юриспруденции
Херсонского государственного педагогического университета,
доцент кафедры гуманитарных и социальных наук РТУ МИРЭА,
e-mail: info@law-books.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. *Коррупция представляет собой сложное социально-правовое явление, характеризующееся использованием должностными лицами своих полномочий и возможностей в личных интересах, в ущерб общественным интересам. Разрушительное воздействие коррупции заключается в ее способности подрывать доверие граждан к государственным институтам, снижать эффективность управления и препятствовать экономическому развитию.*

В статье рассматриваются вопросы юридической ответственности за правонарушения коррупционной направленности, возможные превентивные меры, и совершенствование антикоррупционного законодательства.

Ключевые слова: *госслужащие, наниматель, коррупция, правонарушение, юридическая ответственность, дисциплинарный проступок, дисциплинарная ответственность, служебная проверка, КоАП РФ.*

ILYIN Alexander Yuryevich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of State-Legal
and Criminal-Legal Disciplines
at the Plekhanov Russian University of Economics,
Associate Professor of the Department of Jurisprudence
at the Kherson State Pedagogical University

MILKINA Ekaterina Valerievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Jurisprudence
at the Kherson State Pedagogical University,
Associate Professor of the Department of Humanities
and Social Sciences at the Russian Technical University MIREA

LEGAL LIABILITY FOR DISCIPLINARY OFFENCES OF A CORRUPTIONAL NATURE

Annotation. *Corruption is a complex socio-legal phenomenon characterized by officials' abuse of their powers and authority for personal gain, to the detriment of the public interest. The destructive*

impact of corruption lies in its ability to undermine public trust in government institutions, reduce governance effectiveness, and impede economic development.

This article examines legal liability for corruption-related offenses, possible preventive measures, and improvements to anti-corruption legislation.

Key words: *civil servants, employer, corruption, offense, legal liability, disciplinary offense, disciplinary liability, official investigation, Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.*

Коррупция представляет собой серьезную угрозу развитию государства и общества, препятствуя эффективному функционированию институтов власти и экономики. Ее негативное влияние проявляется в снижении уровня доверия граждан к органам власти, ухудшении инвестиционного климата и общем ослаблении правовой дисциплины. Несмотря на предпринимаемые государством усилия по противодействию коррупции, проблема продолжает оставаться актуальной и требует комплексного подхода. Одним из ключевых элементов эффективной антикоррупционной политики является дисциплинарная ответственность лиц, нарушивших нормы антикоррупционного законодательства. Тем не менее, существующие механизмы привлечения к дисциплинарной ответственности имеют ряд недостатков, которые снижают их профилактическое воздействие и позволяют виновным избежать заслуженного наказания. Эти недостатки создают дополнительные риски для общества и способствуют сохранению негативного восприятия властей населением. Проведение анализа особенностей дисциплинарной ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства, выявление слабых мест и выработка предложений по улучшению ситуации позволит повысить эффективность противодействия коррупции, укрепить доверие граждан к государству и создать благоприятные условия для экономического роста и социального благополучия.

Понятие коррупции является очень многогранным, поэтому существует и несколько определений термина. В общепринятом смысле коррупция понимается как злоупотребление служебным положением должностным лицом, наделенным определенными полномочиями, против законных интересов общества с целью получения личной выгоды.

Другая концепция коррупции - это взяточничество, вымогательство, мошенничество, злоупотребление властью, растрата и другие формы незаконной экономической деятельности должностных лиц [1].

По мнению Б.В. Волженкина коррупция имеет следующие юридические признаки коррупции:

– субъектом должно быть должностное лицо;
– действие или бездействие, несмотря на интересы службы с использованием должностных полномочий;
– умысел;
– корыстная цель.

Со своей стороны добавим, что коррупция может включать слледующие признаки:

– использование служебного положения для личной выгоды;
– нарушение норм законодательства и морали;
– скрытность и нелегальность действий;
– наличие коррупционной сети или системы, поддерживающей незаконные действия.

Б.В. Волженкин отмечает следующие основные виды уголовно-наказуемого коррумпированного поведения госслужащих:

а) присвоение чужого имущества с применением служебного положения путем его конфискации, невзирая на желание владельцев;

б) применение должностных полномочий, не связанных с присвоением чужим имуществом (корыстные мотивы);

в) принятие госслужащим денег или услуг в связи с занимаемой должностью (получение взятки) [2].

Л.Д. Гаухман считал, что коррупционные преступления - это общественно-опасные действия, которые совершают госслужащие с помощью применения должностных полномочий из-за личной выгоды и собственного обогащения [3].

По мнению А.В. Наумова, коррупция выражается в злоупотреблении должностными полномочиями в корыстных или других личных целях, также во взяточничестве [4].

Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», «Коррупция – злоупотребление должностным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [5].

Как видим, мнения по поводу понятия коррупции, его признаков и видов довольно широки, и в каждой из приведенных точек зрений существует доля истины.

Таким образом, коррупция представляет собой сложное социально-правовое явление, характеризующееся использованием должностными лицами своих полномочий и возможностей в личных интересах, в ущерб общественным интересам. Разрушительное воздействие коррупции заключается в ее способности подрывать доверие граждан к государственным институтам, снижать эффективность управления и препятствовать экономическому развитию.

За совершение дисциплинарных правонарушений коррупционной направленности предусмотрена административная, уголовная и дисциплинарная ответственность.

Административная ответственность предусматривает наложение штрафов, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Уголовная ответственность влечет за собой наказание вплоть до лишения свободы на срок до десяти лет.

Дисциплинарная ответственность наступает в случаях, предусмотренных Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральным законом 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», Трудовым кодексом Российской Федерации и соответствующими ведомственными инструкциями.

Привлечение к юридической ответственности способствует формированию атмосферы нетерпимости к проявлениям коррупции среди сотрудников государственных учреждений и создает дополнительные гарантии защиты интересов граждан и государства.

Дисциплинарная ответственность представляет собой вид юридической ответственности, реализуемый посредством применения дисциплинарных взысканий субъектами дисциплинарной власти к подчиненным им членам устойчивых коллективов за совершение дисциплинарных проступков и иных правонарушений. Этот механизм является составной, но при этом достаточно самостоятельной частью дисциплинарного принуждения [6]. В контексте противодействия коррупции дисциплинарная ответственность приобретает специфические черты. Она возникает за нарушение законодательных запретов, требований и ограничений, специально установленных для работников с целью предупреждения коррупции [7].

Сущность данной ответственности раскрывается через ее основные характеристики:

Наличие специального субъекта. Применяется исключительно к лицам, состоящим в служебно-трудовых отношениях с государственным органом или органом местного самоуправления.

Основанием является состав дисциплинарного проступка коррупционной направленности.

Применение взысканий осуществляется, как правило, руководителем органа, в котором осуществляет деятельность работник или служащий, что подчеркивает ее внутренний, служебный характер.

Как отмечает А.Ф. Ноздрачев, «дисциплинарная ответственность на государственной службе – это не просто обеспечение трудовой дисциплины, это гарантия надлежащего исполнения публично-правовых обязанностей, возложенных на служащего от имени государства» [8]. Коррупционная составляющая привносит в эту ответственность публично-политический аспект, поскольку подобные проступки подрывают основы доверия к власти.

Система дисциплинарных взысканий за коррупционные проступки является иерархичной и предусматривает меры, адекватные тяжести совершенного деяния.

За совершение дисциплинарного проступка наниматель имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания:

– замечание;
– выговор;
– строгий выговор;
– предупреждение о **неполном служебном (должностном) соответствии** [9]**;**
– увольнение по инициативе администрации.

Например, к высшей категории государственных служащих и руководящим работникам, не относящимся к государственным служащим за дисциплинарные проступки коррупционной направленностиного применяется увольнение в связи с утратой доверия.

Основанием для него является совершение действий, подрывающих доверие к государственной службе, в том числе непринятие мер по предотвращению и/или урегулированию конфликта интересов, непредставление или представление заведомо недостоверных сведений о доходах, расходах.

Важно подчеркнуть, что выбор конкретной меры взыскания является не произвольным, а правообязывающим действием представителя нанимателя. Он обязан учитывать тяжесть совершенного проступка, степень его вины, обстоятельства совершения и предшествующие результаты

исполнения служащим своих должностных обязанностей (ч. 5 ст. 58 Закона № 79-ФЗ). Как указывает М.В. Пресняков, «применение дисциплинарного взыскания, несоразмерного тяжести проступка, является нарушением принципа справедливости и может быть оспорено в судебном порядке» [10].

Центральным процессуальным институтом в механизме привлечения к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения, является служебная проверка. Она представляет собой установленную законом процедуру всестороннего, объективного и непосредственного исследования обстоятельств совершения дисциплинарного проступка. М.Н. Пушкарёва определяет служебную проверку как «правовую форму досудебного установления фактических обстоятельств дисциплинарного проступка и вины лица» [11].

Порядок проведения служебной проверки в государственных органах регламентирован ведомственными нормативными актами, а в коммерческих организациях – локальными актами, разработанными на основе Трудового кодекса РФ и Федерального закона «О противодействии коррупции». Данный порядок включает:

Служебная проверка инициируется на основании докладной записки, рапорта или иного документа, полученного от уполномоченного лица кадровой службы, либо от правоохранительных органов [11].

Именно, по итогам проверки составляется письменное заключение или доклад, в котором отражаются все установленные факты и выводы. Материалы проверки могут быть направлены в комиссию по урегулированию конфликта интересов для получения рекомендаций [11].

На период проведения служебной проверки служащий может быть временно отстранен от занимаемой должности с сохранением денежного содержания [11].

Кроме того, в законодательстве существует понятие «специальной» проверки для коррупционных правонарушений, которая, по сути, мало чем отличается от обычной служебной проверки, но проводится антикоррупционным подразделением кадровой службы [12]. Это обстоятельство может приводить к путанице и дублированию функций, особенно в условиях ограниченности кадровых ресурсов. Для оптимизации процессов целесообразно унифицировать терминологию и процедуры, закрепив единый институт служебной проверки для всех дисциплинарных проступков, включая коррупционные, с возможностью установления специфических особенностей, обусловленных характером нарушения [7].

Дисциплинарная ответственность за коррупционные проступки существует не в вакууме, а в сложной системе взаимосвязей с уголовной и административной ответственностью. Это порождает проблему конкуренции видов ответственности и их разграничения.

Поэтому. одно и то же деяние может содержать признаки как дисциплинарного проступка, так и уголовного преступления. Например, получение взятки всегда является и грубейшим дисциплинарным проступком. В этом случае действует принцип непоглощения ответственности: привлечение к уголовной ответственности не исключает возможности увольнения служащего в связи с утратой доверия по дисциплинарной линии. Более того, увольнение может последовать еще на стадии предварительного расследования, сразу после предъявления обвинения.

Как разъяснил Верховный Суд РФ, «сам по себе факт уголовного преследования за совершение коррупционного преступления является основанием для утраты доверия и увольнения с гражданской службы» [13]. Однако обратная ситуация невозможна: привлечение к дисциплинарной ответственности не освобождает от уголовной, если в деянии содержатся все признаки состава преступления.

Аналогичная ситуация складывается и с административными правонарушениями. Так, непредставление или представление заведомо недостоверных сведений о доходах может повлечь как административный штраф по ст. 19.7 КоАП РФ, так и дисциплинарное взыскание вплоть до увольнения. Эти виды ответственности также применяются самостоятельно и не поглощают друг друга.

Коллизии возникают тогда, когда служащий был оправдан по уголовному делу или в его действиях не было установлено состава административного правонарушения. В этом случае представитель нанимателя не лишен права оценить те же самые обстоятельства с точки зрения норм служебного законодательства и применить дисциплинарное взыскание, поскольку стандарт доказывания в дисциплинарном производстве («баланс вероятностей») ниже, чем в уголовном («вне разумных сомнений»). Пленум Верховного Суда РФ указал, что «оправдательный приговор суда по уголовному делу не является безусловным основанием для признания незаконным дисциплинарного взыскания, если последнее было основано на установлении факта поведения, несовместимого с нахождением на государственной службе» [14].

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика в

сфере привлечения к дисциплинарной ответственности за коррупционные проступки сталкивается с рядом системных проблем.

1. Формализм и избирательность. На практике часто взыскания применяются за формальные, легко доказуемые нарушения (например, несвоевременное представление справок о доходах), в то время как более сложные и латентные проступки, такие как злоупотребление полномочиями или создание конфликта интересов, остаются вне поля зрения. Это создает иллюзию активности в борьбе с коррупцией при отсутствии реального воздействия на ее серьезные проявления.
2. Проблема доказывания субъективной стороны. Установление корыстного мотива или иной личной заинтересованности является наиболее сложной задачей. Зачастую представитель нанимателя ограничивается констатацией объективного нарушения, не углубляясь в мотивационную составляющую, что приводит к «обезличиванию» коррупционной составляющей проступка.
3. Несоразмерность взысканий. Нередки случаи, когда за незначительные проступки применяется увольнение, в то время как за более серьезные нарушения служащие отделываются выговором. Это подрывает принцип справедливости и снижает превентивный потенциал ответственности.
4. Ведомственная замкнутость. Проведение служебных проверок силами самого государственного органа создает риски субъективизма, сокрытия фактов и «круговой поруки». Недостаточно эффективно используется потенциал независимых общественных советов при проведении таких проверок.

Дисциплинарная ответственность является неотъемлемым и одним из наиболее часто применяемых инструментов противодействия коррупции в Российской Федерации, играя ключевую превентивную роль. Ее массовость и превентивный характер, проявляющийся в формировании нетерпимого отношения к коррупционному поведению, делают ее важнейшим элементом антикоррупционной политики.

Рассматривая дисциплинарную ответственность как превентивную меру, необходимо активно внедрять и реализовывать программы правового просвещения и этического обучения для всех категорий сотрудников, начиная с этапа найма. Разрабатывать интерактивные обучающие курсы, включающие анализ реальных кейсов и симуляции коррупционных ситуаций. Совершенствовать внутренние процедуры проведения служебных проверок, пересматривать и обновлять внутренние локальные нормативные акты.

Список литературы:

[1] Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Под ред. Проф. А.Я. Сухарева. – М., 2009.

[2] Волженкин Б.В. Коррупция: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». Спб, 1998.

[3] Гаухман Л.Д. Коррупция и коррупционное преступление // Новости России и мира. // СПС Консультант плюс.

[4] Комментарий к Федеральному закону от 25 декабря 2008 г. № 273- ФЗ «О противодействии коррупции» / С.Ю. Наумов, С.Е. Чаннов. М.: Юстицинформ, 2009.

[5] Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ, в редации от 28.12.2024 «О противодействии коррупции», //КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

[6] Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: Учебник для вузов. 4-е изд. М.: Норма, 2019. С. 512.

[7] Глотова Л.А. Статья на тему «Дисциплинарная ответственность за нарушение антикоррупционного законодательства», Вестник магистратуры, 2025, 9-2, С. 104.

[8] Ноздрачев А.Ф. Государственная служба: Учебник для вузов. М.: Статут, 2018. С. 334.

[9] Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

[10] Пресняков М.В. Служебная дисциплина на государственной гражданской службе: проблемы теории и практики: монография. М.: ИЗиСП, 2020. С. 156.

[11] Пушкарёва М.Н. Служебная проверка: теория и практика проведения // Административное право и процесс. 2020. № 5. С. 29.

[12] Добробаба М.Б., Чанов С.Е. Ответственность государственных служащих за коррупционные правонарушения: проблемы оптимизации модели, (дата обращения: 24.11.2025).

[13] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 4.

[14] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2021 № 2. П. 18.

References:

[1] Comprehensive Law Dictionary. 3rd ed., supplemented and revised / Ed. by Prof. A. Ya. Sukharev. – Moscow, 2009.

[2] Volzhenkin B.V. Corruption: Series “Modern Standards in Criminal Law and Criminal Procedure”. St. Petersburg, 1998.

[3] Gaukhman L.D. Corruption and Corruption Crime // News of Russia and the World. // SPS Consultant Plus.

[4] Commentary on the Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ “On Combating Corruption” / S. Yu. Naumov, S. E. Channov. Moscow: Yustitsinform, 2009.

[5] Federal Law of December 25, 2008 No. 273-FZ, as amended on December 28, 2024, “On Combating Corruption”, // ConsultantPlus: reference and legal system.

[6] Bakhrakh D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. Administrative Law: Textbook for Universities. 4th ed. Moscow: Norma, 2019. P. 512.

[7] Glotova L.A. Article on the topic “Disciplinary Liability for Violation of Anti-Corruption Legislation”, Bulletin of the Magistracy, 2025, 9-2, P. 104.

[8] Nozdrachev A.F. Civil Service: Textbook for Universities. M.: Statut, 2018. P. 334.

[9] Federal Law of July 27, 2004 No. 79-FZ “On the Federal Civil Service of the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 31. Art. 3215.

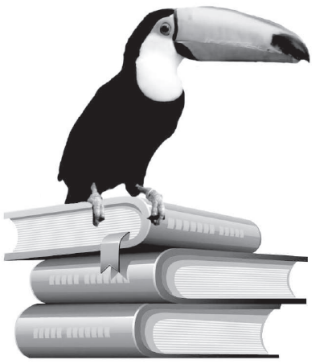
[10] Presnyakov M.V. Official Discipline in the Federal Civil Service: Theoretical and Practical Issues: Monograph. M.: IZiSP, 2020. P. 156.

[11] Pushkareva M.N. Official Investigation: Theory and Practice of Conducting // Administrative Law and Process. 2020. No. 5. P. 29.

[12] Dobrobaba M.B., Chanov S.E. Liability of civil servants for corruption offenses: challenges in model optimization (accessed on November 24, 2025).

[13] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2022) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2022. No. 4.

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2021, No. 2. Clause 18.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-128-135

АХЬЯДОВ Ислам Исаевич,
аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, e-mail: nauka_lo@mail.ru

ПОСТОЯННАЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ КАК ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *Дискуссия о том, какую роль и место следует занять органам местного самоуправления в российской системе публичной власти весьма далека от логического завершения, что приводит парадоксальной ситуации –институт местного самоуправления, призванный быть стабильной основой для решения вопросов местного значения, по факту существует в режиме «вечной перестройки». В статье анализируются теоретические основы формирования местного самоуправления в системе публичной власти как базис законодательной эволюции, изучается законодательная эволюция российского института местного самоуправления. Автор выделяет восемь сущностных характеристик феномена постоянной законодательной эволюции местного самоуправления в России. Приходит к выводу, что перманентное реформирование местного самоуправления выступает не временным этапом становления института, а устойчивой моделью его существования. Такое положение обусловлено неразрешенностью концептуальных противоречий в понимании природы МСУ и его места в системе отношений «государство — общество».*

Ключевые слова: *местное самоуправление; муниципальная реформа; единая система публичной власти; законодательная эволюция; автономия местного самоуправления.*

AKHYADOV Islam Isaevich,
PhD student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

CONSTANT LEGISLATIVE EVOLUTION AS A PHENOMENON OF RUSSIAN LOCAL SELF-GOVERNMENT

Annotation. *The discussion about what role and place should be taken by local governments in the Russian system of public authority is very far from a logical conclusion, which leads to a paradoxical situation - the institute of local self-government, designed to be a stable basis for resolving issues of local importance, in fact exists in the "eternal perestroika" mode. The article analyzes the theoretical foundations of the formation of local self-government in the system of public power as the basis of legislative evolution, studies the legislative evolution of the Russian institute of local self-government. The author identifies eight essential characteristics of the phenomenon of the constant legislative evolution of local self-government in Russia. He comes to the conclusion that the permanent reform of local self-government is not a temporary stage in the formation of the institution, but a stable model of its existence. This situation is due to the unresolved conceptual contradictions in the understanding of the nature of LSG and its place in the system of relations "state - society."*

Key words: *local government; municipal reform; a unified system of public authority; legislative evolution; local government autonomy.*

Еще в 1999 году И.И Овчинников писал, что «та проблема, которая сегодня обсуждается под названием «местное самоуправление» — это проблема не организации систем управления на местном уровне, это вопрос организации системы государственного управления в целом [1, с. 7]. С тех пор прошло более четверти века, но тезис ученого нисколько не устарел: отсутствие консенсуса в вопросе о том, какую роль и место следует занять органам местного самоуправления в российской системе публичной власти, выступает основополагающим фактором, обусловливающим существование института местного самоуправления в режиме

непрекращающейся институциональной трансформации. Вследствие этого институт местного самоуправление, призванный быть стабильной основой для решения вопросов местного значения, де-факто функционирует в условиях перманентной законодательной эволюции: нормативная база меняется так часто и так фундаментально, что сам процесс изменений можно рассматривать в качестве самостоятельного предмета исследования.

Целью данной статьи является выявление сущностных характеристик феномена постоянной законодательной эволюции местного самоуправления в России.

Для достижения указанной цели нами использовался комплекс общенаучных и специально-юридических методов познания: историко-правовой метод позволяет проследить эволюцию законодательства о местном самоуправлении в динамике, выявить ключевые этапы и направленность реформ, системно-структурный метод позволяет рассматривать местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти, формально-юридический метод применялся для анализа содержания нормативных правовых актов, регулирующих организацию и деятельность местного самоуправления.

Теория формирования местного самоуправления в системе публичной власти как базис законодательной эволюции

Институт местного самоуправления как форма публичной власти и элемент политической системы общества имеет длительную историю развития. Принципы самоуправления территориальных сообществ находят применение в различных государственно-правовых системах на протяжении всего существования цивилизации. Любая группа людей, живущих вместе, вынуждена коллективно справляться с повседневными потребностями, решать общие задачи. В зависимости от региона и страны сложились разные административные традиции управления сообществом, однако основные структуры управления схожи: органы государственного управления и органы местного управления.

В России истоки самоуправления восходят к древним славянам (вече), затем им на смену пришли общины как кооперативные региональные органы, выполнявшие публично-правовые задачи, земские избы, земские учреждения на сельской местности и современные муниципальные образования [2].

Правовая природа местного самоуправления, взаимосвязь его с органами центральной власти и населением, начиная с середины XVIII века, является предметом множества дискуссий. На рубеже XIX–XX веков в трудах А.Д. Градовского, И.И. Евстихиева, Н.И. Лазаревского, Н.М. Коркунова, М.И. Свешникова и других авторов сформировались две базовых концепции: общественная и государственная, представляющих собой полярные точки зрения на природу местного самоуправления. В основе первой лежит идея автономии местного самоуправления и его принципиальной обособленности от государственных структур, согласно второй – местное самоуправление есть часть государственного механизма, а его специфика усматривается не в обособлении местного сообщества от государства, а в привлечении местных жителей к реализации государственных задач [3, с. 13,14].

Преимущества местных властей в управлении общественными делами и связанные с ним ожидания могут быть концептуализированы через категорию «близость», которая включает в себя различные измерения общественных отношений политиков и граждан.

Во-первых, фактическая (территориальная) близость. Муниципальная власть принимает управленческие решения, обладая знанием конкретных условий местной специфики, то есть является максимально приближенной к решаемым проблемам, может оперативно и адекватно реагирования на потребности и запросы граждан. Таким образом, с одной стороны, местная власть лучше понимает потребности и предпочтения жителей района, с другой – более подотчетна информированным избирателям. Вместе с тем следует учитывать ограниченность данного подхода: решение сложных, многофакторных задач (например, в сфере городского планирования) не может базироваться исключительно на повседневном опыте и знании местных особенностей; высок риск коррупционных связей.

Во-вторых, социальная и политико-личностная близость, которая позволила В.С. Мокрому рассматривать местное самоуправление как наименее отчужденную от человека форму публичной власти [4, с. 24], а Косыгиной К.Е. и Ухановой Ю.В. как «среду для открытого и продуктивного диалога между властью и гражданами» [5, с. 549].

В-третьих, эмоционально-психологическая близость, проявляющаяся в повышении гражданской активности населения на муниципальном уровне и готовности к участию в решении местных проблем, что способствует развитию гражданского общества [5].

Еще одним термином, которым характеризуются органы местного самоуправления, является «автономия» [6,7]. Он используется для описания способности местной власти принимать решения в сфере своей компетенции без вмешательства со стороны центра. Достоинства автономии проистекают из фундаментального свойства местного

самоуправления — его близости к населению (фактической, социальной и эмоциональной), что позволяет оперативно реагировать на запросы граждан, снизить отчуждение между властью и обществом, реализовать потенциал территориального образования исходя из местной специфики Автономия создает институциональное пространство для политических и социально-экономических инноваций, которые в случае успеха могут масштабироваться на федеральный уровень. Кроме того, автономные муниципалитеты выступают сдерживающим фактором для центральной власти, обеспечивая здоровую конкуренцию политических акторов. Недостатки автономии связаны, прежде всего, с ограниченностью бюджетно-материальной базы и объективной невозможностью решать многие вопросы без учета прерогатив государства и мнения соседних территорий. Многие вопросы (городское планирование, образование, здравоохранение, безопасность, экология и проч.) требуют учета регионального и федерального контекста, что не всегда обеспечено на муниципальном уровне. Политический риск автономии состоит в возможности «захвата» муниципальных институтов локальными элитами, действующими в узкогрупповых интересах.

Понятия местной автономии и децентрализации рассматриваются как тесно взаимосвязанные: автономия придает децентрализации содержательное наполнение, однако характер их корреляции варьируется в зависимости от избранного подхода к пониманию децентрализации. Децентрализация традиционно определяется как динамический процесс передачи компетенций, полномочий, предметов ведения и ответственности в сфере государственного управления от центрального уровня к субнациональным единицам. С этой точки зрения степень децентрализации предполагает большую или меньшую автономию местного самоуправления.

Децентрализация подразумевает наличие центральной власти, центрального правительства. Федеральная власть, способная к децентрализации, может провести рецентрализацию, если захочет, а так же определить форму децентрализованного воздействия – передачу компетенций, полномочий, предметов ведения, ответственности и объем такой передачи. Следовательно, в децентрализованных системах вопрос «разделения» власти между органами государственного управления и органами местного управления лежит скорее в плоскости политической воли, а не права. Такая местная автономия традиционно рассматривается в ее «вертикальном» отношении к государству.

Таким образом, автономия местного самоуправления представляет собой необходимый, но требующий балансирования элемент публично-правовой системы. Ее позитивный потенциал раскрывается при условии четкого нормативного закрепления пределов самостоятельности, обеспеченности политическими, административными и финансовыми ресурсами, наличия эффективных механизмов координации с органами государственной власти регионального и федерального уровня. Представляется, что именно эта идея лежит в основе концепции дуализма муниципального управления. И.И. Овчинников отмечает, что «самостоятельность органов местного самоуправления присутствует только в чисто местных делах, … выходя за рамки местных интересов, они должны действовать как агенты вышестоящей администрации. Это оправдывает вмешательство органов государственной власти в дела, связанные с общегосударственными интересами» [8, с. 30,31]. Соответственно, оптимальный режим автономии предполагает ее институционализацию в рамках единой системы публичной власти с сохранением способности местных органов власти выполнять собственные задачи по своему усмотрению [7].

Н.С. Конева справедливо отмечает, что «эффективная модель местного самоуправления предполагает взаимодействие принципов автономии и механизмов интеграции в систему публичной власти, но это взаимодействие неизбежно порождает «доктринальное напряжение» из-за дисбаланса между декларируемой самостоятельностью муниципалитетов и их реальной включенностью в вертикаль управления» [9, с. 2].

Существуют три основные концепции для понимания статуса местного самоуправления в системе публичной власти в контексте соотношения принципов автономии и интеграции:

1) «Рука государства»: местное самоуправление рассматривается как инструмент государственной власти, реализующий государственную политику на местном уровне. Поскольку государство объективно не может осуществлять непосредственное управление всем спектром общественных отношений, оно делегирует часть своих полномочий муниципальным органам, сохраняя при этом контроль за их деятельностью. Муниципальные образования в этой концепции выступают агентами государства, предоставляя публичные услуги от его имени и под его надзором. Данная концепция тяготеет к усилению централизации.
2) Местное самоуправление как основа самоорганизации общины. Базовым постулатом выступает признание за каждым территориальным сообществом права на самостоятельное осуществление полномочий для

удовлетворении собственных уникальных потребностей, детерминированных локальной спецификой (площадь территории, численность и состав населения, географические и иные особенности). Данная концепция обосновывает необходимость усиления децентрализационных процессов.

3) Сервисная концепция рассматривает муниципальное образование как корпорацию, ориентированную на оказание качественных публичных услуг населению. Услуги должны предоставляться в соответствии с установленными стандартами качества. Данный подход не предполагает жесткой привязки к централизации или децентрализации, фокусируясь на эффективности предоставления услуг и институциональной дистанцированности от государственной власти.

Законодательная эволюция российского института местного самоуправления

Введение местного самоуправления в Российской Федерации связывают с распадом СССР и принятием Конституции 1993 года, которая содержит главу 8 «Местное самоуправление».

Однако система МСУ в России имеет глубокие исторические корни: органы местного управления в той или иной форме – новгородское вече, земские и губные избы (с середины 1550-х гг.), городские избирательные собрания, городские думы и городские советы, земские губернские собрания (указы Александра II от 1864 г. и 1870 г.) – существовали на протяжении все истории российского государства [10, с. 90].

В новейшей российской истории по итогам XIX партконференции в июле 1988 года, 9 апреля 1990 г. был издан первый закон о местном самоуправлении [14] (далее – Закон № 1417-I). Закон № 1417-I вводит понятие местного самоуправления «самоорганизации граждан для решения …всех вопросов местного значения»; включает местные Советы народных депутатов в систему местного самоуправления, наряду с органами «территориального общественного самоуправления» (советы и комитеты микрорайонов, ЖК, строительные комитеты, улиц, кварталов, городов, деревень и других объектов); провозглашает местное самоуправление «частью социалистического народного самоуправления», которое осуществляется в границах административно-территориальных единиц; учреждает двухуровневую модель МСУ (первым территориальным уровнем может быть сельсовет, город (или район), город (или городской округ), а союзные и автономные республики с учетом местных условий и национальных особенностей определяют другие уровни местного самоуправления) (статья 2 § 3). Реформы инициировались «сверху» как часть перестройки и децентрализации государственного управления. ОМСУ была предоставлена хозяйственная самостоятельность, включая владение и распоряжение имуществом, создание управленческих структур, ведение независимой бюджетной политики и развитие внешнеэкономических связей.

Становление российской модели местного самоуправления в 1991–1993 годах происходило в условиях кризиса государственности. Закон РФ от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в Российской Федерации» определял местное (территориальное) самоуправление как систему организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения, подробно закреплял и гарантировал широкие полномочия органов местного самоуправления. Однако в 1993 году ситуация резко ухудшилась: Указами Президента РФ от 9 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», от 26 октября 1993 г. № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации», от 22 декабря 1993 г. № 2265 «О гарантиях местного самоуправления в Российской Федерации» были распущены все представительные органы ОМСУ, а их функции переданы исполнительной власти, не действующими были объявлены все статьи Закона № 1550-1, касающиеся компетенции органов местного самоуправления.

В Конституции 1993 г. органы местного самоуправления были выведены из системы органов государственной власти (ст. 12), что закрепило переход от восприятия ОМСУ как последнего административного звена государственной власти к пониманию местного самоуправления через концепцию автономии.

Для реализации конституционных предписаний требовалось принятие специального закона, который закрепил бы территориальные, организационные и финансовые основы МСУ, принципы взаимодействия с государственной властью, а также гарантии и ответственность муниципальных органов. Эту задачу выполнил Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ, который определил местное самоуправление как признаваемую и гарантируемую Конституцией РФ самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, установил одноуровневую модель МСУ. По его замыслу предполагалось усиление автономии местной власти по отношению к регионам и федеральному центру, реализовывался общественный подход к местному самоуправлению, навеянный Европейской

Хартией местного самоуправления (1985 г.), которую Россия подписала в 1996 году, а ратифицировала в 1998. Эта стратегия потерпела провал. Столкнувшись со слишком слабой центральной властью, субъекты Федерации, имевшие исключительное право формировать местные органы власти, превратили местную автономию в простое продолжение региональной государственной власти. За редким исключением органы местного самоуправления не смогли развить свою бюджетную автономию, межмуниципальное сотрудничество или даже распоряжаться своим муниципальным имуществом. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ, хотя и создал законодательные основы местного самоуправления, привел к тому, что его конституционный статус не соблюдался субъектами Федерации, а сами его нормативные положения критиковались правоведами за декларативный характер: ключевые вопросы территориального устройства и механизмы функционирования муниципалитетов обозначались лишь фрагментарно, а их конкретное наполнение передавалось на усмотрение регионов, самих муниципальных образований или населения. Практика выдвинула на первый план совершенно иные задачи: необходимость выработки универсальных подходов к бюджетному выравниванию; четкого закрепления обязательств муниципалитетов перед жителями и гарантий получения последними качественных услуг, что, в свою очередь, ставило вопрос о пересмотре компетенций и пределов автономии местной власти [11, с. 42].

Реформа местного самоуправления начала 2000-х годов выступила как одно из средств, способных восстановить авторитет федерального центра перед лицом региональных властей, решить обозначенные практикой проблемы разграничения компетенции различных уровней власти, упорядочения межбюджетных отношений. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации был построен на смешенной (общественно-государственной) теории природы местного самоуправления. В 2000-е годы децентрализация представляла собой препятствие для восстановления контроля над регионами и, следовательно, реформа местного самоуправления несла на себе отпечаток государственного интервенционизма, способного обеспечить социально-экономическое развитие местных территорий. В этом контексте реформа сигнализирует о некотором упадке идеи автономии муниципальной власти, децентрализация публичной власти в пользу муниципальных органов, заменяется деконцентрацией на региональном уровне.

Федеральный закон № 131-ФЗ определяет местное самоуправление уже не только как реализацию институциональных принципов, но и как форму осуществления народом своей власти, утверждение суверенитета народа (народовластия), что оправдывает единство публично власти, гарантом которой является глава государства.

Новое муниципальное самоуправление основано на двухуровневой модели. Местные органы власти (муниципальное образование), наделенные правовым статусом, предполагаются шести видов. Муниципальный район реализует стратегию территориального развития, и его полномочия превалируют над городскими и сельскими муниципальными образованиями (городское, сельское поселение), которые его составляют (двухуровневая модель). Независимый от муниципального района городской центр (городской округ) объединяет полномочия последнего и муниципального образования (одноуровневая модель). Внутригородские образования Санкт-Петербурга и Москвы имеют статус органов местного самоуправления, но их полномочия и компетенция регулируются законами этих двух городов федерального значения.

В отличие от предшествующего регулирования, ФЗ № 131 установил жесткую привязку конкретных вопросов местного значения к видам муниципальных образований, исключив их совпадение у поселений, районов и городских округов. Вместе с тем, оставалась нечеткость в разграничении компетенции государственной власти и местного самоуправления.

Реформа местного самоуправления 2003 г. характеризуется множеством компромиссов, обусловленных ее бюрократическим характером и распространением различных способов назначения исполнительной и законодательной власти в муниципальных образованиях.

В ФЗ № 131 были внесены многочисленные поправки: в 2009 году (ФЗ № 90) была введена статья 74.1, регламентирующая процедуру удаления главы муниципального образования в отставку; новела 2010 года (ФЗ № 315) предусматривает, что учредительные акты муниципального района и поселения, признанного его административным центром, могут предусмотреть передачу управленческих функций от поселения к району; реформа 2014–2015 годов внесла достаточно серьёзные правки в территориальные, организационные, компетентностные и экономические основы местного самоуправления, в частности «определение модели организации местного самоуправления стало прерогативой законодательного органа субъекта федерации» [11, с. 47], раздел законодательства, посвященный санкциям в отношении выборных лиц и структур местного

самоуправления, претерпел существенные изменения: установлена ответственность представительного органа муниципалитета, глав муниципальных образований и местных администраций перед государством; предусмотрена возможность временного выполнения органами государственной власти субъектов РФ отдельных функций органов местного самоуправления; с 2017 года началось системное укрупнение муниципальных образований: ФЗ № 62 от 3 апреля 2017 года внесена поправка, предусматривающая возможность преобразования муниципального района путем объединения поселения с городским округом, в 2019 году (ФЗ № 87) был введен новый вид муниципального образования - муниципальный округ.

Инициированная поправками в Конституцию 2020 года, очередная реформа местного самоуправления завершилась принятием Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» с переходным периодом до 2027 года. В научной литературе высказываются опасения относительно сохранения автономии местного самоуправления, гарантированной Конституцией РФ [12, с. 33], снижения его статуса от самостоятельного публичного института до «сервисного» инструмента [13, с. 51].

Принципиальным новшеством выступает смена понятийного аппарата: если предыдущий закон трактовал местное самоуправление как способ реализации народовластия, то новая редакция акцентирует внимание на иной аспект — самодеятельную активность граждан, направленную на поддержание повседневной жизнедеятельности территорий. Вводится категория «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» (ВНОЖН), вместо привычного понятия «вопросы местного значения», смещая акцент с распределения предметов ведения на конкретные практические задачи муниципалитетов.

Другим знаковым изменением становится законодательное закрепление статуса органов местного самоуправления как неотъемлемого компонента единой системы публичной власти. Сохраняя формальную обособленность от государственного аппарата, они теперь ориентированы на более тесное взаимодействие с региональным уровнем, при этом особо выделяется координирующая роль высшего должностного лица субъекта Федерации.

Обозначен переход к одноуровневой территориальной организации, что аргументировано необходимостью преодоления кадрового дефицита и оптимизации бюджетных потоков. Поселенческое звено упраздняется, а традиционные муниципальные районы и входящие в их состав поселения замещаются городскими и муниципальными округами. Отметим, что подобная трансформация повлечет сокращение значительного числа депутатских мандатов, и, соответственно снижение уровня коммуникации власть-население. Вместе с тем законодатель предусмотрел гибкий механизм: части 7 статьи 9 и статья 91 допускают сохранение двухуровневой системы в регионах, где она исторически сложилась, при условии наличия особых социально-экономических или иных обстоятельств. Решение принимается на уровне субъекта Федерации.

Полномочия по решению ВНОЖН подразделяются на три категории: безусловные (неотъемлемые); перераспределяемые — те, которые региональная власть может принять на себя; передаваемые — те, которые регион может добровольно делегировать муниципалитетам с соответствующим финансовым обеспечением. Таким образом, реальный объем компетенции конкретного муниципального образования после 1 января 2027 года (если регион не примет иного решения) будет определяться не только федеральным законом, но и региональным законодательством о перераспределении полномочий.

Значительно возросла роль глав субъектов Федерации в формировании муниципального руководства: либо через внесение кандидатур на рассмотрение представительных органов, либо через участие в конкурсных комиссиях (половина состава назначается регионом). Введен двойственный статус главы муниципального образования, который отныне одновременно замещает государственную должность субъекта РФ. Ужесточены антикоррупционные требования и механизмы ответственности (статьи 28-30), включая возможность удаления главы в отставку по инициативе губернатора.

Мнение населения относительно отзыва выборных лиц и по вопросам изменения границ или преобразования муниципальных образований теперь выявляется через публичные слушания или общественные обсуждения. Компетенция схода граждан (статья 45) существенно сужена — он более не может замещать представительный орган в малых поселениях, его функции ограничены узким кругом локальных вопросов (самообложение, инициативные проекты, деятельность старост). Приоритет отдается консультативным (опросы, слушания) и проектным формам (инициативные проекты, территориальное общественное самоуправление).

Следует согласиться с высказываемым в академической литературе мнением: «с начала 1990-х годов в муниципальном строительстве в России было все: полнота полномочий местной

власти на своей территории; возможность избрания главы местной исполнительной власти (председателя исполкома) местным советом депутатов из своего состава и кандидатов, предложенных своего рода конкурсными комиссиями, сформированными советами депутатов; разделение ветвей муниципальной власти и последующее слияние их в единой фигуре главы муниципального образования; назначение главы местной администрации главой региона с учетом мнения местного совета депутатов (ноябрь 1991 г.); огромные полномочия субъектов РФ в формировании моделей местной власти, в территориальном, институциональном, компетенционном плане, фактическое отсутствие местного самоуправления при формальном его наличии и т.д.» [8, с. 59,60].

В заключение, анализ эволюции российского законодательства, регламентирующего местное самоуправление за последние три десятилетия, позволяет выделить ряд сущностных характеристик, раскрывающих природу этого явления. Во-первых, главной характеристикой выступает отсутствие длительных стабильных периодов. Законодательная база пребывает в состоянии перманентного обновления: средний интервал между существенными корректировками законодательной базы составляет 3–5 лет, что исключает возможность институциональной стабилизации и долгосрочного планирования на муниципальном уровне, муниципальные органы и органы государственной власти вынуждены адаптироваться к постоянно обновляющимся «правилам игры». Во-вторых, эволюция не сводится к косметическим правкам, а системно затрагивает основы института местного самоуправления: территориальную организацию, формирование органов муниципальной власти, круг вопросов местного значения и источники финансирования. В третьих, в основе перманентных реформ лежит отсутствие консенсуса относительно правовой природы местного самоуправления. Изменения закона демонстрируют колебания между двумя концепциями: общественной (МСУ как право граждан на самостоятельное решение вопросов местного значения, автономное от государства) и государственной (МСУ как низовое звено единой системы публичной власти), либо выбирая компромиссные варианты между этими двумя подходами. Невозможность окончательного выбора между этими моделями обусловливает цикличность реформ: периоды децентрализации сменяются тенденциями централизации и унификации, что придает законодательному процессу незавершенный, «вечно переходный» характер. В-четвертых, эволюция законодательства тесно коррелирует с изменениями политического курса и потребностями федерального центра в укреплении вертикали власти. Реформы часто выступают инструментом решения общеполитических задач, а не следствием внутренней логики развития муниципального уровня власти. В-пятых, несмотря на кажущуюся поступательность, эволюция носит циклический характер, например переход от одноуровневой модели к двухуровневой и обратно. В-шестых, скорость и частота законодательных новаций превышают адаптационные возможности как муниципальных органов, так и населения. В-седьмых, переходные положения, отсрочки вступления в силу, экспериментальные правовые режимы становятся неотъемлемой частью законодательного регулирования местного самоуправления. В-восьмых, следует признать, что многие законодательные новеллы имеют декларативно-компенсаторный характер, а не стратегический.

Список литературы:

[1] Овчинников И. И. Местное самоуправление в системе народовластия. Москва: Ин-т государства и права РАН, 1999. 328 с.

[2] Какадий И.И., Ширипова Д.Б. История развития местного самоуправления в Российской Федерации // Бюллетень науки и практики. 2020. №6. С.261-268.

[3] Шугрина Е. С. Основы местного самоуправления. Настольная книга депутата и муниципального служащего: учебное пособие / Е. С. Шугрина; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации, Высш. шк. гос. упр. Калининград: Полиграфычъ, 2023. 336 с.

[4] Мокрый В.С. Местное самоуправление в Российской Федерации как институт публичной власти и гражданского общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Мокрый Владимир Семенович. Москва, 2003. С. 24.

[5] Косыгина К.Е., Уханова Ю.В. Гражданское участие населения в контексте реализации муниципальной публичной политики // Ars Administrandi. 2024. №3. С. 533-554.

[6] Вульфович Р.М. Муниципальная автономия как условие обеспечения эффективности местной власти // ПОЛИТЭКС. 2017. №4. С. 49-63.

[7] Ржевская М. А. Реформа местного самоуправления-2025: баланс между централизацией и муниципальной автономией / М. А. Ржевская, А. И. Типцова, М. Д. Дзагиев // Реформа местного самоуправления 2025: финансовые, правовые, организационные аспекты: Сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 июня 2025 года. Саратов: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «КУБиК», 2025. С. 58-61.

[8] Овчинников И. И. Местное самоуправление в Российской Федерации (теоретические, исторические и правовые аспекты): монография. М.: Консалтбанкир, 2018. 186 с.

[9] Конева Н.С. Системные противоречия конституционной модели местного самоуправления России: имманентная диалектика доктрины и практики // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2025. № 04. С. 2-6.

[10] Багдасарян С.Д., Гришина Т.М. Исторические корни местного самоуправления в России // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. №1. С. 89-97.

[11] Чихладзе Л.Т. Развитие местного самоуправления в рамках концепции федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г № 154-ФЗ и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Вестник Московского университета. 2015. №4. С. 40-48.

[12] Абрамова П. Е., Кузнецов С. П. Реформа местного самоуправления в связи с принятием Федерального Закона № 33-ФЗ от 2025 года // Проблемы права. 2025. №4 (100). С. 31-37.

[13] Ковалев И.П. Реформа местного самоуправления 2025 года: последствия, сложности и пути разрешения // Закон и право. 2026. №1. С. 50-55.

[14] Закон СССР от 9 апреля 1990 г. N 1417-I «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

References:

[1] Ovchinnikov I. I. Local self-government in the system of democracy. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 1999. 328 pp.

[2] Kakadiy I.I., Shiripova D.B. History of the development of local self-government in the Russian Federation//Bulletin of Science and Practice. 2020. №6. P.261-268.

[3] Shugrina E. S. Fundamentals of local self-government. Handbook of the deputy and municipal employee: textbook/E. S. Shugrin; Grew. acad. nar. hoz-va and state. services under the President Ros. Federations, Higher. shk. state control Kaliningrad: Polygraphych, 2023. 336 pp.

[4] Wet V.S. Local self-government in the Russian Federation as an institution of public power and civil society: author. dis.... Dr. Jurid. Sciences: 12.00.02/Wet Vladimir Semenovich. Moscow, 2003. P. 24.

[5] Kosygina K.E., Ukhanova Yu.V. Civil participation of the population in the context of the implementation of municipal public policy//Ars Administrandi. 2024. №3. S. 533-554.

[6] Vulfovich R.M. Municipal autonomy as a condition for ensuring the effectiveness of local authorities//POLITEX. 2017. №4. S. 49-63.

[7] Rzhevskaya M.A. Local self-government reform-2025: balance between centralization and municipal autonomy/M.A. Rzhevskaya, A.I. Tiptsova, M.D. Dzagiev//Local self-government reform 2025: financial, legal, organizational aspects: Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, June 30, 2025. Saratov: Limited Liability Company KUBiK Publishing House, 2025. S. 58-61.

[8] Ovchinnikov I. I. Local self-government in the Russian Federation (theoretical, historical and legal aspects): monograph. M.: Consulting banker, 2018. 186 pp.

[9] Koneva N.S. Systemic contradictions of the constitutional model of local self-government of Russia: immanent dialectics of doctrine and practice// Municipal service: legal issues. 2025. № 04. S. 2-6.

[10] Baghdasaryan S.D., Grishina T.M. Historical roots of local self-government in Russia//Bulletin of Armavir State Pedagogical University. 2022. №1. S. 89-97.

[11] Chikhladze L.T. Development of local self-government within the framework of the concept of federal laws “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” dated August 28, 1995 No. 154-FZ and “On General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” dated October 6, 2003 No. 131-FZ//Bulletin of Moscow University. 2015. №4. S. 40-48.

[12] Abramova P.E., Kuznetsov S.P. Reform of local self-government in connection with the adoption of Federal Law No. 33-FZ of 2025//Problems of law. 2025. №4 (100). S. 31-37.

[13] Kovalev I.P. Local government reform of 2025: consequences, difficulties and ways of resolution//Law and law. 2026. №1. S. 50-55.

[14] Law of the USSR of April 9, 1990 N 1417-I “On the general principles of local self-government and local economy in the USSR” (expired)//Vedomosti of the Congress of People’s Deputies of the USSR and the USSR Armed Forces. 1990. № 16. Art. 267.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-136-142

КИРИЛЛОВА Татьяна Константиновна,
профессор, доктор юридических наук,
профессор кафедры гражданского права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: tania.kirillova.gmail.com@yandex.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА ФССП РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем принудительного исполнения исполнительных документов неимущественного характера Федеральной службой судебных приставов России. Рассматривается нормативно-правовая база, регулирующая процесс исполнения таких документов, начиная с исторического развития службы судебных приставов после распада СССР и заканчивая современными полномочиями и процедурами. Автор выделяет ключевые категории исполнительных производств неимущественного характера, такие как, восстановление на работе, выселение или вселение, административное приостановление деятельности, выдворение иностранцев, выполнение обязательных работ, передача или отобрание детей, удаление порочащей информации из интернета. В настоящей статье дается сходство и отличие исполнительных документов имущественного характера от исполнительных документов неимущественного характера. Подробно описаны процедуры возбуждения исполнительного производства, проверки исполнительных документов, применения санкций за неисполнение требований, включая исполнительский сбор и административные штрафы. Изучаются механизмы принудительного исполнения службой судебных приставов России исполнительных документов неимущественного характера. Особое внимание уделяется мерам принуждения, применяемым судебными приставами, таким, как составление протоколов об административных правонарушениях, установление новых сроков для исполнения, а также возможные изменения в законодательстве для повышения эффективности исполнения требований неимущественного характера. Рассматриваются вопросы, связанные с проблематикой исполнения исполнительных документов неимущественного характера. Раскрываются общие методы, применимые к должникам в ходе принудительного исполнения требований исполнительного документа неимущественного характера. Автором предлагается увеличение размеров штрафов, а также введение альтернативных мер наказания, таких, как обязательные работы или административный арест для усиления мотивации должников к исполнению требований.*

Ключевые слова: *ФССП России, принудительное исполнение, административное право, конституционное право.*

KIRILLOVA Tatyana Konstantinovna,
Professor, Doctor of Law, Professor in the Department of Civil Law
at the Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

ENFORCEMENT OF NON-PROPERTY-RELATED EXECUTIVE DOCUMENTS BY THE FEDERAL SERVICE FOR JUDICIAL BAILIFFS OF RUSSIA

Annotation. *This article examines the enforcement of non-property writs of execution by the Federal Bailiff Service of Russia. It examines the legal framework governing the enforcement of such writs, beginning with the historical development of the bailiff service after the collapse of the USSR*

and ending with its current powers and procedures. The author identifies key categories of non-property enforcement proceedings, such as reinstatement, eviction or relocation, administrative suspension of activities, expulsion of foreigners, compulsory work, the transfer or removal of children, and the removal of defamatory information from the internet. This article provides an interpretation and distinction between property-based and non-property-based writs of execution. It describes in detail the procedures for initiating enforcement proceedings, verifying writs of execution, and applying sanctions for failure to comply, including enforcement fees and administrative fines. The article examines the mechanisms for the enforcement of non-property writs of execution by the Federal Bailiff Service of Russia. Particular attention is given to enforcement measures used by bailiffs, such as drawing up administrative offense reports, establishing new deadlines for enforcement, and potential legislative changes to improve the efficiency of enforcement of non-pecuniary claims. Issues related to the enforcement of non-pecuniary writs of execution are examined. General methods applicable to debtors during the enforcement of non-pecuniary writs of execution are discussed. The author proposes increasing fines and introducing alternative penalties, such as community service or administrative arrest, to increase debtor compliance.

Key words: *Federal Bailiff Service of Russia, enforcement, administrative law, constitutional law.*

Целями настоящей статьи являются выявление проблематики принудительного исполнения исполнительных документов неимущественного характера Федеральной службой судебных приставов России.

Анализируется нормативная база, регулирующая порядок принудительного исполнения.

Основные задачи настоящей статьи заключаются в рассмотрении вопроса принудительного исполнения требований исполнительных документов неимущественного характера.

Методологическую основу составляют общенаучные методы познания: диалектический метод, исторический, логический; и частно-научные методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический и другие.

Современная служба судебных приставов начала формироваться после распада СССР. В 1997 году был принят Федеральный закон «О судебных приставах», который определил статус, права и обязанности судебных приставов. В этом же году был принят федеральный закон № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», который на законодательном уровне сформировал и определил полномочия, а также порядок принудительного исполнения судебным приставом исполнительных документов. [1, С. 279-283].

Сегодня Федеральная служба судебных приставов России исполняет требования исполнительного документа по всем категориям споров, предметов и составам рассматриваемых судами дел. В компетенцию ФССП России входит не только исполнение исполнительных документов, выдаваемых судами РФ, но также и исполнение исполнительных документов, издаваемых уполномоченными на то органами государственной власти, исполнительных надписей нотариусов, постановлений должностных лиц и т.д.

При поступлении исполнительного документа в службу судебных приставов России он проходит анализ со стороны должностного лица. Исполнительный документ проверяется на соответствие требованиям, содержащимся в статье 13 Федерального закона № 229 «Об исполнительном производстве». К наиболее распространённым требованиям, которые должны содержаться в исполнительном документе, относится: печать и подпись органа или должностного лица, вынесшего данный исполнительный документ; сведения о взыскателе, должнике; дата принятия судебного акта, акта другого органа или должностного лица; дата вступления в законную силу судебного акта, акта другого органа или должностного лица либо указание на немедленное исполнение.

После проверки исполнительного документа на соответствие всем требованиям, содержащимся в законе, должностное лицо выносит постановление о возбуждении исполнительного производства. В случае несоответствия исполнительного документа нормам, установленным законом, должностное лицо выносит постановление об отказе в возбуждении исполнительного производства.

Выносимые уполномоченными органами или должностными лицами исполнительные документы можно разделить на два вида. К первому виду исполнительных документов относятся исполнительные документы имущественного характера.

Исполнительный документ имущественного характера – это исполнительный документ, выносимый уполномоченным на то органом или должностным лицом, направленный на удовлетворение требований взыскателя, связанных с имущественным или финансовым положением должника, реализуемых посредством отчуждения

денежных средств или иных имущественных благ должника в пользу кредитора (взыскателя).

Исполнительный документ имущественного характера является наиболее распространённым и исполняемым в Федеральной службе судебных приставов России.

Ко второму виду исполнительных документов относятся исполнительные документы неимущественного характера.

Исполнительный документ неимущественного характера – это исполнительный документ, выносимый уполномоченным на то органом или должностным лицом, не связанный напрямую с удовлетворением материального, финансового положения взыскателя (истца), целью которого является обязание должника совершить те или иные действия, не направленные на отчуждение денежных средств.

В силу пункта 1 статьи 12 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» в процессе принудительного исполнения судебных актов и актов других органов, предусмотренных законом об исполнительном производстве, судебный пристав-исполнитель принимает меры по своевременному, полному и правильному исполнению исполнительных документов. [2, С. 73-77].

Глава 13 Федерального закона № 229 «Об исполнительном производстве» разделяет на виды исполнительные производства о принудительном исполнении требований исполнительных документов неимущественного характера. В соответствии с данной главой можно выделить следующие категории исполнительных производств неимущественного характера: исполнение содержащегося в исполнительном документе требования о восстановлении на работе; исполнение содержащегося в исполнительном документе требования о выселении, вселении; исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности должника; исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об административном выдворении за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства; исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об отбывании обязательных работ; исполнение содержащихся в исполнительных документах требований об отобрании или о передаче ребенка, порядке общения с ребенком; исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об удалении информации, распространяемой в сети «Интернет», порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица.

Рассмотрим все виды исполнительных производств неимущественного характера. Прежде чем рассматривать виды исполнительных производств, следует определить общие меры принудительного характера, применимые при принудительном исполнении требований исполнительных документов неимущественного характера.

По общему правилу, установленному статьей 112 Федерального закона № 229 «Об исполнительном производстве», в случае неисполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе без уважительной причины в течение пятидневного срока в отношении должника применяются меры санкционного характера в виде наложения на должника штрафа, именуемого исполнительским сбором.

Часть 1 статьи 112 Федерального закона № 229 «Об исполнительном производстве» определяет, что исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также в случае неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства. Исполнительский сбор зачисляется в федеральный бюджет.

Сумма исполнительского сбора по требованиям неимущественного характера для физических лиц составляет 10 000 рублей, для юридических лиц -100 000 рублей.

В случае неисполнения требований неимущественного характера в течение пятидневного срока с момента получения должником постановления о возбуждении исполнительного производства, судебный пристав-исполнитель выносит в отношении должника постановление о взыскании исполнительского сбора, тем самым понуждая должника к исполнению требований исполнительного документа. В постановлении о взыскании исполнительского сбора судебный пристав-исполнитель указывает новый срок для исполнения требований исполнительного документа должником. Данный срок устанавливается судебным приставом-исполнителем самостоятельно с учетом разумности и справедливости. Исполнительский сбор выносится единожды и не может устанавливаться повторно по тому же самому исполнительному документу.

В случае, если должник не исполнил требования исполнительного документа в сроки, установленные в постановлении судебного пристава-исполнителя о взыскании исполнительского сбора, то в отношении должника применяются

меры административного характера в виде привлечения должника к административной ответственности в соответствии со статьей 17.15 КоАП РФ.

Часть 1 статьи 17.15 КоАП РФ предусматривает, что неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок, установленный судебным приставом-исполнителем после вынесения постановления о взыскании исполнительского сбора - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц - от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей.

Судебный пристав-исполнитель, установив факт неисполнения должником требований неимущественного характера в сроки, установленные постановлением о взыскании исполнительского сбора, составляет в отношении должника протокол об административном правонарушении, предусмотренный ч.1 ст. 17.15 КоАП РФ. После составления протокола об административном правонарушении материалы дела передаются на рассмотрение начальнику отдела или заместителю начальника отдела, уполномоченного рассматривать дело об административном правонарушении. Уполномоченное лицо рассматривает протокол, составленный судебным приставом-исполнителем и, в случае соответствия его закону, выносит постановление об административном правонарушении, налагая на должника административный штраф.

После вынесения постановления об административном правонарушении судебный пристав-исполнитель выносит процессуальный документ, устанавливающий новый срок для исполнения должником требований исполнительного документа. Привлечение должника к административной ответственности, предусмотренной ч.1 ст. 17.15 КоАП РФ осуществляется единожды и повторно к должнику не применяется.

В случае, если должником требования исполнительного документа не исполнены в сроки, установленные судебным приставом-исполнителем после вынесения постановления об административном правонарушении, предусмотренной ч. 1 ст. 17.15 КоАП РФ, судебный пристав-исполнитель составляет протокол об административном правонарушении, предусмотренном ч.2 ст. 17.15 КоАП РФ.

Часть 2 статьи 17.15 КоАП РФ устанавливает, что неисполнение должником содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок, вновь установленный судебным приставом-исполнителем после наложения административного штрафа - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц - от пятнадцати тысяч до двадцати тысяч рублей; на юридических лиц - от пятидесяти тысяч до семидесяти тысяч рублей. После привлечения должника к административной ответственности по ч.2 ст. 17.15 КоАП РФ судебный пристав-исполнитель вновь устанавливает новый срок для исполнения требований исполнительного документа должником. Привлечение должника к административной ответственности по ч. 2 ст. 17.15 КоАП РФ может осуществляться без ограничений по количеству, вплоть до исполнения должником требований исполнительного документа.

Исполнение содержащегося в исполнительном документе требования о восстановлении на работе осуществляется посредством применения к должнику (работодателю) исполнительских действий, направленных на понуждение должника восстановить незаконно уволенного работника (взыскателя) на прежнее место работы. Исполнение требований исполнительного документа о восстановлении на работе взыскателя считается исполненным, когда взыскатель приступает к выполнению своих трудовых обязанностей, а незаконный приказ об увольнении считается отмененным. В случае неисполнения должником требования о восстановлении на работе уволенного или переведенного работника судебный пристав-исполнитель разъясняет взыскателю его право обратиться в суд или другой орган, принявший решение о восстановлении его на работе, с заявлением о взыскании с должника среднего заработка за время вынужденного прогула или разницы в заработке за все время со дня вынесения решения о восстановлении на работе по день исполнения исполнительного документа.

Исполнение содержащегося в исполнительном документе требования о выселении должника, вселении взыскателя осуществляется в принудительном порядке вне зависимости от воли и желания должника. В случае, если должник в течение установленного срока для добровольного исполнения содержащегося в исполнительном документе требования о его выселении не освободил жилое помещение, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании с должника исполнительского сбора, устанавливает должнику новый срок для выселения и предупреждает его, что по истечении указанного срока принудительное выселение будет производиться без дополнительного извещения должника. Исполнение требования о выселении или об осво-

бождении нежилого помещения (об обязании должника освободить нежилое помещение) включает в себя освобождение помещения, указанного в исполнительном документе, от должника, его имущества, домашних животных и запрещение должнику пользоваться освобожденным помещением. Выселение должника из жилого помещения может осуществляться судебным приставом-исполнителем в принудительном порядке. При осуществлении вскрытия жилого помещения для принудительного выселения при совершении исполнительных действий обязательно участие двух понятых и участкового уполномоченного полиции. В случае, если должник не освободил жилое помещение от своих вещей, судебный пристав-исполнитель составляет акт-опись имущества должника и устанавливает ответственного хранителя данного имущества. По общему правилу ответственным хранителем является взыскатель или иной собственник жилого помещения, в котором находятся вещи должника. Если должник не освобождает жилое помещение от вещей, описанных судебным приставом-исполнителем, то указанные вещи выставляются на публичные торги и продаются. Денежные средства, реализованные от продажи имущества должника возвращаются должнику с учетом удержания издержек, понесенных при совершении исполнительных действий.

При осуществлении вселения должника в жилое помещение исполнение исполнительного документа считается исполненным при условии, что взыскатель беспрепятственно входит в указанное в исполнительном документе помещение и его проживание (пребывание) в нем осуществляется беспрепятственно.

Исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности должника заключается во временном прекращении деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также прекращении эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг. Статья 109 ФЗ №229 «Об исполнительном производстве» предусматривает, что при исполнении содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности судебный пристав-исполнитель производит наложение пломб, опечатывание помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей, касс должника, а также применяет другие меры по административному приостановлению деятельности должника. При этом судебный пристав-исполнитель не вправе применять меры, влекущие необратимые последствия для производственного процесса, а также для функционирования и сохранности объектов жизнеобеспечения.

Исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об административном выдворении за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства заключается в приобретении проездного документа для указанных лиц, препровождении до пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации и официальной передаче указанных лиц пограничным органам.

Часть 4 статьи 109.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве» устанавливает, что судебный пристав-исполнитель не позднее дня, следующего за днем поступления к нему документов об административном водворении, выносит постановление о препровождении иностранного гражданина или лица без гражданства до пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации. Часть 5 названной статьи предусматривает, что постановление судебного пристава-исполнителя о препровождении иностранного гражданина или лица без гражданства до пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации утверждается старшим судебным приставом или его заместителем и передается (направляется) для исполнения судебному приставу по обеспечению установленного порядка деятельности судов.

Исполнение исполнительных документов об административном выдворении иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы территории Российской Федерации осуществляется совместно с органами внутренних дел. Исполнение исполнительных документов указанной категории считается исполненным, когда от территориальных пограничных органов места выдворения должника поступает информация о поступлении должника на территорию государства, в которое по исполнительному документу должен быть выдворен иностранный гражданин.

Исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об отбывании обязательных работ заключается в направлении должника в организацию, включенную в перечень организаций, в которых лица, которым назначено административное наказание в виде обязательных работ, отбывают обязательные работы. Судебный пристав-исполнитель при исполнении исполнительных документов указанной категории обязан осуществлять контроль за отбыванием

должником обязательных работ. Отбывание обязательных работ должником осуществляется по месту его жительства.

Часть 5 статьи 109.2 Федерального закона «Об исполнительном производстве» устанавливает, что время обязательных работ в выходные дни и дни, когда должник не занят на основной работе, службе или учебе, не может превышать четырех часов; в рабочие дни - двух часов после окончания работы, службы или учебы. На основании письменного заявления должника максимальное время обязательных работ в выходные дни и дни, когда должник не занят на основной работе, службе или учебе, судебный пристав-исполнитель вправе увеличить до восьми часов; в рабочие дни - до четырех часов после окончания работы, службы или учебы. Время обязательных работ в течение недели, как правило, не может быть менее двенадцати часов. При наличии уважительных причин судебный пристав-исполнитель вправе разрешить должнику отработать в течение недели меньшее количество часов.

Исполнение содержащихся в исполнительных документах требований об отобрании или о передаче ребенка осуществляется судебным приставом-исполнителем в принудительном порядке при необходимости с привлечением органов опеки и попечительства, а также с участием детского психолога. По факту совершения отобрания ребенка судебным приставом-исполнителем составляется акт, в котором отображаются совершаемые судебным приставом-исполнителем исполнительские действия по отобранию ребенка.

Исполнение содержащихся в исполнительных документах требований о порядке общения ребенка заключается в обеспечении судебным приставом-исполнителем беспрепятственного общения взыскателя с ребенком.

Часть 4 ст. 109.3 Федерального закона «Об исполнительном производстве» устанавливает, что при исполнении исполнительного документа, содержащего требование о порядке общения с ребенком, судебный пристав-исполнитель должен установить, что должник не препятствует общению взыскателя с ребенком. После установления данного факта судебный пристав-исполнитель оканчивает исполнительное производство в соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 47 настоящего Федерального закона «Об исполнительном производстве». В случае необходимости повторного совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения постановление судебного пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства отменяется по заявлению взыскателя старшим судебным приставом или его заместителем.

Исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об удалении информации, распространяемой в сети «Интернет», порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица заключается обязании должника удалить информацию, порочащую честь, достоинство или деловую репутацию из сети «Интернет».

Часть 1 статьи 109.4 Федерального закона «Об исполнительном производстве» гласит, что в случае, если должник в течение срока, установленного для добровольного исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об удалении информации, распространяемой в сети «Интернет», порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица, не удалил указанную информацию, судебный пристав-исполнитель выносит постановление о взыскании исполнительского сбора и постановление об ограничении доступа к информации, распространяемой в сети «Интернет», порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица.

К исполнительным производствам неимущественного характера также относятся и другие требования, связанные с неимущественным предметом исполнения, такие как: обязание должника совершить те или иные действия, изъятие имущества, запрет на совершение определённых действий и т. д. Законодатель предоставляет судебному приставу-исполнителю комплекс мер, побуждающих должника исполнить требования неимущественного характера, таких, как взыскание исполнительского сбора или привлечение должника к административной ответственности с последующим взысканием административного штрафа. На сегодняшний день в сфере принудительного исполнения требований неимущественного характера следует изменить сумму, подлежащую взысканию с должников, не исполняющих требований исполнительного документа. Следует увеличить сумму исполнительского сбора, а также сумму административного штрафа с целью побуждения должника к принудительному исполнению. Также следует рассмотреть возможность применения к должнику мер административного характера в виде отправления должников на обязательные работы сроком на 12 часов или административного ареста на срок до двух суток. Таким образом, должники, понимая тяжесть последствий неисполнения требований неимущественного характера, осуществляли бы исполнение требований исполнительного документа в кратчайшие сроки.

Список литературы:

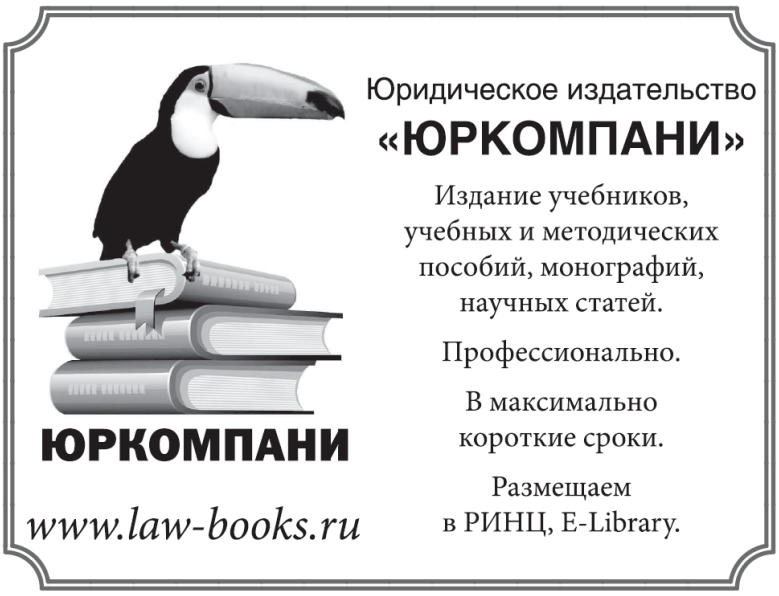
[1] Историческое развитие и становление службы судебных приставов России / Т. К. Кириллова, И. А. Беланов, Н. Н. Великая [и др.] // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : Сборник научных трудов XI Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 апреля 2025 года. – Самара: ООО «Поволжская научная корпорация», 2025. – С. 279-283. – EDN IJVOKB.

[2] Кириллова, Т. К. Неуплата алиментов на содержание несовершеннолетних детей как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Т. К. Кириллова // Образование и право. – 2025. – № 12. – С. 73-77. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-73-77. – EDN KMTVOB.

References:

[1] The historical development and formation of the service of bailiffs of Russia/T. K. Kirillova, I. A. Belanov, N. N. Velikaya [et al.]//Human rights activities in modern Russia: problems and their solutions: Collection of scientific works of the XI International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 24, 2025. - Samara: Volga Scientific Corporation LLC, 2025. - S. 279-283. – EDN IJVOKB.

[2] Kirillova, T. K. Non-payment of alimony for the maintenance of minor children as a threat to the national security of the Russian Federation/T. K. Kirillova//Education and law. – 2025. – № 12. - S. 73-77. – DOI 10.24412/2076-1503-2025-12-73-77. – EDN KMTVOB.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-143-147

ВАЛОВ Кирилл Дмитриевич,
Старший преподаватель кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»,
e-mail: kerill97@mail.ru

ГАРАНТИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПУБЛИЧНОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА)

Аннотация. *В статье исследуются гарантии соблюдения прав субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении публичного контроля (надзора) в условиях реформирования контрольно-надзорного законодательства. Цель исследования состоит в выявлении содержания и пределов действия правовых гарантий, обеспечивающих защиту предпринимателей от несоразмерного и процедурно дефектного вмешательства контрольных органов. Для достижения указанной цели решаются задачи по анализу конституционных оснований защиты свободы экономической деятельности, изучению положений Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», а также подзаконных актов, регулирующих ведение единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и особенности осуществления контроля в специальных правовых режимах. Особое внимание уделено соотношению профилактических и контрольных мероприятий, проблемам досудебного обжалования, цифровой фиксации контрольных действий и сохранению фрагментарности правового регулирования вследствие параллельного действия различных законодательных моделей. По результатам исследования обоснован вывод о том, что действующая система гарантий в целом сформирована, однако ее эффективность снижается из-за недостаточной определенности отдельных процедур и неполной унификации нормативного массива. Практическое значение исследования состоит в возможности использования сформулированных выводов и предложений при совершенствовании законодательства о государственном контроле (надзоре), в правоприменительной деятельности контрольных органов, а также в практике защиты прав предпринимателей в административном и судебном порядке.*

Ключевые слова: *публичный контроль (надзор), предпринимательская деятельность, гарантии прав, обязательные требования, профилактический визит, досудебное обжалование, контрольные мероприятия, административно-правовое регулирование.*

VALOV Kirill Dmitrievich,
Senior Lecturer at the Department of Public Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

GUARANTEES OF OBSERVANCE OF THE RIGHTS OF BUSINESS ENTITIES IN THE EXERCISE OF PUBLIC CONTROL (SUPERVISION)

Annotation. *The article examines guarantees for the protection of the rights of business entities in the course of public control (supervision) within the framework of the ongoing reform of control and supervisory legislation. The purpose of the study is to identify the content and limits of legal guarantees aimed at protecting entrepreneurs from disproportionate and procedurally defective interference by supervisory authorities. To achieve this goal, the study addresses the constitutional foundations of the protection of freedom of economic activity, analyzes the provisions of Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation," Federal Law No. 247-FZ of July 31, 2020 "On Mandatory Requirements in the Russian*

Federation," as well as subordinate legal acts governing the unified register of control (supervisory) measures and the specific features of supervisory activities under special legal regimes. Particular attention is paid to the correlation between preventive and control measures, the problems of mandatory pre-trial appeal, digital recording of supervisory actions, and the persistence of fragmented legal regulation due to the parallel operation of different legislative models. The study concludes that the current system of legal guarantees has generally been established, but its effectiveness is reduced by the insufficient clarity of certain procedures and the incomplete unification of the regulatory framework. The practical significance of the study lies in the possibility of using its conclusions and proposals to improve legislation on state control (supervision), in the law enforcement practice of supervisory authorities, and in the protection of entrepreneurs' rights in administrative and judicial proceedings.

Key words: *public control (supervision), entrepreneurial activity, rights guarantee, mandatory requirements, preventive visit, pre-trial appeal, control measures, administrative legal regulation.*

Введение

Гарантии соблюдения прав субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении публичного контроля (надзора) должны рассматриваться как производные от конституционного статуса свободы экономической деятельности, права собственности, а также права на государственную и судебную защиту. Статьи 34, 35, 45, 46 и 55 Конституции Российской Федерации допускают публичное вмешательство в предпринимательскую сферу лишь при его нормативной определенности, соразмерности и судебной проверяемости, поэтому контроль не может быть сведен к ведомственному усмотрению и должен быть связан с заранее установленными пределами. По мнению И.И. Василишина, общее число проверок с 2019 по 2023 г. сократилось в 4 раза - с 1,5 млн до 353,9 тыс., причем бизнеса в 2023 г. коснулась только четверть таких мероприятий [3]. По мнению того же автора, отмена более 140 тыс. обязательных требований, то есть около 40 % действовавших правил, позволила бизнесу экономить порядка 200 млрд рублей ежегодно [3]. Однако количественное снижение контрольной нагрузки само по себе не свидетельствует о достаточности юридических гарантий, поскольку вопрос заключается не только в числе проведенных мероприятий, но и в качестве процедурной модели, в пределах которой осуществляется публичное вмешательство в предпринимательскую деятельность.

Материалы и методы исследований

В рамках настоящего исследования в качестве основного материала использованы нормативно-правовые акты, регулирующие осуществление государственного контроля (надзора) и обеспечивающие гарантии защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, включая Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а также подзаконные нормативные акты, в том числе постановление Правительства Российской Федерации от 16.04.2021 № 604 и постановление Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 № 336. В дополнение к нормативному материалу рассмотрены научные публикации отечественных правоведов, посвященные вопросам контрольно-надзорной реформы, обязательных требований, профилактических мероприятий, цифровизации контроля и административного обжалования. Методологическую основу исследования составили формально-юридический анализ нормативных предписаний, систематизация правовых гарантий, закрепленных в законодательстве о публичном контроле, сопоставительный анализ законодательных и подзаконных механизмов защиты прав контролируемых лиц, а также аналитическая интерпретация статистических данных и научных выводов, содержащихся в работах современных российских исследователей. Применение комплексного подхода позволило установить взаимосвязь между нормативной конструкцией контрольной деятельности, пределами административного усмотрения и эффективностью механизмов защиты прав субъектов предпринимательства, что предопределяет обращение к анализу действующего отраслевого регулирования.

Результаты и обсуждения

Ключевое значение в рассматриваемой сфере имеет Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 248-ФЗ»). Статья 9 Федерального закона № 248-ФЗ закрепляет соразмерность вмешательства объ-

ему вреда либо угрозы вреда охраняемым законом ценностям, тем самым переводя конституционный принцип пропорциональности в процедурную плоскость. Глава 8 указанного закона формирует специальный блок гарантий: статья 36 предоставляет контролируемому лицу право присутствовать при мероприятии, давать пояснения, получать сведения об основаниях внепланового контроля, знакомиться с результатами, обжаловать действия должностных лиц и привлекать уполномоченных по защите прав предпринимателей; пункт 7 той же статьи допускает отказ в доступе инспектору при отсутствии либо некорректности двухмерного кода, ведущего в единый реестр. Статья 37, в свою очередь, запрещает инспектору выходить за пределы полномочий и совершать действия, не предусмотренные решением о мероприятии, а статья 38 предусматривает возмещение вреда, включая упущенную выгоду, если незаконность действий органа подтверждена в установленном порядке. Вместе с тем названные гарантии приобретают практическое значение лишь в том случае, когда контролируемое лицо способно проверить законность самого основания вмешательства и добиться аннулирования его результатов при наличии существенного процедурного дефекта.

Именно поэтому статья 91 Федерального закона № 248-ФЗ имеет принципиальное значение для всей модели защиты предпринимателя, поскольку придает гарантиям не декларативный, а пресекательный характер. К грубым нарушениям отнесены отсутствие оснований для проведения мероприятия, отсутствие обязательного согласования с прокуратурой, нарушение требований об уведомлении, принятие решения на основе актов, не являющихся обязательными требованиями, а также проведение мероприятия, предполагающего взаимодействие с контролируемым лицом, вне единого реестра. В данном контексте правовая ценность цифровой фиксации обусловлена не удобством администрирования, а возможностью немедленной проверки законности контрольного вмешательства. Эту функцию конкретизирует Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий и о внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2015 г. № 415» от 16.04.2021 № 604 (далее – «Постановление Правительства № 604»), устанавливающее порядок ведения единого реестра и состав сведений, подлежащих обязательному внесению. По мнению Д.Р. Алимпеева, ни одно контрольное мероприятие не может пройти «без фиксации в соответствующем реестре» и «без привязки к нарушению... конкретного обязательного требования» [1]. Следовательно, цифровой реестр выступает не вспомогательным техническим ресурсом, а процессуальным элементом доказывания законности контроля, что непосредственно связано с качеством самих обязательных требований.

Указанная проблема урегулирована Федеральным законом «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 247-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 247-ФЗ»). В статье 7 Федерального закона № 247-ФЗ закреплено, что содержание обязательных требований должно быть ясным, логичным, понятным и непротиворечивым, а статья 3 предусматривает, что такие требования, как общее правило, вступают в силу либо с 1 марта, либо с 1 сентября и не ранее чем через 90 дней после официального опубликования. Самостоятельное гарантийное значение имеет статья 14 Федерального закона № 247-ФЗ, запрещающая официальным разъяснениям и руководствам по соблюдению обязательных требований устанавливать новые обязанности либо изменять содержание действующих предписаний; кроме того, деятельность лица, осуществляемая в соответствии с такими разъяснениями, не может квалифицироваться как нарушение. По мнению Ю.Н. Величинской, принципы Федерального закона № 247-ФЗ имеют конституционно-правовую природу и фактически формируют тест на соразмерность ограничений в экономической сфере [4]. Вместе с тем, по мнению М.Б. Кабановой, в действующем законодательстве сохраняется «смешение понятий «профилактика» и «контроль»» [5], что позволяет поставить вопрос о том, насколько последовательно действующее регулирование разграничивает предупредительные и властно-принудительные элементы публичного воздействия.

Наиболее отчетливо данное противоречие проявляется в регулировании профилактического визита и специальных временных режимов контроля. Постановление Правительства Российской Федерации «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» от 10.03.2022 № 336 (далее – «Постановление Правительства № 336») существенно ограничило объем плановых мероприятий и установило закрытый перечень оснований для значительной части внепланового контроля, включая случаи непосредственной угрозы причинения вреда жизни и здоровью, безопасности государства, возникновения чрезвычайных ситуаций, а также выявления индикаторов риска нарушения обязательных требований. Одновременно указанное постановление допускает замену отдельных плановых мероприятий профилактическим визитом, от которого контролируемое лицо в

ряде случаев не вправе отказаться. При этом статья 52 Федерального закона № 248-ФЗ в действующей редакции предусматривает, что в ходе профилактического визита инспектор не только информирует контролируемое лицо, но и знакомится с объектом контроля, собирает сведения и оценивает уровень соблюдения обязательных требований. По мнению М.Б. Кабановой, «основным принципом контрольно-надзорной реформы является приоритет предупредительных мер над контрольными» [5], однако, по мнению К.Д. Валова, более 60 % контрольных мероприятий завершаются формальными предписаниями без выявления существенных нарушений [2]. При таком нормативном сочетании возникает риск того, что профилактический визит фактически начинает выполнять функцию упрощенного собирания доказательственной информации вне полного объема процессуальных гарантий, предусмотренных для контрольных мероприятий, а это неизбежно выводит исследование к проблеме обжалования.

Механизм защиты от неправомерного вмешательства завершает статья 39 Федерального закона № 248-ФЗ, согласно которой судебное обжалование для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, допускается только после досудебного обжалования. По мнению А.В. Носенко, административный порядок обжалования обладает самостоятельным значением в механизме защиты прав контролируемых лиц, однако его эффективность требует дальнейшего повышения [7]. Практическую значимость данной стадии подтверждает и судебная статистика: по мнению Д.М. Мустафиной-Бредихиной, за первое полугодие 2022 г. в арбитражные суды поступило 27 741 дело об оспаривании ненормативных актов, решений и действий публичных органов, причем по 34 % дел требования были удовлетворены; в суды общей юрисдикции поступило 190 966 дел о защите прав, возникающих из административных и иных публичных правоотношений [6]. Тот же автор обоснованно указывает, что «аннулированию лицензии должна предшествовать выдача предписания» [6], поскольку в противном случае пресекательная мера становится несоразмерной и ограничивает экономическую самостоятельность хозяйствующего субъекта. Следовательно, досудебная и судебная формы защиты должны оцениваться как взаимосвязанные элементы единого гарантийного механизма, эффективность которого в настоящее время во многом зависит от степени унификации процедур публичного контроля.

Проблема неполной унификации сохраняется и в связи с тем, что Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 26.12.2008 № 294-ФЗ (далее – «Федеральный закон № 294-ФЗ») продолжает применяться до 31.12.2028 по видам контроля, перечисленным в статье 26.3. Такая конструкция препятствует формированию полностью единой системы гарантий, поскольку наряду с Федеральным законом № 248-ФЗ продолжают действовать специальные массивы процедур, исторически построенные на иной модели контрольной деятельности. По мнению И.И. Василишина, законодательство о контроле «не стало обладать такими важными свойствами права, как стабильность и определенность» [3], а по мнению К.Д. Валова, «обилие правовых коллизий между федеральными и ведомственными актами» требует нормативной трансформации [2]. В этой связи представляется необходимым дополнить статью 52 Федерального закона № 248-ФЗ прямым запретом использовать сведения, полученные в ходе профилактического визита, как самостоятельное основание для итогового властного решения вне процедуры контрольного мероприятия; скорректировать статью 39 Федерального закона № 248-ФЗ, предусмотрев право на непосредственное судебное обращение по спорам о приостановлении деятельности, аннулировании лицензии и иных мерах, влекущих немедленные существенные экономические последствия; а также нормативно обеспечить увязку положений Федерального закона № 247-ФЗ и Постановления Правительства № 604 таким образом, чтобы каждое контрольное мероприятие в едином реестре сопровождалось указанием конкретного обязательного требования, его официального разъяснения и даты вступления его в силу. Дальнейшее развитие рассматриваемого регулирования, таким образом, связано не с расширением дискреции контрольных органов, а с последующим усилением формализованных и проверяемых гарантий прав предпринимателя.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что действующее законодательство сформировало нормативную основу защиты прав субъектов предпринимательской деятельности при осуществлении публичного контроля (надзора), однако степень ее эффективности остается зависимой от внутренней согласованности законодательных и подзаконных предписаний, а также от единообразия правоприменительной практики. Федеральный закон № 248-ФЗ закрепил значительный объем процедурных гарантий, Федеральный закон № 247-ФЗ установил требования к качеству и

определенности обязательных предписаний, а подзаконные акты конкретизировали порядок цифровой фиксации контрольных мероприятий и особенности временных режимов контроля. Вместе с тем сохранение смешения между профилактическими и контрольными формами воздействия, обязательность досудебного порядка по всем категориям предпринимательских споров, а также продолжающееся параллельное действие Федерального закона № 294-ФЗ свидетельствуют о наличии нерешенных нормативных противоречий. Вследствие этого дальнейшее совершенствование системы гарантий должно быть ориентировано на устранение законодательной обрывочности, уточнение процессуальных границ профилактических мероприятий, расширение возможностей непосредственной судебной защиты по наиболее чувствительным для предпринимателя категориям дел и укрепление связи между содержанием обязательного требования и основаниями конкретного контрольного вмешательства.

Список литературы:

[1] Алимпеев Д. Р. Информатизация государственного контроля (надзора): в поисках вектора административно-правового регулирования // NB: Административное право и практика администрирования. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2306-9945.2024.3.71846.

[2] Валов К. Д. Правовое регулирование административных регламентов и процедур проверок в сфере государственного контроля за предпринимательской деятельностью // Современный ученый. 2025. № 8. С. 431–436.

[3] Василишин И. И. Соблюдение прав предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора): отдельные вопросы прокурорского надзора // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. № 4 (853). С. 92–98.

[4] Величинская Ю. Н. Принципы права: проблемы применения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1. С. 180–207.

[5] Кабанова М. Б. Контрольно-надзорная реформа: новеллы законодательства, направленные на профилактику нарушений, допускаемых субъектами предпринимательской деятельности // Криминалистъ. 2023. № 2 (43). С. 144–148.

[6] Мустафина-Бредихина Д. М. Практика административного судопроизводства в ходе централизованной контрольно-надзорной деятельности публичной администрации по делам о нарушении обязательных требований // Российское правосудие. 2023. № 2. С. 60–71.

[7] Носенко А. В. Административное обжалование в механизме защиты прав контролируемых лиц // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 88–94.

References:

[1] Alimpeev D.R. Informatization of state control (supervision): in search of a vector of administrative and legal regulation//NB: Administrative law and administration practice. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2306-9945.2024.3.71846.

[2] Valov K. D. Legal regulation of administrative regulations and inspection procedures in the field of state control over entrepreneurial activity//Modern scientist. 2025. № 8. S. 431-436.

[3] Vasilishin I. I. Observance of the rights of entrepreneurs in the implementation of state control (supervision): certain issues of prosecutorial supervision//Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and teaching sciences. 2024. № 4 (853). S. 92-98.

[4] Velichinskaya Yu. N. Principles of law: problems of application//Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. VOL. 15. № 1. S. 180-207.

[5] Kabanova M. B. Control and supervisory reform: novels of legislation aimed at preventing violations committed by business entities//Criminalist. 2023. № 2 (43). S. 144-148.

[6] Mustafina-Bredikhina D.M. The practice of administrative proceedings in the course of centralized control and supervisory activities of the public administration in cases of violation of mandatory requirements//Russian justice. 2023. № 2. S. 60-71.

[7] Nosenko A. V. Administrative appeal in the mechanism for protecting the rights of controlled persons//Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2024. № 4. S. 88-94.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-148-152

НИКИШОВ Павел Сергеевич,
Аспирант,
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева, Москва,
e-mail: 17000sk@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АКТОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ: «ГИБРИДНОСТЬ» ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена определению правовой природы актов территориального планирования в Российской Федерации. На основе анализа Градостроительного кодекса РФ (ГрК РФ) и актуальной судебной практики Верховного Суда РФ и кассационных судов общей юрисдикции показано, что градостроительная документация (документы территориального планирования, правила землепользования и застройки, документация по планировке территории) формирует иерархически взаимосвязанную систему и обладает неоднородной юридической природой. Обосновывается, что указанные акты в целом обладают признаками нормативности (общеобязательность, неопределенный круг адресатов, многократность применения), что прямо подтверждается разъяснениями Пленума Верховного суда РФ и судебными актами по делам об оспаривании генеральных планов, правил землепользования и застройки (ПЗЗ) и документации по планировке территории. Одновременно выявляются признаки индивидуализации, обусловленные территориальной (объектной) адресностью, закреплением границ зон и параметров застройки применительно к конкретным земельным участкам и кварталам [2]. Делается вывод о «гибридном» характере актов территориального планирования и предлагается концептуализация их как планировочно-регулятивных актов, объединяющих нормотворческую и правоприменительную функции [4]. Формулируются предложения по повышению правовой определенности: «двухслойная» модель содержания, унификация критериев судебного контроля и развитие механизмов защиты добросовестных ожиданий и компенсации убытков.*

Ключевые слова: *территориальное планирование, градостроительная документация, нормативный правовой акт, индивидуальный правовой акт, генеральный план, схема территориального планирования, правила землепользования и застройки, проект планировки территории, проект межевания территории, правовая определенность, судебное оспаривание.*

NIKISHOV Pavel Sergeevich,
Postgraduate student,
Lebedev Russian State University of Justice,
Moscow

THE LEGAL NATURE OF TERRITORIAL PLANNING ACTS: HYBRID CHARACTER OF URBAN PLANNING DOCUMENTS

Annotation. *The article examines the legal nature of territorial planning acts in the Russian Federation. Based on the Urban Planning Code and recent case law of the Supreme Court of the Russian Federation and cassation courts, the paper shows that urban planning documents (territorial planning documents, land use and development rules, and territory planning documentation) form a hierarchically interconnected system and have a non-uniform legal nature. It is argued that these acts generally possess regulatory (normative) features-general binding force, an indefinite scope of addressees, and repeated application-explicitly confirmed by Supreme Court explanations and judicial decisions on challenging general plans, zoning rules, and territory planning documentation. At the same time, they contain individualized elements due to spatial (object-based) addressing, delin-*

eation of zones and parameters applicable to specific land plots and districts. The article substantiates the hybrid nature of territorial planning acts and conceptualizes them as planning and regulatory acts combining rule-making and law-application functions. Proposals are made to enhance legal certainty, including a «two-layer» content model, unified standards of judicial review, and mechanisms to protect legitimate expectations and compensate losses.

Key words: *territorial planning, urban planning documents, regulatory act, individual act, general plan, territorial planning scheme, land use and development rules, territory planning project, land surveying project, legal certainty, judicial review.*

Введение

Акты территориального планирования (далее также - АТП) занимают центральное место в механизме публичного управления пространственным развитием. Они одновременно: (1) задают публичные ориентиры развития территорий и размещения инфраструктуры; (2) формируют юридические режимы использования земли и недвижимости; (3) выступают предпосылкой для выдачи разрешений на строительство и иных административных решений. Поэтому вопрос об их правовой природе имеет прямое прикладное значение: от квалификации АТП как нормативного либо индивидуального акта зависят процессуальные правила оспаривания, пределы судебного контроля, круг лиц, обладающих правом на обращение в суд, и последствия признания акта недействующим.

В доктрине обоснованно отмечается дискуссионность правовой природы градостроительных актов [1]. По мнению П.А. Русаковой, документы территориального планирования характеризуются значительной степенью правовой неопределенности, как и требования к содержанию этих документов, что негативным образом сказывается на общей эффективности достижения поставленных целей социально-экономического развития, а также механизма реализации норм земельного и градостроительного законодательства. При этом российская система градостроительной документации, закрепленная ГрК РФ, строится как последовательная и взаимосвязанная иерархия: документы территориального планирования (гл. 3), документы градостроительного зонирования (гл. 4) и документация по планировке территории (гл. 5). Взаимозависимость этих уровней обуславливает сочетание нормативных и индивидуализированных элементов в каждом документе.

Цель исследования - определить правовую природу АТП через анализ их содержания, функции и судебной квалификации, а также обосновать концепцию «гибридности» как устойчивого свойства градостроительной документации.

Задачи исследования:

Описать систему градостроительной документации по ГрК РФ и показать ее иерархическую связь.

Выделить критерии нормативности и индивидуализации применительно к АТП.

Проанализировать позиции Верховного Суда РФ о нормативном характере генеральных планов, схем территориального планирования, ПЗЗ и документации по планировке территории.

Показать причины сохранения индивидуально-правовых признаков и их правовые последствия.

Сформулировать предложения по повышению правовой определенности АТП.

Методология: формально-юридический метод (анализ норм ГрК РФ и процессуального законодательства), системный и функциональный подходы, анализ судебной практики (Верховный суд РФ, кассационные суды).

Система градостроительной документации по ГрК РФ как иерархическая основа последовательно состоит из: документов территориального планирования (гл. 3 ГрК РФ); документов градостроительного зонирования — правил землепользования и застройки (гл. 4 ГрК РФ); документации по планировке территории (гл. 5 ГрК РФ).

При этом схема территориального планирования муниципального района и генеральный план на муниципальном уровне выступают базой для разработки ПЗЗ и документации по планировке территории. Именно эта взаимосвязанность позволяет рассматривать перечисленные документы в совокупности как акты территориального планирования (далее также – градостроительная документация) в широком смысле — как систему публичных решений, формирующих правовой режим территории.

Документы территориального планирования имеют стратегический и юридически обязательный характер [4] и включают:

- схемы территориального планирования РФ (ст. 10 ГрК РФ);
- схемы территориального планирования субъектов РФ (ст. 13.1, 14 ГрК РФ);
- схемы территориального планирования муниципальных районов и генеральные планы поселений/городских округов/муниципальных округов (ст. 18 ГрК РФ).

Федеральная схема территориального планирования имеет повышенную юридико-управленческую значимость, поскольку:

– фиксирует объекты и земельные участки, связанные с федеральными нуждами;
– задает необходимость резервирования и возможного изъятия земель для публичных целей;
– определяет ограничения деятельности в связи с эксплуатацией или планированием федеральных объектов.

Структурно схема включает положение о территориальном планировании и карты по предметным направлениям (транспорт, оборона и безопасность, энергетика, здравоохранение, высшее образование и др.). В положении указываются сведения о видах, назначении, наименовании и характеристиках объектов федерального значения и их местоположении — то есть сочетание описательных и пространственных элементов.

Схемы территориального планирования субъектов РФ обеспечивают преемственность для генеральных планов и муниципальных схем, а их реализация ориентирована на комплексное устойчивое развитие, учитывающее экологические и социально-экономические факторы [3].

На муниципальном уровне документы территориального планирования содержат более конкретизированные решения о размещении объектов местного значения (электро- и газоснабжение, дороги местного значения, социальная инфраструктура и др.). Генеральный план, как наиболее распространенный муниципальный документ, устанавливает функциональное зонирование и направления развития инфраструктуры.

С точки зрения процедуры принятия легитимация как признак нормативности АТП выражается в следующем. Подготовка генерального плана включает формализованные процедуры: решение о подготовке, согласование (ст. 25 ГрК РФ), публичные слушания (ст. 28 ГрК РФ), утверждение представительным органом (ст. 24 ГрК РФ). Наличие процедур публичности и согласований корреспондирует нормативному характеру: акт рассчитан на длительное действие и затрагивает неопределенный круг лиц.

Нормативность актов территориального планирования подтверждается судебной практикой.

В обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 07.06.2006, 14.06.2006 «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2006 года» (Вопрос 18) разъяснено, что нормативность определяется прежде всего содержанием: общеобязательные правила поведения для неопределенного круга лиц и многократность применения имеют приоритет над процедурной формой принятия акта [5].

Пункт 2 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 50 (далее - Постановления № 50) прямо относит к актам, обладающим нормативными свойствами, в том числе решения об утверждении генерального плана и схем территориального планирования: акт может быть обязательным для неопределенного круга лиц, когда устанавливает правовой режим конкретного объекта публичного права [6].

До принятия Постановления № 50 аналогичный подход прослеживался в практике (например, Определение ВС РФ от 20.12.2017 № 60-АПГ17-11).

При этом проблемной остается формулировка ч. 3 ст. 9 ГрК РФ, указывающая на обязательность документов территориального планирования прежде всего для органов публичной власти. Судебная практика, однако, расширяет понимание «неопределенного круга лиц»: действие документа в отношении группы, объединенной общим признаком (жители территории, правообладатели участков в границах зон), также свидетельствует о нормативности (например, определения ВС РФ от 05.06.2019 № 87-КА19-1; от 30.01.2019 № 45-АПГ18-22).

Правила землепользования и застройки (ПЗЗ) устанавливают нормативный режим территории с «объектной адресностью».

ПЗЗ — документ градостроительного зонирования (гл. 4 ГрК РФ), принимаемый в соответствии с документами территориального планирования муниципального уровня. По функциональному назначению ПЗЗ переводят стратегические решения генерального плана в режим конкретных допустимых параметров использования земли и застройки.

Структура ПЗЗ включает:
– порядок применения и внесения изменений (в т.ч. порядок изменения видов разрешенного использования);
– карту градостроительного зонирования (границы территориальных зон, населенных пунктов);
– градостроительные регламенты (виды разрешенного использования, предельные параметры, требования к облику, ограничения, расчетные показатели обеспеченности инфраструктурой).

ПЗЗ несомненно обладают признаками нормативности: распространяются на неопределенный круг лиц и применяются многократно. Однако их «индивидуализация» проявляется в том, что режим устанавливается пространственно - для конкретной зоны и, следовательно, для каждого участка, попавшего в нее. Это позволяет говорить о нормативном акте, который производит индивидуализированные последствия по объекту регулирования.

Нормативность ПЗЗ подтверждается многочисленными апелляционными определениями ВС РФ (например, № 48-АПА19-29; № 127-АПА19-24; № 64-АПА19-12; № 44-АПГ17-19).

Документация по планировке территории (гл. 5 ГрК РФ) обладает нормативностью «локального уровня» и технической составляющей.

К документам по планировке территории относятся:

– проект планировки территории (ППТ);
– проект межевания территории (ПМТ).

ППТ определяет пространственную структуру, принципы развития застройки и инфраструктуры, инженерное обеспечение, выделяет планировочные элементы и зоны размещения объектов. ПМТ определяет границы земельных участков, служит основанием для их формирования/изменения и кадастрового учета; включает красные линии, границы сервитутов, охранных зон, а также в формировании оснований для кадастрового учета и предоставления земельных участков.

Согласно ч. 10 ст. 45 ГрК РФ подготовка документации по планировке территории осуществляется, в частности, на основании документов территориального планирования и ПЗЗ. Отсюда следует ключевой вывод: нормативная регламентация носит комплексный характер, а планировочные документы встроены в иерархию и подчинены ей.

В отношении документации по планировке территории показательна позиция Президиума ВС РФ (Постановление от 18.09.2019 № 11-ПВ19): документация рассчитана на неоднократное применение, не исчерпывается разовым актом, определяет обязательные правила поведения для участников соответствующих отношений [7].

Также показателен пример квалификации акта об установлении красных линий как нормативного: Второй кассационный суд общей юрисдикции (Определение от 27.05.2020 № 88а-12938/2020) указал, что постановление обладает признаками нормативного акта, поскольку содержит общеобязательные правила для неопределенного круга лиц и рассчитано на неоднократное применение [8].

Стоит отметить, что существует исторический аспект квалификации документации по планировке, а именно до введения Кодекса административного судопроизводства РФ (ФЗ от 08.03.2015 № 21-ФЗ) в арбитражной практике встречался подход к документации по планировке как к ненормативным актам; соответствующая логика прослеживалась в разъяснениях ВАС РФ (Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 58 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами дел об оспаривании нормативных правовых актов») и ряде постановлений окружных арбитражных судов, например, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 25.10.2016 № Ф05-16120/2016 по делу № А40-251881/2015, Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2016 № Ф05-18869/2015 по делу № А41-17516/2015, Постановлении Арбитражного суда Центрального округа от 18.11.2015 № по делу № А54-6605/2014. Нынешняя практика судов общей юрисдикции и ВС РФ демонстрирует противоположную тенденцию - признание нормативных свойств документации по планировке.

Несмотря на подтверждение нормативных свойств, АТП сохраняют устойчивые признаки индивидуализации:

– они принимаются в отношении конкретной территории, квартала или зоны;
– устанавливают границы и параметры, которые затрагивают определимых правообладателей участков, находящихся в этих границах;
– содержат предписания, фактически влияющие на возможность строительства, реконструкции, раздела/объединения участков.

Следовательно, АТП реализуют не только нормотворческую, но и правоприменительную функцию: они «прикладывают» общие нормы к конкретной территории, превращая ее в объект регулирования. Именно это сочетание и определяет их «гибридную» правовую природу.

Выводы

АТП представляют собой иерархическую взаимосвязанную систему (гл. 3–5 ГрК РФ), где каждый уровень конкретизирует предшествующий.

Судебная практика ВС РФ в целом квалифицирует генеральные планы, схемы, ПЗЗ и документацию по планировке как акты, обладающие нормативными свойствами, поскольку они содержат общеобязательные правила и рассчитаны на многократное применение.

Одновременно АТП сохраняют индивидуализирующие признаки, обусловленные пространственной адресностью и прямым воздействием на режим конкретных земельных участков.

Наиболее адекватной является квалификация АТП как планировочно-регулятивных (гибридных) актов, объединяющих нормотворчество и правоприменение. Смешанный характер обусловлен комплексностью градостроительного регулирования, многоуровневостью системы планирования, публично-правовой природой принимаемых решений и их пространственной конкретизацией.

На основании изложенного, представляется целесообразным закрепить «двухслойную» модель содержания АТП (в разъяснениях ВС РФ либо в ГрК РФ):

– нормативный слой - общеобязательные правила (регламенты, ограничения, параметры),
– пространственно-индивидуализированный слой - границы, красные линии, размещение объектов и иные решения, адресованные территории как объекту.

Также следует унифицировать подход к судебному оспариванию (в т. ч. признавать допустимым признание недействующим «в части» по пространственному элементу) с ясными последствиями для выданных разрешений и совершенных регистрационных действий.

Кроме того, необходимо развивать механизмы защиты добросовестных ожиданий и компенсации убытков при изменении АТП, ухудшающем правовое положение правообладателей, - как элемент обеспечения правовой определенности и инвестиционной предсказуемости.

Список литературы:

[1] Мамяшева Д. Р. Акты стратегического планирования: теоретико-правовое исследование. - М., 2023. - 207 с.

[2] Астафичев П. А., Булат Р. Е. Проблемы обеспечения правовой определенности в документах территориального планирования и градостроительного зонирования // Градостроительное право. - 2024. - № 1. - С. 2-7.

[3] Стафийчук И. Д., Безбородов Ю. Г., Хисамов Р. Р., Донгузов К. А. Научно-правовая основа и практика территориального планирования. - М.: Российский государственный аграрный университет, 2025. - 254 с.

[4] Гудзь Т. В., Солдатова Л. В., Самоловских Н. В. Принципы градостроительного зонирования в судебной практике // Правоприменение. - 2023. - Т. 7. - № 3. - С. 105–115.

[5] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2006 года (утв. 07.06.2006, 14.06.2006) (вопрос 18) // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18.09.2019 № 11-ПВ19 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 27.05.2020 № 88а-12938/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

References:

[1] Mamyasheva D. R. Acts of strategic planning: theoretical and legal research. - M., 2023. - 207 s.

[2] Astafichev P. A., Bulat R. E. Problems of ensuring legal certainty in documents of territorial planning and urban planning zoning//Urban planning law. - 2024. - № 1. - S. 2-7.

[3] Stafiychuk I. D., Bezborodov Yu. G., Khisamov R. R., Donguzov K. A. Scientific and legal basis and practice of territorial planning. - M.: Russian State Agrarian University, 2025. - 254 s.

[4] Gudz T.V., Soldatova L.V., Samolovskikh N.V. Principles of urban planning zoning in judicial practice//Law enforcement. - 2023. - VOL. 7. - № 3. - S. 105-115.

[5] Review of the legislation and judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the first quarter of 2006 (approved by 07.06.2006, 14.06.2006) (question 18)//ConsultantPlus ATP.

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 50//SPS “ConsultantPlus.”

[7] Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 18.09.2019 No. 11-PV19//SPS “ConsultantPlus.”

[8] Cassation ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 27.05.2020 No. 88a-12938/2020//SPS “ConsultantPlus”

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-153-159
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

МОГИЛЕВСКИЙ Григорий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права Новосибирского военного
ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
доцент кафедры «Гражданское и уголовное право»
Сибирского государственного университета путей сообщения,
e-mail: mogilevskiy_1@mail.ru

БЫКОВСКАЯ Елена Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Гражданское и уголовное право»
Сибирского государственного университета путей сообщения,
e-mail: privatdocent@mail.ru

КОМИССАРОВ Алексей Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
полковник юстиции начальник кафедры
гражданского права Новосибирского военного
ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
e-mail: aleks_kom3172@mail.ru

ЭМОДЗИ КАК СПОСОБ ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЯ ЛИЦА С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Исходя из краткого анализа теоретико-институциональных позиций как зарубежных, так и отечественных ученых, нормативных правовых актов и правоприменительной (судебной) зарубежной и отечественной практики авторами в публикации предпринята попытка определить роль, место и использование эмодзи — графического языка способа волеизъявления лица в договорных обязательствах. С учетом специфики гражданско-правового статуса военных организаций войск национальной гвардии Российской Федерации рассматриваются актуальные вопросы применения эмодзи названными субъектами в договорных конструкциях с их участием и предлагаются пути разрешения исследуемых проблем.*

Ключевые слова: *договорные обязательства, цифровая трансформация, волеизъявление, графические символы, эмодзи, правовая природа, условия применения, законодательное урегулирование, военные организации, гражданско-правовой статус, обязательственные правоотношения, специфика содержания.*

MOGILEVSKIY Grigoriy Aleksandrovich,
candidate of legal sciences, associate professor,
associate professor of the department of civil law
of the Novosibirsk order of Zhukov of the military institute
named after army general I.K. Yakovlev of the national guard
of the Russian Federation, associate professor of the department
of «Civil and criminal law» of the Siberian state university

BYKOVSKAYA Elena Anatolyevna,
candidate of historical sciences, associate professor,
head of the department of «Civil and criminal law»
of the Siberian state university of railway engineering

KOMISSAROV Alexey Valerievich,
candidate of legal sciences, associate professor,
colonel of justice head of the department of civil law
of the Novosibirsk order of Zhukov of the military institute
named after army general I.K. Yakovlev of the national guard
of the Russian Federation

EMOJI AS A WAY OF EXPRESSING THE WILL OF A PERSON USING INFORMATION DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE CONTRACTUAL OBLIGATIONS OF MILITARY ORGANIZATIONS OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *Based on a brief analysis of the theoretical and institutional positions of both foreign and domestic scientists, regulatory legal acts and law enforcement (judicial) foreign and domestic practice, the authors in the publication attempt to determine the role, place and meaning of emoji – the graphic language of the way a person expresses his will in contractual obligations. Taking into account the specifics of the civil law status of military organizations of the National Guard of the Russian Federation, topical issues of the use of emojis by these subjects in contractual structures with their participation are considered and ways to solve the problems under study are proposed.*

Key words: *contractual obligations, digital transformation, expression of will, graphic symbols, emojis, legal nature, conditions of application, legislative regulation, military organizations, civil status, legal relations of obligations, specificity of content.*

Постановка вопроса о правомерности применения графических символов в качестве способа подтверждения волеизъявления участников договорных обязательств приобретает особую научную и практическую значимость на фоне масштабной цифровой трансформации, охватившей все ключевые сферы общественной жизни. Правовые отношения не составляют здесь исключения: под воздействием цифровизации претерпевает качественные изменения и обязательственное право, как самостоятельный сегмент юридической практики. Договорный институт частного права всё активнее опирается на технические средства при заключении и исполнении соглашений, что позволяет оперативно урегулировать проблемные ситуации, возникающие в ходе исполнения обязательств, при одновременном сокращении организационных, финансовых и иных ресурсных затрат. Электронная почта, мессенджеры, цифровые документы и дистанционные форматы взаимодействия планомерно вытесняют традиционные каналы коммуникации, занимая центральное место в деловой среде. Показательна при этом динамика электронного документооборота: на протяжении последних нескольких лет его объёмы ежегодно возрастают на десятки процентов [1].

Вектор цифрового развития получил нормативное закрепление как на уровне национального стратегического целеполагания, так и в системе межгосударственного регулирования. Президентом Российской Федерации цифровая трансформация отнесена к числу приоритетных ориентиров государственной политики, достижение которых предусмотрено в горизонте до 2030 года [2]. На пространстве Евразийского экономического союза цифровизация экономики занимает самостоятельное место среди стратегических приоритетов интеграционного сотрудничества: государства — члены ЕАЭС усматривают в технологическом переходе действенный инструмент как наращивания экономического потенциала, так и снижения барьеров во взаимодействии между странами-участницами [3].

Закономерным следствием цифрового перехода в правовой сфере стала трансформация самого механизма волеизъявления. Технологические изменения сняли значительную часть прежних ограничений, сопряжённых с выражением воли в правоотношениях, — прежде всего в части территориальной доступности и временных затрат. Договорная практика частного права оказалась наиболее восприимчивой к данным изменениям: онлайн-формат заключения соглашений [4], широкое распространение электронных доку-

ментов и средств верификации личности открыли участникам оборота возможность дистанционного оформления договорённостей, качественно изменив скорость и характер договорного взаимодействия.

Волеизъявление сторон в рамках договорных обязательств с применением цифровых инструментов реализуется посредством различных технологических решений. Среди них всё более весомое место занимает переписка в многофункциональных публичных мессенджерах — программных приложениях, обеспечивающих мгновенный обмен текстовыми сообщениями, аудиозаписями, изображениями и иными мультимедийными материалами через сеть Интернет. Вместе с тем подобная переписка нередко включает не только текстовые фрагменты, но и эмодзи — графический язык, в котором смысловую нагрузку несут сочетания картинок и смайликов, замещающих слова и передающих действия, состояния или эмоции. Широкое распространение эмодзи в деловой коммуникации порождает принципиальные правовые вопросы: способно ли эмодзи выполнять функцию волеизъявления лица в договоре? Какова правовая природа подобных символов и влекут ли они юридически значимые последствия? Растущая практика использования эмодзи как способа выражения согласия на принятие договорных обязательств открывает новые грани в интерпретации волеизъявления участников гражданского оборота.

Научная дискуссия по вопросу правового значения эмодзи в договорных правоотношениях отличается существенной неоднородностью позиций. Кэтрин Тейлор в исследовании «Правовая природа эмодзи» квалифицирует эмодзи как самостоятельную форму выражения воли сторон, допускающую интерпретацию в контексте заключаемого ими соглашения. Признавая способность графических символов уточнять намерения участников договора, исследователь вместе с тем акцентирует внимание на их смысловой многозначности как потенциальном источнике разногласий при толковании. Во избежание подобной неопределённости Тейлор рекомендует сопровождать эмодзи текстовыми пояснениями. Алан Гомес в работе «Цифровая коммуникация и контрактные обязательства» обосновывает целесообразность применения эмодзи в современной электронной коммуникации, одновременно указывая на риски недопонимания и оспаривания обязательной силы договора в тех случаях, когда графические символы фигурируют в официальных документах. Джонатан Гриффитс в научном труде «Правовая природа символов в цифровую эпоху» рассматривает эмодзи как неформальный способ выражения согласия сторон в обязательствах, однако предупреждает о высокой вероятности их неверного истолкования. В качестве практического решения автор предлагает сформировать стандартизированный перечень эмодзи, пригодных для использования в правовых документах и лишённых двусмысленности.

Российская правовая доктрина в вопросе юридической значимости эмодзи занимает в целом более консолидированную позицию по сравнению с зарубежными коллегами. Игнорировать правовые последствия применения графических символов в деловой коммуникации отечественные исследователи считают непродуктивным: стремительное распространение цифровых каналов взаимодействия объективно требует адекватного переосмысления сложившихся правовых категорий. Фундаментом для данного вывода служит устойчивая практика использования цифровых инструментов, в том числе эмодзи, при оформлении намерений сторон на вступление в обязательства и их последующее исполнение [5]. Надлежащая организация договорного взаимодействия в цифровой среде, по мнению российских исследователей, предполагает прямое урегулирование соответствующего вопроса непосредственно в тексте договора: стороны должны однозначно определить, признают ли они юридически значимой переписку, осуществлённую через мессенджеры с применением эмодзи, либо ограничивают её роль исключительно информационным обменом [6]. Подобный подход способен существенно снизить неопределённость в гражданском обороте, опосредуемом цифровыми технологиями, и минимизировать риск споров об интерпретации волеизъявления сторон.

Гражданское законодательство Российской Федерации разграничивает сделки по форме их совершения на устные и письменные — данная классификация закреплена в статье 158 ГК РФ. Письменная форма при этом не ограничивается традиционным бумажным носителем: статья 160 ГК РФ прямо допускает её реализацию с задействованием электронных и иных технических средств при условии возможности достоверной идентификации лица, чья воля выражена. Развитие обозначенного подхода нашло отражение в законодательной новелле, привнесённой Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [7]. Статья 309 ГК РФ пополнилась частью второй, допускающей исполнение обязательств, вытекающих из сделки, при наступлении заранее оговорённых обстоятельств без необходимости формирования отдельного волеизъявления сторон — на основе информационных технологий, предусмотренных условиями

той же сделки. Несмотря на отсутствие в тексте нормы какого-либо упоминания эмодзи, расширительное толкование её содержания даёт основания полагать, что признание графических символов допустимым способом выражения воли при совершении сделки не противоречит действующему правовому регулированию.

Сформированная законодателем рамочная конструкция нашла практическое воплощение в договорной практике: контрагенты всё чаще включают в тексты соглашений положения, приравнивающие юридическую силу документов, переданных по электронным каналам связи, к документам, исполненным в простой письменной форме. Перечень признаваемых каналов связи, как правило, охватывает электронную почту с адресами сторон, указанными в договоре, переписку в многофункциональных публичных мессенджерах, а также телефонные номера участников соглашения. Предоставив сторонам подобную диспозитивную возможность, законодатель вместе с тем воздержался от установления каких-либо критериев достаточности цифрового волеизъявления. Между тем практика ставит вполне конкретные вопросы: является ли направленный заказчиком односложный ответ «ОК» надлежащим подтверждением приёмки товара или же от него требуется развёрнутое подтверждение с указанием на соответствие качества и количества условиям договора? Урегулирование подобных коллизий в отсутствие законодательных ориентиров фактически перенесено в сферу судебного усмотрения.

Складывающаяся судебная практика, подобно неоднозначной доктринальной позиции и размытым законодательным ориентирам, не отличается единообразием: судебные органы выносят по схожим вопросам противоречивые постановления. Центральным предметом споров неизменно остаётся проблема квалификации эмодзи как надлежащего подтверждения принятия и (или) исполнения договорных обязательств.

Среди судебных актов, формирующих отечественную практику по данному вопросу, особого внимания заслуживает постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда. Предметом рассмотрения послужила ситуация, при которой направленное в ходе переписки эмодзи «ладонь с поднятым вверх большим пальцем» было представлено как свидетельство достигнутого между сторонами согласия по условиям договора поставки. Апелляционная инстанция поддержала позицию суда первой инстанции, констатировав юридическую состоятельность графического символа в качестве подтверждения договорённости. В обоснование своей позиции суд указал: «данный знак в обычно принятом и распространённом понимании при общении посредством электронной переписки означает «хорошо». Заявитель жалобы, указывая на возможность различных интерпретаций данного изображения, иного разумного понимаемого значения данного изображения не предложил. В последующей переписке значение данного ответа не уточнил, из чего следует, что ответчик воспринял данный ответ как согласие, не требующее дополнительного объяснения» [8].

Диаметрально противоположный вывод содержится в постановлении Второго арбитражного апелляционного суда, рассматривавшего схожую по существу ситуацию. Отказывая в признании эмодзи надлежащим доказательством исполнения договорных условий, суд указал: «Представленная ответчиком в дело переписка посредством мобильного мессенджера WhatsApp не содержит слов и выражений, буквальное значение которых или их общий смысл указывали бы на то, что ответчик сообщил покупателю о готовности товара к отгрузке… изображения с очевидностью не свидетельствуют о том, что товар был готов к отгрузке, что поставщик был готов передать его покупателю» [9]. Расхождение между приведёнными позициями наглядно демонстрирует, насколько существенную роль при оценке эмодзи играет контекст переписки и характер сложившихся между сторонами коммуникационных практик.

Очерченная проблематика не ограничивается рамками российской правовой системы — аналогичные коллизии возникают и в зарубежных юрисдикциях. Прецедентное значение приобрело решение суда канадской провинции Саскачеван, признавшего эмодзи «ладонь с поднятым вверх большим пальцем» надлежащим способом удостоверения контракта. Ответчик по делу был обязан выплатить истцу свыше 82 тыс. канадских долл. в качестве компенсации за неисполнение принятых на себя обязательств. Мотивировочная часть решения примечательна тем, что суд прямо обозначил границы традиционного и цифрового правопорядка: «Суд признаёт, что эмодзи «все в порядке» не является традиционным способом подписания документа, однако в данных обстоятельствах это был законный способ выражения тех целей, которые имеет обычная подпись» [10]. Между тем ни Россия, ни Канада не стали родоначальниками подобной правоприменительной тенденции. Профессор права Эрих Голдман, проводивший систематизированный мониторинг американской судебной практики, зафиксировал, что в период с 2019 по 2022 год эмодзи «большой палец вверх» фигурировало в 37 судебных актах судов США [11]. Масштаб накопленной практики свиде-

тельствует о том, что квалификация графических символов как юридически значимых действий давно вышла за пределы единичных казусов и приобрела характер устойчивой межнациональной тенденции.

Анализ мотивировочных частей приведённых судебных актов позволяет выявить общую закономерность: принимая или отвергая эмодзи в качестве доказательства, суды руководствовались не буквальным смыслом графического символа, а сложившимся между контрагентами обычаем деловой переписки и контекстом коммуникации в целом.

Применительно к использованию эмодзи в договорных обязательствах с участием военных организаций войск национальной гвардии Российской Федерации принципиального рассмотрения, по мнению авторов, требуют два взаимосвязанных вопроса.

Первый касается правового статуса военных организаций как субъектов обязательственных правоотношений. Анализ законодательной базы, регламентирующей деятельность войск национальной гвардии, позволяет констатировать: войска национальной гвардии представляют собой государственные военные организации, учреждённые в целях реализации функций Российского государства по обеспечению государственной и общественной безопасности, охране прав и свобод человека и гражданина средствами вооружённой защиты [12]. Не углубляясь в детальную характеристику методов и средств осуществления названных публичных функций, можно констатировать: военные организации войск национальной гвардии Российской Федерации участвуют в обязательственных правоотношениях в статусе некоммерческого юридического лица в организационно-правовой форме федерального военного (правоохранительного) казённого учреждения [13].

Не менее значимым представляется вопрос об объёме и содержании участия военных организаций войск национальной гвардии в обязательственных правоотношениях. Современная модель социально ориентированной рыночной экономики предполагает равноправное включение в имущественный оборот субъектов как частноправовой, так и публично-правовой природы. Публичный статус военных организаций, своеобразие их организационно-правовых характеристик как юридических лиц, а также особый порядок учреждения и государственной регистрации закономерно определили специфику их положения в системе гражданского оборота, не исключая и сферу обязательственных правоотношений.

Потребности материального и финансового обеспечения деятельности военных организаций обусловливают их непосредственное участие в гражданско-правовых отношениях. Располагая специальной гражданской правосубъектностью, военные организации наделены правомочием совершать любые сделки и принимать на себя обязательства, не запрещённые законом либо учредительными документами. Однако исполнение принятых обязательств подчинено строгому бюджетному режиму и сопряжено с рядом существенных ограничений. Расчёты по заключённым договорам производятся исключительно в пределах ассигнований, доведённых до военной организации из федерального бюджета на основании утверждённых смет доходов и расходов. Принятые обязательства подлежат обязательной постановке на учёт в территориальном органе федерального казначейства, в котором открыт лицевой счёт соответствующей организации [14]; обязательства, минующие процедуру казначейского учёта, лишаются права на бюджетное финансирование и исполнению за счёт средств федерального бюджета не подлежат.

Гражданские правоотношения с участием военных организаций играют существенную роль в организации их материального и финансового обеспечения. Военная организация выступает стороной сделок по приобретению продовольствия, обмундирования, военной техники и имущества, горюче-смазочных материалов. Эксплуатация объектов недвижимости военных организаций предполагает заключение договоров энергоснабжения, в том числе снабжения электрической и тепловой энергией, газом, водой и иными коммунальными ресурсами. Помимо этого, военные организации вступают в договорные правоотношения по вопросам аренды помещений и транспортных средств, перевозки личного состава и имущества. Спектр заключаемых ими договоров охватывает значительное число известных гражданско-правовых договорных конструкций [15].

Что касается непосредственного использования эмодзи в договорных обязательствах, одной из сторон которых выступает военная организация, практика подобного применения на сегодняшний день отсутствует – в том числе применительно к спорным ситуациям, рассматриваемым в судебном порядке. Вместе с тем авторы полагают, что использование эмодзи как правомерного способа волеизъявления в обязательственных правоотношениях с участием военных организаций вполне допустимо при соблюдении условий и порядка, рассматриваемых в настоящей публикации, с учётом особенностей их гражданской правосубъектности.

Резюмируя изложенное, представляется необходимым обратить внимание законодателя

на потребность в надлежащей регламентации действующего законодательства в части совершения сделок с применением цифровых технологий. Речь идёт о выборе одного из возможных нормотворческих решений: либо о прямом закреплении эмодзи в качестве легального способа волеизъявления участников обязательств при чётко определённых условиях его применения, либо об установлении соотношения между эмодзи и текстуальным содержанием договора, либо о законодательной фиксации критериев надлежащего подтверждения сторонами условий заключения, изменения, исполнения и расторжения договорных обязательств посредством графических символов.

Список литературы:

[1] Гроник И.А. Трансформация цифровых способов разрешения споров в Индии // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. № 4. С. 1113–1124.

[2] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 //www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 10.03.2026)

[3] Купчина Е.В. Защита прав на цифровые объекты интеллектуальной собственности // Евразийский юридический журнал. 2023. № 8. С. 133–136.

[4] Ермакова Е.П., Протопопова О.В. Цифровые права и цифровые отношения // Евразийский юридический журнал. 2023. № 7. С. 152–155.

[5] А.В. Захаркина. Динамика гражданско-правового обязательства, исполняющегося путем применения информационных технологий // Ex jure. 2021. № 3. С. 130-144.

[6] Е.Е. Фролова, А.М. Берман. Способы волеизъявления сторон в условиях трансформации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 3. С. 80.

[7] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[8] Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23 мая 2022 года № 07АП-3452/2022 по делу № А67-6716/2021 Требования: О взыскании задолженности по договору поставки, неустойки // Справочная правовая система КонсультантПлюс: Судебная практика. Дата обращения 10.03.2026.

[9] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 30 октября 2023 года № 02АП-5712/2023 по делу № А28-2634/2023 Требования: О взыскании денежных средств // Справочная правовая система КонсультантПлюс: Судебная практика. Дата обращения 10.03.2026.

[10] Сайт: https://www.canlii.org/en/sk/skkb/doc/2023/2023skkb116/2023skkb116.html

[11] Сайт: https://blog.ericgoldman.org/archives/2022/10/a-million-dollar thumbs-up-emoji-lightstone-v-zinntex.htm

[12] О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от июня 2016 года № 226-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27. Ст. 4159.

[13] Г.А. Могилевский, Е.П. Санин. Об организационно-правовых формах создания войск национальной гвардии Российской Федерации как юридических лиц // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2016. № 3 (36). С. 201-205.

[14] О порядке учета территориальными органами Федерального казначейства обязательств, подлежащих исполнению за счет средств федерального бюджета: постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 1999 г. № 806 (ред. от 02.03.2025) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3762.

[15] Е.Б. Абакумова. А.В. Комиссаров. Д.Ю. Тарасов. Участие воинских частей войск национальной гвардии Российской Федерации в договорных правоотношениях // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации. 2020. № 1. С. 72-75.

References:

[1] Gronik I.A. Transformation of Digital Ways of Dispute Resolution in India//RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences. 2023. № 4. S. 1113-1124.

[2] On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474//www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (date of appeal: 10.03.2026)

[3] Kupchina E.V. Protection of rights to digital intellectual property//Eurasian Law Journal. 2023. № 8. S. 133-136.

[4] Ermakova E.P., Protopopova O.V. Digital Rights and Digital Relations//Eurasian Law Journal. 2023. № 7. S. 152-155.

[5] A.V. Zakharkina. Dynamics of a civil obligation performed through the use of information technology//Ex jure. 2021. № 3. C. 130-144.

[6] E.E. Frolova, A.M. Berman. Ways of expressing the will of the parties in the context of transformation//Right. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Volume 17. № 3. C. 80.

[7] On amending parts one, two and article 1124 of part three of the Civil Code of the Russian Federation: Feder. Law of March 18, 2019 No. 34-FZ//Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[8] Decision of the Seventh Arbitration Court of Appeal of May 23, 2022 No. 07AP-3452/2022 in case No. A67-6716/2021 Requirements: On the recovery of debt under the supply contract, forfeit//Reference legal system ConsultantPlus: Judicial practice. Date of 10.03.2026 appeal.

[9] Decision of the Second Arbitration Court of Appeal of October 30, 2023 No. 02AP-5712/2023 in case No. A28-2634/2023 Requirements: On the recovery of funds//Reference legal system ConsultantPlus: Judicial practice. Date of 10.03.2026 appeal.

[10] Сайт: https://www.canlii.org/en/sk/skkb/doc/2023/2023skkb116/2023skkb116.html

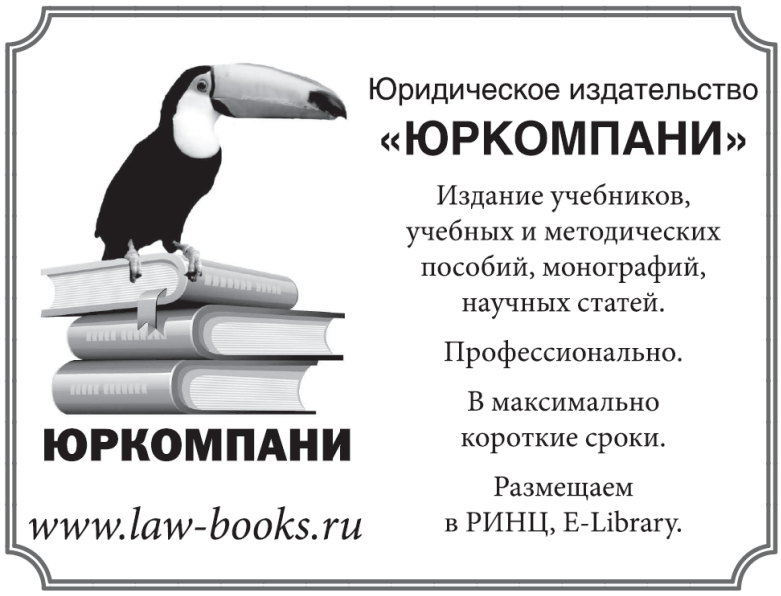
[11] Сайт: https://blog.ericgoldman.org/archives/2022/10/a-million-dollar thumbs-up-emoji-lightstone-v-zinntex.htm

[12] On the troops of the National Guard of the Russian Federation: Federal Law of June 2016 No. 226-FZ (as amended by 15.12.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 27. Art. 4159.

[13] G.A. Mogilevsky, E.P. Sanin. On the organizational and legal forms of creating the troops of the National Guard of the Russian Federation as legal entities//Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of Business. 2016. № 3 (36). S. 201-205.

[14] On the procedure for territorial bodies of the Federal Treasury to account for obligations to be fulfilled at the expense of the federal budget: Decree of the Government of the Russian Federation of July 15, 1999 No. 806 (ed. 02.03.2025) //Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. № 29. Art. 3762.

[15] E.B. Abakumova. A.V. Komissarov. D.Yu. Tarasov. Participation of military units of the National Guard of the Russian Federation in contractual legal relations//Izvestia of the Saratov Military Institute of the National Guard of the Russian Federation. 2020. № 1. S. 72-75.



ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-160-163
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

СМЕЛОВА Елена Валентиновна,
старший преподаватель кафедры
теоретико-правовых и исторических наук
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук,
e-mail: e.smelova.mm2014@yandex.ru

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО В ПЕРВОЙ КОНСТИТУЦИИ ФРАНЦИИ (1791 г.)

Аннотация. *Для изучения становления современного конституционного права крайне актуальным является исследование влияния на него опыта Великой французской революции конца XVIII века. В данной статье, в частности, рассмотрено формирование субъективного избирательного права во Франции на первом, начальном этапе революции – от первых попыток его определения в 1789 г. до закрепления в главном нормативном правовом акте периода – Конституции 1791 г. Отмечено влияние на цензовый характер избирательного права правящей группировки фейянов, выражающей интересы крупной буржуазии и либерального дворянства. Показано его исторической значение.*

Ключевые слова: *Великая французская революция конца XVIII в., активное избирательное право, пассивное избирательное право, «активный гражданин», «пассивный гражданин», избирательный ценз, фейяны (конституционалисты).*

SMELOVA Elena,
Senior Lecturer of Department
of Legal Theory and History Sciences
of North-Western Institute (branch)
of Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
PhD in History

VOTING RIGHTS IN THE FIRST FRENCH CONSTITUTION (1791)

Annotation. *To study the formation of modern constitutional law, it is extremely relevant to examine the influence of the experience of the Great French Revolution of the late 18th century. In this article, in particular, the formation of subjective electoral rights in France is examined during the first, initial stage of the revolution, from the first attempts to define it in 1789 to its consolidation in the main legal act of the period, the Constitution of 1791. The influence of the ruling faction of the Feuillants, which represented the interests of the large bourgeoisie and liberal nobility, on the qualification of electoral rights is noted. Its historical significance is shown.*

Key words: *the Great French Revolution of the late 18th century, active suffrage, passive suffrage, “active citizen”, “passive citizen”, electoral qualification, Feuillants (constitutionalists).*

Как известно, важнейшей категорией прав и свобод гражданина являются политические права и свободы. Они предоставляют гражданам возможность участвовать в общественной и политической жизни. К ним относятся право на участие в управлении государством, избирательные права, доступ к государственной службе, право объединения, включая

политические партии, свобода союзов и ассоциаций, свобода собраний и манифестаций, свобода печати, право петиций. Данные права и свободы закреплены в ряде основополагающих международных документов (Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и др.). Они составляют обязательную часть конституций демократических государств.

Важнейшим конституционным правом, относящимся к политическим правам граждан, безусловно, является избирательное право. При этом существует понятие субъективного избирательного права как права гражданина избирать и быть избранным (соответственно различаются активное и пассивное избирательное право) и понятие объективного избирательного права как совокупности юридических норм, регулирующих избирательный процесс.

Задачей данной статьи является характеристика субъективного избирательного права в Конституции Франции 1791 г. (Основное внимание при этом будет уделено формированию нового, выборного органа законодательной власти страны, созданного в результате слома абсолютизма и перехода к конституционной монархии – Национального законодательного собрания). Рассматриваемая конституция стала первой из многочисленных конституций Франции, принятых в период с конца XVIII в. по XX в. (Так, в указанный период были приняты Конституция Франции 1793 г., Конституция Франции 1795 г., Конституция VIII года республики (1799 г.), Органические сенатус-консульты 1802 и 1804 гг., Конституционная Хартия 1814 г., Конституционная хартия 1830 г., Конституция Второй республики (1848 г.), Конституция 1852 г., Конституционные законы 1875 г. (Третьей республики), Конституция Четвертой республики (1946 г.), Конституция Пятой республики (1958 г.)). Она была утверждена Учредительным собранием 3 сентября 1791 г. (через несколько дней на верность конституции присягнул король), в начальный период Великой французской революции. Впервые в истории эта конституция предоставила значительной части населения Франции реальную возможность участвовать в выборах различных органов власти от местных до государственных.

Необходимо отметить, что еще до принятия конституции, в начале революции, во французских юридических документах был введен термин «активный гражданин». Он предусматривал порядок, в соответствии с которым для того, чтобы обладать всей полнотой гражданских прав (в том числе активным и пассивным избирательными правами), необходимо было соответствовать ряду требований, предъявляемых новой властью. Заметим, что на первом этапе революции (14 июля 1789 г. - 10 августа 1792 г.) последняя находилась в руках партии конституционалистов (или фейянов), отражавших интересы крупной буржуазии и либерального дворянства. Таким образом, неудивительно, что вопреки провозглашенной революцией идее равенства, французы были поделены на активных и пассивных граждан: первым предоставлялось право голоса, вторые были этого права лишены.

Впервые основные требования, предъявляемые к «активному гражданину», были зафиксированы в «Декрете Национального собрания, касающемся учреждения собраний представителей и административных собраний», принятом 22 декабря 1789 г. Они сводились к следующим: 1) наличие французского гражданства, 2) достижение 25-летнего возраста, 3) проживание в определенном кантоне не менее 1 года, 4) уплата прямого налога в размере не меньше трехдневной заработной платы для данной местности, 5) «не быть в положении прислуги, то есть не быть слугой на жаловании» (ст. 3) [3, с. 90]. Избирательных прав не имели женщины, иностранцы, а также мужчины, не достигшие 25-летнего возраста. Полностью или частично этим статусом не обладали банкроты и несостоятельные должники.

Еще более высокий имущественный ценз устанавливался для тех активных граждан, кто мог быть избран. Они должны были иметь земельную собственность и платить налог, равный 1 серебряной марке. Однако под давлением общественности, 27 августа 1790 г. Учредительное собрание отменило положение «о марке серебра» для кандидатов в представители.

В Конституции 1791 г. требования, предъявляемые к избирателям и избираемым изменились. В ст. 2 Отдела II Главы 1 «О Национальном законодательном собрании» указывалось, что «активными гражданами являются французы по рождению или лица, вступившие во французское гражданство, которым исполнилось 25 лет…, имеющие местожительство в городе или кантоне в течение установленного законом времени, уплачивающие в любом месте королевства прямой налог в размере не менее стоимости трех рабочих дней и представившие расписку о его уплате, не находящиеся в услужении, т.е. не состоящие домашними слугами, внесенные в список национальной гвардии муниципалитета по месту жительства и принесшие гражданскую присягу» [3, с. 101]. В ст. 5 этого отдела данной главы отмечалось: «права активного гражданина утрачивают состоящие под судом и следствием и те, кто по объявлению банкротства или несостоятельности, засвидетельствованных подлинными документами, не представят акта об удовлетворении своих кредиторов». В ст. 4 указывалось, что «никто

не может осуществлять права активного гражданина более чем в одном месте, ни быть представленным другим лицом» [3, с. 101].

Таким образом, в конституции статус «активного гражданина» конкретизировался, по сравнению с Декретом от 22 декабря 1789 г. добавлением требования регистрации избирателя по линии военного ведомства и принесения гражданской присяги. Отмеченные изменения объясняют рядом причин. В частности, И.В. Зайцев считает их результатом борьбы между различными лагерями в революционном движении. С одной стороны, вводился имущественный ценз – эквивалент заработка трех рабочих дней (от 1,5 до 3 ливров), с другой – появились дополнительные «революционные» требования. Таким образом, по мнению законодателя, «идеальный» избиратель представлял прогрессивно настроенного гражданина, с определенным имущественным достатком, но чуждого как консервативных взглядов, так и крайних требований более радикальной партии якобинцев [2, с. 171]. Новое выборное законодательство сократило количество избирателей и затруднило доступ в органы власти гражданам, критически настроенным по отношению к «новым порядкам». Установленным критериям во Франции удовлетворяли 4,3 млн. человек, то есть 15% всего населения и 61% мужчин старше 25 лет [1, с. 65].

Активные граждане избирали депутатов Национального законодательного собрания на основе двухстепенных выборов. Вначале первичные собрания активных граждан избирали выборщиков для участия в департаментских собраниях, где и проходили выборы представителей Национального законодательного собрания. Для выборщиков предусматривался еще более высокий ценз: 1) в городах с населением более 6000 человек – владение имуществом, приносящим доход, равный стоимости 200 рабочих дней по местным условиям или наем жилого помещения, равный стоимости 150 рабочих дней; 2) в городах с населением менее 6000 человек эти цифры равнялись соответственно стоимости 150 и 100 рабочих дней; 3) в сельской местности – стоимости 150 и 400 рабочих дней (ст. 7 Отдела II Главы 1) [3, с. 101-102].

Пассивное избирательное право (право быть избранным в качестве депутата) определялось следующим образом: «Все активные граждане, независимо от их общественного положения, профессии или размера уплачиваемых налогов, могут быть избраны представителями нации (ст. 3 Отдела III Главы 1). В ст.6 этого же Отдела допускалось переизбрание членов законодательного корпуса на следующий законодательный период, а также последующее избрание их лишь спустя промежуток в один законодательный период [3, с. 101-102]. Таким образом был решен вопрос об имущественном цензе для народных представителей. Подобный итог, как указывалось выше, стал результатом борьбы против данного ценза, которая велась на протяжении предшествующих лет.

Отметим, что существовал ряд косвенных ограничений пассивного избирательного права. Так, доступ Национальное законодательное собрание был закрыт для чиновников (министров и других представителей исполнительной власти, лиц, находящихся на службе у короля, а также комиссаров национального казначейства и иных служащих этого фискального ведомства. В случае избрания они были «обязаны произвести выбор между занимаемой должностью и депутатским полномочием» Не возбранялось избирать в Собрание судей, однако на время исполнения депутатских обязанностей их судебная практика прекращалась.

Существенные изменения претерпела система делегирования депутатов (по сравнению с порядком формирования Генеральных Штатов – сословно-представительного органа, возникшего в эпоху средневековья). Было отменено старое деление Франции на бальяжи и сенешальства. Конституция предписывала избирать всех 745 представителей в департаментах (департамент - основная административно-территориальная единица во Франции, введенная в начале революции). 247 депутатов должны были избираться по территориальному принципу: каждый департамент избирал по 3 представителя и одного имел право делегировать г. Париж. 249 депутатов избирались в соответствии с количеством населения каждого департамента. Наконец, 249 человек подлежали избранию в соответствии с размером налогов, собираемых в конкретном департаменте.

Таковы были главные особенности избирательного права, зафиксированные в первой конституции Франции. Разумеется, тогда формирование современных демократических принципов избирательного права было далеко от завершения. В последующие периоды Великой французской революции, а затем в XIX-XX вв. реформа избирательного права продолжала оставаться одним из актуальных вопросов политической жизни страны. Избирательное право Франции претерпевало существенные изменения как демократического, так и недемократического характера.

В заключение нельзя не отметить и следующее. Опыт Великой французской революции, в том числе, Первая конституция Франции существенно повлиял на развитие европейской цивилизации. После Английской революции середины

XVII в., Войны за независимость североамериканских колоний Англии 1775-1783 гг. и образования США в XVIII в., общество той эпохи еще раз убедилось, что права и свободы (в том числе, политические) являются фундаментом нового государственного устройства.

Список литературы:

[1] История Европы. Т.5. От Французской революции конца XVIII века до первой мировой войны.- М.: Наука, 2000.- 667 с.

[2] Очерки по истории выборов и избирательного права / Под ред. Ю.А. Веденеева, Н.А. Богодаровой. - Калуга-Москва, 1996. – 388 с.

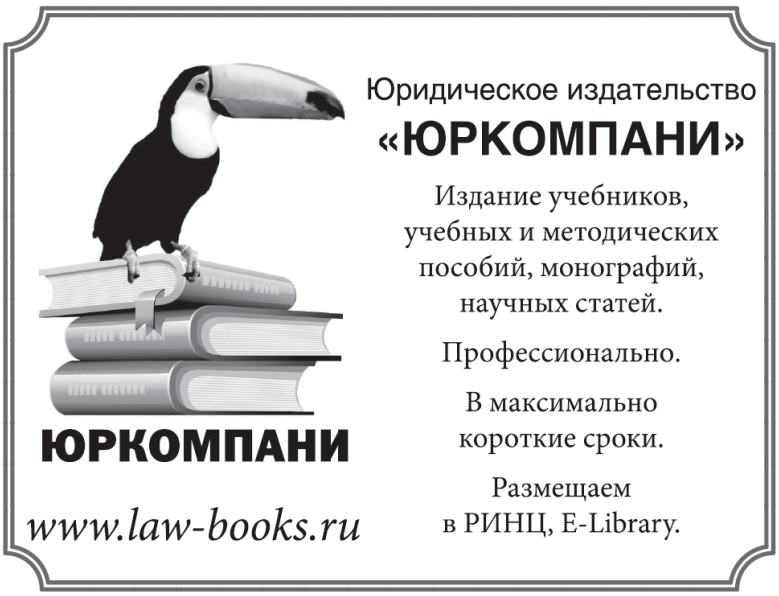
[3] Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. / Отв. ред. д. ю. н. Н. А. Крашенинникова.Т. 2. Современное государство и право / Сост. Н.А. Крашенинникова. - М.: Издательство НОРМА, 2003.- 672 с.

References:

[1] History of Europe. T.5. From the French Revolution of the late 18th century to the First World War. - M.: Nauka, 2000.- 667 p.

[2] Essays on the history of elections and suffrage/Ed. Yu.A. Vedeneeva, N.A. Bogodarova. - Kaluga-Moscow, 1996. - 388 p.

[3] A reader on the history of the state and the law of foreign countries. In 2 tons/Resp. ed. D. yu. N. A. Krasheninnikova. T. 2. Modern state and law/ Comp. N.A. Krasheninnikova. - M.: Publishing house NORMA, 2003.- 672 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-164-171

ПРУСС Ян Юрьевич,
Московский финансово-юридический университет (МФЮА), аспирант,
e-mail: xaos101@mail.ru

АНАЛИЗ ОПЫТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛОББИЗМА В США И ЕС И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается и системно анализируется правовое регулирование зарубежных моделей лоббисткой деятельности, в частности в Соединенных Штатах Америки и Европейском союзе. Основной фокус исследования сосредоточен на эволюции, институционализации, требованиях и признаках отнесения к лоббистской деятельности. Внимание также уделяется современному состоянию и развитию новых зарубежных юридических трендов регулирования, в том числе ужесточению ответственности и методах контроля за иностранным влиянием. Результаты исследования дают возможность сделать вывод о положительных и отрицательных сторонах регулирования и вследствие этого сформировать предложения по совершенствованию российской правовой системы и возможной имплементации отдельных норм с учетом национальных особенностей и сложившихся практик взаимодействия государственных органов и субъектов хозяйствования.*

Ключевые слова: *лоббизм, реестр прозрачности Европейского союза, правовое регулирование лоббирования, иностранное влияние, прозрачность, представление интересов, взаимодействие с органами государственной власти, реестр лоббистов США, ЕС, корпоративные интересы.*

PRUSS Yan Yurievich,
Moscow University of Finance and Law (MFLA), graduate student

ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF LOBBYING IN THE USA AND THE EU AND PROSPECTS FOR APPLYING FOREIGN EXPERIENCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines and systematically analyzes the legal regulation of foreign models of lobbying activities, particularly in the United States of America and the European Union. The main focus of the study is on the evolution, institutionalization, requirements, and characteristics of lobbying activities. Attention is also given to the current state and development of new foreign legal trends in regulation, including the tightening of liability and methods of controlling foreign influence. The results of the study make it possible to draw conclusions about the positive and negative aspects of regulation, and as a result, to formulate proposals for improving the Russian legal system and the possible implementation of certain norms, taking into account national specifics and established practices of interaction between government agencies and business entities.*

Key words: *lobbying, European Union Transparency Register, legal regulation of lobbying, foreign influence, transparency, representation of interests, interaction with public authorities, US and EU Lobbyist Register, corporate interests.*

Введение

Институт лоббизма является частью политической системы государств, обеспечивающий возможность не только коммуникации органов государственной власти и групп интересов, но и возможность последних повлиять непосредственно на законодателя.

В России, начиная с 1996 г., были предприняты первые попытки введения специального законодательства о лоббизме, которое было фактически внесено в качестве законопроекта в Госдуму, но так и не было принято.

Стоит также отметить, что по мнению автора статьи, несмотря на наличие в настоящее время в Российской Федерации косвенного регулирования отрасли (Федеральный закон №59 от 02.05.2006 г., Федеральный закон об «иностранных агентах»), фактическое существование лоббизма при отсутствии прямого закона делает отрасль менее прозрачной для общества, а также вызывает значительный рост внеправовых форм взаимодействия прежде всего коррупциогенного характера.

В этой связи обращение к опыту стран со сложившимся правовым регулированием лоббизма является актуальным и необходимым для выработки оптимальной правовой национальной модели.

1. Лоббизм в США

Лоббизм в США является признанным институционализированным и юридически закрепленным инструментом взаимодействия интересантов с органами государственной власти на основе конституции и отдельного законодательства.

Стоит также отметить, что лоббистами в США могут выступать совершенно различные группы лиц – от граждан до профессиональных лоббистов и корпораций.

Существенное значение для лоббистский деятельности имеет Первая поправка к Конституции США, закрепляющая право граждан на обращение к органам государственной власти, что в доктрине рассматривается как конституционная основа легитимности лоббистской деятельности [1]. Несмотря на это, совершались многочисленные попытки регулирования данной сферы, вызывая у лоббистов серьезное сопротивление.

Закон Тиллмана (Tillman Act) от 1907 года является первым правовым ограничением возможностей влияния крупного бизнеса (корпораций и национальных банков) на политику через финансирование избирательных кампаний [17]. Дальнейшие ограничения лоббизма рассматривались в 1911 году без какого-либо правового закрепления, и по факту лишь в 1946 году был принят первый полноценный федеральный закон о лоббировании [2].

В 1954 году лоббисты оспорили указанный Закон от 1946 года, мотивируя это его несоответствием конституции. В свою очередь, в деле Штаты против Харрисса, Верховный суд подтвердил конституционность закона, но при этом сузил область применения [13]. Суд обязал предоставлять отчётности по установленным формам, которые должны обновляться в первые десять дней каждого календарного квартала до тех пор, пока продолжается лоббистская деятельность. За нарушение Закона – штраф в размере до 5000 долларов США или тюремное заключение на срок до 12 месяцев с трехлетним запретом на данный вид деятельности.

Также стоит обратить внимание, что, например если потенциальный лоббист тратил на контакты с Конгрессом 40% своего времени, он мог заявить, что это не является его «главной целью», и не регистрироваться. В ответ на вышеуказанные недоработки в 1995 году Конгресс принял закон, призванный устранить лазейки путем повышения ответственности лоббистов. Речь идет о законе «О раскрытии информации о лоббировании» [3]. Вместе с тем закон от 1995 года также имел ряд изъянов. Так, к примеру, странным образом действует запрет на небольшие подарки и угощения для членов Конгресса США в сочетании с возможностью заинтересованных лиц вносить пожертвования для предвыборных кампаний на суммы свыше 5 тыс. долларов. Иными словами, для критиков это выглядит как запрет на «малую» коррупцию при полной легализации «крупной».

Как отмечено выше, лоббисты США считают, что их деятельность защищена Первой поправкой и по их мнению, этого юридического закрепления достаточно. В свою очередь сторонники строго регулирования лоббизма выступают за прозрачность, обязывающую лоббистов раскрывать контакты всех бенефициаров и иных лиц, влияющих на законодательные процессы – многочисленные скандалы и недобросовестное использование денежных средств для оказания влияния на законодателей и их сотрудников является подтверждением необходимости регулирования данной сферы. Например, Закон от 2007 года (HLOGA) ограничил лоббистов в дарении сотрудникам Конгресса США билетов на различные спортивные и другие мероприятия – в данных действиях часто усматривалась мотивация за подобные одолжения получить возможность повлиять на законотворческий процесс [4].

Рассмотрев исторические аспекты развития американского лоббизма, нельзя не отметить, что в настоящее время законодательство о лоббировании продолжает развиваться и активно реформироваться.

Основные изменения и актуальные тренды:

1) Противодействие иностранному влиянию и усиление контроля за зарубежными структурами:

- Закон об улучшении раскрытия лоббистской деятельности от 2025 г. [5]**:** при работе на иностранную сторону лоббисты до принятия закона пользовались возможностью регистрации только через национальный реестр лоббистов (LDA). Указанный законопроект обязывает предоставлять информацию об отсутствии регистрации в качестве «иностранных агентов» согласно закону (FARA) [19].
- Усиление контроля за иностранным влиянием: обязанность организаций сообщать об участии зарубежных бенефициаров в лоббировании решений, даже при отсутствии прямого финансового вклада.
- Доработка закона США об иностранных агентах (FARA) (2025 г.) [7]**:** Минюст США (DOJ) внес изменения по регистрации иностранных агентов, оставив меньше исключений для компаний. Таким образом, под проверку попадало больше консультантов, работающих на иностранный бизнес.

Таблица 1. Сравнение LDA и FARA (2026)

Наименование	LDA (Lobbying Disclosure Act)	FARA (Foreign Agents Registration Act)
Сфера	Регулирование коммерческого лоббизма	Регулирование зарубежного влияния
Признаки отнесения	Затраты и время	Характер деятельности (даже без финансового участия)
Ответственность	Административная, штрафы	Возможна уголовная ответственность

2) Планируемые ограничения для оборонного сектора

- Страновые ограничения (Китай, вступят в силу с июня 2026 г.): в военном секторе США запрещено заключать контракты с организациями, которые нанимают лоббистов, связанных с китайскими военными компаниями [20].

3) Снижение порогов регистрации (In-house лоббизм)

С января 2026 года вступают в силу более жесткие требования для штатных сотрудников компаний:

- Порог регистрации: как указано выше, ранее регистрация требовалась (LDA), если работник занимался лоббизмом большую часть трудового времени – около 32 часов в месяц. Согласно новым правилам, данный порог снижен до 8 часов в месяц. Эта мера вынудит регистрироваться многие компании, которые ранее были в серой зоне [21].

4) Изменение финансовых лимитов (с 2025 г.)

Индексация с учетом инфляции, проводится раз в четыре года:

- **Для лоббистских компаний:** лимит дохода с одного клиента вырос с $3,000 до $3,500 в квартал.
- **Для организаций со своим штатом:** расходы на лоббирование выросли с $14,000 до $16,000 в квартал.
- 5) Этические запреты
- **Разумный срок ротации:** В Конгресс внесены законопроекты, предлагающие запрет бывшим госслужащим заниматься лоббизмом после ухода с госслужбы (на период охлаждения который по состоянию на сейчас составляет в 1–2 года) [6].

2. Лоббизм в ЕС

Вопросы правового регулирования лоббирования входят в наднациональную повестку ЕС в области права. Первые предпосылки к правовому регулированию лоббизма в Европейском союзе возникли в 1996 году, когда Парламент ЕС ввел Кодекс поведения (этики) для лоббистов, который требовал регистрации для получения постоянного пропуска в Парламент [12]. Дальнейшие дискуссии о необходимости правового закрепления отрасли привели к созданию в 2011 году реестра прозрачности ЕС.

Начиная с 2020 года, Комиссия ЕС также готовит ежегодный доклад о верховенстве права, который состоит из обобщенных предложений и 27 страновых глав, которые опираются на проведенную ими качественную оценку [8]. Стоит обра-

тить внимание, что в этих докладах в части регулирования лоббизма Комиссия регулярно критикует многие страны ЕС именно за то, что описывалось выше применительно к США.

Регистрация лоббистов: ЕС активно подталкивает страны к созданию обязательных реестров лоббистов (подобных американскому LDA), так как во многих европейских странах эта деятельность до сих пор регулируется слабо.

Этический запрет (разумный срок ротации): Еврокомиссия часто указывает странам (например, Германии или Франции) на необходимость более длительных «периодов охлаждения», чтобы чиновники не могли сразу после отставки уходить работать лоббистами в корпорации.

Растущее значение правового регулирования лоббирования и отсутствие правовых исследований в ЕС приводят к тому, что юридическая наука упускает из виду весь вопрос, и явление исследуется в основном политологами [18].

Как рассмотрено выше, в модели США закон о лоббировании в первую очередь состоит из правил повышения прозрачности лоббирования через лоббистские реестры. Согласно текущему статусу, законы о лоббировании все-таки присутствуют в ряде европейских стран на национальном уровне. На сегодняшний день около 20 из 36 стран-членов, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, приняли законы о лоббировании. Внутри ЕС семь государств-членов (Австрия, Франция, Германия, Ирландия, Литва, Польша, Словения) и Великобритания как бывшее государство-член приняли законодательство о лоббировании [18]. Доля лоббистско-законодательных государств-членов быстро растет, однако такая фрагментация на национальном уровне формирует риски, когда лоббисты могут выбирать юрисдикции с наименее строгими требованиями. Кроме того, во многих странах ЕС действуют не имеющие обязательной силы правила, регулирующие доступ к лицам, принимающим решения. На уровне ЕС его институты регулируют лоббирование через Европейский реестр прозрачности, созданный в соответствии с межинституциональным соглашением между Парламентом, Советом и Комиссией [10]. Однако регистрация в Европейском реестре прозрачности остается добровольной, и у институтов ЕС мало инструментов, с помощью которых можно заставить лоббистов делать это и раскрывать информацию. Несмотря на это, в Реестре на сегодняшний день есть данные о 16 938 лоббистах [10]. Реестр дополняется правилами Комиссии и Европейского парламента, требующими чтобы их сотрудники Комиссии более высокого уровня и депутаты Европарламента, выполняющие законодательные функции в качестве докладчиков, фиксировали свои заседания в онлайн-календарях [9].

Также в 2021 году вступило в силу Межинституциональное соглашение, которое сделало наличие компании в реестре прозрачности ЕС обязательным для получения доступа к лицам, принимающим решения в органах ЕС (Парламент, Комиссия и Совет ЕС).

Как отмечено выше, новое лоббистское законодательство, принятое в последние годы в ряде европейских стран (Австрия, Франция, Германия, Ирландия, Великобритания), в основном изучается политологами, и мало кто из ученых-юристов уделил какое-либо внимание его эволюции. Одна из причин, по которой юристы не развивали эти области, заключается в том, что они, как правило, смотрят на суды, а затем строят свою научную деятельность вокруг них.

Особое внимание юристов к судам не является тенденцией, наблюдаемой только в Европе. В США темы, связанные с лоббированием, рассматриваются в юридической науке, но даже там юристы, работающие в этой области, отмечают нехватку правовых исследований по лоббированию по сравнению с другими областями, такими как финансирование кампаний, что в США привлекает больше внимания со стороны ученых-юристов [18].

В правовой системе ЕС европейский суд редко сталкивался с делами или юридическими вопросами, которые имели бы последствия для лоббирования и его регулирования, и рассматривал лоббирование только случайно в нескольких случаях. Тот факт, что в ЕС меньше случаев, чем в США, вероятно, как раз является следствием отсутствия законодательства в ЕС и лоббистов ЕС, не имеющих обеспеченных правовой санкцией прав, с помощью которых можно обеспечить доступ к разработке политики, таких как те, которые гарантируются требованиями в США.

Административное и конституционное право, которое было бы очевидной областью для изучения лоббирования, не разработало основу для этого и не рассмотрело последствия лоббирования для функционирования процесса принятия решений в ЕС каким-либо системным или устойчивым образом.

3. Возможности и границы имплементации зарубежного опыта в России

3.1. Сравнительный анализ моделей и их применимость

На основе проведенного анализа можно выделить следующие модели лоббизма.

Институциональная, императивная и реестровая (США)

Консультационная, диспозитивная и реестровая (ЕС)

Гибридная, с учетом национального дробления юрисдикций (ЕС)

Таблица 2. Сравнение моделей лоббизма в США и ЕС.

Параметры сравнения	США	ЕС
Правовые основы	Федеральные и локальные законы, конституция (1-я поправка)	Добровольные реестры, межинституциональные соглашения
Обязательность регистрации в реестрах лоббистов	Да	Нет, но регистрация является требованием для получения доступа к лицам в основных органах ЕС
Предоставление информации о лоббисткой деятельности	Детальный отчет на регулярной основе	Информация на добровольной основе в рамках публичного реестра

В российском научном сообществе исследователи в рамках сравнительного анализа американского и российского опыта лоббизма отмечают схожие черты. В обеих странах лоббизм оказывает реальное влияние на законодательный процесс, однако уровень прозрачности явлений совершенно различен [15]. Европейская модель лоббизма также является более прозрачной сравнительно с российской, несмотря на ее наднациональность.

Как описано выше, американская модель лоббизма является строгой с точки зрения правового закрепления, отчетности и контроля. Как политическое явление лоббизм в США исторически расширял периметр своей деятельности от площадок госорганов до непубличных и светских мероприятий, а методы лоббирования включают высокотехнологичные коммуникации, коалиции между группами и отраслями, разделяющими одни и те же политические цели и кампании по мобилизации избирателей. В этой связи стоит учитывать, что правовая модель лоббизма США сложилась за десятилетия и под воздействием специфической политической системы и высокой степени конкуренции, что, в свою очередь, делает нецелесообразным ее прямое копирование в российскую правовую систему. Для начального этапа видится целесообразным рассмотреть европейский более «мягкий» подход, при котором регистрация в реестре является инструментом обеспечения прозрачности и публичного доверия. После периода адаптации для компаний, дальнейшее правовое развитие может быть направлено на более строгую интеграцию императивных требований и механизмов контроля и отчетности.

3.2. Учет национальных особенностей политико-правовой системы

При рассмотрении возможности введения регулирования лоббизма в Российской Федерации необходимо учитывать ряд особенностей:

1. Значимая часть решений принимается на уровне органов исполнительной власти – необходим соответствующий учет при введении специальных норм.

2. Высокая степень влияния крупного бизнеса – риск того, что государственные органы начинают действовать в интересах монополистов, а не общества.

3. Наличие устойчивых практик взаимодействия бизнеса и госорганов – добросовестные практики могут стать более прозрачными и не должны быть разрушены.

Нельзя не отметить выводы исследователей о том, что эффективность правового закрепления определяется не только наличием закона, но и качеством прозрачности процессов и понятной системой санкций [14].

3.3. Практические рекомендации по формированию российской модели регулирования лоббизма

В рамках проведенного исследования видятся целесообразными следующие предложения по регулированию лоббизма в Российской Федерации.

1) Формирование реестра с регистрацией на добровольной основе на пробный период до двух лет в целях изучения конверсии и первичному выходу компаний из «серого лоббизма». В дополнение к первому этапу целесообразно рассмотреть возможность создания условий, при которых наличие компании в реестре дает преимущества как с точки зрения прозрачности и, соответственно, доверия общества, так и с точки зрения административных процедур.

По аналогии с моделью ЕС данными преимуществами для компаний могут стать [10],[11]:

- **Доступ к госорганам и экспертное влияние**: исключительно те компании, которые находятся в реестре, будут иметь право входить в составы экспертных и рабочих групп, комитетов, межправительственных комиссий и участвовать в консультациях по разработке новых законопроектов.
- **Участие в официальных мероприятиях**: наличие регистрации обязательно для компаний, которые планируют выступления на публичных слушаниях.
- **Аккредитация и пропуски:** зарегистрированные в реестре компании могут запрашивать долгосрочные пропуски для физического доступа в здания органов государственной власти.
- **Публичное доверие**: наличие компании в реестре позволит продемонстрировать приверженность антикоррупционному и добросовестному поведению, что повышает доверие со стороны других коммерческих структур и органов власти.

2) По итогам апробации первого этапа и с учетом наличия государственного интереса к регулированию сферы, целесообразно рассмотрение внедрения более строгого законодательства исходя из американской практики. В частности, на втором этапе речь идет о поэтапном введении обязательной регистрации в открытом реестре. С учетом российской специфики необходимо дать организациям переходный период для внесения в реестр, а также предусмотреть инструменты общественного контроля, обеспечивающие гласность и открытость данных о лоббистах. Таким образом, в дополнение к уже добровольно зарегистрированным организациям, в реестр войдут компании, представляющие интересы коммерческих структур, с последующим распространением требований на некоммерческий сектор.

3) Параллельным ко второму этапу треком осуществляется внедрение отчетности и требований к ней. Стоит обратить внимание, что подходы к отчетности должны обеспечить надлежащую и исчерпывающую информацию о лоббисткой деятельности добросовестных компаний, но при этом не быть избыточной и не формировать дополнительных административных барьеров.

В дополнение к вышеуказанным предложениям целесообразно также учитывать следующие рекомендации:

1) Разделение объектов лоббистского влияния с учетом особенностей национальной правовой системы. Правовое закрепление должно быть направлено не только на представительные органы, но и на исполнительные, такие как федеральные и региональные министерства, а также ведомства и их территориальные подразделения.

2) При внедрении регулирования необходимо также соотносить действующую практику по противодействию иностранному влиянию без чрезмерного воздействия на добросовестных участников рынка, а также четко разграничивать правовое регулирование о лоббизме с антикоррупционным, не подменяя одно регулирование другим.

Заключение

Несмотря на то, что лоббизм существует в любой стране, его природа, степень влияния и особенности функционирования напрямую зависят от уровня каналов взаимосвязи общества, государства и политической системы в целом. Изучение лоббистов было бы не только выгодно для юридической науки, но и юридический вклад также принес бы пользу лоббистской деятельности в ее традиционной политической плоскости.

В США и в ЕС лоббизм уже является правовым явлением и признается на официальном уровне. Американская модель в наибольшей степени юридически формализирована, тогда как европейская акцентирована на добровольные механизмы регистрации лоббистов. В свою очередь, в России в настоящее время лоббизм находится только в процессе становления и в качестве неформальной политической практики и подрядной деятельности.

Отсутствие правового регулирования лоббизма в Российской Федерации создает «теневую» отрасль и формирует коррупциогенные факторы. Таким образом, вопрос о введении специального регулирования лоббизма сохраняет свою актуальность, и при работе над российским законодательством целесообразно использовать позитивные зарубежные практики с учетом национальных особенностей.

По итогу анализа зарубежных моделей видится целесообразным вводить регулирование отрасли поэтапно, интегрируя лоббистов в прозрачную среду. В данном случае оптимальная модель – это создание добровольного реестра

лоббистов, сочетая это с постепенной разработкой более императивных обязательств в отношении регистрации, требований к информации, отчетностям, механизмам контроля, в т.ч. общественного. Введение специального законодательства должно учитывать национальные особенности, не создавать административные барьеры и формировать четкие границы между лоббисткой и коррупционной деятельностью. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение практик саморегулирования в профессиональном сообществе и анализ текущего статуса национального лоббизма, а также идентификацию тех отраслевых задач, которые решает бизнес и государство в целях формирования более детальных предложений по регулированию и дополнительного обоснования необходимости введения специального законодательства.

Список литературы:

[1] Constitution of the United States. First Amendment // Library of Congress. — URL: constitution.congress.gov (дата обращения: 12.03.2026).

[2] Federal Regulation of Lobbying Act of 1946 (2 U.S.C.A. § 261-270). — Текст: электронный.

[3] Lobbying Disclosure Act of 1995 (LDA). Pub. L. № 104-65, 109 Stat. 691. 2 U.S.C.A. § 1601. — Текст: электронный.

[4] Honest Leadership and Open Government Act of 2007 (HLOGA). — URL: www.fec.gov (дата обращения: 12.03.2026).

[5] S.865 — 119th Congress (2025-2026). An Act to improve lobbying disclosures. — URL: www.congress.gov (дата обращения: 12.03.2026).

[6] H.R.351 — 118th Congress (2023-2024). Lobbying Prohibition Act. — URL: www.congress.gov (дата обращения: 12.03.2026).

[7] Federal Register: Amending and Clarifying Foreign Agents Registration Act (FARA) Regulations. — URL: www.federalregister.gov (дата обращения: 12.03.2026).

[8] European Commission. 2025 Rule of Law Report. — URL: commission.europa.eu (дата обращения: 12.03.2026).

[9] Commission Decision of 25 November 2014 (2014/839/EU) on the publication of information on meetings held between Members of the Commission and organisations or self-employed individuals. — URL: eur-lex.europa.eu (дата обращения: 12.03.2026).

[10] EU Transparency Register. — URL: transparency-register.europa.eu (дата обращения: 12.03.2026).

[11] Протокол разногласий EU Transparency Register. — Текст : электронный.

[12] Interinstitutional Agreement of 20 May 2021 between the European Parliament, the Council of the European Union and the European Commission on a mandatory transparency register // Official Journal of the European Union. – 2021. – L 207. – P. 1–17. – URL: eur-lex.europa.eu (дата обращения: 12.03.2026).

[13] United States v. Harriss, 347 U.S. 612, 74 S. Ct. 808, 98 L. Ed. 989 (1954). — Текст : электронный.

[14] Васильева С. В. Правовое регулирование лоббизма: проблемы и перспективы / С. В. Васильева // Сравнительное конституционное обозрение. — 2011. — № 4 (83). — С. 102.

[15] Кочесоков И. Г. Лоббизм как способ проявления общественных целей: опыт зарубежных стран / И. Г. Кочесоков. — Текст : непосредственный.

[16] Любимов А. П. Лоббизм и право : учебник / А. П. Любимов. — Москва, 2022. — Текст : непосредственный.

[17] Bitzer J. M. Tillman Act of 1907 (1907) / J. M. Bitzer // The First Amendment Encyclopedia. — 2009 (updated 2024). — URL: www.mtsu.edu (дата обращения: 12.03.2026).

[18] No Longer Marginal? Finding a Place for Lobbyists and Lobbying in EU Law // European Constitutional Law Review. — Cambridge University Press. — URL: www.cambridge.org (дата обращения: 12.03.2026).

[19] Министерство юстиции предлагает существенные изменения в нормативные акты FARA // Моррисон Фёрстер. — Текст : электронный.

[20] New Law Bars Defense Contractors From Retaining Certain Outside Lobbyists // Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom LLP. — URL: www.skadden.com (дата обращения: 12.03.2026).

[21] Изменения в федеральных правилах внутреннего лоббирования / Изменения в Федеральном законе о лоббировании // Нортон Роуз Фулбрайт / Палата некоммерческих организаций. — Текст : электронный.

References:

[1] Constitution of the United States. First Amendment // Library of Congress. - URL: constitution.congress.gov (access date: 12.03.2026).

[2] Federal Regulation of Lobbying Act of 1946 (2 U.S.C.A. § 261-270). - Text: electronic.

[3] Lobbying Disclosure Act of 1995 (LDA). Pub. L. № 104-65, 109 Stat. 691. 2 U.S.C.A. § 1601. - Text: electronic.

[4] Honest Leadership and Open Government Act of 2007 (HLOGA). - URL: www.fec.gov (access date: 12.03.2026).

[5] S.865 — 119th Congress (2025-2026). An Act to improve lobbying disclosures. - URL: www.congress.gov (access date: 12.03.2026).

[6] H.R. 351 — 118th Congress (2023-2024). Lobbying Prohibition Act. - URL: www.congress.gov (access date: 12.03.2026).

[7] Federal Register: Amending and Clarifying Foreign Agents Registration Act (FARA) Regulations. - URL: www.federalregister.gov (access date: 12.03.2026).

[8] European Commission. 2025 Rule of Law Report. - URL: commission.europa.eu (access date: 12.03.2026).

[9] Commission Decision of 25 November 2014 (2014/839/EU) on the publication of information on meetings held between Members of the Commission and organisations or self-employed individuals. - URL: eur-lex.europa.eu (access date: 12.03.2026).

[10] EU Transparency Register. - URL: transparency-register.europa.eu (access date: 12.03.2026).

[11] EU Transparency Register dispute protocol. - Text: electronic.

[12] Interinstitutional Agreement of 20 May 2021 between the European Parliament, the Council of the European Union and the European Commission on a mandatory transparency register // Official Journal of the European Union. – 2021. – L 207. – P. 1–17. - URL: eur-lex.europa.eu (access date: 12.03.2026).

[13] United States v. Harriss, 347 U.S. 612, 74 S. Ct. 808, 98 L. Ed. 989 (1954). - Text: electronic.

[14] Vasilyeva S.V. Legal regulation of lobbying: problems and prospects/S.V. Vasiliev//Comparative constitutional review. — 2011. — № 4 (83). - S. 102.

[15] Kochesokov I. G. Lobbying as a way of manifesting social goals: the experience of foreign countries/I. G. Kochesokov. - Text: direct.

[16] Lyubimov A.P. Lobbyism and law: textbook/A.P. Lyubimov. - Moscow, 2022. - Text: direct.

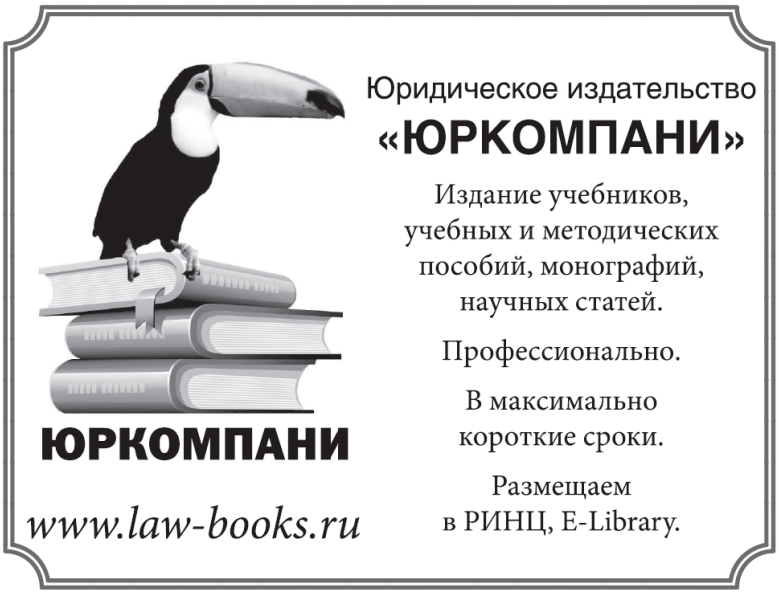
[17] Bitzer J. M. Tillman Act of 1907 (1907) / J. M. Bitzer // The First Amendment Encyclopedia. — 2009 (updated 2024). - URL: www.mtsu.edu (access date: 12.03.2026).

[18] No Longer Marginal? Finding a Place for Lobbyists and Lobbying in EU Law // European Constitutional Law Review. — Cambridge University Press. - URL: www.cambridge.org (access date: 12.03.2026).

[19] DOJ proposes significant changes to FARA regulations//Morrison Förster. - Text: electronic.

[20] New Law Bars Defense Contractors From Retaining Certain Outside Lobbyists // Skadden, Arps, Slate, Meagher & Flom LLP. - URL: www.skadden.com (access date: 12.03.2026).

[21] Changes in Federal Internal Lobbying Regulations/Changes in the Federal Lobbying Act//Norton Rose Fulbright/Chamber of Nonprofits. - Text: electronic.



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-172-178

КАЛИТОВСКИЙ Тимофей Валентинович,
студент 2 курса магистратуры
Международно-правового факультета Федерального
государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Московский государственный институт
международных отношений (университет) Министерства
иностранных дел Российской Федерации»,
e-mail: me@kalitovskiy.ru

ПРОМЕДЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ОРГАНОВ: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА РАССМОТРЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛА В РАЗУМНЫЕ СРОКИ НА ПРИМЕРЕ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Аннотация. *Статья посвящена вопросу промедления административных ведомств США в контексте их общей обязанности по рассмотрению административных дел в разумные сроки. Особое внимание уделяется проблемам терминологии, используемой в Законе об административной процедуре 1946 г., подходам судов к разрешению обозначенной проблемы, а также выработанной ими практики разрешения споров об административном промедлении.*

Ключевые слова: *административное дело, административное промедление, административное ведомство, административное правоприменение, административное бездействие, судебный контроль, разумный срок, закон об административных процедурах.*

KALITOVSKIY Timofey Valentinovich,
2nd year master's student at the International Law School
of the Federal state autonomous institution of higher education
"Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

AGENCY DELAY: THE PROBLEM OF THE EFFECTIVENESS OF JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHT TO TIMELY AGENCY ADJUDICATION IN THE UNITED STATES OF AMERICA

Annotation. *The article is dedicated to the issue of agency delays in the USA in the context of their general duty to resolve administrative cases within a reasonable time. Particular attention is paid to terminological issues arising under the Administrative Procedure Act of 1946, judicial approaches to this problem, and the body of case law developed for the resolution of administrative delay disputes.*

Key words. *Administrative case, agency delay, agency, administrative adjudication, agency inaction, judicial review, reasonable time, administrative procedure act.*

Органы исполнительной власти являются государственными органами, которые взаимодействуют с частными лицами наиболее часто по сравнению с органами иных ветвей власти, и при этом реализуют свои властные полномочия в различных сферах общественной жизни. Промедление административных органов (*agency delay*) является недопустимым, поскольку от этого зависит возможность реализации прав и свобод граждан и организаций. Актуальность данной проблемы подтверждается недавно принятыми Административной конференцией США (*Administrative Conference of United States*) рекомендациями, одной из которых выступила рекомендация о повышении своевременности административного правоприменения (*improving timeliness in agency adjudication*) [1].

Промедление административных органов негативно сказывается прежде всего на интересах частных лиц. Так, нередко приходится ждать около

года решения относительно права на получение социальных пособий по инвалидности или восстановления на работе, с которой лицо было уволено за сообщения о нарушении требований безопасности [6]. Очевидно, что подобное промедление административных органов не позволяет полноценно реализовывать государственную политику, в особенности в социально-экономической сфере. Суды нередко указывали, что необоснованные задержки, возникающие в делах, связанных с «жизнью, свободой или собственностью» лица, можно квалифицировать как нарушение требования о надлежащей правовой процедуре (*due process*), а наличие задержек в деятельности ведомств могут вовсе поставить вопрос о конституционности административно-правового регулирования в определенной сфере[6].

Причины промедления могут быть разнообразными. В юридической литературе, в частности, указываются следующие причины: большая загрузка административных органов, сложность разрешаемых ими вопросов, недостаточное финансирование и кадровое обеспечение, слабая организационная структура и управление, времязатратные процедуры принятия решений, судебный контроль (что косвенно выражается как в возможности возложения на ведомства обязанностей про проведению времязатратных процедур, так и напрямую в невозможности предсказать результат судебного пересмотра решения ведомства) [6, 8].

Не секрет, что административные ведомства обладают ограниченными ресурсами, и несмотря на это, Конгресс все чаще и чаще возлагает на ведомства более сложные задачи, устанавливая обременительные и затратные по времени процедуры [7]. Профессор Ричард Пирс пишет, что повсеместные задержки в деятельности административных органов будут иметь место до тех пор, пока Конгресс не уменьшит количество поручаемых административным ведомствам задач, сложность требуемых для этого процедур и не выделит достаточное финансирование. Данные способы разрешения проблем не доступны ни самим ведомствам, ни частным лицам, взаимодействующим с ними, поэтому они должны прибегать к законодательно установленным механизмам, которые, по мнению проф. Пирса, недостаточны для решения проблемы. К тому же, суды не обладают полномочиями по «разгрузке» ведомств, они не могут упростить рассматриваемые ведомствами вопросы. Следовательно, суды играют лишь ограниченную роль в разрешении данного вопроса. Основную роль в данном случае должны играть именно политические институты, в первую очередь Конгресс.

«*Delay*» («*agency delay*») как термин достаточно часто встречается в законодательных актах (например, 5 U.S.C. § 706(1); 7 U.S.C. § 1736-1(c)(2); 10 U.S.C. § 806b(a)(7); 15 U.S.C. § 717r(d)(2)), однако общепризнанного определения в законодательстве США не выработано [2]. Закон об административной процедуре США признает необходимость своевременного выполнения ведомствами своих обязанностей, устанавливая общее правило о том, что «в пределах разумного срока каждое ведомство должно завершить рассмотрение поставленного перед ним вопроса» (5 U.S.C. § 555), а в качестве средства правовой защиты суд, осуществляющий судебный контроль, может принудить административное ведомство совершить действие, которое данное ведомство незаконно не совершило (*unlawfully withheld*) или совершение которого неразумно задерживается (*unreasonably delayed*) (5 U.S.C. § 706). Тем не менее каких-либо указаний на то, что именно следует считать под «неразумной задержкой», или промедлением, в законе не содержится.

Таким образом, Закон об административной процедуре устанавливает общую обязанность административных ведомств действовать в рамках разумных сроков. В то же время более точные сроки могут быть установлены иными законодательными актами, чем Конгресс часто пользуется [3]. Например, в Законе о свободе информации 1967 г. установлен срок в 20 рабочих дней, в течение которого ведомство обязано принять решение о раскрытии (или нераскрытии) информации при поступлении надлежащего запроса. Суды также могут устанавливать свои собственные сроки по результатам рассмотрения дел об административном промедлении, что будет рассмотрено ниже.

Несмотря на достаточную ясность направлений государственного регулирования, используемые в законе выражения вызывают определенные трудности, связанные с его толкованием и применением.

Прежде всего возникает проблема соотношения «незаконно не совершило» (*unlawfully withheld*) и «неразумно задерживается» (*unreasonably delayed*). Данный вопрос возник в деле *Forest Guardians v. Babbitt*, рассмотренном в 2001 г. Апелляционным судом США по Десятому округу. Суд указал, что ни закон, ни история его принятия, ни руководство Генерального Прокурора по Закону об административной процедуре 1947 г. (*Attorney General's Manual on the Administrative Procedure Act 1947*) не содержат каких-либо указаний на разницу между указанными терминами. Суд, пытаясь придерживаться «здравомысленного» прочтения положений

Закона, пришел к выводу о том, что основное различие между терминами заключается в том, установлен ли законом срок, в течение которого ведомство обязано совершить действие. В случае, если срок не установлен, суд должен принуждать лишь к тому действию, которое неразумно задерживается (*unreasonably delayed)*. Если же Конгресс установил обязательный для соблюдения ведомством срок, то в данном случае следует говорить о незаконно несовершенном действии (*unlawfully withheld)*. Суд подчеркнул, что «иное было бы оскорблением традиции верховенства законодателя и конституционного разделения властей».

Обратный подход поддерживается в делах Апелляционных судов США по Восьмому и Девятому округу: Irshad v. Johnson, 754 F.3d 604, 607 (8th Cir. 2014) и Al Otro Lado v. Exec. Off. for Immigr. Rev., 120 F.4th 606, 624 (9th Cir. 2024) соответственно. Согласно правовым позициям, изложенным в данных делах, «*unlawfully withheld»* следует трактовать как отказ от совершения действия, то есть ситуацию, когда ведомство демонстрирует свое намерение не совершать действие ни в какой момент в будущем. Суды проводят различие между рассматриваемыми понятиями, основываясь на их общепринятом значении[1]: если совершение действия задерживается, можно ожидать, что в будущем, даже при прошествии неразумного количества времени, оно будет совершено, но при отказе никакое ожидание не может изменить ситуацию.

В качестве иллюстрации Суд в деле *Al Otro Lado* привел следующий пример: «Представьте человека, который приходит на почту отправить посылку незадолго до праздников. Сотрудники говорят, что сегодня не примут посылку, потому что очень загружены, но можно прийти завтра. Они не назначают конкретное время и предупреждают, что завтра, вероятно, будет так же загружено, как сегодня. «Просто приходите снова и снова, - говорят они, - и когда-нибудь, может быть через несколько дней, недель или месяцев, почта, возможно, примет посылку». Суд указал, что подобная ситуация является не задержкой, а отказом в предоставлении услуги: в качестве задержки можно было бы квалифицировать данную ситуацию, если бы сотрудники назначили конкретный прием, когда они точно примут посылку, или если бы они сделали очередь ожидания и гарантировали, что будут двигаться по ней, а равно если бы приняли посылку, но не могли быстро отправить.

[1] Следует учитывать, что «withhold» имеет значение «отказываться предоставить что-либо, удерживать, не отдавать» (Cambridge Dictionary).

В рамках обозначенного дела правозащитной организацией, занимающейся защитой прав мигрантов, и рядом физических лиц был подан групповой иск на основании Закона об административной процедуре об оспаривании государственной политики, известной как «*metering*», которая заключалась в следующем: лиц, не являющихся гражданами США, ищущих убежище и не имевших действительных проездных документов, разворачивали на границе, когда соответствующий пункт пропуска считался переполненным. Суд квалифицировал данную политику как незаконное неосуществление административного действия (*unlawfully withheld),* поскольку должностные лица не вели учет тех лиц, кому было отказано в пропуске, не предоставляли возможности подать ходатайство о предоставлении убежища. Такой всеобъемлющий отказ исполнять обязанность по проверке лиц, подающих прошение о допуске на территорию США, и предоставлять им возможность обратиться за убежищем, по мнению суда, не может рассматриваться как промедление.

Учитывая, что под действием ведомства (*agency action*) для целей Закона об административной процедуре понимается и «несовершение действия» (*failure to act),* отказ от совершения ведомством действия можно квалифицировать в качестве самостоятельного решения (действия), что подразумевает определенные последствия: в рассматриваемом случае, если отказ ведомства признается самостоятельным действием, у лица, чьи права нарушены, возникает право не только по обращению в суд за понуждением ведомства совершить действие по § 706(1), но и признать сам такой отказ незаконным по § 706(2). Следовательно, данные положения Закона, которые на первый взгляд кажутся взаимоисключающими, перестают быть таковыми: истцы получают дополнительную свободу в выборе средств правовой защиты [2].

Установление границ между указанными явлениями имеет достаточно важное практическое значение. В частности, это может касаться сроков исковой давности, применение которых к искам из промедления рассматривается как «крайне неуместное» (American Canoe Ass'n v. EPA, 30 F. Supp. 2d 908, 925 (E.D. Va. 1998)). Основным последствием является разница предмета доказывания: если действие признается незаконно несовершенным (*unlawfully withheld*), ведомство нарушает положения Закона об административной процедуре вне зависимости от причин такого поведения. В случае же задержки, суд должен установить, насколько такая задержка считается неразумной.

Определенную сложность также составляет разграничение промедления (*delay*) и бездей-

ствия (*inaction*) административных органов. Одним из возможных подходов является рассмотрение бездействия как состояния, находящегося дальше по шкале «финальности», то есть как ситуации, при которой ведомство выразило свою волю не предпринимать никаких действий. В таком смысле бездействие можно сопоставить с «незаконно несовершенным» действием (*unlawfully withheld*) (5 U.S.C § 706 (1)) и в это же время, будучи финальным решением, бездействие подпадает под режим пересмотра по основанию «произвольности и необоснованности» (*arbitrary and capricious*) в соответствии с 5 U.S.C § 706 (2) [2].

В то же время в литературе можно проследить и иные мнения. Так, некоторые авторы используют термин «бездействие» (*inaction*) в качестве более общего понятия, которое охватывает как промедление (*delay*), так и незаконное несовершение действия (*unlawfully withheld*) [4].

Некоторыми судами выделяются 3 формы бездействия (*inaction*), в отношении которых суд может признать свою юрисдикцию (Sierra Club v. Thomas, 828 F.2d 783, 793 (D.C.Cir.1987)):

1. Административное бездействие является по своей сути финальным решением ведомства, имеющим тот же эффект, что и позитивное действие ведомства;
2. Административное бездействие представляет собой «упорное уклонение такого масштаба, что оно означает фактическое отстранение ведомства от выполнения возложенных на него законом обязанностей»;
3. Административное бездействие совпадает с неразумной задержкой окончательного решения.

Исходя из положений данного судебного акта, можно сделать вывод о том, что «*inaction*» может восприниматься судами как собирательное понятие, к которому можно отнести и промедление, и отказ от совершения определенных действий.

Существование различных подходов объясняется отсутствием термина «*agency inaction*» в законодательстве США об административных процедурах. Исходя из представленных выше позиций, можно выделить два подхода к рассматриваемому понятию: широкий и узкий. Широкий подход рассматривает «бездействие» административных органов как общее понятие для отказа совершать действие и промедления в его совершении. В рамках узкого подхода под «бездействием» понимается именно финальное решение ведомства не совершать конкретное действие, что в большей степени приравнивает его к действию, которое «незаконно не совершено» (*unlawfully withheld*).

При этом можно с уверенностью сказать, что промедление административных ведомств, вне зависимости от того, рассматривается ли оно как самостоятельная форма или же как подвид административного бездействия, является не проявлением свободы усмотрения ведомства, то есть целенаправленным отказом от действий, а скорее результатом ошибок или сбоев в работе ведомства, что выражается в соответствующей задержке.

При рассмотрении дел, связанных с административным промедлением, суды, несмотря на установленную законом обязанность[1] по принуждению ведомства совершить действие, которое неразумно задерживается, должны также соблюдать определенные ограничения.

Во-первых, предметом судебного контроля могут выступать только те действия, которые рассматриваются в качестве таковых законом (то есть *agency action* по смыслу Закона об административной процедуре), а именно принятие нормы, распоряжения или выдача лицензии. Судебная защита возможна в отношении конкретного (*discrete*) действия, которое ведомство обязано совершить по закону (Norton v. Southern Utah Wilderness Alliance, 542 U.S. 55 (U.S.,2004)). Иными словами, законом должна быть установлена обязанность совершить действие, совершение которого не зависит от усмотрения ведомства.

Обратный подход привел бы к тому, что суды оказались бы вовлечены в абстрактные политические дебаты и следили бы за реализацией ведомствами их дискреционных полномочий с учетом обширных законодательных предписаний.

Во-вторых, суды не могут указывать, каким должен быть итоговый результат, поскольку они не могут подменять усмотрение административного ведомства своим собственным [2, 9]. Следовательно, роль суда сводится к тому, чтобы побудить ведомство начать (продолжить) реализацию своих правоприменительных или нормотворческих функций, но не предписывать конкретный результат их реализации.

В-третьих, как указывалось выше, недостаточность ресурсов является одной из главных проблем, с которой сталкиваются административные ведомства в рамках исследуемого вопроса. Если ведомство не обладает достаточными ресурсами для выполнения своих обязанностей, возложенных на него законом, даже десятки лет промедления не могут быть признаны неразумными, поскольку ведомство изначально не может соблюдать все установленные требования не по своей воле. К тому же, в подобной ситуации суд может

[1] В Законе об административных процедурах используется «shall», что означает наличие долженствования, обязанности.

распорядиться совершить какое-либо действие лишь ценой перераспределения и без того дефицитных ресурсов от других дел, которые по своему характеру могут быть настолько же или более приоритетными для ведомства. Верховный Суд США в деле Heckler v. Chaney предостерег нижестоящие суды от подобного подхода, указав, что административные ведомства по общему правилу «гораздо лучше, чем суды, подготовлены к тому, чтобы учитывать множество переменных, связанных с надлежащей расстановкой приоритетов».

В-четвертых, суды должны осторожно подходить к установлению собственных сроков для проведения административных процедур. Можно выделить два вида таких сроков: сроки, установленные для выполнения конкретного административного действия, и сроки, установленные судом на будущее в отношении определенной категории дел. Если с первым видом сроков, как правило, проблем не возникает, то второй вид стал предметом дискуссии в Верховном Суде США.

По делу Heckler v. Day (1984) административные судьи по решению нижестоящих судов были обязаны завершать рассмотрение административных дел в течение 90 дней с момента поступления соответствующего заявления, причем данное требование касалось всех будущих административных дел по разделу II Закона о социальном обеспечении. Верховный суд США, рассматривая данное дело, сформулировал основной вопрос следующим образом: является ли допустимым, при отсутствии прямого законодательного уполномочивания, чтобы федеральный суд устанавливал предельные сроки для рассмотрения ведомством заявлений и выплату компенсаций при их несоблюдении. Большинством в пять голосов против четырех Верховный суд США отменил решения нижестоящих судов, указав, что Конгресс неоднократно отвергал предложения об установлении обязательных сроков для рассмотрения дел о праве на пособие по инвалидности, следовательно, вмешательство судов в данную сферу было бы неоправданным [5]. Также стоит заметить, что устанавливаемые судом предельные сроки делопроизводства в отношении всего класса дел заставляют ведомство перераспределять свои и без того ограниченные ресурсы в ущерб иным направлениям его деятельности. Соответствующее решение должно приниматься только политически подотчетным институтом [6].

Однако подобный подход критикуется: некоторые юристы рассматривают судебное установление обязательных сроков в качестве одного из самых эффективных средств в борьбе с промедлением административных органов [5].

В то же время следует учитывать, что установление судебных сроков не решает проблему ограниченности ресурсов – тот факт, что суд обратил внимание на необходимость соблюдения сроков и установил свой собственный, не предоставляет ведомству дополнительного финансирования или иных возможностей. Ведомство остается в том же состоянии, но уже с необходимостью соблюдать новый срок, установленный судом. Представляется, что судам следует занимать более мягкий подход, например, обязать ведомство предоставить свой собственный график, в соответствии с которым оно может выполнять свои обязанности.

Разрешение дела о промедлении административных ведомств является достаточно сложной, комплексной задачей, которая требует оценки конкретных обстоятельств дела. Подчеркивается, что каких-либо четких критериев для признания того, имело ли место необоснованное административное промедление, нет (Air Line Pilots Ass'n, Intern. v. C.A.B., 750 F.2d 81 (D.C. Cir. 1984)). Суд подчеркнул, что данное обстоятельство вытекает из гибкости ключевого принципа – разумности. Следовательно, во многом признание бездействия административного ведомства промедлением зависит от усмотрения суда.

Тем не менее судебная практика выработала определенные ориентиры, которые должны быть использованы для разрешения данной задачи. Так, Апелляционный суд США по округу Колумбия в деле *Telecommunications Research and Action Center v. F.C.C. (далее – TRAC)* указал, что судам следует принимать во внимание следующие шесть факторов:

1. Время, в течение которого административные органы должны принимать решение, должно быть «разумным» (*governed by a rule of reason*);
2. Установил ли Конгресс расписание или иным образом указал скорость, с которой должен действовать административный орган, соответствующее законодательное указание может конкретизировать правило «разумности»;
3. Промедления, которые могли бы быть разумными в сфере экономического регулирования, менее терпимы, когда затрагиваются здоровье и благополучие людей;
4. Как ускорение задержанного действия повлияет на деятельность административного органа по иным направлениям с более высокими или конкурирующими приоритетами;
5. Характер и значимость интересов, которым причиняется вред;
6. Неправомерные мотивы или недобросовестность, скрывающиеся за медлительностью

административного органа, которые, однако, не обязательно устанавливать суду, чтобы признать, что действие административного органа было неразумно задержано.

Дальнейшая судебная практика показала устойчивость данного подхода, который суды применяют и по настоящий момент (см. например, Konshina v. Rubio, 2025 WL 3706576 (D.Mass., 2025), R.O.A. v. Edlow, 805 F. Supp. 3d 565 (D. Vt. 2025), Belay v. Donis, 799 F.Supp.3d 493 (E.D.Va. 2025)).

В то же время суды отмечают, что данная совокупность факторов полезна, но не является исчерпывающей (Afghan & Iraqi Allies v. Blinken, 103 F.4th 807, 815 (D.C. Cir. 2024)), выделяются иные дополнительные факторы, на которые суду следует обращать внимание. К ним относятся, например, количество времени, прошедшее с момента возникновения у ведомства обязанности действовать, последствия задержки со стороны ведомства, административные ошибки, административное удобство (*administrative convenience*), указания на сложность исполнения законодательных предписаний или необходимость расстановки приоритетов в условиях ограниченности ресурсов (In re International Chemical Workers Union, 958 F.2d 1144 (C.A.D.C.,1992)). Тем не менее, указанные обстоятельства по мере увеличения задержки становятся менее убедительными и должны во всех случаях сопоставляться с потенциальным ущербом (Cutler v. Hayes, 818 F.2d 879 (C.A.D.C.,1987)).

Критерии *TRAC* достаточно сильно критикуются. Указывается, что данные критерии являются слишком гибкими и позволяют суду объяснить любой вывод, к которому он захочет прийти [8], в том числе возникают вопросы о том, как следует трактовать «разумность» (*rule of reason*). При введении указанных факторов оценки суд не указал, какова их взаимосвязь, можно ли признать какие-либо из них более важными, нужно ли устанавливать всю совокупность факторов или части из них будет достаточно и т.п.

Исходя из выработанных критериев, можно сделать вывод о том, что время само по себе в большинстве случаев не может выступать в качестве самостоятельного основания для оправдывания вмешательства суда в административный процесс. Судами подчеркивается, что разрешение вопроса об административной задержке не может ставиться в зависимость от некоторого количества месяцев или лет, по истечении которых административное промедление автоматически становится незаконным (Mashpee Wampanoag Tribal Council, Inc. v. Norton, 336 F.3d 1094 (D.C. Cir. 2003)).

Законодательно установленные предельные сроки могли бы выступать в качестве одного из способов разрешения проблемы промедления административных ведомств, поскольку Конгресс, в отличие от судов, обладает полномочиями по даче ведомствам обязательных указаний относительно того, как ведомству следует распределять его ресурсы для выполнения возложенных на него задач, к чему Конгресс должен подходить продуманно и ответственно. Однако, в реальности складывается прямо противоположная ситуация [7].

Например, согласно исследованию, проведенному в 1985 г., Агентство по охране окружающей среды США могло успешно соблюдать только 17% установленных сроков, общее количество которых равнялось 328 [7].

Конгресс часто устанавливает нереалистичные сроки, которые ведомство не может соблюдать. В итоге все сводится к следующей типичной схеме: Конгресс устанавливает нереалистичный срок; ведомство его не соблюдает; заинтересованное лицо подает иск; суд, формально обязанный каким-либо образом обеспечить применение соответствующих норм, назначает ведомству новый предельный срок; ведомство в последствии так же не в состоянии его соблюсти, из-за чего суд назначает новый срок, и так до тех пор, пока ведомство не завершит рассмотрение административного дела [6].

Довольно показательным примером является дело *Open America v. Watergate Special Prosecution Force*. В рамках данного дела суд отказался применять установленные Законом о свободе информации, поскольку, во-первых, соблюдение подобных сроков было невозможным, а во-вторых, принуждение ведомства соблюдать данные сроки привело бы к тому, что запрос истцов получил бы необоснованный приоритет по сравнению с запросами иных лиц, число которых превышало 5 тысяч[1].

В 2003 г. Верховный Суд США рассмотрел достаточно интересный вопрос о том, сохраняется ли у ведомства соответствующее полномочие, если срок, установленный Конгрессом, истек. Мнение большинства заключалось в том, что, если закон не устанавливает каких-либо последствий за несоблюдение срока, федеральные суды не должны вводить свою собственную принудительную санкцию, и, по мнению Суда, Конгресс не намеревался лишать ведомства их полномочий

[1] В дальнейшем, однако, суды отказывались применять аргументацию, изложенную в деле Open America, указывая, что данная позиция малоприменима в свете поправок 1996 г. в Закон о свободе информации, а также несоразмерна с правами, предусмотренными указанным Законом (Donham v. U.S. Dept. of Energy).

при пропуске срока. Следовательно, ведомства остаются правомочными (Barhhart v. Peabody Coal).

Остальные судьи, однако, пришли к противоположному выводу. Судья Томас в своем особом мнении выразил идею о том, что все законодательно возложенные на ведомства полномочия прекращаются по истечении установленного в законе срока. Представляется, что подобный подход мог бы в значительной степени усложнить реализацию ведомствами своих полномочий, учитывая сотни установленных Конгрессом сроков [6].

Таким образом, административные задержки остаются одной из ключевых причин снижения эффективности государственного управления. Их следует рассматривать не как частную управленческую проблему, а как системный вызов для правового государства. Возникновение задержек связано не только с объемом и сложностью требуемых от административных ведомств формальных процедур, но и с фактическим отсутствием достаточных ресурсов для соблюдения возложенных законом обязанностей, что часто признается одним из важнейших факторов, на который суды обращают свое внимание.

Несмотря на сложившийся механизм судебного принуждения, правоприменительная практика и доктрина показывают его малую эффективность: он фиксирует уже имеющий место сбой, однако обладает ограниченными возможностями повлиять как на саму выявленную задержку, так и на будущее промедление. К тому же отсутствие единообразной практики применения положений Закона об административной процедуре, различное толкование его положений и нечеткие стандарты также указывают на недостаточную разработанность рассматриваемого способа защиты прав.

Список литературы:

[1] Administrative Conference of the United States. Adoption of Recommendations // Federal Register. – 2024. – Т. 89. – С. 1509-1517.

[2] Gavoor A. A., Platt S. A. Agency Delay and the Courts //Administrative Law Review. – 2025. – Т. 77. – С. 761-830.

[3] Gersen J. E., O'Connell A. J. Deadlines in administrative law // University of Pennsylvania Law Review. – 2007. – Т. 156. – С. 923-1008.

[4] Kim B. Missed statutory deadlines and missing agency resources: Reviving historical mandamus doctrine // Columbia Law Review. – 2021. – Т. 121. – С. 1481-1516.

[5] Lee S. F. Administrative Delays Involving Social Security Disability Claims: Heckler v. Day Revisited // Administrative Law Journal – 1988. – Т. 2. – С. 191-216.

[6] Pierce R. J., Jr. Administrative Law Treatise. – 5-е изд. // Aspen Publishers, 2010. – 2241 с.

[7] Pierce R. J., Jr. Administrative Law (Concepts and Insights Series). – 4th ed. – St. Paul, MN: West Academic Publishing, 2024. – 220 с.

[8] Sant'Ambrogio M. D. Agency Delays: How a Principal-Agent Approach Can Inform Judicial and Executive Branch Review of Agency Foot-Dragging // George Washington Law Review. – 2010. – Т. 79. – С. 1381-1448.

[9] Attorney General's Manual on the Administrative Procedure Act. – Washington, D.C.: US Department of Justice, 1947. – 139 с.

References:

[1] Administrative Conference of the United States. Adoption of Recommendations // Federal Register. – 2024. – V. 89. – P. 1509-1517.

[2] Gavoor A. A., Platt S. A. Agency Delay and the Courts //Administrative Law Review. – 2025. – V. 77. – P. 761-830.

[3] Gersen J. E., O'Connell A. J. Deadlines in administrative law // University of Pennsylvania Law Review. – 2007. – V. 156. – P. 923-1008.

[4] Kim B. Missed statutory deadlines and missing agency resources: Reviving historical mandamus doctrine // Columbia Law Review. – 2021. – V. 121. – P. 1481-1516.

[5] Lee S. F. Administrative Delays Involving Social Security Disability Claims: Heckler v. Day Revisited // Administrative Law Journal – 1988. – V. 2. – P. 191-216.

[6] Pierce R. J., Jr. Administrative Law Treatise. – 5th ed. // Aspen Publishers, 2010. – 2241 p.

[7] Pierce R. J., Jr. Administrative Law (Concepts and Insights Series). – 4th ed. – St. Paul, MN: West Academic Publishing, 2024. – 220 p.

[8] Sant'Ambrogio M. D. Agency Delays: How a Principal-Agent Approach Can Inform Judicial and Executive Branch Review of Agency Foot-Dragging // George Washington Law Review. – 2010. – V. 79. – P. 1381-1448.

[9] Attorney General's Manual on the Administrative Procedure Act. – Washington, D.C.: US Department of Justice, 1947. – 139 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-179-186

ОЗИМОК Дмитрий Викторович,
аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ООН: ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ И СНИЖЕНИЯ ПОЛИТИЗАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу ключевых институциональных проблем, ограничивающих эффективность ООН, включая политизацию работы Совета Безопасности, дисбаланс полномочий и недостаточное представительство государств Глобального Юга. Актуальность исследования связана с тем, что в условиях усиливающейся фрагментации международной системы выявление механизмов повышения результативности и снижения политизированности решений ООН становится необходимым для определения реалистичных направлений её реформирования. Материалы и методы. Материальной основой исследования послужили официальные документы ООН и сравнительные данные о реформировании других международных организаций, а методологически работа опиралась на формально-юридический, сравнительно-политический и структурно-функциональный анализ. Результаты и обсуждение. В работе выделены основные институциональные сложности, ограничивающие эффективность ООН, среди которых политизация деятельности Совета Безопасности, неравномерное распределение полномочий между органами и недостаточное представительство государств Глобального Юга. Установлено, что за последние годы значительно укрепились инструменты превентивной дипломатии: число команд PDA увеличилось с 20 до 60, общее количество соответствующих позиций достигло 133 в 69 странах, а объём финансирования превентивных инициатив превысил 6,1 млн долл. США. Проведённый анализ позволил сформулировать направления дальнейшего совершенствования, развитие механизмов процедурной подотчётности при использовании права вето и повышение открытости деятельности Совета Безопасности. Заключение. Полученные результаты показывали, что наиболее реалистичным и практически значимым направлением развития ООН остаётся поэтапное обновление её институциональных механизмов — через укрепление превентивной дипломатии, расширение роли Генеральной Ассамблеи и усиление процедурной подотчётности, что позволяет повышать эффективность системы коллективной безопасности даже при сохраняющихся политических разногласиях между государствами.*

Ключевые слова: *Реформа ООН, институциональная структура, Совет Безопасности, политизация, превентивная дипломатия.*

OZIMOK Dmitry Viktorovich,
PhD Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

REFORMING THE UN'S INSTITUTIONAL STRUCTURE: WAYS TO INCREASE EFFICIENCY AND REDUCE POLITICIZATION

Annotation. *The article examines the key institutional challenges that limit the effectiveness of the United Nations, including the politicization of the Security Council's work, the imbalance of powers among the principal organs, and the insufficient representation of states of the Global South. The*

relevance of the study stems from the fact that, amid the increasing fragmentation of the international system, identifying mechanisms that enhance the UN's effectiveness and reduce the politicization of its decision-making processes has become essential for determining realistic directions for institutional reform. Materials and methods. The study is based on official UN documents and comparative data on reforms undertaken in other international organizations; methodologically, it relies on formal-legal, comparative-political, and structural-functional approaches. Results and discussion. The analysis identifies the main institutional constraints affecting the UN's performance, including the politicization of the Security Council, uneven distribution of powers among the organs, and underrepresentation of Global South states. It is established that recent years have seen significant strengthening of preventive diplomacy tools: the number of PDA teams increased from 20 to 60, the total number of related positions reached 133 across 69 countries, and funding for preventive initiatives exceeded USD 6.1 million. The study also formulates key directions for further improvement, including the development of procedural accountability mechanisms for the use of the veto and enhancing the transparency of the Security Council's activities. Conclusion. The findings demonstrate that the most realistic and practically significant path for the UN is the gradual modernization of its institutional mechanisms—through the enhancement of preventive diplomacy, expansion of the General Assembly's role, and reinforcement of procedural accountability, which together contribute to strengthening the effectiveness of the collective security system even amid persistent political divergences among states.

Key words: *UN reform, institutional structure, Security Council, politicization, preventive diplomacy.*

Введение. В условиях нарастающей фрагментации мирового порядка и ослабления доверия к многосторонним форматам сотрудничества Организация Объединённых Наций формально продолжает выполнять функцию центрального элемента системы коллективной безопасности. Однако её институциональная конструкция всё менее соответствует политическим и правовым реалиям XXI века. Неравномерное распределение полномочий между органами, зависимость ключевых решений от политических установок постоянных членов Совета Безопасности, затянутые процедуры согласования и ограниченное представительство государств Глобального Юга постепенно формируют представление об ООН как о механизме, подверженном политизации и утратившем необходимую гибкость реагирования. В этой связи основная исследовательская задача сводится к выявлению таких институциональных решений, которые могли бы одновременно повысить результативность деятельности организации и снизить уровень её политизированности, прежде всего через обновление процедур Совета Безопасности и пересмотр действующей системы принятия решений [1].

Несмотря на значимый вклад исследователей — среди них К. В. Власова [2], обращающая внимание на системный характер кризиса институтов ООН, Н. А. Васильева [3], анализирующая пределы существующих механизмов глобального управления, К. А. Рыбальченко [4], рассматривающий противоречия между инициативами государств в сфере реформ, К. А. Феофанов [5], подчёркивающий структурные несоразмерности в Совете Безопасности, и В. С. Киченина [6], акцентирующая недостаточность представительности в ключевых органах — современная дискуссия остаётся разрозненной. Научные работы чаще всего ограничиваются анализом отдельных направлений реформирования, таких как корректировка состава Совета Безопасности или изменение режима применения права вето, либо сосредоточены на описании политических позиций государств. В результате институциональные механизмы, которые могли бы уменьшить степень политизации и повысить оперативность решений ООН, изучены недостаточно. Также отсутствует согласованный подход к тому, какие изменения в структуре и процедурах организации способны обеспечить одновременно и легитимность, и высокую результативность её деятельности в условиях усиливающейся многополярности. Эти исследовательские пробелы подтверждают актуальность дальнейшего комплексного институционально-правового анализа, поскольку именно такой подход позволяет определить наиболее реалистичные направления реформы ООН, отвечающие запросам современной международной системы.

Цель исследования заключается в определении институциональных и правовых решений, которые позволят повысить результативность работы ООН и уменьшить уровень её политизированности в условиях меняющейся международной структуры.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили официальные документы и заявления ООН последних лет, среди которых

решения Генеральной Ассамблеи, резолюции по реформированию Совета Безопасности, доклады Генерального секретаря, данные совместных программ ПРООН–ДППВ, а также сравнительные материалы, отражающие реформы НАТО, ВТО и ОБСЕ. Методологическая основа исследования включала формально-юридический анализ институциональных механизмов ООН, сравнительно-политический подход для сопоставления трансформаций в других международных организациях и элементы структурно-функционального анализа, позволяющие оценить влияние превентивной дипломатии, процедурной подотчётности и внешних механизмов контроля на работу Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи.

Результаты и обсуждение. Официальные документы и заявления ООН последних лет подтверждают, что обновление институциональной структуры организации рассматривается государствами как необходимое условие повышения её эффективности и легитимности. Центральное место в этой повестке занимает реформирование Совета Безопасности: Генеральная Ассамблея последовательно подчёркивает необходимость продолжения межправительственных переговоров в формате IGN, направленных на более справедливое распределение мест и расширение состава с учётом интересов Африки, Латинской Америки и других недопредставленных регионов [7]. Существенное внимание уделяется и вопросу применения права вето: всё больше государств выступает за установление более чётких правил его использования и рассматривает возможность добровольного ограничения в случаях массовых преступлений. Одновременно усиливается интерес к укреплению роли Генеральной Ассамблеи в ситуациях, когда деятельность Совета Безопасности заблокирована, включая использование механизмов типа «Uniting for Peace». В дискуссиях подчёркивается и необходимость устранения исторических дисбалансов в составе Совета, что рассматривается как важный шаг к повышению его представительности и легитимности [8, 9]. Наконец, в международной практике усиливается внимание к инструментам превентивной дипломатии и миротворчества. В ряде мандатов подчёркивается, что эффективное предотвращение конфликтов невозможно без обновления процедур как Совета Безопасности, так и Генеральной Ассамблеи. Такой подход фиксирует стремление государств рассматривать реформу ООН комплексно — как процесс, направленный на повышение её способности предотвращать кризисы и обеспечивать устойчивое поддержание мира.

Реформаторская повестка, продвигаемая Генеральным секретарём ООН в Декларации по случаю 75-летия организации и в докладе «Наша общая повестка дня», подчёркивает необходимость адаптации многосторонней системы к новым вызовам. В этих документах акцент делается на усилении инструментов превентивного реагирования, повышении подотчётности Совета Безопасности и укреплении роли универсальных органов, что формирует общую рамку обсуждений институционального обновления ООН [10]. Схожие процессы наблюдаются и в других международных организациях, где реформы нацелены на повышение устойчивости механизмов управления и способность эффективнее реагировать на меняющуюся конфигурацию глобальной безопасности и мировой экономики. Так, НАТО корректирует свои стратегические приоритеты в условиях растущей геополитической конкуренции [11]; ВТО работает над модернизацией системы урегулирования споров и пересмотром процедур принятия решений [12]; а ОБСЕ обновляет инструменты доверия и раннего предупреждения, пытаясь действовать в рамках сохраняющихся консенсусных ограничений [13]. Данные примеры демонстрируют общий для международных институтов курс на институциональную адаптацию и позволяют сопоставить различные подходы к модернизации механизмов управления. Такое сравнение подчёркивает и обоснованность комплексного анализа реформ в системе ООН, поскольку последние не происходят изолированно, а развиваются на фоне широкой трансформации мировой институциональной архитектуры. В этой связи далее представлена таблица (*табл. 1*), в которой отражён сравнительный анализ реформ в указанных международных организациях.

Таблица 1. Сравнительный анализ реформ в других международных организациях (контекст для ООН)

Организация	Основной вектор реформ	Ключевые драйверы изменений	Значение для контекста реформ ООН
НАТО	Стратегическая адаптация: усиление сдерживания и обороны, развитие кризисного управления и кооперативной безопасности, расширение политического измерения деятельности	Радикальное ухудшение среды безопасности, возвращение конфронтации великих держав, новые угрозы (кибер, гибридные, пространство)	Демонстрирует, как организация с жёстким мандатом в области безопасности институционально «переписывает» свою стратегию под изменившийся баланс сил — важный ориентир для переосмысления роли Совета Безопасности ООН
ВТО	Институциональная реформа системного характера: восстановление работоспособности системы урегулирования споров, повышение прозрачности, совершенствование процедур принятия решений	Застой многосторонних переговоров, кризис механизма апелляции, рост односторонних мер и региональных соглашений	Показывает, как организация с универсальным членством пытается устранить «процедурный паралич» через институциональные изменения, что концептуально близко проблеме политизации и блокирования решений в ООН
ОБСЕ	«Мягкая» институциональная перенастройка: укрепление управления сектором безопасности, обновление мер доверия и безопасности, развитие инструментов раннего предупреждения и наблюдения	Накопление кризисов доверия в евроатлантическом пространстве, ограниченность мандата, консенсусный характер решений, блокировки в политико-военном измерении	Иллюстрирует постепенный, «эволюционный» подход к реформам в организации с консенсусом и широкой повесткой безопасности, задавая полезный сравнительный фон для обсуждения возможной эволюции институтов ООН без радикального пересмотра Устава

В соответствии с официальной повесткой Генерального секретаря, изложенной в докладе «Наша общая повестка дня» и Политическом руководстве «Новая повестка дня для мира», повышение эффективности ООН напрямую связывается с укреплением институциональных основ превентивной дипломатии и более активным задействованием потенциала Генеральной Ассамблеи в сфере поддержания международного мира и безопасности. В этих документах профилактика конфликтов определяется как центральный элемент обновлённой архитектуры мира, а особое внимание уделяется формированию национальных стратегий предупреждения и системной поддержке, которую секретариат и страновые команды ООН должны обеспечивать государствам [14].

Практическая реализация этих подходов проявляется в существенном расширении кадровых и инструментальных возможностей превентивной дипломатии. В рамках совместной программы ПРООН–ДППВ (UNDP–DPPA) число команд советников по вопросам мира и развития (Peace and Development Advisors, PDA) за 2018–2023 гг. увеличилось с 20 до 60, а количество национальных должностей — с 10 до 46. К концу 2023 г. функционировало уже 133 PDA-позиции в 69 государствах, причём в среднем 79 % советников были вовлечены в проекты, связанные с превентивной дипломатией, посредничеством и диалоговыми процессами. Одновременно объём финансирования соответствующих инициатив вырос более чем в два раза и охватил 83 проекта на сумму свыше 6,1 млн долл. США [15].

Совокупность этих данных показывает, что институционально оформленная превентивная дипломатия на уровне секретариата и страновых команд, а также расширяющаяся практическая роль Генеральной Ассамблеи в вопросах поддержания мира и безопасности (включая использование механизма Uniting for Peace) становятся ключевыми направлениями повышения эффективности деятельности ООН. Эти направления также позволяют частично обходить наиболее политизированные процедуры Совета Безопасности. Примерная динамика основных количественных показателей представлена в таблице (*табл. 2*).

Таблица 2. Примеры количественных показателей институционализации превентивной дипломатии и усиления роли Генеральной Ассамблеи

Показатель	2023 год
Число команд Peace and Development Advisors (PDA) в рамках совместной программы ПРООН–ДППВ	60
Число национальных должностей Peace and Development Officers (PDO)	46
Общее количество PDA-позиций (международные, национальные, UNV и др.)	133 (69 стран)
Доля PDA, задействованных в инициативах по превентивной дипломатии, посредничеству и диалогу (среднее за 2019–2023 гг.)	79 %
Число утверждённых превентивных инициатив, профинансированных через Joint Programme (2019–2023 гг.)	83 инициативы (≈ 6,15 млн долл. США)

За последнее время последовательно отмечается, что политизация деятельности Совета Безопасности, прежде всего связанная с применением права вето, остаётся одним из главным препятствий для эффективного функционирования его механизмов принятия решений и полноценной реализации принципа равноправия государств-членов. В ответ на эту проблему 26 апреля 2022 г. Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 76/262 — так называемую «инициативу по праву вето», которая вводит обязательную процедуру проведения дебатов в Генеральной Ассамблее каждый раз, когда один из постоянных членов использует вето. Этот механизм направлен на повышение прозрачности и подотчётности действий Совета Безопасности: он предусматривает представление соответствующего доклада СБ и последующее обсуждение вопроса в Ассамблее в установленном порядке, что отражает стремление ограничить неконтролируемое применение вето в системе коллективной безопасности [16].

Дополнительно подчёркивается необходимость укрепления эффективности ООН за счёт расширения практики мандатов раннего предупреждения, что позволяет оперативно выявлять риски и снижать нагрузку на процедуры СБ. В качестве ещё одного направления рассматривается формализованное закрепление роли Генеральной Ассамблеи в ситуациях, когда деятельность Совета оказывается заблокированной, включая использование специальных процедур для рассмотрения кризисных вопросов. Наряду с этим обсуждается институционализация консультационных механизмов между ООН и региональными организациями, что может повысить согласованность их действий и ускорить выработку коллективных решений.

Параллельно официальные дебаты в Генеральной Ассамблее подчёркивают, что сопоставление решений Совета Безопасности с интересами более широкого круга государств требует дополнительных процедур внешней оценки последствий использования вето. Минимальным инструментом такой оценки выступают обсуждения в Ассамблее и обязательная публикация отчётов СБ о случаях применения вето, что формирует элемент внешнего контроля над закрытой практикой голосования в Совете. Таким образом, современные официальные инициативы сосредоточены прежде всего на том, чтобы упорядочить использование права вето через введение процедурной подотчётности и обязательных дебатов в

Генеральной Ассамблее, а также создать механизмы внешней оценки решений Совета Безопасности посредством регулярных обсуждений и представления отчётов. Эти меры направлены на снижение степени политизации и укрепление коллективной ответственности в работе ключевого органа международной безопасности. Вместе с тем подчёркивается необходимость усиления роли независимых экспертных и оценочных механизмов, способных обеспечивать более объективный анализ последствий решений СБ. Дополнительное значение придаётся повышению транспарентности его заседаний, включая расширение практики открытых обсуждений. Отдельно отмечается важность обязательной публикации мотивированных обоснований позиций государств при голосовании, что позволяет повысить предсказуемость действий членов Совета и укрепить доверие к его процедурам.

Опираясь на анализ ключевых инициатив по повышению эффективности и снижению политизированности в деятельности институтов ООН, можно выделить три реалистичных сценария дальнейшего развития организации. Первый — эволюционный — связан с закреплением уже начавшихся изменений: расширением инструментов превентивной дипломатии, усилением роли Генеральной Ассамблеи в условиях блокировок в Совете Безопасности и развитием процедурной подотчётности при использовании права вето. В этом контексте важное значение приобретает укрепление аналитической и мониторинговой инфраструктуры Секретариата, повышение автономии подразделений, отвечающих за оценку угроз, а также корректировка процедур избрания непостоянных членов Совета Безопасности для расширения региональной представительности. Этот сценарий представляется наиболее вероятным, поскольку не требует изменения Устава и соответствует существующим политическим возможностям государств.

Второй — реформаторский — связан с более глубокими изменениями в институциональной архитектуре ООН. Он включает перераспределение полномочий между органами, пересмотр мандатов миротворческих операций, обновление кадровой политики Секретариата, а также возможные, хотя и политически чувствительные, поправки к Уставу. Среди них — регулирование или ограничение применения права вето и расширение состава Совета Безопасности. Реализация этого сценария возможна только в условиях формирования широкого межрегионального консенсуса, прежде всего среди постоянных членов СБ.

Третий — консервативный — предполагает сохранение существующей конфигурации, когда развитие отдельных инициатив продолжается главным образом на уровне докладов Генерального секретаря и решений Генеральной Ассамблеи, но структурные барьеры, такие как политизация СБ и механизм вето, остаются неизменными. В этом случае можно ожидать дальнейшую фрагментацию многосторонней системы и постепенное усиление роли региональных организаций в вопросах безопасности (*рис. 1*).

Рис. 1. Возможные сценарии реформ ООН

В совокупности рассмотренные процессы показывают, что ООН уже движется по пути институциональной адаптации через превентивную дипломатию, расширение функциональной роли Генассамблеи и введение элементов внешней оценки решений СБ. В условиях сохраняющейся конфронтации великих держав наиболее вероятным остаётся эволюционный сценарий — постепенное укрепление эффективности и транспарентности без радикального пересмотра Устава, тогда как реформаторский вариант возможен лишь при существенном изменении политической конфигурации международной системы.

Заключение. Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что изменения в институциональной структуре ООН развиваются главным образом в направлении постепенной адаптации, опирающейся на расширение инструментов превентивной дипломатии, усиление роли Генеральной Ассамблеи в вопросах международной безопасности и внедрение механизмов процедурной подотчётности, прежде всего в сфере применения права вето. Подобная динамика отражает стремление государств повысить результативность и открытость системы коллективной безопасности, не прибегая к радикальному пересмотру Устава, что в целом соответствует действующему балансу политических интересов. В то же время сохраняющиеся структурные ограничения — политизация работы Совета Безопасности, ограниченное представительство регионов и зависимость решений от позиции постоянных членов — указывают на границы возможных изменений в нынешних условиях. Поэтому наиболее вероятным направлением развития ООН остаётся последовательное обновление существующих механизмов, тогда как переход к более глубоким реформам возможен только при изменении расстановки сил на международной арене и появлении более широкого межгосударственного согласия.

Список литературы:

[1] Международная панорама // ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18746005 (дата обращения: 15.02.2026).

[2] Власова Ксения Викторовна, Тимченко Владислав Алексеевич. Реформа ООН и ее влияние на современную систему международных отношений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 121–129.

[3] Васильева Наталия Алексеевна. ООН: кризис глобального управления // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 20–35. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-20-35.

[4] Рыбальченко К.А., Тен К.И. Кризис глобального управления ООН: проблемы функционирования и возможные противоречия при проведении реформ // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. Т. 1. № 187. С. 105–112.

[5] Феофанов Константин Анатольевич. Проблемы реформирования Совета Безопасности ООН // Научно-аналитический журнал «Обозреватель – Observer». 2024. № 4 (405). С. 5–19. DOI: 10.48137/2074–2975_2024_4_5.

[6] Киченина Виктория Сергеевна, Ставцова Алина Олеговна, Рязанский Александр Алексеевич. К вопросу о перспективе реформирования Совета Безопасности ООН // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 223–227.

[7] Reform of the Security Council // United Nations. URL: https://www.un.org/en/ga/screform/ (дата обращения: 24.02.2026).

[8] General Assembly Debates on Security Council Reform // United Nations Press. 2025. URL: https://press.un.org/en/2025/ga12733.doc.htm (дата обращения: 15.02.2026).

[9] UN Security Council Reform: The Urgent Need to Decolonize // Modern Diplomacy. 2024. URL: https://moderndiplomacy.eu/2024/03/29/un-security-council-reform-the-urgent-need-to-decolonize/ (дата обращения: 15.02.2026).

[10] Resolution A/RES/75/1. Declaration on the Commemoration of the Seventy-Fifth Anniversary of the United Nations // United Nations. URL: https://docs.un.org/ru/a/res/75/1 (дата обращения: 15.02.2026).

[11] NATO 2022 Strategic Concept // NATO. URL: https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/strategic-concepts/nato-2022-strategic-concept (дата обращения: 15.02.2026).

[12] WTO Ministerial Conference 12 // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc12_e/mc12_e.htm (дата обращения: 15.02.2026).

[13] OSCE Policy Documents // OSCE. URL: https://www.osce.org/node/660109 (дата обращения: 15.02.2026).

[14] Our Common Agenda. New Agenda for Peace: Policy Brief // United Nations. 2025. URL: https://www.un.org/climatesecuritymechanism/sites/default/files/2025-06/our-common-agenda-policy-brief-new-agenda-for-peace-en_0.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

[15] UNDP–DPPA Joint Programme Annual Report 2023 // United Nations. URL: https://dppa.un.org/sites/default/files/undp_joint_annual_23_web_single_page_0.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

[16] General Assembly Meeting Coverage: Veto Initiative // United Nations Press. 2022. URL: https://press.un.org/en/2022/ga12417.doc.htm (дата обращения: 15.02.2026).

References:

[1] International panorama//TASS. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18746005 (access date: 15.02.2026).

[2] Vlasova Ksenia Viktorovna, Timchenko Vladislav Alekseevich. UN reform and its impact on the modern system of international relations//Bulletin of Tomsk State University. 2022. № 476. S. 121-129.

[3] Natalia Vasilyeva. UN: global governance crisis//Izvestia Tula State University. Humanities. 2023. № 1. S. 20-35. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-20-35.

[4] Rybalchenko K.A., Ten K.I. The crisis of UN global governance: problems of functioning and possible contradictions during reforms//Ethnosocium and interethnic culture. 2024. VOL. 1. № 187. S. 105-112.

[5] Feofanov Konstantin Anatolyevich. Problems of reforming the UN Security Council//Scientific and analytical journal "Observer - Observer." 2024. № 4 (405). S. 5-19. DOI: 10.48137/2074–2975_2024_4_5.

[6] Victoria Sergeevna Kichenina, Alina Olegovna Stavtsova, Alexander Alekseevich Ryazansky. On the prospect of reforming the UN Security Council//Legal Science. 2023. № 5. S. 223-227.

[7] Reform of the Security Council // United Nations. URL: https://www.un.org/en/ga/screform/ (access date: 24.02.2026).

[8] General Assembly Debates on Security Council Reform // United Nations Press. 2025. URL: https://press.un.org/en/2025/ga12733.doc.htm (access date: 15.02.2026).

[9] UN Security Council Reform: The Urgent Need to Decolonize // Modern Diplomacy. 2024. URL: https://moderndiplomacy.eu/2024/03/29/un-security-council-reform-the-urgent-need-to-decolonize/ (дата обращения: 15.02.2026).

[10] Resolution A/RES/75/1. Declaration on the Commemoration of the Seventy-Fifth Anniversary of the United Nations // United Nations. URL: https://docs.un.org/ru/a/res/75/1 (access date: 15.02.2026).

[11] NATO 2022 Strategic Concept // NATO. URL: https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/strategic-concepts/nato-2022-strategic-concept (дата обращения: 15.02.2026).

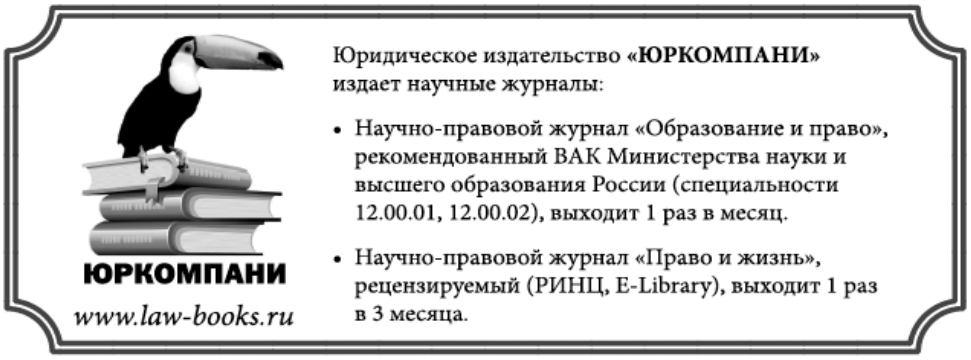
[12] WTO Ministerial Conference 12 // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc12_e/mc12_e.htm (access date: 15.02.2026).

[13] OSCE Policy Documents // OSCE. URL: https://www.osce.org/node/660109 (access date: 15.02.2026).

[14] Our Common Agenda. New Agenda for Peace: Policy Brief // United Nations. 2025. URL: https://www.un.org/climatesecuritymechanism/sites/default/files/2025-06/our-common-agenda-policy-brief-new-agenda-for-peace-en_0.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

[15] UNDP–DPPA Joint Programme Annual Report 2023 // United Nations. URL: https://dppa.un.org/sites/default/files/undp_joint_annual_23_web_single_page_0.pdf (дата обращения: 15.02.2026).

[16] General Assembly Meeting Coverage: Veto Initiative // United Nations Press. 2022. URL: https://press.un.org/en/2022/ga12417.doc.htm (access date: 15.02.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-187-191

ДЕНИСЕНКО В.В.,
Д-р юрид. наук,
профессор кафедры публичного права
МГИМО МИД России, г. Москва,
e-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

КРИВЦОВ С.Д.,
Студент бакалавриата 4 курса,
МГИМО МИД России, г. Москва,
e-mail: stepan.krivtsov@icloud.com

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПАРЛАМЕНТА ИСПАНИИ СПОСОБЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *В статье исследуются проблемы и перспективы демократизации парламента Королевства Испания в условиях современного политического кризиса и роста общественного запроса на прозрачность власти. Актуальность темы обусловлена необходимостью преодоления системных дисфункций представительной демократии, включая доминирование исполнительной власти, жесткую партийную дисциплину («партиократию») и искажения избирательной системы. Автор анализирует влияние членства в Европейском союзе на национальный суверенитет, а также последствия каталонского кризиса и недавних политических решений для легитимности институтов. На основе сравнительного правового анализа выявлены недостатки метода д'Ондта и провинциального принципа формирования Конгресса депутатов. В качестве путей совершенствования предлагаются реформа избирательной системы, ограничение конституционных инструментов давления правительства на законодателей, внедрение элементов прямой демократии и цифровизация взаимодействия с гражданами. Опыт Латинской Америки (Чили, Перу) рассматривается как модель для внедрения виртуальных законодательных форумов. Делается вывод о необходимости институциональной адаптации парламента для повышения общественного доверия и соответствия требованиям современного общества.*

Ключевые слова: *Испания; парламент; демократизация; избирательная система; партиократия; цифровые технологии; гражданское участие; Европейский союз; каталонский кризис.*

DENISENKO V.V.,
Doctor of Law Sciences,
Professor of the Department of Public Law
at MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Moscow

KRIVTSOV S.D.,
4th year undergraduate student,
MGIMO Russian Ministry of Foreign Affairs,
Moscow

DEMOCRATIZATION OF THE SPANISH PARLIAMENT WAYS AND PERSPECTIVES

Annotation. *The article examines the problems and prospects for the democratization of the Parliament of the Kingdom of Spain amidst a modern political crisis and growing public demand for government transparency. The relevance of the topic is due to the need to overcome systemic dysfunctions of representative democracy, including the dominance of the executive branch, strict party discipline ("partitocracy"), and distortions in the electoral system. The author analyzes the impact of*

European Union membership on national sovereignty, as well as the consequences of the Catalan crisis and recent political decisions for institutional legitimacy. Based on comparative legal analysis, shortcomings of the d'Hondt method and the provincial principle of forming the Congress of Deputies are identified. As ways to improve the system, the article proposes electoral reform, limiting constitutional tools of government pressure on legislators, introducing elements of direct democracy, and digitizing interaction with citizens. The experience of Latin America (Chile, Peru) is considered as a model for implementing virtual legislative forums. It is concluded that institutional adaptation of the parliament is necessary to increase public trust and meet the demands of modern society.

Key words: *Spain; parliament; democratization; electoral system; partitocracy; digital technologies; civic participation; European Union; Catalan crisis.*

В условиях представительной демократии парламент выступает ключевым институтом, обеспечивающим выражение народного суверенитета, политическое посредничество между обществом и государством, а также контроль над исполнительной властью. В Испании, как и в других европейских демократиях, вопросы демократизации парламента сохраняют актуальность, несмотря на завершённый процесс демократического перехода после падения франкистского режима [1].

Современные вызовы, включая кризис доверия к политическим институтам, рост политического плюрализма и требования большей открытости власти, обусловливают необходимость дальнейшего совершенствования парламентской демократизации.

Помимо внутреннего политического кризиса Испанское правительство ограничило себя и свое общество в плане предоставления и осуществления демократических прав, путем вступления в Европейский союз (далее — ЕС).

Проблема вступления Испании в ЕС заключается в том, что страны члены не могут вводить нормы, которые будут противоречить документам ЕС и решениям суда ЕС о политических правах и свободах. Помимо возможной проблемы коллизии норм национального права с правом ЕС, ряд стран ЕС, в том числе и Испания, уже сталкивалось с вопросом корректного применения норм национального права в глазах суда ЕС.

Об отсутствии полноценной демократии свидетельствуют некоторые действия правительства при попытке отделения Каталонии от Испании. В 2017 году Каталония попыталась отделиться в обход законодательной процедуры. После провозглашения независимости Карлесом Пучдемоном центр Испании принял ряд решений, некоторые из которых, на взгляд автора, не являются демократическими. К таким решениям можно отнести применение чрезмерной силы к мирным гражданам собравшихся у избирательных участков.

Также на данный момент парламент Испании характеризуется значительной степенью поляризации. Данный процесс имеет место быть из-за того, что правящая партия амнистировала региональное правительство, организовавшее незаконный референдум в 2017 году [2].

С одной стороны, данное решение не способствует процессу демократизации парламента, поскольку нарушает решение верховного суда, а как следствие нарушает принцип верховенства права. С другой стороны, данное решение способствует демократизации, поскольку признает желание правительства решать конфликты не силовым, а политическим путем, также данное действие подчеркивает, что правительство желает вести диалог с регионами, а также признает их автономию.

Демократизация парламента, на взгляд автора, в данном контексте предполагает уточнение механизмов взаимодействия с гражданами с целью более точного отражения политических предпочтений населения, что, в свою очередь, усиливает легитимность законодательного органа.

Будет представлено несколько предложений, благодаря которым возможно будет повысить демократизацию парламента.

В качестве решения, можно провести апробацию механизма, при котором, например, будет отдано предпочтение не смешанной форме демократии, а прямой. Непосредственная сила прямой демократии заключается в ее беспристрастности, каждый гражданин волен сам принимать решение и изъявлять свою позицию касаемо конкретного вопроса. Отличным примером прямой демократии является Древняя Греция, в которой решения принимались почти буквально всем населением [3]. Несмотря на то, что институт прямой демократии предоставляет прозрачность, общественную вовлеченность в политический процесс, а также граждане напрямую принимают важные решения, такой механизм обладает рядом недостатков, среди которых присутствуют: низкая квалификация большинства в узко направленных сферах, медленность процесса и другие. Усиление прямой демократии может проявляться в обязательности для всех определенного процента граждан в Испании голосовать за или против конкретного законопроекта. Также, автором предлагается вариант, при котором участвовать в голосовании за конкретный законопроект будут граждане, которые

обладают необходимой квалификацией и опытом в сфере, касающейся принимаемого или изменяемого закона. Подобные инструменты позволяют гражданам не только участвовать в выборах, но и оказывать влияние на содержание публичной политики, что усиливает демократический характер парламентской системы.

Помимо того, что можно в Испании улучшить процедуру принятия законов, и тем самым повысить демократизацию парламента, также стоит обратить внимание на политический аспект, а именно на избирательную систему. Особенность избирательной системы Испании заключается в том, что данная страна использует систему пропорционального представительства с использованием метода д'Ондта в 52 многомандатных округах, соответствующих провинциям [4]. Согласно исследованию Хосепа М. Коломера, данная система создает значительные искажения в представительстве [5]. Провинциальный принцип приводит к тому, что голоса избирателей в малонаселенных районах имеют больший вес, чем в крупных городах (Мадрид, Барселона). Это благоприятствует крупным традиционным партиям (Народная партия и Испанская социалистическая рабочая партия) и затрудняет вход в парламент малым и новым политическим силам, даже если они набирают значительный процент голосов на национальном уровне.

Для демократизации системы предлагается два основных пути. Во-первых, создание единого национального избирательного округа, что максимально выровняет вес каждого голоса. Во-вторых, сохранение провинциальных округов, но с введением корректирующего механизма распределения мест на национальном уровне для компенсации диспропорций. Кроме того, снижение избирательного порога с 3% до 1% в рамках округа могло бы повысить плюрализм, не создавая угрозы фрагментации, характерной для чистых мажоритарных систем.

В современной испанской политологии широко распространён термин «партиократия» (partitocracia), описывающий систему, в которой политические партии монополизируют функцию посредничества между государством и обществом, фактически подчиняя себе институты представительной демократии. Как отмечает Питер Матушек, испанский парламент является хрестоматийным примером такой модели, поскольку партийные интересы нередко превалируют над общественным благом, будь то интересы национальной политики или европейской интеграции [6]. Эта система сформировалась в период постфранкистского перехода к демократии, когда централизованные партийные структуры стали главным механизмом политической стабилизации, однако со временем их доминирование породило ряд системных дисфункций, ограничивающих самостоятельность законодательной власти.

Ключевым инструментом, посредством которого исполнительная власть осуществляет контроль над парламентом, является статья 113 Конституции Испании 1978 года, регулирующая процедуру вынесения правительству вотума недоверия (moción de censura). Данная норма, заимствованная из немецкой конституционной практики, требует, чтобы инициатива о недоверии одновременно предлагала кандидатуру нового председателя правительства, что существенно повышает политические риски для оппозиции и снижает вероятность успешного применения этого механизма. На практике статья 113, наряду со статьёй 112, позволяющей правительству ставить вопрос о доверии (cuestión de confianza), используется не только как средство парламентского контроля, но и как инструмент дисциплинирования правящего большинства. Депутаты, опасаясь падения кабинета и внеочередных выборов, вынуждены голосовать солидарно с правительством даже по тем законопроектам, которые могут противоречить интересам их избирателей или их личным убеждениям [7].

Этот механизм усиливается жёсткой партийной дисциплиной (disciplina de partido), которая является неотъемлемой чертой испанской партийной системы. Институциональной основой такой дисциплины служат закрытые и блокированные избирательные списки (listas cerradas y bloqueadas), при которых избиратели голосуют за партийный перечень кандидатов целиком, не имея возможности изменить порядок их следования. В результате депутаты обязаны своим мандатом не столько электорату, сколько партийному руководству, что создаёт мощный стимул к лояльности. Пропорциональная система с закрытыми списками действительно генерирует высокую сплочённость парламентских групп, однако одновременно снижает уровень законодательной специализации из-за высокой ротации депутатов и приоритета партийной карьеры над профессиональной экспертизой. Партийное руководство, контролируя доступ к ресурсам — должностям в комитетах, медиа-площадкам, финансированию кампаний и перспективам карьерного роста — получает эффективные рычаги воздействия на рядовых парламентариев, а санкцией за непослушание становится исключение из фракции или невключение в список на следующих выборах.

Следствием описанной модели становится ослабление роли парламентских комиссий, которые в испанской системе выполняют преимущественно подготовительную функцию, тогда как окончательные решения принимаются на пленар-

ных заседаниях под контролем партийных лидеров. Испанские комиссии лишены существенной автономии. Это ограничивает возможности для детальной проработки законодательных инициатив, снижает качество нормотворчества и усиливает поляризацию, поскольку дебаты сводятся к противостоянию партийных позиций, а не к поиску аргументированных компромиссов.

Для демократизации испанского парламентаризма предлагается комплекс мер, направленных на ослабление партиократической модели и восстановление баланса между ветвями власти. Во-первых, реформа избирательной системы в сторону введения открытых или гибких списков позволила бы усилить прямую связь депутатов с избирателями и снизить их зависимость от партийного аппарата. Во-вторых, законодательное ограничение частоты использования процедуры вопроса о доверии (ст. 112 Конституции) и требование квалифицированного большинства для принятия законов в ускоренном порядке могли бы снизить давление исполнительной власти на законодателей.

Помимо реформирования избирательной системы, а также некоторых изменений в системе государственной власти, также автором предлагается введение методов, по повышению прозрачности, путем введения регулярных встреч депутатов с избирателями, которые могли бы отчитываться о проделанной работе, получать обратную связь от граждан, а также благодаря данной инициативе, трудно было бы обвинить парламент в том, что данный орган не слышит свой народ.

Примерами таких проектов служат ряд стран Латинской Америки. Первой страной является Чили. Именно в этой стране стала первой значимой инициативой стала платформа «Чат с сенатором», концепция которой предполагала организацию прямых виртуальных диалогов между законодателями и избирателями [8]. Механизм работы был следующим: администрация Сената заблаговременно, примерно за неделю до события, публиковала на официальном сайте информацию о предстоящей онлайн-встрече. В анонсе указывалось имя сенатора-участника и тематика обсуждения, что должно было позволить заинтересованным гражданам подготовиться к диалогу.

В период с сентября 2004 года по май 2005 года было проведено 14 таких сессий. Статистика использования платформы выявила ряд закономерностей. Продолжительность встреч варьировалась в диапазоне от 31 минуты до 1 часа 11 минут, что свидетельствует о попытке поддерживать достаточно глубокий уровень дискуссии. Однако количество участников оставалось относительно низким: от 6 до 73 человек на одну сессию. В ходе диалогов граждане задавали от 20 до 74 вопросов, на которые сенаторы предоставляли от 50 до 130 ответов (превышение числа ответов над вопросами объясняется возможностью уточнения или развернутого комментирования). Другой страной, которая также использовала цифровые технологии — стала Перу [9]. В данной стране с 2003 года на официальном портале конгресса функционируют виртуальные законодательные форумы — специализированные онлайн-площадки, предназначенные для обеспечения участия граждан и организаций гражданского общества в нормотворческом процессе. Данные платформы предоставляют возможность любому заинтересованному лицу или общественной структуре направлять свои мнения, экспертные заключения и предложения по поправкам к законопроектам, которые выносятся на обсуждение постоянных парламентских комиссий.

Таким образом, такие проекты повышают демократизацию процессов, прозрачность решений, а также формируют у общества облик парламента, желающего взаимодействовать с обществом и брать во внимание пожелания народа.

Подводя итоги, несмотря на то, что Испания является в соответствии со своей конституцией демократической страной, данному государству как и другим, необходимо стремиться к большей демократизации и вовлеченности общества в политическую жизнь, это возвомжно, используя различные реформы для достижения целей. Помимо этого, государству и его институтам необходимо соответствовать времени, поскольку при отсутствии своевременного развития, общественные институты не будут соответствовать требованиям молодого поколения, а это может привести к недоверию к государственным институтам.

Список литературы:

[1] Манин, Я. В. Юридические основы франкистского режима / Я. В. Манин, К. А. Буренко // Право и политика. — 2025. — № 1. — С. 53–63.

[2] Bohigues, A. Spain: Political developments and data in 2024 / A. Bohigues, M. Sendra // Political Data Yearbook. — 2025. — Vol. 64, Iss. 1. — P. 581–598.

[3] Волкова, С. В. Демократия Афин и мощь Спарты / С. В. Волкова // Platon. — 2017. — № 2. — С. 11.

[4] Арбатская, М. Н. Всеобщие выборы в постфранкистской Испании: анализ списочного числа и электоральной активности избирателей / М. Н. Арбатская // Избирательное право. — 2015. — № 2. — С. 54–65.

[5] Colomer, J. M. Political Institutions in Europe / J. M. Colomer. — 2nd ed. — London ; New York : Routledge, 2001. — 352 p.

[6] Matuschek, P. Spain: A Textbook Case of Partitocracy / P. Matuschek // The Political Class in Advanced Democracies / ed. by J. Borchert, J. Zeuner. — Oxford : Oxford University Press, 2003. —P.243–262.—DOI:10.1093/0199260362.003.0018.

[7] Sánchez de Dios, M. Parliamentary Party Discipline in Spain / M. Sánchez de Dios // Party Discipline and Parliamentary Government / ed. by S. Bowler, D. M. Farrell, R. S. Katz. — Columbus : Ohio State University Press, 1999. — P. 141–162.

[8] Васильева, Т. А. Внедрение информационных технологий в парламентскую деятельность / Т. А. Васильева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 9 (97). — С. 93–101.

[9] Там же. С. 97.

References:

[1] Manin, Y. V. Legal foundations of the Francoist regime/Y. V. Manin, K. A. Burenko//Law and Politics. — 2025. — № 1. - S. 53-63.

[2] Bohigues, A. Spain: Political developments and data in 2024 / A. Bohigues, M. Sendra // Political Data Yearbook. — 2025. — Vol. 64, Iss. 1. —P. 581–598.

[3] Volkova, S.V. Democracy of Athens and the power of Sparta/S.V. Volkova//Platon. — 2017. — № 2. - S. 11.

[4] Arbatskaya, M.N. General elections in post-Franco Spain: analysis of the list number and electoral activity of voters/M.N. Arbatskaya//Suffrage. — 2015. — № 2. - S. 54-65.

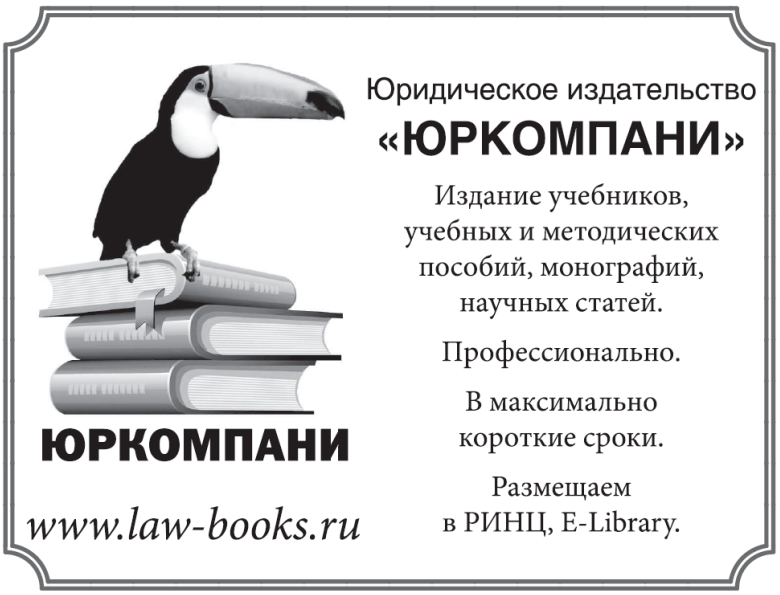
[5] Colomer, J. M. Political Institutions in Europe / J. M. Colomer. — 2nd ed. — London ; New York : Routledge, 2001. — 352 p.

[6] Matuschek, P. Spain: A Textbook Case of Partitocracy / P. Matuschek // The Political Class in Advanced Democracies / ed. by J. Borchert, J. Zeuner. — Oxford : Oxford University Press, 2003. —P.243–262.—DOI:10.1093/0199260362.003.0018.

[7] Sánchez de Dios, M. Parliamentary Party Discipline in Spain / M. Sánchez de Dios // Party Discipline and Parliamentary Government / ed. by S. Bowler, D. M. Farrell, R. S. Katz. — Columbus : Ohio State University Press, 1999. — P. 141–162.

[8] Vasilyeva, T. A. The introduction of information technologies in parliamentary activities/T. A. Vasilyeva//Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA). — 2022. — № 9 (97). - S. 93-101.

[9] Ibid. S. 97.



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-192-197

ВЭЙ Дэпэн,
Южный Федеральный Университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: 1161961567@qq.com

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Аннотация. *После окончания Второй мировой войны состав международного политического ландшафта определялся в основном силой экономического развития каждой страны. Это связано с появлением ничего нового, что могло бы изменить антропоцентрическую конструкцию порядка и закона. Однако сегодня официально началась новая эра влияния искусственного интеллекта на жизнь и производство человека. Стремительное развитие и применение искусственного интеллекта в глобальном масштабе, это непременно приведет к фундаментальным изменениям в мировом политическом ландшафте. Международное право как стандарт международного поведения сталкивается с беспрецедентными вызовами с точки зрения сферы его применения и содержания его принципов. Большая часть текущих исследований ученых посвящена социальному воздействию ИИ в их собственных странах и соответствующим инициативам по адаптации национальных законов. Данная статья отличается от их исследовательской перспективы и будет посвящена сложным факторам развития ИИ на мировом политическом ландшафте и дальнейшему прояснению специфического влияния ИИ на международное право. На этой основе предлагается будущий путь национального развития ИИ, чтобы международный порядок под влиянием ИИ был под контролем и мог быть эффективно реконструирован.*

Ключевые слова*: искусственный интеллект, глобальная безработица, оружие искусственного интеллекта, международный политический ландшафт, принципы международного права, международный порядок.*

WEI Depeng,
Southern Federal University
Rostov-on-Don

IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON THE INTERNATIONAL POLITICAL LANDSCAPE AND INTERNATIONAL LAW

Annotation. *Since the end of World War II, the composition of the international political landscape has been largely determined by the strength of each country's economic development. This is due to the fact that nothing new has emerged that could change the anthropocentrically constructed order and laws. However, the artificial intelligence that affects human life and production today has officially opened a new era. With the rapid development and use of artificial intelligence around the world, it will certainly lead to a fundamental shift in the world political landscape. International law, as a standard of international conduct, is facing unprecedented challenges in terms of its scope of application and the content of its principles. Much of the current research by scholars has focused on the social impacts of AI within their own countries, and corresponding initiatives to adjust domestic laws. This paper differs from their research perspective and will focus on the challenging factors of the development of AI on the world political landscape and further clarify the specific impact of AI on international law. On this basis, the future path of national development of AI is proposed, so that the international order under the influence of AI is under control and can be effectively reconstructed.*

Key words*: artificial intelligence, global unemployment, artificial intelligence weapons, international political landscape, principles of international law, international order.*

Введение

30 ноября 2022 года был официально выпущен ChatGPT(чат-бот), разработанный американской лабораторией искусственного интеллекта OpenAI. Этот чат-робот может имитировать людей, чтобы вести разговоры и выполнять относительно сложные задачи, такие как написание и изменение компьютерных программ, создание музыки и научных статей и т. д. ChatGPT объективно показывает, что искусственный интеллект уже обладает сильными мыслительными способностями и способностью обрабатывать язык. По сравнению с человеком, искусственный интеллект демонстрирует уникальное преимущество, которое тесно интегрировано в различные социальные отрасли и используется на практике в большом количестве в текущем периоде. Хотя искусственный интеллект на данном этапе явно отличается от человека по форме, искусственный интеллект уже имеет интеллектуальные и автономные функции и обладает способностью мыслить и анализировать подобно людям. С помощью эффективных алгоритмических систем вычислительная мощность данных искусственного интеллекта значительно превышает обычную вычислительную мощность обычных людей. На когнитивном уровне искусственный интеллект может автономно выносить суждения в соответствии с конкретными условиями, не полагаясь на поведение человека. Особое значение имеет тот факт, что ИИ не нуждается в некоторых специфических потребностях человека, таких как пища для энергии и сон для физического и психического здоровья. Это означает, что искусственный интеллект имеет конкурентные преимущества с точки зрения временных затрат и стоимости замены, а обычные люди постепенно становятся уязвимыми группами.

По мере того как в сферу исследований ИИ вливается большой капитал, продукты ИИ подстраиваются под конкретные рабочие требования, тем самым заменяя рабочие места и занятия, которые в прошлом выполнялись людьми [1, с. 133].Это означает, что человечеству придется столкнуться с глобальной безработицей в результате массового использования искусственного интеллекта. Согласно «Отчету О Глобальном Развитии», опубликованному 20 июня 2022 года Китайским Центром Знаний О Международном Развитии, ожидается, что в период с 2020 по 2025 год около 85 миллионов рабочих мест во всем мире будут заменены интеллектуальными роботами [2, с. 25]. Глобальные проблемы безработицы будут косвенно вызвать новую ориентацию на занятость и тенденции потока населения, а население труда будет переосмыслена и перемещена во всем мире. Другими словами, люди должны будут рассмотреть и выбрать рабочие области и позиции, которые будут участвовать в будущем, и стараться избегать конкурентных отношений с искусственным интеллектом.

Однако на данном этапе большое количество обычных работников в странах с высоким уровнем искусственного интеллекта будут вынуждены столкнуться с реальностью, что им придется переехать через океаны и континенты в страны с меньшим или отсутствующим искусственным интеллектом, чтобы избежать дилеммы заработной платы, которую вызывает высокий уровень искусственного интеллекта. Направление глобальной мобильности рабочей силы будет обратно пропорционально уровню ИИ. При этом перемещение и сосредоточение людей в разных странах, с одной стороны, создаст новые проблемы для социального управления правительства страны, с другой стороны, окажет влияние на традиционную культуру и местные обычаи внутри страны. Социальная напряженность, вызванная искусственным интеллектом, будет разрастаться в сочетании с уже существующими расизмом и популизмом и легко может стать поводом для межрегионального или межгосударственного конфликта. В то же время безработные будут игнорировать и не желать сталкиваться с проблемой собственного отсутствия навыков, а свою бедность и несчастье в жизни объяснять факторами искусственного интеллекта. В будущем они будут участвовать в постепенно возникающем и распространяющемся общественном движении против ИИ, возможно, нанося удары и нанося ответные удары по владельцам и производителям ИИ.

В международной обстановке неравномерного развития ИИ возникновение региональных войн неизбежно. Самый пугающий сценарий заключается в том, что широкомасштабное применение искусственного интеллекта в будущих войнах еще больше усилит жестокость войн. В военном конфликте между Россией и Украиной, разразившемся в феврале 2022 года, были применены оружие и роботы с искусственным интеллектом. Это первый случай в истории человеческих войн, когда искусственный интеллект был использован в практических боевых условиях. Судя по роли искусственного интеллекта в этой войне, искусственный интеллект изменил боевую форму и методы ведения боевых действий предыдущих войн. Будь то интеллектуальный робот-солдат в человеческом обличье или автономное оружие искусственного интеллекта в других формах, оно обладает большой летальностью и разрушительной силой. В будущей войне в бою будет участвовать лишь небольшое количество военных техников, а нанесение удара и уничтожение цели будет в основном производиться оружием с искус-

ственным интеллектом и солдатами-роботами. Это изменило старую форму ведения войны, в которой солдаты раньше сражались лицом к лицу, и этот результат хотели бы видеть страна и ее граждане. Из-за этого страны с оружием искусственного интеллекта чаще провоцируют войны и конфликты, и они имеют технологическое преимущество для быстрого поражения или ликвидации вооруженных сил противника. В такой ситуации гражданам страны легко развить воинственный менталитет, поскольку они будут верить, что смогут выиграть войну с помощью искусственного интеллекта без больших жертв. Одним словом, инициатива в войне часто остается за страной с наиболее развитой технологией ИИ, и фактор победы в будущих войнах будет во многом зависеть от ИИ.

Положительное влияние и значение искусственного интеллекта в современном обществе признано и отмечено в большинстве стран. Многие страны приняли развитие ИИ в качестве своей национальной стратегии, продвигая и регулируя ИИ посредством публикации «белых книг» или документов стратегического планирования. Например, последняя «Белая книга по искусственному интеллекту (2022)» Китая, опубликованная в апреле 2022 года, и российская «национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», опубликованная в октябре 2019 года. В США разработка национальной стратегии в области ИИ в основном обеспечивается посредством Исполнительного приказа 13859 и Исполнительного приказа 13960, а также «Закон об искусственном интеллекте в правительстве от 2020 года» [3].

В настоящее время страны в целом сохраняют открытое отношение к развитию ИИ и в основном не вводят жестких ограничений и правил, такая ситуация объективно способствовала широкому применению ИИ в различных отраслях. Искусственный интеллект используется не только в государственном управлении, например, правительствами для улучшения интеллектуальных государственных услуг, но и в общем бизнесе, например, большим количеством юридических лиц и других организаций для настройки бизнес-услуг ИИ в соответствии с потребительским спросом. Однако текущий прогресс и направленность развития ИИ в разных странах неодинаковы, а уровни технического освоения различны. Среди многих участвующих в международной конкуренции за ИИ стран, США по-прежнему признаются лидером в области исследований и разработок ИИ. Согласно отчету UK Tech For A Changing World - Tech Nation, опубликованному в 2020 году, США привлекли 56% глобальных инвестиций в ИИ с 2015 по 2019 год, при этом американские ИИ-компании привлекли в общей сложности около 40 млрд долларов [4]. Но на самом деле Китай превзошел США в области распознавания лиц, автономного вождения и электронных коммуникационных технологий, и уже вышел на первое место в мире по количеству зарегистрированных связанных с ИИ патентов и цитированию опубликованных научных статей. США несколько раз вводили санкции против Китая в области науки и технологий, что является явным признаком обеспокоенности США в отношении развития Китая в соответствующих области превосходит собственные передовые технологии. Поведение США объективно также показывает, что США по-прежнему придерживаются гегемонистской концепции в области науки и техники. Напротив, философия развития Китая на международной арене заключается в многостороннем подходе и уважении суверенитета других стран, и Китай готов участвовать в техническом сотрудничестве с другими странами в области науки и техники. Две совершенно разные философии развития Китая и США стали одним из источников нестабильности в международных отношениях, а конкуренция между Китаем и США в области искусственного интеллекта косвенно влияет на эволюцию международного ландшафта.

Из-за существующих различий в объективной среде каждой страны и выбранных для исследований направлений ИИ, в будущем в международном сообществе легко может возникнуть технологический разрыв поколений. Несбалансированное развитие искусственного интеллекта обусловлено многими факторами, но глубинные причины можно свести к следующим трем аспектам. Во-первых, ограниченная внутренней экономической мощью страны и уровнем развития общества, каждая страна имеет различную промышленную базу и степень развития современной компьютерной науки. Отсутствие материальных материалов и промышленных технологий производства и изготовления искусственного интеллекта в корне привело к недостатку врожденных условий для развития искусственного интеллекта. Во-вторых, некоторые правительства не предпринимают практических действий по созданию благоприятной социальной среды для развития ИИ, и по-прежнему рассматривают ИИ как задачу научно-исследовательских институтов и предприятий, при этом правительство не вкладывает достаточный капитал в качестве материальной поддержки и не активно направляет взаимосвязь между ИИ и социальным развитием. В-третьих, модель развития образования в стране и механизмы подготовки студентов не соответствуют социальным процессам , не способны своевременно и непрерывно готовить высококвали-

фицированные кадры в различных областях, что приводит к дефициту или отсутствию технических специалистов в области ИИ, неспособности проводить большое количество исследовательских работ по научным проектам в области ИИ и проводить междисциплинарные межпрактические исследования.

Неравномерное глобальное развитие искусственного интеллекта имеет высокую вероятность возникновения в будущем алгоритмической монополии или монополии комплексных технологий ИИ, причем влияние монополии будет аналогично влиянию материальных ресурсов таких как нефть и газ на современное международное общество. В процессе государственного цифрового строительства и коммерческих услуг данные, являющиеся краеугольным камнем алгоритмов искусственного интеллекта, содержат общедоступную информацию и личную частную информацию в различных областях управления страной. Если разрешить этим данным циркулировать через границы или храниться у транснациональных компаний, это создаст значительную угрозу национальной безопасности страны. Заинтересованные стороны могут получить представление о различных аспектах ситуации в стране, путем сбора и анализа информации личного и гражданского характера. Например, в июле 2021 года китайская компания Didi Global Co., Ltd. возбудила дело. В качестве оператора такси компания чрезмерно собирала личную информацию пользователей и координаты дорог, что серьезно нарушало права пользователей на неприкосновенность частной жизни и национальную безопасность данных [5]. Таким образом, данные в определенной степени стали стратегическим ресурсом государства, и суверенитет государства распространяется на элемент суверенитета данных в цифровом пространстве, а суверенитет данных влияет на политическую и экономическую безопасность государства [6]. Конкуренция за информационные ресурсы между государствами станет новой формой государственного конфликта. Если какая-то страна обладает преимущественным состоянием ресурсов данных, она может легко сформировать уникальную монополию данных в области искусственного интеллекта, которая будет напрямую определять ее влияние и голос в международных отношениях и вынуждать другие страны формировать дочерние зависимости на уровне данных.

Чтобы предотвратить возникновение гегемонии ИИ, которая приведет к затяжному и хаотичному мировому политическому ландшафту, а также избежать серьезного экзистенциального кризиса для человеческого общества, международному сообществу необходимо регулировать здоровое развитие ИИ. Однако в новом сценарии применения искусственного интеллекта международное право, которое является основным стандартом поведения для государств в современном международном сообществе, сталкивается с пробелом в применении закона и сложностью применения основных принципов. В настоящее время регулирование ИИ в международном праве носит преимущественно этический характер, например, в ноябре 2021 года на Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята «Рекомендация по этическим вопросам искусственного интеллекта», которая является самым значимым и последним документом международного сообщества по этике ИИ.

Одним из самых сложных вопросов в международном праве является милитаризация оружия искусственного интеллекта, при которой традиционные установленные международным гуманитарным правом механизмы ответственности не могут определить субъекта ответственности. В частности, когда ИИ самостоятельно совершает акты нападения и убийства, какой субъект должен нести ответственность: государство, командир или оператор ИИ? Разработчики, производители и продавцы искусственного интеллекта тоже должны нести соответствующую ответственность? Кроме того, оружие с искусственным интеллектом имеет характер военного и гражданского двойного назначения, а некоторые гражданские продукты искусственного интеллекта также могут использоваться в качестве оружия. Например, китайский гражданский беспилотник DJI, который широко используется в военных спецоперациях России и Украины. Гражданские продукты искусственного интеллекта такого типа полностью обойдут установленный ООН «Договор о торговле оружием» в ходе международной торговли, и не существует международного договора, который мог бы разумно регулировать их в случае передачи и распространения. По этой причине определение порядка присвоения ответственности за оружие ИИ и регулирование торговой деятельности оружием ИИ станут основными направлениями, которые необходимо будет обсудить в международном праве в будущем.

На данном этапе международное право сформировало принятый всеми странами международный механизм контроля в отношении ядерного оружия, биологического и химического оружия и других видов оружия массового уничтожения. Некоторые ученые утверждают, что международный договор о регулировании ИИ-оружия может быть создан путем отсылки к предыдущим соответствующим механизмам. Обычно такая модель была бы наилучшим вариантом для регулирования ИИ, но в настоящий период в международном сообществе существуют практические дилеммы. С одной стороны, созданная под руко-

водством США система управления ООН переживает период деконструкции, и первоначальный относительно стабильный международный общественный порядок больше не существует. Темпы изменения международного ландшафта ускорились, особенно под влиянием специальной военной операции России с Украиной.

Новые лагеря или новые союзы станут основной формой сотрудничества в международном сообществе в будущем. Другими словами, объективная среда для построения международного права по ИИ полностью отличается от предыдущего периода, и эффективная и общеобязательная международно-правовая база не может быть сформирована за короткий период времени. С другой стороны, искусственный интеллект широко используется во многих областях человеческого общества, и трудно напрямую идентифицировать алгоритм черные ящики и предрассудки алгоритма через внешние формы. Многочисленные транснациональные корпорации и частные компании в области технологий ИИ избежали международного регулирования с помощью внутренних законов о защите интеллектуальной собственности и законов о коммерческой тайне. Это означает, что не только существуют технические трудности в применении международных правил для регулирования ИИ, но и элемент государственного суверенитета в международном праве не могут применяться к транснациональным корпоративным субъектам. Суверенные государства играют ограниченную международную контролирующую роль в регулировании ИИ, и в реальности часто возникает несоответствие между международным и внутренним законодательством.

Искусственный интеллект бросил вызов структурам власти и моделям распределения выгод в системе глобального управления, и традиционные пути международного регулирования международного права стали недостижимыми. Разумным способом регулирования ИИ могут быть только многосторонние договоры или двусторонние договоры, направленные на создание модели плюралистического развития ИИ в международном сообществе.

Во-первых, новые экономические союзы или организации между странами и регионами играют более важную роль, а международная глобализация постепенно переходит к лагерной модели. Конфликт между Китаем и США стал открытым и расширился в международном сообществе, а глобализация США под руководством финансового капитала и глобализация Китая под руководством промышленного капитала станут основными конфликтами между двумя странами в будущем, которые будут влиять на глобальный геополитический ландшафт. Правительство США официально опубликовало документ «Национальная стратегия кибербезопасности» 2 марта 2023 года, в котором предлагается создать альянсы вокруг цифровой экосистемы для противодействия угрозам, а также попытаться нарушить и ликвидировать противников с помощью всех инструментов государственной власти [7]. Это также свидетельствует о том, что на данном этапе существуют реальные дилеммы в создании глобальной общей и совместной экосистемы правовых норм и технологий ИИ. Одновременно это отражает желание США укрепить свое влияние в сфере ИИ, при выборе многостороннего договорного подхода для согласования цифрового регулирования в рамках Союза.

Во-вторых, Китай и Евросоюз не уступают США по уровню исследований и практического применения ИИ. В то же время такие страны, как Россия, Япония, Великобритания и Канада, увеличивают свои инвестиции и исследования в области искусственного интеллекта. Эта диверсифицированная ситуация эффективно предотвратит разрыв между поколениями в развитии искусственного интеллекта и не позволит нескольким странам сформировать монополию и гегемонию в области искусственного интеллекта.

Наконец, связанные с ИИ международные отраслевые ассоциации и транснациональные корпорации расширяют пространство власти для диверсификации, и они фактически получают невидимую власть над управлением международным сообществом благодаря владению соответствующими данными и алгоритмическими запущенными моделями. Хотя международные отраслевые ассоциации и транснациональные корпорации играют ограниченную роль в современной сфере международного права, они имеют большой голос в международной нормативной системе искусственного интеллекта, поскольку обладают достаточным капиталом и передовыми технологиями. Таким образом, необходимо разрешить международным отраслевым ассоциациям и транснациональным корпорациям участвовать в органе международного регулирования ИИ, что поможет оптимизировать затраты на внедрение на последующем этапе. Одним словом, при участии многочисленных и плюралистических субъектов будет обеспечена максимально безопасная и недискриминационная среда для развития ИИ , а также будет поддерживаться общий баланс международного порядка.

Заключение.

В целом, искусственный интеллект является ключевым элементом международного политического ландшафта и международного права в этом столетии, он меняет многие привычные устои

жизни человечества и определяет поведение суверенных государств в отдельных частях международного сообщества. Нерегулируемая конкуренция и милитаризованное злоупотребление искусственным интеллектом между странами не должны быть основным путем выбора международного сообщества в области науки и технологий в этом веке. Чтобы люди могли выживать в гармонии долгое время, необходимо сформулировать правила искусственного интеллекта между международными регионами или странами.

Диверсифицированное развитие искусственного интеллекта является не только основным направлением обсуждения в международном сообществе, но и предметом внутренних исследований страны. Странам следует опираться на передовой опыт в области ИИ своих соответствующих лагерей (альянсов) для адекватного ускорения собственного строительства во всех аспектах ИИ, чтобы предотвратить маргинализацию страны в области ИИ в будущем и потерять таким образом свою дискурсивную силу и влияние в установлении международных правил и стандартов. В то же время из практических соображений международному сообществу необходимо обновить концепцию международного права и разрешить различные подходы к международному управлению. Таким образом, искусственный интеллект обеспечит удобство и счастье для людей, а не станет причиной новых убийств и бедствий для человеческого общества.

Список литературы:

[1] Ву Хандун. Институциональные механизмы и правовое регулирование в эпоху искусственного интеллекта // Юридическая наука: журнал Северо-Западного университета политических наук и права. 2017. С. 128-136.

[2] Center for International Knowledge on Development, China (CIKD). Gl-obal Development Report 2022. [Электронный ресурс] - URL: http://www.cikd.org/detail?docId=1538692405216194562 (дата обращения: 15.03.2023).

[3] Кристи Лоуренс, Исаак Цуй, Дэниел Э. Хо. Проблемы реализации трех столпов американской стратегии в области ИИ. [Электронный ресурс] - URL: https://hai.stanford.edu/white-paper-implementation-challenges-three-pillars-americas-ai-strategy (дата обращения: 16.03.2023).

[4] UK Tech For A Changing World - Tech Nation. [Электронный ресурс] - URL: https://technation.io/report2020/ (дата обращения: 16.03.2023).

[5] Разъяснение решения Didi Global Co., Ltd. о наложении администра-тивных взысканий в связи с проверкой безопасности сети в соответствии с законом. [Электронный ресурс] - URL: https://mp.weixin.qq.com/s/6v-BVICScq1lo-Dmdx7x9ww (дата обращения: 17.03.2023).

[6] Ху Хайбо, Гэн Цянь. Защита национального суверенитета данных в условиях глобальной цифровой экономики // Китайский журнал социальных наук (2022-11-02).

[7] Национальная стратегия кибербезопасности-2023.pdf (whitehouse.gov).[Электронный ресурс] - URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf (дата обращения: 17.03.2023).

References:

[1] Wu Khandong. Institutional Mechanisms and Legal Regulation in the Age of Artificial Intelligence//Legal Science: Journal of Northwestern University of Political Science and Law. 2017. C. 128-136.

[2] Center for International Knowledge on Development, China (CIKD). Gl-obal Development Report 2022. [Electronic resource] - URL: http://www.cikd.org/detail?docId=1538692405216194562 (access date: 15.03.2023).

[3] Christy Lawrence, Isaac Tsui, Daniel E. Ho. Challenges in implementing the three pillars of America's AI strategy. [Электронный ресурс] - URL: https://hai.stanford.edu/white-paper-implementation-challenges-three-pillars-americas-ai-strategy (дата обращения: 16.03.2023).

[4] UK Tech For A Changing World - Tech Nation. [Electronic resource] - URL: https://technation.io/report2020/ (access date: 16.03.2023).

[5] Clarification of Didi Global Co., Ltd. decision to impose administrative penalties in connection with network security inspection in accordance with the law. [Electronic resource] - URL: https://mp.weixin.qq.com/s/6v-BVICScq1loDmdx7x9ww (access date: 17.03.2023).

[6] Hu Haibo, Geng Qian. Protecting national data sovereignty in a global digital economy//Chinese Journal of Social Sciences (2022-11-02).

[7] National Cybersecurity Strategy-2023.pdf (whitehouse.gov). [Electronic Resource] - URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/03/National-Cybersecurity-Strategy-2023.pdf (Accessed: 17.03.2023).

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-198-202

ОСТРОУМОВ Николай Владимирович,
канд. юр. наук, доц. кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: ostroumov@jur.unn.ru

СУСЛОВА Владислава Александровна,
студентка Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: Vladislava.suslova.06@mail.ru

ТРАНСГРАНИЧНОЕ БАНКРОТСТВО В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ПРИЗНАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ПРОЦЕДУР И ЗАЩИТА РОССИЙСКИХ КРЕДИТОРОВ

Аннотация. *На фоне беспрецедентного санкционного давления и фактического разрушения традиционных механизмов международного частного права институт трансграничного банкротства в России переживает период вынужденной, но стремительной эволюции. Актуальность исследования продиктована тем, что российские кредиторы оказались в ситуации «юрисдикционного тупика»: доступ к иностранному правосудию заблокирован, а классические инструменты comity (международной вежливости) перестали функционировать. Целью стал анализ того, как отечественная судебная система через применение статей 248.1 и 248.2 АПК РФ в сочетании с формированием новой прецедентной практики (кейсы Westwalk, Pandora) конструирует механизмы защитной юрисдикции. В статье вскрывается ключевое противоречие текущего момента. С одной стороны, в российском законодательстве отсутствуют прямые нормы о банкротстве иностранных лиц; с другой — суды, руководствуясь принципом недопустимости отказа в правосудии (denial of justice), де-факто легализовали как основные, так и локальные процедуры в отношении нерезидентов. Автор приходит к выводу, что исключительная компетенция российских судов преобразовалась из процессуального «щита» в активный инструмент борьбы за активы, которые находятся в контуре РФ. Авторский вклад заключается в систематизации критериев, по которым судебная практика теперь разграничивает «основное производство» (на базе центра основных интересов — COMI) и «вторичное производство» (с опорой на имущественную массу). Обоснована необходимость законодательного закрепления концепции «тесной связи», что позволит стабилизировать оборот, смягчить риски правовой неопределенности. Материал адресован практикующим юристам, арбитражным управляющим, судьям, законодателям.*

Ключевые слова: *антиисковой запрет, банкротство иностранных компаний, защита прав кредиторов, исключительная компетенция, санкционные ограничения, центр основных интересов.*

OSTROUMOV Nikolay Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

SUSLOVA Vladislava Aleksandrovna,
is a student of the National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

CROSS-BORDER INSOLVENCY UNDER SANCTIONS: RECOGNITION OF FOREIGN PROCEEDINGS AND PROTECTION OF RUSSIAN CREDITORS

Annotation. *Against the backdrop of unprecedented sanctions pressure and the effective breakdown of traditional mechanisms of private international law, the institution of cross-border insolvency in Russia is undergoing a phase of forced yet rapid transformation. The relevance of this study stems from the fact that Russian creditors have found themselves in a "jurisdictional deadlock": access to foreign courts has been blocked, while classical instruments of international comity have ceased to function. The purpose of the article is to analyze how the Russian judiciary, through the application of Articles 248.1 and 248.2 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, combined with the emergence of new case law (including the Westwalk and Pandora cases), has been constructing mechanisms of protective jurisdiction. The article reveals a key contradiction of the current stage. On the one hand, Russian legislation lacks explicit provisions governing the insolvency of foreign entities; on the other hand, guided by the principle of preventing denial of justice, courts have de facto legitimized both main and secondary insolvency proceedings against non-resident debtors. The author concludes that the exclusive jurisdiction of Russian courts has evolved from a purely procedural "shield" into an active instrument for asserting control over assets located within the Russian legal perimeter. The author's contribution lies in systematizing the criteria used by judicial practice to distinguish between main proceedings (based on the center of main interests — COMI) and secondary proceedings (based on the location of the debtor's assets). The necessity of legislative consolidation of the "close connection" doctrine is substantiated as a means to stabilize legal turnover and mitigate the risks of legal uncertainty. The article is addressed to practicing lawyers, insolvency practitioners, judges, and lawmakers.*

Key words: *anti-suit injunction, bankruptcy of foreign companies, protection of creditors' rights, exclusive jurisdiction, sanctions restrictions, center of main interests.*

Введение

В современной экономической реальности, которая характеризуется беспрецедентным санкционным давлением на Российскую Федерацию, институт трансграничного банкротства претерпевает фундаментальные изменения. Если еще десятилетие назад преобладающей парадигмой в российском праве был принцип «территориальности» (с осторожным «дрейфом» в сторону «модифицированного универсализма»), то сегодня наблюдается вынужденный, но стремительный разворот к механизмам защитной юрисдикции. Проблема проявляется как в разрыве традиционных экономических связей, так и в фактической блокаде доступа российских кредиторов к иностранным правосудным системам.

В условиях, когда иностранные суды зачастую отказывают в признании прав лиц из РФ или проведение процедур за рубежом становится экономически нецелесообразным из-за запретов на оказание юридических услуг, российский арбитражный процесс берет на себя функции «последнего бастиона» для защиты имущественных интересов национального бизнеса.

Значимость обращения к теме объясняется формированием принципиально новой судебной практики в 2022-2024 годах. Впервые в истории отечественного правопорядка суды начали массово допускать банкротство иностранных юридических лиц непосредственно в России. Данный процесс, однако, сопряжен с множеством коллизий — от определения компетенции суда до выбора применимого права. Как представляется, ключевой вызов сегодня — найти равновесие между защитой национальных кредиторов и соблюдением базовых принципов международного частного права, чтобы не превратить процедуру банкротства в инструмент неправомерного захвата активов.

Результаты и обсуждение

Исключительная компетенция и «санкционный щит» (ст. 248.1, 248.2 АПК РФ)

Введение в Арбитражный процессуальный кодекс РФ статей 248.1 и 248.2 стало ответом законодателя на дискриминационную политику недружественных юрисдикций. По существу, благодаря данным нормы создан механизм перевода споров в российскую юрисдикцию, если соблюдение пророгационного соглашения (оговорки о рассмотрении спора за рубежом) стало невозможным из-за санкций. В контексте банкротства это имеет особое значение. Банкротство — это, прежде всего, глобальный исполнительный процесс. Если российский кредитор не может эффективно заявить свои требования в иностранном суде (к примеру, в Лондоне или на Кипре) из-за невозможности нанять адвокатов либо провести тран-

закции, исключительная компетенция судов РФ становится единственным способом защиты права [2, 5].

Показательным примером применения данного механизма является спор «РусХимАльянс» против Deutsche Bank (2023-2024 гг.). Хотя дело касалось взыскания по банковским гарантиям, правовая логика, которая была применена судами, напрямую влияет на практику банкротств. Российский суд, опираясь на ст. 248.2 АПК РФ, выдал антиисковой запрет — запретил немецкому банку инициировать или продолжать разбирательства за рубежом [7].

Аргументация судов строится на презумпции: введение санкций само по себе создает препятствия для доступа к правосудию. Как справедливо отмечается в юридической доктрине, для российских кредиторов иностранное банкротство должника в текущих реалиях зачастую превращается в фикцию (формально право есть, но реализовать его нереально) [1, 8]. Следствием этого становится перенос «центра тяжести» судебных баталий в Россию, где суды готовы игнорировать иностранные литиспенденции (ранее начатые процессы), если видят угрозу правам отечественных лиц.

Практика банкротства иностранных компаний в РФ. «Эффект Westwalk»

До недавнего времени считалось, что обанкротить иностранную компанию в России невозможно — действовал принцип actor sequitur forum rei (истец следует за судом ответчика). Между тем, определение Верховного Суда РФ от 08.02.2024 по делу компании Westwalk Projects Ltd. (дело № А40-248405/2022) существенно изменило ситуацию. ВС РФ указал, что отсутствие законодательного урегулирования трансграничного банкротства не должно приводить к отказу в правосудии. Была сформулирована концепция «тесной связи», которая позволяет открыть процедуру в РФ, если центр основных интересов должника (COMI) находится здесь.

В *таблице 1* представлены ключевые критерии, выработанные судебной практикой для определения вида процедуры.

Таблица 1. Систематизация критериев разграничения основных и локальных процедур банкротства иностранных лиц в РФ (составлено на основе [3, 4, 6])

Тип процедуры	Основание для введения	Правовые последствия	Применимые кейсы
Основное производство	Центр основных интересов (COMI) находится в РФ. Признаки — бенефициары, активы, операционная деятельность в России, сайт в зоне .ru, большинство кредиторов — резиденты РФ	Полная процедура банкротства (наблюдение, конкурсное производство). Включает все активы должника, насколько это возможно исполнить	Дело Westwalk Projects Ltd. (№ А40-248405/2022)
Вторичное (локальное) производство	Наличие имущества или постоянного представительства в России. Отсутствие признаков COMI в РФ	Процедура ограничена активами, которые находятся на территории РФ. Цель — распределение только российской имущественной массы	Дело Pandora Consulting LC (№ А76-31539/2021)

Кейс Pandora Consulting LC (Арбитражный суд Челябинской области) заслуживает отдельного внимания как пример «локального» банкротства. Компания была ликвидирована в юрисдикции инкорпорации (Невис), но в России у неё осталось имущество (дебиторская задолженность). Судебный орган ввел процедуру распределения обнаруженного имущества ликвидированного иностранного юридического лица, назначив арбитражного управляющего. Это решение де-факто легализовало возможность работы с «брошенными» активами иностранцев без необходимости «реанимировать» компанию в офшоре.

Динамика, проблемы правоприменения, авторские рекомендации

Статистические данные наглядно демонстрируют существенный рост интереса к анализи-

руемому инструменту (*таблица 2*). Если в 2022-2023 годах такие дела были единичными (экзотикой), то после позиций ВС РФ ситуация изменилась.

Таблица 2. Динамика возбуждения дел о банкротстве иностранных компаний в судах РФ (составлено на основе [9, 10])

Период	Количество введенных процедур(оценка)	Характеристика тенденции
2022-2023 гг.	~6 дел в год	Формирование единичных прецедентов; суды часто отказывали, ссылаясь на неподсудность
1 полугодие 2024 г.	13 дел	Рост на фоне принятия определения ВС РФ по делу Westwalk. Начало формирования устойчивой практики
Конец 2024 г.	72 процедуры	Масштабирование. Суды перестали воспринимать иностранный статус должника как блокирующий фактор

Источники: https://finance.mail.ru/article/chislo-bankrotstv-kompaniy-za-pervoe-polugodie-2024-goda-uvelichilos-na-40-61907602/; https://pravo.ru/news/257501/.

Между тем, невзирая на позитивную динамику, практика сталкивается с серьезными проблемами. Во-первых, речь идёт об исполнимости решений. Признание российского судебного акта о банкротстве кипрской или британской компании в юрисдикции её регистрации в текущих геополитических обстоятельствах практически невозможно. Это означает, что российские управляющие могут результативно работать лишь с активами внутри страны либо в дружественных юрисдикциях. Во-вторых, остается открытым вопрос на предмет статуса иностранных кредиторов. Хотя формально они имеют право участвовать в российском деле, в практической плоскости санкционные ограничения (к примеру, проблемы с банковскими переводами, счетами типа «С») весомо затрудняют получение ими выплат, что может рассматриваться как нарушение принципа par condicio creditorum (равенство кредиторов).

На основе анализа сложившейся ситуации и в целях усовершенствования правового регулирования предлагаются следующие шаги:

– законодательное закрепление критериев COMI. В настоящее время суды руководствуются позициями ВС РФ, но для стабильности оборота рекомендуется внести изменения в ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», четко прописав признаки, при которых иностранное лицо подлежит банкротству в РФ (по аналогии с Типовым законом ЮНСИТРАЛ, но с учетом национальной специфики);
– целесообразно процессуально обособить процедуру распределения имущества иностранного лица, не имеющего COMI в РФ. Благодаря этому упростится процесс и снизится нагрузка на суды — они будут избавлены от необходимости имитировать полноценное конкурсное производство там, где нужно лишь реализовать конкретный актив;
– механизм защиты от «параллельных» банкротств. Целесообразно разработать правила координации с иностранными процедурами в дружественных странах, чтобы избежать двойного взыскания и хаоса в управлении активами.

Заключение

Подводя итог, следует резюмировать, что российский институт трансграничного банкротства совершил эволюционный скачок от догматического отрицания возможности банкротить иностранцев к прагматичному протекционизму. Применение статей 248.1 и 248.2 АПК РФ в совокупности с прецедентами Westwalk и Pandora создало действенный «контур» защиты прав российских кредиторов.

Очевидно, что данный тренд будет усиливаться. Исключительная компетенция российских судов перестает быть экстраординарной мерой; она становится рутинным инструментом в борьбе за активы на фоне «санкционной войны».

Впрочем, анализируемый процесс несет в себе и риски изоляции российской правовой

системы. Долгосрочная задача состоит в том, чтобы, защищая национальные интересы, сохранить стандарты справедливого правосудия, которые помогли бы российским судебным актам претендовать на признание хотя бы в нейтральных юрисдикциях. Без этого эффективность новых механизмов останется ограниченной государственными границами Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Дегтярев Д.Д. Санкционные ограничения в отношении кредиторов и активов должника при трансграничном банкротстве // Право и экономика. 2024. № 4 (434). С. 36-43.

[2] Илларионов Д.О. Проблемы института трансграничной несостоятельности (банкротства) // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты. Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. Пенза: 2024. С. 193-197.

[3] Коваленко Е.Ю., Лицкас М.В. Актуальные вопросы института трансграничного банкротства // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 1. С. 53-57.

[4] Лиликова О.С. Правовое регулирование трансграничного банкротства в Российской Федерации // Развитие отечественного права: преемственность и новизна. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург: 2024. С. 70-77.

[5] Мирошниченко И.В. Принцип взаимности в контексте несовершенства нормативно-правового регулирования трансграничного банкротства // Закон и право. 2023. № 4. С. 132-139.

[6] Мясовский В.О. Новая российская модель регулирования трансграничных банкротств // Актуальные проблемы международного частного права. Сборник статей III Международного междисциплинарного научно-практического конгресса. Москва: 2024. С. 272-274.

[7] Нижник Д. Порочная практика или инструмент защиты. Проверка КС статьи 248.2 АПК // Право и экономика. 2025. № 6 (448). С. 40-46.

[8] Руднев В.О. Трансграничное банкротство, проблемы реализации и привлечения к ответственности контролирующих лиц корпорации // Образование и право. 2024. № 7. С. 294-298.

[9] Число банкротств компаний за первое полугодие 2024 года увеличилось на 40% // URL: https://finance.mail.ru/article/chislo-bankrotstv-kompaniy-za-pervoe-polugodie-2024-goda-uvelichilos-na-40-61907602/ (дата обращения: 22.12.2025).

[10] 72 иностранные компании обанкротили в России // URL: https://pravo.ru/news/257501/ (дата обращения: 22.12.2025).

References:

[1] Degtyarev D.D. Sanctions restrictions on creditors and assets of the debtor in cross-border bankruptcy//Law and Economics. 2024. № 4 (434). S. 36-43.

[2] Illarionov D.O. Problems of the institution of cross-border insolvency (bankruptcy)//Jurisprudence in theory and practice: current issues and modern aspects. Collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference. Penza: 2024. S. 193-197.

[3] Kovalenko E.Yu., Litskas M.V. Topical issues of the institute of cross-border bankruptcy//Russian-Asian Law Journal. 2023. № 1. S. 53-57.

[4] O.S. Lilikova. Legal regulation of cross-border bankruptcy in the Russian Federation//Development of domestic law: continuity and novelty. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. St. Petersburg: 2024. S. 70-77.

[5] Miroshnichenko I.V. The principle of reciprocity in the context of imperfect regulatory regulation of cross-border bankruptcy//Law and Law. 2023. № 4. S. 132-139.

[6] Myasovsky V.O. New Russian model of regulation of cross-border bankruptcies//Current problems of private international law. Collection of articles of the III International Interdisciplinary Scientific and Practical Congress. Moscow: 2024. S. 272-274.

[7] Nizhnik D. Vicious practice or tool of protection. Check of the Constitutional Court of Article 248.2 of the agro-industrial complex//Law and Economics. 2025. № 6 (448). S. 40-46.

[8] Rudnev V.O. Cross-border bankruptcy, problems of implementation and prosecution of controlling persons of the corporation//Education and law. 2024. № 7. S. 294-298.

[9] The number of company bankruptcies in the first half of 2024 increased by 40 %//URL: https://finance.mail.ru/article/chislo-bankrotstv-kompaniy-za-pervoe-polugodie-2024-goda-uvelichilos-na-40-61907602/ (circulation date: 22.12.2025).

[10] 72 foreign companies went bankrupt in Russia//URL: https://pravo.ru/news/257501/ (circulation date: 22.12.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-203-207

ШАРИФУЛЛИН Рамиль Анварович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Директор Казанского филиала ФГБОУВО Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Заслуженный юрист Республики Татарстан, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mail@law-books.ru

ЮН Лариса Владимировна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент, e-mail: mail@law-books.ru

ЛЕГИТИМНОСТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФОРМИРОВАНИЯ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА В МЕЖДУНАРОДНЫХ СУДАХ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена вопросам легитимности при формировании судейского корпуса в международных судах. Авторами проанализированы как требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи международных судебных органов, таких как Международный Суд Организации Объединенных Наций, Международный уголовный суд, Карибский суд, так и вопросам, связанным с процедурой их отбора. В проводимом исследовании сделан акцент на проблемах таких как недостаточная прозрачность в процессе выбора кандидатов и кризис представительства, формируемый между географическими квотами и качеством правосудия. На основе сравнительно-правового анализа отбора кандидатов в Международный Суд ООН, Международный уголовный суд, Международный трибунал по морскому праву и доктринальных подходов, сформированных зарубежными исследователями предложено решение, способствующее унификации требований, предъявляемых к судьям международных судов и открывающий доступ для их назначения в более доступном формате для общественности. Особое внимание уделяется механизмам, не требующим внесения изменений в уставные документы международных судов, путем создания независимого консультативного комитета по оценке квалификации кандидатов, способствующего усилению роли судейских сообществ в отборе кандидатов.*

Ключевые слова: *международное правосудие, формирование судейского корпуса, независимость судей, Международный Суд ООН, Международный уголовный суд.*

SHARIFULLIN Ramil Anvarovich,
asociate professor, department of state and legal disciplines Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Director of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan, candidate of law, associate professor

YUN Larisa Vladimirovna,
associate professor, department of state and legal disciplines Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, candidate of law, associate professor

LEGITIMACY THROUGH THE PRISM OF FORMATION OF THE JUDICIAL CORPS IN INTERNATIONAL COURTS

Annotation. *This article examines issues of legitimacy in the selection of judges in international courts. The authors analyze both the requirements for candidates for judgeships in international judicial bodies, such as the International Court of Justice, the International Criminal Court, and the Caribbean Court of Justice, and issues related to their selection procedures. The study highlights issues such as a lack of transparency in the candidate selection process and a representational crisis arising from the relationship between geographic quotas and the quality of justice. Based on a comparative legal analysis of the selection of candidates for the International Court of Justice, the International Criminal Court, and the International Tribunal for the Law of the Sea, and doctrinal approaches developed by international researchers, a solution is proposed that would facilitate the unification of requirements for judges in international courts and make their appointments more accessible to the public. Particular attention is given to mechanisms that do not require changes to the statutory documents of international courts, such as the creation of an independent advisory committee to evaluate the qualifications of candidates, thereby strengthening the role of judicial communities in the selection of candidates.*

Key words: *international justice, formation of the judiciary, independence of judges, International Court of Justice, International Criminal Court.*

Эволюция международного права свидетельствует о необходимости проведения исследования вопросов, связанных с формированием судейского корпуса и требованиями, предъявляемым к кандидатам на должность судьи в международных судебных органах для осуществления правосудия. Количество постоянно действующих международных судебных органов в мире постепенно увеличивалось, а их компетенция охватывала практически все сферы межгосударственного взаимодействия от торговли до прав человека. Вследствие огромных геополитических сдвигов усилилась критика современного состояния международного права и соответственно его институтов к каковым относится, и международное правосудие

Так, в юридической литературе высказывается позиция о том, что в процессе своего становления Международный уголовный суд все больше демонстрировал свою зависимость от политических и идеологических факторов, которые, по сути, должны быть исключены из его практики [9, p.27].

Другие исследователи высказывают позицию, о том, что международные судебные органы осуществляют избирательное правосудие. "...Правосудие по выбору относится к предполагаемой или фактической предвзятости в применении международного права, когда одни лица или группы привлекаются к ответственности, в то время как другие, часто совершившие аналогичные или более тяжкие преступления, остаются безнаказанными. Такая избирательность может подорвать легитимность международных правовых институтов, в частности таких как международный уголовный суд. Например, данный международный судебный орган подвергался критике за непропорциональное внимание к африканским странам, что привело к обвинениям в неоколониализме и избирательном правосудии. Так, все десять человек, осужденных судом, были из Африки, что вызвало опасения по поводу беспристрастности Суда..." [10, p.65].

Однако, как справедливо отмечает доцент международных отношений в Лондонской школе экономики и политических наук Т. Скуатрито, расширение юрисдикции и полномочий международных судов парадоксальным образом сопровождается неоднородностью предпочтения государств относительно их автономии и формальной независимостью международных судов, подчеркивающая их зависимость перед государствами [1, p.22-61]. В этом контексте центральным элементом, определяющим легитимность и эффективность международного правосудия, становится порядок формирования судейского корпуса.

По справедливому мнению профессора М.О. Хадсона, являющегося с 1936 г. судьей Постоянной палаты международного правосудия при Лиге Наций и членом международного постоянного третейского суда выбор членов международных судов представляет собой весьма трудную проблему ввиду того, что нет определенной группы людей, образующих сословие международных судей. При этом важно подчеркнуть, что моральный облик судьи, профессия, национальность, знание языков, возраст и др. требования являются факторами, учитываемыми при выборе членов международных судов [9, p.62, 64].

Обозначенное исследование обусловлено фундаментальным противоречием, так как с одной стороны, международное право предъяв-

ляет высокие требования к кандидатам на должность судей международных судебных органов [2], а с другой практика отбора и назначения остается «серой зоной» международного процесса по мнению зарубежных исследователей.

Так, например, для судей Международного Суда ООН к кандидатам предъявляются такие требования как независимость, высокие моральные качества, признанный авторитет в области международного права. При этом важно подчеркнуть, что привязка к гражданству лица, претендующего на должность судьи данного международного судебного органа отсутствует [2].

Судьям Международного уголовного суда необходимо обладать признанной компетентностью в области уголовного и процессуального права, в соответствующих областях международного права, таких, как международное гуманитарное право и права человека, и необходимым опытом работы в качестве судьи, прокурора, адвоката или в ином аналогичном качестве в сфере уголовного судопроизводства, в совершенстве знать по меньшей мере один из рабочих языков Суда и свободно говорить на нем и рядом иных требований [5].

К судьям Европейского суда по правам человека предъявляются следующие требования. Они должны обладать самыми высокими моральными качествами, удовлетворять требованиям, предъявляемым при назначении на высокие судебные должности, или быть правоведами с общепризнанным авторитетом. В течение всего срока судейских полномочий лица, замещающие данную должность, обязаны воздерживаться от любой деятельности, которая может вступить в противоречие с требованиями их независимости, беспристрастности либо с обязательствами, обусловленным постоянным характером их работы [3].

При изучении вопроса о формировании судейского корпуса в международных судах важно также упомянуть и о историческом плане Рута-Филимора (Root-Phillimore Plan), заключенный в 1920 г. в ходе работы Консультативного комитета юристов, созванного Советом Лиги Наций в Гааге. Ключевой проблемой, которую предстояло решить, был конфликт между интересами великих держав и малых стран при формировании состава суда. Гениальность плана Рута-Филимора заключалась в предложении двухступенчатой системы назначения судей, которая удовлетворила и великие державы, и малые страны [11].

Л. Водваржкова в своем исследовании практики выборов в Международный Суд, Международный уголовный суд и Международный трибунал по морскому праву за 2017-2023 годы приходит к выводу, что несмотря на различия в статутах, реальные результаты выборов судей демонстрируют схожие требования, предъявляемые государствами [7].

Изучив требования, предъявляемые к кандидатам на должность судей в международные судебные органы отметим, что по мнению зарубежных ученых несмотря на высокие требования к кандидатам все же остаются вопросы, связанные с прозрачностью их отбора.

Китайские исследователи С. Янг и Ш. Го, считают, что общественное внимание сосредоточено на том, кто является международными судьями, однако прозрачность процесса отбора судей и членов в международных судах и трибуналах обсуждается в иследованиях ученых гораздо меньше. Прозрачность требует большей открытости на этапах выдвижения, выбора и назначения судей или членов, что, в свою очередь, открывает двери для общественного контроля за процессом и может способствовать лучшей гарантии компетентности судей и членов [4].

По мнению других исследователей, занимающихся вопросами исследования порядка отбора судей неясно, как эти критерии контролируются или применяются на практике как на этапе выдвижения кандидатур, так и на этапе выборов. Неподтвержденные данные свидетельствуют о том, что международные судебные выборы являются в значительной степени политизированными событиями [8]. Помимо требований, предъявляемых к судьям международных судов не менее важным остается и сама процедура их назначения.

Современная система отбора судей характеризуется многообразием. Избрание судей Международного Суда ООН осуществляется Генеральной Ассамблеей ООН и Советом Безопасности ООН одновременно, но независимо друг от друга (члены Совета Безопасности не обладают правом вето для целей выборов). К кандидату предъявляется обязательное требование. Для избрания он должен получить абсолютное большинство голосов в обоих органах. Ввиду жесткости этого критерия нередко возникает необходимость в проведении нескольких туров голосования. Для обеспечения преемственности в составе Суда применяется ротация одной трети судейского корпуса каждые три года - сроки полномочий пятнадцати судей не истекают одновременно. Профессиональный опыт кандидатов традиционно включает работу в качестве юрисконсульта в министерствах иностранных дел, профессорскую деятельность в сфере международного права, дипломатическую службу (в т.ч. на посту посла), судейскую практику в высших национальных судах [2].

В Международном уголовном суде действует более формализованная процедура, в которой

ключевую роль играет Ассамблея государств-участников. Государства-участники имеют право самостоятельно выдвигать кандидатуры, что придает процессу большую прозрачность и вовлеченность государств в формирование состава Суда. Эта модель отражает специфику уголовного правосудия. Акцент на международной легитимности и учете интересов государств, ратифицировавших Римский статут[5].

Процедура избрания в Международный трибунал по морскому праву во многом схожа с механизмом, используемым в Международном Суде ООН, однако имеет ряд существенных особенностей, обусловленных отраслевой специализацией. Трибунал состоит из двадцати одного независимого члена, избираемых тайным голосованием государствами-участниками Конвенции ООН по морскому праву. Ключевые элементы процедуры заключаются в следующем. Каждое государство-участник вправе выдвинуть до двух кандидатов, отвечающих строгим критериям: наивысшая репутация в отношении справедливости и честности, признанная компетентность в области морского права. Члены Трибунала избираются на девять лет с возможностью переизбрания. Срок полномочий одной трети членов истекает каждые три года, что обеспечивает преемственность и постепенное обновление судейского корпуса. Особое внимание уделяется справедливому географическому распределению мест в Трибунале, что отражает стремление сбалансировать представительство различных регионов мира [6].

Проанализиров позиции исследователей, фокусирующих свое внимание на обозначенной в исследовании проблематике считаем необходимым обозначить некоторые вопросы формирования судейского корпуса и пути их решения.

Кризис представительства - между географическими квотами и качеством правосудия. С одной стороны, как мы видим из проведенного анализа, к судьям помимо основных требований предъявляется еще необходимость географического распределения. В связи с этим возникает вопрос. Если из одного региона будут три представителя, обладающих познаниями в сфере международного права и имеющих опыт работы в качестве адвоката, а из другого региона один представитель, имеющий большой стаж работы судьей Верховного суда и владеющий познаниями не только в сфере международного, но и гражданского права, в совершенстве обладающий знаниями рабочих языков Суда и свободно говорящий на них кто будет избран судьей в международный суд? Будет ли играть роль географическая квота или объем знаний кандидта будет превалировать над ней.

Концепция «эффективной транспарентности», предложенная С. Янгом и Ш. Го, предлагает баланс между открытостью и эффективностью процесса. Прозрачность не должна превращаться в бесконечное обсуждение, парализующее принятие решений. Однако базовые элементы такие как публикация резюме кандидатов, проведение собеседования, обоснование выбора должны стать обязательными.

Наиболее перспективным решением представляется предложение о создании независимого консультативного комитета по оценке квалификации кандидатов. В Римском статуте Международного уголовного суда есть положение о том, что в случае необходимости Ассамблея государств-участников может принять решение об учреждении Консультативного комитета по выдвижению кандидатур. Считаем, что этот комитет сможет на международном уровне решить вопрос, связанный с назначением того или иного кандидата на должность судьи, учитывая как высокие требования, предъявляемые к нему, так и обеспечив прозрачность их отбора для осуществления правосудия.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо констатировать, что система формирования судейского корпуса в международных судах переживает кризис легитимности. Заложенные в середине XX века механизмы, ориентированные на межгосударственный консенсус все в меньшей степени отвечают потребностям современного международного правосудия, которое требует высокопрофессионального, независимого и представительного судейского корпуса. Перспективы развития международного правосудия напрямую зависят от способности международного сообщества преодолеть разрыв между декларируемыми идеалами судейской независимости и целесообразностью формирования эффективного судейского корпуса для осуществления правосудия.

Список литературы:

[1] Squatrito, T. Judging under Constraint: The Politics of Deference by International Courts. – Cambridge University Press, 2025. 376 p. DOI:https://doi.org/10.1017/9781009607636.

[2] Статут Международного Суда ООН, принят 26 июня 1945 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap1 (дата обращения 03.03.2026г.).

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод»(заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод

помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - N 2. - Ст. 163.

[4] Yang, S., Guo, S. Selection process of judges and members at international courts and tribunals: in search of efficient transparency // Journal of International Dispute Settlement. – 2025. – Vol. 16(3). URL: https://researchblog.law.hku.hk/2025/09/suhong-yang-and-shuai-guo-on-selection.html

[5] Римский статут Международного уголовного суда (Рим, 17 июля 1998 г.). Текст Римского статута, распространённого в качестве документа A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 г. с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 г., 12 июля 1999 г., 30 ноября 1999 г., 8 мая 2000 г., 17 января 2001 г., 16 января 2002 г. Вступил в силу 1 июля 2002 г. URL: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf (дата обращения 02.03.2026 г.)

[6] Международный трибунал по морскому праву (ITLOS) // Официальный сайт Международного трибунала по морскому праву. URL: https://www.itlos.org/en/main/the-tribunal/members/ (дата обращения 01.03.2026 г.).

[7] Vodvářková, L. Selection of Judges of International Courts: The Case of the ICJ, the ICC and the ITLOS. Master‘s thesis. – Masaryk University, 2024. – 89 p.

[8] Mackenzie, R., Malleson, K., Martin, P., & Sands, P. Selecting International Judges: Principle, Process, and Politics. – Oxford University Press, 2010. – 254 p.

[9] Medvedev D. A. Lost Illusions, or How the International Criminal Court has become a legal nonentity. Pravovedenie. 2025. №69(1). P. 24–42. https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.102

[10] Mohamed, R.Critical Examination of the Applicability of the Rule of Law in the International Criminal Court. 2025. №8(2), P.59-72. https://doi.org/10.37284/eajle.8.2.4008

[11] Почти достигнуто соглашение по Международному суду. 1920 г. Графство Вебер. г. Огден. URL: https://newspapers.lib.utah.edu/ark:/87278/s65m77s4/7148669 (дата обращения 09.03.2026 г.).

References:

[1] Squatrito, T. Judging under Constraint: The Politics of Deference by International Courts. – Cambridge University Press, 2025. 376 p. DOI:https://doi.org/10.1017/9781009607636.

[2] Statute of the International Court of Justice, adopted on June 26, 1945//Official website of the United Nations. URL: https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml#chap1 (accessed 03.03.2026).

[3] Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms” (concluded in Rome 04.11.1950) (with rev. dated 24.06.2013) (together with “Protocol [N 1]” (Signed in Paris 20.03.1952), “Protocol No. 4 on the provision of certain rights and freedoms in addition to those already included in the Convention and the first Protocol thereto (Signed in Strasbourg 16.09.1963), “Protocol No. 7” (Signed in Strasbourg 22.11.1984))//Collection of legislation of the Russian Federation. - 2001. - N 2. - Art. 163.

[4] Yang, S., Guo, S. Selection process of judges and members at international courts and tribunals: in search of efficient transparency // Journal of International Dispute Settlement. – 2025. – Vol. 16(3). URL: https://researchblog.law.hku.hk/2025/09/suhong-yang-and-shuai-guo-on-selection.html

[5] Rome Statute of the International Criminal Court (Rome, July 17, 1998). Text of the Rome Statute circulated as document A/CONF.183/9 of 17 July 1998, as amended by the Protocols of 10 November 1998, 12 July 1999, 30 November 1999, 8 May 2000, 17 January 2001, 16 January 2002. Effective 1 July 2002 URL: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute (r) .pdf (accessed 02.03.2026)

[6] International Tribunal for the Law of the Sea (ITLOS)//Official website of the International Tribunal for the Law of the Sea. URL: https://www.itlos.org/en/main/the-tribunal/members/ (accessed 01.03.2026).

[7] Vodvářková, L. Selection of Judges of International Courts: The Case of the ICJ, the ICC and the ITLOS. Master‘s thesis. – Masaryk University, 2024. – 89 p.

[8] Mackenzie, R., Malleson, K., Martin, P., & Sands, P. Selecting International Judges: Principle, Process, and Politics. – Oxford University Press, 2010. – 254 p.

[9] Medvedev D. A. Lost Illusions, or How the International Criminal Court has become a legal nonentity. Pravovedenie. 2025. №69(1). P. 24–42. https://doi.org/10.21638/spbu25.2025.102

[10] Mohamed, R.Critical Examination of the Applicability of the Rule of Law in the International Criminal Court. 2025. №8(2), P.59-72. https://doi.org/10.37284/eajle.8.2.4008

[11] An agreement has almost been reached on the ICJ. 1920 Weber County. Ogden. URL: https://newspapers.lib.utah.edu/ark :/87278/s65m77s4/7148669 (accessed 09.03.2026).

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-208-217

СЕДЫХ Валентина Николаевна,
юрист г. Пушкино Московской области,
e-mail: sedyh.val @mail.ru

КОНСТИТУЦИЯ СССР 1936 ГОДА И РЕПРЕССИИ 1937 ГОДА

Аннотация. *Статья посвящена событиям, происходившим в СССР в 1937-1938 годах. Автор анализирует взаимосвязь принятия Основного закона Союза ССР – Конституции 1936 года, принятой 5 декабря 1936 г., и массовых репрессий 1937 - 1938 годов.*

Ключевые слова: *Конституция СССР 1936 года, избирательная система, выборы советов депутатов, правосудие, НКВД СССР, «тройки», «двойки».*

SEDYKH Valentina Nikolaevna,
lawyer, Pushkino, Moscow Region

THE 1936 CONSTITUTION OF THE USSR AND THE 1937 REPRESSIONS

Annotation. *The article is devoted to the events that took place in the USSR in 1937-1938. The author analyzes the relationship between the adoption of the Basic Law of the Union of Soviet Socialist Republics, the Constitution of 1936, which was adopted on December 5, 1936, and the mass repressions of 1937-1938.*

Key words: *Constitution of the USSR of 1936, electoral system, elections of councils of deputies, justice, NKVD of the USSR, «troikas», «dvoykas».*

Конституция СССР 1936 года, известная как «сталинская» (далее – Конституция), была принята 5 декабря на VIII Чрезвычайном съезде Советов и действовала до 1977 года [1].

При обсуждении проекта Конституции, опубликованного 12 июня 1936 года, было предложено более двух миллионов поправок, дополнений и предложений более чем 50 миллионами человек, 55 процентами взрослого населения СССР. Письма приходили со всего Союза, и это обсуждение оказало огромное значение на развитие общественного сознания советских людей, проявление их гражданской позиции [2].

В рамках статьи считаю важным обратить внимание читателей на положения Конституции, обусловившие начало массовых репрессий 1937-1938 годов.

В Конституции не была определена роль коммунистической партии в управлении государством. И только в её 126 статье говорилось о праве граждан объединяться в общественные организации, в том числе в Коммунистическую партию Советского Союза, представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных.

Нормами Конституции впервые высшим органом государственной власти был определен Верховный Совет СССР (далее Верховный Совет), с наделением его исключительным правом на осуществление законодательной власти (ст.ст. 30, 32), на осуществление всех прав, присвоенных Союзу ССР, за исключением вопросов подведомственных Президиуму Верховного Совета СССР и Правительству СССР – Совету Министров СССР, органу исполнительной и распорядительной государственной власти. Последние формировались Верховным Советом, были подотчетны ему и ответственны перед ним в период сессий. А между сессиями Совет Министров Союза был подотчетен Президиуму Верховного Совета Союза, который избирался Верховным Советом в составе: Председателя, 15 заместителей по одному от союзной республики, Секретаря Президиума и 20 членов Президиума (ст.ст. 14, 31,48, 49, 56, 64, 65, 67, 68, 70).

На запрос депутата Верховного Совета Правительство СССР или Министр СССР обязаны были дать ответ в трехдневный срок (ст.71).

Верховный Совет наделялся правом назначать, когда он сочтёт необходимым, следственные и ревизионные комиссии по любому вопросу, с возложением обязанности на все учреждения и должностных лиц выполнения требований этих комиссий, предоставления им необходимых документов и материалов (ст.51).

Верховный Совет состоял из двух палат - Совет Союза и Совет Национальностей, избираемых гражданами СССР по норме: один депутат на 300 тысяч населения по избирательным округам в Совет Союза (ст. 34), а в Совет Национальностей по 32 депутата от союзной республики, по 11 депутатов от автономной республики, по 5 депутатов от автономной области, по 1 депутату от национального округа (ст. 35).

Осуществление государственной власти на местах возлагалось на советы депутатов трудящихся (ст. 94).

Следует обратить особое внимание на избирательную систему (глава XI) Конституции, которой впервые устанавливался новый порядок формирования Советов депутатов трудящихся всех уровней вплоть до Верховного Совета на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании (ст.ст.134-142).

Впервые предусматривались альтернативные выборы из нескольких кандидатов в депутаты выставляемых по избирательным округам. Право выдвижения кандидатов в депутаты было предоставлено не только коммунистическим партийным организациям, но и обществам трудящихся, профессиональным союзам, кооперативам, организациям молодежи, культурным обществам.

Депутатом Верховного Совета СССР мог быть избран каждый гражданин СССР, достигший 23 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

Впервые право участия в выборах предоставлялось всем гражданам СССР, достигшим 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности, за исключением лиц, признанных в установленном порядке умалишенными. За 30 дней до выборов Совет депутатов трудящихся обязан был вывесить списки избирателей для всеобщего обозрения или обеспечить избирателям возможность ознакомиться в помещении Совета с этими списками, в которые вносились необходимые исправления, либо выдавались письменные справки для обжалования в народном суде. Суд обязан был рассмотреть жалобу в течение трех дней.

«До новой Конституции выборы проводились по месту работы путем поднятия рук… Равными выборы не были ни при царе, ни до этого в Советском Союзе - у рабочих квота была выше в пять раз, чем у крестьян. Многие категории граждан: кулаки, священники, бывшие помещики, жандармы, генералы вообще были лишены избирательных прав... Выборы становились прямыми и равными, то есть без выборщиков, как это всегда было в России… Сталин решил провести норму, которая позволила бы при выборах на одно место в Верховном Совете иметь несколько кандидатов. В этом случае первый секретарь обкома вынужден был конкурировать с одним, двумя противниками. А поскольку к середине 30-х годов секретари в своих областях наворочали уже немало дел, с большой вероятностью могли победить их конкуренты. Само собой проигравших выборы партработников пришлось бы освобождать «как утративших связь с массами». И таким образом бескровно и демократично была бы решена проблема замены на своих постах некомпетентных руководителейх [3]», - уверен Жуков Ю.Н., с мнением которого сложно не согласиться. И далее Юрий Николаевич говорит о том, что в интервью американскому газетному объединению «Скриппс - Говард ньюспейперс» 1 марта 1936 года, опубликованному в газетах 6 марта 1936 года, Сталин сформулировал свой тайный замысел, до этого момента скрываемый от членов ЦК: «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти». «Несомненно, он поторопился и, слишком рано раскрыв карты… недооценил бюрократическую верхушку партии, её способность к сопротивлению. И был за это наказан».

Исследователь Жанна Швыдкая пишет: «… Большая часть первых секретарей знала, что наломала немало дров. Очень многие партсекретари были людьми полуграмотными, которые в принципе не могли контролировать строительство гигантов индустрии… Предложенные Сталиным выборы из нескольких кандидатов лишили бы их власти и должностей… Сплотившись, не пренебрегая никакими средствами» подавали ситуацию так, что вокруг одни враги, которых надо истреблять (статья 58) [4]».

В связи с предстоящими выборами Верховного Совета на основе новой Конституции задачи партийных организаций обсуждались на Пленуме ЦК ВКП(б), проходившем с 23 февраля 1937 года по 5 марта 1937 года [5] (далее Пленум). В резолюции Пленума зафиксировано, что «введение

новой Конституции означает поворот в политической жизни страны» для целей усиления контроля масс в отношении советских органов и ответственности советских органов в отношении масс, а также для вовлечения новых слоев трудящихся в управление государством. При этом Пленум обратил внимание на практику нарушения Устава партии в вопросе сроков проведения выборов парторганов, а также на широкое распространение практики кооптаци [22] различных руководящих работников в члены пленумов райкомов, крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий. По итогам работы Пленум обязал все парторганизации ликвидировать практику кооптации в члены парткомитетов, восстановить выборность руководящих органов парторганизаций на основе тайного голосования по отдельным кандидатурам при обеспечении всем членам партии неограниченного права отвода кандидатов и их критики в срок до 20 мая.

С 23 по 29 июня 1937 года в Москве проходил очередной Пленум партии, посвященный предстоящим выборам в Верховный Совет.

Перед июньским Пленумом 1937 года Сталину «от первых секретарей обкомов, крайкомов, ЦК союзных республик регулярно приходили телеграммы с просьбой разрешить арестовывать инженеров, руководителей заводов. Сталин всякий раз отвечал коротко, категорично: «не разрешаю». Почти все самые «кровожадные» один за другим шли накануне пленума к Сталину в кабинет. По одному, по двое, по трое. Однако при обсуждении избирательного закона никто напрямую «против» не выступал», говорит исследователь «сталинской эпохи» доктор исторических наук Жуков Ю.Н.[6].

Пленум проголосовал за избирательный закон, который должен был утвердить ЦИК СССР.

На Пленуме 23 июня 1937 г. выступил глава НКВД Ежов Н.И. с докладом, в котором говорил о том, что «… за последние три месяца органами НКВД раскрыт ряд фашистских антисоветских формирований из числа бывших троцкистов, правых, эсеров и других. Важнейшими из этих антисоветских организаций являются следующие 55:

1. военно - фашистский заговор во главе с крупнейшими командирами Красной Армии – Тухачевским, Гамарником, Якиром…и другими;
2. право-фашистский заговор в НКВД, возглавляемый Ягодой;
3. Кремлевская право - фашистская группа заговорщиков во главе с Енукидзе;
4. крупнейшая шпионская организация «ПОВ» во главе с Унишлихтом, Логановским, Долецким и другими;
5. Польская группа нацдемовской организации в Белоруссии во главе с Гололедом и Червяковым;
6. антисоветская правотроцкистская группа в Азово-Черноморской и Орджоникидзевской областях во главе с Шеболдаевым, Пивоваровым, Лариным и другими, объединяющая не только троцкистов и правых, но и крупнейшие антисоветские казачьи и партизано-повстанческие формирования;
7. антисоветская правотроцкистская группа в Восточной Сибири, во главе с первым секретарем крайкома Разумовым;
8. правая антисоветская группа на Урале, во главе с первым секретарем Свердловского обкома Кабаковым;
9. антисоветская право - фашистская группа в Западной области, во главе с секретарем обкома Румянцевым;
10. крупнейшая правотроцкистская шпионская организация на Дальнем Востоке, во главе с председателем крайисполкома Крутовым, Шмидтом и другими;

…

Перечислил только главнейшие, кроме этих почти во всех областях вскрыты антисоветские формирования, сблокировавшие правых, троцкистов, зиновьевцев, эсеров, меньшевиков и других».

Участники Пленума как опытные партийные работники понимали, что за потерей ими власти за их «предыдущую работу» последует ответственность, которую нельзя было допустить.

«За день до закрытия пленума, пишет Жуков Ю.Н., Роберт Эйхе, секретарь Западносибирского крайкома, подал в Политбюро записку о том, что в крае плохо работает НКВД и, якобы вскрытая чекистами в его крае антисоветская повстанческая кулацкая организация, полностью не разгромлена, а арестована только верхушка. Членов этой организации до выборов, назначенных на декабрь, необходимо арестовать и осудить «тройкой». Он ее готов возглавлять, а войти в нее должны прокурор и начальник НВКД по области. Сталин предложил запросить мнение первых секретарей всех областей, краёв и республик. Срок ответов - пять дней, однако телеграммы шли целый месяц. «Секретари всех регионов просили права создать «тройки», сразу же указывая, скольких людей собираются выслать, а сколько расстрелять… Роберт Эйхе попросил квоту на расстрел 10,8 тысячи человек… Хрущёв Н., бывший в то время первым секретарём обкома партии Московской области, просил разрешения к расстрелу: кулаков — 2 тысячи, уголовников — 6,5 тысячи, к высылке: кулаков — 5869, уголовников — 26 936».

С кем же хотели расправиться секретари, задается вопросом Жуков Ю.Н. и сам отвечает на него: «Да с теми крестьянами, которых Сталин и Вышинский вернули из лагерей и наделили избирательными правами. Они понимали, что каждый из этих крестьян, плюс его семья и друзья, случись альтернативные выборы, проголосуют против них… За каждым секретарем числилось немало перегибов и ошибок. Списать их можно было на врагов. Значит, нужен был враг, сильный, коварный, многочисленный. И его создали. Помимо этого, секретари стремились прочно связать себя, свою социальную группу со Сталиным, тем самым не только избежать уже обозначившегося разрыва с ним, но и поставить его в полную зависимость от себя и своих интересов, повязав его кровью».

7 июля 1937 года состоялась сессия ЦИК СССР. «Разоблачение, выкорчёвывание и разгром всех врагов народа являются важнейшим условием успешного проведения выборов в советы, осуществления сталинской конституции и дальнейшего победоносного продвижения нашей страны к коммунизму», — заявил Н. С. Хрущёв, зачитывая резолюцию московского актива. Столь же агрессивной оказалась резолюция ленинградского партактива. Только генеральный прокурор А. Я. Вышинский напомнил, что стабильность закона требует единообразия и единого понимания законности, сделав явный выпад против создания «троек» под эгидой НКВД, отмечают С. Валянский и Д. Калюжный [7].

9 июля 1937 года на сессии ЦИК СССР было принято «Положение о выборах в Верховный Совет СССР» (Постановление ЦИК СССР от 09.07.1937) [8]. В соответствии со ст.ст.76-78 данного Положения, «каждый избиратель голосует лично, являясь для этого в помещение голосования, причем подача голосов избирателями производится путем опускания в избирательный ящик избирательных бюллетеней, запечатанных в конверте». В бюллетене остается не вычеркнутой фамилия кандидата, за которого голосует избиратель. Заполнение бюллетеней происходит в специальной комнате при допуске в нее только голосующего.

10 июля 1937 года Политбюро [9] утвердило первые двенадцать заявок на создание «троек»: Московская, Куйбышевская, Сталинградская области, Дальневосточный край, Белоруссия ...».

30 июля 1937 года издается Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов»[10] за подписью Н. Ежова, Народного комиссара Внутренних дел Союза ССР, Генерального комиссара государственной безопасности.

В преамбуле данного приказа указано, что материалами следствия установлено, что в деревнях и городах осело значительное количество бывших кулаков и церковников, ранее репрессированных, практически не тронутых членов антисоветских политических партий, а также бывших участников бандитских восстаний, белых, карателей, репатриантов и др., занимающихся контрреволюционными происками и диверсиями. Для защиты страны от указанных категорий лиц «приказываю: с 5 августа 1937 года во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников. При этом все репрессируемые подразделяются на две категории: наиболее враждебные подлежат немедленному аресту, и по рассмотрению их дел на «тройках» - РАССТРЕЛУ, остальные менее активные, но все же враждебные подлежат аресту и заключению в лагеря и тюрьмы на 8-10 лет по определению «тройки». В отношении членов семей репрессируемых были прописаны различные меры репрессирования.

«Согласно представленным учетным данным Наркомами республиканских НКВД, начальниками краевых, областных управлений НКВД утверждается следующее количество подлежащих репрессии» и далее перечислены все субъекты СССР с цифрами репрессируемых: (часть II пункты 1-2 приказа)».

К примеру, Московская область по первой категории 5000, по второй 30000, всего 35000; Западносибирский край по первой категории 5000, по второй 8000, всего 13000; Ленинградская область по первой категории 4000, по второй 10000, всего 14000; Днепропетровская область по первой категории 1000, по второй 2000, всего 3000; лагеря НКВД по первой категории 10000, всего 10000.

На увеличение лимитов с мест должны представляться мотивированные запросы.

«Операцию начать 5 августа 1937 года и закончить в четырехмесячный срок. В первую очередь подвергаются репрессиям контингенты, отнесенные к первой категории. Контингенты, отнесенные ко второй категории, до особого на то распоряжения, репрессии не подвергаются. В том случае, если наркомы,… закончив операцию по первому контингенту, сочтут возможным приступить к операции по контингентам, отнесенным ко второй группе, они обязаны запросить мою санкцию и только по ее получении начать операцию» (часть III, пункты 1- 2, Приказа №00447 от 30.07.1937).

Термин репрессия (от латинского repression-подавление) - карательная мера, наказание [23].

Принятый закон об альтернативных выборах не мог быть претворен в жизнь в обстановке массового террора, когда всем было известно, что «тройки» возглавляют первые секретари областей, которые в любой момент организуют расстрел любому кандидату, а его семью отправят по этапу.

Стало очевидно всем, что провести демократические выборы в период репрессий невозможно.

В октябре 1937 года собрался очередной Пленум партии. Жуков Ю.Н. пишет: «Удалось найти в архивах уникальный документ: 11 октября 1937 года в шесть часов вечера накануне Пленума Молотов подписал окончательное отречение от сталинской идеи состязательности выборов. Пленум утвердил безальтернативный принцип – «один кандидат - на одно вакантное место», что гарантировало партократии абсолютное большинство в Верховном Совете. Сталин не простил партократии ее победы – она вся погибла».

Развернувшиеся с 5 августа 1937 года массовые репрессии создали угрозу существованию страны.

22 августа 1938 года первым заместителем Ежова Н.И. по НКВД и начальником Главного управления госбезопасности был назначен Берия Л.П.

17.11.1938 года под руководством Берии Л.П. издано Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 17.11.1938 N 81 «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» [11]. В нём указано на главнейшие недостатки, выявленные за последнее время в работе органов НКВД и прокуратуры, в том числе возбуждение вопросов о предоставлении так называемых «лимитов» для производства массовых арестов. Уместно привести выдержки из данного документа: «некоторые сотрудники органов НКВД и прокуратуры безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил... сознательно извращали советские законы, совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности лиц по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей». Постановлено, в том числе, «ликвидировать судебные «тройки», созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, и «тройки», созданные при органах милиции. Обязать органы и органы прокуратуры в точности соблюдать все требования Уголовно-процессуальных кодексов, установленных законом правил ведения следствия[12].

«25.11.1938 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Ежов Н.И. освобожден от должности наркома внутренних дел СССР. Тогда же на эту должность был назначен Берия Л.П., однако в газетах этот Указ был опубликован только 8 декабря 1938 года» [13].

26.11.1938 года Берией Л.П. был издан Приказ НКВД №00762 «О порядке осуществления постановления СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 17.11.1938»[14] которым были отменены многие приказы, циркуляры, инструкции НКВД СССР, в том числе вышеуказанный приказ № 00447 от 30 июля 1937 г.

«С приходом Берии резко сократились масштабы репрессий. Была проведена огромная работа по уже осужденным, ревизия дел и в 1939 -1940 гг. Были освобождены многие из тех, кого не успели осудить по делам 1937-1938 гг., проведены массовые амнистии уже осужденных… Проведена массовая чистка кадров Ежова… Сотни высокопоставленных руководителей НКВД - ставленники Ежова и исполнители «большого террора» 1937-1938 годов - были расстреляны. Таким образом, под руководством Берии в СССР восстановили справедливость»[15], - делает вывод Стариков Николай.

«Одновременность происходящего привела к тому, что оба процесса – репрессии против народа и репрессии против элиты – выглядят как нечто единое, но их следует различать. Комиссии по реабилитации, созданные при Хрущеве, рассматривали их вкупе, называя «периодом сталинских беззаконий», и это естественно, потому что комиссии работали в интересах той же самой элиты», - считает Роман Соловьев, с мнением которого согласна автор данной работы.

Таким образом, Конституция 1936 года постановила, что политическую основу государства составляют Советы депутатов трудящихся с высшим органом государственной власти - Верховным Советом СССР. Конституцией были сняты ограничения избирательных прав граждан, утверждены принципы всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании в отношении выборов во все Советы депутатов, в том числе в Верховный Совет из нескольких кандидатов в депутаты, выдвигаемых различными организациями. Вероятно, что целью данной Конституции являлась реформа государственной власти в СССР с отстранением от власти партаппарата, которому грозила потеря власти и последующая за этим расплата за произвол, творимый ими от имени партии. Партийная номенклатура была не готова конкурировать с внепартийными кандидатами и именно в качестве ответа на эту инициативу Сталина организовала большой террор. Июньский пленум 1937 года стал событием, когда в СССР проявилась политическая сила, доминирующая над партией - это

был НКВД СССР. По приказу руководителя НКВД СССР Ежова Н.И. от 30 июля 1937 г. № 00447 с 5 августа 1937 года по всему Союзу ССР был запущен маховик массовых репрессий с целью недопущения 12 декабря 1937 года альтернативных выборов в Верховный Совет СССР.

Конституция лишилась самого важного – смысла.

«Сталин вынужден был капитулировать учитывая сложную международную обстановку у границ и общее противодействие западных капиталистов... Сталин не просто удержал страну в 1937-м, он ее пересобрал и сделал сильнейшей, второй в мире» [4, 16].

Массовые репрессии продолжались с 5 августа 1937 до назначения 25 ноября 1938 года руководителем НКВД СССР Берии Л.П., прекратившего «большой террор». По его инициативе была проведена массовая чистка аппарата НКВД и в 1939 году массовая реабилитация репрессированных.

Следует обратить особое внимание на то, что репрессии 1937-1938 годов осуществлялись в прямое нарушение действовавшей Конституции. Вопросы правосудия в Конституции были выделены в отдельную главу (IX) «Суд и прокуратура», закрепившую в статье 102 нормы об осуществлении правосудия Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных республик и автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами. Соответственно этому никакие иные органы и никакие иные лица кроме суда и судей не вправе были принимать на себя осуществление правосудия.

В судебных учреждениях СССР порядок производства уголовных дел был определен Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик от 31.10.1924 [17] и уголовно-процессуальными кодексами союзных республик.

Поскольку в Союзе ССР с 5 декабря 1936 года правосудие в отношении уголовных дел, в том числе и дел о контрреволюционных преступлениях, относилось исключительно к ведению судов, то соответственно с этого времени ненадлежащими органами для осуществления правосудия являлись внесудебные органы ВЧК, ГПУ - ОГПУ, УНКВД - НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегии, комиссии, «Особые совещания», «двойки», «тройки» и иные органы. Вынесенные ими решения являлись незаконными.

Соответственно, «подлежат реабилитации лица, которые по решениям внесудебных органов ВЧК, ГПУ - ОГПУ, УНКВД - НКВД, МГБ, МВД, прокуратуры и их коллегии, комиссий, «Особых совещаний», «двоек», «троек» и иных органов были подвергнуты уголовным репрессиям по политическим мотивам» на основании ст.3 (п. «д») Закона Российской Федерации от 18.10.1991 N 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» [19].

Реабилитация этих лиц возложена на органы прокуратуры (ст.8 Закона).

Приложение

5 марта 1953 года Советский Союз потерял своего Величайшего Сына - Иосифа Виссарионовича Сталина.

Обращаясь ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета с чувством великой скорби известили партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта 1953 года в 9 часов 50 минут вечера после тяжелой болезни скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин [19].

В обращении говорится о том, что «имя Сталина бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира… товарищ Сталин привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране. Товарищ СТАЛИН привел нашу страну к победе над фашизмом во Второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку… Весть о кончине товарища СТАЛИНА глубокой болью отзовется в сердцах рабочих, колхозников, интеллигентов и всех трудящихся нашей Родины, в сердцах воинов нашей доблестной Армии и Военно-Морского Флота, в сердцах миллионов трудящихся во всех странах мира».

И весть о смерти СТАЛИНА отозвалась величайшей скорбью в сердцах миллионов советских людей, пришедших проститься с великим вождем и гениальным человеком, о чем свидетельствуют кадры кинохроники и устные сообщения участников этих шествий, переданные детям, внукам и правнукам.

Свою глубочайшую скорбь в связи со смертью Сталина выразила и Русская Православная Церковь.

9 марта с.г. в Патриаршем Богоявленском соборе Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием I (Симанским С.В.) была совершена панихида по скончавшемся Председателе Совета Министров СССР, Генералиссимусе И.В.СТАЛИНЕ. Перед началом панихиды Святейший Патриарх произнес речь, которая будет напе-

чатана в следующем номере нашего журнала [20, с.10], -информирует журнал Московской Патриархии.

Речь Патриарха Московского и всея Руси Алексия I перед панихидой по И.В.Сталину сказанная в Патриаршем Соборе в день его похорон 9 марта 1953 года [21,с. 10-11], приводится в полном объеме:

«Великого Вождя нашего народа Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась великая сила, нравственная, общественная; сила, в которой наш народ ощущал собственную силу, которой он руководствовался в своих созидательных трудах и предприятиях, которою он утешался в течение многих лет. Нет области, куда бы не проникал его глубокий взор великого Вождя. Люди науки изумлялись его глубокой научной осведомленности в самых разнообразных областях, его гениальным научным обобщениям; военные – его военному гению; люди самого различного труда неизменно получали от него мощную поддержку и ценные указания. Как человек гениальный, он в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума.

Об его напряженных заботах и подвигах во время Великой Отечественной войны, об его гениальном руководстве военными действиями, давшими нам победу над сильным врагом и вообще над фашизмом; об его многогранных необъятных повседневных трудах по управлению, по руководству государственными делами – пространно и убедительно говорили и в печати, и, особенно, при последнем прощании сегодня, в день его похорон, его ближайшие соработники. Его имя, как поборника мира во всем мире, и его славные деяния будут жить в веках.

Мы же, собравшись для молитвы о нем, не можем пройти молчанием его всегда благожелательного, участливого отношения к нашим церковным нуждам. Ни один вопрос, с которым бы мы к нему ни обращались, не был им отвергнут; он удовлетворял все наши просьбы. И много доброго и полезного, благодаря его высокому авторитету, сделано для нашей Церкви нашим Правительством.

Память о нем для нас незабвенна, и наша Русская Православная Церковь, оплакивая его уход от нас, провожает его в последний путь, «в путь всея земли», горячей молитвой.

В эти печальные для нас дни со всех сторон нашего Отечества от архиереев, духовенства, верующих, и из-за границы Глав и представителей Церквей, как православных, так и инославных, я получаю множество телеграмм, в которых сообщается о молитвах о нем и выражается нам соболезнование по случаю этой печальной для нас утраты.

Мы молились о нем, когда пришла весть о его тяжелой болезни. И теперь, когда его не стало, мы молимся о мире его бессмертной души.

Вчера наша особая делегация в составе: Высокопреосвященного Митрополита Николая; представителя Епископата, духовенства и верующих Сибири, архиепископа Палладия; представителя Епископата, духовенства и верующих Украины, архиепископа Никона и протопресвитера о. Николая, возложила венок к его гробу и поклонилась от лица Русской Православной Церкви его дорогому праху.

Молитва, преисполненная любви христианской, доходит до Бога.

Мы веруем, что и наша молитва о почившем будет услышана Господом.

И нашему возлюбленному и незабвенному Иосифу Виссарионовичу мы молитвенно, с глубокой, горячей любовью возглашаем вечную память».

«По случаю кончины Председателя Совета Министров СССР, Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА Патриархом Московским и всея Руси Алексием I получено множество телеграмм с выражением глубокой скорби и соболезнования от Епископата, клира, монастырей, духовных учебных заведений и мирян»[19, с.10]. К примеру [20, с. 12-18].

«От Патриарха Антиохийского и всего Востока Александра

Дамаск, 6.III.1953 г.

Весть о безвременной смерти гениального Вождя и создателя могущества великого Советского государства Иосифа Виссарионовича Сталина наполнила наши сердца глубочайшей скорбью. От своего имени, а также от имени всех православных чад нашей Святой Церкви выражаем Вашему Блаженству, а также Православной Церкви Русской и всем ее верным чадам наши искреннейшие соболезнования по поводу столь тяжелой утраты. Просим передать Советскому Правительству выражение нашей безмерной скорби и глубокого сочувствия».

«От Митрополита Варшавского и всея Польши Макария

Варшава,7.III.1953 г.

В эти скорбные дни примите, Ваше Святейшество, глубокое соболезнование от Польской Православной Церкви и от меня лично по поводу тяжелой утраты советского народа в лице его мудрого и любимого Вождя Иосифа Виссарионовича Сталина».

«От Архиепископа Китайского и Пекинского Виктора

Пекин,7.III.1953 г.

Православные люди Восточно-Азиатского Экзархата потрясены смертью любимого Вождя – Генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина. Приносим Вашему Святейшеству, Правительству и всем гражданам Советского Союза чувства глубокого соболезнования по случаю постигшей наше Отечество и народы мира тяжкой, невосполнимой утраты».

О взаимоотношениях советской власти и Русской Православной Церкви явно свидетельствует награждение Патриарха Московского и всея Руси Алексия двумя орденами Трудового Красного Знамени. В своей речи 13 декабря 1952 года в Кремле при вручении ему Председателем Президиума Верховного Совета Н.М. Шверником ордена Трудового Красного Знамени Патриарх Алексий [21] сказал: «Я глубоко тронут пожалованием мне второго ордена Трудового Красного Знамени. Это высокое внимание особенно ценно для меня как выражение благожелательного отношения к Церкви со стороны вашего Высшего Правительства… Пользуюсь настоящим случаем, чтобы засвидетельствовать от лица Церкви, Ее иерархии, возглавляемой мною, и верующих, что мы высоко ценим это благожелательное отношение, выражающееся в целом ряде полезных для церкви актов, исходящих от Правительства через Совет по делам Русской Православной Церкви, - этот Государственный Орган весьма нами ценимый и обеспечивающий правильный ход церковных дел».

Список литературы:

[1] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик»// (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936). «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», N 283, 06.12.1936г.

[2] День сталинской Конституции – Коммунистическая Партия Российской Федерации. Бурятское отделение. 06.12.2019. ПРЕСС-БЮРО. [Электронный ресурс] – Дата обращения 24.02.2026.

[3] К 125 - летию рождения И.В. Сталина. Юрий Жуков, доктор исторических наук «Сталин: Иной Взгляд». (Беседа с автором книги «Иной Сталин», записал Валентин Зубков). Наш современник // №12 2004. [Электронный ресурс] – Дата обращения 24.02.2026.

[4] «Что стало причиной репрессий в 1937 году? Как Сталин удержал страну, но капитулировал перед партократами? | Жанна Швыдкая | Дзен. [Электронный ресурс] – Дата обращения 11.02.2026.

[5] Электронная библиотека исторических документов (ЭБИД) | Пленум ЦК ВКП(б). Москва. 23 февраля — 5 марта 1937 г. Источник публикации: Газета «Правда», 1937, 6 марта №64.

[6] Неизвестный 37-й / Территория истории. «Столетие» информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. Интернет-газета издаётся с 21 сентября 2004 года. Беседа с доктором исторических наук Юрием Николаевичем Жуковым, известным экспертом по «сталинской эпохе» 16.0.2012. [Электронный ресурс] – Дата обращения 24.02.2026.

[7] С. Валянский, Д. Калюжный. - Элита России - Art&Fact. Главы из книги «Забытая история русской революции» (М.: Вече, 2006). [Электронный ресурс] – Дата обращения 24.02.2026.

[8] Постановление ЦИК СССР от 09.07.1937 «Об утверждении «Положения о выборах в Верховный Совет СССР». «СЗ СССР», 1937, N 43, ст. 182. «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», N 160, 10.07.1937.

[9] ЭБИД. Документы о подготовке операции по репрессированию «бывших кулаков и уголовников». Из протокола №51 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении состава «троек» и лимитов, репрессированных по Куйбышевской, Донецкой, Северо-Казахстанской, Сталинградской и Московской областям, Дагестанской, Крымской и Мордовской АССР, Азербайджанской, Таджикской и Белорусской ССР, Дальневосточному краю. 10 июля 1937 г. // АПРФ.Ф.3. Оп.58, Д.212. Л.34-40. Выписка из протокола. РГАСПИ. Ф.17. Оп.162. Д.21. Л.98-99. Подлинник. Подписной экз.

[10] Оперативный приказ НКВД СССР от 30.07.1937 N 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». Источник публикации: «Материалы дела о проверке конституционности указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР», т. 6, 1999// СПС КонсультантПлюс.

[11] Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 17.11.1938 N 81»Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах/ Том 1. С.305-308.

[12] Седых В.Н. «Правда откроется твоя. Твоя правда будет выведена как свет»//Научно-правовой журнал «Образование и право» №7 за 2023 год. С.386-397.

[13] НКВД СССР сентябрь 1938 г. - февраль 1941 г. | Проект «Исторические Материалы». [Электронный ресурс] – Дата обращения 24.02.2026.

[14] Приказ НКВД № 00762 от 26 ноября 1938 «О порядке осуществления постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 17.11.1938. История сталинского Гулага. Конец 120-х – первая половина 1950-

х. Собрание документов в 7-ми томах/ Том 1. С.309-312. ГА РФ. Ф.Р.-9401. Оп.2. Д.1. Л.1-9. Подлинник.

[15] Стариков Николай |25 ноября 1938 г | Дзен. [Электронный ресурс] – Дата обращения 24.02.2026.

[16] Что стало причиной репрессий в 1937 году? Как Сталин удержал страну, но капитулировал перед партократами? | Жанна Швыдкая | Дзен. [Электронный ресурс] – Дата обращения 11.02.2026.

[17] Постановление Президиума ЦИК СССР от 31.10.1924 «Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик»/ «СЗ СССР», 1924, N 24, ст. 206 /Документ утратил силу в связи с изданием Указа Президиума ВС СССР от 13.04.1959.

[18] Закон РФ от 18.10.1991 N 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». «Ведомости СНД и ВС РСФСР», 31.10.1991, N 44, ст. 1428.

[19] Журнал Московской Патриархии №3. Март. С.5-7. Издание Московской Патриархии Москва 1953 год. ФГБУ РГБ.

[20] Журнал Московской Патриархии №4. Апрель С.10-11. Издание Московской Патриархии Москва 1953 год. Копия, заверенная должным образом ФГБУ РГБ.

[21] Вручение ордена Трудового Красного Знамени Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, в связи с его 75-летием Председателем Президиума Верховного Совета Н.М. Шверником. Журнал Московской Патриархии №1. Январь. С.5-6. Издание Московской Патриархии Москва. 1953 год. Фотокопия, ФГБУ РГБ.

[22] Кооптация (от лат. cooptatio - довыборы), введение в состав выборного органа новых членов либо кандидатов без проведения дополнительных выборов (Энциклопедический словарь). [Электронный ресурс] – Дата обращения 24.02.2026.

[23] Советский энциклопедический словарь. Составитель Р.Я.Булатов. Издание четвертое, Москва «Советская энциклопедия» 1988. С.1107 . С.1121.

References:

[1] Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics "//(approved by Resolution of the Extraordinary VIII Congress of Soviets of the USSR of 05.12.1936). "News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee," N 283. 06.12.1936

[2] Stalin's Constitution Day - Communist Party of the Russian Federation. Buryat branch. 06.12.2019. PRESS OFFICE. [Electronic resource] - Date of 24.02.2026 access.

[3] To the 125th anniversary of the birth of I.V. Stalin. Yuri Zhukov, Doctor of Historical Sciences "Stalin: A Different View." (Conversation with the author of the book "Another Stalin," recorded by Valentin Zubkov). Our contemporary//No. 12 2004. [Electronic resource] - Date of 24.02.2026 access.

[4] "What caused the repression in 1937? How did Stalin keep the country, but capitulated to the partocrats? | Zhanna Shvydkaya | Zen. [Electronic resource] - Date of 11.02.2026 access.

[5] Electronic Library of Historical Documents (EBID) | Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Moscow. February 23 - March 5, 1937 Source of publication: Newspaper Pravda, 1937, March 6, No. 64.

[6] Unknown 37th/Territory of History. "Centennial" information and analytical publication of the historical perspective fund. The online newspaper has been published since September 21, 2004. Conversation with Doctor of Historical Sciences Yuri Nikolaevich Zhukov, a well-known expert on the "Stalinist era" 16.0.2012. [Electronic resource] - Date of appeal 24.02.2026.

[7] S. Valyansky, D. Kalyuzhny. - Elite of Russia - Art&Fact. Chapters from the book "Forgotten History of the Russian Revolution" (M.: Veche, 2006). [Electronic resource] - Date of 24.02.2026 access.

[8] Decree of the Central Executive Committee of the USSR of 09.07.1937 " On approval of the "Regulations on elections to the Supreme Soviet of the USSR." "SZ USSR," 1937, N 43, Art. 182. Izvestia of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee, No. 160, 10.07.1937.

[9] EBID. Documents on the preparation of an operation to repress "former fists and criminals." From protocol No. 51 of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks on the approval of the composition of the "triples" and limits repressed in the Kuibyshev, Donetsk, North Kazakhstan, Stalingrad and Moscow regions, Dagestan, Crimean and Mordovian ASSR, Azerbaijan, Tajik and Byelorussian SSR, Far Eastern Territory. July 10, 1937// APRF.F.3. Op. 58, D.212. L.34-40. Extract from the protocol. RGASPI. F.17. Op.162. D.21. L.98-99. Original. Subscription copy.

[10] Operational order of the NKVD of the USSR of 30.07.1937 N 00447 "On the operation to repress former kulaks, criminals and other anti-Soviet elements." Source of the publication: "Case materials on checking the constitutionality of decrees of the President of the Russian Federation concerning the activities of the CPSU and KP RSFSR, as well as on checking the constitutionality of the CPSU and KP RSFSR," vol. 6, 1999//SPS Consultant Plus.

[11] Decree of the Council of People's Commissars of the USSR, Central Committee of the All-Union

Communist Party of Bolsheviks of 17.11.1938 No. 81 “On Arrests, Prosecutorial Supervision and Investigation.” History of Stalin’s Gulag. Late 1920s - first half of the 1950s: Collection of documents in 7 volumes/ Volume 1. P.305-308.

[12] Sedykh V.N. “Your truth will be revealed. Your truth will be brought out as light “//Scientific and legal journal “Education and Law “No. 7 for 2023. P.386-397.

[13] NKVD of the USSR September 1938 - February 1941 | Project “Historical Materials.” [Electronic resource] - Date of 24.02.2026 access.

[14] NKVD Order No. 00762 of November 26, 1938 “On the Procedure for Implementing the Decree of the Council of People’s Commissars of the USSR, Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of 17.11.1938. History of the Stalinist Gulag. Late 120s - first half of the 1950s. Document collection in 7 volumes/Volume 1. P.309-312. GA RF. F.R.-9401. Op.2. D.1. L.1-9. Original.

[15] Nikolai Starikov | November 25, 1938 | Zen. [Electronic resource] - Date of 24.02.2026 access.

[16] What caused the repression in 1937? How did Stalin keep the country, but capitulated to the partocrats? | Zhanna Shvydkaya | Zen. [Electronic resource] - Date of 11.02.2026 access.

[17] Decree of the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR of the 31.10.1924 “Fundamentals of Criminal Proceedings of the USSR and the Union Republics “/” SZ USSR,” 1924, No. 24, Art. 206/The document became invalid in connection with the publication of the Decree of the Presidium of the USSR Armed Forces of 13.04.1959.

[18] Law of the Russian Federation of 18.10.1991 N 1761-1 “On the rehabilitation of victims of political repression.” “Vedomosti SND and Armed Forces of the RSFSR,” 31.10.1991, N 44, Art. 1428.

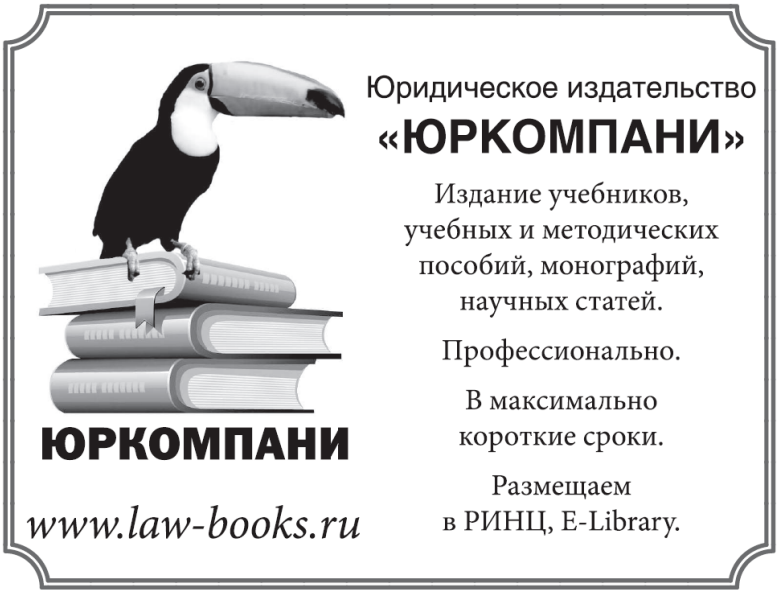
[19] Journal of the Moscow Patriarchate No. 3. March. S.5-7. Edition of the Moscow Patriarchate Moscow 1953. FSBI RSL.

[20] Journal of the Moscow Patriarchate No. 4. April S.10-11. Edition of the Moscow Patriarchate Moscow 1953. Copy duly certified by FSBI RSL.

[21] Presentation of the Order of the Red Banner of Labor to Patriarch Alexy of Moscow and All Russia, in connection with his 75th birthday, Chairman of the Presidium of the Supreme Council N.M. Shvernik. Journal of the Moscow Patriarchate No. 1. Jan. S.5-6. Publication of the Moscow Patriarchate Moscow. 1953. Photocopy, FSBI RSL.

[22] Co-optation (from lat. Cooptatio - by-elections), the introduction of new members or candidates into the elected body without additional elections (Encyclopedic Dictionary). [Electronic resource] - Date of 24.02.2026 access.

[23] Soviet encyclopedic dictionary. Compiled by R.Ya. Bulatov. Fourth edition, Moscow “Soviet Encyclopedia” 1988. S.1107. S.1121.



Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-218-224

КУХТЯЕВА Елена Алексеевна,
ст. преподаватель Северо-Кавказского (г. Махачкала) института ВГУЮ,
e-mail: mail@law-books.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА СУДА ПРИСЯЖНЫХ: ОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕННОСТИ КОЛЛЕГИАЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. *В статье исследуется эволюция института суда присяжных сквозь призму его ключевой характеристики — коллегиальности. Автор ставит целью не просто описать исторические этапы, но осмыслить ценностное содержание коллегиального начала в отправлении правосудия. На основе анализа зарубежного опыта (Англия, Франция) и российской практики (от реформы 1864 года до современности) делается вывод о том, что ценность суда присяжных заключается не в механическом суммировании мнений, а в качественном изменении природы судебного решения — привнесении в него «живого» нравственного и социального опыта, отличного от формально-юридического подхода профессионалов.*

Ключевые слова: *суд присяжных, коллегиальность, историческая ретроспектива, правосудие, Судебная реформа 1864 года, вердикт, справедливость, суд общественной совести, правосознание.*

KUKHTYAEVA Elena Alekseevna,
Senior lecturer at the North Caucasus State University (Makhachkala) Institute

HISTORICAL RETROSPECTIVE OF THE JURY TRIAL: UNDERSTANDING THE VALUE OF COLLEGIAL JUSTICE

Annotation. *The article examines the evolution of the institution of trial by jury through the prism of its key characteristic — collegiality. The author aims not only to describe the historical stages, but also to comprehend the value content of the collegial principle in the administration of justice. Based on the analysis of foreign experience (England, France) and Russian practice (from the reform of 1864 to the present), it is concluded that the value of a jury trial lies not in a mechanical summation of opinions, but in a qualitative change in the nature of a court decision — bringing into it a "living" moral and social experience, different from the formal -the legal approach of professionals.*

Key words: *jury trial, collegiality, historical retrospect, justice, Judicial reform of 1864, verdict, justice, court of public conscience, legal awareness.*

Для понимания значимости осуществления правосудия коллегиальным составом суда с участием присяжных заседателей следует рассмотреть историю данного вопроса. В современной юридической науке проблема коллегиальности часто редуцируется до количественного показателя — числа судей, участвующих в процессе. Однако обращение к истокам становления суда присяжных позволяет раскрыть качественно иной, глубинный смысл коллегиальности. Цель настоящей статьи — проследить историческую эволюцию суда присяжных и выявить непреходящую ценность коллегиального начала как гарантии не только законного, но и справедливого, «живого» правосудия [1, с. 52], отражающего нравственные установки общества.

В отличие от коллегии профессиональных судей, где все участники мыслят в рамках одной правовой парадигмы, коллегия присяжных представляет собой «срез общества». Как отмечал И.Я. Фойницкий, «суд присяжных есть суд не по букве закона, а по совести» [2, с. 163]. Ценность здесь заключается в диалектическом единстве: профессиональное правосознание судьи (знание закона) сталкивается и дополняется обыденным правосознанием присяжных (представление о справедливости). Именно их коллегиальное взаимодействие рождает истинный судебный акт.

Идея привлечения представителей общества к отправлению правосудия уходит корнями в глубокую древность. В античных Афинах существовала гелиэя — суд присяжных, насчитывавший тысячи граждан. В средневековой Руси элементы коллегиальности прослеживались в деятельности княжеских судов с участием «добрых людей».

Точно определить время и место происхождения суда с участием присяжных заседателей, как формы правосудия определить точно не возможно. По общепринятой точке зрения, появление суда присяжных связано с Францией, с временами правления Людовика Благочестивого (829 г. н.э.) [3, с. 85].

Данная правовая процедура была привнесена в Англию норманнами под предводительством Вильгельма Завоевателя в 1066 году [4, с. 314]. Уже к началу XII столетия она прочно укоренилась в качестве неотъемлемого элемента английского правосудия [5, с. 6] и зарекомендовала себя эффективным средством правосудия с позиций его реализации коллективным субъектом, которым можно считать суд с участием присяжных заседателей. Именно там сформировался классический институт присяжных, где коллегия из 12 «равных» (peers) решала вопрос факта, отдельно от судьи, решавшего вопрос права. Это разделение стало ключевым: коллегиальность присяжных была направлена не на юридическую квалификацию, а на установление истины по совести, на основе жизненного опыта. В своем трактате, французский политик 19 века А. Токвиль сделал интересный вывод о значении судебного решения принятого коллегиальным субъектом - судом присяжных: «Когда англичане учредили суд присяжных, они представляли собой варварский народ. С тех пор они стали одной из самых просвещённых наций в мире, и их приверженность суду присяжных возрастала по мере развития у них просвещения» [6, с. 209]. С этой точки зрения опыт реализации данной формы правосудия интересен для анализа ее развития как в зарубежном, так и в отечественном законодательстве. Суть английского процесса состоит в том, что присяжные судят только о факте, а коронный судья - о праве. Впервые появившийся в Англии из “обыскных людей, к которым обращалось правительство для исследования интересовавших его дел, как фискальных, так и судебных” [2, с. 163], этот метод расследования “через присяжных прочно вошел в английскую правовую практику и стал одним из основополагающих принципов англосаксонской системы права” [7, с. 51]. Таким образом, в то время это были скорее свидетели, нежели судьи в современном понимании, – незаинтересованные в исходе дела, лица, незнакомые с обвиняемым.

Истоки суда присяжных в Англии восходят к 1166 году, когда по велению Генриха II в Кларендоне был созван «Большой суд присяжных». Для дачи показаний относительно обвиняемых к участию в нем впервые привлекли двенадцать наиболее благонадежных граждан графства [8, с. 7]. Год 1215-й: Иоанн Безземельный на островке посреди Темзы подписывает «Великую хартию вольностей» [9, с. 36]. С тех пор для англичан этот документ — незыблемый краеугольный камень их свободы, а само событие овеяно торжественным ореолом [10]. Так, в Статье 39 подписанной Хартии мы находим очень важное положение, актуальное и в современном мире, а в отечественном уголовном процессе - это прототип одного из элементов конституционного принципа «Презумпция невиновности» : «Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или обвялен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо (иным) способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его (его пэров) и по закону страны» [10].

Начиная с XVI столетия в английском судопроизводстве наметилась тенденция к разделению обязанностей между свидетелями и присяжными. Первые выступали лишь источником информации, делясь известными им фактами, тогда как вторые выносили вердикт, определяя вину или невиновность подсудимого. Окончательное закрепление независимости присяжных произошло лишь в 1670 году, когда была упразднена практика наказания судей за вынесенное ими решение [11, с. 9].

В XVII–XVIII веках британская правовая модель была распространена на колониальные владения короны — от Индии и Бирмы до Австралии, Новой Зеландии и обеих Америк. Обретя независимость, эти государства не стали отказываться от укоренившейся системы судопроизводства, которая получила название англосаксонской (или англо-американской).

И.П. Закаревский с своей работе «О настоящем и будущем суда присяжных» отметил, что «происхождение упомянутой теории во Франции объясняешь путем историческим. Французы заимствовали институт присяжных из Англии в 1791 году, преимущественно под влиянием стремлений политического свойства» [12]. При этом он отметил, что что французами многие положения по такому судопроизводству были приспособлены под свои социальные и политические условия, а многие и реформированы. Так, в таком документе как «Cahiers de doléances» - наказы депутатов или выборщиков в депутаты 1789 года [23] во Франции впервые был установлении порядок рассмотре-

ния уголовных дел присяжными заседателями. В их текст включили демократическое равенство – одна из видных особенностей содержания cahiers третьего сословия [23]. Между тем, во Франции изменения в порядке судопроизводста с участием присяжных с указанного периода продолжались до 1808 года? когда многие положения рассматриваемой процедуры были закреплены в УПК Франции этого же года, благодаря Наполеону I [13, с. 68]. Произошел важнейший переход от классического английского суда присяжных к его континентальной версии. Именно эта трансформация впоследствии определила форму европейского судопроизводства, а также заложила основы смешанного уголовного процесса. Последний сочетал в себе тайное предварительное следствие и открытое судебное разбирательство с участием народных представителей, выносящих решение [13, с. 68].

По мере завоеваний Наполеона этот институт права распространился почти на всю континентальную Европу [14, с. 28]. Наполеон учредил суд присяжных в покоренных европейских странах: Бельгии, Голландии, Италии [15, с. 36].

Следует подчеркнуть, что в большинстве упомянутых стран действует единая судебная коллегия, где профессиональные судьи и присяжные сообща решают как вопросы факта, так и вопросы права, обладая равными правами. Однако из этого правила есть исключения. Например, в окружных судах Финляндии голос судьи-профессионала при вынесении решения может приравниваться к пяти голосам непрофессионалов. В то же время в военных судах США и аналогичных британских судах профессионалы выполняют лишь функцию юридических советников с правом совещательного голоса, тогда как непрофессионалы самостоятельно принимают решения по всем аспектам дела [14, с. 28].

Наиболее ярко ценность коллегиального правосудия проявилась в России в ходе Судебной реформы Александра II. Введение суда присяжных стало актом огромного социального доверия. До реформы в России господствовал инквизиционный (письменный и тайный) процесс. Введение гласного суда с участием присяжных кардинально изменило природу правосудия. Коллегиальность здесь выполняла несколько функций: социальная легитимация и смягчение закона. Решение, вынесенное с участием представителей сословий, воспринималось обществом как «свое», а не как чиновничий произвол. Известны случаи («оправдательные вердикты вопреки уликам»), когда присяжные, руководствуясь коллегиально выработанной нравственной оценкой личности подсудимого, выносили оправдательные вердикты, фактически корректируя устаревшие или чрезмерно суровые нормы закона.

Историческая ретроспектива показывает и напряжение, вызванное работой данного института. Консервативная критика (в лице К.П. Победоносцева) утверждала, что «суд улицы» некомпетентен. Однако, как показывает опыт, именно коллегиальное обсуждение в совещательной комнате, где сталкиваются разные жизненные позиции, позволяло выносить взвешенные вердикты. Ценность заключалась в самом процессе обсуждения, исключающем механистичность и формализм.

После 1917 года суд присяжных был упразднен. Формально коллегиальность сохранилась (суд народных заседателей), но ее ценностное наполнение было утрачено [16, с. 50].

Во-первых, заседатели чаще всего находились под «гипнозом» профессионального судьи («коллегиальность с закрытыми глазами») [17, с. 20].

Во-вторых, социальный состав был искусственно ограничен, а сама процедура не позволяла заседателям быть независимыми [18, с. 17].

Этот период показателен от противного: когда коллегиальность перестает быть подлинной (независимой, совещательной, социально репрезентативной), она теряет свою ценность, превращаясь в формальный атрибут.

В. И. Ленин в статье «Бей, но не до смерти», высоко оценивая суд присяжных, писал о суде с сословными представителями: «Сословные представители, слитые в одну коллегию с судьями-чиновниками, представляют из себя безгласных статистов, играют жалкую роль понятых, рукоприкладствующих то, что угодно будет постановить чиновникам судебного ведомства» [19, с. 407]. И, несмотря на это, большевики после прихода к власти отменили суд присяжных, ввели революционные трибуналы и местные (народные) суды, действовавшие в составе профессионального судьи и двух народных заседателей [24]. Совершенно очевидно, что при этом сознательно преследовалась единственная цель – получить управляемый советской властью карательный судебный орган, а не суд, который вершит правосудие, объективно рассматривая уголовное дело.

Первым шагом к возрождению суда присяжных в современной России стало принятие еще в 1989 году «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о судоустройстве». Этот акт устанавливал, что вопрос виновности подсудимого по делам о преступлениях, за совершение которых предусмотрена смертная казнь либо лишение свободы на срок свыше 10 лет, может рассматриваться судом присяжных (расширенной коллегией народных заседателей). Затем Конституция РСФСР установила, что «рассмотрение гражданских и уголовных дел в судах осуществля-

ется коллегиально и единолично; в судах первой инстанции - с участием присяжных заседателей, народных заседателей либо коллегией из трех профессиональных судей или единолично судьей». Таким образом, суд присяжных исторически позиционировался как альтернатива традиционному участию народных заседателей. Возвращение этой формы судопроизводства в Россию связано с Концепцией судебной реформы, которая отвела институту присяжных центральное место в процессе демократизации правосудия [25].

В Концепции отмечалось, что к числу достоинств суда присяжных относятся: «- привнесение в атмосферу казенной юстиции житейского здравого смысла и народного правосознания; - стимулирование состязательности процесса; - способность испытывать правоту законов применительно к конкретному случаю» [20, с. 81]. Суд присяжных рассматривался Концепцией как средство «разрешения нестандартных ситуаций, где из-за тяжести возможных последствий опаснее погрешить против справедливости, нежели против веления абстрактной правовой нормы» [25].

Следующим этапом в реализации идеи возрождения суда присяжных стало внесение в ноябре 1991 года в Конституцию РСФСР 1978 г. положений о возможности рассмотрения дел в этой форме судопроизводства и упоминание о суде присяжных в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой 22 ноября 1991 года [26]. Статья 166 Конституции РСФСР в результате указанной поправки стала содержать следующее положение: «Рассмотрение гражданских и уголовных дел осуществляется коллегиально и единолично; в суде первой инстанции – с участием присяжных заседателей, народных заседателей либо коллегией из трех профессиональных судей или единолично судьей» [27].

Концепцией судебной реформы, утвержденной Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 года, законодателю был предложен классический вариант модели суда присяжных, который и был реализован в Законе Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» от 16 июля 1993 года [28]. Данным нормативным актом был официально учрежден суд присяжных в современной России. При этом Верховный Совет РФ установил поэтапный порядок введения новой формы правосудия: по мере разрешения организационных и материально-технических проблем и обеспечения готовности судей, прокуроров и адвокатов к деятельности в новых реалиях [29].

Споры на счёт обоснованности и правильности введения суда присяжных всегда носили «воинственный» характер [21, с. 36] и не имели перспективы разрешения, поскольку принципиально противоположные позиции оппонентов были основаны на столь же принципиально противоположных оценках одной и той же главной черты суда присяжных - непрофессионализм судей из народа, имеющих решающее слово по основному вопросу уголовного процесса - о виновности либо невиновности подсудимого.

Конституция Российской Федерации 1993 года сохранила и дополнила положения о судопроизводстве с участием присяжных заседателей (ст. ст. 20, 32, 47, 123) [30]. Ограничение функционирования суда присяжных территорией девяти субъектов Федерации нарушало принцип равенства обвиняемых перед законом и нивелировало гарантии, предусмотренные статьей 19 и частью 2 статьи 20 Конституции РФ. В связи с этим Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в 2001 году было направлено Председателю Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Заключение на проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В пункте VIII Заключения был сделан вывод о недопустимом ограничении конституционных прав граждан, а также указывалось на необходимость расширения компетенции суда с участием присяжных заседателей [22].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года (далее УПК РФ) в разделе XII закрепил особенности производства в суде с участием присяжных заседателей. Федеральный закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 18 декабря 2001 года предусматривал, что часть 2 пункта 2 статьи 30 УПК РФ, регулирующая судопроизводство с участием присяжных заседателей, будет введена в действие на всей территории России с 1 января 2003 года. Позднее этот срок был изменен [31]. Законодатель предусмотрел поэтапное внедрение суда присяжных, обусловленное степенью готовности судов к работе в новых условиях.

Возрождение этого института в российском уголовном процессе можно расценивать как стремление демократического государства к реальному обеспечению прав личности в сфере уголовного преследования. По сути, это добровольное самоограничение государства в вопросах определения виновности граждан. Институт присяжных способствует развитию правосознания общества и формированию качественно иного уровня правосудия.

Вместе с тем очевидно, что многих проблем, сопутствовавших реформированию суда присяж-

ных в современной России, можно было бы избежать при более тщательном анализе и учете опыта судебной реформы 1864 года. Как свидетельствует практика, оба процесса обнаруживают немало сходных черт.

Современное осмысление подводит нас к выводу, что ценность коллегиального правосудия с участием присяжных заключается в следующем: гносеологическая ценность – участие народных представителей позволяют полнее и объективнее исследовать обстоятельства дела, чем один судья; нравственная ценность - коллегиальное решение присяжных несет в себе заряд общественной морали, оно апеллирует к совести, а не только к формальному составу преступления, социально-психологическая ценность - сам факт участия граждан в отправлении правосудия повышает уровень правовой культуры и доверия к судебной системе.

Историческая ретроспектива суда присяжных убедительно доказывает, что его ценность не сводится к простой коллегиальности как способу голосования. Это сложный социокультурный и правовой феномен. Коллегиальность в суде присяжных — это механизм «кристаллизации» общественной совести в правовой плоскости. История показывает, что в те периоды, когда обществу доверяли участвовать в правосудии коллегиально (1864 год), правосудие обретало авторитет. Когда же подлинная коллегиальность подменялась формальной (советский период) или ограничивалась, правосудие бюрократизировалось. Осмысление этого исторического опыта необходимо для сохранения и развития данного института в будущем.

Список литературы:

[1] Марчук В. П. «Свободное право» в буржуазной юриспруденции : критика концепций Е. Эрлиха. Киев : Вища шк., 1977. С.52

[2] Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1-2.

[3] Эволюция идеи суда присяжных в России во второй половине XVIII - первой половине 60-х годов XIX в. (историко-правовое исследование) : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Илюхин Андрей Владимирович ; ФГОУВПО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний». Владимир, 2006.С.85.

[4] Золотарев А. Ю. Ордалии в англо-нормандское время // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 314.

[5] Уильям Бернэм. Суд присяжных заседателей. Москва. 1995. С. 6.

[6] Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С.209-210.

[7] Апарова Т.В. Суды и судебный процесс Великобритании. М., 1996. С. 51.

[8] Ньютон Миноу, Фрейд Кейт. Возможна ли полная беспристрастность?//Америка. 1993. № 436. С. 7.

[9] Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1918. С. 34-42.

[10] Великая Хартия Вольностей // http://inetclass.ru/article/1338 Режим доступа свободный. Дата обращения 23.01.2026

[11] Ларин А.М. Из истории суда присяжных в России. Москва.1995. С. 9-10.

[12] Закаревский И.П. О настоящем и будущем суда присяжных // Сборник статей С.Петербург 1897 https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_ 003549621?page= 1&rotate= 0&theme= white Режим доступа свободный. Дата обращения 23.01.2026

[13] Михайлов П. Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. СПб. : юрид. Центр Пресс, 2004. 428 с // https://cyberleninka.ru/article/n/2006-04-007-mihaylov-p-l-sud-prisyazhnyh-vo-frantsii-stanovlenie-razvitie-i-transformatsiya-spb-yurid-tsentr-press-2004-428-s Режим доступа свободный. Дата обращения 23.11.2025

[14] Уголовный процесс западных государств / Головко Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А.; Под ред.: Гуценко К.Ф. М.: Зерцало-М, 2001. С. 28.

[15] Миронов И.Б. История становления суда присяжных в России// Право и государство: теория и практика. 2016. № 4(136) https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-suda-prisyazhnyh-v-rossii/viewer Режим доступа свободный. Дата обращения 28.11.2025

[16] История России 1917-1940. Хрестоматия/Сост. В.А.Мазур и др.; под ред. М.Е.Главацкого. Екатеринбург, 1993. С. 49-51.

[17] К вопросу о процессуальной роли суда при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей: опыт осмысления Судебной реформы 1864 г. / Жолобова Галина Алексеевна, Соломко Екатерина Владимировна. Текст : непосредственный // История государства и права. 2024. № 9. С. 19-28.

[18] Маркова Т.Ю. Формирование коллегии присяжных заседателей по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Евразийская адвокатура: международный научно-практический юридический журнал. 2015. №6 (19) С. 15-21.

[19] Ленин В. И. Бей, но не до смерти // Полное собрание сочинений : в 55 т. / Ин-т марксиз-

ма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1967. Т. 4: 1898 ~ апрель 1901. С. 401–416

[20] Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Б.А.Золотухин, С.Е.Вицин, А.М.Ларин, И.Б.Михайловская, Т.Г.Морщакова, Р.В.Назаров, С.А.Пашин, И.Л.Петрухин, Ю.И.Стецовский; сост. С.А.Пашин. М.:Республика, 1992. С.81.

[21] Пашин С.А. Судебная реформа в России. М.1999. С. 36.

[22] Лукин В. П. специальный доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Москва. 14.10.2004. . http://www.ombudsman.gov.ru/doc/spdoc/0104.shtml

[23] Наказы генеральным штатам 1789 http://rushist.com/index.php/kareev-3/1563-nakazy-generalnym-shtatam-1789 Режим доступа свободный. Дата обращения 28.01.2026.

[24] Декрет «О суде» от 24 ноября 1917 г. (СУ 1917 г. №4, ст.50), Положение о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г. (СУ 1918 г. №85, ст.889)

[25] Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. N 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[26] О Декларации прав и свобод человека и гражданина Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 N 1920-1

[27] Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г.

[28] Закон РФ от 16.07.1993 N 5451-1 (ред. от 20.08.2004) «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях»

[29] Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-I «О Концепции судебной реформы в РСФСР»

[30] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

[31] ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 27 декабря 2002 года № 181-ФЗ// СПС «Консультант-плюс»

References:

[1] Marchuk V.P. “Free Law” in bourgeois jurisprudence: criticism of the concepts of E. Erlich. Kyiv: Vischi shk., 1977. S.52

[2] Foinitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. St. Petersburg, 1996. T. 1-2.

[3] The evolution of the idea of a jury trial in Russia in the second half of the 18th - first half of the 60s of the 19th century. (historical and legal research): dissertation... Candidate of Law: 12.00.01/Ilyukhin Andrey Vladimirovich; FGOUVPO “Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service.” Vladimir, 2006.S.85.

[4] Zolotarev A. Yu. Ordalia in Anglo-Norman time//News of the University of Saratov. New series. Series: History. International relations. 2018. Vol. 18, no. 3. P. 314.

[5] William Burnham. Trial by jury. Moscow. 1995. S. 6.

[6] Tocqueville A. Democracy in America. M., 1992. P.209-210.

[7] Aparova T.V. UK Courts and Litigation. M., 1996. S. 51.

[8] Newton Minow, Freud Keith. Is complete impartiality possible ?//America. 1993. № 436. S. 7.

[9] Petrushevsky D.M. Magna Carta and the constitutional struggle in English society in the second half of the 13th century. M.: Edition of M. and S. Sabashnikov, 1918. S. 34-42.

[10] Magna Carta// http://inetclass.ru/article/1338 Access mode is free. Circulation date 23.01.2026

[11] Larin A.M. From the history of jury trials in Russia. Moscow.1995. S. 9-10.

[12] Zakarevsky I.P. On present and future jury trials//Collection of articles S. Petersburg 1897 https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_ 003549621?page = 1 & rotate = 0 & theme = white Access mode is free. Circulation date 23.01.2026

[13] Mikhailov P. L. Jury trial in France: formation, development and transformation. St. Petersburg: Jurid. Center Press, 2004. 428 c // https://cyberleninka.ru/article/n/2006-04-007-mihaylov-p-l-sud-prisyazhnyh-vo-frantsii-stanovlenie-razvitie-i-transformatsiya-spb-yurid-tsentr-press-2004-428-s Режим доступа свободный. Circulation date 23.11.2025

[14] Criminal Procedure of Western States/ Golovko L.V., Gutsenko K.F., Filimonov B.A.; Ed.: Gutsenko K.F. M.: Zertsalo-M, 2001. S. 28.

[15] Mironov I.B. History of the formation of the jury in Russia//Law and state: theory and practice. 2016. № 4(136) https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-suda-prisyazhnyh-v-rossii/viewer Режим доступа свободный. Circulation date 28.11.2025

[16] History of Russia 1917-1940. Anthology/ Comp. V.A. Mazur et al.; ed. M.E. Glavatsky. Yekaterinburg, 1993. S. 49-51.

[17] On the question of the procedural role of the court in the consideration of criminal cases with the participation of jurors: the experience of compre-

hending the judicial reform of 1864/Zholobova Galina Alekseevna, Solomko Ekaterina Vladimirovna. Text: immediate//History of state and law. 2024. № 9. S. 19-28.

[18] Markova T.Yu. Formation of a jury according to the Charter of Criminal Proceedings of 1864// Eurasian advocacy: international scientific and practical legal journal. 2015. NO. 6 (19) S. 15-21.

[19] Lenin V.I. Bey, but not to death//Complete Works: in 55 volumes/Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. 5th ed. M.: State. Publishing House Polit. lit., 1967. T. 4:1898 ~ April 1901. P. 401-416

[20] The concept of judicial reform in the Russian Federation/B.A. Zolotukhin, S.E. Vitsin, A.M. Larin, I.B. Mikhailovskaya, T.G. Morshchakova, R.V. Nazarov, S.A. Pashin, I.L. Petrukhin, Yu.I. Stetsovsky; comp. S.A. Pashin. M.: Republic, 1992. S.81.

[21] Pashin S.A. Judicial reform in Russia. M.1999. S. 36.

[22] V. Lukin, special report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Moscow. 14.10.2004. . http://www.ombudsman.gov.ru/doc/spdoc/0104.shtml

[23] Orders to the States General 1789 http://rushist.com/index.php/kareev-3/1563-nakazy-generalnym-shtatam-1789 The access regime is free. Date of 28.01.2026 appeal.

[24] Decree "On the Court" of November 24, 1917 (SU 1917 No. 4, Article 50), Regulation on the People's Court of the RSFSR of November 30, 1918 (SU 1918 No. 85, Article 889)

[25] Decree of the Supreme Council of the RSFSR of October 24, 1991 N 1801-1 "On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR "//Access from SPS" ConsultantPlus. "

[26] On the Declaration of Human and Civil Rights and Freedoms Resolution of the Armed Forces of the RSFSR of 22.11.1991 N 1920-1

[27] Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic of April 12, 1978.

[28] Law of the Russian Federation of 16.07.1993 N 5451-1 (as amended by 20.08.2004) " On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR "On the Judicial System of the RSFSR," the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of Administrative Offenses of the RSFSR"

[29] Decree of the Supreme Council of the RSFSR of October 24, 1991 No. 1801-I "On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR"

[30] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020)

[31] FZ "On Amendments to the Federal Law "On the Enactment of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 27, 2002 No. 181-FZ// SPS "Consultant-plus"

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-225-230

МАЙДАНЕВИЧ Юлия Петровна,
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», e-mail: maidanevich@rambler.ru

ПЕТУХОВА Виктория Викторовна,
старший преподаватель кафедры права и экономической безопасности Севастопольского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова, e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация. *В статье проводится комплексный историко-правовой анализ становления и эволюции института государственного контроля в России. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта в контексте современных административных реформ, направленных на оптимизацию контрольно-надзорной деятельности. Цель работы заключается в выявлении этапов развития контрольной функции, определении особенностей правового регулирования на каждом этапе и установлении тенденций современной реформы. Методологическую основу исследования составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и системный методы, позволившие рассмотреть эволюцию контроля в единстве с развитием государства и права.*

Проанализированы теоретические истоки контрольной идеи в трудах античных мыслителей (Аристотель, Полибий) и философов Нового времени (Локк, Монтескье), а также взгляды отечественных государствоведов (Чичерин, Градовский). На основе ретроспективного анализа выделены ключевые этапы институционализации контроля в России: возникновение элементов контроля в приказной системе XVI–XVII вв., создание специализированных надзорных и ревизионных органов в ходе петровских реформ (прокуратура, Ревизион-коллегия), развитие системы Государственного контроля в XIX – начале XX в., трансформация контрольных органов в советский период (РКИ, органы народного контроля). Особое внимание уделено современному этапу, связанному с принятием Федерального закона № 248-ФЗ. Рассмотрены такие особенности внедрения риск-ориентированного подхода, приоритет профилактических мероприятий, цифровизация контроля и развитие досудебного обжалования. В заключении выявлены проблемы правового регулирования (размытость понятий «контроль» и «надзор», множественность требований) и обоснована необходимость учета исторической преемственности для дальнейшего совершенствования контрольно-надзорной деятельности в условиях цифровой трансформации государства.

Ключевые слова: *государственный контроль, контрольно-надзорная деятельность, профилактика, история государства и права, институт контроля, институционализация контроля, правовое регулирование, риск-ориентированный подход, клиентоцентричность, эффективности контрольно-надзорной деятельности.*

MAIDANEVICH Yulia Petrovna,
Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Department of Public and Municipal Administration, Sevastopol State University

PETUKHOVA Viktoria Viktorovna,
Senior Lecturer, Department of Law and Economic Security, Sevastopol Branch of the Plekhanov Russian University of Economics

THEORETICAL AND LEGAL BASIS FOR THE FORMATION AND EVOLUTION OF STATE CONTROL IN RUSSIA: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND CONTEMPORARY TRENDS

Annotation. *This article provides a comprehensive historical and legal analysis of the formation and evolution of the institution of state control in Russia. The relevance of the study stems from the need to understand historical experience in the context of modern administrative reforms aimed at optimizing control and supervisory activities. The aim of the work is to identify the stages of development of the control function, determine the specifics of legal regulation at each stage, and establish trends in contemporary reform. The methodological basis of the study consists of historical-legal, comparative legal, and systemic methods, which allow us to consider the evolution of control in conjunction with the development of the state and law. The article analyzes the theoretical origins of the control idea in the works of ancient thinkers (Aristotle, Polybius) and modern philosophers (Locke, Montesquieu), as well as the views of Russian political scientists (Chicherin, Gradovsky). A retrospective analysis is used to identify key stages in the institutionalization of control in Russia: the emergence of control elements in the prikaz system of the 16th–17th centuries, the creation of specialized supervisory and audit bodies during Peter the Great's reforms (the prosecutor's office, the Audit Board), the development of the state control system in the 19th–early 20th centuries, and the transformation of control bodies in the Soviet period (RKI, people's control bodies). Particular attention is paid to the current stage associated with the adoption of Federal Law No. 248-FZ. The article examines such features of the implementation of a risk-based approach, the priority of preventive measures, the digitalization of control, and the development of pre-trial appeals. The conclusion identifies problems with legal regulation (the vagueness of the concepts of «control» and «supervision,» the multiplicity of requirements) and substantiates the need to consider historical continuity for the further improvement of control and supervisory activities in the context of the digital transformation of the state.*

Key words: *state control, control and supervisory activities, prevention, history of the state and law, institution of control, institutionalization of control, legal regulation, risk-oriented approach, client-centricity, effectiveness of control and supervisory activities.*

Введение. В условиях современных административных реформ, направленных на оптимизацию государственного управления и повышение его эффективности, особую значимость приобретает обращение к историческому опыту становления и развития института государственного контроля. Как справедливо отмечают исследователи, анализ генезиса контрольной функции позволяет выявить устойчивые закономерности, определить факторы, влияющие на эффективность контрольных механизмов, и избежать повторения ошибок прошлого [5, с. 195].

Проблематика государственного контроля находится на пересечении нескольких научных дисциплин: теории государства и права, истории государства и права, административного права, теории управления. Такой междисциплинарный характер обусловливает необходимость комплексного подхода к исследованию, учитывающего как эволюцию теоретических представлений о природе и пределах контроля, так и практику институционального оформления контрольных органов [2, с. 96].

Обзор публикаций. Теоретико-правовые основы государственного контроля в России исследовали дореволюционные ученые (Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский), советские историки (Н.П. Ерошкин) и современные авторы (С.М. Зубарев, А.Ф. Васильева). Существующие работы освещают либо отдельные исторические этапы, либо проблемы современной административной реформы, однако комплексный анализ преемственности контрольной функции отсутствует. Для определения направлений совершенствования действующей системы, регламентированной Федеральным законом № 248-ФЗ, требуется изучение влияния исторически сложившихся традиций на современные правовые механизмы.

Цель настоящей работы заключается в проведении комплексного историко-правового анализа становления и развития института государственного контроля в России, выявлении этапов его эволюции, особенностей правового регулирования на каждом этапе, а также определении тенденций современной реформы контрольно-надзорной деятельности.

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и системный методы, позволившие рассмотреть эволюцию контроля в единстве с развитием государства и права.

Изложение основного материала. Идея контроля как необходимого элемента государственного управления имеет глубокие исторические корни. Еще в античной философско-правовой мысли были сформулированы фундаментальные положения о значении контрольной функции для обеспечения устойчивости государственного устройства.

Аристотель в «Политике», анализируя различные формы государственного строя, обращал внимание на необходимость контроля за деятельностью должностных лиц. Критикуя отсутствие надлежащего контроля над спартанскими геронтами (старейшинами), философ подчеркивал, что наряду с совершенными законами необходима сила, обеспечивающая стабильность государственного строя, и такой силой выступает контроль [4, с. 375].

Полибий, развивая учение о формах государства, обосновывал идею смешанного правления, при котором различные ветви власти взаимно сдерживают и контролируют друг друга. Эта концепция, позднее получившая название «системы сдержек и противовесов», стала теоретической основой для понимания контрольной функции как неотъемлемого элемента разделения властей [4, с. 87].

В эпоху Нового времени идеи контроля получили дальнейшее развитие в трудах Дж. Локка, обосновавшего необходимость взаимного контроля законодательной и исполнительной властей, и Ш. Монтескье, сформулировавшего принцип, согласно которому «власть должна останавливать власть» [8, с. 305-310].

В отечественной правовой мысли значительный вклад в осмысление контрольной функции внесли такие государствоведы, как Б.Н. Чичерин, А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов. Б.Н. Чичерин, анализируя недостатки управления в допетровской Руси, связывал их с отсутствием твердых юридических начал, определяющих права и обязанности должностных лиц, и с отсутствием системного контроля в государственном аппарате [2, с. 102].

Вопрос о моменте возникновения института контроля в России является дискуссионным. Одни исследователи ведут отсчет от Древней Руси, где в княжеской администрации зарождались элементы контрольной деятельности [5, с. 196]. Другие связывают оформление государственного контроля с образованием централизованного государства в XV-XVI веках [10, с. 101].

Анализ исторического развития контроля позволяет выделить следующие основные этапы:

1. Приказной период (XVI-XVII вв.). В процессе объединения русских земель вокруг Москвы создается система приказов – центральных органов управления, совмещавших административные, судебные и контрольные функции. Как отмечает В.О. Ключевский, приказы постепенно превращались из системы личных поручений в постоянные ведомства с относительно устойчивой компетенцией [2, с. 98; 10, с. 102]. Приказы осуществляли контроль преимущественно в сфере финансового управления: учет доходов и расходов, контроль за сбором податей, ревизия отчетности.

Первой попыткой создания специализированного контрольного органа стало учреждение в 1654 г. Приказа счетных дел, в функции которого входили счетно-ревизионное производство, учет государственного имущества, контроль за расходованием казенных средств [2, с. 98; 5, с. 196]. Однако этот орган просуществовал недолго и не стал полноценным контрольным ведомством.

2. Петровские реформы и создание системы надзорных органов (XVIII в.). Значительный импульс развитие государственного контроля получило в эпоху Петра I. Идеал регулярного государства требовал создания стройной системы управления и контроля. В 1701 г. учреждается Ближняя канцелярия, на которую возлагаются учетные и контрольные функции. В 1711 г. создается Сенат как высший орган управления, наделенный также контрольными полномочиями [5, с. 197].

Важнейшим этапом стало учреждение в 1711 г. института фискалов – системы тайного надзора за деятельностью администрации, а в 1722 г. – прокуратуры как органа гласного и системного надзора за соблюдением законов [7, с. 218; 10, с. 102]. Как отмечает Д.В. Чернышов, в этот период происходит не только организационное, но и содержательное усложнение контрольно-надзорной деятельности, формируются ее основные виды: финансовый контроль, административный надзор, судебный контроль [7, с. 219].

В 1718-1720 гг. создается система коллегий, среди которых особое место занимала Ревизион-коллегия, осуществлявшая ревизию всех государственных счетов [2, с. 99; 5, с. 198]. Таким образом, впервые в России появляется специализированный орган государственного контроля.

3. Развитие системы государственного контроля в XIX – начале XX века. В XIX веке происходит дальнейшее институциональное оформление государственного контроля. По проекту М.М. Сперанского в 1811 г. учреждается Главное управление ревизии государственных счетов, преобразованное позднее в Государственный контроль – центральное ведомство, осуществлявшее ревизию всех

государственных доходов и расходов [7, с. 222; 5, с. 199]. Государственный контроль обладал значительной самостоятельностью, его глава (государственный контролер) входил в состав Комитета министров.

Важной вехой стало принятие в 1892 г. нового «Положения о государственном контроле», которое детально регламентировало порядок осуществления ревизий, ввело принципы документальной ревизии и предварительного контроля и стало основой для деятельности Государственного контроля вплоть до начала XX века. [5, с. 199]. К началу XX века государственный контроль представлял собой разветвленную централизованную систему, осуществлявшую контроль за исполнением бюджета, расходованием средств министерствами и ведомствами.

4. Советский период: трансформация и огосударствление контроля. После 1917 года система государственного контроля подверглась коренной ломке. В первые годы советской власти создается Народный комиссариат государственного контроля (1918 г.), который в 1920 г. реорганизуется в Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ), призванную соединить государственный и общественный контроль [2, с. 105; 5, с. 200].

В дальнейшем система контроля неоднократно реорганизовывалась: в 1934 г. создана Комиссия советского контроля, в 1940 г. – Народный комиссариат государственного контроля СССР, в 1957 г. – Комиссия советского контроля Совета Министров СССР, в 1962 г. – Комитет партийно-государственного контроля [2, с. 106-107].

Система органов народного контроля обладала широкими полномочиями и сочетала государственные начала с общественной активностью трудящихся. Правовой статус этих органов был детально урегулирован, в частности, Законом СССР от 9 декабря 1965 года «Об органах народного контроля в СССР» и принятым на его основе Законом СССР от 30 ноября 1979 года «О народном контроле в СССР», которые закрепляли их право осуществлять проверки и требовать устранения выявленных недостатков [2, с. 108].

Конституция СССР 1977 г. закрепила положение о том, что контроль за деятельностью государственных органов осуществляется Советами народных депутатов, а также специально создаваемыми органами народного контроля. Система органов народного контроля обладала широкими полномочиями и сочетала государственные начала с общественной активностью трудящихся [2, с. 108].

Как подчеркивает А.А. Спиридонов, в советский период была апробирована модель сочетания различных видов контроля, что составляет важную часть отечественной государственно-правовой традиции [2, с. 109].

Современный этап развития правового регулирования государственного контроля характеризуется поиском оптимальной модели, соответствующей принципам правового государства и рыночной экономики. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила принцип разделения властей, что предполагает наличие системы сдержек и противовесов, включающей контрольные механизмы. Важнейшим ограничителем контрольной деятельности выступает положение статьи 2 Конституции РФ, провозглашающее человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства. Это задает гуманистический вектор всей контрольно-надзорной деятельности.

В 1990-2000-е годы принимается ряд важных нормативных актов, регулирующих контрольную деятельность. В 2008 г. принят Федеральный закон № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», который впервые детально регламентировал порядок проведения проверок [9].

Принципиально новый этап ознаменовало принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», который закрепил такие современные подходы, как:

– риск-ориентированный подход (статья 22, часть 2 Федерального закона № 248-ФЗ), предполагающий дифференциацию интенсивности контроля в зависимости от категории риска;
– профилактика нарушений как приоритетное направление (статья 8, часть 2 Федерального закона № 248-ФЗ), что смещает акцент с карательной функции на предупредительную;
– дистанционный контроль с использованием информационных технологий (статья 57 Федерального закона № 248-ФЗ);
– система досудебного обжалования (глава 9 Федерального закона № 248-ФЗ) [1; 5, с. 201;].

Как отмечается в научных исследованиях современных авторов, современные векторы развития заданы концепциями «Государства для граждан», клиентоцентричности государственного управления и цифровизации контрольной деятельности [3]. Важной тенденцией является унификация законодательства о контроле и распространение единых подходов на все виды контроля.

Важную роль в развитии риск-ориентированного подхода играет утверждение ведомственных перечней индикаторов риска нарушения обязательных требований (например, приказ Ростехнадзора от 23 ноября 2021 г. № 397 или приказ Минтруда России от 30 ноября 2021 г. № 838н). Кроме того, особенности проведения контрольных мероприятий, включая основания для внеплановых проверок, в последние годы существенно корректировались актами Правительства РФ, направленными на снижение административной нагрузки (например, Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336).

В 2023-2025 гг. продолжается совершенствование законодательства в направлении расширения профилактических мероприятий, внедрения индикаторов риска, развития автоматизированных систем контроля [1; 3].

Но, несмотря на значительные позитивные изменения, в сфере правового регулирования государственного контроля сохраняется ряд проблем. Особо остро исследователи выделяют следующие проблемы:

1. Размытость разграничения понятий «контроль» и «надзор» в законодательстве и доктрине [6; 8] Так, законодатель в Федеральном законе № 248-ФЗ использует объединенный термин «государственный контроль (надзор)», не проводя между ними жесткого концептуального различия на уровне дефиниций, что порождает научные дискуссии и сложности в правоприменении [6; 8].
2. Множественность ведомственных требований и отсутствие их системной согласованности [1].
3. Недостаточную разработанность критериев эффективности контрольно-надзорной деятельности [3; 5].
4. Проблемы кадрового обеспечения и формализм при проведении контрольных мероприятий [1; 6].

Устранение проблем в сфере правового регулирования государственного контроля возможно за счет дальнейшей цифровизации контрольной деятельности, развития систем профилактики, внедрения риск-ориентированного подхода в новые сферы контроля, унификации требований к проведению контрольных мероприятий.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Идеи государственного контроля имеют глубокие исторические корни и были разработаны уже в античной философско-правовой мысли. Отечественная правовая традиция развила эти идеи применительно к российским условиям.
2. Институциональное развитие государственного контроля в России прошло длительный путь: от разрозненных контрольных полномочий приказов через создание специализированных надзорных органов в имперский период (прокуратура, фискалат, Ревизион-коллегия, Государственный контроль) к формированию организованной системы государственного и партийно-государственного контроля в советское время и к современной модели, основанной на принципах риск-ориентированного подхода и клиентоцентричности.
3. На каждом историческом этапе правовое регулирование контроля отражало особенности государственного устройства, политического режима и уровня развития экономики. Вместе с тем прослеживается преемственность правовых традиций, учет которых необходим при совершенствовании современного законодательства.
4. Современный этап развития правового регулирования государственного контроля в Российской Федерации характеризуется систематизацией законодательства, внедрением риск-ориентированных подходов, усилением роли профилактических мероприятий и цифровизацией контрольной деятельности.

Дальнейшее совершенствование контрольно-надзорной деятельности требует междисциплинарного подхода, учета исторического опыта и системного анализа правоприменительной практики, что позволит обеспечить баланс между эффективностью государственного управления и защитой прав подконтрольных субъектов в условиях цифрового развития государства.

Список литературы:

[1] О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5007.

[2] Спиридонов А.А. О значимых исторических вехах становления и развития государственного контроля (надзора) в его государственно-правовом осмыслении / А.А. Спиридонов // Lex russica. – 2022. – Т. 75. – № 12. – С. 96-111. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.096-111.

[3] Дмитрикова Е.А. Реформирование контрольно-надзорной деятельности: опыт России и Китая : монография. / Е.А. Дмитрикова, А.А. Трофимов, А.А. Карицкая – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2024. – 312 с.

[4] История политических и правовых учений / под ред. О.А. Омельченко. – М. : Эксмо, 2021. – 576 с.

[5] Нестеров Е.А. Генезис контрольно-надзорной деятельности в контексте этапов развития теоретических и правовых основ государственного управления в России / Е.А. Нестеров // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 10(238). – С. 195-201. – DOI: 10.47643/1815-1337_2024_10_195.

[6] Зубарев С.М. Система контроля в сфере государственного управления : монография./ С.М. Зубарев – М. : Норма, 2022. – 152 с.

[7] Чернышов Д.В. К вопросу о генезисе контрольно-надзорной деятельности и юрисдикции в России (XVIII - XX вв.) / Д.В. Чернышов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2015. – № 3. – С. 216-224.

[8] Плотников В.А. Генезис контроля в системе публичного управления России / В.А. Плотников, Г.В. Федотова // Теоретические проблемы экономики. – 2015. – № 3. – С. 45-53.

[9] О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля : Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6249.

[10] Крикущенкова Е.А. Институт становления государственного контроля в России в досоветский период / Е.А. Крикущенкова // Молодой ученый. – 2018. – № 23 (209). – С. 101-102.

[11] Бочкарева Е.А., История становления и перспективы развития контроля как формы юридической деятельности : учебное пособие. / Е.А. Бочкарева, Л.В. Бутько – М. : РГУП, 2019. – 131 с.

[12] Тарасов А.М. Становление и развитие государственного контроля на Руси (дооктябрьский период) / А.М. Тарасов // История государства и права. – 2002. – № 2. – С. 6-15.

References:

[1] On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 248-FZ: rev. of 08.08.2024 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. - No. 31 (part I). - Art. 5007.

[2] Spiridonov A.A. On significant historical milestones in the formation and development of state control (supervision) in its state-legal understanding/A.A. Spiridonov//Lex russica. – 2022. - T. 75. – № 12. - S. 96-111. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.096-111.

[3] Dmitrikova E.A. Reforming control and supervisory activities: the experience of Russia and China: monograph ./E.A. Dmitrikova, A.A. Trofimov, A.A. Karitskaya - St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2024. - 312 s.

[4] History of political and legal teachings/ed. O.A. Omelchenko. - M.: Eksmo, 2021. - 576 p.

[5] Nesterov E.A. Genesis of control and supervisory activities in the context of the stages of development of theoretical and legal foundations of public administration in Russia/E.A. Nesterov//Law and state: theory and practice. – 2024. – № 10(238). - S. 195-201. – DOI: 10.47643/1815-1337_2024_10_195.

[6] Zubarev S.M. Control system in the field of public administration: monograph ./S.M. Zubarev - M.: Norma, 2022. - 152 s.

[7] Chernyshov D.V. On the genesis of control and supervisory activities and jurisdiction in Russia (XVIII - XX centuries)/D.V. Chernyshov//Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2015. – № 3. - S. 216-224.

[8] Plotnikov V.A. Genesis of control in the public administration system of Russia/V.A. Plotnikov, G.V. Fedotova//Theoretical problems of economics. – 2015. – № 3. - S. 45-53.

[9] On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the implementation of state control (supervision) and municipal control: Federal Law of 26.12.2008 No. 294-FZ: ed. 08.08.2024 //Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2008. - No. 52 (part 1). - Art. 6249.

[10] E.A. Krikushchenkova. Institute for the Formation of State Control in Russia in the Pre-Soviet Period/E.A. Krikushchenkova//Young Scientist. – 2018. – № 23 (209). - S. 101-102.

[11] E.A. Bochkareva, History of formation and prospects of control development as a form of legal activity: a textbook ./E.A. Bochkareva, L.V. Butko - M.: RGUP, 2019. - 131 s.

[12] Tarasov A.M. Formation and development of state control in Russia (pre-October period)/A.M. Tarasov//History of the state and law. – 2002. – № 2. - S. 6-15.

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-231-238

САДОВСКИЙ Ян Владимирович,
ассистент кафедры теории права и государства
ФГАОУ ВО «Российский Университет Дружбы Народов
имени Патриса Лумумбы»,
e-mail: sadovskiy-yav@rudn.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО У КАРЛА ШМИТТА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена анализу «Понятия политического» Карла Шмитта в контексте его философии истории и конституционной теории. Центральный тезис состоит в том, что единство веймарских работ Шмитта обнаруживается в стремлении найти формы политико-правовой интеграции общества в условиях безудержной рационализации, что привело его к элиминации всех рациональных опосредований и возведению различения друга и врага в конститутивный принцип политического. Прослеживается, как шмиттовский диагноз эрозии государственной власти — плюрализация политического процесса, экспансия административного управления, подчинение нормотворчества императивам научно-технического прогресса. Делается вывод о том, что актуальность шмиттовского наследия заключается в постановке фундаментального вопроса о возможности демократического управления процессом рационализации, который в условиях глобализации и цифровизации приобретает ещё большую остроту.*

Ключевые слова: *Карл Шмитт, понятие политического, государственный суверенитет, эрозия государственной власти, рационализация, тотальное государство, плюрализация, конституционная теория, философия истории, научно-технический прогресс, правовое регулирование, демократия, политическая теология.*

SADOVSKY Yan Vladimirovich,
Assistant Professor,
Department of Theory of Law and State,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ON CARL SCHMITT'S CONCEPT OF THE POLITICAL IN THE CONTEXT OF A STATEHOOD CRISIS

Annotation. *This article analyzes Carl Schmitt's "Concept of the Political" in the context of his philosophy of history and constitutional theory. The central thesis is that the unity of Schmitt's Weimar works is revealed in the desire to find forms of political and legal integration of society in the context of rampant rationalization, which led him to eliminate all rational mediations and elevate the distinction between friend and enemy to the constitutive principle of the political. It traces how Schmitt's diagnosis of the erosion of state power—the pluralization of the political process, the expansion of administrative governance, and the subordination of norm-setting to the imperatives of scientific and technological progress. It concludes that the relevance of Schmitt's legacy lies in its fundamental question of the possibility of democratically managing the process of rationalization, which is becoming even more pressing in the context of globalization and digitalization.*

Key words: *Carl Schmitt, concept of the political, state sovereignty, erosion of state power, rationalization, total state, pluralization, constitutional theory, philosophy of history, scientific and technological progress, legal regulation, democracy, political theology.*

Осмысление внутренней взаимосвязи между философией истории, культурной критикой и конституционной теорией в творчестве Карла Шмитта, рассмотренных через призму его ключевого произведения «Понятие политического» [1], представляет собой одну из наиболее глубоких задач его учения. Эта проблематика заслуживает пристального внимания не только как вклад в изучение наследия Шмитта, но и как исследование фундаментальных трансформаций государственности, актуальность которых не ослабевает и в наше время.

Исходным пунктом анализа служит констатация парадоксальной ситуации, сложившейся в научной рецепции наследия Шмитта. Работа Томаса Вестинга «Erosionen staatlicher Herrschaft. Zum Begriff des Politischen bei Carl Schmitt», опубликованная в 1992 году в журнале Archiv des öffentlichen Rechts [2], представляет собой одну из наиболее глубоких попыток осмыслить внутреннюю взаимосвязь между философией истории, культурной критикой и конституционной теорией в творчестве Карла Шмитта, рассмотренных через призму его ключевого произведения «Понятие политического». Данная статья заслуживает пристального внимания не только как вклад в концепции осмысления наследия Карла Шмитта, но и как исследование фундаментальных трансформаций государственности, актуальность которых не ослабевает и в наше время. Если ранее крупнейшие критики — Герман Хеллер [3], Хельмут Кун [4], Лео Штраус [5], а затем Карл Лёвит [6], обнаруживший единство шмиттовского мышления в «активном нигилизме», — безоговорочно распознавали антилиберальную направленность «Понятия политического», то к концу 1980-х годов наметилась тенденция к полной реабилитации Шмитта. Целый ряд авторов стал представлять его преимущественно как мыслителя, проникнутого католической верой и лояльностью к Веймарской конституции, чьи интеллектуальные плоды в полной мере раскрылись лишь в Основном законе ФРГ. Эта позиция вызывает обоснованные сомнения: даже наиболее значимые интерпретации Эрнста-Вольфганга Бёкенфёрде [7] и Генриха Майера[8], при всей их глубине, страдают известной односторонностью — первый ограничивается поиском ключа к государственно-правовому наследию Шмитта, второй сосредоточивается исключительно на политической теологии, культурной критике и историософии. = А.Ф. Филиппов[9], автор одной из наиболее фундаментальных работ о Шмитте на русском языке, также обращал внимание на необходимость интегрального подхода к шмиттовскому наследию, подчёркивая, что разделение различных измерений его мысли неизбежно ведёт к утрате понимания целого.

Центральный тезис предлагаемого подхода состоит в том, что единство веймарских работ Шмитта следует искать в его поисках возможности политико-правовой интеграции буржуазного общества в условиях безудержной рационализации. Именно попытка осмыслить последствия процесса рационализации для государства, права и политики толкала Шмитта на протяжении 1920-х годов ко всё большей радикализации его позиции, к поиску всё новых форм харизматической первозданности. В «Понятии политического» этот миф чрезвычайного возводится до экзистенциального волевого акта различения друга и врага, который, по замыслу Шмитта, только и способен конституировать нацию как подлинное политическое единство.

Генезис шмиттовской критики рационализма и Просвещения прослеживается начиная с ранней работы о «Северном сиянии» Теодора Дойблера [10], где уже присутствуют мотивы преимущественно католически окрашенной культурной критики, объединяющей, по наблюдению Гюнтера Машке [11], элементы из сочинений католических теократов Доносо Кортеса [12], де Местра [13] и де Бональда [14]. Эти мотивы обнаруживаются вновь в «Политической теологии» [15], в «Римском католицизме и политической форме» [16], где Шмитт с помощью «римско-католического понятия природы» ведёт борьбу против рационалистически-технизированного мира протестантизма. В «Понятии политического» Шмитт продолжает эту линию, документируя своё убеждение в том, что всякое наивное отождествление господства над природой с нравственно-практическим совершенствованием утратило свои основания к началу XX века. С победой английского капитализма над военным империализмом Наполеона, диагностирует Шмитт, единство прогрессистской веры и промышленно-технического развития было разрушено и необратимо начался «поворот к экономическому» [17]. При этом Шмитт развивает тонкое чувство последствий процесса рационализации, который угрожает разрушить все традиционные общественные формы и в конечном счёте сам становится движущей силой исторического развития.

Особого внимания заслуживает шмиттовская историософия, наиболее отчётливо выраженная в барселонском докладе 1929 года «Эпоха нейтрализаций и деполитизаций». Здесь Шмитт толкует развитие европейской истории с XVI века как «последовательность сменяющихся центральных областей» — от теологического через метафизическое и гуманитарно-моральное к экономическому в XIX веке и техническому в XX. Этот процесс, который с точки зрения «Политической теологии» предстаёт как проблема отдельных

ступеней секуляризации, Шмитт интерпретирует в негативном ключе: буржуазно-романтическая субъективизация и эстетизация мира образует для него решающее звено на пути к «состоянию духа, которое находит в производстве и потреблении центральные категории человеческого существования». Здесь уместно вспомнить наблюдение Б.В. Межуева [18] о том, что шмиттовская критика либерализма, при всей её радикальности, отражала реальный кризис просвещенческого проекта, осознание которого стало общим местом европейской мысли первой трети XX столетия.

Шмиттовский диагноз распада классического европейского государства непосредственно связан с его пониманием политического. С переходом к либеральной массовой демократии носители суверенной государственной власти оказываются под натиском общественных сил и организаций. Если конституционализм XIX века с его твёрдыми опорами — лояльной армией и лояльным профессиональным чиновничеством — ещё мог уберечь государство от динамики либерализма, то «компромиссы» и корпоративистские элементы Веймарской конституции впервые позволили самым различным социальным группам, и прежде всего рабочему движению, реализовывать свои притязания в рамках конституционных форм. В этом контексте В.Д. Зорькин [19], анализируя кризис конституционализма, отмечает, что шмиттовская проблематика соотношения государства и общества сохраняет свою значимость и для современной российской конституционной теории, поскольку вопрос о границах между государственным и общественным не может считаться окончательно решённым ни в одной правовой системе.

Ключевое значение имеет анализ того, каким образом Шмитт воспринимает критику англосаксонской плюралистической теории государства. Шмитт признаёт, что при возрастающей социальной и функциональной дифференциации общества вертикальная привязанность к государству замещается горизонтальной системой различнейших обязательств и лояльностей, что индивид как член разнообразных «ассоциаций» всегда вплетён во множество преимущественно временных связей. Критику мнимого всемогущества государственного суверенитета Шмитт в значительной мере принимает. Однако он настаивает на том, что в каждом «подлинном» и «истинном» государстве в конечном счёте может существовать только «одно политическое единство, одна политическая общность». Для обретения этой уверенности политическое должно быть понято не как нечто субстанциально застывшее, а как степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, мотивы которой могут проистекать из самых различных сфер общественной жизни. Истоком же такой ассоциации или диссоциации является реальная возможность различения друга и врага. Как справедливо замечает О.Ю. Рыбаков [20] в своих работах по философии права, шмиттовская конструкция интенсивности политического представляет собой попытку преодолеть противоречие между признанием функциональной дифференциации общества и стремлением сохранить идею государственного единства.

Двойственность шмиттовской стратегии противостояния тотальному обобществлению жизни раскрывается в двух направлениях. С одной стороны, Шмитт возвещает наступление новой эпохи, которая должна удовлетворить его глубинную тоску по «возвращению к неповреждённой, некоррумпированной природе». С другой стороны, он заклинает диалектический переворот в тотальную политизацию, способную достичь ядра процесса рационализации и в конечном счёте остановить его. Четырёхсотлетний процесс нейтрализаций и деполитизаций хотя и породил либерализм и вместе с ним демократическое тождество государства и общества, но, достигнув этой точки, к началу тридцатых годов стоит на пороге диалектического перехода в новый порядок. Подобно многим представителям буржуазной культурной критики двадцатых годов, Шмитт был уверен, что «машинно-массовая эпоха» с её нивелирующими тенденциями будет вскоре преодолена.

Примечательно, что Шмитт не ограничивается критикой технического века, но и приветствует его в уверенности, что сможет использовать его в своих целях. Предшествующий процесс рационализации, рассуждает Шмитт, варьируя знакомую и интеллектуальной элите мандаринов, и марксизму двадцатых годов мыслительную фигуру «отрицания отрицания», достиг своего конца вместе с установлением господства экономических и технических закономерностей. С.С. Алексеев в своих фундаментальных работах по теории права обращал внимание на сходную диалектику в понимании соотношения права и технического прогресса: право одновременно оказывается и сдерживающим началом по отношению к технической экспансии, и инструментом, вынужденным адаптироваться к её императивам [22].

Особую остроту проблеме придаёт демонстрация того, как поиск харизматических энергий толкает Шмитта ко всё более радикальным решениям, ведущим к элиминации всех рациональных опосредований буржуазного конституционного мышления. Уже в «Политической теологии» Шмитт заключает решение, которое, в прямом противоречии с решением его авторитета Доносо Кортеса, должно происходить «из ничего». В сочинении о парламентаризме [23] он трансформи-

рует понятие volonté générale[1] в понятие гомогенности, которое, в противоположность рационалистически сконструированной volonté générale Руссо [24], освобождается от всех определений разума и объявляется «природным» бытием. В «Диктатуре» [25] и «Учении о конституции» [26] Шмитт, в противоположность своему авторитету Сийесу [27], освобождает учение о pouvoir constituant от всех предзаданных естественно-правовых связей и возводит его до величины, проистекающей из чистого бытия. И в точно такой же манере Шмитт конструирует своё понятие политического: он вычёркивает все рациональные опосредования и ищет ступень сознания, лежащую прежде всякой рефлексии. Как точно замечает Лёвит [28], после этой операции остаётся лишь чистая «фактичность», «решение в пользу решения — безразлично в пользу чего, — потому что оно само по себе уже составляет специфическую сущность политического». Эта характеристика перекликается с наблюдениями И.Д. Осипова, подчёркивавшего, что шмиттовский децизионизм представляет собой крайнюю форму волюнтаризма, в которой содержание решения оказывается полностью подчинено самому факту его принятия [29].

Однако наиболее продуктивной и до сих пор актуальной представляется проблема того, в какой мере шмиттовские наблюдения об эрозии государственной власти подтверждаются последующим развитием. Надежда Шмитта на тотальную реполитизацию общества оказалась несостоятельной: ни итальянский фашизм, ни национал-социализм не сумели подчинить общество политико-правовому командованию. Франц Нейман [30] показал, что национал-социализм не сохранил, а разрушил рациональное административное государство, заменив его аморфной «организованной анархией» различных носителей власти. Вместе с тем шмиттовский диагноз распада классической государственной монополии на политику остаётся актуальным и в высшей степени продуктивным. Как отмечает Н.Н. Тарасов [31] в своих работах по методологии юридической науки, вопрос о пределах правового регулирования в условиях усложняющегося общества является одним из центральных для современного правоведения, и шмиттовская постановка этой проблемы, при всей её идеологической нагруженности, сохраняет методологическую ценность.

Проявления этой эрозии прослеживаются в нескольких измерениях. Во-первых, происходит существенная трансформация государственных функций: с ростом сложности регулируемых материй возрастает влияние администрации на законодательство, знание специализированного эксперта всё больше вытесняет компетенцию политика, управление в нарастающей мере освобождается от привязки к закону и административно-судебного контроля. Мир политики рискует превратиться, по выражению Шнабеля [32], в мир «политики без политиков». Ингеборг Маус [33] констатировала, что иерархия классической схемы разделения властей перевернулась: управление в конечном счёте полностью освобождается от предписаний законодателя. Этот процесс в российской правовой науке был подробно исследован Ю.А. Тихомировым [34], который указывал на нарастающее расхождение между нормативным регулированием и реальными административными практиками, на тенденцию к «саморегулированию» исполнительной власти, существенно опережающему законодательные рамки.

Во-вторых, фиксируется глубокая плюрализация государства. Партии и союзы вошли в параконституционное положение непосредственных участников государственной власти. Едва ли какой-либо современный государствовед стал бы утверждать, что парламентский закон является продуктом свободной дискуссии свободных народных представителей; скорее он представляет собой «плюралистическое соглашение», как выражается Бадура [35], или плюральные творческие акты «открытого общества законодателей», которые лишь на заключительном этапе контролируются Бундестагом как государственным органом, как отмечает Шультце-Филитц [36]. Интервенционистское социальное государство располагает лишь недостаточными средствами планирования и управления, что стоит в центре дискуссий о «неокорпоратизме», «кооперативном государстве» и кризисе «регулятивной политики». Государство при управлении экономическими процессами зависит от внешней экспертизы и поддержки адресатов, что порождает глубокое переплетение регулирующих инстанций и организованных интересов. Парадоксальная формула Дитера Гримма [37] о «потере власти через прирост функций» оказывается вполне адекватной реальности. Для российской ситуации эти наблюдения приобретают особое звучание: как подчёркивал В.Е. Чиркин [38] в своих сравнительных государствоведческих исследованиях, проблема «проникновения» общественных интересов в государственный аппарат и размывания границ между публичным и частным характерна для всех современных государств, вне зависимости от их конституционной модели.

В-третьих, заслуживают внимания последствия научно-технического прогресса для госу-

[1] с франц. — «общая воля» или «всеобщая воля»

дарственного суверенитета и рациональности. Практически все законодательные акты, призванные защитить естественные основы жизни и обеспечить безопасность населения, работают на основе неопределённых правовых понятий. Технические генеральные понятия — такие как «состояние техники» или «состояние науки и техники» — составляют ядро природоохранного, водного, права в сфере использования атомной энергии. Через технику отсылки конкретизация составов вмешательства осуществляется в форме технических правил, которые чаще всего устанавливаются специальными экспертными организациями или заимствуются непосредственно из частной технической стандартизации. Райнер Вольф [39], наиболее глубоко исследовавший эту область, говорит об «устаревании права общества риска», которое замещено «техническим контролем посредством техники». Штефан Бройер [40] справедливо усматривает в этом не столько новую форму технократии, сколько включение правительства, парламента и администрации в механизм современной науки с её аксиологически нейтральной исследовательской практикой, основанной на принципе перманентной фальсификации. Эти проблемы активно обсуждаются и в российской юридической науке: С.А. Авакьян [41] неоднократно обращал внимание на вызовы, которые научно-технический прогресс бросает конституционному праву, на необходимость поиска новых форм правового регулирования технологических процессов, не сводимых к классическим моделям законодательного командования.

В качестве итога следует сформулировать вывод, который одновременно резюмирует критический потенциал шмиттовского наследия и указывает на его пределы. Актуальность «Понятия политического» состоит в осознании того, что конституционно-теоретическая концепция, в которой общество мыслится из политического порядка, а политический порядок — из единого, отдающего правовые команды субъекта (нации), более не находит соответствия в структурах современного общества. Расширение когнитивных измерений права и сопутствующее увеличение организационных и процедурных норм делает целесообразным, где это необходимо, размышление о функциональных эквивалентах властного управления. При этом предстоит прежде всего развивать новые процедуры, способные вновь привязать ставший самостоятельным процесс рационализации к плюралистическим процессам формирования воли. Однако встаёт фундаментальный вопрос: может ли при этом понятию демократии быть вновь присвоен тот ранг, который оно, возможно, имело в конституционных битвах XVIII и XIX веков?

Данная проблематика остаётся одной из наиболее значимых в исследованиях, связывающих шмиттовское наследие с современными вопросами теории государства и права. Для российской юридической и политико-философской мысли она представляет двойной интерес: с одной стороны, как образец кроссдисциплинарного анализа, преодолевающего границы отдельных дисциплин в изучении сложных интеллектуальных феноменов; с другой стороны, как источник понимания фундаментальных процессов трансформации государственности, которые в условиях глобализации, цифровизации и экологических вызовов приобретают ещё большую остроту.

Список литературы:

[1] Шмитт К. Понятие политического / К. Шмитт ; пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. — СПб. : Наука, 2016. — 293 с.

[2] Vesting T. (1992). Erosionen staatlicher Herrschaft: Zum Begriff des Politischen bei Carl Schmitt // Archiv des öffentlichen Rechts. Bd. 117. H. 1. P. 4–45.

[3] Heller H. (1928). Politische Demokratie und soziale Homogenität // Probleme der Demokratie. Berlin ; Grunewald : Rothschild. P. 35–47.

[4] Kuhn H. (1933). Rezension: Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen // Kant-Studien. Bd. 38. P. 190–196.

[5] Strauss L. (1932). Anmerkungen zu Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 67. H. 6. P. 732–749.

[6] Löwith K. (1984). Der okkasionelle Dezisionismus von C. Schmitt // Löwith K. Sämtliche Schriften. Bd. 8. Stuttgart : Metzler. P. 32–71.

[7] Böckenförde E.-W. (1991). Der Begriff des Politischen als Schlüssel zum staatsrechtlichen Werk Carl Schmitts // Böckenförde E.-W. Recht, Staat, Freiheit. Frankfurt a.M. : Suhrkamp. P. 344–366.

[8] Meier H. (1988). Carl Schmitt, Leo Strauss und «Der Begriff des Politischen». Zu einem Dialog unter Abwesenden. Stuttgart : Metzler. 170 p.

[9] Филиппов А.Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа / А.Ф. Филиппов // Шмитт К. Политическая теология. — М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. — С. 5–46.

[10] Филиппов А.Ф. Политическое и полицейское: Карл Шмитт в контексте современной социологии / А.Ф. Филиппов // Социологическое обозрение. — 2009. — Т. 8, № 3. — С. 75–91.

[11] Schmitt C. (1916). Theodor Däublers «Nordlicht». Drei Studien über die Elemente, den Geist und die Aktualität des Werkes. München : Georg Müller. 73 p.

[12] Maschke G. (1982). Zum «Leviathan» von Carl Schmitt // Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Köln : Hohenheim. P. 179–244.

[13] Donoso Cortés, J. (1851). Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo y el socialismo. Madrid. 282 p.

[14] Maistre J. de. (1819). Du Pape. Lyon. 685 p.

[15] Maistre J. de. (1821). Les Soirées de Saint-Pétersbourg. Paris. 564 p.

[16] Bonald L. de. (1796). Théorie du pouvoir politique et religieux dans la société civile. Paris. 495 p.

[17] Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / Пер. с нем. Ю.Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.

[18] Schmitt C. (1923). Römischer Katholizismus und politische Form. Hellerau : Jakob Hegner. 79 p.

[19] Бокарев Ю.П. Геополитический подход в компаративных исторических исследованиях / Ю.П. Бокарев // Труды Института российской истории РАН. — 2004. — № 4. — С. 182–200.

[20] Межуев Б.В. Карл Шмитт и современные проблемы теоретической политологии / Б.В. Межуев // Полития. — 2001. — № 2. — С. 150–166.

[21] Межуев Б.В. Понятие политического: рецепция идей К. Шмитта в России / Б.В. Межуев // Концепт «революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева. — СПб. : Алетейя, 2008. — С. 215–237.

[22] Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин. — М. : Норма, 2011. 719 с.

[23] Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен / В.Д. Зорькин. — М. : Норма, 2013. 495 с.

[24] Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности / О.Ю. Рыбаков. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.

[25] Рыбаков О.Ю. Философия права : курс лекций / О.Ю. Рыбаков. — М. : Юрлитинформ, 2014.

[26] Sombart N. (1991). Die deutschen Männer und ihre Feinde. Carl Schmitt — ein deutsches Schicksal zwischen Männerbund und Matriarchatsmythos. München ; Wien : Carl Hanser.

[27] Алексеев С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. — М. : Юридическая литература, 1981–1982.

[28] Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия : опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. — М. : Статут, 1999.

[29] Schmitt C. (1923). Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus. München ; Leipzig : Duncker & Humblot.

[30] Rousseau J.-J. (1762). Du contrat social, ou Principes du droit politique. Amsterdam : Marc Michel Rey.

[31] Schmitt C. (1921). Die Diktatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf. München ; Leipzig : Duncker & Humblot.

[32] Schmitt C. (1928). Verfassungslehre. München ; Leipzig : Duncker & Humblot.

[33] Sieyès E.-J. (1789). Qu'est-ce que le Tiers-État? Paris.

[34] Осипов И.Д. Философия права : курс лекций / И.Д. Осипов. — СПб. : Издательство СПбГУ, 2009.

[35] Осипов И.Д. Проблемы философии права в русской юридической мысли / И.Д. Осипов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17: Философия. — 2013. — № 3. — С. 64–72.

[36] Neumann F. (1944). Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944. New York : Oxford University Press.

[37] Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки / Н.Н. Тарасов. — Екатеринбург : Издательство Гуманитарного университета, 2001.

[38] Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения / Н.Н. Тарасов. — Екатеринбург : УрГЮА, 2010.

[39] Schnabel F. (1970). Das Problem des Föderalismus im alten Reich // Schnabel F. Abhandlungen und Vorträge 1914–1965. Freiburg : Herder. P. 97–120.

[40] Maus I. (1986). Verrechtlichung, Entrechtlichung und der Funktionswandel von Institutionen // Maus I. Rechtstheorie und Politische Theorie im Industriekapitalismus. München : Fink. P. 277–331.

[41] Тихомиров Ю.А. Теория закона / Ю.А. Тихомиров. — М. : Наука, 1982.

[42] Тихомиров Ю.А. Публичное право: падения и взлёты / Ю.А. Тихомиров // Государство и право. — 1996. — № 1. — С. 3–12.

[43] Тихомиров Ю.А. Государство / Ю.А. Тихомиров. — М. : Норма, 2013.

[44] Badura P. (2004). Die parlamentarische Demokratie // Isensee J., Kirchhof P. (Hrsg.). Handbuch des Staatsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Bd. II. 3. Aufl. Heidelberg : C.F. Müller. § 25.

[45] Schulze-Fielitz H. (1988). Theorie und Praxis parlamentarischer Gesetzgebung — besonders des 9. Deutschen Bundestages (1980–1983). Berlin : Duncker & Humblot.

[46] Grimm D. (1991). Die Zukunft der Verfassung. Frankfurt a.M. : Suhrkamp.

[47] Grimm D. (1987). Recht und Staat der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt a.M. : Suhrkamp.

[48] Чиркин В.Е. Современное государство / В.Е. Чиркин. — М. : Международные отношения, 2001.

[49] Чиркин В.Е. Государствоведение / В.Е. Чиркин. — 2-е изд. — М. : Юристъ, 2000.

[50] Wolf R. (1986). Der Stand der Technik. Geschichte, Strukturelemente und Funktion der Verrechtlichung technischer Risiken am Beispiel des Immissionsschutzes. Opladen : Westdeutscher Verlag.

[51] Wolf R. (1987). Zur Antiquiertheit des Rechts in der Risikogesellschaft // Leviathan. Bd. 15. H. 3. P. 357–391.

[52] Breuer St. (1992). Die Gesellschaft des Verschwindens. Von der Selbstzerstörung der technischen Zivilisation. Hamburg : Junius.

[53] Breuer St. (2012). Carl Schmitt im Kontext. Intellektuellenpolitik in der Weimarer Republik. Berlin : Akademie-Verlag.

[54] Авакьян С.А. Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. / С.А. Авакьян. — 5-е изд. — М. : Норма, 2014.

[55] Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. — 2-е изд. — М. : РЮИД ; Сашко, 2000.

References:

[1] Schmitt K. The Concept of the Political / K. Schmitt; trans. from German edited by A.F. Filippov. - St. Petersburg: Nauka, 2016. - 293 p.

[2] Vesting T. (1992). Erosion of Staatlicher Herrschaft: Zum Begriff des Politischen bei Carl Schmitt // Archiv des öffentlichen Rechts. Bd. 117. No. 1. P. 4–45.

[3] Heller H. (1928). Political Democracy and Social Homogeneity // Probleme der Demokratie. Berlin; Grunewald: Rothschild. P. 35–47.

[4] Kuhn H. (1933). Rezension: Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen // Kant-Studien. Bd. 38. P. 190–196.

[5] Strauss L. (1932). Anmerkungen zu Carl Schmitt, Der Begriff des Politischen // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 67. H. 6. P. 732–749.

[6] Löwith K. (1984). Der okkasionelle Dezisionismus von C. Schmitt // Löwith K. Sämtliche Schriften. Bd. 8. Stuttgart: Metzler. P. 32–71.

[7] Böckenförde E.-W. (1991). The Politics of the School of the Reformed Works of Carl Schmitts // Böckenförde E.-W. Recht, Staat, Freiheit. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. P. 344–366.

[8] Meier H. (1988). Carl Schmitt, Leo Strauss and “The Politics of the School”. In a Dialogue under Abwesen. Stuttgart: Metzler. 170 p.

[9] Filippov A.F. Carl Schmitt. Rise and Fall / A.F. Filippov // Schmitt K. Political Theology. - Moscow: KANON-press-C, 2000. - P. 5–46.

[10] Filippov A.F. Political and Police: Carl Schmitt in the Context of Contemporary Sociology / A.F. Filippov // Sociological Review. - 2009. - Vol. 8, No. 3. - Pp. 75–91.

[11] Schmitt C. (1916). Theodor Däublers “Nordlicht”. Drei Studien über die Elemente, den Geist, und die Aktualität des Werkes. München : Georg Müller. 73 p.

[12] Maschke G. (1982). Zum “Leviathan” von Carl Schmitt // Schmitt C. Der Leviathan in der Staatslehre des Thomas Hobbes. Köln : Hohenheim. Pp. 179–244.

[13] Donoso Cortés, J. (1851). Ensayo sobre el catolicismo, el liberalismo, el socialismo. Madrid. 282 p.

[14] Maistre J. de. (1819). Du Pape. Lyon. 685 p.

[15] Maistre J. de. (1821). Les Soirées de Saint-Pétersbourg. Paris. 564 p.

[16] Bonald L. de. (1796). Theory of Political and Religious Societies in Civil Society. Paris. 495 p.

[17] Schmitt K. Political Theology. Four Chapters on the Doctrine of Sovereignty / Translated from German by Yu. Yu. Korinets // Schmitt K. The Concept of the Political. St. Petersburg: Nauka, 2016. pp. 5–59.

[18] Schmitt C. (1923). Roman Catholicism and Political Form. Hellerau : Jakob Hegner. 79 p.

[19] Bokarev Yu.P. Geopolitical Approach in Comparative Historical Research / Yu.P. Bokarev // Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. - 2004. - No. 4. - P. 182-200.

[20] Mezhuev B.V. Carl Schmitt and Contemporary Problems of Theoretical Political Science / B.V. Mezhuev // Polity. - 2001. - No. 2. - P. 150-166.

[21] Mezhuev B.V. The Concept of the Political: Reception of K. Schmitt’s Ideas in Russia / B.V. Mezhuev // The Concept of “Revolution” in Contemporary Political Discourse / edited by L.E. Blakher, B.V. Mezhuev. — St. Petersburg: Aleteya, 2008. — Pp. 215–237.

[22] Zorkin V.D. Constitutional and Legal Development of Russia / V.D. Zorkin. — Moscow: Norma, 2011. 719 p.

[23] Zorkin V.D. Law in the Context of Global Change / V.D. Zorkin. — Moscow: Norma, 2013. 495 p.

[24] Rybakov O.Yu. Russian Legal Policy in the Sphere of Protecting Individual Rights and Freedoms / O.Yu. Rybakov. — St. Petersburg. : Juridical Center Press, 2004.

[25] Rybakov O. Yu. Philosophy of Law: A Course of Lectures / O. Yu. Rybakov. - Moscow: Yurlitinform, 2014.

[26] Sombart N. (1991). The German People and Their Feind. Carl Schmitt - a German Schicksal zwischen Männerbund and Matriarchal Myths. Munich; Vienna: Carl Hanser.

[27] Alekseev S. S. General Theory of Law: in 2 volumes / S. S. Alekseev. - Moscow: Legal Literature, 1981-1982.

[28] Alekseev S. S. Law: ABC - Theory - Philosophy: An Experience of a Comprehensive Study / S. S. Alekseev. - M.: Statute, 1999.

[29] Schmitt C. (1923). Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus. Munich; Leipzig: Duncker & Humblot.

[30] Rousseau J.-J. (1762). Du contrat social, ou principles du droit politique. Amsterdam: Marc Michel Rey.

[31] Schmitt C. (1921). Die Diktatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf. Munich; Leipzig: Duncker & Humblot.

[32] Schmitt C. (1928). Verfassungslehre. Munich; Leipzig: Duncker & Humblot.

[33] Sieyès E.-J. (1789). What is the Tiers-État? Paris.

[34] Osipov I.D. Philosophy of Law: A Course of Lectures / I.D. Osipov. — St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2009.

[35] Osipov I.D. Problems of the Philosophy of Law in Russian Legal Thought / I.D. Osipov // Bulletin of St. Petersburg University. Series 17: Philosophy. — 2013. — No. 3. — P. 64–72.

[36] Neumann F. (1944). Behemoth. The Structure and Practice of National Socialism 1933–1944. New York: Oxford University Press.

[37] Tarasov, N.N. Methodological Problems of Legal Science. Yekaterinburg: Humanitarian University Publishing House, 2001.

[38] Tarasov, N.N. Methodological Problems of Modern Jurisprudence. Yekaterinburg: Ural State Law Academy, 2010.

[39] Schnabel, F. (1970). The Problem of Federalism in the Old Reich. Schnabel, F., Abhandlungen und Vorträge 1914–1965. Freiburg: Herder, pp. 97–120.

[40] Maus, I. (1986). Religious Theory, Entrechtlichung, and the Functions of Institutions. Maus, I., Religious Theory and Political Theory in Industrial Capitalism. Munich: Fink. P. 277–331.

[41] Tikhomirov Yu.A. Theory of Law / Yu.A. Tikhomirov. - Moscow: Nauka, 1982.

[42] Tikhomirov Yu.A. Public Law: Ups and Downs / Yu.A. Tikhomirov // State and Law. - 1996. - No. 1. - Pp. 3–12.

[43] Tikhomirov Yu.A. State / Yu.A. Tikhomirov. - Moscow: Norma, 2013.

[44] Badura P. (2004). Die parliamentarische Demokratie // Isensee J., Kirchhof P. (Hrsg.). Handbook of the State Law of the Bundesrepublik Germany. Bd. II. 3. Aufl. Heidelberg: C.F. Müller. § 25.

[45] Schulze-Fielitz H. (1988). Theory and Practice of Parliamentary Government — Besonders des 9. Deutschen Bundesstages (1980–1983). Berlin: Duncker & Humblot.

[46] Grimm D. (1991). The Development of Parliament. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.

[47] Grimm D. (1987). The Concept and State of the Burgess State. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.

[48] Chirkin V.E. The Modern State / V.E. Chirkin. — Moscow: International Relations, 2001.

[49] Chirkin V.E. Political Science / V.E. Chirkin. — 2nd ed. - M.: Yurist, 2000.

[50] Wolf R. (1986). Der Stand der Technik. Geschichte, Strukturelemente und Funktion der Verrechtlichung technischer Risiken am Beispiel des Immissionsschutzes. Opladen: Westdeutscher Verlag.

[51] Wolf R. (1987). Zur Antiquiertheit des Rechts in der Risikogesellschaft // Leviathan. Bd. 15. H. 3. P. 357–391.

[52] Breuer St. (1992). Die Gesellschaft des Verschwindens. Von der Selbstzerstörung der technischen Zivilisation. Hamburg: Junius.

[53] Breuer St. (2012). Carl Schmitt in Kontext. Intellektuellenpolitik in der Weimarer Republik. Berlin: Akademie-Verlag.

[54] Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Study Course: in 2 Volumes / S.A. Avakyan. — 5th ed. — Moscow: Norma, 2014.

[55] Avakyan S.A. Constitution of Russia: Nature, Evolution, Modernity / S.A. Avakyan. — 2nd ed. — Moscow: RYuID; Sashko, 2000.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-239-242

ИВАНОВ Борис Сергеевич,
аспирант кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права РУАН имени Г.Б.Мирзоева,
нотариус г. Москвы,
e-mail: 5421963@gmail.com

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЗАДАЧ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *В статье анализируются сформулированные в науке подходы к определению задач нотариальной деятельности. Раскрыты современные доктринальные точки зрения по указанной теме. Автором показана специфика задач нотариальной деятельности с учетом особенностей нотариата России в сравнении с прусской и англосаксонской системами нотариата. Значимость проведенного сравнительного исследования важна с целью выяснения отличительных особенностей нотариальной деятельности в системе юридической деятельности. Автор пришел к выводу, что при определении современных задач нотариальной деятельности помимо прямо сформулированных в законе требуется включить соблюдение публичных интересов, обеспечение экстерриториальной доступности профессиональной помощи нотариуса и стабильности правовой среды, а также раскрытие функциональных возможностей нотариата как института превентивного правосудия.*

Ключевые слова: *нотариус, нотариат, задачи нотариата, нотариальная деятельность, юридическая деятельность.*

IVANOV Boris Sergeevich,
Postgraduate Student of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law at the Gasan Mirzoev Russian University of Lawyers and Notaries,
Notary of Moscow

DOCTRINAL APPROACHES TO DEFINING THE TASKS OF NOTARY ACTIVITIES

Annotation. *This article analyzes scholarly approaches to defining the objectives of notarial activity. Contemporary doctrinal perspectives on this topic are explored. The author demonstrates the specifics of notarial activities, taking into account the specifics of the Russian notary system and comparing them with the Prussian and Anglo-Saxon notarial systems. This comparative study is important for elucidating the distinctive features of notarial activity within the legal system. The author concluded that, when defining the modern objectives of notarial activity, in addition to those directly formulated in the law, it is necessary to include compliance with public interests, ensuring extraterritorial accessibility of professional notary assistance and a stable legal environment, as well as revealing the functional capabilities of the notary profession as an institution of preventive justice.*

Key words: *notary, notary office, tasks of the notary office, notarial activity, legal activity.*

Согласно Основам законодательства Российской Федерации о нотариате задачей нотариальной деятельности является защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. Указанное определение задач неоднократно используется в научной и учебной литературе [1]. Однако развитие института нотариата, а также все больший интерес к нотариальной деятельности требует поиска новых теоретических подходов к определению задач нотариальной деятельности. Отправной точкой для этого могут являться труды ученых, практикующих юристов, неоднократно обращавших внимание на данный вопрос.

Стоит отметить, что отечественная система нотариата строится по системе «только-нотариус», где нотариальная деятельность в качестве основного вида деятельности осуществляется нотариусами на постоянной и профессиональной основе, не является вспомогательной или сопутствующей иной практической юридической деятельности: представлению интересов в суде, где нотариус работает по схеме «адвокат-нотариус» или судебного администратора в составе органов судебной власти, которая присутствует в некоторых землях Германии, воспринявших прусскую модель нотариата [2]. Таким образом, отечественная система нотариата характеризуется автономией и институциональной обособленностью. Она функционирует по принципу монопрофильной деятельности. В отличие от стран, где нотариальные функции могут носить субсидиарный характер и совмещаться со статусом адвоката или судебного чиновника, в российской правовой системе нотариат представляет собой самостоятельный правовой институт, исключающий совмещение с представительством в суде или государственной службой, особенно учитывая тот факт, что государственный нотариат в настоящим момент на практике прекратил свое существование.

Еще больше отличает систему и задачи нотариальной деятельности России, которую по праву можно отнести к системе латинского нотариата, от деятельности нотариусов англосаксонской правовой системы. Например, публичным нотариусам (notary public) США не требуется быть квалифицированным юристом ввиду ограниченного объема полномочий [3]. Они осуществляют в целом как правило функцию свидетеля, пользующегося доверием, не составляя документ, и, соответственно не неся ответственность за его содержание. Функция такого публичного нотариуса установить личность по предъявленному документу, сверить данные паспорта, присутствовать при подписании заявителем его бланка. Можно сделать вывод, что специфика задач нотариальной деятельности в Российской Федерации позволяет классифицировать её как относящуюся к системе латинского нотариата, что противопоставляет её англосаксонской модели. Релевантным примером служит вышеуказанный институт notary public в США. В силу ограниченности компетенции данных субъектов, американское законодательство не предъявляет к ним требований относительно наличия высшего юридического образования, в то время как латинская модель предполагает роль нотариуса как активного участника, «правового арбитра» во взаимоотношениях хозяйствующих субъектов, при котором проверяется соответствие нотариальных актов закону на профессиональной основе. Это обуславливает повышенные квалификационные требования к кандидатам, претендующим на занятие нотариальной деятельностью, и периодическое повышение профессиональных знаний действующих нотариусов.

В доктрине высказываются разные подходы к определению задач нотариальной деятельности. По мнению В.В. Ралько, миссией нотариата является оказание квалифицированной нотариальной помощи, которая выражается в совершении нотариальных действий и вынесение таких нотариальных актов всем лицам вне зависимости от гражданства и национальной принадлежности [4]. Ввиду чего обоснованно автором аргументируется необходимость создание и функционирование межнациональных (квазигосударственных) органов нотариата. Стоит отметить справедливость высказанной позиции, что реализация полномочий нотариуса по совершению юридически значимых действий и изданию соответствующих актов должна осуществляться на принципах равенства. При осуществлении своей деятельности нотариус на практике исключает любые преференции или ограничения, связанные с гражданством или национальностью обратившихся лиц, что обеспечивает соблюдение им принципов беспристрастности и независимости.

Ю.В. Иутин в качестве задач нотариальной деятельности помимо прямо сформулированных в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате и являющимися «базовыми» отдельно выделял обеспечение квалифицированной нотариальной помощью жителей нашей страны, находящихся в труднодоступных и малонаселенных местностях для целей обеспечения услугами нотариуса всех граждан жителей Российской Федерации вне зависимости от их места жительства [5]. Указанное положение представляется и в настоящее время актуальным и верным, учитывая появление новых регионов, а также малонаселенных населенных пунктов нашей страны. Таким образом, следует признать, что расширительное толкование задач нотариата, помимо прямо указанных в законе компетенций, включает в себя обеспечение экстерриториальной доступности профессиональной помощи. Ключевым аспектом здесь выступает организация нотариального обслуживания в малонаселенных и труднодоступных районах с целью создания равных правовых условий для всех граждан и организаций.

Ярков В.В. обращает внимание, что деятельность нотариата направлена на защиту частной собственности, обеспечение бесспорности и защиту имущественных прав, обеспечение правовой защиты, предупреждение споров сторон, зая-

вителей по нотариальным действиям [6]. Важно отметить, что, реализуя задачи по предупреждению гражданско-правовых споров, нотариат выступает институциональным гарантом защиты интересов заявителей, обеспечивая юридическую чистоту и доказательственную силу совершаемых действий. В то же время ключевым вектором нотариальной деятельности является стабилизация гражданского оборота путем создания правовых механизмов, а также гарантий защиты собственности и правовой определенности в целом.

О.В. Фрик среди актуальных задач нотариальной деятельности выделяет защиту прав граждан и юридических лиц во многих новых направлениях, обращая внимание на значимость расширения полномочий нотариуса в сфере медиации в качестве медиатора, обороте цифровых активов в связи с появлением новых объектов, используемых в расчетах контрагентов, а также увеличения перечня удостоверяемых нотариусом фактов без обращения в суд для раскрытия потенциала нотариата [7]. В настоящее время стоит отметить, что ключевыми векторами расширения нотариальных полномочий выступают внедрение процедур медиации и увеличение перечня юридических фактов, подлежащих внесудебному удостоверению. Данные меры направлены на укрепление и реализацию задач нотариальной деятельности: обеспечение стабильности правовой среды и раскрытие функциональных возможностей нотариата как института превентивного правосудия.

Интересен доктринальный подход в определении задач нотариальной деятельности, предложенный Л.В. Щенниковой, указывающей её первостепенной задачей претворение норм частного права в жизнь, доведение и разъяснение участникам и заявителям положений законов, обеспечение государственных интересов, разрешение вражды и конфликтов, а также служение правде и истины [8]. Действительно, сфера защита и обеспечение реализации имущественных прав граждан и юридических лиц имеет первостепенное значение в деятельности нотариуса. Вместе с тем, следует отметить значимость нотариуса и в сфере публичного права, например, при совершении исполнительной надписей, обеспечении доказательств, удостоверении фактов, регистрации залогов движимого имущества. Особо ценно, что нотариус перед совершением нотариальных действий разъясняет сторонам их последствия и значение. Это исключает совершение заявителями действий при обращении к нотариусу, которые могут ввиду отсутствия или недостаточной юридической грамотности понимать, что они совершают и какие последствия таких действий они получат. Нотариальная деятельность способствует развитию гражданского оборота в целом ввиду того, что нотариальный акт имеет повышенную доказательственную силу, снижает риски оспаривая и в целом обеспечивает государственные интересы по оказанию квалифицированной юридической помощи.

Таким образом, определяя современные задачи нотариальной деятельности помимо прямо сформулированных в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате требуется включить соблюдение публичных интересов, обеспечение экстерриториальной доступности профессиональной помощи нотариуса и стабильности правовой среды, а также раскрытие функциональных возможностей нотариата как института превентивного правосудия. Вместе с тем для целостной оценки задач нотариальной деятельности целесообразным представляется помимо проведения исследования современных доктринальных подходов рассмотреть их указание на практике в законодательстве зарубежных стран, что обосновывает дальнейшие горизонты для исследователей данной темы.

Список литературы:

[1] Гришин К. Г. Понятие и виды нотариальной деятельности в России / К. Г. Гришин // Вестник юридических исследований. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 12-19.

[2] Воронюк Е. П. Германский нотариат в свете теории федерализма / Е. П. Воронюк // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 4(44). – С. 62-68.

[3] Остапенко И. А. Сравнительно-правовой анализ компетенции нотариуса в России и США / И. А. Остапенко // Аспирант. – 2015. – № 10(15). – С. 168-170.

[4] Ралько В. В. Теория правовой деятельности нотариата : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Ралько Василий Васильевич. – Москва, 2010. – С. 16-17.

[5] Иутин Ю. Приоритеты и ключевые задачи развития нотариата на 2019-2023 годы / Ю. Иутин // Нотариальный вестник. – 2018. – № 10-11. – С. 4-6.

[6] Нотариальное право : учебник / Б. М. Гонгало, Т. И. Зайцева, И. Г. Медведев [и др.] ; под ред. В. В. Ярков, - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Статут, 2017. - С.10.

[7] Фрик О. В. Перспективы развития нотариата: новые задачи и новые нотариальные действия / О. В. Фрик // Нотаріальный вѣстникъ. – 2023. – № 12. – С. 36-41.

[8] Щенникова, Л. В. К вопросу о постановке задач нотариальной деятельности / Л. В. Щенникова // Нотариальный вестник. – 2021. – № 3. – С. 44-52.

References:

[1] Grishin K. G. Concept and types of notarial activity in Russia / K. G. Grishin // Bulletin of legal studies. - 2024. - Vol. 3, No. 1. - Pp. 12-19.

[2] Voronyuk E. P. German notaries in light of the theory of federalism / E. P. Voronyuk // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. - 2017. - No. 4 (44). - Pp. 62-68.

[3] Ostapenko I. A. Comparative legal analysis of the competence of a notary in Russia and the USA / I. A. Ostapenko // Postgraduate student. - 2015. - No. 10 (15). - Pp. 168-170. [4] Ral'ko V. V. Theory of legal activity of notaries: specialty 12.00.01 "Theory and history of law and state; history of doctrines on law and state": abstract of dissertation for the degree of Doctor of Law / Ral'ko Vasily Vasil'evich. - Moscow, 2010. - Pp. 16-17.

[5] Iutin Yu. Priorities and key tasks of development of notaries for 2019-2023 / Yu. Iutin // Notarial Bulletin. - 2018. - No. 10-11. - Pp. 4-6.

[6] Notarial law: textbook / B. M. Gongalo, T. I. Zaitseva, I. G. Medvedev [et al.]; edited by V. V. Yarkov, - 2nd ed., corr. and add. - Moscow: Statut, 2017. - P. 10.

[7] Frick, O. V. Prospects for the Development of the Notariat: New Tasks and New Notarial Acts / O. V. Frick // Notarial Bulletin. - 2023. - No. 12. - P. 36-41.

[8] Shchennikova, L. V. On the Issue of Setting Tasks of Notarial Activity / L. V. Shchennikova // Notarial Bulletin. - 2021. - No. 3. - P. 44-52.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-243-251

ТОЛСТИК Дмитрий Борисович,
Аспирант кафедры публичного и
международно-правового обеспечения национальной безопасности
Российского государственного университета
нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина,
e-mail: workingmail@lenta.ru

КОНЦЕПЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА ЖАНА БОДЕНА И ЕЁ ТРАНСФОРМАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *Предметом исследования является концепция суверенитета Жана Бодена и её трансформация в условиях развития современного государства и международного правопорядка. Объектом исследования выступают теоретико-правовые воззрения Ж. Бодена, а также последующая эволюция доктрины суверенитета в отечественной и зарубежной научной мысли. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как абсолютный характер суверенной власти в классическом понимании, принцип единства и неделимости суверенитета, а также исторические предпосылки формирования боденовской модели государства. Особое внимание уделяется соотношению суверенитета и естественного права, влиянию идей Бодена на развитие теории правового государства и международного права. Анализируются взгляды российских и зарубежных исследователей на проблему ограничения суверенной власти в условиях конституционализма и глобализации. В исследовании использованы историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический и системный методы анализа. Применён доктринальный подход к изучению научных концепций суверенитета, а также метод интерпретации правовых источников и научной литературы. Основными выводами проведённого исследования являются положения о том, что концепция суверенитета Жана Бодена выступила фундаментальной основой классической теории государства, определив юридическое понимание верховной власти. Новизна исследования заключается в комплексном анализе трансформации боденовской модели суверенитета от абсолютного монархического содержания к современной координационной и нормативно обусловленной модели государственности. Особым вкладом автора в исследование темы является обоснование сохранения базовых характеристик суверенитета – единства, постоянства, независимости и юридической первичности – при их институциональной адаптации к условиям демократии, разделения властей и международной интеграции. Показано, что современное понимание суверенитета предполагает сочетание внутренней автономии государства с его участием в системе международных обязательств. Установлено, что боденовская теория, несмотря на историческую обусловленность, сохраняет методологическое значение для анализа природы государственной власти, правового государства и глобального правопорядка в XXI веке.*

Ключевые слова: *Жан Боден, теория суверенитета, публичная власть, верховная власть, правовое государство, разделение властей, народный суверенитет, конституционализм, международное право, трансформация политико-правовой доктрины.*

TOLSTIK Dmitry Borisovich,
Graduate student of the Department of Public and International Legal Support
of National Security of the Russian State University of Oil and Gas
(NRU) named after I.M. Gubkin

JEAN BODIN'S CONCEPT OF SOVEREIGNTY AND ITS TRANSFORMATION IN A MODERN STATE

Annotation. *The subject of the research is the concept of sovereignty as presented by Jean Bodin and its transformation in the context of the development of the modern state and international legal order. The object of the research consists of the theoretical and legal views of J. Bodin, as well*

as the subsequent evolution of the doctrine of sovereignty in domestic and foreign scholarly thought. The author examines in detail aspects of the topic such as the absolute nature of sovereign power in the classical understanding, the principle of the unity and indivisibility of sovereignty, and the historical prerequisites for the formation of Bodin's model of the state. Special attention is paid to the relationship between sovereignty and natural law, the influence of Bodin's ideas on the development of the theory of the rule of law and international law. The views of Russian and foreign researchers on the problem of limiting sovereign power in the context of constitutionalism and globalization are analyzed. The study uses historical-legal, comparative-legal, formal-logical, and systemic methods of analysis. A doctrinal approach is applied to the study of scientific concepts of sovereignty, as well as a method of interpreting legal sources and scholarly literature. The main conclusions of the conducted research are that Jean Bodin's concept of sovereignty served as a fundamental basis for classical theories of the state, defining the legal understanding of supreme power. The novelty of the research lies in the comprehensive analysis of the transformation of Bodin's model of sovereignty from an absolute monarchical content to a modern coordinated and normatively conditioned model of statehood. A significant contribution of the author to the study of this topic is the justification for the preservation of the basic characteristics of sovereignty—unity, permanence, independence, and legal primacy—while their institutional adaptation to the conditions of democracy, separation of powers, and international integration. It is demonstrated that the modern understanding of sovereignty implies a combination of the internal autonomy of the state with its participation in the system of international obligations. It has been established that Bodin's theory, despite its historical conditioning, retains methodological significance for analyzing the nature of state power, the rule of law, and the global legal order in the 21st century.

Key words: *Jean Bodin, theory of sovereignty, public authority, supreme authority, rule of law, separation of powers, popular sovereignty, constitutionalism, international law, transformation of political and legal doctrine.*

Введение

Категория государственного суверенитета на протяжении нескольких столетий занимает центральное место в теории государства и права и остаётся одной из ключевых тем историко-правовых исследований. Суверенитет традиционно рассматривается как фундаментальное свойство государства, выражающее его верховенство во внутренней сфере и независимость во внешних отношениях. Несмотря на значительные изменения политических институтов, форм правления и структуры международного правопорядка, данная категория сохраняет важное теоретическое и методологическое значение для анализа природы государственной власти и механизмов её правовой легитимации.

Объектом настоящего исследования является теория государственного суверенитета в истории политико-правовой мысли. Предмет исследования составляет концепция суверенитета Жана Бодена и её трансформация в условиях развития конституционализма, демократии и современного международного права.

Цель исследования заключается в выявлении историко-теоретических оснований боденовской концепции суверенитета и анализе основных направлений её эволюции в последующей политико-правовой мысли.

Реализация поставленной цели предполагает решение следующих задач: анализ исторических предпосылок формирования учения Бодена о суверенитете; исследование ключевых положений его концепции; рассмотрение критики и дальнейшего развития данной теории в европейской политико-правовой традиции; определение особенностей трансформации категории суверенитета в условиях современного государства и международного правопорядка.

Тем самым исследование позволяет проследить историческую эволюцию категории суверенитета - от её классической формулировки в трудах Бодена до современных интерпретаций, отражающих изменения политических и правовых институтов. Данный подход предопределяет необходимость обращения к историческим условиям формирования боденовской доктрины и анализу её исходных теоретических оснований, что и составляет предмет рассмотрения в первом разделе настоящего исследования.

Основная часть

Впервые суверенитет был концептуально оформлен как самостоятельная правовая категория в трудах французского мыслителя XVI века Жана Бодена, прежде всего в его фундаментальном произведении «Шесть книг о государстве» [1].

Формирование взглядов Жана Бодена происходило в условиях глубокого политического и социального кризиса Франции второй половины XVI века.

Религиозные войны, ослабление королевской власти, противостояние католиков и гугено-

тов, а также притязания папского престола на вмешательство во внутренние дела светских государств обусловили необходимость создания новой теоретической модели государства, способной обеспечить политическое единство и правовую стабильность [2].

В отличие от средневековой традиции, связывавшей легитимность власти с феодальной и религиозной иерархией, Боден предложил юридическое понимание государства как устойчивого правопорядка, основанного на верховной власти. Суверенитет в его трактовке перестал быть исключительно фактом политического господства и превратился в правовую категорию, определяющую сущность государства как особого публично-властного образования [3].

Термин souveraineté был заимствован Боденом из средневековой юридической лексики, где он обозначал высшую власть, не подчинённую иному земному владычеству [4]. Однако именно Боден наполнил данный термин системным теоретическим содержанием. В «Шести книгах о государстве» суверенитет определяется как абсолютная и постоянная власть государства, не ограниченная человеческими законами [5, с. 84-87].

Государство, по Бодену, есть осуществление суверенной властью справедливого управления множеством семей и тем, что находится в их общем владении [6, с. 112-115]. Тем самым мыслитель подчёркивал, что не территория и не население сами по себе образуют государство, а именно союз людей под единой суверенной властью. Суверенитет выступает тем принципом, который превращает совокупность частных лиц и корпораций в политически организованное целое.

Одним из центральных положений концепции Бодена является тезис о единстве и неделимости суверенитета. Суверенитет не может быть разделён между несколькими субъектами или органами без утраты своей сущности [7, с. 120-124]. Деление верховной власти между монархом, сословиями, парламентом или церковью неизбежно ведёт к ослаблению государства и политической нестабильности.

В этом положении также отчетливо прослеживается реакция Бодена на политическую реальность Франции XVI века, раздираемой религиозными войнами и борьбой между королевской властью, знатью и папством. Суверенитет мыслится как средство преодоления феодальной раздробленности и религиозного дуализма власти.

Учение Жана Бодена о суверенитете, изложенное в трактате «Шесть книг о государстве» (1576), вызвало широкий резонанс в политико-правовой мысли конца XVI — начала XVII века. Его концепция абсолютного, постоянного и неделимого суверенитета стала теоретическим ответом на кризис феодальной раздробленности и религиозных войн во Франции, что обусловило как её поддержку со стороны сторонников сильной государственной власти, так и острую критику со стороны представителей иных политико-правовых традиций.

Среди мыслителей, в целом разделявших боденовское понимание суверенитета, следует назвать французских легистов и сторонников королевского абсолютизма. Так, Шарль Луазо, развивая идеи Бодена, рассматривал суверенитет как юридически неограниченную власть монарха, необходимую для обеспечения общественного порядка и преодоления сословных конфликтов. Луазо подчёркивал, что только централизованная верховная власть способна гарантировать единство закона и стабильность государства, что напрямую коррелирует с боденовским тезисом о неделимости суверенитета [Луазо Ш. Трактат о сеньориях и должностях. Париж, 1608] [8, с.182-185].

Схожие позиции занимал Жан де Сильон, государственный деятель и теоретик абсолютизма, который рассматривал суверенитет как постоянное качество королевской власти, не зависящее от воли подданных или сословных институтов. В его работах подчёркивалось, что разделение суверенной власти неизбежно ведёт к ослаблению государства и гражданским смутам, что полностью соответствует аргументации Бодена [Сильон Ж. О средствах укрепления государства. Париж, 1615] [9, с. 185-188].

В то же время концепция Бодена вызвала серьёзную критику со стороны представителей протоконституционализма и теории смешанного правления. Наиболее последовательным критиком боденовской теории считается Иоганн Альтузий, который в труде «Политика, изложенная методически» (1603) отвергал идею единоличного носителя суверенитета. Альтузий утверждал, что верховная власть принадлежит не монарху, а политическому сообществу в целом, и реализуется через систему договоров и корпоративных союзов. Суверенитет, по его мнению, носит производный характер и ограничен фундаментальными правами общин и сословий [Альтузий И. Политика. Херборн, 1603] [10, с. 87-94, 112-118].

С критикой боденовской абсолютизации суверенитета выступали и английские мыслители. Джон Понет, анализируя природу государственной власти, подчёркивал, что признание суверена надзаконным субъектом создаёт предпосылки для тирании. Он отстаивал идею подчинения власти закону и допускал право народа на сопротивление в случае злоупотребления суверенной властью [Ponet J. A Short Treatise of Political Power. London, 1556]. Данная позиция принципиально

расходилась с боденовским тезисом о неподотчётности суверена позитивному праву [11, с. 171-175].

Аналогичные аргументы развивал Джордж Бьюкенен, который рассматривал государственную власть как производную от народного суверенитета и настаивал на договорной природе политического господства. В его интерпретации суверенитет не может быть абсолютным и неделимым, поскольку он ограничен целями общего блага и естественным правом [Buchanan G. De Jure Regni apud Scotos. Edinburgh, 1579] [12, с. 45-53, 61-64].

Особую линию критики составляли представители католической схоластики позднего периода, прежде всего Франсиско Суарес, который отрицал возможность концентрации суверенитета исключительно в руках монарха. Суарес признавал верховенство государственной власти, однако выводил её из первоначального народного согласия и подчёркивал её связанность моральным и естественным правом [Suárez F. De Legibus ac Deo Legislatore. Coimbra, 1612] [13, 201-210].

Таким образом, уже в период формирования боденовской доктрины суверенитета выявились два противоположных подхода: абсолютистский, отстаивающий идею единого и неделимого суверенитета как основы государственности, и протоконституционный, ориентированный на ограничение верховной власти правом, договором и политическим участием общества. Несмотря на критику, именно боденовская концепция суверенитета оказала определяющее влияние на последующее развитие теории государства и права, заложив основы современного понимания суверенитета как высшей и юридически первичной публичной власти, что подтверждает её фундаментальное значение в истории политико-правовой мысли.

Несмотря на фундаментальное значение концепции суверенитета Жана Бодена для формирования классической теории государства, уже в XVII-XVIII веках в европейской политико-правовой мысли стали формироваться устойчивые представления о её исторической ограниченности. В российской науке подчёркивается, что боденовская модель суверенитета была тесно связана с социально-политическими условиями позднего Средневековья и раннего Нового времени и потому не могла быть механически перенесена в иные исторические контексты [14, с. 178-182].

Одним из ключевых оснований критики боденовского учения стало его абсолютистское понимание суверенной власти. Представители договорной теории государства XVII века, прежде всего Т. Гоббс и особенно Дж. Локк, хотя и использовали категорию суверенитета, существенно пересмотрели её содержание. В российской литературе отмечается, что Локк фактически отверг боденовскую идею надзаконности суверена, заменив её принципом подчинения государственной власти закону и естественным правам личности [15, с. 214-219]. Тем самым суверенитет перестал пониматься как неограниченное качество власти и стал рассматриваться как производный и функционально ограниченный институт.

Существенным шагом в признании устаревания боденовской концепции стало развитие теории разделения властей, прежде всего в трудах Ш.-Л. Монтескьё. Как подчёркивает В. С. Нерсесянц, принцип разделения властей концептуально несовместим с боденовским тезисом о неделимости суверенитета в его классическом виде [16, с. 230-235]. Монтескьё исходил из того, что концентрация всей верховной власти в одном субъекте неизбежно ведёт к деспотизму, тогда как политическая свобода возможна лишь при институциональном разделении властных функций.

В рамках немецкой классической философии права боденовская теория также подверглась переосмыслению. Так, И. Кант и Г. В. Ф. Гегель признавали необходимость верховной государственной власти, но отрицали возможность её существования вне правового порядка. В российской науке подчёркивается, что у Гегеля суверенитет уже не выступает как личное качество монарха, а рассматривается как свойство государства как правового целого [17, с. 279-285], что означает отказ от персоналистского и абсолютистского понимания суверенитета, характерного для Бодена.

В XIX веке боденовская концепция суверенитета всё чаще рассматривалась как исторически преходящая форма легитимации власти. Представители либеральной и конституционной традиции указывали, что идея надзаконного суверена противоречит принципам правового государства. В российской юридической доктрине подчёркивается, что развитие конституционализма окончательно подорвало боденовскую модель, заменив её концепцией народного суверенитета и верховенства конституции [18, с. 247-252].

Особенно отчётливо ограниченность боденовского учения проявилась в условиях формирования современного международного права. Как отмечает О. Е. Кутафин, абсолютный и изолированный суверенитет, характерный для классической теории Бодена, оказался несовместим с системой международных обязательств, наднациональных институтов и коллективной безопасности [19, с. 42-48]. Суверенитет в XX-XXI веках приобрёл относительный и функциональный характер, что окончательно закрепило представление о боденовской модели как исторически устаревшей в её исходном виде.

В отечественной теории государства и права концепция суверенитета Жана Бодена получила устойчивое признание как исходная теоретическая модель, положившая начало системному осмыслению верховной государственной власти. Большинство российских исследователей сходятся во мнении, что именно Боден впервые придал суверенитету юридически оформленный и концептуально целостный характер, отделив его от феодальных и теологических представлений о власти.

Так, С.С. Алексеев подчёркивал, что боденовская идея единства и неделимости суверенитета сохраняет фундаментальное значение и для современных правовых систем, несмотря на институциональное разделение властей. По его мнению, разделяются не источники власти, а формы и механизмы её осуществления, тогда как суверенитет остаётся единым юридическим основанием публичной власти государства [20, с. 241-246]. В этом контексте Боден рассматривается как предшественник современной конституционно-правовой доктрины.

Схожую позицию занимает О.Е. Кутафин, который указывал, что учение Бодена заложило методологические основы для понимания суверенитета как юридического свойства государства, а не политического преимущества или фактического могущества. При этом исследователь подчёркивал, что боденовское разграничение суверенной власти и позитивного права предопределило формирование принципа верховенства конституции в правовом государстве [21, с. 35-42].

Поддерживая ключевые элементы концепции Бодена, В.Е. Чиркин отмечал, что его учение позволило впервые обосновать суверенитет как непрерывное и постоянное качество государства, не зависящее от смены правителей или форм правления. По мнению автора, именно это положение стало теоретической предпосылкой современного принципа народного суверенитета, при котором носитель власти остаётся неизменным, а органы власти — сменяемыми [22, с. 188-193].

В то же время в российской науке последовательно развивалась и критика боденовской концепции, прежде всего её абсолютистской и монархической направленности. Так, Н.И. Матузов указывал, что идея неподконтрольности суверена позитивному праву объективно создавала теоретические основания для произвола власти и противоречила принципу правовой ограниченности государства [23, с. 214-218].

Аналогичную позицию занимала Л.А. Морозова, подчёркивавшая, что боденовская модель суверенитета адекватно отражала социально-политические реалии XVI века, но не могла быть напрямую перенесена в условия современного конституционализма. По её мнению, отрицание юридической связанности суверена законом вступает в противоречие с принципами правового государства и разделения властей [24, с. 167-171].

Важным направлением критики является также боденовское обоснование абсолютной монархии как наилучшей формы реализации суверенитета. Российские исследователи подчёркивают, что данная позиция носит исторически обусловленный характер и не учитывает механизмов демократической легитимации власти. Так, А.В. Малько указывает, что в современных условиях устойчивость государственной власти обеспечивается не концентрацией суверенитета в одном институте, а системой сдержек и противовесов, основанной на праве и общественном контроле [25, с. 98-103].

Вместе с тем даже критически настроенные авторы признают, что Боден впервые ввёл в научный оборот идею естественно-правовых пределов суверенной власти, запрещающих посягательство на базовые права личности. Данное положение рассматривается как одна из ключевых предпосылок формирования современной доктрины прав человека и концепции легитимности государственной власти [26, с. 256-260].

В развитии отечественной доктрины международного права категория суверенитета получила самостоятельное и во многом переосмысленное содержание по сравнению с классической концепцией Жан Боден. Если для Бодена суверенитет означал абсолютную и неделимую верховную власть внутри государства, то в трудах советских и российских международников акцент смещается на внешнее измерение — независимость государства в системе международных отношений и его юридическое равенство с другими субъектами международного права.

Значительный вклад в разработку проблемы внёс Григорий Иванович Тункин. Он рассматривал суверенитет как юридическое качество государства, выражающее его независимость во внешних сношениях и верховенство во внутренней сфере. При этом Тункин подчёркивал, что суверенитет не означает произвольной свободы действий: государство, обладая суверенитетом, добровольно принимает на себя международно-правовые обязательства, которые не ограничивают, а реализуют его суверенную волю. Суверенное равенство государств, по Тункину, выступает фундаментальным принципом международного права, закреплённым в Уставе ООН и конкретизированным в практике межгосударственного сотрудничества. Таким образом, в его интерпретации суверенитет приобретает нормативное измерение и становится основой международной правосубъектности государства [27, с. 45-48].

Иную, более институционально ориентированную трактовку развивал Игорь Иванович Лукашук. Он подчёркивал, что современный суверенитет функционирует в условиях растущей взаимозависимости государств и развития международных организаций. По мнению Лукашука, участие государства в интеграционных объединениях и заключение многосторонних договоров не свидетельствуют об утрате суверенитета, поскольку такие действия осуществляются на основе свободного волеизъявления. Суверенитет, следовательно, трансформируется: от изолированной абсолютности к координационной модели, в рамках которой государство сочетает внутреннюю автономию с международной ответственностью. Особое внимание учёный уделял соотношению принципа невмешательства и международных механизмов защиты прав человека, показывая, что пределы суверенитета определяются нормами международного права общего характера [28, с. 103-110, 120-125, 210-218].

В трудах Олега Ивановича Тиунова суверенитет рассматривается через призму конституционализации международного права. Тиунов подчёркивал, что современное государство реализует свой суверенитет не вопреки международному праву, а в его рамках. Он обращал внимание на усиление роли общепризнанных принципов и норм международного права, которые становятся частью национальной правовой системы. В этой связи суверенитет приобретает функциональный характер: он выражается в способности государства самостоятельно определять объём и формы своего участия в международном правопорядке, сохраняя при этом верховенство государственной власти на собственной территории [29, с. 45-52,78-85,110-118].

Комплексный отраслевой подход к проблеме демонстрирует Константин Аркадьевич Бекяшев. В рамках общей теории международного права он трактует суверенитет как основу правосубъектности государства и предпосылку реализации принципа суверенного равенства. Бекяшев подчёркивает, что современное международное право не умаляет суверенитет, а, напротив, институционализирует его через систему договорных и обычных норм. Суверенитет проявляется в праве государства участвовать в международных отношениях, заключать договоры, нести международную ответственность и требовать уважения своей территориальной целостности. В его работах подчёркивается взаимосвязь суверенитета и международной законности, а также значение баланса между национальными интересами и универсальными принципами мирового правопорядка [30, с. 95-110,412-420].

Таким образом, в российской международно-правовой доктрине суверенитет понимается не как абсолютная и ничем не ограниченная власть в боденовском смысле, а как юридически оформленная независимость государства, реализуемая в системе международных обязательств и принципов. Эта эволюция демонстрирует переход от классической концепции неделимой верховной власти к современной модели координированного, взаимосвязанного и нормативно обусловленного суверенитета.

С точки зрения современного конституционного права тезис, что суверенитет мыслится как средство преодоления феодальной раздробленности и религиозного дуализма власти утратил буквальную актуальность, поскольку разделение властей стало фундаментальным принципом демократического государства. Суверенитет остаётся единым источником публичной власти, даже если реализуется через несколько институтов.

Современная теория государства и права, признавая принцип разделения властей, сохраняет боденовскую идею единства суверенитета. Разделяются не суверенитет как таковой, а функции и механизмы его осуществления, что прямо отражено в конституционно-правовых доктринах современных государств [31, с. 241-246].

Боден подчёркивал, что суверенитет обладает постоянным характером и не может быть передан на определённый срок или на условиях договора [32, с. 130-134]. Суверенная власть не является мандатом или временным поручением, а представляет собой устойчивое качество государства.

В современных демократических государствах данное положение трансформируется через концепцию народного суверенитета, закреплённую, в частности, в ст. 3 Конституции Российской Федерации [33]. Народ остаётся постоянным носителем суверенитета, тогда как органы публичной власти лишь осуществляют его на основе временного доверия.

Суверен, по Бодену, не связан положительным правом, поскольку сам является источником законов [34, с. 140-145]. Однако эта надзаконность не носит абсолютного характера: суверенная власть ограничена естественным и божественным правом, включающим фундаментальные права личности [35, с. 146-150].

Современное правовое государство отвергает надзаконность органов власти, закрепляя принцип верховенства конституции и права [36]. Вместе с тем различие между позитивным и естественным правом, введённое Боденом, стало важной предпосылкой формирования доктрины прав человека.

Боден последовательно отстаивал идею абсолютной монархии как наиболее совершенной формы реализации суверенитета [37, с. 210–218].

Демократию он считал нестабильной, а аристократию — подверженной фракционной борьбе.

Данная позиция отражает социально-политические реалии XVI века и не может быть непосредственно перенесена на современное государство. Однако сама идея централизованной верховной власти, способной обеспечивать правопорядок и территориальную целостность, сохраняет значение и в XXI веке, реализуясь в институциональной форме [38].

Несмотря на признание абсолютного характера суверенной власти, Боден подчёркивал, что суверен не вправе посягать на естественные права личности, включая право на жизнь, частную собственность и свободу совести [39, с. 160-168]. Нарушение этих пределов превращает власть в тиранию и лишает её легитимности.

Данные положения оказали значительное влияние на последующее развитие теории прав человека и нашли отражение в международных актах, включая Всеобщую декларацию прав человека 1948 года [40].

В современном международном праве суверенитет сохраняется, но приобретает относительный характер, выражающийся в добровольном принятии международных обязательств [41].

При этом суверенитет остаётся основой международной правосубъектности государства и закреплён в Уставе ООН [42].

Концепция суверенитета Жана Бодена, несмотря на её монархическую направленность и историческую обусловленность, сохраняет фундаментальное значение для современной теории государства и права. Основные признаки суверенитета — верховенство, постоянство, независимость и юридическая первичность — продолжают лежать в основе государственности и в XXI веке.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что государственный суверенитет в современном международном праве претерпевает существенную трансформацию, обусловленную изменением характера международных отношений, усложнением глобальных политико-правовых процессов и усилением взаимозависимости государств. В отличие от классического понимания суверенитета как абсолютной и неделимой власти государства, сформировавшегося в трудах Жана Бодена и развитого в последующей государственно-правовой доктрине, современная международно-правовая теория рассматривает суверенитет как многоуровневую и динамическую категорию.

Современная концепция суверенитета отражает переход от модели абсолютной автономии государства к модели функционального взаимодействия государств в рамках международного правопорядка. При этом суверенитет не утрачивает своего фундаментального значения, а трансформируется в правовой механизм, обеспечивающий участие государств в системе международного сотрудничества при сохранении их юридической независимости и равноправия. Международное право, закрепляя принципы суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и территориальной целостности, одновременно формирует правовые инструменты координации государственной политики на глобальном уровне.

Особое значение в современной доктрине приобретает интегральный подход к суверенитету, согласно которому суверенитет государства рассматривается как комплекс взаимосвязанных политических, правовых, экономических и институциональных элементов. Такая интерпретация позволяет более адекватно объяснить функционирование государств в условиях глобализации, когда реализация суверенных прав неизбежно осуществляется в рамках международных обязательств и договорных механизмов.

Эволюция концепции суверенитета демонстрирует переход от его традиционного понимания как абсолютной государственной власти к более сложной правовой конструкции, сочетающей элементы независимости и международного взаимодействия. Современное международное право не ограничивает суверенитет государств, а институционализирует его посредством системы норм и принципов, обеспечивающих баланс между национальной автономией и международной кооперацией. В этом контексте суверенитет выступает не только юридическим признаком государства, но и важнейшим элементом устойчивости международного правопорядка.

По результатам проведённого исследования можно сформулировать следующие научные выводы:

Суверенитет государства в современном международном праве носит эволюционный характер, переходя от классической концепции абсолютной государственной власти к модели функционального взаимодействия государств в рамках международного правопорядка.

Современная международно-правовая доктрина рассматривает суверенитет как многоуровневую правовую категорию, включающую внутренние институциональные механизмы осуществления государственной власти и внешние формы международного взаимодействия.

Международное право не ограничивает государственный суверенитет, а формирует нормативные механизмы его реализации через систему международных обязательств, принцип суверенного равенства государств и договорные формы сотрудничества.

Интегральная модель суверенитета, объединяющая политические, правовые, экономические и институциональные элементы, наиболее полно отражает функционирование современного государства в условиях глобализации и усложнения международных отношений.

Современное государство не отвергло учение Бодена, а трансформировало его, адаптировав к условиям демократии, конституционализма и международного правопорядка для здорового поддержания баланса международных взаимоотношений и суверенитета каждой отдельной страны.

Список литературы:

[1] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996.

[2] Скиннер К. Основы современной политической мысли. Т. I. Кембридж: Cambridge University Press, 1978.

[3] История политических и правовых учений: учебник / под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2019.

[4] Мерриам К. История теории суверенитета. Нью-Йорк: Columbia University Press, 1900.

[5] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 84-87.

[6] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 112-115.

[7] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 120-124.

[8] Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 182-185.

[9] Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 185-188.

[10] Альтузий И. Политика, изложенная методически / пер. с лат.; вступ. ст. и коммент. В. С. Нерсесянца. М.: Канон+, 2011. С. 87-94, 112-118.

[11] Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 171-175.

[12] Бьюкенен Д. О праве королевской власти у шотландцев / пер. с лат.; вступ. ст. и коммент. М.: Юридическая литература, 2003. С. 45-53, 61-64.

[13] Суарес Ф. О законах и Боге-законодателе / пер. с лат.; вступ. ст. и коммент. В. С. Нерсесянца. М.: Наука, 2007. С. 201-210.

[14] Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 178-182.

[15] Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ.; коммент. М.: Мысль, 2015. С. 263-271; см. также: Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 214-219.

[16] Монтескьё Ш.-Л. О духе законов / пер. с фр.; вступ. ст. М.: Мысль, 2018. С. 151-158; Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М.: Норма, 2016. С. 230-235.

[17] Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем. М.: Мысль, 2019. С. 279-285.

[18] Алексеев С. С. Теория государства и права. М.: Норма, 2018. С. 247-252.

[19] Кутафин О. Е. Суверенитет в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2010. С. 42-48.

[20] Алексеев С. С. Теория государства и права. М.: Норма, 2018. С. 241-246.

[21] Кутафин О. Е. Суверенитет в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2010. С. 35-42.

[22] Чиркин В. Е. Теория государства и права. М.: Юрист, 2019. С. 188-193.

[23] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Юрайт, 2017. С. 214-218.

[24] Морозова Л. А. Теория государства и права. М.: Норма, 2020. С. 167-171.

[25] Малько А. В. Государственная власть: проблемы теории. М.: Юрист, 2016. С. 98-103.

[26] Марченко М. Н. Теория государства и права. М.: Проспект, 2018. С. 256-260.

[27] Тункин Г. И. Теория международного права: монография. М.: Зерцало, 2009. С. 45-48. EDN: QQYCGF

[28] Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 103-110, 120-125, 210-218. EDN: KDDFRV

[29] Тиунов О. И. Международное право и правовая система Российской Федерации: монография. М.: Норма, 2004. С. 45-52, 78-85, 110-118.

[30] Международное право: учебник / отв. ред. К. А. Бекяшев. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2019. С. 95-110, 412-420.

[31] Алексеев С. С. Теория государства и права. М.: Норма, 2018. С. 241-246.

[32] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 130-134.

[33] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп.).

[34] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 140-145.

[35] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 146-150.

[36] Кутафин О. Е. Суверенитет в конституционном праве Российской Федерации. М.: Юрист, 2010.

[37] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 210-218.

[38] Хабермас Ю. Между фактами и нормами. Кембридж: Polity Press, 1996.

[39] Боден Ж. Шесть книг о государстве / пер. с фр. М.: Наука, 1996. С. 160-168.

[40] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.

[41] Кроуфорд Дж. Создание государств в международном праве. Оксфорд: Oxford University Press, 2006.

[42] Устав Организации Объединённых Наций: подписан 26 июня 1945 г.

References:

[1] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996.

[2] Skinner K. Fundamentals of Modern Political Thought. T. I. Кембридж: Cambridge University Press, 1978.

[3] History of political and legal teachings: textbook/ed. V. S. Nersesyants. M.: Norma, 2019.

[4] Merriam K. History of sovereignty theory. Нью-Йорк: Columbia University Press, 1900.

[5] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 84-87.

[6] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 112-115.

[7] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 120-124.

[8] Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 182-185.

[9] Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 185-188.

[10] Altusius I. Policy set out methodically/trans. From lat.; entry. Art. and comment. V. S. Nersesyants. M.: Canon+, 2011. S. 87-94, 112-118.

[11] Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 171-175.

[12] Buchanan D. On the right of royal power in the Scots/trans. from lat.; entry. Art. and comment. M.: Legal literature, 2003. S. 45-53, 61-64.

[13] Suarez F. On laws and the God-legislator/trans. From lat.; entry. Art. and comment. V. S. Nersesyants. M.: Science, 2007. S. 201-210.

[14] Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 178-182.

[15] Locke J. Two treatises on rule/trans. From English; comment. M.: Thought, 2015. S. 263-271; see also: Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 214-219.

[16] Montesquieu S.-L. On the spirit of laws/trans. From fr.; entry. Art. M.: Thought, 2018. S. 151-158; Nersesyants V. S. History of political and legal teachings. M.: Norma, 2016. S. 230-235.

[17] Hegel G.V.F. Philosophy of Law/trans. With German M.: Thought, 2019. S. 279-285.

[18] Alekseev S. S. Theory of State and Law. M.: Norma, 2018. S. 247-252.

[19] Kutafin O. E. Sovereignty in the constitutional law of the Russian Federation. M.: Lawyer, 2010. S. 42-48.

[20] Alekseev S. S. Theory of State and Law. M.: Norma, 2018. S. 241-246.

[21] Kutafin O. E. Sovereignty in the constitutional law of the Russian Federation. M.: Lawyer, 2010. S. 35-42.

[22] Chirkin V.E. Theory of state and law. M.: Lawyer, 2019. S. 188-193.

[23] Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law. M.: Yurayt, 2017. S. 214-218.

[24] Morozova L. A. Theory of state and law. M.: Norma, 2020. S. 167-171.

[25] Malko A. V. State power: problems of theory. M.: Lawyer, 2016. S. 98-103.

[26] Marchenko M.N. Theory of State and Law. M.: Prospect, 2018. PP. 256-260.

[27] Tunkin G.I. Theory of international law: monograph. M.: Zerzalo, 2009. S. 45-48. EDN: QQYCGF

[28] Lukashuk I. I. International law. General part: textbook. 3rd ed., Revised and add. M.: Wolters Kluver, 2005. S. 103-110, 120-125, 210-218. EDN: KDDFRV

[29] O. Tiunov. International Law and the Legal System of the Russian Federation: monograph. M.: Norma, 2004. S. 45-52, 78-85, 110-118.

[30] International law: textbook/rev. ed. K. A. Bekyashev. 6th ed., Revised and add. M.: Norma, 2019. S. 95-110, 412-420.

[31] Alekseev S. S. Theory of State and Law. M.: Norma, 2018. S. 241-246.

[32] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 130-134.

[33] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (amended and supplemented).

[34] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 140-145.

[35] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 146-150.

[36] Kutafin O. E. Sovereignty in the constitutional law of the Russian Federation. M.: Lawyer, 2010.

[37] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 210-218.

[38] Habermas Y. Between facts and norms. Cambridge: Polity Press, 1996.

[39] Boden J. Six books about the state/per. From French M.: Science, 1996. S. 160-168.

[40] Universal Declaration of Human Rights: Adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948

[41] Crawford J. Establishment of States in International Law. Оксфорд: Oxford University Press, 2006.

[42] Charter of the United Nations: signed June 26, 1945

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-252-255

КАБАНОВ Всеволод Алексеевич,
аспирант кафедры истории и теории государства и права,
Российский государственный гуманитарный университет,
e-mail: sevakabanov2020@gmail.com

Научный руководитель:
ДЕНИСЕНКО Владислав Валерьевич,
доктор юридических наук,
профессор кафедры истории и теории государства и права,
Российский государственный гуманитарный университет,
e-mail: v.denisenko@odin.mgimo.ru

СУБЪЕКТ ПРАВА В СОЦИО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ Б. ЛАТУРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. *В статье исследуется концептуализация субъекта права в социо-правовой теории Б. Латура. Отправной точкой анализа выступает латурианское понимание права как автономного модуса существования, обладающего собственной онтологией и несводимого к формальным предписаниям или социально-властным отношениям. Автор рассматривает ключевые элементы этой онтологии, а именно акторно-сетевую природу права и особенности процедуры веридикции (установления истины). Особое внимание уделяется понятию «квази-субъекта», которое Б. Латур вводит для преодоления субстанциального понимания субъекта. Показывается, что в латурианской перспективе правовой субъект не обладает фиксированной сущностью, а полностью совпадает с процессом собственной субъективации, которая осуществляется через объективацию в правовых процедурах, текстах и делах. В заключении формулируются преимущества (внимание к объектно-процедуральному измерению, нередукционизм) и недостатки (недостаточный учет правосознания) латурианского подхода, а также намечаются пути его дополнения для более полного теоретико-правового описания субъекта.*

Ключевые слова: *субъект права, правосубъектность, онтология права, правовой модус существования, веридикция.*

KABANOV Vsevolod Alekseevich,
Postgraduate Student,
Department of History and Theory of State and Law,
Russian State University for the Humanities

Scientific supervisor:
DENISENKO Vladislav Valerievich,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of History and Theory of State and Law,
Russian State University for the Humanities

THE LEGAL SUBJECT IN B. LATOUR'S SOCIO-LEGAL CONCEPT: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

Annotation. *The article examines the conceptualization of the legal subject in B. Latour's socio-legal theory. The starting point of the analysis is Latourian understanding of law as an autonomous mode of existence, possessing its own ontology and irreducible to formal prescriptions or socio-power relations. The author examines the key elements of this ontology, namely the actor-network nature of law and the features of the procedure of veridiction (establishing truth). Special attention is paid to the concept of the «quasi subject», which B. Latour introduces to overcome the substantial understanding of the subject. It is shown that in the Latourian perspective, the legal subject*

does not possess a fixed essence but completely coincides with the process of its own subjectivation, which is carried out through objectification in legal procedures, texts, and cases. In conclusion, the advantages (attention to the object-procedural dimension, non-reductionism) and disadvantages (insufficient consideration of legal consciousness) of the Latourian approach are formulated, and ways to supplement it for a more complete theoretical and legal description of the subject are outlined.

Key words: *legal subject, legal personality, ontology of law, legal mode of existence, veridiction.*

В социальной мысли Б. Латура праву отводится особое место. Исследователь настаивает на наличии у права собственной онтологии, несводимой ни к формальным предписаниям, ни к социально-властным отношениям. Право функционирует на своих собственных основаниях, осуществляя консолидацию общества посредством выстраивания нередуцируемых связей общими нормами и отдельными делами [4, с. 262]. Это позволяет Б. Латуру говорить о праве как об отдельном модусе существования, выделяемым им наравне с политикой, религией и другими [7, p. 359].

Между тем, современная юридическая наука исходит из признания фундаментального, определяющего значения правового субъекта. Вслед за И.Л. Честновым можно утверждать, что в современной теории права субъект должен рассматриваться как «центр правовой системы, её творец и постоянный деятель» [6, с. 398-399]. В связи с этим представляется необходимым поставить вопрос о субъекте права в латурианской перспективе. Обращение к данной проблеме позволит не только выявить особенности альтернативной концептуализации правового субъекта, но и исследовать основные положения теории права Б. Латура в целом.

Прежде всего требуется подробнее разобрать понимание права как модуса существования. Подобная характеристика означает, что право - это самостоятельная область, объединяющая различные материально-символические элементы и обладающая собственными процедурами веридикции (установления истины) [2, с. 219-220]. Эти элементы модуса существования организованы внутри него по сетевому принципу и называются акторами. Последними могут быть не только люди: «правовая система складывается с помощью папок, библиотеки, заседаний» [3, с. 245]. За акторами признается агентность, то есть, способность оказывать воздействие на правовой процесс и его результаты.

Тем самым онтология права описывается Б. Латуром посредством инструментария акторно-сетевой методологии. В указанной модели акторы не существуют до их встраивания в сеть. Именно сеть устанавливает окончательную конфигурацию актора, локализуя его в дискурсивно-символическом порядке. Как указывает Б. Латур, «его [права] внутренняя логика может прояснить некоторые черты того, что заставляет ту или иную связь существовать дольше и распространяться шире» [3, с. 18]. Так, включаясь в правовую сеть, человек становится стороной сделки, а его имущество приобретает качество объекта гражданского правоотношения. При этом актор не редуцируем ни к материальному, ни к символическому компонентам, а представляет собой их единство.

Причастность к правовой системе обеспечивается через прохождение специфичных процедур веридикции. Б. Латур предлагает использовать для описания правовой веридикции следующую формулу: «А – это В в смысле статьи С» [4, с. 263]. Иными словами, право основано на квалификации конкретного случая в соответствии с правовыми нормами. Процедурность в принятии решении для права важнее материальной истины. В связи с этим мыслитель проводит жесткое разграничение науки и права: если первая основана на вычленении «сущности феномена», то для права достаточно соответствующей категоризации [4, с. 263]. Это позволяет праву сохранять большую устойчивость при регулировании общественных отношений. Ранее установленный в суде факт становится преюдицией, а корректно пройденная процедура позволяет человеку изменить свой статус вне зависимости от последующих событий. В науке же, напротив, статус-кво всегда подлежит оспариванию. Феномен регулярно изучается и переосмысливается с целью более полного постижения его сути при помощи новых методов и средств. Наука работает в соответствии критерием фальсифицируемости, введенным К. Поппером [5, с. 63], постоянно признавая свою неполноту и незавершенность.

Процесс «прохождения» права может нарушаться, если его ключевые характеристики как регулятора подвергаются сомнению. Первую опасность представляют сбой попытки редуцировать право к иным социальным феноменам, предпринимаемые в рамках экстерналистских интерпретаций права [4, с. 294]. В них право превращается в явление, полностью детерминируемое социально-властными или экономическими отношениями. Это не только размывает норматив-

ность права, но и представляет собой плохую объяснительную рамку: динамика права и его формы намного сложнее и непредсказуемее, чем это выражено в экстернализме. Не менее негативно характеризуется правовой формализм (нормативизм). Хотя он исходит из интерналистских позиций, право не может отождествляться с системой правовых норм. Как заключает Б. Латур, норма права «продвигается извилистыми путями и только вместе со всем остальным» [4, с. 303]. Латурианская правовая онтология в интерналистском ключе признает автономию права, однако исходит из понимания права как процесса, соединяющего частные случаи и правовые нормы через прохождение соответствующих процедур.

Правовая веридикция с учетом подобной онтологической позиции оказывается «тавтологичной»: не отсылая к внешним для него критериям, право определяется через само себя. Как подмечает исследователь, «хотя для экспертов в области права может быть очевидно, что нечто является “юридически истинным или ложным”, для любого человека, находящегося вне права — то есть, за редкими исключениями, практически для всех остальных — полной неожиданностью оказывается то, что право может одновременно приобретать такое большое значение и занимать так мало места [Перевод мой – В.К.]» [7, p. 361]. Корректность оформления документов, наличие подписей, соответствие сроков, наличие у органа соответствующих полномочий представляется, без всяких сомнений, крайне важным для юриста, тогда как для обывателя это кажется исключительно избыточным формализмом.

Получается, что, хотя первоначально в онтологии Б. Латура акторы уравниваются в своей агентности, полноценное прохождение права оказывается невозможным без правового субъекта. Именно юрист как один из субъектов права, обладающий особым правосознанием, играет основополагающую в утверждении его процессуальной истины. Согласно Б. Латуру, «объективность права имеет странность, состоящую в том, что оно в прямом смысле слова не имеет объекта, а целиком и полностью связано с производством определенного психического состояния, телесного гексиса, и никогда не бывает в состоянии полностью отказаться от своей способности суждения, апеллируя к неоспоримым фактам» [4, с. 268].

Однако, если говорить о субъекте права в целом, то как именно он «существует» в рамках данной онтологии? И что именно позволяет ему стать субъектом?

Предварительным условием формирования правового субъекта является возникновение субъекта политического. Именно политика как модус существования, согласно Б. Латуру, призвана создавать субъекты посредством создания коллективов. Именно посредством совместного обсуждения, собрания для решения проблем происходит артикуляция и интересов конкретного субъекта, и интересов общества в целом [7, p. 373]. Без приобщения к коллективному состоянию субъект оказывается невозможен; более того, его возникновение совпадает с возникновением этого самого состояния. Исследователь особенно подчеркивает, что возникновение субъекта не имеет ничего общего с доколлективным «естественным» состоянием [7, p. 373].

Правовой же субъект возникает как продолжение этого субъекта. Право связывает субъектов между собой, фиксируя их договоренности и разрешая их споры [7, p. 374]. Если в политическом модусе существования субъект только возникает, то в праве он окончательно оформляется, обретая положение и протяженность в пространстве. Фактически речь идет о понимании права как правовой коммуникации. Согласно В.В. Денисенко, право исходит из интерсубъективности, то есть, из идеи, что правовой субъект может существовать лишь во взаимодействии с другими субъектами [1, с. 310]. При этом в латурианской перспективе «каркасом» интерсубъективного взаимодействия выступает его объективизация в текстах, делах, процедурах.

Отдельно хотелось бы обратить внимание на особенность употребляемой исследователем терминологии. Говоря о субъекте, он использует термин квази-субъект [7, p. 371]. Подобным образом он стремится отказаться от субстанционального понимания субъекта, перенеся последнего в область действия. Субъект не обладает фиксированной, самодостаточной сущностью, напротив, он определяется через особенности его существования. Можно заключить, что латурианский правовой субъект полностью совпадает с процессом собственной субъективации. Описание субъекта права в таком случае производится через выявление особенностей его становления и его отношения к иным элементам правовой сети.

Подводя итог, хотелось бы отметить возможные преимущества и недостатки концептуализации субъекта права, предлагаемой Б. Латуром, для теоретико-правовой науки. Главным преимуществом является внимание к объектно-процедуральному измерению правосубъектности. Именно формы взаимодействия внутри правовой сети признаются ключевыми для процесса правовой субъективации, что позволяет отследить отдельные практики и пути формирования правового субъекта. Нередукционистская и неэссенциа-

листская концептуализация субъекта права способствует его постижению с учетом сложности и динамизма правовой системы.

Однако у теории есть и недостатки. Б. Латур, как указывалось выше, признает необходимость определенного психического состояния субъекта для «прохождения» права, однако подробного анализа условий, факторов и особенностей формирования сознания правового субъекта не предлагается. В связи с этим латурианская концепция должна быть дополнена в части описания внутренних, а не объективизированных предпосылок формирования правового субъекта. Только посредством обращения к изучению правосознания данная теория обретет полную описательную полноту и ясность.

Список литературы:

[1] Денисенко В.В. Интерсубъективность как характеристика воли гражданина в постклассической юриспруденции // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2025. №2 (61). С. 309-313.

[2] Латур Б. Биография одного исследования: к работе о модусах существования // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. Т. 27. №. 1 (116). С. 217-244.

[3] Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.

[4] Латур Б. Фабрика права. Этнография государственного совета. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 328 с.

[5] Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

[6] Честнов И.Л. Постклассическая теория права. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

[7] Latour B. An inquiry into modes of existence: An anthropology of the Moderns. Cambridge, London: Harvard University Press, 2013. 486 p.

References:

[1] Denisenko V.V. Intersubjectivity as a characteristic of the will of a citizen in post-classical jurisprudence//Vestnik VSU. Series: Right. 2025. №2 (61). S. 309-313.

[2] Latour B. Biography of one study: to work on modes of existence//Philosophical and literary journal “Logos.” 2017. VOL. 27. №. 1 (116). S. 217-244.

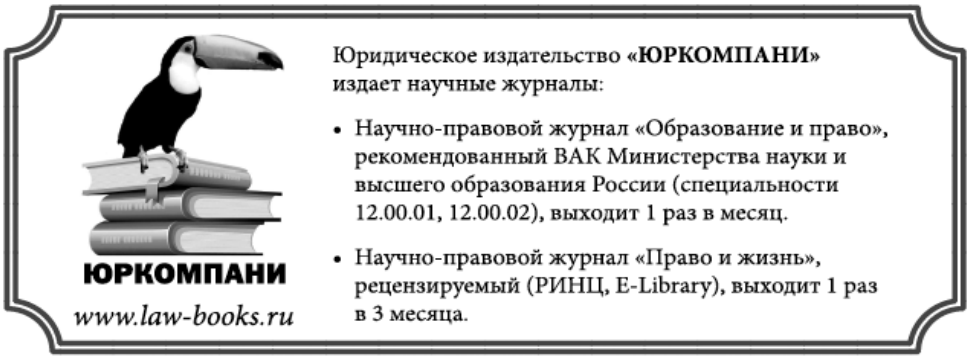
[3] Latour B. Social reassembly: an introduction to actor-network theory. M.: Ed. House of the Higher School of Economics, 2014. 384 pp.

[4] Latour B. Law Factory. Ethnography of the Council of State. M.: Ad Marginem Press, 2024. 328 pp.

[5] Popper K. Logic of scientific research//Popper K. Logic and the growth of scientific knowledge. Selected works. M.: Progress, 1983. 605 p.

[6] Chestnov I.L. Postclassic theory of law. St. Petersburg: Alef-Press Publishing House, 2012. 650 s.

[7] Latour B. An inquiry into modes of existence: An anthropology of the Moderns. Cambridge, London: Harvard University Press, 2013. 486 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-256-260

АНДРЕЕВА Ирина Анатольевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России,
e-mail: irinandreeva3812@rambler.ru

ДИАЛЕКТИКА СУВЕРЕНИТЕТА И СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИИ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Аннотация. *Статья посвящена эволюции доктринальных представлений о соотношении государственного суверенитета и права индивида на свободу передвижения в истории правовой мысли, это позволило наметить концептуальные модели решения данной проблемы. Эволюция доктринальных представлений о соотношении государственного суверенитета и прав человека в миграционно-правовом поле состоит в постепенном переходе от естественно-правового обоснования свободы передвижения через позитивистское закрепление суверенного контроля к современной модели суверенитета, сопряженного с обязательствами в сфере защиты прав мигрантов.*

Ключевые слова: *суверенитет, свобода передвижения, миграция, история правовой мысли, международное миграционное право, естественное право, позитивизм, права человека.*

ANDREEVA Irina Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor of the department of state law disciplines,
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia

THE DIALECTIC OF SOVEREIGNTY AND FREEDOM MOVEMENTS IN THE HISTORY OF LEGAL THOUGHT

Annotation. *The article is devoted to the evolution of doctrinal ideas about the relationship between state sovereignty and the individual's right to freedom of movement in the history of legal thought, from the Spanish scholastics of the 16th century to modern concepts of global migration management, which allowed us to outline conceptual models of the relationship between sovereignty and freedom of movement. The evolution of doctrinal ideas about the relationship between state sovereignty and human rights in the migration and legal field consists in a gradual transition from the natural legal justification of freedom of movement through the positivist consolidation of sovereign control to the modern model of sovereignty, coupled with obligations in the field of protection of migrants' rights.*

Key words: *sovereignty, freedom of movement, migration, history of legal thought, international migration law, natural law, positivism, human rights.*

Актуальность исследования обусловлена тем, что понимание концептуальных моделей, сложившихся в истории, позволяет не только глубже осмыслить истоки современных противоречий, но и выработать более взвешенные подходы к регулированию миграционных процессов. Проблематика соотношения государственного суверенитета и свободы передвижения людей является одной из фундаментальных тем в истории правовой мысли. С момента зарождения науки международного права вопросы въезда, пребывания и выдворения иностранцев служили тем концептуальным полем, на котором осмыслялись пределы государственной власти, природа суверенитета и основания защиты индивида за пределами отечества. Как справедливо отмечает ведущий современный исследователь в сфере международного миграционного права В. Четейл, «миграция была в центре первых размышлений о международном праве через устойчивую диалектику между суверенитетом и гостеприимством» [7, с. 901]

Франсиско де Витория (1483–1546) обосновывал универсальное право на путешествия и передвижение (ius peregrinandi), вытекающее из единства человеческого рода и естественного

права на общение (naturalis societas et communicationis). В своей знаменитой лекции «Об индейцах» он аргументировал право испанцев путешествовать и селиться в странах варваров, пока они не причиняют им вреда [7, с.903; 4]. В его концепции право на передвижение рассматривалось как норма, обязательная для всех государств, основанная на естественной общительности людей и освященная веками традицией гостеприимства, а его ограничение – как исключение, требующее обоснования.

Гуго Гроций (1583-1645) в труде «О праве войны и мира» развивал идеи естественного права применительно к передвижению людей в целях решения конкретной проблемы, аналогичной поставленной Витория, речь идет об аргументации права голландцев плыть в направлении американских индейцев и торговать с ними. Гроций рассматривал свободу передвижения как естественное право человека, вытекающее из принципов общего пользования землей и открытого моря [3, с. 207]. Он обосновывал право на миграцию, доступ к ресурсам и мирный транзит.

Самуэль фон Пуфендорф (1632–1694) совершил поворот в сторону государственного суверенитета. Он полагал, что государство может решать, на каких условиях оно готово допустить иностранцев к пользованию своими благами, а также имеет полное право не допускать тех, чье присутствие может вызвать внутренние беспорядки или истощить его ресурсы. Гостеприимство утрачивало характер юридической обязанности, превращаясь в дело благотворительности [11] .

Эмер де Ваттель (1714–1767) предложил синтез двух начал: права суверена контролировать въезд, с одной стороны, и гуманитарных исключений, продиктованных естественным правом, с другой. Согласно Ваттелю, нельзя «лишить народы общего права путешествовать по земле, общаться, торговать друг с другом по справедливым причинам. Хозяин страны может отказать от въезда в страну только в определенных случаях, когда считает его вредным или опасным» [13, с. 351]. Хотя он сам себя называл приверженцем теории естественного права, в его концепции право свободно передвигаться по территории предоставлено не человеку по его природе, а представителям наций (государств), оно также ограничено правом государства транзита защищать свои интересы и безопасность. Ваттель стремится найти баланс между правом суверена контролировать въезд на свою территорию для обеспечения безопасности и «естественным законом», способным обеспечивать «справедливые» отношения между государствами. Как и его предшественники, он ставит размышления о мобильности людей в центр размышлений о мирных отношениях между государствами и об установлении международного порядка.

Таким образом, уже в XVI–XVIII вв. сложились три основные модели соотношения суверенитета и права человека на миграцию (пересечение государственных границ). Во-первых, естественно-правовая модель приоритета свободы передвижения над суверенитетом (Ф. де Витория, Г. Гроций), основанная на первичности права на общение, вытекающего из единства человеческого рода. Суверенитет признается, но ограничен естественным правом, государство не может произвольно запрещать въезд иностранцам, если пребывание не наносит реального вреда. Во-вторых, модель примата суверенитета государства, в которой государство имеет неограниченное право на усмотрение в решении миграционных вопросов (С. фон Пуфендорф). В-третьих, модель баланса суверенитета и свободы передвижения (Э. де Ваттель), основанная на разумных ограничениях сувереном права передвижения.

Естественная свобода передвижения рассматривалась как основа международной торговли и коммуникации между народами. Постепенно формировалось представление о том, что государство вправе определять условия въезда и пребывания иностранцев, хотя это право не приобрело того абсолютного характера, который свойственен XIX в. Суверенитет осмыслялся через право контролировать границы, но с признанием естественно-правовых ограничений, проистекающих из универсального человеческого общения. Права человека еще не сформировались как самостоятельная категория, но уже присутствовали в виде доктринальных представлений о «естественной свободе» передвижения и гостеприимстве.

XIX век ознаменовался переходом от естественно-правового мышления к юридическому позитивизму, отказываясь от умозрительных естественно-правовых построений юристы обратились к изучению договоров, обычаев и национального законодательства. Поиск оснований международного правопорядка приобрел чрезвычайную остроту [5, с. 184, 188] ввиду отсутствия международно-правового суверена, к воле которого можно было бы свести проблему возникновения международного права сообразно господствовавшей этатистской версии юридического позитивизма.

Август Вильгельм Гефтер (1796-1880), прусский юрист, автор фундаментального труда «Европейское международное право» (1844) создал в позитивистском контексте обоснование свободы передвижения через логику обычая: государства, вступая в международное общение, не могут отка-

зать в допуске подданных дружественного государства. При этом каждое государство сохраняло право определять условия въезда и пребывания иностранцев. [1, с. 3]. Российский ученый Ф.Ф. Мартенс развивал этот подход, утверждая, что государства как члены международной ассоциации обязаны предоставлять покровительство закона всем лицам на своей территории. Однако, подчеркивал он, «Каждое государство, в силу своего самодержавия, имеет, несомненно, право определить условия, при которых оно согласно допустить иностранцев на свою территорию» [6, с. 162].

В этой конструкции позитивизм обнаруживал свою амбивалентность: он мог как обосновывать свободу передвижения, так и легитимировать ее ограничение. Примечательно, что в век утверждения национального суверенитета и утверждения суверенного контроля за государственными границами долгое время сохранялась приверженность идее открытых границ. Специалисты международного права, за немногими исключениями, придерживались либерального подхода к перемещению людей через границы. Это можно объяснить влиянием либеральной идеологии, приобретшей значительное влияние и активно выступавшей за устранение барьеров в торговле и передвижении. О стремлении придать свободе передвижения позитивистское обоснование через договорные источники права свидетельствует деятельность Института международного права (основанного в 1873 г.), который с самого начала занялся кодификацией гражданского права, в том числе в сфере миграции. Формулируя общие принципы, ученые института пытались сбалансировать идею суверенитета государств (в вопросах решении о въезде, высылке и др.) с защитой прав человека мигрантов [8, с. 639]. Однако этот либеральный режим глобальной мобильности имел существенный нюанс: он был основан на сети торговых договоров в узких цивилизационных рамках Как отмечает Ф. Мегре, «право Запада на мобильность людей было неотъемлемой частью логики империализма, обязательством, налагаемым на незападные страны держать свои границы открытыми» [10].

Позитивистская модель обосновывала свободу передвижения через договоры и обычаи международного общения. Право на миграцию, которое ранние теоретики международного права часто приписывали человеческой личности, в XIX и XX вв. признавалось только через права государств. Основания свободы передвижения были найдены в принципах, регулирующих отношения между нациями, а не в естественных правах индивида (иностранца). Государство имеет право на то, чтобы другие государства относились к его гражданам так же, как и к гражданам других наций. Подчеркивая равное право всех путешествовать и селиться за границей, позитивистская доктрина право ясно дает понять, что такое право вытекает из равенства государств, а не людей. Это означает, что готовность суверенных государств осуществлять дипломатическую защиту миграционных прав своих граждан может стать основой прочного режима транснациональной мобильности. Следует отметить актуальность идеи, высказываемой юристами-международниками XIX в., о том, что в условиях всеобщей взаимозависимости необходимо, чтобы государства действовали на основе взаимности. Роль государства происхождения как источника защиты для мигрантов особенно важна, когда человек еще не обладает правами мигранта, но его универсальные права человека мало что значат.

В новых условиях XX в. и особенно после Первой мировой войны оппозиция между суверенитетом и правом на передвижение, заложенная еще в трудах С. фон Пуфендорфа и Э. де Ваттеля проявилась в противостоянии между англосаксонской и континентальной доктринами. Принцип суверенитета государств пользовался поддержкой большинства англосаксонских теоретиков начала XX в., в то время как принцип взаимозависимости государств поддерживался юристами континентальной Европы [9, с. 71]. В. Четейл даже говорит о «профессиональном и культурном разрыве между англо-американскими юристами и юристами континентальной Европы», отражающем «неоднозначную практику того времени и растущее противостояние между странами иммиграции и странами эмиграции» [9, с. 73].

Правозащитная модель, сложившаяся во второй половине XX в. предлагает принципиально иное решение диалектики суверенитета и свободы передвижения по сравнению с предшествующими моделями. Государственный суверенитет ограничивается международными обязательствами в области прав человека. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. закрепляет право каждого человека покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну, а также свободу передвижения внутри страны (ст. 13.) Однако право въезда в чужое государство не признается как право человека, исключение составляет право искать убежище от преследования (ст.14), в этом отношении суверенитет государства сохраняется в значительной степени.

Как отмечал еще в 1930-е гг. А. Фердросс, «государства обязаны по праву людей уважать в иностранцах достоинство человеческой личности, признавая за ними права, необходимые для этой

цели» [9, с. 84]. Эта идея становится нормативной основой правозащитной модели. Государство, осуществляя свою суверенную власть на границах, связано обязательствами, вытекающими из признания универсальных прав человека, независимо от его миграционного статуса. Правозащитная модель вводит также категорию уязвимости мигранта, которая создает дополнительное ограничение суверенной дискреции. Еще одним важным элементом этой модели является принцип не высылки, первоначально закрепленный в Конвенции о статусе беженцев 1951 г., который запрещает государствам принудительно возвращать беженцев в страны, где их жизни или свободе угрожает опасность.

Правозащитная модель развивалась по двум направлениям: растворение прав мигрантов в общем режиме защите права человека и создание специальных режимов защиты отдельных категорий мигрантов. Это создает сложную и фрагментарную картину, в которой соотношение суверенитета и свободы передвижения варьируется в зависимости от категории мигранта.

Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г. [2] развивает правозащитную модель, признавая, что ни одно государство не может самостоятельно решать вопросы миграции», хотя в нем и делается оговорка об уважении суверенитета государств и учете их обязательств по международному праву.

В XXI в. проблема соотношения суверенитета и свободы передвижения приобрела новую остроту. Глобализация и рост миграционных потоков требуют международного сотрудничества, но государства все более ревностно охраняют суверенитет в вопросах контроля границ. Современные исследователи постоянно фиксируют сохраняющееся напряжение. Австралийская исследовательница П. Раштон в недавней работе отмечает следующий парадокс, чем в большей степени происходит ослабление суверенитета современных государств, тем настойчивее они оправдывают создание барьеров для мигрантов, апеллируя к концепции суверенитета [12, с. 254].

Таким образом, эволюция доктринальных представлений отражает постепенный переход от абсолютной модели суверенитета к модели ограниченного суверенитета, сопряженного с обязательствами в сфере защиты прав мигрантов. Ключевыми точками трансформации стали обоснование естественного права на общение, разработка концепции дипломатической защиты, формирование международных стандартов обращения с иностранцами и признание прав человека универсальной ценностью. Диалектика суверенитета и свободы передвижения не может быть разрешена окончательно, она всякий раз воспроизводится в конкретных исторических условиях через поиск баланса между притязаниями государственной власти и требованиями человечности, между необходимостью контроля и признанием универсальных прав человека. Понимание этой диалектики – необходимое условие для выработки сбалансированных и эффективных решений в области управления миграционными процессами.

Список литературы:

[1] Гефтер А.-В. Европейское международное право / пер. К. Таубе. –СПб., 1880. – 619 с.

[2] Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (Принят Резолюцией ГА ООН 19.12.2018 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://docs.un.org/ru/A/RES/73/195.

[3] Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт с изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.

[4] Иванова Ю.В. Ad Marginem socialitatis: логика войны Франсиско де Витория // Артикульт. – 2014. – № 13. – С. 10-25.

[5] Краевский А.А. Действительность и действенность международного права в чистом учении о праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Право. – 2021. – № 1. – С. 184- 204

[6] Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов. В 2-х тт. – М.: «Зерцало», 2008. – Т. 1. – 209 с.

[7] Chetail V. Sovereignty and Migration in the Doctrine of the Law of Nations: An Intellectual History of Hospitality from Vitoria to Vattel // The European Journal of International Law Vol. – 2016. – № 4. – С. 901-922. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.ejil.org/pdfs/27/4/2697.pdf.

[8] Commission d'histoire de l'Institut: Rapport sur le livre du Cent cinquantième anniversaire de l'Institut. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2019/06/Commisssion-dhistoire-Salmon-Travaux-La-Haye-2019.pdf .

[9] Jouzier B., Jouzier B., Fondements théoriques pour une systématique du droit international de la migration. Thèse doctorat en droit. Université Laval Québec, 2024. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://corpus.ulaval.ca/server/api/core/bitstreams/3a28a5f6-ffc3-445a-8998-2c6b89cfca2a/content.

[10] Mégret F. Transnational Mobility, the International Law of Aliens, and the Origins of Global Migration Law // AJIL Unbound. – 2017. – Vol.111. – P. 13-17. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/27003694.

[11] Pufendorf S. von. Le Droit de la nature et des gens, ou Systeme general des principes les plus importans de la morale, de la jurisprudence et de la politique. T. 2. [Электронный ресурс] // Режим

доступа: https://gallica. bnf.fr/ark:/12148/bpt6k-7050546h.r=Samuel%20Pufendorf?rk=21459;2.

[12] Rushton P. Sovereignty, Migration and the Law. – Taylor & Francis, 2024. – 284 p.

[13] Vattel de E. Le droit des gens, ou Principes de la loi naturelle, vol 1, 1758. 460 c. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k865729/f403.item.

References:

[1] A. Gefter European international law/trans. K. Taube. -SPb., 1880. - 619 p.

[2] Global Compact for Safe, Orderly and Legal Migration (Adopted by UNGA Resolution 19.12.2018) [Electronic Resource]//Access Mode: https://docs.un.org/ru/A/RES/73/195.

[3] Grotius G. On the law of war and peace: Reprint from ed. 1956 - M.: Ladomir, 1994. - 868 p.

[4] Ivanova Yu.V. Ad Marginem socialitatis: the logic of the war of Francisco de Vitoria//Articult. – 2014. – № 13. - S. 10-25.

[5] Kraevsky A.A. Validity and effectiveness of international law in pure doctrine of law//Bulletin of St. Petersburg University. - Right. – 2021. – № 1. - S. 184- 204

[6] Martens F.F. Modern international law of civilized peoples. In 2 vols. - M.: “Mirror,” 2008. - VOL. 1. - 209 s.

[7] Chetail V. Sovereignty and Migration in the Doctrine of the Law of Nations: An Intellectual History of Hospitality from Vitoria to Vattel // The European Journal of International Law Vol. – 2016. – № 4. - S. 901-922. [Electronic resource]//Access mode: https://www.ejil.org/pdfs/27/4/2697.pdf.

[8] Commission d’histoire de l’Institut: Rapport sur le livre du Cent cinquantième anniversaire de l’Institut. [Electronic resource]//Access mode: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2019/06/ Commission-dhistoire-Salmon-Travaux-La-Haye-2019.pdf.

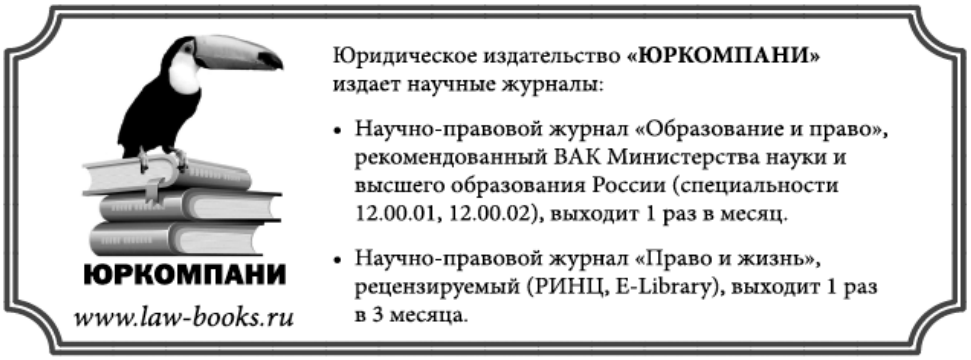
[9] Jouzier B., Jouzier B., Fondements théoriques pour une systématique du droit international de la migration. Thèse doctorat en droit. Université Laval Québec, 2024. [Electronic resource]//Access mode: https://corpus.ulaval.ca/server/api/core/bitstreams/3a28a5f6-ffc3-445a-8998-2c6b89cfca2a/content.

[10] Mégret F. Transnational Mobility, the International Law of Aliens, and the Origins of Global Migration Law // AJIL Unbound. – 2017. – Vol.111. - R. 13-17. [Electronic resource]//Access mode: https://www.jstor.org/stable/27003694.

[11] Pufendorf S. von. Le Droit de la nature et des gens, ou Systeme general des principes les plus importans de la morale, de la jurisprudence et de la politique. T. 2. [Electronic resource]//Access mode: https ://gallica. bnf.fr/ark:/12148/bpt6k7050546h.r=Samuel%20Pufendorf?rk=21459;2.

[12] Rushton P. Sovereignty, Migration and the Law. – Taylor & Francis, 2024. - 284 p.

[13] Vattel de E. Le droit des gens, ou Principes de la loi naturelle, vol 1, 1758. 460 p. [Electronic resource]//Access mode: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k865729/f403.item.



Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-261-266

ЕПИФАНОВ Александр Егорович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры публичного права
и правового обеспечения управления
Института государственного управления и права
Государственного университета управления,
г. Москва, Россия,
e-mail: mvd_djaty@mail.ru

К ВОПРОСУ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли национального государства и права в условиях интенсивных глобализационных процессов, которые кардинально изменяют традиционные представления о суверенитете и правовом регулировании.*

Цель работы заключается в комплексном анализе трансформации современного права и государства под воздействием глобализации, выявлении основных тенденций правовой конвергенции и оценке вызовов национальному суверенитету.

Методология исследования основана на сравнительно-правовом, системном и институциональном анализе, а также на изучении эмпирических данных о влиянии международных организаций и транснациональных корпораций на национальные правовые системы. Основные результаты исследования свидетельствуют о формировании многоуровневой системы правового регулирования, где национальное право все более интегрируется с наднациональными и транснациональными правовыми режимами.

Выводы указывают на необходимость адаптации концепции государственного суверенитета к новым реалиям глобального правового пространства при сохранении демократической легитимности правотворческого процесса.

Ключевые слова: *глобализация, правовая система, национальное государство, суверенитет, транснациональное право, правовая конвергенция, международное право.*

EPIFANOV Alexander Yegorovich,

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Public Law
and Legal Support of Management
Institute of Public Administration and Law
State University of Management,
Moscow, Russia

ON THE TRANSFORMATION OF NATIONAL LAW IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Annotation. *The relevance of the study is determined by the need to rethink the role of the national state and law in the context of intensive globalization processes that fundamentally change traditional concepts of sovereignty and legal regulation. The purpose of the work is to comprehensively analyze the transformation of modern law and the state under the influence of globalization, identify the main trends of legal convergence, and assess the challenges to national sovereignty.*

The research methodology is based on comparative legal, systemic, and institutional analysis, as well as on the study of empirical data on the influence of international organizations and transnational corporations on national legal systems. The main results of the study indicate the formation of a multi-level system of legal regulation, where national law is increasingly integrated with suprana-

tional and transnational legal regimes. The conclusions point to the need to adapt the concept of state sovereignty to the new realities of the global legal space while maintaining the democratic legitimacy of the law-making process.

Key words: *globalization, legal system, national state, sovereignty, transnational law, legal convergence, international law.*

Современная эпоха характеризуется беспрецедентной интенсивностью глобализационных процессов, которые затрагивают все сферы общественной жизни, включая право и государственность. Актуальность исследования трансформации права и государства в условиях глобализации определяется необходимостью понимания того, как традиционные институты национального государства адаптируются к новым вызовам транснационального характера. Глобализация создает принципиально новую правовую реальность, где границы между внутренним и международным правом становятся все более размытыми, а национальные правовые системы испытывают возрастающее давление со стороны наднациональных и транснациональных правовых режимов [9, с. 28].

Степень научной разработанности проблемы свидетельствует о высоком интересе исследователей к данной тематике. Фундаментальные работы У. Бека, Э. Гидденса и Р. Робертсона заложили теоретические основы понимания глобализации как многомерного процесса. В области правовых исследований значительный вклад внесли работы Г. Тойбнера о глобальном праве, А. Слотер о новом мировом порядке и Н. Уокера о конституционализме за пределами государства.

Отечественная наука представлена исследованиями В.Д. Зорькина, С.А. Авакьяна [1], В.Е. Чиркина, которые анализируют влияние глобализации на российскую правовую систему. Однако динамичность глобализационных процессов требует постоянного переосмысления их воздействия на право и государство, что обусловливает необходимость новых исследований в данной области.

Понятие и сущность глобализации в правовом контексте представляют собой сложный феномен, который не может быть сведен к простому расширению международно-правового регулирования. Правовая глобализация характеризуется формированием транснациональных правовых режимов, которые действуют параллельно с национальными правовыми системами и зачастую имеют приоритет над ними. Этот процесс включает в себя не только гармонизацию правовых норм различных государств, но и создание принципиально новых форм правового регулирования, которые выходят за рамки традиционной вестфальской модели государственного суверенитета.

Глобализация права проявляется в возникновении глобальных правовых сетей, где государственные и негосударственные акторы взаимодействуют в рамках сложных многоуровневых структур управления [7, с.169].

Трансформация права, происходящая под влиянием глобализации, на первый взгляд, сводится к следующим основным моментам:

1. Унификация – на современном этапе мировое сообщество стремится к выработке единых правовых норм, стандартов, правил. Этот процесс охватывает различные отрасли права, от торгового и финансового до экологического и уголовного, создавая общую платформу для международного взаимодействия. В рамках унификации усиливаются международно-правовые нормы, принципы, для того, чтобы обеспечить единство правового регулирования, издаются международные правовые акты (конвенции, договоры и проч.), которые ратифицируются государствами.

2. Интеграция – еще один ключевой процесс, обусловленный глобализацией. Интеграция, прежде всего, означает сближение. Правовые системы постепенно сближаются, развиваются не порознь, а, наоборот, сообщая. Здесь важным моментом является взаимная рецепция правовых систем – это процесс, в рамках которого обобщается практика правового регулирования различных государств и наиболее успешные методы, инструменты, внедряются в национальные правовые системы [7, с.93].

Параллельно с унификацией и интеграцией происходит гармонизация национальных правовых систем, которая предполагает не полное слияние различных правовых традиций, а их взаимное приспособление и согласование. Данный процесс особенно заметен в рамках региональных интеграционных объединений, где государства-члены постепенно сближают свои законодательства для обеспечения эффективного функционирования общего правового пространства.

Существенной характеристикой современной трансформации права является формирование транснациональных правовых режимов, которые выходят за рамки традиционной межгосударственной системы. Эти режимы включают в себя не только международные договоры и конвенции, но и мягкое право, создаваемое международными организациями, профессиональными ассоциациями и даже частными субъектами.

Особую роль в этом процессе играют транснациональные корпорации, которые фактически создают собственные правовые стандарты, распространяющиеся через глобальные цепочки поставок и международные контракты. Важным аспектом трансформации является изменение самой природы правотворчества, которое все больше приобретает многоуровневый характер. Национальные парламенты и правительства вынуждены учитывать не только внутренние потребности, но и международные обязательства, рекомендации наднациональных институтов и требования глобальных рынков.

Изменение роли национального государства в правотворчестве представляет собой один из наиболее значимых аспектов правовой глобализации. Традиционная монополия государства на создание права подвергается серьезным вызовам со стороны наднациональных и транснациональных правовых режимов.

М.Н. Марченко отмечает в числе тенденций развития права в условиях глобализации нарастающее и все более усиливающееся влияние на характер отношений национального государства и права национальных правовых институтов, усиление взаимосвязи и взаимодействия международного права и правовых систем суверенных государств, постепенное «вытеснение» национального государства из сферы прав человека и замену его наднациональными институтами, универсализацию прав человека, которая тесно связана с универсализацией и унификацией права [4, с. 87].

С.А. Авакьян отмечает, что в современных условиях России одной из важнейших особенностей стало существенное расширение предмета конституционно-правового регулирования. Это приводит к проблемам, касающимся не только предмета и объекта конституционного права, но и перспектив развития отрасли права и научных исследований в данной области [1, с. 14].

Национальные парламенты все чаще вынуждены имплементировать в национальное законодательство нормы, выработанные на международном уровне, что ограничивает их дискреционные полномочия в правотворчестве. Особенно ярко эта тенденция проявляется в рамках региональных интеграционных объединений, таких как Европейский союз, где национальные правовые системы государств-членов подвергаются систематическому воздействию наднационального права.

Данный процесс порождает феномен «многоуровневого конституционализма», при котором конституционные принципы реализуются одновременно на национальном, региональном и глобальном уровнях [2, с.23].

Влияние международных организаций на национальное право приобретает все более системный характер и выходит за рамки традиционного международно-правового сотрудничества. Международные организации становятся активными участниками глобального правотворческого процесса, создавая «мягкое право» в виде рекомендаций, стандартов и руководящих принципов, которые de facto обладают нормативной силой.

Всемирная торговая организация, Международный валютный фонд, Всемирный банк и другие международные институты формируют глобальные правовые режимы, которые оказывают прямое воздействие на национальные правовые системы.

Механизмы принуждения к соблюдению международных стандартов включают в себя экономические санкции, условия предоставления финансовой помощи и торговые ограничения, что создает мощные стимулы для государств к адаптации своих правовых систем к международным требованиям.

Глобализация правовых систем проявляется в процессах правовой конвергенции, которые характеризуются сближением правовых норм и институтов различных государств. Этот процесс не является однонаправленным и включает в себя как элементы унификации, так и сохранение национальных правовых традиций.

Правовая конвергенция особенно заметна в сферах коммерческого права, финансового регулирования, защиты прав человека и экологического права, где международные стандарты оказывают наиболее сильное воздействие на национальные правовые системы. Однако процесс конвергенции не является механическим копированием правовых решений, а представляет собой сложное взаимодействие между глобальными стандартами и местными правовыми традициями, результатом которого становится формирование гибридных правовых институтов [3, с.157].

Роль международного права в унификации правовых норм претерпевает качественные изменения в условиях глобализации. Традиционное международное право, основанное на принципе суверенного равенства государств, дополняется новыми формами транснационального правового регулирования, которые создаются с участием негосударственных акторов.

Международные договоры все чаще содержат детальные предписания относительно содержания национального законодательства, что размывает границы между международным и внутригосударственным правом. Особую роль в этом процессе играют международные судебные органы, решения которых формируют преце-

денты, оказывающие воздействие на развитие национальных правовых систем. Европейский суд по правам человека, Международный суд ООН, арбитражные суды по инвестиционным спорам создают транснациональную судебную практику, которая влияет на интерпретацию и применение права на национальном уровне.

Влияние транснациональных корпораций на правовое регулирование представляет собой новый феномен в развитии права, который требует переосмысления традиционных представлений о субъектах правотворчества. Крупные транснациональные корпорации обладают значительными ресурсами для влияния на правотворческий процесс как на национальном, так и на международном уровне. Они активно участвуют в разработке технических стандартов, которые становятся обязательными для всех участников соответствующих рынков.

Корпоративные кодексы поведения, системы саморегулирования и частные арбитражные суды создают параллельные правовые режимы, которые конкурируют с государственным правом. Особенно заметно влияние транснациональных корпораций в сфере цифровых технологий, где технологические платформы фактически устанавливают правила поведения для миллионов пользователей по всему миру [5, с. 474].

Формирование глобального административного права представляет собой один из наиболее интересных аспектов правовой глобализации. Этот феномен характеризуется возникновением транснациональных административных структур, которые осуществляют регулятивные функции в различных сферах общественной жизни. Глобальное административное право включает в себя нормы и процедуры, регулирующие деятельность международных организаций, транснациональных регулятивных сетей и гибридных государственно-частных институтов.

Особенностью глобального административного права является его фрагментированный характер и отсутствие единой иерархической структуры, что создает проблемы координации и подотчетности. Тем не менее, формирование общих принципов административного управления на глобальном уровне способствует повышению эффективности транснационального регулирования и обеспечению минимальных стандартов процедурной справедливости.

Цифровизация как фактор правовой глобализации открывает новые измерения в развитии права и создает беспрецедентные вызовы для традиционных правовых институтов [11, с. 155]. Цифровые технологии размывают территориальные границы применения права и создают виртуальные пространства, которые не подпадают под юрисдикцию какого-либо конкретного государства.

Интернет-платформы, криптовалюты, искусственный интеллект и другие цифровые технологии требуют разработки новых правовых подходов, которые выходят за рамки национальных правовых систем. Цифровизация способствует ускорению процессов правовой конвергенции, поскольку технологические стандарты и протоколы фактически становятся глобальными правовыми нормами. В то же время цифровые технологии создают новые возможности для мониторинга соблюдения правовых норм и обеспечения их исполнения на транснациональном уровне [6, с. 98].

Вызовы и противоречия правовой глобализации проявляются в нескольких ключевых аспектах, которые требуют внимательного анализа и поиска сбалансированных решений. Основным противоречием является конфликт между требованиями глобальной эффективности и демократической легитимности правового регулирования.

Транснациональные правовые режимы часто создаются без участия демократически избранных представителей и не подлежат контролю со стороны национальных парламентов, что порождает «дефицит демократии» в глобальном управлении.

Культурные и правовые различия между государствами создают препятствия для унификации правовых норм и могут приводить к навязыванию западных правовых стандартов незападным обществам. Неравномерность глобализационных процессов приводит к тому, что развивающиеся страны становятся объектами, а не субъектами глобального правотворчества, что усиливает международное неравенство и подрывает принцип суверенного равенства государств [10, с. 257].

Трансформация права в условиях глобализации обладает как положительными, так и негативными последствиями [7, с. 96].

Целесообразно также их выделить и прокомментировать:

– с одной стороны, унификация позволяет заимствовать из международного опыта наиболее приемлемые инструменты, методы правового регулирования. Это, несомненно, положительный момент. Однако, с другой стороны постепенно размываются границы: причем речь здесь идет как о правовой идентичности (право – это неотъемлемый компонент культуры в целом), так и о границах между частными и публичными интересами (возникают трудности в четком понимании, где начинаются частные интересы и где именно заканчиваются интересы государства, общества);

– гибкость, вариативность и подвижность права, конечно, ведут к более эффективному регулированию, позволяют охватить максимальное количество отношений, которые требуют упорядочивания. Но, вместе с тем, в таких условиях не хватает стабильности, устойчивости, особенно когда право постоянно подвергается влиянию изменений;

– право постоянно приводится в соответствие с международными законодательными нормами. Это свидетельствует о его динамичном развитии. Но, в то же время, это создает угрозу рассогласованности: законодатель не успевает своевременно приводить все нормы в состояние согласованности между собой. Возникает множество противоречий;

– право в условиях глобализации постоянно развивается в сторону регламентации качественно новых отношений, которые возникают в результате интенсификации международного взаимодействия и технологического прогресса. Современные правовые системы вынуждены адаптироваться к реалиям цифровой экономики, трансграничного движения капитала и информации, что требует создания принципиально новых правовых институтов и механизмов регулирования. Особенно ярко эта тенденция проявляется в сфере киберпространства, где традиционные границы юрисдикций размываются, а правовое регулирование должно учитывать специфику виртуальных отношений. Глобализация также порождает необходимость гармонизации национальных правовых систем, создания универсальных стандартов и принципов, способных обеспечить эффективное взаимодействие различных правопорядков. Трансформация права происходит не только на уровне содержания норм, но и в плане методов правового регулирования, где все большее значение приобретают мягкие формы права, международные стандарты и принципы саморегулирования. Это свидетельствует о формировании качественно нового правового пространства, характеризующегося повышенной динамичностью и адаптивностью к изменяющимся условиям глобального мира. При этом опять же, порой возникают пробелы, так как право «не успевает» развиваться за еще более динамично развивающимися отношениями, институтами [11, с. 258].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что глобализация кардинально трансформирует современное право и государство, создавая многоуровневую систему правового регулирования, где национальные правовые системы все более интегрируются с наднациональными и транснациональными правовыми режимами.

Традиционная концепция государственного суверенитета требует переосмысления в условиях формирования глобального правового пространства, где государства вынуждены делить правотворческие полномочия с международными организациями, транснациональными корпорациями и другими негосударственными акторами.

Процессы правовой конвергенции и цифровизация ускоряют унификацию правовых норм, но одновременно создают новые вызовы для демократической легитимности и культурного разнообразия правовых систем [12, с. 72]. Необходимо развитие новых механизмов демократического контроля над транснациональными правовыми режимами и обеспечение баланса между глобальной эффективностью и национальными правовыми традициями.

Список литературы:

[1] Авакьян С.А. Тенденции развития конституционно-правового регулирования общественных отношений в современной России // Конституция Российской Федерации: политико-экономические приоритеты: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Омск, 2009. С. 14.

[2] Ильин И. В., Леонова О. Г. Тенденции развития глобализационных политических процессов // Век глобализации. - 2015. - №. 1. С. 21-35.

[3] Малякова А.А., Черевиченко Т.С. К вопросу о проблемах сохранения правовой идентичности в условиях глобализации правовых систем // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10. С.156–157.

[4] Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации// «Издательство» «Проспект», 2015. 400 с.

[5] Пискунова О.В. Динамика права в условиях глобализации // Актуальные проблемы сравнительного правоведения. 2019. № 1. С. 473– 476.

[6] Равочкин Н.Н., Гилев А.В., Гильдт С.А. Трансформации права в условиях глобализации и цифровизации (российский опыт) // Российское право на современном этапе. 2020. № 1. С.96–100.

[7] Смоленский М.Б. Проблемы и перспективы развития российского права в условиях современной глобализации // Наука и образование: хозяйство и экономика. Предпринимательство. Право и управление. 2021. № 3. С. 92–97.

[8] Соловьёва В. В. Влияние глобализационных процессов на трансформацию современного государства // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 168-175.

[9] Старин Б.С. Особенности развития права и процессы мировой глобализации // Закон. Право. Государство. 2022. № 3. С.27–31.

[10] Фурсова С.Р. Трансформация права в условиях глобализации: специфика, проблемы, тенденции / С. Р. Фурсова // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы: материалы VII Всероссийской межвузовской студенческой научной конференции, Москва, 03 декабря 2022 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 257-261.

[11] Епифанов А.Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2. С. 153 – 162.

[12] Епифанов А.Е., Симон А.Л. Ограничение прав и свобод человека: сравнительно-правовой анализ норм российской правовой системы и международного права // Концептуальные подходы к совершенствованию российской правовой системы. / Материалы международной научно-практической конференции. 15 декабря 2016 г. Волгоград: Изд-во ВИУ-ВФ РАНХиГС., 2017. С. 70 – 74.

References:

[1] Avakyan S.A. Trends in the Development of Constitutional and Legal Regulation of Social Relations in Modern Russia // Constitution of the Russian Federation: Political and Economic Priorities: Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conf. Omsk, 2009. P. 14.

[2] Ilyin I.V., Leonova O.G. Trends in the Development of Globalization Political Processes // Century of Globalization. - 2015. - No. 1. Pp. 21-35.

[3] Malyakova A.A., Cherevichenko T.S. On the Issue of Preserving Legal Identity in the Context of Globalization of Legal Systems // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2020. No. 10. Pp. 156-157.

[4] Marchenko M.N. State and Law in the Context of Globalization // Prospect Publishing House, 2015. 400 p.

[5] Piskunova O.V. Dynamics of Law in the Context of Globalization // Actual Problems of Comparative Law. 2019. No. 1. pp. 473–476.

[6] Ravochkin N.N., Gilev A.V., Gildt S.A. Transformations of Law in the Context of Globalization and Digitalization (Russian Experience) // Russian Law at the Current Stage. 2020. No. 1. pp. 96–100.

[7] Smolensky M.B. Problems and Prospects for the Development of Russian Law in the Context of Modern Globalization // Science and Education: Economy and Economics. Entrepreneurship. Law and Management. 2021. No. 3. pp. 92–97.

[8] Solovyova V.V. The Impact of Globalization Processes on the Transformation of the Modern State // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2018. No. 2 (80). P. 168-175.

[9] Starin B.S. Features of the Development of Law and the Processes of World Globalization // Law. Right. State. 2022. No. 3. Pp. 27-31.

[10] Fursova S.R. Transformation of Law in the Context of Globalization: Specifics, Problems, Trends / S. R. Fursova // Legality and Law and Order: History, Modernity, Current Issues: Proceedings of the VII All-Russian Interuniversity Student Scientific Conference, Moscow, December 3, 2022. - Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2023. Pp. 257-261.

[11] Epifanov A.E. On the Issue of Overcoming Gaps and Collisions of Current Legislation in the Law Enforcement Process // Paradigms of Management, Economics and Law. 2020. No. 2. Pp. 153–162.

[12] Epifanov A.E., Simon A.L. Restriction of Human Rights and Freedoms: A Comparative Legal Analysis of the Norms of the Russian Legal System and International Law // Conceptual Approaches to Improving the Russian Legal System. / Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. December 15, 2016. Volgograd: Publishing House of the VIU-VF RANEPA., 2017. Pp. 70–74.

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-267-274
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук, профессор
кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет;
старший научный сотрудник
Уральского научно-исследовательского ветеринарного
института ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ЛОПАЕВА Надежда Леонидовна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: Lopaeva77@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: shilovtsev@mail.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,
старший преподаватель кафедры техносферной безопасности,
Уральский государственный университет путей сообщения;
профессор кафедры техносферной и экологической безопасности,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

МЕРОПРИЯТИЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА НА ПРЕДПРИЯТИИ

Аннотация. *В статье рассмотрен актуальный и важный вопрос, связанный с повышением уровня ответственности работников в области производственной безопасности. Данное направление исследований имеет высокую практическую значимость для современных промышленных предприятий, где вопросы обеспечения безопасности труда становятся все более критичными.*

Ключевые слова: *охрана труда, безопасность, культура безопасности, мебельное производство, мотивация*

.

ILYASOV Oleg Rashitovich,
Doctor of Biological Sciences,
Professor of the Department of Technosphere Safety,
Ural State University of Railway Transport,
Professor of the Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University, Senior Researcher,

Ural Research Veterinary Institute,
Federal State Budgetary Scientific Institution,
Ural Federal Research Center,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

LOPAEVA Nadezhda Leonidovna,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Department of Biotechnology and Food Products,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera Nikolaevna,
senior lecturer of the philosophy department,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey Vladimirovich,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University, Associate Professor
of the Department of Theory, Methodology and Legal Support
of State and Municipal Administration
Ural Federal University

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,
Senior Lecturer, Department of Technosphere Safety,
Ural State Transport University;
Professor, Department of Technosphere and Environmental Safety,
Ural State Agrarian University

ACTIVITIES TO DEVELOP A CULTURE OF INDUSTRIAL SAFETY AT THE ENTERPRISE

Annotation. *This article examines the pressing and important issue of increasing employee responsibility in the area of industrial safety. This area of research has significant practical significance for modern industrial enterprises, where occupational safety issues are becoming increasingly critical.*

Key words: *occupational health and safety, safety culture, furniture production, motivation.*

Цель – разработка комплекса мер по повышению уровня ответственности работников в вопросах безопасности производственных процессов и соблюдения мер личной безопасности при выполнении технологических операций на предприятии мебельного производства.

Для достижения этой цели необходимо выполнить следующие задачи:

– провести анализ существующей ситуации с обеспечением безопасности труда на предприятии мебельного производства;
– исследовать теоретические основы формирования ответственного отношения работников к вопросам производственной безопасности;

Методы исследования - аналитический метод исследования, теоретические и эмпирические методы исследования.

Современное промышленное производство характеризуется возрастающей сложностью технологических процессов, использованием высокотехнологичного оборудования и разнообразных химических веществ, что создает многофакторные риски для здоровья и безопасности работников [1]. В условиях интенсификации производственных процессов и повышения конкурентоспособности предприятий особую актуальность приобретают вопросы формирования ответственного отношения персонала к соблюдению требований охраны труда и промышленной безопасности. Статистические данные свидетельствуют о том, что до 80% производственных происшествий происходят по причине человеческого фактора, что подчеркивает критическую важность работы с сознанием и поведением работников [2].

Мебельное производство, являясь одной из динамично развивающихся отраслей российской

промышленности, характеризуется специфическими рисками, связанными с использованием деревообрабатывающего оборудования, химических веществ в составе лакокрасочных материалов и клеев, а также выполнением разнообразных технологических операций, требующих высокой концентрации внимания и точности движений [3]. Растущие объемы производства и ужесточающиеся требования к качеству продукции создают дополнительную нагрузку на персонал, что может приводить к пренебрежению мерами безопасности в погоне за производственными показателями.

Федеральный закон «О специальной оценке условий труда» и современная концепция риск-ориентированного подхода к управлению охраной труда предъявляют новые требования к организации системы обеспечения безопасности на предприятиях [1]. Однако формальное соблюдение нормативных требований без формирования внутренней мотивации работников к безопасному поведению не обеспечивает желаемого результата. Необходим комплексный подход к повышению уровня ответственности персонала, основанный на современных достижениях психологии труда, теории мотивации и передовых практиках управления человеческими ресурсами.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки научно обоснованной системы мер по повышению ответственности работников в вопросах безопасности производственных процессов, адаптированной к специфике мебельного производства и учитывающей современные тенденции развития системы управления охраной труда [4]. Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов для совершенствования системы обеспечения безопасности труда на предприятиях деревообрабатывающей отрасли и смежных производств.

Комплексный анализ факторов риска на производстве мебели выявляет многоуровневую структуру потенциальных угроз безопасности работников, требующую системного подхода к управлению профессиональными рисками [5]. Технологические процессы мебельного производства характеризуются использованием высокоскоростного режущего оборудования, химически активных веществ, создающих комплекс физических, химических и психофизиологических факторов воздействия на организм человека.

Физические факторы риска занимают доминирующее положение в структуре профессиональных угроз мебельного производства. Шумовое воздействие деревообрабатывающего оборудования создает акустическую нагрузку, превышающую допустимые нормы на 8-15 дБА в зависимости от типа технологической операции. Длительное воздействие производственного шума приводит к развитию профессиональной тугоухости, снижению концентрации внимания и повышению вероятности совершения ошибочных действий работниками [6]. Вибрационное воздействие ручного механизированного инструмента создает локальную вибрацию, способствующую развитию вибрационной болезни и нарушений периферического кровообращения.

Химические факторы риска формируются при использовании различных видов клеев, лаков, красок и растворителей в процессе производства мебели. Летучие органические соединения, входящие в состав лакокрасочных материалов, создают токсическое воздействие на дыхательную систему, печень и нервную систему работников [7]. Формальдегид, выделяющийся из древесностружечных плит, обладает канцерогенными свойствами и требует строгого контроля его концентрации в воздухе рабочей зоны. Пыль древесная, образующаяся при механической обработке материалов, создает риск развития профессиональных заболеваний органов дыхания и аллергических реакций.

Таблица 1. Классификация факторов риска по степени опасности и частоте воздействия

Фактор риска	Степень опасности	Частота воздействия	Количество подвергающихся работников	Приоритет управления
Режущие инструменты и оборудование	Высокая	Постоянная	21	1
Химические вещества ЛКМ	Высокая	Периодическая	9	2
Производственный шум	Средняя	Постоянная	38	3

Фактор риска	Степень опасности	Частота воздействия	Количество подвергающихся работников	Приоритет управления
Древесная пыль	Средняя	Постоянная	25	4
Вибрация	Средняя	Периодическая	13	5
Тяжесть труда	Низкая	Постоянная	12	6

Психофизиологические факторы риска обусловлены особенностями трудового процесса, требующего высокой концентрации внимания, точности движений и быстроты реакции при работе с потенциально опасным оборудованием. Монотонность отдельных операций способствует развитию утомления и снижению бдительности работников. Психоэмоциональные нагрузки, связанные с ответственностью за качество продукции и соблюдение производственных планов, создают дополнительный стресс-фактор, влияющий на безопасность труда [8].

Организационные факторы риска включают недостатки в планировании и организации производственных процессов, неэффективность системы контроля соблюдения требований безопасности, недостаточность обучения персонала и отсутствие мотивационных механизмов безопасного поведения. Нарушения в организации рабочих мест, неправильное хранение материалов и инструментов, недостаточное освещение рабочих зон создают дополнительные риски травмирования работников [9].

Технические факторы риска связаны с состоянием производственного оборудования, качеством его технического обслуживания и своевременностью модернизации. Износ режущих инструментов приводит к увеличению усилий при обработке материалов и повышает вероятность заклинивания заготовок. Неисправности систем блокировки и защиты оборудования создают прямую угрозу безопасности операторов станков.

Человеческий фактор является определяющим элементом в возникновении большинства производственных происшествий, составляя до 80% всех случаев травматизма [10]. Недостаточная квалификация работников, пренебрежение требованиями безопасности, самонадеянность и привычка к риску формируют модели небезопасного поведения. Отсутствие культуры безопасности на предприятии способствует закреплению опасных трудовых навыков и традиций нарушения правил охраны труда.

Формирование культуры безопасности производства представляет собой комплексный процесс создания системы ценностей, норм и практик, направленных на приоритет безопасности во всех аспектах производственной деятельности [10]. В контексте мебельного производства культура безопасности должна интегрировать понимание специфических рисков деревообработки, химического воздействия лакокрасочных материалов и механических угроз сборочных операций в единую систему мировоззрения работников.

Базовым элементом культуры безопасности является формирование общих ценностей организации, где безопасность работников рассматривается как безусловный приоритет перед производственными показателями [11]. Декларация руководства о приверженности принципам безопасности должна подкрепляться конкретными управленческими решениями и ресурсными вложениями. Создание атмосферы открытого обсуждения вопросов безопасности, поощрение инициативы работников в выявлении и устранении опасностей способствует формированию проактивного подхода к управлению рисками.

Информационно-коммуникационная составляющая культуры безопасности включает создание эффективных каналов передачи информации о состоянии охраны труда, планируемых мероприятиях и достигнутых результатах [12]. Регулярные совещания по вопросам безопасности, информационные стенды, электронные рассылки обеспечивают постоянную актуализацию знаний работников о текущих угрозах и способах их предотвращения. Обратная связь от работников позволяет выявлять проблемные зоны и корректировать политику безопасности с учетом практического опыта.

Поведенческие стандарты культуры безопасности определяют конкретные модели поведе-

ния работников в различных производственных ситуациях. Разработка детальных поведенческих протоколов для каждого рабочего места позволяет стандартизировать безопасные приемы труда и создать объективные критерии оценки действий персонала. Система наставничества обеспечивает передачу практических навыков безопасной работы от опытных сотрудников к новичкам, формируя преемственность культурных традиций предприятия.

Таблица 2. Элементы системы формирования культуры безопасности производства

Элемент системы	Содержание	Ответственные	Периодичность	Показатели эффективности
Лидерство в безопасности	Демонстрация приверженности руководства	Топ-менеджмент	Постоянно	Количество инициатив руководства
Коммуникации	Информирование о состоянии ОТ	Служба ОТ	Еженедельно	Охват информированием, %
Обучение культуре	Специальные программы обучения	HR-отдел	Ежемесячно	Уровень знаний работников
Вовлечение персонала	Участие в улучшениях	Все работники	Постоянно	Количество предложений
Признание достижений	Поощрение безопасного поведения	Руководители	Еженедельно	Рост мотивации персонала

Ритуалы и традиции безопасности создают эмоциональную привязанность работников к ценностям организации и укрепляют групповую идентификацию [13].

Символика безопасности, включающая корпоративные знаки отличия, форменную одежду, наградные значки, создает визуальную идентификацию с культурой безопасности.

Система обратной связи и непрерывного улучшения обеспечивает развитие культуры безопасности на основе анализа практического опыта и изменяющихся условий производства [14]. Регулярные опросы работников о состоянии культуры безопасности, анкетирование по вопросам удовлетворенности условиями труда, фокус-группы с обсуждением проблемных вопросов позволяют выявлять направления совершенствования системы. Внедрение предложений работников по улучшению безопасности демонстрирует реальную ценность их мнения для организации.

Измерение эффективности культуры безопасности требует разработки системы ключевых показателей, отражающих как объективные результаты (снижение травматизма, сокращение нарушений), так и субъективные характеристики (удовлетворенность работников, уровень доверия к руководству) [4]. Регулярный мониторинг культурных изменений позволяет корректировать стратегию формирования культуры безопасности и обеспечивать ее соответствие стратегическим целям организации.

Система внутреннего контроля соблюдения норм охраны труда представляет собой комплекс организационных, технических и методических мероприятий, направленных на обеспечение постоянного мониторинга состояния безопасности производственных процессов и своевременное выявление нарушений требований охраны труда [15]. Эффективность системы контроля определяется ее способностью предотвращать возникновение опасных ситуаций на стадии их зарождения, а не только реагировать на уже произошедшие инциденты.

Организационная структура системы контроля должна обеспечивать многоуровневое распределение контрольных функций между различными категориями персонала предприятия [10]. Первый уровень контроля осуществляется непосредственными исполнителями работ через самоконтроль соблюдения требований безопасности при выполнении трудовых операций. Второй уровень реализуется линейными руководителями

(мастера, начальники участков) посредством оперативного контроля действий подчиненных работников. Третий уровень обеспечивается службой охраны труда через проведение плановых и внеплановых проверок состояния условий и охраны труда.

Методология проведения контрольных мероприятий основывается на риск-ориентированном подходе, предполагающем концентрацию контрольных усилий на наиболее опасных участках производства и критических элементах производственного процесса [5]. Разработка карт рисков для каждого производственного участка позволяет определить приоритетные объекты контроля и оптимальную периодичность проверок. Применение чек-листов и стандартизированных форм контроля обеспечивает объективность оценки и сопоставимость результатов различных проверок.

Таблица 3. Структура системы внутреннего контроля охраны труда

Уровень контроля	Субъект контроля	Объект контроля	Периодичность	Документооборот
Самоконтроль	Работники	Собственные действия	Постоянно	Карты самоконтроля
Линейный контроль	Мастера, бригадиры	Действия подчиненных	Ежедневно	Журналы контроля
Ведомственный контроль	Служба ОТ	Состояние ОТ на участках	Еженедельно	Акты проверок
Административный контроль	Руководство	Система ОТ в целом	Ежемесячно	Отчеты по ОТ
Общественный контроль	Профком, комитет по ОТ	Соблюдение прав работников	По обращениям	Протоколы заседаний

Технические средства контроля включают автоматизированные системы мониторинга параметров производственной среды, видеонаблюдения за соблюдением требований безопасности, контроля использования средств индивидуальной защиты [16]. Датчики контроля загазованности в покрасочном участке обеспечивают непрерывный мониторинг концентрации вредных веществ в воздухе рабочей зоны и автоматическое включение аварийной вентиляции при превышении допустимых значений. Системы контроля доступа позволяют ограничить нахождение в опасных зонах лиц, не прошедших соответствующий инструктаж и не имеющих необходимых средств защиты.

Документационное обеспечение системы контроля предполагает создание единой базы данных результатов контрольных мероприятий, позволяющей анализировать динамику показателей безопасности и выявлять системные проблемы [17]. Электронные журналы контроля обеспечивают оперативный доступ к информации о состоянии охраны труда для всех уровней управления и позволяют формировать аналитические отчеты в автоматическом режиме. Система уведомлений информирует ответственных лиц о выявленных нарушениях и контролирует сроки их устранения.

Выводы:

Корректирующие мероприятия по результатам контроля должны быть направлены не только на устранение конкретных нарушений, но и на предотвращение их повторного возникновения через совершенствование системы управления охраной труда. Анализ причин нарушений позволяет выявить системные недостатки в организации работы и разработать комплекс мер по их устранению. Обратная связь с работниками по результатам контроля способствует повышению их осведомленности о требованиях безопасности и формированию ответственного отношения к их соблюдению.

Представленная методика внутреннего контроля соблюдения норм охраны труда успешно применяется на производстве ООО ПК «Умная среда». В процессе внедрения вышеуказанной системы было разработано специальное положение «О формировании культуры безопасности

ООО ПК «Умная среда». Данное положение представлено в приложении и служит основным документом, определяющим систему контроля на производстве.

Список литературы:

[1] Федеральный закон № 426-ФЗ от 28 декабря 2013 года «О специальной оценке условий труда» // Российская газета. — 2013. — № 295. — Ст. 5138.

[2] Андреев А.В., Доронин А.С., Каченкова В.Д. Программа анализа и прогнозирования рисков человеческого фактора на производстве с применением нейронных сетей. — Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2025619244, 14.04.2025. Заявка № 2025618021 от 10.04.2025.

[3] Докучаева Ю.В., Панкратова Ю.А., Гришенкина Ю.А. Специальная оценка условий труда и производственный контроль: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 20.03.01 — Техносферная безопасность. Второе издание, исправленное. — Екатеринбург, УрФУ, 2024.

[4] Бикмагамбетов А.Б., Семенов А.В., Ниязбекова Ш.У., Сарбасова С.Б., Рожков В.Д., Фадеева Л.И., Гордова М.А., Омарова Г.Т. Социально-экономический аспект охраны труда в отраслях и сферах в условиях цифровизации // Кузнечно-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. — 2024. — № 11. — С. 205–220.

[5] Купцов И.В., Купцов А.И., Гимранов Ф.М. Применение искусственного интеллекта в задачах техносферной безопасности. — Казань, 2025.

[6] Панкова В.Б., Вильк М.Ф., Зибарев Е.В., Фёдина И.Н. К вопросу учёта новых факторов в патогенезе профессиональной потери слуха (на примере работников транспорта) // Медицина труда и промышленная экология. — 2022. — Т. 62. — № 8. — С. 488–500.

[7] Коломеец А.В., Володин А.А., Яковлев А.В. Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды в химической промышленности: учебно-методическое пособие. — Томск, 2024.

[8] Томаков В.И., Томакова И.А. Исследование факторов, формирующих установку работников строительства на небезопасное поведение в трудовой деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. — 2023. — Т. 13. — № 1. — С. 156–173.

[9] Сивков Ю.В., Пшеничная Д.С. Рекомендации по улучшению условий труда, связанные с типовым положением о СУОТ // Академический журнал Западной Сибири. — 2021. — Т. 17. — № 4 (93). — С. 30–32.

[10] Петросова Л.И., Каримбаев Р.К., Абдулмаликова О. Современные методы уменьшения производственного травматизма строительной отрасли // Polish Journal of Science. — 2022. — № 52 (52). — С. 64–66.

[11] Попцов А.Н. Формирование культуры техносферной безопасности студентов политехнических вузов: дисс. на соискание ученой степени кандидата пед. наук. Южный Урал. гос. гуман.-пед. ун-т. — Челябинск, 2023.

[12] Иванашина В.А., Мигачева М.В., Токарева Г.В. Формирование культуры техносферной безопасности студентов политехнических вузов: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. — Челябинск, 2023.

[13] Ткачева М.В., Капустина И.А., Головинов О.Н. Информация об охране труда и технике безопасности в нефинансовой отчетности корпораций // Современная экономика: проблемы и решения. — 2024. — № 2 (170). — С. 99–114.

[14] Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ) // Официальный сайт правовой информации Российской Федерации.

[15] Приказ Минздравсоцразвития РФ № 564н от 1 июля 2021 года «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными условиями труда, запрещенных для несовершеннолетних» // Российский бюллетень нормативных актов. — 2021. — № 31.

[16] Минаков В.С. О механизме поэтапного снижения рисков травмирования персонала на угледобывающем предприятии // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). — 2023. — № 5. — С. 170–180.

[17] Чаплыгин В.С. Эффективность применения методики оценки профессиональных рисков с учетом влияния человеческого фактора работников хозяйства электрификации и электроснабжения // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. — 2023. — Т. 12. — № 3 (63). — С. 151–155.

References:

[1] Federal Law No. 426-FZ of December 28, 2013 “On the Special Assessment of Working Conditions “//Rossiyskaya Gazeta. — 2013. — № 295. - Art. 5138.

[2] Andreev A.V., Doronin A.S., Kachenkova V.D. Program of analysis and prediction of human factor risks in production using neural networks. - Certificate of registration of the RU 2025619244 computer program, 14.04.2025. Application No. 2025618021 dated 10.04.2025.

[3] Dokuchaeva Yu.V., Pankratova Yu.A., Grishenkina Yu.A. Special assessment of working conditions and production control: Textbook for university students studying in the field of 20.03.01 training - Technosphere safety. Second edition, revised. - Yekaterinburg, UrFU, 2024.

[4] Bikmagambetov A.B., Semenov A.V., Niyazbekova S.U., Sarbasova S.B., Rozhkov V.D., Fadeeva L.I., Gordova M.A., Omarova G.T. Socio-economic aspect of labor protection in industries and spheres in the context of digitalization//Kuznechno stamping production. Pressure treatment of materials. — 2024. — № 11. - S. 205-220.

[5] Kuptsov I.V., Kuptsov A.I., Gimranov F.M. Application of artificial intelligence in technosphere security tasks. - Kazan, 2025.

[6] Pankova V.B., Vilk M.F., Zibarev E.V., Fedina I.N. On the issue of taking into account new factors in the pathogenesis of occupational hearing loss (using the example of transport workers)//Occupational medicine and industrial ecology. — 2022. - T. 62. — № 8. - S. 488-500.

[7] Kolomeets A.V., Volodin A.A., Yakovlev A.V. Life safety and environmental protection in the chemical industry: training manual. - Tomsk, 2024.

[8] Tomakov V.I., Tomakova I.A. Study of factors forming the installation of construction workers on unsafe behavior in labor activity//Izvestia South-Western State University. Series: Linguistics and Pedagogy. — 2023. - T. 13. — № 1. - S. 156-173.

[9] Sivkov Yu.V., Pshenichnaya D.S. Recommendations for improving working conditions related to the model regulation on OHS//Academic Journal of Western Siberia. — 2021. - VOL. 17. — № 4 (93). - S. 30-32.

[10] Petrosova L.I., Karimbaev R.K., Abdulmalikova O. Modern methods for reducing industrial injuries in the construction industry//Polish Journal of Science. — 2022. — № 52 (52). - S. 64-66.

[11] Poptsov A.N. Formation of a culture of technosphere safety of students of polytechnic universities: diss. for the degree of candidate ped. sciences. South Ural. state. human.-ped. un-t. - Chelyabinsk, 2023.

[12] Ivanashina V.A., Migacheva M.V., Tokareva G.V. Formation of the culture of technosphere safety of students of polytechnic universities: dissertation for the degree of candidate of pedagogical sciences. South Ural State Humanitarian Pedagogical University. - Chelyabinsk, 2023.

[13] Tkacheva M.V., Kapustina I.A., Golovinov O.N. Information on occupational health and safety in non-financial reporting of corporations//Modern economy: problems and solutions. — 2024. — № 2 (170). - S. 99-114.

[14] Labor Code of the Russian Federation (Labor Code of the Russian Federation)//Official website of legal information of the Russian Federation.

[15] Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation No. 564n dated July 1, 2021 “On approval of the list of heavy work and work with harmful working conditions prohibited for minors “//Russian Bulletin of Regulatory Acts. — 2021. — № 31.

[16] Minakov V.S. On the mechanism of phased reduction of personnel injury risks at a coal mining enterprise//Mining Information and Analytical Bulletin (scientific and technical journal). — 2023. — № 5. - S. 170-180.

[17] Chaplygin V.S. The effectiveness of the methodology for assessing occupational risks, taking into account the influence of the human factor of workers in the electrification and power supply economy//XXI century: the results of the past and the problems of the present plus. — 2023. - VOL. 12. — № 3 (63). - S. 151-155.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-275-280

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета;
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
ФГБОУ ВО Уральского государственного экономического университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

КОТ Екатерина Михайловна,
доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ktekaterina@rambler.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: staheeva53@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург,
e-mail: uprkadr@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТИ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЛЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Сельский туризм представляет собой перспективное направление диверсификации аграрного сектора Свердловской области, сочетающее рекреационный потенциал уральской природы с возможностями фермерских хозяйств. Регион обладает значительным ресурсным потенциалом: уникальными ландшафтами Среднего Урала, развитой сетью аграрных предприятий, производящих оригинальную продукцию, и растущим спросом городских жителей на отдых вне городской суеты. Несмотря на то, что доля сельско-*

го туризма в общем объёме туристических услуг России остаётся низкой (около 6%), Свердловская область демонстрирует положительную динамику: регион вошёл в число лидеров по развитию данного направления, заняв второе место по показателям развития сельского туризма среди субъектов РФ. Однако реализация потенциала сдерживается рядом системных проблем: недостаточной инфраструктурой в сельских территориях, отсутствием чёткой правовой базы, кадровым дефицитом и сложностями получения грантовой поддержки. Экономическая эффективность агротуризма проявляется в создании дополнительных источников дохода для фермеров, стимулировании локальных рынков сбыта сельхозпродукции и снижении оттока населения из сельской местности. Развитие данного сектора требует комплексного подхода с участием государства, бизнеса и местных сообществ.

Ключевые слова: *сельский туризм, агротуризм, Свердловская область, аграрный сектор, экономическая эффективность, фермерские хозяйства, туристическая инфраструктура.*

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University,
Associate Professor, Department of Accounting and Auditing,
Ural State University of Economics,
Yekaterinburg

KOT Ekaterina Mikhailovna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg

MALKOVA Yulia Vadimovna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control Control
Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control
Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg

RURAL TOURISM OPPORTUNITIES IN THE SVERDLOVSK REGION: DEVELOPMENT CHALLENGES AND EFFICIENCY FOR THE AGRICULTURAL SECTOR

Annotation. *Rural tourism represents a promising area for diversifying the agricultural sector in the Sverdlovsk Region, combining the recreational potential of the Ural nature with the opportunities of farms. The region possesses significant resource potential: the unique landscapes of the Middle Urals, a developed network of agricultural enterprises producing original products, and a growing demand among city dwellers for recreation away from the bustle of the city. Although the share of rural tourism in Russia's total tourism services remains low (approximately 6%), the Sverdlovsk Region is demonstrating positive dynamics: it has become a leader in this area, ranking second among Russian regions in terms of rural tourism development. However, realizing this potential is hampered by a number of systemic problems: inadequate infrastructure in rural areas, a lack of a clear legal framework, a shortage of personnel, and difficulties in obtaining grant support. The economic effectiveness of agritourism manifests itself in creating additional sources of income for farmers, stimulating local markets for agricultural products, and reducing the outflow of population from rural areas. The development of this sector requires a comprehensive approach involving the government, business, and local communities.*

Key words: *rural tourism, agritourism, Sverdlovsk Region, agricultural sector, economic efficiency, farms, tourism infrastructure.*

Введение. Сельский туризм (агротуризм) как форма отдыха в сельской местности с вовлечением туристов в сельскохозяйственную деятельность приобретает всё большее значение в условиях поиска устойчивых моделей развития сельских территорий. Для Свердловской области, обладающей развитым промышленным сектором, но сталкивающейся с проблемами депопуляции сельских районов, агротуризм становится инструментом не только экономической диверсификации, но и социального оживления деревень.

Свердловская область располагает уникальным комплексом ресурсов для развития сельского туризма. Природный потенциал представлен горно-таёжными ландшафтами Среднего и Северного Урала, рекреационными зонами озёр и рек, а также экологически чистыми территориями отдалённых районов. В Алапаевском, Артёмовском, Невьянском, Ирбитском и Шалинском районах уже активно развиваются объекты сельского туризма на базе местных музеев и фермерских хозяйств.

Фермерские хозяйства региона предлагают разнообразные форматы взаимодействия с туристами: экскурсии на молочные фермы с возможностью доения коров, мастер-классы по производству сыра и творога, сбор лекарственных трав и ягод, участие в сельскохозяйственных работах (заготовка сена, уход за животными). Успешные кейсы предлагают семейные фермы, производящие уникальные продукты (сыры ручной работы, мёд, органические овощи) и одновременно принимающие туристов.

Как пример рассмотрим предложения сельского туризма Свердловской области.

1. «Культурно-туристический проект «Мариинские избы» в селе Мариинск. Объект расположен на территории бывших демидовских посёлков, воссозданы деревенские избы времён Демидовых с подлинными предметами интерьера и приусадебными хозяйствами. Дополнительно, в рамках тура, предлагаются походы, экскурсии по окрестностям села, мероприятия активного спорта, дегустация кухни Демидовых.
2. Проект «Агротуризм по сёлам Старого Верхотурского тракта» от ООО «Балтымский Агрокомплекс». Туристы посещают ферму в селе Балтым, где знакомятся с условиями содержания коров, выращиванием молодняка крупного рогатого скота, автоматизированными процессами содержания и процессом изготовления молочной продукции» [3].
3. Уральская пчелка. На территории комплекса расположены более 80 ульев. В рамках экскурсии можно вблизи рассмотреть жизнь улья, найти матку и понаблюдать за работой тысяч трудолюбивых насекомых. Также предлагают оздоровительную процедуру пчелоужаливания и лечебный отдых на пчелиных ульях в специальном апидомике, где воздух напоен ароматами меда, воска и прополиса. Дополнят впечатления туры на квадроциклах и велосипедах по уральским лесам, также возможна аренда домика с русской баней [5].

Рост популярности подтверждается статистикой Министерства агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области: за 2024 год количество туристов, посетивших объекты сельского туризма сельскохозяйственных товаропроизводителей, получивших государственную поддержку – 17320 человек, количество экскурсантов, посетивших объекты сельского туризма – 34 720 человек, прирост объема производства сельскохозяйственных продуктов, обеспеченный сельскохозяйственными товаропроизводителями – более 3% [7].

Региональные власти поддерживают развитие направления через Центр развития туризма Свердловской области, включив сельский туризм в стратегию развития внутреннего и въездного туризма до 2030 года в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» [2].

Развитие сельского туризма создаёт мультипликативный эффект для аграрной экономики Свердловской области:

Во-первых, диверсификация доходов фермеров: дополнительный источник поступлений (согласно законодательству, доля доходов от агротуризма не должна превышать 30 % общего объема прибыли предприятия) [1] снижает зависимость от сезонных колебаний сельскохозяйственного рынка.

Во-вторых, стимулирование локального производства: прямые продажи туристам позволяют фермерам получать более высокую маржу за счёт исключения посредников.

В-третьих, создание смежных рабочих мест: развитие агротуризма генерирует спрос на услуги в смежных секторах — транспорт, общественное питание, ремёсла, что способствует удержанию населения в сельской местности.

В-четвертых, повышение инвестиционной привлекательности сельских территорий: успешные кейсы агротуризма привлекают внимание инвесторов к сельским районам, стимулируя развитие инфраструктуры.

Международный опыт подтверждает высокую экономическую эффективность агротуризма: низкая себестоимость запуска проектов при значительном потенциале монетизации туристического спроса.

В 2025 году Минсельхоз России и Российская академия кадрового обеспечения АПК запустили новый образовательный проект «Академия агротуризма». Он ориентирован на фермеров, которые развивают или планируют реализовать проекты в области сельского туризма. За первый год в программе приняли участие порядка трехсот человек [5].

Учебный курс охватывает широкий спектр тем: управление объектами, разработку туристических продуктов, маркетинг, продвижение и работу с нормативной базой. Особое внимание уделяется практике: разбору успешных кейсов, проектированию маршрутов и взаимодействию с региональными властями. Завершение обучения — защита итоговых проектов, готовых к внедрению в реальной среде.

«С 2026 года поддержка сельского туризма входит в состав нового федерального проекта «Развитие малого агробизнеса». Фермеры смогут получить частичное возмещение до 50% затрат на создание инфраструктуры, благоустройство территорий и приобретение оборудования» [6].

Несмотря на потенциал, развитие агротуризма в регионе сталкивается с рядом барьеров (*рисунок 1*):

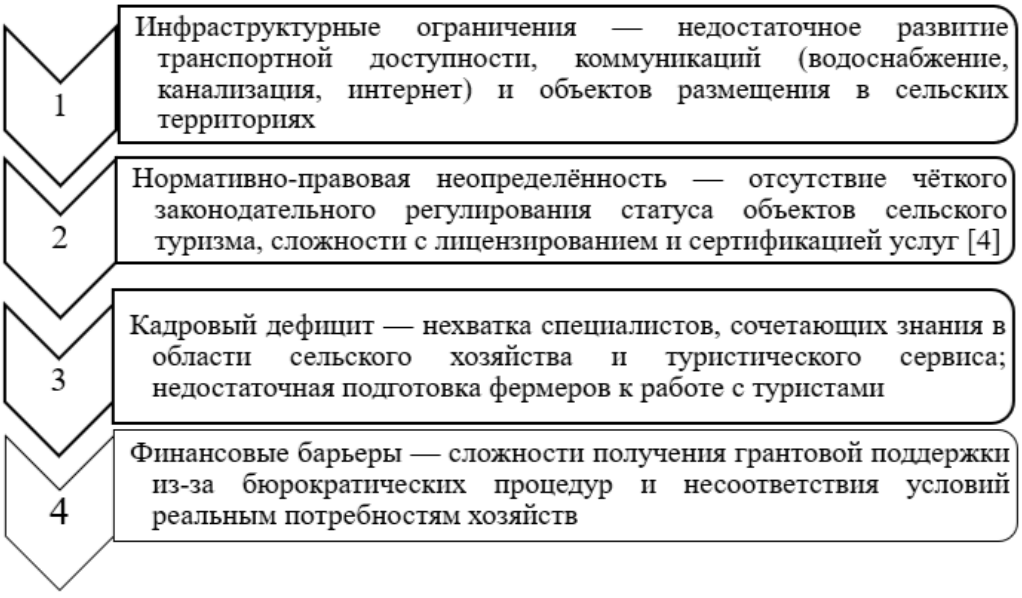


Рисунок 1. Барьеры развития агротуризма в Свердловской области.

Таким образом, с учетом привлекательности данного бизнеса и имеющихся проблем развития имеется целесообразным предложить следующие рекомендации для различных уровней (*таблица 1*).

Таблица 1.

Для органов власти	Для фермерских хозяйств	Для образовательных учреждений
- Разработать региональную программу поддержки сельского туризма с упрощёнными условиями грантовой поддержки для начинающих фермеров-туристических предпринимателей. - Создать единую цифровую платформу «Агротуризм Свердловской области» с интерактивной картой объектов, онлайн-бронированием и системой отзывов. - Внедрить механизм софинансирования инфраструктурных проектов (дороги, коммуникации) в сельских территориях с туристическим потенциалом.	- Модернизировать туристическое предложение: сочетать образовательные программы (мастер-классы по сыроварению, пчеловодству) с активным отдыхом (походы, веломаршруты). - Создавать объединения агротуристических хозяйств для совместного маркетинга и формирования тематических маршрутов «ферма за фермой». - Инвестировать в базовое обучение персонала стандартам туристического сервиса при сохранении аутентичности сельского опыта.	- Внедрить короткие программы повышения квалификации по агротуризму для фермеров на базе сельскохозяйственных колледжей и университетов региона. - Организовать стажировки студентов профильных специальностей в успешных агротуристических хозяйствах.

Вывод: Сельский туризм обладает значительным потенциалом для трансформации аграрного сектора Свердловской области, превращая фермерские хозяйства из чисто производственных единиц в многофункциональные центры экономической активности. Реализация этого потенциала требует общих усилий государства, бизнеса и местных сообществ, а также перехода от точечных проектов к системной политике развития сельских территорий через туризм. При грамотном подходе агротуризм может стать драйвером не только экономического роста, но и сохранения культурного наследия и экологического баланса уральской деревни.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 02.07.2021 № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и статью 7 Федерального закона «О развитии сельского хозяйства» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389013/?ysclid=mmqwmfe36mf453760273 (дата обращения: 18.01.2026).

[2] Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2439 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405703/?ysclid=mmqwh0gdjj997053609 (дата обращения: 18.01.2026).

[3] Сельский туризм: история развития и современные тенденции / О. С. Горбунова, Ю. В. Малькова, Л. М. Стахеева [и др.] // Право и управление. – 2025. – № 10. – С. 388-392.

[4] Стахеева Л.М., Шарапов Ю.В., Лялин Д.В. Эффективность и доступность государственной поддержки для начинающих фермеров // Аграрное образование и наука. 2019. № 1. С. 19.

[5] Сельский туризм // Росагротуризм.рф. URL: https://www.kp.ru/russia/selskij-turizm-v-rossii/ (дата обращения: 18.01.2026).

[6] С 2026 года поддержка сельского туризма - часть нового федпроекта «Развитие малого агробизнеса» // Сетевое издание AgroXXI.ru. URL: https://www.agroxxi.ru/agroeconomics/s-2026-goda-podderzhka-selskogo-turizma-chast-novogo-fedproekta-razvitie-malogo-agrobiznesa.html (дата обращения: 18.01.2026).

[7] Министерство агропромышленного комплекса и потребительского рынка Свердловской области. URL: https://mcxso.midural.ru/ (дата обращения: 18.01.2026).

References:

[1] Federal Law of 02.07.2021 No. 318-FZ “On Amendments to the Federal Law “On the Fundamentals of Tourism Activity in the Russian Federation” and Article 7 of the Federal Law “On the Development of Agriculture” // SPS ConsultantPlus.

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389013/?ysclid=mmqwfe36mf453760273 (date of access: 18.01.2026).

[2] Resolution of the Government of the Russian Federation of December 24, 2021 No. 2439 “On Approval of the State Program of the Russian Federation “Tourism Development” // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405703/?ysclid=mmqwh0gdjj997053609 (accessed: 18.01.2026).

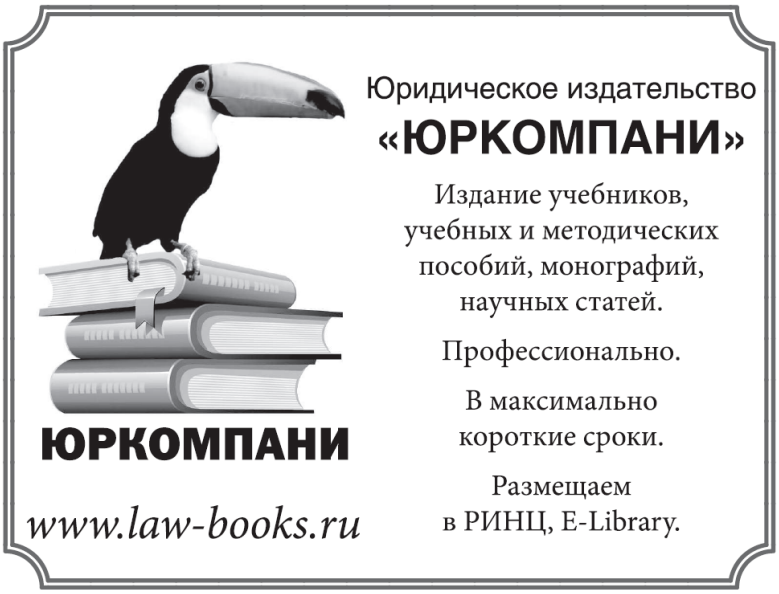
[3] Rural tourism: history of development and current trends / O. S. Gorbunova, Yu. V. Malkova, L. M. Stakheeva [et al.] // Law and Management. - 2025. - No. 10. - Pp. 388-392.

[4] Stakheeva L. M., Sharapov Yu. V., Lyalin D. V. Efficiency and availability of state support for beginning farmers // Agrarian education and science. 2019. No. 1. P. 19.

[5] Rural tourism // Rosagroturism.rf. URL: https://www.kp.ru/russia/selskij-turizm-v-rossii/ (accessed on 18 January 2026).

[6] Starting in 2026, support for rural tourism will be part of the new federal project “Development of Small Agribusiness” // Online publication AgroXXI.ru. URL: https://www.agroxxi.ru/agroeconomics/s-2026-goda-podderzhka-selskogo-turizma-chast-novogo-fedproekta-razvitie-malogo-agrobiznesa.html (accessed on 18 January 2026).

[7] Ministry of Agro-Industrial Complex and Consumer Market of the Sverdlovsk Region. URL: https://mcxso.midural.ru/ (accessed on 18 January 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-281-287

ИБРАГИМОВ Алибек Анзорович,
студент 3 курса Международно-правового факультета
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел
Российской Федерации»,
e-mail: ibragimov.alibek.555@gmail.com

Научный руководитель:
КРИВЕЛЬСКАЯ Ольга Валентиновна,
заместитель заведующего кафедрой административного и
финансового права по научной работе Международно-правового
факультета Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений
(Университет)Министерства иностранных дел
Российской Федерации»,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: o.krivelskaya@inno.mgimo.ru

ПРОБЛЕМЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ АЗАРТНЫХ ИГР И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЛОГА НА ИГОРНЫЙ БИЗНЕС

Аннотация. *Настоящая статья посвящена комплексному анализу проблем правового регулирования и налогообложения электронных азартных игр в Российской Федерации и за рубежом. Автор исследует эволюцию законодательного запрета на деятельность интернет-казино в России, выявляя фискальные и правовые пробелы, возникшие в связи с развитием цифровых технологий. Особое внимание уделяется кардинальным изменениям налогового законодательства, вступившим в силу в 2026 году: введению новой главы 25.5 Налогового кодекса РФ, федерализации налога на игорный бизнес и интеграции букмекерской деятельности в систему налога на прибыль организаций. На основе анализа предложения Минфина России о потенциальной легализации онлайн-казино рассматриваются перспективы введения целевого налога на валовой игорный доход (GGR) по ставке 30%. В статье проводится сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей налогообложения (Великобритания с повышением ставки до 40%, Эстония с технической ошибкой в законопроекте), исследуются риски, связанные с офшорной юрисдикцией, отмыванием денег и социальными последствиями. Автором обосновывается необходимость разработки комплексного механизма налогообложения электронных азартных игр, предлагаются конкретные изменения в главу 25.5 НК РФ для включения в её предмет онлайн-казино, что позволит легализовать отрасль, обеспечить дополнительные доходы бюджета (потенциально до 100 млрд руб. ежегодно) и защитить права игроков.*

Ключевые слова: *налог на игорный бизнес, электронные азартные игры, интернет-казино, налог на прибыль, валовой игорный доход, легализация, цифровая экономика, налоговое администрирование.*

IBRAGIMOV Alibek Anzorovich,
3rd year student of the International Law Faculty
Federal State Autonomous educational institution of higher education
“Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

Scientific supervisor:
KRIVELSKAYA Olga Valentinovna,
Deputy Head of the Department of Administrative and financial law on scientific work of the International Law Faculty of the Federal State Autonomous educational institution of higher education "Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation", Candidate of Law, Associate Professor

PROBLEMS OF TAXATION OF ELECTRONIC GAMBLING AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE GAMBLING TAX

Annotation. *This article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of legal regulation and taxation of electronic gambling in the Russian Federation and abroad. The author examines the evolution of the legislative ban on online casinos in Russia, identifying fiscal and legal gaps that have emerged due to the development of digital technologies. Particular attention is paid to the fundamental changes in tax legislation coming into force in 2026: the introduction of the new Chapter 25.5 of the Tax Code of the Russian Federation, the federalization of the gambling tax, and the integration of bookmaking activities into the corporate profit tax system. Based on the analysis of the Russian Ministry of Finance's draft law on the potential legalization of online casinos, the prospects for introducing a targeted tax on gross gambling revenue (GGR) at a rate of 30% are considered. The article provides a comparative legal analysis of foreign taxation models (United Kingdom with rate increase to 40%, Estonia with a technical error in the bill) and examines the risks associated with offshore jurisdiction, money laundering and social consequences. The author substantiates the need to develop a comprehensive mechanism for taxing electronic gambling and proposes specific amendments to Chapter 25.5 of the Tax Code of the Russian Federation to include online casinos in its subject matter. This would legalize the industry, provide additional budget revenues (potentially up to 100 billion rubles annually), and protect the rights of players.*

Key words: *gambling tax, electronic gambling, online casino, corporate income tax, gross gambling revenue, legalization, digital economy, tax administration.*

К началу XXI века интернет превратился в мощнейшую экономическую среду, охватившую все сферы бизнеса, включая игорный. Виртуальные казино, появившиеся в конце 1990-х годов, быстро завоевали популярность благодаря доступности, анонимности и возможности играть из любой точки мира. Особое значение имеет 1998 год, когда впервые был осуществлен перевод денежных средств посредством сети Интернет. Настала эра, так называемой, «электронной коммерции», которая, в свою очередь, создала привлекательную нишу для мошенничества. Бизнес-сообщество не преминуло воспользоваться преимуществами ведения коммерческой деятельности в сети Интернет. Так возникли Интернет-казино. [1]. Однако развитие этой индустрии поставило перед государствами сложную задачу: как регулировать и облагать налогами деятельность, не имеющую физических границ?

В Российской Федерации с 1 января 2007 года установлен запрет на деятельность по организации и проведению азартных игр на территории РФ с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи запрещена за исключением случаев приема интерактивных ставок и выплаты по ним выигрышей организаторами азартных игр в букмекерских конторах или тотализаторах[1]. Несмотря на это, российские граждане активно участвуют в играх зарубежных онлайн-казино, а денежные потоки уходят в офшорные юрисдикции, лишая бюджет значительных доходов. По оценкам Министерства финансов РФ, объём нелегального рынка онлайн-гемблинга составляет около 3 трлн рублей в год, а потенциальные налоговые поступления в случае легализации оцениваются в 100 млрд рублей ежегодно [2].

Актуальность темы исследования обусловлена кардинальной реформой налогового законодательства и возобновившейся дискуссией о возможной легализации онлайн-казино. В январе 2026 года Министр финансов Антон Силуанов направил Президенту РФ предложение о снятии запрета при условии создания специального оператора и введения налога в размере 30% от валового игорного дохода [2]. Цель настоящей статьи

[1] Федеральный закон "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" от 29.12.2006 N 244-ФЗ (последняя редакция).

— проанализировать текущие проблемы налогообложения электронных азартных игр, оценить перспективы развития налога на игорный бизнес в условиях цифровизации и предложить пути совершенствования законодательства с учётом зарубежного опыта.

Российское законодательство исторически пошло по пути запрета виртуальных азартных игр. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» в п. 3 ст. 5 прямо запрещает использование сетей связи, включая Интернет, для организации азартных игр. До 2014 года, до внесения изменений в ст. 5 Федеральным законом от 21.07.2014 N 222-ФЗ данная норма запрещала и игровую онлайн-деятельность букмекерских контор и тотализаторов. Как справедливо отмечает Т.Т. Гудиева, этот запрет изначально поставил в сложное положение даже легальные букмекерские конторы и тотализаторы так как практически невозможно вести указанную деятельность без сети Интернет, подвижной связи, необходимой при получении результатов соревнований, установлении взаимоотношений между букмекерским центром и пунктом приема ставок, подготовке букмекерской линии и т.п. [1].

До введения запрета интернет-казино находились в своеобразном «налоговом вакууме», что было следствием юридической коллизии, описанной в письме Минфина РФ от 27 мая 2005 г. № 01-02-03/03-233. В нем, в частности, разъяснялось, что налогообложение предпринимательской деятельности, осуществляемой в компьютерной сети Интернет, — игр на деньги — гл. 29 Кодекса не регулируется[1]. С одной стороны, организаторы признавались занимающимися игорным бизнесом. С другой — из-за отсутствия материальных объектов налогообложения (игровых столов, автоматов) правила главы 29 НК РФ к ним не применялись. Таким образом, виртуальные казино оказались в более выгодном положении.

Запрет, наложенный в 2007 году, не остановил игорный бизнес, а лишь вытеснил его в «серую» зону. Операторы онлайн-казино регистрируются в офшорных юрисдикциях (Кюрасао, Мальта, Гибралтар), используют технологии обхода блокировок (VPN, Tor). Кроме того, сайт может иметь копию, или зеркало, располагающуюся на доменах, находящихся вне юрисдикции Российской Федерации [14]. Следовательно, граждане России продолжают активно играть, а государство не получает налогов и не может защитить игроков от мошенничества. По данным Минфина, нелегальный сегмент онлайн-казино демонстрирует оборот более 3 трлн рублей ежегодно, что в два раза превышает оборот легальных букмекерских контор [8].

С 1 января 2026 года вступила в силу новая глава 25.5 Налогового кодекса РФ [7], ознаменовавшая кардинальное изменение подхода к фискальному регулированию игорного бизнеса в России. Реформа перевела налог на игорный бизнес с регионального на федеральный уровень, установив единые на всей территории страны ставки и принципиально дифференцировав порядок налогообложения для различных сегментов отрасли.

Первоначально Министерство финансов РФ предложило ввести для букмекеров налог с оборота (процент от суммы принятых ставок) в размере 5% и распространить на отрасль общий налог на прибыль по ставке 25% [3]. Однако в ходе консультаций с участниками рынка и руководителями спортивных федераций, указавших на риск сокращения целевых отчислений на поддержку детско-юношеского спорта, подход был скорректирован [10].

Новый режим для букмекерских контор и тотализаторов. Согласно утвержденной редакции, для организаторов азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах объектом налогообложения по главе 25.5 НК РФ признается валовый игорный доход (Gross Gaming Revenue, GGR) — разница между суммой принятых ставок и суммой выплаченных выигрышей. Налоговая ставка установлена в размере 7% от соответствующей налоговой базы (п. 2 ст. 333.61 НК РФ) [4]. Одновременно с этим, с 2026 года доходы от данного вида деятельности подлежат обложению налогом на прибыль организаций по ставке 25%, тогда как ранее такие налогоплательщики были от него освобождены. При этом расходы, связанные с организацией азартных игр (включая целевые отчисления на спорт), теперь учитываются при формировании налоговой базы по налогу на прибыль. В связи с изменением подхода объекты налогообложения, применявшиеся ранее (процессинговые центры, пункты приема ставок) с 1 января 2026 года считаются закрытыми (Федеральный закон от 28.11.2025 № 425-ФЗ).

Режим для наземных казино и залов игровых автоматов. Для организаций, осуществляющих деятельность в игорных зонах, сохранен прежний (объектный) состав налогообложения. Налоговые ставки установлены в следующих размерах: за один игровой стол — 250 000 рублей, за один игровой автомат — 15 000 рублей (п. 1 ст. 333.61 НК РФ) [7]. При этом за такими налогопла-

[1] Письмо Минфина РФ от 27.05.2005 N 01-02-03/03-233.

тельщиками сохраняется норма, ранее закрепленная в пункте 9 статьи 274 НК РФ: прибыль от деятельности, облагаемой налогом на игорный бизнес по объектному принципу, не подлежит дополнительному обложению налогом на прибыль организаций. Для них обязательным является ведение раздельного учета доходов и расходов по данному виду деятельности.

По оценкам экспертов, совокупный фискальный эффект от изменений (учитывая оба сегмента) составит порядка 70–100 млрд рублей ежегодно, а суммарные поступления в бюджетную систему за три года могут достичь 282 млрд рублей [3; 5].

Важным изменением, затрагивающим игроков, стало распространение функций налогового агента по налогу на доходы физических лиц (НДФЛ) на все выигрыши в букмекерских конторах независимо от их размера. Ранее букмекеры удерживали НДФЛ только при выигрыше, превышающем 15 000 рублей [4].

Несмотря на комплексный характер, реформа 2026 года затронула исключительно легальный сектор. Деятельность электронных азартных игр (онлайн-казино) по-прежнему находится вне правового поля ввиду прямого запрета. Кроме того, сохраняется проблема администрирования НДФЛ с доходов российских игроков, полученных в зарубежных казино и букмекерских конторах.

В январе 2026 года Министр финансов Антон Силуанов выступил с инициативой о легализации онлайн-казино. В письме на имя Президента РФ предлагается снять запрет при выполнении ряда условий: создание специального оператора, назначаемого распоряжением Президента по рекомендации правительства; введение возрастного ценза (21 год); установление ежемесячного налога на валовой игорный доход в размере не менее 30% [2]. Оператор также будет обязан принимать ставки через Единый центр учёта переводов по аналогии с действующей моделью для букмекеров, а Единый регулятор азартных игр (ЕРАИ) предлагается наделить полномочиями по профилактике игровой зависимости. По оценкам ведомства, легализация позволит приносить в бюджет не менее 100 млрд рублей ежегодно [8].

В Великобритании, где рынок удалённого гемблинга легализован, с апреля 2026 года вступают в силу существенные изменения налогового законодательства. Remote Gaming Duty (налог на удалённые игры, включая онлайн-казино) повышается с 21% до 40% от валового игорного дохода [11; 12]. Для удалённых ставок на спорт с апреля 2027 года вводится отдельная ставка в размере 25% (в настоящее время — 15%), за исключением ставок на скачки в Великобритании, для которых сохраняется льготная ставка 15% [9].

По прогнозам эти изменения станут приносить в бюджет ежегодно 1,1 млрд фунтов стерлингов к 2029-2030 финансовому году [12]. Однако эксперты предупреждают о рисках: повышение налогов может привести к ухудшению коэффициентов для игроков, что, в свою очередь, способно стимулировать переход потребителей в нелегальный сектор [12]. В связи с этим бюджетом предусмотрено дополнительное финансирование Комиссии по азартным играм (UK Gambling Commission) для борьбы с чёрным рынком [12].

Противоположный пример демонстрирует Эстония. В декабре 2025 года при принятии закона о налоге на азартные игры была допущена техническая ошибка (опечатка), в результате которой онлайн-казино оказались полностью освобождены от уплаты налогов на январь-февраль 2026 года [6; 13]. Потенциальные потери бюджета оценивались в 4 млн евро за первые два месяца и около 32 млн евро за весь год [13].

После обнаружения ошибки парламент оперативно внес исправления, однако они вступили в силу только с 1 марта 2026 года. Для компенсации выпадающих доходов Министерство финансов Эстонии предложило операторам добровольно перечислить пожертвования в размере, эквивалентном сумме налога (5,5% от валового игорного дохода) [6]. По состоянию на февраль 2026 года восемь компаний перечислили около 500 000 евро в Фонд культуры и на счет Министерства финансов, что с учётом подоходного налога эквивалентно примерно 637 000 евро [6]. Однако это составляет лишь около четверти от потенциальных поступлений, и, как отмечают официальные лица, «жизнь показывает, что все гораздо охотнее дают обещания, чем потом их выполняют» [6].

Этот случай наглядно демонстрирует, насколько важна тщательная юридическая проработка норм при введении новых налогов и как даже незначительная ошибка может привести к многомиллионным потерям бюджета.

Легализация онлайн-казино неизбежно повлечет социальные риски. Заместитель председателя комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи Евгений Георгиевич Попов подчеркивает, что любые решения должны приниматься осторожно, чтобы не привести к росту игромании и не возродить социальные проблемы, которые ранее уже удалось сдержать [2]. Заместитель председателя комитета по экономической политике Михаил Геннадьевич Делягин считает, что легализация онлайн-казино может привести к разорению семей и личным трагедиям.

Однако в нынешней ситуации проблема не решена, отказ от должного правового регулирования не решает проблемы, о которых говорят депутаты. Установление высокой ставки на валовой игровой доход будет служить дестимулирующим фактором для населения. С 6 апреля 2025 года в Великобритании операторы обязаны отчислять средства на исследования, профилактику и лечение лудомании (Research, Prevention and Treatment Fund) [11]. Аналогичные меры предлагаются и в законопроекте Минфина России: планируется возложить на оператора онлайн-казино и Единый регулятор азартных игр функции по профилактике игровой зависимости [8].

Одной из главных проблем онлайн-гемблинга является использование его для отмывания денег и финансирования незаконной деятельности. Важнейшую роль в пресечении нелегальной деятельности играет Федеральный закон № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». В рамках борьбы с теневым оборотом банки обязаны блокировать подозрительные операции, в том числе переводы в пользу нелегальных онлайн-казино и букмекерских контор. Однако данное ограничение не может полностью установить запрет на осуществление данной деятельности.

Внедрение системы единого оператора и обязательной идентификации игроков через Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) или портал Госуслуг позволит минимизировать эти риски. Механизм приёма ставок планируется реализовать через Единый центр учёта переводов, аналогично системе, уже работающей в сфере букмекерских услуг [8]. Кроме того, предусматривается блокировка нелегальных сайтов и пресечение денежных переводов в пользу их операторов [8].

Проблема налогообложения электронных азартных игр в России прошла путь от полного отрицания к фрагментарному регулированию и сейчас стоит на пороге кардинальных изменений. Легализация онлайн-казино, инициированная Министерством финансов в начале 2026 года, представляется объективной необходимостью. Она позволит решить три ключевые задачи: 1) пополнить бюджет за счёт налога на валовой игорный доход по ставке 30% (потенциально до 100 млрд руб. ежегодно); 2) защитить права игроков, установив обязательные требования к организаторам игр и гарантии выплат; 3) сократить отток капитала в офшорные юрисдикции, объём которого оценивается в 3 трлн рублей ежегодно [8].

Зарубежный опыт демонстрирует различные подходы: Великобритания повышает ставки до 40%, одновременно усиливая борьбу с нелегальным сектором; Эстония сталкивается с техническими ошибками законотворчества и проблемами добровольной уплаты налогов. Российскому законодателю следует учесть как положительные, так и отрицательные аспекты этих моделей.

В целях совершенствования законодательства предлагается:

1. Дополнить главу 25.5 Налогового кодекса РФ отдельным параграфом, регулирующим налогообложение деятельности по организации и проведению азартных игр в электронной форме. Объектом налогообложения должен выступать валовой игорный доход (GGR) по ставке 30%, как это предложено в законопроекте Минфина.
2. Ввести обязательную идентификацию игроков через ЕСИА и установить возрастной ценз 21 год.
3. Установить целевые отчисления операторов на финансирование программ профилактики и лечения игровой зависимости (по аналогии с британским опытом).
4. Закрепить механизм автоматического обмена информацией о выигрышах между налоговыми органами и операторами для целей исчисления НДФЛ, распространив на онлайн-казино правила, уже введённые для букмекеров.
5. Предусмотреть дополнительные меры по блокировке нелегальных сайтов и пресечению транзакций в пользу операторов, не прошедших лицензирование.

Только комплексный подход, сочетающий фискальные, социальные и контрольные меры, позволит превратить электронные азартные игры из источника фискальных потерь в полноценный сегмент национальной экономики, обеспечивающий как пополнение бюджета, так и защиту прав граждан.

Список литературы:

[1] Гудиева Т.Т. Проблема налогообложения электронных азартных игр на современном этапе // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2012. № 10. С. 124–129.

[2] Минфин предложил легализовать в России онлайн-казино ради доходов бюджета // Дума ТВ. 27 янв. 2026. URL: https://dumatv.ru/news/--minfin-predlozhil-legalizovat-v-rossii-onlain-kazino-radi-dohodov-byudzheta (дата обращения: 03.03.2026).

[3] В Минфине пообещали смягчить налог для букмекеров // Эксперт. 27 февр. 2026. URL:

https://expert.ru/amp/news/v-minfine-poobeshchali-smyagchit-nalog-dlya-bukmekerov/ (дата обращения: 03.03.2026).

[4] Госдума приняла во втором чтении законопроект о введении 7% налога с GGR букмекеров // Чемпионат. 18 нояб. 2025. URL: https://www.championat.ru/bets/news-6247594-gosduma-prinyala-vo-vtorom-chtenii-zakonoproekt-o-vvedenii-7-naloga-s-ggr-bukmekerov.html (дата обращения: 03.03.2026).

[5] Госдума одобрила во втором чтении новый проект налогообложения для букмекеров // Ведомости. 18 нояб. 2025. URL: https://www.vedomosti.ru/sport/bookmakers/news/2025/11/18/1155958-gosduma-odobrila (дата обращения: 03.03.2026).

[6] Casinos voluntarily pay €500,000 in donations after tax error // ERR. 17 Feb. 2026. URL: https://news.err.ee/1609944038/casinos-voluntarily-pay-500-000-in-donations-after-tax-error (accessed: 03.03.2026).

[7] Игорный сектор в 2026: новые правила налогообложения // Актуальная бухгалтерия. 28 дек. 2025. URL: https://aktbuh.ru/pravo/igornyi-sektor-v-2026-novye-pravila-nalogooblozheniia (дата обращения: 03.03.2026).

[8] Силуанов предложил легализовать онлайн-казино в России // Monocle.ru. 27 янв. 2026. URL: https://monocle.ru/2026/01/27/siluanov-predlozhil-legalizovat-onlayn-kazino-v-rossii/ (дата обращения: 03.03.2026).

[9] Gambling duties: changes to tax rates for online gambling // Mishcon de Reya LLP. 15 Jan. 2026. URL: https://www.mishcon.com/news/gambling-duties-changes-to-tax-rates-for-online-gambling (accessed: 03.03.2026).

[10] Налоговые изменения для букмекеров обеспечат около 70 млрд рублей в бюджет РФ – эксперт // Financial One. 24 сент. 2025. URL: https://fomag.ru/news-streem/nalogovye-izmeneniya-dlya-bukmekerov-obespechat-okolo-70-mlrd-rubley-v-byudzhet-rf-ekspert/ (дата обращения: 03.03.2026).

[11] Taxation of gambling: Government Response // UK Parliament. 22 Jan. 2026. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5901/cmselect/cmtreasy/1625/report.html (accessed: 03.03.2026).

[12] Gambling duties // Deloitte TaxScape. 2025. URL: https://taxscape.deloitte.com/uk-budget/autumn-budget-2025/measures-autumn-budget-2025/gambling-duties.aspx (accessed: 03.03.2026).

[13] Ошибка стоимостью в 32 млн евро. В Эстонии вступил в силу закон об онлайн-играх с опечаткой // БелТА. 13 янв. 2026. URL: https://belta.by/special/world/view/oshibka-stoimostjju-v-32-mln-evro-v-estonii-vstupil-v-silu-zakon-ob-onlajn-igrah-s-opechatkoj-758737-2026/ (дата обращения: 03.03.2026).

[14] Федоренко Е.А. Правовое регулирование игорной деятельности РФ // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. № 10. С. 35–37.

References:

[1] Gudieva T.T. The problem of taxation of electronic gambling at the present stage//Economics and management in the XXI century: development trends. 2012. № 10. S. 124-129.

[2] The Ministry of Finance proposed to legalize online casinos in Russia for the sake of budget revenues//Duma TV. Jan. 27, 2026. URL: https://dumatv.ru/news/--minfin-predlozhil-legalizovat-v-rossii-on-lain-kazino-radi-dohodov-byudzheta (дата обращения: 03.03.2026).

[3] The Ministry of Finance promised to soften the tax for bookmakers//Expert. Feb. 27 2026. URL: https://expert.ru/amp/news/v-minfine-poobeshchali--nalog-dlya-bukmekerov/ (дата обращения: 03.03.2026).

[4] The State Duma adopted in the second reading a bill on the introduction of a 7% tax on GGR bookmakers//Championship. Nov. 18 2025. URL: https://www.championat.ru/bets/news-6247594-gosduma-prinyala-vo-vtorom-chtenii-zakono-proekt-o-vvedenii-7-naloga-s-ggr-bukmekerov.html (дата обращения: 03.03.2026).

[5] The State Duma approved in the second reading a new draft taxation for bookmakers//Vedomosti. Nov. 18 2025. URL: https://www.vedomosti.ru/sport/bookmakers/news/2025/11/18/1155958-gosduma-odobrila (access date: 03.03.2026).

[6] Casinos voluntarily pay €500,000 in donations after tax error // ERR. 17 Feb. 2026. URL: https://news.err.ee/1609944038/casinos-voluntarily-pay-500-000-in-donations-after-tax-error (accessed: 03.03.2026).

[7] Gambling sector in 2026: new tax rules//Current accounting. 28 Dec 2025. URL: https://aktbuh.ru/pravo/igornyi-sektor-v-2026-novye-pravila-nalogooblozheniia (дата обращения: 03.03.2026).

[8] Siluanov proposed to legalize online casinos in Russia// Monocle.ru. Jan. 27, 2026. URL: https://monocle.ru/2026/01/27/siluanov-predlozhil-legalizovat-onlayn-kazino-v-rossii/ (дата обращения: 03.03.2026).

[9] Gambling duties: changes to tax rates for online gambling // Mishcon de Reya LLP. 15 Jan. 2026. URL: https://www.mishcon.com/news/gambling-duties-changes-to-tax-rates-for-online-gambling (accessed: 03.03.2026).

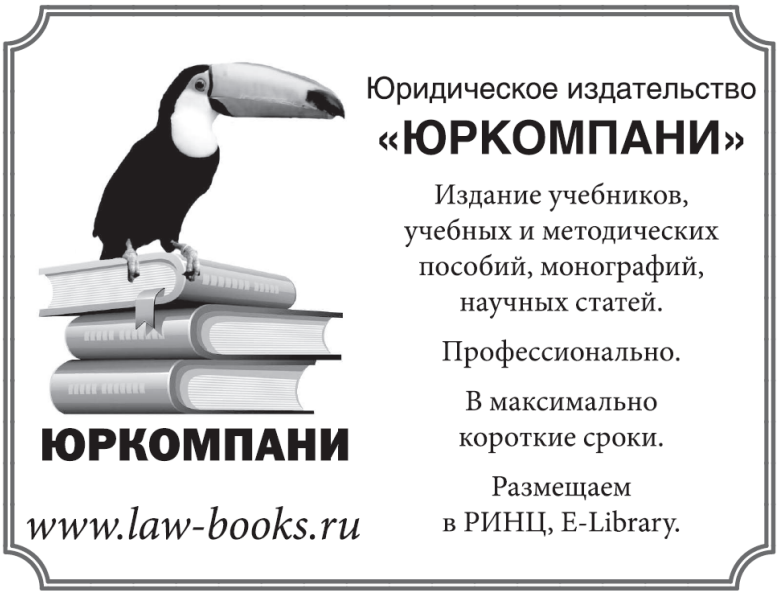
[10] Tax changes for bookmakers will provide about 70 billion rubles to the budget of the Russian Federation - expert//Financial One. Sept. 24, 2025. URL: https://fomag.ru/news-streem/nalogovye-izmeneniya-dlya-bukmekerov-obespechat-okolo-70-mlrd-rubley-v-byudzhet-rf-ekspert/ (дата обращения: 03.03.2026).

[11] Taxation of gambling: Government Response // UK Parliament. 22 Jan. 2026. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5901/cmselect/cmtreasy/1625/report.html (accessed: 03.03.2026).

[12] Gambling duties // Deloitte TaxScape. 2025. URL: https://taxscape.deloitte.com/uk-budget/autumn-budget-2025/measures-autumn-budget-2025/gambling-duties.aspx (accessed: 03.03.2026).

[13] €32m error. In Estonia, the law on online games with a typo//BelTA came into force. 13 Jan 2026. URL: https://belta.by/special/world/view/oshibka-stoimostjju-v-32-mln-evro-v-estonii-vstupil-v-silu-zakon-ob-onlajn-igrah-s-opechatkoj-758737-2026/ (дата обращения: 03.03.2026).

[14] Fedorenko E.A. Legal regulation of gambling activities of the Russian Federation//Journal of scientific publications of graduate students and doctoral students. 2010. № 10. S. 35-37.



Дата поступления рукописи в редакцию: 08.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-288-296

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета
и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

БАБКИНА Анна Анатольевна,
старший преподаватель кафедры математики и ИТ
Уральского государственного аграрного университета,
e- mail: anna-alikieva@mail.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,
старший преподаватель кафедры техносферной
и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

ПРИБЫЛЬ КАК ОСНОВНОЙ ФИНАНСОВЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК

Аннотация. *Прибыль — ключевой показатель финансово-хозяйственной деятельности предприятий АПК. Она служит критерием эффективности управления, источником развития, индикатором устойчивости и базой для принятия стратегических решений.*

Цель данной научной статьи является прибыль как основной финансовый результат деятельности любого предприятия. В задачи исследования вошли: изучить теоретические основы прибыли как экономической категории. Обосновать значимость прибыли, как главного результата функционирования предприятий АПК. Описать процесс формирования прибыли и факторы, влияющие на прибыль, На примере Свердловской области проанализировать структуру консолидированного бюджета по, рассмотреть ситуации исполнения бюджета, которая определяет дефицит или профицит бюджета, определить направления повышения прибыльности в современных условиях, рассмотреть функции государственной поддержки по результатам проведенного исследования описать заключение. Методами исследования стали абстрактно – логический метод, теоретический, стати-

стический, и метод обобщения данных. Материалами исследования послужили Указы, приказы, постановления Президента Российской Федерации, статистические данные по Свердловской области, публикации российских авторов и интернет ресурсы. Материалы исследования могут быть использованы как лекционный материал по дисциплине «Экономика и организация производства»

Авторами поставленная цель достигнута путем решения намеченных задач по ходу исследования. По результатам проведенного исследования описаны выводы: прибыль является источником предотвращения кризисных явлений, служит источником финансирования расширенного воспроизводства, поскольку стимулирует рост инвестиций, формирования фондов экономического стимулирования и является главным источником пополнения государственного бюджета, для внедрения цифровых технологий в АПК недостаточно собственных денежных средств, поэтому требуется финансовое обеспечение из средств государства.

Ключевые слова: *выручка, себестоимость, прибыль, дефицит, профицит, эффективность производства, цифровизация, государственная поддержка.*

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of Economics,
Accounting, and Financial Control
at the Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilievna,
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor in the Department
of Philosophy at the Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor in the Department
of Management and Economic Theory
at the Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Senior Lecturer in the Department of Economics,
Accounting, and Financial Control
at the Ural State Agrarian University

BABKINA Anna Anatolyevna,
Senior Lecturer in the Department of Mathematics and IT
at the Ural State Agrarian University

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,
Senior Lecturer in the Department
Technosphere and Environmental Safety
of the Ural State Agrarian University

PROFIT AS THE MAIN FINANCIAL RESULT OF AGRIBUSINESS ENTERPRISES

Annotation. *Profit is a key indicator of the financial and economic performance of agricultural enterprises. It serves as a criterion for management effectiveness, a source of development, an indicator of sustainability, and a basis for strategic decision-making.*

The purpose of this research article is to examine profit as the primary financial result of any enterprise. The objectives of the study included: examining the theoretical foundations of profit as an

economic category; substantiating the importance of profit as the primary outcome of agricultural enterprises; describing the process of profit formation and the factors influencing profit; using the example of the Sverdlovsk Region; analyzing the structure of the consolidated budget; examining budget execution situations that determine budget deficits and surpluses; identifying areas for improving profitability in the current environment; and examining the functions of state support; and providing a conclusion. The research methods used included abstract logical, theoretical, statistical, and data summaries. The study materials included decrees, orders, and resolutions of the President of the Russian Federation, statistical data for the Sverdlovsk Region, publications by Russian authors, and online resources. The research materials can be used as lecture material for the course "Economics and Production Organization."

The authors achieved this goal by addressing the identified research objectives. The following conclusions are drawn from the research: profit is a source of crisis prevention, serves as a source of financing for expanded production, as it stimulates investment growth and the formation of economic incentive funds. It is also the main source of revenue for the state budget. Internal funds are insufficient for the implementation of digital technologies in the agro-industrial complex, requiring financial support from the state.

Key words: *revenue, cost price, profit, deficit, surplus, production efficiency, digitalization, government support.*

Основная часть Прибыль — один из основных финансовых результатов деятельности предприятий АПК. Она является целью и критерием эффективности предпринимательской деятельности, обеспечивает эффективное функционирование и развитие предприятия, а также предотвращает кризисные явления и угрозу банкротства [5. с. 195].

Аграрный сектор, являясь основой продовольственной безопасности и социально-экономического благополучия нации, испытывает значительное влияние факторов неопределенности. Эти факторы, обусловлены природными катаклизмами, нестабильностью рыночных цен, зависимостью от государственных регулирующих мер и спецификой организации производственных процессов, которые диктуют необходимость всестороннего анализа прибыльности и рентабельности предприятий АПК. Такой анализ критически важен для оценки операционной эффективности, выявления потенциала повышения прибыльности и принятия стратегически обоснованных управленческих решений.

Формирование прибыли в сельскохозяйственных предприятиях предусмотрено Министерством сельского хозяйства Российской Федерации и закреплено приказом от 31 января 2003 г. N 28 «Об утверждении методических рекомендаций по бухгалтерскому учету доходов и расходов деятельности сельскохозяйственных и других организаций АПК [4].

Прибыль как ключевой индикатор финансовой успешности отражает результирующий показатель деятельности агропромышленных приятий. В основе формирования прибыли лежат себестоимость и выручка реализованной сельскохозяйственной продукции (зерновые, овощные культуры, продукты животноводства и т.д.)

Процесс формирования прибыли можно структурировать следующим образом [7. с. 324]:

Выручка от реализации – это источник поступления денежных средств, показатель того, насколько успешно компания продаёт свою продукцию на рынке. Выручка от реализации определяется как произведение количества реализованной продукции на цену реализации [10].

В = Рп * Ц
Где:
В - выручка от реализации;
Рп - реализованной продукции:
Ц – цена реализации

Себестоимость реализованной продукции (Ср): включает в себя прямые издержки непосредственно связанные с производством продукции (материальные затраты, заработная плата производственных рабочих) и косвенные расходы (амортизационные отчисления, управленческие издержки), Определение себестоимости продукции сельского хозяйства - сложная задача, требующая корректного распределения затрат по видам произведенной продукции вследствие сезонности учета и распределения затрат (незавершенного производства). Незавершенное производство – переходящие остатки, затраты текущего года которые будут получены только в ряде следующих лет, в результате чего возникают остатки переходящие на следующий год (например, технические культуры, кормовые культуры). Себестоимость включает все расходы на производство, реализацию продукции и затраты будущих лет [11].

Ср = Рп + По
где:

Ср - себестоимость реализованной продукции;

Рп - полная себестоимость продукции;

По - переходящие остатки будущих лет

Прибыль от реализации (П) это положительная разница между выручкой и себестоимостью от продаж, которая позволяет оценить финансовую эффективность предпринимательской деятельности и способствовать дальнейшему воспроизводству [12].

$$П = В – Ср.$$

В предпринимательской деятельности часть прибыли направляется в бюджет, чистая прибыль, как наиболее емкий итоговый финансовый показатель, отражает ту часть доходов предприятия, которая остаётся в его распоряжении после выполнения всех обязательств перед государством, кредиторами и иными заинтересованными сторонами. Этот показатель отражает реальную степень финансовой устойчивости предприятия, его способность к самофинансированию, инвестированию, распределению ресурсов на дивиденды или формирование резервов. Все направления по распределению прибыли прописываются в уставе организации. Решение о распределении чистой прибыли принимается общим собранием участников, сумма направляемой прибыли на любые цели указывается в протоколе общего собрания [14]:

Выплаты дивидендов - в ООО чистую прибыль распределяют пропорционально долям участников в уставном капитале компании, если иное не определено;

Увеличение уставного капитала – принятым решением общего собранием участников;

Погашение убытков прошлых лет - чистую прибыль отчётного года по решению общего собрания участников направляют на эти цели:

Создание и увеличение фондов: накопления и развития. резервного, благотворительного;

Развитие компании - инвестиции в закупки новых основных средств или модернизации производственных активов.

Факторы, влияющие на прибыль от реализации:

На прибыль от реализации влияют внутренние контролируемые и управляемые факторы в рамках ведения хозяйственной деятельности и внешние факторы не зависящие, неуправляемые самой организацией [12].

Внутренние факторы: Увеличение доли рентабельных товаров в общем ассортименте является ключевым фактором повышения прибыли предприятия, поскольку продажа большего количества товаров с высокой рентабельностью ведёт к росту финансовых результатов. Снижение себестоимости, в частности за счёт оптимизации косвенных расходов, также в значительной мере способствует увеличению прибыли. Повышение цены реализации приводит к улучшению показателей прибыли, тогда как снижение цены на единицу продукции вызывает противоположный эффект, Оптимизация затрат позволяет сохранить больший объем средств, для реинвестирования в развитие бизнеса. Расширение ассортимента товаров может привлечь новых клиентов и увеличить средний чек Улучшение качества обслуживания напрямую влияет на клиентскую лояльность, что формирует позитивное впечатление о продаваемом продукте и повышает вероятность притока новых клиентов и сохранения уже имеющихся.

В сельском хозяйстве к внешним неконтролируемым факторам следует отнести природные и климатические условия, на состояние прибыли могут повлиять такие факторы как цены на сырьё и материалы, необходимые для производства которые влияют на издержки и тем самым увеличивают себестоимость единицы продукции. Налоговая политика государства, денежно-кредитная политика (величина ключевой ставки Центрального банка, от которой зависят ставки по кредитам в коммерческих банках) приостанавливает предпринимателей в привлечении заемных средств, для модернизации в производство и разработки и выпуска нового продукта. Политика конкурентов. Политика конкурентов влияет на прибыль через такие факторы как ценовая политика, маркетинг, непостоянство в законодательстве.

Внешние факторы не оказывают прямого воздействия на показатель прибыли от продаж, но косвенно влияют на величину себестоимости продукции, что в дальнейшем отражается и на финансовом результате организации [6, с. 314].

Консолидированный бюджет по Свердловской области образован из субъекта Российской Федерации и свода бюджетов муниципальных образований, входящих в состав субъекта Российской Федерации [5, с. 195; 15].

На основании статистических данных управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области проведем анализ структуры консолидированного бюджета по Свердловской области *таблица 1.*

Таблица 1. Анализ структуры консолидированного бюджета по Свердловской области [5; 15].

Источники доходов	2022г.		2023г.		2024г.	
	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%	Млн. руб.	%
Доходы – всего	450919	100	537255	100	583588	100
налог на прибыль организаций	108881	24,2	177196	33,0	156966	26,9
налог на доходы физических лиц	152749	33,9	176032	32,8	218480	37,4
акцизы по подакцизным товарам (продукции)	33788	7,5	37095	6,9	38970	6,7
налоги на совокупный доход	26592	5,9	28147	5,2	40147	6,9
налоги на имущество	36391	8,1	37268	7,0	41008	7,0
налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами	3376	0,7	3776	0,6	4709	0,8
доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	10470	2,3	14299	2,7	25997	4,5
платежи при пользовании природными ресурсами	2322	0,5	1998	0,4	1346	0,2
безвозмездные поступления	66843	14,8	48880	9,1	40277	6,9
прочие доходы	9507	2,1	12564	2,3	15688	2,7

Как видно из данной таблицы к доходам бюджетов относятся налоговые доходы, неналоговые доходы и безвозмездные поступления. В структуре консолидированного бюджета по Свердловской области лидирующие места занимают налог на доходы физических лиц и налог на прибыль. Наглядно как заработная плата с отчислениями влияют на прибыль предприятия и снижают налог на прибыль, если в структуре консолидированного бюджета в 2022 году налог на доходы физических лиц составил 33,9%, то налог на прибыль составила 24,2%.

Также видно, что в 2023 году налог на доходы физических лиц составил 32,8%, а налог на прибыль организаций составила 33,0%, то есть наблюдается незначительный темп прироста. В 2024 году налог на доходы физических лиц составил 37,4%, а налог на прибыль организаций упала до 26,9%, это говорит о том, что расходы на оплату труда и взносы уменьшают налогооблагаемую прибыль.

Таблица 2. Анализ финансового результата по Свердловской области [5; 15].

Показатели	Млн. рублей			Темп прироста		
	2022	2023	2024	2022 к 2021г.	2023 к 2022г.	2024 к 2023 г.
Доходы – всего	450919	537255	583588	5,4	19,,1	8,6
Расходы	448530	478411	562640	9,2	6,7	17,6
Профицит (+), Дефицит (-)	2389	58844	21048	-83,9	2363,1	-64,3

Профицит в бюджете Свердловской области в 2025 году образовался преимущественно за счёт роста налоговых поступлений, а именно от налога на доходы физических лиц. это говорит об увеличении среднемесячной заработной платы по Свердловской области. За анализируемый период наблюдается увеличение суммы доходов, и расходов, но при этом тем прироста доходов снизился до 8,6% в 2024 году по сравнению с 2023 годом. Расходы увеличились на 17,6% в 2024 году по сравнению с 2023 годом, в результате профицит бюджета области, упал в 2024 году до - 64,3% по сравнению с 2023 годом 2363,1%.

Таким образом, профицит стал результатом сочетания экономического роста в увеличении зарплат и изменений в налоговой политике Понимание дефицит и профицит заключается в том, что при перевесе расходов над доходами возникает дефицит, и наоборот поступлений над расходами – профицит.

По мнению многих экспертов нельзя назвать идеальным состоянием государственной экономики, профицит дохода может возникать в следующих случаях [8, с. 777]:

-поступление авансовых платежей на счета в последние дни календарного года;

-наличие на счетах организации невыясненные денежные поступления;

-находящиеся на остатках денежные средства по не наступившим срокам выплат;

-остаток денежных средств на счетах, не освоенных по причине длительного прохождения документации, соблюдения законодательства (например, на торги).

Естественно, как только настанет период исполнения вышеуказанных ситуаций, не может быть и речи о наличии реального переизбытка свободных денежных средств на счетах.

Главной целью предпринимательской деятельности является извлечение прибыли, формируемой в зависимости от материально заинтересованных сторон организации, ее работников, а также государства. Для работников организации может быть предусмотрена достойная оплата труда, для организации прибыль определяет эффективность работы, является индикатором окупаемости нового продукта и дальнейшего развития, а для государства – своевременная оплата исчисленных налоговых платежей.

Для повышения прибыли сельскохозяйственного производства необходим комплексный подход, включающий следующие направления деятельности [6, с. 314; 8, с. 777]:

Оптимизация структуры посевных площадей: выбор наиболее рентабельных культур с учетом климатических особенностей;

Внедрение комплексной механизации производственных процессов новой высокопроизводительной техникой и её рациональное использование;

Применение ресурсосберегающих технологий позволяющих оптимизировать трудовые и материальные затраты и обеспечить максимальное получение продукции за счёт экономии топлива и электроэнергии, сырья;

Сокращение производственного цикла, за счёт минимизации межоперационного простоя, времени транспортировки, хранения обработки и сборки и др.

Одним из основных направлений повышения прибыльности в АПК сегодня находится внедрение цифровой трансформации.

Агропромышленный комплекс в Российской Федерации является одним из ключевых секторов отечественной экономики, оказывающее непосредственное влияние на уровень продоволь-

ственной независимости и безопасности, предусмотренных Доктриной утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». Для реализации положений стратегического направления следует достичь с помощью цифровой трансформация, определенной Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года, использования новых технологий, искусственного интеллекта, автоматизации управления, дистанционного зондирования Земли, беспилотных систем управления [2; 3].

Как утверждают специалисты информационной технологии, внедрение цифровой трансформации в агропромышленном комплексе (АПК) полезно для бизнеса, государства и экологии:

-для бизнеса в АПК, цифровая технология способна прогнозировать урожайность, сократить расходы на производство, оптимизировать производственные решения, в том числе своевременной поставки семян, удобрений, ГСМ обеспечивать экономию времени в логистике и прогнозировать риски,

-для государства, Указ президента будет реализована, так как к 2030 году все профильные ведомства в АПК должны быть объединены на единой платформе в целях упрощения взаимодействий между участниками аграрного рынка.

-для экологии, применение цифровизации позволит снижение экологической нагрузки на сельское хозяйство за счет избавления от сорняков, внесения удобрений, у потребителей и контролирующих органов появляется возможность прослеживать производство продукции, её безопасность.

Однако внедрение цифровых технологий в АПК требует финансового обеспечения, в некоторых сельских территориях отсутствуют интернет связи, что затрудняет сбор информации и приводит к невыполнению Указа Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» [1]:

Необходимо рассмотреть меры, оказывающие влияние на финансовое состояние сельскохозяйственных предприятий со стороны государства, это могут быть субсидии, дотации, льготные кредитования, налоговые льготы и другие инструменты. Государственная поддержка играет важную роль в развитии бизнеса и экономики, но напрямую не влияет на извлечение прибыли [16]:

Некоторые функции государственной поддержки:

Поддержка помогает предприятия внедрить инновации и цифровизацию, противостоять внешним стрессам, обеспечивает устойчивости бизнеса.

Государство выступает организатором экосистемы, в которой предприятиям комфортно и безопасно развиваться оказывает материальную и институциональную поддержку создает условия для развития.

Участие государства помогает снизить риски выхода на рынок, предоставляет механизмы защиты и стимулирует долгосрочное развитие разными указами, приказами, инструкциями, положениями.

Поддержка государства способствует созданию новых рабочих мест, повышению доходов населения и увеличению доходов бюджетов всех уровней.

Таким образом, прибыль является источником предотвращения кризисных явлений, служит источником финансирования расширенного воспроизводства, поскольку стимулирует рост инвестиций, формирования фондов экономического стимулирования и является главным источником пополнения государственного бюджета. Предприятия, стремясь получить прибыль, совершенствуют производство, расширяют рабочие места, увеличивают объёмы производства и, в конечном итоге, все это приводит к развитию отрасли и национальной экономики в России. Однако для внедрения цифровых технологий в АПК недостаточно собственных денежных средств, поэтому требуется финансовое обеспечение из средств государства, и также рекомендуется в сельских территориях обеспечить доступность к интернет связи, что способствует реализации Указа президента «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203-o-strategii/ (дата обращения 01.03.2026).

[2] Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/ (дата обращения 01.03.2026).

[3] Распоряжение Правительства РФ от 23 ноября 2023 г. № 3309-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и

рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 г». // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408020499/ (дата обращения 01.03.2026).

[4] Приказ Минсельхоза РФ от 31.01.2003 N 28 «Об Утверждении методических рекомендаций по бухгалтерскому учету доходов и расходов деятельности сельскохозяйственных и других организаций АПК». // Контур.Норматив. URL: https://normativ.kontur.ru/ (дата обращения 01.03.2026).

[5] Свердловская область в 2020 – 2024 годах: Статистический сборник / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – С24 Екатеринбург, 2025. – 195 с.

[6] Амирова С.А. Прибыль как обобщающий показатель эффективности деятельности предприятия // Актуальные вопросы современной экономики 2020. С 314-318

[7] Булавка Е.Д., Сидляр Н.С. Пути повышения прибыли на предприятии в современных условиях развития экономики // Материалы научно-практической конференции Ресурсосбережение. Эффективность. Развитие. – Донецк: Дон НТУ, 2017. – 324 с.

[8] Девяткин О.В., Акуленко Н.Б., Баурина С.Б. [и др.] Экономика предприятия (организации, фирмы): учебник / О.В. Девяткин, Н.Б. Акуленко, С.Б. Баурина [и др.] ; под ред. О.В. Девяткина, А.В. Быстрова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2022. — 777 с.

[9] Соловьев Н.Р., Стахеева Л.М. Корпоративная прибыль как основной финансовый результат деятельности предприятия // В сборнике: Социально-гуманитарное образование и наука в XXI ВЕКЕ. Материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции. 2022. С. 344-349.

[10] Выручка от реализации — что это такое и как правильно рассчитать // ТулФокс. URL: https://toolfox.ru/blog/vyruchka-ot-realizacii (дата обращения 01.03.2026).

[11] Себестоимость реализации: что это такое, важность, компоненты и расчет // InvestFuture. URL: https://investfuture.ru/articles/sebestoimost-realizatsii-chto-eto-takoe-vazhnost-komponenty-i-raschet (дата обращения 01.03.2026).

[12] Прибыль от реализации: что это такое, компоненты, примеры и влияние на бизнес. // InvestFuture. URL: https://investfuture.ru/ (дата обращения 01.03.2026).

[13] Прибыль как основной финансовый результат предприятий АПК // Репозиторий БГАТУ. URL: https://rep.bsatu.by/bitstream/doc/302/ (дата обращения 01.03.2026).

[14] Энциклопедия решений. Учет распределения чистой прибыли (октябрь 2025) // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/57970983/ (дата обращения 01.03.2026).

[15] Государственный бюджет - понятие, цели, примеры // SkySmart. URL: https://skysmart.ru/articles/obshestvoznanie/gosbyudzhet-eto (дата обращения 01.03.2026).

[16] Господдержка для бизнеса в 2025 году: меры, ограничения, альтернативы // Klerk.ru. URL: https://www.klerk.ru/blogs/pebguru/ (дата обращения 01.03.2026).

References:

[1] Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017, No. 203, “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030” // Laws, Codes, and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation. Available at: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-09052017-n-203-o-strategii/ (Accessed March 1, 2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020, No. 20, “On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation” // SPS Garant. Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/ (Accessed March 1, 2026).

[3] Order of the Government of the Russian Federation of November 23, 2023 No. 3309-r “On Approval of the Strategic Direction in the Field of Digital Transformation of the Sectors of the Agro-Industrial and Fisheries Complexes of the Russian Federation for the Period up to 2030”. // SPS Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408020499/ (date of access 01.03.2026).

[4] Order of the Ministry of Agriculture of the Russian Federation of January 31, 2003 No. 28 “On Approval of Methodological Recommendations for Accounting of Income and Expenses of Agricultural and Other Organizations of the AIC”. // Kontur.Normative. URL: https://normativ.kontur.ru/ (date of access 01.03.2026).

[5] Sverdlovsk Oblast in 2020–2024: Statistical Digest / Office of the Federal State Statistics Service for the Sverdlovsk Oblast and Kurgan Oblast. – S24 Yekaterinburg, 2025. – 195 p.

[6] Amirova S.A. Profit as a General Indicator of Enterprise Performance // Current Issues in Modern Economics 2020. Pp. 314–318

[7] Bulavka E.D., Sidlyar N.S. Ways to Increase Enterprise Profits in Modern Conditions of Economic Development // Proceedings of the Scientific and Practical Conference Resource Saving. Efficiency. Development. – Donetsk: Don NTU, 2017. – 324 p.

[8] Devyatkin O.V., Akulenko N.B., Baurina S.B. [et al.] Economics of an Enterprise (Organization, Firm): Textbook / O.V. Devyatkin, N.B. Akulenko, S.B.

Baurina [et al.]; edited by O.V. Devyatkin, A.V. Bystrov. — 5th ed., revised and enlarged. — Moscow: INFRA-M, 2022. — 777 p.

[9] Soloviev N.R., Stakheeva L.M. Corporate profit as the main financial result of an enterprise's activity // In the collection: Social and humanitarian education and science in the 21st century. Proceedings of the All-Russian national scientific and practical conference. 2022. Pp. 344-349.

[10] Sales revenue — what is it and how to calculate it correctly // ToolFox. URL: https://toolfox.ru/blog/vyruchka-ot-realizacii (accessed 01.03.2026).

[11] Cost of sales: what it is, its importance, components, and calculation // InvestFuture. URL: https://investfuture.ru/articles/sebestoimost-realizatsii-chto-eto-takoe-vazhnost-komponenty-i-raschet (accessed March 1, 2026).

[12] Profit from sales: what it is, its components, examples, and impact on business // InvestFuture. URL: https://investfuture.ru/ (accessed March 1, 2026).

[13] Profit as the main financial result of agricultural enterprises // BSATU Repository. URL: https://rep.bsatu.by/bitstream/doc/302/ (accessed March 1, 2026).

[14] Encyclopedia of solutions. Accounting for the distribution of net profit (October 2025) // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/57970983/ (accessed March 1, 2026).

[15] State Budget: Concept, Goals, Examples // SkySmart. URL: https://skysmart.ru/articles/obshestvoznanie/gosbyudzhet-eto (accessed March 1, 2026).

[16] State Support for Business in 2025: Measures, Restrictions, Alternatives // Klerk.ru. URL: https://www.klerk.ru/blogs/pebguru/ (accessed March 1, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-297-302

ВАЛЕНТИК Г.И.,
студент Юридический факультет
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: 234107@edu.fa.ru

Научный руководитель:
ГОЛОВЧЕНКО О.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного и публичного права,
e-mail: ongolovchenko@fa.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена выявлению и исследованию проблем, возникающих или сопутствующих реализации отношений в сфере обеспечения и поддержки конкуренции в Российской Федерации. Авторами проведен правовой анализ действующего законодательства, разъяснений федерального органа исполнительной власти, осуществляющим функции по принятию нормативных правовых актов и контролю за соблюдением антимонопольного законодательства, законодательных инициатив и результатов деятельности последнего, а также юридической литературы. Были выявлены пробелы в законодательстве России, восполнение которых способствовало бы развитию конкуренции и стимулированию предпринимательской деятельности среди лиц, осуществляющих деятельность по распространению информации пользователем социальной сети (видеоблогеры), предложены пути их (проблем) решения.*

Ключевые слова*: конкуренция, защита конкуренции, злоупотребление доминирующим положением, цифровые платформы, видеоблогеры, ВКонтакте.*

VALENTIK G.I.,
Student Faculty of Law Financial University
under the Government of Russian Federation

Scientific supervisor:
GOLOVCHENKO O.N.,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of International and Public Law

ON THE LEGAL REGULATION OF COMPETITION PROTECTION RELATIONS

Annotation. *The article is devoted to the identification and study of problems that arise or accompany the implementation of relations in the field of ensuring and supporting competition in the Russian Federation. The authors have conducted a legal analysis of the current legislation, the explanations of the federal executive authority responsible for the adoption of regulatory legal acts and the control of compliance with antitrust legislation, legislative initiatives and the results of the latter's activities, as well as legal literature. Gaps in Russian legislation have been identified, the filling of which would contribute to the development of competition and the stimulation of entrepreneurial activity among persons engaged in the dissemination of information by the user of the social network (video bloggers), and ways to solve them (problems) have been proposed.*

Key words*: competition, protection of competition, abuse of a dominant position, digital platforms, video bloggers, VKontakte.*

Как отмечалось еще в середине двухтысячных годов членом Комитета по кредитным организациям и финансовым рынкам Госдумы РФ Зубовым В.М., создание максимально равных условий ведения бизнеса является предпосылкой наибольшего прогресса общества. «Это, очевидно, исходный закон прогресса конкуренции. И любые формы монополизма в любой из сфер общественной жизни имеют одинаково негативные последствия» [6, с.65]. С переходом России на путь рыночной экономики и закреплением на уровне Конституции РФ принципа поддержки конкуренции [11] возникает необходимость, с одной стороны, содействовать на государственном уровне ее реализации с экономической стороны, а с другой стороны, реализовывать на законодательном уровне мер, направленных в том числе на пресечение и привлечение к ответственности за нарушение такого законодательства.

В настоящее время, как показывают положения Государственных программ РФ, направленных на развитие экономики [12], целью, направленной на поддержку экономического развития России, является в том числе развитие антимонопольного регулирования, а целью федерального проекта “Развитие конкуренции” значится, в целом, создание благоприятной институциональной и организационной среды в целях улучшения условий функционирования товарных рынков, развития конкуренции на них [13], чем и обуславливается актуальность настоящей работы. Одним из направлений правового регулирования отношений в сфере конкуренции, обусловленного как закономерностями развития рыночной экономики, так и реализацией заложенного статьей 34 Конституции РФ принципом, является недопущение монополизации и недобросовестной конкуренции. Причем подход к такому регулированию на правовом уровне в России в сравнении с зарубежными странами несколько отличается: такие страны, как Германия, Франция и Бельгия содержат в национальных законах о защите конкуренции положения об институте экономической зависимости, который призван защищать несамостоятельного зависимого участника рыночных отношений [2, с.205]. В России же основным институтом, закрепленном в Федеральном законе «О защите конкуренции» от 26.07.2006 (далее по тексту – Закон о защите конкуренции), призванном пресекать негативные последствия монополизации, является запрет на злоупотребление доминирующим положением [14]. Важно, что сама Федеральная антимонопольная служба (далее по тексту – ФАС России) обращала внимание: запрет направлен на противодействие в первую очередь противоправному поведению участников на товарном рынке: “Само по себе доминирующее положение хозяйствующего субъекта, в том числе коллективное доминирующее положение нескольких хозяйствующих субъектов, не является нарушением антимонопольного законодательства” [15].

Соответственно, дальнейшее правовое регулирование обозначенных правоотношений учитывает специфику мер, направленных на защиту конкуренции на правовом уровне в России. Обозначив это, перейдем непосредственно к основной теме работы. В условиях развития цифровых процессов в Российской Федерации и все более тесную интеграцию последних в экономические процессы страны неизбежно приводит к правовому регулированию деятельности цифровых платформ, в том числе в целях поддержания и защиты конкуренции. И среди наиболее важных законодательных инициатив, вызвавшей ряд обсуждений, выступает предложение ФАС России о внесении изменений в действующую редакцию части 4 статьи 10 Закона о защите конкуренции: эта статья исключала бы действующие в настоящее время антимонопольные иммунитеты на результаты интеллектуальной деятельности и др. в тех случаях, когда действия участников рынка, находящихся «под иммунитетом», нацелены на ограничение конкуренции [16]. Как отмечается в пояснительной записке к указанному проекту федерального закона, необходимость подобных поправок обусловлена частыми злоупотреблениями правообладателями результатов интеллектуальной деятельности (далее по тексту – РИД) своим положением. В частности, приводятся в пример злоупотребления производителей контрольно-кассовой техники, которое выражалось в предоставлении исключительно платных обновлений программного обеспечения (последнее было необходимо для применения новых форматов документов в связи с изменением ставки налога на добавленную стоимость) [16].

Указанная инициатива ФАС России находила свое закрепление еще в Плане работы службы на 2019-2024 годы [17] (в части модернизации нормативного регулирования в эпоху цифровой экономики [4]). Однако предложение службы может вызвать ряд вопросов в части необходимости самой отмены антимонопольных иммунитетов, так как ранее подобные предложения ФАС России уже вносились на рассмотрение в Государственную Думу, но поддержку не получали, а также ряд исследователей указывал на иные способы защиты, посредством которых можно пресекать ненадлежащие действия правообладателей (например, эстоппель) [8]. Иные авторы указывают на комбинированный подход

российской практики в вопросе привлечения к административной ответственности за нарушения антимонопольного законодательства: «часть аспектов регулируется в рамках положений Федерального закона «О защите конкуренции», которые действовали ранее и распространяются на все типы компаний, а не только цифровые платформы, а часть – в рамках Пятого антимонопольного пакета, направленного конкретно на устранение противоправных практик доминирующих платформ и экосистем» [10].

Как пример: в 2021 году против компании «Яндекс» подали жалобу от имени нескольких цифровых сервисов, включая «Авито», в связи с продвижением первой собственных сервисов преимущественно перед иными путем отображения в поисковой системе того же Яндекса в первую очередь собственных сервисов [7, с. 117].

Или же дело «Хэдхантер»: так, в отношении указанной компании было вынесено решение о привлечении к ответственности за нарушение норм о недопустимости монополистической деятельности [7, с. 127] за установленный запрет на пользование иного программного обеспечения на такой платформе. Т.е. нельзя однозначно сказать, что владельцы цифровых платформ полностью свободны в своих действиях, несмотря на наличие антимонопольных иммунитетов для РИД.

В связи с указанным возникает вопрос: насколько необходимы именно такие изменения в действующее законодательство? Как отмечает Башлаков-Николаев И.В., «необходимо реализовать комплекс мер государственного воздействия на состояние экономики и поведение действующих на рынке хозяйствующих субъектов для того, чтобы защищать, развивать и поддерживать конкуренцию» [1, с. 40]. И в этом отношении законодательство о защите конкуренции должно находиться в тесной взаимосвязи с текущим состоянием экономики, учитывать количество участников товарных рынков, обладающих доминирующих положением на рынке и не имеющим такового.

Авторы считают, что для целей правового регулирования нужно отталкиваться не только понятием конкуренции, приведенном в ФЗ № 135, но и фактическим состоянием экономики. С учетом особенностей Закона о защите конкуренции, предусматривающего запрет именно на злоупотребление доминирующим положением на рынке, но не на само занятие доминирующего положения хозяйствующим субъектом, инициатива ФАС России может представляться хоть и отчасти обоснованной, но не способной урегулировать ряд иных случаев, в которых отсутствует монополистическая деятельность по смыслу Закона о защите конкуренции, но фактической конкуренции нет. Последняя как раз и необходима для развития экономики в Российской Федерации. В качестве примера рассмотрим ситуацию с российскими видеохостингами.

При детальном рассмотрении экономической и правовой составляющей таких сервисов, как Вконтакте (VK), Rutube, Дзен может возникнуть вопрос относительно возможности эффективного развития настоящих сервисов как таковой в условиях рыночной экономики. По данным, имеющимся в средствах массовой информации от официальных изданий (далее по тексту – СМИ), «Крупнейшим акционером VK является АО «МФ Технологии» (МФТ), владеющая 57,3% голосов интернет-холдинга. Совладельцами МФТ являются «СОГАЗ» и «Газпром-медиа холдинг» (им принадлежит по 45% МФТ)...» [18]. При этом, по данным из открытых источников, основными акционерами СОГАЗа с долей в 21,2% являются… «Газпром»” [19]).

При этом сервис Rutube в 2023 г. также был выкуплен холдингом “Газпром-медиа” [20] и в момент написания настоящей статьи все еще принадлежит Газпрому. Платформа “Дзен”, в свою очередь, была приобретена ВКонтакте в 2022 г., причем на данную сделку ФАС России выдала свое согласие, отдельно отметив, что подобная мера «направлена на сохранение конкуренции» [21]. Возникает справедливый вопрос: насколько в действительности сохранена конкуренция в рассматриваемой сфере при условии, что три основных отечественных видеохостинга, по сути, находятся под управлением одного холдинга – Газпрома и его структур? Как рассматривалось выше привлечение к юридической ответственности в случае нарушения требований Федерального закона «О защите конкуренции» возможно только в случае проявления злоупотреблений на товарном рынке либо осуществлением недобросовестной конкуренции (перечень форм таковой приведен в Главе 2.1 указанного ФЗ), в том числе с использованием своего доминирующего положения.

Однако в настоящий момент указанных неправомерных действий за тем же Вконтакте, в рамках деятельности его цифровой платформы, замечено не было (во всяком случае со стороны ФАС России), но при этом возникает ситуация, когда из-за отсутствия конкуренции как таковой, вследствие руководства Газпромом почти всеми видеохостингами в РФ, сервисы перестают совершенствоваться. Конкуренция, позволяющая улучшать количество и качество создаваемого общественного продукта, как отмечается в научной литературе, в условиях рыночной экономики, необходима [5], а ее отсутствие приведет к стагна-

ции экономики (в нашем случае – контента на отечественных видеохостингах). И это частично подтверждается следующим примером: некоторое время назад во ВКонтакте была введена партнерская программа, при которой пользователь в настоящей социальной сети оказывает услуги «по созданию и размещению Контента в Сообществах в целях показа Контента совместно с рекламно-информационными материалами» [22] за вознаграждение.

Как отмечается в научной литературе, «видеоблогеры создают контент не только в целях самореализации и/или приобретения популярности, они стремятся монетизировать принадлежащий им канал» [9, с. 640]. Являясь довольно распространенной программой для заработка, в том числе на зарубежных видеохостингах, во Вконтакте, для нее были установлены помимо прочих следующие требования для участия: “Сообществом должен быть обеспечен прирост не менее 1 250 подписчиков за последний календарный месяц, или в Сообществе должно быть не менее 500 000 подписчиков на момент подачи заявки для участия в Программе….Не менее 30% подписчиков Сообщества в течение календарного месяца должны просматривать хотя бы одну единицу контента в Сообществе” [22].

Однако такие условия программы совершенно не способны создать поддержку начинающим авторам на таких площадках в силу того, что не все видеоблогеры могут привлекать на ранних этапах осуществления своей деятельности финансирование со стороны рекламодателей, пожертвование со стороны зрителей и т.д., поэтому программа монетизации могла бы помочь начинающим авторам решить такую проблему. Сама возможность со стороны ВКонтакте продвигать именно такой вариант программы обусловлена, во-первых, фактически лидирующим положением по сравнению с другими российскими видеохостингами вследствие большей распространенности у пользователей, во-вторых, отсутствием той самой конкуренции: у Rutube или Дзена подобные программы отсутствуют. И ни о каком развитии российских видеохостингов в таком случае говорить не приходиться в силу наличия больше фактических, а не правовых барьеров для конкуренции с площадками Газпрома в рассматриваемой сфере.

В действующем законодательстве России отсутствуют какие-либо барьеры по предельным условиям, включаемыми владельцами видеохостингов в подобные соглашения, что само по себе могло бы способствовать изменению стесненного положения пользователей и лиц, желающих осуществлять предпринимательскую деятельность как видеоблогеры. Авторы исследования считают, что анализ сделок между крупными компаниями, являющимися владельцами цифровых платформ, должен производиться с учетом комплексного анализа дальнейшего влияния на фактическое состояние конкуренции. Анализируя опыт зарубежных стран (например, Германии), можно заметить определенные шаги в этом направлении. Так, в июне 2021 года в указанной стране в отношении компании Apple было возбуждено дело, в рамках расследования которого “проводились процедуры определения межрыночной силы Apple на разных рынках” [3, с. 566], в первую очередь исследовалась цифровая экосистема, созданная Apple на базе своих устройств [3, с. 567]. То есть сам анализ со стороны немецкого регулятора был более системным, чего, к сожалению, не наблюдалось в России при одобрении ФАС России продажи Дзена Газпрому.

Однако, с учетом различных научных и законодательных подходов к рассматриваемым правоотношениям, а также принимая во внимание вышесказанное, одним из способов развития фактической конкуренции может являться более тщательное правовое регулирование отдельных видов деятельности с участием цифровых платформ. Отметим, что обозначенное регулирование уже нашло частичную реализацию в пока не вступившим в силу Федеральном законе от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Башлаков-Николаев И.В. Формы и методы управления в сфере защиты конкуренции // Труды Института государства и права Российской академии наук/ 2015. № 6. С.39-49.

[2] Борзило Е.Ю. Концепция экономической зависимости в регулировании предпринимательской деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики/ 2021. Т. 13, № 4. С.205-229.

[3] Гагарина И. В., Князева И. В. ‘Государственная конкурентная политика Германии: ответы на вызовы цифровизации экономики, уроки для России’ // Вестник Санкт-Петербургского университета/ 2022. Экономика, 38 (4), С.552-580.

[4] Дехтяр И.Н. Нарушения антимонопольного законодательства в деятельности цифровых платформ // Вестник Саратовской государственной юридической академии/ 2021. №1 (162). С. 78-87.

[5] Жданов И.Ю. Актуальные проблемы защиты конкуренции // Пенитенциарная наука/ 2011. №15. С.57-60.

[6] Зубов В.М. Конкуренция в бизнесе = конкуренция в политике // Современная конкуренция/ 2007. Т.16, № 2 (86). С. 65-70.

[7] Истомин В.Г. Антимонопольное регулирование деятельности цифровых компаний и функционирования интернет-платформ в России и Европейском союзе // Правоприменение. 2022. Т.6, №2. С. 120-133.

[8] Истомин В.Г. Интеллектуальные права и антимонопольное регулирование: оценка допустимости и пределов антимонопольных иммунитетов в контексте обеспечения баланса интересов // Журнал российского права/ 2019. №12. С.204-205.

[9] Рубцова Н.В., Мушников С.А. Рекламный контент видеоблогеров: определение оптимальных параметров // Известия Байкальского государственного университета/ 2022. Т.32, №15. С.638-644.

[10] Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций/ 2024. Т. 19, № 2. С. 110-126.

[11] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации https://pravo.gov.ru.

[12] Постановление Правительства Российской Федерации от 25.12.2021 № 2489 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации https://pravo.gov.ru.

[13] Федеральный проект “Развитие конкуренции”. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_effektivnaya_i_konkurentnaya_ekonomika/fp_razvitie_konkurencii/ (дата обращения: 27.10.2025 г.).

[14] Федеральный закон от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 28.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.07.2006 г. N 31 (часть I). Ст. 3434.

[15] Разъяснение № 15 Федеральной антимонопольной службы «О привлечении к ответственности за злоупотребления доминирующим положением хозяйствующих субъектов, признанных коллективно доминирующими» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 24 октября 2018 г. № 11) от 24.10.2018 // URL: https://fas.gov.ru/documents/668095 (дата обращения: 27.10.2025 г.).

[16] Проект Федерального закона О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» // URL: О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» - Официальный сайт для размещения информации о подготовке нормативных правовых актов и результатах их обсуждения (дата обращения: 27.10.2025 г.).

[17] План деятельности Федеральной антимонопольной службы на период до 2024 года // URL: https://fas.gov.ru/documents/688495 (дата обращения: 27.10.2025 г.).

[18] Холдинг VK завершил перерегистрацию в калининградском офшоре // https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/27/09/2023/651425a99a7947b1ebd8c7e0 (дата обращения: 28.05.2025 г.).

[19] СОГАЗ заработает на нефтехимии // https://www.kommersant.ru/doc/4741796 (дата обращения: 28.05.2025 г.).

[20] Холдинг «Газпром-медиа» приобрел видеосервис Rutube // URL: https://www.gazprom-media.com/ru/media/holding-gazprom-media-priobrel-videoservis-rutube (дата обращения: 27.10.2025 г.).

[21] ФАС одобрила с предписаниями ходатайства VK и Яндекса // URL: https://fas.gov.ru/news/32117 (дата обращения: 27.10.2025 г.).

[22] Правила Партнёрской программы ВКонтакте // URL: https://vk.com/@authors-pravila-partnerskoi-programmy (дата обращения: 28.05.2025 г.)

References:

[1] Bashlakov-Nikolaev I.V. Forms and methods of management in the field of competition protection// Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences/2015. № 6. S.39-49.

[2] Borzilo E.Yu. The concept of economic dependence in the regulation of entrepreneurial activity//Law. Journal of the Higher School of Economics/2021. T. 13, NO. 4. P.205-229.

[3] Gagarina I.V., Knyazeva I.V. “German state competition policy: answers to the challenges of digitalization of the economy, lessons for Russia “//Bulletin of St. Petersburg University/2022. Economics, 38 (4), S.552-580.

[4] Dekhtyar I.N. Violations of antimonopoly legislation in the activities of digital platforms//Bulletin of the Saratov State Law Academy/2021. №1 (162). S. 78-87

[5] Zhdanov I.Yu. Actual problems of competition protection//Penitentiary science/2011. №15. S.57-60.

[6] Zubov V.M. Competition in business = competition in politics//Modern competition/2007. T.16, No. 2 (86).. S. 65-70.

[7] V.G. Istomin. Antitrust regulation of the activities of digital companies and the functioning of Internet platforms in Russia and the European Union//Law enforcement. 2022. T.6, No. 2. S. 120-133.

[8] V.G. Istomin. Intellectual Rights and Antimonopoly Regulation: Assessment of Admissibility and Limits of Antimonopoly Immunities in the Context of Ensuring a Balance of Interests//Journal of Russian Law/2019. №12. P.204-205.

[9] Rubtsova N.V., Mushnikov S.A. Advertising content of video bloggers: determining the optimal parameters//Izvestia of Baikal State University/2022. T.32, No. 15. P.638-644.

[10] Shelepov A.V., Kolmar O.I. Regulation of digital platforms in Russia//Bulletin of International Organizations/2024. VOL. 19, NO. 2. S. 110-126.

[11] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote 12.12.1993 (with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) //Official Internet portal of legal information https://pravo.gov.ru.

[12] Decree of the Government of the Russian Federation of 25.12.2021 No. 2489 "On Amending the State Program of the Russian Federation "Economic Development and Innovative Economy" and invalidating certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation "//Official Internet portal of legal information https://pravo.gov.ru.

[13] Federal project "Development of competition." URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_effektivnaya_i_konkurentnaya_ekonomika/fp_razvitie_konkurencii/ (дата обращения: 27.10.2025 г.).

[14] Federal Law No. 135-FZ dated July 26, 2006 "On Protection of Competition" (as amended on 28.12.2024)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 31.07.2006 No. 31 (Part I). Art. 3434.

[15] Clarification No. 15 of the Federal Antimonopoly Service "On Prosecution for Abuse of the Dominant Position of Economic Entities Recognized as Collectively Dominant" (approved by Protocol of the Presidium of the FAS of Russia dated October 24, 2018 No. 11) dated 24.10.2018 //URL: https://fas.gov.ru/documents/668095 (accessed: 27.10.2025).

[16] Draft Federal Law On Amendments to the Federal Law "On Protection of Competition "//URL: On Amendments to the Federal Law" On Protection of Competition "- Official website for posting information on the preparation of regulatory legal acts and the results of their discussion (date of appeal: 27.10.2025).

[17] Federal Antimonopoly Service Action Plan 2024//URL: https://fas.gov.ru/documents/688495 (Accessed 27.10.2025).

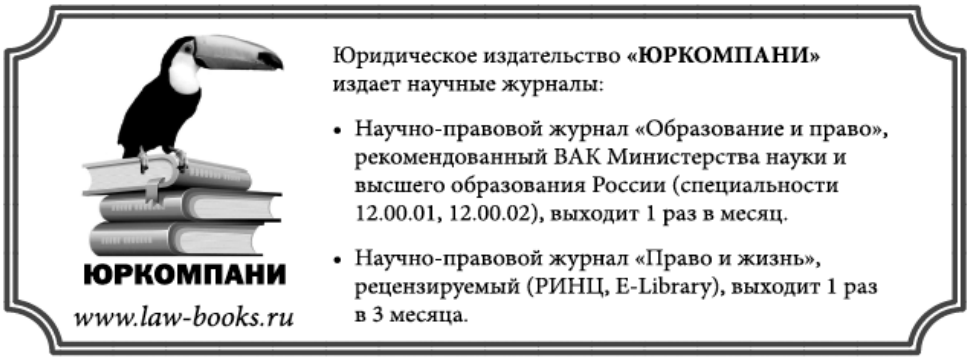
[18] VK Holding has completed re-registration in the Kaliningrad offshore//https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/27/09/2023/651425a99a7947b1ebd8c7e0 (Accessed 28.05.2025).

[19] SOGAZ will start working on petrochemicals// https://www.kommersant.ru/doc/4741796 (circulation date: 28.05.2025).

[20] Gazprom Media Holding acquired Rutube video service//URL: https://www.gazprom-media.com/ru/media/holding-gazprom-media-priobrel-videoservis-rutube (Accessed 27.10.2025).

[21] FAS approved with the prescriptions of the application of VK and Yandex//URL: https://fas.gov.ru/news/32117 (date of appeal: 27.10.2025)

[22] VKontakte Partner Program Guidelines// URL: https ://vk.com/@ authors-pravila-partnerskoi-program (Accessed 28.05.2025).



Дата поступления рукописи в редакцию: 29.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-303-308

АНТИПОВА Елена Павловна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
e-mail:epa2707@yandex.ru

ВОПРОСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ РАССМОТРЕНИИ НАЛОГОВЫХ СПОРОВ

Аннотация. *Научная статья посвящена проблематике функционировании суда в формировании налоговых отношений. Проводится обзор зарубежной и отечественной практики рассмотрения судебных актов при регулировании налоговых споров и конфликтов. Подчеркиваются успешные опыты США, Германии, Великобритании в защите прав и интересов участников налоговых отношений через специализированные налоговые органы. Помимо прочего, подчеркивается трансформация налогового законодательства, регламентирующего процесс рассмотрения налоговых споров. Интерес представляет алгоритм разрешения спорных и конфликтных ситуаций в рамках исковых заявлений налогоплательщиков в отечественной практике.*

Ключевые слова: *налоговый орган, судебный процесс, налоговые отношения, налоговые споры, судебное решение, защита прав и интересов, налогоплательщики.*

ANTIPOVA Elena Pavlovna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Public Law,
North-Western Branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

ISSUES OF TRANSFORMATION OF TAX LEGISLATION UNDER CONSIDERATION TAX DISPUTES

Annotation. *The scientific article is devoted to the problems of the functioning of the court in the formation of tax relations. A review of foreign and domestic practices of considering judicial acts in regulating tax disputes and conflicts is provided. The successful experiences of the USA, Germany, Great Britain in protecting the rights and interests of participants in tax relations through specialized tax authorities are emphasized. Among other things, the transformation of tax legislation regulating the process of considering tax disputes is emphasized. Of interest is the algorithm for resolving controversial and conflict situations within the framework of taxpayers' claims in domestic practice.*

Key words*: tax authority, judicial process, tax relations, tax disputes, court decision, protection of rights and interests, taxpayers.*

В первую очередь важно указать на то, что сегодня в академическом и профессиональном сообществе активно обсуждается значение судебных органов и их позиция по отдельным правовым вопросам как источник налогового права. При этом интерес представляет позиция именно Конституционного суда РФ, который рассматривает комплекс налоговых споров. Основной задачей судов в формировании налоговых отношений является координация взаимоотношений между налоговыми органами и налогоплательщиками посредством судебной деятельности, защита законных прав и интересов налогоплательщиков и поддержание стабильного социально–экономического порядка. С точки зрения мировой практики следует выделить опыт зарубежных стран в создании специализированных налоговых судов:

– в США налогоплательщик может обжаловать решение налоговых органов при подозрении на нарушение налогового законодательства или его законных прав и свобод через Бюро жалоб Управления федеральной налоговой службы. Кроме того, интерес представляет действующий

на сегодняшний день в стране Налоговый суд США, который регулирует налоговые отношения;

– в Великобритании для защиты прав и интересов участников налоговых отношений функционируют квазисудебные органы, которые рассматривают жалобы в течение 30 дней с момента подачи иска;

– в Германии порядок рассмотрения налоговых споров и конфликтных ситуаций регламентирует специализированным законом, а именно законом «О налогово–финансовых судах». Важно отметить функционирование в стране специализированных налоговых судов, которые регулируют налоговые отношения между основными участниками;

– во Франции налоговые отношения регулируются путем организации налоговых проверок как планового, так и внепланового характера. При этом необходимо для подачи иска обратиться в налоговую администрацию и затем при сохранении спорных вопросов – в налоговый суд [5].

В целом в практике развитых и развивающихся стран налоговое разбирательство, принимаемое специализированных судом к рассмотрению, как правило, включает в себя следующие аспекты:

– налогоплательщик имеет возражения против объектов налогообложения, применимых налоговых ставок, предельных сроков уплаты налогов или методов расчета, установленных налоговыми органами, поэтому для решения спорных или конфликтных вопросов подает иск в суд;

– налогоплательщик недоволен решением налогового органа о расследовании налоговых нарушений и подает в суд;

– налогоплательщики подают иски против налоговых органов и их государственных служащих за незаконные действия и нанесение ущерба правам и интересам заинтересованных сторон, то есть стейкхолдеров [1].

Во многих странах мира существуют налоговые суды, наиболее представительными из которых являются США, Канада и Германия. В качестве успешного примера работы судов при формировании налоговых отношений важно указать практику США. Являясь одной из стран с наиболее совершенной налоговой правовой системой в мире, США давно создали свою систему налоговых разбирательств. Налоговый суд США специально создан для рассмотрения дел, связанных с налогообложением, и полностью независим от Федеральной налоговой службы США, что позволяет ему принимать справедливые решения по налоговым спорам с более объективной точки зрения. В случае возникновения налогового спора налогоплательщики могут подать иск в окружной суд и арбитражный суд по рассмотрению жалоб на основании полной уплаты оспариваемого налога, или могут подать иск в налоговый суд без уплаты оспариваемого налога [6]. В частности, специализированные учреждения в США, которые осуществляют право рассмотрения налоговых дел, появились относительно рано. Бюро налоговых апелляций было создано в 1924 г. для рассмотрения налоговых споров между налогоплательщиками и налоговыми органами. В 1942 г. данный институт переименован в налоговый суд, а в 1969 г. – в «Федеральный налоговый суд США». Данный орган представляет собой специализированный суд в структуре федеральной судебной системы США. До 1980 г. существовал Федеральный таможенный суд США. Судьи налогового суда назначаются действующим президентом и осуществляют судебную власть независимо, без вмешательства административных органов.

Интерес представляет положение о том, что налогоплательщики, которые не удовлетворены налоговым решением, принятым уполномоченным налоговым органом, могут подать иск в соответствующие инстанции до уплаты налога, и судебный орган в свою очередь выносит решение. Далее в условиях, когда исковые требования налогоплательщика не удовлетворены, физические и юридические лица могут подать иск в Верховный суд США, и тот должен окончательное решение. В рамках сравнительного анализа в Германии функционирует финансовый суд, который занимается рассмотрением финансовых споров, связанных с налогообложением, таможенными пошлинами и т.д. [3]

В Канаде налоговый суд является частью федеральной судебной системы и осуществляет свои полномочия совершенно независимо. Между ним и Федеральным апелляционным судом и Федеральным верховным судом нет никакой взаимосвязи с точки зрения иерархии управления. Однако, согласно соответствующим федеральным законам, дела, рассматриваемые налоговым судом, могут включать только налоговые споры по налогу на потребление, подоходному налогу, пенсиям и пособиям по страхованию от безработицы, а гражданские и уголовные налоговые дела, связанные с другими налогами, к рассмотрению не принимаются.

Во Франции функционирует административный суд третьего уровня, который специализируется на рассмотрении административных дел и не рассматривает их в гражданских судах. Большинство стран континентальной Европы, таких как Бельгия и Нидерланды, дифференцируют свои судебные органы на две категории, а именно гражданские суды и административные суды. Данные типы судов в свою очередь делятся на три

уровня: суд первой инстанции, суд общей юрисдикции и верховный суд. В налогово–административном судебном разбирательстве налогоплательщик сначала подает иск в суд первой инстанции в административном трибунале. Если данный иск не удовлетворен судебным решением или постановлением, то налогоплательщик больше не сможет подавать апелляцию в административный трибунал на следующем вышестоящем уровне (при этом апелляция будет подана в Кассационный суд Франции). В Германии есть специальный налоговый суд, который отвечает за рассмотрение налоговых дел.

В России существенная часть бюджетных доходов приходится на налоговые доходы, поэтому налогообложение стало наиболее часто используемой точкой соприкосновения между страной и ее гражданами. Исходя из национальных условий России, стратегия управления налоговыми отношениями является актуальной проблемой академического сообщества.

В то же время в России с 1990–х гг. процветает рыночная экономика, постоянно повышается правосознание налогоплательщиков (на фоне становления экономики знаний), а также возникают налоговые административные разбирательства исходя из различных споров, поэтому количество судебных разбирательств по налоговым административным делам достигло такого уровня, что требует более подробного рассмотрения в рамках научной статьи [2].

В России на сегодняшний день нет отдельного налогового суда, занимающегося рассмотрением налоговых споров. Налогоплательщики и налоговые органы вступают в споры по поводу уплаты налогов или рассмотрения нарушений нормативных актов, предусмотренных Налоговым кодексом РФ. После того, как налогоплательщики уплатили налоги, пени за просрочку платежа и штрафы в соответствии с решением налоговых органов, то могут обратиться в инстанции более высокого уровня для повторного рассмотрения в течение установленного срока. Вышестоящие налоговые органы должны дать ответ в установленный законодателем срок в рамках принципов клиентоцентричности, которые активно внедряются в государственном и муниципальном управлении в России. Если у налогоплательщиков все еще есть возражения против решения, то сохраняется право подать жалобу в арбитражный суд в соответствии с соответствующими положениями Арбитражного процессуального кодекса РФ до вынесения окончательного решения [4].

Поскольку положения налогового законодательства, в частности Налогового кодекса РФ, должны не только регулировать налоговые поступления, но и согласовываться с нормами частного права, то рассмотрение налоговых споров осуществляется через судебные органы. Именно из-за высокого профессионализма и формальности Налогового кодекса РФ, которое отличается от общего права, судьям, не прошедшим специального изучения и подготовки, трудно быть компетентными в рассмотрении налоговых дел. В России сотрудники судебных инстанций всех уровней не обладают достаточными знаниями в области налогообложения, особенно после реформы налоговой системы, которая предусмотрена с 1 января 2025 г. На фоне макроэкономических и геополитических рисков нормативные акты претерпели фундаментальные изменения, что стало большим препятствием для эффективного выполнения роли судов при рассмотрении налоговых споров, что усложняет работу налоговых органов по регулированию налоговых отношений. Судя по опыту США, Германии и других стран, основная причина создания отдельного налогового административного суда заключается в том, что расчет налогов становится все более сложным и профессиональным, а знания и способности судей недостаточно, что требует специализации [10].

На *рисунке 1* представлен алгоритм обращения в судебные органы по поводу регулирования налоговых отношений в России.

Налогообложение поддерживается тысячами налогоплательщиков, но в течение длительного времени Россия не уделяла должного внимания правам налогоплательщиков. С развитием современного общества и повышением осведомленности граждан о демократических правах защита прав налогоплательщиков становится все более важной. Современное налоговое законодательство стало балансиром интересов государства и налогоплательщиков [8].

На практике некоторые суды принимают дела по налоговым спорам, но часто затягивают их рассмотрение. Причина в том, что сотрудники суда недостаточно глубоко и комплексно разбираются в налоговом законодательстве, нормативных актах и изменениях Налогового кодекса РФ. Одной из сторон налогового спора, несомненно, является налоговый орган, и независимо от того участников, в России по причине бюрократических «узлов» трудно поддерживать беспристрастность закона и степень защиты законных прав и интересов налогоплательщиков легко поддаются влиянию [9].

Легализация налогового правосудия в основном требует от судебных органов всех уровней рассмотрения налоговых споров и преступлений, связанных с налогообложением, в строгом соответствии с положениями Налогового кодекса РФ и связанных с ним органических и процессуальных законов. Требования к администрированию нало-

Рисунок 1. Алгоритм обращения в судебные органы по поводу регулирования налоговых отношений в России [7].

гообложения в судебной сфере в соответствии с законом заключаются в том, что должны существовать законы и строгое правоприменение, основанное на успешной практике и кейсах зарубежных стран. Для осуществления легализации налогового правосудия должны быть выполнены два основных условия:

– во–первых, должно быть большое количество судей, разбирающихся в налоговом законодательстве;

– во–вторых, судей должно быть достаточно, чтобы своевременно рассматривать активно увеличивающееся количество налоговых споров.

Для выполнения этих двух условий в нынешних национальных условиях России необходимо создать специальный налоговый суд. Без специализированного налогового суда и специального судьи по налогам трудно обеспечить, чтобы у судебных органов было достаточно времени и ресурсов для своевременного рассмотрения широкого количества налоговых дел.

Интерес представляет судебная практика по тематике научной статьи, которую можно систематизировать на *рисунке 2*.

Исходя из судебной практики важно указать, что дела об оспаривании затрагивающих права и законные интересы лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) налоговых органов, должностных лиц, рассматриваются арбитражным судом по общим правилам искового производства, предусмотренным АПК РФ, с особенностями, установленными в главе 24 АПК РФ.

Производство по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) налоговых органов, должностных лиц возбуждается на основании заявления заинтересованного лица, обратившегося в арбитражный суд с требованием о признании недействительными ненормативных правовых актов или о признании незаконными решений и действий (бездействия) указанных органов и лиц (п. 2 ст. 197 АПК РФ).

Граждане, организации и иные лица вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) налоговых органов, должностных лиц, если полагают, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие):

– не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают их права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

– незаконно возлагают на них какие–либо обязанности;

– создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности.

Своевременное рассмотрение дел по налоговым спорам, регулирование налоговых отношений, ограничение административных правонару-

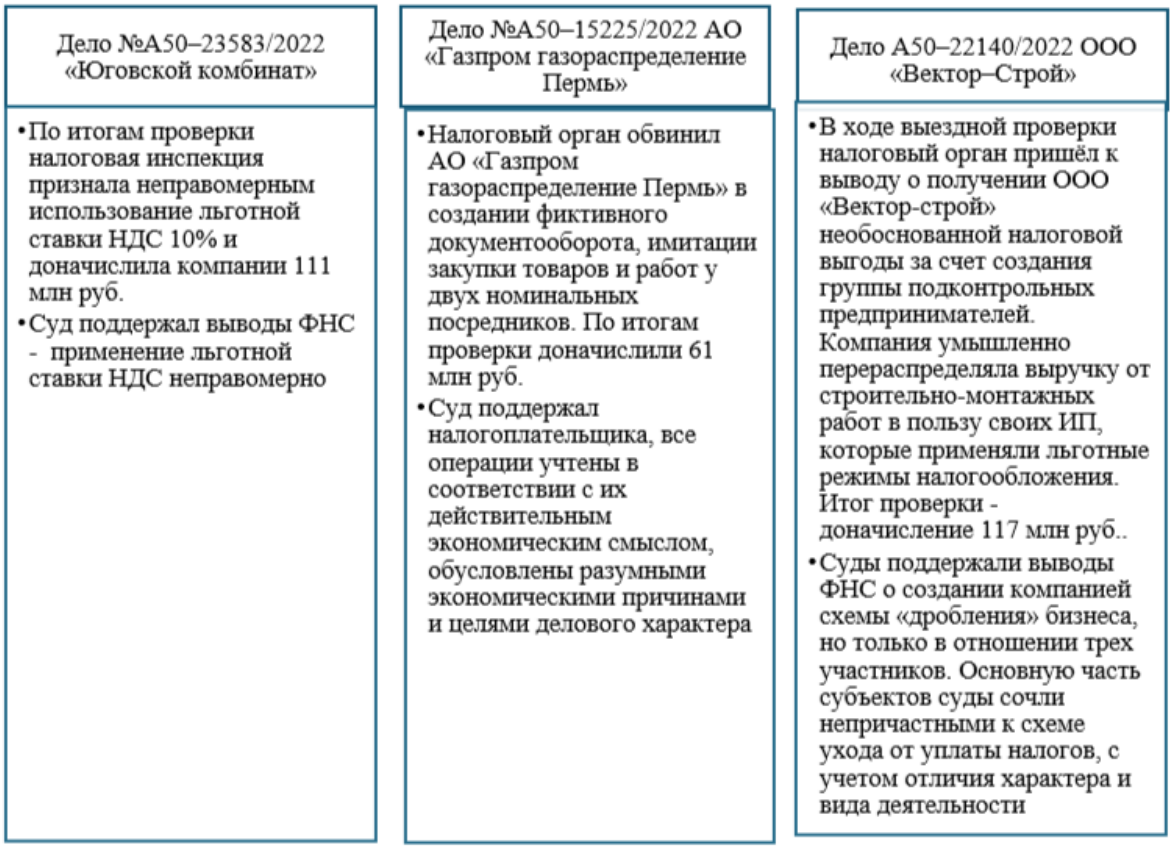


Рисунок 2. Судебная практика по разрешению налоговых споров в России

шений со стороны налоговых органов, применение санкций к налогоплательщикам за нарушения Налогового кодекса РФ и других нормативно–правовых актов, а также эффективная защита законных прав и интересов государства и налогоплательщиков являются важнейшей основой для отстаивания идеи создания налогового суда. Практика создания налоговых судов в развитых и развивающихся страна показывает, что создание данных структур сыграло положительном роль в профессиональном разрешении конфликтов и споров между участниками налоговых отношений.

Таким образом, по результатам проведенного анализа важно подчеркнуть, что причина создания налоговых судебных органов за рубежом заключается, с одной стороны, в том, чтобы показать, что государство придает большое значение защите прав и интересов налогоплательщиков, а с другой стороны, в сложности налоговой работы. В частности, сложные налоговые вопросы, связанные с налоговыми спорами, выдвигают высокие требования к суду при рассмотрении соответствующих дел. Для обеспечения справедливости судебного разбирательства необходимо провести объективную и точную оценку юридических фактов, связанных с делом, что требует от судьи, рассматривающего дело, глубокого знания налогового законодательства и образование в области налогообложения, поэтому инициатива по созданию специального налогового суда имеет большое значение для повышения эффективности налоговых споров и справедливости судебного разбирательства в отечественной практике.

Список литературы:

[1] Авандеева С. С. Рассмотрение судами налоговых споров: процессуальный и материально–правовой аспект // Вестник магистратуры. – 2021. – С. 18–23.

[2] Белова И. Е. Рассмотрение судами налоговых споров прав собственности с участием юридических лиц: актуальные проблемы / Образование и право. – 2022. – С. 217–221.

[3] Брик К. И. О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – С. 34–41.

[4] Вякина И. В. Налоговые отношения: безопасность развития бизнеса и защита интересов государства // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2020. – С. 72–88.

[5] Гонтарь Н. Н. Особенности изменения правоприменительной практики Верховного суда Российской Федерации по делам о налоговых правонарушениях / Образование и право. – 2022. – С. 191–195.

[6] Городилов М. А. Правовая определенность как атрибут налоговых отношений / Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2022. – С. 3–10.

[7] Крохина Ю. А. Новеллы юридической силы решений конституционного суда РФ и их значение для налогового права / Мониторинг правоприменения. – 2022. – С. 11–17.

[8] Люппи Ф. Налоговый судья и социальное взаимодействие: возможно ли и в чем состоит участие? / Государственная служба. – 2021. – С. 92–97.

[9] Ткачук И. К. Применение международных инструментов предупреждения налоговых споров в российских условиях // Право и государство: теория и практика. – 2021. – С. 16–20.

[10] Штебер М. Значение фундаментальных свобод ЕС для налогового права ФРГ И ЕС // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – С. 216–243.

References:

[1] Avandeeva S. S. Consideration of tax disputes by the courts: procedural and substantive aspects // Bulletin of the Magistracy. - 2021. - P. 18-23.

[2] Belova I. E. Consideration of tax disputes over property rights involving legal entities by the courts: current issues / Education and Law. - 2022. - P. 217-221.

[3] Brik K. I. On the practice of applying the legislation on liability for tax crimes by the courts // Trends in the development of science and education. - 2020. - P. 34-41.

[4] Vyakina I. V. Tax relations: security of business development and protection of state interests // MIR (Modernization. Innovation. Development). - 2020. - P. 72-88.

[5] Gontar N. N. Features of changes in the law enforcement practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of tax offenses / Education and Law. - 2022. - P. 191-195.

[6] Gorodilov M. A. Legal certainty as an attribute of tax relations / Intelligence. Innovations. Investments. - 2022. - P. 3-10.

[7] Krokhina Yu. A. Novels in the legal force of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and their significance for tax law / Monitoring of law enforcement. - 2022. - P. 11-17.

[8] Luppi F. Tax judge and social interaction: is participation possible and what does it consist of? / Civil Service. - 2021. - P. 92-97.

[9] Tkachuk I. K. Application of international instruments for the prevention of tax disputes in the Russian context // Law and State: Theory and Practice. – 2021. – P. 16–20.

[10] Steber M. The Importance of Fundamental Freedoms of the EU for Tax Law in Germany and the EU // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2022. – P. 216–243.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-309-314

КОТ Екатерина Михайловна,
доктор экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ktekaterina@rambler.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
государственного аграрного университета,
e-mail: uprkadr@mail.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *Финансовое состояние организации отражает ее способность обеспечивать бесперебойную работу, выполнять обязательства перед партнерами и государством, поддерживать конкурентоспособность и стабильность в долгосрочной перспективе. Эффективная методика оценки финансового состояния помогает своевременно выявить слабые места, разработать меры по улучшению ситуации и повысить инвестиционную привлекательность компании.*

Статья посвящена исследованию различных подходов и методик, применяемых для объективной оценки текущего финансового состояния организаций. Рассматриваются традиционные методы анализа бухгалтерской отчетности — коэффициентный, горизонтальный и вертикальный анализы, а также перспективные инструменты диагностики платежеспособности, ликвидности и рентабельности предприятий. Особое внимание уделено значению динамического подхода и мониторинга ключевых показателей эффективности деятельности предприятия.

Ключевые слова: *Финансовое состояние, методы анализа, оценка финансов, коэффициентный метод, горизонтальный анализ, вертикальный анализ, динамический анализ, платежеспособность.*

***KOT Ekaterina Mikhailovna**,*
Doctor of Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

***PILNIKOVA Irina Fedorovna**,*
Senior Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

***GORBUNOVA Olesya Sergeevna**,*
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

***MALKOVA Yulia Vadimovna**,*
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

***PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna**,*
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

METHODS FOR ASSESSING THE FINANCIAL CONDITION OF AN ORGANIZATION

Annotation. *An organization's financial condition reflects its ability to ensure smooth operations, fulfill obligations to partners and the state, and maintain competitiveness and stability over the long term. An effective financial condition assessment methodology helps promptly identify weaknesses, develop measures to improve the situation, and enhance the company's investment attractiveness.*

This article examines various approaches and methodologies used to objectively assess the current financial condition of organizations. Traditional financial statement analysis methods—ratio, horizontal, and vertical analysis—are considered, as well as advanced tools for assessing the solvency, liquidity, and profitability of enterprises. Particular attention is paid to the importance of a dynamic approach and monitoring key performance indicators (KPIs).

Key words: *Financial condition, analysis methods, financial assessment, ratio method, horizontal analysis, vertical analysis, dynamic analysis, solvency.*

Актуальность исследования оценки финансового состояния организаций трудно переоценить. Предприятию, функционирующему в условиях изменчивых экономических и правовых требований, требуется понимать собственные возможности удержаться на рынке и расширять деятельность на перспективных направлениях [1].

Основные цели анализа финансового состояния организации заключаются в следующем:

1. определение текущей финансовой устойчивости и платежеспособности организации;

2. прогнозирование будущих финансовых возможностей;

3. обнаружение проблемных зон и потенциальных угроз;

4. разработка мер по оптимизации финансовых процессов;

Для выполнения указанных целей решаются следующие задачи:

1. Расчёт и анализ финансовых коэффициентов.

2. Оценка ликвидности и платёжеспособности.

3. Исследование структуры активов и пассивов.

4. Изучение динамики финансовых показателей.

5. Диагностика риска банкротства.

Финансовый анализ как научная дисциплина имеет многолетнюю историю. Ещё в начале XX века это направление охватывало в основном бухгалтерские расчёты с таким уровнем детализации, который тогда был доступен. По мере развития фондового рынка, банковской системы и возникновении международной торговли возникла необходимость стандартизации отчётности и формальных методов контроля [2]. К середине прошлого столетия получила распространение система коэффициентов, которая постепенно превратилась в одну из универсальных методических основ. В качестве примера можно привести концепцию анализа оборачиваемости Э. Дюпона, где наглядно иллюстрируется взаимосвязь нескольких коэффициентов, позволяющих судить о рентабельности капитала.

Финансовое состояние – важнейшая характеристика экономической деятельности организации. От него во многом зависит стабильность и эффективность деятельности организации, финансовое состояние определяет потенциал организации в деловом сотрудничестве, оценивает степень гарантированности экономических интересов организации и ее партнеров. Финансовое состояние отражает способность предприятия выполнять обязательства, сохранять конкурентные позиции и развиваться в долгосрочной перспективе. Для его анализа часто применяются методы горизонтального и вертикального исследования отчётности, факторное рассмотрение статей баланса, а также оценка ряда коэффициентов. На практике проверка финансового состояния базируется на общепринятых отчётных документах: бухгалтерском балансе, отчётах о прибылях и убытках, движении денежных средств. Важно, что финансовый анализ не ограничен простым сопоставлением показателей с некими нормами. Он включает и интерпретацию результатов, выявление динамики и прогноз возможных изменений [3]. В экономических исследованиях условно выделяются несколько крупных направлений диагностики финансового положения: анализ ликвидности и платёжеспособности, оценка деловой активности, исследование рентабельности, а также оценка структуры и эффективности капитала [4]. Каждое из этих направлений содержит множество аналитических инструментов и коэффициентов. Их применяют для формирования общего впечатления о финансовой устойчивости предприятия.

Ликвидность и платёжеспособность часто рассматривают вместе, хотя эти категории немного различаются. Ликвидность отражает скорость, с которой активы предприятия могут быть переведены в денежную форму. Для того чтобы получить быструю оценку, многие эксперты прибегают к расчёту коэффициентов: текущей ликвидности, быстрой ликвидности и абсолютной ликвидности. В свою очередь, платёжеспособность фокусируется на способности компании своевременно погасить долги [5]. Индикаторами платёжеспособности служат соотношения собственного и заёмного капитала, а также показатели, позволяющие судить о покрытии процентов по обязательствам.

Деловая активность – это экономическая энергия организации, описывающая эффективное обращение ресурсов [6]. Главным образом анализ затрагивает оборотные средства и скорость оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженностей. Чем быстрее компания собирает средства от покупателей и погашает долги, тем выше её деловая активность.

Рентабельность – это комплексный индикатор, доказывающий способность предприятия производить финансовый результат, превышающий затраты [6]. Здесь обычно обращают внимание на прибыльность собственного капитала (ROE), активов (ROA) и продаж (ROS).

Правильное структурирование собственного и заёмного капиталов положительно влияет на финансовую устойчивость. Размер долга влияет на риски, поэтому разумное соотношение между собственными ресурсами и кредитными средствами позволяет компании оставаться гибкой. Многие современные исследования подчёркивают, что чрезмерное привлечение заёмных ресурсов может привести к угрозе неплатёжеспособности, а чрезмерное полагание лишь на соб-

ственные источники – к недоиспользованию рычага роста [7]. Для наглядности рассмотрим упрощённый пример анализа финансового состояния условного предприятия – ООО «XXXX». Данные предоставлены по итогам 2024 и 2025 годов и приведены в *таблице 1*. Организация специализируется на оптовой торговле промышленным оборудованием и комплектующими.

Таблица 1. Ключевые показатели ООО «XXXX» за 2024–2025 гг. (тыс. руб.)

Показатель	2024	2025
Выручка	220000	250000
Себестоимость	130000	148000
Прибыль до налогообложения	30000	38000
Чистая прибыль	24000	30400
Собственный капитал	100000	120000
Заёмные средства	40000	50000
Оборотные активы	90000	110000
В том числе денежные средства	7000	8000
Краткосрочная кредиторская задолженность	35000	38000
Запасы	25000	30000
Дебиторская задолженность	40000	50000

Отметим, что помимо классической системы коэффициентов, на практике используют экспресс-анализ с упором на ключевые индикаторы. Зачастую формируют сводный индекс, который агрегирует несколько взаимосвязанных параметров. К примеру, методика филиала НАФА (North American Finance Association) включает комплекс координат ликвидности, рентабельности и деловой активности. Каждая координата выражается в баллах с учётом нормативных границ. В дополнение к этому можно применять многофакторные модели, где прогнозируется вероятность банкротства. Наиболее известна модель Альтмана (Altman Z-Score). Так, при анализе отчётности компании «Гамма» специалисты оценили, насколько велика угроза неплатёжеспособности при изменении рынка сбыта. Если Z-Score выходит за определённые пределы, требуется пересмотр стратегии финансирования. Регрессионные модели позволяют учесть зависимость прибыли, оборотных активов и иных переменных от изменения внешних и внутренних факторов. Например, при росте инфляции могут увеличиться расходы на закупку сырья, а при росте ставок в банках дорожает обслуживание кредитных обязательств. В одной из практик используют регрессию с фиктивными переменными, отражающими сезонные колебания спроса. Причём ежемесячный мониторинг коэффициентов ликвидности в сочетании с трендом объёма продаж дает возможность корректировать политику складирования и управления запасами.

Классические методы анализа финансового состояния

Классические методы анализа финансового состояния организации основаны на использова-

нии стандартных формул и расчётов, принятых в международной и национальной практике. Они включают:

1. Коэффициенты ликвидности. Коэффициенты ликвидности показывают способность организации погашать краткосрочные обязательства за счёт текущих активов. Наиболее распространёнными показателями являются:

Коэффициент текущей ликвидности (*К*тек): отношение текущих активов к текущим обязательствам.

Коэффициент быстрой ликвидности (*К*быс): отношение высоколиквидных активов к текущим обязательствам.

Коэффициент абсолютной ликвидности (*К*ал): отношение абсолютно ликвидных активов к текущим обязательствам.

2 Коэффициенты финансовой устойчивости. Показатели финансовой устойчивости оценивают долю собственного капитала в общей сумме источников финансирования и определяют долговую нагрузку. Ключевые коэффициенты:

Коэффициент автономии (*К*авт): доля собственного капитала в активах.

Коэффициент задолженности (*К*задолж): соотношение заемного и собственного капитала.

Коэффициент покрытия процентов (*К*ПП): способность обслуживать проценты по долговым обязательствам.

3. Коэффициенты деловой активности

Данные коэффициенты демонстрируют эффективность использования активов и капитала. Основные показатели:

Коэффициент оборачиваемости активов (*К*ОА): выручка делится на среднюю стоимость активов.

Период оборота запасов (*Т*запасов): количество дней, необходимых для продажи запасов.

Период погашения дебиторской задолженности (*Т*дебитор): среднее число дней задержки платежей клиентами.

4. Коэффициенты прибыльности

Коэффициенты прибыльности отображают результативность основной деятельности и общую эффективность управления компанией. Включают:

Рентабельность продаж (*Р*продаж): чистая прибыль делится на выручку.

Рентабельность активов (*Р*актива): чистая прибыль делится на активы.

Рентабельность собственного капитала (РСК): чистая прибыль делится на собственный капитал.

Современная практика финансового анализа выходит за пределы классической схемы и учитывает внешние факторы, цифровизацию и глобальную нестабильность. Некоторые актуальные направления:

1. Анализ Big Data и Machine Learning. Использование больших объёмов данных и алгоритмов машинного обучения позволяет строить точные прогнозы и выявлять скрытые закономерности. Применение технологий AI открывает возможности для предиктивного анализа и раннего предупреждения кризисных ситуаций.

2. Оценка нематериальных активов. Рост значимости интеллектуальной собственности, бренда и репутации делает необходимым включение нематериальных активов в расчёт финансовой устойчивости. Традиционные методы часто недооценивают этот важный компонент.

3. Экологический и социальный аудит (ESG). Экологичность, социальные инициативы и корпоративное управление становятся важными факторами устойчивого развития. Компании, демонстрирующие высокие показатели ESG, привлекают инвесторов и повышают доверие потребителей.

4. Модели стресс-тестирования. Модели стресс-тестирования позволяют оценивать реакцию компании на экстремальные сценарии, такие как резкое падение спроса, повышение процентных ставок или санкции. Это даёт возможность заранее подготовить антикризисные планы.

5. Практическое применение методов анализа

Рассмотрим пример использования классического и современного подходов на примере условной компании ООО «XXXX»

Таблица 2. Активы компании ООО «XXXX»

Год	Активы	Собственный капитал	Долгосрочный долг	Текущие обязательства
2024	10 млн.руб.	5 млн.руб.	2 млн.руб	3 млн.руб
2025	12 млн.руб.	6 млн.руб.	2,5 млн.руб.	3,5 млн.руб.

Пример расчётов коэффициентов:
Коэффициент автономии (*К*авт):

*К*авт (2024) = 5/10=0,5
*К*авт (2025) = 6/12=0,5

Коэффициент текущей ликвидности (*К*тек):
*К*тек (2024) = (10−2)/3 ≈ 2,67
*К*тек (2025) = (12−2,5)/3,5 ≈ 2,71

Таким образом, финансовая устойчивость сохраняется на приемлемом уровне, однако требуется контроль над ростом долга и улучшением структуры активов. Эффективный финансовый анализ предполагает сочетание классических и инновационных методов. Важно учитывать особенности конкретной отрасли, размер компании и внешнюю среду. Грамотно проведённый анализ способствует принятию взвешенных управленческих решений и укреплению конкурентоспособности организации. Таким образом, существующие методики оценки финансового состояния организации являются базовыми, но по отдельности на практике, как правило, применяются редко. При проведении оценки финансового состояния многие организации используют комбинированные методы оценки, позволяющие обеспечить высокую точность результатов анализа. Комплексный подход к анализу финансового состояния обусловлен наличием у определенных подходов и методов ограничений и недостатков, которые нивелируются при использовании всестороннего комплексного подхода к оценке финансового состояния организации.

Список литературы:

[1] Фомин В.П. Формирование и анализ показателей финансового состояния организации / Фомин В.П., Татаровский Ю.А. // Международный бухгалтерский учет. 2024. № 6, С 7 - 11.

[2] Baker M. Capital Market-Driven Corporate Finance. Journal of Financial Economics, 2022.№82(3). P 575–608.

[3] Банк В. Р., Банк С. В., Тараскина А. В. Финансовый анализ //М.: ТК Велби, Проспект, 2021. 211 с.

[4] Артеменко В. Г., Беллендир М. В. Финансовый анализ, 2021, 76 с.

[5] Первова О. Ю. Теоретические аспекты управления финансовыми потоками организации / Первова О.Ю. // Российское предпринимательство, 2023. № 13. С. 112 - 117.

[6] Жилкина А. Н. Финансовый анализ, 2018. 123 с

[7] Журавлева Т.А. Раскрытие информации для анализа финансового состояния коммерческих организаций в бухгалтерской (финансовой) отчетности / Журавлева Т.А. // Международный бухгалтерский учет. 2024. № 23. С. 12 - 16.

[8] Кот Е.М., Пильникова И.Ф., Горбунова О.С., Малькова Ю.В., Петрякова С.В., Радионова С.В. Теоретические основы анализа финансового состояния предприятия // Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 219-224.

[9] Кот Е.М., Пильникова И.Ф., Горбунова О.С., Малькова Ю.В., Петрякова С.В., Крохалев А.А. Анализ финансовых показателей деятельности предприятия, как метод управления // Международный научный вестник. 2025. № 10. С. 408-413.

[10] Собянина М.И., Пильникова И.Ф. Бухгалтерский учет формирования финансовых результатов // Молодежь и наука. 2016. № 5. С. 219.

References:

[1] Fomin, V.P. Formation and Analysis of Indicators of the Financial Condition of an Organization / V.P. Fomin, Yu.A. Tatarovsky // International Accounting. 2024. No. 6, pp. 7-11.

[2] Baker, M. Capital Market-Driven Corporate Finance. Journal of Financial Economics, 2022.№82(3). P 575–608.

[3] Bank V. R., Bank S. V., Taraskina A. V. Financial Analysis //M.: TK Velby, Prospekt, 2021. 211 p.

[4] Artemenko V. G., Bellendir M. V. Financial Analysis, 2021, 76 p.

[5] Pervova O. Yu. Theoretical Aspects of Managing an Organization's Financial Flows / Pervova O. Yu. // Russian Entrepreneurship, 2023. No. 13. Pp. 112-117.

[6] Zhilkina A. N. Financial Analysis, 2018. 123 p.

[7] Zhuravleva T.A. Disclosure of Information for Analyzing the Financial Condition of Commercial Organizations in Accounting (Financial) Reporting / Zhuravleva T.A. // International Accounting. 2024. No. 23. Pp. 12 - 16.

[8] Kot E.M., Pilnikova I.F., Gorbunova O.S., Malkova Yu.V., Petryakova S.V., Radionova S.V. Theoretical Foundations of Enterprise Financial Analysis // International Scientific Bulletin. 2025. No. 10. Pp. 219-224.

[9] Kot E.M., Pilnikova I.F., Gorbunova O.S., Malkova Yu.V., Petryakova S.V., Krokhalev A.A. Analysis of financial indicators of enterprise activity as a method of management // International Scientific Bulletin. 2025. No. 10. Pp. 408-413.

[10] Sobyanina M.I., Pilnikova I.F. Accounting for the Formation of Financial Results // Youth and Science. 2016. No. 5. P. 219.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-315-322

ГАРАНЯН Эрик Альбертович,
Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Сочинского института (филиала) РУДН, Сочи, Россия,
https://orcid.org/0009-0002-6793-4820,
e-mail: erik.garanyan@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И КОНСТРУКЦИЯ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ

Аннотация. *Предметом настоящей статьи выступают нормативные, институциональные и процедурные компоненты публично-управленческого воздействия на отношения, возникающие при реализации дополнительных профессиональных программ в Российской Федерации. Опираясь на доктринальные положения о системе правовых средств упорядочения общественных отношений (С.С. Алексеев, Н.И. Матузов, А.В. Малько), концепцию режимного регулирования управленческой деятельности (Ю.Н. Старилов, Д.Н. Бахрах) и представления о расширенном субъектном составе публичного управления (Б.В. Россинский), автор формулирует оригинальную дефиницию исследуемого механизма, акцентируя его многоуровневость и впервые включая в его структуру цифровой компонент – федеральную информационную систему учёта документов об образовании и (или) о квалификации (ФИС ФРДО). Отдельный акцент сделан на противоречивости ключевой нормы — статьи 76 Федерального закона № 273 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», совмещающей два разнонаправленных подхода: понимание дополнительного профессионального образования как надстроечного механизма развития уже имеющейся квалификации и как самостоятельного маршрута её первоначального приобретения Анализ типовых дополнительных профессиональных программ, утверждённых в соответствии с частью 7 статьи 76 Закона № 273 ФЗ, показал, что отраслевые ведомства используют три различные модели детализации федеральных установлений: жёсткую привязку допуска к профилю базового образования, преимущественно содержательную (методическую) регламентацию и комбинированный, дифференцированный подход. Параллельно констатируется несовершенство действующего контрольно-надзорного инструментария: ни процедура лицензирования, ни государственная аккредитация, ни федеральный государственный контроль (надзор) не предусматривают проверки содержательного наполнения программ. По итогам проведённого анализа предложены конкретные меры по устранению выявленных пробелов в нормативном регулировании и усилению качества реализации программ данного сегмента образования.*

Ключевые слова: *административно-правовой механизм; дополнительное профессиональное образование; публичное управление образованием; механизм правового регулирования; административно-правовой режим; статья 76 Федерального закона № 273-ФЗ; дефиниторный парадокс; институциональное рассогласование; квалификационное регулирование; лицензирование образовательной деятельности.*

GARANIAN Erik Albertovich,
Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law Sochi Institute (branch) of RUDN University, Sochi, Russia

ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISM FOR IMPLEMENTING CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION PROGRAMS: DOCTRINAL APPROACHES AND THE STRUCTURE OF THE CURRENT LEGAL MODEL

Annotation. *The subject of this article is the normative, institutional and procedural components of public administration influence on relations arising during the implementation of additional professional programs in the Russian Federation. Based on the doctrinal provisions on the system of legal means for regulating public relations (S.S. Alekseev, N.I. Matuzov, A.V. Malko), the concept of regime regulation of management activity (Yu.N. Starilov, D.N. Bakhrakh) and ideas about the expanded subject composition of public administration (B.V. Rossinsky), the author formulates an original definition of the mechanism under study, emphasizing its multi-level nature and for the first time including a digital component in its structure – the federal information system for recording documents on education and (or) qualifications (FIS FRDO). Particular emphasis is placed on the inconsistency of a key provision—Article 76 of Federal Law No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation," which combines two opposing approaches: understanding additional vocational education as a superstructure for developing existing qualifications and as an independent route for its initial acquisition. An analysis of standard additional vocational programs approved in accordance with Part 7 of Article 76 of Law No. 273-FZ showed that industry agencies use three different models for detailing federal regulations: a strict link between admission to the basic education profile, predominantly substantive (methodological) regulation, and a combined, differentiated approach. At the same time, the imperfections of the current control and supervisory instruments are noted: neither the licensing procedure, nor state accreditation, nor federal state control (supervision) provide for verification of the substantive content of the programs. Based on the results of the analysis, specific measures were proposed to eliminate the identified gaps in regulatory frameworks and improve the quality of implementation of programs in this segment of education.*

Key words: *administrative and legal mechanism; additional professional education; public administration of education; mechanism of legal regulation; administrative and legal regime; Article 76 of Federal Law No. 273-FZ; definitional paradox; institutional misalignment; qualification regulation; licensing of educational activities.*

Введение.

Актуальность темы исследования. Интенсивное обновление технологий, изменение отраслевого профиля экономики и ориентир на обеспечение кадрового суверенитета требуют от российской системы образования постоянного обновления и адаптации профессиональных компетенций работников. Именно сегмент дополнительного профессионального образования (далее – ДПО) призван обеспечить оперативную адаптацию квалификационной структуры кадров к меняющимся приоритетам государственного и хозяйственного управления. Будучи нормативно закреплённым в структуре образования Российской Федерации, ДПО функционирует не в условиях свободного рынка, а в пространстве императивных предписаний: обязательное лицензирование, государственный контроль (надзор), процедуры допуска обучающихся и цифровая фиксация результатов обучения свидетельствуют о его публично-правовой природе. Вместе с тем в научной литературе отмечается «отсутствие чёткого определения статуса ДПО и присваиваемой в результате обучения квалификации» [1, с. 79–80], что указывает на внутренние противоречия регуляторной конструкции.

Степень научной разработанности темы. Теоретической опорой исследования выступают, во первых, концепция механизма правового регулирования, разработанная С.С. Алексеевым и получившая развитие в работах Н.И. Матузова и А.В. Малько; во вторых, представление об административно правовом режиме как особой конфигурации средств публичного управления в интерпретации Б.В. Россинского, Ю.Н. Старилова и Д.Н. Бахраха; в третьих, исследования по контрольно надзорной деятельности в образовании (Е.П. Коцюрко) и по специфике дополнительного профессионального образования (А.А. Павлова, З.И. Корякина), фиксирующие неопределённость его статуса и квалификационного результата.

Цель исследования состоит в раскрытии содержания административно правового механизма реализации программ ДПО, описании логики его нормативной конструкции и выявлении ключевых дефектов, влияющих на согласованность допуска, образовательного процесса и квалификационного результата.

Реализация данной цели предполагает решение четырёх задач:

1) сформулировать авторскую дефиницию исследуемого механизма, опираясь на инструментальную теорию правового регулирования и концепцию административно-правового режима;
2) охарактеризовать соотношение законодательного, подзаконного и локального уровней нормативной модели ДПО;
3) раскрыть содержание понятийного противоречия, заложенного в статье 76 Федерального закона № 273-ФЗ, и его влияние на согласованность образовательного и квалификационного регулирования;
4) аргументировать наличие пробела в контрольном нормативном контуре и предложить меры по его восполнению.

Методы исследования. Системно-структурный метод применён при рассмотрении совокупности нормативных, субъектных, процедурных и информационных компонентов механизма как функционально взаимосвязанного целого. Формально-юридический анализ положен в основу работы с текстом статьи 76 Федерального закона № 273-ФЗ и подзаконных актов. Сравнительный метод задействован при сопоставлении ведомственных типовых программ, отражающих различные подходы к конкретизации федеральных предписаний. Функциональный метод позволил зафиксировать расхождения между декларируемыми целями правового режима ДПО и фактическими результатами его функционирования.

Основной материал.

Понятийной рамкой для осмысления публично-управленческих отношений в сфере ДПО служит категория механизма правового регулирования. С.С. Алексеев интерпретирует её как «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное воздействие на общественные отношения» [2, с. 215]. С инструментальных позиций в его составе Алексеев выделает «юридические нормы, правоотношения и акты реализации субъективных прав и обязанностей» [2, с. 216].

В трактовке Н.И. Матузова и А.В. Малько механизм правового регулирования разворачивается как последовательность взаимосвязанных стадий: от закрепления общих правил поведения в норме через возникновение юридически значимой ситуации, формирование правоотношения и реализацию прав и обязанностей до возможного вмешательства охранительных мер. [3, с. 503]. Ценность такого подхода заключается в переходе от статичного описания нормативного массива к динамической картине правового воздействия, в которой каждый элемент корреспондирует определённой стадии регулирования [3, с. 501, 503].

Если проецировать данную последовательность на сферу дополнительного профессионального образования, то исходной точкой выступают нормативные установки статьи 76 Закона № 273 ФЗ и подзаконных актов; запуском механизма служат факты получения лицензии и зачисления слушателя; содержание механизма формируется в ходе реализации образовательной программы; а завершает цикл, при наличии нарушений, контрольно надзорное вмешательство уполномоченных органов.

Вторым доктринальным основанием выступает теория административно-правового режима. Как подчёркивают Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов, «административному праву принадлежит особая роль в механизме правового воздействия», при этом «административно-правовой режим» деятельности органов государственной власти в различных областях «устанавливается отраслевыми правовыми методами и средствами» [5, с. 40–41]. По мнению тех же авторов, «нормы административного права обеспечивают формирование исполнительной власти, способной гарантировать целенаправленное и эффективное государственное управление в соответствующих областях» [5, с. 60], что, по существу, означает конструирование юридического каркаса публичного управления.

Д.Н. Бахрах рассматривает правовой режим как «комплекс общественных отношений определённого вида деятельности, закреплённый юридическими нормами и обеспеченный совокупностью юридико организационных средств» [6, с. 201–202]; применительно к административному праву по мнению автора это выражается в особом «сочетании административно правовых средств регулирования, основанных на централизованном, императивном воздействии и юридическом неравенстве участников» [6, с. 201–202]. Подобная оптика позволяет оценить не только содержание нормативных предписаний, но и реальную конфигурацию управленческого порядка – жёсткость ограничений, диапазон дискреции участников, набор принудительных и стимулирующих средств.

Рассмотрение ДПО через категорию режима позволяет утверждать, что образовательные организации осуществляют деятельность в рамках заранее сконструированного публично правового порядка. Этот порядок складывается из лицензионных требований, обязательных правил к условиям реализации программ, контрольных процедур и цифровой фиксации результатов, совместно формирующих управленческую «рамку» для реализации ДПО.

Для характеристики субъектного состава принципиально значимы позиции Б.В. Россин-

ского, обосновавшего, что круг участников публичного управления не исчерпывается органами власти, а охватывает организации, вовлечённые в осуществление общественно значимых функций [7, с. 4-5]. Схожее мнение тезис развивает П.Е. Спиридонов, допускающий участие негосударственных структур в административно-процессуальных правоотношениях на стороне официального субъекта [8, с. 97].

С.Н. Зайкова, анализируя реформы публичной администрации, показывает, что к субъектам публичного управления помимо органов публичной власти относятся «публичные организации» – созданные органами государства или местного самоуправления структуры, «наделённые публичными полномочиями, действующие в публичных интересах и использующие административно правовые средства (издание актов управления, предоставление публичных услуг и др.)» [9, с. 177–179]. Исходя из её трёхуровневой модели (государственный, муниципальный и общественный уровни), при характеристике субъектного состава публичного управления в сфере дополнительного профессионального образования необходимо учитывать не только органы публичной власти, но и такие публичные организации в системе ДПО.

Указанные подходы дают основание квалифицировать образовательные организации, реализующие программы ДПО, как функциональных участников публичного управления – лишённых властных полномочий, но действующих внутри императивно заданных рамок.

Административно правовой механизм реализации программ ДПО целесообразно определять как регуляторно процедурную конструкцию публичного управления, объединяющую: (а) нормативные предписания, (б) уполномоченных участников, (в) процедуры допуска и реализации программ, (г) контрольные воздействия и (д) цифровую фиксацию квалификационных результатов. В рамках такого подхода реализация программ ДПО предстает не как сумма разрозненных управленческих решений, а как единый порядок, обеспечивающий установление доступа к программам, организацию образовательного процесса, применение контрольных и надзорных полномочий и фиксацию выданных документов в информационных системах. Существенным элементом данной конструкции признаётся федеральная информационная система ФИС ФРДО, интегрированная в механизм не как вспомогательный технический ресурс, а как самостоятельное звено публичного управления образованием.

Частью 6 статьи 10 Федерального закона № 273-ФЗ [4] дополнительное профессиональное образование интегрировано в общую структуру образования Российской Федерации. Центральной нормой, задающей содержательные параметры данного вида образования, является статья 76: она фиксирует целевую направленность ДПО (содействие профессиональному развитию и приведение квалификации в соответствие с актуальными требованиями – часть 1), устанавливает бинарную типологию программ (повышение квалификации и профессиональная переподготовка) и формирует особую регуляторную конструкцию – модель сочетания организационного усмотрения образовательных организаций с федеральными «сдержками» в виде типовых программ и специальных требований, задаваемых отраслевыми ведомствами [4].

Рамочность закона определяет дальнейшую детализацию на подзаконном уровне. Приказ Минобрнауки России от 01.07.2013 № 499 [10] закладывал базовые структурные параметры программ. Вступивший в силу Приказ от 24.03.2025 № 266 [11] скорректировал вектор: расширены возможности модульного построения, усилена роль локальных актов организации в определении форм и условий обучения. Динамика подзаконной конкретизации обнаруживает смещение акцентов от унифицированной модели к децентрализованной, в которой образовательная организация приобретает значительный объём усмотрения. При этом подзаконный уровень в данной сфере несёт не техническую, а конститутивную нагрузку: именно он переводит абстрактные законодательные ориентиры в операционально определённые управленческие решения.

Завершает вертикаль регулирования контрольно-надзорный блок. Статья 93 Федерального закона № 273-ФЗ [4] учреждает федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением обязательных требований в сфере образования. Как показала Е.П. Коцюрко, контрольно-надзорное производство представляет собой процедурно структурированную последовательность административных действий, обладающую собственной стадийностью [12, с. 17]. На региональном уровне субъекты Российской Федерации реализуют переданные полномочия по лицензированию (статья 91) и контролю (статья 93) [4], однако содержание федеральных стандартов регулирования они изменять не вправе, что свидетельствует о вертикально интегрированной архитектуре публичного управления в рассматриваемой области.

Сравнение отдельных положений статьи 76 Закона № 273 ФЗ [4] позволяет говорить о присутствии в ней понятийной несовместимости. Блок норм, посвящённый видам программ и их соотнесению с профессиональными стандартами, исходит из предпосылки наличия у слушателя уже сформированной квалификационной базы. В то

же время иные части статьи допускают зачисление на программы лиц, для которых базовое образование ещё не завершено, а документ о квалификации выдаётся одновременно с дипломом. В результате в одной и той же норме объединены два противоположных режима регулирования, что подрывает внутреннюю связность правового статуса ДПО.Сосуществование этих норм порождает логическое противоречие: законодатель формально допускает «совершенствование» и «приобретение» квалификации субъектами, которые на момент зачисления ею не обладают. Фактически в одной статье сосредоточены две несовместимые регуляторные модели: ДПО как инструмент углубления или трансформации сложившейся квалификационной базы и ДПО как параллельный маршрут первичного профессионального становления.

Практическое преломление парадокса отчётливо прослеживается в неоднородности ведомственной конкретизации, осуществляемой в порядке части 7 статьи 76. Изучение соответствующих подзаконных актов позволяет выделить три различные стратегии:

– ограничительная стратегия: федеральный орган жёстко обусловливает допуск профилем базовой подготовки (приказ Минтруда России от 29.09.2025 № 578н устанавливает требование высшего медицинского образования для программы в области медико-социальной экспертизы [13]);
– методическая стратегия: регулятор концентрируется на целях и содержании программы, не вводя собственных квалификационных «фильтров» допуска (приказ Минстроя России от 14.08.2025 № 499/пр [14]);
– дифференцированная стратегия: в пределах одной предметной области утверждаются несколько типовых программ с неодинаковой степенью квалификационных ограничений (приказ Минэкономразвития России от 24.08.2016 № 541 – четыре программы кадастрового профиля с различающимися требованиями к слушателям [15]).

Отсутствие единой сквозной логики согласования допуска и квалификационного результата подтверждается и правоприменительной практикой. Так, пункт 1 статьи 40.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [16] устанавливает в качестве необходимого условия замещения должности прокурора наличие высшего юридического образования уровня специалитета либо магистратуры по направлению «Юриспруденция» (с бакалавриатом юриспруденции), что на практике исключает признание соответствия квалификационным требованиям лица, располагающего только дипломом профессиональной переподготовки при отсутствии требуемого базового высшего юридического образования.

В итоге пункт 1 статьи 40.1 Закона о прокуратуре оставляет возможность учитывать документы о дополнительном профессиональном образовании, но фиксирует их подчинённую роль: при отсутствии требуемого уровня базового высшего юридического образования такие документы не устраняют несоответствие установленным квалификационным требованиям. В то же время в соответствии с законодательством об образовании документы ДПО (удостоверение о повышении квалификации, диплом о профессиональной переподготовке) признаются документами о квалификации и дают право на выполнение нового вида профессиональной деятельности, то есть обладают собственной квалификационной силой. Столкновение этих подходов приводит к тому, что, с одной стороны, ДПО формально признаётся квалификацией общего действия, а с другой – отдельные ведомства через специальные требования к должностям фактически локализуют и ограничивают его значение в своих кадровых системах.

Н.И. Матузов и А.В. Малько подчёркивают, что результативность юридического механизма определяется степенью достижения целей, ради которых он создан [3, с. 505]. Применительно к ДПО часть 1 статьи 76 провозглашает цель обеспечения соответствия квалификации актуальным условиям профессиональной деятельности. Выявленный парадокс свидетельствует о том, что данная цель реализуется лишь фрагментарно.

Ситуацию усугубляет пробел в контрольном контуре. Лицензирование, регламентированное постановлением Правительства Российской Федерации от 18.09.2020 № 1490 [17], проверяет ресурсную обеспеченность организации, но не затрагивает программного содержания. Государственная аккредитация к программам ДПО конструктивно неприменима ввиду отсутствия для них федеральных государственных образовательных стандартов. Федеральный контроль (надзор), действующий на основании Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ [18], сфокусирован на соблюдение обязательных требований без регулярной оценки качества образовательного результата.

Результаты исследования.

Проведённый анализ позволяет зафиксировать ряд выводов.

Во первых, обоснована авторская дефиниция административно правового механизма реализации программ дополнительного профессионального образования как многоуровневой системы административно правовых средств,

субъектов публичного управления, управленческих процедур и цифровой инфраструктуры; показано, что включение ФИС ФРДО в структуру этого механизма на правах самостоятельного элемента позволяет рассматривать учёт документов об образовании и (или) о квалификации не только как техническую операцию, но и как юридически значимое звено, связывающее допуск к программам, их реализацию и верификацию квалификационного результата.

Во вторых, установлено, что нормативная модель ДПО строится на иерархии законодательного, подзаконного и локального регулирования: закон формирует рамку, подзаконные акты вводят режимные и квалификационные ограничения, а локальные акты образовательных организаций обеспечивают конкретизацию программ; в результате именно подзаконный и локальный уровни фактически формируют юридический профиль ДПО, придавая исследуемому механизму характер децентрализованного, но вертикально интегрированного порядка публичного управления.

В третьих, выявлено и раскрыто понятийное противоречие статьи 76 Федерального закона № 273 ФЗ, совмещающей два различных понимания ДПО – как инструмента развития сложившейся квалификации и как канала её первичного формирования – при отсутствии сквозной системы согласования допуска, содержания программ и признания квалификационного результата; показано, что данная дуалистическая конструкция порождает рассогласование между образовательным и квалификационным регулированием, а ведомственные типовые программы (ограничительные, методические и дифференцированные модели) лишь частично и фрагментарно компенсируют этот дефект.

В четвёртых, аргументировано наличие пробела в контрольном контуре административно правового механизма ДПО: действующие процедуры лицензирования и федерального государственного контроля (надзора) ориентированы преимущественно на ресурсы и формально процедурные требования и не обеспечивают проверки содержательного качества программ и достижения цели, сформулированной в части 1 статьи 76;

В качестве общего направления реформирования предлагается сместить акцент в сторону оценки реального качества программ и использовать цифровую инфраструктуру ФИС ФРДО для раннего выявления аномалий в выдаче документов о квалификации, что предполагает постепенный переход от исключительно учётно регистрационной модели к превентивному, аналитически нагруженному использованию реестровых данных.

Список литературы:

[1] Павлова, А.А., Корякина З.И. Правовое регулирование дополнительного профессионального образования в законодательстве РФ // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2020. № 4. С. 78-82.

[2] Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. М.: БЕК, 1995. 320 с.

[3] Матузов, Н.И., Малько, А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 5-е изд. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2024. 528 с.

[4] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2026) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). ст. 7598.

[5] Россинский, Б.В. Административное право: учебник / Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов. – 6-е изд., доп. и пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 640 с.

[6] Бахрах Д.Н. Административное право: Учебник для вузов. М., 1996. 355 с

[7] Россинский, Б.В. О системе публичного управления / Б.В. Россинский // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 3-6.

[8] Спиридонов, П.Е. Административно-процессуальные правоотношения: понятие, особенности / П.Е. Спиридонов // Административно-правовые отношения: материалы XII Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти Ю.М. Козлова. 14 февраля 2019 г. С. 95 - 97.

[9] Зайкова, С.Н. Субъекты публичного управления в области обеспечения авиационной безопасности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 3. С. 176–189.

[10] Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам: Приказ Минобрнауки России от 01.07.2013 № 499 (ред. от 15.11.2013) // Российская газета. 2013. №190.

[11] Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам: Приказ Минобрнауки России от 24.03.2025 № 266 // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 23.04.2025.

[12] Коцюрко, Е.П. Административно-правовое регулирование федерального государственного контроля (надзора) в сфере высшего образования в Российской Федерации: автореф. дис. ...

канд. юрид. наук / Е.П. Коцюрко. Екатеринбург, 2024. 33 с.

[13] Об утверждении типовой дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки в области медико-социальной экспертизы: Приказ Минтруда России от 29.09.2025 № 578н // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 15.12.2025.

[14] Об утверждении типовой дополнительной профессиональной программы в области строительства и жилищно-коммунального хозяйства «Технологии информационного моделирования в строительстве: Приказ Минстроя России от 14.08.2025 № 488/пр // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 28.08.2025.

[15] Об утверждении типовых дополнительных профессиональных программ в области кадастровой деятельности» (вместе с «Типовой дополнительной профессиональной программой (программой профессиональной переподготовки) «Кадастровая деятельность», «Типовой дополнительной профессиональной программой (программой повышения квалификации) «Современные технологии в области кадастровой деятельности», «Типовой дополнительной профессиональной программой (программой повышения квалификации) «Актуальные проблемы взаимодействия субъектов кадастровых отношений», «Типовой дополнительной профессиональной программой (программой повышения квалификации) «Актуальные вопросы законодательства в области кадастровой деятельности») : Приказ Минэкономразвития России от 24.08.2016 № 541 (ред. от 30.10.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 10.10.2016.

[16] Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. ст. 4472.

[17] О лицензировании образовательной деятельности» (вместе с «Положением о лицензировании образовательной деятельности»): Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1490 (ред. от 20.06.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 39. Ст. 6067.

[18] Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

References:

[1] Pavlova, A.A., Koryakina Z.I. Legal regulation of additional professional education in the legislation of the Russian Federation // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: History. Political Science. Law. - 2020. №. 4. S. 78-82

[2] Alekseev, S.S. Theory of law / S.S. Alekseev. M.: BEK, 1995. 320 s.

[3] Matuzov, N.I., Malko, A.V. Theory of State and Law: textbook / N.I. Matuzov, A.V. Malko. - 5th ed. - M .: Publishing house «Delo» RANEPA, 2024. 528 s.

[4] Federal Law of 29.12.2012 № 273-FZ (as amended on 08.03.2026) «On Education in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2012. No. 53 (Part 1). Art. 7598.

[5] Rossinsky, B.V. Administrative law: textbook / B.V. Rossinsky, Yu.N. Starilov. - 6th ed., supplemented. and revised. - M.: Norma: INFRA-M, 2019. 640 s.

[6] Bakhrakh D.N. Administrative Law: Textbook for Universities. Moscow, 1996. 355 s.

[7] Rossinsky, B.V. On the public administration system / B.V. Rossinsky // Administrative law and process. 2024. № 6. S. 3-6.

[8] Spiridonov, P.E. Administrative-procedural legal relations: concept, features / P.E. Spiridonov // Administrative-legal relations: materials of the XII International scientific-practical conference dedicated to the memory of Yu.M. Kozlov. February 14, 2019. S. 95-97.

[9] Zaykova, S.N. Public administration entities in the field of aviation security // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2022. № 3. S. 176–189.

[10] On approval of the Procedure for organizing and implementing educational activities for additional professional programs: Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 01.07.2013 No. 499 (as amended on 15.11.2013) // Rossiyskaya Gazeta. 2013. № 190.

[11] On approval of the Procedure for organizing and implementing educational activities for additional professional programs: Order of the Ministry of Education and Science of Russia dated March 24, 2025 № 266 // Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru, 23.04.2025.

[12] Kotsyurko, E.P. Administrative and legal regulation of federal state control (supervision) in the field of higher education in the Russian Federation: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences / E.P. Kotsyurko. Ekaterinburg, 2024. 33 s.

[13] On approval of a standard additional professional program for professional retraining in the field of medical and social expertise: Order of the Ministry of Labor of Russia dated September 29,

2025 № 578n // Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru, 15.12.2025.

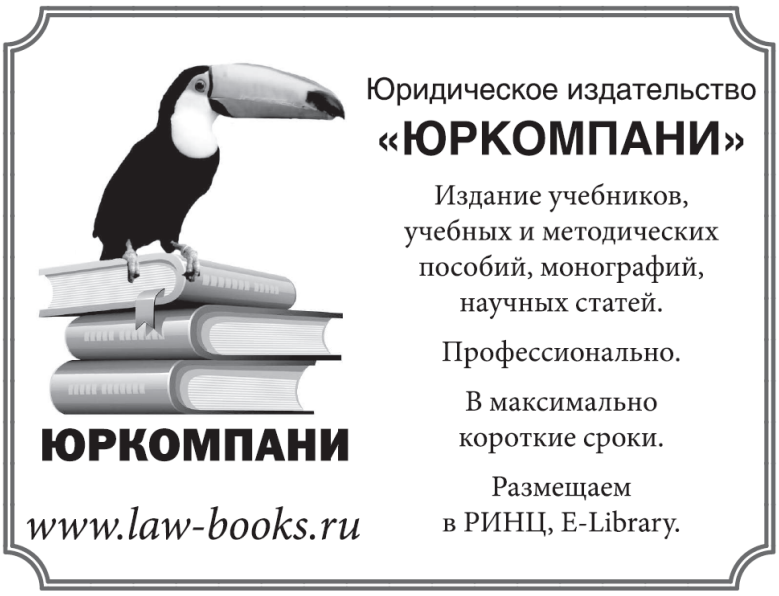
[14] On approval of the standard additional professional program in the field of construction and housing and communal services «Information modeling technologies in construction: Order of the Ministry of Construction of Russia dated 08.14.2025 № 488/pr // Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru, 08.08.2025.

[15] On approval of standard additional professional programs in the field of cadastral activities» (together with the «Standard additional professional program (professional retraining program) «Cadastral activity», «Standard additional professional program (advanced training program) «Modern technologies in the field of cadastral activities», «Standard additional professional program (advanced training program) «Current problems of interaction of subjects of cadastral relations», «Standard additional professional program (advanced training program) «Current issues of legislation in the field of cadastral activities»): Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 24.08.2016 № 541 (as amended on 30.10.2017) // Official Internet portal of legal information http://pravo.gov.ru, 10.10.2016.

[16] Federal Law of 17.01.1992 № 2202-1 (as amended on 29.12.2025) «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. № 47. Art. 4472.

[17] On the licensing of educational activities» (together with the «Regulation on the licensing of educational activities»): RF Government Resolution of 18.09.2020№ 1490 (as amended on 20.06.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 39. Art. 6067.

[18] Federal Law of 31.07.2020 № 248-FZ (as amended on 29.12.2025) «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31 (Part 1). Art. 5007.



ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-323-328

ЗЛОБИНА Екатерина Александровна,
Соискатель Центра судебного права
Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации» (ИЗиСП),
e-mail: e_zlobina80@mail.ru

ПОСТРОЕНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ С СОБЛЮДЕНИЕМ БАЛАНСА ИНСТАНЦИОННОСТИ И СУДЕБНОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена концептуальным основам построения судебной системы в условиях поиска оптимального баланса между иерархической структурой инстанционности и потребностью в углубленной судебной специализации. Автор рассматривает роль суда как гаранта конституционной стабильности и «моста» между государством и обществом, подчеркивая, что независимость судебной власти является инструментом обеспечения беспристрастности, а не сословной привилегией. В работе проводится критический анализ экстенсивного пути развития специализации (создание автономных судебных органов) и обосновывается преимущество интенсивной модели — сегментации внутри существующих инстанционных округов. На основе компаративистского анализа опыта 29 государств и доктринальных положений предлагаются конкретные модели трансформации правосудия в России: предлагается через механизм экстерриториальных судебных присутствий в рамках апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, что обеспечивает «антикоррупционный иммунитет» без нарушения системного единства; обосновывается целесообразность формирования специализированных составов вместо создания отдельных судов, что позволяет минимизировать бюджетные расходы при сохранении качества правосудия; выдвигается новаторское предложение по трансформации банкротных составов в самостоятельное звено арбитражных судов (по аналогии с Bankruptcy Courts в США), учитывая переход дел о несостоятельности в статус «квази-административного судопроизводства»; аргументируется необходимость создания специализированных экологических судов в системе судов общей юрисдикции для реагирования на современные глобальные вызовы. Автор делает вывод, что гармоничное встраивание специализированных органов (на примере Суда по интеллектуальным правам) в существующую инстанционную систему способствует формированию единообразного правоприменения и внедрению прогрессивных стандартов доказывания.*

Ключевые слова: *судебная система, специализация правосудия, инстанционность, эффективность правосудия, антикоррупционные суды, суды по банкротству, ювенальная юстиция, экологизация права, единство правосудия.*

ZLOBINA Ekaterina Alexandrovna,
applicant of the Center for Judicial Law
The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

CONSTRUCTION OF A JUDICIAL SYSTEM WITH A BALANCE OF INSTANCE AND JUDICIAL SPECIALIZATION

Annotation. *The article is devoted to the conceptual foundations of building a judicial system in the context of the search for an optimal balance between the hierarchical structure of the jurisdiction and the need for in-depth judicial specialization. The author considers the role of the court as a guarantor of constitutional stability and a "bridge" between the state and society, emphasizing that the independence of the judiciary is a tool for ensuring impartiality, not a class privilege. The paper provides a critical analysis of the extensive path of specialization development (creation of autonomous judicial bodies) and substantiates the advantage of the intensive model of segmentation within existing instance districts. Based on a comparative analysis of the experience of 29 states and doctrinal provisions, specific models of the transformation of justice in Russia are proposed: it is proposed through the mechanism of extraterritorial judicial presences within the courts of appeal and cassation of general jurisdiction, which ensures "anti-corruption immunity" without violating the systemic unity.; the expediency of forming specialized structures instead of creating separate courts is substantiated, which minimizes budget costs while maintaining the quality of justice; an innovative proposal is put forward to transform bankruptcy structures into an independent unit of arbitration courts (by analogy with Bankruptcy Courts in the USA), taking into account the transition of insolvency cases to the status of "quasi-administrative proceedings"; the need to create specialized environmental courts in the system of courts of general jurisdiction to respond to modern global challenges. The author concludes that the harmonious integration of specialized bodies (using the example of the Intellectual Property Rights Court) into the existing instance system contributes to the formation of uniform law enforcement and the introduction of progressive standards of evidence.*

Key words: *judicial system, specialization of justice, instance, effectiveness of justice, anti-corruption courts, bankruptcy courts, juvenile justice, greening of law, unity of justice.*

Вопросы о месте и роли суда в системе разделения властей являются актуальными со времен обоснования указанной концепции в известных трудах Ш. Монтескье. Безусловно, функции суда предполагают сочетания указанных направлений деятельности, связанных с реализации функций самого государства, в том числе, посредством ограничения государственной власти путем осуществления независимого и беспристрастного правосудия. Разрыв связи суда и государства неприемлемо с точки зрения выработки единой правовой политики, без которой невозможно исполнение функций государства, поддержание государственного суверенитета [4]. Суд является гарантом соблюдения всех конституционных положений. С учетом широты вопросов, которые ставятся перед судом в конституционно-определенных видах судопроизводства, необходимо определить действенные инструменты поддержания правопорядка и стабильности в процессе осуществления правосудия.

Разработка механизма оценки эффективности правосудия, направленного на защиту прав и свобод граждан, с одной стороны, и на защиту публичных интересов, с другой, предполагает не только сугубо-институциональный анализ организации судоустройства, но и действительное воплощение конституционных принципов осуществления правосудия в рамках судопроизводства. Соответственно, механизм оценки опирается на основополагающие принципы правосудия: равенства, законности, правовой определенности, справедливости. Предполагается, что благодаря учету всеобъемлющего характера указанных принципов поддерживается состояние конституционной демократической легитимности. На суд, в этой связи, возложена значимая миссия поддержания связи между государством и обществом, разрешения конкретных повседневных вопросов на основе конституции и закона.

Условием независимости судебной власти является его автономия, определяемая организационно-правовыми механизмами функционирования судов, в том числе их финансовой обеспеченностью и порядком назначения судей на должность. При этом институт независимости судей направлен не на создание привилегий носителям судебной власти, а является инструментом обеспечения беспристрастности отправления правосудия, защиты интересов сторон, и, таким образом, выражением общественных интересов. Согласимся в этой связи с мнением председателя Апелляционного суда г. Парижа (в отставке) Ж.К. Маженди: «логика разделения властей не имеет своей целью столкновение автономных государственных органов, она лишь стремится к ограничению власти – той власти, которая является одновременно умеренной и эффективной … Правосудие – это не альтернативная власть («контрвласть»), а конституционно-правовой институт, разновидность государственной власти, не сводимая только к административной службе, в обязанности которой входит применение закона во имя соблюдения требований, которым она подчиняется» [7]. Предопределяющим, в этом смысле, является служение суда обществу посредством разрешения споров. Разделение властей не тож-

дественно отделению правосудия от иных ветвей государственной власти. Утверждение об обратном может привести к ослаблению государства, дискредитации самого правосудия наряду с иными органами и должностными лицами, наделенными публичными полномочиями.

Поскольку функции суда тесно связаны с функциями самого государства, оценка эффективности правосудия может производиться именно в данном контексте. Необходим сбалансированный подход между ограничениями, в том числе самоограничениями судебной власти, и контролем за осуществлением правосудия. Критериями такой оценки, в итоге, являются скорость правосудия и его качество. Более того, в тех ситуациях, когда суд сталкивается с неопределенностью правовых норм, их рассогласованностью, коллизиями и пробелами в законодательстве, и вынужден путем толкования норм права преодолевать данные дефекты правовых норм, на него также накладываются требования равенства, стабильности (в т.ч. единообразия судебной практики), правовой определенности и справедливости, как и на любой орган, участвующий в процессе правообразования.

Как отмечено Х.И. Гаджиевым, «закон успешен только в том случае, если имеется эффективная судебная система для его поддержания» [2]. Эволюция социально-экономических и политических отношений, смена доминирующих концепций привела к изменению понимания и представлений о задачах и функциях государства; современное развитие российского государства не представляется линейным, программируемым и обусловлено характером конкретно-исторического времени, потребностями и интересами общества, все это в идеальном формате воплощается в целях и задачах государства, и имеет определенные способы выражения и оценки, соответственно, основой эффективного функционирования государственной власти является отсутствие социальных конфликтов, проведение стабильной и грамотной социально-экономической политики, инновационное экономическое развитие, таким образом, проблематика совершенствования функционирования системы государственной власти остается одной из наиболее важных для российского государства.

В условиях адаптации к изменениям экономической, политической, социальной среды, необходим анализ проблемы формирования эффективного государственного управления посредством независимого и беспристрастного правосудия, способного оперативно и адекватно реагировать на внешние вызовы. Это, как следствие, предопределяет необходимость разработки правовых инструментов, позволяющих совершенствовать систему нормативных и управленческих процедур, с одной стороны, и порядка их применения в судебной деятельности с другой.

Проблемы организации судебной власти, судопроизводство, судейский корпус, процессуальные гарантии и права зачастую становились предметом специальных научных исследований, как российских, так и зарубежных ученых [5-6; 8-9]. Между тем, необходимость разворота доктринальных исследований данной сферы в плоскость исследования эффективности функционирования судебной власти вызвана необходимостью коррекции законодательства и средств совершенствования правоприменительной практики для придания общественно-политическому и экономическому развитию устойчивого динамизма; теоретическая и практическая актуальность вопросов эффективности судебной власти, ее места и роли в государственно-правовом механизме и в действующей системе сдержек и противовесов приобретает особо важное значение для утверждения все более сбалансированных взаимоотношений между всеми ветвями государственной власти.

В концепциях развития российского законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации за 2010 2014 и 2015 гг. Институтом последовательно поддерживалась идея повышения доступности правосудия путем создания выездных сессий краевых, областных и приравненных к ним судов, на основании отечественного опыта 1930-1950 гг. В то же время, предлагалось учреждение судебных округов, не совпадающих с административно-территориальным делением страны, которое, по существу, на сегодняшний день реализовано на законодательном уровне. Учреждены соответствующие судебные округа как в рамках системы арбитражных судов, так и судов общей юрисдикции. В последующем, на IX Всероссийском съезде судей, было принято Постановление от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе» (далее – Постановление Съезда судей № 1), в котором отражены основные направления развития отечественной судебной системы, направленные на обеспечение независимости и объективности при вынесении судебных решений. Указанный документ задает важные ориентиры в определении векторов совершенствования законодательного регулирования судоустройства, планируемых или поддерживаемых Верховным Судом Российской Федерации.

Таким образом, можно утверждать, что пристальное внимание судейского сообщества к

функционированию новой системы апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции не является случайным. Действительно, подобные изменения представляют собой существенный шаг в процессе совершенствования отечественной судебной системы, оценить результаты которого возможно только путем анализа судебной практики.

Применительно к специализации правосудия в Постановлении Съезда судей № 1 отмечено, что «… предложение о создании специализированного антикоррупционного судебного органа предполагает потребность в повышении эффективности рассмотрения подобного рода дел. Мировая практика демонстрирует, что число подобных судов возрастает, но они не отличаются единообразием в части организации и практики осуществления правосудия».

Действительно, исследователями данного вопроса, в том числе зарубежными, отмечается, что организационно-правовая структура подобных судебных органов может принимать самые разные формы [10]. При этом остаются открытыми вопросы о том, насколько для этих целей необходимо создание целой системы антикоррупционных судов. Например, для целей повышения качества правосудия в сфере интеллектуальных прав пока вполне достаточно одного специализированного суда. Также важно ответить на вопрос, требует ли антикоррупционное правосудие специальных процессуальных правил, а также законодательных гарантий независимости судей? Как видится, чем больше отличий в деятельности специализированного суда по сравнению с общей системой судебных органов, тем больше вероятность нарушения стабильности всей указанной системы.

Представляется, что с учетом создания новой системы апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, специализированное антикоррупционное правосудие могло бы стать частью деятельности в рамках указанных судебных инстанций. Доктринальный отказ от экстенсивного пути развития судебной специализации (создания автономных органов) в пользу интенсивной модели инстанционной сегментации. На основе анализа международного опыта 29 государств (включая модели Словакии и Индонезии), доказано, что для российской правовой системы антикоррупционная специализация должна реализовываться через механизм экстерриториальных судебных присутствий в рамках созданных апелляционных и кассационных округов. Это позволит совместить антикоррупционный иммунитет (за счет отрыва от региональных административных границ) с сохранением системного единства правосудия».

Относительно ювенальной юстиции, а также создания специализированных административных судов, то с учетом количества споров, в которые вовлечены несовершеннолетние (особенно, если рассматривать в совокупности гражданские, административные и уголовные дела), а также органы публичной власти, то в данном случае создание отдельных специализированных судов не выглядит перспективной задачей, поскольку предполагает отдельное федеральное финансирование и отбор чрезмерно большого количества судей. В качестве возможного варианта реализации данной идеи видится внедрение элементов специализации в деятельность судов общей юрисдикции. При этом рассмотрение уголовных дел с участием несовершеннолетних на сегодняшний день и так осуществляется в особом порядке, установленном главой 50 Уголовного процессуального кодекса Российской Федерации. Дела об административных правонарушениях с участием несовершеннолетних рассматриваются комиссиями по делам несовершеннолетних в пределах их компетенции. Гражданское процессуальное законодательство существенных особенностей в отношении дел с участием несовершеннолетних, не устанавливает, кроме дел, касающихся вопросов эмансипации. В таких условиях, как видится, формирование в судах специализированных судебных составов могло бы стать определенным компромиссом в разрешении спора между сторонниками и противниками ювенальной юстиции, при малых затратах на финансирование указанной деятельности. Аналогичные рекомендации представляются справедливыми и для специализированной административной юстиции, предпосылок для выделения которой в формат отдельных судебных органов на сегодняшний день не видится. Статистика рассмотрения административных дел хотя и демонстрирует высокий уровень нагрузки на судей, но скорее является общей системной проблемой, подлежащей разрешению иными мерами.

Определенный интерес представляет опыт зарубежных государств, связанный с созданием специализированных природоохранных судов. В специальном исследовании Программы ООН по окружающей среде применительно к данному вопросу отмечается два возможных направления: развитие системы административного и судебного правоприменения [9]. При этом с учетом значимости экологической проблематики для отечественной правовой системы, особенностей российского государства, обладающего обширными территориями в различных климатических зонах, на российских судьях лежит повышенная ответственность за охрану окружающей среды, в том числе в общемировом масштабе. На сегодняшний

день обилие научных исследований, посвященных экологизации права (в противовес классическому тезису о его экономической основе), устойчивому развитию, а также иным ценностям ответственного отношения к окружающей среде, предполагают потребность в углубленном исследовании данного вопроса в том числе судом. По этой причине специализированный природоохранный суд в рамках системы судов общей юрисдикции, с участием специалистов в сфере экологии, а также научного сообщества, способного оказывать влияние на судебную практику посредством выступлений на заседаниях научно-консультативных советов, позволило бы сформировать требуемый контекст в рамках насущной проблемы стремительного обострения вызовов, связанных с сохранением окружающей среды.

Отдельного внимания заслуживает проблема рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве), относящаяся к компетенции арбитражных судов, притом как по делам с участием хозяйствующих субъектов, так и граждан по делам, не связанным с предпринимательской деятельности. На сегодняшний день специализация судебных составов в арбитражных судах является очевидной, в связи с чем можно рассмотреть возможность создания системы судов по делам о банкротстве. Аналогичный опыт имеется, в частности, в США, где указанные суды созданы в рамках федеральной судебной системы, и занимаются как корпоративным, так и личным банкротством. Представляется, дела о банкротстве в современных условиях приобретают статус «квази-административного судопроизводства» с уникальным стандартом доказывания. В связи с этим автором предлагается трансформация существующих банкротных составов в самостоятельно звено арбитражных судов, что позволит имплементировать опыт США по созданию судов по банкротству (Bankruptcy Courts) в отечественную почву, обеспечив баланс между универсальной компетенцией арбитражных судов и глубокой специализацией в сфере трансграничной и корпоративной несостоятельности».

На сегодняшний день дискуссия по поводу специализированных судов остается открытой. При этом опыт деятельности Суда по интеллектуальным правам (далее – СИП) позволяет заключить, что специализация судебного органа, осуществляющего правосудия в качестве суда кассационной инстанции, а также в качестве суда первой инстанции по определенной категории дел, в существенной степени формирует единообразное правоприменение. Получают развития отдельные направления судебной деятельности, касающиеся не только сферы интеллектуальных прав, но и доказательственного права, в том числе использования цифровых технологий с целью оценки допустимости и достоверности доказательств, что может оказывать позитивное влияние на деятельность судебной системы в целом. Положительно следует отметить также издание профильного журнала, посвященного деятельности данного суда, принятие им обзоров судебной практики, а также активное участие судей и иных специалистов в деятельности научно-консультативного совета при данном суде. Как видится, подобный акцент на определенной категории дел, и, как следствие, повышение внимания к ним научного сообщества, положительно сказывается на правосудии в соответствующей области правоотношений.

При этом специализация правосудия может осуществляться в различных направлениях. В случае с СИП его роль заключается в более широком внедрении в судебную практику позиций, формулируемых судом на основании наличия в составе судей лиц, обладающих специальными познаниями. По этой причине данный судебный орган гармонично встроен в существующую судебную систему именно как осуществляющий преимущественно судопроизводство в качестве суда кассационной инстанции. С другой стороны, внедрение административных судов может преследовать иную задачу, в частности – формирование специальных судебных органов, рассматривающих административные дела в качестве суда первой инстанции, по аналогии с отдельной системой арбитражных судов. В данном случае специфика заключается не в необходимости специальных познаний в определенной сфере науки и техники, а особенными процессуальными правилами рассмотрения дел с участием органов публичной власти и должностных лиц. Подобно специфическому принципу арбитрирования при рассмотрении дел в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, порядок рассмотрения дел, установленный КАС РФ, предполагает особенности в распределении бремени доказывания и оценки доказательств, в том числе подходы к процессуальной добросовестности и распределению рисков совершения или несовершения определенных процессуальных действий.

Список литературы:

[1] Андрюшечкина И.Н. Анализ основных показателей деятельности судов общей юрисдикции // Российская юстиция. 2007. № 3. С. 65-71.

[2] Гаджиев Х.И. Судебная риторика как фактор эффективности правовой аргументации // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 14-16.

[3] Зражевская Т.Д. Эффективность реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации в субъектах Российской Федера-

ции // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2001г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой, С.Е. Андреева. М.: Формула права, 2001. С. 115-119.

[4] Лазарев В.В. «О суверенитете суда» // Государственный суверенитет и верховенство права: международное и национальное измерения. Материалы круглых столов. Том Часть 1. М., 2015. С. 7-12.

[5] Лапаева В.В. Анализ качества судебной деятельности в процессе правового мониторинга (вопросы теории и методологии) //Законодательство и экономика. 2009. № 10. С. 7-16.

[6] Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия. М.: Наука, 1979. 392 с.

[7] Суд и государство / под ред. Л.В. Головко, Б. Матьё. М., 2018. 272 с.

[8] Татаринов С.А. О критериях определения эффективности отправления конституционного правосудия в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. статей. Часть 34 / Под ред. В.Ф. Воловича. Томск: Изд-во Томского университета, 2006. С. 34-38.

[9] Чепунов О.И. Об эффективности судебной власти // Современное право. 2009. № 5(1). С. 79-83.

[10] Environmental Courts & Tribunals: A Guide for Policy Makers. 2016. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/10001/environmental-courts-tribunals.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

[11] Anti-corruption court legislation for 29 countries. 2024. URL: https://www.u4.no/anti-corruption-court-legislation-for-23-countries (дата обращения: 18.02.2026).

References:

[1] Andryushechkina I.N. Analysis of the main indicators of the activities of courts of general jurisdiction//Russian Justice. 2007. № 3. S. 65-71.

[2] Hajiyev H.I. Judicial rhetoric as a factor in the effectiveness of legal argumentation//Journal of Russian Law. 2023. № 7. S. 14-16.

[3] Zrazhevskaya T.D. The effectiveness of the implementation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the constituent entities of the Russian Federation//Problems of execution by federal and state authorities of the constituent entities of the Russian Federation of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and constitutional (statutory) courts of the constituent entities of the Russian Federation: Materials of the All-Russian Conference (Moscow, March 22, 2001)/Ed. M.A. Mityukova, S.V. Kabysheva, V.K. Bobrova, S.E. Andreeva. M.: Formula of Law, 2001. S. 115-119.

[4] Lazarev V.V. “On the sovereignty of the court “//State sovereignty and the rule of law: international and national dimensions. Round table materials. Volume Part 1. M., 2015. S. 7-12.

[5] Lapaeva V.V. Analysis of the quality of judicial activity in the process of legal monitoring (questions of theory and methodology)//Legislation and economics. 2009. № 10. S. 7-16.

[6] Petrukhin I.L., Baturov G.P., Morshchakova T.G. Theoretical foundations of the effectiveness of justice. M.: Science, 1979. 392 pp.

[7] Court and state/ed. L.V. Golovko, B. Mathieu. M., 2018. 272 pp.

[8] Tatarinov S.A. On the criteria for determining the effectiveness of the administration of constitutional justice in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation//Legal problems of strengthening Russian statehood: Sat. articles. Part 34/Ed. V.F. Volovich. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 2006. S. 34-38.

[9] O.I. Chepunov. On the effectiveness of the judiciary//Modern law. 2009. № 5(1). S. 79-83.

[10] Environmental Courts & Tribunals: A Guide for Policy Makers. 2016. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/10001/environmental-courts-tribunals.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

[11] Anti-corruption court legislation for 29 countries. 2024. URL: https://www.u4.no/anti-corruption-court-legislation-for-23-countries (дата обращения: 18.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-329-334

ТУТУШЕВ Тамерлан Тагирович,
аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. *Деятельность защитника в уголовном процессе оказывает влияет на достижение назначения уголовного судопроизводства. При этом, законодатель устанавливает существенные ограничения осуществления данным субъектом доказательственной деятельности, обусловленные как особенностями его правового статуса, так и необходимостью обеспечения публичных интересов. Одновременно с этим, несмотря на необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов, что может быть осуществлено посредством усиления имеющихся процессуальных гарантий защитника в доказательственной деятельности, реализация многих его полномочий в рассматриваемой сфере необоснованно затруднена, что негативно сказывается на эффективности и результативности всей его правозащитной деятельности.*

Цель исследования состоит в выявлении значимости доказательственной деятельности защитника в контексте достижения назначения уголовного судопроизводства и реализации конституционных прав личности, а также во влиянии законодательных ограничений на эффективность ее осуществления.

В результате исследования констатирована необходимость дальнейшего системного и планомерного повышения правовых гарантий, обеспечивающих эффективное участие адвоката-защитника в доказательственной деятельности, осуществляемой субъектом предварительного расследования, в том числе предложено предоставить адвокату-защитнику право в конце следственного действия, когда следователем уже уточнены все интересующие его обстоятельства, задавать вопросы допрашиваемым без предоставления возможности их отведения субъектом предварительного расследования, что должно найти свое отражение в ч. 2 ст. 53 УПК РФ.

Ключевые слова: *защитник, адвокат, ходатайство, следственное действие, отвод, очная ставка, доказательственная деятельность.*

TUTUSHEV Tamerlan Tagirovich,
postgraduate student of the P.A. Lupinskaya Department of Criminal Procedure Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ENSURING THE EFFECTIVENESS OF EVIDENTIAL ACTIVITIES OF DEFENSE ATTORNEYS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. *The activity of a defender in criminal proceedings, which is constitutional in nature, directly affects the achievement of the goals of criminal proceedings. At the same time, the legislator establishes quite significant restrictions on the implementation of evidentiary activities by this subject, due to both the specifics of its legal status and the need to ensure public interests. At the same time, despite the need to ensure a balance of private and public interests, which can be achieved by strengthening existing procedural guarantees for the defense attorney to carry out evidentiary activities, the implementation of many of the defender's powers in this area is unreasonably difficult, which negatively affects the effectiveness and efficiency of all his human rights activities.*

The purpose of the study is to identify the importance of the evidentiary activity of the defender in the context of achieving the goals of criminal proceedings and the realization of constitutional rights of the individual, as well as the impact of legislative restrictions on the effectiveness of its implementation.

As a result of the study, it was stated that there is a need for further systematic and systematic improvement of legal guarantees ensuring the effective participation of a defense lawyer in evidentiary activities carried out by the subject of the preliminary investigation, including the proposal to grant the defense lawyer the right at the end of the investigative action, when the investigator has already clarified all the circumstances of interest to him, to ask questions to the interrogated without providing the opportunity for their removal by the subject preliminary investigation, which should be reflected in Part 2 of Article 53 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Key words: *defender, lawyer, petition, investigative action, challenge, confrontation, evidentiary activity.*

Конституционный характер деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве, ее направленность на обеспечение защиты лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, характеризующуюся возможностью наибольшего ограничения конституционных прав и свобод личности, закономерно обуславливает актуальность вопроса об эффективности, достаточности и качества правовой регламентации полномочий адвоката-защитника, являющегося обязательным участником уголовного процесса [12].

Сущность деятельности адвоката-защитника как на досудебных, так и на судебных стадиях производства по уголовному делу сводится, главным образом, к опровержению доказательств, собранных стороной обвинения, а также к установлению обстоятельств, свидетельствующих в пользу подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) [15], в чем и проявляется защитная функция деятельности адвоката. Как справедливо отмечается в научной литературе, именно процессуальные гарантии, направленные на обеспечение прав личности, в конечном итоге обуславливают достижение назначения российского уголовного судопроизводства [14].

Цель доказывания заключается в достижении назначения уголовного судопроизводства [11]. Суд, рассматривая и разрешая уголовное дело по существу, оценивает обстоятельства дела именно на основании совокупности доказательственной информации, собранной в ходе предварительного расследования.

В соответствии с положениями действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, адвокат-защитник участвует в доказательственной деятельности как посредством самостоятельного собирания доказательственной информации, так и посредством участия в следственных и иных процессуальных действиях. При этом, несмотря на тот факт, что именно осуществление адвокатом доказательственной деятельности является сутью его правозащитной деятельности в уголовном судопроизводстве, которую, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, защитник осуществляет на основании принципа состязательности, многие ключевые аспекты в данной сфере остаются нерешенными.

Самостоятельное осуществление доказательственной деятельности защитником в соответствии с положениями УПК РФ в существенной мере ограничено. Как справедливо отмечено С.А. Шейфером, защитник не может формировать, проверять и оценивать доказательства таким же образом, как следователь или дознаватель, однако, это никаким образом не воспрепятствует его непосредственному участию в процессе доказывания, поскольку данный субъект наделен правом устанавливать определенные обстоятельства дела на основе своей познавательной деятельности [17].

Так, например, несмотря на тот факт, что ч. 3 ст. 86 УПК РФ оперирует формулировкой о том, что «защитник вправе собирать доказательства», фактически, данный субъект наделен правом лишь на собирание доказательственной информации, которая статус доказательств может приобрести только при принятии субъектом предварительного расследования процессуального решения о приобщении к материалам уголовного дела соответствующих письменных документов и предметов в качестве доказательств. При этом, законодатель не возлагает на субъекта предварительного расследования обязанности во всех случаях приобщать такие предметы и документы к материалам дела в качестве доказательств, что определяется руководящей ролью таких субъектов в процессе производства по уголовному делу, их процессуальной самостоятельностью и независимостью, а также несением ответственности за ход и результаты предварительного расследования.

В данном контексте существенно ограничена и реализация защитником такой формы собирания доказательственной информации, как опрос лиц с их согласия. Так, например, справед-

ливо замечание С.Н. Хорьякова о том, что в силу ненадлежащей регламентации названной формы доказательственной деятельности защитника на практике чрезвычайно часто складываются ситуации, затрудняющие приобщение таких материалов в качестве доказательств, что, как итог, нарушает и основополагающий принцип состязательности процесса [16].

Кроме того, в законодательстве никаким образом не определен круг сведений, которые адвокат-защитник вправе запрашивать. Как отмечено А.В. Рагулиным, на практике применяется подход, в соответствии с которым в силу п. 1 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат вправе получить ответ за запрос только в порядке, установленным законодательством. Соответственно, как отмечает автор, данное положение излишне широко трактуется, и адвокату, к примеру, не предоставляются зачастую сведения о состоянии здоровья пациентов учреждений здравоохранения. При ответе на адвокатский запрос, представители учреждений здравоохранения ссылались на то, что указанные сведения могут без согласия гражданина или его законного представителя быть предоставлены только по запросу органов дознания, следствия и суда. Однако, в соответствии с положениями ст. 86 УПК РФ не делается ссылка на необходимость соблюдения порядка, «установленного законодательством» [13]. Таким образом, получается ситуация, при которой запрос адвоката, основанный на положениях п. 1 ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» может быть отклонен на основании норм иного законодательства, не разрешающего предоставление адвокату ответа на его запрос.

Установление указанных выше ограничений можно рассматривать как решение вполне оправданное, основанное, в первую очередь, на различном процессуальном статусе адвоката-защитника и субъекта предварительного расследования (и соответственно различном объеме их полномочий), на необходимости защиты публичного интереса в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Однако, предоставление адвокату права на собирание доказательственной информации выступает необходимым балансом прав стороны обвинения и стороны защиты, что в условиях усиливающейся тенденции обвинительного уклона деятельности следователя (дознавателя) является особенно актуальным и позволяет адвокату-защитнику эффективно осуществлять защиту конституционных прав своего доверителя. В данном контексте, на наш взгляд, на первый план выходит вопрос о возможности усиления правовых гарантий деятельности защитника при его участии в доказательственной деятельности, осуществляемой субъектом предварительного расследования посредством производства следственных и иных процессуальных действий, с одной стороны, учитывая необходимость эффективной реализации принципа состязательности как одного из основных принципов уголовного судопроизводства, с другой стороны, при обеспечении баланса частных и публичных интересов при недопустимости необоснованного ограничения руководящей роли следователя (дознавателя) при производстве по уголовному делу.

Одним из полномочий адвоката-защитника, направленных на формирование доказательств по уголовному делу, нуждающимся в определенной правовой конкретизации, является его право на внесение информации, имеющей значение для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 53 УПК РФ.

На наш взгляд, указание на то обстоятельство, что следователь может задавать вопросы допрашиваемым только с разрешения следователя, который, к тому же, имеет возможность такие вопросы отвести, считается излишним. Совершенно закономерно, что следователь вопросы, задаваемые адвокатом-защитником, может отводить и в том случае, если такие вопросы не соотносятся с общей линией обвинительной позиции и могут ее опровергнуть. При этом, как отмечено Конституционным Судом Российской Федерации, «законность или обоснованность отвода следователем того или иного вопроса обеспечивается как обязанностью следователя занести отведенные вопросы в протокол, так и правом лиц, участвующих в данном следственном действии, высказывать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении, оспаривать достоверность этого доказательства и допустимость его использования для обвинения, ходатайствовать о дополнительном допросе по вопросам, предложенным стороной защиты» [4].

С одной стороны, действительно, данные правила позволяют стороне защиты зафиксировать свои вопросы, дополнения и уточнения в протоколе соответствующего следственного действия, которые впоследствии могут быть уточнены судом при рассмотрении и разрешении дела. С другой стороны, данный способ собирания доказательств адвокатом-защитником не может быть признан результативным, поскольку при подобном порядке не будет уточнена и зафиксирована в протоколе следственного действия информация, интересующая сторону защиты, которая при исключении возможности отвода задаваемых вопросов автоматически приобрела бы доказательственное значение. Одновременно с этим,

как уже было констатировано выше, адвокат-защитник имеет право самостоятельно осуществлять опрос лиц с их согласия, однако, даже в случае согласия на опрос лица, чьи показания имеют значение для выстраивания адвокатом необходимой линии защиты интересов своего доверителя, приобщение результатов таких опросов к материалам уголовного дела на практике нередко вызывает существенные затруднения, в том числе и в силу того, что деятельность адвоката-защитника по опросу лиц находится вне процессуальной формы.

При этом, законодатель предоставляет защитнику право ходатайствовать о производстве отдельных следственных действий, в том числе, допроса и очной ставки. При этом, удовлетворение данного ходатайства является правом, а не обязанностью субъекта предварительного расследования. Как свидетельствуют материалы правоприменительной практики, следователи нередко отказывают в удовлетворении таких ходатайств, суды, при этом, как правило, действия следователей признают законными [6]. Конституционным Судом РФ, при этом, указывается, что отказ в производстве следственного действия по ходатайству адвоката-защитника должен быть обоснованным в зависимости от конкретных обстоятельств дела [3]. При этом критерии обоснованности такого отказа в настоящее время системно не зафиксированы, однако, в более ранних правовых позициях органа конституционного контроля отмечается, что отказ в удовлетворении ходатайства стороны защиты о производстве следственного действия недопустим в тех случаях, когда такие следственные действия направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для дела [1], что согласуется с положениями ст. 159 УПК РФ. Однако современная судебная практика свидетельствует о том, что данные положения никоим образом не препятствуют следователям отказывать в удовлетворении ходатайств о производстве следственных действий даже тогда, когда, объективно, их производство может помочь в установлении обстоятельств уголовного дела [6,5].

Отвод субъектом предварительного расследования вопросов, задаваемых стороной защиты, может быть направлен, в том числе, и на обеспечение эффективности производства соответствующего следственного действия, на обеспечение процессуального порядка его производства, поскольку, выступая за повышение эффективности гарантий деятельности адвоката-защитника, отрицать случаи его ненадлежащего процессуального поведения данного субъекта не представляется возможным (например, с целью введения в заблуждение органы расследования, с целью снизить результативность производимого следственного действия, с целью затягивания сроков предварительного расследования и проч.). В связи с этим, закономерно, возникает необходимость повышения эффективности деятельности адвоката-защитника, направленной на получение необходимых доказательств при производстве таких следственных действий, как очная ставка и допрос, при, одновременно, недопустимости умаления руководящей роли следователя (дознавателя).

При этом, идея о предоставлении защитнику права задавать соответствующие вопросы и делать замечания, подлежащие внесению в протокол следственного действия, в самом конце производства такого следственного действия, на наш взгляд, обусловлена необходимостью обеспечения баланса интересов как защитника, так и субъекта, осуществляющего производство следственного действия, поскольку, все же именно такой субъект руководит соответствующей уголовно-процессуальной деятельностью [10]. Предоставление защитнику возможности неограниченно задавать вопросы и делать замечания на протяжении всего производства следственного действия, на наш взгляд, может поставить под угрозу эффективность и результативность проводимого следственного действия. В данном контексте считается наиболее целесообразным предоставить адвокату-защитнику право в конце следственного действия, когда следователем уже уточнены все интересующие его обстоятельства, задавать вопросы допрашиваемым без предоставления возможности их отведения субъектом предварительного расследования, что должно найти свое отражение в ч. 2 ст. 53 УПК РФ.

Таким образом вышеизложенное наглядно свидетельствует о чрезвычайно высокой степени важности предоставления защитнику возможности принимать участие в следственных действиях, производимых субъектом предварительного расследования [8]. Посредством реализации рассматриваемого полномочия защитник приобретает возможность влиять на ход производства по уголовному делу, а также на полноту доказательственной базы, в том числе и наиболее эффективно опровергать доказательства стороны обвинения.

Учитывая наличие такой негативной тенденции, как обвинительный уклон деятельности органов предварительного расследования, установления законодателем существенных ограничений при осуществлении адвокатом-защитником самостоятельной доказательственной деятельности, необходимо дальнейшее системное и планомер-

ное повышение правовых гарантий, обеспечивающих эффективное участие адвоката-защитника в доказательственной деятельности, осуществляемой субъектом предварительного расследования, в первую очередь посредством минимизации правовых пробелов в рассматриваемой сфере уголовно-процессуальных правоотношений.

Список литературы:

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2011 г. № 138-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рыжова Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38 и статьей 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из Справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 173-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Овчаровой Людмилы Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38 и частью второй статьи 159 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из Справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

[3] Определение Конституционного Суда РФ от 26 ноября 2018 г. № 2805-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шарова Александра Вячеславовича на нарушение его конституционных прав пунктами.3 и 4 части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Доступ из Справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2018 г. № 3395-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Елошвили Татьяны Владимировны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации» // Доступ из Справ. – правовой системы «Консультант Плюс».

[5] Апелляционное постановление Мурманского областного суда от 19 января 2016 г. по делу № 22-67/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Gd0ZPJUBTCHQ/?ysclid=l97sutlzpa547858944 (дата обращения: 08.02.2026).

[6] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 08 сентября 2015 г. по делу № 22-5148/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/agSX4nRuf6Hs/?ysclid=l97smd5hkb152886778 (дата обращения: 08.02.2026).

[7] Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 13 июня 2017 г. по делу № 22К-3216/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ztnllbjkjzd3/?ysclid=mlcdso31za65681663 (дата обращения: 03.02.2026).

[8] Бравилова Е.А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника в следственных действиях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 15-24.

[9] Буянтуев С.О. Повышение эффективности состязательной деятельности адвоката-защитника в досудебном производстве по уголовному делу: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. 216 с.

[10] Васяев А.А. Адвокатура в правозащитной системе Российской Федерации : теория и практика : монография. - М.: ЛЕНАНД, 2023. – 352 с.

[11] Манова Н.С. Является ли истина целью доказывания по уголовным делам? // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: сборник статей. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. С. 88-91.

[12] Микаилова Н.М., Амирбекова Г.Г. Обязательное участие защитника в уголовном процессе и его назначение // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 209-212.

[13] Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника в Российской Федерации: вопросы теории и практики: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2015. 462 с.

[14] Смирнов В.Е. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. 32 с.

[15] Францифоров Ю.В., Анненков С.И., Францифоров А.Ю. Юридическая помощь адвоката в уголовном судопроизводстве // Вестник СГЮА. 2022. № 2 (145). С. 228-236.

[16] Хорьяков С.Н. Проблемы реализации права адвоката на собирание доказательств в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2018. № 3. С. 47-51.

[17] Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2024. 240 с.

References:

[1] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 24, 2011 No. 138-O-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ryzhov Vladimir Viktorovich about violation of his constitutional rights by paragraph 3 of the second part of Article 38 and Article 192 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation “//Access from Ref. - Consultant Plus legal system.

[2] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 25, 2012 No. 173-O-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ovcharova Lyudmila Aleksandrovna about violation of her constitutional rights by paragraph 3 of the second part of Article 38 and part two of Article 159 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "//Access from Ref. - Consultant Plus legal system.

[3] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 26, 2018 No. 2805-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sharov Alexander Vyacheslavovich about violation of his constitutional rights by paragraphs 3 and 4 of the fourth part of Article 47 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation "//Access from Ref. - Consultant Plus legal system.

[4] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 20, 2018 No. 3395-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Eloshvili Tatyana Vladimirovna about violation of her constitutional rights by a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation "//Access from Ref. - Consultant Plus legal system.

[5] Appeal decision of the Murmansk Regional Court of January 19, 2016 in case No. 22-67/2016// Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Gd0ZP-JUBTCHQ/?ysclid=l97sutlzpa547858944 (access date: 08.02.2026).

[6] Appeal ruling of the Krasnodar Regional Court of September 08, 2015 in case No. 22-5148/2015//Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/agSX4nRuf6Hs/?ysclid=l97smd5hkb152886778 (access date: 08.02.2026).

[7] Appeal ruling of the Krasnodar Regional Court of June 13, 2017 in case No. 22K-3216/2017// Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ztnllbjk-jzd3/?ysclid=mlcdso31za65681663 (access date: 03.02.2026).

[8] E.A. Bravilova. Some problems of participation of a lawyer-defender in investigative actions//Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1. S. 15-24.

[9] Buyantuev S.O. Improving the effectiveness of the adversarial activity of a lawyer-defender in pretrial proceedings in a criminal case: dis.... cand. jurid. sciences. Ulyanovsk, 2024. 216 pp.

[10] Vasyaev A.A. Advocacy in the human rights system of the Russian Federation: theory and practice: monograph. - M.: LENAND, 2023. - 352 s.

[11] Manova N.S. Is truth the purpose of proof in criminal cases ?//Evidence and proof in criminal proceedings: history, modernity and development prospects: a collection of articles. Saratov: Publishing House of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy," 2020. S. 88-91.

[12] Mikailova N.M., Amirbekova G.G. Mandatory participation of a defense lawyer in criminal proceedings and his appointment//Public service and personnel. 2025. № 1. S. 209-212.

[13] A.V. Ragulin. Professional rights of a defense lawyer in the Russian Federation: questions of theory and practice: dis.... Dr. jurid. sciences. M., 2015. 462 p.

[14] Smirnov V.E. Guarantees of individual rights in criminal proceedings in the context of digitalization: ref. dis.... cand. jurid. sciences. M., 2025. 32 pp.

[15] Franciforov Yu.V., Annenkov S.I., Franciforov A.Yu. Legal assistance of a lawyer in criminal proceedings//Vestnik SSLA. 2022. № 2 (145). S. 228-236.

[16] Horyakov S.N. Problems of exercising the right of a lawyer to collect evidence in a criminal trial// Legal practice. 2018. № 3. S. 47-51.

[17] Shafer SA Proofs and Evidence in Criminal Cases: Problems of Theory and Legal Regulation. M.: Norma, 2024. 240 s.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-335-340

ЧИБИНОВ Дмитрий Владиславович,
преподаватель кафедры гражданского права,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Санкт-Петербург,
e-mail: dmchibinov@gmail.com

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АРБИТРА В ФОРМЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье критикуется регулирование имущественной ответственности арбитра, закрепленное в первом предложении статьи 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», и предлагаются пути его возможного реформирования.*

Ключевые слова: *иммунитет арбитра, ответственность арбитра, третейские суды, третейское разбирательство, арбитраж.*

CHIBINOV Dmitry Vladislavovich,
Lecturer of the Department of Civil Law,
National Research University
Higher School of Economics, St. Petersburg

LIABILITY OF AN ARBITRATOR IN THE FORM OF DAMAGES: POSSIBLE WAYS OF REFORM

Annotation. *The article criticizes the current regulation of the arbitrator's liability as set out in the first sentence of Article 51 of Federal Law No. 382-FZ, which was passed on December 29, 2015, and proposes possible ways to reform it.*

Key words: *immunity of the arbitrator, responsibility of the arbitrator, arbitral tribunals, arbitration proceedings, arbitration.*

В первом предложении статьи 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – «**Закон об арбитраже**») предусмотрено, что «арбитр не несет гражданско-правовой ответственности перед сторонами арбитража, а также перед постоянно действующим арбитражным учреждением в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением функций арбитра и в связи с арбитражем, за исключением ответственности в рамках гражданского иска по уголовному делу [… - Д.Ч.]».

Столь жесткий иммунитет от имущественной ответственности арбитра, который воспринят в статье 51 Закона об арбитраже, не встретил единодушного подхода в российской доктринальной литературе.

Постоянно действующая конференция третейского сообщества, например, предложила исключить из закона положения об имущественной ответственности арбитра, так как эти меры не соответствуют частно-процессуальной природе отношений, а все риски, связанные с выбором и обращением к альтернативным способам разрешения споров, лежат на сторонах конфликта. С точки зрения участников конференции, «попытка привлечь арбитра [… – Д.Ч.] к гражданской ответственности приведет к тому, что государственные суды просто «утонут» в делах о привлечении третейских судей [… – Д.Ч.] к ответственности, поскольку в любом судебном споре одна сторона остается «обиженной», а предъявление иска о привлечении к ответственности [… – Д.Ч.] арбитра создает формальные возможности для затягивания третейского разбирательства и для иных злоупотреблений» [1]. Соответственно, члены этой конференции придерживаются необходимости установления абсолютного иммунитета арбитра от ответственности.

Другие российские авторы высказывали мнение о том, что предложенная законодателем концепция имущественной ответственности арбитра является адекватной. Так, например, Р.Р. Мифтахов, комментируя положения статьи 51 Закона об арбитраже, писал следующее: «Данный под-

ход [отказ законодателя расширять составы уголовной ответственности арбитра – Д.Ч.] вызывает несомненное одобрение, поскольку уголовная и имущественная ответственность арбитра должна наступать только в вопиющих случаях» [2]. Также, например, В. Бражников, комментируя в том числе статью 51 Закона об арбитраже, указал, что «освобождение арбитра от гражданско-правовой ответственности является положительным моментом» [3].

Большинство же авторов, наоборот, считают введенное законодателем ограничение необоснованным и предлагают его скорректировать.

Наиболее четко и недвусмысленно по этому вопросу высказал свою позицию М.З. Шварц, который указал следующее: «Ее [арбитражной реформы – Д.Ч.] задача – вернуть доверие общества к институту третейского разбирательства. Сопровождать ее решение установлением защиты арбитров от ответственности, каковой (защиты) российское законодательство не знало ранее вообще, означает отрицать исходную установку. Честным и неподкупным арбитрам, осознающим важность выполняемой ими функции, нет оснований бояться предъявления исков. Бояться следует недобросовестным арбитрам. Но именно их закон парадоксальным образом и защитил. Эту ошибку законодателя необходимо исправить» [4, с. 151].

В качестве другого примера можно привести позицию Р.В. Геракова, который полагал «недостаточными основания возникновения гражданско-правовой ответственности арбитра», считая необходимым «расширить такие основания» [5, с. 48]. К такому же выводу пришел С.Д. Федоркин, резюмируя свое исследование по вопросам ответственности арбитра следующим образом: «введенные отечественным законодателем условия, ограничивающие применение института гражданско-правовой ответственности арбитра лишь случаями возмещения вреда в результате совершения арбитром преступления, являются, на наш взгляд, необоснованными и не учитывают в полной мере характер и природу основанных на автономии воли правоотношений, складывающихся между арбитром и спорящими сторонами, существенно ограничивая, тем самым, возможности защиты нарушенных прав» [6, с. 72].

С учетом вышеуказанных соображений различных исследователей в этой области полагаем возможным ниже предложить концептуальные изменения российской модели имущественной ответственности арбитра, которая сейчас закреплена в статье 51 Закона об арбитраже.

Так, текущая редакция статьи 51 Закона об арбитраже ограничивает возможности потерпевших сторон получить судебную защиту своих прав, нарушенных арбитрами. В связи с этим начать рассмотрение данного вопроса стоит с положений части 1 статьи 46 Конституции РФ, которая указывает, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, которая включает в себя право на доступ к правосудию (например, Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 года № 1-П).

При этом Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что право на судебную защиту не может быть ограничено. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 03 мая 1995 года № 4-П указано, что: «Согласно Конституции Российской Федерации это право [на судебную защиту – Д.Ч.] не может быть ограничено. Допустимые ограничения конституционных прав в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть введены законодателем только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Право на судебную защиту ни в каком случае не может вступить в противоречие с данными целями и, следовательно, не подлежит ограничению. Именно поэтому право на судебную защиту отнесено согласно статье 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации к таким правам и свободам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах».

С формально-юридической точки зрения право на судебную защиту не нарушается – любое потерпевшее лицо вправе обратиться в суд общей юрисдикции с иском к арбитру о возмещении причиненного вреда, при этом подобный иск будет принят к производству и рассмотрен по существу. Фактически, конечно, право на судебную защиту потерпевших от неправомерных действий арбитра в данном случае умалено.

Здесь необходимо обратить внимание, что Конституционный Суд РФ указывал, что право на доступ к правосудию означает не только возможность обратиться в суд, но и создание правовых средств, достаточных для реального и эффективного действия конституционных прав и свобод и предполагающих возложение на суды обязанности исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, с тем чтобы право на судебную защиту не было ущемленным (Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2024 года № 36-П).

Текущая редакция статья 51 Закона об арбитраже не исключает возможности привлечения арбитра к имущественной ответственности в форме возмещения убытков, но ограничивает это одним случаем – привлечением арбитра к уголов-

ной ответственности арбитра, которое не находится под контролем потерпевшего, зависит от действий правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование, которое может быть прекращено помимо воли потерпевшего (например, вследствие акта об амнистии, истечения сроков давности уголовного преследования, смерти арбитра (пункты 2 – 3 части 1 статьи 27, пункты 3 – 4 части 1 статьи 24 УПК РФ).

В связи с этим применительно к имущественной ответственности арбитра имеются основания полагать, что ограничение, указанное в статье 51 Закона об арбитраже, носит несоразмерный и произвольный характер. Сравнивая правовое регулирование имущественной ответственности судьи и арбитра, нельзя не учитывать, что за судьей стоит государство, именем которого судья выносит решения, которое в определенных случаях принимает ответственность за него (статья 1070 ГК РФ), при этом ни государство, ни ПДАУ (только в рамках институционального арбитража) за арбитра никакую имущественную ответственность не принимает. В рамках арбитража как формате *ad hoc*, так и институционального, также нет какой-либо институции, которая могла бы нести субсидиарную ответственность за арбитра.

Аргументы, выдвигаемые в поддержку существующего ограничительного подхода к ответственности арбитра, не могут обосновывать столь существенные ограничения права на судебную защиту.

Так, например, такой жесткий иммунитет арбитра от имущественной ответственности, закрепленный в статье 51 Закона об арбитраже, не может быть мотивирован риском выбора контрагента. Здесь уместно сослаться на позицию М.З. Шварца, который писал, что «Нередкие злоупотребления, с которыми столкнулись участники гражданско-правовых споров, доверившиеся третейским учреждениям, дают основания для противоположного утверждения: никаким доверием нельзя оправдать освобождение арбитров от ответственности. Если бы все проблемы можно было решить возложением риска избрания недобросовестных арбитров на сами стороны, – риска как последствия осуществленного выбора, – столь масштабная реформа не потребовалась бы. Не говоря уже о том, что современная российская практика дает примеры таких третейских разбирательств, в которых сторона оказывалась жертвой навязанного или якобы имевшего место (фиктивного) выбора третейской формы защиты. Ссылаться на доверие к арбитру и связанный с ним риск «за выбор» в таких ситуациях не приходится» [4, с. 145-146].

Такое популярное обоснование иммунитета арбитра, которое заключается в том, что арбитры не захотят больше выполнять свои функции, опасаясь личной имущественной ответственности, также не выглядит убедительным. Как указывают Д.Д.М. Лью, Л.А. Мистелис, «сомнительно, что наличие возможной ответственности помешает лицам принимать назначения в качестве арбитров. Арбитраж превратился в бизнес, в котором работают профессионалы, которые либо в рамках своей профессиональной деятельности, либо на постоянной основе зарабатывают значительные суммы в качестве арбитра. Арбитры больше не являются добровольцами, которым мало платят за их услуги и которым угрожает перспектива привлечения к ответственности» [7, с. 290]. Также авторы, исследующие институт профессиональной ответственности в общем праве (*professional liability),* обращают внимание, что имущественная ответственность врачей за медицинскую небрежность (*medical negligence*) не только не уменьшила количество врачей, но «повышает качество лечения, предоставляемого врачами, которые хотят избежать судебного преследования» [8].

Соображения необходимости обеспечения независимости арбитра, который не должен при принятии арбитражного решения учитывать собственные риски потенциальной имущественной ответственности, заслуживают внимания, однако они не могут приводить к тому, что возможность привлечения арбитра к ответственности будет исключена.

С учетом вышеуказанного следует признать, что ограничение, введённое в статье 51 Закона об арбитраже и требующее привлечения арбитра к уголовной ответственности как условие для возложения на него имущественной ответственности в форме возмещения убытков, необоснованно ограничивает право на судебную защиту и подлежит *de lege ferenda* исключению из российского законодательства.

Если *de lege ferenda* требование о предварительном привлечении арбитра к уголовной ответственности для целей последующего взыскания вреда с арбитра будет исключено законодателем из статьи 51 Закона об арбитраже, встанет вопрос, какой стандарт вины арбитра должен быть.

Для начала отметим, что общим принципом имущественной ответственности является ее виновный характер (пункт 1 статьи 401 ГК РФ, пункт 2 статьи 1064 ГК РФ). Как обоснованно раскрыто в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 года № 1-П, «наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно».

Оснований для применения безвиновной (рисковой) имущественной ответственности арбитра не имеется ни в статье 401 ГК РФ, ни в статье 1064 ГК РФ, тем более принимая во внимание, что арбитры, разрешающие спор, не осуществляют предпринимательскую деятельность в силу прямого указания пункта 1 статьи 2 Закона об арбитраже. Как указывает О.Ю. Скворцов, соглашение между арбитром и сторонами третейского разбирательства не подчиняется правилам о предпринимательских сделках [9]. Оснований для введения безвиновной ответственности арбитра законодателем *de lege ferenda* также не имеется: подобное решение будет грубо нарушать баланс интересов сторон и подрывать независимость арбитра при разрешении споров.

Соответственно, имущественная ответственность арбитра перед сторонами в любом случае будет выстраиваться на общих началах вины, однако здесь возникает вопрос, какой стандарт вины арбитра должен быть: умысел, грубая небрежность или достаточно простой неосторожности.

Здесь полагаем, что имущественная ответственность арбитра не должна быть связана с причинением вреда с виной в форме простой небрежности: подобное решение как раз не позволит арбитрам сохранить независимость.

В условиях, когда арбитр ограничен в своих возможностях по установлению действительных обстоятельств дела, имеет широкую дискрецию как в оценке доказательств, установлении фактических обстоятельств спора, в толковании применимого законодательства, связывание имущественной ответственности с простой неосторожностью может создавать излишнее давление на арбитров и подрывать их независимость, вынуждая их обосновывать каждое совершенное ими действие. Это связано с тем, что граница между незаконными действиями арбитра, не связанные с его виной, и простой неосторожностью, не может быть определена с достаточной степенью точности. Об этом было указано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 года № 1-П для ответственности государства за вред, причиненный судьями при отправлении ими правосудия (пункт 2 статьи 1070 ГК РФ): «При столь большой зависимости результата осуществления правосудия от судейской дискреции разграничение незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины, представляет собой трудновыполнимую задачу. Поэтому участник процесса, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом именно по вине судьи».

Сошлемся здесь на позицию Э.С. Ромеро, который писал, что «по-видимому, существует консенсус в отношении того, что простая неосторожность (*mere negligence*) арбитра подпадает под действие иммунитета, а это означает, что арбитры не несут ответственности перед сторонами за простую неосторожность (*mere negligence*)» [10, с. 90]. Аналогично пишут в своих работах М.Л. Мозес, что по большей части правопорядков арбитры не будут привлечены к имущественной ответственности за простую неосторожность (*negligence*) [11, с. 147 -148], а также Ж. Куниберти: «Первый [широко распространенный консенсус, что – Д.Ч.] – арбитры не могут быть привлечены к ответственности за простую неосторожность (*mere negligence*)» [12, с. 197].

Также можно утверждать, что общепризнано (в тех правопорядках, которые поддерживают модель квалифицированного иммунитета арбитра), что арбитр должен нести имущественную ответственность за умышленное (в том числе недобросовестное) причинение вреда сторонам.

По этому вопросу наиболее точно выразился Э.С. Ромеро, который писал: «Безусловно, сегодня сформирован общий консенсус, что не может быть абсолютного иммунитета арбитра от ответственности, и арбитр должен нести ответственность перед сторонами за мошеннические действия (*fraud*) и умышленные нарушения (*dol*). Этот консенсус выражается [в том, что – Д.Ч.] испанское право, например, предусматривает, что арбитры несут ответственность в ограниченных случаях таких как мошенничество, намеренное неправомерное поведение (*willful misconduct*) и умышленные нарушения (*intentional wrongdoings*)» [10, с. 90]. В аналогичной манере пишут Д.Д.М. Лью, Л.А. Мистелис, что «иммунитет [арбитров – Д.Ч.], предусматриваемый правилами [ПДАУ – Д.Ч.] и законами, не является неограниченным. Арбитр несет ответственность за любые убытки, которые причинены в результате мошеннических действий (*fraud*), умышленных нарушений (*intentional misconduct*) или иных недобросовестных действий (*bad faith*)» [7, с. 292]. Поддерживает этот подход и Ж. Куниберти: «Второй [широко распространенный консенсус, что арбитры – Д.Ч.] могут быть привлечены к ответственности за умышленное поведение (недобросовестность, мошенничество) (*bad faith, fraud*), повлекшее причинение ущерба» [12, с. 197].

Схожее мнение можно увидеть и в российской литературе. Так, например, А.А. Тер-Ова-

кимян пришла к выводу, что господствует подход, согласно которому возможно «наступления ответственности [арбитра – Д.Ч.] лишь в строго определенных случаях, например, когда доказано, что такое действие (бездействие) являлось умышленным и намеренным правонарушением с точки зрения применимого права» [13, с. 150].

Российскому праву здесь не стоит быть исключением, и арбитр должен нести имущественную ответственность за свои умышленные действия. Вопрос, который остается, должна ли имущественная ответственность арбитра быть связанной только с умышленными действиями или также с совершением грубой небрежности. Эта проблема является ключевой для тех правопорядков, которые устанавливают правило о квалифицированном иммунитете арбитра от имущественной ответственности.

Размышляя о лучшей модели иммунитета арбитра от имущественной ответственности, Г.Б. Борн, наиболее влиятельный автор в сфере международного коммерческого арбитража, указывает, что «арбитры должны быть защищены от претензий, основанных на грубой небрежности (*gross negligence*), безрассудстве (*recklessness*) или аналогичных теориях, которые не доходят до уровня преднамеренного мошенничества (*intentional fraud*) или аналогичного преднамеренного правонарушения (*deliberate wrongdoing*). Угроза независимости и беспристрастности арбитров возникает почти с одинаковой силой как в случае допущения действий, основанных на грубой небрежности, так и в случае исков, основанных на простой небрежности. Только преднамеренные противоправные действия со стороны арбитра могут привести к предъявлению ему гражданских исков» [14, с. 2038].

Другой подход наблюдается в работе М.Л. Мозес, которая утверждает, что по большей части правопорядков арбитры несут ответственность за грубую небрежность (*gross negligence*) или за свое умышленное поведение (*intentional conduct*) [11, с. 147 -148]. В аналогичной манере Э.С. Ромеро резюмировал свое исследование такими выводами: «Мы утверждаем [… – Д.Ч.], что общее правило должно предусматривать иммунитет арбитров и что ответственность должна возникать только в трех исключительных ситуациях: (i) мошенничество (*fraud*); (ii) преднамеренное правонарушение (*intentional wrongdoing*); и (iii) грубая халатность (*gross negligence*), особенно если это приводит к отказу в правосудии, за исключением случаев, когда это связано с задачей разрешения спора (*it pertains to the mission of adjudicating the dispute*) [10, с. 90]. При этом какой смысл автор вкладывает в вышеописанное исключение из правила неочевиден из текста его исследования.

Из российской научной литературы такую позицию поддерживает П.А. Ильичев, который писал, что «данный подход [который заключается в возможности привлечения арбитров к гражданско-правовой ответственности только в случае наличия умысла либо грубой неосторожности – Д.Ч.] представляется наиболее оправданным, так как позволяет защитить и сбалансировать интересы как арбитров, так и сторон разбирательства, не оказывая чрезмерного давления на арбитра [15, с. 521].

Автор данной статьи также полагает, что *de lege ferenda*, по общему правилу, имущественная ответственность арбитра должна не ограничиваться только умыслом, но также включать в себя и грубую небрежность. Установить умышленное нарушение арбитра крайне затруднительно – необходимо установить, что арбитр преследовал в качестве цели именно причинить вред сторонам, что зачастую не так – большинство случаев, в которых стороны обоснованно ожидают возмещения причиненных им потерь, связаны с ситуациями именно грубой небрежности, когда арбитр очевидным образом пренебрежительно относится к относится к исполнению своих функций.

Однако, при этом, ограничение имущественной ответственности арбитра только случаями умышленного нарушения или грубой небрежности для всех возможных нарушений арбитра также является излишним. Например, не имеется существенных политико-правовых причин вводить особые правила с точки зрения стандарта вины, касающиеся обеспечения обязанности арбитра соблюдать конфиденциальность арбитражного разбирательства.

Список литературы:

[1] Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). СПб.: Редакция журнала «Третейский суд», 2015; М.: Статут, 2015. Вып. 7 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий и др.; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Бражников В. Многообразие в условиях ограничений // ЭЖ-Юрист. 2016. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

[4] Шварц М.З. К вопросу о правовом режиме ответственности арбитра: первые размышления // Третейский суд. – 2017. – № 2. – с. 144 – 151.

[5] Гераков Р.В. Некоторые аспекты правового статуса арбитра в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 8. С. 47 – 52.

[6] Федоркин С.Д. Правовая природа бремени арбитрирования: выпускная квалификационная работа; Науч. рук. Г.В. Севастьянов; Рецензент М.Б. Юрьев; Санкт-Петербургский государственный университет. Юридический факультет. Кафедра гражданского процесса. – СПб., 2017. – 80 с.

[7] Lew Julian David Mathew, Mistelis Loukas A. et al., Comparative International Commercial Arbitration (© Kluwer Law International; Kluwer Law International 2003), - 953 p.

[8] Li Yat Sen Jason. Arbitral immunity: a profession comes of age. Arbitration 1998, 64(1), p. 51-57.

[9] Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий и др.; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Hanotiau Bernard and Mourre Alexis (eds). Players Interaction in International Arbitration, Dossiers of the ICC Institute of World Business Law, Volume 9 (© Kluwer Law International; International Chamber of Commerce (ICC) 2012), -184 p.

[11] Moses L. Margaret. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration (Cambridge University Press 2008), - 340 p.

[12] Cuniberti Gilles. The UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. A Commentary. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar 2022. XCII, - 533 p.

[13] Тер-Овакимян А.А. Правовой статус арбитров в международном коммерческом арбитраже: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. МГЮА, – М., 2018. – 213 с.

[14] Born Gary B., International Commercial Arbitration (Second Edition), 2nd edition (© Kluwer Law International; Kluwer Law International 2014), - 4260 p.

[15] Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Науч. ред.: О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г В. Севастьянов. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.; М.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд», 2025. 1005 с.

References:

[1] Sevastyanov G.V. The Legal Nature of Arbitration as an Institute of Alternative Dispute Resolution (Private Procedural Law). St. Petersburg: Editorial Office of the Arbitration Court Journal, 2015; Moscow: Statut, 2015. Issue 7 // SPS ConsultantPlus.

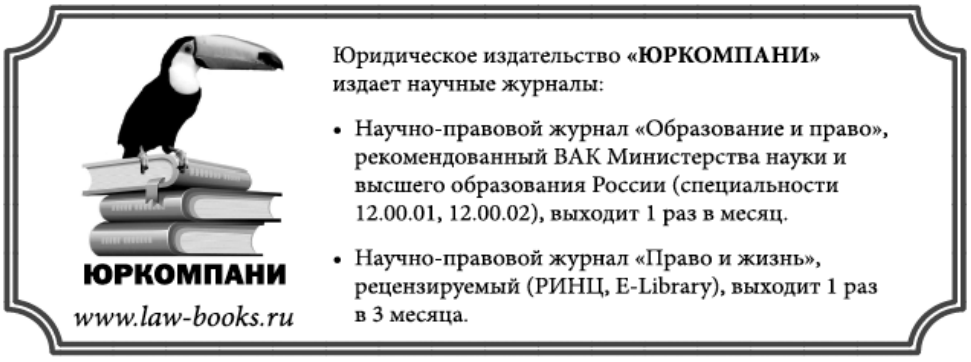
[2] Commentary on the Federal Law “On Arbitration (Arbitral Proceedings) in the Russian Federation” (Article-by-Article, Scientific and Practical Commentary) / V.N. Anurov, K.V. Egorov, A.V. Zamaziy, et al.; edited by O.Yu. Skvortsov and M.Yu. Savransky. Moscow: Statut, 2016 // SPS “ConsultantPlus”.

[3] Brazhnikov V. Diversity under Restrictions // EZh-Yurist. 2016. No. 4 // SPS “ConsultantPlus”.

[4] Schwartz M.Z. On the Legal Regime of the Arbitrator’s Liability: Initial Thoughts // Arbitration Court. – 2017. – No. 2. – pp. 144 – 151.

[5] Gerakov R.V. Some Aspects of the Legal Status of an Arbitrator in the Russian Federation // Arbitration and Civil Procedure. 2019. No. 8. Pp. 47 – 52.

[6] Fedorkin S.D. The Legal Nature of the Burden of Arbitration: Final Qualification.



ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-341-348

СИНИЦЫН Алексей Сергеевич,
Московский гуманитарно-экономический университет,
г. Москва,
e-mail: alexey.sinitsyn@list.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ЦЕНООБРАЗОВАНИЕМ В НЕКОНТРОЛИРУЕМОЙ СДЕЛКЕ

Аннотация. *В рамках статьи рассматривается существующая правовая модель осуществления налогового контроля за ценообразованием в неконтролируемых сделках: основной акцент сделан на правовых основаниях осуществления данного контроля, их эволюции, а также развитии в рамках существующей судебной и административной практики. В рамках анализа продемонстрировано, что при формальном отсутствии специального регулирования такого контроля в НК РФ фактический механизм складывается на основе общей антиуклонительной нормы в сочетании с методическими подходами главы 14.3 и правовыми позициями высших судебных инстанций и контролирующих органов. Обосновывается, что цена в неконтролируемой сделке выступает не самостоятельным предметом контроля, а способом совершения налогового правонарушения в виде получения необоснованной налоговой выгоды. На основе анализа законодательства и судебной практики формулируется авторское определение «налогового контроля за ценами в неконтролируемой сделке» и выявляются ключевые проблемы его правового регулирования. Автор делает вывод о необходимости доктринальной систематизации и последующей кодификации базовых принципов и пределов налогового контроля за ценами вне сферы действия Раздела V.1 НК РФ.*

Ключевые слова: *ценообразование, налоговый контроль, неконтролируемые сделки, необоснованная налоговая выгода, трансфертное ценообразование.*

SINITSYN Alexey Sergeevich,
Moscow University of Humanities and Economics,
Moscow

LEGAL BASIS FOR EXERCISING TAX CONTROL OVER PRICING IN AN UNCONTROLLED TRANSACTION

Annotation. *This article examines the existing legal model of tax control over pricing in non-controlled transactions. The primary focus is placed on the legal grounds for such control, their evolution, and their development within current judicial and administrative practice. The analysis demonstrates that, in the absence of explicit special regulation of this type of control in the Russian Tax Code, the de facto mechanism is formed on the basis of a general anti-avoidance rule, combined with the methodological approaches of Chapter 14.3 and the legal positions of the higher courts and tax authorities. It is argued that in a non-controlled transaction the price does not constitute an independent object of control but rather a means of committing a tax offence in the form of obtaining an unjustified tax benefit. On the basis of legislation and case law, the author formulates a definition of "tax control over prices in a non-controlled transaction" and identifies the key problems of its legal*

regulation. The article concludes that there is a need for doctrinal systematisation and subsequent codification of the basic principles and limits of tax control over prices outside the scope of Section V.1 of the Russian Tax Code.

Key words*: pricing, tax control, non-controlled transactions, unjustified tax benefit, transfer pricing.*

Введение:

Вопрос правовых оснований и механизмов налогового контроля за ценообразованием в неконтролируемых сделках приобретает особое значение в условиях углубления регулирования трансфертного ценообразования и одновременного расширения сферы применения статьи 54.1 НК РФ. Введение Раздела V.1 НК РФ привело к кодификации специализированного режима контроля цен по контролируемым сделкам, выстроенному в логике принципа «вытянутой руки» и методов трансфертного ценообразования. Вместе с тем значительный массив операций между взаимозависимыми лицами остался за пределами формального действия данного раздела, но оказался в зоне практического интереса налоговых органов, которые стали использовать общую «антиуклонительную» норму и подходы главы 14.3 НК РФ для оценки рыночности цен в неконтролируемых сделках. Существует широкий пласт развивающейся практики по данному вопросу, включающий в себя особый алгоритм, доказательственную базу и методологию, возникшие из-за особенностей его правового обоснования. Отсутствие прямых норм и большой объем правил, заимствованных из режима налогового контроля за трансфертными сделками, вызывает особенный интерес в рамках его доктринального анализа.

Актуальность:

Актуальность исследования обусловлена нормативным разрывом между детально регламентированным режимом трансфертного ценообразования по Разделу V.1 НК РФ и фактическим осуществлением ценового контроля в отношении неконтролируемых сделок при отсутствии прямого законодательного основания такой процедуры. Количество споров, связанных с оспариванием налоговыми органами применяемых сторонами неконтролируемых сделок цен, отражает потребность со стороны государства в наличии правового механизма такого контроля – при этом, отсутствие в НК РФ прямых норм, регулирующих или упорядочивающих такой контроль, привело к возникновению самостоятельного правового механизма, отраженного в практике правоприменения контролирующих органов и судов. Такая ситуация приводит к дефициту процедурных гарантий и правовой предсказуемости для налогоплательщиков, заключающих сделки между взаимозависимыми лицами вне сферы действия Раздела V.1 НК РФ, и свидетельствует о необходимости доктринального осмысления и концептуализации «налогового контроля за ценами в неконтролируемых сделках» как самостоятельного правового феномена.

1. Правовой режим налогового контроля за ценообразованием, действовавший до 2012 г.:

Согласно комментарию к Налоговому кодексу РФ от одного из его ключевых разработчиков [27] в Кодекс изначально закладывалась идея о необходимости «корректировать сумму налогов таким образом, чтобы налоги в каждом случае уплачивались так, как если бы сделки осуществлялись между добросовестными и независимыми партерами». Таким образом, еще при разработке НК РФ перед ним ставилась, в том числе, задача регулировать вопросы контроля за ценообразованием между взаимозависимыми лицами.

С этой целью в Кодекс были включены статьи 20 и 40 НК РФ, устанавливающие, соответственно, критерии признания лиц взаимозависимыми и возможность налоговых органов осуществлять контроль за ценами в сделках между такими налогоплательщиками:

– Статья 20 НК РФ, установившая открытый перечень оснований признания лиц взаимозависимыми (Включая прямое или косвенное участие в юридическом лице более 20%, должностное подчинение, семейное родство, а также иные основания, которые могут быть установлены судом – при условии, что характер отношений между этими лицами может повлиять на результаты совершаемых сделок), содержит в себе идею о необходимости оценивать взаимоотношения сторон с позиции возможности их влияния на условия сделки, т.к. на согласованность намерений может указывать не только прямо предусмотренные в статье родственные отношения, процент участия или должностное подчинение – как показывает практика [9,10], людей может связывать и вхождение в одну группу лиц, договорившихся о совершении схемы, направленной на уклонение от налогообложения. Аналогично текущему регулированию, установленному для выделения ряда сделок в качестве «контролируемых», пункт 2 статьи 20 НК РФ приравнивал

к сделкам между взаимозависимыми лицами внешнеторговые сделки, бартерные операции и т.п.

– Статья 40 НК РФ устанавливает безусловную возможность для налоговых органов проверять применяемые взаимозависимыми налогоплательщиками цены в сделках на предмет соответствия их рыночным, а также пересматривать налоговую базу по ним в случае выявления отклонения более, чем на 20%.

В период, когда налоговый контроль за ценообразованием осуществлялся на основе статьи 40 НК, в юридической доктрине отмечалось [23], что применение данной статьи не требовало необходимости исследовать и доказывать действительную волю сторон (деловую цель) – во-многом, потому, что статья носила универсальный характер и применялась как для крупных сделок (попадающих в текущей редакции НК под правовой режим «контролируемых»), так и для всех прочих сделок, совершаемых налогоплательщиками. С этой точки зрения интересным представляется и понимание самого контроля трансфертного ценообразования в доктрине тех лет – так, Сургунин Д.Н. [26] определял него как «проводимую в порядке, установленном Налоговым Кодексом РФ, контрольную деятельность налоговых органов, направленную на проверку своевременности и полноты исчисления и уплаты в бюджет налогоплательщиками, признаваемых взаимозависимыми, сумм налогов с учетом правильности применения ими для целей налогообложения цен по сделкам». Не трудно заметить отсутствие в данном определении каких-либо суммовых или иных критериев, присущих современной редакции Раздела V.1 НК РФ, т.к. трансфертное ценообразование до 2012 года предполагало равный контроль за всеми сделками с учетом единых универсальных методов, установленных ст. 40 НК РФ.

Законодатель, при этом, не ставил целью контроль коммерческих условий сделок: этому препятствует конституционно закрепленный принцип свободы договора [2]. По итогам налогового контроля изменяется только налоговая база исходя из рыночной цены в сделки. В части налогообложения сделки публичный интерес общества превалирует над имущественными интересами: в этом смысле, изменение (переквалификация) в целях налогообложения цены как условия сделки, совершенной налогоплательщиком (ст.40 НК РФ), является одним из инструментов пресечения действий налогоплательщика, направленных на незаконное снижение или уклонение от налогового бремени [18].

Однако, регулирование ценового контроля на основе статей 20 и 40 НК не отвечало международным стандартам ОЭСР и воспринималось как чрезмерно широкое и методологически размытое: универсальный подход «±20 % от рыночной цены» при отсутствующих чётких критериях сопоставимости и источников информации объективно создавал риск произвольного вмешательства в договорное ценообразование и не позволял выстроить предсказуемую модель поведения для крупных налогоплательщиков.

На этом фоне обращение к рекомендациям ОЭСР по трансфертному ценообразованию стало естественным направлением реформы: именно они предлагали комплексную систему, основанную на принципе «вытянутой руки», закрытом перечне методов и детальной доктрине сопоставимости. Российский законодатель имплементировал эти элементы в Раздел V.1 НК РФ, закрепив arm's length-принцип в статье 105.3 и введя набор классических методов трансфертного ценообразования, сопоставимый с Руководством ОЭСР [19].

Политический импульс реформе придало Бюджетное послание Президента РФ от 29.06.2011, где была поставлена задача с 2012 года ввести новые правила регулирования трансфертного ценообразования. ФНС России в официальном сообщении прямо указала, что Федеральный закон от 18.07.2011 № 227-ФЗ направлен, с одной стороны, на противодействие использованию трансфертных цен для вывода налоговой базы за рубеж, а с другой — на создание дополнительных гарантий для добросовестных налогоплательщиков за счёт более ясных и сопоставимых с международной практикой правил [3].

2. Ценовой контроль за неконтролируемыми сделками после внедрения в Налоговый кодекс РФ Раздела V.1:

Внедренный Раздел V.1 НК РФ предполагает оформление трансфертного ценообразования как самостоятельного комплексного института, который одновременно определяет круг контролируемых сделок, статусы участников и процедуры налогового контроля. Во-первых, он формализует категорию взаимозависимости (ст. 105.1 НК РФ) и связывает с ней специальный режим учёта доходов и расходов по сделкам, в которых коммерческие условия могут отклоняться от тех, что имели бы место между независимыми лицами (ст. 105.3 НК РФ). Во-вторых, он очерчивает перечень контролируемых сделок (ст. 105.14 НК РФ), тем самым выделяя ограниченный массив операций, по которым допускается применение специальных методов проверки соответствия принципу «вытянутой руки». В научной доктрине [20] особенно отметили концептуальное совпадение методов, рекомендуемых Руководством ОЭСР, и подходов, установленных к НК РФ (ст. 105.7, 105.9

НК РФ), обеспечивающих структурированный подход к определению рыночного уровня прибыли. Наконец, Раздел V.1 закрепил особые процедуры: уведомление о контролируемых сделках, подготовку документации, возможность заключения соглашений о ценообразовании, — что, по оценке К.В. Самохваловой [25], превращает трансфертное ценообразование из фрагментарного набора норм в полноформатный режим налогового администрирования, сопоставимый с зарубежной практикой.

Однако, ограничив область регулирования правил трансфертного ценообразования, законодатель не установил аналогичных правил налогового контроля за ценообразованием в неконтролируемых сделках.

Как отмечает Ногина О.А. [22], факт установления специальных правил налогового контроля за уровнем рыночности цен в сделках только для контролируемых сделок при отсутствии у территориальных налоговых органов полномочий для осуществления специализированного контроля должен приводить к «презумпции о соответствии цены, указанной сторонами в сделке, уровню рыночной». Однако, факт возможности получения налоговой выгоды путем манипулирования ценой в сделке в т.ч. в рамках неконтролируемых сделок, неоспорим: да, в разрезе отдельных сделок объем получаемой налоговой выгоды существенно ниже (в силу меньшего размера операций), однако, совокупные потери бюджета от таких нарушений могут быть сопоставимы с нарушениями в трансфертных сделках.

По мнению Автора, законодатель, первоначально не устанавливая в ст. 40 НК РФ каких-либо суммовых критериев для такого контроля, исходил в т.ч. из этого понимания, т.к. некорректно выносить часть операций «за рамки» налогового контроля только по причине их меньшего размера – иное приводит к возникновению ситуации, когда малый и средний бизнес имеет право на правонарушение только потому, что контроль за ними требует большего объема ресурсов, чем контроль за крупнейшими налогоплательщиками (из-за большего количества контролируемых субъектов и количества сделок).

Минфин РФ также не стал ограничивать ценовой контроль только операциями, попадающими под критерии Раздела V.1 НК РФ: в Письме от 18.10.2012 № 03-01-18/8-145 Министерство, с учетом имплементации в Налоговый кодекс указанного Раздела, для целей налогового контроля выделило две группы сделок:

– контролируемые сделки, признаваемые таковыми при соблюдении положений ст. 105.14 НК РФ;
– иные сделки между взаимозависимыми лицами (неконтролируемые).

Таким образом, Минфин обобщил налоговый контроль за ценообразованием на все совершаемые взаимозависимыми налогоплательщиками сделки. Однако, при анализе понятия «неконтролируемой» сделки видно, что Минфин определяет его «от обратного» – все, что не является контролируемой сделкой, относится к неконтролируемым. Тем не менее, как будет показано в дальнейшем, возможно выделить ряд признаков, позволяющих определить налоговый контроль за неконтролируемыми сделками в качестве самостоятельного понятия, пусть и не обособленного от понятия «контролируемой».

Как подчеркивается в текущей правовой доктрине [24], помимо объекта налогового контроля данные понятия различаются и субъектом контроля: если полномочия по контролю за трансфертными сделками принадлежат ЦА ФНС России, то, как подчеркивают представители ФНС [6], налоговый контроль за неконтролируемыми сделками осуществляется в рамках камеральных и выездных налоговых проверок территориальных налоговых органов.

Так, Ю.А. Метелева [21] обращает внимание на алгоритм, установленный Письмом Минфина РФ от 18.10.2012 № 03-01-18/8-145: Минфин отмечает, что объектом налогового контроля в отношении неконтролируемых сделок не может являться цена как таковая (такой контроль производится только в отношении контролируемых сделок), вместо этого налоговые органы в рамках выездных и камеральных проверок исследуют получение необоснованной налоговой выгоды путем манипулирования ценой в сделках.

Таким образом, с точки зрения правоприменителя использование налогоплательщиками нерыночных цен в сделках является способом получения необоснованной налоговой выгоды, а не правонарушением как таковым. Исходя из этого, предметом доказывания со стороны налогового органа является факт получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды. Методы главы 14.3 НК РФ, разрешенные Минфином РФ к использованию и в отношении неконтролируемых сделок, становятся способом доказать факт отклонения цены от рыночной и объем полученной налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды.

Президиум Верховного Суда РФ в рамках Обзора [7] подчеркивает данное толкование тем, что трактует многократное отклонение цены в сделке от рыночного уровня как «один из признаков получения необоснованной налоговой выгоды в совокупности и взаимосвязи с иными обстоя-

тельствами, указывающими на несоответствие между оформлением сделки и содержанием финансово-хозяйственной операции». Иными словами, сам по себе факт отклонения цены от рыночной не может являться основанием для доначислений, т.к. налоговому органу требуется:

– Сначала доказать факт взаимозависимости контрагентов (или признаков, свидетельствующих о наличии взаимозависимости и согласованности действий);
– Затем доказать факт совершения взаимозависимыми лицами действий, направленных на получение необоснованной налоговой выгоды (что предполагает широкий набор признаков, не связанных с ценой сделки, таких как несоответствие между формой и экономическим содержанием, использование специфических методов расчетов и особых сроков платежей, создание организации непосредственно перед совершением сделки и т.п.);
– Наконец, доказать, что способом совершения данных действий является перенос налоговой базы на более «льготную» с точки зрения налоговой нагрузки сторону путем совершения сделки или сделок, цены в которых существенно отклоняются от рыночных – на основе расчета, произведенного в соответствии с Методами главы 14.3 НК РФ (или экспертного заключения, если речь идет о разовой сделке).

Исходя из этого, предметом налогового контроля за ценами в неконтролируемых сделках является необоснованная налоговая выгода, что объединяет его с многими другими налоговыми правонарушениями, такими как «разрывы» в цепочках уплаты НДС: отклонение же цены от рыночной квалифицируется как способ совершения правонарушения.

Введение в Налоговый кодекс статьи 54.1 существенно не изменило правовую модель контроля за ценами, однако, появление закрепленного в НК РФ принципа соответствия документального оформления (и налоговых последствий) сделки её содержанию позволило правоприменителям получить конкретное законодательное обоснование для контроля за ценообразованием: с 2017 г. именно данная статья стала основным юридическим «каналом», через который в практике обосновывается вмешательство государства в договорное ценообразование вне сферы Раздела V.1. По замыслу законодателя общая «антиуклонительная» норма охватывает любые способы искажения фактов хозяйственной жизни и объектов налогообложения, включая использование искусственных ценовых параметров. Такая конструкция окончательно закрепила логику ценового контроля как контроль за «необоснованной налоговой выгодой», а не ценами как таковыми.

В ценовом измерении применение статьи 54.1 НК РФ наиболее ярко проявляется в разъяснениях ФНС России о манипулировании ценами в обычных (неконтролируемых) сделках. Так, в Письме от 28.10.2021 № СД-4-3/15248@, посвящённом, в том числе, вопросам налогообложения при заключении сделок по завышенным ценам, ФНС прямо указывает, что при установлении фактов уклонения от налогообложения в результате манипулирования налогоплательщиком ценами в сделках требуется доказывание получения необоснованной налоговой выгоды с возможным привлечением методов главы 14.3 НК РФ. В этом же письме закрепляется ключевой для ценовых споров тезис: многократное отклонение цены сделки от рыночного уровня может учитываться в рамках камеральной или выездной проверки лишь как один из признаков получения необоснованной налоговой выгоды, то есть само по себе отклонение цены не образует отдельного объекта контроля, а подлежит оценке через призму статьи 54.1 НК РФ. Тем самым ФНС фактически подтверждает, что для неконтролируемых сделок ценовой анализ встроен в механизм общей «антиуклонительной» нормы, а не образует автономный режим наподобие Раздела V.1.

Последующие разъяснения контролирующих органов [5] развивают эту логику: указывается, что Налоговый кодекс не запрещает инспекциям проверять соответствие цен рыночному уровню и по неконтролируемым сделкам в ходе обычных проверок, однако скорректировать цену и доначислить налоги они вправе лишь при доказанности необоснованной налоговой выгоды, с опорой на положения статьи 54.1 НК РФ. В свою очередь Верховный Суд РФ [8], обобщая практику оценки налоговой выгоды, подчёркивает, что даже существенное или многократное отклонение цены от рыночного уровня может служить лишь индикатором возможного злоупотребления и должно оцениваться в совокупности с иными обстоятельствами (деловой целью, реальностью операций, осведомлённостью налогоплательщика), а правовая квалификация спорного поведения осуществляется именно в рамках статьи 54.1 НК РФ.

По итогам анализа, налоговый контроль за неконтролируемыми сделками характеризуется рядом признаков, позволяющих говорить о формировании самостоятельного алгоритма такого контроля:

– Во-первых, самостоятельный предмет налогового контроля: операции между взаимозависимыми лицами, которые не отвечают кри-

териям контролируемых по Разделу V.1, но при этом потенциально содержат элементы злоупотребления за счёт искусственного конструирования цены. При этом цена сама по себе не рассматривается в качестве отдельного предмета контроля – она становится выявляемым способом совершения налогового правонарушения (получения необоснованной налоговой выгоды), наряду с выбором контрагента, структуры цепочки, условий расчётов и т.п. Вмешательство в ценовой параметр допустимо лишь постольку, поскольку через него искажается налоговая база.

– Во-вторых, самостоятельный субъект контроля: территориальные налоговые органы, действующие в рамках камеральных и выездных проверок;
– В-третьих, стоит отметить собственное уникальное правовое основания для налогового контроля: т.к. он лишён собственной кодифицированной процедуры, алгоритм складывается из сочетания статьи 54.1 НК РФ и концепции необоснованной налоговой выгоды (как материальной основы вмешательства), подпункта 7 пункта 1 статьи 31 НК РФ (как процессуальной базы для расчётного определения налоговой базы) и методов главы 14.3 НК РФ, заимствуемых по аналогии в качестве методического инструментария.

Таким образом, налоговый контроль за ценами в неконтролируемых сделках — это осуществляемая территориальными налоговыми органами в рамках общих форм налогового контроля деятельность по выявлению и оценке применяемых налогоплательщиками цен как способа получения необоснованной налоговой выгоды по сделкам, не признаваемым контролируемыми для целей Раздела V.1 НК РФ, основанная на применении статьи 54.1 в сочетании с методическими подходами главы 14.3 НК РФ и правовыми позициями высших судебных инстанций, и направленная на реконструкцию налоговой базы исходя из экономического содержания операции и рыночных условий её совершения.

3. Актуальные проблемы правового регулирования налогового контроля за ценообразованием в неконтролируемых сделках.

Из указанного выше определения прослеживается ряд очевидных проблем, связанных с налоговым контролем за ценами в неконтролируемых сделках:

Во-первых, ключевой проблемой является отсутствие прямого законодательного регулирования налогового контроля цен в неконтролируемых сделках, что влечёт дефицит процедурных гарантий для налогоплательщика. Налоговый кодекс РФ не содержит специальной главы, аналогичной Разделу V.1, применительно к сделкам, не отвечающим критериям контролируемых, а контроль фактически осуществляется применением «по аналогии» норм ТЦО на основе общей антиуклонительной нормы, что приводит к различию правового положения налогоплательщиков. Для контролируемых сделок предусмотрены специальные процедурные механизмы, тогда как при контроле неконтролируемых сделок территориальные инспекции действуют в рамках общих проверочных процедур без дополнительных гарантий, свойственных трансфертному режиму.

Во-вторых, серьёзную проблему составляет отсутствие правовой прозрачности самого механизма контроля: рядовой налогоплательщик не сможет по тексту НК РФ понять применяемый к нему порядок проверки цен и механизм проверки его цены на предмет «рыночности», т.к. в рамках последующего налогового контроля процедура и выбор инструментария со стороны налогового органа во многом определяется ведомственными письмами и судебной практикой, что затрудняет предсказуемое планирование налоговых последствий сделок для бизнеса. По сути, формируется «квазирежим» трансфертного ценообразования вне рамок Раздела V.1, существующий на основе аналогии и доктрин толкования, а не прямого законодательного предписания.

В-третьих, дополнительную неопределённость создаёт упоминание 40 НК РФ в современной правоприменительной практике [11,12, 13,14,15], несмотря на прямой законодательный запрет её использования для правоотношений, возникших после 01.01.2012 г [3]. Так, ссылка на статью 40 часто используется как вспомогательный аргумент при оценке «рыночности» условий сделки и пределов вмешательства налогового органа. Такая «реанимация» утратившей силу нормы в мотивировочных частях судебных постановлений, очевидно, связана с «правовым вакуумом» прямого законодательного регулирования анализируемого вида налогового контроля, что, в свою очередь, усиливает неопределённость для налогоплательщика относительно критериев допустимого ценообразования и ожидаемого стандарта контроля. Возможным решением такой ситуации видится включение в Налоговый кодекс норм, систематизирующих базовые принципы и пределы налогового контроля за ценами вне сферы действия Раздела V.1 НК РФ.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссий-

ского голосования 01.07.2020) [Электронный источник] URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.02.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // СПС «Консультант Плюс».

[3] Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 227-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием принципов определения цен для целей налогообложения» // СПС «Консультант Плюс».

[4] Письмо ФНС России от 29.03.2024 № СД-17-2/917@ // СПС «Консультант Плюс».

[5] Письмо Минфина России от 18.01.2024 № 03-12-12/3319 // СПС «Консультант Плюс».

[6] Письмо ФНС России от 25.07.2013 № АС-4-2/13622 (с изм. от 15.01.2019) «О рекомендациях по проведению выездных налоговых проверок» // СПС «Консультант Плюс».

[7] Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с применением отдельных положений раздела V.1 и статьи 269 Налогового кодекса Российской Федерации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017) // СПС «Консультант Плюс».

[8] Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023) // СПС «Консультант Плюс».

[9] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.04.2019 № 309-ЭС18-22030 по делу № А76-25957/2016 // СПС «Консультант Плюс».

[10] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2017 № 305-КГ17-19419 по делу № А40-252010/2015 // СПС «Консультант Плюс».

[11] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.10.2025 № Ф06-6297/2025 по делу № А12-24952/2024 // СПС «Консультант Плюс».

[12] Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.08.2025 № Ф06-3052/2025 по делу № А12-1911/2024 // СПС «Консультант Плюс».

[13] Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.03.2025 № Ф04-316/2025 по делу № А67-9752/2023 // СПС «Консультант Плюс».

[14] Постановление Второго арбитражного апелляционного суда № 02АП-2065/2024 от 30.05.2024 по делу № А28-10257/2023 // СПС «Консультант Плюс».

[15] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.02.2024 № Ф01-8631/2023 по делу № А29-6225/2022 // СПС «Консультант Плюс».

[16] Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда № 05АП-7824/2020 от 30.03.2021 по делу № А59-6596/2019 // СПС «Консультант Плюс».

[17] Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.12.2018 № Ф03-5527/2018 по делу № А04-9919/2017 // СПС «Консультант Плюс».

[18] Винницкий Д.В. Проблемы разграничения налогового планирования и действий, направленных на уклонение от налогообложения // Журнал Российского права, 2006, № 11-М.: Юр.Норма, 2006.-160 с.

[19] Задорожная А.И. Институт налогового контроля трансфертного ценообразования в Российской Федерации: диссертация кандидата Юридических наук: 12.00.04; [Место защиты: ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский государственный университет]. — Санкт-Петербург, 2017. — 270 с.

[20] Мамиконян Н.В. Совершенствование налогового регулирования трансфертного ценообразования в России: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.10; [Место защиты: Государственный университет управления]. — Москва, 2019. — 166 с.

[21] Метелева Ю.А. Налоговый контроль за ценами сделок между взаимозависимыми лицами // Налоги и налогообложение. 2019. № 7. С. 19–30.

[22] Ногина О.А. Контроль налоговых органов за ценами в неконтролируемых сделках, заключенных взаимозависимыми лицами // Петербургский юрист. 2016. № 2. С. 42–48.

[23] Савсерис С.В. Категория «недобросовестность» в налоговом праве. - М.: Статут, 2007. 191 с. // СПС «Консультант Плюс».

[24] Саляхутдинов Э.Ш. Особенности налогового контроля цен в неконтролируемых сделках // Теория и анализ права. 2024. № 4. С. 140–147.

[25] Самохвалова К.В. Актуальные проблемы трансфертного ценообразования для целей налогообложения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 4-2 (98). С. 130–135.

[26] Суругин Д.Н. Правовое регулирование налогового контроля трансфертного ценообразования: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.14; [Место защиты: Всерос. гос. налоговая акад. М-ва финансов РФ]. - Москва, 2007. - 227 с.: ил. РГБ ОД, 61:07-12/1808.

[27] Шаталов С.Д. Комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации. Части первой (постатейный): [в 3 т.]. - Москва: МЦФЭР, 2001.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020) [Electronic source] URL: http://pravo.gov.ru (date of appeal: 28.02.2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (rev. dated 31.07.2025, with rev. dated 25.11.2025) (with rev. and addendum, entry by virtue of 01.08.2025) //SPS "Consultant Plus."

[3] Federal Law No. 227-FZ dated July 18, 2011 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of the Principles of Determining Prices for Tax Purposes "//SPS" Consultant Plus. "

[4] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 29.03.2024 No. SD-17-2/917 @//SPS "Consultant Plus."

[5] Letter of the Ministry of Finance of Russia dated 18.01.2024 No. 03-12-12/3319//SPS "Consultant Plus."

[6] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 25.07.2013 No. AS-4-2/13622 (as amended on 15.01.2019) " On Recommendations for Field Tax Audits "//SPS" Consultant Plus. "

[7] Review of the practice of consideration by the courts of cases related to the application of certain provisions of section V.1 and article 269 of the Tax Code of the Russian Federation (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 16.02.2017) //SPS "Consultant Plus."

[8] Review of the application by arbitration courts of tax and fee legislation related to the assessment of the reasonableness of a tax benefit (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 13.12.2023) //SPS "Consultant Plus."

[9] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.04.2019 No. 309-EC18-22030 in case No. A76-25957/2016//SPS "Consultant Plus."

[10] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2017 No. 305-KG17-19419 in case No. A40-252010/2015//SPS "Consultant Plus."

[11] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 15.10.2025 No. F06-6297/2025 in case No. A12-24952/2024//SPS "Consultant Plus."

[12] Resolution of the Arbitration Court of the Volga District of 15.08.2025 No. F06-3052/2025 in case No. A12-1911/2024//SPS "Consultant Plus."

[13] Decision of the Arbitration Court of the West Siberian District of 10.03.2025 No. F04-316/2025 in case No. A67-9752/2023//SPS "Consultant Plus."

[14] Decision of the Second Arbitration Court of Appeal No. 02AP-2065/2024 of 30.05.2024 in case No. A28-10257/2023//SPS "Consultant Plus."

[15] Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 14.02.2024 No. F01-8631/2023 in case No. A29-6225/2022//SPS "Consultant Plus."

[16] Decision of the Fifth Arbitration Court of Appeal No. 05АП-7824/2020 of 30.03.2021 in case No. A59-6596/2019//SPS "Consultant Plus."

[17] Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District of 18.12.2018 No. F03-5527/2018 in case No. A04-9919/2017//SPS "Consultant Plus."

[18] Vinnitsky D.V. Problems of delimitation of tax planning and actions aimed at tax evasion//Journal of Russian Law, 2006, No. 11-M.: Legal Norm, 2006.-160 p.

[19] Zadorozhnaya A.I. Institute of Tax Control of Transfer Pricing in the Russian Federation: dissertation of the candidate of legal sciences: 12.00.04; [Place of protection: FSBEI HE St. Petersburg State University]. - St. Petersburg, 2017. - 270 s.

[20] N.V. Mamikonyan. Improvement of tax regulation of transfer pricing in Russia: thesis... PhD in Economics: 08.00.10; [Place of protection: State University of Management]. - Moscow, 2019. - 166 s.

[21] Meteleva Yu.A. Tax control over the prices of transactions between related parties//Taxes and taxation. 2019. № 7. S. 19-30.

[22] Nogina O.A. Control of tax authorities over prices in uncontrolled transactions concluded by interdependent persons//Petersburg lawyer. 2016. № 2. S. 42-48.

[23] Savseris C.B. Category "bad faith" in tax law. - M.: Statute, 2007. 191 p .//SPS "Consultant Plus."

[24] Salyakhutdinov E.Sh. Features of tax control of prices in uncontrolled transactions//Theory and analysis of law. 2024. № 4. S. 140-147.

[25] K.V. Samokhvalova. Actual problems of transfer pricing for tax purposes//Economics and business: theory and practice. 2023. № 4-2 (98). S. 130-135.

[26] D.N. Surugin. Legal regulation of tax control of transfer pricing: dissertation of the candidate of legal sciences: 12.00.14; [Place of protection: All-Russia. state tax academy of the Ministry of Finance of the Russian Federation]. - Moscow, 2007. - 227 p.: Ill. RSL OD, 61: 07-12/1808.

[27] Shatalov S.D. Commentary to the Tax Code of the Russian Federation. Parts of the first (itemized): [in 3 volumes]. - Moscow: ICFER, 2001.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-349-352

КОНДРАТЮК Диана Лукинична,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»
Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Севастопольский государственный университет»,
e-mail: kondratuk@inbox.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ НЕИМУЩЕСТВЕННЫМИ КОРПОРАТИВНЫМИ ПРАВАМИ УЧАСТНИКОМ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Аннотация. *Статья посвящена отдельным проблемам категории злоупотребления правом, в том числе, актуальным проблемам злоупотребления неимущественными корпоративными правами участником общества с ограниченной ответственностью. Выявлено, что для сферы корпоративных отношений более характерно злоупотребление участниками неимущественными правами, нежели имущественными, что вытекает из правовой природы корпоративных отношений, имеющих неимущественный управленческий характер. В статье обосновывается целесообразность законодательного закрепления определения злоупотребления правом, а также систематизации в Законе об ООО неблагоприятных последствий для участника общества с ограниченной ответственностью, допустившего злоупотребление правом (в виде бездействия или действия) при осуществлении его корпоративных прав.*

Ключевые слова: *корпоративные отношения, интерес, злоупотребление правом, злоупотребление неимущественными корпоративными правами, злоупотребление правом на участие в управлении обществом с ограниченной ответственностью, бездействие, отказ от осуществления права, защита интересов участников общества с ограниченной ответственностью.*

KONDRATYUK Diana Lukinichna,
candidate of Juridical Sciences,
associate professor of department «Civil law and process»
of Federal Autonomous Educational Institution
of Higher Education «Sevastopol state university»

CURRENT ISSUES OF MISUSE OF NON-PROPERTY CORPORATE RIGHTS PARTICIPANT OF A LIMITED LIABILITY COMPANY

Annotation. *The article is devoted to certain problems of the category of abuse of rights, including the problems of abuse of non-property corporate rights by a member of a limited liability company. It has been revealed that the sphere of corporate relations is more prone to abuse of non-property rights by participants than of property rights, which stems from the legal nature of corporate relations, which have a non-property managerial character. The article substantiates the expediency of legislative consolidation of the definition of abuse of rights, as well as the systematization in the Law on LLCs of the adverse consequences for a member of a limited liability company who has committed an abuse of rights (in the form of inaction or action) in the exercise of his corporate rights.*

Key words: *corporate relations, interest, abuse of rights, abuse of non-property corporate rights, abuse of the right to participate in the management of a limited liability company, inaction, refusal to exercise the right, protection of the interests of limited liability company shareholders.*

Функционирование обществ с ограниченной ответственностью (далее, - ООО), составляет значительный сегмент российского гражданского оборота. Однако с 2022 года их количество сократилось почти на 100 тысяч, при этом наблюдается тенденция роста числа индивидуальных предпринимателей практически на 1, 1 млн. Представляется, что такой вектор вызван не только изменениями российской экономики, ужесточением налоговой политики, но также и несовершенством корпоративного законодательства. Многочисленные изменения, вносимые десятилетиями в Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее, - Закон об ООО), который был принят еще в конце прошлого века; а также в положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее, - ГК РФ) о юридических лицах, в том числе, о корпорациях, нельзя назвать системными и отражающими в полной мере весь тот массив трансформаций, произошедших за эти десятилетия в российской действительности.

По мнению О.В. Гутникова, корпоративные отношения отличаются сложностью, бессрочностью, непредсказуемостью; в любой момент поведение их участников должно соответствовать обязательным требованиям корпоративных норм, которые постоянно изменяются, и предвидеть эти изменения невозможно. [1] Представляется, что исследование вопросов злоупотребления участником ООО его неимущественными корпоративными правами с учетом в контексте обеспечения и защиты интересов субъектов корпоративных отношений представляется весьма актуальным.

Как отмечает Е.П. Губин, одной из задач права является создание правового режима, обеспечивающего баланс и защиту интересов участников гражданского оборота, и прекращение социального неравенства. [2]

При этом категория «интерес» не имеет легального определения в российском праве и не имеет однозначной интерпретации в правовой доктрине. Так Д. Ломакин, поддерживая точку зрения В.П. Грибанова, отмечает, что интерес есть осознанная потребность, необходимость, которая прошла через сознание человека и приняла форму сознательного побуждения. Реализация интересов происходит путем осуществления субъективных прав. [3] Однако, осуществление прав одним субъектом может привести к негативному воздействию на права и интересы других субъектов, что особенно отчетливо проявляется в процессе осуществления корпоративных прав участниками корпорации, где даже при наличии у них одинакового объема корпоративных прав интересы могут быть различными, например, относительно распределения прибыли ООО. Поэтому осуществляя правовое регулирование общественных отношений, для достижения баланса частных интересов, а также частных и публичных интересов государство применяет различные правовые механизмы, как, например, механизм ограничения прав, в том числе, корпоративных; сужения возможностей осуществления лицом отдельных правомочий, составляющих содержание его права; механизм противодействия злоупотреблению правом и др.

Категория злоупотребления правом, несмотря на пристальное внимание к ней представителей юридической науки, является одной из наиболее дискуссионных в правовой доктрине, что порождает отсутствие единообразия и в судебной практике. Так, С.В. Мусарский, проанализировав большое количество судебных актов, сделал справедливый вывод о том, что «…не существует какой-либо способ осуществления субъективных прав, который не мог бы быть квалифицирован российским судом в качестве акта правового злоупотребления». [4]

При наличии множества подходов к категории злоупотребления правом представляется обоснованной позиция С.В. Мусарского, который считает, что квалификация судами прямо запрещенных законом действий как злоупотребления правом ошибочна, так как противоправные действия не являются элементами содержания субъективного права; а злоупотребление правом возможно только посредством реализации правомочий, являющихся элементами его содержания. Также автор выделяет три возможные позиции злоупотребления правом в системе юридических фактов, - оно может быть: нарушением пределов осуществления субъективного права; нарушением границ последнего; а также представлять собой недозволенную форму поведения в пределах допустимого законом общего типа поведения. [4]

В правовой доктрине и судебной практике в качестве отдельного вида злоупотребления правом отмечается бездействие. Оно может состоять в затягивании срока осуществления права; длительном непредъявлении требования; уклонении от исполнения обязанности, но только, если она оказывает влияние на правовое положение другого субъекта, и др. [5] Однако, в части признания такого вида бездействия, как уклонение от исполнения обязанности злоупотреблением правом, точка зрения автора представляется дискуссионной ввиду следующего. Так как уклонение от исполнения обязанности являет собой противоправное поведение, то оно не входит в содержание субъективного права, а потому не является злоупотреблением правом.

Бездействие как вид злоупотребления правом является достаточно распространенным в корпоративных отношениях, в-частности, при осуществлении ряда неимущественных прав участников общества с ограниченной ответственностью. Следует отметить, что перечень прав участников общества с ограниченной ответственностью, поименованный в Законе об ООО, не является исчерпывающим; участники могут иметь дополнительные права. Как следует из анализа судебной практики, более подвержено злоупотреблению осуществление именно неимущественных прав участников ООО, что вытекает из правовой природы корпоративных отношений, имеющих неимущественный управленческий характер. [1], [4]

В классификации неимущественных прав участников ООО в зависимости от их направленности выделяют права на участие в управлении обществом (включающие, в том числе, права участия в общем собрании общества; права на одобрение крупной сделки и др.); права на информацию о деятельности общества; права, обеспечивающие судебную защиту; права на формирование субъектного состава общества [6] Такой вид злоупотребления правом, как бездействие, чаще выявляется при осуществлении права участия в общем собрании.

Так, в п. 14 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах», утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019 (ред. от 25.04.2025), суд признал злоупотреблением правом бездействие истца, выразившееся в уклонении от участия в двух общих собраниях ООО, что заведомо влекло существенное затруднение деятельности ООО (невозможность избрать директора и принять новую редакцию устава, в связи с чем ООО не могло получить кредит) и на этом основании отказал в удовлетворении иска о признании недействительным решения собрания. [7]

Тем не менее, в правовой доктрине существует позиция, согласно которой право на участие в управлении обществом может трансформироваться в обязанность участника принимать участие в принятии решений обществом, если они критически важны для ее деятельности. Представляется, что при вышеуказанном подходе не может идти речь о злоупотреблении участником ООО правом на участие в управлении обществом (в виде бездействия), а только о неисполнении участником общества корпоративной обязанности, в которую трансформировалось данное право. [8]

Как отмечает Н.А. Курц, необходимо разграничивать категории «бездействие», «отказ от осуществления права», которой свойственен более выраженный волевой элемент, и «отказ от права», а также отличать злоупотребление правом от иррационального поведения. По мнению автора, отказ от права - это волеизъявление на бесповоротную утрату права, а отказ от осуществления права - волеизъявление, направленное на ограничение свободы осуществления права (он может быть временным либо бессрочным, при этом право не утрачивается; может быть совершен под определенным условием; может быть частичным). Автор рассматривает отказ от реализации права в качестве односторонней сделки, требующей восприятия контрагентом. Касательно же иррационального поведения (действия и бездействия), его нельзя объяснить категориями разумности и эффективности; оно не является злоупотреблением правом, для этого необходимо наличие соответствующей цели. [5]

В качестве отказа от права можно рассматривать выход из ООО его участника, а в качестве отказа от осуществления права, - отказ от осуществления преимущественного права покупки доли в ООО.

Относительно проявлений злоупотребления участником общества с ограниченной ответственностью правами на информацию о деятельности общества; правами, обеспечивающими судебную защиту, а также правами на формирование субъектного состава общества следует отметить, что указанные виды злоупотребления правом проявляются в форме действия и также могут отрицательно сказаться на деятельности общества. Представляется, что относительно определенная санкция, установленная в ст. 10 ГК РФ, не обеспечивает эффективную защиту интересов участников корпоративных отношений от последствий злоупотребления правом, допущенного участником ООО. Поэтому в ГК РФ необходимо закрепить категорию «злоупотребление правом», а также, с учетом управленческого характера корпоративных отношений, систематизировать в Законе об ООО неблагоприятные последствия для участника общества с ограниченной ответственностью, допустившего злоупотребление правом при осуществлении его корпоративных прав.

Выводы.

1. В результате анализа различных подходов к категории «злоупотребление правом» следует признать, что злоупотребление правом не может являться противоправным действием, так как оно возможно только при реализации правомочий, входящих в содержание субъективного права.
2. Для сферы корпоративных отношений более характерно злоупотребление участниками

неимущественными правами, нежели имущественными, что вытекает из правовой природы корпоративных отношений, имеющих неимущественный управленческий характер.

3. Злоупотребление участником общества с ограниченной ответственностью неимущественными корпоративными правами возможно в форме действия и бездействия.
4. Наиболее распространенным злоупотреблением участником общества с ограниченной ответственностью его корпоративным правом является злоупотребление правом на участие в управлении обществом; оно проявляется в форме бездействия и может повлечь критические последствия для деятельности общества.
5. Злоупотребление участником общества с ограниченной ответственностью правами на информацию о деятельности общества; правами, обеспечивающими судебную защиту, а также правами на формирование субъектного состава общества проявляется в форме действия и может отрицательно сказаться на деятельности общества.
6. С целью защиты интересов участников корпоративных отношений представляется целесообразным законодательно закрепить категорию «злоупотребление правом», а также систематизировать в Законе об ООО неблагоприятные последствия для участника общества с ограниченной ответственностью, допустившего злоупотребление правом (в виде бездействия или действия) при осуществлении его корпоративных прав.

Список литературы

[1] Гутников О.В. Особые меры гражданско-правовой ответственности в корпоративном праве как базисная характеристика корпоративной ответственности // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 72 - 84.

[2] Губин Е.П. Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 3 - 9.

[3] Ломакин Д. От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору // Корпоративный юрист, 2006, № 2.

[4] Мусарский С.В. Основные судебные и научные подходы к сущности (критериям) злоупотребления правом в современном российском гражданском праве // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 57 - 70.

[5] Курц Н.А. Отказ от реализации права как форма злоупотребления правом // Хозяйство и право. 2025. № 11. С. 16 - 27.

[6] Кондратюк Д.Л., Дорожкин А.Д. Проблемы правовой природы и классификации прав участника общества с ограниченной ответственностью. - Образование и право, 2024, - № 10. - С. 317 - 327.

[7] «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) (ред. от 25.04.2025) https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=853824&cacheid=81A8C0C3443BD1A49BB4F8117E2EE9B9&mode=splus&rnd=9QQgBw#5zQncEVQpqdNuYLo

[8] Мельник Д.Э. К вопросу о ситуационной трансформации корпоративных прав и обязанностей // Гражданское право. 2025. № 5. С. 25 - 29.

Spisok literatury:

[1] Gutnikov O.V. Osobye mery grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti v korporativnom prave kak bazisnaya harakteristika korporativnoj otvetstvennosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 8. S. 72 - 84.

[2] Gubin E.P. Pravovoe obespechenie svobody ekonomicheskoj deyatel'nosti // Predprinimatel'skoe pravo. 2015. № 4. S. 3 - 9.

[3 Lomakin D. Ot korporativnogo interesa cherez zloupotreblenie korporativnym pravom k korporativnomu sporu // Korporativnyj yurist, 2006, № 2.

[4] Musarskij S.V. Osnovnye sudebnye i nauchnye podhody k sushchnosti (kriteriyam) zloupotrebleniya pravom v sovremennom rossijskom grazhdanskom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. № 2. S. 57 - 70.

[5] Kurc N.A. Otkaz ot realizacii prava kak forma zloupotrebleniya pravom // Hozyajstvo i pravo. 2025. № 11. S. 16 - 27.

[6] Kondratyuk D.L., Dorozhkin A.D. Problemy pravovoj prirody i klassifikacii prav uchastnika obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu. - Obrazovanie i pravo, 2024, - № 10. - S. 317 - 327.

[7] «Obzor sudebnoj praktiki po nekotorym voprosam primeneniya zakonodatel'stva o hozyajstvennyh obshchestvah» (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 25.12.2019) (red. ot 25.04.2025) https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=853824&cacheid=81A8C0C3443BD1A49BB4F8117E2EE9B9&mode=splus&rnd=9QQgBw#5zQncEVQpqdNuYLo

[8] Mel'nik D.E. K voprosu o situacionnoj transformacii korporativnyh prav i obyazannostej // Grazhdanskoe pravo. 2025. № 5. S. 25 - 29.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-353-361

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ЛАХИН Даниил Николаевич,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
e-mail: lahin.daniil@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ПО ЗАВЕЩАНИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы наследования по завещанию в современной России. Авторы статьи исходят из того, что завещание остается центральным инструментом реализации частной автономии гражданина на случай смерти, однако свобода завещателя не имеет абсолютного характера и ограничивается требованиями закона, прежде всего правилами об обязательной доле, правами пережившего супруга, требованиями к форме и порядку удостоверения завещания. На основе анализа норм Конституции Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, законодательства о нотариате, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации показано, что ключевой проблемой является поиск баланса между уважением к последней воле наследодателя и необходимостью защиты социально уязвимых наследников и добросовестного гражданского оборота. В статье приведены конкретные примеры судебной практики, демонстрирующие актуальные подходы к уменьшению обязательной доли, определению ее размера, оценке действительности завещания и разграничению наследования по завещанию и по закону в отношении различных объектов имущества.*

Ключевые слова: *наследование; завещание; свобода завещания; обязательная доля; недействительность завещания; совместное завещание супругов; нотариат; судебная практика; цифровые активы; наследственное право.*

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Constitutional and International Law
of the All-Russian State University of Justice
(RPA Ministry of Justice of Russia)

LAKHIN Daniil Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Process,
FSAEI HE “Sevastopol State University”

TOPICAL ISSUES OF INHERITANCE BY WILL IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the theoretical and practical problems of inheritance by will in modern Russia. The authors of the article proceed from the fact that the will remains the central tool for the implementation of the private autonomy of a citizen in case of death, however, the freedom of the testator does not have an absolute nature and is limited by the requirements of the law, primarily the rules on the mandatory share, the rights of the surviving spouse, the requirements for the form and procedure for certifying the will. Based on an analysis of the norms of the Constitution*

of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, legislation on notaries, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation, it was shown that the key problem is to find a balance between respect for the last will of the testator and the need to protect socially vulnerable heirs and conscientious civil turnover. The article provides specific examples of judicial practice demonstrating current approaches to reducing the mandatory share, determining its size, assessing the validity of a will and delimiting inheritance by will and by law in relation to various objects of property.

Key words*: inheritance; a will; freedom of will; mandatory share; invalidity of the will; joint will of spouses; notary; judicial practice; digital assets; inheritance law.*

Часть 4 статьи 35 Конституции Российской Федерации прямо гарантирует право наследования, а гражданско-правовой механизм его реализации раскрывается в нормах части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации [1; 2]. Внутри наследственного права именно завещание выступает наиболее концентрированным выражением частной автономии, поскольку позволяет гражданину самостоятельно определить круг наследников, объем их прав, судьбу отдельных вещей, имущественных комплексов, денежных средств и иных объектов гражданских прав после своей смерти [2, ст. 1118, 1119]. В доктрине справедливо подчеркивается, что завещание не сводится к простому распорядительному акту. Например, Ю.К. Толстой рассматривал наследственное право как правовой механизм продолжения имущественных связей личности после ее смерти, а завещание - как наиболее индивидуализированную форму такой преемственности [15]. Е.А. Суханов, в свою очередь, последовательно характеризует завещание как одностороннюю, строго личную сделку, в которой максимально проявляется диспозитивное начало гражданского права, но которое в силу социальной функции наследования не может быть безграничным [14]. Эти подходы сохраняют методологическую ценность и сегодня.

Современное состояние российского законодательства о наследовании по завещанию показывает двойственную тенденцию. С одной стороны, законодатель расширяет пространство для автономии воли: допустил совместные завещания супругов, наследственные договоры, усилил возможности нотариальной инфраструктуры и цифрового учета завещаний [2; 3; 4]. С другой стороны, судебная практика все чаще сталкивается с конфликтом между волей наследодателя и интересами обязательных наследников, пережившего супруга, кредиторов наследства, а также с вопросами действительности завещания, толкования его содержания и судьбы объектов, прямо не охваченных распоряжением наследодателя [6-13]. В этой связи актуальные вопросы наследования по завещанию в Российской Федерации лежат не только в плоскости буквального толкования норм главы 62 ГК РФ, но и в сфере соотношения частного и публичного начал, формализма и справедливости, национального регулирования и новых имущественных реалий. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить основные проблемные узлы указанного института и показать, как они разрешаются в современной доктрине и судебной практике.

1. Завещание как форма частной автономии и пределы свободы завещания

Согласно пункту 1 статьи 1118 ГК РФ распорядиться имуществом на случай смерти можно путем совершения завещания или заключения наследственного договора; при этом завещание сохраняет классическое положение базового и наиболее распространенного инструмента наследственного планирования [2, ст. 1118]. Нормативная конструкция завещания построена вокруг нескольких ключевых признаков: личного характера, односторонности, строго формальной определенности, возможности свободного изменения и отмены, а также действия только после открытия наследства [2, ст. 1118-1130].

Принцип свободы завещания закреплен в статье 1119 ГК РФ. Завещатель вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, определить доли наследников, лишить наследства наследников по закону, включить завещательные отказы и возложения, отменить или изменить ранее совершенное завещание [2, ст. 1119]. В этом проявляется частноправовая сущность института. Как отмечается в комментариях к разделу V ГК РФ под редакцией П.В. Крашенинникова, свобода завещания выступает специальным выражением общей свободы распоряжения имуществом, но реализуется в особом, посмертном и потому более формализованном правовом режиме [17].

Вместе с тем, свобода завещания не означает абсолютного господства воли наследодателя над наследственной массой. Уже сама конституционная гарантия наследования не сводится к защите исключительно завещательных распоряжений одного лица. Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что право наследования должно обеспечивать справедливый и соразмерный баланс интересов наследодателя,

наследников и иных участников правоотношений; поэтому федеральный законодатель вправе вводить необходимые ограничения свободы завещания, если они преследуют конституционно значимые цели [8].

Главным ограничителем свободы завещания выступает институт обязательной доли. В силу статьи 1149 ГК РФ несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону [2, ст. 1149]. Научная литература традиционно оценивает обязательную долю как социальную коррекцию частной автономии. К.Б. Ярошенко и соавторы обоснованно указывают, что в наследственном праве принцип частной воли не может игнорировать обязанность защиты лиц, находившихся в реальной зависимости от наследодателя [18]. Г.Г. Черемных также подчеркивает, что обязательная доля является не исключением технического характера, а самостоятельной гарантией минимальной имущественной поддержки социально уязвимых наследников [16].

Практика показывает, что именно вокруг обязательной доли формируется наибольшее число наиболее сложных споров. Показательно Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2019 г. № 5-КГ19-181. В этом деле наследодатель завещал все имущество супруге, однако дочь от другого брака, обладавшая правом на обязательную долю, претендовала в том числе на квартиру, где проживала вдова. Верховный Суд указал, что нетрудоспособность обязательного наследника сама по себе не исключает возможности уменьшения обязательной доли или отказа в ее присуждении, если передача спорного имущества лишает наследника по завещанию его единственного жилья, а обязательный наследник данным имуществом не пользовался и обеспечен иным жильем [9]. Тем самым Суд придал пункту 4 статьи 1149 ГК РФ реальное, а не декларативное значение.

Не менее важен и другой аспект - методика расчета обязательной доли. В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2021 г. № 127-КГ21-15-К4 Суд указал, что при определении размера обязательной доли должны учитываться все наследники по закону, которые могли быть призваны к наследованию на момент открытия наследства, а не только лица, фактически участвующие в споре [10]. Эта позиция принципиальна: ошибка в определении круга наследников автоматически искажает размер законной доли, а значит, и размер обязательной доли. Для нотариальной и судебной практики это означает необходимость более тщательного установления состава семьи наследодателя, наличия других детей, родителей, пережившего супруга, а также иждивенцев.

Следовательно, актуальность проблемы свободы завещания заключается не в абстрактном споре о приоритете воли наследодателя или интересов семьи. Реальная трудность состоит, на наш взгляд, в выработке критериев судебного усмотрения: когда допустимо корректировать волю наследодателя ради защиты обязательного наследника и, наоборот, когда интересы наследника по завещанию заслуживают большего внимания. Сформированная Верховным Судом линия показывает, что современное российское право постепенно уходит от автоматизма в пользу конкретной оценки имущественного положения сторон, характера пользования спорным имуществом и соразмерности вмешательства в завещательную волю [6; 9; 10].

2. Форма завещания, нотариальное удостоверение и проблемы действительности распоряжений на случай смерти

В российском наследственном праве требования к форме завещания традиционно строги. Это объясняется спецификой сделки, последствия которой наступают после смерти завещателя и когда возможность непосредственного выяснения его действительной воли уже объективно отсутствует. Именно поэтому законодатель связывает действительность завещания с письменной формой, нотариальным удостоверением либо с прямо названными законом исключениями, а также с соблюдением правил о свидетелях, рукоприкладчике, тайне завещания и дееспособности завещателя [2, ст. 1124-1129].

Научная доктрина в целом поддерживает такой формализм, но не как самоцель. Авторы постатейных комментариев и учебников по наследственному праву неоднократно указывали, что формальные требования служат одновременно трем задачам: подтверждению подлинности волеизъявления, минимизации постсмертных фальсификаций и обеспечению доказуемости содержания завещания [17; 18]. В этом смысле требования закона о форме выполняют охранительную функцию. Однако чрезмерно механическое отношение к формальным дефектам способно подменить выяснение действительной воли завещателя поиском случайных технических ошибок.

Именно против такого подхода выступает современная судебная практика. В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 30

января 2018 г. № 24-КГ17-22 рассматривался спор, в котором бывшая супруга наследодателя пыталась оспорить завещание, ссылаясь, помимо прочего, на неточность в фамилии наследницы по завещанию и на состояние здоровья завещателя в момент совершения распоряжения. Верховный Суд не поддержал формальную аргументацию и указал, что сама по себе неточность в указании фамилии при возможности достоверной идентификации наследника не свидетельствует о недействительности завещания; кроме того, вопрос о способности завещателя понимать значение своих действий должен решаться на основе совокупности доказательств, а не предположений заинтересованных лиц [11].

Из этого примера следует принципиальный вывод: суды должны отличать существенные нарушения формы, подрывающие достоверность волеизъявления, от несущественных погрешностей, не влияющих на понимание последней воли. Иначе наследственное право превращалось бы в систему, где техническая ошибка нотариуса или описка автоматически уничтожают подлинную волю наследодателя. Такой подход противоречил бы самому смыслу статей 1131 и 1132 ГК РФ, требующих различать недействительность завещания и вопросы его толкования [2, ст. 1131, 1132].

При этом в практике остаются случаи, когда формальные нарушения действительно существенны. Показательно Определение Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2024 г. № 16-КГ24-30-К4. Завещания были подписаны рукоприкладчиком, являвшимся отцом наследника по завещанию, что законом запрещено. Однако Верховный Суд сосредоточил внимание не только на нарушении требования к личности рукоприкладчика, но и на процессуальном аспекте: такое завещание не признается ничтожным автоматически, а рассматривается как оспоримая сделка; следовательно, к требованиям о признании его недействительным применяется годичный специальный срок исковой давности. Поскольку истец узнал о завещаниях, подал заявления нотариусу, но обратился в суд за пределами указанного срока, Суд признал пропуск исковой давности самостоятельным основанием для отказа в иске [12].

Это дело важно сразу по нескольким причинам. Во-первых, оно подтверждает, что в спорах о действительности завещания решающее значение имеет не только материально-правовая оценка допущенного нарушения, но и правильная квалификация вида недействительности - ничтожность либо оспоримость. Во-вторых, Верховный Суд последовательно подчеркивает приоритет специальных сроков исковой давности перед общим трехлетним сроком, что требует от потенциальных наследников высокой степени процессуальной дисциплины [12]. В-третьих, данная позиция стимулирует нотариусов и представителей сторон внимательно фиксировать момент, когда лицо узнало или должно было узнать об обстоятельствах, способных повлечь оспаривание завещания.

Нельзя игнорировать и проблему дееспособности завещателя. По пункту 2 статьи 1118 ГК РФ завещание может быть совершено гражданином, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме [2, ст. 1118]. На практике именно посмертная оценка психического состояния завещателя становится одной из наиболее конфликтных зон. В таких делах суд должен избегать двух крайностей: презюмировать недействительность завещания из-за возраста, болезни или приема лекарств и, напротив, формально исходить из одной только нотариальной формы как безусловного доказательства действительной воли. Верховный Суд, как показывает дело № 24-КГ17-22, требует комплексной оценки медицинских документов, экспертиз, поведения завещателя и обстоятельств составления акта [11].

Таким образом, актуальная проблема формы завещания состоит не только в соблюдении предписаний закона как таковых, но и в выработке единых критериев существенности нарушений. В современных условиях убедительным представляется следующий подход: чем сильнее нарушение затрагивает аутентичность волеизъявления, тайну завещания, свободу формирования воли и возможность идентификации наследника или имущества, тем выше вероятность признания завещания недействительным; напротив, нейтральные технические погрешности должны преодолеваться средствами толкования, а не уничтожения завещания как юридического факта [6; 11; 12; 17].

3. Совместное завещание супругов: новые возможности и новые коллизии

Существенным этапом развития отечественного наследственного права стало принятие Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ, которым в гражданское законодательство были введены институты совместного завещания супругов и наследственного договора [4]. С 1 июня 2019 г. российская модель наследования перестала ограничиваться только индивидуальным завещанием как единственной формой волеизъявления на случай смерти. Это изменение отражает объективный запрос на более сложные инструменты наследственного планирования, прежде всего в семьях, где значительная часть имущества находится в режиме общей совместной собственности супругов.

Совместное завещание супругов позволяет определить последствия смерти каждого из супругов, завещать как общее имущество, так и имущество каждого из супругов, установить иные распоряжения, не противоречащие закону [2, ст. 1118; 4]. Для практики это означает возможность в одном акте согласованно урегулировать судьбу семейного имущества, минимизировать риск споров между детьми от разных браков, пережившим супругом и иными наследниками. В теоретическом плане данный институт демонстрирует смещение от модели исключительно индивидуализированного завещания к модели координированного семейного наследственного планирования.

Однако законодательное нововведение породило и целый ряд вопросов. Во-первых, совместное завещание существенно меняет традиционное понимание завещания как строго индивидуального акта. Хотя каждый из супругов выражает собственную волю, правовой результат достигается через согласованное волеизъявление двух лиц. Поэтому часть доктрины указывает на смешанную природу такого акта и на необходимость более четкого разграничения совместного завещания, взаимных завещаний и наследственного договора [14; 17]. Во-вторых, остаются дискуссионными пределы изменения и отмены совместного завещания, особенно после смерти одного из супругов, а также вопрос о допустимости судебного контроля за действиями пережившего супруга, если его последующее поведение очевидно разрушает первоначальный наследственный план.

Серьезное значение для понимания новых институтов имеет Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2025 г. № 14-П. Конституционный Суд рассматривал ситуацию, связанную с приращением долей оставшихся наследников по завещанию в случае смерти одного из наследников по завещанию до открытия наследства. Суд подчеркнул, что при толковании норм о приращении наследственных долей нельзя игнорировать действительную волю наследодателя и автоматически обращаться к конструкции выморочного имущества там, где воля завещателя указывает на иной распределительный замысел [8]. Хотя данное постановление напрямую не посвящено совместному завещанию супругов, его значение для современного наследственного планирования очевидно: при многофигурных завещательных конструкциях решающим должен оставаться смысл волеизъявления наследодателя, а не формальное срабатывание запасных механизмов.

Для правоприменителя совместное завещание особенно сложно в тех ситуациях, когда смерть супругов наступает в разное время, меняется состав общего имущества, расторгается брак, возникают требования обязательных наследников или выясняется наличие незавещанного имущества. Закон устанавливает, что совместное завещание супругов утрачивает силу в случае расторжения брака или признания брака недействительным как до, так и после смерти одного из супругов [2, ст. 1118; 4]. Однако сама по себе эта норма не снимает вопросов о судьбе уже возникших ожиданий наследников и об объеме защиты интересов пережившего супруга, который полагался на ранее согласованный наследственный план.

С научно-практической точки зрения актуальной задачей является дальнейшая детализация правил о совместном завещании: о составе допустимых распоряжений, о соотношении с режимом совместной собственности супругов, о последствиях признания отдельных его частей недействительными, а также о методике его толкования. Представляется, что в ближайшие годы именно здесь будет формироваться наиболее динамичная судебная практика, поскольку институт еще не успел пройти стадию устойчивой стандартизации. Пока же общая тенденция сводится к одному: российское наследственное право постепенно переходит от простой модели «один завещатель - одно завещание - один момент открытия наследства» к более сложным многоуровневым конструкциям, требующим более точного законодательного инструментария [4; 8; 17].

4. Наследование по завещанию в отношении отдельных объектов имущества: недвижимость, земля, иностранный элемент и цифровые активы

Одним из наиболее конфликтных направлений правоприменения остается вопрос о том, как исполняется завещание в отношении отдельных объектов имущества, особенно если распоряжение касается недвижимости либо охватывает лишь часть имущественного комплекса. Формально завещание может распространяться как на все имущество, так и на его часть [2, ст. 1119, 1120]. Однако именно частичное распоряжение часто создает коллизии между наследованием по завещанию и по закону.

Характерным примером является Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2018 г. № 87-КГ17-14. Наследодатель завещал жилой дом и гараж, но не распорядился земельным участком, на котором находились строения. Нижестоящие суды исходили из того, что доли в праве на землю должны автоматически следовать судьбе жилого дома. Верховный Суд занял иную позицию: земельный участок и расположенные на нем строения являются самостоя-

тельными объектами гражданского оборота, поэтому при отсутствии завещательного распоряжения относительно участка он наследуется на общих основаниях, то есть по закону [13]. Эта позиция имеет большое значение для нотариальной практики, поскольку разрушает распространенное представление о том, что судьба земли всегда полностью повторяет судьбу объекта недвижимости, находящегося на ней.

С практической точки зрения из дела № 87-КГ17-14 вытекает важная рекомендация: если наследодатель стремится передать недвижимый комплекс в едином хозяйственном режиме, он должен прямо указать в завещании как судьбу здания, так и судьбу земельного участка, права аренды, сервитутов и иных связанных прав. Иначе после открытия наследства возникает риск дробления имущественного комплекса между разными группами наследников, что объективно усложняет пользование имуществом и провоцирует длительные споры [13; 17].

Еще один современный блок проблем связан с наследованием имущества, осложненного иностранным элементом. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 марта 2024 г. № 12-П рассматривался вопрос о применимом праве к наследованию движимого имущества гражданина Российской Федерации, проживавшего и умершего за рубежом. Конституционный Суд указал на недопустимость такого толкования коллизионной нормы, которое фактически лишало бы российских наследников возможности оформить наследственные права в отношении движимого имущества только потому, что наследодатель проживал за пределами России [7]. Хотя постановление касается международного частного права, для наследования по завещанию оно имеет прямое значение: эффективность завещательного распоряжения зависит не только от его содержания, но и от того, насколько коллизионные нормы позволяют реализовать выраженную волю наследодателя на практике.

Наконец, быстро возрастает значение вопроса о наследовании цифровых активов и иных нематериальных имущественных объектов. Гражданский кодекс Российской Федерации относит цифровые права к объектам гражданских прав и допускает их участие в гражданском обороте при наличии специального законодательного признания [2, ст. 128, 141.1]. Однако специальная регламентация их посмертного перехода до сих пор фрагментарна. На уровне общих начал можно утверждать, что если цифровой актив обладает имущественной природой и не связан неразрывно с личностью правообладателя, он в принципе может входить в наследственную массу. Но на практике наследники часто сталкиваются не столько с проблемой права, сколько с проблемой доступа: отсутствием ключей, паролей, данных о размещении актива в информационной системе, а также с пользовательскими соглашениями платформ, не рассчитанными на наследственное правопреемство.

Для наследования по завещанию это означает новую задачу: завещание должно становиться не только распоряжением о субъекте перехода имущества, но и инструментом описания цифровых объектов, способов доступа к ним и условий их администрирования. Иначе формально завещанный актив может остаться экономически недоступным наследнику. Представляется, что дальнейшее развитие законодательства неизбежно должно затронуть вопрос о специальных правилах нотариального удостоверения распоряжений относительно цифровых активов, а также о допустимых механизмах передачи технической информации наследникам при соблюдении тайны завещания и требований информационной безопасности [2; 3].

5. Судебная защита наследственных прав и современные тенденции толкования завещаний

Наследование по завещанию как институт не может эффективно функционировать без развитых механизмов судебной защиты. Практика последних лет показывает, что суды все чаще отходят от упрощенного противопоставления «формы» и «справедливости» и стремятся сочетать уважение к последней воле наследодателя с охраной устойчивости гражданского оборота. В этом отношении значение Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 трудно переоценить: именно оно задало базовые ориентиры для разрешения наследственных споров, включая вопросы оспаривания завещаний, толкования завещательных распоряжений, обязательной доли и наследования отдельных видов имущества [6].

Современная судебная практика позволяет выделить несколько устойчивых тенденций. Первая тенденция - усиление роли конкретных обстоятельств дела при применении, казалось бы, формально определенных норм. Так, в деле № 5-КГ19-181 Верховный Суд потребовал от судов исследовать фактическое пользование спорной квартирой, имущественное положение сторон и реальную нуждаемость обязательного наследника, а не ограничиваться формальным установлением его нетрудоспособности [9]. Аналогично в деле № 24-КГ17-22 Суд исходил не из формальной опе-

чатки в завещании, а из возможности идентифицировать наследника и достоверно установить волю завещателя [11].

Вторая тенденция - развитие культуры точной юридической квалификации. Верховный Суд последовательно показывает, что наследственный спор нередко проигрывается не по существу, а из-за неверного выбора способа защиты. Дело № 16-КГ24-30-К4 демонстрирует это особенно ярко: даже при очевидном нарушении требований к личности рукоприкладчика истец не добился удовлетворения иска, поскольку ошибочно исходил из ничтожности завещания и пропустил специальный срок исковой давности для оспоримой сделки [12]. Для правоприменения это означает, что наследственное право требует от сторон не только доказательственной, но и высокоточной квалификационной работы.

Третья тенденция - повышение значения толкования завещания как самостоятельного инструмента защиты. Не всякая неясность в тексте завещания должна вести к признанию его недействительным. Суд, насколько это возможно, обязан реконструировать действительную волю наследодателя, используя содержание документа, сопутствующие обстоятельства, системное толкование его распоряжений и принципы наследственного права [2, ст. 1132; 6]. Такой подход особенно важен в тех случаях, когда завещание охватывает несколько объектов имущества, различных наследников либо составлено в условиях фактической семейной сложности.

Четвертая тенденция - расширение конституционного измерения наследственных споров. Конституционный Суд Российской Федерации все более заметно влияет на эту сферу, подчеркивая, что право наследования охватывает как свободу наследодателя распорядиться имуществом на случай смерти, так и право призываемых к наследованию лиц получить наследственное имущество в установленном законом порядке [7; 8]. Отсюда следует важный методологический вывод: любое толкование норм о завещании должно быть направлено не только на буквальное разрешение частного спора, но и на обеспечение реальной, а не иллюзорной осуществимости наследственных прав.

Названные тенденции позволяют сформулировать общий вывод о современном состоянии судебной защиты в рассматриваемой сфере. Российская практика постепенно движется к более содержательному подходу, в рамках которого уважение к завещательной воле соединяется с процессуальной дисциплиной, точностью квалификации и конституционно соразмерным балансом интересов. Именно эта логика представляется наиболее перспективной для дальнейшего развития наследственного права.

6. Основные направления совершенствования российского гражданского законодательства и судебной практики

Проведенный анализ позволяет предложить несколько направлений дальнейшего совершенствования российского регулирования наследования по завещанию. Во-первых, требуется дальнейшая конкретизация критериев уменьшения обязательной доли. Пункт 4 статьи 1149 ГК РФ уже содержит необходимый потенциал, однако его применение по-прежнему во многом зависит от судебного усмотрения. Законодателю и Верховному Суду целесообразно развить более подробные ориентиры оценки: характер пользования спорным имуществом, наличие у обязательного наследника иного пригодного жилья, соотношение стоимости имущества и реальных жизненных потребностей сторон, длительность их связи с наследодателем [2; 6; 9; 10].

Во-вторых, нуждается в дополнительной нормативной настройке институт совместного завещания супругов. Следовало бы детальнее урегулировать последствия отмены и изменения совместного завещания, пределы защиты ожиданий пережившего супруга и наследников, а также порядок разрешения коллизий между совместным завещанием, супружеской долей и обязательной долей. Без такой конкретизации неизбежно сохранится высокий уровень неопределенности, особенно в семьях со сложным составом наследников [4; 8].

В-третьих, представляется необходимым развитие специальных норм о наследовании цифровых активов. Формально общие положения гражданского законодательства позволяют включать в наследственную массу имущественные цифровые объекты, но этого недостаточно. Требуются правила о раскрытии нотариусу сведений, достаточных для идентификации цифрового актива, о допустимых способах передачи наследникам ключей доступа либо инструкций, о соотношении наследственных прав и пользовательских соглашений платформ, а также о защите тайны завещания при использовании электронных сервисов [2; 3].

В-четвертых, следует продолжить унификацию судебной практики по делам о действительности завещаний. Особенно важно обеспечить единообразие в разграничении ничтожных и оспоримых завещаний, в оценке роли процессуальных сроков и в определении существенности фор-

мальных нарушений. Для гражданского оборота принципиально, чтобы потенциальные наследники и нотариусы могли предвидеть последствия той или иной ошибки при совершении завещания [6; 11; 12].

Наконец, важным направлением является повышение качества наследственного планирования на досудебной стадии. Нотариальная практика, опирающаяся на Единую информационную систему нотариата и реестры наследственных дел, уже создает организационную основу для более прозрачного оформления наследственных прав [3]. Однако потенциал нотариата как института профилактики споров используется еще не полностью. Чем более детально и профессионально составлено завещание, тем меньше вероятность последующего судебного конфликта.

Заключение

Наследование по завещанию в Российской Федерации продолжает оставаться центральным институтом посмертного распоряжения имуществом и одной из наиболее чувствительных зон пересечения частной автономии, семейной солидарности и публичного интереса. Современное российское право исходит из признания высокой ценности завещательной свободы, но одновременно сохраняет и развивает механизмы ее корректировки в целях защиты обязательных наследников, пережившего супруга, устойчивости имущественного оборота и конституционно значимого баланса интересов [1; 2; 8].

Судебная практика последних лет показывает, что наследственные споры уже не могут разрешаться на основе простых формул. Определения Верховного Суда Российской Федерации по делам № 5-КГ19-181, № 127-КГ21-15-К4, № 24-КГ17-22, № 16-КГ24-30-К4 и № 87-КГ17-14 демонстрируют переход к более содержательному правоприменению, где учитываются фактическое пользование имуществом, реальное имущественное положение сторон, вид недействительности завещания, сроки защиты права и специфика отдельных объектов наследства [9-13].

В числе наиболее актуальных проблем наследования по завещанию в настоящее время следует назвать: определение пределов свободы завещания и объема обязательной доли; критерии оценки существенности нарушений формы завещания; правовую природу и режим совместного завещания супругов; судьбу незавещанных элементов имущественного комплекса; коллизионные вопросы наследования имущества с иностранным элементом; а также отсутствие специальных правил о наследовании цифровых активов. Каждая из этих проблем свидетельствует о том, что наследственное право находится в стадии интенсивной адаптации к новым социальным и имущественным реалиям.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 08.08.2024).

[3] Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (в ред. от 20.02.2026).

[4] Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации».

[5] Федеральный закон от 26.11.2001 № 147-ФЗ «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

[6] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.03.2024 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э. Стаценко».

[8] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.03.2025 № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1161 Гражданского кодекса Российской Федерации ...».

[9] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.2019 № 5-КГ19-181.

[10] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.11.2021 № 127-КГ21-15-К4.

[11] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2018 № 24-КГ17-22.

[12] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.12.2024 № 16-КГ24-30-К4.

[13] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2018 № 87-КГ17-14.

[14] Гражданское право: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права : учебник

/ отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2008. 496 с.

[15] Толстой Ю. К. Наследственное право : учебное пособие. М. : Проспект, 2000. 224 с.

[16] Черемных Г. Г. Наследственное право России : учебник для магистров. 2-е изд. М. : Юрайт, 2015. 516 с.

[17] Гражданский кодекс Российской Федерации. Наследственное право : постатейный комментарий к разделу V / Б. М. Гонгало, Т. И. Зайцева, И. Е. Манылов и др.; под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2014.

[18] Наследственное право / Б. А. Булаевский, А. Ф. Ефимов, В. В. Залесский и др.; отв. ред. К. Б. Ярошенко. М. : Волтерс Клувер, 2005. 448 с.

References:

[1] The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).

[2] Civil Code of the Russian Federation (part three) dated 26.11.2001 No. 146-FZ (as amended 08.08.2024).

[3] Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by Armed Forces of the Russian Federation 11.02.1993 No. 4462-1) (as amended by 20.02.2026).

[4] Federal Law of 19.07.2018 No. 217-FZ “On Amendments to Article 256 of Part One and Part Three of the Civil Code of the Russian Federation.”

[5] Federal Law No. 26.11.2001 of 147-FZ “On the Enactment of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation.”

[6] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2012 No. 9 “On Judicial Practice in Inheritance Cases.”

[7] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 26.03.2024 No. 12-P “In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 1224 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A.E. Statsenko.”

[8] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.03.2025 No. 14-P “In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 1161 of the Civil Code of the Russian Federation...

[9] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.11.2019 No. 5-KG19-181.

[10] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.11.2021 No. 127-KG21-15-K4.

[11] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.01.2018 No. 24-KG17-22.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.12.2024 No. 16-KG24-30-K4.

[13] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 06.02.2018 No. 87-KG17-14.

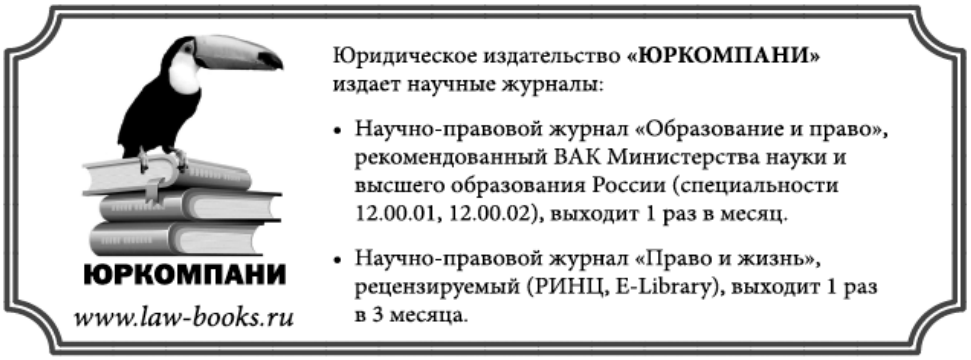
[14] Civil law: in 4 vols. 2: Property law. Inheritance law. Exclusive rights. Personal non-property rights: textbook/rev. ed. E.A. Sukhanov. 3rd ed., Revised and add. M.: Wolters Kluver, 2008. 496 pp.

[15] Tolstoy Yu. K. Hereditary law: a textbook. M.: Prospect, 2000. 224 pp.

[16] Cheremnykh G. G. Hereditary Law of Russia: a textbook for masters. 2nd ed. M.: Yurayt, 2015. 516 p.

[17] Civil Code of the Russian Federation. Hereditary law: article-by-article commentary on section V/B. M. Gongalo, T. I. Zaitseva, I. E. Manylov and others; ed. P.V. Krasheninnikov. M.: Statute, 2014.

[18] Hereditary law/B. A. Bulaevsky, A. F. Efimov, V. V. Zalessky and others; resp. ed. K. B. Yaroshenko. M.: Wolters Kluver, 2005. 448 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-362-364

ЗАХАРОВ Константин Алексеевич,
аспирант департамента права
Московского городского педагогического университета,
e-mail: K.zaharov76@bk.ru

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ПОДРЯДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Аннотация. *В статье проведен анализ обеспечительному механизму подрядных обязательств, а также рассматривается проблема соблюдения интересов сторон, участвующих в договоре подряда.*

Ключевые слова: *договор подряда, способ обеспечения исполнения обязательства, акцессорность, неустойка залог, задаток, удержание.*

ZAKHAROV Konstantin Alekseevich,
Postgraduate student at the Department of Law of
Moscow City Pedagogical University

THE SECURITY MECHANISM OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Annotation. *The article provides a comparative analysis of the security mechanism of contractual obligations, and also examines the problem of respecting the interests of the parties involved in the contract.*

Key words: *contract of employment, method of ensuring the fulfillment of obligations, accessory, penalty pledge, deposit, retention.*

В системе гражданско-правовых отношений, возникающих из договоров подряда, обеспечительный механизм выполняет ключевую функцию гарантии надлежащего исполнения сторонами взятых на себя обязательств. Его правовая природа, основывается на принципах снижения риска и защиты интересов заказчика или подрядчика в зависимости от характера обязательства.

Институт обеспечения исполнения обязательств в подрядных отношениях представляет собой комплекс правовых инструментов, призванных минимизировать риски неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных условий, гарантировать защиту интересов заказчика и подрядчика, а также поддерживать стабильность гражданского оборота.

Законодатель в общих положениях о обеспечения выполнения обязательства гл. 23 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), лишь перечисляет неустойку, залог, удержание, поручительство, независимую гарантию, задаток и обеспечительный платеж как виды обеспечения исполнения обязательства и указывает, что законом или договором могут быть установлены другие виды обеспечения исполнения обязательства (ст. 329 ГК РФ).

При этом дефиниции видов обеспечения исполнения обязательства законодатель не дает, среди характерных признаков обеспечений названа лишь зависимость (акцессорность) сделки относительно обеспечения исполнения обязательства от действительности основного обязательства с одновременной оговоркой о возможности установления другого способа, последнее фактически указывает на отсутствие определенных законом обязательных признаков видов обеспечения.

Е. А. Суханов определяет виды обеспечения исполнения обязательства как предусмотренные договором или законом специальные меры имущественного характера, которые стимулируют надлежащее выполнение обязательств должниками путем установления дополнительных гарантий удовлетворения требований (интересов) кредитора [1].

Именно побуждение должника выполнить обязательства называют главной целью способов обеспечения исполнения обязательств. М. М. Брагинский [2], Ю. А. Павлодский [3], а за ними и подавляющее большинство других исследователей.

Лишь единичные ученые не разделяют мнение о стимулирующей направленности всех видов обеспечения исполнения обязательства. Но их

позиции об определенных видах обеспечения тоже не являются общими. Так, Б. М. Гонгало, утверждает, что непосредственную цель стимулировать должника к исполнению обязательства имеют лишь неустойка и задаток, в то время как поручительство и независимая гарантия защищают имущественные интересы кредитора в случае неисправности должника. Залог же и придерживание как стимулируют должника, так и защищают имущественные интересы кредитора [4].

Способы обеспечения исполнения обязательств можно определить как: «дополнительные правоотношения (обязательства), направленные на стимулирование должника к точному и неукоснительному исполнению основного обязательства и попеременности и (или) уменьшение негативных последствий от возможного его нарушения».

Именно такое видение назначения способов обеспечения исполнения обязательства считается устоявшимся в современной доктрине гражданского права. По нашему мнению, беспристрастный взгляд на содержание норм действующего ГК, закрепляющих сущность определенных способов обеспечения исполнения обязательств, позволяет сделать вывод о защитной природе последних. Очевидно, что современное законодательство связывает реализацию каждого из них исключительно с нарушением обязательства, наделяя кредитора правами защитить свои интересы предубежденным определенным видом обеспечения способом.

В частности, неустойка — это денежная сумма или другое имущество, которые должник должен передать кредитору в случае нарушения должником обязательства (ст.330 ГК РФ).

Законодатель, предоставляя в ст. 334 ГК РФ понятие права залога, закрепляет, что в силу залога кредитор имеет право в случае невыполнения должником обязательства, обеспеченного залогом, получить удовлетворение за счет заложенного имущества

Согласно положению ст. 381 ГК РФ задаток остается у кредитора, если нарушение обязательства произошло по вине должника. Если нарушение обязательства произошло по вине кредитора, он обязан вернуть должнику задаток и дополнительно уплатить сумму в размере задатка.

В случае нарушения должником обязательства, обеспеченного поручительством, поручитель как солидарный должник должен выплатить кредитору сумму основного долга, проценты, неустойку, возместить убытки, вызванные нарушением, заключенным в положениях ст. 363 ГК РФ.

Предусмотренное независимой гарантией обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит в отношениях между ними от основного обязательства, в обеспечение исполнения которого она выдана, от отношений между принципалом и гарантом, а также от каких-либо других обязательств, даже если в независимой гарантии содержатся ссылки на них. ст. 370 ГК РФ.

Согласно положению ст. 359 ГК РФ кредитор в случае неисполнения должником обязательства имеет право придержать у себя вещь должника до исполнения должником обязательства, а если оно не будет выполнено, то удовлетворить свои требования за счет удерживаемой вещи.

В соответствии со ст. 381.1. ГК РФ денежное обязательство, в том числе обязанность возместить убытки или уплатить неустойку в случае нарушения договора, по соглашению сторон могут быть обеспечены внесением одной из сторон в пользу другой стороны определенной денежной суммы (обеспечительный платеж).

Учитывая приведенное в качестве общего признака способов обеспечения исполнения обязательств должна быть названа их реализация исключительно в интересах кредитора с целью удовлетворения его требования, вызванного нарушением должником обеспеченного обязательства. Это позволяет признать эти меры способами защиты прав кредитора.

Таким образом, обеспечительный механизм в подрядных обязательствах представляет собой комплексную, многоуровневую систему правовых инструментов. Его корректное структурирование в договоре с учётом судебной практики и специфики предмета договора минимизирует риски неисполнения, обеспечивает баланс интересов сторон и способствует успешной реализации проектов любой сложности.

«Основная цель института обеспечения исполнения обязательств — предотвратить нарушение обязательства, а если нарушение все же произошло, то с помощью установленных законом или договором мер побудить должника к реальному исполнению либо компенсировать убытки кредитора» [5].

Согласованное применение различных обеспечительных механизмов формирует адаптивную систему защиты интересов контрагентов по договору.

Однако эффективность любого обеспечительного механизма напрямую зависит от качества его договорной регламентации. Недостаточно лишь сослаться на правовые нормы, необходимо детально проработать в тексте договора условия о размере и порядке исчисления неустойки, о перечне отчуждаемого имущества, передаваемого в залог, о процедуре реализации права на удержание. Только конкретизированные и юридически грамотные формулировки позволяют избегать спорных ситуаций и минимизировать

судебные издержки. Как отмечает профессор Егорова М.А.: «дифференциация способов обеспечения должна проводиться с учетом специфики подрядных отношений, включая этапность выполнения работ, их сложность и стоимость» [6].

В заключение следует констатировать, что обеспечительный механизм подрядных обязательств является не просто формальным требованием законодателя, а жизненно важным элементом договорной инфраструктуры, обеспечивающим стабильность и предсказуемость гражданского оборота. Комплексное применение способствуют достижению баланса интересов сторон, стимулируя подрядчика к своевременному и качественному выполнению работ, а заказчику предоставляя реальные инструменты защиты своих инвестиций. Дальнейшее совершенствование данного института видится в развитии таких гибридных форм, как условное депонирование (эскроу) и страхование договорной ответственности, что соответствует общей тенденции к диверсификации и повышению надежности гражданско-правовых гарантий.

Список литературы:

[1] Гражданское право. В 4 т. Т. 2: Общая часть : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.] ; отв. ред. — Е.А. Суханов. — 3-е изд., перераб и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2006. —С. 98.

[2] Брагинский М. И. Обязательства и способы их обеспечения: неустойка, залог, поручительство, банковская гарантия. Комментарий к новому ГК РФ. М.а: Изд - во центра деловой информации. Еженедельник «Экономика и жизнь», 1995. С. 42.

[3] Павлодский Е. А. Договоры организация и граждан с банками. Договоры организаций и граждан с банками / Е. А. Павлодский. – М.: Статут, 2000. С. 106.

[4] Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств: вопр. теории и практики / Б. М. Гонгало. — М: Статут, 2004. С. 9.

[5] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / Под ред. С.А. Степанова. М., 2022. С. 587.

[6] Егорова М. А. Правовая природа основания прекращения обязательств/ М.А. Егорова// Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 29.

References:

[1] Civil Law. In 4 volumes. Volume 2: General Part: a textbook for university students studying in the field of 521400 “Jurisprudence” and in the specialty 021100 “Jurisprudence” / [Em V.S. et al.]; editors — E.A. Sukhanov. — 3rd ed., revised and enlarged. — Moscow: Wolters Kluwer, 2006. —P. 98.

[2] Braginsky M.I. Obligations and Methods of Enforcing Them: Penalty, Pledge, Surety, Bank Guarantee. Commentary on the New Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Publishing House of the Business Information Center. Weekly “Economy and Life”, 1995. P. 42.

[3] Pavlodsky E.A. Agreements between organizations and individuals and banks. Agreements between organizations and individuals and banks / E. A. Pavlodsky. - M.: Statut, 2000. Page 106.

[4] Gongalo B. M. The doctrine of securing obligations: issues of theory and practice / B. M. Gongalo. - M.: Statut, 2004. Page 9.

[5] Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One / Ed. S. A. Stepanov. Moscow, 2022. Page 587.

[6] Egorova M. A. Legal nature of the grounds for termination of obligations / M.A. Egorova // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2017. No. 12. Page 29.

www.law-books.ru

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-365-371

БИЧУРИНА Елена Владимировна,
преподаватель кафедры международного и интеграционного права
Института права и национальной безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия,
e-mail: bichurina-ev@ranepa.ru

ВЛИЯНИЕ КАТЕГОРИЙ ВНУТРЕННЕГО РОССИЙСКОГО ПРАВА НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «МЕЖДУНАРОДНАЯ КОРПОРАТИВНАЯ СДЕЛКА»

Аннотация. *Целью настоящей статьи является рассмотрение основных категорий российского корпоративного права, таких как «корпорация», «корпоративные отношения», «корпоративная сделка», «корпоративный договор» и определение влияния указанных категорий на формулирование понятия «международная корпоративная сделка», используемое в области международного частного права.*

Ключевые слова: *корпорация, корпоративные отношения, корпоративная сделка, корпоративный договор, международная корпоративная сделка.*

BICHURINA Elena Vladimirovna,
Lecturer, Department of International and Integration Law
Institute of Law and National Security
Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

THE INFLUENCE OF CATEGORIES OF DOMESTIC RUSSIAN LAW IN THE DEGINITION OF THE CONCEPT OF “INTERNATIONAL CORPORATE TRANSACTION”

Annotation. *The purpose of this article is to examine the main categories of Russian corporate law, such as “corporation”, “corporate relations”, “corporate transaction”, “corporate agreement” and to determine the influence of these categories on the formulation of the concept of “international corporate transaction” used in the field of private international law.*

Key words: *corporation, corporate relations, corporate transaction, corporate agreement, international corporate transaction.*

В соответствии с п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) «гражданское законодательство … регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения) …» [15]. По смыслу российского законодателя, корпоративные отношения представляют собой частноправовые отношения, связанные с участием в корпоративных организациях и/или с управлением корпорациями.

Термин «корпорация» происходит от латинского выражения «*corpus habere*», «которое римские юристы использовали для обозначения союзной связи людей с юридической личностью» [2]. Об истории возникновения корпораций неоднократно писали в доктрине [11; с. 304]. Считается, что понятие корпорации возникло еще в античные времена, хотя существование корпораций в Римской республике не было возможным, так как отсутствовало право частной собственности. Однако, именно в римском праве возникло понятие юридического лица, которое имело имущество и имущественные права, обособленные от имущества его участников и третьих лиц [11; с. 305].

Появление первых ремесленных корпораций связывают с XII-XIII вв. Средневековья, уже с Западной Европой. Позднее корпорации как

формы частного владения получили распространение в Англии, где к XVII-XVIII вв. появились крупнейшие компании [10; с. 115-119]. Первые преобразования в области корпоративного права обычно связывают с Францией после прихода к власти Наполеона Бонапарта. Особое место в становлении корпораций и корпоративного права занимают США, где в 1811 г. в штате Нью-Йорк впервые в истории США был принят общий закон о предпринимательских корпорациях.

В России процесс становления корпораций и корпоративного права связывается с началом XIX в. А к XX в. уже в различных странах широкое распространение получили различные корпоративные формы бизнеса. И, все-таки, как отмечает П.В. Магданов, в Российской империи вплоть до 1917 г. не сложилось условий, благодаря которым корпорации в России могли бы свободно учреждаться и развиваться [9]. Развитие корпоративного права и корпораций стало иметь место уже после распада СССР и перехода нашего государства к рыночной экономике.

В настоящее время в Толковом словаре иностранных слов термину «корпорация» дается следующее определение: «Корпорация (от ср. лат. *corporatio* – объединение, сообщество) это общество, союз, группа лиц, объединенная общностью профессиональных или сословных интересов» [16].

Современному зарубежному законодательству также известен термин «корпорация», при этом в государствах существуют свои разновидности корпораций [12]. В большей степени рассматриваемый термин характерен для англо-американской правовой системы [3; с. 8], но и в романо-германских странах этот термин используется и трактуется довольно широко, объединяя в себе различные виды торговых товариществ [12].

В действующем российском гражданском законодательстве термин «корпорация» появился сравнительно недавно. До этого времени в отечественной доктрине указанный термин уже использовался, но вокруг него велись оживленные дискуссии [13; с.40-49]. Снижение остроты полемики вокруг него связано с легальным закреплением термина «корпорация» в ГК РФ [7; с. 41-79].

В настоящее время в соответствии с пунктом 1 статьи 65.1 ГК РФ корпоративными юридическими лицами (корпорациями) являются юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган [17]. В соответствии с российским законодательством коммерческая корпорация представляет собой юридическое лицо, обладающее статусом коммерческой организации, учредители (участники) которой имеют право участия (членства) в ней и формируют ее высший орган. Согласно § 2 главы 4 ГК РФ корпорации подразделяются на коммерческие и некоммерческие. К коммерческим корпорациям относятся хозяйственные товарищества и общества, крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства и производственные кооперативы. Именно в рамках указанных коммерческих организаций заключаются корпоративные сделки (договоры). В тех случаях, когда такие сделки осложнены иностранным элементом, они носят характер международных корпоративных сделок.

Внимание к российскому праву при определении понятия «международная корпоративная сделка» обусловлено следующими основными причинами. Во-первых, на международном уровне отсутствует международное соглашение или международный рекомендательный акт, в котором содержалось бы унифицированное понятие международной корпоративной сделки и правила, регламентирующие определение применимого права к подобным сделкам. Во-вторых, принимая во внимание разнообразие и множество подходов к понятию корпорации в правопорядках государств, в каждом государстве существуют свои разновидности сделок, заключаемых внутри таких корпораций и именуемых корпоративными сделками. Внимание же автора настоящей статьи, следуя его научным интересам, сосредоточено в первую очередь на российских коммерческих корпорациях и корпоративных сделках, заключаемых внутри отечественных корпораций. В-третьих, учитывая первое и второе, в связи с тем, что международная (автономная) юридическая квалификация международной корпоративной сделки в настоящее время не представляется возможной, при юридической квалификации такой сделки следует руководствоваться ст. 1187 ГК РФ, согласно п. 1 которой «при определении права, подлежащего применению, толкование юридических понятий осуществляется в соответствии с российским правом, если иное не предусмотрено законом» [18].

Таким образом, при определении права, подлежащего применению к международным корпоративным сделкам, заключаемым в рамках российских коммерческих корпораций, толкование юридических понятий будет осуществляться в соответствии с российским правом. В связи с этим важное значение имеют такие понятия, как собственно «корпоративная сделка», из которой будет строиться определение понятия «международная корпоративная сделка», а также вытекающие из подобных сделок «корпоративные отношения» и «международные корпоративные отношения».

В то время как вопросы гражданских и, в частности, обязательственных правоотношений вполне детально были исследованы в советской доктрине, вопросам корпоративных правоотношений в то время не уделялось достаточно внимания, прежде всего ввиду длительно существовавшего в стране общественно-политического строя. Исследованиям корпоративных правоотношений стало уделяться повышенное внимание уже в новой России. Свои работы указанному явлению в новейшей литературе посвятили Е.А. Суханов, Д.В. Ломакин, И.С. Шиткина и другие ученые.

Изучение любого явления принято начинать с выявления его правовой природы. Как отмечал С.С. Алексеев, термин «правовая природа» представляет собой «юридическую характеристику правового явления, выражающую его специфику, место и функции среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой» [1; с. 227].

Существуют различные мнения относительно правовой природы корпоративных (право) отношений. В этом вопросе мы солидарны с точкой зрения Д.В. Ломакина, который считает, что «корпоративные правоотношения представляют собой особую разновидность гражданских правоотношений, которые нельзя свести ни к обязательствам, ни к вещным правоотношениям» [7]. Это такие отношения, которые возникают «в рамках корпорации в связи с приобретением, осуществлением, а иногда и защитой корпоративных прав, когда в качестве способов защиты используются так называемые корпоративные способы защиты прав» [7].

Корпоративные отношения представляют собой отношения, связанные с внутренними делами коммерческой корпорации. Это, во-первых, отношения, которые включают отношения по участию в коммерческой корпорации. В ГК РФ их определения нет, но в ст. 65.2 ГК РФ содержатся положения о правах и обязанностях участников корпораций, из которых в целом можно «собрать» указанное понятие по участию в корпорации. И, во-вторых, это отношения по управлению в коммерческой корпорации, которым посвящена ст. 65.3 ГК РФ. Будучи осложненными иностранным элементом, такие отношения приобретают характер корпоративных отношений с иностранным элементом, или международных корпоративных отношений.

Одним из важнейших оснований возникновения корпоративных отношений, в том числе международных корпоративных отношений, выступают корпоративные сделки. Правовая природа внутренней корпоративной сделки и международной корпоративной сделки не имеет различий за исключением того, что последняя содержит иностранный элемент, обусловливающий возможность применения иностранного права к таким сделкам. Внутренняя же корпоративная сделка всецело лежит в поле правового регулирования внутреннего права конкретной страны, то есть применительно к теме нашего исследования – в поле внутреннего российского права. По этой причине понятие корпоративной сделки, используемое в российском законодательстве, может, с одной стороны, рассматриваться в качестве родового по отношению к понятию международной корпоративной сделки, а, с другой, - служить основанием для юридической квалификации международной корпоративной сделки с точки зрения российского права как права страны суда – lex fori – согласно ст. 1187 ГК РФ.

Важно при этом подчеркнуть, что внимание в настоящей статье сосредоточено на двух- и многосторонних корпоративных сделках, то есть договорах. В то же время, когда речь идет о международных гражданско-правовых договорах в области международного частного права, часто используется термин «сделка». По этим причинам в настоящей работе используется термин «международная корпоративная сделка», подразумевая в первую очередь международные корпоративные договоры.

Как справедливо отмечает М.С. Варюшин, «корпоративные договоры есть правовые явления, договорные по форме, но корпоративные по содержанию» [3]. Главное назначение договора еще со времен Свода законов Российской империи, опубликованного в 1832 г., такие ученые как Г.Ф. Шершеневич, Д.И. Мейер, И.А. Покровский видели в его правопорождающем эффекте, считая, что он выражается в появлении договорного правоотношения.

Корпоративная сделка (договор), а точнее корпоративное соглашение, «как специфический договорный механизм регулирования корпоративных отношений генетически связан с правом государств англо-американской правовой системы» [3; с. 9]. Вместе с тем и в странах романо-германского права корпоративные договоры имеют место, только понимаются они как обязательственные договоры, которые связывают акционеров, но не могут изменять корпоративной структуры управления и противоречить уставу (в отличие, например, от современной Англии). При этом судебная практика Германии рассматривает корпоративные договоры как соглашения о товариществах гражданского права. Аналогичным образом квалифицирует корпоративные договоры право Италии, Швейцарии, Франции и т,д. [14; с. 211].

В ГК РФ легальное определение термина «корпоративная сделка» отсутствует, однако в ГК

РФ со сравнительно недавнего времени содержатся положения о корпоративном договоре. В соответствии со ст. 67.2 ГК РФ корпоративный договор [об осуществлении корпоративных прав] представляет собой соглашение, в силу которого «участники хозяйственного общества или некоторые из них обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления…». К разновидностям корпоративного договора отечественный законодатель относит договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью и акционерное соглашение.

Включив статью 67.2 в ГК РФ «Корпоративный договор», отечественный законодатель не учел, на наш взгляд, два основных момента.

Во-первых, к корпоративным сделкам (договорам), очевидно следует относить не только договоры об осуществлении прав участников ООО и акционерные соглашения, но и ряд других договоров, являющихся также корпоративными, то есть имеющих отношение к «внутренним делам» корпорации. Это косвенно подтверждает и сам законодатель, в частности, говоря в п. 9 статьи 67.2 ГК РФ о возможности заключения договора между кредиторами общества и иными третьими лицами с участниками общества, к которому применяются правила о корпоративном договоре. И кроме того, в п. 10 статьи 67.2 ГК РФ сказано также, что правила о корпоративном договоре «применяются к соглашению о создании хозяйственного общества, если иное не установлено законом или не вытекает из существа отношений сторон такого соглашения». Тот факт, что некоторые исследователи относят подобные соглашения к «квазикорпоративным договорам» [2], на наш взгляд, не имеет под собой веских оснований, так как и, если такие договоры связаны с участием в корпорации и/или управлением в ней, имеют по сути тот же предмет и регулируются положениями, применимыми к корпоративным договорам.

Кроме этого, существует ряд других договоров (к примеру, корпоративные договоры, заключаемые в процессе реорганизации коммерческих корпораций, корпоративные договоры о порядке отчуждения акций в АО и ряд других), которые не упомянуты законодателем в рассматриваемой статье ГК РФ. Можно выделить и другие договоры, которые также имеют определенное отношение к внутренним делам корпорации, например, договоры о непосредственном распоряжении акциями (долями, вкладами), соглашения о финансировании или же инвестиционные соглашения, экстраординарные сделки и т.д. Безусловно, такие договоры являются имущественными, но так или иначе все же имеют то или иное отношение к внутренним делам корпорации, а потому они могли бы также считаться если не полностью, то хотя бы частично-корпоративными.

Во-вторых, если подходить к определению понятия «корпоративная сделка» сквозь призму всех коммерческих организаций, основанных на праве членства, то в используемом в ГК РФ определении вероятно законодателем не приняты во внимание корпоративные сделки (договоры), имеющие место в полных и коммандитных товариществах, а также в хозяйственных партнерствах, крестьянских (фермерских) хозяйствах и производственных кооперативах, что не позволяет применять закрепленное в статье 67.2 ГК РФ определение корпоративного договора их в отношении всех остальных коммерческих корпораций. Применение их по аналогии весьма спорно, поскольку в других корпорациях такие договоры могут иметь другую «функциональную нагрузку», например, являться учредительным договором полного товарищества или соглашением об управлении хозяйственным партнерством. В отраслевых российских законах, посвященных отдельным видам коммерческих корпораций (п. 3 статьи 8 ФЗ РФ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [19] и статье 32.1 ФЗ РФ «Об акционерных обществах» [20]) также содержатся положения о договоре об осуществлении прав участников ООО и акционерном соглашении соответственно, но ими корпоративные договоры, на наш взгляд, не должны исчерпываться.

Вышеизложенное обусловливает необходимость формулирования собственного определения понятия корпоративной сделки в целях проводимого исследования, из которого будет строиться определение международной корпоративной сделки, а последнее в принципе сможет выступать общим определением для всех корпоративных сделок, содержащих иностранный элемент и заключаемых участниками российских коммерческих корпораций.

Профессор Д.В. Ломакин справедливо считает, что «наиболее часто термин «корпоративный» употребляется в значении «внутренний» для описания каких-либо явлений внутри замкнутой системы» [7]. На наш взгляд, такое понимание наиболее точно характеризует категорию «корпоративная сделка» как гражданско-правовую сделку, связанную главным образом с «внутренними делами» коммерческой корпорации, однако можно предположить, что из этого общего правила могут быть некоторые исключения или хотя бы уточнения, обусловленные спецификой конкретной корпоративной сделки. В частности, речь может идти об экстраординарных сделках.

В то же время сводить понятие «корпоративный договор» к двум упомянутым в статье 67.2 ГК РФ: договору об осуществлении прав участников ООО и акционерному соглашению в корне неверно, поскольку данными разновидностями корпоративных договоров, на наш взгляд, таковые не исчерпываются, и данному мнению имеется подтверждение в отечественной доктрине [5, с. 9-11; 4].

В частности, по мнению М.Н. Жариковой, корпоративная сделка (договор) является собирательным понятием, «объединяющим в себе различные соглашения, каждое из которых должно быть квалифицировано в зависимости от его конкретного предмета и содержания: в качестве поименованного в ГК РФ опционного соглашения, договора купли-продажи, а также непоименованного в ГК РФ инвестиционного соглашения, соглашения о голосовании, соглашения о развитии бизнеса и других. Определение норм права, подлежащих применению к отношениям сторон конкретного договора, зависит от его юридической квалификации» [4; с. 8]. По ее мнению, корпоративный договор может являться основанием как обязательственных имущественных правоотношений, так и неимущественных относительных правовых отношений, которые «характеризуются наличием направленности на получение общего правового результата, который может быть достигнут только совместными действиями сторон» [4; с. 7-8].

Профессор Д.В. Ломакин считает целесообразным выделение «среди гражданско-правовых договоров особой разновидности - корпоративных договоров. Такие договоры, по мнению ученого, направлены на возникновение, изменение или прекращение корпоративных правоотношений» [8]. Следовательно, Д.В. Ломакин рассматривает корпоративные договоры как разновидности гражданско-правовых сделок, имеющих корпоративную природу. Аналогичной позиции придерживается М.С. Варюшин, который в своей монографии отстаивает корпоративную правовую природу корпоративного договора [3; с. 6].

Исходя из определения корпоративных отношений, закрепленных в ст. 2 ГК РФ, в России воспринята смешанная модель корпоративных договоров. В этой связи можно заключить, что корпоративные сделки (договоры) имеют корпоративную, а точнее организационно-обязательственную правовую природу; при этом организационная и обязательственная составляющие корпоративной правовой природы рассматриваемого договора в том или ином корпоративном договоре могут быть различными по объему и наполнению и зависят от содержания конкретного корпоративного договора.

С учетом всего изложенного выше и следуя отечественному законодателю, представляется возможным понятие «корпоративная сделка» рассматривать в узком и широком значениях.

В узком, специальном значении корпоративная сделка может пониматься как соглашение, в силу которого участники хозяйственного общества или некоторые из них обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления. Данное определение соответствует позиции отечественного гражданского законодателя, но является весьма узким и не учитывает множество сделок, заключаемых в корпорациях, как с точки зрения разновидностей корпораций, так и с точки зрения разнообразия самих сделок, заключаемых участниками таких корпораций внутри них.

В широком смысле корпоративная сделка (договор), должна рассматриваться как заключаемую в рамках российской коммерческой корпорации гражданско-правовую (организационно-обязательственную) сделку (договор), целью которой является установление, изменение или прекращение корпоративного правоотношения, связанного с внутренними делами коммерческой корпорации, иными словами, внутренними отношениями в ней. В свою очередь внутренние дела коммерческой корпорации можно определить как отношения, связанные с участием в коммерческой корпорации и управлением ею. Именно данное определение отражает истинное содержание корпоративной сделки (договора), не позволяя ограничиваться лишь двумя видами корпоративных договоров, предусмотренных ГК РФ.

С учетом изложенного, предлагается дополнить часть первую Гражданского кодекса РФ следующей статьей: «67.1.1. «Корпоративные сделки (договоры) в коммерческих корпорациях», изложив ее следующим образом:

«1. Учредители (участники, члены) коммерческих корпораций вправе заключать корпоративные сделки (договоры), которые представляют собой гражданско-правовые сделки, направленные на установление, изменение или прекращение корпоративных прав и обязанностей, связанных с участием в корпорации и управлением ею».

Список литературы:

[1] Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 243 с.

[2] Бирюков Д. Квазикорпоративные договоры: новелла российского законодательства// Хозяйство и право. 2015. № 5. С. 1-23.

[3] Варюшин М.С. Гражданско-правовое регулирование корпоративных договоров: сравнительный анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 202 с.

[4] Жарикова М.Н. Применение общих положений Гражданского кодекса об обязательствах к отношениям, возникающим между сторонами корпоративного договора. Автореф. дис. на соис… к.ю.н. М., 2021. 22 с.

[5] Каржавина Н.С. Юридическая природа внутрикорпоративного договора. Автореф. дис. … к.ю.н. М., 2009. 161 с.

[6] Ломакин Д.В. Коммерческие корпорации как субъекты корпоративных правоотношений: учебное пособие. М.: Статут, 2020. 85 с.

[7] Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 350 с.

[8] Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. Предисловие. М.: Статут, 2020. 160 с.

[9] Магданов П. В. История возникновения корпораций до начала XX в // Ars Administrandi. 2012. №4. С. 15-32.

[10] Нехай С.Б. Истоки формирования корпоративного права Западной Европы// Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 73-77.

[11] Покровский И.А. История римского права. Спб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад», Журнал «Нева», 1999. 532 с.

[12] Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. - Москва : Статут, 2014. - 456 с.

[13] Шабунова И.Н. Корпоративные отношения как предмет гражданского права // Журнал российского права. 2004. № 2. С. 40-49.

[14] Boubaker S. Ownership-control discrepancy and firm value: Evidence from France // Multinational Finance Journal. 2007. No 11(3/4). P. 211-252.

[15] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. Федеральный закон РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025 № 315-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mmr1bhj43v759179132 (дата обращения: 04.03.2026).

[16] Толковый словарь иностранных слов онлайн // URL: https://foreign.slovaronline.com/ (дата обращения: 04.03.2026).

[17] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1. Федеральный закон РФ № 51-ФЗ от 30.11.1994 (в ред. ФЗ РФ № 315-ФЗ от 31.07.2025) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mmr1dvol1v641954920 (дата обращения: 04.03.2026).

[18] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 3. Федеральный закон РФ от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/?ysclid=mmr1eu2oyu483786616 (дата обращения: 04.03.2026).

[19] Федеральный закон РФ от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 28.12.2025 № 514-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/?ysclid=mmr1ffweb9729279808 (дата обращения: 04.03.2026).

[20] Федеральный закон РФ от 26.12.1995 № 208-ФЗ (в ред. ФЗ РФ от 31.07.2025 № 312-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/?ysclid=mmr1fyuaf6214827734 (дата обращения: 04.03.2026).

References:

[1] Alekseev S.S. General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law. Moscow: Legal Literature, 1989. 243 p.

[2] Biryukov D. Quasi-Corporate Agreements: A New Development in Russian Legislation// Business and Law. 2015. No. 5. pp. 1-23.

[3] Varyushin M.S. Civil Law Regulation of Corporate Agreements: A Comparative Analysis: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2016. 202 p.

[4] Zharikova M.N. Application of General Provisions of the Civil Code on Obligations to Relations Arising between the Parties to a Corporate Agreement. Abstract of Candidate of Law's Dissertation. Moscow, 2021. 22 p.

[5] Karzhavina N.S. Legal Nature of an Intra-Corporate Agreement. Abstract of a Candidate of Law's Dissertation. … PhD in Law. Moscow, 2009. 161 p.

[6] Lomakin D.V. Commercial Corporations as Subjects of Corporate Legal Relations: A Tutorial. Moscow: Statut, 2020. 85 p.

[7] Lomakin D.V. Corporate Legal Relations: General Theory and Practice of Its Application in Business Entities. Moscow: Statut, 2008. 350 p.

[8] Lomakin D.V. Corporate Legal Relations: Theory and Practice of Its Application in Business Entities. Preface. Moscow: Statut, 2020. 160 p.

[9] Magdanov P.V. History of the Emergence of Corporations before the Beginning of the 20th Century // Ars Administrandi. 2012. No. 4. pp. 15-32.

[10] Nekhay S.B. The Origins of the Formation of Corporate Law in Western Europe// Society and Law. 2012. No. 5 (42). P. 73-77.

[11] Pokrovsky I.A. History of Roman Law. St. Petersburg: Publishing and Trading House "Summer Garden", Magazine "Neva", 1999. 532 p.

[12] Sukhanov, E.A. Comparative Corporate Law / E.A. Sukhanov. - Moscow: Statut, 2014. - 456 p.

[13] Shabunova I.N. Corporate Relations as a Subject of Civil Law // Journal of Russian Law. 2004. No. 2. P. 40-49.

[14] Boubaker S. Ownership-control discrepancy and firm value: Evidence from France // Multinational Finance Journal. 2007. No. 11 (3/4). P. 211-252.

[15] Civil Code of the Russian Federation. Part 1. Federal Law of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 31, 2025 No. 315-FZ) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mmr1bhj43v759179132 (accessed: March 4, 2026).

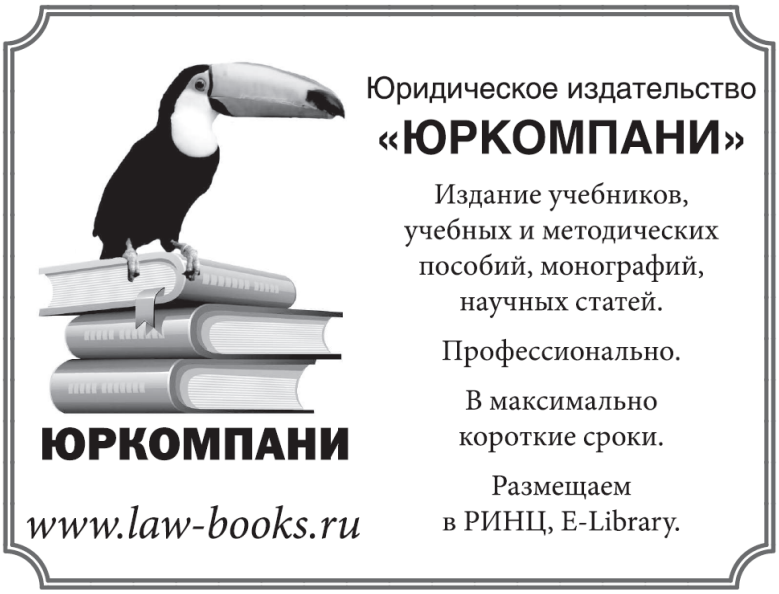
[16] Explanatory Dictionary of Foreign Words Online // URL: https://foreign.slovaronline.com/ (accessed: March 4, 2026).

[17] Civil Code of the Russian Federation. Part 1. Federal Law of the Russian Federation No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended by Federal Law of the Russian Federation No. 315-FZ of July 31, 2025) // SPS “Consultant Plus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/?ysclid=mmr1dvol1v641954920 (accessed: March 4, 2026).

[18] Civil Code of the Russian Federation. Part 3. Federal Law of the Russian Federation of November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/?ysclid=mmr1eu2oyu483786616 (accessed: 04.03.2026).

[19] Federal Law of the Russian Federation of 08.02.1998 No. 14-FZ (as amended by Federal Law of the Russian Federation of 28.12.2025 No. 514-FZ) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/?ysclid=mmr1ffweb9729279808 (accessed: 04.03.2026).

[20] Federal Law of the Russian Federation of 26.12.1995 No. 208-FZ (as amended by Federal Law of the Russian Federation of 31.07.2025 No. 312-FZ) // SPS “ConsultantPlus”. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/?ysclid=mmr1fyuaf6214827734 (date of access: 04.03.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-372-378

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений и права
ФГБОУ ВО Национальный Исследовательский Университет «МЭИ»,
профессор кафедры частного права
ФГБОУ ВО Государственный университет управления,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы», г. Москва, Россия,
e-mail: L_a_buka@mail.ru

ОСТРОУШКО Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного и публичного права
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Россия,
e-mail: avostroushko@fa.ru

ВАСИЛЬЕВ Илья Алексеевич,
студент ФГБОУ ВО
Государственный университет управления,
e-mail: info@law-books.ru

ПОНЯТИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *Классификация социально-ориентированных некоммерческих организаций является одним неразрешенных вопросов современной правовой науки. Сложность данной проблемы обусловлена тем, что сложились неоднозначные подходы к определению социально-ориентированных некоммерческих организаций и выявлению их сущности. С применением общих и частнонаучных методов исследования, принятых в правоведении исследованы текущие тенденции, определяющие критерии, которые могут быть использованы при классификации некоммерческих организаций. Авторами поддерживается точка зрения, что понимание сущности социально-ориентированных некоммерческих организаций является основополагающим основанием для их классификации.*

Ключевые слова: *гражданское законодательство, некоммерческие организации, квалификация, социально-ориентированнык, признаки, совершенствование.*

BUKALEROVA Lyudmila Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor,
Professor in the Department of International Relations and Law
National Research University “MPEI”,
Professor in the Department of Private Law
State University of Management, Professor in the Department
of Public and Municipal Administration
Peoples’ Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

OSTROUSHKO Alexander Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of International and Public Law
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia

VASILIEV Ilya Alekseevich,
Student at the State University of Management

CONCEPT AND CLASSIFICATION OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Annotation. *The classification of socially oriented non-profit organizations is an unresolved issue in modern legal scholarship. The complexity of this problem stems from the divergent approaches to defining socially oriented non-profit organizations and identifying their essence. Using general and specific research methods accepted in legal studies, this article examines current trends that define criteria that can be used to classify non-profit organizations. The authors support the view that understanding the essence of socially oriented non-profit organizations is a fundamental basis for their classification.*

Key words: *civil law, non-profit organizations, qualifications, socially oriented, characteristics, improvement.*

Президент Российской Федерации В.В. Путин указал, что некоммерческие организации сегодня являются незаменимыми участниками социальной политики России [6]. Общественным институтам государство предоставляет достаточно широкие возможности для участия в решении важнейших национальных задач, некоммерческие объединения получают реальные механизмы, позволяющим внести свой вклад в достижение стратегических целей развития России.

В п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, указано, что Правительство Российской Федерации «обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды». Деятельность СОНКО напрямую нацелена на деятельность именно в этих сферах, что одобряется обществом и всячески поддерживается руководством страны. Политический курс на поддержку социально ориентированных НКО закреплён в последние годы принятием ряда законов, которые упрощают их работу и дают доступ к господдержке.

Т.В. Сойфер права, что «социальные проблемы российского общества обусловливают объективную необходимость обращения государства к потенциалу СОНКО, которые способны оперативно реализовывать поставленные задачи, используя актуальные практики, в том числе позволяющие увеличивать численность привлекаемых к их решению добровольцев» [8].

Сектор социально-ориентированных некоммерческих организаций в России играет важную роль в решении реальных проблем и поддержке населения. В последние годы некоммерческие организации (НКО) активно работают над повышением своей репутации и открытостью. Это позволяет им эффективнее взаимодействовать с обществом и реализовывать полезные инициативы и проекты [5].

На 01 марта 2026 года в Реестре социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированном в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. N 1290 зарегистрировано 51474 СОНКО [7].

Учитывая важность и значимость СОНКО 19 июня 2019 г. Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Т. Голиковой утвержден План мероприятий по популяризации добровольчества, деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) и благотворительности (№ 5377п-П44). В нем, в частности предусмотрен план мероприятий по: формированию контента о добровольчестве, деятельности СОНКО и благотворительности; повышение прозрачности деятельности СОНКО, в том числе благотворительных, и добровольческих объединений, развитие их потенциала по взаимодействию со СМИ; оказанию государственной информационной поддержки СОНКО, в том числе благотворительным, и волонтерским объединениям; содействию созданию и бесплатному (льготному) размещению социальной рекламы, созданной СОНКО и волонтерскими объединениями.

Практика демонстрирует, что СО НКО часто эффективнее реализует социальную политику, чем чиновники, поэтому власть заинтересована в его росте. Главное конкурентное преимущество – адресность помощи.

Государство в силу масштаба ориентируется на усредненный запрос, тогда как НКО способны гибко удовлетворять нужды даже малых групп и производить разнообразные блага. В отличие от бюджетных учреждений, некоммерческие структуры вправе привлекать капитал из бизнеса и от частных лиц для решения общественно полезных задач [3].

Для понимания сущности социально-ориентированных некоммерческих организаций необходимо рассмотреть различные подходы к определению данного понятия. Согласно Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», социально ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных настоящим Федеральным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации.

И.В. Мерсиянова и Л.И. Якобсон трактуют социально-ориентированные НКО в качестве структур, занимающихся деятельностью на благо общества. Их работа нацелена на преодоление социальных трудностей и покрытие запросов граждан на социальные сервисы [4].

Е.Е. Богданова полагает, что СОНКО выступают формой воплощения общественной активности, ориентированной на поддержку и защиту населения, утверждение ценности семьи, охрану материнства и детства, благотворительность, а также помощь в духовном росте личности [1].

Е.И. Холостова интерпретирует такие организации как автономные объединения граждан, сформированные по принципу общих интересов для достижения значимых для общества целей без получения дохода. Их главная функция – предоставление социальных услуг и помощь в урегулировании общественных проблем. Эта концепция выделяет добровольность и самостоятельность управления в качестве фундаментальных свойств СОНКО [11].

В понимании М.В. Певной, данные организации представляют собой институты гражданского общества [9]. Они работают на благо отдельных социальных категорий или всего социума, осуществляя проекты по решению социальных задач. Их деятельность не имеет коммерческой подоплеки и базируется на началах добровольности, самоуправления и автономности от государственных органов.

Классификация социально-ориентированных некоммерческих организаций является важным инструментом для понимания их многообразия и специфики функционирования. Различные авторы предлагают собственные подходы к классификации СОНКО, основанные на различных критериях.

Согласно законодательной классификации, представленной в статье 31.1 Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», к социально ориентированным некоммерческим организациям относятся организации, осуществляющие следующие виды деятельности: социальная поддержка и защита граждан; подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий; охрана окружающей среды и защита животных; охрана и содержание объектов, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение; оказание юридической помощи на безвозмездной или льготной основе; профилактика социально опасных форм поведения граждан; благотворительная деятельность; деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения.

СОНКО являются некоммерческие организации, которые созданы в формах, предусмотренных Федеральным законом № 7-ФЗ: общественные и религиозные организации (объединения) (кроме политических партий) - добровольные объединения граждан, в установленном законом порядке объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей (за исключением политических партий); общины коренных малочисленных народов Российской Федерации - формы самоорганизации лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Российской Федерации и объединяемых по кровнородственному (семья, род) и (или) территориально-соседскому принципам, в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности, промыслов и культуры; казачьи общества - формы самоорганизации граждан Российской Федерации, объединившихся на основе общности интересов в целях возрождения российского казачества, защиты его прав, сохранения традиционных образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества; некоммерческие партнерства - основанные на членстве некоммерческие организации, учрежденные гражданами и (или) юридическими лицами для содействия их членам в осуществлении деятельности, направленной на достижение социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, для охраны здоровья

граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ; частные учреждения - некоммерческие организации, созданные собственником (гражданином или юридическим лицом) для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера; автономные некоммерческие организации - не имеющие членства некоммерческие организации, созданные в целях предоставления услуг в сфере образования, здравоохранения, культуры, науки, права, физической культуры и спорта и иных сферах; фонды - не имеющие членства некоммерческие организации, учрежденные гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов, преследующие социальные, благотворительные, культурные, образовательные или иные общественно полезные цели; ассоциации (союзы) - некоммерческие организации, создаваемые путем объединения юридических лиц или граждан в целях представления и защиты общих, в том числе профессиональных, интересов, для достижения общественно полезных, а также иных не противоречащих федеральным законам и имеющим некоммерческий характер целей, как указано в Приказе Росстата от 19.12.2019 № 781 «Об утверждении Официальной статистической методологии организации статистического наблюдения за деятельностью социально ориентированных некоммерческих организаций».

Классификация по организационно-правовым формам предполагает разделение СОНКО на следующие типы: общественные организации, общественные движения, общественные фонды, общественные учреждения, органы общественной самодеятельности, некоммерческие партнерства, учреждения, автономные некоммерческие организации, социальные и благотворительные фонды, ассоциации и союзы.

В научной литературе выделяется классификация СОНКО по сферам деятельности. Данная классификация включает следующие направления: организации социальной защиты и поддержки населения; организации в сфере образования и науки; организации в области культуры и искусства; организации в сфере здравоохранения и пропаганды здорового образа жизни; экологические организации; правозащитные организации; организации в области развития физической культуры и спорта; благотворительные организации [9].

Следующей классификацией СОНКО можно признать их виды в зависимости от источника формирования имущества в денежной и иных формах, которыми могут быть: регулярные и единовременные поступления от учредителей (участников, членов); добровольные имущественные взносы и пожертвования; выручка от реализации товаров, работ, услуг; дивиденды (доходы, проценты), получаемые по акциям, облигациям, другим ценным бумагам и вкладам; доходы, получаемые от собственности некоммерческой организации; поступления денежных средств, предусмотренных частью 4.3 статьи 12 Федерального закона от 24.07.2008 N 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства»; другие не запрещенные законом поступления как указано в Методических рекомендациях по учету особенностей социально ориентированных некоммерческих организаций при предоставлении им кредитов, утвержденных Банком России 25.04.2022 № 6-МР.

Такая классификация позволяет систематизировать деятельность СОНКО и определить приоритетные направления развития некоммерческого сектора.

Классификация по территориальному признаку предусматривает деление СОНКО на местные, региональные, межрегиональные, общероссийские и международные организации.

По степени участия государства СОНКО классифицируются на государственные, смешанные и негосударственные организации [10]. Государственные организации создаются органами государственной власти и финансируются преимущественно из бюджетных источников. Смешанные организации функционируют при частичном участии государства в их создании или финансировании [2].

По масштабу деятельности СОНКО классифицируются на крупные, средние и малые организации. Крупные организации характеризуются численностью работников свыше 100 человек, значительным бюджетом и реализацией масштабных проектов. Средние организации имеют численность от 15 до 100 человек и реализуют проекты регионального уровня. Малые организации насчитывают менее 15 работников и осуществляют деятельность преимущественно на местном уровне.

В соответствии с положениями Постановления Правительства РФ от 30.07.2021 № 1290 «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций» считаем возможным выделить следующую классификацию некоммерческих организаций, которые соответствуют одному из следующих критериев и включены на этом осно-

вании в реестр: являются получателями грантов Президента Российской Федерации, предоставленных организациями, уполномоченными на предоставление грантов Президента Российской Федерации; являются получателями субсидий или грантов, предоставляемых федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами публичной власти федеральной территории, органами местного самоуправления или некоммерческими организациями, которым предоставлены гранты Президента Российской Федерации в целях софинансирования расходов на оказание на конкурсной основе поддержки некоммерческим организациям в субъектах Российской Федерации; являются исполнителями общественно полезных услуг; являются поставщиками социальных услуг; являются частными образовательными организациями, осуществляющими на основании лицензии образовательную деятельность в качестве основного вида деятельности в соответствии с целями, ради достижения которых такие организации созданы; являются благотворительными организациями, зарегистрированными в установленном законодательством Российской Федерации порядке, и представили в Министерство юстиции Российской Федерации отчет в соответствии со статьей 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях» за год, предшествующий дате включения в реестр; являются получателями имущественной поддержки в виде предоставления нежилых помещений во владение и (или) пользование федеральными органами исполнительной власти, исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами публичной власти федеральной территории или органами местного самоуправления.

Следующая классификация, на наш взгляд, может основываться на видах оказываемых НКО услуг, установленных Постановлением Правительства РФ от 26.01.2017 № 89 «О реестре некоммерческих организаций - исполнителей общественно полезных услуг»: предоставление социального обслуживания в форме на дому; предоставление социального обслуживания в стационарной форме; предоставление социального обслуживания в полустационарной форме; социально-трудовые услуги, направленные на оказание содействия в вопросах трудоустройства и в решении вопросов, связанных с трудовой адаптацией молодежи, матерей с детьми, инвалидов, граждан пожилого возраста, лиц, освободившихся из мест лишения свободы; услуги, предусматривающие реабилитацию и социальную адаптацию инвалидов, социальное сопровождение семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья; услуги по оказанию социальной помощи детям, инвалидам, гражданам пожилого возраста, лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, в том числе пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам, а также по их социальному сопровождению; участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; услуги по профилактике социального сиротства, включая психолого-педагогическое и социальное сопровождение семей для предотвращения отказа от новорожденного ребенка, сокращения случаев лишения родительских прав в части консультативной, психологической, педагогической, юридической, социальной и иной помощи родителям детей и профилактики отказа родителей от воспитания своих детей, ограничения их в родительских правах, лишения их родительских прав, а также в целях обеспечения возможности восстановления родителей в родительских правах или отмены ограничения родительских прав; услуги, направленные на социальную адаптацию и семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей; оказание помощи семье в воспитании детей; услуги по организации отдыха и оздоровления детей, в том числе детей с ограниченными возможностями здоровья и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе организация деятельности специализированных (профильных) лагерей; услуги в сфере дошкольного и общего образования, дополнительного образования детей; услуги по психолого-педагогическому консультированию, медицинской и социальной помощи обучающимся, испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации; услуги в сфере дополнительного образования граждан пожилого возраста и инвалидов, в том числе услуги обучения навыкам компьютерной грамотности; услуги в сфере дополнительного образования сотрудников и добровольцев социально ориентированных некоммерческих организаций (в том числе проведение консультативных и просветительских мероприятий), направленного на повышение качества предоставления услуг такими организациями; услуги по профилактике социально значимых заболеваний, курения, алкоголизма, наркомании, включая просвещение и информирование граждан о факторах риска для их здоровья, формирование мотивации к ведению здорового образа жизни; услуги, предусматривающие медико-социальное сопровождение лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, и лиц,

нуждающихся в медицинской паллиативной помощи, включая организацию оказания медицинской паллиативной помощи и содействие в ее получении; услуги, направленные на медико-социальную реабилитацию лиц с алкогольной, наркотической или иной токсической зависимостью; услуги в области физической культуры и массового спорта; услуги по сбору, обобщению и анализу информации о качестве оказания услуг организациями культуры, социального обслуживания, медицинскими организациями и организациями, осуществляющими образовательную деятельность, осуществляемые организацией-оператором в соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» в части популяризации системы независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования и возможности участия в ней потребителей услуг, вовлечение граждан в независимую оценку; деятельность по оказанию услуг, направленных на развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защиту самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации, социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов.

Подводя итог, можно сказать, что понимание сущности СОНКО, их классификация по различным критериям позволяют обеспечить их эффективное функционирование и развитие.

Социально значимые НКО выступают ключевым звеном в поддержке граждан и решении насущных вопросов. Запас прочности у этого направления для улучшения жизни в стране и диалога с обществом колоссален. Вместе с тем, ради наивысшей отдачи, критически важно непрерывно оптимизировать среду функционирования и механизмы содействия данному сектору.

Список источников:

[1] Богданова Е.Е. Социально ориентированные некоммерческие организации: некоторые особенности правового положения / Е.Е. Богданова, Т.В. Сойфер // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2025. – № 4(70). – С. 549–579.

[2] Гранцева Т.Г. Некоммерческие организации в современных условиях правового и налогового регулирования // Экономика и управление: проблемы и решения. – 2020. – Т. 3. № 3. – С. 11 - 15.

[3] Долинская В.В. Социально ориентированные НКО: проблемы законодательного оформления и правоприменения // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 5. – С. 3 - 13.

[4] Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Негосударственные некоммерческие организации: институциональная среда и эффективность деятельности / И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон. М.: ГУ ВШЭ, 2007. – С. 34.

[5] Переверзева Е.С. Ведение реестра социально ориентированных некоммерческих организаций как дополнительная мера поддержки некоммерческих организаций в Российской Федерации / Е.С. Переверзева // Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 04 апреля 2025 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. – С. 243-247.

[6] Путин назвал НКО незаменимыми участниками социальной политики // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20251031/putin-2052058464.html?in=t. (дата обращения: 15.02.2026).

[7] Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290 // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/all?ysclid=mm4m5kwj79668701963. (дата обращения: 15.02.2026).

[8] Сойфер Т.В. Социально ориентированные некоммерческие организации: проблемы правового регулирования // Гражданское право. 2023. № 5. С. 22 - 26.

[9] Участие социально ориентированных некоммерческих организаций в оказании социальных услуг в сфере культуры. Хрестоматия / Сост., общ.ред. Коротеева О.В., Ветров Г.Ю., Магомадов З.И. – М.: ИП Лядов К.В., 2017. – 136 с.

[10] Халилова Р.М. Правовой статус некоммерческих организаций. Учебное пособие (Курс лекций) для направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиль «Гражданское право» / Р.М. Халилова. Махачкала: ДГУНХ, 2019. – 79 с.

[11] Холостова Е.И. Социально ориентированные некоммерческие организации: Учебное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. - 181 с.

References:

[1] Bogdanova E.E. Socially oriented non-profit organizations: some features of the legal status / E.E. Bogdanova, T.V. Soyfer // Bulletin of Perm University. Legal sciences. - 2025. - No. 4 (70). - P. 549-579.

[2] Grantseva T.G. Non-profit organizations in modern conditions of legal and tax regulation // Economy and management: problems and solutions. - 2020. - Vol. 3. No. 3. - P. 11-15.

[3] Dolinskaya V.V. Socially oriented NPOs: problems of legislative registration and law enforcement // Laws of Russia: experience, analysis, practice. - 2020. - No. 5. - P. 3-13.

[4] Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. Non-governmental non-profit organizations: institutional environment and performance efficiency / I.V. Mersiyanova, L.I. Yakobson. Moscow: HSE University, 2007. – P. 34.

[5] Pereverzeva E.S. Maintaining a register of socially oriented non-profit organizations as an additional measure of support for non-profit organizations in the Russian Federation / E.S. Pereverzeva // Economic security of the individual, society, and state: problems and ways of ensuring: Materials of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, April 4, 2025. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. – P. 243-247.

[6] Putin called NGOs indispensable participants in social policy // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20251031/putin-2052058464.html?in=t. (Accessed: 15.02.2026).

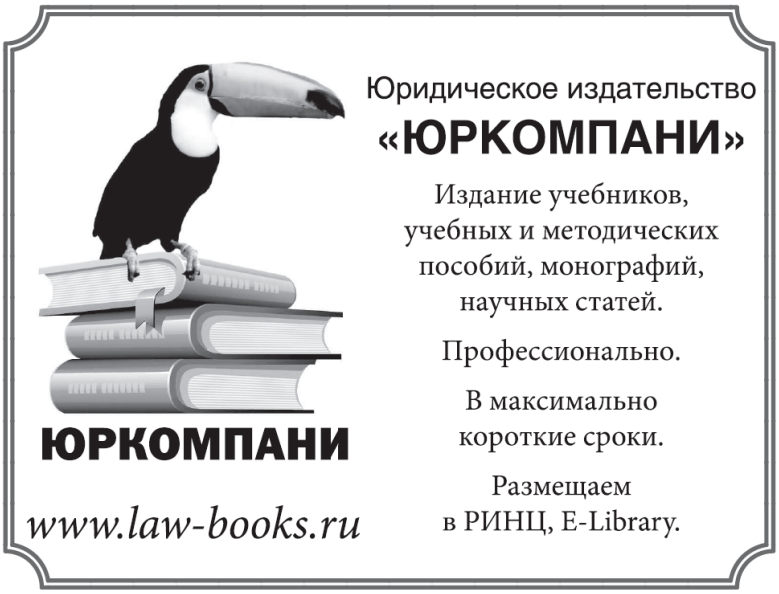
[7] Register of socially oriented non-profit organizations, formed in accordance with the Decree of the Government of the Russian Federation of July 30, 2021 No. 1290 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. URL: https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/all?ysclid=mm4m5kwj79668701963. (Accessed: 15.02.2026).

[8] Soyfer T.V. Socially oriented non-profit organizations: problems of legal regulation // Civil Law. 2023. No. 5. pp. 22-26.

[9] Participation of socially oriented non-profit organizations in the provision of social services in the field of culture. Reader / Comp., general editor. Koroteeva O.V., Vetrov G.Yu., Magomadov Z.I. – M.: IP Lyadov K.V., 2017. – 136 p.

[10] Khalilova R.M. Legal status of non-profit organizations. Study guide (lecture course) for the training program 40.03.01 Jurisprudence, profile “Civil Law” / R.M. Khalilova. Makhachkala: DSUNH, 2019. – 79 p.

[11] Kholostova E.I. Socially oriented non-profit organizations: Study guide. – M.: Publishing and trading corporation “Dashkov i K°”, 2017. - 181 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-379-386

БИКБУЛАТОВ Р.Х.,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права
Юридического института РУДН им. Патриса Лумумбы,
ORCID iD: 0009-0002-3737-0198,
e-mail: info@law-books.ru

К ВОПРОСУ О ПРЯМЫХ И КОСВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ ПРИ СУБОРДИНАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ

Аннотация. *В статье анализируются подходы судов к доказательственной деятельности участвующих в деле о банкротстве должника лиц по заявлениям о включении в реестр требований, по которым применяется механизм субординации (понижения очередности удовлетворения) требований кредиторов. Анализируются судебные акты по делам о банкротстве с точки зрения теоретической классификации доказательств на прямые косвенные доказательства, дается характеристика переносу бремени доказывания судами при рассмотрении обоснованности заявлений о включении в реестр требований кредиторов.*

Ключевые слова: *дело о банкротстве, субординация, реестр требований кредиторов, прямые и косвенные доказательства, бремя доказывания, перенос бремени доказывания.*

BIKBULATOV R.Kh.,
Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure
and International Private Law
at the Patrice Lumumba Law Institute of RUDN University,
ORCID ID: 0009-0002-3737-0198

ON THE QUESTION OF DIRECT AND INDIRECT EVIDENCE IN THE SUBORDINATION OF CREDITORS' CLAIMS

Annotation. *The article analyzes the approaches of courts to the evidentiary activities of persons involved in the debtor's bankruptcy case on applications for inclusion in the register of claims for which the mechanism of subordination (lowering the priority of satisfaction) of creditors' claims is applied. Judicial acts on bankruptcy cases are analyzed from the point of view of the theoretical classification of evidence into direct indirect evidence, and a description is given of the transfer of the burden of proof by the courts when considering the validity of applications for inclusion in the register of creditors' claims.*

Key words: *bankruptcy case, subordination, register of creditors' claims, direct and indirect evidence, burden of proof, shifting the burden of proof.*

Вопрос субординации требований кредиторов в делах о банкротстве должника по праву считается магистральным [1] для современной российской юридической науки и правоприменения.

Правоведы, определяя дефиницию «субординации требований кредиторов» сходятся во мнении, что под ним следует понимать ситуации, при которых требования отдельного кредитора (контролирующего должника или аффилированного с ним) понижаются в очередности удовлетворения относительно независимых кредиторов [2; 3].

Однако суды при применении механизма субординации требований кредиторов ввиду отсутствия законодательного регулирования в данной части ссылаются на правовые подходы, изложенные в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января

2020 г.), пункт 5 которого предусматривает возможность отказа в удовлетворении заявления о включении в реестр требований аффилированного с должником лица. В данном пункте описывается случаи внутригруппового перераспределения полученных должником по кредитному договору от банка денежных средств, долг по которому был погашен поручителем, входящим в одну группу с должником.

Таким образом, правоприменительная практика определяет субординацию шире, относя к ней как случаи понижения в очередности удовлетворения требований, так и отказа во включении в реестр требований вовсе.

Сам институт субординации требований кредиторов не является отечественной разработкой и был заимствован из зарубежных правопорядков. Так, судебной практике Германии данный институт известен с 20-х годов прошлого века, когда Имперский суд рассмотрел дело о включении в реестр требований участника Общества, которому до этого предоставил несколько займов [4]. Суд усмотрел в действиях участника Общества злоупотребление правом и указал, что имущество юридического лица в ситуации банкротства предназначено для удовлетворения требований кредиторов, а не обращения в пользу его участников.

Вместе с тем, нельзя констатировать, что в отечественном законодательстве отсутствуют предпосылки для возникновения и развития института субординации требований кредиторов.

Так, абзац 8 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не относит к числу конкурсных кредиторов требования учредителей (участников) должника по обязательствам, вытекающим из такого участия. Анализ судебной практики и правовых подходов, заложенных в упомянутом выше Обзоре судебной практики дает основания полагать, что правовым базисом для формирования правового явления субординации требований кредиторов является именно корпоративная природа таких требований в целом, и попытки аффилированных кредиторов по докапитализации находящегося в кризисном состоянии зависимого лица, в частности. При этом, нередко суды ссылаются на то, что ожидаемым стандартом поведения добросовестного участника являлось бы увеличение уставного капитала, а гражданско-правовые сделки между должником и аффилированным к нему кредитором признают притворными [5; 6; 7].

Между тем, недостаточно раскрытыми остаются вопросы доказывания при применении института субординации требований кредиторов.

Так, исследователи обращают внимание, что для аффилированных к должнику кредиторов применяется повышенный стандарт доказывания [2; 8], такие кредиторы должны доказать наличие имущественных требований к должнику «вне разумных сомнений» [9]. Суды в своих актах, посвященных рассмотрению заявлений о включении в реестр требований кредиторов указывают, что на аффилированном к должнику кредиторе лежит обязанность представить «ясные и убедительные доказательства» [10].

Между тем, такие требования судов кажутся не вписывающимися в традиционную отечественную модель доказательственного права, выделяющему 4 свойства доказательств по гражданскому делу: относимость, допустимость, достоверность и достаточность (ст. 67, 67 АПК РФ, ч. 2 ст. 71 АПК РФ). Требования ясности, убедительности доказательств в настоящее время не определены законодательством и им не дана научно корректная формулировка. Стандарты доказывания изучаются российскими юристами, однако говорить о единодушии в позиции относительно принятия данного явления отечественным правопорядком не приходится [4].

Определяя специфику доказывания по заявлениям о включении в реестр требований кредиторов, необходимо отметить следующее. Процедура доказывания по заявлениям о включении в реестр требований кредиторов мало чем отличается от доказывания по искам о присуждении. Кредитору необходимо доказать наличие и действительность материально-правового (денежного) требования к должнику, размер этого требования и наступление срока исполнения. Специфика, обусловленная законодательством о банкротстве, предполагает включение в предмет доказывания также установление факта того, что требования кредитора к должнику возникли до даты принятия заявления о признании должника банкротом (п. 1 ст. 5 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

При этом, установленное ч. 1 ст. 65 АПК РФ правило об обязанности доказывания каждым лицом, участвующим в деле, тех обстоятельств, на которые оно ссылается как на основание своих требований или возражений, в полной мере применимо к рассмотрению заявлений о включении в реестр требований должника. К доказательствам, представляемым кредитором в качестве подтверждающих основания заявленных требований к должнику, предъявляются также требования относимости, достаточности, допустимости и достоверности. Последнее требование в контексте логики доказательственного права означает соответствие фактическим обстоятельствам дела сведений, указанных в тех или иных средствах доказывания.

Однако помимо традиционной законодательной классификации доказательств, данной в гл. 7 АПК РФ, выделяющей в качестве источников получения доказательственной информации (средств доказывания) письменные, вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключение эксперта, консультации специалиста, показания свидетелей, иные документы и материалы, теории гражданского процесса известно разделение доказательств на прямые и косвенные.

П.Н. Сафоненков определяя понятие прямых и косвенных доказательств, указывает, что «деление доказательств на прямые и косвенные основано на том, что прямые содержат сведения об обстоятельствах, составляющих предмет доказывания, косвенные – о так называемых доказательственных, промежуточных, вспомогательных фактах, не относящихся к предмету доказывания» [11].

Разделяет эту точку зрения А.И. Бычков, указывая, что косвенные доказательства устанавливают юридически значимое обстоятельство через промежуточный факт [12].

Трудно согласиться с приведенными мнениями, поскольку при отсутствии общепризнанного понятия промежуточного факта говорить о его процессуальной ценности для доказывания обстоятельств, имеющих юридическое значение не приходится. Тем более, мыслимы ситуации, при которых косвенные доказательства в своей совокупности могут подтвердить искомый факт. Так, несложно себе представить ситуацию, при которой, к примеру, факт повреждения имущества, находящегося в помещении, может быть доказан самим фактом наличия повреждений на имуществе и нахождении ответчика в указанном помещении без посторонних лиц в условиях отсутствия видеозаписей, показаний свидетелей, которые бы могли прямо и недвусмысленно подтвердить указанный факт. Либо факт выдачи займа может быть подтверждён снятием с банковского счета займодавца суммы, соответствующей по размеру сумме займа и зачислению той же суммы наличных на счет заемщика в условиях отсутствия расписки.

Более удачным представляется определение прямых и косвенных доказательств, данное С.В. Курылевым [13]. Теория, разработанная С.В. Курылевым, делала акцент на наличии однозначных и многозначных связей между доказательством и искомым фактом. Однозначная связь, писал ученый, возможна тогда, когда между логическим доказательством и искомым фактом может быть только одна возможная связь (временная, причинно-следственная пространственная или иная). Так, например, отсечение головы от тела человека единственно возможно свидетельствует о его смерти, т.е. для доказывания факта смерти факт отсечения головы является прямым доказательством. Говорить о косвенном доказательстве можно тогда, когда существуют логические связи между известным фактом и неизвестным фактом (искомым фактом, входящим в предмет доказывания), но кроме того, известный факт с той же вероятностью указывает на иные факты, отличные от искомого. Так, например, тот же самый факт отсечения головы от тела человека может свидетельствовать как о несчастном случае, так и умышленном убийстве, так и причинении смерти по неосторожности. Только путем исключения всех иных связей между косвенным доказательством и всеми возможными вариациями выводов из него, помимо искомого факта, либо подтверждения связи косвенного доказательства и искового факта еще одним доказательством возможно использование косвенного доказательства. Так, например, в приведенном примере, исключение возможности несчастного случая и исключение возможности причинения смерти по неосторожности, отсеченная голова будет свидетельствовать об умышленном убийстве.

Попробуем преломить эту логику применительно к рассмотрению обособленных споров в делах о банкротстве о включении требований в реестр должника, в которых применяется субординация требований кредиторов.

Как известно, п. 6, 7 ст. 16 Закона о банкротстве устанавливают, что требования кредиторов включаются в реестр требований кредиторов на основании вступивших в силу судебных актов, устанавливающих их состав и размер, а в реестре указываются сведения о каждом кредиторе, о размере его требований к должнику, об очередности удовлетворения каждого требования кредитора, а также основания возникновения требований кредиторов.

Таким образом, порядок рассмотрения арбитражным судом обоснованности заявления о включении в реестр требований кредиторов не отличим от ординарного искового производства по искам о присуждении, определяемым с учетом предмета иска. Предмет доказывания по таким заявлениям составляют факты наличия задолженности, надлежащее основание (сделка, положения закона и т.п.), их действительность и заключенность (в случае, если основанием для заявления требований является сделка), наступления срока исполнения обязательства.

Не вызывает сомнений факт того, что указанные элементы предмета доказывания должны быть установлены прямыми доказательствами или совокупностью косвенных доказательств, достоверно подтверждающих наличие искомых

фактов. Так, по требованиям, основанным на договоре купли-продажи, например, такими доказательствами будут являться сам текст договора, подписанный обеими сторонами, товарная накладная, подтверждающая передачу товара от кредитора должнику и факт отсутствия оплаты. Текст договора подтвердит в данном случае действительность и факт заключения договора, наличие обязанности оплатить товар; товарная накладная (иной передаточный документ) будет подтверждать факт исполнения обязательства со стороны продавца (кредитора).

Так, включая в третью очередь реестра требований кредиторов ООО «Объединение АгроЭлита» требование кредитора ООО «Ветекс», вытекающее из договора поставки кормовых и ветеринарных препаратов, Арбитражный суд Красноярского края по делу № А33-36190/2023 сослался на договор поставки, его пункты, регламентирующие предмет договора, порядок оплаты и момент исполнения обязательства продавцом, а также на универсальные передаточные документы, подтверждающие фактическое исполнение продавцом обязанности передать товар, а со стороны покупателя – по его приемке [14]. Вместе с тем, стоит отметить, что в данном случае суд также сослался на решение Арбитражного суда г. Москвы, принятого между теми же сторонами в ординарном исковом процессе, по результатам которого с ответчика в пользу истца взысканы денежные средства в размере, соответствующем размеру заявляемых в реестр требований. С учетом положений ч. 2 ст. 69 АПК РФ допустимо было бы обосновать определение о включении в реестр требований ссылкой на состоявшееся решение другого арбитражного суда по спору между теми же сторонами, однако не будет являться ошибкой перепроверка судом обоснованности заявленных требований по существу, тем более с учетом положений п. 2 ст. 7, п. 2 ст. 39 Закона о банкротстве, согласно которым вступившее в законную силу решение суда о взыскании с должника в пользу кредитора денежных средств требуется только при подаче заявления о признании должника банкротом, для заявления о включении в реестр требований кредиторов такого акта не требуется.

Очевидно, что перечисленные в упомянутом определении арбитражного суда доказательства однозначно связаны с искомыми по делу фактами – фактом заключения между сторонами договора (возникновения обязательства из обязательственного правоотношения), фактом поставки товара в соответствии с условиями договора и принятия его покупателем (должником) и фактом отсутствия оплаты в договорных ценах.

Иначе обстоит дело с выполнением бремени доказывания для независимых кредиторов или арбитражного управляющего при заявлении доводов о некорпоративной (капиталозамещающей) природе отношений между заявляющим кредитором и должником, и необходимостью применения в связи с этим механизма субординации требований кредиторов.

Как известно, доктрина субординации требований кредиторов в отечественном правопорядке основана на понятии конкурсного кредитора, данном ст. 2 Закона о банкротстве, которая не относит к числу таких кредиторов учредителей (участников) должника по требованиям, вытекающим из такого участия. Такие лица в соответствии со ст. 148 Закона о банкротстве получают непроданное на торгах имущество должника, от которого отказались кредиторы, либо имущество, оставшееся после расчетов с кредиторами, что сложно себе представить с учетом оснований для возбуждения дела о банкротстве, главным образом, заключающееся в его недостаточности для расчетов с кредиторами.

Общий посыл для судов в вопросе доказывания по подобной категории дел сформулирован в п. 3.4. Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г.), в котором описан случай представления независимым кредитором выписки по счету должника за период, предшествующий финансированию, оформленному договором займа, и заявлению им довода о том, что финансирование было предоставлено в ситуации имущественного кризиса. При этом, Высшая судебная инстанция указала, что предоставленное независимым кредитором доказательство было косвенным, а также заметила, что контролирующее должника лицо обладает значительно большим, по сравнению с независимым кредитором, объемом информации о структуре активов и пассивов должника, его деятельности состоянии расчетных обязательств и иных факторах. Последний довод ВС РФ, скорее всего, можно истолковать как обоснование перенесения бремени доказывания на заявляющего кредитора. Подводя итог, Верховный Суд РФ отметил, что неустраненные контролирующим лицом разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов. Верховный Суд РФ, прямо указывая на то обстоятельство, что предоставленная независимым кредитором выписка по счету является косвенным доказательством, в то же время, указал на некие неустраненные сомнения в капиталозамещающем (компенсационном) характере финансирования должника. Сам термин неустраненные

сомнения более характерен для англо-американской системы доказательственного права, которой известны, так называемые стандарты доказания, одним из которых является стандарт доказывания «вне разумных сомнений», предполагающий, что для вынесения решения по делу должны быть устранены все возникающие сомнения относительно вероятности существования искомого факта [15]. При этом, источник формирования таких разумных сомнений не обязательно связан с представленными возражающей стороной доказательств (хоть бы и косвенных), поскольку выработанные западной юриспруденцией конструкции стандартов доказывания относятся к стадии оценки доказательств [16], а следовательно, зародить сомнения в таком внутреннем логико-мыслительном процессе судьи как оценка доказательств возможно путем возражений, суть которых будет сводиться к аргументации порочности представленных противной стороной доказательств. По этой причине совместное указание в п. 3.4. Обзора косвенного доказательства и неустраненных сомнений представляется не совсем удачным.

Иначе дело обстоит с уже упомянутой выше в качестве косвенного доказательства выпиской по счету, из содержания которой следует, что финансирование было предоставлено должнику в период имущественного кризиса. Преломляя данное обстоятельство в призме рассуждений С.В. Курылева, следует следующее.

Для независимого кредитора, заявляющего о необходимости применения в отношении требований того или иного кредитора механизма субординации искомым фактом (фактом, подлежащим доказыванию) является корпоративный характер финансирования (в рассматриваемом случае – докапитализация зависимого общества с целью скрыть от внешних кредиторов ситуацию финансового кризиса с одновременным умыслом на уход от механизма увеличения уставного капитала). Упрощая эту конструкцию, можно сказать о том, что независимому кредитору необходимо доказать факт того, что заявляющий кредитор фактически пополнил оборотный капитал компании. Данный факт является неизвестным фактом в силу того, что он совершен в прошлом и судебная ситуация противоборства интересов сторон предопределяет желание второй стороны скрыть указанное обстоятельство. Само по себе представление документа, свидетельствующего о неблагоприятном финансовом состоянии должника в момент получения финансирования не позволяет однозначно утверждать о капиталозамещающей природе займа, поскольку в случае рыночных условий заёмного финансирования, определения разумного срока пользования займом и принятия займодавцем стандартных мер к истребованию задолженности будет свидетельствовать, что между сторонами сложились типичные заёмные правоотношения (см. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. N 308-ЭС17-1556 по делу N А32-19056/2014 (2). Таким образом, следует заключить, что выписка по счету о неблагоприятном финансовом состоянии должника имеет, как минимум два вероятных вывода: либо о том, что заём предоставлен с целью выхода из кризиса зависимого от займодавца должника; либо о том, что заём является типичной сделкой двух, хотя и аффилированных друг к другу, хозяйствующих субъектов. Автоматическая субординация требований контролирующих должника лиц негативно скажется на динамике экономических отношений с учетом сложившегося подхода диверсификации бизнеса. Так, только ГК «Ростех» объединяет через участие в уставном капитале более 700 предприятий оборонно-промышленного комплекса. Частный бизнес также стремится к специализации направлений бизнеса по предметному принципу (к примеру, строительные компании регистрируют проектно-изыскательские компании, подрядные организации, управляющие компании и т.п.). Очевидно, что внедрение правового механизма жесткой субординации может негативно отразиться на динамике развития рыночных отношений в текущей парадигме.

В деле № А56-104886/2022 при рассмотрении обоснованности заявления о включении в реестр требования кредитора, основанного на договоре подряда, доказательствами, представленными арбитражным управляющим, учтенных, в том числе, в качестве оснований для субординации требования кредитора, явились нетипичное поведение сторон сделки (осуществление кредитором-подрядчиком ремонта имущества должника за свой счет, хотя договором предусматривался ремонт за счет давальческого сырья, хаотичные оплаты по договорам, перенос оплат с одного договора на другой), совпадение судебных представителей кредитора и должника, что дало суду основание полагать о фактической связанности сторон сделки.

Также интерес представляет механизм переноса бремени доказывания при представлении независимым кредитором или арбитражным управляющим косвенного доказательства, подтверждающего, в том числе, вероятностную возможность корпоративности требований заявляющего кредитора.

Общее правило доказывания, сформулированное в ст. 65 АПК РФ возлагает обязанность доказывания того или иного факта на лицо, ссылающееся на данный факт в качестве основания своих требований или возражений.

И.В. Решетникова указывает, что перенос бремени доказывания является приемом процессуального выравнивания сильной и слабой сторон судопроизводства, указывая, что исключения из общего правила распределения бремени доказывания обозначены в законодательстве [8]. Обосновывая этот тезис, И.В. Решетникова указывает на сформулированное в самой ст. 65 АПК РФ правило доказывания по делам об оспаривании актов, решений органов публичной власти и ссылается на правовые презумпции и фикции как частные проявления перераспределения бремени доказывания.

Однако отдельные отступления от общего правила распределения бремени доказывания сформулированы судебной практикой.

Так, Конституционный суд РФ в Постановлении от 3 апреля 2023 г. N 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» указал, что предоставленные п.2, 3 ст. 428 ГК РФ способы защиты потребителя, заключившего договор присоединения (изменение или расторжение договора присоединения при явной обременительности его условий для присоединившейся стороны), предполагают выравнивание процессуального положения сторон посредством деятельности суда по перераспределению бремени доказывания от потребителя к продавцу [17].

Представляется, что суды, отступая от сформулированного законодателем правила «доказывает тот, кто ссылается», руководствуются принципом процессуального равноправия сторон судопроизводства, и в ситуациях, явно свидетельствующих об отсутствии у одной из тяжущихся сторон возможности получения доказательств, прибегают к именно перераспределению бремени доказывания, а не к судебному запросу как способу обеспечения получения доказательств, поскольку последствием невыполнения бремени доказывания является признание судом обстоятельств, соответственно, установленными или опровергнутыми по аналогии с положениями ч. 3 ст. 79 ГПК РФ.

Не будет ошибкой утверждать, что при рассмотрении обоснованности заявлений о включении в реестр требований кредиторов и заявлении независимым кредиторов доводов о корпоративной природе требований со ссылкой на косвенные доказательства, суд переносит на заявляющего кредитора бремя доказывания отсутствия связи этого косвенного доказательства с обстоятельствами, свидетельствующими о корпоративном характере отношений между кредитором и должником. Происходит это по причине того, что независимый кредитор априори ограничен, если не сказать, лишен возможности представления полноценных прямых доказательств, всесторонне обосновывающих заявляемые доводы по причине, обусловленной материально-правовой взаимосвязью аффилированного кредитора и должника. Последние, являясь корпоративно связанными, имеют возможность создать внешне безупречный и типично применяемый набор документов, с виду свидетельствующих о наличии ординарных обязательственных правоотношений, а документы о корпоративной связи кредитора и должника, как правило скрыты для внешних контрагентов.

Выравнивая этот «перекос», суды возлагают на заявляющего кредитора опровергнуть доводы независимого кредитора, а точнее, представленные им косвенные доказательства в контексте той их связи, которая имеет место быть с вероятной корпоративной природе взаимоотношений, а при его невыполнении делают вывод о неподтвержденности обоснованности требований о включении в реестр требований кредиторов. Представляется, что использование в судебных актах термина «неопровергнутые сомнения относительно корпоративно-правовой природы отношений» не совсем удачно, так как судебный акт не может быть основан на предположениях. Вместе с тем, не стоит полагать, что изложенная ситуация является типичной с точки зрения отсутствия законодательной основы в части презюмирования корпоративной природы заявленного требования при представлении независимым (внешним) кредитором косвенных доказательств, вероятностно свидетельствующих о том, что требование может носить корпоративный характер.

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы.

1. Заявления кредиторов о включении в реестр требований должника должны быть подтверждены прямыми доказательствами или совокупностью косвенных доказательств, очевидно подтверждающих все элементы предмета доказывания, определяемого с учетом предмета иска (материально-правового основания заявляемого требования).
2. Возражения независимого кредитора (лица, участвующего в деле о банкротстве), суть которого сводится к корпоративной природе заявленного требования, могут быть подтверждены косвенными доказательствами, одним из вероятностных связей которого может указывать на корпоративный характер требования заявляющего кредитора к должнику.
3. Представление независимым кредитором доказательств, указанных в п. 2, возлагает

на заявляющего кредитора обязанность опровергнуть наличие связей такого косвенного доказательства с фактом возможного корпоративного характера финансирования, предоставленного должнику.

4. Отсутствие у заявляющего кредитора доказательств, опровергающих наличие корпоративного характера финансирования, не означает наличия сомнений как основание для вынесения судебного акта о субординации, а свидетельствует о неисполнении бремени доказывания заявляющим кредитором по заявлению о включении в реестр требований кредиторов.

Список литературы:

[1] Титова Е.С. Формирование реестра требований кредиторов: правовые аспекты. – Москва: Издательский дом «Юр-ВАК», 2020 – 84 с.

[2] См., например, Коновалов Р.Р. Субординация требований кредиторов в деле о банкротстве, журнал «Судья», N 7, июль 2023 г.

[3] См., например, Шайдуллин А.И., диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Москва – 2022, 251 с.

[4] Уварова Ю. А. Становление и развитие института субординации требований кредиторов в Германии / Ю. А. Уварова. // Молодой ученый. — 2020. — № 18 (308). — С. 339-341.

[5] См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 июля 2025 г. N Ф07-6159/25 по делу N А56-69778/2023. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).

[6] См., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 ноября 2024 г. N Ф05-3147/22 по делу N А40-23865/2021. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).

[7] См., например, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 9 сентября 2024 г. N Ф08-7461/24 по делу N А53-5072/2022. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).

[8] Справочник по доказыванию в арбитражном процессе (коллектив авторов; под ред. проф. И.В. Решетниковой) (издание второе, перераб. и доп.). - М.: «Норма: ИНФРА-М», 2022. - 480 с.

[9] Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия. N 5 специальный выпуск. 2019. С. 40-41.

[10] Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 июля 2018 г. № 308-ЭС18-2197 по делу N А32-43610/2015; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 июня 2025 г. N Ф04-4871/21 по делу N А45-19279/2020; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12 марта 2025 г. N Ф09-8541/22 по делу N А76-25297/2021. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).

[11] Сафоненков П.Н. Экзамен на статус адвоката. Учебно-практическое пособие (в двух частях, часть вторая; издание второе, перераб. и доп.). - М.: «Деловой двор», 2022.

[12] Бычков А.И. Правила поведения и стандарты доказывания в арбитражном процессе. - М.: «Инфотропик Медиа», 2024. - 108 с.

[13] Курылев С.В. Сущность судебных доказательств // Избранные труды. Минск, 2012. С. 249-251.

[14] Определение Арбитражного суда Красноярского края от 4 декабря 2024 г. по делу N А33-36190/2023. // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).

[15] Карапетов А.Г., Косарев А.С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия. N 5 специальный выпуск 2019. С. 40-41.

[16] Пучинский В.К. Гражданский процесс зарубежных стран / под ред. В.В. Безбаха. М., 2008. 579 с.

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 3 апреля 2023 г. N 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» // СПС «Гарант». (дата обращения 17.02.2026).

References:

[1] Titova E.S. Formation of the register of creditors' claims: legal aspects. - Moscow: Publishing house "Yur-VAK", 2020 - 84 p.

[2] See, for example, Konovalov R.R. Subordination of creditors' claims in bankruptcy proceedings, journal "Sudya", No. 7, July 2023.

[3] See, for example, Shaidullin A.I., dissertation for the degree of candidate of legal sciences, Moscow - 2022, 251 p.

[4] Uvarova Yu. A. Formation and development of the institution of subordination of creditors' claims in Germany / Yu. A. Uvarova. // Young scientist. - 2020. - No. 18 (308). - P. 339-341.

[5] See, for example, Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of July 28, 2025 No. F07-6159/25 in case No. A56-69778/2023. // SPS "Garant". (date of access 02/17/2026).

[6] See, for example, Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of November 18, 2024 No. F05-3147/22 in case No. A40-23865/2021. // SPS "Garant". (date of access 02/17/2026).

[7] See, for example, Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District of September 9, 2024 No. F08-7461/24 in case No. A53-5072/2022. // SPS "Garant". (Accessed 17.02.2026).

[8] Handbook of Evidence in Arbitration Proceedings (collective authors; edited by prof. I.V. Reshetnikova) (second edition, revised and enlarged). - M.: “Norma: INFRA-M”, 2022. - 480 p.

[9] Karapetyan A.G., Kosarev A.S. Standards of Evidence: An Analytical and Empirical Study // Bulletin of Economic Justice. No. 5, special issue. 2019. pp. 40-41.

[10] Determination of the Judicial Panel for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13 July 2018 No. 308-ES18-2197 in case No. A32-43610/2015; Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated June 6, 2025 No. F04-4871/21 in case No. A45-19279/2020; Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated March 12, 2025 No. F09-8541/22 in case No. A76-25297/2021. // SPS “Garant”. (date of access 02/17/2026).

[11] Safonenkov P.N. Examination for the status of an attorney. Textbook and practical manual (in two parts, part two; second edition, revised and enlarged). - M.: “Delovoy Dvor”, 2022.

[12] Bychkov A.I. Rules of conduct and standards of evidence in arbitration proceedings. - M.: “Infotropic Media”, 2024. - 108 p.

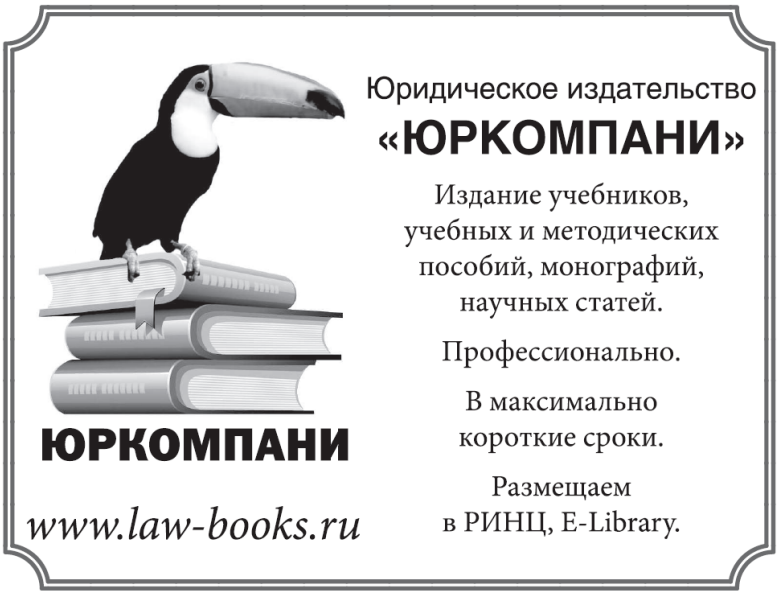
[13] Kurylev S.V. The essence of judicial evidence // Selected works. Minsk, 2012. Pp. 249-251.

[14] Determination of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai dated December 4, 2024 in case No. A33-36190/2023. // SPS “Garant”. (date of access 02/17/2026).

[15] Karapetyan A.G., Kosarev A.S. Standards of evidence: analytical and empirical study // Bulletin of Economic Justice. No. 5 special issue 2019. Pp. 40-41.

[16] Puchinsky V.K. Civil procedure of foreign countries / edited by V.V. Bezbakh. M., 2008. 579 p.

[17] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 3, 2023 No. 14-P “On the case of verifying the constitutionality of paragraphs 2 and 3 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen K.V. Matyushov” // SPS “Garant”. (date of access 02/17/2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 08.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-387-392

ЧЕШИН Андрей Владимирович,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал)
федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет»,
г. Орск, Россия,
e-mail: cheshin@sirius56.ru

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДОГОВОРЫ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье проводится комплексный анализ актуальных проблем правового регулирования и правоприменительной практики, связанных с внешнеэкономическими договорами в предпринимательской деятельности. В условиях глобализации и усложнения трансграничных хозяйственных связей правовой режим таких договоров формируется на пересечении национального законодательства, международных договоров и обычаев делового оборота, что порождает системные правовые коллизии и риски для участников оборота. Основное внимание в работе уделяется трем взаимосвязанным блокам проблем. Во-первых, исследуются доктринальные основания и коллизионные вопросы квалификации внешнеэкономических сделок, определяющие исходный выбор применимого права. Во-вторых, анализируются противоречия в требованиях к форме и процедуре заключения договоров, возникающие из-за одновременного действия императивных норм национального права (в частности, российского) и либеральных положений международных конвенций.*

Ключевые слова: *внешнеэкономический договор, предпринимательская деятельность, международное частное право, коллизионное регулирование, форма сделки, Венская конвенция, Принципы УНИДРУА, правоприменительная практика, трансграничные сделки, гармонизация законодательства.*

CHESHIN Andrey Vladimirovich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Department of Economics and Management
Orsk Humanitarian and Technological Institute (Branch)
of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Orenburg State University",
Orsk, Russia

FOREIGN ECONOMIC CONTRACTS IN BUSINESS ACTIVITIES: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the current problems of legal regulation and law enforcement practice related to foreign economic agreements in business activities. In the context of globalization and the increasing complexity of cross-border economic relations, the legal regime of such agreements is formed at the intersection of national legislation, international treaties and business practices, which generates systemic legal conflicts and risks for participants in the turnover. The main focus of the work is on three interrelated blocks of problems. First, the author examines the doctrinal grounds and conflict-of-laws issues of qualifying foreign economic transactions, which determine the initial choice of applicable law. Secondly, the contradictions in the requirements for the form and procedure of concluding contracts that arise due to the simultaneous effect of peremptory norms of national law (in particular, Russian law) and the liberal provisions of international conventions are analyzed.*

Key words: *foreign economic contract, business activity, private international law, conflict of laws regulation, form of transaction, Vienna Convention, Unidroit Principles, law enforcement practice, cross-border transactions, harmonization of legislation.*

Введение

Активная интеграция Российской Федерации в мировую экономику предопределяет постоянный рост объема и сложности внешнеэкономической деятельности отечественных предпринимателей. Ключевым правовым инструментом, опосредующим трансграничные хозяйственные связи, выступает внешнеэкономический договор. Его правовой режим формируется на стыке национального законодательства, международных договоров и обычаев делового оборота, что создает уникальную, но вместе с тем противоречивую регулятивную среду. В условиях динамично меняющейся геополитической и экономической конъюнктуры, усиления санкционного давления и цифровизации коммерции, существующие механизмы правового регулирования и правоприменения сталкиваются с вызовами, требующими глубокого научного осмысления и практических решений.

Цель исследования заключается в комплексном анализе наиболее актуальных проблем правового регулирования и правоприменительной практики, связанных с заключением, исполнением и защитой прав по внешнеэкономическим договорам в предпринимательской деятельности.

Научная новизна исследования определяется межотраслевым и комплексным подходом к обозначенной проблематике. В статье не только систематизируются известные доктринальные позиции и правоприменительные коллизии, но и предлагается их оценка в контексте современных экономических реалий.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы познания: формально-юридический, сравнительно-правовой, методы правового моделирования и толкования норм. Эмпирическую базу исследования формируют международные договоры Российской Федерации, нормы российского гражданского и международного частного права, а также сложившаяся практика международного коммерческого арбитража и российских арбитражных судов по рассматриваемым вопросам. Теоретической основой послужили научные публикации и монографические исследования ведущих отечественных и зарубежных цивилистов и специалистов в области международного частного права, посвященные проблемам внешнеэкономических сделок, коллизионного регулирования и гармонизации материально-правовых норм.

Результаты и обсуждения

Исторически в отечественной доктрине сложились два основных критерия для отграничения внешнеэкономических сделок от внутригосударственных: субъектный и территориальный. Субъектный критерий, доминировавший в советский период и формально закрепленный в Основах гражданского законодательства 1991 года, фокусируется на статусе контрагентов: сторонами такой сделки должны являться лица, коммерческие предприятия которых находятся на территории разных государств. Данный подход, воспринятый из международных источников, обладает внешней ясностью, но страдает существенным недостатком — он игнорирует реальное содержание обязательства. Сделка между двумя российскими резидентами, но исполнение которой связано с территорией иностранного государства (например, строительство объекта за рубежом или поставка товара с условием передачи права собственности за границей), формально не подпадает под это определение, хотя порождает весь спектр классических внешнеэкономических рисков: валютных, таможенных, налоговых.

В противовес ему территориальный критерий акцентирует внимание на связи обязательства с правопорядками двух или более государств. Решающим признается не местонахождение коммерческих предприятий, а локализация ключевых элементов сделки: нахождения предмета договора, места его исполнения, возникновения права собственности или платежа. Такой подход, более адекватно отражающий экономическую сущность трансграничных операций, однако, вносит значительную неопределенность, делая квалификацию сделки зависимой от оценочных суждений и интерпретации ее условий. На практике это неизбежно ведет к спорам о применимом праве уже на стадии предварительной квалификации.

Современная доктринальная мысль стремится к синтезу, предлагая комплексные критерии. Наиболее перспективным представляется подход, согласно которому внешнеэкономическая сделка характеризуется комплексом взаимосвязанных признаков: участие в сделке лиц разной государственной принадлежности (резидентов и нерезидентов), пересечение товарами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности или капиталами таможенной границы, а также осуществление расчетов в иностранной валюте. При этом наличие даже одного из этих признаков, особенно имеющего существенное значение для содержания обязательства, может быть достаточ-

ным для признания сделки внешнеэкономической. Такая гибкая модель позволяет охватить многообразие современных коммерческих практик, включая операции на цифровых платформах, где физическое перемещение товара может отсутствовать, но валюта платежа и местонахождение контрагентов указывают на трансграничный характер.

Коллизионные вопросы, возникающие из квалификации, носят производный, но критически важный характер. Определение сделки как внешнеэкономической автоматически запускает механизм международного частного права. Первостепенное значение приобретает автономия воли сторон (ст. 1210 ГК РФ) как краеугольный принцип, позволяющий контрагентам самим избрать право, регулирующее их договор [1]. Однако доктринальная неясность в определении самой сделки создает «подвешенное» состояние: если суд или арбитраж, руководствуясь одним критерием, придет к выводу о внутреннем характере договора, то оговорка о применимом иностранном праве может быть проигнорирована как не имеющая юридического значения для «внутренних» отношений. Напротив, квалификация сделки как внешнеэкономической делает такую оговорку легитимным основанием для применения иностранного правопорядка.

Если стороны не воспользовались автономией воли, вступают в действие объективные коллизионные привязки. Здесь доктринальные расхождения напрямую влияют на исход дела. Применение формулы «право страны, где находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора» (ст. 1211 ГК РФ) оказывается в прямой зависимости от того, что понимать под «решающим исполнением» в конкретной сделке. Экономическая и юридическая оценка этого исполнения может кардинально различаться в зависимости от первоначальной квалификации сущности договора. Более того, сохраняется острая проблема квалификации коллизионной привязки: по праву какого государства следует толковать такие понятия, как «место деятельности», «исполнение», «форма сделки»? Классическая отсылка к lex fori (праву страны суда) зачастую приводит к навязыванию национальных гражданско-правовых конструкций международному по своей природе обязательству, что искажает волю сторон.

Особую сложность представляют коллизионные вопросы, связанные с формой сделки. Ст. 1209 ГК РФ устанавливает альтернативную коллизионную привязку: форма внешнеэкономической сделки подчиняется либо российскому праву (если хотя бы одной из сторон является российское юридическое лицо), либо праву места ее совершения [7, с. 120]. Данная норма, носящая императивный характер и призванная защитить российского резидента, входит в прямое противоречие с либеральным подходом Венской конвенции 1980 года, допускающей доказывание сделки любыми средствами. Таким образом, доктринальный спор о том, является ли конкретный контракт с иностранным элементом «внешнеэкономической сделкой» в смысле ст. 1209 ГК РФ, предрешает судьбу его действительности: признание его таковым делает обязательным соблюдение российской простой письменной формы под страхом недействительности, в то время как применение Конвенции снимает это строгое требование. Эта коллизия является наглядным примером того, как доктринальная проблема квалификации трансформируется в практический риск полной недействительности договора для добросовестных участников оборота.

Таким образом, доктринальные основы квалификации внешнеэкономических сделок не являются сугубо теоретическим конструктом. Они образуют фундаментальный предправоприменительный этап, от которого детерминированно зависят все последующие шаги: допустимость выбора иностранного права, определение компетентного правопорядка при отсутствии выбора, оценка действительности формы договора и, в конечном итоге, защита нарушенных прав. Устранение существующей в данной области неопределенности требует от законодателя и правоприменителя движения в сторону более гибкого, экономически ориентированного и комплексного понимания внешнеэкономической сделки как обязательства, по своей объективной природе выходящего за пределы действия одного правопорядка и требующего для своего регулирования специального коллизионно-правового инструментария. Только на этом пути возможно создание стабильной и предсказуемой правовой среды для трансграничной предпринимательской деятельности.

Форма и процедура заключения договора, будучи внешними, процедурными элементами, в сфере трансграничной коммерции обретают особое, а зачастую и решающее значение. Они становятся не просто способом легализации воли сторон, а полем столкновения различных правопорядков, источником юридических коллизий, способных аннулировать экономическую суть даже безупречно согласованной сделки. Противоречие между стремлением международного права к унификации и либерализации договорных правил и охранительным императивом национальных законодательств создает для участников внешнеэкономической деятельности зону повы-

шенного риска, где ошибка в процедурных тонкостях может привести к катастрофическим материальным последствиям.

Центральным узлом противоречий является вопрос о форме договора. Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (CISG), являющаяся краеугольным камнем унификации в данной области, проводит принципиально либеральный курс. Согласно ее статье 11, договор купли-продажи «не должен быть заключен или подтвержден в письменной форме или подчиняться иному требованию в отношении формы». Он может доказываться любыми средствами, включая свидетельские показания. Этот подход, отражающий общую тенденцию современного международного торгового права к признанию консенсуальности и снижению формальных барьеров, направлен на облегчение и ускорение коммерческого оборота. Он созвучен Принципам УНИДРУА (ст. 1.2) и многим национальным кодификациям (например, Германскому гражданскому уложению), которые также не требуют обязательной письменной формы для большинства коммерческих сделок.

Однако на этом пути встает охранительная стена национальных законодательств, в особенности тех, которые сохраняют наследие формальных требований для сделок с иностранным элементом. Российское право в лице статьи 1209 Гражданского кодекса РФ устанавливает императивное правило: форма внешнеэкономической сделки, хотя бы одной из сторон которой является российское юридическое лицо, подчиняется российскому праву независимо от места ее совершения. Российское же требование (п. 3 ст. 162 ГК РФ) гласит, что несоблюдение простой письменной формы внешнеэкономической сделки влечет ее недействительность. Таким образом, контракт, заключенный российским предприятием с иностранным партнером путем обмена электронными сообщениями или даже в ходе устных переговоров, будучи абсолютно действительным и доказуемым по правилам Венской конвенции, попадает под удар российского императива и может быть признан недействительным в российской судебной системе. Это создает ситуацию правового дуализма, где одна и та же сделка параллельно «живет» в двух правовых реальностях: действительной в международном арбитраже, применяющем CISG, и ничтожной в государственном суде, применяющем ГК РФ [3, с. 363].

Процедура заключения договора через обмен офертой и акцептом, казалось бы, детально унифицирована Венской конвенцией (статьи 14-24). Однако и здесь национальные нормы вносят коррективы, порождающие скрытые ловушки. Например, вопрос о моменте заключения договора. CISG (ст. 18(2)) фиксирует принцип «получения» акцепта: договор считается заключенным в момент, когда согласие оферентом получено, а не отправлено. Этот подход (reception theory) распространен в континентальном праве. Однако в юрисдикциях, следующих традиции общего права (mailbox rule), договор может считаться заключенным в момент отправки акцепта. Если в контракте не указано применимое право, а стороны находятся в юрисдикциях с разными подходами, сам факт заключения договора и, соответственно, момент возникновения обязательств могут стать предметом спора. Кроме того, национальные нормы о публичной оферте (ст. 437 ГК РФ), о безотзывной оферте или о специальных требованиях к акцепту (например, молчание как акцепт) могут существенно расходиться с регулированием Конвенции [9, с. 135; 10].

Отдельный пласт проблем связан с ратификационными оговорками государств-участников Венской конвенции. Статья 96 Конвенции позволяет государству сделать заявление о неприменении статьи 11, касающейся свободы формы. Государства, сделавшие такое заявление (например, Китай, Россия с 1991 по 2013 гг., Аргентина), требуют обязательной письменной формы для договоров, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон находится на их территории [5, с. 307]. Таким образом, даже если стороны выбрали в качестве применимого право страны, не требующее письменной формы, наличие предприятия в государстве с оговоркой по статье 96 может имплицитно ввести это требование в их отношения, усложняя процедуру. Эта коллизия демонстрирует, как международный унификационный инструмент в силу своей гибкости сам порождает новые виды фрагментации регулирования.

В эпоху цифровизации указанные проблемы обретают новое измерение. Использование электронной подписи, автоматизированных систем обмена данными (EDI), смарт-контрактов ставит вопрос о соответствии этих технологий традиционным понятиям «письменной формы», «подписи» или «оригинала документа». Международные акты, такие как Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, и национальные законы (например, Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» в России) стремятся устранить эти барьеры, признавая юридическую силу электронных аналогов. Однако проблема кроется в их непоследовательной имплементации и толковании [11, с. 7]. Требуется ли для внешнеэкономической сделки квалифицированная электронная подпись, или достаточно простой? Будет ли считаться заключенным договор, сформированный и

исполненный программным алгоритмом без прямого человеческого вмешательства на стадии акцепта? Национальные ответы на эти вопросы пока существенно разнятся, создавая «цифровую неопределенность» для трансграничной торговли.

Первичный и наиболее очевидный канал имплементации — это автономия воли сторон. Статья 1210 ГК РФ и аналогичные нормы в законодательстве других стран разрешают сторонам избрать в качестве права, регулирующего договор, «право, применяемое к соответствующему отношению». Доктрина и передовая арбитражная практика допускают под таким формулировками выбор негосударственных регуляторов, включая Принципы УНИДРУА. Однако эта, казалось бы, прямая дорога упирается в фундаментальный вопрос о природе такого выбора. Если стороны избирают Принципы в качестве «права», то суд или арбитраж сталкиваются с их неполнотой — они не являются всеобъемлющим сводом норм, подобным Гражданскому кодексу. В них отсутствуют, например, детальные правила о недействительности сделок, исковой давности или вещных правах. Это вынуждает правоприменителя достраивать правовое регулирование за счет отсылки к какому-либо национальному правопорядку, что немедленно ставит вопрос о соотношении и взаимодействии гибких принципов с жесткими нормами национального закона. Чаще же стороны избирают Принципы не как исключительный регулятор, а как дополнение к применимому национальному праву, что приводит ко второй, еще более сложной модели имплементации.

Наиболее распространенная, но и наиболее проблемная ситуация возникает, когда Принципы УНИДРУА или ПЕПЛ привлекаются судом или арбитром в качестве средства толкования и восполнения пробелов в применимом национальном праве. Этот подход прямо санкционирован преамбулой самих Принципов, где указано, что они могут использоваться для толкования и восполнения международных унифицированных правовых документов, а также могут применяться, когда стороны не избрали какое-либо право, регулирующее их договор [2, с. 1]. Однако на практике это порождает методологическую дилемму. Национальный судья, воспитанный в традициях своей правовой системы, инстинктивно пытается вписать новые концепции в знакомые ему цивилистические конструкции. В результате происходит не столько имплементация, сколько «национализация» принципов. Яркий пример — принцип добросовестности (ст. 1.7 Принципов УНИДРУА), который понимается в них как фундаментальная, пронизывающая весь договор обязанность [6, с. 227]. В российской же доктрине и практике до недавнего времени доминировало узкое понимание добросовестности как субъективного состояния незнания о пороке своего права, что кардинально отличается от его активной роли в формировании договорных обязанностей по международным стандартам. Поэтому ссылка на добросовестность в судебном решении часто остается декларативной, не влекущей конкретных правовых последствий, ибо отсутствуют укорененные в национальной практике механизмы ее процессуальной актуализации и доказывания [4, с. 68].

Аналогичные сложности вызывает имплементация таких ключевых доктрин, как непредвиденные обстоятельства и злоупотребление правом. Принципы УНИДРУА (ст. 6.2.2) предусматривают возможность адаптации или расторжения договора в случае фундаментального изменения обстоятельств, которое не могло быть разумно учтено стороной. Российское право, введя статью 451 ГК РФ о существенном изменении обстоятельств, сделало значительный шаг вперед, однако его применение на практике остается крайне сдержанным и формалистичным [8, с. 211]. Суды требуют доказательств именно непреодолимости и непредвидимости изменений на момент заключения договора, зачастую игнорируя экономический баланс договора как критерий «существенности». Имплементация же подхода УНИДРУА, где акцент смещен на разумность и баланс интересов, требует от судей непривычной для них экономико-правовой оценки, выходящей за рамки буквального толкования текста договора.

Выводы

Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод о том, что правовой режим внешнеэкономических договоров представляет собой сложный и конфликтогенный сегмент правового поля, где сталкиваются и взаимодействуют разнородные нормативные системы. Исследование подтвердило, что текущие механизмы регулирования и правоприменения не в полной мере соответствуют динамике и потребностям современного трансграничного коммерческого оборота. Проблемы носят системный характер, пронизывая все стадии существования договора — от его квалификации и заключения до разрешения споров и исполнения решений.

Анализ доктринальных подходов к квалификации внешнеэкономических сделок и сопряженных с этим коллизионных вопросов выявил отсутствие в российском праве единого концептуального основания для их отграничения от внутренних сделок. Это порождает принципиальную неопределенность в исходном вопросе о подлежащем применению правопорядке, что ставит

участников оборота перед значительными преддоговорными рисками. Коллизионные нормы, формально предоставляя автономию воли сторон, на практике зачастую нивелируются действием императивных предписаний и противоречивой судебной практикой, особенно в вопросах определения права, регулирующего форму договора и последствия ее нарушения. Данная ситуация усугубляется цифровизацией договорных процессов, которая обесценивает традиционные территориальные привязки и требует переосмысления самих коллизионных принципов.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/?ysclid=mmr1rkilyi282035091 (дата обращения: 17.02.2026).

[2] Козлова Е.Б. Предпринимательский договор в системе гражданско-правовых договоров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2: в 3 ч. Тамбов: Грамота, 2011. Ч. 2. С. 1.

[3] Международное частное право: Учебник / Л.П. Ануфриева, К.А. Бекяшев, Г.К. Дмитриева и др.: Отв. Ред. Г.К. Дмитриева. 2004. С. 363-364.

[4] Минаков А.В. Актуальные аспекты оценки эффективности управления государственным внешним долгом Российской Федерации как важного условия обеспечения экономической безопасности / А. В. Минаков // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 9-2(62). – С. 66-68.

[5] Минаков А. В. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран / А. В. Минаков, С. Б. Лапина // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 305-312.

[6] Минаков А. В. Управление бизнесом в цифровой экономике / А. В. Минаков, А. Е. Суглобов // Russian Journal of Management. – 2021. – Т. 9, № 1. – С. 226-230.

[7] Паулова Е.О., Паулов П.А. К вопросу о подходах в определении предпринимательского договора // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. № 2. С. 117-122.

[8] Федулов В.И., Иванова Ю.А. Проблемы правового регулирования внешнеэкономических сделок // Вестник Московского университета МВД России, 2017 г. С. 210-213.

[9] Хвалей В. Агентский договор: перспективы для России // Закон. 2000. № 6. С. 92-100.

[10] Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. М.: Статут, 2003. Т. 2: Товар. Торговые сделки. 544 с.

[11] Turyan K.V. “Influence of financial intermediation institutes on the welfare of the population in the post-Soviet countries: A comparative analysis.”, Cogent Social Sciences, Volume 9, Issue 2 (2023), Published by Informa UK Limited, trading as Taylor & Francis Group. С. 1-22.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/?ysclid=mmr1rkilyi282035091 (accessed on February 17, 2026).

[2] Kozlova, E.B. Entrepreneurial Agreement in the System of Civil Law Contracts // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. No. 2: in 3 parts. Tambov: Gramota, 2011. Part 2. P. 1.

[3] International Private Law: Textbook / L.P. Anufrieva, K.A. Bekyashev, G.K. Dmitrieva, et al.: Ed. G.K. Dmitrieva. 2004. pp. 363-364.

[4] Minakov AV Current aspects of assessing the effectiveness of managing the public external debt of the Russian Federation as an important condition for ensuring economic security / AV Minakov // Economy and entrepreneurship. - 2015. - No. 9-2 (62). - pp. 66-68.

[5] Minakov AV Ensuring the economic security of the state in the context of sanctions from Western countries / AV Minakov, SB Lapina // Bulletin of Economic Security. - 2021. - No. 2. - pp. 305-312.

[6] Minakov AV Business management in the digital economy / AV Minakov, AE Suglobov // Russian Journal of Management. – 2021. – Vol. 9, No. 1. – P. 226-230.

[7] Paulova E.O., Paulov P.A. On the Issue of Approaches to Defining an Entrepreneurial Agreement // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2018. No. 2. P. 117-122.

[8] Fedolov V.I., Ivanova Yu.A. Problems of Legal Regulation of Foreign Economic Transactions // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. P. 210-213.

[9] Khvalei V. Agency Agreement: Prospects for Russia // Law. 2000. No. 6. P. 92-100.

[10] Shershenevich G.F. Course in Trade Law. Moscow: Statut, 2003. Vol. 2: Commodity. Trade Transactions. 544 p.

[11] Turyan K.V. “Influence of financial intermediation institutions on the welfare of the population in the post-Soviet countries: A comparative analysis.”, Cogent Social Sciences, Volume 9, Issue 2 (2023), Published by Informa UK Limited, trading as Taylor & Francis Group. pp. 1-22.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-393-398

ГУМЕННАЯ Варвара Юрьевна,
Студентка учебной группы ЗМ-ЮЮР23-1 магистратуры
направления "Юрист для частного бизнеса и власти"
Федерального государственного образовательного учреждения
высшего образования «Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации» (Финансовый университет)
Институт открытого образования,
e-mail: varvara.agnia@gmail.com

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В БАНКРОТСТВЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правового режима имущества супругов в процедуре банкротства гражданина. Рассматриваются особенности включения совместно нажитого имущества супругов в конкурсную массу, порядок его реализации, а также проблемы разграничения личного и общего имущества должника и его супруга. Особое внимание уделяется вопросам реализации общего имущества супругов на торгах, правам супруга на получение компенсации доли и возможностям защиты его имущественных интересов. Анализируются положения действующего законодательства и судебная практика по вопросам включения различных видов имущества супругов в конкурсную массу. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования в целях обеспечения баланса интересов кредиторов и супруга должника.*

Ключевые слова: *банкротство граждан; конкурсная масса; имущество супругов; совместная собственность; раздел имущества; супруг должника; реализация имущества; защита прав супругов.*

GUMENNAIA Varvara Yurevna,
Student of the ZM-YUR23-1 Master's degree study group
("Lawyer for private business and government" program)
of the Federal State Educational Institution of Higher Education
"Financial University under the Government of the Russian Federation"
(Financial University) Institute of Open Education

ISSUES OF THE SALE OF THE SPOUSES' COMMON PROPERTY IN BANKRUPTCY

Annotation. *The article analyzes the legal regime of spouses' property in personal bankruptcy proceedings. The study examines the inclusion of jointly acquired marital property in the bankruptcy estate, the procedure for its realization, and the issues of distinguishing between the personal and joint property of the debtor and the spouse. Particular attention is paid to the sale of joint marital property at auctions, the spouse's right to compensation for their share, and the mechanisms for protecting the spouse's property rights. The article also analyzes current legislation and judicial practice related to the inclusion of various types of marital property in the bankruptcy estate. It is concluded that further improvement of legal regulation is necessary to ensure a balance between the interests of creditors and the debtor's spouse.*

Key words: *personal bankruptcy; bankruptcy estate; spouses' property; joint property; division of property; debtor's spouse; property realization; protection of spouses' rights.*

Введение

Институт банкротства физических лиц является важным правовым механизмом, направленным на восстановление платежеспособности гражданина и справедливое удовлетворение требований кредиторов. Особую сложность в рамках данной процедуры представляет определение состава имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, если должник состоит в браке. В таком случае необходимо учитывать особенно-

сти правового режима имущества супругов, установленного семейным законодательством.

Актуальность темы обусловлена тем, что при банкротстве одного из супругов затрагиваются имущественные права другого супруга, поскольку значительная часть имущества может находиться в режиме общей совместной собственности. Это вызывает сложности при определении доли должника, порядке реализации имущества и защите интересов супруга.

Целью настоящей статьи является анализ особенностей правового режима общего имущества супругов в процедуре банкротства гражданина. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: исследовать правовой режим имущества супругов, рассмотреть порядок включения совместного имущества в конкурсную массу, а также проанализировать проблемы судебной практики в данной сфере.

В работе использованы формально-юридический метод, метод анализа нормативных правовых актов и судебной практики, а также сравнительно-правовой метод исследования.

Основная часть

В условиях, когда должник состоит в зарегистрированном браке, особое значение приобретает вопрос правового режима имущества супругов.

В соответствии с п. 1 ст. 45 Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ) по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга. При недостаточности этого имущества кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы супругу-должнику при разделе общего имущества супругов, для обращения на нее взыскания.

Совместная собственность, установленная семейным законодательством, существенно влияет на объем имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, и, следовательно, на интересы как должника, так и его супруга.

Проблематика разграничения личного и общего имущества супругов в процедуре банкротства порождает многочисленные правовые коллизии. На практике нередко возникают споры о принадлежности имущества, его распределении, а также о порядке реализации доли супруга-должника.

Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) устанавливает два возможных режима имущества супругов: законный режим совместной собственности (ст. 33–36 СК РФ) и договорный режим, основанный на брачном договоре (ст. 40–42 СК РФ). По общему правилу, имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено, и от того, кто из них вносил денежные средства.

Общая совместная собственность предполагает отсутствие определенных долей до момента ее раздела, что влечет особенности при обращении взыскания на такое имущество, особенно в рамках процедуры банкротства одного из супругов. В соответствии со ст. 213.25 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве), при признании гражданина банкротом в конкурсную массу включается все его имущество, имеющееся на момент судебного решения о введении процедуры банкротства. Согласно разъяснениям, данным в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 48) в деле о банкротстве гражданина-должника, по общему правилу, подлежит реализации его личное имущество, а также имущество, принадлежащее ему и супругу (бывшему супругу) (далее — супругу) на праве общей собственности (п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве, пп. 1, 2 ст. 34, ст. 36 СК РФ). При этом после реализации общего имущества в конкурсную массу включаются только денежные средства, соответствующие доле банкрота в общем имуществе, остальные деньги возвращаются супруге должника.

Согласно статье 34 СК РФ, к имуществу, нажитому супругами во время брака и составляющему их общую совместную собственность, относятся:

- доходы каждого из супругов от трудовой, предпринимательской и интеллектуальной деятельности;
- пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (например, материальная помощь, компенсации за утрату трудоспособности);
- движимое и недвижимое имущество, приобретенное за счет общих доходов супругов;
- ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, а также любое другое имущество, приобретенное в период брака.

Важно отметить, что законодатель упоминает не только реализацию общего имущества, принадлежащего действующему супругу, но и общие активы, находящиеся в собственности бывшего супруга. В конкурсную массу может быть включено имущество бывшего супруга в следующих случаях:

– Отсутствие раздела имущества после развода, например когда нет соглашения или судебного решения о разделе (ст. 34 СК РФ и ст. 131 Закона о банкротстве);
– Раздел формально проведен, но фактически не реализован (например, имущество осталось в общей собственности, полученные деньги не распределены) регистрация права не была осуществлена;
– Имущество оформлено на бывшего супруга, но доказано, что оно нажито в период брака (приобретено за общие средства);
– При оспаривании сделок, если бывший супруг совершил сделки с общим имуществом с целью вывода активов или ущемления интересов кредиторов, например, мошеннические или притворные сделки (п. 4 ст. 213.32 Закона о банкротстве);
– Если развод состоялся после открытия дела о банкротстве (ст. 131 Закона о банкротстве);

Рассмотрим более подробно как выделяется доля каждого вида общего имущества в процедуре банкротства, если между супругами не был заключен брачный договор и у супругов отсутствуют общие обязательства.

Наиболее простой с точки зрения правового регулирования вид общего имущества супругов - движимое и недвижимое имущество, приобретенное в браке на общие средства.

Законодатель четко предусмотрел порядок включения в конкурсную массу такого имущества. Согласно ст. пункту 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве реализация общего имущества происходит следующим образом: если у супругов отсутствуют общие обязательства, имущество полностью продается на торгах, супругу предоставляется компенсация, соразмерная его доле, а доля должника включается в конкурсную массу.

Единственная возможность сохранить общее имущество возникает, если у супругов выделены доли в этом имуществе. Как следует из разъяснений Конституционного Суда [11] в соответствии со ст. 250 ГК РФ при реализации общей долевой собственности у добросовестного собственника есть преимущественное право выкупа на торгах доли должника по стоимости, равной начальной цене на торгах [12]. При этом, согласно «Обзору судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) при реализации общей долевой собственности супругов такая собственность подлежит продаже как единый имущественный комплекс в соответствии с п. 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве, однако супругу потребуется выкупать только долю банкрота, так как доля самого супруга нивелируется из-за совпадения должника и кредитора в одном лице [13]. Следует отметить, что до июня 2025 года при продаже общей долевой собственности супругов действовала судебная практика, согласно которой на торги выставлялась только доля должника, а не весь объект собственности [14]. Однако Верховный суд назвал такую позицию неверной и указал на применение п. 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве вне зависимости от вида общей собственности супругов — совместной или долевой. Такая тенденция свидетельствует о том, что законодатель встал на защиту прав кредиторов, так как при реализации только доли в общем имуществе теряется привлекательность объекта продажи, что влечет снижение цены на торгах.

С другой стороны, если у супруга не выделена доля в совместном имуществе, такой субъект находится в уязвимом положении. Несмотря на то, что согласно п. 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве после продажи имущества на торгах второму супругу компенсируется его доля в денежной форме, часто реализация происходит по цене ниже рыночной, а супруг получает компенсацию своей доли только после продажи всей конкурсной массы, что неоправданно затягивает выплату. Во-вторых, супруг по факту лишен возможности сохранить имущество, так как преимущественного права выкупа своей доли у него нет, супруг может участвовать в торгах только на общих основаниях. Существует позиция когда разъяснения Конституционного Суда относительно преимущественного права выкупа применяются не только к общей долевой, но и к общей совместной собственности, однако такие случаи единичны [15]. Кроме того, механизм продажи объекта общей собственности на торгах противоречит статье 255 Гражданского кодекса РФ, предусматривающей реализацию доли в общей собственности лишь после ее выделения либо при выплате ее действительной стоимости [5].

Согласно п. 7 Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 N 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан», если по мнению супруга при процедуре реализации общей совместной собственности нарушаются его права или права несовершеннолетних детей, то супруг может обратиться в суд с заявлением о выделе своей доли до продажи имущества на торгах.

Таким образом, законодатель предусмотрел теоретическую возможность перехода из общей совместной собственности супругов к общей долевой. Однако на практике супругу все равно не предоставляется преимущественное право выкупа своей доли, если режим собственности был изменен после признания гражданина банкротом. Согласно «Обзору судебной практики по

делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025) раздел общей собственности супругов (бывших супругов) в судебном порядке с определением принадлежащих им долей без их выдела в натуре влияет лишь на то, в какой пропорции будет разделена выручка от продажи совместно нажитого имущества, а абзац 2 пункта 7 постановления Пленума от 25 декабря 2018 г. № 48, применяется только «к случаям раздела имущества в натуре, поскольку после такого раздела утрачивается признак общности в праве собственности на это имущество. Разделенное в натуре имущество становится личной собственностью каждого из супругов, что исключает эти случаи из сферы применения пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве.» Данное положение может по-разному трактоваться судами, так как с одной стороны законодатель не устанавливает прямого запрета на применение преимущественного права после выдела доли супруга в процессе банкротства, с другой стороны закон определяет, что такой выдел должен быть произведен в натуре, что исключает преимущественное право выкупа, так как объект собственности становится личным имуществом супруга.

Таким образом, мы видим, что с одной стороны законодатель соблюдает баланс интересов прав кредиторов и долевых собственников-супругов, предоставляя кредиторам возможность быстро продать имущество на торгах, а супругу преимущественное право выкупа продаваемой доли. С другой стороны в режиме общей совместной собственности супруг может получить только денежную компенсацию своей доли, в результате супруг практически лишается эффективного инструмента предотвращения отчуждения имущества и возможности своевременного получения денежной выплаты.

Перейдем к правовому регулированию включения в конкурсную массу иных видов общего имущества супругов, предусмотренных ст. 34 Семейного кодекса РФ.

Касательно реализации части доходов супруга должника, полученных во время брака, в судебной практике нет единой позиции. Согласно наиболее распространенному подходу, доходы, полученные супругом должника, принадлежат ему лично как субъекту гражданских прав и не могут быть обращены в конкурсную массу должника[6]. Даже несмотря на то, что по семейному законодательству эти доходы относятся к общей совместной собственности, в банкротстве действует особый порядок: финансовый управляющий и кредиторы могут претендовать лишь на долю должника в общем имуществе супругов, но не на текущие заработки другого супруга.

Такой подход следует назвать разумным, так как в противном случае будут нарушены права супруга, который также имеет долю в доходах должника-банкрота. Следовательно из дохода самого должника нужно было бы извлекать долю супруга, и включать в конкурсную массу половину дохода должника, половину дохода его супруга, учитывая при этом прожиточный минимум обоих субъектов [16]. Кроме того, п. 7 ст. 213.26 закона “О банкротстве” и п. 8 постановления Пленума ВС РФ № 48 не регламентирует порядок включения в конкурсную массу доли в общем имуществе, а лишь регламентирует особенности реализации общего имущества путем продажи его на торгах и разделения дохода между супругами. Таким образом, по мнению судов, поскольку продать на торгах возможно только индивидуально-определенную вещь, сохраненную в натуре, доход супруга не подлежит включению в конкурсную массу [17].

Согласно другой позиции часть от дохода супруга должника может быть включена в конкурсную массу, только если доля должника в доходе супруга выделена в установленном законом порядке [18]. При этом, суды проводят аналогию с процедурой расторжения брака и подчеркивают, что как в случае развода, так и в случае банкротства, разделу подлежат только денежные средства, существующие в натуре. Включить в конкурсную массу будущие доходы супруга, или уже потраченные будет невозможно.

В отношении денежных средств, размещенных на счетах супруги должника обычно действует то же правило, что и в отношении доходов — в конкурсную массу включается только денежные средства, размещенные на имя должника. Однако финансовый управляющий вправе обратиться в суд с требованием о признании части средств на счете супруги совместной собственностью супругов и о выделе доли должника (п. 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве). Только после такого судебного определения соответствующая доля может быть включена в конкурсную массу для последующей реализации. При этом суд оценивает доказательства происхождения средств: источники поступлений, даты переводов, сведения о доходах супруги, назначение платежей и иные обстоятельства. Сам факт нахождения денег на ее банковском счете не является достаточным основанием для их включения в конкурсную массу.

Особое значение имеет вопрос о доступе финансового управляющего к информации о банковских счетах супруга должника.

В соответствии со статьей 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», сведения о счетах, операциях и клиентах составляют банковскую тайну.

Разглашение таких сведений допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом.

Финансовый управляющий не имеет права самостоятельно запрашивать и получать информацию о счетах супруги без ее согласия. Получение таких данных возможно лишь по судебному запросу (статья 213.9 Закона о банкротстве, статья 26 Закона о банках). Суд, руководствуясь принципом соразмерности вмешательства, вправе обязать кредитную организацию представить сведения, если это необходимо для установления состава конкурсной массы и если есть основания полагать, что на счетах супруги находятся средства, принадлежащие должнику.

Существует также судебная практика, согласно которой бремя доказывания того, что денежные средства являются личным имуществом супруга, лежит не на финансовом управляющем, а на самом супруге должника. Так, по мнению Арбитражного суда Московского округа от 20.07.2022 по делу № А40-176426/2018 [19] денежные средства супруги должника, находящиеся на ее счетах, по общему правилу, пока не доказано обратное, подлежат разделу между сторонами в равных долях, в связи с чем подлежат включению в конкурсную массу.

Таким образом, по вопросу включения в конкурсную массу доходов и денежных средств супруга должника, полученных во время брака, нет единой позиции: закон не запрещает, но и не предписывает реализовывать данный тип совместной собственности, поэтому судебная практика очень разнообразна.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что правовой режим имущества супругов оказывает значительное влияние на формирование конкурсной массы при банкротстве гражданина. Законодательство предусматривает возможность реализации общего имущества супругов с последующим распределением вырученных средств между конкурсной массой и супругом должника.

В то же время на практике возникают определенные трудности, связанные с разграничением личного и совместного имущества, а также с определением прав супруга на сохранение имущества или получение компенсации. Кроме того, отсутствует единообразный подход в судебной практике по вопросу включения доходов и денежных средств супруга должника в конкурсную массу.

Таким образом, дальнейшее развитие правового регулирования в данной сфере должно быть направлено на более четкое определение механизмов защиты имущественных прав супруга должника и обеспечение баланса интересов всех участников процедуры банкротства.

Список литературы:

[1] Белов В. А. Банкротство граждан: комментарий законодательства и практика применения. — М.: Юрайт, 2021. — 320 с.

[2] Витрянский В. В., Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения. — М.: Статут, 2019. — 847 с.

[3] Гришаев С. П. Семейное право: учебник для вузов. — М.: Норма, 2022. — 272 с.

[4] Кузнецова Н. В. К вопросу о соблюдении баланса интересов участников процедуры реализации супружеского имущества при банкротстве одного из супругов // Частно-правовые (цивилистические) науки. — 2024. — № 5. — С. 165–170.

[5] Кудрявцева Л. В., Царева Е. Д. Правовые аспекты реализации имущества супругов при банкротстве // Право и практика. — 2023. — № 4. — С. 72–76.

[6] Муратова С. Р., Пушкарев И. П. О некоторых вопросах формирования конкурсной массы в делах о банкротстве гражданина, состоящего в браке // Вестник науки. — 2023. — № 10 (67). — С. 365–370.

[7] Попондопуло В. Ф. Банкротство: правовое регулирование. — М.: Проспект, 2020. — 432 с.

[8] Рузакова О. А. Семейное право: учебник. — М.: Проспект, 2021. — 256 с.

[9] Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть. — М.: Статут, 2020. — 958 с.

[10] Телюкина М. В. Несостоятельность (банкротство): учебник. — М.: Норма, 2022. — 560 с.

[11] Постановление Конституционного Суда от 16 мая 2023 года N 23-П;

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31 января 2025 г. № 304-ЭС19-2037(2) по делу № А46-16345/2016;

[13] П. 43 «Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025);

[14] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2021 N 307-ЭС21-8084 по делу N А44-3433/2017 // СПС «КонсультантПлюс»;

[15] Постановление Арбитражного суда Северо-западного округа от 18 сентября 2025 г. по делу № А56-90423/2023;

[16] Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 02.05.2024 N 08АП-1076/2024 по делу N А75-14469/2022

[17] Определение Верховного Суда РФ от 15.12.2020 № 305-ЭС20-17009; Постановление

Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 июля 2023 г. по делу № А60-31725/2019

[18] Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2025 N 11АП-9457/2025 по делу N А55-19418/2024

[19] Постановление АС Московского округа от 20.07.2022 по делу № А40-176426/2018

References:

[1] Belov V. A. Bankruptcy of citizens: commentary on legislation and application practice. - M.: Yurayt, 2021. - 320 s.

[2] Vitryansky V.V., Braginsky M.I. Contract law. General provisions. - M.: Statute, 2019. - 847 p.

[3] S.P. Grishaev Family Law: a textbook for universities. - M.: Norma, 2022. - 272 p.

[4] Kuznetsova N.V. On the issue of observing the balance of interests of participants in the procedure for selling marital property in the bankruptcy of one of the spouses//Private law (civil) sciences. — 2024. — № 5. - S. 165-170.

[5] Kudryavtseva L. V., Tsareva E. D. Legal aspects of the sale of property of spouses in bankruptcy//Law and practice. — 2023. — № 4. - S. 72-76.

[6] Muratova S.R., Pushkarev I.P. On some issues of the formation of the bankruptcy estate in bankruptcy cases of a married citizen//Bulletin of Science. — 2023. — № 10 (67). - S. 365-370.

[7] Popondopulo V.F. Bankruptcy: legal regulation. - M.: Prospect, 2020. - 432 s.

[8] Ruzakova O. A. Family law: textbook. - M.: Prospect, 2021. - 256 s.

[9] Sukhanov E. A. Civil law: textbook: in the 4 of T. T. 1. General part. - M.: Statute, 2020. - 958 p.

[10] Telyukina M.V. Insolvency (bankruptcy): textbook. - M.: Norma, 2022. - 560 s.

[11] Decision of the Constitutional Court of May 16, 2023 N 23-P;

[12] Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of January 31, 2025 No. 304-ES19-2037 (2) in case No. A46-16345/2016;

[13] Clause 43 of the Review of Judicial Practice in Bankruptcy Cases of Citizens (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 18.06.2025);

[14] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.06.2021 No. 307-EC21-8084 in case No. A44-3433/2017//SPS “ConsultantPlus”;

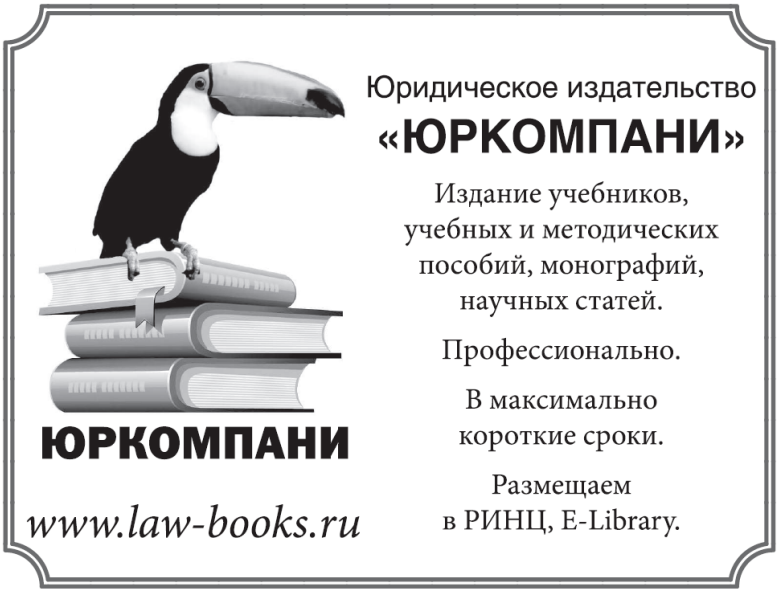
[15] Ruling of the Arbitration Court of the Northwestern District dated September 18, 2025 in case No. A56-90423/2023;

[16] Ruling of the Eighth Arbitration Court of Appeal of 02.05.2024 No. 08АП-1076/2024 in case No. A75-14469/2022

[17] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 15.12.2020 No. 305-ЭС20-17009; Ruling of the Seventeenth Arbitration Court of Appeal of July 19, 2023 in case No. A60-31725/2019

[18] Ruling of the Eleventh Arbitration Court of Appeal of 25.09.2025 No. 11АП-9457/2025 in case No. A55-19418/2024

[19] Resolution of the NP of the Moscow District dated 20.07.2022 in case No. A40-176426/2018



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-399-405

БАБЫКИНА Виктория Александровна,
Студентка 4 курса бакалавриата, Юридический факультет,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: 226581@edu.fa.ru

Научный руководитель:
БЕЛОУСОВ Андрей Леонидович,
Кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
e-mail: albelousov@fa.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТОВ РЕКЛАМНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию проблем и направлений совершенствования правового регулирования защиты субъектов рекламных правоотношений в сети Интернет в условиях развития цифровых коммуникаций и усложнения рекламной инфраструктуры. Рассмотрены особенности субъектного состава интернет-рекламы и выявлены ключевые трудности распределения обязанностей и ответственности между участниками рекламной цепочки, включая цифровые платформы и инфлюенсеров. Проанализированы правоприменительные вопросы квалификации информации как рекламы в цифровой среде и соблюдения требований к форме рекламных сообщений, включая обеспечение распознаваемости рекламы и правовую значимость механизмов идентификации и учета интернет-рекламы. Отдельное внимание уделено таргетированной рекламе как зоне повышенного правового риска, обусловленного обработкой персональных данных и необходимостью усиления гарантий защиты пользователя как слабой стороны. Сформулированы предложения по развитию функциональных критериев определения статуса участников рекламной деятельности в интернете, уточнению ориентиров квалификации интернет-рекламы и укреплению правовых механизмов прозрачности и контроля при использовании персональных данных в рекламных целях.*

Ключевые слова: *субъекты рекламных правоотношений, интернет-реклама, цифровые платформы, нативная реклама, маркировка интернет-рекламы, идентификация рекламы, таргетированная реклама, персональные данные, согласие на обработку персональных данных, защита прав потребителей, ответственность в рекламных правоотношениях.*

BABYKINA Victoria Alexandrovna,
4rd year undergraduate student, Faculty of Law,
Financial University under the Government
of the Russian Federation

Scientific supervisor:
BELOUSOV Andrey Leonidovich,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor Financial University
under the Government of the Russian Federation

PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THE LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF SUBJECTS OF ADVERTISING RELATIONS ON THE INTERNET

Annotation. *The article is devoted to the study of problems and directions of improving the legal regulation of the protection of subjects of advertising relations on the Internet in the context of the development of digital communications and the increasing complexity of the advertising infrastructure. The features of the subject composition of online advertising are considered and the key difficulties of distributing responsibilities and responsibilities between participants in the advertising chain, including digital platforms and influencers, are identified. The law enforcement issues of qualifying information as advertising in the digital environment and compliance with the requirements for the form of advertising messages, including ensuring the recognizability of advertising and the legal significance of mechanisms for identifying and accounting for online advertising, are analyzed. Special attention is paid to targeted advertising as an area of increased legal risk caused by the processing of personal data and the need to strengthen guarantees for the protection of the user as a weak side. Proposals have been formulated to develop functional criteria for determining the status of participants in online advertising activities, clarify the qualification guidelines for online advertising, and strengthen legal mechanisms for transparency and control over the use of personal data for advertising purposes.*

Key words: *subjects of advertising relations, online advertising, digital platforms, native advertising, labeling of online advertising, identification of advertising, targeted advertising, personal data, consent to the processing of personal data, consumer protection, responsibility in advertising relations.*

Стремительное развитие цифровой экономики и рост доли рекламных коммуникаций в сети Интернет обусловили усложнение рекламных правоотношений. Расширился круг их участников, включая цифровые платформы и инфлюенсеров, появились и закрепились новые форматы распространения рекламной информации, например, нативные интеграции, публикации в социальных сетях и таргетированная реклама, одновременно увеличились риски нарушения прав и законных интересов как профессиональных субъектов рекламного рынка, так и потребителей. В этих условиях правовое регулирование защиты субъектов рекламных правоотношений в сети Интернет приобретает особую актуальность, поскольку правоприменение сталкивается с неопределенностью критериев квалификации интернет-рекламы, трудностями разграничения ответственности между участниками рекламной цепочки и правовыми рисками обработки персональных данных в целях рекламного таргетинга.

Степень научной разработанности темы подтверждается тем, что обозначенную проблему рассматривают такие авторы, как П.П. Кучина, исследующая вопросы правового регулирования рекламы в сети Интернет, Е.А. Короткова, анализирующая тенденции развития нормативного и договорного регулирования интернет-рекламы и соотношение публично-правовых и частноправовых механизмов и А.Д. Абалонская и В.А. Любушкина, сопоставляющие российские и зарубежные подходы к регулированию интернет-рекламы. Вместе с тем сохраняется потребность в комплексном рассмотрении проблем и путей совершенствования правового регулирования защиты субъектов рекламных правоотношений в сети Интернет.

Цель статьи заключается в выявлении ключевых проблем правового регулирования защиты субъектов рекламных правоотношений в сети Интернет и формулировании обоснованных предложений по его совершенствованию. Для достижения указанной цели выделяется несколько задач: раскрыть статус субъектов рекламных правоотношений в сети Интернет, проанализировать проблемные аспекты квалификации интернет-рекламы и соблюдения требований к ее форме и способам распространения в цифровой среде и рассмотреть вопросы использования таргетированной рекламы и персональных данных.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также системный подход, позволяющий рассматривать рекламные правоотношения в сети Интернет как целостную многоуровневую систему. При раскрытии содержания правовых норм и выявлении пробелов правового регулирования использован формально-юридический метод, обеспечивающий корректное толкование действующего законодательства и определение его применимости к цифровым рекламным практикам.

Статус субъектов и распределение ответственности в интернет-рекламе

Защита субъектов рекламных правоотношений в сети Интернет напрямую зависит от того, насколько ясно определены участники этих отношений и как между ними распределяются обязанности и ответственность. В цифровой среде реклама не ограничивается рекламодателем, рекламораспространителем и потребителем.

Между созданием рекламного контента, его размещением и доведением до аудитории появляется несколько посредников, а отдельные роли могут совмещаться. Это осложняет правовую оценку действий каждого участника.

П.П. Кучина, анализируя состояние правового регулирования, указывает на «проблемы распространения недобросовестной, недостоверной рекламы в сети Интернет, высоких рисках участников рекламного рынка» [4]. Это позволяет говорить о том, что нарушение требований к рекламе в интернете редко затрагивает только одно лицо, поскольку последствия возникают и для рекламодателя, и для распространителя, и для потребителя. Поэтому качество защиты зависит не только от запретов, но и от того, насколько четко определены обязанности каждого звена рекламной цепочки. В этом смысле показательным является то, что П.П. Кучина связывает повышение защищенности потребителя с внедрением механизмов прозрачности: «Создание Единого реестра интернет-рекламы, обязанность участников рынка ее маркировать, указывать токен способствуют открытости деятельности рекламодателей, рекламораспространителей, повышению защищенности положения потребителя» [4].

Такая позиция автора важна для понимания того, что защита субъектов рекламных правоотношений в интернете включает в том числе и инструменты профилактики, обеспечивающие проверяемость и прослеживаемость рекламного сообщения.

Особое место в рекламных правоотношениях в сети Интернет занимают цифровые платформы, через которые рекламодатель получает доступ к аудитории. А.Д. Абалонская и В.А. Любушкина в своей работе подчеркивают: «Использование цифровых платформ в качестве основных рекламных площадок становится все популярнее, и, соответственно, все острее встает вопрос об ответственности данных цифровых платформ» [1].

Представляется возможным говорить о том, что платформа в интернет-рекламе зачастую не ограничивается ролью «места размещения». Она предоставляет рекламные инструменты, устанавливает условия допуска рекламных материалов, определяет технический порядок распространения и тем самым может влиять на параметры доведения рекламы до потребителя. Именно поэтому вопрос об ответственности платформы связан с вопросом о ее правовой роли в конкретной ситуации и о том, по каким критериям разграничивать обязанности рекламодателя, распространителя и платформы.

На фоне указанной сложности закономерно усиливается значение договорного механизма как способа конкретизации правовых связей между участниками интернет-рекламы. Е.А. Короткова отмечает: «Договорное регулирование организуется на основе соблюдения принципа законности, дополняя нормативное регулирование, ввиду отсутствия четких законодательных правил в отношении установления правовых связей между субъектами правоотношений интернет-рекламы» [3].

Представляется возможным говорить, что из позиции автора следует то, что договор в цифровой рекламной среде выполняет не только оформительскую, но и защитную функцию. Через него закрепляются процедуры согласования рекламы, обязанности по предоставлению подтверждающих документов, распределение рисков и ответственность при выявлении нарушений. В более общем виде Е.А. Короткова подчеркивает системный критерий эффективности такой модели: «Достижение баланса правового регулирования на основе норм частного и публичного права, нормативного правового и договорного регулирования и распределения полномочий между органами саморегулирования и государством является гарантией защиты прав субъектов правоотношений интернет-рекламы» [3]. Такая формулировка позволяет обосновать, что защиту субъектов интернет-рекламы корректно рассматривать как результат сочетания разных уровней регулирования, а не как эффект только административных мер.

Существенное влияние на субъектный состав интернет-рекламы оказывает участие инфлюенсеров, которые в цифровой среде становятся самостоятельным каналом распространения рекламной информации. Их деятельность обычно оформляется гражданско-правовыми договорами, но зачастую фактически связана с доведением рекламного сообщения до неопределенного круга лиц. В связи с этим Ж.А. Загалаева прямо указывает на квалификацию их роли: «инфлюенсер, размещающий интеграцию, как правило, квалифицируется „рекламораспространителем“» [2].

Для целей защиты субъектов рекламных правоотношений это означает, что инфлюенсер не должен рассматриваться как «внецепочечный» участник. Он включен в механизм распространения рекламы и, следовательно, должен учитывать обязательные требования к рекламе, а распределение обязанностей и рисков между ним и рекламодателем требует ясного договорного закрепления.

Таким образом, в интернет-рекламе вопрос о защите субъектов рекламных правоотношений напрямую связан с правовой определенностью субъектных ролей и с функциональным распреде-

лением ответственности. Участие цифровых платформ и инфлюенсеров усиливает эту проблему, поскольку их роль зависит от фактических функций.

Квалификация интернет-рекламы и требования к ее форме в цифровой среде

Квалификация интернет-рекламы и требования к ее форме в цифровой среде остаются одним из наиболее сложных участков правоприменения, поскольку именно на стадии квалификации решается ключевой вопрос, подлежит ли конкретная информация действию Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (далее – «№ 38-ФЗ») и возникают ли у участников рекламной цепочки соответствующие обязанности и риски ответственности. В основе квалификации лежит легальное определение рекламы, закрепленное в статье 3 №38-ФЗ, однако в цифровой среде его применение нередко вызывает споры из-за смешения рекламных сообщений с контентом, рекомендациями, обзорами, пользовательскими публикациями и «нативными» форматами продвижения.

А.Д. Абалонская и В.А. Любушкина, указывая на особенности интернет-сегмента, прямо выделяют проблему понятийной неопределенности. Среди основных недостатков они отмечают «отсутствие четкого определения термина „интернет-реклама“ в действующем законодательстве» [1]. Для правового режима это имеет определенные последствия.

Когда в нормативно-правовом поле отсутствует специальная дефиниция интернет-рекламы, квалификация строится через применение общего определения рекламы. В результате возрастает роль оценочных критериев и доказательств целевой направленности информации, а также усиливается зависимость выводов от конкретных обстоятельств распространения сообщения: контекста публикации, наличия вознаграждения, «призывов» к приобретению, ссылок, промокодов, маркировки, роли распространителя и т.п. Это, в свою очередь, делает менее предсказуемыми юридические последствия для рекламодателя, распространителя и автора контента.

Проблема отграничения рекламы от иной информации осложняется тем, что на уровне массового восприятия реклама нередко воспринимается как «любая полезная информация о товаре/услуге», тогда как юридически значение имеют признаки рекламного сообщения, закрепленные законом. В этом смысле значимым является вывод, приведенный Е.А. Коротковой: «на обывательском уровне отсутствует разграничение рекламы как информации и деятельности по ее созданию и распространению» [3].

Практическая значимость такого мнения автора состоит в том, что спор о квалификации чаще всего возникает именно там, где сообщение подается как «обычный контент», но при этом косвенно направлено на продвижение объекта рекламирования. Для защиты субъектов рекламных правоотношений это означает необходимость четких границ, то есть, рекламодатель должен понимать, какие материалы требуют соблюдения требований закона о рекламе; распространитель и автор контента — какие признаки указывают на рекламный характер; потребитель — когда он имеет дело с рекламой.

Отдельное место в цифровой среде занимает «нативная» реклама и интеграции у блогеров, где рекламный характер сообщения может быть неочевиден для аудитории. № 38-ФЗ исходит из принципа распознаваемости рекламы и недопустимости введения потребителей в заблуждение относительно природы сообщения, однако именно цифровые форматы повышают риск смешения рекламы и редакционного/пользовательского контента. Здесь важно соблюдение формальных требований к оформлению рекламы в интернете, поскольку форма становится инструментом защиты потребителя.

А.Д. Абалонская и В.А. Любушкина фиксируют, что у пользователей, создающих и публикующих контент, возникла обязанность маркировать рекламу, причем «маркировка должна включать в себя сведения о рекламодателе, идентификатор ERID (токен ID) и пометку „Реклама“» [1].

Представляется возможным говорить о том, что такая конструкция важна для квалификации рекламы сразу в нескольких аспектах. Во-первых, наличие пометки и идентификатора формирует «сигнал» для аудитории и контролирующих органов о рекламной природе сообщения, то есть снижает риск «скрытой» рекламы и споров о распознаваемости. Во-вторых, сама обязанность по маркировке и учету означает, что нарушение может быть связано не только с содержанием рекламы, но и с ее оформлением.

При этом правоприменительные трудности в цифровой среде связаны не только с «видимостью» рекламы, но и с тем, что часть требований к ее форме в интернете остается недостаточно конкретизированной. В научной работе о правовом регулировании рекламы в сети Интернет прямо указывается на пробелы именно в части оформления: «Законодательство Российской Федерации никак не регулирует частоту, смену кадров, их яркость» [4].

Мы можем сделать вывод, что этот тезис укладывается в общую логику защиты субъектов рекламных правоотношений. Для потребителя форма рекламы может быть фактором воздей-

ствия на здоровье и безопасное восприятие информации. Для рекламораспространителя и рекламодателя отсутствие ясных параметров качества означает неопределенность стандартов должного поведения и критериев проверки. В условиях, когда цифровые платформы используют динамические форматы, короткие ролики и визуально интенсивные инструменты, вопрос технических требований может становиться частью реальной защиты потребителя.

С учетом вышеизложенного, проблемы квалификации интернет-рекламы и требований к ее форме можно свести к нескольким ключевым положениям. Во-первых, отсутствие специальной дефиниции интернет-рекламы при активном развитии цифровых форматов делает квалификацию зависимой от оценочных признаков и конкретных обстоятельств распространения сообщения, что снижает предсказуемость правового режима для участников. Во-вторых, граница между рекламой и контентом в цифровой среде особенно размыта в нативных форматах и интеграциях, вследствие чего возрастает значение принципа распознаваемости и формальных требований к маркировке. Помимо этого, даже при наличии обязанностей по маркировке и учету сохраняются пробелы в части требований к отдельным параметрам оформления и качества рекламы в цифровых форматах, что требует уточнения стандартов и ориентиров должного поведения.

В этой связи представляется обоснованным развитие правового регулирования по нескольким направлениям. Одно из них связано с повышением определенности квалификации интернет-рекламы. То есть требуется закрепление более ясных критериев отграничения рекламы от иных форм информации с учетом цифровых форматов и разъяснение признаков рекламного характера сообщения для целей единообразного правоприменения. Другое направление связано с требованиями к форме рекламы в интернете. При сохранении общего принципа распознаваемости необходимо уточнять и развивать обязательные элементы идентификации рекламы и обеспечивать применимость правил маркировки к современным форматам (социальные сети, короткие видео, стримы и тд.).

Таргетированная реклама, персональные данные и защита “слабой стороны”

Таргетированная реклама в сети Интернет стала одним из наиболее распространенных способов продвижения товаров и услуг, поскольку позволяет показывать рекламные сообщения заранее выбранной аудитории. Однако именно этот формат наиболее тесно связан с обработкой персональных данных, а значит, напрямую затрагивает права пользователя как субъекта персональных данных и как потребителя рекламной информации. В таких условиях проблема защиты «слабой стороны» выражается прежде всего в том, насколько законно и прозрачно используются сведения о человеке для рекламного воздействия и насколько реальным является его контроль над такими процессами.

Д.А. Хашаева определяет таргетированную рекламу как вид интернет-рекламы в социальных сетях, при котором аудитория выбирается за счет использования персональных данных, указанных пользователем при заполнении анкеты, и специально подчеркивает, что в центре внимания должен находиться баланс интересов рекламодателей и пользователей [5].

Сама постановка вопроса показывает, что таргетированная реклама не может рассматриваться только как технический инструмент маркетинга. Она затрагивает правовой режим персональных данных и требования к допустимости их обработки. Проблема здесь проявляется уже на уровне согласия на обработку персональных данных, поскольку в цифровых сервисах оно часто встроено в общие условия пользования и потому воспринимается как формальность.

Д.А. Хашаева делает вывод о недостаточности такого подхода: «простого согласия с пользовательским соглашением социальной сети (где предусмотрена возможность использования персональных данных для настраивания таргетированной рекламы) недостаточно для выполнения требований о конкретности и сознательности» [5].

Значение этой позиции состоит в том, что она задает критерий юридической доброкачественности согласия. Оно не должно растворяться в общем присоединении ко всем базовым положениям, а должно предполагать ясность и целевую направленность. В противном случае, пользователь фактически лишается возможности осознанно управлять тем, как используются его данные в рекламных целях.

Помимо этого, мы можем сделать и другой вывод. Если согласие должно быть осознанным и конкретным, то у пользователя должна быть и реальная возможность отказаться от него без потери доступа к базовым функциям сервиса, а также возможность отзыва. Д.А. Хашаева формулирует это в своей работе: «такое согласие должно быть дано не путем присоединения ко всем положениям пользовательского соглашения, а посредством прямого и конкретного согласия на получение рекламной информации с использованием своих персональных данных. Кроме того, пользователю должна быть обеспечена возмож-

ность в любой момент отозвать свое согласия на использование его персональных данных в рекламных целях» [5].

Также, следует учитывать и то, что защита слабой стороны в цифровой рекламе не исчерпывается режимом персональных данных. Она связана также с общим требованием прозрачности рекламного рынка и возможностью контроля за тем, что именно распространяется в сети и кем. В связи с этим подчеркивается значение механизмов учета и идентификации рекламы как инструмента повышения защищенности потребителя. Так, в работе П.П. Кучиной указывается: «Создание Единого реестра интернет-рекламы, обязанность участников рынка ее маркировать, указывать токен способствуют открытости деятельности рекламодателей, рекламораспространителей, повышению защищенности положения потребителя» [4].

Таким образом, основные проблемы правового регулирования таргетированной рекламы и защиты слабой стороны в сети Интернет проявляются, во-первых, в недостаточной юридической доброкачественности согласия на использование персональных данных для рекламных целей, когда оно подменяется присоединением к пользовательскому соглашению. Во-вторых, в недостаточной прозрачности того, какие данные используются и как именно формируется таргетинг. В-третьих, в ограниченности практических инструментов отказа и отзыва согласия.

В этих условиях совершенствование регулирования должно быть направлено на закрепление более строгих требований к форме и содержанию согласия применительно к таргетированной рекламе, на обеспечение реальной возможности его отзыва и на развитие механизмов прозрачности рекламных сообщений, включая их идентификацию и учет, поскольку именно они укрепляют положение потребителя как слабой стороны и повышают эффективность защиты прав в цифровой среде.

Представление результатов

По итогам проведенного исследования установлено, что правовое регулирование защиты субъектов рекламных правоотношений в сети Интернет характеризуется рядом нормативно-правовых пробелов, обусловленных особенностями цифровой среды, усложнением рекламной цепочки и трансформацией способов распространения рекламной информации. Прежде всего выявлена недостаточная определенность субъектных ролей в интернет-рекламе, что препятствует устойчивому и предсказуемому распределению обязанностей и ответственности между участниками рекламной деятельности. В цифровых коммуникациях одни и те же субъекты нередко совмещают несколько функций, а технологические посредники и создатели контента фактически участвуют в распространении рекламы, вследствие чего традиционные модели разграничения ответственности требуют уточнения применительно к их фактическим полномочиям и степени влияния на доведение рекламной информации до аудитории.

Установлено также, что одним из ключевых источников правоприменительной «неоднородности» является квалификация информации как рекламы и определение применимых к ней требований в цифровой среде. Применение общего легального определения рекламы к многообразию интернет-форматов сопровождается размытостью границ между рекламными сообщениями и иными видами информации, включая контент информационного, рекомендательного и развлекательного характера. Это, в свою очередь, осложняет соблюдение участниками рынка обязательных требований, затрудняет профилактику нарушений и снижает эффективность защиты прав как добросовестных субъектов рекламного оборота, так и потребителей.

В рамках исследования подтверждено, что форма рекламного сообщения в сети Интернет приобретает самостоятельное правовое значение. Требования к распознаваемости и идентификации рекламы выступают необходимым элементом обеспечения прозрачности рекламного воздействия и практической реализуемости контроля за соблюдением обязательных требований.

Также, выявлена проблематика в сфере таргетированной рекламы и обработки персональных данных. Установлено, что персонализированное рекламное воздействие формирует повышенные риски нарушения прав пользователя как слабой стороны, поскольку основано на обработке данных и использовании алгоритмических механизмов отбора аудитории. Недостаточная прозрачность процедур использования данных в рекламных целях, а также ограниченность эффективных инструментов управления таким использованием со стороны пользователя снижают реальную степень его информированности и контроля. В результате правовая конструкция информирования в цифровых сервисах не всегда обеспечивает достижение тех целей, ради которых она закреплена.

Сформулированные выводы позволяют определить результаты исследования в виде основных направлений совершенствования правового регулирования. К числу приоритетных относится повышение определенности статуса

участников цифровой рекламной цепочки посредством закрепления функциональных критериев, позволяющих разграничивать их обязанности и ответственность в зависимости от реального участия в распространении рекламы и влияния на параметры рекламного воздействия. Не менее значимым направлением является развитие единых ориентиров квалификации интернет-рекламы и отграничения ее от иных форм информации в цифровой среде, а также уточнение требований к форме рекламы как инструмента обеспечения распознаваемости и защиты потребителя. В сфере таргетированной рекламы требуется усиление гарантий защиты слабой стороны за счет повышения прозрачности использования персональных данных в рекламных целях, уточнения требований к условиям их обработки и обеспечения эффективных механизмов управления рекламным воздействием со стороны пользователя. Реализация указанных направлений позволит повысить правовую определенность, обеспечить более последовательное распределение ответственности и укрепить баланс интересов участников рекламных правоотношений в сети Интернет.

Список литературы:

[1] Абалонская А. Д., Любушкина В. А. Анализ особенностей и основных аспектов правового регулирования рекламы в сети интернет в России и за рубежом / А. Д. Абалонская, В. А. Любушкина // Публично-правовые (государственно-правовые) науки. — 2024. — С. 43–53.

[2] Белоусов А. Л. Права инвесторов: поиск баланса интересов государства и бизнеса / А. Л. Белоусов // Теоретико-прикладные перспективы правового обеспечения развития экономики : материалы международного круглого стола, Минск, 24 октября 2023 года. — Минск: Белорусский государственный университет, 2023. — С. 13–17.

[3] Загалаева Ж. А. Гражданско-правовая ответственность инфлюенсеров за рекламные обязательства / Ж. А. Загалаева // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 9. — С. 314–316.

[4] Короткова Е. А. Тенденции развития и перспективы нормативного правового и договорного регулирования рекламы в сети «Интернет» / Е. А. Короткова // Евразийская адвокатура. — 2024. — № 6 (71). — С. 159–164.

[5] Кучина П. П. Правовое регулирование рекламы в сети Интернет / П. П. Кучина // Электронный научный ресурс. — 2025. — С. 38–49.

[6] Хашаева Д. А. Проблемы правового регулирования таргетированной рекламы в сети Интернет / Д. А. Хашаева // Образование и право. — 2024. — № 3. — С. 601–606.

References:

[1] Abalonskaya A. D., Lyubushkina V. A. Analysis of the features and main aspects of legal regulation of advertising on the Internet in Russia and abroad/A. D. Abalonskaya, V. A. Lyubushkina//Public-legal (state-legal) sciences. — 2024. - S. 43-53.

[2] Belousov A. L. Investors' rights: finding a balance of interests of the state and business/A. L. Belousov//Theoretical and applied prospects for legal support of economic development: materials of the international round table, Minsk, October 24, 2023. - Minsk: Belarusian State University, 2023. - S. 13-17.

[3] Zagalaeva Zh. A. Civil liability of influencers for advertising obligations/Zh. A. Zagalaeva//Agrarian and land law. — 2025. — № 9. - S. 314-316.

[4] Korotkova E. A. Trends in the development and prospects of regulatory legal and contractual regulation of advertising on the Internet/E. A. Korotkova// Eurasian Bar. — 2024. — № 6 (71). - S. 159-164.

[5] Kuchina P.P. Legal regulation of advertising on the Internet/P.P. Kuchina//Electronic scientific resource. — 2025. - S. 38-49.

[6] D. Khashaev. Problems of legal regulation of targeted advertising on the Internet/D. A. Khashaev// Education and law. — 2024. — № 3. - S. 601-606.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-406-412

ГОНЧАРОВА Валерия Андреевна,
Доцент кафедры гражданского права
Томского государственного университета,
Кандидат юридических наук,
e-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

ЕВСЕЕВА Ирина Денисовна,
Магистрант Юридического института
Томского государственного университета,
e-mail: ev5eeva.i@yandex.ru

ХАРАКТЕР ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ ЛИЦОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ОСНОВАНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ЗАКЛЮЧАЕМЫХ ИМ ДОГОВОРОВ В КАЧЕСТВЕ ПУБЛИЧНЫХ

Аннотация. *В статье рассмотрен такой признак публичных договоров, как особый характер деятельности лица, обязанного к его заключению в силу закона с каждым, кто к нему обратится. Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что исследуемый признак является отправной точкой для квалификации гражданско-правовых договоров как публичных, но в то же время он недостаточно разработан, что влечет различное понимание содержания этого признака, формирует правовую неопределенность и негативно влияет на практику применения статьи 426 Гражданского кодекса Российской Федерации. Сделан вывод о целесообразности реформирования российского законодательства в виде закрепления правила, согласно которому решение вопроса о публичности какого-либо гражданско-правового договора останется исключительно за законодателем. Это позволит избежать различной квалификации договоров, в отношении которых законодателем не было закреплено качества их публичности.*

Ключевые слова*: публичный договор, характер деятельности, социальная необходимость, публичная значимость, благо.*

GONCHAROVA Valeria Andreevna,
Associate Professor of the Department of Civil Law
Tomsk State University Candidate of Law

EVSEEVA Irina Denisovna,
Master's student at the Law Institute Tomsk State University

THE NATURE OF THE ACTIVITY CARRIED OUT BY A PERSON AS THE BASIS FOR THE QUALIFICATION OF CONTRACTS CONCLUDED BY HIM AS PUBLIC

Annotation. *The article considers such a feature of public contracts as the special nature of the activity of a person who is legally obligated to conclude it with anyone who applies to him. The relevance of the conducted research is due to the fact that the investigated feature is the starting point for qualifying civil law contracts as public, but at the same time it is insufficiently developed, which leads to a different understanding of the content of this feature, creates legal uncertainty and negatively affects the practice of applying Article 426 of the Civil Code of the Russian Federation. The conclusion is made about the expediency of reforming Russian legislation in the form of fixing the rule according to which the decision on the publicity of any civil law treaty will remain solely with the legislator. This will avoid different qualifications of contracts, in respect of which the legislator has not fixed the quality of their publicity.*

Key words: *public contract, nature of activity, social necessity, public importance, benefit.*

Согласно п. 1 ст. 426 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.). Традиционным для цивилистической доктрины является положение о том, что конструкция публичного договора является прямо следующим из п. 1 ст. 421 ГК РФ исключением из принципа свободы договора, закрепленным в законе в целях защиты интересов потребителей как наименее защищенных участников данного вида договорных отношений [6, с. 247].

Как отмечали М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, «режим публичных договоров является исключением из того общего, который опирается на принцип «свободы договоров». Указанное исключение представляет собой один из случаев действия публичного начала в гражданском праве» [7]. Из аналогичных положений исходила и Г.А. Калашникова, отмечавшая, что конструкция публичного договора является частным проявлением п. 3 ст. 55 Конституции РФ, п. 2 ст. 1 ГК РФ, по смыслу которых гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Как указывает автор, публичный договор ограничивает определенную категорию предпринимателей в свободе выбирать контрагента по своему усмотрению и в свободе определять условия договора (п. 1 и п. 4 ст. 421 ГК РФ): «цель публичного договора – защита «слабой» стороны в договоре (потребителя) и установление в экономическом правоотношении фактического, а не юридического равенства сторон» [14, с. 3].

Концепция развития гражданского законодательства 2009 г. – важнейший программный документ, предопределивший его преобразование, – в качестве целей соответствующих изменений указывала на необходимость обеспечения стабильности гражданского оборота, а также поиска оптимального баланса частных и публичных интересов. Ставшее следствием реализации концептуальных предложений масштабное реформирование гражданского законодательства 2013 и 2015 гг. затронуло соответствующие положения ст. 426 ГК РФ, однако, в незначительной части: Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ был лишь расширен лиц, для которых заключение договоров является обязательным за счет включения в него всех, а не только коммерческих, организаций, осуществляющих предпринимательскую или иную деятельность приносящую доход. Фактически, несмотря на всю отмеченную важность положений о публичном договоре, реформа с учетом собственных обозначенных целей незаслуженно обошла стороной имеющиеся трудности в толковании положений ст. 426 ГК РФ, разрешение которых непосредственно способствовало бы достижению ее вышеуказанных целей.

Представляется, однако, что не статус лица, обязанного заключить публичный договор, а особый, подчеркиваемый законодателем, – характер его деятельности, предполагающий, что лицо должно осуществлять обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, в отношении каждого, кто к нему обратится, является основным признаком рассматриваемой договорной конструкции и фактически формирует то самое исключение из принципа договорной свободы. В этом контексте обращает на себя внимание открытый перечень примеров деятельности именно с таким, по мнению законодателя, «характером», осуществляя которые лицо становится обязанным к заключению соответствующего договора с любым обратившимся к нему, предопределивший формирование двух основных способов определения того, является ли тот или иной договор публичным. Так, в ряде случаев в нормативно-правовых актах содержится прямое указание на публичный характер договора. В качестве примера можно привести договор розничной купли продажи, договор проката, договор бытового подряда, договор перевозки транспортом общего пользования и некоторые другие договоры: в соответствующих статьях части второй ГК РФ со ссылкой на ст. 426 ГК РФ закреплено, что названные договоры являются публичными. Здесь также можно упомянуть, что возможна такая ситуация, когда законодатель лишает тот или иной договор свойства публичности. Так, Федеральным законом от 13.06.2023 № 209-ФЗ абз. 2 п. 1 ст. 927 ГК РФ, провозглашавший публичность договора личного страхования, был признан утратившим силу. Тем самым, признание договора личного страхования публичным в настоящее время не представляется невозможным.

В то же время и в отношении договоров, о публичности которых прямо не указано в нормативно-правовых актах, могут действовать правила о публичном договоре. Так, согласно п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от

25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», публичным признается договор, который заключается лицом, обязанным по характеру деятельности продавать товары, выполнять работы, оказывать услуги в отношении каждого, кто к нему обратится, например договоры в сфере розничной торговли, перевозки транспортом общего пользования, оказания услуг связи, энергоснабжения, медицинского, гостиничного обслуживания (пункт 1 статьи 426 ГК РФ) [1]. При этом ни законодатель, ни Верховный Суд не раскрывают подробно категорию характера деятельности, обуславливающего публичность договора, не вводят единую, «отправную» систему соответствующих критериев оценки такой деятельности, какие-либо ориентиры для нижестоящих судов. По этой причине данный подход высшей судебной инстанции обоснованно критикуется в литературе: по справедливому мнению Д.В. Борейшо и А.А. Мальшакова, «ВС РФ не отвечает на вопрос о том, существуют ли некие объективные критерии публичного характера договора… Следует крайне осторожно относиться к квалификации в качестве публичных тех договоров, которые прямо не названы таковыми в законе… применение к некоторым договорам режима публичных - это прерогатива законодателя» [5]. Данное положение актуализирует необходимость исследования категории характера деятельности обязанной стороны публичного договора как условия, влекущего для нее обязанность заключить договор с каждым, кто к ней обратится.

Проводя исследование положений доктрины по поставленной проблеме, важно иметь в виду, что категория публичного договора в ее актуальном виде появилась в лишь в постсоветском законодательстве [16, с. 4]; как следствие, ни в дореволюционной, ни в советской литературе феномен публичного договора на требуемом уровне не изучался. В то же время на уровне современной доктрины вывод о неразработанности и опасной неопределенности ст. 426 ГК РФ в исследуемой части высказывается значительным количеством авторов, практически не подвергается сомнению и взывает к жизни попытки ученых раскрыть суть соответствующего «характера деятельности». Так, А.Г. Калашникова, обращая внимание на отмеченный недостаток нормы о публичном договоре, подчеркивает, что характер деятельности, обуславливающий возникновение обязанности заключить договор, является основным признаком публичного договора и единственным основанием для понуждения к заключению договора [13]. Из аналогичных позиций исходит А. И. Савельев, который обращает внимание на размытость критериев, позволяющих отнести тот или иной договор к числу публичных. В их числе автор называет лишь один, по его мнению, заслуживающий признания – предоставление по договору базовых благ, необходимых для нормального существования в современном мире [12, с. 859]. При этом ученый указывает: «Однако вряд ли возможно дать исчерпывающий перечень публичных договоров в текстах нормативных правовых актов, поскольку перечень базовых благ неизбежно связан с развитием общества и технологий. То, что ранее казалось роскошью, является насущной необходимостью сейчас (например, услуги мобильной связи или доступ к Интернету)» [12, с. 859-860]. В похожем ключе рассуждает А. А. Громов. Анализируя основания квалификации договора в качестве публичного, он с опорой на иностранное законодательство и труды европейских авторов отмечает социальную значимость данной договорной конструкции, в различных юрисдикциях решающей схожие по существу задачи. Ученым устанавливается три актуальных, в том числе и для российского правопорядка, варианта обоснования возникновения у лица обязанности заключить договор: «1) стремление законодателя предоставить лицу возможность получить желаемое благо, для чего это лицо наделяется правом требовать от поставщика (исполнителя) заключения договора; 2) адресованное поставщику (исполнителю) требование равного обращения с потенциальными контрагентами; 3) запрет дискриминации по определенным, установленным в законе критериям» [10]. Автор отмечает, что «для того чтобы договор был признан публичным, нужно зафиксировать, что лицо предлагает или какое-то благо, которое удовлетворяет насущную потребность населения, или является необходимым для осуществления нормальной деятельности участников оборота при отсутствии равнозначной альтернативы» [9, с. 106]. Д.В. Борейшо и А.А. Мальшакова небезосновательно отмечают при этом, что «категория базовых благ, которой первый подход оперирует в качестве ключевого критерия публичного договора, крайне спекулятивна и расплывчата. Каждый участник оборота по-разному понимает, какие блага и потребности являются стандартными» [5].

Несколько иной точки зрения придерживается С. Н. Костикова: автор указывает, что деятельность лица, для которого заключение публичного договора является обязательным, «по своему характеру должна быть публичной, т.е. содержать обращения исходя из вида деятельности коммерческой организации с предложением о заключении договора к любому и каждому. Такая обязанность может вытекать из закона и учредительных документов коммерческой организации»

[15]. Представляется, что автор не раскрывает, в чем именно состоит содержание публичной деятельности лица, а скорее указывает на последствие осуществления лицом такой деятельности в виде предоставления возможности каждому вступить с ним в договорные отношения. В похожем ключе высказывается и С. В. Дедиков, подчеркивая необходимость уточнения выражения «по характеру деятельности». По мнению автора, закон следует дополнить указанием на обязательность заключения публичных договоров с каждым обратившимся, если это предусмотрено законом, иными правовыми актами, выданными государственными органами разрешениями (лицензиями), учредительными документами либо договором [11, с. 118]. Но, как и в предыдущем рассмотренном случае, здесь также отсутствует указание на содержание деятельности, обуславливающей необходимость заключения публичного договора.

В судебной практике, связанной с рассмотрением судами конкретных дел, категория характера деятельности, из которого следует обязанность заключить публичный договор, также не раскрывается на должном уровне. Рассматривая споры, в которых применялись нормы о публичном договоре, высшие судебные инстанции, а также нижестоящие суды в основном обращают внимание на отдельные аспекты, позволяющие отнести тот или иной договор к числу публичных, но не дают систематизированный перечень критериев, определяющих публичный характер деятельности стороны договора. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П деятельность стороны публичного договора, обязанной заключить договор, определена как социально необходимая и публично значимая – при наличии этих признаков, по мнению Суда, законодатель может при осуществлении правового регулирования какого-либо вида договорных отношений применять правила о публичном договоре [3]. Примечательно, что Суд не раскрывает содержание терминов «социальная необходимость» и «публичная значимость». В Постановлении Конституционного Суда РФ от 12.05.2020 №23-П Суд также указывает: «Государственное регулирование и контроль в сфере теплоснабжения, <…> составляют - со всеми своими особенностями - ту основу, на которой строится система жизнеобеспечения, предполагающая гарантированное предоставление публично значимых услуг по передаче тепловой энергии» [4]. Тем самым, в названном документе он обращает внимание на наличие гарантий в получении услуг, предоставляемых по публичному договору.

Верховный Суд РФ, рассматривая конкретные дела, также не уточняет, что понимается под соответствующим характером деятельности. Так, анализируя положения договора об оказании физкультурно-оздоровительных услуг, предусматривающего членство в данном клубе, Суд, не соглашаясь с нижестоящими инстанциями и признавая заключенный договор публичным, указал, что предмет договора по данному делу составляют физкультурно-оздоровительные услуги, оказываемые соответствующей организацией, и их оплата гражданином. Эти услуги заключаются в создании условий для систематических занятий спортом, развитии общей физической подготовки гражданина, контроле за тренировочным процессом. При этом объективные критерии для лиц, обращающихся за заключением такого договора, в виде отсутствия противопоказаний к занятиям спортом по состоянию здоровья свидетельствуют о том, что клуб обязан заключить договор с каждым, кто будет соответствовать указанным требованиям [2].

Анализ литературы и судебной практики по вопросу о содержании понятия «характер деятельности», из которого следует обязанность заключить публичный договор, свидетельствует о неразработанности данной категории. Критерии, по которым предлагается квалифицировать договоры как публичные, на данный момент являются размытыми. Как следствие, по ряду гражданско-правовых договоров остается открытым вопрос о том, можно ли отнести их к числу публичных, что явно не идет на пользу практике применения законодательства, и как следствие, не способствует достижению тех целей, которые преследовались в ходе реформы гражданского законодательства.

Так, интересен вопрос о публичности договора об оказании платных образовательных услуг. В настоящее время в нормативно-правовых актах не содержится указания на то, что исследуемый договор является публичным, в литературе указанная квалификация находит поддержку. Так, Л. М. Волчанская отмечает: «Договор об оказании образовательных услуг не содержит по меньшей мере двух признаков публичных договоров, а именно: он заключается некоммерческой организацией - образовательным учреждением, и лишь с тем, кто успешно выдержал вступительные испытания» [8, с. 101]. Данная мысль была высказана автором до описанной реформы гражданского законодательства 2015 года, поэтому сейчас аргументы ученого представляются не соответствующими действительности, поскольку лицом, обязанным заключить публичный договор, в настоящее время является не коммерческая организация, а лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность. Образовательные учреждения можно отнести к числу лиц, осуществляющих приносящую

доход деятельность в случае, если они оказывают платные образовательные услуги. В части же заключения договора лишь с теми, кто прошел вступительные испытания можно отметить, что это правило само по себе не отменяет возможности отнесения к числу публичных договоров договора об оказании платных образовательных услуг. Так, законодатель исходит из того, что в сфере розничной торговли действуют правила о публичном договоре. В таком случае публичным договором в том числе будут являться договоры купли-продажи, заключаемые гражданами при покупке ими лекарств в аптеках. Однако некоторые лекарственные препараты могут быть приобретены человеком только при наличии у него рецепта от врача. И если такой документ у гражданина есть, фармацевт не имеет права не продать гражданину лекарства при наличии его в аптеке. Иными словами, в некоторых случаях для заключения публичного договора гражданин должен выполнить определенные требования, предусмотренные законом: получить рецепт от врача или – как в случае с договором об обучении, занятиях спортом – соответственно, пройти вступительные испытания, не иметь противопоказаний. Наличие подобных нормативных требований не исключает публичного характера заключаемого договора.

Можно также отметить, что предоставление образовательных услуг соответствует критериям социальной необходимости и публичной значимости, поскольку право на получение образования гарантировано Конституцией РФ, а само образование можно рассматривать как благо, необходимое человеку для нормальной жизни, поскольку при его наличии у лица, помимо базовых знаний, необходимых для жизни, также появляется возможность трудоустройства и получения заработка. Таким образом, наиболее обоснованной представляется точка зрения о публичности договора об оказании платных образовательных услуг. Такой подход представляется верным, поскольку он позволяет защитить права обучающихся или других лиц, осуществляющих оплату образовательных услуг по договору, как более слабой стороны договора.

Актуален и другой пример. Системный анализ ст. 2 ГК РФ в части закрепленного в ней понятия предпринимательской деятельности, а также п. 4 ст. 23 ГК РФ, допускающей применение к гражданам, осуществляющим соответствующую деятельность без регистрации, правил о предпринимателях, позволяет потенциально допустить возможность квалификации гражданина-собственника жилого помещения, которое он систематически сдает во временное владение и пользование другим лицам по договорам найма, в качестве стороны публичного договора, для которого его заключение является обязательным. Деятельность по систематическому предоставлению жилого помещения во временное владение и пользование соответствует всем признакам предпринимательской деятельности; возможное отсутствие регистрации как индивидуального предпринимателя в данном случае не будет иметь юридического значения, поскольку законодательство исходит из того, что лицо не может ссылаться на отсутствие у него регистрации, если оно фактически осуществляет предпринимательскую деятельность. Тем самым, в законе содержатся положения, позволяющие квалифицировать исследуемый договор как публичный даже с позиции его субъектного состава. Очевидно также, что обеспечение потребности в жилище является значимым социальным благом, предоставляя которое соответствующее лицо, даже физическое, удовлетворяет потребность нанимателя. Изложенное позволяет с уверенностью допустить квалификацию такого соглашения в качестве публичного. Однако тут же закономерно встает вопрос об обоснованности наличия такого исключения из правила о свободе договора, поскольку в этом случае собственник жилого помещения может лишиться возможности выбора того, кто будет проживать в его жилье, хотя это может быть для него важно, например, если он хочет предоставить свое жилое помещение близким ему людям, желая им помочь при разрешении их трудностей.

Изложенное дает основания заключить, что в настоящее время законодательная конструкция публичного договора в силу своей неопределенности и возможности многозначного толкования не лишена недостатков. В этой связи наиболее обоснованным и соответствующим целям правового регулирования отношений, связанных со свободой договора, представляется подход, в рамках которого возможность квалификации договоров как публичных будет зависеть только от наличия соответствующего указания в законе. Это позволит избежать двоякого понимания публичности отдельных видов гражданско-правовых договоров, а следовательно, обеспечить стабильность правоприменения.

Список литературы:

[1] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 20.04.2021 № 78-КГ21-12-К3 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] По делу о проверке конституционности положения подпункта 3 пункта 2 статьи 106 Воздушного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Авиационная компания «Полет» и открытых акционерных обществ «Авиакомпания «Сибирь» и «Авиакомпания «ЮТэйр» : постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2011 № 29-П // СПС «КонсультантПлюс».

[4] По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 123.22 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Лысьва-теплоэнерго» : постановление Конституционного Суда РФ от 12.05.2020 № 23-П // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Автонова Е. Д., Астапенко П. А., Борейшо Д. В., До М. Ю., Мальшаков А. А., Мымрин В. А., Никулушкина А. С., Папилин И. И., Романова О. И., Ходасевич Л. С. Комментарий к Постановлению Пленума ВС РФ от 25.12.2018 N 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2019. – №9, №10, №11 // СПС «КонсультантПлюс».

[6] Брагинский М. И. Договорное право : общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 2020. – 847 с.

[7] Брагинский М. И. Договорное право. Общие положения. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд., стереотипное. – М.: Статут, 2001. – Кн. 1 // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Волчанская Л. О договоре возмездного оказания образовательных услуг // Высшее образование в России. – 2001. – № 1. – С. 100-101.

[9] Громов А. А. Публичный договор в гражданском кодексе РФ: промежуточные результаты и дальнейшие перспективы // Вестник гражданского права. – 2024. – № 6. – С. 105-112.

[10] Громов А. А. Публичный договор: сфера действия // Вестник гражданского права. 2023. – № 4, № 5 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Дедиков С. Публичный договор // Хозяйство и право. – 1997. – № 11. – С. 115–121.

[12] Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко, О. А. Беляева [и др.] ; под ред. А. Г. Карапетов. – М. : М-Логос, 2017. – 1120 с.

[13] Калашникова Г. А. Публичный договор // disserCat — электронная библиотека диссертаций. – [Б. м.], 2025. – URL: https://www.dissercat.com/content/publichnyi-dogovor (дата обращения: 07.02.2026).

[14] Калашникова Г. А. Публичный договор : автореф. дис. …канд. юрид. наук / Г. А. Калашникова. – Краснодар, 2002. – 23 с.

[15] Костикова С. Н. Публичный договор как институт гражданского права/ disserCat — электронная библиотека диссертаций. – [Б. м.], 2025. – URL: https://www.dissercat.com/content/publichnyi-dogovor-kak-institut-grazhdanskogo-prava (дата обращения: 07.02.2026).

[16] Левченко О.С. Конструкция публичного договора в российском гражданском праве : автореф. дис. …канд. юрид. наук / О. С. Левченко. – Краснодар, 2008. – 23 с.

References:

[1] On certain issues related to the application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of a contract: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 25.12.2018 No. 49//SPS ConsultantPlus.

[2] Determination of the Judicial Collegium of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.04.2021 No. 78-KG21-12-K3//SPS “ConsultantPlus.”

[3] In the case of the verification of the constitutionality of the provision of subparagraph 3 of paragraph 2 of Article 106 of the Air Code of the Russian Federation in connection with the complaints of the closed joint-stock company Aviation Company Polet and open joint-stock companies Siberia Airlines and UTair Airlines: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20.12.2011 No. 29-P//SPS ConsultantPlus.

[4] In the case of checking the constitutionality of paragraph 5 of Article 123.22 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited liability company Lysva-teploenergo: decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.05.2020 No. 23-P//SPS ConsultantPlus.

[5] Autonova E. D., Astapenko P. A., Boreisho D. V., Do M. Yu., Malshakov A. A., Mymrin V. A., Nikulushkina A. S., Papilin I. I., Romanova O. I., Khodasevich L. S. Commentary on the Plenum Resolution of the RF Armed Forces dated 25.12.2018 No. 49 “On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract “// Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2019. - No. 9, No. 10, No. 11//SPS “ConsultantPlus.”

[6] Braginsky M.I. Contract law: general provisions/M.I. Braginsky, V.V. Vitriansky. - M.: Statute, 2020. - 847 p.

[7] Braginsky M.I. Contract Law. General provisions ./M.I. Braginsky, V.V. Vitryansky. - 3rd ed., Stereotypical. - M.: Statute, 2001. - Prince. 1//SPS “ConsultantPlus.”

[8] Volchanskaya L. On the contract of paid provision of educational services//Higher education in Russia. – 2001. – № 1. - S. 100-101.

[9] Gromov A. A. Public contract in the civil code of the Russian Federation: intermediate results and further prospects//Bulletin of civil law. – 2024. – № 6. - S. 105-112.

[10] Gromov A. A. Public Contract: Scope//Bulletin of Civil Law. 2023. - No. 4, No. 5//SPS “ConsultantPlus.”

[11] S. Dedikov Public Contract//Economy and Law. – 1997. – № 11. - S. 115-121.

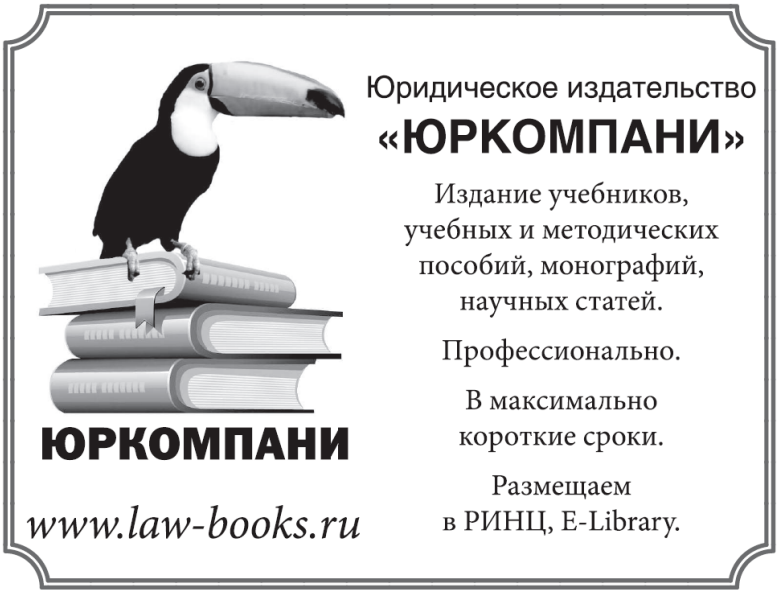
[12] Contractual and binding law (general part): article-by-article commentary to Articles 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation/V. V. Baybak, R. S. Bevzenko, O. A. Belyaev [and others]; ed. A. G. Karapetov. - M.: M-Logos, 2017. - 1120 s.

[13] Kalashnikova G. A. Public contract//disserCat - electronic library of dissertations. - [B. m.], 2025. – URL: https://www.dissercat.com/content/publichnyi-dogovor (дата обращения: 07.02.2026).

[14] Kalashnikova G. A. Public contract: abstract. dis.... cand. jurid. Sciences/G. A. Kalashnikova. - Krasnodar, 2002. - 23 s.

[15] Kostikova S. N. Public contract as an institute of civil law/disserCat - electronic library of dissertations. - [B. m.], 2025. – URL: https://www.dissercat.com/content/publichnyi-dogovor-kak-institut-grazhdanskogo-prava (дата обращения: 07.02.2026).

[16] O.S. Levchenko. Construction of a public contract in Russian civil law: abstract. dis.... cand. jurid. Sciences/O.S. Levchenko. - Krasnodar, 2008. - 23 s.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-413-421

ЕВСЕЕВА Ирина Денисовна,
Магистрант 1 курса Юридического института
Томского государственного университета,
e-mail: ev5eeva.i@yandex.ru

Научный руководитель:
ГОНЧАРОВА Валерия Андреевна,
Доцент кафедры гражданского права
Томского государственного университета,
Кандидат юридических наук,
e-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДОБРОВОЛЬНОМ СТРАХОВАНИИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ ОТ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ

Аннотация. *Статья посвящена анализу возможных направлений развития существующей в Российской Федерации системы правового регулирования добровольного страхования жилых помещений на случай наступления чрезвычайных ситуаций природного характера. Актуальность исследования обусловлена тем, что публично-правовые образования вынуждены брать на себя расходы по восстановлению гражданам их потерь от утраты или повреждения жилых помещений, наступивших в результате стихийных бедствий, но в условиях небольшого количества застрахованного жилья по всей стране и роста бюджетных расходов может возникнуть ситуация, в рамках которой все затраты гражданам не будут компенсированы, что объясняет необходимость вовлечения большего числа лиц в страховые отношения. В качестве возможных способов изменения существующей в Российской Федерации системы добровольного страховая жилья от природных катаклизмов в статье рассмотрены такие, как использование программ страхования жилых помещений публично-правовых образований, дополнение положений национальных проектов в части развития страхования, использование рыночных механизмов, секьюритизация рисков природных катастроф. Сделан вывод о возможности реформирования добровольного страхования жилых помещений с помощью некоторых направлений в соответствующей части.*

Ключевые слова: *добровольное страхование, стихийное бедствие, жилое помещение, страховой риск, секьюритизация, рыночные решения, программы публично-правовых образований.*

EVSEEVA Irina Denisovna,
student of the Law Institute Tomsk State University

Scientific supervisor:
GONCHAROVA Valeria Andreevna,
Associate Professor of the Department of Civil Law
Tomsk State University Candidate of Law

DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGISLATION ON VOLUNTARY INSURANCE OF RESIDENTIAL PREMISES AGAINST NATURAL DISASTERS

Annotation *The article is devoted to the analysis of possible directions of development of the existing system of legal regulation of voluntary insurance of residential premises in the Russian Federation in the event of natural emergencies. The relevance of the study is due to the fact that public law entities are forced to bear the costs of restoring to citizens their losses from loss or damage to*

residential premises caused by natural disasters, but with a small number of insured housing throughout the country and rising budget expenditures, a situation may arise in which all costs to citizens will not be compensated, which explains the need to involve more people in insurance relations. The article considers such possible ways to change the existing system of voluntary insurance of housing against natural disasters in the Russian Federation as the use of residential insurance programs of public law entities, the addition of provisions of national projects in the field of insurance development, the use of market mechanisms, securitization of natural disaster risks. The conclusion is made about the possibility of reforming voluntary residential insurance with the help of some directions in the relevant part.

Key words*: voluntary insurance, natural disaster, residential premises, insurance risk, securitization, market solutions, programs of public law entities.*

Согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации, Россия является социальным государством. Названное суждение означает, что государство приняло на себя обязанность по созданию условий для реализации права человека на жилище [25, с. 33]. В законе выделяются разные виды жилых помещений, но всех их объединяет то, что они могут быть подвергнуты внешнему разрушительному воздействию в результате природных катастроф.

Анализ истории современной России показывает, что чрезвычайные ситуации природного характера происходили с определенной периодичностью в различных регионах страны как минимум с середины девяностых годов [12, с. 38-39]. Убытки, понесенные гражданами в связи с утратой или повреждением жилых помещений, в таких случаях вынуждено было компенсировать государство, осуществляя выплаты пострадавшим лицам в общем размере на миллиарды рублей [7, с. 365]. В настоящее время в условиях роста расходов государства в различных сферах жизни общества может возникнуть такая ситуация, в рамках которой публично-правовые образования не смогут в полном мере возместить людям причиненный природными катаклизмами ущерб, в связи с чем следует обратить внимание на средства, позволяющие распределить убытки от повреждения имущества. В качестве одного из них традиционно рассматривается страхование [2, с. 641].

В юридической литературе прослеживается мысль о необходимости совершенствования существующей в России системы страхования жилых помещений [22, с. 131-132], поскольку в настоящее время доля застрахованного жилья в стране является незначительной и граждане в условиях низкой страховой культуры и небольшого заработка не прибегают к услугам страховщиков [27, с. 88]. В качестве одного из способов реформирования данного вида общественных отношений рядом ученых предлагается введение обязательного страхования жилых помещений на случай стихийных бедствий [7, с. 366]. Такое изменение порядка перераспределения страховых рисков представляется спорным, поскольку требует преобразования текущего законодательства, а также разработки такого механизма страхования, который бы в масштабе государства учитывал климатические особенности каждого региона, отличия в стоимости жилья и разные доходы населения и при этом позволял бы компенсировать гражданам возможные убытки, вызванные утратой или повреждением жилых помещений. В целом в литературе можно встретить точку зрения, согласно которой такой способ реформирования страховых отношений является неуместным для российского государства на данном историческом этапе [17, с. 46]. Названные ранее доводы позволяют сделать вывод об обоснованности данной точки зрения.

Поскольку в настоящее время Российская Федерация не готова к нормативному закреплению обязанности граждан страховать жилье от природных катастроф, представляется актуальным исследование возможных способов реформирования системы добровольного страхования жилых помещений от подобного рода рисков, которое позволило бы увеличить количество застрахованного жилья в государстве и сократить бюджетные расходы, направленные на устранение последствий природных катаклизмов.

В науке предлагаются различные варианты снижения рисков утраты или повреждения жилых помещений, вызванных чрезвычайными ситуациями природного характера. Условно их можно подразделить на несколько групп.

Ряд ученых в качестве возможного способа реформирования отношений по страхованию жилых помещений от природных катаклизмов указывают на необходимость использования программ добровольного страхования жилых помещений, принятых на уровне публично правовых образований [17, с. 46]. Так, например, в г. Москве вплоть до 2022 года действовала система заключения новых договоров страхования жилых помещений с использованием механизма уплаты страховых взносов при помощи платежных документов на оплату жилищно-коммунальных услуг. А. В. Феоктистов дает следующую характеристику

названной программе: «В квитанции об оплате коммунальных услуг жителю Москвы надо поставить галочку и затем ежемесячно оплачивать страховые взносы, которые, как подтверждает практика выплат, ничтожны, поскольку определяются в соответствии с нормами утвержденной стоимости одного квадратного метра жилья, что намного ниже рыночной стоимости. Городская власть в свою очередь берет на себя обязательство в случае утраты застрахованной квартиры предоставить жилье» [24, с. 5].В качестве итога реализации исследуемой программы в Москве следует признать увеличение количества застрахованного жилья в регионе: по меньшей мере половина жилых помещений из всех находящихся в субъекте Российской Федерации оказалась застрахованной [16, с. 107]. Однако Р.Р. Яруллин, Р. З. Кинзябулатов, З.Ф. Шарифьянова, проводя сравнение льготных программ страхования жилья в регионе и коммерческого страхования, подчеркивают, что последнее имеет преимущество в виде более качественного страхового покрытия и более значительных по своему размеру сумм страхового возмещения [16, с. 107].

Комментируя отмену действия региональной программы страхования жилья, представитель Департамента городского имущества г. Москвы отметил, что от страхования жилья посредством оплаты коммунальных услуг возможно отказаться по причине того, что в регионе сформирована система страхования в жилищной сфере и как следствие, посредник в виде г. Москвы не нужен ни страховщикам, ни страхователям [3]. В то же время И.П. Соломатин указал на спорность такой причины отмены льготного страхования в субъекте России: по его мнению, подобное решение названного органа государственной власти субъекта не приведет к заключению гражданами новых договоров страхования жилья [3]. Следует согласиться с данным тезисом, поскольку размер страховой премии по договору страхования жилого помещения, заключенного без участия города Москвы, будет явно отличаться от сумм, уплачиваемых страхователями ранее по программе льготного страхования, поскольку она предполагала финансовое участие субъекта России в возмещении ущерба, чего не будет при заключении договора страхования напрямую со страховщиком. Давая оценку льготным программам страхования жилых помещений, следует отметить, что такая система вполне может быть рассмотрена как один из возможных способов оптимизации расходования бюджетных средств на компенсацию гражданам затрат, понесенных в связи с восстановлением или приобретением нового жилья, поскольку эта система позволяет вовлечь значительное число как страховщиков, так и страхователей в страховые отношения, которые в последующем сформируют страховой фонд с достаточным для покрытия ущерба от наступления страхового случая капиталом.

Ранее в Российской Федерации также действовала другая программа, одной из целей которой было провозглашено снижение риска чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Речь идет о федеральной целевой программе «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2015 года» [28]. К ее целям, помимо названной выше, относятся также сокращение количества погибших и пострадавших в чрезвычайных ситуациях; предотвращение экономического ущерба от чрезвычайных ситуаций. В 2015 году сообщалось о разработки похожей программы, которая бы действовала до 2025 года [18], однако она так и не была принята. Несмотря на то, что программа ставит целью минимизацию рисков природных катастроф, следует признать, что лишь одним ее принятием нельзя будет ограничиться при решении вопроса уменьшения бюджетных расходов, направленных на восстановление утраченного или поврежденного жилья людей, поскольку данная программа не предполагала формирование фонда денежных средств, из которых бы осуществлялись выплаты пострадавшим людям. В науке также подчеркивается, что снижение экономического ущерба от чрезвычайных ситуаций образует лишь косвенную экономическую эффективность реализации мероприятий подобных целевых программ [1, с. 27].

В настоящее время решение вопроса по организации возмещения ущерба, причиненного жилым помещениям граждан в результате чрезвычайных ситуаций, осуществляется путем предоставления субъектам Российской Федерации права принимать программы по организации возмещения подобного рода ущерба с использованием механизма добровольного страхования. Однако в 2024 году в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, в котором предлагается указанное выше право превратить в обязанность субъектов, поскольку на момент обращения с законодательной инициативой ни в одном из субъектов России не была принята такая программа [13], что свидетельствует о неэффективности действующего правового регулирования соответствующей группы общественных отношений. В апреле 2025 года исследуемый законопроект был снят с рассмотрения Государственной Думы Российской Федерации в связи с отзывом субъектами права законодательной инициативы [14]. Примечательно, что Правительство Российской Федерации в целом поддержало при-

нятие законопроекта, указав на необходимость доработки некоторых процедурных аспектов [11]. В этой связи, а также с учетом того, что обязание субъектов Российской Федерации принимать названные выше программы может поспособствовать появлению в государстве программ добровольного страхования жилых помещений, учитывающих особенности каждого конкретного региона, отзыв законопроекта из Государственной Думы Российской Федерации вызывает обоснованные сомнения, поскольку принятие в каждом субъекте подобного рода программ могло бы поспособствовать снижению затрат публично-правовых образований на компенсацию гражданам утраты или повреждения жилья, наступивших в результате стихийных бедствий.

А. А. Цыганов делает акцент на необходимости развития добровольного страхования жилых помещений с помощью доработки национального проекта «Жилье и городская среда» [29], допуская дополнение его положениями о введении страхования комплексно [26, с. 256]. Данный национальный проект осуществлялся до 2024 года включительно, похожим на него национальным проектом сейчас является национальный проект «Инфраструктура для жизни» [30]. Важно учитывать, что у таких проектов есть нормативно закрепленный перечень целей и задач, по которым можно определить основные направления его реализации. Применительно к национальному проекту «Жилье и городская среда» можно отметить, что ключевой его целью является обеспечение жильем семей со средним достатком, в то время как национальный проект «Инфраструктура для жизни» направлен больше на обеспечение граждан коммунальной, транспортной, социальной инфраструктурой более высокого качества. В связи с чем можно сделать вывод, что дополнение этих проектов положениями о развитии страхования как способ решения поставленной в настоящем исследовании проблемы представляется, скорее, нецелесообразным, поскольку эти проекты предназначены для выполнения задач несколько иного рода, что не позволит им в полной мере уделить внимание преобразованию существующей системы страхования жилых помещений в целом по всему государству. Поэтому следует сделать вывод, что применение национальных проектов как способа развития добровольного страхования в масштабах всего жилищного фонда России представляется неэффективным.

На данном этапе исследования следует сделать вывод, что участие публично-правовых образований в страховании жилых помещений с помощью различного рода программ имеет потенциал, поскольку может послужить удачным средством снижения бюджетных расходов и способом вовлечения большего числа граждан в страховые отношения. В статье «Страхования природных и техногенных рисков в интересах социальной поддержки населения при чрезвычайных ситуациях» учеными по этому поводу дан весьма ценный комментарий: «Наличие и эффективность работы программ взаимодействия государства и страховой отрасли способствуют популяризации страхования и позволяют эффективно управлять рисками ЧС. Участвуя в данных программах, государство способствует общественному признанию ценности и необходимости страхования для содействия снижению рисков, быстрого и эффективного возмещения ущерба пострадавшим в результате ЧС» [22, с. 125-126]. Представляется перспективным разработка и принятие по всей территории Российской Федерации подобного рода программ, главной целью которых будет являться именно развитие добровольного страхования, а не осуществление другого рода действий.

В литературе можно встретить предложения иного рода по совершенствованию существующей в государстве системы добровольного страхования жилых помещений от природных катастроф. К таковым можно отнести, например, использование рыночных страховых решений [19, с. 37]. Н.Б. Грищенко, анализируя практику применения подобных механизмов в Германии и Великобритании, подчеркивает, что у такого вида управления страховыми рисками есть недостаток в виде существования значительных по размерам стразовых премий в регионах, в которых чаще всего происходят стихийные бедствия [4, с. 141]. Применительно к Российской Федерации можно сказать, что такой недостаток является существенным, поскольку значительная часть ее территории подвержена риску наступления тех или иных природных катастроф, и граждане в условиях низкого дохода и высоких размеров страховых премий не могут позволить себе застраховать жилье.

Весьма интересные тезисы о перспективах применения рыночных решений при страховании жилых помещений высказаны Э.А. Русецкой. Например, по мнению ученого коммерческое страхования является самой оптимальной формой страхования имущества от природных катастроф [19, с. 40]. Автор указывает: «Коммерческое страхование - это такой способ образования и управления страховым фондом, когда для выполнения этих задач создается специализированная страховая организация, цель которой - извлечение из страхования прибыли» [19, с. 40]. При этом Э.А. Русецкая подчеркивает: «Главной проблемой для страхователей при выборе данной формы организации страхового фонда остается тот факт, что у каждой страховой компании существует строго определенный перечень рисков и исключе-

ний из страхового покрытия, а также размер страховой премии может быть необоснованно завышенным» [19, с. 41]. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что коммерческое страхование может не справиться с задачей вовлечения большого числа страхователей в отношения по страхованию жилых помещений, в связи с чем тезис, согласно которому такая форма страхования является самой оптимальной, представляется спорной.

Э.А. Русецкая также указывает на перспективность использования вмененной формы проведения страхования в имущественном страховании [19, с. 42]. При этом автор приводит следующую дефиницию: «Под вмененным страхованием следует понимать такую форму страхования, проведение которой для страхователя является необходимым и достаточным условием для допуска к определенному виду деятельности либо для совершения определенных действий, а для страховщика осуществляется на условиях и в порядке, предусмотренном для добровольного страхования» [19, с. 42]. Однако такой подход к регулированию порядка вступления в страховые отношения представляется спорным, поскольку страхователями обычно являются физические лица - собственники или владельцы жилых помещений, и фактическое обязывание их страховать жилье при условии, что для страховщиков такой вид страхования останется добровольным, создает опасную ситуацию, в рамках которой на страхователя как более слабую сторону гражданско-правового договора в отличие от страховщиков налагаются определенные обязанности, что может создать условия для навязывания страховщиками своих услуг или завышения цен на них.

В другой работе Э.А. Русецкая исследует вопрос перестрахования катастрофических рисков в России и за рубежом. По результатам исследования автор приходит к следующему выводу: «Для снижения зависимости перестрахования катастрофических рисков от международной конъюнктуры в России целесообразно формирование: перестраховочных пулов; профессиональных объединений страховщиков» [20, с. 39]. Такое предложение представляется обоснованным, однако необходимо учитывать, что для достижения подобного рода образованиями эффективности в осуществляемой ими деятельности необходимо расширение их действия по всему государству. Так, если перестраховочный пул будет действовать на небольшой территории и она подвергнется природному бедствию, логично предположить, что средств пула может не хватить на возмещение убытков. В части профессиональных объединений страховщиков, которые создаются в том числе в целях установления правил профессиональной деятельности, следует также подчеркнуть, что именно общегосударственный масштаб его действия будет способствовать достижению равенства участников страховых отношений, поскольку так страховщики смогут, например, установить максимальный размер страховых премий или возможные льготные тарифы для отдельных групп страхователей, что будет соответствовать положениям статьи 19 Конституции Российской Федерации.

Следует признать положительным явлением существование на современном рынке страховых услуг коробочных продуктов. К. А. Трофимова характеризует их следующим образом: «Под коробочным продуктом обычно понимается договор страхования готового набора рисков по фиксированным тарифам с упрощенной процедурой оформления страхования и выплат (страхование без осмотра и описи имущества, уменьшение числа документов, необходимых для заключения договора)» [23, с. 95]. В литературе подчеркивается удобство заключения этого вида договоров как для страховщиков, так и для страхователей [5, с. 88-89]. В то же время, поскольку страхование жилых помещений до сих пор остается непопулярным среди российского населения, представляется необходимым принятие иных мер, направленных на рост количества застрахованного жилья в государстве.

В числе подобных мер большинство ученых называют развитие страховой культуры российского населения [16, с. 112], проведение информационных мероприятий, направленных на донесение до широкого числа лиц сведений о преимуществах минимизации рисков утраты или повреждения жилых помещений [16, с. 112], принятие превентивных мер по снижению вероятности наступления чрезвычайных ситуаций природного характера [9, с. 50], расширение прямых продаж страховых услуг [15, с. 73]. Названные меры могут поспособствовать развитию системы добровольного страхования, поскольку их результатом могут выступить рост количества застрахованного жилья и снижение страховых рисков, но вместе с тем они сами по себе не решают проблему несения государством существенных расходов по ликвидации последствий природных катастроф.

Наконец, в качестве альтернативного способа управления страховыми рисками утраты или повреждения жилых помещений, вызванных стихийными бедствиями, в науке рассматривается использование механизма секьюритизации, то есть преобразования активов в ценные бумаги. В общем виде этот процесс был описан Ю. Э. Слепухиной: «Страховая или перестраховочная компания несет обязательства по рискам, принятым на страхование. Чтобы захеджировать данные

риски, страховщик заключает договор со специальной компанией, по которому за фиксированную плату получает определенный доход при реализации риска (наступлении страхового события). Специальная компания выпускает облигации, основанные на страховых рисках, купон по которым является плавающим и зависит от наступления страхового события, и покупает безрисковые долговые бумаги, доход от которых - в соответствии с договором и условиями выпуска облигаций - будет распределяться между оригинатором (страховщиком) и держателями рисковых облигаций» [21, с. 27].

В науке обращается внимание на эффективность такого метода перераспределения страховых рисков [6, с. 6]. Среди его достоинств ученые выделяют независимость от цикличности экономики [8, с 13] и продолжительный срок защиты [10, с. 68], наличие для страховщика гарантий возмещения его убытков при наступлении страхового случая [21, с. 28] и следующее за этим снижение цен на страховые услуги для страхователей [21, с. 28]. Следует также обратить внимание на еще одну сильную сторону секьюритизации, которая заключается в том, что публично-правовые образования не обязаны напрямую финансово участвовать в процессе секьюритизации.

В то же время в литературе подчеркивается необходимость совершенствования правового регулирования отношений, связанных с подобного рода финансовыми инструментами [8, с. 17]. М.В. Мосягина определяет отсутствие регламентирующих актов как слабую сторону секъюритизации [8, с. 14]. И этот факт оказывает непосредственное влияние на наличие других недостатков в описываемой системе перераспределения страховых рисков в виде отсутствия опыта ее применения и низкой ликвидности таких ценных бумаг [8, с 14]. Представляется, что с учетом наличия у секьюритизации потенциала как источника дополнительного финансирования катастрофических рисков, законодателю следует уделить внимание развитию этого правового явления, в частности, путем регламентации особенностей осуществления деятельности специальной организации, которая может выпускать облигации, основанные на страховых рисках.

Подытожив все вышесказанное, следует сделать вывод, что существующая в Российской Федерации система добровольного страхования жилых помещений на случай стихийных бедствий в настоящее время может быть реформирована путем ее дополнения инструментами, которые позволят вызвать рост количества застрахованного жилья в России и снизить бюджетные расходы по ликвидации последствий природных катастроф. В их числе можно назвать применение публично-правовыми образованиями программ добровольного страхования жилых помещений, развитие правового регулирования о перестраховочных пулах и профессиональных объединениях страховщиков и использование механизмов секьюритизации. Также следует уделить внимание развитию страховой культуры населения, проведению информационных мероприятий, принятию превентивных мер, расширению прямых продаж страховых услуг.

Список литературы:

[1] Воробьев Ю. Л. Федеральная целевая программа «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2010 года» как инструмент обеспечения национальной безопасности // Технологии гражданской безопасности. – 2006. – Т. 3, № 1 – С. 22-27.

[2] Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 2 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. – М : Проспект, 2020. – 880 с.

[3] Гришина Т. Страховку вычеркнули из платежек [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – [Б. м.], 2020. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4616663 (дата обращения: 19.02.2026).

[4] Грищенко Н. Б. Региональные аспекты страхования жилья от природных рисков // Вестник НГУЭУ. – 2015. – № 2. – С. 137-148.

[5] Дедиков С. «Коробочные» страховые продукты: правовые аспекты // Хозяйство и право. – 2016. – № 10 (477). – С. 88-95.

[6] Демченко О. В. Секьюритизация страховых рисков : автореф. дис. …канд. юрид. наук / О. В. Демченко. – СПб., 2008. – 24 с.

[7] Евсеева И. Д. Современное состояние правового регулирования страхования жилых помещений на случай стихийных бедствий в Российской Федерации и возможные способы его совершенствования // Образование и право. – 2025. – № 3. – С. 364-371.

[8] Мосягина М. В. Обоснование принятия решений при управлении рисками катастроф : автореф. дис. …канд. юрид. наук / М. В. Мосягина. – М., 2010. – 29 с.

[9] О необходимости планирования мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного характера / А. И. Пономарев, А. В. Байков, К. В. Александров, Е. В. Арефьева // Технологии гражданской безопасности. – 2022. – Т. 19, № 1 (71) – С. 49-52.

[10] Огорелкова Н. В. Вопросы секьюритизации рисков природных катастроф в России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2016. – № 3 – С. 67-76.

[11] Официальный отзыв Правительства Российской Федерации на проект федерального закона «О внесении изменений в статью 11-1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и статьи 44 и 53 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»» // Система обеспечения законодательной деятельности. – [Б. м.], 2025. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/605295-8 (дата обращения: 19.02.2026).

[12] Полец А. Ю. Моделирование очага методом инверсии волновых форм на примере Нефтегорского землетрясения 1995 года / А. Ю. Полец, Т. К. Злобин // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. – 2017. – № 1 (191). – С. 38-42.

[13] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 11-1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и статьи 44 и 53 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»» // Система обеспечения законодательной деятельности. – [Б. м.], 2025. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/605295-8 (дата обращения: 19.02.2026).

[14] Проект федерального закона «О внесении изменений в статью 11-1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и статьи 44 и 53 Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»» // Система обеспечения законодательной деятельности. – [Б. м.], 2025. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/605295-8 (дата обращения: 19.02.2026).\

[15] Прокопьева Е. Л. Современный страховой рынок России: проблемы и потенциал развития // Дайджест-финансы. – 2022 – Т. 27, №. 1 (261) – С. 66-88.

[16] Развитие страхования жилья в регионе / Р. Р. Яруллин, Р. З. Кинзябулатов, З. Ф. Шарифьянова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 107-114.

[17] Роль обязательного страхования жилья в России / И. В. Шевченко, П. Г. Мартыненко, В. В. Котов // Дайджест-финансы. – 2006. – № 1. – С. 42-46.

[18] Россия разработает программу снижения опасности бедствий до 2025 года // РИА Новости – [Б. м.], 2020. – URL: https://ria.ru/20151014/1301537979.html (дата обращения: 19.02.2026).

[19] Русецкая Э. А. Страхование от чрезвычайных ситуаций в системе обеспечения экономической безопасности страны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность – 2014. – № 18 – С. 34-43.

[20] Русецкая Э. А. Формирование современной модели защиты в имущественном страховании от катастрофических рисков. / Э. А. Русецкая, О. А. Анохина // Финансы и кредит – 2012. – № 46 (526) – С. 36-42.

[21] Слепухина Ю. Э. Комплексное управление рисками в страховых организациях : автореф. дис. …канд. юрид. наук / Ю. Э. Слепухина. – М., 2011. – 43 с.

[22] Страхования природных и техногенных рисков в интересах социальной поддержки населения при чрезвычайных ситуациях / В. П. Авдотьин, Ю. С. Авдотьина, Л. В. Палинкаш [и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Агрономия и животноводство. – 2017. – Т. 12, № 12. – С. 121-136.

[23] Трофимова К. А. Отношение российского населения к страхованию // Народонаселение. – 2017 – № 1 (75) – С. 92-102.

[24] Феоктистов А. В. Перспективы введения обязательного страхования жилых помещений в России: полис вместо помощи / А. В. Феоктистов, В. С. Акимова // Наука. Общество. Государство. – 2014. – № 2.

[25] Филиппов П. М. Принцип социальности жилищного права / П.М. Филиппов, О.А. Ковалева // Legal Concept. – 2016. – № 3 (32). – С. 31-37.

[26] Цыганов А. А. Развитие страхования жилья в национальном проекте «Жилье и городская среда» // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – Т. 227, №. 1 – С. 246-266.

[27] Чапаев Н. М. Тенденции развития добровольного социального страхования в России на современном этапе / Н. М. Чапаев, М. М. Гаджиясулов // Управление экономическими системами: электроннный научный журнал. – 2013. – № 10 (58). – С. 88.

[28] Утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 555 «О федеральной целевой программе «Снижение рисков и смягчение последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в Российской Федерации до 2015 года».

[29] Утвержден протоколом президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 дек. 2018 г. № 16 «Паспорт национального проекта «Жильё и городская среда».

[30] Утвержден Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Рос-

сийской Федерации, 2025 г. «Паспорт национального проекта. Национальный проект «Инфраструктура для жизни».

References:

[1] Vorobyov Yu. L. Federal target program “Risk Reduction and Mitigation of Natural and Man-Made Emergencies in the Russian Federation until 2010” as a tool for ensuring national security//Civil Security Technologies. – 2006. - T. 3, NO. 1 - S. 22-27.

[2] Civil law: textbook: in 3 vols. T. 2/E. N. Abramova, N. N. Averchenko, K. M. Arslanov [and others]; ed. A.P. Sergeeva. - M: Prospect, 2020. - 880 s.

[3] Grishina T. Insurance was deleted from payments [Electronic resource]/Kommersant website. - [B. m.], 2020. - URL: https://www.kommersant.ru/doc/4616663 (access date: 19.02.2026).

[4] Grishchenko N. B. Regional aspects of home insurance against natural risks//Bulletin of NSUEU. – 2015. – № 2. - S. 137-148.

[5] Dedikov S. “Boxed” insurance products: legal aspects//Economy and law. – 2016. – № 10 (477). - S. 88-95.

[6] O.V. Demchenko. Securitization of insurance risks: abstract. dis.... cand. jurid. Sciences/O. V. Demchenko. - St. Petersburg, 2008. - 24 s.

[7] Evseeva I. D. The current state of legal regulation of insurance of residential premises in case of natural disasters in the Russian Federation and possible ways to improve it//Education and law. – 2025. – № 3. - S. 364-371.

[8] Mosyagina M.V. Justification of decision-making in disaster risk management: abstract. dis.... cand. jurid. Sciences/M.V. Mosyagina. - M., 2010. - 29 s.

[9] On the need to plan measures for the prevention and elimination of natural emergencies/A. I. Ponomarev, A. V. Baikov, K. V. Alexandrov, E. V. Arefieva//Civil Safety Technologies. – 2022. - T. 19, NO. 1 (71) - S. 49-52.

[10] Ogorelkova N.V. Issues of securitization of risks of natural disasters in Russia//Bulletin of Omsk University. “Economics” series. – 2016. - NO. 3 - S. 67-76.

[11] Official response of the Government of the Russian Federation to the draft federal law “On Amendments to Article 11-1 of the Federal Law” On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies “and Articles 44 and 53 of the Federal Law” On General Principles of Organization of Public Power in the Constituent Entities of the Russian Federation “//Legislative Support System. - [B. m.], 2025. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/605295-8 (access date: 19.02.2026).

[12] Polets A. Yu. Modeling of the focus by the method of inversion of wave forms using the example of the 1995 Neftegorsk earthquake/A. Yu. Polets, T. K. Zlobin//Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2017. – № 1 (191). - S. 38-42.

[13] Explanatory note to the draft federal law “On Amendments to Article 11-1 of the Federal Law” On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies “and Articles 44 and 53 of the Federal Law” On General Principles of the Organization of Public Power in the Constituent Entities of the Russian Federation “//

legislative activities. - [B. m.], 2025. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/605295-8 (access date: 19.02.2026).

[14] Draft federal law “On Amendments to Article 11-1 of the Federal Law” On the Protection of the Population and Territories from Natural and Man-Made Emergencies “and Articles 44 and 53 of the Federal Law” On General Principles of Organization of Public Power in the Constituent Entities of the Russian Federation “//Legislative Support System. - [B. m.], 2025. - URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/605295-8 (Accessed: 19.02.2026).\

[15] Prokopyeva E. L. The modern insurance market of Russia: problems and potential for development//Digest finance. - 2022 - T. 27, NO. 1 (261) - S. 66-88.

[16] Development of home insurance in the region/R. R. Yarullin, R. Z. Kinzyabulatov, Z. F. Sharifyanova//Bulletin of Orenburg State University. – 2007. – № 2. - S. 107-114.

[17] The role of compulsory home insurance in Russia/I.V. Shevchenko, P.G. Martynenko, V.V. Kotov//Digest Finance. – 2006. – № 1. - S. 42-46.

[18] Russia will develop a disaster risk reduction program until 2025//RIA Novosti - [B. m.], 2020. - URL: https://ria.ru/20151014/1301537979.html (access date: 19.02.2026).

[19] Rusetskaya E. A. Insurance against emergencies in the country’s economic security system// National interests: priorities and security - 2014. - NO. 18 - S. 34-43.

[20] Rusetskaya E. A. Formation of a modern model of protection in property insurance against catastrophic risks ./E. A. Rusetskaya, O. A. Anokhina//Finance and Credit - 2012. - NO. 46 (526) - S. 36-42.

[21] Slepukhina Yu. E. Comprehensive risk management in insurance organizations: ref. dis.... cand. jurid. Sciences/Yu. E. Slepukhina. - M., 2011. - 43 s.

[22] Insurance of natural and man-made risks in the interests of social support of the population in emergency situations/V.P. Avdotin, Yu. S. Avdotin,

L.V. Palinkash [et al.]//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Agronomy and animal husbandry. – 2017. - T. 12, NO. 12. - S. 121-136.

[23] Trofimova K. A. Attitude of the Russian population to insurance//Population. - 2017 - NO. 1 (75) - S. 92-102.

[24] Feoktistov A. V. Prospects for the introduction of compulsory insurance of residential premises in Russia: policy instead of assistance/A. V. Feoktistov, V. S. Akimova//Science. Society. State. – 2014. – № 2.

[25] Filippov P.M. Principle of sociality of housing law/P.M. Filippov, O.A. Kovaleva//Legal Concept. – 2016. – № 3 (32). - S. 31-37.

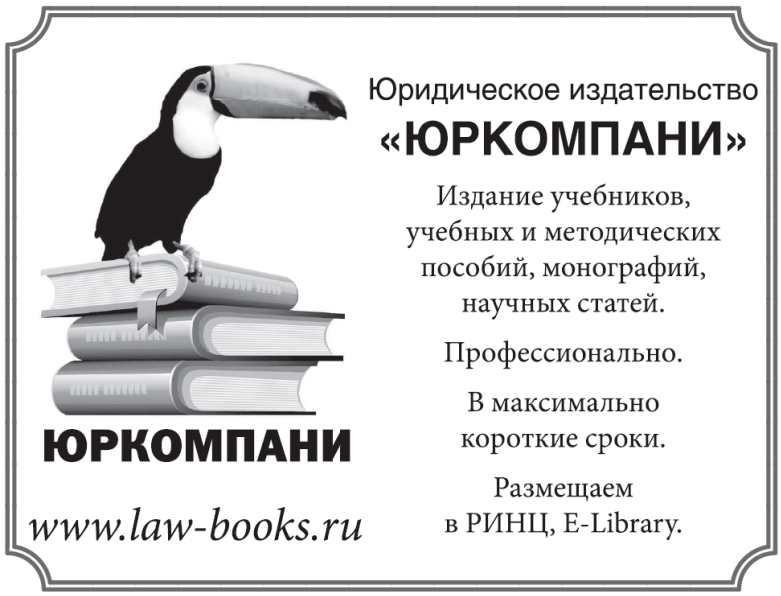
[26] Tsyganov A. A. Development of home insurance in the national project "Housing and Urban Environment "//Scientific works of the Free Economic Society of Russia. – 2021. - T. 227, NO. 1 - S. 246-266.

[27] Chapaev N. M. Trends in the development of voluntary social insurance in Russia at the present stage/N. M. Chapaev, M. M. Hajiyasulov//Management of economic systems: electronic scientific journal. – 2013. – № 10 (58). - S. 88.

[28] Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of July 7, 2011 No. 555 "On the federal target program "Reducing risks and mitigating the consequences of natural and man-made emergencies in the Russian Federation until 2015."

[29] Approved by the Protocol of the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects of December 24, 2018 No. 16 "Passport of the national project "Housing and Urban Environment."

[30] Approved by the Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation, 2025 "Passport of the national project. National Infrastructure for Life Project.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-422-426

ГАТИЯТУЛЛИНА Эльмира Маратовна,
Аспирант Университета управления «ТИСБИ» (г. Казань),
e-mail: askoelm@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ «КОНТРОЛИРУЕМОГО ОБОРОТА» ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация. *В условиях цифровой экономики персональные данные приобретают самостоятельную рыночную ценность, однако существующие гражданско-правовые механизмы не обеспечивают субъекту данных реального контроля над их оборотом после первичной передачи оператору. Настоящая статья посвящена разработке и обоснованию концепции «контролируемого оборота» персональных данных как теоретической основы для совершенствования гражданско-правового регулирования в данной сфере. Исследуется применимость категории гражданско-правового оборота к персональным данным, выявляются недостатки действующих механизмов (согласие, поручение на обработку), формулируются ключевые элементы авторской концепции и предлагаются конкретные правовые инструменты её реализации. Проводится сравнительно-правовой анализ подходов GDPR и китайского Закона о защите персональной информации (PIPL). По итогам исследования предложены поправки de lege ferenda: введение статьи 141.2 ГК РФ о «цифровом представлении личности» и норм об ответственности последующих получателей данных перед субъектом.*

Ключевые слова: *персональные данные; контролируемый оборот; гражданско-правовые механизмы; субъект персональных данных; оборотоспособность; цифровые права; ФЗ-152; GDPR; PIPL; de lege ferenda.*

GATIYATULLINA El'mira Maratovna,
Postgraduate University of Management "TISBI" (Kazan)

THE CONCEPT OF «CONTROLLED CIRCULATION» OF PERSONAL DATA: CIVIL LAW MECHANISMS FOR IMPLEMENTATION

Annotation. *In the digital economy, personal data acquires independent market value; however, existing civil law mechanisms fail to ensure the data subject's effective control over their data after initial transfer to an operator. This article develops and substantiates the concept of «controlled circulation» of personal data as a theoretical framework for improving civil law regulation in this area. The applicability of the civil law category of «circulation» to personal data is examined; shortcomings of existing mechanisms (consent, processing assignment) are identified; the key elements of the concept are formulated; and specific legal instruments for its implementation are proposed. A comparative legal analysis of the GDPR and Chinese Personal Information Protection Law (PIPL) approaches is conducted. The study proposes de lege ferenda amendments: the introduction of Article 141.2 of the Civil Code of the Russian Federation on «digital representation of personality» and norms on the liability of subsequent data recipients to the data subject.*

Key words: *personal data; controlled circulation; civil law mechanisms; data subject; alienability; digital rights; Federal Law No. 152-FZ; GDPR; PIPL; de lege ferenda.*

Введение

Стремительное развитие цифровой экономики кардинально изменило статус персональных данных в системе экономических отношений: из сугубо личной информации они превратились в ресурс, обладающий самостоятельной рыночной ценностью [1]. Сегодня персональные данные служат основой бизнес-моделей крупнейших технологических компаний, объектом трансграничных транзакций и предметом коммерческих соглашений между операторами, агрегаторами и дата-брокерами [2]. Между тем российское граж-

данское законодательство по-прежнему не признаёт персональные данные самостоятельным объектом гражданских прав: статья 128 ГК РФ не содержит упоминания о них ни в одной из существующих категорий объектов [3].

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — ФЗ-152) регулирует отношения в сфере обработки персональных данных преимущественно в публично-правовой парадигме: его нормы направлены на ограничение и контроль обработки, тогда как гражданско-правовые механизмы участия субъекта в обороте собственных данных остаются фрагментарными и системно не выстроенными. Результатом становится парадоксальная ситуация: субъект персональных данных формально защищён на этапе первичной передачи данных оператору, однако утрачивает какую-либо правовую связь с ними в процессе дальнейшего оборота — при передаче данных третьим лицам, смене оператора или трансграничной передаче [4].

Изложенное свидетельствует о наличии существенного пробела в доктрине и законодательстве: отсутствует концептуальная модель, которая позволяла бы сохранять правовую связь субъекта с его данными на всех этапах их движения. Восполнению данного пробела посвящена настоящая статья.

Целью исследования является разработка и обоснование концепции «контролируемого оборота» персональных данных как теоретической основы для совершенствования гражданско-правового регулирования. Для её достижения поставлены следующие задачи: (1) проанализировать применимость категории гражданско-правового оборота к персональным данным; (2) выявить недостатки действующих договорных механизмов; (3) сформулировать ключевые элементы концепции «контролируемого оборота» и предложить инструменты её реализации; (4) провести сравнительно-правовой анализ зарубежных подходов.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы. Теоретическую основу образуют труды О.А. Городова, Э.В. Талапиной, А.И. Савельева, В.В. Архипова, а также зарубежных исследователей P. Schwartz и D. Solove [5; 6].

1. Понятие оборота применительно к персональным данным

1.1. Гражданско-правовая природа «оборота»

Категория оборотоспособности объектов гражданских прав закреплена в статье 129 ГК РФ, согласно которой объекты могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства. Классическая доктрина связывает оборот с передачей права собственности или иного вещного права, что предполагает выбытие объекта из сферы господства отчуждателя [7]. Применительно к персональным данным эта конструкция обнаруживает принципиальные ограничения: данные неотчуждаемы от личности субъекта, воспроизводимы без уничтожения у первоначального обладателя и способны находиться у неограниченного числа лиц одновременно.

Таким образом, традиционная модель вещного оборота к персональным данным неприменима в полной мере. Передача данных оператору не прекращает связи между данными и субъектом — она лишь порождает у оператора правомочие на обработку, ограниченное целями и условиями, установленными субъектом или законом [8].

1.2. Специфика оборота нематериальных благ с цифровым содержанием

Персональные данные сочетают черты информации (воспроизводимость, нематериальность) и нематериального блага (неразрывная связь с личностью субъекта). Эта двойственность обусловливает уникальную правовую проблему: при «передаче» данных оператору субъект не утрачивает ни самих данных, ни связи с ними, однако теряет фактическую возможность контролировать их дальнейшее движение.

Данное обстоятельство указывает на необходимость специальной модели регулирования, при которой правовая связь «субъект — данные» сохраняется на протяжении всего жизненного цикла данных, а не прекращается в момент их первичной передачи. Такую модель предлагается обозначить как «контролируемый оборот» персональных данных.

2. Действующие договорные механизмы и их недостатки

2.1. Согласие субъекта персональных данных: договор или односторонняя сделка?

Согласие субъекта персональных данных, предусмотренное статьей 9 ФЗ-152, является центральным правовым механизмом легитимации обработки. В доктрине не сложилось единого мнения о его правовой природе: одни авторы квалифицируют согласие как одностороннюю сделку, другие — как оферту к заключению договора об обработке персональных данных [9].

Независимо от квалификации, согласие страдает рядом системных недостатков. Во-первых, оно лишено синаллагмы: субъект не получает встречного предоставления и не приобретает юридически обеспеченных прав требования к опе-

ратору в части последующего оборота данных. Во-вторых, «согласие под принуждением» (когда отказ от согласия влечёт невозможность получения услуги) лишает конструкцию реального волевого содержания [10]. В-третьих, механизм отзыва согласия (ст. 9 ч. 2 ФЗ-152) фактически не обеспечивает уничтожение данных у третьих лиц, которым они были переданы оператором.

2.2. Поручение на обработку (ч. 3 ст. 6 ФЗ-152) и гражданско-правовые конструкции

Поручение оператора третьему лицу на обработку персональных данных предусмотрено частью 3 статьи 6 ФЗ-152. По своей гражданско-правовой природе оно наиболее близко к договору возмездного оказания услуг или агентскому договору, однако принципиально отличается от них по субъектному составу: субъект персональных данных не является стороной поручения и не приобретает прав требования в рамках этого правоотношения [11].

Именно здесь заложен ключевой пробел действующего регулирования: субъект выпадает из цепочки правоотношений после первичной передачи данных оператору. Все последующие получатели данных несут обязанности лишь перед оператором, но не перед субъектом, чьи данные они обрабатывают. Это означает, что субъект лишён возможности непосредственно предъявить требования к конечному получателю его данных в случае нарушения условий обработки.

2.3. Промежуточный вывод

Действующие механизмы — согласие и поручение — защищают субъекта на входе в правоотношение, но не обеспечивают его контроля над данными в процессе оборота. Необходима принципиально иная модель, при которой правовая связь субъекта с данными не прерывается на протяжении всего жизненного цикла данных, а нарушители на любом этапе цепочки несут ответственность непосредственно перед субъектом.

3. Авторская концепция «контролируемого оборота» персональных данных

3.1. Ключевые элементы концепции

Концепция «контролируемого оборота» персональных данных строится на трёх принципах. Первый — принцип прослеживаемости: правовая связь «субъект — данные» сохраняется на всех этапах движения данных независимо от числа операторов и обработчиков, участвующих в цепочке. Второй — принцип ограниченной делегируемости: оператор вправе передать данные третьим лицам, однако не вправе передать им право определять цели обработки — такое право сохраняется за субъектом. Третий — принцип ретроактивного контроля: субъект вправе изменить условия обработки или прекратить оборот своих данных в любой момент путём предъявления требований к любому участнику цепочки [12].

Данные принципы образуют замкнутую систему: прослеживаемость обеспечивает возможность идентификации всех получателей данных; ограниченная делегируемость сохраняет целевое назначение обработки; ретроактивный контроль создаёт механизм принуждения к исполнению.

3.2. Гражданско-правовые инструменты реализации

Реализация концепции предполагает задействование нескольких гражданско-правовых инструментов. Первый — конструкция договора в пользу третьего лица (ст. 430 ГК РФ) применительно к отношениям оператор — обработчик: субъект персональных данных в этой конструкции выступает третьим лицом, в пользу которого устанавливаются обязательства оператора и обработчика, и вправе непосредственно предъявлять требования об исполнении [13].

Второй инструмент — фидуциарные обязательства оператора перед субъектом данных. По аналогии с доверительным управлением (гл. 53 ГК РФ) на оператора возлагается обязанность действовать исключительно в интересах субъекта в части, выходящей за рамки заявленных целей обработки, и обеспечивать сохранность данных при передаче третьим лицам.

Третий инструмент — гражданско-правовая ответственность последующих получателей данных непосредственно перед субъектом. Действующая статья 24 ФЗ-152 предусматривает лишь общую ответственность оператора, не распространяя её на последующих получателей. Предлагается дополнить эту норму положением о солидарной ответственности всех участников цепочки передачи данных перед субъектом [14].

3.3. Предложения de lege ferenda

По итогам проведённого анализа предлагаются следующие законодательные изменения. Первое — введение статьи 141.2 ГК РФ «Цифровое представление личности», закрепляющей персональные данные в качестве особого объекта гражданских прав с режимом контролируемого оборота. Статья должна предусматривать: неотчуждаемость персональных данных от личности субъекта; право субъекта на прослеживаемость движения данных; обязанность всех участников цепочки обеспечивать соблюдение условий обработки.

Второе — дополнение статьи 6 ФЗ-152 нормой о том, что при передаче персональных данных третьим лицам оператор обязан включать в договор (поручение) условие о праве субъекта персональных данных предъявлять требования

непосредственно к получателю данных в случае нарушения условий обработки. Третье — закрепление механизма «цифрового следа»: обязанности оператора вести реестр всех получателей данных субъекта и предоставлять его субъекту по требованию [15].

4. Сравнительно-правовой анализ

4.1. GDPR: право на переносимость и право на забвение

Европейский регламент GDPR закрепляет ряд прав субъекта данных, реализующих схожие с авторской концепцией идеи. Право на переносимость данных (ст. 20 GDPR) позволяет субъекту получить свои данные в структурированном формате и передать их иному оператору. Право на забвение (ст. 17 GDPR) предоставляет субъекту возможность потребовать удаления данных у всех лиц, которым они были переданы [16].

Вместе с тем европейская модель не лишена существенных ограничений: она не закрепляет механизма прослеживаемости движения данных по цепочке операторов; право на забвение реализуется через первоначального оператора, а не напрямую против всех получателей; ответственность последующих получателей перед субъектом не является непосредственной — субъект по-прежнему обращается к надзорному органу, а не в суд с иском к конкретному нарушителю [17].

4.2. Китайский PIPL: суверенитет данных и интересы субъекта

Китайский Закон о защите персональной информации (PIPL, 2021) воплощает принципиально иной подход, основанный на государственном суверенитете данных. Закон предусматривает жёсткие ограничения трансграничной передачи данных, обязательную оценку воздействия на безопасность данных при их передаче за рубеж, а также персональную ответственность должностных лиц операторов [18].

Примечательно, что PIPL закрепляет право субъекта на объяснение алгоритмических решений, затрагивающих его интересы, а также право отказаться от автоматической обработки персональных данных — тем самым реализуя элемент ретроактивного контроля. Вместе с тем приоритет государственных интересов над частноправовой автономией субъекта существенно ограничивает сферу применения частноправовых механизмов защиты.

4.3. Преимущества авторской концепции

Концепция «контролируемого оборота» восполняет ключевые пробелы обеих рассмотренных моделей. В отличие от GDPR, она предусматривает непосредственную ответственность всех участников цепочки перед субъектом, а не опосредованную через надзорный орган. В отличие от PIPL, она исходит из приоритета частноправовой автономии субъекта, а не государственного суверенитета данных. Тем самым концепция соединяет сильные стороны обоих подходов, адаптируя их к системе российского гражданского права [19].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, персональные данные не вписываются в классическую модель гражданско-правового оборота ввиду их неотчуждаемости от личности субъекта и воспроизводимости; это обусловливает необходимость специальной модели — «контролируемого оборота». Во-вторых, действующие механизмы (согласие и поручение на обработку) защищают субъекта лишь на этапе первичной передачи данных, оставляя его без правовой защиты в последующей цепочке оборота. В-третьих, концепция «контролируемого оборота» строится на трёх принципах — прослеживаемости, ограниченной делегируемости и ретроактивного контроля — и предполагает задействование конструкции договора в пользу третьего лица, фидуциарных обязательств оператора и солидарной ответственности всех участников цепочки.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенные механизмы могут быть имплементированы в рамках действующего ГК РФ путём расширительного толкования статьи 430, а также посредством введения новой статьи 141.2 ГК РФ. Это не требует кардинального пересмотра системы гражданского законодательства, но существенно повысит уровень защиты прав субъектов персональных данных в цифровой экономике.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой механизма «цифрового следа» как технико-правового инструмента обеспечения прослеживаемости, а также с анализом судебной практики по делам о компенсации морального вреда, причинённого нарушением условий обработки персональных данных.

Список литературы:

[1] Савельев А.И. Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 1. С. 43–66.

[2] Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[4] Архипов В.В. Правовая природа пользовательских соглашений в сети Интернет // Закон. 2016. № 2. С. 78–89.

[5] Schwartz P.M. Property, Privacy, and Personal Data // Harvard Law Review. 2004. Vol. 117. No. 7. P. 2055–2128.

[6] Solove D.J. Understanding Privacy. Cambridge: Harvard University Press, 2008. 257 p.

[7] Городов О.А. Информационное право: учебник. М.: Проспект, 2009. 244 с.

[8] Янковский Р.М. Правовые проблемы оборота данных в цифровой экономике // Закон. 2019. № 11. С. 54–68.

[9] Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд. М.: Норма, 2009. 383 с.

[10] Лаптев В.А. Интернет-право. М.: Проспект, 2019. 272 с.

[11] Ульбашев А.Х. Общее учение о личных неимущественных правах. М.: Статут, 2019. 175 с.

[12] Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 640 с.

[13] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2002. 1055 с.

[14] Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М.: Юриспруденция, 2015. 192 с.

[15] Наумов В.Б. Право и Интернет: очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2002. 432 с.

[16] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council (General Data Protection Regulation) // OJ L 119, 04.05.2016. P. 1–88.

[17] Voigt P., von dem Bussche A. The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Practical Guide. Cham: Springer, 2017. 383 p.

[18] Личная информационная защита Китая: Закон о защите персональной информации КНР от 20.08.2021. URL: http://www.npc.gov.cn (дата обращения: 01.03.2026).

[19] Петров Д.А. Информация как объект гражданских прав // Закон. 2013. № 7. С. 127–136.

References:

[1] Savelyev A.I. Problems of the application of legislation on personal data in the era of “Big Data “// Law. Journal of the Higher School of Economics. 2015. № 1. S. 43-66.

[2] E.V. Talapina. Law and digitalization: new challenges and prospects//Journal of Russian Law. 2018. № 2. S. 5-17.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 No. 51-FZ//SZ RF. 1994. № 32. Art. 3301.

[4] Arkhipov V.V. Legal nature of user agreements on the Internet//Law. 2016. № 2. S. 78-89.

[5] Schwartz P.M. Property, Privacy, and Personal Data // Harvard Law Review. 2004. Vol. 117. No. 7. P. 2055–2128.

[6] Solove D.J. Understanding Privacy. Cambridge: Harvard University Press, 2008. 257 p.

[7] Cities O.A. Information law: textbook. M.: Prospect, 2009. 244 pp.

[8] Yankovsky R.M. Legal problems of data circulation in the digital economy//Law. 2019. № 11. S. 54-68.

[9] Brine I.M. Law and the Internet. Theoretical problems. 2nd ed. M.: Norma, 2009. 383 pp.

[10] Laptev V.A. Internet law. M.: Prospect, 2019. 272 pp.

[11] Ulbashev A.Kh. General doctrine of personal non-property rights. M.: Statute, 2019. 175 p.

[12] Savelyev A.I. E-commerce in Russia and abroad: legal regulation. 2nd ed. M.: Statute, 2016. 640 p.

[13] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Book three: contracts for the performance of work and the provision of services. M.: Statute, 2002. 1055 p.

[14] Talapina E.V. Public administration in the information society (legal aspect): monograph. M.: Jurisprudence, 2015. 192 p.

[15] Naumov V.B. Law and the Internet: essays on theory and practice. M.: Book House “University,” 2002. 432 p.

[16] Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council (General Data Protection Regulation) // OJ L 119, 04.05.2016. P. 1–88.

[17] Voigt P., von dem Bussche A. The EU General Data Protection Regulation (GDPR): A Practical Guide. Cham: Springer, 2017. 383 p.

[18] Personal Information Protection of China: Law on the Protection of Personal Information of the PRC from 20.08.2021. URL: http://www.npc.gov.cn (Accessed: 01.03.2026).

[19] Petrov D.A. Information as an object of civil rights//Law. 2013. № 7. S. 127-136.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-427-430

САМОГИН Артем Сергеевич,
ассистент кафедры КБ-12
«Правовое обеспечение национальной безопасности»
Института кибербезопасности и цифровых технологий
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «МИРЭА –
Российский технологический университет»,
г. Москва,
e-mail: samogin@mirea.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В статье анализируются современные проблемы использования криптовалют как платёжных средств. Автор пытается найти пределы легального использования криптовалют и возможности для злоупотребления при обмене криптовалют на деньги. Отдельно автором анализируется проблема так называемых дропперов, даётся их правовое определение и оценивается опасность их деятельности.*

Ключевые слова: *Криптовалюта, криптобиржа, P2P технология, отмывание доходов, уголовный кодекс, мошенничество, процессинг, дроппер.*

SAMOGIN Artem Sergeevich,
Assistant of the Department of KB-12
“Legal support of national security” of the Institute of Cybersecurity
and Digital Technologies Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education “MIREA-Russian Technological University”,
Moscow

SOME PROBLEMS OF CRYPTOCURRENCY TURNOVER CONTROL BY THE STATE

Annotation. *The article analyzes the modern problems of using cryptocurrencies as means of payment. The author is trying to find the limits of the legal use of cryptocurrencies and the possibilities for abuse when exchanging cryptocurrencies for money. Separately, the author analyzes the problem of the so-called droppers, gives their legal definition and assesses the danger of their activities.*

Key words: *Cryptocurrency, crypto exchange, P2P technology, money laundering, criminal code, fraud, processing, dropper.*

Федеральный закон №259 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определил статус криптовалют, легализовав их как материальный актив, который может использоваться в гражданском обороте, но при этом не подтвердил их статус платёжного средства [1]. Это привело к тому, что. С одной стороны, операции с криптовалютами потребовали надлежащего оформления, как и любые другие виды деятельности, связанные с извлечением прибыли. С другой стороны, порядок оформления деятельности с криптовалютами, а также ряд вопросов их оборота, по-прежнему остаётся вне регулирования государства.

После ряда изменений, произошедших в законодательстве в период 2024 года, когда появились федеральные законы, разрешающие майнинг [2], предполагающих использование криптовалют в международных расчётах с иностранными контрагентами [3], а также порядок уплаты налогов за операции с криптовалютами [4], после всех попыток деанонимировать получателей доходов можно говорить о тупике государственного регулирования [5].

По сути, процессинг — это система оплаты, работающая между покупателем и продавцом, но

в специфической среде интернет-платежей. Действует эта система при онлайн-оплате операций, при этом любой сервис оплаты онлайн-платежей можно считать процессингом.

Процессинг начинается с клиента, который оформляет заказ на сайте. Оплачивает услуги или товары с помощью электронного кошелька или, что чаще всего происходит, с помощью банковской карты. Лицо, продающее товары или оказывающее услуги, именуется продавцом, со всеми правами и обязанностями, закреплёнными в главе 30 Гражданского кодекса. Следует отметить, что сам статус продавца и покупателя в России не вызывает затруднений с подтверждением, так за каждый из них обслуживается банком, с высоким уровнем верификации данных [6]. Выпускаемые банками карты, равно как и открываемые счета, как правило, предполагают контроль за статусом физических и юридических лиц, что снижает риск использования таких карт злоумышленниками. Банк покупателя, именуемый банком-эмитентом, в онлайн режиме отслеживает движение средств на счетах клиента, проверяет наличие денег и подтверждение операций по их переводу. В подозрительных случаях, например, если клиент пытается вывести крупную сумму одним платежом, банк может заморозить средства клиента до физического визита последнего в банк. Это повышает надёжность отношений банка-эмитента и клиента. Аналогичным образом осуществляется деятельность банка-эквайера, который обслуживает продавца. При зачислении денег на счёт программа банка отслеживает источник платежей, а при непонятных транзакциях, особенно у физических лиц, также может заморозить операции по счёту [7].

Однако в ряде случаев со стороны продавца или покупателя могут выступать недобросовестные лица, например, мошенники, легализующие полученные преступным путём доходы. Поскольку операции в банке достаточно прозрачны для правоохранительных органов, преступники в ряде случаев используют специальные онлайн-площадки купли-продажи криптовалют, т.н. криптобиржи и криптообменники. С технической точки зрения такие активы имеют существенное отличие от денег на счету банка – их невозможно снять без согласия обладателя. Даже при наличии соответствующих разрешительных документов из суда или от правоохранительных органов. Это позволяет мошенникам накапливать на криптосчетах значительные средства, инвестируя преступные доходы в различные криптовалюты. При этом в настоящее время становятся популярны сделки по приобретению криптовалют напрямую двумя сторонами (продавец-покупатель), с участием трейдера. Такие сделки вошли в обиход под названием peer-to-peer или P2P-арбитраж. Сама по себе покупка или продажа валюты не является незаконной, при условии оплаты налогов с дохода, надлежащей регистрации криптобиржи и проверки её участников. Однако в целом отсутствие реальных технических возможностей проверки лиц, покупающих или продающих криптовалюту, приводит к многочисленным нарушениям в данной сфере. Криптобиржа может быть расположена не в России, доступ даже к легальной криптобирже можно получить, используя поддельные документы или попросту украденные данные [8].

Самым популярным стало использование чужих банковских счетов и карточек при осуществлении операций по внесению денег на счета или, наоборот, их выведению. Лица, предоставляющие свои банковские карточки получили название «дропперы», от английского to drop, скидывать, сбрасывать. В 2024 году Сбербанк провёл большое исследование на тему «Анализ системы вывода денежных средств, похищенных у граждан» [9], по которому выделил три категории дропперов – заливщики, транзитники и обнальщики. Как видно из названия, первая категория «заливает» полученные деньги на карты, т.е. помогает превратить обычные деньги в электронные. Вторая категория обеспечивает транзит денежных средств на другие счета, их обмен на криптовалюты и обратно. Смысл их деятельности - запутать финансовые учреждения, сделать невозможным отследить путь украденных денег. Для этого т.н. «чёрные», т.е. нелегальные деньги смешиваются с другими средствами на счетах, меняют кошельки и владельцев, превращаются в криптовалюты и продаются обратно за деньги. Далее в дело вступают обнальщики, которые, как видно из названия, обналичивают денежные средства, используя их уже для собственных нужд. Такие деньги считаются «отмытыми», т.е. доказать их преступное происхождение уже практически невозможно. Наказать за предоставление карты для таких мошеннических операций также было весьма сложно, лица оправдывались незнанием о криминальном характере деятельности, дружескими услугами, просто потерей карты [10].

С 5 июля 2025 года вступили в силу дополнения к статье 187 Уголовного Кодекса «Неправомерный оборот средств платежей», по которым действия дропперов стали подсудными за сам факт передачи постороннему лицу карты либо использование своей карты в интересах третьих лиц. Если же лицо торгует такими картами дропперов, то срок наказания будет не три года лишения свободы, а уже шесть, а штраф станет изменится на сумму от 300 тысяч до миллиона рублей (при торговле своими реквизитами сумма штрафа меньше – от 100 до 300 тысяч рублей) [11].

Дополнительно для лиц-нарушителей, которые впервые участвовали в незаконных операциях, предоставив свою карту, существует возможность избежать наказания, ведя сотрудничество со следствием и раскаявшись с содеянном [12].

Вместе с тем, в принятой версии статьи 187 Уголовного кодекса существует небольшое уточнение, которым наверняка могут воспользоваться злоумышленники. Так, обязательным признаком дропперства является корыстный мотив деяния, бремя доказывания которого лежит на следственных органах. Если дроппер постарается скрыть материальное вознаграждение, например, получив сумму наличными, или получив перевод на карту товарища, то ему удастся избежать ответственности. С другой стороны, корыстный мотив — это единственное отличие дропперов от законопослушных граждан, которые помогают перевести или обналичить средства, будучи введёнными в заблуждение. Например, человек может искренне и безвозмездно пытаться помочь мошеннику, который сумел убедить его в том, что он «попал в беду». Этот момент требует повышенной внимательности органов, осуществляющих расследование. С другой стороны, как-либо улучшить статью 187 в отношении дропперов не представляется возможным, все необходимые правки являются достаточными.

Список литературы:

[1] Федеральный закон №259-ФЗ от 31.07.2020 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // официальный портал правовой информации http://www.kremlin.ru/acts/bank/45766/page/1

[2] Федеральный закон № 221-ФЗ от 08.08.2024 г. // официальный портал правовой информации http://www.kremlin.ru/acts/bank/50944

[3] Федеральный закон № 223-ФЗ от 08.08.2024 г. // официальный портал правовой информации http://www.kremlin.ru/acts/bank/50920

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.11.2024 N 418-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 49 (ч. I). Ст.7409.

[5] См. например Digital Technologies in Supply Chain Management for Production and Digital Economy Development / A. A. Kartskhiya, S. A. Tyrtychnyi, M. G. Smirnov [et al.] // International Journal of Supply Chain Management. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – P. 912-918. – EDN HCXDVH.

[6] Digital Technologies in Supply Chain Management for Production and Digital Economy Development / A. A. Kartskhiya, S. A. Tyrtychnyi, M. G. Smirnov [et al.] // International Journal of Supply Chain Management. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – P. 912-918. – EDN HCXDVH.

[7] Зайцева, О. В. Уголовная ответственности дропперов: за и против / О. В. Зайцева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2024. – № 6(161). – С. 138-146. – DOI 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146. – EDN RLYMWT.

[8] Малянова К.П. Вопросы нормативно-правового регулирования арбитража криптовалюты при расследовании киберпреступлений // ЮП. 2023. №1 (104). С. 201-206.

[9] Исследование Сбербанка РФ «Анализ системы вывода денежных средств, похищенных у граждан» // https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/analiz-sistemy_vyvoda_denezhnyh_sredstv?ysclid=mfvikq6dnr894002355

[10] Стукаленко Семен Михайлович Арбитраж криптовалют и процессинг платежей: риски уголовного преследования // Вопросы российской юстиции. 2025. №37. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arbitrazh-kriptovalyut-i-protsessing-platezhey-riski-ugolovnogo-presledovaniya (дата обращения: 22.02.2026).

[11] Вступили в силу изменения, предусматривающие ответственность за неправомерный оборот электронных средств платежа // http://duma.gov.ru/news/61735/

[12] Как в России вынесли первый приговор за p2p-торговлю на криптобирже [Электронный ресурс] // URL: https://www.forbes.ru/investicii/485643-kak-v-rossii- vynesli-pervyj-prigovor-za-p2p-torgovlu-na-kriptobirze/.

References:

[1] Federal Law No. 259-FZ dated 31.07.2020 “ On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation “//official portal of legal information http://www.kremlin.ru/acts/bank/45766/page/1

[2] Federal Law No. 221-FZ of 08.08.2024//Official Portal of Legal Information http://www.kremlin.ru/acts/bank/50944

[3] Federal Law No. 223-FZ of 08.08.2024//Official Portal of Legal Information http://www.kremlin.ru/acts/bank/50920

[4] Federal Law “On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 29.11.2024 N 418-FZ//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 49 (part I). Article 7409.

[5] См. например Digital Technologies in Supply Chain Management for Production and Digital Economy Development / A. A. Kartskhiya, S. A. Tyrtychnyi, M. G. Smirnov [et al.] // International Journal of Supply Chain Management. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – P. 912-918. – EDN HCXDVH.

[6] Digital Technologies in Supply Chain Management for Production and Digital Economy Development / A. A. Kartskhiya, S. A. Tyrtychnyi, M. G. Smirnov [et al.] // International Journal of Supply Chain Management. – 2020. – Vol. 9, No. 3. – P. 912-918. – EDN HCXDVH.

[7] Zaitseva, O. V. Criminal liability of droppers: for and against/O. V. Zaitsev//Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2024. – № 6(161). - S. 138-146. – DOI 10.24412/2227-7315-2024-6-138-146. – EDN RLYMWT.

[8] Malyanova K.P. Issues of regulatory regulation of cryptocurrency arbitration in the investigation of cybercrimes//UP. 2023. №1 (104). S. 201-206.

[9] Study of Sberbank of the Russian Federation “Analysis of the system for withdrawing funds stolen from citizens “// https://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/analiz-sistemy_vyvoda_denezhnyh_sredstv?ysclid=mf-vikq6dnr894002355

[10] Stukalenko Semyon Mikhailovich Cryptocurrency arbitration and payment processing: risks of criminal prosecution//Issues of Russian justice. 2025. №37. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arbitrazh-kriptovalyut-i-protsessing-platezhey-riski-ugolovnogo-presledovaniya (дата обращения: 22.02.2026).

[11] Changes to liability for illegal circulation of electronic means of payment have come into force// http://duma.gov.ru/news/61735/

[12] How in Russia the first sentence was passed for p2p trading on the crypto exchange [Electronic resource]//URL: https://www.forbes.ru/investicii/485643-kak-v-rossii- vynesli-pervyj-prigovor-za-p2p-torgovlu-na-kriptobirze/.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-431-438

ВЕСЕЛОВА Анастасия Романовна,
преподаватель кафедры юридической психологии, педагогики организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России, e-mail: nastyveselova505@gmail.com

СКВОРЦОВ Константин Васильевич,
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры специальной техники и информационных технологий юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России, e-mail: k-skv@yandex.ru

КИБЕРПЕДОФИЛИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН: АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ, ПОДХОДОВ И ПРАКТИК ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. *Киберпедофилия как научная категория требует четкого определения и разграничения с близкими по характеру явлениями. Отсутствие четкой классификации в российском законодательстве и научной литературе затрудняет как исследование проблемы, так и правоприменение. Целью исследования является — концептуализация и научное определение феномена киберпедофилии как комплексной социально-правовой категории, а также выявление её специфических признаков, механизмов воздействия на несовершеннолетних и разработка рекомендаций по профилактике и противодействию. Гипотеза: отсутствие чёткого определения киберпедофилии приводит к терминологической путанице, затрудняет квалификацию преступлений и снижает эффективность профилактических мер. Задачи: провести этимологический и научно-правовой анализ термина «киберпедофилия», дифференцировать ее от смежных явлений (груминг, сексторшн и др.), сформировать психологические портреты преступников и жертв, выявить признаки воздействия киберпедофила на ребенка на основе экспертных оценок будущих правоприменителей, а также разработать практические рекомендации» по обеспечению безопасности детей в цифровой среде. Методы исследования: теоретический анализ научной литературы, законодательства, сравнительно-правовой метод, а также анонимный анкетный опрос (N=88) курсантов (ВЮИ ФСИН России). В результате исследования предложено авторское определение «киберпедофилии»; выделены поведенческие, эмоциональные индикаторы вовлечённости ребёнка в деструктивные онлайн-отношения; а также предложен проект трехуровневого «Наставления» с правилами безопасности для детей, родителей и педагогов.*

Ключевые слова: *киберпедофилия, сексуальная эксплуатация несовершеннолетних, дифференциация смежных явлений, цифровая среда, профилактика киберпреступлений, ВЮИ ФСИН России.*

VESELOVA Anastasia Romanovna,
lecturer at the Department of legal psychology, pedagogy of educational work with convicts, faculty of law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

SKVORTSOV Konstantin Vasilyevich,
candidate of technical sciences, associate professor, associate professor of the Department of special engineering and Information technologies, faculty of law, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

CYBERPEDOPHILIA AS A SOCIO-LEGAL PHENOMENON: ANALYSIS OF CONCEPTS, APPROACHES, AND COUNTERACTION PRACTICES

Annotation. *Cyberpedophilia as a scientific category requires a clear definition and differentiation from similar phenomena. The lack of a clear classification in Russian legislation and academic literature complicates both the study of the problem and law enforcement. The aim of the study is to conceptualize and scientifically define the phenomenon of cyberpedophilia as a complex socio-legal category, as well as to identify its specific features, mechanisms of influence on minors, and to develop recommendations for prevention and counteraction. Hypothesis: The absence of a clear definition of cyberpedophilia leads to terminological confusion, complicates the qualification of crimes, and reduces the effectiveness of preventive measures. Objectives: to conduct an etymological and scientific-legal analysis of the term "cyberpedophilia", differentiate it from related phenomena (grooming, sextortion, etc.), form psychological profiles of offenders and victims, identify signs of a cyberpedophile's influence on a child based on expert assessments of future law enforcers, and develop practical recommendations for ensuring children's safety in the digital environment. Research methods: theoretical analysis of scientific literature and legislation, comparative legal method, as well as an anonymous questionnaire survey (N=88) of cadets (VILE of the Federal Penitentiary Service of Russia). As a result of the study, the author's definition of "cyberpedophilia" is proposed; behavioral and emotional indicators of a child's involvement in destructive online relationships are highlighted; and a draft three-level "Instruction" with safety rules for children, parents, and teachers is proposed.*

Key words: *cyberpedophilia, sexual exploitation of minors, differentiation of related phenomena, digital environment, prevention of cybercrimes, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia.*

Введение

С момента создания и до настоящего времени Интернет из средства коммуникации мирового сообщества стал основным каналом информации, подарил возможность для поиска и обмена данными, установления контактов, общения и развлечений, общественной и политической жизни, работы СМИ, получения образования и осуществления научно-исследовательской деятельности. Интернет способен оказывать влияние на жизнь человека, формировать мнения, знания, поведение.

Стоит отметить, что стремительная интеграция цифровых технологий во все сферы жизни формирует принципиально новую социальную реальность, в которой современный человек, особенно подросток, оказывается в состоянии постоянной онлайн-включенности и информационной перегрузки. Как справедливо отмечается в исследованиях современной цифровой среды, человек рискует превратиться в «Homo Confusus» — растерянного человека, для которого цифровое пространство становится основным, а порой и единственным каналом социализации, поиска понимания и эмоциональных связей [1, с. 42-46]. Эта психологическая уязвимость и потребность в коммуникации, усиленная ощущением одиночества или непонимания в реальном мире, активно используется злоумышленниками. Во многих регионах страны киберпедофилы, маскируясь под понимающих собеседников или сверстников, эксплуатируют цифровую доверчивость и эмоциональную нестабильность подростков, превращая киберпространство из среды развития в пространство потенциальной угрозы [2].

Анализ ресурсов, интернет-ресурсов и справочно-правовых систем показал отсутствие упоминания термина «киберпедофилия». На основании проведенного этимологического разбора термина, возможного психологического портрета жертвы и целей злоумышленника мы предлагаем формулировку определения «киберпедофилия». Префикс «Кибер» происходит от древнегреческого слова «кубернетикос», что означает «хорошо управляющий или пилотирующий». «Педофилия» (от греческого «паидос» ребенок, «филиа» любовь). В рамках настоящей статьи, под киберпедофилией понимается совокупность сексуализированных преступных деяний в информационно-телекоммуникационных сетях, направленных на сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних, осуществляемых посредством манипуляции, обмана, угроз, прямого давления или их комбинации. Данные деяния включают как виртуальные формы сексуального контакта (видеочаты, секстинг, отправка интимных материалов), так и организацию реальных встреч для сексуальных контактов либо вовлечение в их подготовку.

Для корректного правоприменения необходимо четко разделить киберпедофилию, как преступное поведение и педофилию, как психиатрический диагноз (DSM-5, МКБ-11). Данная категория применима к любым лицам, совершающим действия по сексуальной эксплуатации детей в сети Интернет, независимо от наличия у них клинических расстройств влечения. В то же время

категория не охватывает сексуальные контакты между подростками близкого возраста и кибербуллинг без сексуального компонента.

Дифференциация от смежных явлений

Киберпедофилия как комплексная научная категория требует не только четкого определения, но и строгого отграничения от смежных явлений, имеющих иную правовую природу и мотивационную основу. Согласно результатам проведенного нами анализа более 90 научных источников, в 30-85% случаев наблюдается терминологическое пересечение киберпедофилии с такими феноменами, как онлайн-груминг, сексуальный кибербуллинг, распространение материалов сексуального характера с участием детей (CSAM), LSCSA и сексторшн.

Онлайн-груминг представляет собой процесс установления эмоциональной связи с ребенком для последующей сексуальной эксплуатации. Груминг является не эквивалентом, а наиболее распространенным методом и этапом (70-85% случаев) внутри киберпедофилии, характеризующимся протяженностью во времени и манипулятивными тактиками.

Сексуальный кибербуллинг, как кибербуллинг, в классическом понимании [8, с. 292-296] — это намеренное и повторяющееся причинение психологического вреда, но с использованием сексуализированного контента для социального унижения, мести или утверждения доминирования. В отличие от киберпедофилии, он чаще происходит между ровесниками, носит публичный характер и имеет иную мотивацию.

Распространение детского порнографического материала (Child Sexual Abuse Material – CSAM) является самостоятельным преступлением, однако в 65-80% случаев связано с киберпедофилией. Существует два основных сценария: 1) материал создается преступником в процессе груминга (часть киберпедофилии); 2) материал распространяется и потребляется лицами, не имевшими прямого контакта с жертвой (самостоятельное преступление).

Сексторшн (Sextortion) выступает механизмом финансового или сексуального давления, где сексуализированный контент используется как инструмент вымогательства.

LSCSA (Live Streaming Child Sexual Abuse) [10] представляет собой экстремальную, высокотехнологичную форму киберпедофилии, характеризующуюся интерактивностью в реальном времени и часто имеющую выраженный коммерческий компонент. Её отличают интерактивность (зрители дают указания), коммерциализация, множественность злоумышленников (организатор, фасилитатор, зрители) и нанесение жертве экстремального физического и психологического вреда.

Дифференциалная матрица киберпедофилии и смежных явлений, по 9 критериям, представлена ниже:

Критерий	Кибер-педофилия	Груминг	Сексуальный кибер-буллинг	CSAM распространение	Сексторшн	LSCSA
Определение	Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в интернете	Завоевание доверия ребенка для последующей эксплуатации	Повторяющееся унижение через сексуальный контент	Циркуляция, распространение материалов	Вымогательство денег через угрозу распространения	Реальное насилие в прямом эфире
Первичная цель	Сексуальное удовлетворение/ эксплуатация	Сексуальная эксплуатация	Социальное унижение	Коллекционирование/ обмен	Финансовое вымогательство	Зрелище/ коммерция
Разница в возрасте	ДА (обязательна)	ДА (обязательна)	НЕТ (часто ровесники)	ДА (не обязательна)	НЕТ (может быть между ровесниками)	ДА (обязательна)

Эмоциональная манипуляция	ЧАСТО или РЕДКО	ВСЕГДА	РЕДКО	НЕТ	ЧАСТО	НЕТ
Повторяемость обязательна	НЕТ	ДА	ДА (по определению)	ДА (циркуляция)	МОЖЕТ БЫТЬ	НЕТ
Используется реальное насилие	ЧАСТО (при завершении)	ЧАСТО (целевой результат)	РЕДКО	ДА (в материалах)	НЕТ (только угрозы)	ВСЕГДА
Преступник знаком с жертвой	МОЖЕТ БЫТЬ	РЕДКО	ЧАСТО	НЕ РЕЛЕВАНТНО	РЕДКО	ЧАСТО
Роль третьих лиц	РЕДКО	РЕДКО	ЧАСТО (группа)	ЧАСТО (сеть)	МОЖЕТ БЫТЬ	ЧАСТО (организованная)
Финансовый мотив	МОЖЕТ БЫТЬ	НЕТ	НЕТ	ЧАСТО	ВСЕГДА	ЧАСТО

Нормативно-правовая база в России

В России существует нормативная база в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью, физическому и психическому развитию:

1. в 2015 году распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р утверждена «Концепция информационной безопасности детей», где в разделе 4. «Методология Концепции информационной безопасности детей и подростков», впервые в качестве рисков физическому и психическому здоровью, и развитию каждого отдельного ребёнка было определено установление подростками беспорядочных связей благодаря сомнительным сайтам знакомств, киберпедофилия;
2. Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 г.;
3. Указ Президента РФ № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021 г.;
4. В УК РФ представлен перечень правовой квалификации форм «Киберпедофилии»:

– Груминг + получение CSAM (Статьи: 131, 132, 242, 242.1; Санкция: 3-15 лет);
– Прямое сексуальное давление (Статьи: 131, 132; Санкция: 3-6 лет);
– Организация встреч для эксплуатации (Статьи: 131, 132, 127, 240; Санкция: 3-15 лет);
– Распространение CSAM (Статьи: 242, 242.1; Санкция: 2-6 лет (2-8 при особо отягчающих);
– LSCSA (Статьи: 131, 132, 240; Санкция: до 15 лет);
– Sextortion (вымогательство) (Статьи: 163, 131, 132; Санкция: 3-15 лет);
– AI-сгенерированный CSAM (Статьи: 242.1, 242.2; Санкция: 2-4 года).

На основе анализа поведения можно выделить несколько профилей лиц, совершающих преступления, связанных с киберпедофилией:

– ориентированный на интимность – стремится к созданию иллюзии романтических отношений, использует долгий груминг;
– адаптирующийся (манипулятор) – гибко подстраивает тактику под реакцию жертвы, часто действует в рамках организованных схем;
– гиперсексуализированный – отличается импульсивностью, быстрой и агрессивной сексуализацией общения;
– финансово-мотивированный – основная цель — получение денег через сексторшн, может не иметь сексуального интереса к детям;
– коллекционер – фокусируется на сборе и обмене CSAM, редко переходит к контактным преступлениям;
– фасилитатор – обеспечивает доступ к ребенку (например, родственник), часто является ключевым звеном в сетях LSCSA.

Данная дифференциация позволяет не только уточнить понятийный аппарат, но и выделить различные векторы для профилактики, расследования и квалификации деяний, объединяемых общим понятием «Киберпедофилии».

Эмпирическое исследование: выявление признаков воздействия.

Для эмпирического изучения проблемы и верификации теоретических выводов было проведено исследование, направленное на выявление представлений будущих правоприменителей о признаках, механизмах и последствиях киберпедофилии. Целью исследования было выявление и систематизация признаков вовлеченности несовершеннолетнего в деструктивные отношения с киберпедофилом на основе экспертных оценок респондентов, имеющих базовую правовую и психологическую подготовку.

В качестве основного метода использовался анонимный анкетный опрос. Инструментом послужила авторская анкета, включавшая:

– 15 закрытых вопросов с вариантами ответов, построенных по принципу шкалы Лайкерта [12], для выявления наиболее распространенных, по мнению респондентов, признаков;
– 5 открытых вопросов для сбора описания и примеров возможных манипулятивных тактик.

В исследовании приняли участие курсанты 4-5 курсов Владимирского юридического института ФСИН России (ВЮИ ФСИН России), (N=88 человек). Целевая выборка была сформирована методом стихийной выборки. Выбор группы респондентов обоснован следующими критериями:

1. Курсанты обладают базовыми знаниями в области уголовного права, криминологии и психологии, что позволяет им давать более содержательные и профессионально ориентированные оценки по сравнению с обычными пользователями сети;
2. Будущие сотрудники правоохранительных органов являются ключевой группой, которая в дальнейшем будет сталкиваться с расследованием подобных преступлений. Их представления формируют будущий профессиональный подход к проблеме;
3. Относительно однородный социально-профессиональный статус респондентов позволяет минимизировать сторонние переменные и сфокусироваться на анализе именно профессиональных установок.

При обработке данных использовались базовые методы описательной статистики (MS Excel), а также качественный анализ ответов на открытые вопросы.

На основе обработки данных опроса, сформирован перечень возможных признаков, указывающих на то, что ребенок может подвергаться воздействию киберпедофила. Эти признаки разделены на категории в соответствии с их природой и частотой упоминания респондентами.

№ п/п	Категория признака	Конкретные признаки (индикаторы)
1	Поведенческие и эмоциональные изменения	– Повышенная секретность, скрытность, особенно в отношении использования устройств. – Резкие перепады настроения: необъяснимая тревожность, подавленность или, наоборот, неестественная эйфория после общения в сети. – Социальная самоизоляция: отдаление от семьи, друзей, потеря интереса к обычным увлечениям. – Необъяснимая агрессия или раздражительность при вопросах о онлайн-активности.
2	Изменения в цифровом поведении (онлайн-активность)	– Резкий рост времени, проводимого в сети, особенно в ночные часы. – Паническая реакция на неожиданное появление родителей рядом с устройством (быстрое переключение вкладок, закрытие чатов).
3	Материальные и финансовые перемены	– Появление у ребенка дорогих подарков, которые он не мог приобрести сам, и внятно объяснить их происхождение.
4	Психофизиологические симптомы	– Нарушения сна (бессонница, кошмары) и аппетита. – Повышенная утомляемость, апатия, признаки депрессии.

5	Контент и характер общения	– Повышенный интерес к сексуализированному контенту, не соответствующий возрасту. – Использование в речи несвойственной ребенку сексуализированной лексики или знаний. – Нежелание обсуждать темы своего онлайн-общения, общие ответы («просто болтаем»).
6	Индикаторы внешнего давления (манипуляции)	– Проговаривает установки, схожие с манипулятивными («меня здесь никто не понимает, только он/она», «я сам(а) виноват(а)»).

На основании результатов опроса, удалось составить вероятностный психологический портрет жертвы подверженной киберпедофилии. У нее наблюдается замкнутость, тревожность, отрешенность от внешнего мира, резкое изменение поведения, депрессивное настроение, скрытность, страх, пониженное настроение, уменьшение энергичности, падение активности, снижение способности радоваться, получать удовольствие, отсутствие интереса ко всему, становится сложно сосредоточится, выраженная усталость, нарушение сна и аппетита, снижение самооценки и уверенности в себе, присутствуют мысли о собственной виновности и бесполезности.

Семейный контекст и проблемы расследования

Стоит сказать, что зачастую проблема доверия ребенка незнакомому человеку исходит из сложных семейных отношений. Вероятность, существования проблем в семье, недостаток внимания, любви, заботы или окружение антиобщественной среды подвергает ребенка в вовлечение в преступные действия, которые над ним могут совершать посторонние люди.

Адвокат по семейным спорам, делам о домашнем и сексуализированном насилии - Анастасия Тюнеява, делится своим опытом в работе с преступлениями в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних.

При классификации и раскрытии преступления, существует ряд факторов, усложняющих процесс расследования киберпреступлений:

– сложность установления места совершения преступления и лица, его совершившего, в связи с широким распространением поддельных IP-адресов, средств анонимизации и шифрования;
– ограниченные сроки хранения информации после удаления переписки и аккаунтов;
– уникальность экспертиз, проводимых в рамках подобных преступлений [14, с. 103-111];
– в некоторых делах, кроме показаний потерпевшего ребенка, нет других доказательств;
– возникновение сложности с прохождением полиграфа, так как если у потерпевшего установлено психическое расстройство, что вполне вероятно может случиться с ребенком после применения к нему насилия, то в прохождении полиграфа отказывают.

Расследование преступлений в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетних, является достаточно непростой задачей, она становится в разы сложнее в условиях совершения данного преступления с использованием сети «Интернет» [15, с. 254-263].

Меры противодействия и профилактики

В условиях интернет-пространства стоит принять следующие меры:

– осуществлять систематическое совершенствование знаний и навыков сотрудников правоохранительных органов для работы в сети Интернет;
– совершенствовать чат-боты «ловушки» для педофилов, так называемые виртуальные «Лолиты»;
– родителям уделять больше внимания половому воспитанию ребенка;
– сформировать доверительные отношения с ребенком, дать ему понять, что он может рассказать о любой проблеме и ему обязательно помогут;
– быть внимательными к своим детям, ведь даже когда они скрывают что-то, то их поведение может показать наличие переживаний;
– улучшать программы, устанавливающие родительский контроль, делать их наиболее удобными и эффективными;
– разработать специальный тест-опросник, позволяющий пройти проверку на возраст, и установить запрет на дальнейшее использование сайта или социальной сети в случае отрицательного результата;
– ввести в Уголовный кодекс новый состав преступления, предусматривающий ответственность за установление сексуальных

связей с несовершеннолетними посредством сети «Интернет» и различные его квалификации.

В целях профилактики совершения преступлений киберпедофилами необходимо разработать Наставление для того, чтобы дети, подростки, родители и педагоги знали, как нужно себя вести и что делать для того, чтобы не допустить или прервать с минимальными уроном сексуализированное воздействие.

Цель наставления — создать основы для безопасного поведения детей в интернете, сформировать осознанное отношение к коммуникации в цифровой среде, а также определить роль родителей, педагогов и общества в предотвращении угроз.

Рекомендации могут обезопасить ребенка от потенциальной угрозы. Наставление может включать в себя несколько разделов, которые в свою очередь будут подразделяться на пункты-правила:

I. Раздел. Правила для ребенка.

Не разглашать личную информацию в интернете — домашний адрес, школу, телефон и т.д.

Не принимать запросы от незнакомцев или избегать переписки с сомнительными или незнакомыми аккаунтами.

Избегать отправки фотографий и видео посторонним людям, особенно если их просят прямо или через манипуляции.

Рассказать взрослым о любых странных или тревожных контактах онлайн.

II. Раздел. Правила для родителей.

– Как можно чаще разговаривать с ребенком, не боясь поднимать темы, которые могут быть неприятны для разговора;
– Внимательно относиться к поведению ребенка, возможным изменениям в его жизни;
– Проверять социальные сети (добавление новых друзей, подозрительные переписки, материал интимного характера;

III. Раздел. Правила для педагогов:

– Относится внимательно к психологическому климату внутри класса среди учеников;
– Проводить теоретические и практические занятия по вопросам безопасности в сети «Интернет», учить детей правилам поведения при использовании социальных сетей;
– Сообщать о подозрительном поведении детей, несвойственное им поведение.

Параллельно важно давать рекомендации родителям и учителям: следить за тем, какие платформы посещают их подопечные, обучать их защите приватности, а также устанавливать программы для контроля за безопасностью в интернете.

Заключение

В погоне за технологическим прогрессом и материальным благополучием современное общество зачастую упускает из виду фундаментальные основы формирования личности. Стремительная цифровизация всех сфер жизни создает иллюзию присутствия и общения, однако для многих детей она оборачивается усиливающимся дефицитом подлинного эмоционального контакта с самыми близкими людьми.

Проведенный анализ источников и результаты опроса будущих правоприменителей подтверждают, что одной из ключевых причин уязвимости подростков перед киберпедофилами является отсутствие эмоциональной близости ребенка с родителями. Пытаясь компенсировать недостаток времени и внимания, родители нередко подменяют душевное тепло и заботу материальными вещами — дорогими гаджетами, неограниченным доступом в интернет, финансовой самостоятельностью. Однако такая «забота» парадоксальным образом повышает риски воздействия на его психику со стороны киберпедофила. Предоставленный сам себе, лишенный доверительного диалога с семьей, ребенок ищет понимания, принятия и эмоциональной близости в цифровой среде. Именно эту потребность и эксплуатируют злоумышленники, маскируясь под чутких и понимающих собеседников.

Разработанные в рамках исследования дифференциальная матрица смежных явлений, психологические профили преступников и перечень индикаторов воздействия – это важные инструменты для правоохранительной системы и профилактики. Однако ни самое совершенное законодательство, ни технические средства контроля не способны полностью защитить ребенка там, где отсутствует внутренний стержень — самоконтроль и критическое мышление. Эти качества формируются только через ежедневное доверительное общение с родителями, через совместное проживание и обсуждение сложных тем, через ощущение безусловной поддержки и безопасности в семье. Самым эффективным инструментом противодействия киберпедофилии является живая связь между родителем и ребенком. В конечном счете, никто лучше нас самих (и наших близких) не может обеспечить личную безопасность.

Важно продолжать всестороннее изучение явления киберпедофилии с целью его правильного законодательного определения. Необходимо детальное изучение новых способов воздействия на подростка. Необходимы разработки методов информирования будущих и действующих воспитателей и педагогов об угрозах сексуализированного характера в киберпространстве. Жертвам

необходимо оказывать поддержку и обеспечить анонимную или живую консультацию с психологами. Подготовка будущих воспитателей и преподавателей должна включать темы - тренинги и другую просветительскую работу о правилах и угрозах, в том числе сексуализированного характера, средством коммуникации в сети интернет.

Список литературы:

[1] Скворцов, К. В. Человек в современной цифровой реальности / К. В. Скворцов, А. Н. Искандарян, А. Б. Люхтер // Наука и бизнес: пути развития. – 2023. – № 10(148). – С. 42-46;

[2] Муллагалеева, Л. Р. Использование киберпедофилами и малолетними потерпевшими электронных кошельков: актуальные проблемы / Л. Р. Муллагалеева // Проблемы противодействия киберпреступности: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2023 года. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. – С. 123-126. – EDN ACYDKN;

[3] Скворцов, К. В. Кибербуллинг, как недооцененная угроза в российском обществе / К. В. Скворцов, Д. О. Василишин // Субъективное психологическое благополучие: Сборник научных материалов международной конференции, Ярославль, 21 февраля 2024 года. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. – С. 292-296. – EDN CUTGOT;

[4] Drejer, Catharina et al. “Livestreaming Technology and Online Child Sexual Exploitation and Abuse: A Scoping Review.” Trauma, violence & abuse vol. 25,1 (2024): 260-274. doi:10.1177/15248380221147564.

[5] Likert Scale in Social Sciences Research: Problems and Difficulties, FWU Journal of Social Sciences, pp. 89–101, from https://doi.org/10.51709/19951272/winter2022/7, December 15, 2022. DOI: 0.51709/19951272/winter2022/7;

[6] Ломакина А.А. Методика расследования преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних: формирование и современное состояние // Общество и право. 2019. №3 (69). С. 103 – 111;

[7] Волков, А. С. Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных посредством сети «интернет» / А. С. Волков, А. Б. Смушкин, М. И. Жеребцов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2023. – № 5(154). – С. 254-263. – DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-254-263. – EDN EIIJZQ

References:

[1] Skvortsov, K.V. Man in Modern Digital Reality/K.V. Skvortsov, A.N. Iskandaryan, A.B. Lukhter// Science and Business: Development Paths. – 2023. – № 10(148). - S. 42-46;

[2] Mullagaleeva, L. R. Use of electronic wallets by cyberpedophiles and juvenile victims: current problems/L. R. Mullagaleeva//Problems of countering cybercrime: Materials of an international scientific and practical conference, Moscow, April 28, 2023. - Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023. - S. 123-126. – EDN ACYDKN;

[3] Skvortsov, K.V. Cyberbulling, as an underestimated threat in Russian society/K.V. Skvortsov, D.O. Vasilishin//Subjective psychological well-being: Collection of scientific materials of an international conference, Yaroslavl, February 21, 2024. - Yaroslavl: RIO YAGPU, 2024. - S. 292-296. – EDN CUTGOT;

[4] Drejer, Catharina et al. “Livestreaming Technology and Online Child Sexual Exploitation and Abuse: A Scoping Review.” Trauma, violence & abuse vol. 25,1 (2024): 260-274. doi:10.1177/15248380221147564.

[5] Likert Scale in Social Sciences Research: Problems and Difficulties, FWU Journal of Social Sciences, pp. 89–101, from https://doi.org/10.51709/19951272/winter2022/7, December 15, 2022. DOI: 0.51709/19951272/winter2022/7;

[6] Lomakina A.A. Methodology for investigating crimes against the sexual inviolability of minors: formation and current state//Society and law. 2019. №3 (69). C. 103 – 111;

[7] Volkov, A. S. Features of individual investigative actions in the investigation of crimes against the sexual inviolability of minors committed through the Internet/A. S. Volkov, A. B. Smushkin, M. I. Zherebtsov//Bulletin of the Saratov State Law Academy. – 2023. – № 5(154). - S. 254-263. – DOI 10.24412/2227-7315-2023-5-254-263. – EDN EIIJZQ

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-439-445

БАШИРОВ Эмиль Эльдарович,
аспирант Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Россия, г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА К ТРАНСГРАНИЧНОМУ ТРАНСФЕРНОМУ ДОГОВОРУ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности определения применимого права к трансграничному трансферному договору в спортивном арбитражном суде, расположенном в г. Лозанна, Швейцария. Рассматривается практика спортивного арбитражного суда и его подходы к определению применимого права. Рассматривается соотношение закона Швейцарии о международном частном праве от 18 декабря 1987 с положениями кодекса спортивного арбитража. Проводится анализ статей R45 и R58 кодекса спортивного арбитража, в рамках определения применимого права в ординарном и апелляционном производствах спортивного арбитража. Автор приходит к выводу об ограничении автономии воли сторон в апелляционном производстве спортивного арбитража и приоритете норм спортивных организаций как применимого права над свободой выбора применимого права сторонами.*

Ключевые слова: *спорт; трансфер (переход) спортсмена; трансграничный трансферный договор; Кодекса CAS; статьи R45 и R58 Кодекса CAS.*

BASHIROV Emil Eldarovich,
graduate student of Kutafin Moscow State Law University (MSLA),
Moscow, Russia

SPECIFICS OF DETERMINING APPLICABLE LAW TO CROSS-BORDER TRANSFER AGREEMENT

Annotation. *The article examines the specifics of determining the applicable law to a cross-border transfer contract in a sports arbitration court located in Lausanne, Switzerland. The practice of the sports arbitration court and its approaches to determining the applicable law are considered. The relationship of the Swiss law on private international law of December 18, 1987 with the provisions of the code of sports arbitration is considered. Articles R45 and R58 of the Code of Sports Arbitration are being analyzed as part of determining the applicable law in ordinary and appellate sports arbitration proceedings. The author concludes that the autonomy of the will of the parties in the appeal proceedings of sports arbitration is limited and the priority of the norms of sports organizations as applicable law over the freedom of choice of applicable law by the parties.*

Key words: *sports; transfer (transfer) of an athlete; cross-border transfer contract; CAS Code; Articles R45 and R58 of the CAS Code.*

Договор перехода спортсмена (или трансферный договор) является одной из наиболее востребованных форм сделок в профессиональном спорте в командных видах спорта (например, футболе). Если игрок, например, переходит из команды А, расположенной в России, в команду Б, расположенной в Англии, тогда трансферный договор приобретает трансграничный характер. Трансграничный трансферный договор целью которого является переход спортсмена посредством передачи регистрационных прав на игрока от одной спортивной команды в другую как любая трансграничная сделка в случае возникновения разбирательств сталкивается с проблемой конфликта правопорядков. В таком случае возникает вопрос какое право должно применяться к возникшему спору.

Спортивные споры в своем абсолютным большинстве рассматриваются в Спортивном арбитражном суде (Court of Arbitration for Sport,

CAS) расположенном в г. Лозанна, Швейцария. CAS является специально созданным международным арбитражным органом, рассматривающим дела в сфере спорта. В регламенты и уставы международных и национальных спортивных федераций инкорпорирована арбитражная оговорка о передаче споров в CAS. Такая оговорка допустима российским законодательством, так согласно статье 36.4 Федерального закона от 04.12.2007 №329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», общероссийская спортивная федерация и профессиональная спортивная лига вправе признавать посредством указания на то в учредительных документах иностранное арбитражное учреждение, администрирующее арбитраж (третейское разбирательство) всех или определенных категорий споров между субъектами физической культуры и спорта по соответствующему виду спорта, в том числе споров, отнесенных к его компетенции международной спортивной федерацией по соответствующему виду спорта.

Говоря о применимом праве к спору, следует рассматривать именно право применимое к существу спора, а не процессуальное право. Право применимое к процедуре арбитража как правило определяется самими сторонами путем выбора применимых арбитражных правил или на основании выбранного места арбитража (lex arbitri). Так ст. 27 Кодекса CAS реализовывает принцип lex arbitri устанавливая, что настоящие процессуальные правила применяются в тех случаях, когда стороны договорились передать спортивный спор в CAS. Разбирательство в CAS представляет собой международный арбитраж, местом проведения которого является Швейцария, как это определено в статье 176 Закона о международном частном праве Швейцарии (далее – Закон о МЧП Швейцарии), в связи с чем применимы положения Закона о МЧП Швейцарии. Статья 182 § 1-2 Закона о МЧП Швейцарии позволяет сторонам выбирать процессуальные правила по своему усмотрению, а в случае отсутствия такого выбора — арбитражному трибуналу следует определять применимые процессуальные правила.

Большинство арбитражных регламентов содержит принцип lex voluntatis, предоставляющий сторонам спора свободу выбора применимого права, при этом стороны вправе выбрать не только конкретное национальное право, но и транснациональное. Если стороны трансграничного трансферного договора определили, что все возникающие споры из него или в связи с ним разрешаются в соответствии с регламентом ФИФА по статусу и трансферам игроков, дополнительно правом Швейцарии, то в таком случае у CAS не возникает вопроса относительно применимого права. Но в практике возникают случаи, когда стороны не выбрали применимое право, как и какое право будет избрано в таком случае? Интересен также вопрос к форме соглашения сторон о выборе применимого права.

Как отмечает Lucas Ferrer de Robles в CAS существует позиция, что к форме соглашения о выборе применимого права не предъявляются какие-либо особые требования: ни кодекс спортивного арбитража, ни Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве от 18 декабря 1987 года не содержат требований относительной формы такого соглашения, что позволяет признавать как явные (explicit), так и молчаливые (tacit) соглашения относительно применимого права [1]. Данный вывод делается исходя из анализа практики CAS, в одном из рассмотренных дел коллегия арбитров указала что: «Соглашение сторон относительно выбора применимого права не обязательно должно иметь определенную форму и может быть заключено как в явной, так и в неявной форме» [2, para. 47]. Так, например, арбитрами CAS было установлено, что выбор применимого права сторон может быть молчаливым (tacit), например, являться результатом их поведения в ходе разбирательства [3, para. 11] (например, при обмене процессуальными документами стороны ссылаются на один и тот же закон). Тем не менее, исходя из доктрины международного частного права независимо от того будет сделан явный (explicit) или молчаливый выбор права (tacit), арбитры, рассматривающие дело, будут уважать соглашения о выборе применимого права, поскольку общее мнение в арбитраже склоняется к тому, чтобы отдавать предпочтение выбору сторон, участвующих в споре.

В случае если стороны не выбрали применимое право к существу спора, то бремя выбора применимого права переходит к арбитрам. В зависимости от того какое это производство ординарное (обычный арбитраж) или апелляционное (апелляционный арбитраж) арбитры CAS будут руководствоваться для определения применимого права статьей R45 или R58 Кодекса CAS соответственно.

Так базовое правило ст. R45 Кодекса CAS устанавливает, что: «Коллегия разрешает спор в соответствии с нормами права, выбранными сторонами, или, в отсутствие такого выбора в соответствии со швейцарским законодательством». В качестве дополнительного варианта ст. R45 предусматривает, что стороны вправе уполномочить коллегию разрешить спор ex aequo et bono. Как отмечает CAS правило R45 Кодекса CAS представляет собой форму правила выбора примени-

мого права. Оно подтверждает свободу выбора сторон, вытекающую из положений главы 12 Швейцарского закона о международном частном праве, который включает в себя основные положения права, применимые ко всем международным арбитражным разбирательствам, местом проведения которых является Швейцария [3, para. 10]. Статья 187 Закона МЧП Швейцарии предоставляет сторонам значительную степень автономии в выборе применимого материального права, включая возможность выбора национального права или частного регулирования.

Право, выбранное сторонами, является общей чертой для ст. R45 или R58 Кодекса CAS, может быть явным (explicit) или подразумеваемым (implied). Если с явным выраженным выбором применимого права не возникает проблем, то в случае его отсутствия CAS проявляет гибкость (свободу) в толковании обстоятельств дела, чтобы установить наличие неявного (implicit) соглашения относительно применимого права. Так, например, одна коллегия арбитров посчитала тот факт, что, стороны ссылаются на одно и то же право в своих письменных заявлениях, является доказательством молчаливого (tacit) выбора применимого права [2, para. 47, para. 6.11; 4, para. 11]. В другом деле коллегия арбитров пришла к выводу о наличии неявного (implicit) выбора применимого права исходя из всех элементов рассматриваемого дела, посчитав, что тот факт, что место жительство сторон находилось во Франции, предмет спора был зарегистрирован во Франции и что в целом отсутствовал какой-либо международный элемент, являлось достаточным основанием для вывода о том, что стороны неявно (implicitly) выбрали французское право [5, para. 75]. Другая коллегия арбитров определила неявный (implicit) выбор применимого права исходя из обстоятельств, а именно поведения сторон в ходе разбирательства [3, para. 11-14]. В этом деле было установлено, что стороны на протяжении всего разбирательства, то есть в своих письменных заявлениях до слушания и в устных заявлениях, основывали свои аргументы на положениях Олимпийской хартии, Антидопинговом кодексе Олимпийского движения, а также на прецедентном праве CAS, касающемся дел о допинге. Коллегия арбитров посчитала, что таким образом стороны сделали соответствующий выбор правил, исходя из анализа совокупности действий (поведения) сторон. Следовательно, Коллегия будет принимать решение по спору на этой основе.

Некоторые исследователи верно утверждают, что такие обстоятельства, как место арбитража, место жительства или гражданство сторон, а также выбор процессуального права, не подразумевают выбора материального права. Выбор права также не может быть выведен из так называемого гипотетического намерения сторон, то есть намерения, которое стороны предположительно имели бы – но в итоге не имели – если бы они обдумали вопрос применимого права [6, стр. 99]. В общем и целом, с такой позицией согласен и CAS, однако с некоторой оговоркой. Из рассмотренной и имеющейся практики CAS не делается вывод, что арбитры приходили к выводу о выборе применимого права посредством аргументов приведенных А. Бухером и Пьер-Ив Чанцом, а наоборот, придерживаются аналогичной позиции. Для того чтобы существовал выбор права в смысле, предусмотренном п. 1 ст. 187 Закона о международном частном праве Швейцарии, необходимо осознание и готовность сторон принять такой выбор права [2, para. 48.]. После того как арбитражный трибунал установит истинное намерение сторон, он обязан обеспечить исполнение их соглашения, не рассматривая по существу выбор сторон и не сомневаясь в законности или целесообразности этого выбора. В частности, арбитражный трибунал не может отказать в применении выбранного права по причине его неполноты, неожиданности или несправедливости в обстоятельствах договорных отношений [7, стр. 119]. CAS допускает, что стороны могут косвенно выбрать применимое материальное право, ссылаясь, например, на свод арбитражных правил. Таким образом, если стороны не договорились конкретно о применимом материальном праве, но сослались на арбитражные правила, устанавливающие порядок определения такого права, арбитражный трибунал будет применять эти правила как право, выбранное сторонами [7, стр. 120-121]. Однако прямое указание на выбор права будет иметь приоритет над ссылкой на арбитражные правила [2, para. 49; 4, para. 13].

В качестве еще одного аргумента гибкости CAS, его внимания к выбору сторон и свободе, которую он проявляет при определении такого выбора, служит возможность выбора применимого права в ходе разбирательства, что является абсолютно законным в соответствии со швейцарским арбитражным правом [8, para. 18].

Как уже было сказано, выбор права допускает выбор не только национального права, но и транснационального, включающего в себя общепринятые принципы права, к которым относится lex sportiva. Так, например, в одном из дел стороны трансферного договора согласовали применимое право следующим образом: «Настоящее соглашение должно толковаться в соответствии с Регламентом ФИФА о трансферах и статусе игроков. […]» [9, para. 5]. В другом деле стороны транс-

ферного соглашения ссылались исключительно на Регламент ФИФА [10, para. 5]. В обоих случаях арбитры решили применять субсидиарно швейцарское право. Таким образом, стороны, ссылаясь на регламент спортивной федерации, соглашаются применять к существу спора lex sportiva.

В целом, ученые и комментаторы сходятся во мнении, что стороны могут по своему выбору подчинить договор системе правил, не являющейся национальным правом государства, и что такой выбор соответствует ст. 187 Закона о МЧП Швейцарии [2, para. 50]. Не менее интересен принцип depecage, признанный и принятый CAS, который позволяет сторонам свободно выбирать применимое право вплоть до возможности применять различные правила к различным частям арбитражного соглашения [1]. Так в одном из дел стороны коллегия арбитров применила право Парагвая к контракту, подписанному между футболистом и футбольным клубом, обе стороны из Парагвая, контракт был составлен на парагвайском языке и обе стороны сделали явные отсылки на Парагвайское право [11]. Коллегия арбитров также применила субсидиарно швейцарское право к вопросам не охваченным регламентом ФИФА, поскольку ФИФА расположен в Швейцарии. В другом деле стороны ссылались в своих показаниях на регламент ФИФА. Стороны не пришли к согласию относительно применимого права. Они также не указали, что швейцарское коллизионное право может определять применимое к существу дела право. Как установлено ст. R45 Кодекса CAS, если стороны не договорились об ином, статья предусматривает применение швейцарского материального права при отсутствии выбора какого-либо другого права [12, para. 8]. Так, к отношениям сторон применяется швейцарское материально право, включая международные договоры, заключенные Швейцарией, исключая коллизионное право, предусмотренное выбранным законодательством. Тем самым, арбитры CAS пришли к выводу, что в первую очередь применяются правила ФИФА, а швейцарское право применяется дополнительно.

Возвращаясь выбору применимого права посредством lex voluntatis, стоит отметить, что такой выбор не является абсолютным. Выбор ограничен императивными (обязательными) нормами закона, публичным порядком (ordre public), защитой прав третьих лиц, публичным порядком и законодательством, защищающим «слабую» сторону (например, в трудовых или потребительских контрактах). Выбранное сторонами применимое право ограничивается требованиями соблюдения публичного порядка, а именно «транснационального публичного порядка» [13, para. 26-28]. Так, например, CAS подтвердил, что соблюдение швейцарского публичного порядка имеет значение и специально гарантировано п. «e» ст. 190 Закона о МЧП Швейцарии. Статья устанавливает, что арбитражное решение может быть оспорено, если оно «несовместимо с публичным порядком». Даже в тех случаях, когда к существу применяется иностранное право, необходимо соблюдать основополагающие принципы права, признанные в Швейцарии [14, para. 45], что также подтверждено решением федерального суда Швейцарии.

В качестве еще одного источника права как уже было упомянуто ранее ст. R45 Кодекса CAS стороны вправе уполномочить коллегию арбитров разрешить спор по справедливости - ex aequo et bono. Выбор такого способа разрешения спора не противоречит ст. 187 Закона о МЧП Швейцарии. Арбитры могут обращаться к нормам права и правовым принципам при таком разрешении спора (например, pacta sunt servanda и др.). Еще одной особенность будет являться то, что арбитры, принимающие решение по принципу справедливости в соответствии с п. 2 ст. 187 Закона о МЧП Швейцарии, не начнут процесс с анализа применимого права и положений договора, чтобы, возможно, смягчить последствия, если они слишком строги. Арбитры скорее проигнорируют закон и сосредоточатся исключительно на конкретных обстоятельствах рассматриваемого дела. Принимая решение ex aequo et bono, арбитры руководствуются концепцией справедливости, которая не вдохновлена действующими нормами права и которая может даже противоречить этим нормам [15, para. 111-112]. Разрешение спора по справедливости является редким случаем в практике CAS. Трудно найти опубликованные решения CAS, в котором возникла бы такая ситуация. Однако такие исключения редко встречаются, например, в баскетболе [15]. По общему правилу решения в ординарной процедуре являются конфиденциальными согласно ст. R43 Кодекса CAS. В любом случае если стороны не избрали применимое право, базовое правило R45 Кодекса CAS устанавливает применение Швейцарского права.

Таким образом, в рамках ординарного производства признается автономия воли в выборе применимого права, при этом большое значение отдается Швейцарскому праву.

Большинство трансферных споров рассматриваются в апелляционном производстве в связи с особенностью разрешения споров в футболе. Для разрешения споров и применения дисциплинарных мер в футболе создан футбольный трибунал, состоящий из палаты по разрешению споров, палаты по статусу игроков, агентской палаты. Если проводить аналогию с системой государ-

ственных судов, то такие юрисдикционные органы, как упомянутый футбольный трибунал ФИФА, выступают как своего рода первая инстанция. Решения, вынесенные футбольным трибуналом, могут быть в случае несогласия оспорены в CAS. Так, статья 57 устава ФИФА в редакции от мая 2022 г. гласит, что апелляции на окончательные решения, принятые юридическими органами ФИФА (т.е. структурными подразделениями), в число которых входят юрисдикционные органы, а также на решения, принятые конфедерациями, ассоциациями-членами или лигами, подаются в CAS. На стадии апелляционного производства в CAS коллегия арбитров будет руководствоваться ст. R58 Кодекса CAS. Статья устанавливает привила определения применимого права к существу спора и иерархию их применения. Так ст. R58 Кодекса CAS гласит: «Коллегия разрешает спор в соответствии с применимыми правилами спортивной организации и, субсидиарно, с нормами права, выбранными сторонами или, в случае отсутствия такого выбора, в соответствии с законодательством страны, в которой зарегистрирована федерация, ассоциация или спортивный орган, вынесший оспариваемое решение, или в соответствии с нормами права, которыми коллегия сочтет подходящими. В последнем случае коллегия должна обосновать свое решение». Из анализа приведенной статьи делается вывод о наличии четырех потенциальных способов определения применимого права.

В качестве основного источника применимого права в апелляционном производстве CAS выступают применимые правила спортивной организации (применимый регламент), вынесшей оспариваемое решение. Нормы права, избранные сторонами, как верно отмечает Lucas Ferrer de Robles, отодвигаются на «второй план», поскольку они применяются субсидиарно в соответствии с формулировкой и структурой ст. R58 Кодекса CAS. Такое своего рода «ограничение» выбранного сторонами права объясняется и оправдывается тем, что, уже имеется указание на контекст и объем спора: решение (-ия) предыдущей (-их) инстанции (-ий). В этом еще раз проявляется специфика апелляционного производства CAS и, если так можно сказать «апелляционного» арбитража. Такой арбитраж является классическим, а рассмотрение спора в качестве апелляционной инстанции не противоречит его природе. Как в таком случае соотносятся ст. 187 Закона о МЧП Швейцарии и ст. R58 Кодекса CAS? Статья 187 Закона о МЧП Швейцарии устанавливает приоритет lex voluntatis, а ст. R58 Кодекса CAS приоритет применимого регламента. Как подчеркивает сам CAS положения ст. 187 Закона о МЧП Швейцарии устанавливают режим применимого права, специфичный для арбитража и отличающийся от принципов, установленных общими коллизионными нормами Закона о МЧП Швейцарии [16, para. 53].

Как отмечает CAS, согласно правовой доктрине, выбор права, сделанный сторонами, может быть подразумеваемым и (или) косвенным, посредством ссылки на правила арбитражного учреждения. В принципе, соглашаясь на арбитражное разрешение спора в соответствии с Кодексом CAS, стороны подчиняются содержащимся в нем коллизионным нормам, в частности, статье R58 Кодекса CAS [16, para. 54]. Следовательно, можно сделать вывод, что ст. R58, аналогично и ст. R45, Кодекса CAS – это коллизионная норма. Статья 187 Закона о МЧП Швейцарии представляет собой всю коллизионную систему, применимую к арбитражным трибуналам, с местом арбитража в Швейцарии, иные имеющиеся коллизионные нормы в Законе о МЧП Швейцарии не применимы для определения применимого материального права в арбитражных разбирательствах в Швейцарии [7, стр. 116].

Как отмечает CAS: «Что касается статьи 187.1 Закона о МЧП Швейцарии, следует подчеркнуть (i) что она признает традиционный принцип свободы сторон выбирать право, которое арбитражный трибунал должен применять по существу спора, и (ii) что выбор права, который она допускает, может быть сделан также косвенно, посредством ссылки на правила, регулирующие процедуру, установленные в регламенте арбитражного учреждения, если они содержат положение о «выборе права». Согласно преобладающей позиции в доктрине, косвенный выбор права в принципе всегда отменяется прямым выбором права. Однако единоличный арбитр в деле CAS 2018/A/5624 Dominique Cuperly v. Club Al Jazira указал, что этот принцип здесь не применяется. Причина, по которой преобладающая точка зрения в юридической литературе утверждает, что прямой выбор права всегда имеет приоритет над косвенным выбором права, содержащимся в правилах арбитражного учреждения, заключается в том, что в общем правила арбитражных учреждений не стремятся ограничивать автономию сторон в каком-либо отношении [17; 16, para. 56]. Однако это не относится к апелляционным арбитражным процедурам в CAS. Из положений ст. R58 Кодекса CAS следует что «применимые правила», т. е. уставы и правила спортивной организации, вынесшей решение (в данном случае ФИФА), применяются к спору независимо от того, какое право согласовали стороны. По мнению единоличного арбитра, стороны не могут отступать от этого положения, если CAS сохраняет юрисдикцию [16,

para. 57]. В заключении, единоличный арбитр считает, что ст. R58 Кодекса CAS имеет приоритет над прямой оговоркой о выборе применимого права, содержащейся в соглашениях сторон, и что, следовательно, в первую очередь применяются правила и положения ФИФА.

Исходя из сказанного делается вывод, что ст. R58 Кодекса CAS ограничивает свободу в выборе применимого права. Представляется, что такое ограничение допустимо и объясняется конструкцией ст. 187 Закона о МЧП Швейцарии, допускающей косвенный выбор права через ссылку на правила, регулирующие процедуру, установленные в регламенте арбитражного учреждения, если они содержат положение о «выборе применимого права». В том числе спецификой самого спортивного арбитража, в частности как апелляционного спортивного арбитража. Уставы и регламенты спортивных организаций непосредственно регулируют отношения, по поводу которых возник спор, более того такой спор до CAS уже рассматривался на основании соответствующих спортивных регламентов и правил, следовательно, как апелляционная инстанция CAS будет применять эти же спортивные нормы, будучи наиболее тесно связанными с рассматриваемым спором и которые по сути своей выступают как lex specialis. Если избранное сторонами применимое право является общими нормами, а спортивные регламенты и т.п. lex specialis, то согласно общеизвестному принципу к отношениям сторон будут применяться специальные нормы (lex specialis derogat legi generali). Тем не менее, ст. R58 Кодекса CAS, не отменяет, а прямо предусматривает, что в дополнение к применимым «правилам и регламентам» применяется право, выбранное сторонами. Такой выбор, конечно, применяется к ограниченному кругу вопросов. Это правило применяется лишь в качестве вспомогательного, то есть в той мере, в какой применимые правила и положения не регулируют рассматриваемый правовой вопрос. Так, например в уже упомянутом ранее деле стороны выбрали в качестве вспомогательного права законы ОАЭ [16, para. 59]. Таким образом, единоличный арбитр будет уважать такой выбор права в отношении вопросов, касающихся данных контрактов (и не подпадающих под действие правил и положений ФИФА).

Выбор применимого права сторонами в рамках апелляционного производства также может быть явным (в отношении всего соглашения или его части). Так, например в одном из дел коллегия арбитров в соответствии со статьей R58 Кодекса CAS применила право Испании к соответствующему вопросу. Причина заключалась в том, что процедуры банкротства не регулируются различными регламентами ФИФА, а регулируются исключительно правом страны, где установлено банкротство, т.е. Испании [18, para. 88]. Тем не менее, применение испанского права строго ограничено процедурой банкротства футбольного клуба «Реал Сарагосы», поскольку испанское право противоречит применению различных регламентов ФИФА. Выбор права может быть подразумеваемым (implied), может быть согласовано до или во время разбирательства, и стороны могут выбрать в качестве источников регламенты спортивных организаций, национальное право, транснациональное право (lex sportiva) и тому подобное, с учетом ограничений «международного и универсального публичного порядка».

В качестве еще одного источника применимого права статья R58 Кодекса CAS коллегия арбитров может обращаться к законодательству страны, в которой зарегистрирована федерация, ассоциация или спортивный орган, вынесший оспариваемое решение. Представляется, что такой выбор объясняется конструкцией ст. 187 Закона о МЧП Швейцарии, устанавливающей принцип наиболее тесной связи. Большинство международных федераций расположены в Швейцарии, в связи с чем применимым правом будет являться право Швейцарии. Наконец ст. R58 Кодекса CAS предоставляет коллегии полномочия по применению норм права, которые коллегия сочтет подходящими, с обоснованием своего выбора. Применимые спортивные правила будут иметь приоритет, а избранное сторонами право применяться дополнительно, и только в случае отсутствия выбора сторонами применимого права арбитры смогут прибегнуть к применению права места нахождения спортивной федерации или права, которое они сочтут целесообразным. Представляется, что последние два способы являются крайней мерой.

В обеих рассмотренных статьях Кодекса CAS положения соответствующих статей приводят к применению Швейцарского права. В первую очередь, потому что CAS расположен в Швейцарии. Многие спортивные федерации такие как МОК, ФИФА, УЕФА, ФИС и другие зарегистрированы и находятся в Швейцарии.

Таким образом, право применимое к трансграничному трансферному договору будет зависеть от арбитражной процедуры в CAS. Тем не менее, исходя из приведённого анализа, можно утверждать, что в рамках ординарной процедуры применимым будет право, избранное сторонами, а в случае отсутствия такого выбора – право Швейцарии. В рамках апелляционного производства, несмотря на избранное сторонами право, приоритет будут иметь нормы спортивных организаций, вынесших оспариваемое решение.

Список литературы:

[1] Applicable Law in Sport-related Disputes and the influence of Swiss Law, Lucas Ferrer de Robles;

[2] Arbitration CAS 2008/A/1558 World Anti-Doping Agency (WADA) v. South African National Equestrian Federation (SANEF) & Jasyn Gertenbach and CAS 2008/A/1578 Fédération Equestre Internationale (FEI) v. SANEF, award of 4 March 2009;

[3] Arbitration CAS 2002/O/373 Canadian Olympic Committee (COC) & Beckie Scott / International Olympic Committee (IOC), award of 18 December 2003;

[4] Arbitration CAS 2006/A/1024 FC Metallurg Donetsk v. Leo Lerinc, award of 31 January 2007;

[5] CAS 2006/O/1127 I. & FS.A.S. v. C. Sarl;

[6] BUCHER/TSCHANZ, International Arbitration in Switzerland, Basle 1989;

[7] KAUFMANN-KOHLER & STUCKI, International Arbitration in Switzerland, Zurich 2004, Schulthess;

[8] Arbitration CAS 2007/A/1322 Giuseppe Giannini, Corrado Giannini & Pasquale Cardinale v. S.C. Fotbal Club 2005 S.A., award of 15 April 2008;

[9] Arbitration CAS 2005/O/985 Feyenoord Rotterdam N.V. v. Cruzeiro Esporte Club, award of 19 December 2006;

[10] Arbitration CAS 2003/O/527 Hamburger Sport-Verein e.V. v. Odense Boldklub, award of 21 April 2004;

[11] CAS 2005/A/878 Club Guarani v/ Ivan González Ferreira and Club FC St. Gallen AG

[12] Arbitration CAS 2003/O/486 Fulham FC / Olympique Lyonnais, preliminary award of 15 September 2003;

[13] Arbitrage TAS 2005/A/983 & 984 Club Atlético Peñarol c. Carlos Heber Bueno Suarez, Cristian Gabriel Rodriguez Barrotti & Paris Saint-Germain, sentence du 12 juillet 2006;

[14] Arbitration CAS 2010/A/2128 C.S. Chimia Brazi v. S.C. C.S. Unirea Urziceni S.A., award of 15 November 2010;

[15] CAS 2021/A/7638 Associação Social E Esportiva SADA v. Robertlandy Simon Aties & A.S. Volley Lube S.r.l;

[16] Arbitration CAS 2018/A/5624 Dominique Cuperly v. Club Al Jazira, award of 17 December 2018;

[17] BSK-IPRGKARRER, 3rd edition, Basel 2013, Art. 187 No. 123;

[18] Arbitration CAS 2012/A/2750 Shakhtar Donetsk v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Real Zaragoza S.A.D., award of 15 October 2012.

References:

[1] Applicable Law in Sport-related Disputes and the influence of Swiss Law, Lucas Ferrer de Robles;

[2] Arbitration CAS 2008/A/1558 World Anti-Doping Agency (WADA) v. South African National Equestrian Federation (SANEF) & Jasyn Gertenbach and CAS 2008/A/1578 Fédération Equestre Internationale (FEI) v. SANEF, award of 4 March 2009;

[3] Arbitration CAS 2002/O/373 Canadian Olympic Committee (COC) & Beckie Scott / International Olympic Committee (IOC), award of 18 December 2003;

[4] Arbitration CAS 2006/A/1024 FC Metallurg Donetsk v. Leo Lerinc, award of 31 January 2007;

[5] CAS 2006/O/1127 I. & FS.A.S. v. C. Sarl;

[6] BUCHER/TSCHANZ, International Arbitration in Switzerland, Basle 1989;

[7] KAUFMANN-KOHLER & STUCKI, International Arbitration in Switzerland, Zurich 2004, Schulthess;

[8] Arbitration CAS 2007/A/1322 Giuseppe Giannini, Corrado Giannini & Pasquale Cardinale v. S.C. Fotbal Club 2005 S.A., award of 15 April 2008;

[9] Arbitration CAS 2005/O/985 Feyenoord Rotterdam N.V. v. Cruzeiro Esporte Club, award of 19 December 2006;

[10] Arbitration CAS 2003/O/527 Hamburger Sport-Verein e. V. v. Odense Boldklub, award of 21 April 2004;

[11] CAS 2005/A/878 Club Guarani v/ Ivan González Ferreira and Club FC St. Gallen AG

[12] Arbitration CAS 2003/O/486 Fulham FC / Olympique Lyonnais, preliminary award of 15 September 2003;

[13] Arbitrage TAS 2005/A/983 & 984 Club Atlético Peñarol c. Carlos Heber Bueno Suarez, Cristian Gabriel Rodriguez Barrotti & Paris Saint-Germain, sentence du 12 juillet 2006;

[14] Arbitration CAS 2010/A/2128 C.S. Chimia Brazi v. S.C. C.S. Unirea Urziceni S.A., award of 15 November 2010;

[15] CAS 2021/A/7638 Associação Social E Esportiva SADA v. Robertlandy Simon Aties & A.S. Volley Lube S.r.l;

[16] Arbitration CAS 2018/A/5624 Dominique Cuperly v. Club Al Jazira, award of 17 December 2018;

[17] BSK-IPRGKARRER, 3rd edition, Basel 2013, Art. 187 No. 123;

[18] Arbitration CAS 2012/A/2750 Shakhtar Donetsk v. Fédération Internationale de Football Association (FIFA) & Real Zaragoza S.A.D., award of 15 October 2012.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-446-452

КРУЖКОВА Татьяна Ивановна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: rustale@yandex.ru

КУЛИКОВА Елена Сергеевна,
доктор экономических наук, доцент кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: e.s.kulikova@mail.ru

БАТРАКОВА Светлана Игоревна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: s-batrakowa@mail.ru;

ГАВРИЛОВ Денис Евгеньевич,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: den_gav@mail.ru

РУЩИЦКИЙ Лев Сергеевич,
студент Института экономики, финансов и менеджмента
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: olgaru-arbitr@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ДЕБИТОРСКОЙ И КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТЬЮ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Аннотация. *Содержание и основные задачи проведения диагностики финансово-хозяйственной деятельности предприятия включают в себя оценку финансового состояния, учитывая уровни кредиторской и дебиторской задолженностей. Данный анализ позволяет выявить возможности повышения эффективности хозяйственной деятельности предприятия и его конкурентоспособность.*

Для эффективного ведения хозяйственной деятельности, предприятие должно обладать реальным имуществом в виде основного и оборотного капитала, от рационального и эффективного использования которого зависят эффективность производства и финансовая устойчивость предприятия. Одна из основных проблем увеличение суммы дебиторской и кредиторской задолженности на предприятии – это несовершенство регулирования его денежными потоками.

Актуальность темы данной статьи заключается в том, что финансовое состояние предприятия, коэффициенты ликвидности, платежеспособности и в целом его успешное функционирование напрямую зависят от того, насколько быстро средства в расчетах обращаются в наличные средства, и насколько рационально осуществляется управление задолженностями организации.

Ключевые слова: *дебиторская задолженность, кредиторская задолженность, финансовая устойчивость, платежеспособность, реструктуризация.*

KRUZHKOVA Tatiana Ivanovna,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

KULIKOVA Elena Sergeevna,
Doctor of Economics, Associate Professor
of the Department of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

BATRAKOVA Svetlana Igorevna,
Senior lecturer of the Department of Foreign Languages
of the Ural State Agrarian University
GAVRILOV Denis Evgenievich,
Candidate of Economics, Associate Professor
of the Department of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

RUSHCHITSKY Lev Sergeevich,
student of the Institute of Economics, finance and management
of the Ural State Agrarian University

KEY DIRECTIONS FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF ACCOUNTS RECEIVABLE AND ACCOUNTS PAYABLE MANAGEMENT IN AN ENTERPRISE

Annotation. *The content and main objectives of diagnosing the financial and economic activities of an enterprise include assessing its financial condition, taking into account the levels of accounts payable and accounts receivable. This analysis allows for the identification of opportunities to improve the efficiency of the enterprise's economic activities and its competitiveness.*

For effective economic management, an enterprise must possess real assets in the form of fixed and working capital, the rational and efficient use of which determines the efficiency of production and the financial stability of the enterprise. One of the main problems of increasing accounts receivable and accounts payable in an enterprise is the imperfection of its cash flow regulation.

The relevance of the topic of this article lies in the fact that the financial condition of an enterprise, its liquidity and solvency ratios, and its overall successful functioning directly depend on how quickly funds in settlements are converted into cash, and how rationally the organization's debt management is carried out.

Key words: *accounts receivable, accounts payable, financial sustainability, solvency, restructuring.*

В ходе анализа дебиторской и кредиторской задолженности чаще всего выявляются следующие негативные факторы:

1. Несвоевременное исполнение обязательств компании по своим платежам.
2. Использование бездейственных методов по ускорению истребования дебиторской задолженности.
3. Условия в договорах не обеспечивают своевременное поступление денежных средств от дебиторов.

Обнаружение данных факторов требует от предприятия обратить серьезное внимание на улучшение состава и структуры заемных источников средств, стремиться ограничить рост кредиторской задолженности, а также усилить контроль над дебиторской задолженностью.

В качестве мероприятий, направленных на оптимизацию размера и структуры кредиторской задолженности, предприятию можно рекомендовать провести расчет снижения долговых обязательств путем реструктуризации долга по налогам и сборам и осуществления взаимозачетов с контрагентами.

Сущность управления кредиторской задолженностью заключается в определении ее величины в зависимости от целей предприятия. Чтобы не допустить кризисного состояния в качестве

целей управления кредиторской задолженностью необходимо добиваться финансовой устойчивости предприятия в целом.

Управление кредиторской задолженностью должно быть направлено на ускорение ее оборачиваемости (сокращение сроков погашения), а также на привлечение дополнительных денежных средств для ее снижения. Кроме этого необходимо провести реструктуризацию долговых обязательств и взаимозачетов с контрагентами.

В последнее время всё большее количество предприятий-должников всех форм собственности обращаются к реструктуризации.

При принятии решения о реструктуризации задолженности организации по обязательным платежам в федеральный бюджет ей предоставляется право равномерной уплаты задолженности по налогам и сборам в течение шести лет, по пени и штрафам – в течение 4 лет после погашения задолженности по налогам и сборам. С сумм задолженности по налогам и сборам предприятие обязано раз в квартал платить проценты за пользование бюджетными средствами.

Далее рассмотрим возможность сокращения кредиторской задолженности за счет взаимозачетов с контрагентами.

Анализ дебиторской и кредиторской задолженностей торговых предприятий показал, что нередко возникают ситуации, когда один и тот же контрагент выступает одновременно в качестве дебитора и кредитора. В данном случае погашение задолженности возможно даже при отсутствии свободных денежных средств.

Возможность погашать обязательства путем проведения зачета взаимных требований предусмотрена в статье 410 Гражданского кодекса РФ [1]. В статье также определяются условия, необходимые для проведения взаимозачета между контрагентами:

1. Наличие встречной задолженности.
2. Однородность требований.
3. Срок исполнения требований наступил.

На основании вышеизложенного проанализируем мероприятия по совершенствованию системы управления дебиторской задолженностью предприятия:

В качестве мер, направленных на сокращение дебиторской задолженности в краткосрочном периоде можно предложить использование договора финансирования под уступку денежного требования (применение факторинга).

К примеру, оборачиваемость дебиторской задолженности за 2022 и 2024 годы составила 43 и 33 дня соответственно. Таким образом, средний период времени, который требуется для того, чтобы предприятие, отгрузив товар или выполнив услуги, получило деньги, равен 38 дней. Однако, несмотря на снижение уровня дебиторской задолженности, значение показателя доказывает сделанное ранее заключение о том, что для сохранения своей платежеспособности предприятию необходимо отрегулировать контроль над дебиторской задолженностью.

Таблица 1. Состав и движение дебиторской задолженности

Состав дебиторской задолженности	2022г.	2024г.	Изменение (+/-)
Дебиторская задолженность, тыс. руб.	10 980	11 160	+180
Доля задолженности в общем объеме оборотных активов, %	35,92	31,29	-4,63
Оборачиваемость дебиторской задолженности, дни	43	33	-10

Для более рационального управления дебиторской задолженностью можно предложить такой метод инкассации долгов как факторинг (финансирование под уступку денежного требования).

Предприятие может заключить договор факторинга с банком ВТБ 24, который с 2005 года является одним из ведущих участников рынка факторинга и за время работы зарекомендовал себя как надежный финансовый партнер торгово–производственных компаний.

Использовать предложенный метод сокращения дебиторской задолженности целесообразно в краткосрочном периоде, так как если предприятие будет обращаться к этой схеме регулярно, со временем она начнет нести убытки из-за того, что факторинговая компания взымает за предоставленные услуги достаточно высокую комиссию.

В долгосрочной перспективе для эффективного управления дебиторской задолженностью

можно предложить пересмотр существующей кредитной политики предприятия и введение системы скидок и штрафов для покупателей.

В случае наличия большого удельного веса дебиторской задолженности в активах баланса целесообразно пересмотреть лимиты дебиторской задолженности по покупателям, а также ввести оценку их надежности. Для совершенствования кредитной политики необходимо проводить оценку не только надежности, но и имеющейся выгоды покупателей. Анализ рисков от возникновения просроченной задолженности позволил сделать вывод о необходимости разработки конкретных мероприятий, направленных на принятие управленческого решения об условиях предоставления кредита. Одной из таких мер является формирование кредитной политики, то есть построение кредитного рейтинга клиентов. Предлагается ввести систему показателей, с помощью которых будет анализироваться кредитоспособность дебиторов (*таблица 2*).

Таблица 2. Разработка системы показателей для оценки кредитоспособности дебиторов предприятия

Показатель	Характеристика
Объем продаж, % от объема продаж отрасли	Позволяет оценить спрос на продукцию, а также определить их платежеспособность
Динамика объема продаж	Позволяет выявить тенденции выручки предприятия и определить возможность погашения долгов в будущем
Доля рынка	Позволяет судить о положении компании на рынке, следовательно, спрогнозировать развитие компании и его объем продаж
Объем просроченной дебиторской задолженности в оплате предыдущей поставки (% от суммы поставки)	Позволяет оценить надежность дебитора

Таким образом, для оценки уровня кредитоспособности дебитора необходимо провести комплексный анализ его деятельности и выявить возможность расплачиваться по обязательствам.

Преимуществами данной системы оценки являются: выявление и анализ тенденции развития дебиторов, их положение на рынке; комплексная характеристика предприятия, которая позволяет оценить его с различных сторон; по результатам анализа с помощью данной методики можно сделать вывод о кредитоспособности дебитора и как следствие снизить риск невозврата кредита.

Для оценки кредитоспособности заемщика авторами предлагается использовать бальную оценку (по 3-х балльной шкале).

Таблица 3. Бальная оценка кредитоспособности заемщиков

Показатель	Значение показателя	Балл
Объем продаж	до 20%	1
	от 20 до 40%	2
	свыше 40%	3

Динамика объема продаж	положительная	3
	отрицательная	0
Доля рынка	до 10%	1
	от 10 до 40%	2
	свыше 40%	3
Объем просроченной дебиторской задолженности в оплате предыдущей поставки	свыше 50%	1
	от 10 до 50%	2
	до 10%	3

Причисление покупателя к той или иной группе выполняется по результатам суммирования баллов (*таблица 4*). Далее проводится подсчет суммы балов. В результате покупатели делятся на 3 типа.

Таблица 4. Ранжирование покупателей по типу надежности

Тип	Сумма баллов	Примечание
Тип 1. Надежные покупатели	9-12 б.	Наиболее кредитоспособны, размер предоставления кредита максимальный
Тип 2. Покупатели средней надежности	5-9 б.	Оценка кредитоспособности покупателей требует более детального и взвешенного подхода. Размер предоставляемого кредита ограничен
Тип 3. Ненадежные покупатели	до 5 б.	Покупатели с повышенным риском невозврата кредита

В соответствии с типами покупателей в последующем устанавливаются лимиты дебиторской задолженности (в % от объема продаж).

Таблица 5. Лимиты дебиторской задолженности (в % от объема продаж)

Покупатель	Лимит, %
Тип 1. Надежные покупатели	40
Тип 2. Покупатели средней надежности	20
Тип 3. Ненадежные покупатели	10

Далее представлен разработанный план действий в случае возникновения задержки платежа со стороны дебитора (*таблица 6*).

Таблица 6. План действий в случае задержки платежа дебитором

Длительность просрочки платежа	Действие	Ответственный
Просрочка от 1 до 5 дней	Звонок клиенту для выяснения причины задержки	Бухгалтер
Просрочка от 6 до 14 дней	Звонок через 1-2 дня с напоминанием об оплате	Бухгалтер
	Направление письма с просьбой погасить задолженность	Бухгалтер
	Прекращение дальнейших сделок с клиентом	Директор организации
Просрочка от 15 до 40 дней	Ежедневные звонки с напоминанием об оплате	Бухгалтер
	Переговоры с руководством клиента	Директор организации
	Направление претензии	Юрист
	Направление предарбитражного уведомления	Юрист
Просрочка свыше 40 дней	Подготовка и подача искового заявления в суд	Юрист

Таким образом, вышеперечисленные действия позволят повысить эффективность реализации кредитной политики, что благотворно скажется на деятельности предприятия, повысив его конкурентоспособность. А в целях уменьшения рисков появления просроченной дебиторской задолженности эффективным средством является введение системы скидок и штрафов.

Список литературы:

[1] Алексеева Г.И., Парагульгов А.М. Инвентаризация расчетов как элемент управления дебиторской задолженностью // Бухгалтер и закон. 2023. №4, С.5-14.

[2] Валинуров Т.Р. Специфика оценки дебиторской и кредиторской задолженностей предприятия // Международный бухгалтерский учет. 2024. № 3, С. 33 - 44.

[3] Валисова М.Л., Чумакова О.В. Методы анализа и генерации решений по управлению кредиторской и дебиторской задолженностью // Наука и образование в XXI веке. 2024. № 12, С. 142-143

[4] Вержбицкая И. В. Значение анализа кредиторской задолженности для предотвращения банкротства юридического лица // Наука и современность. 2022. №. 19-2, С.162-173.

[5] Галактионова Н.В., Антонович Д.А. Проблемные вопросы определения и реструктуриза-

ции дебиторской и кредиторской задолженности // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2023. №6, С.5-11.

[6] Дудин А.С. Дебиторская задолженность. Методы возврата, которые работают / А.С. Дудин. - СПб.: Питер, 2021. - 192 с.

[7] Евглевская В.К. Методика анализа дебиторской и кредиторской задолженностей // Научные исследования: от теории к практике. 2024. №1, С.297-299.

[8] Савицкая Г.В. Комплексный анализ хозяйственной деятельности предприятия / Г.В. Савицкая. - М.: ИНФРА-М, 2025. - 607 с.

[9] Титов В.И. Экономика предприятия: монография / В.И. Титов. - М.: Эксмо, 2024. - 416 с.

[10] Фомичева Л. П. Антикризисные меры: управление кредиторской задолженностью // Финансовый менеджмент. 2023. № 1, С. 23-32.

[11] Шикарева О.В. Бухгалтерский управленческий учет: методическое пособие / О.В. Шикарева. - М: Экономическое образование, 2022. - 69 с.

References:

[1] Alekseeva G.I., Paragulgov A.M. Inventory of settlements as an element of receivables management//Accountant and law. 2023. No. 4, S.5-14.

[2] T.R. Valinurov. Specifics of the company's receivables and payables valuation//International accounting. 2024. NO. 3, S. 33-44.

[3] Valisova M.L., Chumakova O.V. Methods of analysis and generation of solutions for managing accounts payable and receivables//Science and education in the XXI century. 2024. NO. 12, P. 142-143

[4] Verzhbitskaya I.V. Importance of analysis of accounts payable to prevent bankruptcy of a legal entity//Science and modernity. 2022. №. 19-2, P.162-173.

[5] Galaktionova N.V., Antonovich D.A. Problematic issues of definition and restructuring of receivables and payables//Bulletin of the Khabarovsk State Academy of Economics and Law. 2023. No. 6, S.5-11.

[6] Dudin A.S. Accounts receivable. Return methods that work/A.S. Dudin. - St. Petersburg: Peter, 2021. - 192 s.

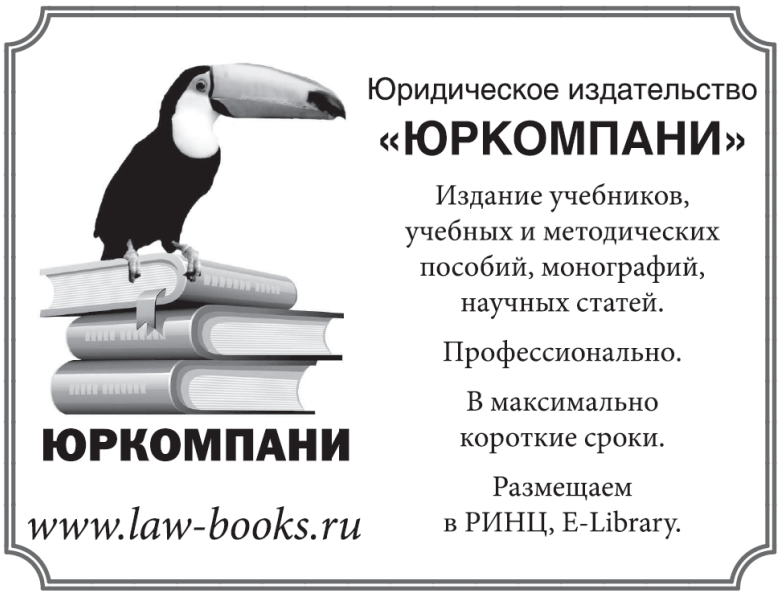
[7] Evglevskaya V.K. Methodology for analyzing receivables and payables//Scientific research: from theory to practice. 2024. NO. 1, P.297-299.

[8] Savitskaya G.V. Comprehensive analysis of the economic activity of the enterprise/G.V. Savitskaya. - M.: INFRA-M, 2025. - 607 s.

[9] Titov V.I. Enterprise economics: monograph/V.I. Titov. - M.: Eksmo, 2024. - 416 s.

[10] L.P. Fomicheva. Anti-crisis measures: accounts payable management//Financial management. 2023. NO. 1, S. 23-32.

[11] O.V. Shikareva. Accounting management accounting: methodological manual/O.V. Shikareva. - M: Economic Education, 2022. - 69 s.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-453-455

ЗАХАРОВ Константин Алексеевич,
аспирант департамента права
Московского городского педагогического университета,
e-mail: K.zaharov76@bk.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СЧЕТА ЭСКРОУ В ПОДРЯДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Аннотация. *В статье проведен анализ институту проектного финансирования в строительной сфере, который был введен в российское законодательство в ответ на проблемы, связанные с мошенничеством, банкротством застройщиков и незавершенным строительством. Рассматривается модель финансирования, основанная на целевых кредитах, предоставляемых банками застройщиками, а также механизм эскроу, обеспечивающий защиту интересов дольщиков.*

Ключевые слова: *долевое строительство, счета эскроу, законодательство в сфере строительства, подрядные отношения, обеспечение гарантий.*

ZAKHAROV Konstantin Alekseevich,
Postgraduate student at the Department of Law of
Moscow City Pedagogical University

ACTUAL PROBLEMS OF USING AN ESCROW ACCOUNT IN CONTRACTUAL OBLIGATIONS

Annotation. *The article analyzes the institute of project finance in the construction sector, which was introduced into Russian legislation in response to problems related to fraud, bankruptcy of developers and unfinished construction. The article considers a financing model based on targeted loans provided by banks and developers, as well as an escrow mechanism that protects the interests of shareholders.*

Key words: *shared-equity construction, escrow accounts, legislation in the field of construction, contractual relations, guarantee provision.*

Внедрение института эскроу в российскую правовую систему, осуществленное с принятием Федерального закона от 26.07.2017 № 212-ФЗ [1], было призвано повысить уровень защиты сторон в рамках гражданского оборота, в особенности в сфере подрядных отношений. Однако практика применения данного механизма выявила ряд системных проблем, препятствующих его широкому и эффективному использованию.

Цель данной статьи провести анализ изменений в законодательстве для участников долевого строительства при использовании счета эскроу, которые оказали существенное влияние на стоимость проектов и финансовую устойчивость собственников зданий, а также выявление проблем и разработка предложений по их решению. В качестве предмета анализа были определены изменения, связанные с законодательным введением новых правил долевого строительства и счета эскроу. Согласно договору, одна сторона (застройщик) обязуется в предусмотренный договором срок своими силами и/или с привлечением других лиц построить (создать) объект недвижимости и после получения разрешения на «ввод в эксплуатацию этого объекта передать его участнику долевого строительства. Другая сторона (участник долевого строительства) обязуется в свою очередь уплатить обусловленную договором цену и принять объект при наличии разрешения на ввод в эксплуатацию этого объекта [2]. Так, ч. 4 ст. 23 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ установлено, что для реализации мероприятий по восстановлению прав граждан, чьи денежные средства привлечены для строительства многоквартирных домов и/или иных объектов недвижимости, включенных в единый реестр проблемных объектов, расположенных на террито-

рии субъекта Российской Федерации, высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) утверждается соответствующий план-график реализации таких мероприятий.

Согласно ст. 860.7 ГК РФ и ст. 15.5 Закона о долевом строительстве, по договору счета эскроу банк открывает специальный счет эскроу для учета и блокирования денежных средств, полученных им от владельца счета —участника долевого строительства (депонента) в счет уплаты цены договора участия в долевом строительстве в отношении объекта недвижимости, в целях передачи эскроу-агентом таких средств застройщику (бенефициару) при возникновении оснований, предусмотренных договором счета эскроу. Права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи денежных средств бенефициару, а после указанной даты — бенефициару.

Однако при применении счета эскроу существуют следующие пробельные вопросы:

1. Одной из ключевых проблем остается неоднозначность разграничения эскроу-счета от смежных конструкций, в частности, от номинального счета (ст. 860.7 ГК РФ) и от простого аккредитива.

2. Фискальные аспекты использования эскроу создают значительные сложности. Согласно позиции финансового ведомства, изложенной в Письме Минфина России от 10.10.2023 №03-03-06/1/96189 [3], датой получения дохода для подрядчика признается не момент поступления средств со счета эскроу, а дата выполнения работ и подписания акта сдачи-приемки. Это создает кассовый разрыв: обязательства по уплате НДС и налога на прибыль возникают до фактического получения денежных средств, что ухудшает финансовое положение исполнителя. Кроме того, остается дискуссионным вопрос о правомерности принятия к вычету НДС заказчиком в период нахождения денежных средств на эскроу-счете, до перехода права собственности на результат работ.

3. Ограниченность и высокая стоимость банковского сопровождения. Функционирование эскроу возможно лишь при участии финансовой организации, отвечающей критериям ст. 860.1 ГК РФ. Однако не все банки предлагают данную услугу, а тарифы на ее обслуживание зачастую являются экономически обременительными,

4. Начисление доходов в виде процентов по средневзвешенной процентной ставке ежемесячно за пользование денежными средствами, находящимися на специальном счете эскроу, и зачисление их на отдельный счет депоненту до востребования.

В сложившейся ситуации, когда параллельно существует несколько видов правового регулирования одной и той же деятельности, владельцы крупных зданий сталкиваются со значительными трудностями, поэтому, если только владелец здания не реализует крупный проект по строительству жилых и коммерческих объектов, подходы к управлению проектной стоимостью строительства в контексте схемы финансирования с использованием счетов эскроу бывают очень затратны для средних подрядчиков.

Однако по изменения в законодательстве в сфере долевого строительства направлены на регулирование этого механизма реализации о деятельности собственников здании и должны быть основаны на следующих принципах:

Первый принцип - это осведомленность и последовательность, необходимые для быстрого и успешного перехода на правовое регулирование и обеспечивающие готовность к переходу всех участников процесса с учетом изменений в нормативных актах каждого ведомства и сферы деятельности: Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии, Государственной инспекции строительного надзора, банковского сектора, страхового сектора и т.д [4].

Второй принцип - обратная связь, подразумевающий оперативное реагирование на сигналы участников процесса о возникающих проблемах в правовом регулировании наряду с разработкой решения каждой проблемы. Необходимо определить единый центр ответственности, который будет аккумулировать вопросы и предложения, а также обладать полномочиями по организации процесса их решения.

Подрядчики в настоящее время широко обсуждают возможность поэтапного раскрытия информации о счетах эскроу в ходе строительства объекта. Банки и дольщики пока не готовы к этому шагу из-за отсутствия механизма обеспечения финансирования строительства объекта в случае неплатежеспособности собственника здания, поскольку средства с эскроу-счетов должны быть возвращены банками дольщикам в полном объеме [5].

В части регулирования деятельности собственников зданий, привлекающих денежные средства физических лиц на специальные счета, следует устранить противоречия в правовом поле, а также устранить пробелы в законодательстве и, следовательно, необходимо внести следующие

изменения: в части регулирования деятельности собственников зданий, которые привлекают деньги дольщиков на счета эскроу, согласовывают с банками и вносят изменения в законодательство в рамках поэтапного раскрытия счетов эскроу утверждают максимально допустимые требования банков к уровню собственных средств, процентной ставке, срокам рассмотрения заявок на получение финансирование проекта, а также требования к финансовому статусу владельца здания [6]. Налоговое регулирование должно быть изменено путем отнесения расходов на транспорт и инженерная инфраструктура, проценты по кредитам на строительство этой инфраструктуры относятся к стоимости проекта, а также сохраняются льготы по НДС и налогу на имущество. Предложено внести изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации, который позволит учитывать расходы собственника здания на содержание построенных социальных объектов, а также объектов транспортной и инженерной инфраструктуры с момента ввода в эксплуатацию до передачи в государственную или муниципальную собственность.

Список литературы:

Федеральный закон «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26.07.2017 N 212-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).

Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 30.12.2004 № 214-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).

Письмо Минфина России от 10.10.2023 №03-03-06/1/96189 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2026).

Владимирова И.Л., Ресин В.И., Бачурина С.С. и др. Цифровые методы в инновационном управлении инвестиционно-строительными проектами: монография. М.: Изд-во ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2020. С. 323.

Цыганкова А.А., Коптелова Д.И., Барешенкова К.А. Управление проектами строительства жилья при переходе к проектному финансированию и цифровым технологиям // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании: сб. тр. IX Междунар. науч.-практ. конф. М.: Изд-во ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2019. С. 228.

Эксперты: поэтапное раскрытие эскроу-счетов понизит рост себестоимости жилья. // ТАСС. URL: tass.ru/nedvizhimost/8879949 (дата обращения 08.01.2026).

References:

[1] Federal Law “On Amendments to Parts One and Two of the Civil Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated July 26, 2017 No. 212-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (date accessed: February 10, 2026).

[2] Federal Law “On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated December 30, 2004 No. 214-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (date accessed: February 10, 2026).

[3] Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 10.10.2023 No. 03-03-06/1/96189 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru (date accessed: 10.02.2026).

[4] Vladimirova I.L., Resin V.I., Bachurina S.S., et al. Digital Methods in Innovative Management of Investment and Construction Projects: Monograph. Moscow: Publishing House of the Plekhanov Russian University of Economics, 2020. P. 323

[5] Tsygankova A.A., Koptelova D.I., Bareshenkova K.A. Management of Housing Construction Projects in the Transition to Project Financing and Digital Technologies // Modern Problems of Project Management in the Investment and Construction Sphere and Nature Management: Coll. Proceedings of the IX Int. scientific-practical. conf. Moscow: Publishing house of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Plekhanov Russian University of Economics, 2019. P. 228

[6] Experts: gradual disclosure of escrow accounts will reduce the growth of housing costs. // TASS. URL: tass.ru/nedvizhimost/8879949 (date of access 08.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.03.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-456-460
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

СВАРЧЕВСКИЙ Константин Геннадьевич,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой гражданского права
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»,
e-mail: svarchewsky@yandex.ru
SPIN-код: 7496-7336, AuthorID: 431054

ТЕРЕЩЕНКО Дарья Вячеславовна,
Студент 2 курса бакалавриата факультета подготовки
специалистов для судебной системы (юридического факультета)
Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный
университет правосудия имени В.М. Лебедева»
e-mail: tereschenko27281@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕНСИИ КОСМОНАВТОВ

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию правовых особенностей пенсионного обеспечения космонавтов как категории работников, занятых в особо вредных и опасных условиях труда. Авторами было проведено тщательное исследование нормативно-правовой базы, регулирующей назначение и выплату пенсий космонавтам, включая Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» и Постановление Министров СССР – Правительства РФ от 17.05.1993 года № 455, которые определяют порядок исчисления выслуги лет, размер назначаемой пенсии, систему дополнительных надбавок. Особое внимание уделяется сравнению пенсионного обеспечения космонавтов государственного сектора с полным отсутствием аналогичных гарантий для работников быстро развивающихся частных космических компаний, что квалифицируется как правовой вакуум. Авторами выявлены правовые коллизии, связанные с сосуществованием устаревшего «списочного» подхода и современной специальной оценки условий труда, что порождает социальную несправедливость. В статье обосновывается необходимость законодательного урегулирования социальных гарантий для сотрудников частных компаний путём внесения изменений в статью 17.1 Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», предусматривающих минимальный обязательный пакет льгот. Также предлагается введение процедуры сертификации частных компаний, обязывающей их включать социальные обязательства в локальные акты. Делается вывод о необходимости адаптации правовых норм к условиям коммерциализации космической деятельности и создания единых правил социальной защиты для всех специалистов отрасли, что соответствует задачам национального проекта «Космос» и соглашения о сотрудничестве между СФР и Госкорпорацией «Роскосмос».*

Ключевые слова: *пенсионное обеспечение, космонавты, особые условия труда, специальная оценка условий труда (СОУТ), государственное пенсионное обеспечение, выслуга лет, социальные гарантии, частные космические компании, правовое регулирование.*

SVARCHEVSKY Konstantin Gennadievich,
Candidate of Legal Sciences, Head of the Department of Civil Law
at the North-Western Branch of the Russian State University of Justice
named after V.M. Lebedev

TERESHCHENKO Daria Vyacheslavovna,
2nd year undergraduate student of the Faculty of Training Specialists
for the Judicial System (Law Faculty) of the North-Western Branch of the
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

PROBLEMS OF COSMONAUT PENSION FORMATION

Annotation. *This article focuses on the legal aspects of pension provision for cosmonauts, a category of workers engaged in particularly hazardous and dangerous conditions. The authors conducted a thorough study of the regulatory framework governing the assignment and payment of pensions to cosmonauts, including Federal Law № 166-FZ of December 15, 2001, «On State Pension Provision in the Russian Federation» and Resolution № 455 of the Ministers of the USSR and the Government of the Russian Federation dated May 17, 1993, which define the calculation of seniority, the amount of the assigned pension, and the system of additional allowances. Particular attention is paid to the comparison of pension provision for astronauts in the public sector with the complete absence of similar guarantees for employees of rapidly developing private space companies, which qualifies as a legal vacuum. The authors identified legal conflicts associated with the coexistence of an outdated «list» approach and a modern special assessment of working conditions, which gives rise to social injustice. The article justifies the need for legislative regulation of social guarantees for employees of private companies by amending Article 17.1 of the Federal Law of 15.12.2001 № 166-FZ «On State Pension Provision in the Russian Federation», providing for a minimum mandatory package of benefits. It is also proposed to introduce a certification procedure for private companies, obliging them to include social obligations in local acts.It is concluded that it is necessary to adapt legal norms to the conditions for the commercialization of space activities and create uniform rules of social protection for all industry specialists, which corresponds to the tasks of the national project «Cosmos» and the cooperation agreement between the EME and the State Corporation «Roscosmos».*

Key words: *pensions, astronauts, special working conditions, special assessment of working conditions (SAWC), state pension provision, length of service, social guarantees, private space companies, legal regulation.*

Актуальность темы данной статьи обусловлена несколькими факторами. Во-первых, развитие пилотируемой космонавтики, которая влечёт появление коммерческих субъектов на космическом рынке. Во-вторых, общая реформа пенсионной системы и переход от «списочного» принципа к специальной оценке условий труда (далее – СОУТ) выявляют системные коллизии и правовые пробелы в обеспечении работников, занятых во вредных и опасных условиях. Как отметил В. Виноградов, пенсионное обеспечение российских космонавтов обладает особым статусом и существенно отличается от выплат, предусмотренных для большинства граждан, поскольку пенсии финансируются напрямую из федерального бюджета. Эту позицию дополняет С. Бессараб, указывающая, что космонавты относятся к категории получателей одних из самых высоких пенсий в стране. По её утверждению, верхний предел таких выплат законодательно не установлен, а их размер определяется должностью, размером заработной платы и продолжительностью страхового стажа. Степень научной разработанности данной проблемы отличается неравномерностью: в то время как вопросы пенсионного обеспечения в рамках общего трудового права и социального страхования широко освещены в научной литературе, специальный статус космонавтов, особенности финансирования их пенсий из федерального бюджета и специфика правоприменения в этой узкой сфере остаются областью, требующей дополнительных исследований.

Целью статьи является изучение системы пенсионного обеспечения космонавтов в особых условиях труда с целью выявления особенностей, вызовов и перспективных путей оптимизации действующих правовых норм. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть критерии отнесения условий труда к вредным и опасным; исследовать нормы, регулирующие пенсионное обеспечение космонавтов, включая вопросы финансирования и правоприменительной практики; провести сравнение условий пенсионного обеспечения космонавтов и представителей других профессий с особыми условиями труда; сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и устранению выявленных противоречий.

Методологическую основу работы составляют общенаучные и частнонаучные методы познания: формально-юридический метод использован для рассмотрения структуры и содержания нормативных правовых актов; сравнительно-правовой метод позволил сопоставить различные пенсионные режимы; метод обобщения правоприменительной практики использован для выявления актуальных проблем.

Специальные пенсионные гарантии для космонавтов установлены Федеральным законом от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

Космонавты как лица, чья профессиональная деятельность связана с особыми рисками и нагрузками, обладают уникальным пенсионным статусом [1, с. 97].

Пенсия по выслуге лет – это регулярная ежемесячная выплата от государства, которая выплачивается пожизненно. Её получают лица, ушедшие в отставку после прохождения военной службы либо службы, сравнимой с нею, а также бывшие космонавты, лётчики-испытатели или сотрудники федеральной государственной гражданской службы, имеющие необходимый трудовой стаж, установленный законом. Основная цель такой пенсии – возмещение потери доходов, связанных с выходом на пенсию [2, с. 293]. Космонавтам, испытателям, исследователям и инструкторам установлены специальные правила назначения пенсии: мужчины могут претендовать на неё при стаже не менее 25 лет, женщины – при стаже от 20 лет, причём из этого времени не менее 10 лет (для мужчин) и 7,5 лет (для женщин) должно быть отработано в лётно-испытательных частях.

Согласно п. 1 ст. 17.1 Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», размер пенсии по выслуге лет космонавтам рассчитывается с учётом их ранее установленного денежного довольствия. Основная сумма выплаты составляет 55% от прошлой заработной платы. За каждый полный год стажа сверх необходимого минимального периода производится прирост пенсии на 3%. Общий размер пенсионных начислений не должен превышать 85% от уровня денежного довольствия космонавта.

Согласно п. 2 ст. 17.1 Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении», предусмотрены дополнительные начисления к пенсии для космонавтов в связи с выслугой лет. Первое увеличение предоставляется инвалидам I группы, которым исполнилось 80 лет, либо тем, кто имеет необходимость в постоянном уходе согласно медицинскому заключению. Данная надбавка равна удвоенному размеру социальной пенсии для инвалидов II группы (за исключением лиц с инвалидностью с детства). Помимо этого, космонавтам-пенсионерам, которые ушли в отставку по выслуге лет, а также тем, кто содержит нетрудоспособных членов семьи, определяют добавочную выплату. Величина такой денежной надбавки зависит от количества иждивенцев в семье: 32% от социальной пенсии назначается при наличии одного нетрудоспособного в семье, 64% – двух, 100% – трёх и более.

В случае смерти космонавта его семье предоставляется дополнительная материальная помощь, согласно п. 5 ст. 17.1 Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении». Выплаты в размере 40% от оклада покойного полагаются каждому члену семьи, который находился на иждивении – это несовершеннолетние дети, а также учащиеся очных отделений высших учебных заведений до достижения ими 23 лет. Право на получение компенсации имеют также супруги, родители, которые достигли пенсионного возраста либо признаны инвалидами.

Финансирование пенсионного обеспечения космонавтов осуществляется напрямую из федерального бюджета, без привлечения средств Социального фонда России. Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 17.05.1993 года № 455 юридическую силу приобрели два ключевых документа: «Положение о материальном обеспечении космонавтов в Российской Федерации» и «Положение о пенсионном обеспечении космонавтов в Российской Федерации». Целью принятия этих нормативных актов являлось гарантирование социальной защищённости лиц, осуществляющих космические полёты. Согласно пунктам 7 и 8 Положения о материальном обеспечении космонавтов в Российской Федерации, для представителей данной профессии предусмотрены различные денежные поощрения и льготы. К ним относятся, например, надбавка к окладу, выплачиваемая каждый месяц, которая зависит от присвоенного класса (космонавты повышают свой класс в результате космических полётов); дополнительная надбавка для космонавтов, обладающих учёной степенью; единовременная выплата за каждый космический полёт, который был совершён в рамках программы государства; надбавка за участие в разработке, производстве и эксплуатации космической техники.

Согласно п. 2 Положения о пенсионном обеспечении космонавтов в Российской Федерации, представителям профессии предусмотрены льготы в ходе расчёта выслуги лет с целью назначения повышенной пенсии, они рассчитываются следующим образом: работа на штатных должностях составляет один месяц за два, а время непосредственного участия в космическом полёте – один месяц за пять. При рассмотрении вопросов, которые связаны с пенсионным обеспечением космонавтов, следует учитывать, что указанные гарантии и преимущества действуют в отношении работников государственных организаций. Для работников частных космических компаний подобная комплексная система социальной поддержки отсутствует.

В настоящее время в России можно увидеть формирование правового вакуума в сфере регу-

лирования труда космонавтов в частных компаниях. Как отмечают эксперты, необходимо сформировать законодательную базу, которая бы регулировала частноправовые аспекты коммерческой космической деятельности [3, с. 10]. Особую остроту приобретает вопрос страхования. Организация коммерческого полёта в космос требует обязательного страхования жизни и здоровья участников, а также ответственности перед третьими лицами, включая партнёров по международным проектам, таким как МКС. При этом страховка для космических туристов носит строго индивидуальный характер и привязана к конкретному запуску, а страховой тариф является переменной величиной, зависящей от множества факторов, включая уровень подготовки, возраст, состояние здоровья туриста и программу предстоящего полёта [4, с. 215].

Социальные гарантии космонавтам регулируются «Отраслевым соглашением по организациям ракетно-космической промышленности Российской Федерации на 2024-2026 годы», в рамках которого предусмотрены компенсации за питание, добровольное медицинское страхование, прохождение оздоровления в санаториях, надбавки при назначении пенсии, величина которых определяется трудовым стажем, а также меры социальной поддержки: единовременные пособия при беременности и родах, ежегодная финансовая помощь сотрудникам, воспитывающим детей-инвалидов, поддержка многодетных семей. Соглашение распространяет свою силу на предприятия и учреждения, находящиеся в ведомстве Госкорпорации «Роскосмос», а также на организации ракетно-космического комплекса, управление которыми осуществляется «Роскосмосом». На основании информации от 28 ноября 2025 года, СФР и Государственная корпорация «Роскосмос» заключили соглашение о сотрудничестве, направленное на развитие социальной сферы в ракетно-космической отрасли. Документ, опубликованный на официальном сайте, устанавливает рамки партнёрства двух ведомств для реализации совместных проектов и совершенствования системы социального обеспечения работников данной отрасли. Предусмотрено формирование совместных рабочих групп из представителей «Роскосмоса» и Социального фонда России, деятельность которых будет сфокусирована на выработке решений по актуальным вопросам социальной политики, а также на оптимизации применения действующих правовых норм в отношении работников ракетно-космической отрасли.

Для регулирования пенсионного обеспечения работников частных компаний, работающих в опасных условиях, предполагается внести изменения в статью 17.1 Федерального закона от 15.12.2001 № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», добавив отдельный пункт о порядке предоставления социальных гарантий космонавтам частных компаний Российской Федерации. Согласно данной норме, будет установлен минимальный обязательный перечень социальных гарантий, предоставление которых привязано к факту выполнения космического полёта и специальному стажу. Данная инициатива поможет устранить правовой пробел и обеспечить единый уровень социальной защиты для всех профессионалов, выполняющих космические полёты, независимо от формы собственности работодателя.

Параллельно необходимо ввести процедуру сертификации и аккредитации частных компаний, уполномоченных осуществлять подготовку и наём космонавтов, где обязательным условием для получения и сохранения соответствующей лицензии является наличие коллективного договора или иного локального нормативного акта, гарантирующего предоставление космонавтам социального пакета.

Развитие пилотируемой космонавтики в Российской Федерации осуществляется в рамках национального проекта «Космос», инициированного Президентом России Владимиром Путиным и реализуемого в период с 2025 по 2036 год. Ключевым инструментом в этой области является федеральный проект «Пилотируемая космонавтика», который задаёт стратегические ориентиры и объединяет усилия государства, госкорпорации «Роскосмос» и научно-промышленного комплекса. Представленные меры направлены на развитие системы гарантий для государственного сектора, её адаптацию к новой реальности с участием частных компаний и создание необходимых условий для труда высококвалифицированных специалистов в ракетно-космической сфере. В российской системе пенсионного обеспечения работников опасных профессий существует дуализм: устаревший «списочный» подход сосуществует с современной СОУТ, что создаёт правовые коллизии и условия для социальной несправедливости. Пенсионное обеспечение космонавтов представляет собой обособленный, исключительный институт, характеризующийся прямым бюджетным финансированием, зависимостью от специального стажа и высоким уровнем выплат. Ключевой проблемой в этой сфере является формирующийся правовой вакуум для сотрудников частных космических компаний, не охваченных действующими гарантиями.

Предлагаются практические рекомендации. Необходимо согласовать существование «списочного» принципа с СОУТ, разработав механизм включения новых профессий в перечни по резуль-

татам оценки, а также учитывать воздействие вредных факторов при совмещении должностей.

Для сферы космонавтики требуется законодательно урегулировать социальные гарантии для работников частного сектора, установив минимальный обязательный пакет, и закрепить принцип сохранения ключевых льгот (таких как надбавка за классность) при смене должности или выходе на пенсию. Прогноз развития ситуации свидетельствует, что дальнейшая коммерциализация космической деятельности при отсутствии необходимого законодательного регулирования усугубит разрыв в социальной защите и создаст риски для кадрового обеспечения отрасли. Однако реализация национальных проектов может положить начало для создания единых, понятных правил для всех работников, занятых в особых условиях труда.

Список литературы:

[1] Машина А.В. Значение специальной оценки условий труда на предприятии, процедура проведения специальной оценки условий труда / А.В. Машина, Р.У. Муллагалиева // Студенческий вестник. 2020. № 3-4(101). С. 97-98.

[2] Фоменко К.И. Пенсия за выслугу лет гражданам из числа космонавтов // За права трудящихся! Защита социально-трудовых прав работников в изменяющемся мире: возможности и ограничения : Материалы Шестой Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 09–10 декабря 2020 года / Под общей редакцией Ю.В. Иванчиной, Е.А. Истоминой. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2021. С. 293-295.

[3] Клепалова Ю.И. Трудовые отношения в условиях введения специальных мер в сфере экономики: поиск баланса интересов / Ю.И. Клепалова, К.Г. Сварчевский // Кадровик. 2023. № 4. С. 8-14.

[4] Камолов С.Г., Красноштанова Т.А. Страхование космических рисков как фактор коммерциализации космической деятельности // Инновации и инвестиции. 2019. № 4. С. 213-218.

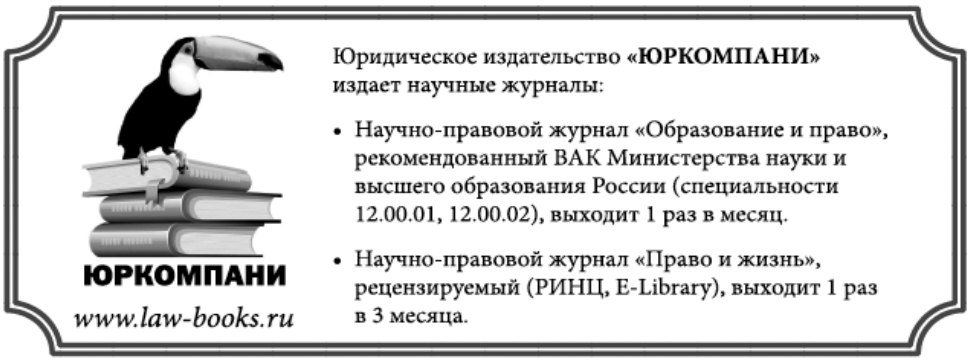
Spisok literatury:

[1] Mashina A.V. Znachenie special'noj ocenki uslovij truda na predpriyatii, procedura provedeniya special'noj ocenki uslovij truda / A.V. Mashina, R.U. Mullagalieva // Studencheskij vestnik. 2020. № 3-4(101). P. 97-98. (In Russ.)

[2] Fomenko K.I. Pensiya za vyslugu let grazhdanam iz chisla kosmonavtov // Za prava trudyashchihsya! Zashchita social'no-trudovyh prav rabotnikov v izmenyayushchemsya mire: vozmozhnosti i ogranicheniya : Materialy Shestoj Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ekaterinburg, 09–10 dekabrya 2020 goda / Pod obshchej redakciej Yu.V. Ivanchinoj, E.A. Istominoj. – Ekaterinburg: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Ural'skij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet», 2021. P. 293-295. (In Russ.)

[3] Klepalova Yu.I. Trudovye otnosheniya v usloviyah vvedeniya special'nyh mer v sfere ekonomiki: poisk balansa interesov / Yu.I. Klepalova, K.G. Svarchevskij // Kadrovik. 2023. № 4. P. 8-14. (In Russ.)

[4] Kamolov S.G., Krasnoshtanova T.A. Strahovanie kosmicheskih riskov kak faktor kommercializacii kosmicheskoj deyatel'nosti // Innovacii i investicii. 2019. № 4. P. 213-218. (In Russ.)



СПОРТИВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-461-465
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

МУРАТШИНА Наталья Юрьевна,
Заместитель начальника кафедры физической подготовки
Казанского юридического института МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

МАЛАШЕНКО Михаил Сергеевич,
Кандидат социологических наук,
Старший преподаватель кафедры физической подготовки и спорта
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

КУЗЬМИНЫХ Сергей Викторович,
Старший преподаватель кафедры физической подготовки
Нижегородской академии МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

СУСУЛОВ Магомед Абакарович,
Преподаватель кафедры физической подготовки и спорта
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОМБИНИРОВАННЫХ НАГРУЗОК ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТИЯ СПОРТОМ

Аннотация. *Данная статья направлена на оптимизацию тренировочного процесса, как для профессионалов, так и для любителей. В ней рассматриваются принципы эффективного сочетания анаэробных и аэробных нагрузок, предлагается систематическая форма тренировочного режима, анализируются физиологические механизмы воздействия на организм занимающихся в целом. Особое внимание уделяется нестандартным методам развития быстроты и силы, а также вопросам адаптации организма к нагрузкам с использованием интервального отдыха. Статья, содержит практические рекомендации и результаты анализа воздействия различных тренировочных подходов. Описываемый анализ в статье, демонстрирует, конкретные нестандартные методы развития физических качеств, которые могут включать плиометрику, изометрические упражнения, тренировки с отягощениями переменного сопротивления. Авторами предложены методические рекомендации по индивидуализации тренировочных программ, учитывающие специфику нагрузки и индивидуальные особенности спортсменов. Обоснована целесообразность применения комплексных методов восстановления.*

Ключевые слова: *физическая нагрузка, мышечное развитие, цикличность, выносливость, сравнительный анализ, энергия, восстановление, здоровье, система, режим, самооценка.*

MURATSHINA Natalya Yurievna,
Deputy Head of the Department of Physical Training
of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

MALASHENKO Mikhail Sergeevich,
Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer,
Department of Physical Training and Sports, Stavropol Branch,
Krasnodar University, Ministry of Internal Affairs of Russia

KUZMINYKH Sergey Viktorovich,
Senior Lecturer, Department of Physical Training,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

SUSULOV Magomed Abakarovich,
Lecturer, Department of Physical Training and Sports,
Stavropol Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

PREFERRED BASES FOR USING COMBINED LOADS DURING SPORTS

Annotation. *This article is aimed at optimizing the training process for both professionals and amateurs. It examines the principles of an effective combination of anaerobic and aerobic loads, proposes a systematic form of the training regime, analyzes the physiological mechanisms of exposure to the body as a whole. Particular attention is paid to non-standard methods for the development of speed and strength, as well as issues of adaptation of the body to loads using interval rest. The article contains practical recommendations and results of the analysis of the impact of various training approaches. The described analysis in the article demonstrates specific non-standard methods for the development of physical qualities, which may include plyometrics, isometric exercises, resistance training with variable resistance. The authors proposed methodological recommendations for individualization of training programs, taking into account the specifics of the load and individual characteristics of athletes. The feasibility of using complex recovery methods is justified.*

Key words: *physical activity, muscle development, cycling, endurance, comparative analysis, energy, recovery, health, system, mode, self-esteem.*

В мире спорта постоянно кипят страсти вокруг выбора оптимальных направлений для поддержания здоровья. Ученые, как и обычные любители спорта, часто приходят к диаметрально противоположным выводам, когда речь заходит о тренировках на выносливость или силовых занятиях. Под первыми мы понимаем такую активность, как бег, плавание, велоспорт, лыжи, конькобежный спорт и.т.д. Силовые же тренировки – это всем знакомый пауэрлифтинг и поднятие тяжестей.

Очень часто выходит так, что любители спорта склонны к крайностям, выбирая исключительно аэробную нагрузку, либо только работу с весами, и каждый яростно отстаивает свою позицию. Попробуем подойти к этому вопросу объективно и разобраться, как каждый тип тренировок влияет на различные аспекты нашего организма.

Начнем с анаэробной нагрузки. Как правило, это работа с весами, очевидно, что занятия с отягощениями, как например в пауэрлифтинге, приносят впечатляющие результаты. Рост мышечной массы всегда заметен, и это радует не только самого любителя или профессионала, но и окружающих. Помимо пользы для здоровья, это добавляет и социальное одобрение, что, безусловно, является неплохим стимулом для повышения самооценки. Развитые мышцы, как правило, бросаются в глаза. А вот если вы пробегаете 10 километров за 40-50 минут, с виду вы остаетесь обычным человеком, и вашу доблесть оценит, лишь узкий круг единомышленников. Понятно, что при аэробных нагрузках, нацеленных на выносливость, мышечная масса растет не так активно или вовсе не увеличивается визуально. Поэтому в этом аспекте пальма первенства, несомненно, принадлежит силовым упражнениям [1].

Перейдем к сжиганию калорий. Может показаться, что аэробные тренировки здесь лидируют, ведь во время бега или езды на велосипеде можно сжечь огромное количество калорий. Однако, на самом деле, все немного иначе.

При силовых тренировках мы также расходуем значительное количество энергии, которое зависит от интенсивности занятий. Опытный атлет может потратить много энергии, получая при этом дополнительные преимущества от силовых тренировок.

При одинаковых затратах калорий и условиях, организм бегуна будет без разбора сжигать и жировою, и мышечную массу при дефиците питания. В то время как у человека, занимающегося силовыми видами спорта, организм будет стараться сохранить мышцы.

Рассмотрим важный аспект – это костная система и ее плотность. Здесь наблюдается равновесие: как силовые, так и аэробные тренировки одинаково положительно влияют на плотность костей, разница в их воздействии незначительна.

Следующий пункт – выработка тестостерона, что особенно важно для мужчин. Здесь опять же, силовые тренировки превосходят аэробные. Чрезмерно интенсивные кардиотренировки могут привести к снижению уровня тестостерона в организме [2].

Циклические тренировки стимулируют выработку эндогенных опиатов, которые, взаимодействуя с теми же рецепторами, что и наркотические вещества, могут вызывать чувство эйфории, известное как «эйфория бегуна». Однако это происходит за счет подавления выработки собственного тестостерона, поэтому силовые упражнения в данном контексте предпочтительнее.

Во время нагрузки наша сердечно-сосудистая система, задействуется как при силовых, так и при тренировках на выносливость. Силовые тренировки активируют быстрые мышечные волокна, получающие энергию анаэробно, то есть без участия кислорода. В этом случае работа сердца не столь критична для снабжения мышц кислородом. Основная роль проявляется в период восстановления, когда активно выводятся метаболиты, накопившиеся в мышцах. Само мышечное сокращение при подъеме тяжестей не требует кислорода, а следовательно, и обильного кровотока. При силовых нагрузках сердечно-сосудистая система функционирует в условиях повышенного давления, что увеличивает нагрузку на сердце. Этот тип нагрузки, называемый нагрузкой давлением, приводит к утолщению стенок сердца без увеличения его объема [3;4].

Тренировки на выносливость, наоборот, способствуют увеличению объема сердца. Здесь главная функция сердечно-сосудистой системы – обеспечение максимального притока крови к работающим мышцам. Медленные мышечные волокна, развиваемые при таких тренировках, наиболее эффективно функционируют при обильном снабжении кислородом. Поэтому сердцу целесообразно увеличивать свой объем, чтобы каждым сокращением перекачивать больше крови. Увеличенный кровоток также способствует более эффективному возврату крови от мышц. В результате сердце растягивается, при этом его стенки остаются неизменными, не утолщаясь. Такой тип называемой нагрузкой считается наиболее благоприятным для сердечно-сосудистой системы. Сердце работает более экономно, а его стенки не утолщаются. Это позволяет коронарным сосудам, снабжающим сердечную мышцу, лучше выполнять свою функцию, предотвращая кислородное голодание, которое может возникнуть при тяжелых силовых нагрузках. Таким образом, оба вида тренировок по-своему полезны, но оказывают различное воздействие на сердечно-сосудистую систему [5].

Рассмотрим циклические аэробные виды спорта. Такой вид нагрузки оказывает большее воздействие на объём сердечной мышцы, что является более полезным с точки зрения профилактики заболеваний. Все теоретические допущения, о которых идет речь, на практике подтверждаются регулярно. По некоторым наблюдениям сравнивая, кто из перечисленных направлений — любители силовых тренировок или спортсмены, занимающиеся бегом или велоспортом, чаще всего страдают от гипертрофии стенок сердца, повышением артериального давления, нарушением липидного обмена — особенно высокого уровня ЛПНП («плохого» холестерина) и, порой, повышенного уровня инсулина. По многочисленным наблюдениям это люди, ограничивающиеся в основном только анаэробной нагрузкой без включения в свои занятия кардиотренировок [6].

Что касается активно занимающихся аэробическими дисциплинами, например, триатлоном, бегом, велоспортом, то их показатель артериального давления всегда в норме. Отсюда отлично функционирующее сердце, пониженный пульс в состоянии покоя, благодаря чему органы работают эффективнее, показатели обмена веществ, всегда стабильны. На все же многие научные исследования пытаются оспорить это мнение.

В 2019 году была опубликована работа, исследовавшая влияние, аэробной и силовой тренировки на состояние сердечно-сосудистой системы. Целью стало выяснение, какой тип физической нагрузки наиболее положительно сказывается на снижении риска ССЗ. Известно, что сердечно-сосудистые болезни — основная причина смертности в мире. В эксперименте приняли участие 60 человек в возрасте 43 ± 7 лет. Участников случайным образом разделили на три группы: первая группа не выполняла никаких физических упражнений, вторая группа трижды в неделю по полчаса выполняла аэробные нагрузки, они бегали на беговой дорожке, проходили дистанции в определенном темпе или крутили педали на велотренажёре. Третья группа также занималась три раза в неделю по одному часу, но уже силовыми упражнениями на тренажёрах, прорабатывая все основные мышечные группы: руки (сгибатели и разгибатели), грудь, спину, пресс, бёдра, включая в работу весь мышечный каркас [7].

Анализ полученных данных показал достаточно нестабильные показатели в изменении артериального давления, пульса (как в покое, так и во время нагрузки).

В нашем исследовании мы предлагаем провести подобную оценку, но с некоторыми корректировками добавив четвертую группу, которая

будет выполнять комбинированную нагрузку, где первые 30–40 минут предполагается кардионагрузка, затем следует силовая работа.

Итак, на протяжении шести месяцев добровольцы из спортивного клуба «Лидер» города Ставрополь соблюдая утвержденный план тренировок, работали по заранее утвержденному плану.

За основу результатов первой группы (те, кто не занимался и не выполнял физическую нагрузку, и вели привычный образ жизни) мы взяли показатели из предыдущего исследования.

Четвёртая группа, как и другие, тренировалась три раза в неделю, для всех испытуемых создавались одинаковые условия досуга. Рацион питания исключал воздействие на артериальное давление, меню у всех групп было примерно одинаковым и соответствовало системе питания, ориентированного на снижение артериального давления за счёт исключения продуктов, влияющих на него. Привлеченные диетологи следили за тем, чтобы участники не попадали в состояние дефицита калорий, обеспечивая их энергией точно в соответствии с затраченными расходами.

Уже через пять месяцев заметный прогресс продемонстрировала группа, выполнявшая комбинированные тренировки, часть времени она уделяла выносливости, другую часть силовым упражнениям. Средний прирост мышечной массы у испытуемых составил 0,8 кг. Также у них значительно улучшилась работоспособность сердечно-сосудистой системы показатель максимального потребления кислорода возрос на 4,7 мл/кг мин. Этот параметр характеризует способность организма использовать кислород при интенсивных усилиях и является ключевым показателем общей выносливости. Как показатель это весьма существенный результат.

В среднем у участников смешанной группы наблюдалось снижение артериального давления на 4 мм рт. ст. При этом наблюдается значительный прирост силовых показателей во время работы с отягощением, он увеличился примерно на 4 кг от начального уровня.

Полученные результаты демонстрируют высокую эффективность данного метода воздействия. Группа, выполнявшая исключительно аэробную нагрузку, показала повышенную функциональную ёмкости сердечно-сосудистой системы, средний вес испытуемых снизился на 1 кг, из которых 0,9 кг приходилось на жировую массу, однако доля потери мышечной массы составила 0,1 кг, являясь существенным недостатком. Артериальное давление в данной группе практически не изменилось.

Группа, которая выполняла только силовую нагрузку, показала устойчивое сохранение показателей, как в работе сердечно-сосудистой системы, так и в уровне кровяного давления. Однако конституционные особенности тела изменились, их талия уменьшилась на 1,7 см, а вот объем бедер и рук увеличился. В ходе исследования были изучены показатели липидограммы, включая общий холестерин, липопротеиды разных видов (высокой, средней и низкой плотности) и уровень глюкозы в крови. Оказалось, что наибольшее снижение риска сердечно-сосудистых патологий наблюдалось у тех, кто придерживался комплексной программы физических нагрузок. Исследование наглядно демонстрирует, наиболее значимый эффект влияния на состояние сердечно-сосудистой системы, даёт четкое обоснование преимущественного использования сочетания аэробной и анаэробных нагрузок.

Проведенное сравнение демонстрирует значительное преимущество четвертой группы, как в плане мышечного развития, так и в работе сердечно-сосудистой системы.

Из этого следует что, очень важно не ограничиваться исключительно тренировками с отягощениями или только аэробными нагрузками ключ к успеху находится в балансе между силой и выносливостью. Этот подход получил научное подтверждение и является практичным ориентиром для формирования эффективного режима физической активности. А также являются наиболее эффективным подходом для достижения комплексных улучшений здоровья и физической формы.

Список литературы:

[1] Гайдаш, А. И. Положительно-направленная физическая активность, как индивидуальный путь к здоровью и благополучию / А. И. Гайдаш, Д. В. Ошурков, Д. В. Ефимов, С. С. Сергеев // Право и управление. – 2025. – № 4. – С. 345-348.

[2] Гайдаш, А. И. Продолжительный бег и его положительное воздействие на организм человека / А. И. Гайдаш // Физическая культура и спорт. – 2023. – Т. 1, № 1. – С. 9-13.

[3] Гайдаш, А. И. Здоровьесберегающие технологии и их реализация в образовательном процессе / А. И. Гайдаш // Актуальные вопросы права и правоприменения : Материалы Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 16 октября 2020 года. – Ставрополь: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2021. – С. 34-38.

[4] Гайдаш, А. И. Предупреждение травматизма: рациональный подход в занятиях физической культурой / А. И. Гайдаш, Е. Е. Хворостова // Гуманитарно-правовые аспекты развития россий-

ского общества : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции курсантов, студентов и слушателей, Ставрополь, 28 мая 2021 года. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью «СЕКВОЙЯ», 2021. – С. 53-55.

[5] Гайдаш, А. И. К вопросу о ценностно - смысловом восприятии профессиональных компетенций / А. И. Гайдаш // Методы и механизмы реализации компетентностного подхода в психологии и педагогике : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Оренбург, 23 апреля 2020 года / Отв. ред. Сукиасян Асатур Альбертович. – Стерлитамак: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2020. – С. 13-17.

[6] Солодовник, Д. А. Нестандартные методы развития силовой выносливости за счет принципа цикличности выполнения упражнения / Е. П. Крестникова, С. М. Хроменков, Ю. П. Никитин // Образование и право. – 2024. – № 6. – С. 472-475. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-6-472-475

[7] Малашенко, М. С. Установление взаимосвязи сенсомоторной двигательной активности у подростков с различным индексом массы тела / М. С. Малашенко, О. В. Карбанович, М. Л. Леушина, А. Е. Сентякова // Право и управление. – 2025. – № 2. – С. 291-295.

References:

[1] Gaidash, A. I. Positive physical activity as an individual path to health and well-being/A. I. Gaidash, D. V. Oshurkov, D. V. Efimov, S. S. Sergeev//Law and management. – 2025. – № 4. - S. 345-348.

[2] Gaidash, A.I. Long running and its positive effect on the human body/A.I. Gaidash//Physical culture and sports. – 2023. - T. 1, NO. 1. - S. 9-13.

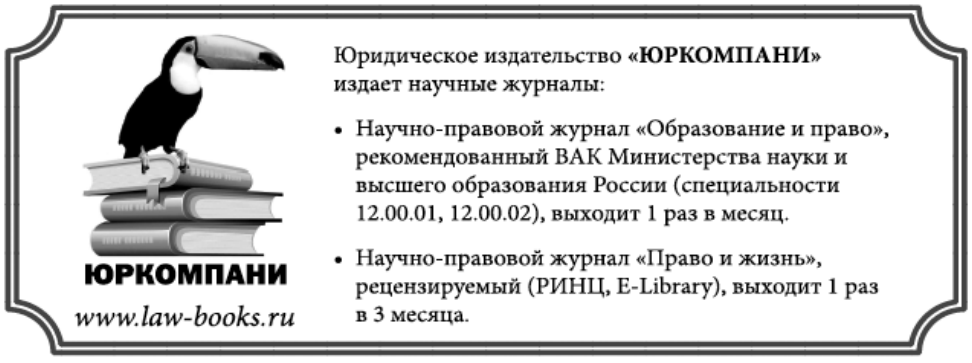
[3] Gaidash, A. I. Health-saving technologies and their implementation in the educational process/A. I. Gaidash//Topical issues of law and law enforcement: Materials of the International Scientific and Practical Conference, Stavropol, October 16, 2020. - Stavropol: Federal State State Educational Institution of Higher Professional Education “Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,” 2021. - S. 34-38.

[4] Gaidash, A.I. Injury prevention: a rational approach to physical education/A.I. Gaidash, E.E. Hvorostova//Humanitarian and legal aspects of the development of Russian society: a collection of materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference of cadets, students and students, Stavropol, May 28, 2021. - Stavropol: Limited Liability Company “SEQUOIA,” 2021. - S. 53-55.

[5] Gaidash, A.I. On the value-semantic perception of professional competencies/A.I. Gaidash// methods and mechanisms for implementing a competency approach in psychology and pedagogy: Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Orenburg, April 23, 2020/Rev. ed. Sukiasyan Asatur Albertovich. - Sterlitamak: International Research Agency Limited Liability Company, 2020. - S. 13-17.

[6] Malt, D. A. Non-standard methods for the development of strength endurance due to the principle of cyclical exercise/E. P. Krestnikov, S. M. Khromenkov, Yu. P. Nikitin//Education and Law. – 2024. – № 6. - S. 472-475. – DOI 10.24412/2076-1503-2024-6-472-475

[7] Malashenko, M. S. Establishing the relationship between sensorimotor motor activity in adolescents with a different body mass index/M. S. Malashenko, O. V. Karbanovich, M. L. Leushina, A. E. Sentyakova//Law and management. – 2025. – № 2. - S. 291-295.



Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-466-469

РЕДИ Елена Владимировна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск,
e-mail: Russlen90@mail.ru

БОРТНИКОВА Галина Николаевна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск,
e-mail: bgn_05@mail.ru

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СКОРОСТНОГО АПНОЭ В ЛАСТАХ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ

Аннотация. *Апноэ (Фридайвингом) в широком смысле этого слова, как нырянии в глубину на задержке дыхания человечество занимается с древнейших времен. С уверенностью можно говорить о существовании ныряльщиков - апноистов 4500 лет назад. В Месопотамии найдены декоративные предметы с жемчугом, который, естественно, происходил от жемчугопроизводящих устриц, покоящихся на дне морском. Единственным способом добывания их было погружение. И поскольку в ту эпоху скафандра еще не существовало, понятно, что эти ныряльщики были апноистами. Начиная с 2013 года, в программу соревнований по подводному спорту, была включена дисциплина апноэ - скоростное. Это нововведение было сделано для того, чтобы привлечь больше спортсменов подводников – скоростников к занятиям подводным спортом и увеличить количество стран участников на международных соревнованиях. Авторы научных работ, отмечают, что на протяжении десятка лет был значительный прирост спортсменов – подводников участвующих в соревнованиях, как в России, так и за рубежом.*

Ключевые слова: *пловцы-подводники, подводный спорт, апноэ, соревнования, погружение, скоростное плавание в ластах, общекомандный зачет.*

REDI Elena Vladimirovna,
Associate Professor of the Department of Physical
Education and Sports of the Siberian State Scientific and Technical University
named after Academician M.F. Reshetnev Krasnoyarsk, Russia

BORTNIKOVA Galina Nikilaevna,
Associate Professor of the Department of Physical
Education and Sports of the Siberian State Scientific and Technical University
named after Academician M.F. Reshetnev Krasnoyarsk, Russia

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT OF RAPID APNEA IN FINGERS IN KRASNOYARSK REGION

Annotation. *Apnea (Freediving) in the broadest sense of the word, as diving into the depths while holding your breath, humanity has been engaged since ancient times. It is safe to say about the existence of apnea divers 4,500 years ago. Decorative objects with pearls were found in Mesopotamia, which naturally came from pearl-producing oysters resting on the bottom of the sea. The only way to get them was by diving. And since there was no spacesuit in that era, it is clear that these divers were apnoists. Since 2013, the discipline of apnea - high-speed has been included in the program of competitions in underwater sports. This innovation was made in order to attract more athletes of speed divers to underwater sports and increase the number of participating countries at international competitions. The authors of scientific papers note that for a dozen years there has been a significant increase in submariners participating in competitions, both in Russia and abroad.*

Key words: *underwater swimmers, underwater sports, apnea, competitions, diving, high-speed swimming in fins, team competition.*

Введение. Подводное плавание — стремительно развивающийся вид спорта. Основа подводного плавания заключается в нырянии и проплывании спортсмена по поверхности воды определенного отрезка за наименьшее время в моноласте. Также для подводного спорта характерны спуски под воду с применением специального снаряжения, приборов, аппаратуры и оборудования [1,2]. Апноэ (Фридайвинг) (free — свобода, dive — нырять) — подводное плавание на задержке дыхания. Без использования акваланга и любых других дыхательных аппаратов. В современном апноэ существует 10 соревновательных дисциплин и только 3 из них плавают на скорость в моноласте: ныряние 8 раз по 50 метров, ныряние 16 раз по 50 метров, апноэ-скоростное 100 метров [3]. Скоростное апноэ - 100 м — спортсмен на задержке дыхания стремится преодолеть определённое расстояние (100 м) в моноласте за минимально возможное время. Апноэ ныряние 8 и 16 раз по 50 метров — спортсмен на задержке дыхания стремится преодолеть определённое расстояние в моноласте за минимально возможное время. Дисциплина заключается в чередовании плавания с задержкой дыхания с пассивным отдыхом в концах отрезков. Общее расстояние проплывается частями, равными длине бассейна [3]. Цель исследования: исследовать развитие скоростного апноэ в ластах в Красноярском крае. Материалы и методы: в ходе исследования был проведен анализ данных литературных источников и методических материалов по подводному спорту.

Подводное плавание – динамично развивающийся вид спорта. На сегодняшний день подводный спорт не входит в программу Олимпийских игр. Однако Всемирная Конфедерация Подводной Деятельности (CMAS) признана Международным Олимпийским комитетом (1986 г.). За последние годы CMAS прикладывает много усилий для того, чтобы плавание в ластах вошло в программу Олимпийских игр.

В 2013 г. на Всемирной Универсиаде в Казани плавание в ластах было представлено как показательный вид программы. С 2014 г. ежегодно проводятся Международные студенческие соревнования по плаванию в ластах. В 2015 г. на Европейских играх в Баку плавание в ластах также было представлено как показательный вид программы [3.4]. В 2013 году в программу Чемпионата мира по подводному спорту (апноэ) г. Казань впервые внесли дисциплину апноэ - скоростное 100 метров. Спортсмены сборной команды Красноярского края первый раз приняли участие в Чемпионате России по скоростному апноэ в 2015 году и сразу попали на пьедестал, отобравшись на чемпионат мира. В дальнейшем дисциплина апноэ начала стремительно развиваться и в последующие годы количество участников соревнований по апноэ от сборной команды Красноярского края увеличивалось [5.6].

Основная часть. Учитывая, что уровень развития скоростного апноэ в ластах в Красноярском крае не исследован, мы решили провести сравнительный анализ, обобщая данные, полученные в ходе исследования количества спортсменов выступающих в скоростном апноэ на краевых соревнованиях (*рис.1*), на чемпионате России (*рис.2*), на международных соревнованиях (*рис.3*).

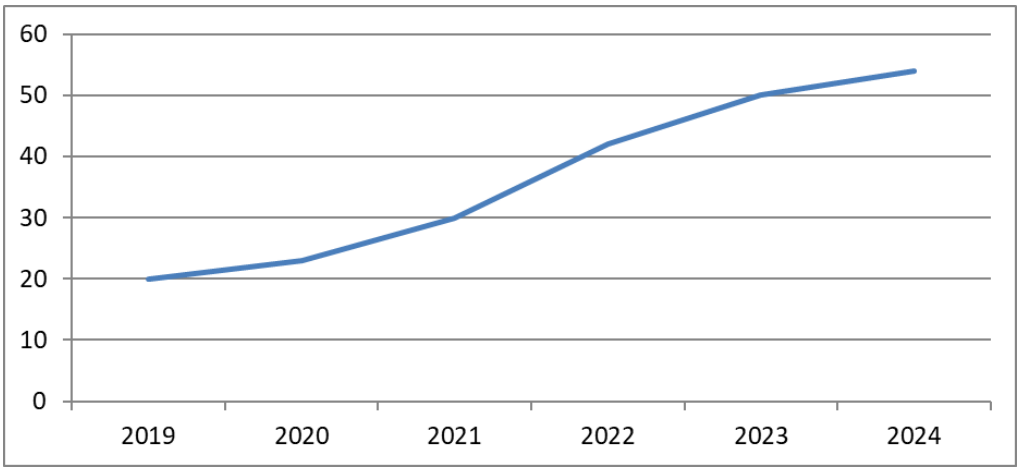


Рисунок 1. Количество спортсменов выступающих на краевых соревнованиях по апноэ.

В 2019 году количество спортсменов выступающих на краевых соревнованиях по апноэ составило 20 человек, в 2020 году – 23 человека , в 2021 году – 30 человек, в 2022 году – 42 человека, в 2023 году – 50 человек, в 2024 году – 54 человека.

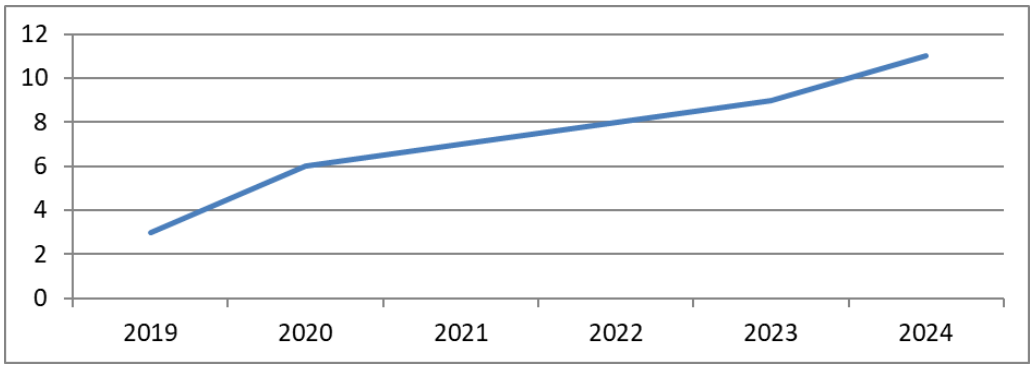


Рисунок 2. Количество спортсменов выступающих на чемпионате России по апноэ от Красноярского края.

В 2019 году количество спортсменов выступающих на чемпионате России от сборной команды Красноярского края по апноэ составило 3 человека, в 2020 году – 6 человек , в 2021 году – 7 человек, в 2022 году – 8 человек, в 2023 году – 9 человек, в 2024 году – 11 человек.

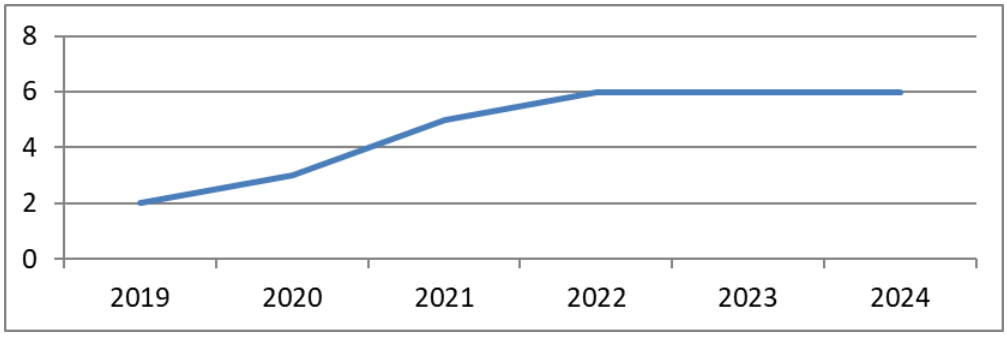


Рисунок 3. Количество спортсменов выступающих на международных соревнованиях по апноэ от Красноярского края.

В 2019 году количество спортсменов Красноярского края выступающих на международных соревнованиях по апноэ в составе сборной команды России составило 2 человека, в 2020 году – 3 человека , в 2021 году – 5 человек, в 2022 году – 6 человек, в 2023 году – 6 человек, в 2024 году – 6 человек.

Заключение. Введенные в 2013 году новые дисциплины в соревновательную программу подводного спорта (апноэ), внесли свои коррективы. По результатам исследования можно сделать следующее заключение: количество спортсменов выступающих на соревнованиях по подводному спорту в дисциплине апноэ на краевых и российских соревнованиях ежегодно возрастает. На международных соревнованиях с 2019 по 2022 год отмечается прирост участников, с 2022 по 2024 год количество участников остается неизменным, что так же является хорошим показателем, ведь отбор в национальную сборную проходит ежегодно, результаты и конкуренция стремительно растут. Если посмотреть на развитие подводного спорта в Красноярском крае в целом, то можно сказать о том, что скоростное апноэ в ластах сказалось на развитие подводного спорта в данном регионе – положительно.

Список литературы:

[1] Андреева, А.И. Подводный спорт и здоровье : монография / С. К. Андреева, А. И. Мартынов, В. И. Павлов и др. – М. : ДОСААФ СССР, 1980. – 222 с.

[2] Московченко, О.Н. Подводный спорт и дайвинг: Учебное пособие: Словарь-справочник/ сост. О.Н. Московченко, И.А. Толстопятов, А.В. Александров. – Изд. 2-е, перераб. и доп. /Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2014. – 316 с. : ил. КГПУим. В.П. Астафьева, СибГАУ им. М.Ф. Решетнева, М.: Флинта, М.:Наука.

[3] Морозов, С. Н. Оценка состояния физической подготовленности пловцов-спринтеров и стайеров в системе управления тренировочным процессом [Текст]: учеб. пособие для институтов физической культуры / С. Н. Морозов. – М., 1983 – 65 с.

[4] Реди, Е.В. Подводный спорт : учеб. пособие / Е. В. Реди, А. Л. Гринько, Е. А. Фалеева ; СибГУ им. М. Ф. Решетнева. – Красноярск, 2021. – 88 с.

[5] Платонов, В. Н. Сильнейшие пловцы мира [Текст]: Методика спортивной тренировки / В. Н. Платонов, С. Л. Фесенко. – М. : Физкультура и спорт, 1990 – 304 с.

[6] Фомиченко, Т. Г. Совершенствование скоростной и технической подготовленности пловцов различных возрастных групп [Текст] / Т. Г. Фомиченко. – М. : СпортАкадемПресс, 2001 – 103 с.

References:

[1] Andreeva, A.I. Underwater sports and health: monograph/S.K. Andreeva, A.I. Martynov, V.I. Pavlov et al. - M.: DOSAAF USSR, 1980. - 222 s.

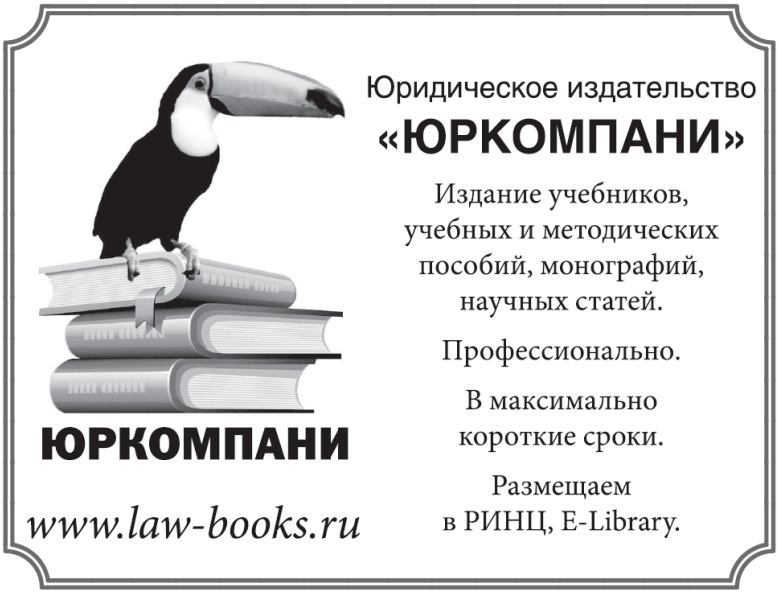
[2] Moskovchenko, O.N. Underwater sports and diving: Textbook: Dictionary-reference/comp. O.N. Moskovchenko, I.A. Tolstopyatov, A.V. Alexandrov. - Ed. 2nd, revised. and add ./Krasnoyar. state. ped. University named after V.P. Astafiev. - Krasnoyarsk, 2014. - 316 p.: Ill. KSPUim. V.P. Astafiev, SibGAU them. M.F. Reshetnev, M.: Flint, M.: Science.

[3] Morozov, S. N. Assessment of the state of physical fitness of sprinter swimmers and stayers in the training process management system [Text]: study. manual for physical education institutes/S. N. Morozov. - M., 1983 - 65 p.

[4] Redi, E.V. Underwater sports: study. allowance/E.V. Redi, A. L. Grinko, E. A. Faleeva; SibSU named after M.F. Reshetnev. - Krasnoyarsk, 2021. - 88 s.

[5] Platonov, V. N. The strongest swimmers in the world [Text]: Sports training methodology/V. N. Platonov, S. L. Fesenko. - M.: Physical education and sports, 1990-304 p.

[6] Fomichenko, T. G. Improving the speed and technical readiness of swimmers of various age groups [Text]/T. G. Fomichenko. - M.: SportAkadem-Press, 2001 - 103 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-470-472

ТАШТИЕВ Ранис Ирекович,
старший преподаватель,
Казанский государственный энергетический университет,
Казанский инновационный университет имени В. Г.Тимирясова,
e-mail: mail@law-books.ru

КОРНИЛОВА Анна Андреевна,
старший преподаватель, Казанский инновационный
университет имени В. Г.Тимирясова,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЛАТУНОВ Марк Сергеевич,
преподаватель, Казанский инновационный
университет имени В. Г.Тимирясова,
e-mail: mail@law-books.ru

КОЧУРА Антон Сергеевич,
старший преподаватель, Казанский государственный
энергетический университет,
e-mail: mail@law-books.ru

ТАЗИЕВА Зарина Наильевна,
Кандидат педагогических наук, доцент,
Казанский государственный архитектурно-строительный
университет, Университет управления «ТИСБИ»,
e-mail: Ranistashtiev@gmail.com

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ И ПОДГОТОВКА ИХ К ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ

Аннотация. *В статье рассматривается актуальная проблема взаимосвязи физического воспитания в высших учебных заведениях и подготовки студенческой молодежи к службе в Вооруженных Силах Российской Федерации. Анализируются современные требования к физической подготовленности призывников, выявляется несоответствие между существующей программой вузов и реальными нормативами военно-прикладных видов спорта. В работе подчеркивается необходимость внедрения в учебный процесс специализированных комплексов упражнений, развивающих выносливость, силу и координацию, необходимые для успешной адаптации к военной службе. На основе проведенного анализа предлагается модель интеграции элементов начальной военной подготовки в занятия по физической культуре, а также обосновывается важность развития военно-прикладных видов спорта в студенческой среде. Делается вывод о том, что целенаправленное физическое воспитание является фундаментом для формирования готовности к защите Отечества. Статья предназначена для преподавателей физической культуры, специалистов в области педагогики и руководителей военно-учетных столов вузов.*

Ключевые слова: *физическое воспитание, студенты, военная служба, призывники, военно-прикладные виды спорта, физическая подготовка, патриотическое воспитание, нормативы ГТО, здоровье молодежи, адаптация.*

TASHTIEV Ranis Irekovich,
Senior Lecturer, Kazan State Power Engineering University,
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasova,

KORNILOVA Anna Andreevna,
Senior Lecturer, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasova,

PLATUNOV Mark Sergeevich,
Teacher, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasova

KOCHURA Anton Sergeevich,
Senior Lecturer, Kazan State Power Engineering University

TAZIEVA Zarina Nailievna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Kazan State University of Architecture and Civil Engineering
Tisbi University of management

PHYSICAL EDUCATION OF STUDENTS AND THEIR PREPARATION FOR MILITARY SERVICE

Annotation. *The article examines the actual problem of the relationship between physical education in higher education institutions and the preparation of students for service in the Armed Forces of the Russian Federation. The author analyzes the current requirements for the physical fitness of conscripts, identifies the discrepancy between the existing university program and the real standards of military-applied sports. The paper emphasizes the need to introduce specialized sets of exercises into the educational process that develop endurance, strength and coordination necessary for successful adaptation to military service. Special attention is paid to the moral and psychological aspect of training. Based on the analysis, the author proposes a model for integrating elements of initial military training into physical education classes, and also substantiates the importance of developing military-applied sports among students. It is concluded that purposeful physical education is the foundation for the formation of readiness to defend the Fatherland. The article is intended for physical education teachers, specialists in the field of pedagogy and heads of military registration departments of universities.*

Key words*: physical education, students, military service, conscripts, military-applied sports, physical training, patriotic education, GTO standards, youth health, adaptation.*

Современные требования к физической подготовленности призывников регламентируются Наставлением по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации (НФП-2009). Однако существующая система физического воспитания в вузах ориентирована преимущественно на выполнение норм Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) [1]. Возникает научно-практическая задача: определить степень корреляции между этими двумя системами оценки и выявить «узкие места» в подготовке студентов. Цель данной работы — на основе количественного анализа и математических расчетов оценить уровень готовности студенческой молодежи к военной службе и предложить прогностическую модель для ее повышения.

Эмпирической базой исследования послужили обезличенные данные (n=450) о результатах сдачи норм ГТО студентами трех московских вузов за период 2023–2025 гг., а также открытые статистические данные военных комиссариатов о физической подготовленности призывников. [2]

В работе использовались следующие методы математической обработки и анализа данных:

- Методы описательной статистики.
- Сравнительный анализ с нормативами НФП-2009.
- Корреляционный анализ (по Пирсону).
- Метод сигмальных отклонений (интегральная оценка — ИПФГ).
- Регрессионный анализ. [2]

В результате обработки данных были получены следующие количественные показатели [3]:

Описательная статистика. Средние показатели студентов (n=450) составили:

Бег 3000 м: M = 13 мин 42 сек (822 сек), σ = 48 сек, V = 5,8%.

Подтягивание на перекладине: M = 10,3 раза, σ = 3,1, V = 30,1%.

Бег 100 м: M = 13,8 сек, σ = 0,5 сек, V = 3,6%.

Сравнение с нормативами НФП-2009. При переводе результатов в баллы НФП-2009 выявлено, что норматив на «отлично» в беге на 3000 м выполняют только 12% студентов, в подтягивании — лишь 8%.

Корреляционный анализ:

Выявлена умеренная отрицательная корреляция между временем бега на 3000 м и количеством подтягиваний ($r = -0,48$; $p < 0,01$).

Выявлена сильная положительная корреляция ($r = 0,72$; $p < 0,001$) между суммой баллов за 4 упражнения ГТО и суммой баллов за 3 основных военно-прикладных упражнения.

Интегральный показатель (ИПФГ). Анализ показал, что 45% студентов имеют уровень физической готовности значительно ниже среднего.

Регрессионная модель. Было построено уравнение регрессии для прогноза времени бега на 3000 м (Y) по результату в лыжной гонке на 5 км (X):

$$Y(\text{сек}) = 450 + 0,85 * XY(\text{сек}) = 450 + 0,85 * X$$

Коэффициент детерминации ($R^2 = 0,51$).

Полученные расчеты позволяют перейти от общих рассуждений к конкретным цифрам. Высокий коэффициент вариации (V=30%) в подтягивании указывает на поляризацию студентов (рис. 1). Именно группа с низким ИПФГ (35%, рис. 2) требует особого внимания, так как находится в «зоне риска» невыполнения минимальных армейских требований. График корреляции (Рис. 3) наглядно демонстрирует, что студенты, не развивающие силу, с большой вероятностью будут плохими бегунами-стайерами.

Обнаруженная корреляция между видами выносливости (лыжи и бег) позволяет оптимизировать учебный процесс, что подтверждается регрессионной моделью (рис. 5).[4]

Сравнение с нормативами НФП-2009 показало, что даже успешная сдача ГТО на золотой значок не всегда гарантирует «отлично» по армейским меркам. Армейские нормативы предъявляют более жесткие требования к чистоте выполнения упражнений и к результату в комплексе. [5]

Проведенные аналитические расчеты позволяют сделать следующие выводы:

Количественный анализ данных выявил существенное отставание в развитии силовой выносливости. Доля студентов, полностью готовых к службе по физическим показателям, составляет лишь 10% (рис. 2 и 4).

Корреляционный анализ подтвердил значимую взаимосвязь между результатами в различных видах испытаний (рис. 3).

Предложенная регрессионная модель (Y=450+0,85*X) и метод расчета интегрального показателя (ИПФГ) могут быть использованы для мониторинга и прогнозирования готовности призывников.

Для повышения уровня готовности необходимо сместить акценты в программе физического воспитания на развитие силовой выносливости и внедрение упражнений, специфичных для НФП-2009.

Список литературы:

[1] Кириллов А.Н. Теория и методика физической подготовки в Вооруженных Силах Российской Федерации: учебное пособие / А.Н. Кириллов, В.П. Сущенко. — М.: Издательство «Кнорус», 2022. — 248 с.

[2] Петрова Е.В. Физическое здоровье современного студенчества: мониторинг и пути коррекции / Е.В. Петрова, И.В. Орлов // Вестник педагогических наук. — 2023. — № 4. — С. 44-49.

[3] Смирнов О.Ю. Военно-патриотическое воспитание в системе высшего образования: инновационные подходы // Право и образование. — 2024. — № 2. — С. 78-85.

[4] Таштиев Р. И.. ФАКТОР ЭКОНОМИКИ В ОБЛАСТИ СПОРТА // Образование и право №5. 2024г.

[5] Тазиева, З. Н. Физическая подготовка студентов вуза как фактор формирования компетенции социального взаимодействия / З. Н. Тазиева. – Казань : ООО «Редакционно-издательский центр «Школа», 2024. – 42 с. – ISBN 978-5-00245-244-6. – EDN RHCWWZ.

References:

[1] Kirillov A.N. Theory and methodology of physical training in the Armed Forces of the Russian Federation: textbook/A.N. Kirillov, V.P. Sushchenko. - M.: Knorus Publishing House, 2022. - 248 s.

[2] Petrova E.V. Physical health of modern students: monitoring and ways of correction/E.V. Petrova, I.V. Orlov//Bulletin of pedagogical sciences. — 2023. — № 4. - S. 44-49.

[3] Smirnov O.Yu. Military-patriotic education in the higher education system: innovative approaches// Law and education. — 2024. — № 2. - S. 78-85.

[4] Tashtiev R. I. FACTOR OF ECONOMICS IN THE FIELD OF SPORTS//Education and Law No. 5. 2024

[5] Tazieva, Z. N. Physical training of university students as a factor in the formation of the competence of social interaction/Z. N. Tazieva. - Kazan: LLC “Editorial and Publishing Center “School,” 2024. - 42 p. - ISBN 978-5-00245-244-6. – EDN RHCWWZ.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-473-475

АБЗАЛОВА Светлана Вячеславовна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры «Физическое воспитание»
Казанского государственного университета,
e-mail: svabzalova@gmail.com

САФИУЛЛИН Богдан Вагизович,
студент Казанского государственного
энергетического университета,
e-mail: dojamomcat@gmail.com

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается роль физической культуры и спорта в формировании правосознания и социальной ответственности обучающихся в системе современного образования. Раскрываются теоретические подходы к пониманию правосознания и социальной ответственности как важнейших характеристик социально зрелой личности. Анализируется воспитательный потенциал физкультурно-спортивной деятельности, включая соблюдение правил, развитие самодисциплины, коллективного взаимодействия и правовой саморегуляции. Рассматривается профилактическая функция спорта в снижении агрессивности и девиантного поведения молодежи. На основе анализа теоретических положений и практического опыта сформулированы методические рекомендации по усилению воспитательного потенциала физической культуры в образовательных организациях.*

Ключевые слова: *физическая культура, спорт, правосознание, социальная ответственность, воспитание молодежи, правовая культура, студенческий спорт, гражданско-правовое воспитание.*

ABZALOVA Svetlana Vyacheslavovna,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department of Physical Education,
Kazan State Power Engineering University

SAFIULLIN Bogdan Vagizovich,
student of Kazan State Power Engineering University

THE ROLE OF PHYSICAL CULTURE IN THE FORMATION OF LEGAL AWARENESS AND SOCIAL RESPONSIBILITY

Annotation. *The article examines the role of physical culture and sport in the formation of legal awareness and social responsibility of students within the modern education system. Theoretical approaches to understanding legal awareness and social responsibility as essential characteristics of a socially mature personality are revealed. The educational potential of physical culture and sports activities is analyzed, including adherence to rules, the development of self-discipline, collective interaction, and legal self-regulation. The preventive function of sport in reducing aggression and deviant behavior among young people is considered. Based on the analysis of theoretical provisions and practical experience, methodological recommendations are formulated to strengthen the educational potential of physical culture in educational institutions.*

Key words: *physical culture, sport, legal awareness, social responsibility, youth education, legal culture, student sport, civic and legal education.*

Формирование у молодого поколения правосознания и социальной ответственности является актуальной задачей современного образования. Правосознание определяется как «психическое отражение правовой деятельности, то есть совокупность идей, взглядов, суждений, относительно объективного права, субъектных прав и обязанностей» [3].

Социальную ответственность можно понимать, как «отражение совокупности требований общества к его членам в виде моральных принципов и норм и как сознание человека, понимающего свой долг перед обществом, другими людьми и перед собой» [1].

С учетом ослабления традиционных нравственных институтов и роста девиантного поведения у подростков актуально искать эффективные методы воспитания правосознания и чувства долга. Физическая культура и спорт в этом плане рассматриваются как средство не только оздоровления, но и нравственного и социального воспитания. Так, специализированная физкультурно-спортивная деятельность студентов признается «эффективным средством регуляции их социального поведения» [5]. Это означает, что через целенаправленные занятия спортом развиваются навыки соблюдения правил и коллективного взаимодействия, которые впоследствии переносятся в общественную жизнь.

Если опираться на практику, формирование правосознания происходит через соблюдение правил и нормативов. В вузах, реализующих программы по физической культуре, особое внимание уделяется осмыслению студентами спортивных регламентов. Так, в университетах Казани, Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других крупных городах в структуру занятий включают разборы правил соревнований и обсуждение ответственности за их нарушение.

Также данная подготовка нацелена на формирование навыков использования средств физической культуры, спорта и туризма для сохранения и укрепления не только здоровья, но и самоподготовки к будущей жизни, куда входит развитие правосознания. Студенты начинают воспринимать правила не как внешнее принуждение, а как условие справедливости и равенства участников.

Это утверждение связано с теорией свободного воспитания. Она отвергает авторитарный подход в обучении и считает, что главная задача педагогики – не подготовка человека к конкретным видам деятельности, а его нравственное развитие, формирование основ добродетельного поведения [2].

Что касается социальной ответственности, то практика показывает, что командные виды спорта, такие как волейбол, баскетбол, футбол, способствуют формированию коллективной ответственности через развитие социальных навыков, необходимых для успешной социальной адаптации и активного участия в жизни общества [4]. Это проявляется в разных аспектах: в формовании чувства ответственности, в развитии коммуникативных навыков и в обучении разрешению конфликтов.

Например, в рамках межфакультетских соревнований студенты не только соревнуются, но и самостоятельно организуют судейство, распределяют обязанности, контролируют соблюдение регламента. Такой опыт формирует навыки самоуправления и правовой саморегуляции.

Ряд исследований указывает на профилактическую роль физической культуры в студенческой среде. Организационная спортивная деятельность снижает уровень агрессии и способствует формированию самоконтроля и правопослушности. Так, исследованиями современных ученых выявлено, что активные занятия физкультурой положительно влияют на снижение уровня деструктивности и агрессии у студентов [7].

В российских вузах развивается практика проведения тематических занятий, посвященных вопросам спортивного права, этики и ответственности спортсменов. Это связано с необходимостью формирования компетенций в этих сферах, а также с развитием студенческого спорта, который требует изучения правовых норм [6]. Важно объяснять студентам юридические аспекты спорта и социальные обязанности спортсменов.

Таким образом, анализ теоретических положений и практического опыта позволяет сформулировать ряд методических рекомендаций, направленных на усиление воспитательного потенциала физической культуры в формировании правосознания и социальной ответственности обучающихся.

Прежде всего, важно интегрировать правовые темы в содержание занятий. Раскрытие правил игр, нормативных актов, этических кодексов спорта способствует развитию правового сознания через практическую деятельность.

Кроме того, необходимо развивать коллективные формы занятий и соревнований. Командные виды спорта и групповые упражнения следует организовывать таким образом, чтобы обучающиеся учились сотрудничать и оказывать взаимную поддержку, что формирует ответственность за общий результат.

Важным направлением является активизация участия молодежи в массовых спортивных

мероприятиях. Включение студентов и школьников в спортивные акции и волонтерские проекты способствует активной гражданской позиции. Положительный опыт достижений в спорте повышает мотивацию к соблюдению общественных норм.

Не менее значимой представляется задача повышение квалификации преподавателей и тренеров. Организация обучения методам гражданско-правового воспитания средствами спорта, внедрение междисциплинарных подходов позволяют усилить воспитательный эффект занятий.

Наконец, актуальной является разработка учебно-методических материалов, объединяющих проблематику спорта и права. Создание пособий, связывающих уроки физкультуры с правовыми темами, способствует укреплению правовой культуры обучающихся.

В целом физическая культура и спорт обладают значительным потенциалом в формировании правосознания и социальной ответственности молодежи. Их целенаправленное педагогическое использование позволяет не только укрепить здоровье студентов, но и содействовать становлению социально зрелой и правосознательной личности.

Список литературы:

[1] Байбеков К. Е. Формирование социальной ответственности у спортсмена: на примере командных видов спорта: дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / К. Е. Байбеков. — Тамбов, 2004. — С. 57.

[2] Валеев А. А. Теория и практика свободного воспитания в истории гуманистической педагогики: учебное пособие. — Казань: КГПУ, 2003. — 112 с.

[3] Варламова Н. В. Правосознание // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. — Дата публикации: 06.06.2023.

[4] Гильфанова, К. И. Воспитание командных компетенций на занятиях физической культурой в университете / К. И. Гильфанова, С. В. Абзалова // Тенденции развития науки и образования. – 2025. – № 120-5. – С. 130-132.

[5] Карпов В. Ю. Управление воспитанием студентов с использованием средств физической культуры и спорта: дис. … д-ра пед. наук: 13.00.04 / В. Ю. Карпов. — Самара, 2005. — С. 112.

[6] Кирьянова Л. А., Морозова Л. В., Кузнецов П. К., Демиденко О. В. Правовой статус студента-спортсмена высших учебных заведений // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2017. — № 8 (150).

[7] Лаврухина О. В. Роль занятий физической культурой и спортом в профилактике агрессивного поведения студентов // Образовательные ресурсы и технологии. — 2021. — № 1 (34). — С. 44-51.

References:

[1] Baibekov K. E. Formation of social responsibility in athletes: the example of team sports: dissertation ... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.02 / K. E. Baibekov. — Tambov, 2004. — S. 57.

[2] Valeev A. A. Theory and practice of free education in the history of humanistic pedagogy: textbook. — Kazan: KSPU, 2003. — 112 s.

[3] Varlamova N. V. Legal consciousness // Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal. — Date of publication: 06.06.2023.

[4] Gilfanova, K. I. Development of team skills in physical education classes at university / K. I. Gilfanova, S. V. Abzalova // Trends in the development of science and education. – 2025. – No. 120-5. – S. 130-132.

[5] Karpov V. Yu. Management of student education using physical education and sports: dissertation ... Doctor of Pedagogical Sciences: 13.00.04 / V. Yu. Karpov. — Samara, 2005. — S. 112.

[6] Kiryanova L. A., Morozova L. V., Kuznetsov P. K., Demidenko O. V. Legal status of student athletes in higher education institutions // Scientific notes of the P. F. Lesgaft University. — 2017. — No. 8 (150).

[7] Lavrukhina O. V. The role of physical education and sports in preventing aggressive behavior among students // Educational Resources and Technologies. — 2021. — No. 1 (34). — S. 44-51.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-476-480

РАДЧЕНКО Елена Павловна,
доктор экономических наук,
главный научный сотрудник НИЦ-1 федерального
казенного учреждения «Научно-исследовательский институт»
Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации» (ФКУ НИИ ФСИН России),
e-mail: helenr2003@mail.ru

БАЖАНОВ Сергей Андреевич,
ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию
нормативно-правового регулирования деятельности
уголовно-исполнительной системы центра изучения
управления и организации исполнения наказаний
в уголовно-исполнительной системе
ФКУ НИИ ФСИН России.
e-mail: sergey.bazhanov62@yandex.ru

ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕД ЛИЦОМ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОГО МИРА: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. *Образование в пенитенциарных учреждениях представляет собой значимый инструмент, предназначенный для преодоления трудностей, с которыми сталкиваются осужденные в исправительных учреждениях. Оно не только формирует жизненный уклад человека и определяет его будущее, но и играет ключевую роль в становлении личности. Знания, навыки и ценности, которые получают осужденные в процессе обучения, становятся неотъемлемой частью их личности и способствуют формированию их уникальности. Исправительная среда характеризуется рядом ограничений в правах, значительными изменениями в образе жизни и серьезными проблемами адаптации осужденных. В данной статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с воздействием тюремного заключения на личность человека. Однако, помимо этого, значительное внимание уделяется образовательным программам и их значению для будущего после освобождения. Усвоение ценностей и социальных норм, необходимых для жизни в обществе, является важным ориентиром, способствующим успешной социально-профессиональной реинтеграции.*

Ключевые слова*: рецидив, осужденный, образование, воспитание, социализация, пенитенциарная система, уголовно-исполнительная система.*

RADCHENKO Elena Pavlovna,
Leading Researcher, Federal State Institution
«Research Institute» of the Federal Penitentiary Service
of the Russian Federation» (Research Institute
of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russian)

BAZHANOV Sergey Andreevich,
Researcher, Department for Improving the Legal
Regulation the Activities of the Criminal Executive System
of the Center for the Study of Management Problems
and the Organization the Execution of Sentences
in the Criminal Executive System Federal Government
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

EDUCATION IN THE FACE OF THE CHALLENGES OF THE MODERN WORLD: THE ROLE AND IMPORTANCE OF EDUCATION IN PENITENTIARY INSTITUTIONS

Annotation. *Education in penitentiary institutions is a significant tool designed to overcome the difficulties faced by convicts in correctional institutions. It not only shapes a person's lifestyle and determines his future, but also plays a key role in the formation of personality. The knowledge, skills and values that convicts receive in the learning process become an integral part of their personality and contribute to the formation of their uniqueness. The correctional environment is characterized by a number of restrictions on rights, significant lifestyle changes, and serious problems with the adaptation of convicts. This article discusses some theories related to the impact of imprisonment on a person's personality. However, in addition, considerable attention is paid to educational work and its significance for the future after liberation. The assimilation of values and social norms necessary for life in society is an important guideline for successful socio-professional reintegration.*

Key words: *recedive, convict, education, upbringing, socialization, penitentiary system, penal enforcement system.*

Введение. Образование очень важно в обществе, оно является основой для поддержания культуры, индивидуального обучения и эволюции человечества. Однако образование означает гораздо больше, чем формальное обучение, так как оно может начинаться с рождения и проявляться во всех социальных средах, в которых присутствует индивид. Некоторые авторы считали, что «образование – это фундаментальная психосоциальная деятельность со специфическим структурным ядром, основанная на субъектно-объектном соотношении (воспитатель-обучаемый), которая в оптимальных условиях развивается в направлении самообразования и является более высокой стадией гуманизации» [1]. Оно возникает в обществе как ответ на потребность в развитии личности, как работника и как члена общества. Образование представляет собой организованную деятельность, которая осуществляется в рамках социального проекта. Этот процесс требует осознанных усилий со стороны как учителей, так и воспитателей. Образование основывается на знаниях и как говорил Аристотель, «научные знания являются признаком зрелости человеческого духа и открывают строго доказанные истины» [1].

В статье рассматривается образование как один из факторов процесса социализации, посредством которого люди приобретают навыки поведения, необходимые для участия в общественной жизни. Поэтому образование приобретает широкий аспект, когда речь заходит о взрослом человеке, и становится главной целью в уголовно-исполнительной системе, когда взрослый человек отбывает наказание в виде лишения свободы. Все осужденные должны иметь доступ к образованию: это должно включать базовое образование, профессиональную подготовку, творческие и культурные мероприятия, физическое воспитание и спорт, социальное просвещение и возможность посещения библиотеки.

Хотя уголовно-исполнительные учреждения предлагают разнообразную образовательную программу для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в большинстве случаев она не достигает своей цели. Было замечено, что нередко люди, отбывшие наказание, возвращались в тюремную среду, поскольку у них не было возможности самостоятельно строить свое существование и играть активную роль в процессе личностного развития.

Важно понимать, что цель образования – помочь осужденным активно участвовать в образовательных программах. Необходимо направлять и поддерживать их в подаче заявлений о зачислении на различные курсы и программы профессиональной квалификации, а также предоставлять необходимую помощь в обучении и информировании. На практике деятельность по перевоспитанию, проводимая с этими лицами, должна быть непрерывной на протяжении всего срока отбывания наказания. Основными целями исследования являются: выявление факторов, препятствующих участию в образовательных программах во время содержания под стражей, и определение наилучших способов, с помощью которых образовательный акт достигает своей цели и выполняет поставленные задачи и влияние на социально-профессиональную реинтеграцию.

Выделим ряд исследователей, занимавшихся данной проблематикой: Верещагин С. Н., Сломчинский А. Г., Аквазба С. О., Волов В. Т., Воловая Н. Ю., Мехришвили Л. Л., Скок Н. И. и др. [2, 3, 4].

В зависимости от поставленных целей и сформулированной гипотезы, в ходе исследова-

ния было использовано множество методов исследования, среди которых: опросы, интервьюирование, метод наблюдения, эмпирические методы и др.

На основе нормативно-правовой базы, регулируется образовательный процесс в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации. Например, в России образовательный процесс в исправительных учреждениях осуществляется в соответствии с требованиями Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Также учитывают нормы Уголовно-исполнительного кодекса РФ, например, статью 112, которая устанавливает обязательное получение общего образования осужденными к лишению свободы, не достигшими 30 лет [5].

Основная часть. Образование играет важную роль в пенитенциарных учреждениях как инструмент исправления осужденных и их ресоциализации. Это связано с тем, что образование помогает осужденным осознать, что в современном обществе добиться результатов можно, только опираясь на компетентность, образованность и культуру. Социализация - это процесс, посредством которого человек приобретает свой собственный образец поведения и свою собственную систему ценностей. ценности, установки, а также их развитие на протяжении всей жизни. Зрелый индивид является продуктом непрерывного социального процесса взаимодействия, благодаря которому ему предоставляется возможность сформировать идентичность, развить идеи, навыки и умственные способности, которые дают ему возможность активно участвовать в жизни общества. Социализация осуществляется по-разному, разными людьми и в самых разных социальных контекстах. Тюремная обстановка представляет собой уникальный социальный фон для социализации. Отсутствие свободы – это уникальное обстоятельство для каждого человека, возникающее в результате совместного сосуществования многих людей, каждый из которых по-разному переживает моменты адаптации, потому что с первых же мгновений, когда он попадает в пенитенциарное учреждение, человек сталкивается с рядом проблем, особенно связанных с режимом содержания, правилами и предписаниями. Изоляция от общества и опыт тюремного заключения усугубят их чувство отчуждения от общества. Социальное просвещение в тюрьмах – это область образования, которая позволяет сформировать у осужденных установки, навыки и предоставить информацию, которые позволят им сформировать ориентиры для конструктивной жизни в этом сообществе. Социальное просвещение в тюрьмах зависит не только от активности, но и от компетентности воспитателя. Социальные работники, психологи, психотерапевты, другими словами, персонал пенитенциарных учреждений, также вовлечены в этот образовательный процесс. В ходе социального воспитания осужденные сами должны выбирать те области, которыми они хотят заниматься, и участие в нем должно быть полностью добровольным. В рамках социального образования они смогут выражать свою точку зрения, не становясь агрессивными, научатся обращаться за работой, социальной помощью или справляться с проблемой, жить самостоятельно, без риска быть вовлеченными в совершение другого деяния преступного характера.

Хотя законом предусмотрено организация различных образовательных, культурных и консультационных мероприятий во время содержания под стражей в целях содействия социальной реинтеграции, они могут быть реализованы на практике лишь в небольшой степени из-за внешних факторов. Пенитенциарная среда не дает осужденным полную возможность реабилитироваться из-за того, что они проходят через несколько пенитенциарных учреждений, в дополнение к травме, связанной с непрерывной реабилитацией, они больше не могут быть включены в какую-либо образовательную программу, что является большой тратой времени с точки зрения работы с осужденными.

Рассмотрим некоторые формы реализации образовательного процесса в пенитенциарных учреждениях:

1. Создание общеобразовательных учреждений при исправительных колониях уголовно-исполнительной системы. Для лиц, не достигших 30 лет, получение основного общего образования является обязательным. В то же время осужденные старше 30 лет и инвалиды I или II группы могут выбрать между основным общим и средним общим образованием в зависимости от своих потребностей.
2. Обязательное профессиональное обучение или получение среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих для осужденных, не имеющих профессии, которая могла бы быть им полезна как в период отбывания наказания, так и после освобождения [5].
3. Заочная форма обучения. Осужденным предоставляется возможность получать среднее профессиональное и высшее образование в заочной форме, учитывая требования уголовно-исполнительного законодательства к отбыванию соответствующего вида наказания.

4. Самообразование для лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы, создаются условия для получения начального общего, основного общего и среднего общего образования в форме самообразования, которые не противоречат порядку и условиям отбывания наказания.

В образовательных учреждениях пенитенциарной системы применяются различные подходы к обучению и воспитанию, среди которых: обучение, которое основывается на индивидуальном подходе (разработка заданий на основе способностей осужденного); обучение на основе метода «мозгового штурма», когда внедряются задания на основе командных игр дебаты и др.; разговоры о важном (лекции или беседы по правовым, социальным вопросам) и др.

Необходимо понимать, что не всем осужденным подходят образовательные программы, исходя из базовых основ воспитания [6]. Осужденные с высоким уровнем подготовки могут воспринимать эти программы как слишком элементарные и лишенные новизны. Отсутствие вызова и новизны в содержании программ не способствует их заинтересованности и вовлеченности. Существует высокий риск того, что люди записываются на программы, не понимая их эффективности, целей и задач. Многие делают это только ради льгот, не осознавая, что они действительно приносят пользу и помогают им развиваться. Еще одна проблема связана с продолжительностью и структурой программ. Большинство из них рассчитаны на один час в неделю, и между ними нет пересечений. Поэтому людям приходится выбирать, в какой из них участвовать. Поэтому процесс реинтеграции должен начинаться с момента поступления человека в пенитенциарное учреждение. В течение всего времени, проведенного под стражей, с осужденными следует проводить психологические анкетирования, социологические опросы и реализовывать психосоциальные программы. Все программы необходимо разрабатывать на основе индивидуальных особенностей осужденных. Необходимо учитывать, что образовательная среда должна отличаться от образовательной среды несовершеннолетнего осужденного, так как у взрослого есть уже жизненный опыт и свой взгляд на окружающую среду. Поэтому крайне важно при разработке образовательных программ вовлекать и самих осужденных, узнавать их мнение и вносить изменения с учетом их предложений если они рациональны.

Выводы. Степень, в которой образование в пенитенциарном учреждении соответствует качеству высшего образования, увеличит возможность, по крайней мере, для некоторых осужденных продолжить учебу после освобождения. Поскольку осужденные не могут покинуть исправительное учреждение для посещения занятий, то в таких учреждениях должно быть достаточно места для создания отдельной учебной зоны, отличной от остальной части. Необходимо иметь учебные материалы, обычно используемые в образовании взрослых на свободе, а также учитывать образовательные факторы, такие как: потребности каждого кандидата; его способность освоить курс; искренность его усилий.

Такая система образования обеспечила бы особую защиту после отбытия наказания и предоставила бы больше шансов на социально-профессиональную реинтеграцию. Среди общих целей образовательного процесса в исправительных учреждениях можно выделить: совершенствование образовательных навыков посредством просоциальной и профессиональной подготовки, обучение осужденных навыкам, необходимым для социальной реинтеграции, и снижение риска рецидива после исполнения приговора. Однако организация учебного процесса в пенитенциарных учреждениях сопряжена с трудностями, например, с низкой мотивацией осужденных к обучению и самоисправлению. Это может быть обусловлено педагогической запущенностью, отсутствием осознания личной значимости исправления, влиянием тюремной субкультуры. Необходимо обратить внимание на показатели, которые характеризуют положительный эффект от образовательного процесса в исправительном учреждении: полная интеграция бывших осужденных в общество; значительное снижение риска рецидива, уменьшение государственных расходов на содержание осужденного; снижение численности осужденных.

Список литературы:

[1] Отовеску Д. Общая социология. Издательство Белади. 2009.

[2] Верещагин Н.С. Система образования и пенитенциарная система: точки соприкосновения и отталкивания // Сургутский государственный педагогический университет. 2013, № 26. С.66-67.

[3] Сломчинский А.Г. Гуманизация образовательного процесса в пенитенциарной системе: автореферат диссертаци доктора педагогических наук, 13.00.01, Екатеринбург, 2009. – 42 с.

[4] Скок И., Мехришвили Л. Л., Екимова Е. Ю., Аквазба Е.О., Аквазба С.О. Ресоциализация осужденных средствами образовательного пространства: [монография] / Н.И. Скок, Л.Л. Мехришвили [и др.]; Тюм. гос. нефтегаз. ун-т, Тюмень: ТюмГНГУ, 2011.

[5] Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Консультант Плюс.

[6] Леонова Е.Ю. Роль высшего образования в системе ресоциализации осужденного // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=24281 (дата обращения: 03.03.2026).

References:

[1] Otovescu D. General Sociology. Beladi Publishing House. 2009.

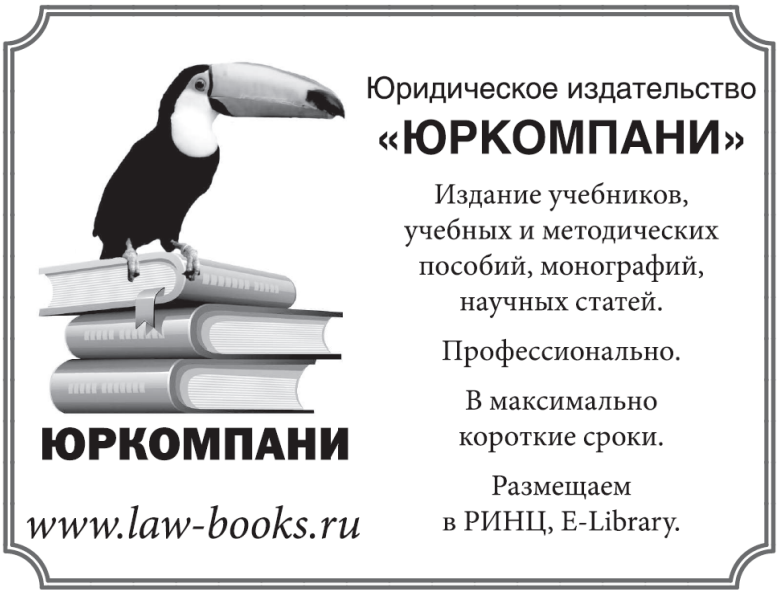
[2] Vereshchagin N.S. Education system and penitentiary system: points of contact and repulsion// Surgut State Pedagogical University. 2013, № 26. S.66-67.

[3] Slomchinsky A.G. Humanization of the educational process in the penitentiary system: abstract of the dissertation of the doctor of pedagogical sciences, 13.00.01, Yekaterinburg, 2009. - 42 s.

[4] Skok I., Mekhrishvili L. L., Ekimova E. Yu., Akvazba EO, Akvazba S.O. Resocialization of convicts by means of educational space: [monograph]/N.I. Skok, L.L. Mekhrishvili [et al.]; Tyum. state oil and gas. University, Tyumen: TyumGNGU, 2011.

[5] Federal Law No. 273-FZ, dated 29.12.2012, “On Education in the Russian Federation “//Consultant Plus.

[6] Leonova E.Yu. The role of higher education in the convict resocialization system//Modern problems of science and education. 2016. № 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=24281 (access date: 03.03.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-481-486

СТАРОВОЙТОВА Ирина Евгеньевна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии ФГБОУ ВО
«Государственный университет управления»,
e-mail: iestar1@mail.ru

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ВЕКТОР ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЫТА РОССИИ И КИТАЯ

Аннотация. *Статья посвящена сравнительному анализу академической мобильности как ключевого вектора интернационализации высшего образования в России и Китае. В статье поднимается проблема вариативности моделей и практик академической мобильности в зависимости от национальных стратегий. Рассматриваются теоретические подходы к определению и типологии академической мобильности. Сопоставляются вертикальная и горизонтальная, исходящая и входящая, внешняя и внутренняя мобильность. Выявляются особенности национальных моделей: для России характерно стимулирование экспорта образовательных услуг административными методами, для Китая — государственное стратегическое планирование и использование академических обменов как инструмента «мягкой силы». Анализируются современные тренды, включая виртуальную и внутреннюю мобильность. Ставится вопрос о трудностях реализации привычных академических обменов в современной непростой геополитической ситуации. Говорится о важности академической мобильности как гуманитарного средства информационной борьбы, как метода создания позитивного имиджа страны. Определяются перспективы российско-китайского сотрудничества в формате конкурентного партнерства. В заключении намечены направления для дальнейших исследований в данной области, среди которых изучение влияние обучения в России и Китае на карьерные траектории выпускников из третьих стран, изучение феномена «обратной» мобильности, разработка и апробация совместных российско-китайских образовательных программ, изучение долгосрочных последствий виртуальной мобильности, исследование новых перспективных моделей международного образовательного сотрудничества. Делается вывод о важности стратегического партнерства России и Китая для создания евразийского образовательного пространства.*

Статья может быть интересна преподавателям высших учебных заведений, исследователям философии образования, культурологам, менеджерам в сфере образования.

Ключевые слова: *высшее образование; академическая мобильность; интернационализация образования; Россия; Китай; «мягкая сила»; экспорт образовательных услуг; межкультурная адаптация; сравнительный анализ.*

STAROVOYTOVA Irina Evgenievna,
candidate of philosophy, assistant professor,
assistant professor of the Department of philosophy,
State University of Management, Moscow, Russian Federation

ACADEMIC MOBILITY AS A VECTOR OF INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF RUSSIA AND CHINA

Annotation. *This article presents a comparative analysis of academic mobility as a key vector of internationalization of higher education in Russia and China. It addresses the variability of academic mobility models and practices depending on national strategies. Theoretical approaches to the definition and typology of academic mobility are examined. Vertical and horizontal, outgoing and in-*

coming, and external and internal mobility are compared. Peculiarities of these national models are identified: Russia is characterized by the stimulation of educational services exports through administrative methods, while China is characterized by state strategic planning and the use of academic exchanges as a tool of "soft power." Current trends, including virtual and internal mobility, are analyzed. The challenges of implementing traditional academic exchanges in the current complex geopolitical situation are discussed. The importance of academic mobility as a humanitarian means of information warfare and as a method of creating a positive image of the country is discussed. Prospects for Russian-Chinese cooperation in the format of a competitive partnership are outlined. The conclusion outlines areas for further research in this area, including examining the impact of studying in Russia and China on the career trajectories of graduates from third countries, studying the phenomenon of "reverse" mobility, developing and testing joint Russian-Chinese educational programs, studying the long-term consequences of virtual mobility, and exploring new promising models of international educational cooperation. A conclusion is reached on the importance of a strategic partnership between Russia and China for the creation of a Eurasian educational space.

This article may be of interest to university professors, researchers in the philosophy of education, cultural studies scholars, and education managers.

Key words: *higher education; academic mobility; internationalization of education; Russia; China; soft power; export of educational services; intercultural adaptation; comparative analysis.*

Введение

В ситуации растущей конфликтности международной ситуации, роста дивергентных тенденций образование продолжает выступать важным консолидирующим фактором. Тенденция интернационализации в современном высшем образовании сохраняется. Выход Российской Федерации из Болонского процесса и реформирование национальной высшей школы в соответствии с новыми требованиями рынка труда не означает потери интереса к проверенным временем моделям международного образовательного сотрудничества. Развивается институциональное партнерство, Россия участвует в международных исследовательских проектах, формируются новые международные образовательные стандарты, осуществляется академическая мобильность [1, с. 12].

Помимо гуманитарной составляющей, современное образование приобрело и коммерческий статус. Оно превратилось в товар, циркулирующий на мировом рынке, можно сказать, что активно развивающийся международный рынок образовательных услуг стал неотъемлемой частью мировой экономики. Под воздействием двух ключевых тенденций — коммерциализации образования и унификации образовательных систем — тема академической мобильности приобретает особую актуальность. В результате взаимодействия национальных систем образования происходит их взаимное обогащение и корректировка, основанное на конкуренции повышение качества [1, с.12], осуществляется диалог культур.

Проблема исследования заключается в том, что, являясь универсальным инструментом интернационализации, академическая мобильность реализуется по-разному в зависимости от национальных стратегий, сталкиваясь с вызовами межкультурной адаптации и геополитической конкуренцией. Для России, стремящейся вернуть утраченные позиции на мировом образовательном рынке [2, с. 39], весьма интересен положительный пример восточного соседа (Китая), одного из растущих цивилизационных центров и важного участника международного рынка образовательных услуг, где образование стало важным инструментом «мягкой силы», что означает продвижение привлекательного образа страны и ее ценностей на международной арене.

Цель данной статьи — провести сравнительный анализ подходов, проблем и перспектив развития академической мобильности в России и Китае для выявления лучших практик и определения направлений двустороннего сотрудничества.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют работы отечественных и зарубежных авторов в области интернационализации образования (Ф. Альтбах, Дж. Найт, А.Н. Шеремет) [1, с.13], а также концепция «мягкой силы» (А.В. Торкунов [12]), позволяющая оценить влияние образовательных обменов на международный авторитет государств.

Теоретические основы и типология академической мобильности

Под академической мобильностью в вузе понимается организованный процесс перемещения обучающихся или работников вуза в другое образовательное или научное учреждение (в своей стране или за рубежом) для обучения, преподавания или проведения исследований с обязательным возвращением к первоначальному месту учебы или работы [8, с.74].

Академическая мобильность сегодня — это сложный комплекс, состоящий из путешествия, проживания и работы в различных социальных системах и культурах. Она способствует передаче

опыта, преодолению национальной самодостаточности [1, с.15] и работает на переход к нелинейному развитию системы высшего образования, предоставляя свободу выбора образовательных траекторий [8, с.74].

Исследователи выделяют различные типы академической мобильности. Согласно типологии С.И. Григашкиной и С.М. Бугровой [3], в рамках Болонского процесса различают «вертикальную» (полное обучение на степень) и «горизонтальную» (обучение в течение ограниченного периода) мобильность. В российской практике, где географические масштабы и наличие крупных и значимых университетов не только в центре страны, но и регионах, возможна организация мобильности и в виде выезда за рубеж, и внутри страны, говорят о внешней (международной) и внутренней (национальной) мобильности.

К формам академической мобильности относятся: для преподавателей — чтение лекций, стажировки, участие в конференциях; для студентов — программы двойного диплома, включенное обучение, летние и языковые школы, совместные научные исследования [3].

Сравнительный анализ национальных моделей академической мобильности

1. Российская модель: стимулирование экспорта и внутренние барьеры

В России важным инструментом интеграции в мировую систему образования и способом расширения занимаемой ниши на международном рынке образовательных услуг считается академическая мобильность — исходящая и входящая [4, с.9].

В предыдущее десятилетие исходящая мобильность российских студентов в страны Запада ежегодно возрастала, учащиеся предпочитали Германию, США, Францию, Великобританию, Китай. Современная геополитическая обстановка, санкционное давление переориентирует потоки исходящей мобильности, в частности, развивается международное образовательное сотрудничество стран БРИКС, развивается сотрудничество Юг-Юг [10]. Целями являются получение междисциплинарных компетенций, углубленное изучение языков, знакомство с передовыми научными школами [1, с.18-19].

Входящая мобильность стимулируется преимущественно административно-командными методами. Разработаны количественные критерии инновационной деятельности вузов, такие как количество иностранных студентов на контрактной основе, объем внебюджетных средств от их обучения, число преподавателей, прошедших стажировки за рубежом. Университеты заинтересованы в привлечении иностранцев, и в этой связи разрабатываются программы по их межкультурной адаптации (лингвокультурные тренажеры, геймификация). Однако, несмотря на эти усилия, входящая мобильность в Российской Федерации представляет главным образом коммерческий интерес для государства, даже сам термин «экспорт образовательных услуг» имеет экономическую коннотацию. Международная академическая мобильность не стала еще стратегическим направлением геополитики.

2. Китайская модель: государственное планирование и инструмент «мягкой силы»

Китай демонстрирует принципиально иной, стратегический подход. Перемещение ученых и студентов законодательно закреплено и включено в госпрограммы. Государство создает благоприятные условия для исходящей мобильности, но с прицелом на предотвращение «утечки мозгов», реализуя программы финансовой поддержки «возвращенцев» (например, программа «Тысяча талантов» для ученых до 55 и до 40 лет).

Исходящая мобильность китайских студентов — одна из самых высоких в мире (38% всех мобильных студентов). Этому способствуют государственные стипендии, высокий конкурс внутри страны и стремление к глобальной конкурентоспособности. Китайские студенты готовы к межкультурному диалогу, но сопротивляются ассимиляции, сохраняя национальные привычки. Выбор России для обучения китайцы делают из-за территориальной близости, низкой стоимости обучения и простоты поступления [6, с.479].

Входящая мобильность в Китае достигается за счет мощных государственных программ поддержки: увеличение стипендий, ежегодный рост бесплатных мест для иностранцев (в среднем на 1000 человек). Проблема межкультурной адаптации решается через обучение на языке принимающей страны, снижение учебной нагрузки для иностранных учащихся и более комфортный быт. Китай предпочитает принимать на учебу молодежь из стран со схожим менталитетом, предлагая иностранным студентам самим приспосабливаться к китайской культуре, тогда нет особенной нужды в разработке программ развития межкультурных компетенций [4].

Академическая мобильность как инструмент «мягкой силы»

Нынешними властями КНР взят курс на расширение международного образовательного сотрудничества для повышения статуса страны и улучшения ее имиджа. Используя западную концепцию «мягкой силы», Китай применяет образовательные обмены для привлечения будущих элит и формирования позитивного образа страны [6, с. 472; 12]. В противовес западноцентричному

дискурсу развивается азиатский, примером чего служит Университет Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), призванный сформировать единое евразийское образовательное пространство [5, с.21-22].

Развитие образовательного сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС [10] целесообразно для укрепления геоэкономических и геополитических позиций России и Китая в мире, образование могло бы стать инструментом противодействия дезинформации, гуманитарным средством информационной войны в условиях политической турбулентности.

Современные тренды и формы академической мобильности

Наряду с традиционной физической мобильностью, все большее значение приобретают новые формы.

Внутренняя академическая мобильность является важным стимулирующим фактором развития российских регионов, благодаря ей интенсифицируются связи университетов с предприятиями реального сектора экономики. Стажировки в ведущих научно-образовательных центрах позволяют «подтягивать» слабые периферийные вузы [8, С.76].

Виртуальная академическая мобильность, прежде всего через массовые открытые онлайн-курсы (МООК), стала значимым компонентом высшего образования. Она обеспечивает высокий уровень инклюзии, вовлекая людей с ограниченными возможностями и разные социальные группы. В условиях пандемии Covid-19 виртуальная мобильность стала безальтернативным решением. Однако ее развитию препятствуют слабая материально-техническая база, языковой барьер и проблемы признания дипломов [5, с.22]. В пятерку крупнейших МООК-платформ входят Coursera (США), edX (США), XuetangX (Китай). Активно реализуют такие курсы Высшая школа экономики (Россия) и Пекинский университет (КНР) [9, с. 179]. Действует сетевой университет БРИКС (СУ БРИКС), в который входят 56 вузов: 9 университетов из Бразилии, 12 из России, 12 из Индии, 11 из Китая и 12 из ЮАР.

В научном сообществе нет единства в оценке виртуальной мобильности: одни видят в ней риск «утечки мозгов», другие — возможность для «циркуляции мозгов» [5, с.25; 8, с.76].

Перспективы и проблемы российско-китайского сотрудничества в сфере академической мобильности

Российская Федерация и Китайская Народная Республика, государства с множеством крупных университетских центров и научных школ, имеют немалый вес на рынке образовательных услуг и нацелены на расширение их экспорта. Согласно российскому приоритетному проекту «Развитие экспортного потенциала», планировалось увеличение числа иностранных студентов до 710 тыс. к 2025 году [11, с.4]. Однако изменение геополитической ситуации ведет к смене формы академической мобильности с физической на виртуальную. Китай обладает огромным потенциалом как заказчик, но проявляет избирательность, допуская зарубежные вузы на свою территорию лишь в форме партнерств (sino-foreign cooperative joint venture) [11, с.5].

Несмотря на доступную цену обучения в России, китайский экономический рост делает дорогие программы доступными для большего числа граждан КНР. В результате в Россию попадают или выпускники со слабым аттестатом, или провалившие экзамены в престижные вузы США или Западной Европы. Китайские студенты не расценивают Россию как перспективное место для проживания и профессиональной деятельности по окончании вуза [11, с.8].

Ключевой вопрос для двух стран — выбор стратегии: избегать конкуренции, конкурировать напрямую или объединиться. Наиболее перспективным видится конкурентное партнерство, которое привело бы к росту взаимного доверия, увеличению стоимости и ассортимента образовательных продуктов, и, как следствие, к повышению конкурентного потенциала обеих стран [11, с.11].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о существенных различиях в подходах России и Китая к развитию академической мобильности. Россия, стимулируя экспорт образования преимущественно количественными и административными методами, часто упускает из виду качественные аспекты адаптации и долгосрочной интеграции иностранных учащихся. Китай же демонстрирует модель государственно-планируемой мобильности, где академические обмены являются частью стратегии «мягкой силы» и подкреплены мощной финансовой и инфраструктурной поддержкой. Международная деятельность университетов в Китае «строится как неотъемлемая часть внешнеполитической стратегии страны, где образовательная дипломатия тесно переплетается с экономическими и политическими целями» [7, с. 120], тогда как российский опыт мобильности не всегда ставит государственные внешнеполитические интересы на первый план, в России традиционно укрепляются уже существующие формы партнерства, модернизируется национальная система высшего образования [7].

Для повышения эффективности российской политики в этой сфере необходим синтез количественных показателей с качественной работой по созданию комфортной межкультурной среды, развитию программ на иностранных языках и активному использованию потенциала виртуальной мобильности. Стратегическое партнерство с Китаем на принципах конкурентного сотрудничества открывает возможности для формирования общего евразийского образовательного пространства.

Просматриваются следующие направления возможных исследований:

1. Сравнительный анализ «мягкой силы»: исследовать конкретные кейсы влияния обучения в России и Китае на карьерные траектории и политические предпочтения выпускников из третьих стран.
2. Изучение феномена «обратной» мобильности: провести серию интервью с китайскими учеными, вернувшимися на родину после обучения в России, для выявления реальных мотивов реинтеграции.
3. Адаптация образовательных программ: разработка и апробация совместных российско-китайских программ, учитывающих дидактические особенности обеих стран (интеграция проблемного обучения при сохранении фундаментальности знаний).
4. Виртуальная мобильность и утечка мозгов: изучение долгосрочных последствий потребления российскими студентами западных и китайских МООК.
5. Постпандемийная трансформация: анализ того, как изменились модели академической мобильности после пандемии COVID-19, и как это отразилось на российско-китайских обменах.

Список литературы:

[1] Артамонова Е.И., Ставрук М.А. Академическая мобильность как средство интеграции российских вузов в мировую систему высшего образования // Педагогическое образование и наука. 2010. № 1. С.11-20.

[2] Гаврилюк Е.С., Козырская И.Е. Высшее образование как необходимое условие социально-экономического развития страны // Восьмые востоковедные чтения БГУ. Сборник научных трудов. Иркутск, Издательство: Байкальский государственный университет, 2017. С.37-46.

[3] Григашкина С.И., Бугрова С.М. Академическая мобильность в вузе // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. Кисловодск. 2015. № 4(76). С.39.

[4] Дугина Г.А., Малых О.А. Исследование международной академической мобильности в Китае в контексте трудностей межкультурной адаптации// Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2021. С.8-22.

[5] Ковба Е.Г., Грибовод Д.М. Международная академическая мобильность сквозь призму теории «мягкой силы» // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 10. С. 9–31.

[6] Ли Ланьи, Аликберова А.Р. Анализ академической мобильности китайских студентов // Общество и государство в Китае. М. 2017. Том 47. №1. С.471-481.

[7] Ольховая Т.А., Докашенко Л.В., Парамонов В.Б., Панферова А.В. Развитие международной деятельности университетов в современных условиях: анализ зарубежного и отечественного опыта // Вестник Оренбургского государственного университета. 2025. № 2 (246). С. 117-127.

[8] Певная М.В., Калинина А.Н. Академическая мобильность как объект исследований в контексте понимания нелинейности высшего образования в России // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут. 2016. №2 (41). С.73-81.

[9] Петрова Л.Е., Кузьмин К.В. Виртуальная академическая мобильность студентов посредством MOOCS: методические решения преподавателя вуза // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 177–182.

[10] Рязанова Н.Е., Верховская Е.В. Трансформация образовательных направлений сотрудничества в БРИКС // Управление и политика. 2025. Том 4. № 4. С. 86–95.

[11] Рязанцев С.В., Шахрай С.М., Яник А.А. Попова С.М. Российско-китайская академическая мобильность как конкурентное партнёрство // Вестник Российской Академии наук. 2020. Том 90. № 1. С.3-14.

[12] Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 85–93.

References:

[1] Artamonova E.I., Stavruk M.A. Academic mobility as a means of integrating Russian universities into the world system of higher education//Pedagogical education and science. 2010. № 1. S.11-20.

[2] Gavrilyuk E.S., Kozyrskaya I.E. Higher education as a necessary condition for the socio-economic development of the country//Eighth oriental readings of BSU. Collection of scientific papers. Irkutsk, Publishing House: Baikal State University, 2017. S.37-46.

[3] Grigashkina S.I., Bugrova S.M. Academic mobility at the university//Management of economic systems: electronic scientific journal. Kislovodsk. 2015. № 4(76). S.39.

[4] Dugina GA, Malykh OA. Study of international academic mobility in China in the context of the difficulties of intercultural adaptation//Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series “Pedagogy and Psychology.” 2021. S.8-22.

[5] Kovba EG, Gribovod D.M. International academic mobility through the prism of the theory of “soft power “//Education and science. 2019. VOL. 21. № 10. S. 9-31.

[6] Li Lanyi, Alikberova A.R. Analysis of Academic Mobility of Chinese Students//Society and State in China. M. 2017. Volume 47. №1. P.471-481.

[7] Olkhovaya T.A., Dokashenko L.V., Paramonov V.B., Panferova A.V. Development of international activities of universities in modern conditions: analysis of foreign and domestic experience//Bulletin of Orenburg State University. 2025. № 2 (246). C. 117-127.

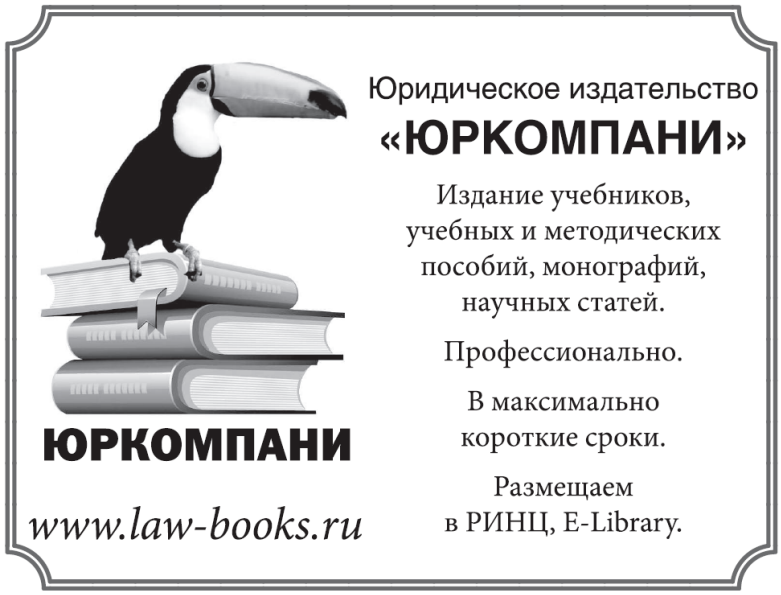
[8] Pevnaya M.V., Kalinina A.N. Academic mobility as an object of research in the context of understanding the non-linearity of higher education in Russia//Bulletin of Surgut State Pedagogical University. Surgut. 2016. №2 (41). S.73-81.

[9] Petrova L.E., Kuzmin K.V. Virtual academic mobility of students through MOOCS: methodological solutions of a university teacher//Pedagogical education in Russia. 2015. № 12. S. 177-182.

[10] Ryazanova N.E., Verkhovskaya E.V. Transformation of educational areas of cooperation in BRICS//Management and policy. 2025. Volume 4. № 4. S. 86-95.

[11] Ryazantsev S.V., Shakhrai S.M., Yanik A.A. Popova S.M. Russian-Chinese academic mobility as a competitive partnership//Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2020. Volume 90. № 1. S.3-14.

[12] A.V. Torkunov. Education as a tool of “soft power” in Russian foreign policy//Bulletin of MGIMO University. 2012. № 4 (25). S. 85-93.



Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-487-492

ПАНОЧЕВНЫЙ Павел Николаевич,
Старший преподаватель высшей школы промышленной инженерии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет», e-mail: 005681@togudv.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *В контексте глобализации высшего образования и роста академической мобильности формирование мультикультурной среды в российских вузах становится объективной реальностью. Данный процесс выдвигает на первый план задачу обеспечения устойчивого качества образовательного процесса, которое в условиях культурного и лингвистического разнообразия приобретает сложную правовую природу. Настоящая статья посвящена комплексному исследованию юридических аспектов управления качеством в поликультурном университете. Автором ставится цель выявить и проанализировать специфические правовые механизмы, которые позволяют гармонизировать универсальные требования государственных стандартов с необходимостью учета культурных особенностей обучающихся и преподавателей, тем самым обеспечивая не только формальное соответствие, но и реальную эффективность образовательной деятельности.*

Ключевые слова*: качество образования, мультикультурная образовательная среда, высшее учебное заведение, образовательное право, локальное нормотворчество, адаптация образовательных стандартов, академические права, разрешение конфликтов, правовая экосистема вуза, управление образовательным процессом.*

PANOCHEVNY Pavel Nikolaevich
Senior Lecturer, Graduate School of Industrial Engineering, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Pacific National University

LEGAL ASPECTS OF QUALITY MANAGEMENT OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT A UNIVERSITY IN A MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Annotation. *In the context of the globalization of higher education and the growth of academic mobility, the formation of a multicultural environment in Russian universities is becoming an objective reality. This process highlights the task of ensuring the sustainable quality of the educational process, which, in the context of cultural and linguistic diversity, acquires a complex legal nature. This article is devoted to a comprehensive study of the legal aspects of quality management at a multicultural university. The author aims to identify and analyze specific legal mechanisms that make it possible to harmonize the universal requirements of state standards with the need to take into account the cultural characteristics of students and teachers, thereby ensuring not only formal compliance, but also the real effectiveness of educational activities.*

Key words: *quality of education, multicultural educational environment, higher education institution, educational law, local rulemaking, adaptation of educational standards, academic rights, conflict resolution, legal ecosystem of the university, management of the educational process.*

Введение

Современное высшее образование функционирует в условиях нарастающей глобализации и интернационализации, что закономерно приводит к формированию мультикультурной образовательной среды в вузах. Данная среда, объединяющая

студентов и преподавателей с различными культурными, этническими, религиозными и языковыми особенностями, создает не только уникальные возможности для академического обмена, но и комплекс новых вызовов для системы менеджмента качества образовательного процесса. В этом контексте обеспечение высокого и равнозначного качества образования для всех категорий обучающихся перестает быть исключительно педагогической или административной задачей, приобретая ярко выраженную юридическую составляющую. Актуальность исследования обусловлена необходимостью гармонизации образовательных стандартов, процедур оценки и правовых гарантий в ситуации культурного многообразия, что напрямую влияет на конкурентоспособность российских вузов на международной арене и выполнение государственных задач в сфере образования.

Цель исследования заключается в комплексном анализе юридических аспектов менеджмента качества образовательного процесса в высшем учебном заведении, функционирующем в условиях мультикультурной среды, и выработке на этой основе теоретических положений и практических рекомендаций по совершенствованию его правового обеспечения.

Научная новизна работы состоит в междисциплинарном подходе, интегрирующем положения теории управления качеством, образовательного права и социокультурных исследований. В статье впервые в отечественной научной литературе системно исследуются именно юридические инструменты и ограничения менеджмента качества в мультикультурном вузе.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу работы составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход) и частнонаучные методы юридического исследования (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования). Эмпирическую базу исследования образуют действующие нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере образования (в первую очередь, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»). Теоретический анализ опирается на широкий корпус научных публикаций, включающий работы отечественных и зарубежных авторов в области образовательного права, управления качеством в высшей школе, педагогики и психологии межкультурной коммуникации. Систематизация и критический анализ указанных материалов позволили сформулировать обоснованные выводы и предложения.

Результаты и обсуждения

В современных условиях глобализации и интенсивной академической мобильности образовательное пространство высшей школы трансформируется в сложную поликультурную систему. Данный процесс, будучи объективным и прогрессивным, порождает фундаментальный вопрос о соответствии традиционных механизмов управления качеством образования новым социокультурным реалиям. Качество, понимаемое как соответствие результата установленным стандартам, в ситуации культурного плюрализма перестает быть исключительно технико-педагогической категорией, обретая выраженное правовое измерение. Нормативно-правовое обеспечение в данном контексте становится не просто внешним регулятором, а базисным конструктом, который должен одновременно гарантировать единство образовательного пространства и легитимное пространство для адаптации к многообразию. Основная правовая коллизия заключается в необходимости соблюдения принципа равенства, исключающего дискриминацию, и одновременного признания принципа дифференциации, требующего учета особых образовательных потребностей и культурных особенностей различных групп обучающихся.

Действующее федеральное законодательство Российской Федерации в сфере образования, а именно, Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», формирует рамочные условия [1] . Оно закрепляет такие основополагающие для поликультурной среды принципы, как светский характер образования, свобода выбора языка воспитания и обучения, запрещение дискриминации. Федеральные государственные образовательные стандарты задают унифицированные требования к структуре, условиям реализации и результатам освоения образовательных программ. Однако, сама природа этих документов предполагает их всеобщность и в известной степени абстрактность применительно к вариативным ситуациям. Прямых, детальных норм, регламентирующих, например, методику преподавания дисциплины смешанной в культурном отношении группе или порядок урегулирования конфликта, коренящегося в межкультурном непонимании, в них не содержится. Таким образом, возникает правовой вакуум между высокоуровневыми принципами и практикой повседневного образовательного взаимодействия.

Именно этот вакуум призвано заполнить локальное нормотворчество образовательной организации, которое выступает ключевым звеном в цепи нормативно-правового обеспечения качества в условиях культурного многообразия. Устав вуза, как его основной корпоративный закон,

должен не просто декларировать приверженность принципам толерантности и инклюзии, но и закреплять конкретные организационно-правовые механизмы их реализации. Система локальных нормативных актов становится тем транслятором, который переводит абстрактные требования ФГОС в конкретные образовательные практики, учитывающие специфику контингента. В этом аспекте особую значимость приобретают такие документы, как Положения об организации образовательного процесса для иностранных обучающихся, Кодексы академической интеграции и этики межкультурного общения, Регламенты психолого-педагогического и лингвистического сопровождения.

Юридически корректная адаптация проявляется в нескольких плоскостях. В содержательной плоскости это может выражаться в легитимном включении в вариативную часть образовательных программ дисциплин или модулей, направленных на изучение регионоведения, кросс-культурной коммуникации или истории и культуры принимающей страны. В процессуально-методической плоскости правовое обеспечение должно регламентировать допустимые формы адаптации контрольно-измерительных материалов, предоставления дополнительного времени на выполнение заданий или использования переводных словарей для обучающихся, для которых язык обучения не является родным. Важно, что такие адаптации не должны снижать планку конечных требований к компетенциям, но обязаны обеспечивать справедливость и адекватность процедуры оценки. В организационной плоскости требуется четкая правовая регламентация деятельности структурных подразделений, ответственных за социокультурную адаптацию (например, международных отделов, центров психологической поддержки), разграничение их полномочий и ответственности.

Культурное многообразие неизбежно повышает риски возникновения конфликтов, которые могут иметь как межличностную, так и групповую природу. Поэтому система менеджмента качества с точки зрения права должна быть ориентирована не только на стандартизацию, но и на создание эффективных превентивных и разрешительных механизмов. Нормативное закрепление процедур медиации с участием межкультурных консультантов, создание комиссий по урегулированию споров с представительством разных культурных групп, установление ясных и доступных каналов для апелляций – все это прямые правовые инструменты обеспечения качества. Они работают на поддержание доверия к образовательной системе, которое является непременным условием ее эффективности. Качество образовательной услуги в поликультурной среде в значительной мере определяется субъективным ощущением справедливости и защищенности ее потребителей.

Первую модель можно обозначить как содержательно-структурную адаптацию через вариативные компоненты программы. ФГОС жестко регламентируют объем обязательной части программы, но оставляют значительный процент на вариативный блок, формируемый вузом. Именно в этом правовом пространстве возможна легитимная интеграция дисциплин, направленных на удовлетворение потребностей мультикультурного контингента. Содержательная адаптация реализуется через включение курсов по межкультурной коммуникации, регионоведению, академическому письму на языке обучения для иностранцев, истории и праву принимающей страны. Важно, что такая адаптация носит не факультативный, а интегративный характер: данные дисциплины становятся частью основной образовательной траектории, их результаты подлежат формальной оценке и учитываются в общем рейтинге. С юридической точки зрения, это требует их корректного отражения в учебном плане, рабочих программах и фондах оценочных средств, что обеспечивает прозрачность и соответствие законодательству об образовательной услуге.

Вторая модель – это адаптация методов обучения, которая регулируется внутренними документами. Если стандарты определяют, что учить, то эта адаптация – как учить. Основой тут выступают требования ФГОС к условиям реализации программ, включая персонал, технику и информацию.

В этой модели университет во внутренних документах закрепляет конкретные способы учета культурных особенностей. Это может быть право использовать словари во время проверки знаний, возможность представить результаты в другом виде (например, проект вместо экзамена), разные по сложности задания, использование проектных методов в группах с разными культурами как часть обучения. Важно, чтобы адаптации были обоснованы потребностями (например, языковым барьером в начале) и не снижали требований к знаниям [4, с. 224].

Третья, институционально-поддерживающая модель, фокусируется на создании правовых условий для деятельности специализированных подразделений и сервисов. Качество адаптации стандартов напрямую зависит от наличия легитимной инфраструктуры поддержки. Локальные нормативные акты вуза должны юридически оформить статус, цели, задачи и полномочия таких структур, как Центры языковой адаптации, Службы психолого-педагогического сопровождения иностранных студентов, Офисы академиче-

ской мобильности. Их деятельность по организации дополнительных консультаций, лингвистических курсов, культурных ориентационных программ является не вспомогательной, а неотъемлемой частью процесса выполнения вузом требований ФГОС к условиям реализации программы. С правовой точки зрения, это означает, что ресурсное обеспечение этих подразделений и доступ обучающихся к их услугам являются элементом исполнения договора об образовании. Данная модель переводит адаптацию из плоскости педагогического усмотрения преподавателя в плоскость системной, регулируемой обязанности организации.

Эффективность любой из этих моделей упирается в правовое обеспечение оценки результатов. Адаптация процесса не должна компрометировать объективность и справедливость итоговой аттестации. Здесь требуется разработка и нормативное закрепление четких, культурно-чувствительных критериев оценки. Это предполагает создание многоуровневых рубрик (scoring rubrics), которые явно прописывают, как оценивается, например, логика рассуждения независимо от грамматических погрешностей, или как учитывается работа в межкультурной команде. Таким образом, правовая модель адаптации завершается не содержательным или процессуальным изменением, а эволюцией системы оценивания, которая сама по себе становится инструментом обеспечения качества и справедливости, превращая культурное многообразие из помехи в измеряемый параметр образовательного результата. В совокупности эти модели образуют не иерархию, а экосистему, где правовое закрепление структурных, процессуальных и институциональных элементов создает устойчивую основу для того, чтобы образовательный стандарт из абстрактной нормы стал рабочей схемой достижения качественного результата для каждого обучающегося, независимо от его культурного кода.

Поликультурная образовательная среда, при всей ее позитивной синергетике, объективно является пространством повышенной конфликтогенности. Столкновение различных систем ценностей, поведенческих паттернов, академических традиций и коммуникативных норм создает почву для возникновения споров, которые могут затрагивать как формальные аспекты образовательных отношений, так и глубокие личностные или групповые идентичности. В этом контексте юридические механизмы разрешения конфликтов и защиты прав перестают быть лишь инструментом реакции на нарушение; они становятся ключевым элементом архитектуры доверия и гарантом подлинного качества образования [9, с. 4]. Их эффективность в поликультурном измерении определяется не только способностью восстановить нарушенную норму, но и умением работать с культурно-обусловленными интерпретациями фактов, ценностей и самого понятия справедливости, что требует выхода за рамки классической формально-юридической логики [10, с. 17].

Фундаментальной основой защиты прав остается иерархия нормативных актов: от конституционных принципов равенства и запрета дискриминации до конкретных норм Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», гарантирующих академические права и устанавливающих общие процедуры обжалования. Однако, прямого действия этих норм часто недостаточно, так как культурный конфликт редко укладывается в четкие юридические составы «дискриминации по признаку национальности» или «оскорбления» [2, с. 55]. Он может проявляться в форме микроагрессии в учебной дискуссии, предвзятого, с точки зрения одной из сторон, оценивания, неверной трактовки молчания как согласия или несогласия, конфликта групповых норм (например, коллективистских vs. индивидуалистических). Поэтому право сталкивается с необходимостью квалификации таких ситуаций, что требует привлечения не только юридического, но и культурологического, психологического знания на уровне процедуры разбирательства.

Ключевым юридическим аспектом становится нормативное оформление и развитие досудебных (внутривузовских) механизмов разрешения споров, которые в поликультурной среде обладают неоспоримыми преимуществами перед формальным судопроизводством [5, с. 57]. Комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, предусмотренная законом, должна быть трансформирована из формального органа в рабочую площадку для межкультурного диалога. Это требует закрепления в локальном положении о комиссии таких принципов, как обязательное включение в ее состав членов, понимающих специфику культур контрагентов (например, международных тьюторов, психологов, специалистов по этнопедагогике), возможность привлечения внешних медиаторов-культурных брокеров, а также использование примирительных процедур (медиации) как приоритетного метода [6, с. 72]. С юридической точки зрения, медиация, основанная на добровольности и конфиденциальности, позволяет сторонам не просто найти компромиссное решение, но и проработать субъективные культурные обиды, которые не являются правовым нарушением, но разрушительно влияют на образовательный процесс. Результатом такой процедуры может стать не только примирение, но и разработка индивидуального учебного плана или корректи-

ровка методов преподавания, что является формой защиты права на качественное образование через его адаптацию [3, с. 173].

Особую сложность представляет правовая защита в ситуациях академической нечестности, оценка которой глубоко культурно зависима. Понятия плагиата, авторства, допустимой коллаборации кардинально различаются в разных академических традициях. Формальное применение жестких правил внутреннего распорядка, предусматривающих строгие санкции за списывание или некорректное заимствование, без учета культурного генезиса нарушения может быть воспринято как проявление несправедливости и ксенофобии. Поэтому юридически грамотный подход заключается в создании двухуровневой системы. Первый уровень – превентивный и просветительский: нормативное закрепление обязательного вводного курса по академической этике и культуре принимающего вуза для всех иностранных студентов, с четким разъяснением локальных правил и их отличий от практик в странах происхождения [8, с. 39]. Второй уровень – процедурный: при рассмотрении дел об академических нарушениях комиссия обязана исследовать не только факт нарушения, но и контекст, в том числе культурно-образовательный бэкграунд обучающегося, уровень его ознакомления с правилами, что может служить смягчающим обстоятельством и повлечь за собой не наказание, а обязательное прохождение корректирующего курса.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что формирование эффективной системы менеджмента качества в условиях мультикультурной образовательной среды вуза является не только педагогической или административной, но в значительной степени правовой задачей. Установлено, что интеграция разнородного культурного контингента в единый образовательный процесс порождает комплекс специфических юридических отношений, требующих особого нормативного регулирования и процессуального обеспечения. Качество образования в данном контексте перестаёт быть исключительно метрикой академических результатов, трансформируясь в категорию, напрямую зависящую от способности правовой системы вуза гарантировать равный доступ, справедливость процедур и защиту прав всех участников, независимо от их культурной принадлежности.

Анализ нормативно-правового обеспечения выявил его дуалистический характер. С одной стороны, российское законодательство задаёт универсальные рамочные требования к качеству, закреплённые в федеральных государственных образовательных стандартах. С другой стороны, сама природа мультикультурной среды требует гибкости и адаптивности, которые не всегда могут быть обеспечены на уровне общих норм [7, с. 126]. Этот правовой разрыв успешно преодолевается через механизмы локального нормотворчества, которое становится ключевым инструментом «перевода» абстрактных стандартов в конкретные образовательные практики, учитывающие языковые, коммуникативные и ценностные особенности студентов и преподавателей. Таким образом, юридическим ядром менеджмента качества в поликультурном вузе становится не просто соблюдение внешних предписаний, а созидательная деятельность по разработке внутренних регламентов, этических кодексов и процедур, обеспечивающих подлинную инклюзию.

Исследование правовых моделей адаптации образовательных стандартов подтвердило, что юридически корректная и педагогически оправданная адаптация возможна лишь при условии её системности. Она не должна сводиться к фрагментарным изменениям, но обязана затрагивать всю цепочку образовательной деятельности: от проектирования основных профессиональных образовательных программ и выбора образовательных технологий до системы оценки результатов обучения. Правовое закрепление вариативных компонентов, методик кросс-культурного взаимодействия и альтернативных форм контроля знаний становится не дополнительной нагрузкой, а необходимым условием выполнения вузом своих обязательств по предоставлению качественной и доступной образовательной услуги каждому обучающемуся.

Особое значение в рамках исследования приобрели юридические аспекты разрешения конфликтов и защиты прав. В поликультурной среде многие противоречия имеют своим источником не злую волю, а культурное непонимание или различную интерпретацию одних и тех же правил. Поэтому эффективная система менеджмента качества должна быть нацелена не только на фиксацию и наказание нарушений, но в первую очередь на их профилактику через ясные, доступные и культурно-чувствительные правовые коммуникации.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс, 2026 г.

[2] Гогичев Ч.Г. Концептуализация жизненного опыта в зеркале идиоматики // В сборнике: язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященных памяти профессора Ю.А. Сорокина. Москва, 2010. С. 56-60.

[3] Добрынина, Д. В. Инновационные методы обучения студентов вузов как средство реализации интерактивной модели обучения / Д. В. Добрынина // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. - №5. - С. 172-176.

[4] Лутай С.В. Роль физической подготовки студентов технического вуза в процессе нравственно-патриотического воспитания// Современный ученый. 2024. № 7. С. 221 – 227.

[5] Концепция формирования мультикультурного поведения учащихся общеобразовательных школ поликультурного региона // Преподаватель XXI век, 2012 г. С. 52-58.

[6] Мошняга Е. В. К вопросу о формировании мультикультурного образовательного пространства в вузе // Вестник РМАТ, 2017 г. С. 70-74.

[7] Нарыкова О. Н. Причины возникновения кросскультурных конфликтов и основные пути их разрешения в процессе обучения профессионально – ориентированному общению в рамках поликультурной образовательной среды // Международный научно-исследовательский журнал, 2017 г. С. 126-128.

[8] Середа Е.В., Колечкин И.С. Дифференциация явлений «межпредметная тема», «межпредметный урок» и «урок-интеграция (интегративный урок)» (на примере занятий по дисциплине «Страноведение») // Современное профессиональное образование. 2025. № 6. С. 37-40.

[9] Суняйкина Т. В., Лабунская Ю. А. Теоретические аспекты модели развития конфликтологической культуры педагога общеобразовательной организации // Концепт. 2018. №4. С. 2-8.

[10] Сысоев П.В. Культурное самоопределение обучающихся в условиях языкового поликультурного образования // Иностр. яз. в школе. - 2004. - № 4. - С. 14-20.

References:

[1] Federal Law “On Education in the Russian Federation” dated 29.12.2012 N 273-FZ (latest edition)//Consultant Plus, 2026

[2] Gogichev Ch. G. Conceptualization of life experience in the mirror of idiomatics//In the collection: language, consciousness, communication. Collection of scientific articles dedicated to the memory of Professor Yu.A. Sorokin. Moscow, 2010. S. 56-60.

[3] Dobrynina, D. V. Innovative methods of teaching university students as a means of implementing an interactive learning model/D. V. Dobrynina//Bulletin of Buryat State University. 2010. - №5. - S. 172-176.

[4] Lutai S.V. The role of physical training of students of a technical university in the process of moral and patriotic education//Modern scientist. 2024. № 7. S. 221-227.

[5] The concept of the formation of multicultural behavior of students of secondary schools in a multicultural region//Teacher XXI century, 2012 P. 52-58.

[6] Moshnyaga E.V. On the formation of a multicultural educational space at the university//Bulletin of RMAT, 2017 S. 70-74.

[7] Narykova O. N. Causes of cross-cultural conflicts and the main ways to resolve them in the process of teaching professional-oriented communication within the framework of a multicultural educational environment//International Research Journal, 2017 P. 126-128.

[8] Sereda E.V., Kolechkin I.S. Differentiation of the phenomena “interdisciplinary topic,” “interdisciplinary lesson” and “lesson-integration (integrative lesson)” (on the example of classes in the discipline “Country Studies”)//Modern vocational education. 2025. № 6. S. 37-40.

[9] Sunyaykina T.V., Labunskaya Yu.A. Theoretical aspects of the model of development of conflict culture of a teacher of a general educational organization//Concept. 2018. №4. S. 2-8.

[10] Sysoev P.V. Cultural self-determination of students in the conditions of linguistic multicultural education//Foreign. language at school. - 2004. - № 4. - S. 14-20.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-493-498

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ОСТАВЛЕНИЯ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ, ДОСТИГШИХ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

Аннотация. *Целью исследования стали организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы оставления в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия. Для ее осуществления использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых осуществлялся сравнительно-правовой анализ положений национального уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы. Практики оставления осужденных, достигших совершеннолетия в ВК УИС. В настоящее время в результате гуманного подхода к назначению и исполнению уголовных наказаний, реализации современной уголовной и уголовно-исполнительной политики произошли существенные позитивные изменения исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Существенно сократилось количество осужденных, которым судами назначен этот вид наказания, значительно сократилась численность отбывающих в них лишение свободы осужденных. Модернизирована законодательная и ведомственная правовая база, регулирующая различные аспекты оставления в ВК УИС осужденных. организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы оставления в ВК осужденных, достигших совершеннолетия, отражены в уголовно-исполнительном законе (статье 139 УИК РФ), Правилах внутреннего распорядка ВК УИС, утвержденных Приказом Минюста России от 06.10.2006 № 311. Осужденные, достигшие 18 лет, могут быть оставлены в ВК до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет. При этом критериями оставления осужденных являются важные психолого-педагогические категории (закрепление результатов исправления и завершение среднего общего образования или профессионального обучения). Уголовно-исполнительный закон подчеркивает приоритетность устойчивого и необратимого процесса исправления осужденных, формирования и развития у них позитивных психологических характеристик (мотивации и целеобразования, системы установок и отношений, жизненных планов, когнитивной и эмоционально-правовой сферы). Преодоления неблагоприятных факторов, влияющих на личность осужденных к лишению свободы несовершеннолетних. Важной характеристикой оставления в ВК осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия, является обеспечение их правового положения, материализованного в условиях отбывания наказания, соблюдении прав и свобод осужденных.*

Ключевые слова: *лишение свободы, воспитательные колонии, уголовно-исполнительная система, осужденные, достигшие совершеннолетия, должностные лица, ведомственный контроль, прокурорский надзор.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ORGANIZATIONAL, LEGAL, PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ISSUES OF ABANDONMENT IN EDUCATIONAL COLONIES OF THE PENAL SYSTEM OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT WHO HAVE REACHED THE AGE OF MAJORITY

Annotation. *The purpose of the study was the organizational, legal, psychological and pedagogical issues of leaving prisoners who have reached the age of majority in educational colonies of the penal system. For its implementation, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, which were used to carry out comparative legal analysis of the provisions of national criminal and penal enforcement legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational- methodical literature. The practice of abandoning convicts who have reached the age of majority in the Penal Colony. Currently, as a result of a humane approach to the appointment and execution of criminal penalties, the implementation of modern criminal and penal enforcement policies, there have been significant positive changes in the execution of imprisonment for minors. The number of convicts to whom this type of punishment has been imposed by the courts has significantly decreased, and the number of convicts serving their sentences has significantly decreased. The legislative and departmental legal framework has been modernized, regulating various aspects of the abandonment of convicts in the penal Colony. The organizational, legal, psychological and pedagogical issues of leaving convicts who have reached the age of majority in the Penal Colony are reflected in the Penal Enforcement Law (Article 139 of the Criminal Code of the Russian Federation), the Internal Regulations of the Penal Colony, approved by Order of the Ministry of Justice of Russia dated 06.10.2006 No. 311. Convicts who have reached the age of 18 may be kept in the Penal Colony until the end of their sentence, but no more than until they reach the age of 19. At the same time, the criteria for the abandonment of convicts are important psychological and pedagogical categories (consolidation of the results of correction and completion of secondary general education or vocational training). The Penal Enforcement Law emphasizes the priority of a sustainable and irreversible process of correcting convicts, the formation and development of their positive psychological characteristics (motivation and goal formation, a system of attitudes and relationships, life plans, cognitive and emotional-legal sphere). Overcoming the adverse factors affecting the personality of minors sentenced to imprisonment. An important characteristic of the retention of persons sentenced to imprisonment who have reached the age of majority in the Criminal Code is to ensure their legal status, materialized in the conditions of serving their sentence, and the observance of the rights and freedoms of convicted persons.*

Key words: *imprisonment, educational colonies, penal enforcement system, convicted persons who have reached the age of majority, officials, departmental control, prosecutor's supervision.*

Введение. Различные вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних являются предметом пристального внимания со стороны ученых-пенитенциаристов, практических работников, выполняющих положения таких директивных документов, касающихся исполнения наказаний, как Концепции развития уголовно-исполнительной системы (далее УИС) на период до 2030 года [1].

В настоящее время в результате гуманного подхода к назначению и исполнению уголовных наказаний, реализации современной уголовной и уголовно-исполнительной политики произошли существенные позитивные изменения исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних [2, с. 70-77]. Существенно сократилось количество осужденных, которым судами назначен этот вид наказания [3]. Реструктурированы и закрыты отдельные ВК УИС в субъектах федерации. Значительно сократилась численность отбывающих в них лишение свободы осужденных.

Модернизирована законодательная и ведомственная правовая база, регулирующая различные аспекты оставления в ВК УИС осужденных. Так, снижен с 21 года до 19 лет возраст оставления в ВК лиц, достигших совершеннолетия, у которых оканчивается срок наказания. Подобные изменения, безусловно, опираются не только на правовые основы организации исполнения лишения свободы в ВК УИС, но и их психологические, уголовно-правовые и криминологические характеристики, современные педагогические техники и технологии оказания на них воспитательно-профилактического воздействия в процессе проведе-

ния воспитательной работы с ними. Достижения в области возрастной психологии, касающиеся проблемы акселерации современных подростков и лиц молодежного возраста, а также накопленного отечественной пенитенциарной практикой опыта оставления в ВК УИС осужденных, достигших совершеннолетия.

Таким образом, существует теоретическая и практическая потребность комплексного, междисциплинарного изучения различных вопросов оставления в ВК осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия.

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых и психолого-педагогических вопросов оставления в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия, использовались диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых осуществлялся сравнительно-правовой анализ положений национального уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы. Практики оставления осужденных, достигших совершеннолетия в ВК УИС.

Основные результаты. Материалы теоретико-эмпирического исследования показали, что организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы оставления в ВК осужденных, достигших совершеннолетия, отражены в уголовно-исполнительном законе (статье 139 УИК РФ), Правилах внутреннего распорядка ВК УИС, утвержденных Приказом Минюста России от 06.10.2006 № 311.

Законодатель в части первой указанной правовой нормы указал, что осужденные, достигшие 18 лет, могут быть оставлены в ВК до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет [4]. При этом критериями оставления осужденных являются такие важные психолого-педагогические категории как:

– закрепление результатов исправления [5, с. 337-342];
– завершение среднего общего образования или профессионального обучения [6, с. 79-84]. Таким образом, уголовно-исполнительный закон подчеркивает приоритетность устойчивого и необратимого процесса исправления осужденных, формирования и развития у них позитивных психологических характеристик (мотивации и целеобразования, системы установок и отношений, жизненных планов, когнитивной и эмоционально-правовой сферы). Преодоления неблагоприятных факторов, влияющих на личность осужденных к лишению свободы несовершеннолетних [7, с. 169-173]. Получения ими среднего общего образования и профессионального обучения.

Важной характеристикой оставления в ВК осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия, является обеспечение их правового положения, предусмотренного уголовно-исполнительным законом [8, с. 81-83]. Материализованных в условиях отбывания лишения свободы, прав и свобод осужденных, касающихся норм их питания и материально-бытового обеспечения, установленных для несовершеннолетних осужденных [9]. Подобный подход законодателя подчеркивает современную гуманизацию исполнения лишения свободы в отношении лиц, содержащихся в ВК УИС. Направленный на решение психолого-педагогических вопросов предупреждения правонарушений подростков [10, с. 101-107].

Другим важным правовым вопросом регламентированного законом порядка оставления в ВК осужденных к лишению свободы, достигших 18 лет, является сама процедура данных действий. Она предполагает вынесение начальником колонии соответствующего постановления, санкционированного прокурором [11]. Такой порядок подчеркивает безусловную необходимость соблюдения прав осужденных рассматриваемой категории, которые обеспечиваются такими действенными инструментами как ведомственный контроль. Прокурорский надзор за исполнением лишения свободы в ВК УИС, осуществляемый в соответствии с законом «О прокуратуре Российской Федерации», ведомственными правовыми актами Генпрокуратуры России, локальными нормативными актами прокуроров субъектов федерации [12].

Порядок и процедура оставления осужденных в ВК по достижению ими совершеннолетия детализирована и конкретизирована в Правилах внутреннего распорядка ВК УИС, утвержденных Приказом Минюста России от 06.10.2006 № 311 (в редакции от 22.09.2021 г.) [13].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

– VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с обще-

ственными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;
– V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
– 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
– XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
– Научно-практическом круглом столе «Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты», состоявшемся в Академии ФСИН России 13.02.2025. Доклад на тему: «Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заключение. В настоящее время в результате гуманного подхода к назначению и исполнению уголовных наказаний, реализации современной уголовной и уголовно-исполнительной политики произошли существенные позитивные изменения исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних. Существенно сократилось количество осужденных, которым судами назначен этот вид наказания, значительно сократилась численность отбывающих в них лишение свободы осужденных.

Модернизирована законодательная и ведомственная правовая база, регулирующая различные аспекты оставления в ВК УИС осужденных. организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы оставления в ВК осужденных, достигших совершеннолетия, отражены в уголовно-исполнительном законе (статье 139 УИК РФ), Правилах внутреннего распорядка ВК УИС, утвержденных Приказом Минюста России от 06.10.2006 № 311.

Осужденные, достигшие 18 лет, могут быть оставлены в ВК до окончания срока наказания, но не более чем до достижения ими возраста 19 лет. При этом критериями оставления осужденных являются важные психолого-педагогические категории (закрепление результатов исправления и завершение среднего общего образования или профессионального обучения).

Уголовно-исполнительный закон подчеркивает приоритетность устойчивого и необратимого процесса исправления осужденных, формирования и развития у них позитивных психологических характеристик (мотивации и целеобразования, системы установок и отношений, жизненных планов, когнитивной и эмоционально-правовой сферы). Преодоления неблагоприятных факторов, влияющих на личность осужденных к лишению свободы несовершеннолетних.

Важной характеристикой оставления в ВК осужденных к лишению свободы, достигших совершеннолетия, является обеспечение их правового положения, материализованного в условиях отбывания наказания, соблюдении прав и свобод осужденных.

Список литературы:

[1] Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концеп-

ции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Consultant.ru (дата обращения 30.01.2026).

[2] Ковалев О.Г., Зайцева С.И. Современная уголовно-правовая политика и ее воздействие на пенитенциарную преступность в местах лишения свободы // Эпомен: юридические науки. 2023. № 2. С. 70-77.

[3] Данные судебной статистики // cdep.ru (дата обращения 30.01.2026).

[4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[5] Ковалев О.Г. Исправление, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация осужденных как цель и задачи современной теории отечественного уголовно-исполнительного права // Право и управление. 2025. № 6. С. 337-342.

[6] Ковалев О.Г., Ковтуненко Л.В. Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 79-84.

[7] Ковалев О.Г. Психолого-педагогические механизмы генезиса неблагоприятных факторов, влияющих на формирование личности несовершеннолетних осужденных // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 169-173.

[8] Ковалев О.Г., Зайцева С. И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С.81-83.

[9] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[10] Ковалев О.Г., Кулакова С.В. Психолого-педагогические проблемы предупреждения правонарушений подростков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России, ежеквартальное научно-практическое издание. Москва. С. 101-107.

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[12] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[13] Приказ Минюста России от 06.10.2006 № 311 (ред. от 22.09.2021) «Об утверждении правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы» // Consultant ru. (дата обращения 30.01.2026).

References:

[1] Order of the Government of the Russian Federation of 29.04.2021 No. 1138-r “On approval of the Concept for the development of the penitentiary system of the Russian Federation for the period up to 2030 “// Consultant.ru (date of appeal 30.01.2026).

[2] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. Modern criminal law policy and its impact on penitentiary crime in prisons//Epomen: legal sciences. 2023. № 2. S. 70-77.

[3] Judicial statistics// cdep.ru (date of appeal 30.01.2026).

[4] Commentary on the Penal Code of the Russian Federation (itemized)//A. Brilliantov, V. V. Geranin, S. M. Zubarev, L. P. Dubrovitsky, V. S. Yepaneshnikov, V. A. Kazakova, O. G. Kovalev, S. V. Kudeneev, O. B. Lysyagin , Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[5] Kovalev O.G. Correction, resocialization, social adaptation and social rehabilitation of convicts as the goal and tasks of the modern theory of domestic penal law//Law and management. 2025. № 6. S. 337-342.

[6] Kovalev O.G., Kovtunenko L.V. Educational activities and professional training in the correction of convicts//In the collection: Spiritual and moral education of a person in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. S. 79-84.

[7] Kovalev O.G. Psychological and pedagogical mechanisms of the genesis of adverse factors affecting the formation of the personality of juvenile convicts//Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3 (109). S. 169-173.

[8] Kovalev O.G., Zaitseva S.I. The legal status of convicts and its impact on the organization of oper-

ational-search activities in correctional institutions of the penal system//Trends in the development of science and education. 2023. № 94-4. S.81-83.

[9] Commentary on the Penal Code of the Russian Federation/Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (itemized)/Moscow, 2008. 448 p.

[10] Kovalev O.G., Kulakova S.V. Psychological and pedagogical problems of preventing juvenile delinquency//In the collection: Scientific works of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, quarterly scientific and practical publication. Moscow. S. 101-107.

[11] Commentary on the Penal Code of the Russian Federation/Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 pp.

[12] The Prosecutor's Handbook at 2 h. Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Bout N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. et al. Practical Manual/Ser. 9 Professional practice, (5th ed., Trans. And add.) Moscow 2018. 481 pp.

[13] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 311 dated 06.10.2006 (ed. 22.09.2021) " On approval of the internal regulations of educational colonies of the penal system "//Consultant ru. (date of circulation 30.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-499-506

РАМАЗАНОВА Пати Казихановна,
заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат филологических наук, доцент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ГАЙДАРОВА Людмила Играмудиновна,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат педагогических наук, доцент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстицииРПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

АЛИКБЕРОВ Султан Абдулхаликович,
студент Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ: ДИАГНОСТИКА ПРОБЛЕМ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье исследуется комплекс актуальных проблем развития юридического образования и юридической науки сквозь призму психологического знания. Авторы обосновывают тезис о наличии системного психологического кризиса, проявляющегося в деформации профессионального правосознания, аксиологической дезориентации субъектов образовательного процесса и методологической изоляции юридической науки от достижений современной психологии. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований выделены три ключевых блока проблем: ценностно-смысловая деградация личности юриста, психологическая неподготовленность к профессиональной деятельности в условиях риска и неопределенности, а также институциональные барьеры на пути междисциплинарного синтеза. Сформулированы конкретные рекомендации по интеграции психологических компонентов в систему подготовки юридических кадров и трансформации научно-исследовательской парадигмы.*

Ключевые слова: *юридическое образование, юридическая наука, психология права, профессиональное правосознание, междисциплинарность, интеллигентность, аксиология, цифровизация.*

RAMAZANOVA Pati K.,
Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Candidate of Philological Sciences, Associate Professorof the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

GAYDAROVA Lyudmila I.,
Associate Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice RLA of the Ministry of Justice of Russia)

ALIKBEROV Sultan A.,
Student of the North Caucasus Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

TITLE OF THE ARTICLE (IN CAPITAL LETTERS): THE PSYCHOLOGICAL CRISIS OF LEGAL EDUCATION AND SCIENCE: DIAGNOSIS OF PROBLEMS AND WAYS TO OVERCOME

Annotation. *The article examines a range of current problems in the development of legal education and legal science through the prism of psychological knowledge. The authors substantiate the thesis of the existence of a systemic psychological crisis, manifested in the deformation of professional legal consciousness, axiological disorientation of subjects of the educational process, and the methodological isolation of legal science from the achievements of modern psychology. Based on the analysis of domestic and foreign research, three key blocks of problems are identified: the value-semantic degradation of the lawyer's personality, psychological unpreparedness for professional activity in conditions of risk and uncertainty, and institutional barriers to interdisciplinary synthesis. Specific recommendations are formulated for the integration of psychological components into the system of training legal personnel and the transformation of the research paradigm.*

Key words: *legal education, legal science, legal psychology, professional legal consciousness, interdisciplinarity, intelligentsia, axiology, digitalization.*

Право и психология имеют глубокие генетические и функциональные связи, которые, несмотря на кажущуюся очевидность, до сих пор не получили адекватного отражения в системе отечественного юридического образования и в структуре юридической науки. Как справедливо отмечают авторы фундаментального труда «Psychology and Jurisprudence across the Curriculum», обе сферы «направлены на понимание человеческого поведения, его модификацию и регулирование» [3, p. 25]. Однако, несмотря на эту онтологическую близость, в российской системе юридического образования и в структуре юридической науки психологический компонент долгое время занимал маргинальное положение. Традиционно психология сводилась к курсу «Юридическая психология», который преподавался факультативно или в усеченном объеме, будучи ориентированный преимущественно на нужды уголовного процесса и криминалистики, то есть на психологию свидетельских показаний, психологию преступника и вопросы вменяемости [18, с. 5]. Такая редукция психологического знания к инструментарию уголовно-правового цикла существенно обедняла представление будущих юристов о тех глубинных механизмах, которые определяют поведение людей в правовом поле.

Актуальность настоящего исследования обусловлена нарастанием цивилизационных вызовов, которые делают прежнюю модель подготовки юристов несостоятельной. Цифровизация, глобализация, трансформация традиционных ценностей, рост психоэмоциональной нагрузки на специалистов в области права требуют пересмотра содержания и методов юридического образования. Как показывают современные исследования, «информационные, цифровые и глобально-сетевые процессы... ведут к размыванию традиционных ценностей, подмене их утилитарными интересами и мультикультурализации общественного сознания» [6, с. 114]. Юрист, вооруженный только знанием норм, но не понимающий психологические механизмы их восприятия и реализации, оказывается профессионально ограниченным и неспособным эффективно выполнять свои функции в условиях современного правового поля.

Цель данной статьи — выявить и систематизировать актуальные проблемы развития юридического образования и юридической науки, имеющие отчетливую психологическую природу, а также предложить концептуальные пути их решения, опираясь на новейшие междисциплинарные исследования. Методологическую основу работы составляют диалектический метод познания социальных явлений, сравнительно-правовой анализ, а также элементы системного и междисциплинарного подходов, позволяющие интегрировать данные юридической и психологической наук для получения более полного представления о природе исследуемых явлений.

Прежде чем перейти к анализу конкретных проблем, необходимо определить теоретическую рамку исследования. Историографический анализ показывает, что психологические теории права сопровождают эволюцию политико-правовой мысли на протяжении более двух столетий. От психологической теории права Л.И. Петражиц-

кого, заложившей основы понимания права как императивно-атрибутивного эмоционального переживания [11], до современных нейроисследований правовых решений — психологический подход постоянно заявлял о себе как о фундаментальном. Однако В.С. Горбань констатирует «существенный дефицит историографической литературы» и отсутствие «самостоятельной разработки историографии психологического направления» [1, с. 143]. Этот дефицит — симптом более глубокой проблемы: психологическая проблематика до сих пор не интегрирована в ядро юридического мышления, остается на периферии научных интересов теоретиков права.

Современная наука позволяет выделить два основных вектора взаимодействия психологии и юриспруденции в интересующем нас аспекте. Первый вектор — это психология права, которая изучает психологические механизмы действия самого права, правового регулирования, правосознания, то есть то, как право функционирует в психике индивидов и социальных групп. Второй вектор — психология юридической профессии, которая фокусируется на изучении личности юриста, процессов его профессионального становления, деформаций, стресс-факторов и механизмов совладания с ними. Именно второй вектор, долгое время остававшийся в тени, сегодня выходит на первый план в контексте реформы образования, поскольку качество профессиональной деятельности юриста напрямую зависит от его психологического состояния и личностных характеристик. Как отмечается в материалах международной конференции в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета России, «современная юридическая психология должна быть ориентирована не только на криминальное поведение, но и на психологическое сопровождение профессиональной деятельности юриста на всех ее этапах» [2].

Современная система подготовки юридических кадров сталкивается с рядом проблем, коренящихся в психологии основных участников образовательного процесса — студентов и преподавателей. Эти проблемы носят системный характер и требуют комплексного анализа, учитывающего как индивидуально-психологические, так и социально-психологические факторы.

Исследования последних лет фиксируют тревожную тенденцию: у значительной части студентов-юристов наблюдается преобладание прагматически-эгоистических ориентаций над гуманистическими и профессионально-этическими ценностями. П.П. Ланг в своем исследовании подчеркивает, что формирование и диагностика аксиологической идентичности будущих юристов являются важнейшей задачей высшей школы, поскольку именно ценностные ориентации определяют профессиональное мировоззрение, этические принципы и мотивацию специалиста [16, с. 30]. Автор обоснованно выделяет три группы ценностей, подлежащих формированию: правовые (уважение к закону, справедливость, равенство перед правом), нравственные (честность, ответственность, гуманность) и профессиональные (независимость, объективность, преданность профессии) [16, с. 31].

М.И. Замищак на основе эмпирических данных делает вывод о «расхождении между знанием моральных норм и готовностью следовать им», а также о необходимости развития «гуманистических компетенций и ответственного отношения к профессиональным задачам» [9, с. 98]. Студенты демонстрируют высокий уровень притязаний, но низкий уровень эмпатии и моральной рефлексии, что в конечном итоге приводит к формированию специалиста, способного квалифицированно применять правовые нормы, но не понимающего социального смысла своей деятельности.

Данная проблема усугубляется влиянием глобальной культуры «общества потребления». Как отмечают П.Ю. Наумов и С.И. Захарцев, «тенденции насаждения потребностей и интересов глобального «общества потребления» не обошли стороной и юридическую профессию, что сказывается и на содержании юридического образования» [6, с. 125]. Формируется тип юриста-технолога, для которого право — это лишь инструмент достижения личных или корпоративных целей, лишенный нравственного измерения. Преодоление этого кризиса авторы связывают с возрождением феномена интеллигентности как «интеллектуально-эмоционального и ценностно-смыслового качества», которое позволяет транслировать традиционные ценности и противостоять идейно-правовой экспансии [6, с. 130].

Нельзя не согласиться с исследователями, которые видят корень проблемы не столько в образовательных технологиях, сколько в более глубоких социальных процессах. В статье, посвященной аксиологическим основаниям правового образования, справедливо отмечается, что «педагогическое влияние на процесс становления правового сознания осуществляется на основе уже пред-данного базиса — нравственных ценностей и ориентиров», и если «отсутствует устойчивый ценностный фундамент», то любые образовательные технологии оказываются неэффективными [1, с. 6]. Более того, как показано в том же исследовании, попытки свести причины неэффективности правового образования к ассимиляции общественным сознанием внешних для отечественной культуры ценностей несостоятельны, поскольку в западной культуре при наличии тех же глобализационных процессов массового право-

вого нигилизма не возникает [1, с. 7]. Следовательно, проблема имеет более сложную природу и связана с особенностями отечественного правотворчества и правоприменения, которые создают рассогласование между декларируемыми ценностями и реальной правовой практикой.

Международные исследования все чаще обращают внимание на высокий уровень стресса, тревожности и эмоционального выгорания среди студентов-юристов. Традиционная модель юридического образования, построенная на состязательности, высоких нагрузках и критике, провоцирует развитие дистресса. В ответ на этот вызов формируется новое направление — педагогика благополучия в юридическом образовании, которое предлагает переосмыслить сам подход к обучению праву.

Э. Джонс, К. Стевенс и Р. Филд предлагают модель, основанную на теории самодетерминации, которая охватывает «когнитивную, опытную и аффективную вовлеченность в обучение» [10, p. 12]. Ключевыми элементами этой модели являются эмпатия, рефлексия и интеграция ценностей и этики, что позволяет создать целостный подход к благополучию как студентов, так и преподавателей. Авторы подчеркивают, что благополучие не сводится к отсутствию стресса, а предполагает создание условий для процветания и развития личности в образовательной среде [10, p. 15]. Коллективная монография «Legal Education for Wellbeing» развивает эти идеи, рассматривая применение теории уязвимости и социальной идентичности, роль переходных периодов и вводных курсов, реализацию и оценку инициатив по благополучию в юридических школах [20].

Российская практика, к сожалению, пока далека от внедрения подобных подходов. Мастер-классы по профилактике «утомленности и эмоционального выгорания», проводимые для студентов ведомственных вузов [2], носят скорее точечный, а не системный характер. Отсутствие целостной стратегии психологического сопровождения студентов-юристов приводит к тому, что многие выпускники приходят в профессию уже с высоким уровнем эмоционального истощения, что существенно снижает качество их работы и повышает риск профессиональной деформации.

Отдельным блоком стоит проблема самого преподавательского корпуса. Юридические кафедры укомплектованы, как правило, специалистами с базовым юридическим, а не психолого-педагогическим образованием. Это порождает комплекс взаимосвязанных проблем. Во-первых, наблюдается методическая беспомощность в передаче сложных психологических концептов, когда преподаватели, не имея специальной подготовки, пытаются интерпретировать психологические феномены в терминах юриспруденции, что приводит к их упрощению и искажению. Во-вторых, распространен скептицизм в отношении эмпирических методов психологии, недоверие к данным экспериментальных исследований и предпочтение умозрительных конструкций. В-третьих, отмечается неспособность выстроить психологически комфортную и развивающую образовательную среду, поскольку педагоги не владеют навыками фасилитации, эмоционального интеллекта и управления групповой динамикой.

Проблемы образования неразрывно связаны с состоянием юридической науки, которая также переживает психологический кризис, выражающийся в ее методологической самоизоляции и невосприимчивости к достижениям смежных дисциплин.

В то время как в мировой науке набирает обороты «экспериментальная юриспруденция», изучающая интуитивные представления людей о праве через психологические эксперименты, российская теория права продолжает опираться преимущественно на формально-догматический и философский методы. Как показывает К. Тобиа в своем фундаментальном исследовании, психология и право по своей природе глубоко взаимосвязаны, и традиционный канон «Психологии и права» получил новый импульс развития, когда ДНК-экспертиза выявила, что многие ошибочные обвинения были связаны с проблемами, давно предсказанными психологами [7, p. 27]. Зарубежные исследования активно интегрируют психологические данные в анализ базовых курсов договорного, деликтного, уголовного и вещного права. Например, изучается, как психологические механизмы возложения вины влияют на судебные решения, или как «эффект привязки» искажает размеры присуждаемых компенсаций [3, p. 45-47].

В российской науке подобные исследования единичны. Причина — не только в организационных сложностях и отсутствии традиции экспериментальной работы, но и в психологическом сопротивлении научного сообщества. Внедрение методов психологии требует признания ограниченности классической юридической догматики, перехода от умозрительных конструкций к верифицируемым данным, что для многих ученых является когнитивным вызовом, требующим пересмотра устоявшихся представлений о природе научного знания в юриспруденции.

Взаимодействие психологии и права часто идет по пути либо полного игнорирования, либо, напротив, психологической «колонизации» правовой материи, когда юридические феномены редуцируются к психическим процессам. Необходим баланс, который предполагает сохранение специфики правового регулирования при обогащении

его психологическим содержанием. Как отмечается в материалах круглого стола, посвященного памяти профессора Д.Д. Дуйсенбекова, важно сохранять специфику собственно правового регулирования при интеграции психологических знаний в юридическую практику [5].

Особенно остро эта проблема стоит в области судебной экспертизы. В.Ф. Енгалычев отмечает проблему достоверности показаний и возможности использования психологических методик для ее оценки [13, с. 21]. Однако внедрение таких методик упирается в неразработанность концептуальных основ: как именно психологическое знание должно трансформироваться в юридически значимое доказательство, где проходит грань между психологической помощью и экспертным исследованием личности, каковы критерии допустимости психологических методов в судебном процессе. Эти вопросы, поставленные еще Б.Н. Алмазовым [8, с. 45], до сих пор не имеют удовлетворительного научного решения, что сдерживает развитие как судебной психологии, так и теории доказательств.

Цифровизация создает новые вызовы для самого процесса научного творчества. С одной стороны, открывается доступ к огромным массивам данных и новым инструментам анализа (например, анализ тональности текстов судебных решений, сетевой анализ правовых связей, big data в исследовании правоприменительной практики). С другой стороны, формируется клиповое мышление, снижается способность к глубокой, системной рефлексии, происходит фрагментация научного знания. Юридическая наука рискует превратиться в комментаторство судебной практики, утратив теоретическую глубину и прогностическую функцию. Как отмечают В.С. Диев и Е.В. Коротыш, необходимо сохранять баланс между «традициями и новациями» в классическом юридическом образовании и науке [14, с. 43], не допуская как архаизации, так и безоглядного увлечения новыми технологиями в ущерб содержательной стороне исследований.

Проблемы образования и науки имеют прямую проекцию на правоприменительную практику, где они проявляются в виде устойчивых негативных тенденций, фиксируемых как исследователями, так и практикующими юристами.

Во-первых, наблюдается деформация правосознания практикующих юристов. Обвинительный уклон в сознании следователей, корпоративная закрытость судейского корпуса, формализм в работе адвокатов, потребительское отношение к клиентам в юридическом бизнесе — все это следствия не только институциональных условий, но и упущений в профессиональной социализации, недостаточного внимания к формированию ценностно-смысловой сферы будущих специалистов. Как справедливо отмечается в исследовании аксиологических оснований правового образования, «неудовлетворительное состояние современного правового образования и правовой нигилизм коренятся в отсутствии последовательной ценностно ориентированной стратегии и тактики, реальной политики ценностей как в правотворчестве, так и в правоприменении» [1, с. 2].

Во-вторых, широкое распространение получило эмоциональное выгорание и профессиональная деградация. Работа в правоохранительных органах, адвокатуре, судейском корпусе связана с колоссальными эмоциональными нагрузками, высоким уровнем ответственности, постоянным взаимодействием с конфликтующими сторонами. Отсутствие навыков психогигиены, неумение справляться с профессиональным стрессом ведут к кадровой текучке, злоупотреблению служебным положением (как форме компенсации эмоционального дефицита), утрате интереса к работе и цинизму. Конференции последних лет все чаще поднимают вопросы оказания психологической помощи сотрудникам, в том числе несущим службу в зонах боевых действий и экстремальных условиях [2].

Преодоление описанного кризиса требует системных изменений, затрагивающих содержание образования, структуру научных исследований и критерии оценки профессиональной пригодности. Эти изменения должны носить комплексный характер и реализовываться на нескольких уровнях.

Для системы юридического образования первостепенное значение имеет переход от преподавания психологии как отдельной дисциплины к психологизации всего образовательного процесса. Это означает, что психологические знания и навыки должны быть «разлиты» по всему учебному плану, интегрированы в содержание всех профильных дисциплин. В курсе уголовного права необходимо изучение психологических механизмов вменяемости и мотивации преступного поведения. В гражданском процессе требуется анализ психологии переговорного процесса и медиации, понимание эмоциональных состояний сторон. В курсе профессиональной этики должны проводиться тренинги по развитию эмпатии и моральной рефлексии, разбор этических дилемм в их психологическом контексте.

Не менее важным представляется внедрение диагностики и коррекции психологических свойств абитуриентов и студентов. Профессиограмма юриста должна включать не только знания и навыки, но и психологические качества, необходимые для успешной профессиональной деятельности. Как отмечал еще в 2007 году И.И. Лузгин,

«при поступлении на учебу в вузы юридического профиля в ряде стран с абитуриентами проводятся психологические тесты, определяющие их соответствие для работы в избранной ими сфере деятельности, так как работа отдельных из них в данной области абсолютно исключена» [17, с. 4]. Необходимо возрождение и модернизация системы профессионального психологического отбора, о чем говорила Я.В. Комиссарова, отмечая важность «сбалансированной концепции профессионального кадрового отбора» [13, с. 27].

Для юридической науки необходима институционализация экспериментальных исследований. Создание междисциплинарных лабораторий (право + психология + когнитивистика) при ведущих университетах и научных центрах позволит проводить исследования на современном методологическом уровне. Поддержка исследований, использующих методы психологии для изучения эффективности правовых норм, должна стать приоритетом научной политики. Развитие судебной психологии и психологии правоприменения предполагает изучение реальных механизмов принятия решений судьями, следователями, присяжными с целью минимизации влияния когнитивных искажений и повышения объективности правосудия.

Важным направлением является актуализация историографии — преодоление дефицита исследований по истории психологических теорий права, выявление и переосмысление отечественного научного наследия. Работы Л.И. Петражицкого, М.А. Рейснера, других представителей психологического направления в праве содержат богатый теоретический материал, который может быть востребован при решении современных проблем [1, с. 160]. Как показывает анализ диссертационных исследований последних лет, интерес к этой проблематике возрождается, но требуется системная поддержка таких исследований [19].

На уровне государственной политики необходимо включение психологической составляющей в федеральные государственные образовательные стандарты по направлению «Юриспруденция» не как вариативной, а как обязательной части, формирующей универсальные компетенции. Поддержка научных проектов, находящихся на стыке права и психологии, через грантовые механизмы должна стать приоритетом научных фондов, поскольку именно междисциплинарные исследования способны дать ответы на вызовы, стоящие перед правовой системой.

Психологический аспект развития юридического образования и науки перестал быть периферийным. Сегодня он становится одним из ключевых факторов, определяющих качество подготовки юристов и эффективность правового регулирования в целом. Проведенный анализ позволяет утверждать, что российская система столкнулась с системным психологическим кризисом, который проявляется в деформации ценностных ориентаций студентов, психологической неподготовленности выпускников к реалиям профессии, методологическом консерватизме науки и игнорировании достижений экспериментальной юриспруденции.

Преодоление этого кризиса возможно только на пути глубокой междисциплинарной интеграции. Юридическое образование должно стать не просто трансляцией нормативного материала, а процессом формирования целостной, нравственно зрелой, психологически устойчивой и рефлексирующей личности юриста, способной не только применять правовые нормы, но и понимать их социальный смысл, предвидеть последствия своих решений, сохранять профессиональную идентичность в сложных этических ситуациях.

Юридическая наука, в свою очередь, должна открыться эмпирическим методам, перестать бояться «психологизации» и начать производить верифицируемое знание о том, как право реально функционирует в человеческом сознании и поведении. Только такой синтез позволит подготовить юриста, способного адекватно отвечать на вызовы XXI века, сохраняя верность закону и гуманистическим ценностям, и обеспечить развитие правовой системы, адекватной современным социальным реалиям.

Список литературы:

[1] Горбань, В.С. Историографический анализ психологических теорий права / В.С. Горбань // Антиномии. — 2024. — Т. 24, вып. 4. — С. 141-163. — DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_141. (In Russ.)

[2] В Санкт-Петербургской академии СК России состоялась Международная научно-практическая конференция «Юридическая психология в современном мире: опыт, знание, практика» [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ. — 2025. — Режим доступа: https://skspba.ru/ (дата обращения: 06.03.2026). (In Russ.)

[3] Wilkinson-Ryan, T. Psychology and Jurisprudence across the Curriculum / T. Wilkinson-Ryan, B.A. Spellman, J.K. Robbennolt, J. Nadler // The Cambridge Handbook of Experimental Jurisprudence. — Cambridge University Press, 2025. — P. 23-58. — DOI 10.1017/9781009170901.003.

[4] Advances in Psychology and Law: Volume 7 / ed. by M.K. Miller, B.H. Bornstein, D. DeMatteo. — Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. — 250 p.

[5] Юридическая психология: теория, практика и перспективы [Электронный ресурс] // Казахский национальный университет им. аль-Фараби. — 2025. — Режим доступа: https://farabi.university/news/98779 (дата обращения: 06.03.2026). (In Russ.)

[6] Наумов, П.Ю. Психологические характеристики интеллигентности и юридическое образование в цифровой реальности: риски и ценности / П.Ю. Наумов, С.И. Захарцев // Russian Journal of Education and Psychology. — 2024. — Т. 15, № 4. — С. 112-138. — DOI 10.312/us1141-8796. (In Russ.)

[7] Tobia, K. Psychology and Jurisprudence across the Curriculum / K. Tobia // The Cambridge Handbook of Experimental Jurisprudence. — Cambridge University Press, 2025. — P. 59-92.

[8] Алмазов, Б.Н. Личность в правовом поле / Б.Н. Алмазов, А.С. Васильева. — Москва: Юрайт, 2024. — 149 с. (In Russ.)

[9] Заміщак, М.І. Взаємозв'язок професійної культури та моральної самосвідомості у підготовці майбутніх юристів / М.І. Заміщак // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Психологія. — 2025. — № 4. — С. 97-102. — DOI 10.32782/psy-visnyk/2025.4.15. (In Russ.)

[10] Jones, E. Legal wellbeing pedagogy: a new model for promoting wellbeing in law schools / E. Jones, C. Strevens, R. Field // European Journal of Legal Education. — 2025 (accepted for publication).

[11] Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. — СПб.: Лань, 2000. — 608 с. (In Russ.)

[12] Сорокин, П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства / П.А. Сорокин. — Ярославль: Изд-во Ярославского кредитного союза, 1919. — 236 с. (In Russ.)

[13] Енгалычев, В.Ф. Судебно-психологическая экспертиза: методологические проблемы и перспективы развития / В.Ф. Енгалычев // Прикладная юридическая психология. — 2022. — № 3 (56). — С. 19-28. (In Russ.)

[14] Диев, В.С. Неопределенность, риск и принятие решений в междисциплинарном контексте / В.С. Диев // Сибирский философский журнал. — 2019. — Т. 17, № 4. — С. 41-52. — DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52. (In Russ.)

[15] Захарцев, С.И. Суверенность российской правовой системы как значимое свойство ее нравственно-аксиологической оценки / С.И. Захарцев, В.П. Сальников // Нравственность и гуманизм в праве и культуре: сборник статей. — СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт, 2024. — С. 45-61. (In Russ.)

[16] Ланг, П.П. Разработка системы диагностики сформированности аксиологической идентичности будущих юристов / П.П. Ланг // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. — 2025. — № 4. — С. 29-35. — DOI 10.18137/RNU.HET.25.04.P.029. (In Russ.)

[17] Лузгин, И.И. О некоторых современных аспектах модернизации высшего образования в обучении студентов юридической специальности / И.И. Лузгин // Юридическое образование и наука. — 2007. — № 2. — С. 2-6. (In Russ.)

[18] Науменко, Е.А. Юридическая психология: учебное пособие / Е.А. Науменко. — Тюмень: ТюмГУ, 2003. — 140 с. (In Russ.)

[19] Нерсесянц, А.В. Концепция психоаналитической юриспруденции А.А. Эренцвейга: автореф. дис. ... канд. юр. наук / А.В. Нерсесянц. — Москва, 2024. — 28 с. (In Russ.)

[20] Legal Education for Wellbeing: Design, Delivery and Evaluation. — London: Taylor & Francis Ltd, 2024. — 158 p.

References:

[1] Gorban, V.S. Historiographic analysis of psychological theories of law/V.S. Gorban//Antinomies. — 2024. - T. 24, issue 4. - S. 141-163. — DOI 10.17506/26867206_2024_24_4_141. (In Russ.)

[2] The St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of Russia hosted the International Scientific and Practical Conference "Legal Psychology in the Modern World: Experience, Knowledge, Practice" [Electronic Resource]//St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. — 2025. - Access mode: https://skspba.ru/ (access date: 06.03.2026). (In Russ.)

[3] Wilkinson-Ryan, T. Psychology and Jurisprudence across the Curriculum / T. Wilkinson-Ryan, B.A. Spellman, J.K. Robbennolt, J. Nadler // The Cambridge Handbook of Experimental Jurisprudence. — Cambridge University Press, 2025. — P. 23-58. — DOI 10.1017/9781009170901.003.

[4] Advances in Psychology and Law: Volume 7 / ed. by M.K. Miller, B.H. Bornstein, D. DeMatteo. — Cham: Springer Nature Switzerland, 2025. — 250 p.

[5] Legal psychology: theory, practice and prospects [Electronic resource]//Kazakh National University named after al-Farabi. — 2025. - Access mode: https ://farabi.university/news/98779 (access date: 06.03.2026). (In Russ.)

[6] Naumov, P.Yu. Psychological characteristics of intelligence and legal education in digital reality: risks and values/P.Yu. Naumov, S.I. Zakhartsev//Russian Journal of Education and Psychology. — 2024. - T. 15, NO. 4. - S. 112-138. — DOI 10.312/us1141-8796. (In Russ.)

[7] Tobia, K. Psychology and Jurisprudence across the Curriculum / K. Tobia // The Cambridge

Handbook of Experimental Jurisprudence. — Cambridge University Press, 2025. — P. 59-92.

[8] Almazov, B.N. Personality in the legal field/ B.N. Almazov, A.S. Vasilyeva. - Moscow: Yurayt, 2024. — 149 c. (In Russ.)

[9] Zamishchak, M. I. Zazimozv'yazok profesionally kultury that morally samosvi domost u pigotovtsi maybutnikh lawyer/M. I. Zamishchak//Naukoviy visnik Uzhgorod national university. Seriya: Psychology. — 2025. — № 4. - S. 97-102. — DOI 10.32782/psy-visnyk/2025.4.15. (In Russ.)

[10] Jones, E. Legal wellbeing pedagogy: a new model for promoting wellbeing in law schools / E. Jones, C. Strevens, R. Field // European Journal of Legal Education. — 2025 (accepted for publication).

[11] Petrazhitsky, L.I. Theory of law and state in connection with the theory of morality/L.I. Petrazhitsky. - St. Petersburg: Doe, 2000. — 608 c. (In Russ.)

[12] Sorokin, P.A. Elementary textbook of the general theory of law in connection with the theory of state/P.A. Sorokin. - Yaroslavl: Publishing House of the Yaroslavl Credit Union, 1919. — 236 c. (In Russ.)

[13] Engalychev, V.F. Forensic psychological examination: methodological problems and development prospects/V.F. Engalychev//Applied legal psychology. — 2022. — № 3 (56). - S. 19-28. (In Russ.)

[14] Diev, V.S. Uncertainty, Risk and Decision Making in an Interdisciplinary Context/V.S. Diev// Siberian Philosophical Journal. — 2019. - T. 17, NO. 4. - S. 41-52. — DOI 10.25205/2541-7517-2019-17-4-41-52. (In Russ.)

[15] Zakhartsev, S.I. The sovereignty of the Russian legal system as a significant property of its moral and axiological assessment/S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov//Morality and humanism in law and culture: a collection of articles. - St. Petersburg: St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute, 2024. - S. 45-61. (In Russ.)

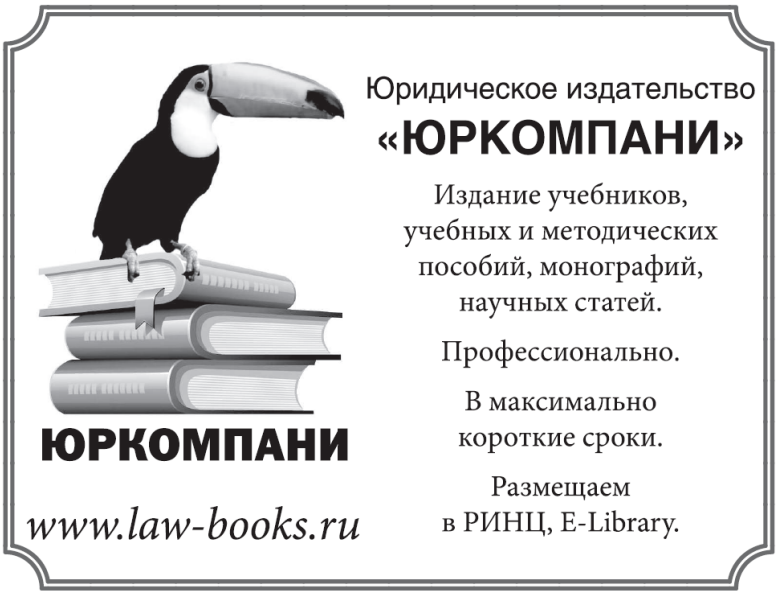
[16] Lang, P.P. Development of a diagnostic system for the formation of the axiological identity of future lawyers/P.P. Lang//Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society. — 2025. — № 4. - S. 29-35. — DOI 10.18137/RNU.HET.25.04.P.029. (In Russ.)

[17] Luzgin, I.I. On some modern aspects of the modernization of higher education in the training of law students/I.I. Luzgin//Legal education and science. — 2007. — № 2. - S. 2-6. (In Russ.)

[18] Naumenko, E.A. Legal psychology: textbook/E.A. Naumenko. - Tyumen: Tyumen State University, 2003. — 140 c. (In Russ.)

[19] Nersesyants, A.V. The concept of psychoanalytic jurisprudence A.A. Ehrenzweig: autoref. dis.... cand. jur. Sciences/A.V. Nersesyants. - Moscow, 2024. — 28 c. (In Russ.)

[20] Legal Education for Wellbeing: Design, Delivery and Evaluation. — London: Taylor & Francis Ltd, 2024. — 158 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-507-514

КАМИНСКИЙ Александр Викторович,
к. ф-м. н., доцент ВШ КЦТ ФГБОУ ВО
Тихоокеанский государственный университет,
Россия, Хабаровск,
e-mail: Ak13636@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые проблемы и перспективы развития дополнительного профессионального образования в современной российской экономике. Актуальность темы обусловлена необходимостью повышения профессиональной компетентности специалистов в условиях динамично меняющегося рынка труда и технологического прогресса. В работе анализируются вопросы обеспечения качества образовательных программ, включая критерии оценки и механизмы контроля. Особое внимание уделяется роли работодателей в формировании спроса на ДПО и развитии образовательных программ. Проводится сравнительный анализ международных тенденций в развитии дополнительного профессионального образования с целью выявления и адаптации лучших практик. Эмпирическая база исследования включает опрос 127 слушателей программ ДПО и 54 представителей предприятий-работодателей, а также контент-анализ 28 образовательных программ ведущих российских вузов. На основе проведенного исследования разработана авторская матрица оценки качества программ ДПО, включающая пять взаимосвязанных блоков: содержательный, организационно-технологический, кадровый, инфраструктурный и результативный. Результаты исследования могут быть использованы при разработке стратегий развития системы ДПО на региональном и федеральном уровнях.*

Ключевые слова: *дополнительное профессиональное образование, ДПО, повышение квалификации, профессиональная переподготовка, непрерывное образование, качество образования, рынок труда, работодатели, цифровизация образования, международный опыт.*

KAMINSKY Alexander Viktorovich,
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Higher School of the Center for Digital Technologies,
Pacific National University, Khabarovsk, Russia

PROBLEMS AND PROSPECTS OF CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION

Annotation. *This article examines key issues and prospects for the development of continuing professional education in the modern Russian economy. The relevance of this topic stems from the need to enhance the professional competence of specialists in a dynamically changing labor market and technological advances. The paper analyzes issues of ensuring the quality of educational programs, including evaluation criteria and control mechanisms. Particular attention is paid to the role of employers in shaping demand for continuing professional education and developing educational programs. A comparative analysis of international trends in the development of continuing professional education is conducted to identify and adapt best practices. The empirical basis of the study includes a survey of 127 students of CPE programs and 54 representatives of employers, as well as content analysis of 28 educational programs of leading Russian universities. Based on the research, an original quality assessment matrix for CPE programs has been developed, including five interconnected blocks: content, organizational-technological, personnel, infrastructure, and performance. The research results can be used in developing strategies for the CPE system at regional and federal levels.*

Key words: *additional vocational education, continuing professional education, advanced training, professional retraining, lifelong learning, quality of education, labor market, employers, digitalization of education, international experience.*

Введение

Рынок труда последних лет показывает устойчивую тенденцию: профессиональные компетенции устаревают быстрее, чем когда-либо. Технологические сдвиги, усиление конкуренции, появление новых профессий и исчезновение традиционных специальностей заставляют работников постоянно обновлять знания и навыки. ДПО из факультативного элемента карьеры превращается в обязательное условие профессионального выживания.

При этом сама система ДПО сталкивается с серьёзными трудностями. Качество программ часто не соответствует запросам рынка. Работодатели остаются на периферии образовательного процесса, хотя именно они понимают, какие компетенции нужны производству. Международный опыт учитывается фрагментарно, без системного анализа механизмов, которые доказали свою эффективность за рубежом.

Задача настоящего исследования – выявить болевые точки системы ДПО и определить, за счёт каких инструментов можно повысить её эффективность.

Научная новизна работы заключается в разработке комплексной матрицы оценки качества программ ДПО, которая объединяет пять взаимосвязанных блоков: содержательный (актуальность и востребованность компетенций), организационно-технологический (форматы и методы обучения), кадровый (квалификация преподавателей), инфраструктурный (материально-техническая база) и результативный (трудоустройство и карьерный рост выпускников). В отличие от существующих подходов, ориентированных на формальное соответствие стандартам, предложенная матрица позволяет оценивать реальную рыночную эффективность образовательных программ. Кроме того, на основе анализа опыта Германии, Сингапура и Великобритании выявлены конкретные механизмы вовлечения работодателей в разработку и реализацию программ ДПО, адаптированные к российским институциональным условиям.

Материалы и методы исследования

Эмпирическая база исследования формировалась в три этапа. Первый этап (февраль – апрель 2024 г.) включал опрос слушателей программ ДПО. Выборка составила 127 респондентов из пяти регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Казань). Критерии отбора: завершение программы ДПО в течение последних 12 месяцев, разнообразие профессиональных сфер (IT, образование, здравоохранение, промышленность, финансы). Анкета включала 32 вопроса, сгруппированных в четыре блока: мотивация выбора программы, оценка качества обучения, практическая применимость полученных знаний, влияние обучения на карьеру. Обработка данных проводилась с использованием пакета SPSS Statistics 26.

Второй этап (апрель – июнь 2024 г.) предполагал опрос представителей предприятий-работодателей. Выборка составила 54 респондента – руководители кадровых служб и отделов обучения крупных и средних компаний. Отраслевая структура: промышленность (22%), IT (19%), финансы (18%), образование (15%), здравоохранение (14%), другие сферы (12%). Глубинные интервью длились 45-60 минут, фокусировались на оценке качества подготовки выпускников ДПО, готовности предприятий инвестировать в обучение персонала, барьерах для участия в разработке образовательных программ.

Третий этап (июнь – август 2024 г.) включал контент-анализ образовательных программ ДПО. Проанализировано 28 программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки восьми ведущих российских вузов (МГУ, НИУ ВШЭ, СПбГУ, УрФУ, ИТМО, РАНХиГС, МГТУ им. Баумана, КФУ). Параметры анализа: объём программы, соотношение теории и практики, использование активных методов обучения, наличие стажировочного компонента, участие работодателей в разработке и реализации, стоимость обучения, показатели трудоустройства выпускников. Данные собирались из открытых источников (сайты вузов, отчёты о самообследовании) и уточнялись через запросы в образовательные организации.

Для анализа зарубежного опыта использовались документы OECD, UNESCO, CEDEFOP за 2020-2024 годы, статистические данные национальных образовательных агентств Германии, Сингапура, Великобритании, Южной Кореи, научные публикации из баз Scopus и Web of Science.

Методологический инструментарий включал: структурированный опрос (анкетирование), глубинное интервью, контент-анализ документов, сравнительно-сопоставительный анализ, статистические методы (описательная статистика, корреляционный анализ, кластеризация данных).

Результаты и обсуждения

Анализ существующих подходов к оценке качества программ ДПО показал их существенную ограниченность. Большинство методик сводится к проверке формальных параметров: наличие лицензии, соответствие учебных планов образовательным стандартам, квалификация преподавательского состава. Безусловно, эти параметры важны, однако они не отвечают на главный вопрос:

насколько выпускник программы готов решать реальные профессиональные задачи и востребован ли он на рынке труда?

Опрос слушателей ДПО выявил интересную закономерность. 68% респондентов отметили, что при выборе программы ключевым фактором была рекомендация работодателя или коллег, уже прошедших обучение. Лишь 12% ориентировались на формальные показатели вуза (наличие аккредитации, рейтинги). Это говорит о том, что рынок образовательных услуг ДПО функционирует на основе репутационных механизмов, а не формальных сертификатов качества.

Результаты контент-анализа 28 программ ДПО показали значительную вариативность по ключевым параметрам. Доля практических занятий колебалась от 18% до 74% от общего объёма программы. Стажировочный компонент присутствовал только в 11 программах из 28 (39%). Участие представителей предприятий в преподавании зафиксировано в 15 программах (54%), причём в большинстве случаев это были разовые мастер-классы, а не системная работа.

Корреляционный анализ выявил статистически значимую связь ($r=0,67$, $p<0,01$) между долей практических занятий в программе и удовлетворённостью выпускников качеством обучения. Аналогичная зависимость обнаружена между наличием стажировочного компонента и успешностью трудоустройства по специальности ($r=0,61$, $p<0,01$).

На основе полученных данных разработана матрица оценки качества программ ДПО, включающая пять блоков (*таблица 1*).

Таблица 1. Матрица оценки качества программ ДПО

Блок оценки	Критерии	Индикаторы	Вес блока
1. Содержательный	Актуальность компетенций; соответствие запросам работодателей; инновационность содержания	Доля компетенций, включённых в профессиональные стандарты; участие работодателей в формировании учебного плана; обновление содержания (не реже 1 раза в 2 года)	25 %
2. Организационно-технологический	Доля практических занятий; использование активных методов обучения; гибкость форматов; цифровые технологии	Соотношение теория/практика (не менее 40% практики); наличие кейсов, деловых игр, проектов; возможность модульного обучения; доступность онлайн-ресурсов	20 %
3. Кадровый	Квалификация преподавателей; опыт практической работы; вовлечённость экспертов-практиков	Доля преподавателей с учёной степенью; стаж работы по специальности (не менее 5 лет); доля занятий, проводимых экспертами-практиками (не менее 30%)	15 %
4. Инфраструктурный	Материально-техническая база; доступность учебных ресурсов; условия для стажировок	Наличие современного оборудования, лабораторий; электронная библиотека; партнёрские соглашения с предприятиями для стажировок	15 %
5. Результативный	Трудоустройство выпускников; карьерный рост; удовлетворённость работодателей	Доля выпускников, трудоустроенных по специальности в течение 6 месяцев (не менее 70%); рост зарплаты после обучения; оценка работодателями компетенций выпускников	25 %

Предложенная матрица апробирована на выборке из 28 программ. Кластерный анализ позволил выделить три группы программ: высокого качества (4 программы, 14%), среднего качества (17 программ, 61%), низкого качества (7 программ, 25%). Программы высокого качества характеризовались комплексным подходом: сбалансированное содержание, активные методы обучения, тесная связь с работодателями, высокие результаты трудоустройства (более 80% выпускников).

Таким образом, переход от формальной оценки к анализу рыночной эффективности программ ДПО позволяет более точно определять качество образовательных услуг и формировать обоснованные рекомендации для их совершенствования [2, с. 79].

Опрос представителей предприятий выявил парадоксальную ситуацию. С одной стороны, 87% респондентов заявили о потребности в квалифицированных кадрах, прошедших обучение по программам ДПО. С другой стороны, только 31% предприятий активно участвуют в разработке и реализации таких программ. Основные барьеры: отсутствие времени у специалистов предприятий (54%), непонимание механизмов взаимодействия с образовательными организациями (38%), отсутствие финансовых стимулов (34%).

При этом 76% работодателей отметили, что готовы предоставлять базы для стажировок, 62% – участвовать в разработке учебных планов, 48% – направлять своих специалистов для преподавания. Эти данные свидетельствуют о наличии потенциала для развития партнёрства, который пока не реализуется в полной мере.

Глубинные интервью позволили выявить конкретные ожидания работодателей от программ ДПО. Руководители кадровых служб промышленных предприятий подчёркивали потребность в программах, ориентированных на конкретное оборудование и технологии, используемые на их производстве. Представители IT-компаний говорили о необходимости быстрого обновления содержания программ (раз в 6-12 месяцев), что связано с высокой скоростью технологических изменений в отрасли. Работодатели из сферы финансов акцентировали внимание на развитии не только профессиональных, но и надпрофессиональных компетенций (критическое мышление, коммуникации, работа в команде) [7, с. 151].

Анализ зарубежного опыта позволил выделить три модели участия работодателей в системе ДПО, которые могут быть адаптированы к российским условиям (*таблица 2*).

Наиболее перспективной для российских условий представляется адаптация германской модели с элементами сингапурского опыта. Пилотный проект может быть реализован в промышленных регионах с участием крупных предприятий, имеющих потребность в постоянном повышении квалификации персонала. Государственная поддержка в форме налоговых льгот (снижение налоговой базы по налогу на прибыль на сумму расходов на обучение с коэффициентом 1,5) стимулирует работодателей к активному участию. Обязательная стажировка на предприятии обеспечивает практическую направленность обучения [4, с. 11].

Важным элементом является создание отраслевых советов по квалификациям при торгово-промышленных палатах. Эти структуры могут выполнять роль посредников между образовательными организациями и работодателями, разрабатывать профессиональные стандарты с учётом региональной специфики, координировать программы ДПО [5, с. 81].

Результаты опроса показали, что 64% работодателей готовы участвовать в работе таких советов, если будут чётко определены их функции и механизмы взаимодействия. Это подтверждает реалистичность предлагаемого подхода.

Анализ международных тенденций в развитии ДПО показал, что цифровизация образовательного процесса – это не самоцель, а инструмент решения конкретных задач: расширение доступности обучения, персонализация образовательных траекторий, снижение издержек.

Данные OECD за 2023 год свидетельствуют о значительном росте рынка онлайн-образования в сфере ДПО. В странах OECD доля программ с использованием дистанционных технологий выросла с 34% в 2019 году до 68% в 2023 году [3, с. 500]. Однако исследования UNESCO показывают, что эффективность дистанционного обучения существенно варьируется в зависимости от профессиональной сферы. Для IT-специалистов, маркетологов, финансистов онлайн-формат показывает результаты, сопоставимые с очным обучением (разница в усвоении материала составляет 3-5%). Для профессий, требующих развития практических навыков работы с оборудованием (медицина, инженерия, промышленность), дистанционный формат менее эффективен (разница в усвоении материала достигает 25-30%).

Опрос слушателей ДПО в России показал схожие тенденции. 72% респондентов из сферы IT и финансов положительно оценили онлайн-формат обучения, отмечая его гибкость и возможность совмещать работу и учёбу. В то же время 81% респондентов из промышленной сферы и здравоохранения указали на недостаток практических занятий в онлайн-программах и выразили предпочтение очному или смешанному формату.

Интересный опыт накоплен в Сингапуре, где внедрена система микроквалификаций (micro-

Таблица 2. Зарубежные модели вовлечения работодателей в систему ДПО

Страна	Модель	Механизмы	Эффекты	Возможности адаптации в РФ
Германия	Дуальная система повышения квалификации	Совместное финансирование обучения работодателем и государством (50/50); обязательная стажировка на предприятии (не менее 40% времени); участие работодателей в итоговой аттестации	89% выпускников трудоустроены по специальности; высокая удовлетворённость работодателей качеством подготовки (92%)	Пилотные проекты в промышленных регионах (Урал, Сибирь) с участием крупных предприятий; налоговые льготы для предприятий-участников
Сингапур	Система отраслевых советов по квалификациям	Советы разрабатывают профессиональные стандарты и образовательные программы; государство финансирует до 90% стоимости обучения по приоритетным программам; индивидуальные образовательные счета для работников	Высокая скорость реагирования на изменения рынка труда; 78% работников регулярно проходят обучение	Создание отраслевых советов при торгово-промышленных палатах; внедрение системы образовательных сертификатов (ваучеров) для работников
Великобритания	Схема ученичества Apprenticeship Levy)	Обязательный взнос работодателей (0,5% от фонда оплаты труда) в фонд профессионального обучения; работодатели используют средства для обучения персонала по утверждённым программам	Рост инвестиций в обучение персонала на 34%; увеличение числа работников, проходящих обучение, на 28%	Введение обязательных отчислений крупных предприятий (от 100 сотрудников) в региональные фонды ДПО; целевое использование средств только на обучение

credentials). Это короткие модульные программы объёмом 36-72 часа, дающие конкретные профессиональные навыки. После завершения модуля слушатель получает цифровой сертификат, который признаётся работодателями и может быть зачтён при поступлении на более длительную программу. Статистика Министерства образования Сингапура показывает, что 84% работников, прошедших обучение по системе микроквалификаций, применили полученные навыки на практике в течение трёх месяцев. Для сравнения: этот показатель для традиционных длительных программ ДПО составляет 62% [8, с. 423].

В Великобритании действует национальная рамка квалификаций (RQF – Regulated Qualifications Framework), которая позволяет сравнивать и признавать квалификации, полученные в разных образовательных организациях и странах. Рамка включает девять уровней – от начального (Entry Level) до докторантуры (Level 8). Программы ДПО соответствуют уровням 4-7. Работодатели могут легко оценить квалификацию кандидата, понимая, какому уровню RQF соответствует его образование. Это повышает прозрачность рынка труда и стимулирует работников к непрерывному обучению.

Германия развивает систему валидации неформального и информального обучения (VPL – Validation of Prior Learning). Человек, получивший знания и навыки вне формальной системы образования (на рабочем месте, через самообразование, волонтёрскую деятельность), может

пройти процедуру оценки и получить официальный сертификат, эквивалентный диплому об окончании программы ДПО. Исследование Федерального института профессионального образования Германии (BIBB) показало, что 43% работников имеют компетенции, которые не подтверждены формальными документами. Внедрение системы VPL позволяет использовать этот потенциал более эффективно [1, с. 85].

Южная Корея реализует концепцию «университетов третьего возраста» – специализированных программ ДПО для людей старше 50 лет. Демографическое старение населения и рост продолжительности активной трудовой жизни делают эту категорию работников значимой для экономики. Программы включают не только профессиональную переподготовку, но и развитие цифровых навыков, адаптацию к новым технологиям. Данные Министерства труда Южной Кореи свидетельствуют, что работники старше 50 лет, прошедшие обучение, остаются на рынке труда в среднем на 4,5 года дольше, чем их сверстники без дополнительного образования.

Что касается финансирования ДПО, международная практика демонстрирует разнообразие моделей. В скандинавских странах (Швеция, Норвегия, Дания) доминирует государственное финансирование – до 80% расходов на ДПО покрывается из бюджета. В англосаксонских странах (США, Великобритания, Австралия) преобладает смешанная модель: государство финансирует базовые программы, работодатели и сами обучающиеся доплачивают за специализированные курсы. В азиатских странах (Сингапур, Южная Корея, Япония) активно используются индивидуальные образовательные счета (ИОС) – государство перечисляет на счёт каждого работника определённую сумму (от 500 до 3000 долларов в год), которую можно потратить только на обучение по утверждённым программам [6, с. 30].

Для России наиболее реалистичной представляется смешанная модель с акцентом на стимулирование корпоративных инвестиций в обучение персонала через налоговые преференции и развитие системы образовательных сертификатов (ваучеров) для отдельных категорий работников (молодые специалисты, работники предпенсионного возраста, занятые в приоритетных отраслях).

Контент-анализ российских программ ДПО показал, что элементы зарубежного опыта внедряются фрагментарно. Модульный подход используется в 18 программах из 28 (64%), однако модули часто не имеют самостоятельной ценности и не могут изучаться отдельно. Цифровые технологии применяются в 24 программах (86%), но в большинстве случаев это простое размещение материалов в электронной среде, а не полноценные интерактивные инструменты. Система признания неформального обучения отсутствует практически везде – ни одна из проанализированных программ не предусматривает механизмов зачёта предшествующего опыта.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить ключевые проблемы системы дополнительного профессионального образования в России и определить перспективные направления её развития.

Во-первых, разработанная авторская матрица оценки качества программ ДПО, включающая пять взаимосвязанных блоков (содержательный, организационно-технологический, кадровый, инфраструктурный, результативный), позволяет переориентировать систему контроля качества с формальных критериев на реальную рыночную эффективность. Апробация матрицы на выборке из 28 программ показала её диагностическую ценность: выделены три группы программ по уровню качества, выявлены статистически значимые связи между параметрами программ и результатами обучения. Внедрение матрицы в практику аккредитационных агентств и самих образовательных организаций может существенно повысить качество программ ДПО.

Во-вторых, анализ данных опроса 54 представителей предприятий-работодателей выявил парадокс: при высокой декларируемой потребности в квалифицированных кадрах (87% респондентов) уровень реального участия работодателей в разработке и реализации программ ДПО остаётся низким (31%). Основные барьеры носят организационный, а не принципиальный характер. Адаптация зарубежного опыта (германская дуальная модель, сингапурские отраслевые советы, британская схема обязательных отчислений) с учётом российской специфики может существенно усилить роль работодателей в системе ДПО. Конкретные механизмы включают: налоговые льготы для предприятий-участников (коэффициент 1,5 к расходам на обучение при исчислении налоговой базы), создание отраслевых советов по квалификациям при ТПП, введение обязательных отчислений крупных предприятий (от 100 сотрудников) в региональные фонды ДПО.

В-третьих, сравнительный анализ международных тенденций показал, что успешные системы ДПО характеризуются не просто использованием цифровых технологий, а комплексным подходом: гибкие модульные программы, признание неформального обучения, адаптация форматов к специфике профессиональных сфер, смешанные модели финансирования. Прямой перенос зару-

бежного опыта невозможен, однако отдельные механизмы могут быть адаптированы: система микроквалификаций (короткие модульные программы 36-72 часа), индивидуальные образовательные счета для целевых категорий работников, валидация неформального обучения через процедуру профессионального экзамена.

В-четвёртых, эмпирические данные опроса 127 слушателей ДПО показали, что ключевыми факторами удовлетворённости обучением являются практическая направленность программы (доля практических занятий не менее 40%), участие экспертов-практиков от предприятий (не менее 30% занятий), наличие стажировочного компонента. Корреляционный анализ выявил статистически значимую связь между этими параметрами и успешностью трудоустройства выпускников ($r=0,61-0,67$, $p<0,01$). Следовательно, повышение качества программ ДПО требует не столько наращивания объёмов обучения, сколько изменения его структуры и методов.

Решение выявленных проблем требует скоординированных действий на трёх уровнях. Федеральный уровень: совершенствование нормативно-правовой базы (введение налоговых стимулов для работодателей, разработка национальной рамки квалификаций, законодательное закрепление механизмов валидации неформального обучения), выделение целевого финансирования на создание отраслевых советов и пилотные проекты по внедрению новых моделей. Региональный уровень: создание инфраструктуры взаимодействия образовательных организаций и работодателей (региональные координационные центры ДПО, отраслевые советы при ТПП), формирование региональных фондов профессионального обучения за счёт отчислений крупных предприятий. Уровень образовательных организаций: внедрение матрицы оценки качества программ ДПО, увеличение доли практических занятий и стажировок, привлечение экспертов-практиков к преподаванию, развитие модульных программ и микроквалификаций, внедрение цифровых технологий с учётом специфики профессиональных сфер.

Дальнейшие исследования целесообразно сосредоточить на разработке механизмов финансирования системы ДПО (оптимальное соотношение государственных, корпоративных и частных инвестиций), изучении барьеров для участия малых и средних предприятий в развитии ДПО (в настоящем исследовании акцент был сделан на крупный бизнес), оценке долгосрочных эффектов обучения по программам ДПО (влияние на карьеру, заработную плату, профессиональную мобильность в течение 3-5 лет после окончания обучения).

Список литературы:

[1] Абрамовских Т.А. Организация управленческой поддержки педагога в освоении современных образовательных технологий // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 7. Ч. 4. С. 84-90.

[2] Волошина, И.А. Повышение конкурентоспособности университета средствами дополнительного образования / И.А. Волошина // Университет XXI века в системе непрерывного образования: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2016 г. С. 74-80.

[3] Герасимов М.В. Психолого-педагогическая безопасность в системе профессионального обучения: вызов современности и инновационные решения // Образование и право. 2025. № 7. С. 499–504.

[4] Ковалев В. А. Система дополнительного профессионального образования: основные проблемы и перспективы развития // Профессиональное образование в России и за рубежом, 2014 г. С. 8-13.

[5] Осадчая, О. С. Интеграция стратегий маркетинг 5.0 и Web 3.0 в управление потребительским поведением онлайн-рынка дополнительного профессионального образования / О. С. Осадчая // Фундаментальные исследования. 2024. № 3. С. 77-82.р

[6] Осадчая, О. С. Применение современных цифровых маркетинговых инструментов для управления поведением потребителей онлайн-услуг дополнительного профессионального образования / О. С. Осадчая // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2023. № 2(106). С. 27-37.

[7] Попкова, Е.Г. Дополнительное образование в вузах России (на примере Волгоградского государственного технического университета) / Е.Г. Попкова, В.В. Шеховцов, Е. И. Новакова // Интернационализация современного российского образования: материалы междунар. науч.-практ. конф. (7-9 окт. 2010 г.). Воронеж, 2010. С. 150-155.

[8] Родионова В. А. Использование метода экспертной оценки в ходе изучения основ управления проектами в вузе // Педагогический журнал, 2022 г. С. 421-427.

[9] Середа Е.В., Колечкин И.С. Дифференциация явлений «межпредметная тема», «межпредметный урок» и «урок-интеграция (интегративный урок)» (на примере занятий по дисциплине «Страноведение») //Современное профессиональное образование. 2025. № 6. С. 37-40.

[10] Черкашина, Е. Л. Изучающее чтение как ведущий вид речевой деятельности при обучении языку специальности иностранных магистран-

тов (на материале текстов архитектурно-строительного профиля) / Е. Л. Черкашина // Современное педагогическое образование. 2022. № 8. С. 69–75.

References:

[1] Abramovsky T.A. Organization of managerial support for the teacher in the development of modern educational technologies//Modern research and innovation. 2015. № 7. PART 4. C. 84-90.

[2] Voloshin, I.A. Increasing the competitiveness of the university by means of additional education/I.A. Voloshin//University of the XXI century in the system of continuing education: materials International. scientific-practical. conf. Chelyabinsk, 2016. C. 74-80.

[3] Gerasimov M.V. Psychological and pedagogical safety in the vocational training system: the challenge of modernity and innovative solutions// Education and law. 2025. № 7. S. 499-504.

[4] Kovalev V. A. System of additional vocational education: main problems and development prospects//Vocational education in Russia and abroad, 2014 P. 8-13.

[5] Osadchaya, O. S. Integration of marketing 5.0 and Web 3.0 strategies into consumer behavior management of the online additional professional education market/O. S. Osadchaya//Fundamental research. 2024. № 3. P. 77-82.p

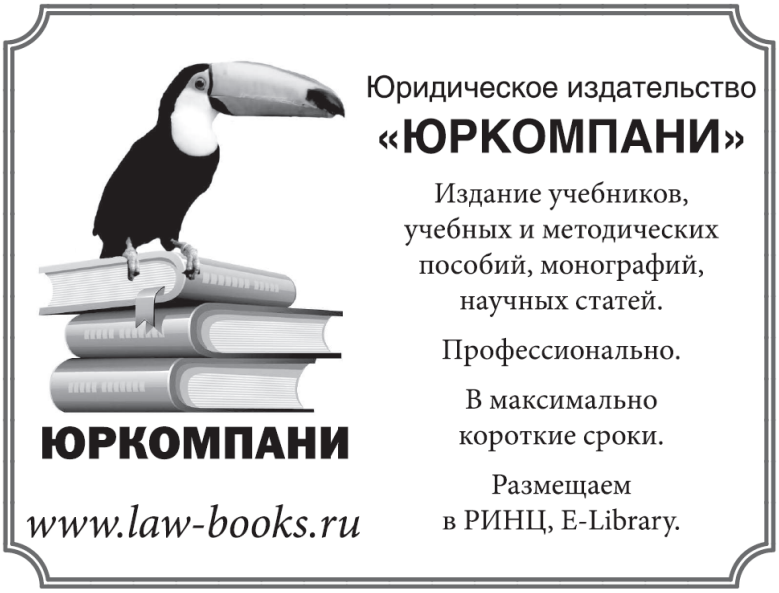
[6] Osadchaya, O.S. The use of modern digital marketing tools to manage the behavior of consumers of online services of additional professional education/O.S. Osadchaya//News of the Far Eastern Federal University. Economics and management. 2023. № 2(106). S. 27-37.

[7] Popkova, E.G. Additional education in Russian universities (on the example of Volgograd State Technical University)/E.G. Popkova, V.V. Shekhovtsov, E.I. Novakova//Internationalization of modern Russian education: materials of international. scientific-practical. conf. (October 7-9, 2010). Voronezh, 2010. S. 150-155.

[8] Rodionova V. A. Use of the expert assessment method in the course of studying the basics of project management at the university//Pedagogical Journal, 2022 P. 421-427.

[9] Sereda E.V., Kolechkin I.S. Differentiation of the phenomena “interdisciplinary topic,” “interdisciplinary lesson” and “lesson-integration (integrative lesson)” (on the example of classes in the discipline “Country Studies”)//Modern vocational education. 2025. № 6. S. 37-40.

[10] Cherkashina, E. L. Studying reading as a leading type of speech activity in teaching the language of the specialty of foreign undergraduates (based on the texts of the architectural and construction profile)/E. L. Cherkashina//Modern pedagogical education. 2022. № 8. S. 69-75.



Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-515-522

ГОРДЕЙ Яна Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правового обеспечения
законности и контрольно-надзорной деятельности
Института правоведения Российский государственный
гуманитарный университет (ФГАОУ ВО «РГГУ»), г. Москва,
e-mail: yanochkagordei@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТРАТЕГИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые теоретико-практические положения по реализации государственной концепции в образовательной среде Высшей школы России, направленные на модернизацию патриотического воспитания молодежи в целом в РФ и, в частности, обучающихся в высшей юридической образовательной среде. Актуальность исследования состоит в том, что теоретические основы патриотического воспитания определяют правильный и модернизированный комплекс воспитательных мероприятий, направленных на модернизацию патриотизма в рамках образовательной деятельности вузов Российской Федерации профильного характера (гражданская и ведомственная Высшие школы России).*

Ключевые слова: *патриотизм, обучающийся, Россия, модуль, мероприятие, государство, религия, план, воспитание, любовь, закон.*

GORDEY Yana Vladimirovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor,
Department of Legal Support of Legality and Supervisory Activities, Institute of Law,
Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow

TOPICAL ISSUES OF PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH IN THE EDUCATIONAL LEGAL ENVIRONMENT OF MODERN RUSSIA: A STRATEGY FOR IMPLEMENTING STATE POLICY

Annotation. *This article examines some theoretical and practical provisions for implementing the state concept in the educational environment of Russian higher education institutions, aimed at modernizing the patriotic education of young people in the Russian Federation in general and, in particular, students studying law in higher education. The relevance of this study lies in the fact that the theoretical foundations of patriotic education define an appropriate and modernized set of educational activities aimed at modernizing patriotism within the educational activities of specialized Russian universities (civil and departmental higher education institutions of the Russian Federation).*

Key words: *patriotism, student, Russia, module, event, state, religion, plan, education, love, law.*

Актуальность

Актуальность настоящего исследования состоит в том, что патриотическую воспитательную работу необходимо модернизировать под государственный запрос РФ, основывающийся на глобальных и устойчивых положениях развития современного российского гражданского общества, российского законодательства и политики российского государства, учитывая официальные исследования молодежного подхода к определению российского патриотизма, признанные Президентом РФ.

Написание научных изысканий в сфере патриотического воспитания молодежи реализует задачи, направленные на обмен опыта и формирования, новых и востребованных государством подходов к совершенствованию патриотической воспитательной деятельности студентов высшего образования, а также распространение научного и педагогического опыта по воспитанию патриотизма в Российской Федерации.

Целью исследования выступает рассмотрение актуальных вопросов патриотического воспитания молодежи в образовательной юридической среде России.

Задачи: установить основные тренды государственной политики по патриотическому воспитанию молодежи в России.

Методология исследования представлена диалектическим методом, формально-логическим методом, методом правового прогнозирования, методами анализа и синтеза.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Результаты

В рамках образовательного процесса педагоги обязаны направлять свои ресурсы на формирование чувства патриотизма у студентов-юристов, которые должны понимать и осознавать, что в своей профессиональной деятельности они обязаны руководствоваться наряду с нормативно-правовыми актами РФ совестью, порядочностью, справедливостью, неподкупностью, беспристрастностью, добросовестностью, честностью, этичностью, вежливостью, жертвенностью, гуманностью и состраданием. Готовым жертвовать своими желаниями, личной жизнью, досугом, ставя в приоритет Службу Родине, российскому народу, относясь с любовью к природе, к культуре, к искусству, к религии, к родному языку, к своим традициям и почитаниям.

Выводы

Познание ключевых государственно-национальных положений по патриотическому воспитанию позволит нам усовершенствовать, актуализировать модульную учебную, научную и воспитательную деятельность в образовательных учреждениях РФ независимо от профиля и специальностей обучающихся, в частности направить ее на студентов, получающих юридическое высшее образование. Воспитание патриотизма молодежи в образовательной среде РФ имеет стратегическое значение для формирования настоящего и будущего молодого поколения России, как проявление любви к Родине в двухуровневом направлении по модульным позициям. Государственные установки на устойчивое развитие Российской Федерации основополагающе заложены в Конституции РФ и представлены Президентом РФ Владимиром Владимировичем Путиным и Правительством РФ. Официальные правовые акты Президента РФ закрепляют бесспорные и не подлежащие критике, обязательные для исполнения, Национальные стратегии развития российского государства по направлениям цифровой трансформации, искусственного интеллекта, а также по сохранению, развитию и укреплению патриотизма и традиционных духовно-нравственных ценностей в обществе в целом и, особенно, в молодежной среде.[1]

Глава российского государства обозначил приоритетные направления - пути каждой государственной национальной концепции по устойчивому развитию российского государства, а также обозначил инструменты по их обеспечению и продвижению (реализации) в настоящем и с перспективой на будущее, которые, особенно, Высшая школа России не имеет право пренебрегать и не исполнять.

Традиционные ценности и государственные установки по работе с молодежью России и в целом в обществе, требующие внимания обозначены императивно действующим Президентом России - В.В. Путиным, и не подлежат пересмотру без Высшего государственного волеизъявления [1, с. 361]. Согласно положениям основного Закона РФ (Конституции РФ), дети (молодежь) являются особой ценностью и приоритетом для устойчивого развития Российской государственности, которая находит свое конституционное развитие в сферах

[1] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 03.04.2025); Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. // 1Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_380244/ (дата обращения: 03.04.2025); Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 03.02.2026); Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2023 № 568 «О подготовке и проведении празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407359245/ (дата обращения: 03.03.2026); Указ Президента РФ от 16.01.2025 N 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества» [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_496189/ (дата обращения: 03.03.2026).

по духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию, направленному на воспитание патриотизма и гражданственности в молодежной среде.[1]

Россия направляет государственную политику на приоритетность в сохранении исторической правды событий, веры в Бога, на уважение и признание подвига народа при защите Отечества, определяя это как государственное единство в целях патриотического воспитания российского общества, особенно, молодого поколения Российской Федерации, выражающееся их любви к Родине [2, с. 128]. Воспитание молодежи в образовательной среде рассматривается как стратегический общенациональный приоритет государственной российской политики на всех уровнях власти, во всех сферах жизнедеятельности и обучения.

Патриотическое воспитание молодежи является основной и стратегической задачей Российского государства в лице Президента Российской Федерации, Правительства России, министерств и силовых ведомств Российской Федерации, учебных заведений разных уровней, общественных организаций, а также отдельной семьи. Воспитание патриотизма является приоритетным направлением в системе образования в целом, и в частности в Высшей школе и вне зависимости от профилей и специальностей студентов. Патриотическое воспитание – это не одномоментная и не разовая акция (например, приуроченная ко Дню Победы, к 80-летию), а это планомерная, постоянная, разноформатная, разносторонняя воспитательная работа на разных уровнях взаимодействия с молодежью.

Назрела образовательная потребность в том, что патриотическую воспитательную работу необходимо модернизировать под государственный запрос современной России, основывающийся на глобальных и устойчивых положениях развития современного российского гражданского общества, российского законодательства и политики российского государства, учитывая официальные исследования молодежного подхода к определению российского патриотизма, признанные Президентом Российской Федерации.

Следует обратиться к рассмотрению теоретических положений по реализации государственной концепции в образовательной среде Высшей школы России, направленные на патриотическое воспитание молодежи в целом в РФ и, в частности, обучающихся в высшей юридической образовательной среде. Государственные основы политики по воспитанию патриотизма в рамках сохранения и укрепления, традиционных духовно-нравственных ценностей России по Указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. N 809, обязывают образовательные учреждения всех уровней, особенно Высшей школы России, представлять и реализовывать соответствующие меры в области обучения, воспитания, культуры и науки.[2] Иными словами, патриотическое воспитание молодежи, это целый комплекс мероприятий по работе с молодежью вузов Российской Федерации, в рамках проведения с их участием научных исследований, построения учебного процесса в целом, и разноплановое (модульное) воспитание обучающихся, особенно. Таким образом, познание ключевых государственно-национальных положений по патриотическому воспитанию позволит нам усовершенствовать, актуализировать модульную учебную, научную и воспитательную деятельность в образовательных учреждениях России независимо от профиля и специальностей обучающихся, в частности направить ее на студентов, получающих юридическое высшее образование.

Необходимо стратегически правильно выстраивать, определять, организовывать образовательную деятельность Высшей школы Российской Федерации в соответствии с национальными концепциями – приоритетами России. Каждое учреждение (организация) Высшего образования России должно, в первую очередь, определить единообразную вузовскую политику по модернизации воспитательной деятельности обучающихся в рамках государственного патриотизма вне зависимости от профилей и специальностей их обучения, во вторую очередь, определить особенности патриотического воспитания обучающихся с учетом специфики направления их обучения. Воспитательная работа должна проводиться на четырех уровнях: общеуниверситетский, факультетский, кафедральный, групповой по профилю на протяжении всего процесса обучения.

Особое внимание следует обратить на то, что в рамках модернизации патриотического воспитания молодежи в образовательной среде Высшей школы Российской Федерации необходимо уважать и сохранять фундаментальность высшего образования с привлечением инновацион-

[1] Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8/(дата обращения: 03.03.2026).

[2] Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 03.03.2026).

ного подхода, соответствующему нормальному развитию современного молодого общества в России. Иными словами, при определении, при выборе воспитательно-патриотических мероприятий, образующих комплекс вузовских мероприятий на каждый учебный год следует соблюдать баланс между академическими установками молодежного воспитания с интересами и особенностями развития молодого современного поколения РФ. Необходимо на базе любого вуза стратегически правильно выстраивать, определять, организовывать образовательную деятельность в сфере не только воспитания студентов, но и в сфере науки и образования - учебного процесса студентов в соответствии с указанными национально-концептуальными положениями.

В России зародилась патриотическая концепция «глазами молодежи» под названием «10 граней Патриотизма», одобренная Президентом РФ и взятая в основу рабочих программ воспитания молодежи и примерных календарных планов по воспитательной работе от Министерства Просвещения России и Министерства науки и высшего образования России [3, с.45].

Таким образом, зародилась стратегическая концепция под названием «10 граней Патриотизма», состоящая из следующих направлений: спорт, экология, педагогика (образование), культура, медиа, наука, семья, история, волонтерство, служение Отечеству.

В рамках учебного процесса необходимо содействовать, вкладывать в патриотическое воспитание молодежи свое педагогическое участие путем проведения мероприятий, направленных на формирование у студентов – молодежи чувство патриотизма через сохранение духовно – нравственных ценностей России.

Воспитать ценностное отношение к России – это привить нравственные качества, выражающиеся, прежде всего, в таком сложном и многогранном качестве - любви к Родине, которая будет проявляться через любовь народу, проживающему на определенной государственной территории, так и за ее пределами, через любовь к природе, через любовь к культуре, через любовь к здоровому образу жизни, через любовь к религии, через любовь к родному языку, через любовь к обычаям, к семейным и народным традициям, через любовь к всеобщей истории, с целью обеспечения национальной безопасности и сохранения суверенитета, целостности государственной территории, и сохранения всего российского наследия, которое должно вызывать гордость или признание, а также принятие «своего», каким бы оно не было в сознании личности.

Стратегия по патриотическому воспитанию предполагает комплекс воспитательных мероприятий, направленных на воспитание патриотизма по обязательным модулям - направлениям, сформулированного в календарном плане воспитательной работы конкретного вуза России. Календарный план воспитательной работы ВО (далее КПВР) – это локальный акт (документ), содержащий комплекс модульных мероприятий образовательного учреждения (организации) высшего образования РФ, направленный на реализацию патриотического воспитания обучающихся с целью сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей России.[1] Иными словами, КПВР вуза России – это «лицо» конкретной Высшей школы России, обязанное реализовывать государственную политику РФ по патриотическому воспитанию молодежи в целях сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей России.

Модернизация воспитательной работы по патриотизму достижима путем определения стратегии патриотического воспитания по включению мероприятий. Виды, объем, и содержание которых зависят от географии расположения образовательного учреждения (место нахождения вуза определяет выбор мероприятий), от локального вузовского регулирования, от специфики направления обучения, финансирования и от обеспечения безопасности студентов в рамках проведения мероприятий по воспитанию патриотизма в молодежной среде. Государственные мероприятия и исследования, проводимые в РФ, за последние пять лет, особенно 2025 года, позволяют обозначить современный подход к пониманию и содержанию патриотического воспитания, определив ключевые и обязательные положения и направления в воспитании патриотизма молодого поколения.

Воспитание молодого поколения Высшей школы, всех без исключения, должно быть направлено на воспитание патриотизма в духовно-нравственных российских традициях, необходимых для формирования ПАТРИОТИЗМА российской молодежи, в современном государственном понимании.

Таким образом, российское государство определяет единство, неделимость патриотического воспитания и обучения в образовательных организациях РФ, задает обязательные для

[1] КПВР должен быть структурирован, то есть иметь форму и содержание по правилам оформления локальных актов организации (титульный лист, план – структура: введение – актуальность, цель и задачи, модули – направления и их краткое описание), календарный план мероприятий в табличном формате может быть представлен по датам, по месяцам или по модулям (направлениям), с указанием наименования мероприятия и организатора, формы и формата его проведения, количества участников).

исполнения требования к совершенствованию воспитательной работы с молодежью по формированию у студентов чувства патриотизма в соответствии с лучшими российскими духовно-нравственными традициями, с обязательным взаимодействием духовности и образования в вузах РФ. Иными словами, российский патриотизм в государственном понимании невозможен без определения отношения молодежи к религии и к Богу.

Лидер современного Российского государства определяет, что национальная идея патриотизма невозможна без развития духовности в обществе. Патриотизм представляется, как явление национальной духовности, определяющее уникальность и традиционность российского народа. Духовные российские лидеры говорят о необходимости воспитания у молодежи искренней любви к Родине, к Богу, к ближнему своему. По мнению Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, именно вера в Бога является стержнем нашего патриотизма. «Для того, чтобы Россия жила, чтобы она оставалась независимым, свободным, сильным государством, нужно, чтобы молодое поколение было проникнуто не просто идеей отвлеченного патриотизма, а реальной любовью к Отечеству».[1] Верховный муфтий России - Талгат Сафа Таджуддин высказался о необходимости развития духовности, как основы патриотического отношения к своей Родине: «Сегодня мы много говорим о том, какой должна быть наша национальная идеология. Автор считает, что она должна основываться на трех принципах: благодарности и любви к Богу, благодарности и любви к нашим предкам, сохранившим веру и создавшим наше Отечество, и, наконец, благодарности и любви к нашей Отчизне – Святой Руси!».[2]

Российская Федерация является светским государством, признающим христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, которые являются неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, которые оказали и оказывают значительное влияние на формирование традиционных ценностей молодого поколения страны, в том числе и каждого вуза. При всем уважении к мировым религиям Президент РФ отдает неоспоримый приоритет и главенство православию, как основополагающему направлению христианства в становлении и укреплении, именно, традиционных духовных ценностей в России.

В этой связи, бесспорно, в КПВР должен быть сделан акцент на православные религиозные праздники, направленные на развитие традиционных духовных ценностей России. Не следует включать в воспитательный план государственного вуза мероприятия на уровне празднования событий, относящихся к католическим, и направленным на пропаганду чужих традиций. Недопустимо следовать «моде и акцентуации традиций Запада и иных стран», подрывающих национальную безопасность РФ и духовную основу российского молодого поколения, не подходящих для духовной конвергенции Российской Федерацией. Так, День Святого Валентина, 14 февраля, западный праздник - неоднозначный, сомнительный и чуждый для россиян, не должен быть включенным в календарный воспитательный план вуза. В России имеется духовный праздник - День любви, семьи и верности, его отмечает русская Православная церковь, как день памяти святых Петра и Февронии, как эталон для подражания преданной и искренней любви между мужчиной и женщиной. Следует отметить, в положительном смысле слова, КПВР ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)», Владикавказ, 2024, который включил мероприятие 8 июля (социально-культурное) – Празднование Дня семьи, любви и верности. Более того, Указом Президента России еще в 2022 года официально учреждена система семейных государственных праздников - День семьи, любви и верности, День матери, День отца, формируются традиции по их проведению.[3]

Видится, что комплекс воспитательных мероприятий любого вуза должен быть основан на мероприятиях, предложенных в примерных календарных планах воспитательной работы, представленных Министерством Просвещения России и Министерством науки и высшего образования России для высшего образования.[4]

[1] Святейший патриарх Кирилл. Патриотизм – это верность Божественному замыслу о твоей земле и о твоём народе. [Электронный ресурс]. URL: https://pravobraz.ru/patriarx-patriotizm-eto-prezhde-vsego-vernost-bozhestvennomu-zamyslu-o-tvoej-zemle-i-o-tvoem-narode/ (дата обращения: 16.03.2026).

[2] Национальная идеология зиждется на любви к Богу. [Электронный ресурс]. URL: http://beta-press.ru/newsitem/5821 (дата обращения: 16.03.2026).

[3] КПВР 2024–2025 Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)». https://www.skgmi-gtu.ru/ru/

[4] Всероссийская акция «Георгиевская лента»; Всероссийский урок памяти «Георгиевская лента – символ воинской славы»; Ежегодная международная историко-просветительская патриотическая акция «Диктант Победы»; Всероссийская акция, посвященная Дню Героев Отечества; Всероссийская акция «Свеча памяти»; Всероссийская акция «Окна Победы»; Всероссийская патриотическая акция «Поклонимся великим тем годам»; Всероссийская акция памяти «Блокадный хлеб»; Всероссийский молодежный проект по сохранению исторической памяти защитников Отече-

Работа по модернизации воспитания в Высшей школе России должна быть комплексной по сохранению духовно-нравственных ценностей России в целях патриотического воспитания, поскольку является национальным государственным запросом и запросом любого российского Вуза (локальные акты), государственными установками образовательной деятельности РФ, основывающиеся на глобальных положениях развития современного гражданского общества и политики современного российского государства.

Особую роль в приоритетном государственном направлении по патриотическому воспитанию молодежи в Российском государственном гуманитарном университете (далее РГГУ) привнес принятый в августе 2024 года Кодекс академической культуры и этики РГГУ. Указанный локальный акт российского вуза является верным шагом на пути реализации государственной политики воспитания патриотизма молодежи РГГУ.

Кодекс академической культуры и этики РГГУ и Этический кодекс обучающегося РГГУ представляются сводом академических, воспитательных и социальных норм, направленных на формирование у обучающихся РГГУ чувств патриотизма, сопричастности и любви к своему Отечеству, с обязательным сохранением традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Иными словами, вузовская политика РГГУ направлена на развитие и формирование ценностных установок российской молодежи РГГУ по уважению и признанию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, русской культуры, почитанию идеалов служения Отечеству, по воспитанию гражданственности и патриотизма в молодежной образовательной среде Российского государственного гуманитарного университета.[1]

Воспитание обучающихся – неотъемлемая часть образовательного процесса РГГУ (Паритетность обучения и воспитания), в котором преподаватель является полноценным субъектом воспитания и обязательно включен в систему воспитательной работы, что соответствует государственному пониманию участников воспитательной деятельности молодежи.

Патриотическому воспитанию молодежи в высшей образовательной юридической среде России необходимо уделять особое внимание, создавая и развивая концепцию патриотического воспитания в рамках классификации ее на два основных направления, но с учетом универсальных и признанных модулей патриотизма Российским государством [3, с. 45–52].

Юридическая Высшая школа в РФ (гражданская и ведомственная) обязана с особым отношением уделять внимание формированию патриотического воспитания студентов, как особой любви к Родине, в контексте служения Отечеству, несения Правоохранительной службы в российских традициях по сохранению духовно-нравственных ценностей России. Обучение - подготовка студентов-юристов, будущих кадров правоохранительных силовых ведомств, органов государственной власти в контексте патриотизма и духовных ценностей является основой их будущей профессиональной правоохранительной деятельности в Российской Федерации.

Юридические факультеты, институты правоведения, юридические академии, университеты юридического образования обязаны с особым отношением уделять внимание образовательному процессу, направленного на формирование патриотического воспитания студентов – любви к Родине в контексте преданного служения Отечеству и сохранения духовно – нравственных ценностей. Профессия - юрист, особенно, по направлениям - национальной безопасности, правосудия и правоохранительной деятельности, судебная и прокурорская деятельность, подразумевает служить во благо Родине, Отечеству и российскому народу. Можно с уверенностью утверждать, что юридические вузы выпускают патриотов страны особой значимости.

Правоохранительные органы Российской Федерации в своей профессиональной деятельности делают особый акцент на формирование

ства «Верни герою имя»; Всероссийская акция «Огненные картины войны».Например, праздники декабря: 3 декабря: День неизвестного солдата; 5 декабря: Битва за Москву в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. 9 декабря: День Героев Отечества; 12 декабря: День Конституции Российской Федерации.

[1] Этический Кодекс обучающегося РГГУ принимается с целью обеспечения высокого уровня правовой культуры, правосознания и знания этических и морально-нравственных норм всеми участниками образовательного процесса. Понимание миссии РГГУ, его исторических традиций и поддержка его стратегических программ невозможны без обеспечения требований академических прав и свобод, духовно-нравственной и правовой ответственности личности. Приказ И.о. ректора ФГАОУ ВО РГГУ А.В. Логинова «О подготовке и проведения мероприятий на базе РГГУ, посвященных празднованию 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов»; Кодекс академической культуры и этики РГГУ определяет, что «Воспитание обучающихся – неотъемлемая часть образовательного процесса РГГУ (Паритетность обучения и воспитания), в котором преподаватель является полноценным субъектом воспитания и обязательно включен в систему воспитательной работы, что соответствует государственному пониманию участников воспитательной деятельности молодежи». [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.rsuh.ru/student/first-year-student/eticheskiy-kodeks-rggu.php (дата обращения: 03.03.2026).

патриотизма и духовности ведомственного штатного состава. Так, Министром внутренних дел Российской Федерации утверждаются каждые 5 лет план ведомственных мероприятий по реализации государственной программы патриотизма, определивший основные направления деятельности аппаратов по работе с личным составом органов внутренних дел и внутренних войск по патриотическому воспитанию сотрудников, военнослужащих, курсантов и слушателей ведомственных образовательных учреждений [4, с. 271; 5, с. 108].[1]

Органы прокуратуры РФ направляют особое внимание патриотическому воспитанию работников системы российской прокуратуры. По Приказу Генпрокуратуры РФ воспитание патриотизма в прокуратуре России основано на важнейших духовно-нравственных и культурно-исторических ценностях, накопленных историей в процессе жизнедеятельности нашего общества и государства, национального самосознания, почитания государственных символов и общепризнанных национальных святынь.[2] Студенты и выпускники юридически профильных вузов направляются на производственную и преддипломную практики, а также трудоустраиваются в органы государственной власти и в органы местного самоуправления на государственные должности судей, прокуроров, следователей и иных должностных и государственных служащих, направленных профессионально на обеспечение прав личности и служению Родине, как высшей ценности Российской Федерации. Выполнять указанные выше профессиональные правоохранительные обязанности невозможно без патриотического отношения к своей стране, основанного на духовно-нравственных положениях, заложенных на нормативно-правовом уровне РФ, требующих обязательного исполнения. Кодексы профессиональной этики России вышеуказанных «служителей народа и государства», обязывают их при осуществлении правоохранительной деятельности, осознавать нравственную ответственность перед обществом и российским государством, руководствоваться законом и высокими нравственно-этическими принципами.[3]

Заключение

В рамках образовательного процесса педагоги обязаны направлять свои ресурсы на формирование чувства патриотизма у студентов-юристов, которые должны понимать и осознавать, что в своей профессиональной деятельности они обязаны руководствоваться наряду с нормативно-правовыми актами РФ совестью, порядочностью, справедливостью, неподкупностью, беспристрастностью, добросовестностью, честностью, этичностью, вежливостью, жертвенностью, гуманностью и состраданием. Готовым жертвовать своими желаниями, личной жизнью, досугом, ставя в приоритет Службу Родине, Службу российскому народу, относясь с любовью к природе, к культуре, к искусству, к религии, к родному языку, к своим традициям и почитаниям. Патриотическое воспитание молодежи в юридической среде должно быть направлено на формирование готовности несения военной и правоохранительной службы во блага Родине и российскому народу, а также через воспитание гражданского патриотизма, направленного на формирование всеобщего патриотизма, выражающегося в гордости, верности и любви к Родине. Воспитание патриотизма молодежи в образовательной среде РФ имеет стратегическое значение для формирования настоящего и будущего молодого поколения России, как проявление любви к Родине в двухуровневом направлении по модульным позициям. Должное патриотическое воспитание студентов, получающих высшее юридическое образование, дополнительно разрешит проблему качественного юридического образования и обеспечит вузовский механизм по противодействию коррупции (создаст у обучаемых антикоррупционную мотивацию, антикоррупционную этику, антикор-

[1] Приказ МВД России от 27.08.2024 г. № 500 «Об утверждении Положения об организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408270014 (дата обращения: 28.01.2026).

[2] Приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 N 114 (ред. от 21.07.2023) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации». [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_62680/ (дата обращения: 05.03.2026).

[3] Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 года, утвержденный постановлением Всероссийского съезда судей; Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепция воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 года №114, принятый Приказом Генпрокуратуры России; Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих, утвержденный Приказом от 7 июля 2011 года №354 МЧС России; Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации от 26 июня 2020 года №460, утвержденный Приказом МВД России; Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации, утвержденный Минюстом России от 12.08.2019; Кодекс профессиональной этики адвоката от 31 января 2003 года, принятый Всероссийским съездом адвокатов в РФ и другие Кодексы.

рупционный стереотип поведения и п) и по профилактике деструктивного поведения[1] в молодежной среде.

Список литературы:

[1] Норкин, Г. А. Высшее образование России: мировой опыт и повышение уровня суверенитета / Г. А. Норкин // Новеллы права, образования, экономики и управления 2023: материалы IX Международной научно-практической конференции, Гатчина, 24 ноября 2023 года. — Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2024. — С. 360–365.

[2] Жевлакович, С. С. К вопросу о суверенизации национальной системы образования / С. С. Жевлакович // Психология и педагогика служебной деятельности. — 2022. — № 3. — С. 127–135.

[3] Гордей, Я. В. Высшее юридическое образование и воспитание будущих кадров, обеспечивающих законность и правопорядок в Российской Федерации: современный подход и пути его реализации / Я. В. Гордей // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы международной научно-практической конференции, 16 октября 2025 года / под общ. ред. канд. психол. наук, доц. А. С. Душкина, д-ра пед. наук, проф. засл. раб. высш. шк. РФ Н. Ф. Гейжан; сост.: А. М. Моргунов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2025.

[4] Мальцева, Т. В. Психологические технологии и алгоритмы оказания психологической помощи в работе психолога органов внутренних дел Российской Федерации / Т. В. Мальцева // Прикладная психология и педагогика. — 2022. — № 4. — С. 269–282.

[1] Среди основных видов деструктивного поведения среди молодежи можно выделить: Аддиктивное (целенаправленное изменение психического состояния с помощью психоактивных веществ или патологичной фиксации на какой-либо деятельности); Агрессивное (направленное на внешние объекты или на себя. Наиболее частыми проявлениями считаются конфликтность, злословие, давление, принуждение, негативное оценивание, угрозы или применение физической силы); Суицидальное (совокупность поступков, направляемых мотивами и представлениями о лишении себя жизни); Социально-паразитарное (уклонение от общественно полезного труда за счёт манипулирования человеческими потребностями, чувствами, желаниями; Экстремальные увлечения, участие в агрессивных группах, участие в организациях террористического, радикального, экстремистского, анархистского толка, участие в криминогенных субкультурах, подрывающим физическое и психическое здоровье поколения гражданского российского общества, посягая на суверенитет, единство РФ, а также на формирование и развитие здорового гражданского общества России.

[5] Илакавичус, М. Р. Андрагогические основы совершенствования воспитательной работы с сотрудниками МВД России / М. Р. Илакавичус, Л. Т. Бородавко // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 14 декабря 2022 года. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. — С. 107–110.

Spisok literatury:

[1] Norkin, G. A. Vysshee obrazovanie Rossii: mirovoj opyt i povyshenie urovnya suvereniteta / G. A. Norkin // Novelly prava, obrazovaniya, ehkonomiki i upravleniya 2023: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Gatchina, 24 noyabrya 2023 goda. — Gatchina: Gosudarstvennyj institut ehkonomiki, finansov, prava i tehnologij, 2024. — S. 360–365.

[2] Zhevlakovich, S. S. K voprosu o suverenizacii nacional'noj sistemy obrazovaniya / S. S. Zhevlakovich // Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti. — 2022. — № 3. — S. 127–135.

[3] Gordej, Ya. V. Vysshee yuridicheskoe obrazovanie i vospitanie budushchih kadrov, obespechivayushchih zakonnost' i pravoporyadok v Rossijskoj Federacii: sovremennyj podhod i puti ego realizacii / Ya. V. Gordej // Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 16 oktyabrya 2025 goda / pod obshch. red. kand. psihol. nauk, doc. A. S. Dushkina, d-ra ped. nauk, prof. zasl. rab. vyssh. shk. RF N. F. Gejzhan; sost.: A. M. Morgunov. — Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2025.

[4] Mal'ceva, T. V. Psihologicheskie tehnologii i algoritmy okazaniya psihologicheskoj pomoshchi v rabote psihologa organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii / T. V. Mal'ceva // Prikladnaya psihologiya i pedagogika. — 2022. — № 4. — S. 269–282.

[5] Ilakavichus, M. R. Andragogicheskie osnovy sovershenstvovaniya vospitatel'noj raboty s sotrudnikami MVD Rossii / M. R. Ilakavichus, L. T. Borodavko // Moral'no-psihologicheskoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennih del: sovremennye podhody i perspektivy razvitiya: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 14 dekabrya 2022 goda. — Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. — S. 107–110.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-523-530

НЕКРАСОВА Карина Иоскаевна,
Ст. преподаватель Уральского Государственного Аграрного Университета, Магистрант УрГПУ,
e-mail: melindochka@yandex.ru

МАКАРОВА Татьяна Николаевна,
Старший преподаватель Уральского Государственного Аграрного Университета,
e-mail: rowanta@mail.ru

РОЩИНА Наталья Викторова,
Преподаватель Уральского Государственного Аграрного Университета,
e-mail: roshinat@mail.ru

ВОЛКОВА Светлана Александровна,
Преподаватель Уральского Государственного Аграрного Университета,
e-mail: volkiva.s.a@inbox.ru

ШАКИРОВА Елизавета Романовна,
Преподаватель Уральского Государственного Аграрного Университета,
e-mail: lizashuni@gmail.com

“ENGLISH GRAMMAR IN USE” РЭЙМОНДА МЁРФИ: ФЕНОМЕН КУЛЬТОВОГО УЧЕБНИКА В ИСТОРИИ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *В статье представлен комплексный анализ учебника Рэймонда Мёрфи «English Grammar in Use» — одного из наиболее влиятельных и проверенных временем изданий в истории преподавания английского языка как иностранного. Рассматривается история создания учебника, его структурно-содержательные особенности, методические принципы, лежащие в основе концепции, а также эволюция издания на протяжении четырёх десятилетий и отношение к нему современных студентов. Особое внимание уделяется анализу уникальной дидактической модели «одна грамматическая структура — один разворот», определившей мировой повсеместный успех издания. На основе современных исследований исследуются лингводидактические и дискурсивные характеристики учебника, его адаптация к цифровой образовательной среде и место в системе средств обучения английскому языку. В статье также анализируется восприятие учебника преподавателями и учащимися и перспективы его развития в условиях цифровой трансформации образования.*

Ключевые слова: *образовательный дискурс, гипертекст, концепт, междометия, лингвосинергетика, метаязык, грамматика английского языка.*

NEKRASOVA Karina Ioskaevna,
Art. Lecturer, Ural State Agrarian University,
Master of Ural State Pedagogical University

MAKAROVA Tatyana Nikolaevna,
Senior Lecturer, Ural State Agrarian University

ROSHCHINA Natalia Viktorova,
Lecturer, Ural State Agrarian University

VOLKOVA Svetlana Alexandrovna,
Lecturer, Ural State Agrarian University

SHAKIROVA Elizaveta Romanovna,
Lecturer, Ural State Agrarian University

"ENGLISH GRAMMAR IN USE" BY RAYMOND MURPHY: THE PHENOMENON OF A CULT TEXTBOOK IN THE HISTORY OF ENGLISH LANGUAGE TEACHING METHODS

Annotation. *The article presents a comprehensive analysis of Raymond Murphy's textbook "English Grammar in Use", one of the most influential and time-tested publications in the history of teaching English as a foreign language. The article examines the history of the textbook's creation, its structural and substantive features, the methodological principles underlying the concept, as well as the evolution of the publication over four decades and the attitude of modern students towards it. Special attention is paid to the analysis of the unique didactic model "one grammatical structure — one book spread", which determined the worldwide widespread success of the publication. Based on modern research, the linguodidactic and discursive characteristics of the textbook, its adaptation to the digital educational environment and its place in the system of English language teaching tools are investigated. The article also analyzes the perception of the textbook by teachers and students and the prospects for its development in the context of the digital transformation of education.*

Key words: *educational discourse, hypertext, concept, interjections, synergetic linguistics, metalanguage, english grammar.*

В истории методики преподавания иностранных языков существуют издания, которые выходят за рамки обычных учебных пособий и приобретают статус культовых. Они формируют целые поколения учащихся, определяют стандарты жанра и остаются востребованными десятилетиями, несмотря на появление множества альтернатив. К числу таких изданий, без сомнения, относится «English Grammar in Use» Рэймонда Мёрфи — очень удобный учебник, который по праву считается одним из лучших и носит подзаголовок «самая продаваемая грамматика в мире» (The World's Best-selling Grammar Book). [1] В 2024 году данный учебник отметил своё 40-летие. За эти четыре десятилетия он был переиздан несколько раз, адаптирован для различных категорий учащихся, дополнен электронными версиями и мобильными приложениями, переведён на десятки языков и разошелся многомиллионными тиражами. Феномен его долголетия и устойчивой мировой популярности требует научного осмысления и поэтому мы не могли обойти эту тему вниманием. Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в 2024 году опубликовано схожее исследование Е. В. Копшуковой и Н. В. Паниной, посвященное мультимодальному анализу учебника Мёрфи, что вводит издание в поле актуального академического дискурса. [2] Во-вторых, цифровая трансформация образования ставит вопрос о месте классических учебников в новой образовательной парадигме, и опыт «English Grammar in Use» представляет в этом контексте особый интерес. В-третьих, несмотря на широчайшую известность данного пособия, его системный научный анализ в отечественном литературоведении представлен фрагментарно и неполно.

Цель настоящей статьи — представить комплексный анализ учебника Рэймонда Мёрфи «English Grammar in Use» как уникального явления в истории методики преподавания английского языка, рассмотрев его структурно-содержательные особенности, методическую концепцию, эволюцию и роль в современном образовательном процессе. Исторический контекст появления учебника определенно в этом контексте стоит внимания. 1984 год, когда вышло первое издание «English Grammar in Use», был богат на события: Ливерпуль выиграл Кубок европейских чемпионов, Лос-Анджелес принимал Олимпийские игры, Apple выпустила первый компьютер Macintosh, а на экраны вышел культовый фильм «Охотники за привидениями». В этом ряду появление вышеупомянутого учебника грамматики могло показаться событием малозначительным, однако именно ему суждено было оказать влияние на миллионы людей по всему миру на десятилетия вперёд.

Личность автора и его методическая концепция до сих пор вызывает живой интерес. Автор этого широко известного учебника по английской грамматике Рэймонд Мёрфи — американский лингвист и методист, большую часть своей карьеры проработавший в Германии в качестве преподавателя английского языка. Именно опыт работы с европейскими учащимися, для которых английский не являлся родным, позволил ему сформировать уникальную методическую концепцию, основанную на принципах ясности, доступности и практической направленности. Поскольку учебник англо-английский он очень удобен для работы с аудиторией, в которой студенты с разным уровнем английского языка и с разным первым родным языком.

В 2016 году Мёрфи посетил Самару, где принял участие в конференции, посвященной 30-летию первого издания учебника. Организаторы мероприятия отмечали, что «секрет популярности “English Grammar in Use” в том, что он подходит и для работы в классе, и для самостоятельной работы, поскольку даже самые сложные явления английской грамматики объясняются простым доступным языком и иллюстрируются забавными картинками».

За сорок лет учебник выдержал пять изданий. Каждое новое издание, как отмечают представители Cambridge University Press, «становится всё более популярным, поскольку учитывает не только пожелания своих пользователей, но также новейшие изменения, которые происходят в английском языке и в методике преподавания грамматики».

Пятое издание (2019) вышло в двух вариантах: с ответами (для самостоятельной работы) и без ответов (для работы в аудитории). Оно также включает интерактивную электронную книгу с аудиоматериалами, доступную для использования на iPad и Android-планшетах. Однако, как отмечают пользователи, доступ к электронной версии ограничен 36 месяцами, что не всегда указывается в описании издания.

Структурно-содержательные особенности учебника — это то, за что хвалят учебник чаще всего. Принцип «одна структура — один разворот» заслужил мировую популярность.

Фундаментальной особенностью учебника Мёрфи, определившей его успех, является структурный и очень удобный принцип: каждая грамматическая структура представлена на отдельном двухстраничном развороте. Левая страница содержит теоретическое объяснение на всю страницу формата А4 и очень хорошо подобранные наглядные примеры, правая — практические упражнения по теме. Как подчёркивается в официальном блоге Cambridge University Press, «концепция книги гениально проста. Грамматические структуры представлены по одной на двух страницах. Первая страница содержит примеры структуры и объяснение значения и употребления, а вторая страница предлагает практические задания, чтобы учащиеся могли проверить, понимают ли они, как работает грамматика».

Этот принцип обладает рядом существенных преимуществ:

1. Когнитивная управляемость — учащийся имеет дело с одной законченной темой, что снижает когнитивную нагрузку и позволяет сосредоточиться на конкретном материале.
2. Удобство навигации — чёткая структура и указанный в конце книги индекс позволяет легко находить нужные темы и возвращаться к ним для повторения.
3. Гибкость использования — развороты могут изучаться в абсолютно любом порядке, что позволяет легко адаптировать учебник под индивидуальные потребности учащихся.
4. Психологический комфорт — завершённость каждой темы на одном развороте создает ощущение выполнимой задачи и поддерживает мотивацию.

3.2. Теоретическая часть: принципы презентации материала

Теоретическая часть учебника (левая страница разворота) строится на следующих принципах:

– Минимизация метаязыка — объяснения даются простым, доступным языком, по возможности без использования сложной лингвистической терминологии. Как отмечают Копшукова и Панина, «в попытке представить особенности естественного общения и избежать использования лингвистических терминов, автор учебника представляет сложный грамматический материал в наиболее доступной форме для широкой аудитории». [2]
– Приоритет примера над правилом — объяснение строится вокруг аутентичных примеров, которые иллюстрируют употребление структуры в реальной коммуникации.
– Визуальная поддержка — где необходимо есть выделения шрифтом, мини иллюстрации, которые несут прагматическую ценность и выполняют тем самым различные функции — от вовлечения и появления интереса к теме до понятной передачи информации.

Вышеупомянутое исследование Копшуковой и Паниной (2024) выявило «динамику использования междометий» в коммуникативных сценариях

учебника, что «подчеркивает их важность в создании эмотивно-экспрессивного фона, облегчающего усвоение грамматических явлений и отражающего их реальное применение». [2]

3.3. Практическая часть: упражнения и их характеристика

Практическая часть (правая страница разворота) включает 3-4 упражнения, строго соответствующих теоретическому материалу. Характерные особенности упражнений:

– Использование базовой лексики — лексический материал упражнений намеренно упрощён, чтобы не отвлекать учащихся от грамматической задачи.
– Коммуникативная направленность — как отмечают вышеупомянутые самарские организаторы конференции по теме грамматики английского языка с участием Мёрфи, «любое предложение из многочисленных упражнений можно смело использовать в разговорной и письменной речи, поскольку упражнения — коммуникативны, а язык — современен и идиоматичен».
– Постепенное, но очень слабое нарастание сложности.

Учебник содержит ряд дополнительных элементов, повышающих его эффективность как инструмента самостоятельной работы:

– Дополнительные упражнения (в конце книги), объединяющие несколько грамматических тем (например, разные времена).
– Ключи к упражнениям (в версии with answers), позволяющие учащимся самостоятельно проверять правильность выполнения заданий.
– Предметный указатель, обеспечивающий быстрый поиск нужных тем.

Исследователи отмечают, что «гипертекстовая структура и внутренняя система навигации служат заменой руководству учителя, тем самым выполняя директивную функцию».

4. Методическая концепция и её реализация

4.1. Явное и неявное обучение грамматике

Методическая концепция учебника Мёрфи основана на балансе двух подходов к обучению грамматике: явного (explicit) и неявного (implicit). Как объясняется в материалах Cambridge University Press, «есть два способа выучить грамматику нового языка. Либо кто-то рассказывает вам о ней, бит за битом (явное обучение грамматике), либо вы погружаетесь в язык и «выводите» её из того, что читаете или слышите, и из ваших взаимодействий на этом языке (неявное обучение грамматике)».

Учебник Мёрфи предлагает оптимальный баланс: явное изучение грамматики происходит дома (через работу с теоретической частью), а неявное — в классе, через коммуникативные задания и практику.

4.2. Концепция «перевёрнутого класса» (Flipped Classroom)

Мёрфи, по сути, предвосхитил концепцию «перевёрнутого класса» (flipped classroom), которая получила широкое распространение лишь десятилетия спустя. Как отмечается в блоге Cambridge, «что понял Рэймонд Мёрфи, так это то, что наиболее эффективным вариантом обучения для студентов было бы явное обучение грамматике дома и неявное обучение в классе, где есть другие учащиеся для практики и где учитель может дать полезную обратную связь».

Такая модель предлагает учителям использовать учебник для подготовки учащихся к занятиям, а само занятие строить на основе коммуникативных задач, которые «дают учащимся свободу использовать свои грамматические способности как можно полнее, фокусируются на значении, а не на форме, заставляют студентов думать и имеют четкий результат».

4.3. Универсальность применения

Важной характеристикой учебника является его универсальность. Учебник «English Grammar in Use» — очень удобный и понятный для изучения английской грамматики. Он объясняет правила легко и просто, без сложных терминов. Каждая тема показана на понятных примерах, поэтому материал быстро запоминается. Его можно использовать со студентами разных направлений в качестве учебника по грамматике. Как отмечает преподаватель Рон, использующий книгу более 30 лет, «вы можете думать об этой книге как о руководстве для самообучения грамматике. Справочной книге, своего рода библии. Вы можете использовать её для обучения в классе. Вы можете использовать её как рабочую тетрадь».

Эта универсальность обеспечивается:

– Четкой структурой, позволяющей использовать книгу выборочно. Абсолютно не обязательно идти от юнита к юниту, учебник можно изучать изучая юниты абсолютно в любом порядке и начать хоть с конца, хоть с середины;
– Наличием версий с ответами и без ответов;
– Дополнительными материалами для различных целей;
– Адаптацией для разных возрастных групп и уровней подготовки.

Как многие отмечают учебник «подходит для учеников любого возраста, если они уже доросли до чтения теоретических правил на английском языке».

5. Мультимодальный анализ и современные исследования

5.1. Исследование Копшуковой и Паниной раскрывает эту тему.[2]

В 2024 году в журнале «Дискурс профессиональной коммуникации» (издание МГИМО) опубликовано фундаментальное исследование Е. В. Копшуковой и Н. В. Паниной «Динамика формирования полимодальных компонентов в англоязычном образовательном дискурсе (на материале учебника по грамматике «English Grammar in Use» Р. Мерфи» («Dynamics of Multimodal Components in English Educational Discourse: the Case of 'English Grammar in Use' by Raymond Murphy»).

Исследование посвящено выявлению лингвистических особенностей англоязычного образовательного дискурса в аспекте структурного, дескриптивного, семантического и когнитивно-прагматического анализа. Авторы фокусируются на «лингвосинергетическом потенциале учебника английской грамматики «English Grammar in Use» Рэймонда Мёрфи, проявляющемся в изменениях определенных дискурсивных маркеров во всех пяти изданиях». Авторы отмечают, что «новизну настоящего исследования составляет комплексный подход к анализу исследуемого материала с применением метода мультимодального дискурс-анализа». [2]

5.2. Мультимодальная методология анализа

Используя методологию мультимодального анализа дискурса, исследователи проанализировали «вербальные и визуальные различия — включая графические элементы, заглавные буквы, курсив, шрифт и цвет — которые имеют прагматическую ценность и выполняют различные функции, от вовлечения до передачи информации».

Ключевые выводы исследования:

1. Интерференция рекламного и образовательного дискурсов — авторы исследуют взаимовлияние различных типов дискурса в учебнике.
2. Малый формат текстов — характерная особенность учебника, обеспечивающая его доступность.
3. Гипертекстовая структура и внутренняя система навигации выступают «заменителем руководства учителя», выполняя директивную функцию.
4. Диахронический анализ коммуникативных сценариев выявил динамику использования междометий, что подчеркивает их важность в создании эмоционально-экспрессивного фона.
5. Усиление личностно-ориентированного компонента — исследование показывает, что учебник делает «возрастающий акцент на личностном компоненте, дополняя традиционно доминирующий статусно-ориентированный подход в образовательном дискурсе».

5.3. Сравнительный анализ традиционных и цифровых версий

Исследование С. Таки и Н. Амини (2017) посвящено сравнительному анализу традиционных учебных материалов и мобильных приложений, включая приложение «Murphy's English Grammar». [3]

Анализ проводился на основе критериев, адаптированных из работ Хаббарда (2006) и Рейндерса и Пегрума (2015), по трём категориям: «содержание и дизайн», «подходы к изучению второго языка» и «технологии».

Исследование показало, что «эти приложения для изучения английского языка кажутся эффективными, поскольку они могут предоставить персонализированную и ориентированную на учащегося возможность обучения, делая учащихся независимыми от времени и места».

6. Рецепция учебника и его роль в образовательном процессе

6.1. Восприятие преподавателями

Для многих преподавателей «English Grammar in Use» становится «спутником на всю жизнь» (lifelong companion). Один преподаватель по имени Рон, использовавший данный учебник более 30 лет, делится: «Я заглянул на свою книжную полку, чтобы найти её, потому что она была моим спутником долгие-долгие годы. Как видно по книге, она очень хорошо использована».

Рон также подчёркивает эволюцию в использовании учебника на протяжении карьеры: от инструмента самообучения до основы для создания учебных материалов для корпоративных клиентов, а затем и для подготовки будущих учителей. Он советует начинающим преподавателям обязательно приобрести свой новый экземпляр и взять учебник на вооружение.

6.2. Восприятие студентами

Отзывы учащихся на различных платформах единодушно высоки. Пользовательница Юлия называет учебник «лучшим для среднего уровня». Другой пользователь с Тайваня пишет: «Хорошая книга. Книга, которая ясно объясняет грамматику, очень важна для изучающих грамматику. А эта волшебная книга с объяснениями слева и упражнениями справа очень подходит для обычного самообучения».

Пользовательница Валерия отмечает: «Занималась сначала с репетитором, затем решила закреплять свой B2 с помощью этой книги. Несколько лет назад занималась по красной книге этого автора, была довольна».

Критические замечания касаются в основном ограниченного срока доступа к электронной версии (36 месяцев), о чём не всегда указывается в описании издания.

Мы провели небольшой опрос среди студентов УрГАУ, с которыми некоторое время занимались по учебнику «English Grammar in Use» Мёрфи с синей обложкой на предмет нравится ли им учебник, что именно они могут отметить, насколько легко по нему изучать грамматику и все единодушно его похвалили. Студенты отмечают, что он очень удобен в использовании, подходит как для более глубокого изучения языка, так и для поддержания уровня, более глубокого понимания грамматических нюансов. Многие отмечают, что материал подан структурировано, удобно, прорабатывать задания после прочтения объяснения не вызывает сложностей. Учебник оценивают на 10/10, больше всего хвалят за актуальную подача материала для студентов и легкость в понимании.

Учебник удобен в ежедневном использовании, как для более глубокого изучения языка, так и поддержания уровня, тренировки с наличием теоретического раздела в одном развороте с практическими заданиям для усвоения новых знаний. Учебник «English Grammar in Use», как справедливо отмечают студенты, очень хороший вариант для изучения английского языка в вузе. В предлагаемых для изучения грамматических нюансах языка поднимаются актуальные темы, что делает его интересным для изучения и простым в понимании. Задания максимально понятны, при этом просты и интересны. Учебник «English Grammar in Use» производит у абсолютного большинства студентов отличное впечатление благодаря своему четкому и доступному стилю подачи материала. Он отлично подходит как для начинающих изучать английский язык, так и для тех, кто хочет углубить свои знания грамматики. Простота объяснения сложных правил, многочисленные упражнения и очень доступная подача материала делают процесс изучения легким и увлекательным. Он активно рекомендуется всем, кто стремится уверенно овладеть английской грамматикой. Автору каким-то чудом удается объяснять сложные вещи простыми словами. Да, возможно, что какое-то слово будет вызывать затруднение в переводе, но такое слово встретится не часто и общий смысл всё равно будет понятен, и в любом случае всегда можно обратиться к словарю: будь то бумажный или электронный, такой как Яндекс переводчик, или же при необходимости спросить учителя. При этом главное, что тема будет понятна.

Структура учебник «Юнит = Одна тема» отмечается студентами как доступная и удобная, и даже гениальная.

6.3. Место в системе учебных материалов

«English Grammar in Use» занимает уникальное место в системе учебных материалов по английскому языку. Наряду с «красным» учебником Мёрфи для начального уровня (Essential Grammar in Use) и «синим» для продвинутого (Advanced Grammar in Use), он образует законченную систему обучения грамматике для всех уровней. Мастхэв, как сейчас говорят студенты, для тех, кто учит язык с нуля или хочет заполнить пробелы.

Учебник активно используется и по сей день:

– Как основной учебник на курсах английского языка;
– Как дополнительное пособие в школах и вузах;
– Как справочник для самостоятельного изучения;
– Как ресурс для подготовки к экзаменам (IELTS, TOEFL, Cambridge English Qualifications).

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

«English Grammar in Use» Рэймонда Мёрфи является уникальным явлением в истории методики преподавания английского языка, сочетающим гениальную простоту концепции с глубиной методической проработки. За сорок лет своего существования этот очень удачный хорошо структурированный учебник не только не утратил актуальности, но и продолжает завоевывать популярность, не смотря на изменяющиеся условия образовательного процесса.

Ключевым фактором успеха стала структурная концепция «одна грамматическая структура — один разворот», обеспечивающая когнитивную управляемость, удобство навигации и психологический комфорт для учащихся. Минимум воды. Только суть: правило + примеры + практика. Наличие ответов (ключей) в конце. Это спасение для самостоятельной работы. Освоил юнит, проверил себя, увидел ошибки — быстро разобрался.

Методическая концепция учебника органично сочетает явное и неявное обучение грамматике, предвосхищая современные подходы, такие как «перевёрнутый класс». Учебник Мёрфи может использоваться в различных режимах — от полностью автономного самообучения до интенсивной работы в классе или группе под руководством преподавателя. Современные исследования (Копшукова и Панина, 2024) подтверждают сложность и многообразие лингводидактических решений, заложенных в этот годами проверенный эффективный учебник. [2] Мультимодальный анализ выявляет тонкие механизмы воздействия на учащихся, включая использование визуальных средств, гипертекстовую структуру и динамику коммуникативных сценариев. Адаптация к цифро-

вой среде происходит успешно, о чём свидетельствуют исследования эффективности мобильных приложений и интерактивных версий. При этом сохраняется баланс между традиционными и цифровыми форматами. Восприятие преподавателями и учащимися остаётся стабильно высоким на протяжении десятилетий, что подтверждается многочисленными отзывами и данными о продажах, а также проведенным нами опросом среди студентов УрГАУ.

Перспективы дальнейших исследований включают: сравнительный анализ различных изданий учебника, изучение его использования в различных культурных и образовательных контекстах, исследование эффективности интеграции с цифровыми технологиями, а также анализ влияния этого удобного культового учебника по грамматике на формирование методической компетенции преподавателей, анализ взглядов Раймонда Мёрфи на ряд проблем современной английской грамматики. Так, в статье Лукиной Д. А. «Взгляды Раймонда Мёрфи на ряд проблем современной английской грамматики» отмечается, что «Объединяя и упрощая наименования Мёрфи кардинально изменяет привычное восприятие частей речи в английском языке». Также в статье говорится, что «В ходе исследования было установлено, что критика Р. Мёрфи относится к положениям наименования грамматических категорий и способов преподавания. Автор считает нецелесообразным усложнение и использования метаязыка английской грамматике». [7]

Как справедливо отмечают некоторые преподаватели с большим стажем, «установите отношения с этой книгой, потому что вы никогда потом не отпустите её». Эти слова — лучшее подтверждение уникального статуса «English Grammar in Use» в мировой методической культуре. Учебник «English grammar in use» как в заключении хотелось бы отметить смело можно использовать со студентами любых направлений как дополнение к основной программе, как грамматический учебник и отличный сборник упражнений. Отлично подходит в качестве учебника для самообразования поскольку он очень простой и имеет ключи без ошибок. То, что он англо-английский хоть и сперва пугает студентов на первом этапе, они быстро к нему привыкают и понимают, что он не сложный и эффективный. Определенно стоит и дальше изучать его феномен.

Список литературы:

[1] English Grammar In Use Book with answers and interactive ebook / Raymond Murphy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — 382 p.

[2] Копшукова Е. В., Панина Н. В. «Динамика формирования полимодальных компонентов в англоязычном образовательном дискурсе (на материале учебника по грамматике “English Grammar in Use” Р. Мерфи”» Kopshukova E. V., Panina N. V. Dynamics of Multimodal Components in English Educational Discourse: the Case of ‘English Grammar in Use’ by Raymond Murphy // Дискурс профессиональной коммуникации. — 2024. — Т. 6, № 2. — С. 10-34. URL: https://www.pdc-journal.com/jour/article/view/337 (дата обращения: 10.03.2026).

[3] Taki S., Amini N. Evaluating ELT Materials: A Comparison between Traditional Materials and Mobile Apps // Journal of Foreign Language Research. — 2017. — Vol. 7, № 1. — P. 153-172. URL: https://sanad.iau.ir/ar/Journal/jfl/Article/990647 (дата обращения: 10.03.2026).

[4] English Grammar in Use Book with Answers and Interactive eBook [Электронный ресурс] // 博客來. — 2019. — URL: https://www.books.com.tw/booksComment/getCommemt/F014374915 (дата обращения: 10.03.2026).

[5] How to flip your grammar lessons [Электронный ресурс] // Cambridge University Press & Assessment. — 2019. — URL: https://www.cambridge.org/elt/blog/2019/06/26/flip-your-grammar-lessons/ (дата обращения: 10.03.2026).

[6] A Lifelong Companion: English Grammar in Use [Электронный ресурс] // World of Better Learning | Cambridge University Press & Assessment. — 2025. — URL: https://www.cambridge.org/elt/blog/2025/01/26/a-lifelong-companion-english-grammar-in-use/ (дата обращения: 10.03.2026).

[7] Лукина Д. А. «Взгляды Раймонда Мёрфи на ряд проблем современной английской грамматики» Текст научной статьи по специальности «Языкознание и литературоведение» — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyady-raymonda-myorfi-na-ryad-problem-sovremennoy-angliyskoy-grammatiki/viewer (дата обращения: 10.03.2026).

References:

[1] English Grammar In Use Book with answers and interactive ebook / Raymond Murphy. — Cambridge: Cambridge University Press, 2019. — 382 p.

[2] Kopshukova E. V., Panina N. V. “Dynamics of the formation of polymodal components in English-language educational discourse (based on the material of the grammar textbook” English Grammar in Use “by R. Murphy” Kopshukova E. V., Panina N. V. Dynamics of Multimodal Components in English Educational Discourse: the Case of ‘English Grammar in Use’ by Raymond Murphy//Professional Communication Discourse. — 2024. - T. 6, NO. 2. - S. 10-34. URL: https://www.pdc-journal.com/jour/article/view/337 (access date: 10.03.2026).

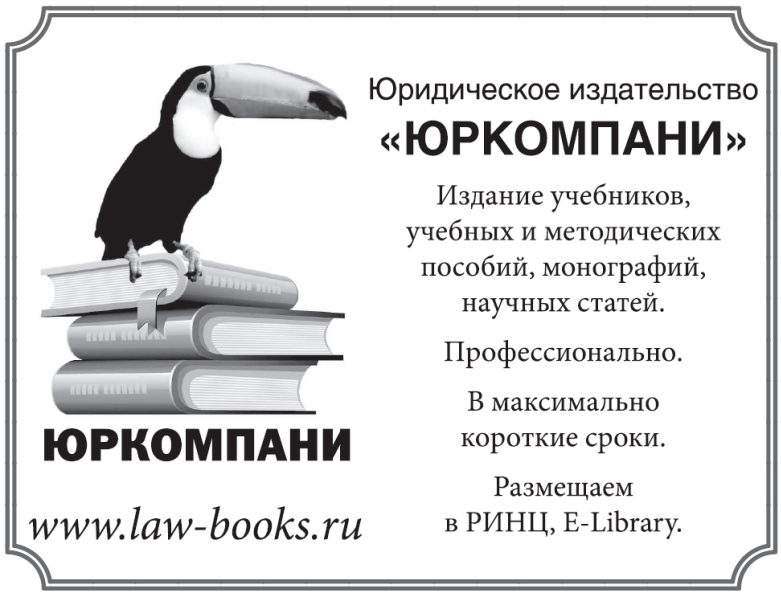
[3] Taki S., Amini N. Evaluating ELT Materials: A Comparison between Traditional Materials and Mobile Apps // Journal of Foreign Language Research. — 2017. — Vol. 7, № 1. — P. 153-172. URL: https://sanad.iau.ir/ar/Journal/jfl/Article/990647 (access date: 10.03.2026).

[4] English Grammar in Use Book with Answers and Interactive eBook [Электронный ресурс] // 博客來. — 2019. - URL: https://www.books.com.tw/books-Comment/getCommemt/F014374915 (access date: 10.03.2026).

[5] How to flip your grammar lessons [Электронный ресурс] // Cambridge University Press & Assessment. — 2019. - URL: https://www.cambridge.org/elt/blog/2019/06/26/flip-your-grammar-lessons/ (access date: 10.03.2026).

[6] A Lifelong Companion: English Grammar in Use [Электронный ресурс] // World of Better Learning | Cambridge University Press & Assessment. — 2025. — URL: https://www.cambridge.org/elt/blog/2025/01/26/a-lifelong-companion-english-grammar-in-use/ (дата обращения: 10.03.2026).

[7] Lukina D.A. “Raymond Murphy’s views on a number of problems of modern English grammar” Text of a scientific article in the specialty “Linguistics and literary criticism” - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyady-raymonda-myorfi-na-ryad-problem-sovremennoy-angliyskoy-grammatiki/viewer (date of reference: 10.03.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-531-536

РОДИОНОВА Марина Семеновна,
доцент кафедры математики,
Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
e-mail: vka@mil.ru

ШАХОВА Екатерина Анатольевна,
доцент кафедры математики,
Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского,
e-mail: vka@mil.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКЕ В ВУЗЕ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема, обусловленная возросшей потребностью современного общества в высококвалифицированных кадрах. В этой связи система высшего образования нашей страны осваивает новые педагогические подходы, позволяющие будущим специалистам успешно справляться со сложными профессиональными задачами в условиях стремительного развития науки, технологий и информационной насыщенности профессиональной среды. Особое внимание уделяется значимости применения проектного метода в процессе изучения дисциплины «Высшая математика» с целью повышения уровня сформированности профессиональной компетентности обучающихся, развития педагогической науки, в целом.*

Ключевые слова: *проектный метод, обучение, высшая математика, проектная деятельность, высшее образование, проектная технология.*

RODIONOVA Marina Semenovna,
Associate Professor of the Department of Mathematics,
Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky

SHAKHOVA Ekaterina Anatolyevna,
Associate Professor of the Department of Mathematics,
Military Space Academy named after A.F. Mozhaisky

APPLICATION OF THE PROJECT METHOD IN TEACHING HIGHER MATHEMATICS AT A UNIVERSITY

Annotation. *The article discusses the problem caused by the increased need of modern society for highly qualified personnel. In this regard, the higher education system in our country is developing new pedagogical approaches that allow future specialists to successfully cope with complex professional tasks in the context of the rapid development of science, technology, and the information-rich professional environment. Special attention is paid to the importance of using the project method in the study of the discipline «Higher Mathematics» in order to improve the level of professional competence of students and to develop pedagogical science as a whole.*

Key words: *project method, training, higher mathematics, project activities, higher education, project technology.*

Одним из приоритетных направлений развития профессионального образования в настоящий момент выступает модернизация его содержания и технологий [3; 9; 20], направленная на приведение образовательного процесса в соответствие с актуальными запросами экономики и динамично меняющимися потребностями населения [15; 22]. Приоритетной задачей развития математического образования в Российской Федерации (далее по тексту – РФ) является создание и усовершенствование доступной информационно-методической инфраструктуры, включающей актуальные образовательные ресурсы для реализации программ математиче-

ского профиля, внедрение современных педагогических технологий, а также функционирование специализированных порталов, освещающих передовые разработки и проекты в области математики, информатики и цифровых технологий [6; 17; 21].

В Концепции развития математического образования в РФ констатируется недостаточный уровень математической подготовки обучающихся, обусловленный такими факторами, как оторванность содержания образования от реальных жизненных реалий и актуальных запросов современной науки, отсутствие необходимой преемственности между уровнями образования и реализации индивидуального подхода, а также недостаточная разработанность механизмов, обеспечивающих своевременное обновление учебного содержания [17]. В данной работе мы рассмотрим применение проектного метода при обучении высшей математике. Анализ отечественного опыта внедрения рассматриваемого подхода в высшей школе подтверждает его эффективность для повышения качества образования и подготовки конкурентоспособных специалистов к успешной профессиональной деятельности. В основе проектной методики лежит личностно-деятельностный подход к обучению [13].

Ключевой характеристикой проектной деятельности, как педагогического феномена, является ее бинарная природа. С одной стороны, она базируется на развитии автономии и самостоятельности обучающихся, что способствует формированию их готовности к решению нестандартных задач в условиях неопределенности. С другой стороны, продуктивность проектной работы обеспечивается строгой алгоритмизацией и планомерной организацией учебного процесса, включающей четкое структурирование этапов работы, распределение ролей, а также критериальное оценивание промежуточных результатов.

Концепция развития математического образования в РФ ориентирует участников образовательного процесса (как студентов, так и преподавателей) на активное участие в математических проектах и исследованиях, что предполагает приоритет творческих и исследовательских задач в обучении высшей математике [17]. Специфика технологии проектной деятельности заключается в организации совместной творческой деятельности обучающихся по реализации профессионально-ориентированных проектов [19]. Возможности применения технологии проектного метода обучения в вузах, как связующего звена между теоретической и практической математической подготовкой студентов к будущей профессиональной деятельности, отражены в работах таких исследователей, как Е.А. Гриценко, Е.Р. Кормашова, Е.С. Корнилова, А.Е. Крупнов, Л.Г. Орлова и др. [1; 5; 14 и др.].

Исследователи Л.Г. Орлова и Е.С. Корнилова отмечают универсальность проектного подхода, объединяющего, в свою очередь когнитивные процессы, которые представляют собой компоненты умственной деятельности, связанные, непосредственно, с мышлением, памятью и восприятием [14]. Е.А. Гриценко, Е.Р. Кормашова, А.Е. Крупнов в своих работах выделяют следующие преимущества внедрения проектной деятельности в обучающий процесс: возможность применения полученных теоретических знаний на практике, возможность работы над реальными профессиональными задачами, что, в свою очередь, способствует развитию навыков командной работы, способности к критической рефлексии. Применение игровых элементов в обучающем процессе повышает мотивацию студентов [1; 7].

Одной из форм реализации проектной деятельности в процессе педагогического сопровождения студентов при освоении высшей математики выступает кейс-метод, позволяющий интегрировать теоретический анализ и практическое решение задач. Практическая реализация данного подхода может быть представлена следующим образом. На первом этапе студенты получают кейс, содержащий реальную производственную или бизнес-ситуацию (например, задачу оптимизации затрат), для решения которой необходимо привлечение методов высшей математики, в частности, линейного программирования. Далее следует этап групповой работы, включающий анализ условий, дискуссию и выработку коллективного решения. Завершающей стадией выступает публичная защита предложенных решений перед студенческой группой [12]. Изучению применения проектных технологий при обучении высшей математике в вузах посвящено большое количество научных трудов: Н.С. Знаенко, И.В. Коноплева, Л.В. Миронова, Е.В. Орлова, С.М. Сеитова, Е. Тәңірберген и др. [5; 13; 18 и др.]. Применение проектного метода в организации образовательного процесса позволяет не только учитывать индивидуальные особенности учащихся, уровень имеющейся у них подготовки, предоставляя, при этом, дополнительные возможности для их развития в контексте межпредметной и внутрипредметной коммуникации [4], но и способствует формированию навыков самостоятельного принятия решений [5; 18], а также пониманию значимости изучения высшей математики для будущей профессиональной деятельности в практике использования математических теорий [4; 12; 13].

Согласно позиции С.М. Сеитовой и Е. Тәңірберген, проектный подход предполагает организа-

цию учебного процесса, при которой студент из пассивного слушателя превращается в активного субъекта, самостоятельно формулирующего цели, выстраивающего траекторию работы и представляющего итоговый продукт (отчет, презентацию, модель, программу или математическое решение) [18]. Т.Ю. Дорохова и Н.П. Пучков, определяют проектный метод как образовательную технологию, ориентированную на получение обучающимися новых знаний в неразрывной связи с практической деятельностью, а также развитие профильных компетенций в ходе систематической исследовательской деятельности проблемного характера [16]. В работах Е.В. Орловой обосновывается тезис о том, что проектный метод является «одним из путей демонстрации важности математического аппарата при описании различных процессов, связи теории и практики и возможностей применения в будущей профессиональной сфере» [13, с. 400].

Исследователи Н.С. Знаенко, И.В. Коноплева и Л.В. Миронова указывают на то, что выполнение проектных заданий:

- обеспечивает знакомство обучающихся с современными прикладными пакетами компьютерной математики;
- формирует устойчивые навыки работы с данным инструментарием;
- способствует повышению уровня профессиональных компетенций будущих специалистов [5].

При этом, дидактические игры и различные средства визуализации представляют собой значимые факторы интенсификации образовательного процесса [11], что обусловлено их многоаспектным воздействием на познавательную деятельность обучающихся [8]. В аффективной сфере они активизируют эмоциональный и творческий потенциал личности [10; 23], создавая, при этом, благоприятный психоэмоциональный фон для усвоения новых знаний. В мотивационной сфере игровые механики и наглядность представления информации выступают некими катализаторами познавательного интереса, трансформируя внешнюю мотивацию во внутреннюю потребность в обучении. В когнитивной сфере визуализация выполняет интегративную функцию, обеспечивая структурирование преподаваемого учебного материала, установление межпонятийных связей и перевод информации из кратковременной в долговременную память за счет формирования устойчивых ассоциативных образов [5]. А.А. Сухорукова в своих работах отмечает значимость прикладного потенциала математики для высшей школы, которая, в условиях осуществления проектной деятельности, заключается в том, что обучающиеся формируют навыки креативного проектирования и практической реализации идей [19].

Следует отметить, что проектная методика может быть использована на любом уровне и этапе обучения высшей математике для проведения аудиторных занятий, и для организации самостоятельной работы, особенно эффективно ее применение в учебно-исследовательской деятельности.

Проектная деятельность обучающихся в высшей школе реализуется преподавателями на основе деятельностного и аксиологического подходов и предполагает поэтапную работу исследовательского плана, требуя, при этом, глубокой организационно-методической и структурной проработки проблемы. Рассмотрим основные этапы проектной деятельности:

1. Постановка проблемы, обоснование актуальности, выдвижение гипотезы (например, моделирование экономических процессов средствами математики; научный анализ деятельности известных отечественных математиков в области промышленности).

По мнению А.А. Сухоруковой, изучение научного наследия великих математиков, к примеру, имеет большое значение с точки зрения исследовательской составляющей, сбора и анализа информации, обобщения и прогнозирования результата проектной деятельности.

2. Планирование и распределение ролей в группе. Участие могут принимать обучающиеся, преподаватели, другие лица образовательной организации, заинтересованные в решении профессионально-ориентированных задач.
3. Реализация проекта: сбор данных, проведение необходимых вычислений, моделирование, анализ результатов, выработка практических рекомендаций по итогам выполнения проекта (общепрофессиональные компетенции).
4. Презентация и защита результатов, обсуждение результатов [18; 19].

Конечным продуктом выполненного проекта может являться математическая модель, создание программного продукта и рекомендаций по их использованию.

Проведенный нами анализ научно-педагогической литературы позволил систематизировать основные преимущества проектного метода при обучении высшей математике в вузе:

- активизирует познавательный интерес и формирует понимание профессиональной значимости математических знаний;
- развивает проектное и критическое мышление, а также исследовательские навыки;

- моделирует контекст будущей профессиональной деятельности и организует самостоятельную работу студентов;
- обеспечивает формирование когнитивной, коммуникативной и проектировочной компетенций в ходе коллективной творческой деятельности;
- способствует накоплению студентами субъектного опыта решения практико-ориентированных задач [2; 4; 5].

Кроме того, проектная деятельность обладает значительным дидактическим потенциалом, поскольку создает условия для сочетания индивидуализации и кооперации в образовательном процессе. Обучающиеся получают возможность не только осваивать индивидуальные когнитивные стратегии и регулировать темп учебной работы, но и включаться в совместную творческую деятельность по реализации междисциплинарных и коллективных проектов, что способствует формированию как субъектной позиции, так и навыков продуктивного взаимодействия.

Таким образом, проектный метод обучения высшей математике в вузе может быть охарактеризован как педагогический инструмент, обеспечивающий:

- повышение мотивации и интенсификацию самостоятельной работы студентов;
- развитие креативного мышления;
- формирование индивидуально-личностных качеств и рефлексивной оценки успешности достижения поставленных целей.

Технология проектного обучения в системе высшего математического образования является многоаспектным процессом, имеющим свои отличительные особенности, сочетающим в себе интеграцию следующих видов деятельности:

- самостоятельной (аудиторной и внеаудиторной);
- учебно-исследовательской;
- познавательной;
- организационной;
- коммуникативной;
- оценочной;
- прогностической;
- проектировочной.

Дальнейшее развитие проектного метода при обучении высшей математике в вузах требует постоянного обновления образовательных программ и адаптации к меняющимся потребностям современного общества с учетом цифровизации.

Список литературы:

[1] Гриценко Е.А., Кормашова Е.Р., Крупнов А.Е. Инновационные методы обучения студентов в технических вузах: российский опыт // В сборнике: Качество жизни: архитектура, строительство, транспорт, образование // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. – Иваново: ИГПУ, 2025. – С. 423-425.

[2] Дмитриева Е.В. Роль проектной деятельности в процессе изучения дисциплины «Иностранный язык для деловой коммуникации» студентами нелингвистических специальностей вуза // Мир науки. Педагогика и психология. – 2023. – Т. 11. – № 1. – С. 1-13.

[3] Евдокимова А.И., Морозов А.В. Интеграция научной деятельности вузов с формированием профессиональных компетенций обучающихся // Социальная педагогика в России. – 2022. – № 1. – С. 35-41.

[4] Кононенко Н.В., Токарева Ю.С., Десненко С.И., Федотова А.Д. Возможности использования проектного подхода в вузе при изучении профильных математических дисциплин // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2023. – Т. 18. – № 3. – С. 122-131.

[5] Коноплева И.В., Знаенко Н.С., Миронова Л.В. Математические проекты как инструмент развития личностных качеств и мотивации к обучению // Continuum. Математика. Информатика. Образование. – 2024. – № 4 (36). – С. 65-79.

[6] Морозов А.В. Внедрение технологий «искусственного интеллекта» в систему образования // В сборнике: Образование в цифровую эпоху: опыт, проблемы и перспективы // Материалы Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород: НГПУ, 2025. – С. 74-77.

[7] Морозов А.В. Геймификация как инновационная технология обучения студентов высшей школы // В сборнике: Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы // Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. – М.: РУДН, 2025. – С. 27-31.

[8] Морозов А.В. К вопросу о развитии познавательной активности обучающихся в условиях цифровой трансформации // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки: психология, педагогика, экономика, управление и право // Сборник научных трудов II Ежегодной международной научно-практической конференции и Международных научно-практических конференций. – М.: МПСУ, 2024. – С. 1403-1406.

[9] Морозов А.В. Особенности управления высшим учебным заведением в современных условиях // Управление образованием: теория и практика. – 2016. – № 2 (22). – С. 90-106.

[10] Морозов А.В., Гиль А.В. Роль современных цифровых технологий в развитии творческого мышления обучающихся // В сборнике: Развитие креативности личности в современном цифровом мультикультурном пространстве // Сборник материалов Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2023. – С. 171-176.

[11] Морозов А.В., Шорина Т.В. Структура научно-методического обеспечения визуализации учебной информации в системе современного высшего образования // Управление образованием: теория и практика. – 2017. – № 4 (28). – С. 14-24.

[12] Назарматова Г.А., Карынбаева М.М. Применение интерактивных методов в обучении высшей математики в вузе // Вестник Бишкекского государственного университета. – 2024. – № 3 (69). – С. 314-319.

[13] Орлова Е.В. Проектный метод как средство повышения эффективности обучения высшей математике // В сборнике: Социально-гуманитарные науки и культурные процессы в современном обществе // Материалы I всероссийской научно-практической конференции с дистанционным и международным участием. – Ульяновск: ИП Кеньшенская В.В. (издательство «Зебра»), 2024. – С. 399-401.

[14] Орлова Л.Г., Корнилова Е.С. Использование проектного метода при обучении иностранному языку в вузе // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2019. – Т. 13. – № 8. – С. 43-47.

[15] «Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Минэкономразвития России) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190 (дата обращения 17.02.2026).

[16] Пучков Н.П., Дорохова Т.Ю. Проектная деятельность студентов на занятиях по высшей математике // В сборнике: Математика и математическое образование: проблемы, технологии, перспективы // Материалы 42-го Международного научного семинара преподавателей математики и информатики университетов и педагогических вузов. – Смоленск: СГУ, 2023. – С. 218-221.

[17] Распоряжение Правительства РФ от 24.12.2013 № 2506-р (ред. от 08.10.2020) «Об утверждении Концепции развития математического образования в Российской Федерации» // Минпросвещения России. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/b18bcc453a2a1f7e855416b198e5e276 (дата обращения 18.02.2026).

[18] Сеитова С.М., Тәңірберген Е. Проектные и научно-ориентированные подходы при обучении математике в вузе // В сборнике: Научный поиск: фундаментальные и прикладные аспекты // Сборник статей II Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая наука», 2025. – С. 48-52.

[19] Сухорукова А.А. Реализация интеллектуального и прикладного потенциала математики в условиях проектной деятельности обучающихся в высшей школе // Образование и культурное пространство. – 2025. – № 3. – С. 39-47.

[20] Терещенко А.Ю., Морозов А.В. Влияние технологий искусственного интеллекта на современное образование // Человеческий капитал. – 2024. – № 4 (184). – С. 104-110.

[21] Федорчук Ю.М., Морозов А.В. Стратегия развития образования: от международного уровня до уровня образовательной организации // Глобальная экономика и образование. – 2021. – Т. 1. – № 2. – С. 73-81.

[22] Bashkireva T.V., Bashkireva A.V., Morozov A.V., Evdokimova A.I., Apsite M.A. Conditions for Digitalization of Education and Related Health Problems of Students // 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020) // Atlantis press SARL / Advances in Economics, Business and Management Research. – 2020. – vol. 156. – Pp. 159-162.

[23] Morozov A.V. Technologies for the Development of Creative Thinking // В сборнике: Научно-образовательное пространство: реалии и перспективы повышения качества образования // Материалы V Международной научно-практической конференции. – Комрат: КГУ, 2025. – С. 359-362.

References:

[1] Gritsenko E.A., Kormashova E.R., Krupnov A.E. Innovative methods of teaching students in technical universities: Russian experience // In the collection: Quality of life: architecture, construction, transport, education // Collection of materials of the III International scientific and practical conference. - Ivanovo: ISPU, 2025. - Pp. 423-425.

[2] Dmitrieva E.V. The role of project activities in the process of studying the discipline “Foreign language for business communication” by students of non-linguistic specialties of the university // The world of science. Pedagogy and psychology. - 2023. - Vol. 11. - No. 1. - Pp. 1-13.

[3] Evdokimova A.I., Morozov A.V. Integration of scientific activities of universities with the formation of professional competencies of students // Social pedagogy in Russia. – 2022. – No. 1. – P. 35-41.

[4] Kononenko N.V., Tokareva Yu.S., Desnenko S.I., Fedotova A.D. Possibilities of Using a Project-Based Approach in a University when Studying Profile Mathematical Disciplines // Scientific Notes of the Zabaikalsky State University. – 2023. – Vol. 18. – No. 3. – P. 122-131.

[5] Konopleva I.V., Znaenko N.S., Mironova L.V. Mathematical Projects as a Tool for Developing Personal Qualities and Motivation for Learning // Continuum. Mathematics. Computer Science. Education. – 2024. – No. 4 (36). – P. 65-79.

[6] Morozov A.V. Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Education System //

In the collection: Education in the Digital Age: Experience, Problems, and Prospects // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Nizhny Novgorod: NGPU, 2025. – Pp. 74-77.

[7] Morozov A.V. Gamification as an Innovative Technology for Teaching Higher Education Students // In the collection: Higher Education: Experience, Problems, and Prospects // Proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference. – Moscow: RUDN University, 2025. – Pp. 27-31.

[8] Morozov A.V. On the Development of Students' Cognitive Activity in the Context of Digital Transformation // In the collection: Actual Problems of Modern Science: Psychology, Pedagogy, Economics, Management, and Law // Collection of Scientific Papers of the II Annual International Scientific and Practical Conference and International Scientific and Practical Conferences. – M.: MPSU, 2024. – P. 1403-1406.

[9] Morozov AV Features of higher education institution management in modern conditions // Education management: theory and practice. – 2016. – No. 2 (22). – P. 90-106.

[10] Morozov AV, Gil AV The role of modern digital technologies in the development of students' creative thinking // In the collection: Development of personal creativity in the modern digital multicultural space // Collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference with international participation. – Yelets: ESU named after I.A. Bunin, 2023. – P. 171-176.

[11] Morozov AV, Shorina TV The structure of scientific and methodological support for the visualization of educational information in the system of modern higher education // Education management: theory and practice. – 2017. – No. 4 (28). – P. 14-24.

[12] Nazarmatova G.A., Karynbaeva M.M. Application of interactive methods in teaching higher mathematics at the university // Bulletin of Bishkek State University. – 2024. – No. 3 (69). – P. 314-319.

[13] Orlova E.V. Project method as a means of improving the effectiveness of teaching higher mathematics // In the collection: Social and humanitarian sciences and cultural processes in modern society // Proceedings of the 1st All-Russian scientific and practical conference with distance and international participation. – Ulyanovsk: IP Kenshenskaya V.V. (Zebra Publishing House), 2024. – P. 399-401.

[14] Orlova L.G., Kornilova E.S. Using the Project-Based Method in Teaching Foreign Languages at the University // Actual Problems of the Humanities and Socio-Economic Sciences. – 2019. – Vol. 13. – No. 8. – Pp. 43-47.

[15] "Forecast of the Long-Term Socio-Economic Development of the Russian Federation for the Period up to 2030" (developed by the Ministry of Economic Development of Russia) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190 (accessed 17.02.2026).

[16] Puchkov N.P., Dorokhova T.Yu. Project Activities of Students in Higher Mathematics Classes // In the collection: Mathematics and Mathematical Education: Problems, Technologies, Prospects // Proceedings of the 42nd International Scientific Seminar of Teachers of Mathematics and Computer Science from Universities and Pedagogical Universities. – Smolensk: SSU, 2023. – P. 218-221.

[17] Order of the Government of the Russian Federation of 24.12.2013 No. 2506-r (as amended on 08.10.2020) "On Approval of the Concept for the Development of Mathematical Education in the Russian Federation" // Ministry of Education of the Russian Federation. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/b18bcc453a2a1f7e855416b198e5e276 (date of access 18.02.2026).

[18] Seitova S.M., Тәңirbergen E. Project-based and science-oriented approaches to teaching mathematics at a university // In the collection: Scientific research: fundamental and applied aspects // Collection of articles of the II International scientific and practical conference. – Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2025. – P. 48-52.

[19] Sukhorukova A.A. Realization of the intellectual and applied potential of mathematics in the context of project activities of students in higher education // Education and cultural space. - 2025. - No. 3. - Pp. 39-47.

[20] Tereshchenko A.Yu., Morozov A.V. The influence of artificial intelligence technologies on modern education // Human capital. - 2024. - No. 4 (184). - Pp. 104-110.

[21] Fedorchuk Yu.M., Morozov A.V. Education development strategy: from the international level to the level of an educational organization // Global economy and education. - 2021. - Vol. 1. - No. 2. - Pp. 73-81.

[22] Bashkireva T.V., Bashkireva A.V., Morozov A.V., Evdokimova A.I., Apsite M.A. Conditions for Digitalization of Education and Related Health Problems of Students // 2nd International Scientific and Practical Conference on Digital Economy (ISCDE 2020) // Atlantis press SARL / Advances in Economics, Business and Management Research. - 2020. - vol. 156. - Pp. 159-162.

[23] Morozov A.V. Technologies for the Development of Creative Thinking // In the collection: Scientific and educational space: realities and prospects for improving the quality of education // Proceedings of the V International scientific and practical conference. - Comrat: KSU, 2025. - Pp. 359-362.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-537-544

ГРИШИНА Елена Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Уральский институт ГПС МЧС России,
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург,
e-mail: GrishinaLena18@yandex.ru

ОБУЧЕНИЕ ЧТЕНИЮ И АНАЛИЗУ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАТЕЙ И ОТЧЁТОВ ПО СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ В СФЕРЕ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме формирования у студентов технических вузов компетенций, необходимых для чтения, понимания и критического анализа англоязычных научных статей и экспертных отчётов в области судебной экспертизы пожаров. Актуальность обусловлена возрастающей потребностью в специалистах, способных работать с иноязычными профессиональными текстами, содержащими данные о причинах возникновения пожаров, результатах лабораторных исследований и выводах экспертиз. Целью работы является разработка и теоретическое обоснование интегративной методической модели обучения профессионально ориентированному чтению на иностранном языке применительно к тематике пожарной безопасности. Впервые предложена модель, объединяющая терминологическую, текстовую, аналитическую и социокультурную подготовку студентов в единую дидактическую систему с опорой на задачный подход, перевёрнутую технологию и дискурсивный анализ. Рассмотрены терминологические особенности англоязычного дискурса данной предметной области, методики реферирования и извлечения ключевой информации, дидактический потенциал дискурсивных маркеров. Представлена технологическая карта учебного занятия по анализу экспертного заключения и результаты апробации разработанного комплекса заданий в группе из 24 студентов, обучающихся по направлению «Техносферная безопасность». В качестве методов исследования использованы теоретический анализ, педагогическое моделирование, опытно-экспериментальная работа и статистическая обработка результатов.*

Ключевые слова: *обучение чтению, иностранный язык, технический вуз, пожарная безопасность, судебная экспертиза, научный текст, реферирование, критический анализ, профессиональная терминология, дискурсивные маркеры.*

GRISHINA Elena Vladimirovna,
PhD in Pedagogy, associate Professor,
Ural Institute of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
URAL Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

TEACHING READING AND ANALYSIS OF ENGLISH-LANGUAGE ARTICLES AND REPORTS ON FORENSIC EXPERTISE IN THE FIELD OF FIRE SAFETY

Annotation. *The article addresses the problem of developing competencies required for reading, understanding, and critically analyzing English-language scientific articles and expert reports in the field of fire investigation among students of technical universities. The relevance of the study is determined by the growing need for specialists capable of working with foreign-language professional texts containing data on fire causes, laboratory research results, and expert conclusions. The aim of the work is to develop and theoretically substantiate an integrative methodological model for teaching professionally oriented reading in a foreign language as applied to fire safety topics. For the first time, a model is proposed that combines terminological, textual, analytical, and sociocultural*

training of students into a unified didactic system based on a task-based approach, flipped learning technology, and discourse analysis. A lesson technology card for analyzing an expert report is presented along with the results of piloting the developed set of assignments in a group of 24 students enrolled in the "Technosphere Safety" program. Research methods include theoretical analysis, pedagogical modeling, experimental work, and statistical processing of results.

Key words: *reading instruction, foreign language, technical university, fire safety, forensic expertise, scientific text, abstracting, critical analysis, professional terminology, discourse markers.*

Введение

Современная система подготовки специалистов в области пожарной безопасности предъявляет всё более высокие требования к уровню владения иностранным языком. Значительная часть актуальных научных исследований, нормативных документов и экспертных заключений в области судебной экспертизы пожаров публикуется на английском языке в таких изданиях, как «Журнал пожарной безопасности», «Журнал пожарных наук», «Пожарные технологии», а также в отчётах Национальной ассоциации противопожарной защиты и Международной ассоциации исследователей поджогов. Российские специалисты, не владеющие навыками работы с этими источниками, оказываются ограничены в доступе к передовому мировому опыту установления причин пожаров и современным методам анализа продуктов горения.

Обучение иностранному языку в технических вузах сопряжено с объективными трудностями [4, с. 573–574; 9, с. 312-313]. Студенты инженерных специальностей нередко воспринимают языковую подготовку как второстепенную. Однако машинный перевод не способен заменить навыки критического анализа экспертного заключения и оценки достоверности выводов. Именно эти навыки являются ключевыми для специалиста, работающего с материалами судебной экспертизы пожаров, где ошибка в интерпретации данных может привести к неверному установлению причин и обстоятельств возгорания.

Степень разработанности проблемы характеризуется наличием значительного числа работ, посвящённых отдельным аспектам обучения иностранному языку в техническом вузе: задачному подходу, перевёрнутым технологиям, формированию социокультурной компетенции, обучению реферированию. Вместе с тем исследования, непосредственно направленные на создание целостной методики обучения чтению и анализу англоязычных текстов по судебной экспертизе в сфере пожарной безопасности, в отечественной педагогической науке отсутствуют. **Научная новизна** настоящей работы состоит в том, что впервые предложена интегративная методическая модель, объединяющая терминологическую подготовку в области пожарной безопасности, обучение реферированию и структурному чтению на основе дискурсивных маркеров, развитие аналитических компетенций посредством задачного подхода и формирование социокультурной компетенции в единую дидактическую систему, ориентированную на работу с конкретными жанрами профессиональных текстов — экспертными заключениями, научными статьями и отчётами по расследованию пожаров.

Целью статьи является разработка и теоретическое обоснование указанной модели с представлением результатов её апробации. Задачи исследования: охарактеризовать терминологические особенности англоязычного дискурса в области пожарной экспертизы; рассмотреть методики реферирования и извлечения ключевой информации; проанализировать роль дискурсивных маркеров в формировании навыков структурного чтения; оценить потенциал задачного подхода и перевёрнутой технологии для организации аналитической работы; раскрыть социокультурный аспект; представить технологическую карту занятия и результаты апробации. Методами исследования послужили теоретический анализ научной литературы, педагогическое моделирование, опытно-экспериментальная работа и статистическая обработка данных.

Терминологические основы англоязычного дискурса в области пожарной безопасности

Работа с англоязычными экспертными отчётами по судебной экспертизе пожаров невозможна без системного освоения специализированной терминологии. Исследование становления и развития терминологического аппарата пожарной безопасности в английском языке демонстрирует, что данная предметная область обладает сложной, многоуровневой системой терминов, сформировавшейся на протяжении нескольких столетий под влиянием научно-технического прогресса и эволюции нормативно-правовой базы [8, с. 250]. Эта особенность создаёт специфические трудности для обучения профессионально ориентированному чтению.

Терминология судебной экспертизы пожаров характеризуется несколькими чертами, значимыми для методики обучения. Во-первых, значительная часть терминов представляет собой многокомпонентные словосочетания, буквальный

перевод которых искажает профессиональное содержание. Например, термин, обозначающий быстрый переход локального горения в полномасштабное воспламенение всех горючих материалов в замкнутом помещении, не имеет однословного эквивалента в русском языке и требует развёрнутого пояснения. Термины, связанные с определением точки происхождения огня, описанием характерных рисунков выгорания на строительных конструкциях, а также с процедурой отбора и лабораторного анализа проб на наличие следов горючих жидкостей, также нуждаются в контекстуальной интерпретации. Во-вторых, терминосистема пожарной экспертизы активно заимствует лексику из смежных областей — аналитической химии, строительной физики, материаловедения, уголовного права, — что создаёт дополнительные трудности для студентов с неравномерной предметной подготовкой в указанных дисциплинах. В-третьих, существуют расхождения между британским и американским вариантами терминологии, распознавание которых принципиально для корректной работы с источниками разного происхождения.

Продуктивным подходом к формированию терминологической компетенции является поэтапное освоение терминологии непосредственно в процессе работы с аутентичными текстами. На первом этапе студенты получают фрагмент реального экспертного заключения — например, раздел, описывающий процедуру осмотра места пожара и фиксации характерных повреждений строительных конструкций. Задача студентов — выделить незнакомые терминологические единицы и классифицировать их по тематическим группам: термины, описывающие визуальные признаки воздействия огня; термины инструментальных методов исследования, включая газовую хроматографию и масс-спектрометрию; юридические термины, определяющие статус эксперта и порядок производства экспертизы. На втором этапе значения терминов устанавливаются с опорой на контекст и специализированные толковые словари. На третьем этапе студенты используют освоенные термины в собственных аналитических высказываниях, формулируя, например, краткое описание хода экспертного исследования.

Реферирование и извлечение ключевой информации из англоязычных научных текстов

Навыки реферирования являются одной из ключевых составляющих профессиональной компетенции специалиста, работающего с иноязычными научными источниками. Содержание обучения реферированию на иностранном языке в техническом вузе представляет собой многоаспектную проблему, предполагающую одновременное развитие языковых, текстовых и аналитических умений [7, с. 230]. Применительно к тематике судебной экспертизы пожаров реферирование приобретает особую значимость, поскольку специалисту необходимо оперативно извлекать релевантную информацию из объёмных экспертных отчётов, сопоставлять данные различных исследований и формулировать обоснованные выводы.

Обучение реферированию англоязычных текстов по пожарной экспертизе целесообразно выстраивать в 3 этапа. На первом этапе студенты осваивают стратегии ориентировочного чтения: определяют тематику по заголовку и аннотации, выявляют структуру текста, идентифицируют разделы, посвящённые описанию объекта исследования, применённым методам, полученным результатам и экспертным выводам. На втором этапе формируются навыки изучающего чтения, предполагающего детальный анализ содержания с выявлением причинно-следственных связей и оценкой обоснованности аргументации. На третьем этапе студенты составляют реферативные тексты различного объёма и назначения — от аннотации в 50 слов до реферата-обзора на 500 слов, объединяющего данные 2–3 источников по одной тематике, например по методам обнаружения ускорителей горения.

Конкретным примером реализации данного подхода служит следующее задание. Студенты получают научную статью объёмом 8–10 страниц из тематического журнала, посвящённую сравнительному анализу газохроматографических методов определения присутствия легковоспламеняющихся жидкостей в пробах, отобранных с места пожара. Требуется составить реферат объёмом 250–300 слов, отражающий цель исследования, описание аналитических методов, основные результаты и авторскую оценку значимости полученных данных для практики пожарно-технической экспертизы. Критериями оценки выполнения задания являются: полнота отражения ключевой информации (максимум 3 балла), корректность использования профессиональной терминологии (максимум 3 балла), степень самостоятельности перефразирования, то есть отсутствие дословного копирования из источника (максимум 2 балла), а также логическая связность и языковая грамотность реферата (максимум 2 балла).

Существенным компонентом обучения реферированию является формирование навыков перефразирования. Студенты технических специальностей нередко склонны к дословному копированию фрагментов исходного текста. Преодоление этой тенденции требует систематической работы с приёмами лексической и грамматической трансформации: заменой терминов синони-

мами, изменением структуры предложений, объединением или членением смысловых блоков. Такая работа одновременно углубляет понимание предметного содержания, поскольку успешное перефразирование возможно лишь при подлинном осмыслении информации.

Дискурсивные маркеры как инструмент формирования навыков структурного чтения

Понимание логической организации научного текста является необходимым условием его адекватной интерпретации. Дискурсивные маркеры могут выступать не только как результат обучения, то есть как освоенный лексический материал, но и как самостоятельный дидактический инструмент формирования навыков чтения [10, с. 138]. Этот подход имеет существенное значение для работы с англоязычными текстами по судебной экспертизе пожаров, отличающимися высокой степенью структурной организации и жёсткой логикой изложения.

В текстах экспертных заключений и научных статей по пожарной экспертизе дискурсивные маркеры выполняют несколько функций, критически важных для понимания содержания. Маркеры причинно-следственных связей указывают на зависимость между обнаруженными следами пожара и выводами эксперта о механизме возгорания. Маркеры противопоставления сигнализируют о наличии альтернативных версий или данных, опровергающих первоначальные гипотезы, что особенно значимо в контексте судебной экспертизы, где выводы должны быть исчерпывающе обоснованы. Маркеры дополнения показывают, как автор наращивает доказательную базу, добавляя новые данные и факты к уже представленным. Маркеры обобщения позволяют идентифицировать итоговые выводы, к которым приходит автор.

В практике обучения эффективным является упражнение на восстановление дискурсивных маркеров в тексте. Студенты получают фрагмент экспертного заключения объёмом 400–500 слов, из которого удалены 8–10 маркеров. Задача — восстановить их, опираясь на понимание логических связей. Например, в описании последовательности экспертного исследования, включающего осмотр места пожара, отбор проб обугленных конструкций, проведение лабораторного анализа и формулирование выводов, студентам необходимо определить, какие маркеры обозначают хронологическую последовательность действий, а какие — переход от фактического описания к интерпретации результатов. Дополнительно используется технология построения графических схем, позволяющая визуализировать логическую структуру текста: от описания обстоятельств пожара через перечисление обнаруженных следов и результатов инструментальных исследований к экспертным выводам о причине возгорания.

Задачный подход в развитии аналитических компетенций при работе с экспертными текстами

Формирование навыков критического анализа профессиональных текстов требует активного вовлечения студентов в деятельность, моделирующую реальные профессиональные ситуации. Задачный подход предполагает организацию учебного процесса на основе системы учебно-познавательных задач, стимулирующих развитие критического мышления и профессиональной креативности [1, с. 103]. Применительно к обучению анализу текстов по судебной экспертизе пожаров задачный подход позволяет перевести учебную деятельность из плоскости пассивного восприятия информации в плоскость активного решения профессионально значимых задач.

Одним из продуктивных инструментов является диаграмма причинно-следственных связей. В контексте обучения чтению экспертных отчётов студентам предлагается задача: на основе англоязычного экспертного заключения о причинах пожара в промышленном здании построить диаграмму, в которой основные категории причин — технические неисправности электрооборудования, нарушения правил хранения горючих материалов, человеческий фактор, недостатки системы пожарной сигнализации — детализируются конкретными данными из текста. Студенты работают в группах по 3–4 человека, каждая группа отвечает за анализ одной категории причин и представляет результаты на английском языке. Итоговая диаграмма обсуждается всей группой, при этом преподаватель обращает внимание на то, насколько полно студенты извлекли информацию из текста и насколько корректно использовали терминологию.

Не менее значимым инструментом является техника множественных перспектив. Студентам предлагается рассмотреть материалы конкретного экспертного исследования — например, заключение о причинах пожара на складе горючих материалов — с позиций 5 заинтересованных сторон: эксперта-исследователя, стороны обвинения, стороны защиты, представителя страховой компании, инженера по пожарной безопасности, разрабатывающего рекомендации по предотвращению подобных инцидентов. Каждая подгруппа формулирует 3–5 вопросов к тексту, выделяет данные, значимые для своей позиции, и готовит аргументированное заключение на 150–200 слов. Такое задание формирует понимание того, что

один и тот же экспертный текст может быть интерпретирован различными способами в зависимости от профессиональных целей читателя.

Перевёрнутая технология обучения и её потенциал для работы с профессиональными текстами

Ограниченный объём учебных часов, отводимых на дисциплину «Иностранный язык» в технических вузах, не позволяет в полной мере реализовать все этапы аналитической работы с текстом в рамках традиционного занятия. Перевёрнутая технология обучения предлагает решение данной проблемы путём перераспределения деятельности между аудиторной и внеаудиторной работой: первичное знакомство с текстом происходит самостоятельно до занятия, а аудиторное время используется для углублённого анализа под руководством преподавателя [2, с. 33]. Данный подход особенно продуктивен при работе с объёмными экспертными отчётами, первичное прочтение которых занимает значительное время.

Конкретным примером реализации перевёрнутой технологии служит двухэтапное задание по сопоставительному анализу двух публикаций, представляющих различные подходы к установлению причин пожара в жилых зданиях. До занятия студенты самостоятельно читают обе статьи и заполняют сравнительную таблицу из 5 параметров: цель исследования, методы сбора данных, методы лабораторного анализа, основные результаты, сформулированные выводы. На аудиторном занятии (90 минут) первые 15 минут отводятся на проверку и обсуждение заполненных таблиц. Следующие 30 минут группы по 4 человека анализируют выявленные расхождения между публикациями, определяют их возможные причины (различия в методологии, объёме выборки, интерпретации данных) и формулируют обоснованную позицию относительно достоверности каждого исследования. Затем 25 минут отводятся на межгрупповую дискуссию, в ходе которой группы представляют свои выводы и отвечают на вопросы оппонентов. Заключительные 20 минут студенты индивидуально составляют письменное заключение объёмом 200 слов, в котором формулируют собственную оценку двух подходов. Такой формат позволяет максимально эффективно использовать аудиторное время именно для тех видов деятельности, которые требуют руководства преподавателя и группового взаимодействия.

Иммерсивные технологии в обучении профессионально ориентированному чтению

Цифровая трансформация образования открывает новые возможности для контекстуализации процесса обучения иностранному языку. Анализ перспектив применения иммерсивных технологий в обучении иностранным языкам студентов технических вузов свидетельствует о значительном дидактическом потенциале виртуальной, дополненной и смешанной реальности, несмотря на ряд трудностей, связанных с их внедрением [6, с. 143]. Данные технологии обеспечивают погружение обучающегося в моделируемую ситуацию, что способствует повышению мотивации и формированию более прочных ассоциативных связей между профессиональными понятиями и их языковым выражением.

Применительно к обучению чтению текстов по судебной экспертизе пожаров иммерсивные технологии позволяют создать контекстуализированную учебную среду. Студент, совершающий виртуальный осмотр места пожара и одновременно работающий с англоязычным экспертным отчётом, описывающим данный объект, формирует значительно более глубокое понимание терминологии, чем при работе исключительно с печатным текстом. Видя виртуальную модель обрушенной строительной конструкции и читая описание характерных признаков термического воздействия на различные строительные материалы — деформацию стальных элементов, обугливание древесины, растрескивание бетона, — студент устанавливает прочную связь между термином и обозначаемым явлением.

Вместе с тем внедрение иммерсивных технологий сопряжено с объективными трудностями: недостаточная методическая обеспеченность, отсутствие специализированного контента по пожарной тематике, значительные затраты на оборудование. Создание виртуальных моделей мест пожаров требует междисциплинарного взаимодействия специалистов в области информационных технологий, пожарной безопасности и лингводидактики. Тем не менее даже при отсутствии полноценной виртуальной среды элементы иммерсивного подхода — панорамные фотографии мест пожаров с интерактивными метками, видеозаписи проведения экспертных исследований с профессиональным комментарием, трёхмерные модели повреждённых конструкций — могут быть интегрированы в учебный процесс для повышения его эффективности.

Социокультурный аспект обучения чтению англоязычных текстов по пожарной экспертизе

Адекватное понимание англоязычных текстов по судебной экспертизе пожаров невозможно без учёта социокультурного контекста их создания. Формирование социокультурной компетенции при обучении иностранному языку в техниче-

ском вузе предполагает развитие способности понимать и учитывать культурно обусловленные особенности коммуникации, нормативного регулирования и профессиональной практики [3, с. 106]. Для специалистов в области пожарной безопасности эта компетенция имеет непосредственное практическое значение: системы нормативного регулирования, методы проведения экспертиз, стандарты оформления заключений и порядок представления результатов экспертизы в суде существенно различаются в разных странах.

Анализ содержания учебных пособий по иностранным языкам для технических вузов показывает, что социокультурный компонент в них нередко ограничивается общекультурной информацией, не связанной с профессиональной спецификой обучающихся [5, с. 124]. Между тем для студентов, специализирующихся в области пожарной безопасности, принципиально важно понимание различий между отечественной и зарубежной практикой. В англоязычных странах действует стандарт 921 Национальной ассоциации противопожарной защиты, определяющий порядок расследования пожаров и взрывов. Экспертные заключения, подготовленные в соответствии с этим стандартом, имеют специфическую структуру: гипотезы о причинах пожара формулируются и последовательно проверяются методом исключения, что отличается от отечественной методологии. Без понимания данного контекста студент может неверно интерпретировать логику изложения, роль различных участников экспертного процесса и юридический статус выводов.

Для формирования социокультурной компетенции целесообразно включать в учебный процесс задания на сопоставительный анализ. Студентам предлагается сравнить структуру и содержание отечественного заключения пожарно-технической экспертизы и аналогичного документа, подготовленного по зарубежному стандарту. Параметрами сравнения выступают: структура документа, порядок описания объекта исследования, требования к доказательности выводов, допустимые методы исследования, оформление результатов. Выполнение такого задания одновременно развивает навыки чтения на иностранном языке и углубляет профессиональные знания.

Результаты исследования

Теоретический анализ позволил сформулировать интегративную методическую модель обучения чтению и анализу англоязычных текстов по судебной экспертизе пожаров. Модель включает 4 взаимосвязанных компонента: терминологический (освоение профессиональной лексики в контексте аутентичных текстов), текстовый (формирование навыков реферирования и структурного чтения на основе дискурсивных маркеров), аналитический (развитие критического мышления посредством задачного подхода и перевёрнутой технологии) и социокультурный (понимание различий в нормативно-правовых и методологических подходах к проведению пожарной экспертизы в разных странах). Каждый компонент реализуется через конкретные типы заданий, описанные в соответствующих разделах статьи.

Для апробации модели была разработана **технологическая карта учебного занятия** «Анализ экспертного заключения о причинах пожара», рассчитанного на 90 минут. **Этап 1** (10 минут): фронтальная проверка домашнего задания — студенты до занятия самостоятельно прочитали экспертное заключение объёмом 6 страниц и выписали 15 ключевых терминов с определениями. Преподаватель проверяет корректность определений и обсуждает наиболее сложные случаи. **Этап 2** (15 минут): индивидуальная работа — студенты выполняют упражнение на восстановление 10 дискурсивных маркеров, удалённых из раздела заключения, посвящённого описанию результатов лабораторного анализа проб. **Этап 3** (25 минут): групповая работа — 6 групп по 4 студента строят диаграмму причинно-следственных связей, каждая группа анализирует свою категорию факторов пожара и представляет результаты. **Этап 4** (20 минут): ролевой анализ текста с множественных перспектив — 5 подгрупп работают с позиции эксперта, обвинения, защиты, страховой компании и инженера по профилактике. **Этап 5** (15 минут): индивидуальное составление реферата заключения объёмом 150 слов. **Этап 6** (5 минут): рефлексия — устное обсуждение трудностей и наиболее значимых выводов.

Апробация данного занятия была проведена в группе из 24 студентов 3-го курса, обучающихся по направлению «Техносферная безопасность» (профиль «Пожарная безопасность»). До начала апробации было проведено диагностическое тестирование, включавшее 3 компонента: терминологический тест (20 терминов пожарной экспертизы, максимум 20 баллов), задание на понимание структуры экспертного заключения (определение функции 5 разделов текста, максимум 10 баллов) и задание на составление аннотации статьи (максимум 10 баллов). Средний балл по группе составил 17,3 из 40 (43,3%). После проведения цикла из 6 занятий по разработанной модели (12 академических часов) было проведено повторное тестирование с использованием аналогичных, но не идентичных заданий. Средний балл составил 28,6 из 40 (71,5%). Прирост составил 11,3 балла (28,2 процентных пункта). Наибольший прогресс отмечен по терминологиче-

скому компоненту: средний балл вырос с 7,8 до 14,2 из 20 (прирост 82%). Компонент понимания структуры текста показал прирост с 4,9 до 7,6 из 10 (55%). Результаты реферирования улучшились с 4,6 до 6,8 из 10 (48%). Полученные данные свидетельствуют о результативности предложенной модели, хотя ограниченный объём выборки (24 студента) и отсутствие контрольной группы не позволяют делать окончательные выводы и указывают на необходимость расширенного педагогического эксперимента.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что обучение студентов технических вузов чтению и критическому анализу англоязычных статей и отчётов по судебной экспертизе в сфере пожарной безопасности представляет собой многоаспектную методическую задачу, требующую интеграции различных педагогических подходов. Впервые предложенная интегративная модель объединяет терминологическую подготовку, обучение реферированию и структурному чтению, развитие аналитических компетенций посредством задачного подхода и формирование социокультурной компетенции в единую систему, ориентированную на работу с конкретными жанрами профессиональных текстов — экспертными заключениями, научными статьями и отчётами по расследованию пожаров. Результаты апробации в группе из 24 студентов подтверждают результативность модели: средний балл по комплексному тестированию вырос с 43,3% до 71,5% после цикла из 6 занятий. Дальнейшие перспективы связаны с проведением расширенного эксперимента с контрольной группой, разработкой учебного пособия и созданием банка аутентичных текстов по судебной экспертизе пожаров.

Список литературы:

[1] Ануфриева Т.Н. Практика применения задачного подхода при обучении иностранному языку в техническом вузе / Т.Н. Ануфриева, Т.В. Сидоренко // Вопросы методики преподавания в вузе. 2025. Т. 14. № 2. – С. 97–113.

[2] Власова И.В. Перевёрнутая технология обучения иностранному языку в техническом вузе / И.В. Власова // Высшее образование сегодня. 2023. № 1. – С. 31–34.

[3] Волкова В.В. Формирование социокультурной компетенции при обучении иностранному языку в техническом вузе / В.В. Волкова, Е.Г. Соколова // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 79-1. – С. 105–108.

[4] Гришина Е.В., Шагбанова Х.С. К вопросу о современных технологиях преподавания иностранного языка в неязыковых вузах: на примере образовательных учреждений МЧС России / Е.В. Гришина, Х.С. Шагбанова // Образование и право. 2024. № 4. – С. 572–578.

[5] Игна О.Н. Социокультурный компонент содержания учебников по иностранным языкам для технических вузов / О.Н. Игна // Научно-педагогическое обозрение. 2021. № 5 (39). – С. 120–129.

[6] Одарюк И.В. Перспективы применения иммерсивных технологий в обучении иностранным языкам студентов технических вузов / И.В. Одарюк, Ю.Ю. Котляренко, Е.А. Николаева // Концепт. 2024. № 3. – С. 137–151.

[7] Проскурина Г.А. К вопросу о содержании обучения студентов технического вуза реферированию на иностранном языке / Г.А. Проскурина // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-3. – С. 229–232.

[8] Садовникова О.А. Формирование и развитие терминологии пожарной безопасности (на примере английского языка) / О.А. Садовникова // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. – С. 247–254.

[9] Шагбанова Х.С., Гордеев А.Д. Профессионально-языковые компетенции в системе подготовки студентов технических вузов / Х.С. Шагбанова, А.Д. Гордеев // Проблемы эксплуатации систем транспорта: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию со дня основания Тюменского индустриального института им. Ленинского комсомола / Отв. ред. В.И. Бауэр. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2008. – С. 310–313.

[10] Шугаева А.С. Дидактический функционал дискурсивных маркеров при обучении чтению на английском языке / А.С. Шугаева, И.В. Коровина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 2. – С. 135–143.

References:

[1] Anufrieva T.N. Practice of applying the task-based approach in teaching a foreign language at a technical university / T.N. Anufrieva, T.V. Sidorenko // Issues of teaching methods at the university. 2025. Vol. 14. No. 2. – Pp. 97–113.

[2] Vlasova I.V. Flipped technology of teaching a foreign language at a technical university / I.V. Vlasova // Higher education today. 2023. No. 1. – Pp. 31–34.

[3] Volkova V.V. Formation of socio-cultural competence in teaching a foreign language at a technical university / V.V. Volkova, E.G. Sokolova // Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 79-1. – P. 105–108.

[4] Grishina E.V., Shagbanova H.S. On the Issue of Modern Technologies for Teaching Foreign Languages in Non-Linguistic Universities: The Case of Educational Institutions of the Russian Ministry of Emergency Situations / E.V. Grishina, H.S. Shagbanova // Education and Law. 2024. No. 4. – P. 572–578.

[5] Igna O.N. Sociocultural Component of the Content of Foreign Language Textbooks for Technical Universities / O.N. Igna // Scientific and Pedagogical Review. 2021. No. 5 (39). – P. 120–129.

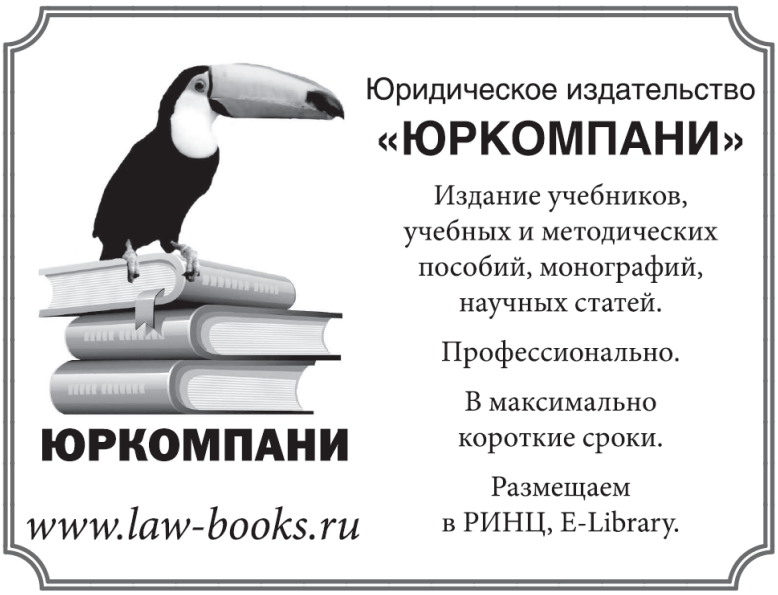
[6] Odaryuk I.V. Prospects for the Application of Immersive Technologies in Teaching Foreign Languages to Students of Technical Universities / I.V. Odaryuk, Yu.Yu. Kotlyarenko, E.A. Nikolaeva // Concept. 2024. No. 3. – P. 137–151.

[7] Proskurina G.A. On the Content of Teaching Technical University Students Refereeing in a Foreign Language / G.A. Proskurina // Problems of Modern Pedagogical Education. 2022. No. 76-3. – P. 229–232.

[8] Sadovnikova O.A. Formation and Development of Fire Safety Terminology (using the English language as an example) / O.A. Sadovnikova // Modern Pedagogical Education. 2023. No. 5. – P. 247–254.

[9] Shagbanova Kh.S., Gordeev A.D. Professional and Language Competencies in the System of Training Students of Technical Universities / Kh.S. Shagbanova, A.D. Gordeev // Problems of Operation of Transport Systems: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 45th Anniversary of the Founding of the Tyumen Industrial Institute named after Lenin Komsomol / Ed. V. I. Bauer. - Tyumen: Tyumen Industrial University, 2008. - Pp. 310-313.

[10] Shugaeva A. S. Didactic Functionality of Discursive Markers in Teaching Reading in English / A. S. Shugaeva, I. V. Korovina // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2022. Vol. 28. No. 2. - Pp. 135-143.



Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-545-551

ХАЛЬЗОВА Наталья Александровна,
доцент высшей школы физико-математических наук,
кандидат экономических наук, Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тихоокеанский государственный университет»,
e-mail: 003818@togudv.ru

ПАНОЧЕВНЫЙ Павел Николаевич,
Старший преподаватель высшей школы промышленной инженерии,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тихоокеанский государственный университет»,
e-mail: 005681@togudv.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА КАК МЕХАНИЗМ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН

Аннотация. *В статье исследуется административно-правовое измерение цифровой трансформации образовательной среды российского университета в контексте управления качеством обучения иностранных студентов. На основе системного анализа действующего законодательства Российской Федерации - Федерального закона «Об образовании» (2012), Стратегии развития информационного общества (2017), Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования (2021), государственной программы «Развитие образования» (2017) и ряда подзаконных актов - выявляются лакуны нормативного регулирования цифровой образовательной среды применительно к иностранным гражданам, обучающимся в России. Установлено, что действующее законодательство закрепляет общие принципы цифровизации высшего образования, однако не содержит специальных механизмов обеспечения качества обучения иностранных студентов в условиях перехода на гибридный и дистанционный форматы. Автором предложен комплекс административно-правовых инструментов восполнения выявленных пробелов: введение адаптивного стандарта цифровой образовательной среды для вузов с долей иностранных студентов свыше 15 %, создание специализированного регулятора - Федерального цифрового образовательного центра, а также закрепление требований языковой и культурной адаптации цифровых платформ на уровне федерального подзаконного акта.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация образования, образовательное право, административно-правовое регулирование, иностранные студенты, качество образования, цифровая образовательная среда, управление вузом, электронное обучение.*

KHALZOVA Natalia Alexandrovna,
Associate Professor,
School of Physical and Mathematical Sciences,
PhD in Economics, Pacific National University

PANOCHEVNY Pavel Nikolaevich,
Senior Lecturer, School of Industrial Engineering,
Pacific National University

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE UNIVERSITY EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A MECHANISM FOR MANAGING THE QUALITY OF EDUCATION FOR STUDENTS FROM DIFFERENT COUNTRIES

Annotation. *This article examines the administrative and legal dimension of the digital transformation of the Russian university educational environment in the context of managing the quality of education for international students. Based on a systematic analysis of current Russian legislation - Federal Law "On Education" (2012), the Strategy for Information Society Development (2017), the Strategy for Digital Transformation of the Science and Higher Education Sector (2021), the "Education Development" state programmer (2017), and a number of subordinate legislative acts - the article identifies gaps in the regulatory framework governing the digital educational environment for foreign citizens studying in Russia. It is established that current legislation enshrines the general principles of digitalization of higher education but does not contain specific mechanisms for ensuring the quality of education for international students in the context of transition to hybrid and distance learning formats. The author proposes a set of administrative and legal instruments to address the identified gaps: the introduction of an adaptive standard for the digital educational environment for universities with an international student enrolment exceeding 15 %; the establishment of a specialized regulatory body - the Federal Digital Educational Centre; and the legislative consolidation of linguistic and cultural adaptation requirements for digital platforms at the level of a federal subordinate act.*

Key words: *digital transformation of education, educational law, administrative and legal regulation, international students, quality of education, digital educational environment, university management, e -learning.*

Введение

Вопрос о правовом обеспечении цифровой трансформации высшей школы вышел за пределы педагогической дискуссии и приобрёл отчётливо выраженное административно-правовое измерение. Это объясняется прежде всего тем, что государство взяло на себя роль ключевого субъекта цифровизации образования: принятый в 2021 году документ Министерства науки и высшего образования РФ - Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования - прямо квалифицирует цифровую трансформацию как государственную задачу, реализуемую посредством административных механизмов управления [8].

Между тем практика показывает, что нормативная база, создаваемая на федеральном уровне, слабо учитывает специфику контингента иностранных студентов, а их численность в российских университетах неуклонно растёт. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, в 2022/23 учебном году в России обучалось более 351 тысячи иностранных граждан из 175 государств [9]. Это второй показатель в мире после США и один из ключевых индикаторов конкурентоспособности российской системы высшего образования на глобальном рынке образовательных услуг. Цифровая трансформация университетской среды одновременно создаёт возможности для преодоления языковых и культурных барьеров в обучении иностранных студентов и формирует риски, связанные с неравным доступом к цифровым образовательным ресурсам, различной технологической оснащённостью студентов из разных стран и отсутствием единых правовых стандартов качества обучения в цифровой среде.

Специфика данной проблемы с юридической точки зрения состоит в следующем. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 -ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] гарантирует иностранным гражданам равные права в сфере образования наравне с российскими студентами. Однако содержательное наполнение этого принципа применительно к цифровой образовательной среде законом не раскрыто. Разрыв между декларативным равноправием и реальными условиями обучения иностранных граждан в условиях цифровизации представляет собой нормативный пробел, требующий систематического изучения и устранения.

Цель исследования - выявить административно -правовые механизмы управления качеством обучения иностранных студентов в условиях цифровой трансформации образовательной среды вуза и сформулировать предложения по совершенствованию нормативного регулирования.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: (1) систематизировать действующую нормативную правовую базу цифровой трансформации высшего образования с позиций её применимости к образованию иностранных студентов; (2) установить правовой статус цифровой образовательной среды вуза в системе образовательного и административного права; (3) выявить конкретные пробелы в законодательном регулировании управления качеством обучения иностранных граждан в цифровой среде; (4) разработать предложения по административно -правовому обеспечению реализации рассматриваемого механизма.

Научная новизна состоит в том, что впервые предпринят систематический анализ норматив-

ной правовой базы цифровой трансформации высшего образования в аспекте обеспечения прав и качества обучения иностранных студентов; выявлена структура правовых пробелов в регулировании данной сферы и предложен конкретный инструментарий их устранения на уровне федерального законодательства и подзаконных актов.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специально-юридические методы. Формально -юридический метод применялся при анализе текстов нормативных правовых актов на предмет их содержания, структуры и внутренней согласованности. Системно -правовой метод позволил рассмотреть совокупность актов в области цифровой трансформации образования как единую регулятивную систему с присущими ей иерархическими связями и противоречиями. Метод правового моделирования использовался при конструировании предложений de lege ferenda - рекомендаций по изменению действующего законодательства.

Эмпирическую основу составили: во-первых, массив из 14 нормативных правовых актов федерального уровня (федеральные законы, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, приказы Минобрнауки России), изданных в период с 2012 по 2023 год и регулирующих цифровизацию высшего образования либо правовое положение иностранных студентов; во -вторых, официальные статистические данные Министерства науки и высшего образования РФ о контингенте иностранных студентов (2018–2023); в-третьих, материалы правоприменительной практики - обращения и жалобы иностранных граждан, зафиксированные в докладах Уполномоченного по правам студентов, за 2021–2023 годы.

Теоретической базой исследования послужили труды Д. А. Пашенцева в области образовательного права [12], работы В. М. Сырых по теории образовательного права [5], исследования Л. В. Андриченко и И. В. Плюгиной о правовом положении иностранных граждан в образовательной системе России [6], а также исследования в области правового регулирования цифровой образовательной среды - в первую очередь работа Е. А. Кирилловой [10] и статья А. А. Вавиловой [11].

Результаты и обсуждение

Нормативная основа цифровой трансформации высшего образования в России формируется как многоуровневая система, включающая акты конституционного, законодательного и подзаконного уровней. На вершине этой системы находится Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 -ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] - базовый акт, закрепляющий право на образование, принцип доступности, гарантии качества и организационные основы образовательной деятельности. Статья 16 этого закона посвящена электронному обучению и дистанционным образовательным технологиям, однако её формулировки, по существу, остаются рамочными: закон лишь указывает на право образовательных организаций применять соответствующие технологии, не устанавливая ни стандартов цифровой среды, ни гарантий для отдельных категорий обучающихся.

Стратегическое целеполагание в сфере цифровой трансформации государственного управления, включая образование, закреплено Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [3]. Стратегия закрепляет задачу формирования «цифровой экономики» и прямо указывает на необходимость цифровизации системы образования как инфраструктурной основы экономического развития. Тем не менее этот документ носит декларативный характер и не порождает конкретных механизмов административного управления образовательным процессом.

Операциональный уровень регулирования представлен государственной программой Российской Федерации «Развитие образования», утверждённой Постановлением Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 [2]. Программа включает подпрограмму «Цифровая образовательная среда», предусматривающую финансирование создания высокоскоростной интернет -инфраструктуры в образовательных организациях и внедрение цифровых платформ. Однако анализ показывает, что целевые показатели этой подпрограммы ориентированы преимущественно на школьное образование и не дифференцируют задачи для вузов с высокой долей иностранных студентов.

Наиболее предметным с точки зрения регулирования собственно высшей школы является Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования, утверждённая Министерством науки и высшего образования РФ в 2021 году [8]. Документ определяет приоритетные направления цифровизации: формирование единой цифровой платформы высшего образования, создание системы управления данными об обучающихся, развитие адаптивного обучения и искусственного интеллекта в учебном процессе. Примечательно, что Стратегия впервые на уровне ведомственного документа ставит задачу персонализации образовательного процесса, что прямо

соотносится с потребностями иностранных студентов, однако правовых механизмов реализации этой задачи не предлагает.

Общий вывод системного анализа нормативной базы состоит в следующем: российское законодательство располагает разветвлённой системой актов, задающих стратегические ориентиры цифровой трансформации высшего образования, однако переход от деклараций к правовым механизмам управления качеством обучения применительно к конкретным категориям студентов - в том числе иностранным гражданам -в этих документах так и не осуществлён.

Понятие «цифровая образовательная среда» в действующем российском законодательстве нормативно не определено. Это само по себе является юридической проблемой: отсутствие легального определения создаёт неопределённость в части того, какие конкретно элементы инфраструктуры и программного обеспечения охватываются правовым регулированием, кто несёт ответственность за их качество и каковы критерии этого качества.

В правовой доктрине цифровая образовательная среда рассматривается как совокупность цифровых ресурсов, технологий и организационных условий, обеспечивающих образовательный процесс [10]. Д. А. Пашенцев, разрабатывая концепцию образовательного права, указывает на то, что цифровая среда de facto стала компонентом образовательного пространства, а значит, на неё должны распространяться все правовые гарантии, предусмотренные образовательным законодательством [12]. Это означает, в частности, что доступность цифровой среды, её языковая пригодность для иностранных студентов и технические характеристики следует рассматривать не как факультативные «сервисные» параметры, а как элементы права на образование.

Между тем правовая позиция регулятора по данному вопросу остаётся непоследовательной. С одной стороны, Приказ Минобрнауки России от 05.04.2017 № 301 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования» [7] устанавливает требования к материально -техническому обеспечению образовательного процесса, в том числе к информационным ресурсам. С другой стороны, эти требования не содержат специальных норм для вузов с преобладающим контингентом иностранных студентов, тогда как объективно такие вузы функционируют в принципиально иных условиях: иные языки взаимодействия, иные технологические возможности студентов на их родине, иные образовательные траектории.

Таким образом, цифровая образовательная среда вуза в настоящий момент существует в правовом поле в двойственном статусе: как объект государственной политики - она детально отрегулирована на программном уровне; как объект конкретных правовых гарантий для обучающихся - она практически выпадает из нормативной системы. Этот разрыв и порождает управленческие риски в сфере качества обучения иностранных студентов.

В административно-правовой доктрине управление качеством образования принято рассматривать как трёхуровневую систему: нормативное регулирование (установление стандартов), государственный контроль (лицензирование и аккредитация) и меры ответственности (санкции за нарушение стандартов) [10]. Проецируя эту схему на сферу цифровой трансформации, можно констатировать следующее.

На уровне нормативного регулирования обнаруживается, что федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), которые по смыслу ФЗ - 273 [1] являются основным инструментом установления требований к образовательному процессу, практически не содержат специфических требований к цифровой образовательной среде. ФГОС фиксируют требования к результатам обучения и профессиональным компетенциям, но не к условиям реализации цифровых образовательных технологий и уж тем более не к адаптированности этих технологий для иностранных граждан. Такой подход находится в противоречии с принципом языкового равноправия в образовании, последовательно отстаиваемым в теории образовательного права В. М. Сырых [5].

На уровне государственного контроля основным инструментом выступают федеральный государственный контроль качества образования и процедура аккредитации. Согласно ФЗ - 273 [1], при проведении аккредитации оцениваются образовательные программы и их соответствие ФГОС, однако специальная проверка условий обучения иностранных граждан в цифровой среде в перечень аккредитационных показателей не включена. Аккредитационные агентства при проверке вузов с высокой долей иностранных студентов фактически применяют те же критерии, что и при проверке вузов с однородным российским контингентом. Эта методологическая унификация не нейтральна с правовой точки зрения: она нивелирует специфику и создаёт пространство для того, чтобы реальное качество обучения иностранных студентов оставалось за пределами контрольных процедур.

На уровне ответственности ситуация аналогична. Административные санкции за нарушения

в сфере образования, предусмотренные Кодексом об административных правонарушениях, ориентированы на формальные нарушения лицензионных требований и стандартов, но не на содержательные отклонения в качестве обучения. В условиях цифровой трансформации это означает, что вуз, использующий цифровую платформу, недоступную для студентов с ограниченной пропускной способностью интернета (что характерно для ряда стран Африки, Азии, Латинской Америки, откуда Россия активно привлекает студентов), формально не нарушает никаких правовых норм.

Нельзя не упомянуть и позитивные тенденции. Роберт И. В., один из ведущих отечественных специалистов в области информатизации образования, обоснованно указывает, что само по себе насыщение образовательной среды цифровыми инструментами не обеспечивает качества обучения - необходима правовая и организационная инфраструктура, преобразующая технологические возможности в педагогические результаты [4]. Эта идея представляется принципиальной именно в контексте иностранных студентов: технологии создают потенциал, но реализовать его можно только при наличии надлежащего правового регулирования.

Анализ нормативной базы позволяет выделить четыре пробела в регулировании положения иностранных студентов в условиях цифровой трансформации.

Первый пробел - отсутствие адаптивного стандарта цифровой образовательной среды. Действующие нормативные акты устанавливают унифицированные требования к цифровой среде вуза, безотносительно к составу студенческого контингента. Между тем исследования Л. В. Андриченко и И. В. Плюгиной показывают, что иностранные студенты сталкиваются с принципиально иным набором барьеров при взаимодействии с цифровыми сервисами вуза - языковым, технологическим, административным [6]. Для преодоления этих барьеров необходим специальный стандарт, учитывающий многоязычность, разнородность технической оснащённости и культурную специфику обучающихся.

Второй пробел - неурегулированность правового режима персональных данных иностранных студентов в цифровой образовательной среде. Цифровая трансформация означает, в том числе, массовый сбор данных об образовательных траекториях, академической успеваемости, поведении в цифровой среде. Применительно к иностранным гражданам это порождает коллизию между российским законодательством о персональных данных, которое требует их хранения на серверах в России [1], и законодательством государств - граждан обучающихся, которое может содержать иные требования. Нормативного механизма разрешения этой коллизии в сфере образования не предусмотрено.

Третий пробел - отсутствие специального административного органа, координирующего вопросы качества обучения иностранных студентов в цифровой среде. Функции в данной сфере распределены между Министерством науки и высшего образования, Рособрнадзором, Федеральной службой по надзору в сфере связи (в части технических стандартов) и Министерством внутренних дел (в части миграционного учёта). Такая полицентричность создаёт организационные разрывы, при которых ни один из органов не обладает ни полномочиями, ни, очевидно, мотивацией для комплексного контроля качества обучения иностранных граждан в цифровой среде. А. А. Вавилова в этом контексте указывает на необходимость создания специализированного межведомственного координационного органа в сфере цифрового образовательного права [11].

Четвёртый пробел - невозможность эффективной правовой защиты иностранным студентом своих образовательных прав в цифровой среде. Действующее законодательство предоставляет обучающимся право на обжалование действий и решений образовательной организации в административном и судебном порядке. Однако нарушение качества обучения вследствие ненадлежащей организации цифровой образовательной среды - например, систематические технические сбои платформы, недоступность материалов на понятном языке, отсутствие технической поддержки - с трудом вписывается в существующие правовые конструкции обжалования, рассчитанные на традиционные формы образовательного процесса.

Выявленные пробелы позволяют сформулировать ряд предложений de lege ferenda.

Внести дополнения в Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 -ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1], закрепив в статье 16 понятие «цифровая образовательная среда» и установив, что для образовательных организаций высшего образования с долей иностранных граждан свыше 15 % от общего числа обучающихся Правительством Российской Федерации утверждаются специальные требования к функциональности и доступности цифровой образовательной среды. Пороговое значение в 15 % продиктовано тем, что именно при этом удельном весе иностранных студентов их потребности начинают определять характер образовательного процесса в целом, а не являются дополнением к основному контингенту.

Разработать и утвердить постановлением Правительства РФ «Адаптивный стандарт цифровой образовательной среды вуза для организаций

с высокой долей иностранных обучающихся», включающий: требования к многоязычному интерфейсу образовательных платформ (не менее трёх языков); минимальные технические требования к доступности платформы при низкой пропускной способности интернета; требования к технической поддержке на иностранных языках; требования к адаптационным цифровым модулям для вновь поступивших иностранных студентов.

Создать на базе Министерства науки и высшего образования РФ координационный орган - Федеральный цифровой образовательный центр (ФЦОЦ) - с функциями: мониторинга качества цифровой образовательной среды в вузах с высокой долей иностранных студентов; методического обеспечения вузов; рассмотрения обращений иностранных граждан в части нарушения их прав в цифровой образовательной среде. Создание подобного органа вписывается в логику государственных реформ управления высшим образованием, последовательно реализуемых начиная с 2012 года [9].

Закрепить в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях специальный состав административного правонарушения - «нарушение требований к цифровой образовательной среде, влекущее ограничение образовательных прав иностранных граждан» - с установлением административной ответственности для должностных и юридических лиц. Наличие такого состава, по мнению авторов, обеспечит переход от декларативных норм к реально действующему механизму защиты прав.

Необходимо отметить, что предложенные меры не лишены сложностей в реализации. Во-первых, введение дифференцированного регулирования применительно к вузам с высокой долей иностранных студентов может быть воспринято как создание дополнительной административной нагрузки именно для тех университетов, которые наиболее активно участвуют в экспорте российского образования. Во-вторых, включение требований к многоязычным интерфейсам образовательных платформ в обязательные стандарты повлечёт финансовые затраты. Тем не менее без административно-правового обеспечения соответствующих стандартов цифровая трансформация рискует не достигнуть главной цели, цели повышения качества образования студентов из разных стран.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Нормативная правовая база цифровой трансформации высшего образования в Российской Федерации является развёрнутой на уровне стратегических документов, однако страдает фрагментарностью на уровне конкретных правовых механизмов управления качеством образования, особенно в области обучения студентов из разных стран (иностранных студентов).

Правовой статус цифровой образовательной среды вуза в российском праве определён размыто: отсутствует однозначное понятие, не установлены специальные исчерпывающие требования и не предусмотрена ответственность за их нарушение, применительно к правам студентов из разных стран (иностранных студентов). Авторами предложен комплекс административно - правовых мер: дополнение ФЗ - 273, введение адаптивного стандарта, создание ФЦОЦ, введение специального состава административного правонарушения. Реализация этих мер позволит создать правовую инфраструктуру, трансформирующую декларативные гарантии качества образования для иностранных студентов в работающие правовые механизмы. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при разработке поправок к ФЗ - 273 и подзаконных нормативных актов, регулирующих цифровую образовательную среду; при совершенствовании аккредитационных процедур в части оценки условий обучения иностранных граждан.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены:

- на сравнительно-правовой анализ регулирования аналогичных отношений в иных государствах крупных экспортёрах образования;

- на изучение правоприменительной практики в части обращений иностранных студентов, связанных с цифровой образовательной средой.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 -ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2012. -№ 53 (ч. 1). - Ст. 7598.

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»» // Собрание законодательства РФ. -2018. -№ 1. - Ст. 375.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства РФ. -2017. -№ 20. - Ст. 2901.

[4] Роберт И. В. Теория и методика информатизации образования: психолого-педагогический и технологический аспекты. - 3 -е изд. -М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. - 398 с.

[5] Сырых В. М. Образовательное право, как отрасль российского права. -М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2000. -136 с.

[6] Андриченко Л. В., Плюгина И. В. Институт обучения иностранных граждан в Российской Федерации: правовые основы // Журнал российского права. -2018. -№ 5. - С. 58–71.

[7] Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 05.04.2017 № 301 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, специалитета, магистратуры» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. - 2017. -№ 35.

[8] Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования: утверждена Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в 2021 году. - URL: https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/600/Strategiya -tsifrovoy -transformatsii.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

[9] Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Доклад о реализации государственной политики в сфере экспорта российского образования. - М.: Минобрнауки России, 2023. - 84 с.

[10] Кириллова Е. А. Административно -правовое регулирование обеспечения качества высшего образования в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. - М., 2020. - 198 с.

[11] Вавилова А. А. Правовое регулирование цифровой образовательной среды: проблемы и перспективы // Право и образование. - 2022. -№ 4. - С. 4–14.

[12] Пашенцев Д. А. Образовательное право России: монография. - М.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. - 312 с.

References:

[1] Federal Law of the Russian Federation of December 29, 2012 No. 273 -FZ ”On Education in the Russian Federation”. Sobranie zakonodatel’stva RF, 2012, No. 53 (Part 1), Art. 7598.

[2] Resolution of the Government of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 1642 ”On Approval of the State Program of the Russian Federation ’Development of Education’”. Sobranie zakonodatel’stva RF, 2018, No. 1, Art. 375.

[3] Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 ”On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”. Sobranie zakonodatel’stva RF, 2017, No. 20, Art. 2901.

[4] Robert I. V. Theory and methodology of informatization of education: psychological, pedagogical and technological aspects. 3rd ed. Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy Publ., 2014. 398 p.

[5] Syrykh V. M. Educational law as a branch of Russian law. Moscow, Research Center for the Problems of Quality of Specialist Training, 2000. 136 p.

[6] Andrichenko L. V., Plyugina I. V. Institute of education of foreign citizens in the Russian Federation: legal foundations. Zhurnal rossiyskogo prava, 2018, No. 5, pp. 58–71.

[7] Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of April 5, 2017 No. 301 ”On approval of the procedure for organizing and implementing educational activities in higher education programs -bachelor‘s, specialist and master‘s programs”. Byulleten’ normativnykh aktov federal’nykh organov ispolnitel’noy vlasti, 2017, No. 35.

[8] Strategy for digital transformation of science and higher education sector. Approved by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in 2021. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/600/Strategiya -tsifrovoy -transformatsii.pdf (accessed: 20.01.2024).

[9] Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Report on the implementation of the state policy in the field of export of Russian education. Moscow, Ministry of Science and Higher Education of Russia Publ., 2023. 84 p.

[10] Kirillova E. A. Administrative and legal regulation of ensuring the quality of higher education in the Russian Federation. Cand. jurid. sci. diss. Moscow, 2020. 198 p.

[11] Vavilova A. A. Legal regulation of the digital educational environment: problems and prospects. Pravo i obrazovanie, 2022, No. 4, pp. 4–14.

[12] Pashentsev D. A. Educational law of Russia. Moscow, Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 2023. 312 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-552-557

ЦАРЬКОВА Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник отдела исследования
проблем социологического обеспечения и прогнозирования
деятельности УИС ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: university69@mail.ru

АДАПТИВНЫЙ ДИАЛОГОВЫЙ ТРЕНАЖЕР НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК СРЕДСТВО ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ГИГИЕНЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ФСИН РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу аспектов дифференцированного формирования компетенций цифровой гигиены у курсантов ведомственных вузов ФСИН России во внеаудиторном взаимодействии с чат-ботом на основе генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Выделены факторы, определяющие необходимость внутренней дифференциации при формировании навыков цифровой гигиены, включая разноуровневый цифровой опыт, различия когнитивных стилей, мотивационные профили и жесткие регламентационные ограничения. Показано, что чат-бот с искусственным интеллектом (ИИ-чат-бот), настроенный как адаптивный диалоговый тренажер, способен реализовывать адресную помощь, обеспечивать вариативность сложности заданий и оптимизацию нагрузки преподавателя при сохранении ведомственных требований информационной безопасности. Обосновывается трактовка взаимодействия курсанта с ИИ-чат-ботом как формы индивидуально-самостоятельной деятельности с управляемой учебной автономией, опирающейся на анализ цифрового следа и промпт-инжиниринг как формируемый навык.*

Ключевые слова: *цифровая гигиена, дифференцированное обучение, генеративный искусственный интеллект, чат-бот, промпт-инжиниринг, адаптивный диалоговый тренажер, цифровой след, ФСИН России.*

TSARKOVA Evgeniya Gennadievna,
candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Leading Researcher at the Department of Research on the problems
of sociological support and forecasting of the activities
of the Penal System of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

LEARNING ANALYTICS AS A TOOL FOR PERSONALIZATION AND QUALITY MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

Annotation. *The article is devoted to the analysis of aspects of differentiated formation of digital hygiene competencies among cadets of departmental universities of the Federal Penitentiary Service of Russia during extracurricular interaction with a chatbot based on generative artificial intelligence (AI). Factors determining the necessity of internal differentiation in the formation of digital hygiene skills are highlighted, including multi-level digital experience, differences in cognitive styles, motivational profiles, and strict regulatory constraints. It is shown that an AI-powered chatbot, configured as an adaptive dialogue trainer, is capable of providing targeted assistance, ensuring variability in task complexity, and optimizing teacher workload while maintaining departmental information se-*

curity requirements. The interpretation of a cadet's interaction with an AI-chatbot is substantiated as a form of individually-guided self-directed activity with managed learning autonomy, based on the analysis of digital footprints and prompt engineering as a developing skill.

Key words*: digital hygiene, differentiated instruction, internal differentiation, learner autonomy, self-directed learning, generative artificial intelligence, chatbot, prompt engineering, adaptive dialogue trainer, digital trace, departmental university, Federal Penitentiary Service of Russia.*

Рост числа инцидентов информационной безопасности в силовых структурах фиксируется как в российских, так и в международных исследованиях, где указывается на увеличение числа социально-инженерных атак, фишинговых рассылок и утечек данных по вине пользователей. Более половины успешных атак реализуется с использованием человеческого фактора, а не через технические уязвимости, что смещает акцент подготовки кадров к формированию устойчивых навыков цифровой гигиены. Для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) данные обстоятельства сопряжены не только с репутационными и финансовыми рисками, но и с угрозами безопасности объектов режима, раскрытием служебной информации [1, с.378].

В исследованиях в области международного опыта подчеркивается разрыв между динамикой цифровых угроз и инерционностью учебных программ, где обновление содержания отстает на 3-5 лет от изменения тактики атак [2, с. 299]. Для ведомственных вузов ФСИН России это противоречие усиливается сочетанием ряда факторов, включая доминирование специальных и правовых дисциплин в учебных планах, жесткий лимит часов на общепрофессиональные и надпрофессиональные компетенции, а также регламентационные ограничения доступа к открытым цифровым ресурсам. С учетом анализа типовых рабочих программ на вопросы информационной безопасности и цифровой грамотности часто отводится не более 36-72 ауд. ч. за весь период обучения, при этом значительная часть времени уходит на нормативно-правовой аспект, а не на отработку практических сценариев противодействия фишингу и социальной инженерии. Полноценное формирование компетенций цифровой гигиены только в рамках аудиторных занятий оказывается методически и организационно ограниченным [1, с.379].

Учебные группы, как правило, гетерогенны по уровню стартовой подготовки, мотивации и когнитивным стилям, что приводит к необходимости применения дифференцированного подхода в обучении. Для контингента обучающихся ведомственных вузов ФСИН России во многом характерна ситуация, когда в одной группе могут обучаться выпускники школ с углубленным изучением информатики и лица, освоившие цифровые технологии на уровне бытового пользования, что приводит к различиям в восприятии угроз и способах работы с цифровыми сервисами. При этом ограниченность времени преподавателя и регламентационные требования не позволяют выстраивать системную индивидуальную работу с каждым курсантом в традиционном формате.

Теория дифференцированного обучения трактует дифференцированное обучение как систему организации учебного процесса, учитывающую индивидуально-психологические особенности обучающихся и создающую различные условия обучения для групп с отличающимися возможностями [3, с. 88]. Дифференциация обучения связана с созданием различных условий и форм работы для учащихся с разными способностями, часто через организацию однородных групп, то есть внешнюю дифференциацию. Дифференцированный подход эффективен при сочетании внешней дифференциации (разделение на уровни) с внутренней (вариативность заданий, темпа, объемов и видов помощи) [4, с. 16].

В цифровом контексте ведомственных вузов внешняя дифференциация (например, разделение групп по уровню цифровой грамотности или по профилю службы) сталкивается с организационными ограничениями учебного процесса, штатного расписания. Внутренняя дифференциация в этом случае становится методологически более релевантной, здесь возможно изменение не состава учебной группы, а структуры и сложности заданий по цифровой гигиене, скорости предъявления сценариев, характера подсказок и формата обратной связи. Такая логика обеспечивает устойчивый эффект за счет вариативности содержания и способов взаимодействия внутри стабильного учебного коллектива.

Исследования дидактических свойств цифровых образовательных сред и электронных средств обучения показывают, что использование электронных систем обучения (ЭСО) увеличивает возможности индивидуализации и дифференциации, расширяет спектр организационных форм взаимодействия и повышает мотивацию обучающихся. В работах по дифференцированному обучению подчеркивается потенциал адаптивных цифровых средств для разноуровневых групп: система может подбирать задания различной сложности, формировать различный объем поддержки и отслеживать динамику продвижения каждого обучающегося [5, с. 180]. При внедрении

интеллектуального чат-бота в образовательный процесс диалоговый помощник становится инструментом оперативной обратной связи и тренировки навыков в режиме диалога, при этом отсутствие в литературе систематических данных по их применению для обучения таких диалоговых систем при обучении цифровой гигиене актуализирует вопросы разработки методического обеспечения внедрения интеллектуальных чат-ботов в учебных процесс вуза.

Генеративный искусственный интеллект (GenAI) расширяет этот дидактический потенциал за счет способности в реальном времени создавать задания, примеры и вариативные сценарии, адаптированные к текущему уровню обучающегося. В работах по применению GenAI в образовании подчеркиваются свойства адаптивности, персонализации, интерактивности и круглосуточной доступности, а также возможность симуляции диалога в профессиональном контексте. Для ведомственных вузов эти свойства могут быть положены в основу адаптивного диалогового тренажера по цифровой гигиене, работающего в закрытом контуре и соблюдающего регламенты информационной безопасности.

Понятие индивидуально-самостоятельной деятельности, разработанное в исследованиях по дифференцированному обучению, предполагает выполнение обучающимся заданий с постепенно сокращающейся поддержкой преподавателя, переход от внешней регуляции к саморегуляции [6, с. 42]. В электронном практико-ориентированном образовании в данном процессе выделяются следующие этапы: сначала обучающийся выполняет задания с образцом и развернутыми подсказками, затем – с минимальной подсказкой, далее полностью автономно, с последующей рефлексией результатов. Эта логика с учетом рассматриваемой предметной области возможна через реализацию интеллектуального чат-бота, который вначале, например, предлагает ученику подробные пошаговые рекомендации по распознаванию фишинговых писем, социальных манипуляций и небезопасных конфигураций устройств, а затем постепенно сокращает объем подсказок.

На выбор подхода к дифференциации обучения влияют уровень подготовки, особенности когнитивного стиля, учебная мотивация обучающихся, лимит времени и особенности содержания материала. Для ведомственных вузов при формировании компетенций цифровой гигиены эти факторы проявляются специфически. Во-первых, фиксируется разноуровневый стартовый уровень цифровой грамотности учеников, обусловленный разницей в опыте работы с информационными системами и социальными сетями. Во-вторых, присутствуют различия в когнитивных стилях, поскольку часть курсантов обладает выраженным техническим складом мышления и лучше воспринимает формализованные алгоритмы и схемы угроз, другая часть ориентирована на текстовые кейсы и контекстные описания ситуаций. Далее, мотивационные профили курсантов различаются по осознанности рисков цифровой среды. Так, для части обучающихся киберугрозы воспринимаются как абстрактная тема, не связанная напрямую с их будущими должностными обязанностями, что снижает внутреннюю мотивацию к тщательной отработке сценариев цифровой гигиены.

С учетом необходимости применения для повышения уровня вовлеченности профессионально значимых контекстов, модуль по цифровой гигиене на основе чат-бота должен использовать типовые ведомственные сценарии, а не общие примеры из сети Интернет. Кроме того, жесткий лимит времени, обусловленный расписанием служебной и учебной подготовки, требует переноса значительной части практической отработки в сферу управляемой внеаудиторной самостоятельной работы, где чат-бот обеспечивает постоянное сопровождение и адресную помощь.

Соотношение понятий «дифференциация» и «индивидуализация» в цифровом модуле для курсантов ФСИН России приобретает дополнительное измерение за счет использования цифрового следа. Дифференциация реализуется через настройку диалоговых сценариев чат-бота: система предлагает разные по сложности задания и подкрепляет их разноуровневыми подсказками в зависимости от результатов предыдущих попыток и времени реакции курсанта. Индивидуализация проявляется в том, что набор сценариев и тип обратной связи формируются на основе накопленного профиля взаимодействий конкретного обучающегося, а преподаватель анализирует эти данные и корректирует траекторию.

Автором выделяются следующие восемь аспектов дидактического потенциала дифференциации в ведомственном профессиональном обучении по дисциплинам, связанным с цифровой гигиеной, с использованием ИИ-чат-ботов.

Первый аспект состоит в адресности содержания и условий заданий. Важно, чтобы чат-бот дифференцировал содержание заданий по типам угроз (фишинг по электронной почте, мессенджеры, социальные сети, вредоносные вложения, социальная инженерия через телефонные звонки) и по уровню сложности сценария (примитивные массовые атаки, таргетированные письма с имитацией ведомственной корреспонденции, многоходовые социально-инженерные манипуляции).

Второй аспект включает вариативность продуктов деятельности и форм тренировки. Поскольку курсанты с разными стилями обучения и разным уровнем подготовки могут достигать одинаковых целей через различные виды заданий (письменные упражнения, устные ответы, проектные работы), для материалов по цифровой гигиене чат-бот может предлагать разнообразные форматы: текстовый разбор сценария, составление алгоритма действий при получении подозрительного сообщения, моделирование диалога с предполагаемым злоумышленником, заполнение чек-листов, анализ цифрового профиля условного пользователя. Курсант с техническим складом мышления может работать с форматами, близкими к алгоритмам, например, выстраивать блок-схемы принятия решений, перечислять шаги проверки ссылок, описывать конфигурации настроек безопасности. Курсант с выраженной гуманитарной ориентированностью, наоборот, может анализировать нарративные кейсы и описывать возможные мотивации атакующего и поведенческие реакции коллег, одновременно осваивая признаки угроз.

Третий аспект включает развитие учебной автономии через управляемую самостоятельную деятельность. Дифференцированный подход способствует формированию ответственности за результат обучения и развитию навыков самоуправления учебной деятельностью. Во взаимодействии с чат-ботом автономия проявляется в возможности выбора времени, темпа и объема работы при фиксированном педагогическом каркасе, где курсант сам инициирует диалог, выбирает тип задач (например, тренировка фишинговых сценариев, конфигурирование безопасных настроек, анализ кейсов утечки), а чат-бот поддерживает его траекторию через систему вопросов, подсказок и рефлексивных заданий.

Четвертый аспект требует оптимизации нагрузки преподавателя при сохранении качества индивидуальной поддержки. Реализация внутриклассной дифференциации требует значительных временных затрат на подготовку вариативных материалов и индивидуальной обратной связи, при этом чат-бот с генеративным ИИ, берет на себя значительную часть рутинной работы, включая формирование разноуровневых заданий, первичную проверку ответов, генерацию разъяснений и дополнительных примеров, фиксирование цифрового следа для последующего анализа преподавателем.

Пятый аспект состоит в необходимости адресной помощи и профилактике цифровых ошибок. В дифференцированном подходе акцент делается на возможности оперативно компенсировать пробелы конкретного ученика через специально подобранные задания и комментарии. При обучении цифровой гигиене чат-бот может реализовать адресную помощь, выявляя типичные ошибки курсанта по цифровому следу, например, частое игнорирование проверки доменного имени, доверие к визуальному оформлению без анализа URL, недостаточное внимание к запросам личных данных.

Шестой аспект подчеркивает необходимость развития критического мышления и рефлексии по отношению к цифровой среде. Исследования по дифференцированному обучению подчеркивают, что вариативность заданий и уровней сложности способствует выходу обучающегося за пределы простого воспроизведения материала к анализу и оценке.

Седьмой аспект требует учета регламентационных ограничений и обеспечение информационной безопасности. В отличие от открытых образовательных платформ, ведомственный обучающий чат-бот должен функционировать в защищенном контуре, не выводить служебную информацию во внешнюю среду и использовать обезличенные или специально сконструированные сценарии, имитирующие, но не воспроизводящие реальные инциденты. Это требование накладывает ограничения на архитектуру решения, но одновременно усиливает значимость диалогового помощника как контролируемой альтернативы стихийному обращению курсантов к открытым ИИ-сервисам, где возможна утечка чувствительных данных.

Восьмой аспект сводится к возможности накопления и анализа цифрового следа для построения профиля компетенций. В электронных образовательных средах уже используется логирование действий обучающихся и аналитика учебной активности для адаптации контента [7, с. 161]. Интеллектуальный обучающий чат-бот может фиксировать ответы курсанта, типичные ошибки, время реакции, выбор стратегий, уровень запросов к подсказкам, что создает основу для построения динамического профиля компетенций. На базе такого профиля возможно формирование модели «цифрового двойника обучающегося» – условного представления его устойчивых паттернов поведения в цифровой среде, уязвимостей и сильных сторон [8, с. 136].

Промпт-инжиниринг выступает в данном случае как ключевой навык взаимодействия курсанта с чат-ботом и одновременно как инструмент дифференциации. Способность формулировать запросы к ИИ-боту, уточнять условия задачи, задавать ограничения и формат ответа влияет на

качество получаемой обратной связи и глубину проработки сценариев [9, с.43]. На начальном уровне преподаватель может задавать готовые промпты, ориентированные на базовые операции (распознать признаки угрозы, составить список действий), а по мере роста автономии курсант сам конструирует запросы, описывая интересующие его аспекты цифровой безопасности. С точки зрения дифференцированного обучения промпт-инжиниринг позволяет варьировать степень самостоятельности и уровень когнитивной нагрузки. Для преподавателя анализ формулировок промптов дает дополнительный слой цифрового следа, отражающий уровень осознанности курсанта в сфере цифровой гигиены и его способность структурировать проблему.

Роль преподавателя в описанной системе трансформируется от носителя содержания к архитектору образовательного опыта и тьютору по сложным случаям. Преподаватель не конструирует вручную полный набор дифференцированных заданий, а задает принципы их генерации в интерфейсе чат-бота, определяет границы сложности и перечень допустимых контекстов, разрабатывает типовые промпты и сценарии, на основе которых система формирует конкретные задания. Анализ цифрового следа курсантов (частота обращений за подсказками, типичные ошибки, уровни сложности, на которых фиксируется застой) становится основой для вмешательства преподавателя, например, в форме очных консультаций, корректировки траектории, включения дополнительных модулей или, напротив, ускоренного продвижения [10, с. 40].

Предложенный подход развивает идеи дифференцированного обучения, преодолевая ограничение, связанное с ручным формированием наборов упражнений для каждого уровня. Интеллектуальный чат-бот снимает часть рутинной нагрузки по вариативности заданий, а преподаватель концентрируется на разработке критериев качества, на анализе сложных кейсов и на сопровождении курсантов, испытывающих трудности не столько с содержанием, сколько с мотивацией или эмоциональным реагированием на цифровые угрозы.

Список литературы:

[1] Царькова Е.Г., Бодров Е.Н. К вопросу формирования цифровой культуры в процессе профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2023. № 3(178). С. 377-379.

[2] Москвин К.М., Петрова В.И. Технология уровневой дифференциации обучения В.В. Фирсова в контексте обучения математике // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 83-3. С. 298-301.

[3] Земсков М.В., Телеш А.С. Теория и практика дифференцированного обучения // Психология образования и педагогические инновации в цифровую эпоху: Сборник статей Международной научно-практической конференции, Магнитогорск, 04 июня 2025 года. – Уфа: ООО «Аэтерна», 2025. С. 88-90.

[4] Хван Т.С., Царькова Е.Г. Перспективы применения интеллектуального анализа данных при обработке информации в деятельности УИС // Информационные технологии в УИС. 2021, № 4. С. 15-24.

[5] Костюк А.В., Курилов А.В., Бобонец С.А. Информационная образовательная среда как фактор повышения качества профессионального обучения // Перспективы науки.– Тамбов: ТМБ-принт. 2022, № 3(150). С. 178-183.

[6] Царькова Е.Г., Антоновский А.В. Электронное обучение как современный формат образовательной деятельности // Прикладная психология и педагогика. 2022. Т. 7, № 1. С. 39-50.

[7] Костюк А.В., Курилов А.В. Особенности внедрения учебной аналитики в прогностическую систему обучения // Перспективы науки. 2023, № 2(161). С. 159-164.

[8] Кустицкая Т.А., Есин Р.В., Осипов Н.Н. Дашборды учебной аналитики для поддержки обучения по дисциплине // Избранные вопросы цифровой трансформации образования.– Москва: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2024. С. 133-143.

[9] Царькова Е.Г., Ширкин А.А. К вопросу организации научных исследований в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 8(243). С. 42-48.

[10] Патаракин Е.Д., Кутузов А.И., Дворецкая И.В. Мультимодальная учебная аналитика: библиометрический и онтологический анализ // Образование и наука. 2025. Т. 27, № 7. С. 33-71.

References:

[1] Tsarkova E.G., Bodrov E.N. On the formation of digital culture in the process of training employees of the penitentiary system of the Russian Federation//Eurasian Legal Journal. 2023. № 3(178). S. 377-379.

[2] Moskvin K.M., Petrova V.I. Technology of level differentiation of training V.V. Firsova in the context of teaching mathematics//Problems of modern pedagogical education. 2024. № 83-3. S. 298-301.

[3] Zemskov M.V., Telesh A.S. Theory and practice of differentiated learning//Psychology of educa-

tion and pedagogical innovations in the digital age: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Magnitogorsk, June 04, 2025. - Ufa: Aeterna LLC, 2025. S. 88-90.

[4] Khvan T.S., Tsarkova E.G. Prospects for the use of data mining in information processing in the activities of UIS//Information technologies in UIS. 2021, № 4. S. 15-24.

[5] Kostyuk A.V., Kurilov A.V., Bobonets S.A. Information educational environment as a factor in improving the quality of vocational training//Perspectives of Sciences. - Tambov: TMBprint. 2022, № 3(150). S. 178-183.

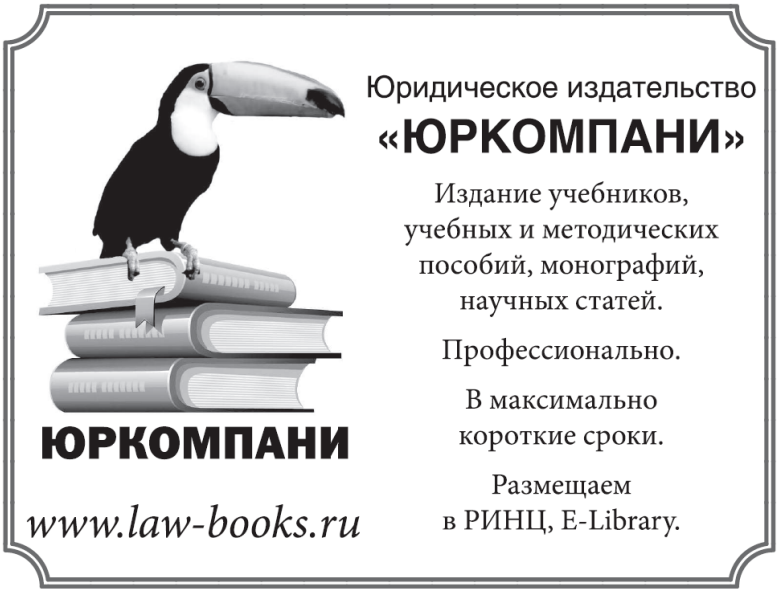
[6] Tsarkova E.G., Antonovsky A.V. E-learning as a modern format of educational activity//Applied psychology and pedagogy. 2022. T. 7, NO. 1. S. 39-50.

[7] Kostyuk A.V., Kurilov A.V. Features of the introduction of educational analytics into the predictive learning system//Prospects for science. 2023, № 2(161). S. 159-164.

[8] Kustitskaya T.A., Esin R.V., Osipov N.N. Dashboards of educational analytics to support training in the discipline//Selected issues of digital transformation of education. - Moscow: Infra-M Scientific and Publishing Center LLC, 2024. S. 133-143.

[9] Tsarkova E.G., Shirkin A.A. On the organization of scientific research in the penitentiary system of the Russian Federation//Vedomosti of the penitentiary system. 2022, № 8(243). S. 42-48.

[10] Patarakin E.D., Kutuzov A.I., Dvoretskaya I.V. Multimodal educational analytics: bibliometric and ontological analysis//Education and science. 2025. VOL. 27, NO. 7. S. 33-71.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-558-561

КАНУННИКОВ Роман Игоревич,
кандидат психологических наук,
доцент Уральского юридического института МВД России,
e-mail: roma.kanunnikov@inbox.ru

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ КУРСАНТОВ ВУЗОВ МВД РОССИИ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ К УСЛОВИЯМ УЧЕБНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Формирование ценностных ориентаций в системе органов внутренних дел является одной из приоритетных задач, в связи с усилением политико-воспитательной работы. Начиная с момента поступления в вуз МВД России, у курсантов, начинается формирование ценностных ориентаций, которые важны для успешной профессиональной деятельности. На данный процесс непосредственное влияние оказывает социально-психологическая адаптация. Социально-психологическая адаптация в системе МВД подразумевает активное приспособление к профессиональным и социально-психологическим требованиям, требованиям и традициям коллектива. В процессе социально-психологической адаптации необходимо сформировать такие ценностные ориентации, которые бы позволили в дальнейшем выполнять профессиональную деятельность на высоком уровне и способствовали бы возникновению негативных изменений в правосознании. Учет факторов, влияющих на изменение ценностных ориентаций курсантов вузов МВД России в процессе социально-психологической адаптации к условиям учебно-служебной деятельности, позволит совершенствовать работу в данном направлении.*

Ключевые слова: *курсанты, учебно-служебная деятельность, ценностные ориентации, социально-психологическая адаптация, мотивация, социальные условия.*

KANUNNIKOV Roman Igorevich
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

FACTORS OF CHANGING VALUE ORIENTATIONS OF CADETS OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA IN THE PROCESS OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION TO THE CONDITIONS OF EDUCATIONAL AND SERVICE ACTIVITIES

Annotation. *Developing value orientations within the internal affairs system is a priority task, given the strengthening of political and educational work. From the moment they enter the Russian Ministry of Internal Affairs academy, cadets begin to develop value orientations that are essential for successful professional performance. This process is directly influenced by socio-psychological adaptation. Socio-psychological adaptation within the Ministry of Internal Affairs system involves actively adapting to professional and socio-psychological requirements, as well as the demands and traditions of the team. During socio-psychological adaptation, it is necessary to develop value orientations that will enable them to perform professionally at a high level and facilitate the emergence of negative changes in legal consciousness. Considering the factors influencing the change in value orientations of cadets at Russian Ministry of Internal Affairs academies during their socio-psychological adaptation to the conditions of their academic and professional activities will allow for improved work in this area.*

Key words: *cadets, educational and service activities, value orientations, socio-psychological adaptation, motivation, social conditions.*

Проблема формирования ценностных ориентаций является достаточно актуальной на сегодняшний день. Ценностные ориентации определяют направленность личности, её поведение, выбор целей и способ взаимодействия с окружающим миром. Эти ориентации – внутренние установки человека, сформированные на основе его жизненного опыта, воспитания и влияния общества. В процессе адаптации под влиянием традиций, установок той или иной социальной группы, общественного института могут происходить значительные изменения.

Ценностные ориентации позволяют расставить приоритеты в жизни. Особенно это важно в процессе подготовки курсантов к выполнению будущей профессиональной деятельности. Они позволяют оценивать не только отношение к выполняемой деятельности, но и позволяют оценивать свои действия и поступки, соотнося их с требованиями, предъявляемыми учебным заведением. Ценностные ориентации подвержены изменениям, и при этом огромную роль играет процесс социально-психологической адаптации, оказывающий непосредственное влияние. Под влиянием ценностных ориентаций складывается мировоззрение курсантов, что в свою очередь является приоритетной задачей политико-воспитательной работы, проводимой в вузах МВД России.

Поступая учиться в вуз МВД России, курсанты не достаточно полно представляют особенности выполнения учебной деятельности, не в полной мере учитывают специфику учебного заведения. Начиная с момента поступления, у многих курсантов возникают проблемы с социально-психологической адаптации, связанные в том числе, и с системой ценностей, реализуемой в вузах МВД России.

Не у всех обучающихся сформированные ценности совпадают с ценностями, декларируемыми вузом МВД России, в результате чего возникает необходимость в адаптации курсантов к изменениям в системе ценностей, с учетом факторов влияющие на изменение ценностных ориентаций. Они образуют иерархическую структуру, в которой одни ценности занимают более высокое положение по сравнению с другими [4].

Важно понимать, что социально-психологическая адаптация, это по своей сути процесс приспособления к новым условиям жизни, в том числе и к новой образовательной среде вуза МВД России, декларирующей определенные ценности. Данный процесс, всегда сопровождается изменениями в мотивационной, социальной, организационной и ценностной сферах жизнедеятельности.

К факторам, влияющие на изменение ценностных ориентаций курсантов вузов МВД России в процессе социально-психологической адаптации к условиям учебно-служебной деятельности:

Создание комфортных социальных условий, для курсантов образовательных организаций МВД России. Следует также отметить особые ритм и регламентация жизни и быта курсантов. Например, у них существует, необходимость соблюдать субординацию в общении, придерживаться распорядка дня и режима в учебном заведении. Так, например, на занятиях профессорско-преподавательский состав должен не только проводить занятия на высоком методическом уровне, но и создавать положительный эмоциональный фон, формировать ценностное отношение к профессии полицейского. В связи с этим необходим тщательный отбор преподавателей на первом курсе, необходимый для того чтобы увлечь обучающихся, заинтересовать их. Установление доверительных курсантов с преподавателями, курсантами, кураторами и курсовыми офицерами отношений будет способствовать более успешной социально-психологической адаптации, в процессе которой и происходят изменения, в том числе и в ценностных ориентациях. При этом следует учитывать, что влияние профессорско-преподавательского состава также изменяется. Для первокурсников этот фактор имеет первостепенное значение, но к пятому курсу его влияние снижается [6].

Контакты с сотрудниками ОВД. Этот фактор постепенно увеличивает своё воздействие, что связано с общением курсантов с сотрудниками территориальных подразделений во время прохождения практики и дальнейшего поддержания контактов. Получение знаний, умений и навыков во время различных видов практик играет ключевую роль в профессиональном становлении будущего сотрудника ОВД. Вот почему на наш взгляд целесообразно организовывать ознакомительную практику уже на первом курсе. В связи со снижением влияния профессорско-преподавательского состава следует учитывать, что наибольшее влияние начинают оказывать руководители (наставники) практик в территориальных отделах. Из-за этого также следует проводить тщательный отбор руководителей практик исходя не только из опыта работы, но и ценностных ориентаций сотрудников [2].

Служебный коллектив. С.Н. Кипреев отмечает, что на формирование ценностных ориентаций курсантов влияют ценностные ориентации служебного коллектива (учебной группы), условия осуществления образовательного процесса и ближайшего социального окружения. В процессе выполнения учебно-служебной деятельности, у обучающихся в образовательных организациях МВД России возникают представления о будущей профессиональной деятельности. Под воздей-

ствием ценностных ориентаций служебного коллектива (учебной группы), условий осуществления образовательного процесса и ближайшего социального окружения и закрепляются через приобретённый профессиональный опыт [5].

Как считают И.Б., Бантюков, В.Н. Трабо профессиональные установки и представления обучающихся реализуются в его повседневной деятельности посредством соблюдения распорядка дня, освоения учебной программы, выполнения обязанностей сотрудника ОВД, а также в эмоциональном восприятии своей учебно-служебной деятельности. Именно в процессе формирования профессиональных установок и происходит формирование ценностных ориентаций. Общение с курсантами старших курсов является важным фактором для курсантов первого курса, но его значимость снижается к пятому курсу. При этом важно понимать, что существуют ограничения в средствах реализации актуальных потребностей. Помимо учебной деятельности курсанты осуществляют уборку территории, занимаются усиленной физической подготовкой. Также к факторам, влияющим на адаптацию, относятся социально-бытовые условия, например, проживание в казарме, питание в столовой, жизнь по распорядку дня [1].

Мотивация. Наличие чётко осознанных мотивов побуждает личность к адаптации, способствует самоактуализации личности. Мотивация и ценностные ориентации – понятия, которые в психологии характеризуют разные аспекты поведения и структуры личности. Эти термины тесно связаны: мотивация определяет направленность поведения, а ценностные ориентации формируют основу для принятия решений и влияют на мотивацию. Следует учитывать, что существует необходимость восстанавливать пробелы в обучении самостоятельно, так как происходит отрыв от учебной деятельности из-за нарядов и службы. Это достаточно сильно влияет на социально-психологическую адаптацию и может приводить к снижению мотивации [3].

Личностные качества курсантов. Успешной адаптации способствуют высокий социальный интеллект, высокий уровень правосознания, эмоциональная устойчивость, умение устанавливать контакты и другие качества. По мнению В.Л. Цветков, Д. А. Пустовитовой, личностные качества и ценностные ориентации курсантов взаимосвязаны: волевые качества могут выступать ценностными ориентирами будущей деятельности и определять успешную профессионализацию. Вместе с тем доминирование меркантильных интересов и прагматизма могут влиять на формирование общественных и личных перспектив курсантов. . Массовая культура, интернет, информационные технологии и виртуализация реальности создают мощный социокультурный «заряд», который влияет на структуру личности курсантов [7].

Таким образом, учет факторов изменения ценностных ориентаций курсантов вузов МВД России в процессе социально-психологической адаптации к условиям учебно-служебной деятельности будет способствовать повышению эффективности работы, как профессорско-преподавательского состава, так и работы морально-психологического состава вузов МВД России по формированию ценностных ориентаций.

Список литературы:

[1] Бантюков И.Б., Трабо В.Н. Вовлечённость курсантов в профессию в период обучения - основной резерв повышения эффективности деятельности современной полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 2(98). – С. 170 – 175. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-2-170-175.

[2] Гончарова Н. А. Ценностные факторы в обеспечении психологического благополучия курсантов образовательной организации Министерства внутренних дел России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 275 – 285; https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-275-285.

[3] Иванов Е.Ю. Исследование профессиональной адаптации как компонента профессионализации курсантов образовательных организаций МВД России // Вестник Нижневартовского государственного университета. – 2024. №3(67). – С. 100 – 110. https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-3/09

[4] Калмыкова Я. О. Ценностные ориентации курсантов образовательных организаций системы МВД России // XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования» : сборник материалов конференции. – Екатеринбург. – УрФУ. – 2016. – С. 483 – 489.

[5] Кипреев С. Н. Специфика исследований процесса формирования духовно-нравственных ценностей в Санкт-Петербургском университете МВД России // Педагогические исследования. – 2023. – № 3. – С. 170 – 198.

[6] Рядинская Е.Н., Волобуев В.В., Чабелец Е.Н. Особенности адаптированности курсантов вузов МВД к условиям служебной деятельности // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2023. – Т. 29, № 2. – С. 178 – 183. https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-2-178-183

[7] Цветков В. Л., Пустовитова Д. А. Личностные детерминанты учебно-профессиональ-

ной адаптации обучающихся в образовательной организации МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2024. – № 2. – С. 91 – 96. https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-2-91-96. EDN: NYDMYV.

References:

[1] Bantyukov I.B., Trabo V.N. The involvement of cadets in the profession during the training period is the main reserve for increasing the efficiency of modern police//Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 2(98). - S. 170-175. https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-2-170-175.

[2] Goncharova N. A. Value factors in ensuring the psychological well-being of cadets of the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (102). - S. 275 - 285; https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-2-275-285.

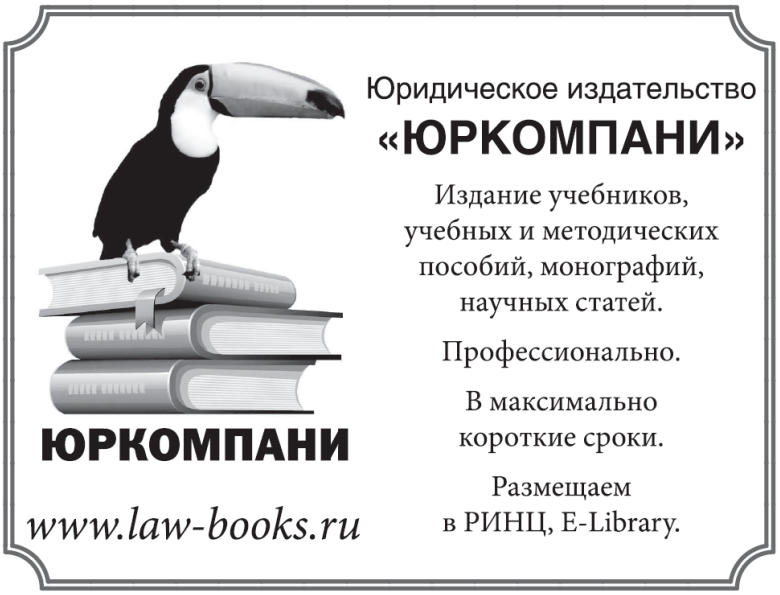
[3] Ivanov E.Yu. Study of professional adaptation as a component of the professionalization of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Bulletin of Nizhnevartovsk State University. – 2024. №3(67). - S. 100-110. https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-3/09

[4] Kalmykova Y. O. Value orientations of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia//XIX International Conference “Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research”: collection of conference materials. - Yekaterinburg. - UrFU. – 2016. - S. 483-489.

[5] Kipreev S. N. Specifics of research on the process of forming spiritual and moral values at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia//Pedagogical research. – 2023. – № 3. - S. 170-198.

[6] Ryadinskaya E.N., Volobuev V.V., Chabelets E.N. Features of the adaptation of cadets of universities of the Ministry of Internal Affairs to the conditions of official activity//Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. – 2023. - T. 29, NO. 2. - S. 178-183. https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-2-178-183

[7] Tsvetkov V. L., Pustovitova D. A. Personal determinants of educational and professional adaptation of students in the educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia// Psychology and pedagogy of official activities. – 2024. –№ 2. - S. 91-96. https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-2-91-96. EDN: NYDMYV.



Дата поступления рукописи в редакцию: 09.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-562-565

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

РАЗВИТИЕ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ПЕРСОНАЛОМ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Аннотация. *Статья посвящена исследованию организации воспитательной работы с персоналом пенитенциарной системы ее специфики, особенностям организации работы и применения инновационных форм, методов и средств воздействия. Целью статьи стал анализ современных требований к задачам и методам системы воспитательной работы с сотрудниками силовых структур с учетом современных вызовов и запросов общества и государства. Методически статья представлена результатами анализа исторических, архивных материалов в области воспитательной работы с сотрудниками силовых ведомств; нормативной правовой базы и научной литературы по воспитанию и развитию личности; определение новаций в области методов воспитательного воздействия, направленных на формирование профессионально-важных, патриотических и духовно-нравственных качеств, высокой социальной ответственности. Определяется, что наиболее распространенной и разработанной формой остается коллективная форма воспитательного воздействия, включающая внутреннюю (СПК, организационная культура) и внешнюю составляющие. Внешняя форма системного воспитательного воздействия на персонал, содержит не только массовые мероприятия различной направленности но и поддержку общественных инициатив, способствующую также устранению негативных явлений в служебных коллективах. формированию социально ориентированной организационной культуры и вносящую своим существованием позитивный вклад в социальное благополучие общества. Как показали результаты исследования, проведенного в пенитенциарных учреждениях, общественная активность сотрудников носит постоянный системный характер. Это добровольчество, профориентационная и патриотическая работа, участие в различных общественных инициативах, массовых культурных, спортивных и т.д. мероприятиях, акциях.*

Ключевые слова*: силовые структуры, система воспитательной работы, работники, пенитенциарная система, формы и методы воспитания.*

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL WORK WITH LAW ENFORCEMENT PERSONNEL

Annotation. *This article examines the organization of educational work with penitentiary system personnel, its specifics, organizational features, and the use of innovative forms, methods, and tools. The article aims to analyze the current requirements for the objectives and methods of educational work with law enforcement personnel, taking into account the contemporary challenges and demands of society and the state. Methodologically, the article is presented with the results of the analysis of historical and archival materials in the field of educational work with employees of law enforcement agencies; regulatory framework and scientific literature on education and personal development; identification of innovations in the field of educational methods aimed at developing professionally important, patriotic, spiritual and moral qualities, and high social responsibility. It is determined that the most widespread and developed form remains the collective form of educational influence, including internal (SPC, organizational culture) and external components. The external form of*

systemic educational influence on staff includes not only mass events of various types but also support for public initiatives, which also contribute to the elimination of negative phenomena within work teams, the formation of a socially oriented organizational culture, and its positive contribution to the social well-being of society. As the results of a study conducted in penitentiary institutions have shown, the social activity of employees is of a constant and systemic nature. This includes volunteering, career guidance and patriotic work, participation in various public initiatives, mass cultural, sports, etc. events, and campaigns.

Key words: *law enforcement agencies, educational system, employees, penitentiary system, forms and methods of education.*

Введение. Современные вызовы, ставят новые задачи в области воспитания личности гражданина России, определяя и уточняя основные направления воспитательного воздействия на сотрудников силовых структур, как основной инструмент защиты общества, эталон гражданина, защитника правопорядка. Вопросы профессионального воспитания персонала (органов правопорядка, пенитенциарной системы, и т.д.) устанавливались с момента создания силовых структур [3, 6, 8].

Направления воспитания персонала силовых ведомств, менялись в зависимости от политических, социально-экономических и т.д. задач, стоящих перед государством, изменяясь от служения Ея Императорскому Величию к решению партийно-политических задач партийных съездов, а затем к реализации концепций и т.д., при этом использовались воспитательные методы начиная от церковного покаяния до агитационно-политических, а затем интегративных, коучинговых и профайлиновых [1, 3, 5, 7, 8]. Вместе с тем, требования к личности сотрудника, его морально-нравственным качествам, патриотизму и социальной ответственности оставались неизменными, требуя от него четкого исполнения законодательства, социальных норм, высокого культурного уровня и т.д.

Цель статьи – анализ современных требований к задачам и методам системы воспитательной работы с сотрудниками силовых структур с учетом современных вызовов и запросов общества и государства.

Использованные методы: анализ исторических, архивных материалов в области воспитательной работы с сотрудниками силовых ведомств; нормативной правовой базы и научной литературы по воспитанию и развитию личности; определение новаций в области методов воспитательного воздействия, направленных на формирование профессионально-важных, патриотических и духовно-нравственных качеств, высокой социальной ответственности [1, 6].

Результаты исследования. Система профессионального сопровождения сотрудников пенитенциарных учреждений направлена на развитие профессиональных компетенций, верности служебному долгу, гражданственности, патриотизма, что актуализирует потребность в изучении и анализе новаций в области сопровождения персонала и воспитательной работы.

Нами проводиться ежегодный мониторинг состояния практики воспитательной работы в УИС, включающее ревизию путей, методов и средств воспитательного воздействия, инновационных методов работы [2].

Современная система воспитания работников УИС условно разделена на отдельные формы (индивидуальную, групповую и коллективную), имеющие свои составляющие.

Индивидуальная форма строиться на постулате, что каждый работник является личностью, носителем уникального набора качеств, свойств, умений, возможностей и ограничений, которые можно гармонично сочетать и развивать путем вовлечения его в мероприятия воспитательного характера, не вызывая сопротивления, а, наоборот, способствуя развитию интереса к данной деятельности.

Групповая форма, направленна на формирование и развитие отдельных групп работников, а также членов их семей, членов самодеятельных и творческих коллективов, общественных объединений.

Коллективная форма воспитательной работы условно разделена на две основные составляющие внутреннюю (организационную культуру и поддержание благоприятного СПК) и внешнюю – организацию и сопровождение общественной активности работников.

Коллективная форма воспитательной работы наиболее распространена в пенитенциарных учреждениях и является наиболее разработанной, разноплановой и непрерывной. Это наставническая деятельность, работа ветеранских и иных общественных организаций, работа с подрастающим поколением, участие работников в различных массовых всероссийских и региональных акциях, поддержка общественных инициатив (субботников, кроссов, сборов и т.д.), добровольческих объединении, культурная, досуговая и спортивная деятельность.

Ежегодный мониторинг практики воспитательной работы с персоналом показывает, что

работа ведется повсеместно и охватывает не только сотрудников и членов их семей, но и включает такие категории лиц как учащиеся кадетских классов и военно-патриотических клубов, слои населения, нуждающиеся в благотворительной помощи, предоставление социальных услуг и т.д. [2, 3, 6].

В рамках патриотического воспитания, поддержания традиционных духовно-нравственных ценностей проводится большая работа по сбору и сохранению материалов, отражающих памятные события в истории России, родного края, воспитанию примерами опыта ветеранов. Повсеместно проводятся мероприятия по увековечиванию памяти погибших работников (ветеранов Великой Отечественной войны, тружеников тыла, детей войны), благоустройство захоронений, уборка и реставрация памятников и т.д. Данные мероприятия охватывают не только сотрудников, курсантов и членов их семей, но повсеместно проводятся для подрастающего поколения, учеников кадетских классов, военно-патриотических клубов и других слоев населения.

В целях формирования объективной общественной оценки деятельности силовых структур, пропаганды традиций силовых ведомств, информирования и оказания организационно-практической, методической помощи сотрудникам и курсантам, совершенствования деятельности по социальной защите сотрудников, курсантов и членов их семей, координации и обеспечению надлежащего контроля за ее состоянием проводятся общие собрания, торжественные поздравления личного состава руководством (торжественные церемонии принятия присяги, вручения погон и др.), проводятся встречи сотрудников, курсантов и членов их семей с ветеранами службы, ветеранами боевых действий, сотрудниками и ветеранами МВД России, ФСБ России, МЧС России, ФСИН России, прокуратуры, других министерств и ведомств.

Инновационными в уходящем году стали мероприятия, посвященные празднованию юбилея Победы в Великой Отечественной войне и Году защитник Отечества. Это и торжественные собрания, парады и возложения цветов и культурно-массовые и спортивные мероприятия, посвященные Победы в Великой Отечественной войне и Году защитник Отечества и встречи с ветеранами и участниками Великой Отечественной войны, СВО и участие во всероссийских акциях, конкурсах и мероприятиях. Инновационными также определены интерактивные конкурсы, викторины и акции, участие персонала в масштабных акциях, кроссах, соревнованиях и турнирах. Результаты исследования позволяют утверждать, что система воспитания персонала силовых структур переходит на новый уровень, наличие значительной научной базы, методологии, плановости позволяет вводить новации расширяя воспитательный процесс до направлений, определенных указаниями Правительства РФ и требованиями текущей обстановки.

Список литературы:

[1] Дорожкин И.Б. Вопросы информационно-пропагандистской работы с личным составом в учреждениях и органах УИС // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2010. – № 11(102). – С. 12-18.

[2] Казберов П. Н. Характеристики реализации концепции воспитательной работы с работниками УИС на период до 2030 года в 2024 // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2025. – № 3. – С. 21-25.

[3] Кулакова С.В., Трифонов С.С. Повышение эффективности функционирования института наставничества как одного из ключевых звеньев индивидуальной воспитательной работы, проводимой с молодыми сотрудниками // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2021. – № 1. – С. 29-33. – DOI 10.18572/2072-4438-2021-1-29-33.

[4] Сашенков С.А. Развитие воспитательной работы в органах внутренних дел в XX веке // Актуальные вопросы социально-гуманитарного знания в системе высшего образования : Сборник материалов научных семинаров, Воронеж, 01 марта – 01 2023 года. – Воронеж: Воронежский институт МВД РФ, 2024. – С. 40-44.

[5] Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022622074 Российская Федерация. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Влияние государственной информационной политики на функционирование уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» : № 2022621592 : заявл. 01.07.2022 : опубл. 17.08.2022 / М.С. Гузеев, С.В. Кулакова, А.В. Вилкова; заявитель ФКУ НИИ ФСИН России

[6] Лучшие информационно-пропагандистские и просветительские средства, используемые в воспитательной работе по формированию профессионально значимых качеств сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / А.В. Вилкова, С.В. Кулакова, П.Н. Казберов [и др.]. – Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2022. – 82 с.

[7] Халиуллина Л.Г. Летопись кадровых служб органов внутренних дел: «Личное дело»: исторический очерк / под общ. Ред. В.Ю. Попкова, Ф.К. Зиннурова. - М., 2004. - 316 с.

[8] Юрова Т.В. Когнитивный аспект формирования патриотизма // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 1, № 9. – С. 112-114.

References:

[1] Dorozhkin I.B. Issues of outreach work with personnel in institutions and bodies of the penal system//Vedomosti of the penal system. – 2010. – № 11(102). - S. 12-18.

[2] Kazberov P.N. Characteristics of the implementation of the concept of educational work with employees of the penal system for the period up to 2030 in 2024//Penal system: law, economics, management. – 2025. – № 3. - S. 21-25.

[3] Kulakova S.V., Trifonov S.S. Improving the efficiency of the functioning of the institution of mentoring as one of the key links in individual educational work carried out with young employees//Penal system: law, economics, management. – 2021. – № 1. - S. 29-33. – DOI 10.18572/2072-4438-2021-1-29-33.

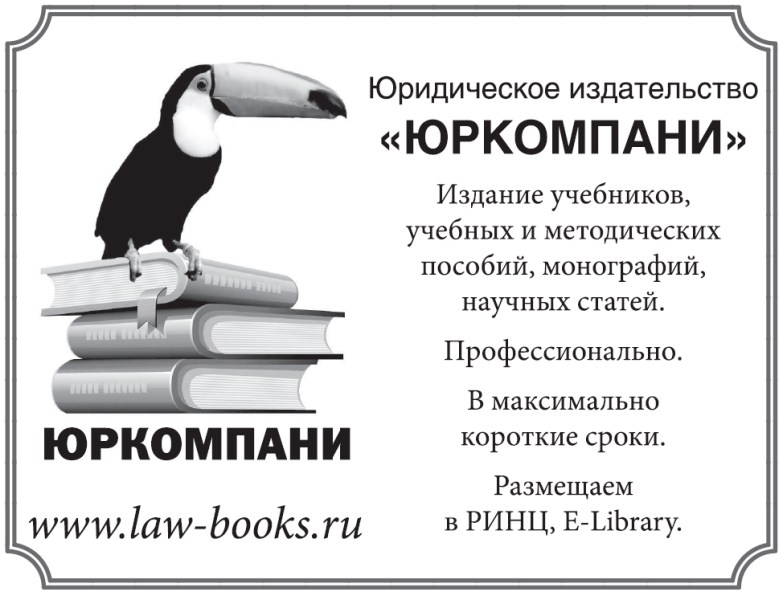
[4] Sashenkov S.A. Development of educational work in the internal affairs bodies in the twentieth century//Topical issues of social and humanitarian knowledge in the higher education system: Collection of materials from scientific seminars, Voronezh, March 01 - March 01, 2023. - Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2024. - S. 40-44.

[5] Certificate of state registration of database No. 2022622074 Russian Federation. Database of test tasks for the author's course of lectures "The influence of state information policy on the functioning of the penal system of the Russian Federation": No. 2022621592: application. 01.07.2022: publ. 17.08.2022 /M.S. Guzeev, S.V. Kulakova, A.V. Vilkova; applicant PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

[6] The best outreach and educational tools used in educational work to form professionally significant qualities of employees of the penitentiary system of the Russian Federation/A.V. Vilkova, S.V. Kulakova, P.N. Kazberov [et al.]. - Moscow: PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2022. - 82 s.

[7] Khaliullina L.G. Chronicle of personnel services of internal affairs bodies: "Personal matter": historical essay/under the society. Ed. V.Yu. Popkova, F.K. Zinnurova. - M., 2004. - 316 s.

[8] Yurova T.V. Cognitive aspect of the formation of patriotism//Successes of modern science and education. – 2016. - T. 1, NO. 9. - S. 112-114.



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-566-570

ВАХИТОВ Ильдар Хатыбович,
доктор биологических наук,
профессор кафедры физического воспитания
Казанская академия ветеринарной медицины
имени Н.Э. Баумана,
e-mail: Vahitov@kpfu.ru.

ВАСЕНКОВ Николай Владимирович,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры физическое воспитание
Казанский государственный энергетический университет,
e-mail: Vnv62@inbox.ru

МИННИБАЕВ Эмиль Шарифович,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры методологии обучения и воспитания
Казанский (Приволжский) государственный университет,
e-mail: ESMinnibaev@kpfu.ru

ВАЛИЕВ Ринат Маратович,
старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин
Казанского филиала Российского государственного
университета правосудия им. В.М. Лебедева,
e-mail: mail@law-books.ru

ВЛИЯНИЕ ГИПОДИНАМИИ НА СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА

Аннотация. *В статье сделан анализ специфики влияния гиподинамии на состояние современного студента в условиях учебы. Акцент делается на связи между спортом и учебой. Цель настоящего исследования заключается в выявлении взаимосвязи между уровнем физической активности студентов и их субъективным самочувствием, а также академической успеваемостью. В опросе приняли участие 30 человек в возрасте от 18 до 20 лет, из них 18 девушек и 12 юношей, что отражает типичную гендерную структуру группы.*

Сбор информации осуществлялся с помощью анонимного анкетирования в формате Google-форм, разосланного через корпоративный чат группы.

Сделан вывод: Физическая активность положительно влияет на здоровье и учёбу студентов, снижая риски гиподинамии. Рекомендуется внедрить в расписание вуза обязательные 10-минутные разминки между парами, создать секции фитнеса в общежитиях и интегрировать спорт в кредиты семестра для мотивации.

Ключевые слова: *гиподинамия, спорт, физическая активность, учеба, здоровье, студенты, малоподвижный образ жизни.*

VAKHIT Ildar Khatybovich,
Doctor of Biological Sciences, Professor,
Department of Physical Education,
N.E. Bauman Kazan Academy of Veterinary Medicine

VASENKOV Nikolai Vladimirovich,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Department of Physical Education Kazan State
Power Engineering University

MINNIBAEV Emil Sharifovich,
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Department of Teaching and Education Methodology,
Kazan (Volga Region) State University

VALIEV Rinat Maratovich,
Senior Lecturer, Department of General Education Disciplines,
Kazan Branch of V.M. Lebedev Russian State University of Justice

THE IMPACT OF LACK OF PHYSICAL DYNAMIA ON THE CONDITION OF A MODERN STUDENT

Annotation. *This article analyzes the specific impact of physical inactivity on modern students during their studies. It emphasizes the connection between sports and academic performance. The purpose of this study is to identify the relationship between students' physical activity levels and their subjective well-being, as well as academic performance. Thirty people aged 18 to 20 participated in the survey, including 18 females and 12 males, reflecting the typical gender composition of the group. Data was collected through an anonymous Google Form survey sent through a corporate group chat. The conclusion is that physical activity has a positive impact on student health and academic performance, reducing the risk of physical inactivity. It is recommended to introduce mandatory 10-minute warm-ups between classes into the university schedule, create fitness classes in dormitories, and integrate sports into semester credits for motivation.*

Key words: *physical inactivity, sports, physical activity, studies, health, students, sedentary lifestyle.*

Введение. Современный студент проводит в аудиториях, библиотеках и перед экранами компьютеров всё больше времени. При этом, продолжительность занятий растёт, а перерывы на прогулки или занятия спортом сокращаются до минимума. Гиподинамия – это болезнь неподвижного образа жизни, проявляющаяся в снижение объема мышечной активности человека [1, 2].

Она проникает в ритм студенческих будней незаметно, вытесняя естественную потребность организма в активности. Учебные программы усложняются, добавляются дополнительные курсы, стажировки, подготовка к экзаменам, и в итоге день заполняется сидячей работой, оставляя место для спорта лишь в редких исключениях. Данная ситуация складывается повсеместно, особенно в крупных городах, где транспорт и инфраструктура ещё больше ограничивают пешие перемещения. Также, привычку к неподвижности закрепляют цифровые технологии, заменившие часть встреч и лекций онлайн-форматами. Данные международных организаций свидетельствуют о тревожных тенденциях в здоровье молодёжи: «Около 80 процентов подростков и молодых людей в возрасте от 11 до 17 лет не достигают рекомендуемого уровня физической активности, что приводит к росту случаев ожирения, сердечно-сосудистых нарушений и психических расстройств» [3]. В России, по информации национальных служб здравоохранения, каждый четвёртый студент сталкивается с проблемами опорно-двигательного аппарата уже на первых курсах, а уровень тревожности и депрессии среди учащихся вузов превышает средние показатели по населению в полтора раза [4, 5]. Эти цифры отражают не разовые сбои, а системный процесс, усугубляемый питанием на бегу и недосыпом. Между тем, регулярное движение способно корректировать эти риски, улучшая кровообращение и обмен веществ.

Именно сейчас изучение связи между спортом и учебой приобретает особую актуальность, ведь сессионные периоды превращаются в испытание на выносливость, полное стресса и умственного переутомления. Студенты жалуются на быструю утомляемость, снижение концентрации, что сказывается на качестве подготовки и сдаче экзаменов. Физическая активность в таких условиях выступает естественным противовесом, помогая организму справляться с гормональными всплесками и восстанавливать силы. Без неё накопление усталости перерастает в хроническое состояние, подрывающее не только здоровье, но и способность к обучению [6, 7]. Отсюда ясно, почему анализ этой взаимосвязи выходит за рамки абстрактных рассуждений и касается практических мер поддержки студенчества.

Цель исследования. Цель настоящего исследования заключается в выявлении взаимосвязи между уровнем физической активности сту-

дентов и их субъективным самочувствием, а также академической успеваемостью. Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. Изучение теоретических аспектов влияния физических нагрузок на организм человека, включая физиологические механизмы и долгосрочные эффекты
2. Проведение анкетирования среди студентов учебной группы и параллельных курсов, чтобы собрать первичные данные о привычках, самочувствии и оценках успеваемости
3. Анализ полученной информации с оформлением результатов в виде таблиц и графиков
4. Разработка практических рекомендаций по повышению двигательной активности в студенческой среде.

Методы исследования. Исследование проводилось в период с 15 января по 10 февраля 2026 года среди студентов первого и второго курсов юридического факультета Казанского филиала Российского государственного университета. В опросе приняли участие 30 человек в возрасте от 18 до 20 лет, из них 18 девушек и 12 юношей, что отражает типичную гендерную структуру группы. Такой выбор обеспечил репрезентативность данных для анализа повседневных привычек современной студенческой молодёжи, при этом учитывались особенности учебного графика с плотным расписанием лекций и семинаров.

Сбор информации осуществлялся с помощью анонимного анкетирования в формате Google-форм, разосланного через корпоративный чат группы. Анкета включала 12 вопросов закрытого и открытого типа, охватывающих ключевые аспекты: количество часов, отводимых на физические упражнения в неделю (от 0 до более 5 часов), продолжительность сна в сутки, субъективную оценку самочувствия по шкале от 1 до 10 баллов, частоту жалоб на утомляемость и головные боли, а также средний балл за семестр и количество пропущенных занятий. Дополнительно респонденты указывали вид активности, если она присутствовала, например, бег, фитнес или командные игры. Для анализа успеваемости использовались самоотчёты о среднем балле и количестве незачтённых предметов, подтверждённые выписками из зачётных книжек у 20 участников.

Обработка данных велась в среде Excel с расчётом процентов, средних значений и корреляций. Статистические показатели выражались в процентах от выборки, строились столбчатые диаграммы для визуализации различий между группами и линейные графики для демонстрации зависимостей. Такой подход позволил выявить чёткие закономерности без сложных математических моделей, сосредоточившись на описательной статистике.

Собственное исследование. Характеристика респондентов выявила типичную картину двигательной активности среди студентов. Регулярно спортом, то есть более трёх часов в неделю, занимаются лишь 8 человек, что составляет 27 % от общего числа. Ещё 12 студентов (40%) поддерживают умеренную активность на уровне 1–3 часов, включая прогулки или редкие тренировки в зале. Наконец, 10 человек (33%) полностью пассивны, предпочитая сидячий образ жизни. Эти пропорции подчёркивают доминирование гиподинамии в группе, где учебная нагрузка вытесняет движение.

Таблица 1. Распределение студентов по уровню физической активности

Уровень физической активности	Количество человек	% от общего числа
Регулярно (более 3 часов в неделю)	8	27
Иногда (1-3 часа в неделю)	12	40
Не занимаются	10	33

Анализ самочувствия показал заметные различия между группами. У студентов с регулярной активностью средняя оценка уровня энергии в течение дня составила 7,5 балла, при этом лишь 12,5 процента отметили низкий уровень сил к вечеру. В группе умеренной активности этот показатель упал до 6 баллов, с 25 процентами жалоб на усталость. Неактивные студенты дали всего

4,8 балла, где 60 процентов указали на постоянную утомляемость и сонливость. Особенно ярко различия проявились в частоте головных болей: среди пассивных респондентов они фиксировались 3–4 раза в неделю у половины опрошенных, тогда как у активных случаев почти не наблюдалось.

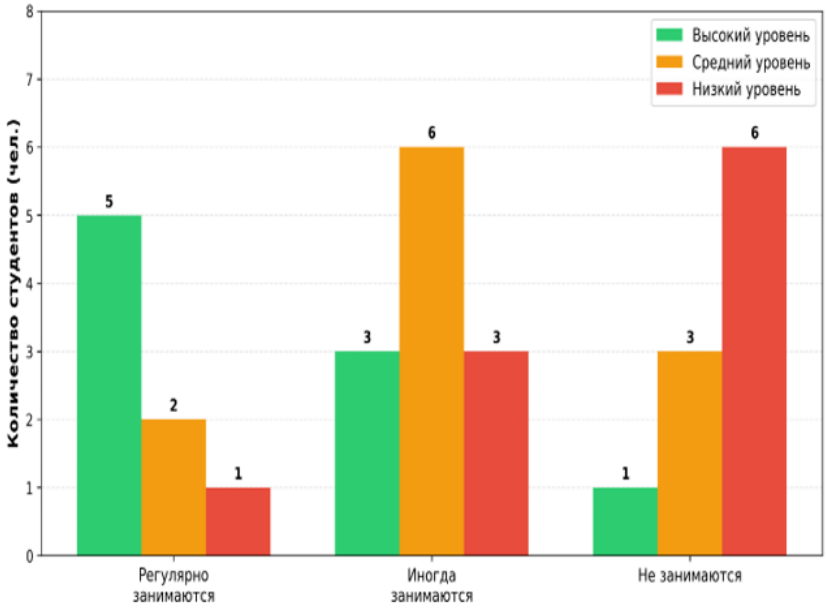


Рисунок 1. Оценка уровня энергии в течение дня у разных групп студенто

Влияние на учёбу проявилось в прямой корреляции между часами спорта и академическими результатами. Средний балл у регулярно активных студентов достиг 4,5, с нулевыми незачтёнными предметами и посещаемостью выше 95%. Умеренно активные показали 4,1 балла, с 20 процентами имеющих один незачтённый предмет. Пассивная группа отстала с 3,8 баллами, где 40 процентов отметили проблемы с сессией из-за пропусков и низкой концентрации. Посещаемость здесь также страдала: среднее число пропусков выросло до 15 процентов.

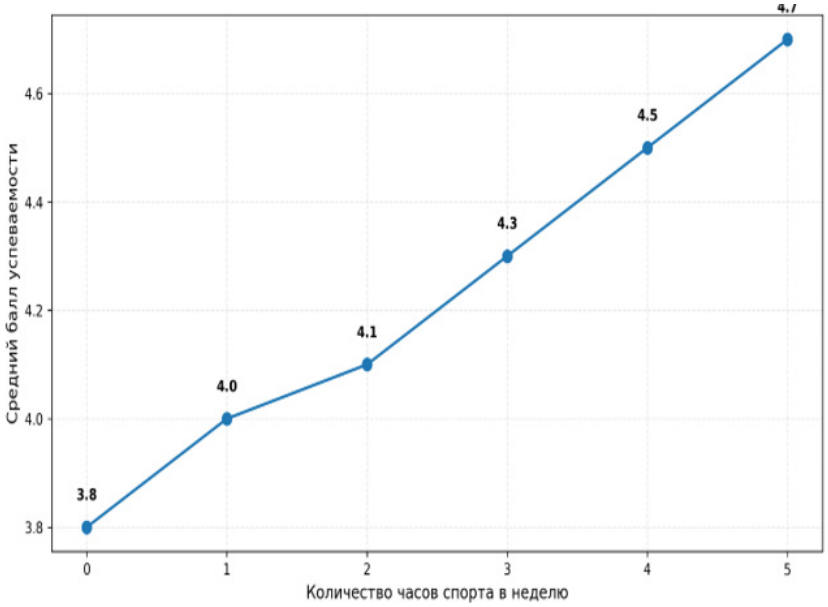


Рисунок 2. Зависимость успеваемости от количества часов спорта в неделю

Обсуждение результатов подтверждает гипотезу о вреде гиподинамии и пользе движения. Студенты, занимающиеся спортом три раза в неделю и более, реже жалуются на головные боли во время сессии, лучше справляются с утомляемостью и демонстрируют устойчивый рост успеваемости. Это согласуется с физиологическими механизмами: регулярные нагрузки улучшают кровоток, насыщение мозга кислородом, что повышает концентрацию и снижает стресс. Низкая активность, напротив, усиливает накопление усталости, нарушая сон и мотивацию, что приводит к цепной реакции неудач в учёбе. Любопытно, что даже умеренные занятия дают эффект, но для максимума требуется системность. Полученные цифры перекликаются с общими данными о молодёжи, где малоподвижность коррелирует с падением когнитивных функций на 15–20 процентов. Однако в нашей выборке эффект выражен ярче из-за специфики студенческого ритма, перегруженного сидением. Такие выводы побуждают к практическим шагам, ведь простое добавление активности способно переломить тенденцию.

Теоретические аспекты влияния спорта на организм изучены с акцентом на укрепление сердечно-сосудистой системы, нормализацию сна и снижение стресса, что подтверждено анализом литературы. Анкетирование 30 студентов выявило преобладание гиподинамии и её негативные последствия. Анализ данных в таблицах и графиках показал чёткую связь: активные студенты имеют на 20–30 процентов выше оценки самочувствия и успеваемости.

Заключение. Физическая активность положительно влияет на здоровье и учёбу студентов, снижая риски гиподинамии. Рекомендуется внедрить в расписание вуза обязательные 10-минутные разминки между парами, создать секции фитнеса в общежитиях и интегрировать спорт в кредиты семестра для мотивации.

Список литературы:

[1] Вахитов И.Х., Охотин Д.В., Коснырева В.К., Дикунова М.С., Яфасов З.Р. Функциональные изменения в организме детей при систематических занятиях единоборствами Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Якутск, 2025. С. 183-187.

[2] Васенков Н.В. Проблемы в мотивации студентов к занятиям физической культурой Образование и право. 2024. № 9. С. 263-265.

[3] Васенков Н.В., Архипов Е.Ю., Шалавина А.С. Информационные технологии в физическом воспитании студентов как средство мотивации Образование и право. 2024. № 9. С. 293-297.

[4] Гарифуллина А.О., Мухамердиева А.Р. Роль физической культуры в образовании Образование и право. 2024. № 11. С. 385-388.

[5] Ибрагимов И.Ф., Нагуманова А.И., Колясова В.Н., Таштиев Р.И. Экономические аспекты управления спортивными клубами и организациями Образование и право. 2024. № 5. С. 418-425.

[6] Севодин С.В., Идрисова А.А. Использование цифровых технологий на занятиях физической культурой Глобальный научный потенциал. 2024. № 4-2 (157). С. 100-104.

[7] Хабибуллин А.Б., Ильин С.Н., Ишмухаметова Н.Ф. Влияние физической культуры на психологическое состояние человека Образование и право. 2024. № 10. С. 337-341.

References:

[1] Vakhitov I.Kh., Okhotin D.V., Kosnyreva V.K., Dikunova M.S., Yafasov Z.R. Functional changes in the body of children during systematic martial arts. Materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Yakutsk, 2025. S. 183-187.

[2] Vasenkov N.V. Problems in motivating students to engage in physical education Education and law. 2024. № 9. S. 263-265.

[3] Vasenkov N.V., Arkhipov E.Yu., Shalavina A.S. Information technologies in physical education of students as a means of motivation Education and law. 2024. № 9. S. 293-297.

[4] Garifullina A.O., Mukhamerdieva A.R. The role of physical culture in education Education and law. 2024. № 11. S. 385-388.

[5] I.F. Ibragimov, A.I. Nagumanova, V.N. Kolyasova, R.I. Tashtiev. Economic aspects of managing sports clubs and organizations. Education and law. 2024. № 5. S. 418-425.

[6] Sevodin S.V., Idrisova A.A. Use of digital technologies in physical education Global scientific potential. 2024. № 4-2 (157). S. 100-104.

[7] Khabibullin A.B., Ilyin S.N., Ishmukhametova N.F. The influence of physical culture on the psychological state of a person Education and law. 2024. № 10. S. 337-341.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-571-578

СПИРИЦА Евгений Валерьевич,
директор Международного центра
детекции лжи и профайлинга (ICDS-GROUP),
преподаватель МГУ имени М.В. Ломоносова,
юрист, психолог, антрополог, эксперт-профайле-верификатор,
e-mail: info@icds-group.com

ДЬЯКОВА Наталия Владимировна,
старший научный сотрудник лаборатории
политологии юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
кандидат психологических наук,
e-mail: nata.law.msu@bk.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭРОЗИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ИНФИЛЬТРАЦИИ НЕВАЛИДНЫХ КОНЦЕПТОВ В АКАДЕМИЧЕСКУЮ СРЕДУ И ЮРИДИЧЕСКУЮ ПРАКТИКУ

Аннотация. *В данной статье рассматривается одна из наиболее актуальных и сложных проблем современной психологической науки — систематическое проникновение псевдонаучных и методологически невалидированных методик в академический дискурс, диссертационные исследования и практическую деятельность специалистов различных областей, включая юриспруденцию. Особое внимание уделяется механизмам легитимации таких концепций, как графология и интерпретация невербального поведения, в рамках прикладной профайлинговой деятельности. Исследование охватывает историко-методологические аспекты проблемы, начиная с античной физиогномики и заканчивая френологией XIX века, что позволяет выявить эволюцию псевдонаучных подходов в психологии. В работе проводится детальный анализ подмены понятий между оперативным профайлингом, как научно обоснованной технологией прогнозирования поведения, и субъективистскими теориями характерологии. Методологическая основа анализа включает принципы фальсификационизма Карла Поппера, а также психометрические требования к валидности и надежности измерительных инструментов. В статье подчеркивается необходимость восстановления жестких критериев демаркации научного знания для предотвращения дискредитации профессиональной психологической деятельности и защиты прав личности в условиях массового применения непроверенных диагностических процедур. Таким образом, исследование представляет собой комплексный анализ проблемы, сочетающий исторический, методологический и этический подходы, что позволяет предложить обоснованные рекомендации по предотвращению дальнейшего распространения псевдонаучных методик в психологической практике.*

Ключевые слова: *методологический кризис, валидность, профайлинг, характерология, псевдонаука, демаркация, графология, невербальная коммуникация, психометрика, фальсификационизм, диссертационные исследования.*

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

SPIRITZA Evgeny Valerievich,
Director of the International Center
for Lie Detection and Profiling (ICDS-GROUP),
Lecturer at Lomonosov Moscow State University,
Lawyer, Psychologist, Anthropologist,
Expert Profiler-Verifier

DYAKOVA Natalia Vladimirovna,
Senior Researcher at the Laboratory
of Political Science Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University,
Candidate of Psychological Sciences

METHODOLOGICAL EROSION OF MODERN APPLIED PSYCHOLOGY: THE PROBLEM OF INFILTRATION OF INVALID CONCEPTS INTO THE ACADEMIC ENVIRONMENT AND LEGAL PRACTICE

Annotation. *This article examines one of the most pressing and complex problems in modern psychological science: the systematic infiltration of pseudoscientific and methodologically invalidated techniques into academic discourse, dissertation research, and the practical activities of specialists in various fields, including law. Special attention is given to the mechanisms of legitimizing concepts such as graphology and the interpretation of non-verbal behavior in the context of applied profiling activities. The study covers the historical and methodological aspects of the problem, from ancient physiognomy to 19th-century phrenology, revealing the evolution of pseudoscientific approaches in psychology. The work provides a detailed analysis of the substitution of concepts between operational profiling, as a scientifically grounded technology for predicting behavior, and subjective theories of characterology. The methodological framework of the analysis includes the principles of Karl Popper's falsificationism.Keywords: methodological crisis, validity, profiling, characterology, pseudoscience, demarcation, graphology, non-verbal communication, psychometrics, falsificationism, dissertation research. The article emphasizes the need to restore strict criteria for demarcating scientific knowledge in order to prevent the discrediting of professional psychological activities and protect individual rights in the context of the widespread use of unverified diagnostic procedures. Thus, the study provides a comprehensive analysis of the issue, combining historical, methodological, and ethical approaches, which allows for the development of sound recommendations to prevent the further spread of pseudoscientific methods in psychological practice.*

Key words: *methodological crisis, validity, profiling, characterology, pseudoscience, demarcation, graphology, non-verbal communication, psychometrics, falsificationism, dissertation research.*

Введение.

Современная прикладная психология переживает острый методологический кризис, обусловленный проникновением эмпирически не подтвержденных концепций в академическую среду и юридическую практику. В условиях коммерциализации образовательных услуг, высокого запроса со стороны бизнес-сообщества на инструменты экспресс-диагностики личности и массовой популяризации психологического знания через тренинговую индустрию, наблюдается опасная тенденция: легитимизация авторских методик, не прошедших процедуру научной верификации, через их включение в учебные программы, диссертационные исследования и практическую деятельность аккредитованных специалистов [14, 5, 7].

Проблема не ограничивается существованием «житейской психологии» или популярной психологической литературы — речь идет о систематической мимикрии под научное знание через использование академической терминологии, формального аппарата и организационных структур науки при полном игнорировании её методологических принципов [47, 48]. Данное явление имеет серьезные социальные последствия: применение невалидных инструментов в кадровой селекции, судебно-психологической экспертизе, профориентации и клинической практике приводит к систематическим ошибкам в оценке личности, ущемлению прав граждан и дискредитации психологии как фундаментальной науки [30, 35].

Цель настоящего исследования — критический анализ механизмов инфильтрации псевдонаучных методик в академическую психологию, систематизация методологических изъянов наиболее распространенных невалидных инструментов и формулирование принципов демаркации научного психологического знания от его имитаций.

1. Историко-методологические корни проблемы: от Теофраста до современной псевдохарактерологии

Античные и средневековые предпосылки физиогномического редукционизма

Стремление установить жесткие корреляции между внешними признаками человека и его психологическими характеристиками имеет глубокие исторические корни. Теофраст (372–287 года до

н.э.), ученик Аристотеля, в трактате «Характеры» представил типологию моральных пороков, основанную на наблюдении за устойчивыми поведенческими паттернами [11]. Однако уже в этом раннем источнике просматривается ключевая методологическая проблема: описание не верифицируемо, носит нормативно-этический характер и не предполагает эмпирической проверки.

Физиогномика как попытка связать строение лица, черепа и тела с психическими свойствами развивалась на протяжении всей античности и Средневековья [1]. Псевдо-Аристотелевский трактат «Физиогномика» (III в. до н.э.) заложил основы биологического детерминизма в понимании характера. В арабской средневековой науке физиогномические идеи были систематизированы аль-Рази и Ибн Синой, но оставались в рамках спекулятивной натурфилософии [28].

Френология и кризис XIX века

Френология Ф. Й. Галля (1758–1828) представляла собой первую попытку создать «научную» систему локализации психических функций через измерение черепа [32]. Несмотря на полную дискредитацию метода уже к середине XIX века (работы П. Брока и К. Вернике показали отсутствие корреляций между рельефом черепа и психическими способностями [2]), френология оказала долгосрочное влияние на массовое сознание, сформировав устойчивую иллюзию возможности «чтения» личности по внешним признакам.

Аналогичную судьбу претерпела криминальная антропология Ч. Ломброзо, утверждавшего существование врожденного «преступного типа» на основании морфологических признаков [40]. Критика со стороны Ш. Горинга и более поздние эмпирические исследования полностью опровергли эти гипотезы, однако психологический эффект сохраняется: общество продолжает искать «простые ключи» к пониманию сложных психических явлений.

Классическая характерология и клинический контекст

Научная характерология оформилась в рамках клинической психиатрии на рубеже XIX–XX веков. Э. Кречмер предложил связь между телосложением и предрасположенностью к определенным типам психических расстройств (астеническое, атлетическое, пикническое строение) [6]. П. Б. Ганнушкин разработал концепцию психопатий как пограничных состояний с устойчивой дезадаптацией [3]. К. Леонгард и позднее А. Е. Личко систематизировали акцентуации характера — заострение определенных черт личности в рамках нормы [39, 8].

Критически важным является контекст применения этих классификаций: все они создавались для клинической практики, предполагали длительное наблюдение, анамнестический анализ, дифференциальную диагностику и не были предназначены для «экспресс-оценки» на основании внешних признаков. Именно игнорирование этого контекста современными адептами «практической характерологии» ведет к грубым методологическим ошибкам.

2. Критический анализ современных псевдометодик

Графология: история методологического провала

Графология — учение о связи почерка с личностными характеристиками — представляет собой классический пример псевдонауки, сохраняющей институциональное присутствие вопреки десятилетиям эмпирических опровержений. Систематический обзор 200+ исследований, проведенный Г. Бен-Шахаром с соавторами [19], однозначно продемонстрировал отсутствие значимых корреляций между параметрами почерка и измеренными психологическими чертами. Мета-анализ Р. Климоски [36] показал, что валидность графологических заключений не превышает случайного уровня ($r \approx 0.02$).

Тем не менее графология продолжает применяться в кадровом рекрутинге (особенно во Франции и Израиле) [41] и, что наиболее тревожно, фигурирует в диссертационных работах по психологии труда и педагогике как «дополнительный метод оценки». Это свидетельствует о системной проблеме научной экспертизы в психологическом сообществе.

Популярная интерпретация невербального поведения

Книги А. Пиза («Язык телодвижений») и их многочисленные аналоги представляют собой упрощенные интерпретации невербальной коммуникации, игнорирующие фундаментальные принципы, установленные в академической психологии [43]. Исследования П. Экмана, А. Мехрабиана, М. Кнаппа демонстрируют, что невербальное поведение:

- культурно обусловлено (жесты имеют различные значения в разных культурах) [29];
- контекстуально зависимо (один жест не имеет фиксированного значения) [38];
- требует анализа кластеров поведения, а не отдельных элементов [21];
- не позволяет «читать мысли» или устанавливать ложь с высокой точностью (метаанализы показывают точность детекции лжи на

уровне 54%, что статистически незначимо отличается от случайного угадывания) [20, 51].

Использование популярных изданий в качестве научных источников в диссертациях превращает исследование в набор спекулятивных интерпретаций, лишенных методологической строгости.

3. Механизмы легитимизации псевдонауки в академической среде

Коммерциализация образования и спрос на «быстрые решения»

Трансформация высшего образования в услугу, подчиненную рыночной логике, создает условия для распространения методик, обещающих быстрый практический результат при минимальных затратах времени на освоение [10]. Тренинговая индустрия генерирует спрос на «сертифицированных профайлеров», обучение которых занимает 3–5 дней, что объективно недостаточно для формирования научно обоснованных компетенций.

Университеты, стремясь к финансовой самостоятельности, включают подобные «практико-ориентированные» курсы в магистерские программы и программы дополнительного профессионального образования, не подвергая их методологической экспертизе [12]. Возникает порочный круг: невалидные методики проникают в учебные программы, затем становятся основой выпускных квалификационных работ и диссертаций, что придает им видимость научной легитимности.

Экспертное смещение и «авторитет патента»

Рецензенты диссертаций и членов диссертационных советов зачастую не подвергают критическому анализу инструментарий исследования, если он облечен в форму «авторской запатентованной методики» или имеет историю использования в ведомственных структурах (МВД, ФСБ) [13]. Патент на методику воспринимается как свидетельство её научной состоятельности, хотя патентное право защищает новизну и промышленную применимость, но не валидность психодиагностического инструмента [31].

Использование методики в правоохранительных органах также не является гарантией научности — история знает множество примеров применения непроверенных техник (детектор лжи без учета базовой ставки ошибок, психофизиологические методики без стандартизации) [34, 46].

Терминологическая мимикрия

Псевдонаучные методики активно используют академическую терминологию («валидность», «надежность», «факторный анализ», «корреляционные связи»), не предоставляя при этом реальных эмпирических данных [16]. В рекламных материалах и учебных пособиях приводятся ссылки на «собственные исследования», результаты которых никогда не публикуются в рецензируемых изданиях. Создается иллюзия научности через имитацию её внешних атрибутов.

4. Психометрические требования и этические риски

Критерии научности диагностического инструмента

Согласно Стандартам психологического и образовательного тестирования (AERA, APA, NCME) [42], любой диагностический инструмент должен соответствовать следующим требованиям:

Валидность — соответствие измеряемого признака заявленной психологической конструкции. Включает:

– конструктную валидность (соответствие теоретической модели);
– критериальную валидность (корреляция с внешними критериями);
– прогностическую валидность (способность предсказывать будущее поведение).

Надежность — стабильность и согласованность результатов при повторных измерениях (ретестовая надежность, внутренняя согласованность, межэкспертная согласованность) [24].

Стандартизация — наличие норм для репрезентативной выборки, стандартизированной процедуры проведения и интерпретации. Ни одна из рассмотренных выше методик не удовлетворяет этим базовым критериям.

Социальные и этические последствия

Применение невалидных диагностических инструментов в областях с высокой социальной ответственностью ведет к следующим последствиям:

1) Дискриминация в кадровых решениях. Отказ в приеме на работу или продвижении на основании псевдодиагностики является формой дискриминации, нарушающей трудовое законодательство [50].

2) Стигматизация личности. Приклеивание ярлыков («истероид», «эпилептоид») создает устойчивые негативные ожидания, препятствует личностному росту и ведет к самореализующимся пророчествам [4].

3) Дискредитация профессии. Массовое распространение «сертифицированных профайлеров», демонстрирующих низкий уровень компетенций, подрывает доверие к психологии как науке и профессии [33].

4) Юридические риски. Использование псевдометодик в судебной экспертизе может привести к судебным ошибкам с необратимыми последствиями для жизни людей [18].

5. Альтернативные подходы: от типологий к моделированию мастерства

В контексте поиска эффективных методов анализа и изменения поведения стоит упомянуть историю возникновения Нейролингвистического программирования (НЛП). В начале 1970-х гг. в Университете Калифорнии (Санта-Круз) Р. Бендлер и Д. Гриндер предприняли попытку создания «модели модели» — системы извлечения паттернов эффективной деятельности выдающихся специалистов (М. Эриксона, В. Сатир, Ф. Перлза) [26, 52].

В отличие от жестких типологий, НЛП ставило задачу моделирования успешного опыта, создания воспроизводимых техник, независимых от личности терапевта. Хотя НЛП справедливо критикуется за недостаточную академическую строгость, чрезмерные заявления об эффективности и отсутствие систематической эмпирической верификации [49, 22], в своей основе оно содержало важный методологический импульс: анализ структуры успешного действия вместо навешивания ярлыков.

Современные «практические характерологи» игнорируют этот мета-подход, возвращаясь к ригидным схемам, которые проще продать как готовый продукт. Между тем, действительно научный профайлинг основан на принципах криминалистического анализа следов деятельности, бихевиористском прогнозировании и когнитивной психологии принятия решений [15].

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует системный характер проблемы инфильтрации псевдонаучных методик в структуру академической психологии. Корни этого явления уходят в донаучные формы психологического знания (физиогномика, френология), но современная ситуация усугублена коммерциализацией образования, спросом на «быстрые решения» со стороны бизнеса и недостаточной методологической строгостью при экспертизе диссертационных исследований.

Для преодоления кризиса необходимы следующие меры:

1. Ужесточение контроля ВАК над используемым инструментарием в диссертационных исследованиях. Усиление обязательного требования публикаций по валидизации методик в высокоцитируемых рецензируемых журналах (индексируемых в Web of Science, Scopus).
2. Институциональная демаркация профайлинга. Официальное разграничение между оперативной психологией и судебным профайлингом, базирующимися на принципах бихевиоризма, когнитивистики и криминалистики, и коммерческой характерологией. Разработка профессиональных стандартов и системы независимой сертификации специалистов.
3. Образовательная реформа. Включение курсов по критическому мышлению, психометрике, истории и методологии науки в обязательную программу подготовки психологов и юристов. Формирование «иммунитета» к псевдонаучным концепциям должно начинаться на этапе базового образования.
4. Усиление этического контроля. Ответственность психологов и юристов за применение невалидных методик должна быть закреплена в этических кодексах профессиональных сообществ с механизмами дисциплинарного воздействия.
5. Популяризация научной психологии. Активное информирование общества о принципах научной психодиагностики, рисках псевдометодик и критериях выбора компетентного специалиста.

Только через возвращение к жестким стандартам доказательности, формирование культуры методологической рефлексии и институциональное противостояние коммерциализации знания психология и право смогут сохранить свой статус фундаментальных наук и защитить общество от деструктивных последствий некомпетентного вмешательства в сложнейшую сферу человеческой психики.

Список литературы:

[1] Аристотель. Физиогномика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1975. С. 835–852.

[2] Брока П. П. О местонахождении способности к речи в левом полушарии головного мозга // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П. Я. Гальперина. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 168–177.

[3] Ганнушкин П. Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. М.: Север, 1933. 143 с.

[4] Зинченко В. П. Психология доверия. Самара: СГПУ, 2001. 104 с.

[5] Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. М.: Юрайт, 2021. 490 с.

[6] Кречмер Э. Строение тела и характер / Пер. с нем. М.: Педагогика-Пресс, 1995. 608 с.

[7] Лилиенфельд С. О., Линн С. Дж., Русио Дж. 50 великих мифов популярной психологии. М.: Эксмо, 2013. 512 с.

[8] Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983. 256 с.

[9] Пономаренко В. В. Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением. Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. 252 с.

[10] Степанов С. С. Психология в лицах. М.: Изд-во Института психотерапии, 2001. 384 с.

[11] Теофраст. Характеры / Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1974. 124 с.

[12] Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1987. 236 с.

[13] Холодная М. А. Психология понятийного мышления. М.: Институт психологии РАН, 2012. 288 с.

[14] Юревич А. В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 5. С. 35–47.

[15] Alison L. J., Rainbow L. (Eds.). Professionalizing Offender Profiling: Forensic and Investigative Psychology in Practice. London: Routledge, 2011. 234 p.

[16] American Educational Research Association, American Psychological Association, National Council on Measurement in Education. Standards for Educational and Psychological Testing. Washington, DC: AERA, 2014. 230 p.

[17] Anastasi A., Urbina S. Psychological Testing (7th ed.). Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1997. 721 p.

[18] Bandler R., Grinder J. The Structure of Magic I: A Book About Language and Therapy. Palo Alto, CA: Science and Behavior Books, 1975. 226 p.

[19] Ben-Shakar G., Bar-Hillel M., Bilu Y., Ben-Abba E., Flug A. Seek and Ye Shall Find: Confirming Biases in Graphology // Journal of Behavioral Decision Making. 1986. Vol. 2, No. 3. P. 161–173.

[20] Bond C. F., DePaulo B. M. Accuracy of Deception Judgments // Personality and Social Psychology Review. 2006. Vol. 10, No. 3. P. 214–234.

[21] Burgoon J. K., Guerrero L. K., Floyd K. Nonverbal Communication. New York: Routledge, 2016. 520 p.

[22] Canter D. Criminal Shadows: Inside the Mind of the Serial Killer. London: HarperCollins, 1994. 354 p.

[23] Cicchetti D. V. Guidelines, Criteria, and Rules of Thumb for Evaluating Normed and Standardized Assessment Instruments in Psychology // Psychological Assessment. 1994. Vol. 6, No. 4. P. 284–290.

[24] Crocker L., Algina J. Introduction to Classical and Modern Test Theory. Mason, OH: Cengage Learning, 2008. 527 p.

[25] Davies G., Beech A. R. (Eds.). Forensic Psychology: Crime, Justice, Law, Interventions (3rd ed.). Chichester: Wiley, 2018. 456 p.

[26] Dilts R. B. Modeling with NLP. Capitola, CA: Meta Publications, 1998. 268 p.

[27] Douglas J. E., Ressler R. K., Burgess A. W., Hartman C. R. Criminal Profiling from Crime Scene Analysis // Behavioral Sciences & the Law. 1986. Vol. 4, No. 4. P. 401–421.

[28] Eco U. On Ugliness. New York: Rizzoli, 2007. 455 p.

[29] Ekman P., Friesen W. V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // Semiotica. 1969. Vol. 1, No. 1. P. 49–98.

[30] Ethical Principles of Psychologists and Code of Conduct // American Psychological Association. 2017. URL: https://www.apa.org/ethics/code

[31] Feyerabend P. Against Method (4th ed.). London: Verso, 2010. 296 p.

[32] Gall F. J. On the Functions of the Brain and Each of Its Parts. Boston: Marsh, Capen & Lyon, 1835. 6 vols.

[33] Garrett B. L. Convicting the Innocent: Where Criminal Prosecutions Go Wrong. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011. 357 p.

[34] Ioannidis J. P. A. Why Most Published Research Findings Are False // PLoS Medicine. 2005. Vol. 2, No. 8. e124.

[35] Kahneman D., Sibony O., Sunstein C. R. Noise: A Flaw in Human Judgment. New York: Little, Brown Spark, 2021. 464 p.

[36] Klimoski R. J., Rafaeli A. Inferring Personal Qualities Through Handwriting Analysis // Journal of Occupational Psychology. 1983. Vol. 56, No. 3. P. 191–202.

[37] Kline P. The Handbook of Psychological Testing (2nd ed.). London: Routledge, 2000. 752 p.

[38] Knapp M. L., Hall J. A., Horgan T. G. Nonverbal Communication in Human Interaction (8th ed.). Boston: Cengage Learning, 2014. 528 p.

[39] Leonhard K. Akzentuierte Persönlichkeiten. — Berlin: VEB, 1968. (Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 544 с.)

[40] Lombroso C. L'uomo delinquente. Milano: Hoepli, 1876. (Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Эксмо, 2005. 880 с.)

[41] Neter E., Ben-Shakar G. The Predictive Validity of Graphological Inferences: A Meta-Analytic Approach // Personality and Individual Differences. 1989. Vol. 10, No. 7. — P. 737–745.

[42] Nunnally J. C., Bernstein I. H. Psychometric Theory (3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 1994. 752 p.

[43] Pease A., Pease B. The Definitive Book of Body Language. New York: Bantam, 2006. 386 p. (Пиз А., Пиз Б. Язык телодвижений. М.: Эксмо, 2016. 448 с.)

[44] Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. — London: Routledge, 1959. (Поппер К. Р. Логика научного исследования. М.: Республика, 2004. 447 с.)

[45] Ressler R. K., Burgess A. W., Douglas J. E. Sexual Homicide: Patterns and Motives. New York: Free Press, 1988. 272 p.

[46] Rosenthal R., Rosnow R. L. Essentials of Behavioral Research: Methods and Data Analysis (3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 2008. 752 p.

[47] Sagan C. The Demon-Haunted World: Science as a Candle in the Dark. New York: Random House, 1995. 457 p.

[48] Shermer M. Why People Believe Weird Things: Pseudoscience, Superstition, and Other Confusions of Our Time. New York: Holt Paperbacks, 2002. 349 p.

[49] Stahl S. A. Different Strokes for Different Folks? A Critique of Learning Styles // American Educator. 1999. Vol. 23, No. 3. P. 27–31.

[50] Steele C. M., Aronson J. Stereotype Threat and the Intellectual Test Performance of African Americans // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69, No. 5. P. 797–811.

[51] Vrij A. Detecting Lies and Deceit: Pitfalls and Opportunities (2nd ed.). Chichester: Wiley, 2008. 516 p.

[52] Witkowski T. Thirty-Five Years of Research on Neuro-Linguistic Programming. NLP Research Data Base. State of the Art or Pseudoscientific Decoration? // Polish Psychological Bulletin. 2010. Vol. 41, No. 2. P. 58–66.

References:

[1] Aristotle. Physiognomy//Aristotle. Works: In 4 vols. T. 1. M.: Thought, 1975. S. 835-852.

[2] Broca P.P. On the location of the ability to speak in the left hemisphere of the brain//Reader on the history of psychology/Ed. P. Ya. Halperin. M.: Publishing House of Moscow State University, 1980. S. 168-177.

[3] Gannushkin P. B. Clinic of psychopathies, their statics, dynamics, systematics. M.: North, 1933. 143 p.

[4] Zinchenko V.P. Psychology of trust. Samara: SGPU, 2001. 104 p.

[5] Kornilova T.V., Smirnov S.D. Methodological foundations of psychology. M.: Yurayt, 2021. 490 s.

[6] Kretschmer E. Body structure and character/ Per. since German M.: Pedagogy-Press, 1995. 608 pp.

[7] Lilienfeld SO, Lynn SJ, Rusio J. 50 great myths of popular psychology. M.: Eksmo, 2013. 512 s.

[8] A.E. Lichko. Psychopathies and character accentuations in adolescents. L.: Medicine, 1983. 256 s.

[9] Ponomarenko V.V. Practical characterology with elements of forecasting and behavior control. Rostov-on-Don: Phoenix, 2006. 252 p.

[10] Stepanov S. S. Psychology in persons. M.: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2001. 384 pp.

[11] Theophrast. Characters/Per. with dr. Greek G. A. Stratanovsky. L.: Science, 1974. 124 p.

[12] Francella F, Bannister D. A new method of personality research/Per. from English M.: Progress, 1987. 236 pp.

[13] Cold M. A. Psychology of conceptual thinking. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2012. 288 pp.

[14] A.V. Yurevich Psychology and Methodology//Psychological Journal. 2000. VOL. 21, NO. 5. S. 35-47.

[15] Alison L. J., Rainbow L. (Eds.). Professionalizing Offender Profiling: Forensic and Investigative Psychology in Practice. London: Routledge, 2011. 234 p.

[16] American Educational Research Association, American Psychological Association, National Council on Measurement in Education. Standards for Educational and Psychological Testing. Washington, DC: AERA, 2014. 230 p.

[17] Anastasi A., Urbina S. Psychological Testing (7th ed.). Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1997. 721 p.

[18] Bandler R., Grinder J. The Structure of Magic I: A Book About Language and Therapy. Palo Alto, CA: Science and Behavior Books, 1975. 226 p.

[19] Ben-Shakar G., Bar-Hillel M., Bilu Y., Ben-Abba E., Flug A. Seek and Ye Shall Find: Confirming Biases in Graphology // Journal of Behavioral Decision Making. 1986. Vol. 2, No. 3. P. 161–173.

[20] Bond C. F., DePaulo B. M. Accuracy of Deception Judgments // Personality and Social Psychology Review. 2006. Vol. 10, No. 3. P. 214–234.

[21] Burgoon J. K., Guerrero L. K., Floyd K. Nonverbal Communication. New York: Routledge, 2016. 520 p.

[22] Canter D. Criminal Shadows: Inside the Mind of the Serial Killer. London: HarperCollins, 1994. 354 p.

[23] Cicchetti D. V. Guidelines, Criteria, and Rules of Thumb for Evaluating Normed and Standardized Assessment Instruments in Psychology // Psychological Assessment. 1994. Vol. 6, No. 4. P. 284–290.

[24] Crocker L., Algina J. Introduction to Classical and Modern Test Theory. Mason, OH: Cengage Learning, 2008. 527 p.

[25] Davies G., Beech A. R. (Eds.). Forensic Psychology: Crime, Justice, Law, Interventions (3rd ed.). Chichester: Wiley, 2018. 456 p.

[26] Dilts R. B. Modeling with NLP. Capitola, CA: Meta Publications, 1998. 268 p.

[27] Douglas J. E., Ressler R. K., Burgess A. W., Hartman C. R. Criminal Profiling from Crime Scene Analysis // Behavioral Sciences & the Law. 1986. Vol. 4, No. 4. P. 401–421.

[28] Eco U. On Ugliness. New York: Rizzoli, 2007. 455 p.

[29] Ekman P., Friesen W. V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // Semiotica. 1969. Vol. 1, No. 1. P. 49–98.

[30] Ethical Principles of Psychologists and Code of Conduct // American Psychological Association. 2017. URL: https://www.apa.org/ethics/code

[31] Feyerabend P. Against Method (4th ed.). London: Verso, 2010. 296 p.

[32] Gall F. J. On the Functions of the Brain and Each of Its Parts. Boston: Marsh, Capen & Lyon, 1835. 6 vols.

[33] Garrett B. L. Convicting the Innocent: Where Criminal Prosecutions Go Wrong. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011. 357 p.

[34] Ioannidis J. P. A. Why Most Published Research Findings Are False // PLoS Medicine. 2005. Vol. 2, No. 8. e124.

[35] Kahneman D., Sibony O., Sunstein C. R. Noise: A Flaw in Human Judgment. New York: Little, Brown Spark, 2021. 464 p.

[36] Klimoski R. J., Rafaeli A. Inferring Personal Qualities Through Handwriting Analysis // Journal of Occupational Psychology. 1983. Vol. 56, No. 3. P. 191–202.

[37] Kline P. The Handbook of Psychological Testing (2nd ed.). London: Routledge, 2000. 752 p.

[38] Knapp M. L., Hall J. A., Horgan T. G. Nonverbal Communication in Human Interaction (8th ed.). Boston: Cengage Learning, 2014. 528 p.

[39] Leonhard K. Akzentuierte Persönlichkeiten. — Berlin: VEB, 1968. (Leonhard K. Accentuated personalities. Rostov-on-Don: Phoenix, 2000. 544 p.)

[40] Lombroso C. L'uomo delinquente. Milano: Hoepli, 1876. (Lombroso C. Criminal. M.: Eksmo, 2005. 880 p.)

[41] Neter E., Ben-Shakar G. The Predictive Validity of Graphological Inferences: A Meta-Analytic Approach // Personality and Individual Differences. 1989. Vol. 10, No. 7. — P. 737–745.

[42] Nunnally J. C., Bernstein I. H. Psychometric Theory (3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 1994. 752 p.

[43] Pease A., Pease B. The Definitive Book of Body Language. New York: Bantam, 2006. 386 p. (Pease A, Pease B. Body language. M.: Eksmo, 2016. 448 p.)

[44] Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. — London: Routledge, 1959. (Popper C. R. Logic of Scientific Inquiry. M.: Republic, 2004. 447 p.)

[45] Ressler R. K., Burgess A. W., Douglas J. E. Sexual Homicide: Patterns and Motives. New York: Free Press, 1988. 272 p.

[46] Rosenthal R., Rosnow R. L. Essentials of Behavioral Research: Methods and Data Analysis (3rd ed.). New York: McGraw-Hill, 2008. 752 p.

[47] Sagan C. The Demon-Haunted World: Science as a Candle in the Dark. New York: Random House, 1995. 457 p.

[48] Shermer M. Why People Believe Weird Things: Pseudoscience, Superstition, and Other Confusions of Our Time. New York: Holt Paperbacks, 2002. 349 p.

[49] Stahl S. A. Different Strokes for Different Folks? A Critique of Learning Styles // American Educator. 1999. Vol. 23, No. 3. P. 27–31.

[50] Steele C. M., Aronson J. Stereotype Threat and the Intellectual Test Performance of African Americans // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. Vol. 69, No. 5. P. 797–811.

[51] Vrij A. Detecting Lies and Deceit: Pitfalls and Opportunities (2nd ed.). Chichester: Wiley, 2008. 516 p.

[52] Witkowski T. Thirty-Five Years of Research on Neuro-Linguistic Programming. NLP Research Data Base. State of the Art or Pseudoscientific Decoration? // Polish Psychological Bulletin. 2010. Vol. 41, No. 2. P. 58–66.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-579-581

РЕДИ Елена Владимировна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки
и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск,
e-mail: Russlen90@mail.ru

ФАЛЕЕВА Елена Александровна,
Доцент кафедры физического воспитания и спорта
Сибирский государственный университет науки
и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
г. Красноярск,
e-mail: Russlen90@mail.ru

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЗАНЯТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ, КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ

Аннотация. *В статье рассматривается роль самостоятельных занятий физической культурой в формировании здорового образа жизни студентов. Анализируются мотивы, формы и методы организации таких занятий, вопросы планирования нагрузки, самоконтроля и профилактики травматизма. Представлен анализ научной литературы и данных социологических опросов. Материалы адресованы преподавателям, студентам и специалистам в области физической культуры.*

Ключевые слова: *самостоятельные занятия, физическая культура, студенты, здоровый образ жизни, мотивация, самоконтроль.*

REDI Elena Vladimirovna,
Associate Professor of the Department
of Physical Education and Sports
Siberian State University of Science and Technology
named after Academician M.F. Reshetnev,
Krasnoyarsk

FALEEVA Elena Aleksandrovna,
Associate Professor of the Department
of Physical Education and Sports
Siberian State University of Science and Technology
named after Academician M.F. Reshetnev,
Krasnoyarsk

INDEPENDENT PHYSICAL CULTURE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A HEALTHY LIFESTYLE FOR STUDENTS

Annotation. *The article discusses the role of independent physical training in the formation of a healthy lifestyle among students. The article analyzes the motives, forms and methods of organizing such training, as well as the issues of load planning, self-control and prevention of injuries. The analysis of scientific literature and data from sociological surveys is presented. The materials are addressed to teachers, students and specialists in the field of physical culture.*

Key words: *independent training, physical culture, students, healthy lifestyle, motivation, self-control.*

Введение. Современное общество предъявляет высокие требования к здоровью и физической подготовленности молодых специалистов. Однако образ жизни студенческой молодежи характеризуется гиподинамией, нерациональным питанием, хроническим недосыпанием и стрессами, что ведет к ухудшению здоровья и росту заболеваемости.

В этих условиях особую значимость приобретает физическая культура как компонент здорового образа жизни. Обязательные учебные занятия (2-4 часа в неделю) недостаточны для обеспечения полноценного двигательного режима студентов. Ключевое значение приобретают самостоятельные занятия, позволяющие компенсировать дефицит двигательной активности и сформировать устойчивую потребность в регулярных тренировках. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных путей вовлечения молодежи в самостоятельную физкультурно-оздоровительную деятельность.

Цель исследования — теоретическое обоснование роли самостоятельных занятий физической культурой в формировании здорового образа жизни студентов, а также анализ основных организационно-методических условий, обеспечивающих эффективность таких занятий.

Основная часть. Самостоятельные занятия физической культурой — это система регулярной физической активности, осуществляемой студентом по собственной инициативе без непосредственного руководства преподавателя. Они восполняют дефицит двигательной активности, способствуют восстановлению после умственного утомления, повышению общей и профессиональной работоспособности.

Эффективность занятий зависит от мотивации. Выделяют следующие группы мотивов: оздоровительные (укрепление здоровья), двигательно-деятельностные (удовольствие от движения), соревновательно-конкурентные (стремление к лучшим результатам), эстетические (коррекция фигуры), коммуникативные (общение), познавательно-развивающие (познание возможностей организма) и профессионально-ориентированные (успешность в будущей трудовой деятельности). Доминирующими у студентов чаще всего выступают оздоровительные и эстетические мотивы.

Формы самостоятельных занятий разнообразны: утренняя гимнастика, физкультпаузы в течение учебного дня, тренировочные занятия (бег, плавание, фитнес, спортивные игры) 2-3 раза в неделю. Занятия требуют планирования с учетом пола, возраста, уровня подготовленности и состояния здоровья студента.

Ключевое условие эффективности — правильное дозирование нагрузки и самоконтроль. Начинать следует с малых нагрузок, постепенно увеличивая их. Критерии оптимальности: самочувствие, частота пульса, качество сна и аппетита. Оптимальная тренировочная зона пульса составляет 60-80% от максимального (220 минус возраст). Ведение дневника самоконтроля позволяет отслеживать динамику подготовленности.

Важна профилактика травматизма. Отсутствие контроля тренера повышает риски травм из-за нарушения техники, недостаточной разминки или переутомления. Задача преподавателя — обучить студентов технике безопасности, правилам подбора упражнений, методам страховки и информировать о противопоказаниях.

На практике существуют проблемы, препятствующие вовлечению студентов в самостоятельные занятия: дефицит времени, недостаток доступной спортивной инфраструктуры, слабая информированность о методиках, низкая потребность в физическом самосовершенствовании. Их решение требует комплексного подхода: совершенствования учебного процесса, развития спортивной базы и пропаганды здорового образа жизни.

Заключение. Самостоятельные занятия физической культурой являются важнейшим компонентом системы физического воспитания студентов и действенным фактором формирования здорового образа жизни. Они позволяют восполнить дефицит двигательной активности, повысить умственную и физическую работоспособность, укрепить здоровье, улучшить телосложение и психоэмоциональное состояние. Эффективность самостоятельных занятий обеспечивается правильной мотивацией, грамотным планированием нагрузки, регулярностью, адекватным самоконтролем и соблюдением правил безопасности.

Задача высшей школы – создать все необходимые условия для вовлечения студентов в самостоятельную физкультурно-оздоровительную деятельность. Это предполагает не только развитие материально-технической базы, но и совершенствование методического обеспечения, проведение консультационной работы, обучение студентов методам самоконтроля и основам построения тренировочного процесса. Только при условии сформированности у выпускников вуза устойчивой потребности в регулярных самостоятельных занятиях физической культурой можно говорить о полноценной реализации здоровьесберегающей функции образования и подготовке физически крепкого, дееспособного специалиста.

Список литературы:

[1] Пономарева Г.В., Самотаев П.И., Власова Т.Н., Линёва Н.А. Влияние типа темперамента студентов на выбор спортивной деятельности // Культура физическая и здоровье. – 2025. – Т. 95. – № 3. – С. 130-133.

[2] Бакаев В.В., Быстрова И.В., Шелкова Л.Н., Иванов П.И. Взаимосвязь игрового опыта и физической подготовленности теннисистов // Культура физическая и здоровье. – 2025. – Т. 95. – № 3. – С. 208-212.

[3] Бажев А.З., Чеченов Б.Х., Коноплёва А.Н. Актуальные вопросы психологической подготовки пловцов к соревнованиям // Культура физическая и здоровье. – 2025. – Т. 95. – № 3. – С. 18-22.

[4] Кронфельд М. Снижение травматизма в профессиональном футболе: комплексный подход к работе с данными // Материалы митапа Яндекс Спорттеха. – 2025.

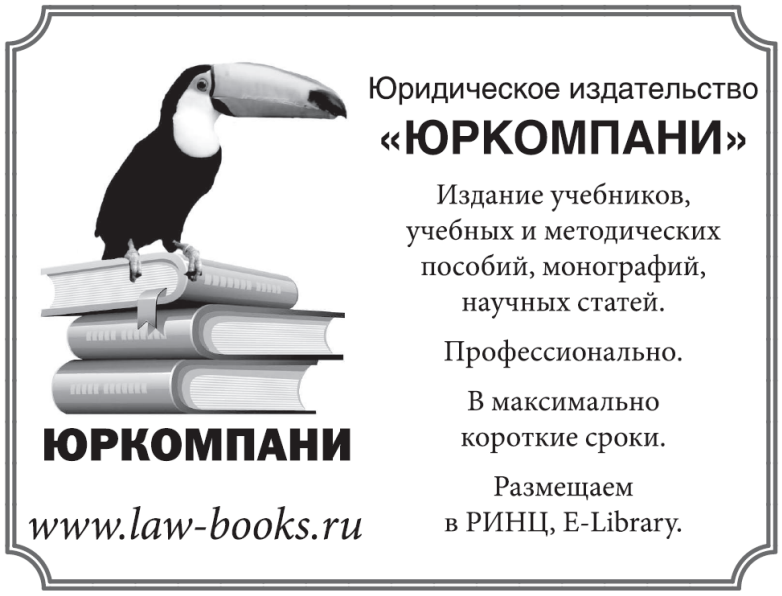
References:

[1] Ponomareva G.V., Samotaev P.I., Vlasova T.N., Lineva N.A. Influence of the type of temperament of students on the choice of sports activities// Physical and health culture. – 2025. - T. 95. – № 3. - S. 130-133.

[2] Bakaev V.V., Bystrova I.V., Shelkova L.N., Ivanov P.I. Relationship between playing experience and physical fitness of tennis players//Physical and health culture. – 2025. - T. 95. – № 3. - S. 208-212.

[3] Bazhev A.Z., Chechenov B.Kh., Konopleva A.N. Actual issues of psychological preparation of swimmers for competitions//Physical and health culture. – 2025. - T. 95. – № 3. - S. 18-22.

[4] Kronfeld M. Reducing occupational injuries football: an integrated approach to working with data//Materials of the Yandex Sporttech meetup. – 2025.



Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-582-586

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета, г. Екатеринбург, Россия.
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета, г. Екатеринбург, Россия.
e-mail: uprkadr@mail.ru

ФАТЕЕВА Наталья Борисовна,
старший преподаватель кафедры менеджмента и экономической теории ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета, г. Екатеринбург, Россия.
e-mail: natbor73@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета, г. Екатеринбург,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономический наук,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля ФГБОУ ВО Уральский государственный аграрный университет, г. Екатеринбург, Россия.
os-bakunova@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского учета и финансового контроля ФГБОУ ВО Уральского государственного аграрного университета, г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: malkova0404@mail.ru

МОТИВАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. *В условиях трансформации системы образования, усиления конкуренции за абитуриентов и внедрения профессиональных стандартов, вопрос стимулирования педагогических кадров выходит на первый план. Качество образовательных услуг напрямую зависит от заинтересованности и вовлеченности сотрудников. В статье рассматриваются теоретические основы мотивации, анализируются современные подходы к материальному и нематериальному стимулированию в образовательных организациях, а также*

практика внедрения эффективного контракта и адаптивного стимулирования. В статье рассматриваются современные подходы к стимулированию труда педагогических и административных работников образовательных учреждений, на основе комплексного исследования, включающего анкетирование педагогических работников и интервьюирование руководителей образовательных организаций, проанализирована эффективность существующих систем мотивации. Выявлено преобладание материальных форм стимулирования при недостаточном использовании нематериальных методов поощрения. Установлены статистически значимые связи между удовлетворенностью системой стимулирования и показателями профессионального выгорания, также определены ключевые факторы мотивации для различных категорий педагогических работников с учетом их стажа и карьерной стадии.

Ключевые слова: *мотивация педагогов, образовательные учреждения, система оплаты труда, профессиональное развитие, управление персоналом.*

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Lecturer of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

FATEEVA Natalya Borisovna,
Lecturer, Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
St. Lecturer, Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

MALKOVA Yulia Vadimovna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

MOTIVATION OF TEACHING STAFF OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Annotation. *As the education system transforms, competition for applicants intensifies, and professional standards are being introduced, the issue of incentivizing teaching staff is becoming increasingly important. The quality of educational services directly depends on the interest and engagement of staff. The article examines the theoretical foundations of motivation, analyzes modern approaches to material and non-material incentives in educational organizations, as well as the practice of implementing an effective contract and adaptive incentives. The article examines modern approaches to stimulating the work of teaching and administrative staff of educational institutions. Based on a comprehensive study, including a survey of teaching staff and interviewing heads of educational organizations, the effectiveness of existing motivation systems is analyzed. The predomi-*

nance of material forms of incentives with insufficient use of non-material methods of encouragement has been revealed. Statistically significant relationships have been established between satisfaction with the incentive system and indicators of professional burnout, and key motivation factors for various categories of teaching staff have been identified, taking into account their seniority and career stage.

Key words: *teacher motivation, educational institutions, salary system, professional development, and personnel management.*

Кадровый состав любого учреждения, в том числе и образовательного, является важнейшим ресурсом развития организации. Современная образовательная система испытывает значительные трудности: наблюдается уход молодежи в иные отрасли, увеличение возраста преподавательского состава и падение интереса к научной работе. Данная тенденция сформировалась на фоне отсутствия стимулов к качественному выполнению работы и закреплению молодых кадров.

Современная система образования претерпевает существенные трансформации, что обусловливает необходимость разработки инновационных подходов к управлению человеческими ресурсами. Мотивация педагогических работников становится ключевым фактором повышения качества образовательного процесса, обеспечения его непрерывного развития и достижения стратегических целей образовательной организации [2].

В современных условиях традиционные методы материального стимулирования оказываются недостаточными для обеспечения устойчивой мотивации сотрудников образовательных организаций, что требует комплексного подхода к изучению данной проблематики [1].

Целью настоящего исследования является анализ современных подходов к стимулированию труда педагогических и административных работников образовательных учреждений, выявление факторов, влияющих на мотивацию сотрудников, а также разработка рекомендаций по совершенствованию системы стимулирования в условиях реформирования системы образования.

В рамках исследования применялся комплекс методов, включающий теоретический анализ научной литературы по проблемам мотивации и стимулирования труда, контент-анализ нормативно-правовых документов, регламентирующих оплату труда и стимулирование работников образования, а также эмпирические методы сбора данных.

Эмпирическая часть исследования включала анкетирование педагогических работников общеобразовательных школ и учреждений среднего профессионального образования, полуструктурированные интервью с руководителями образовательных организаций, а также экспертный опрос специалистов в области управления персоналом.

Для обработки количественных данных использовались методы дескриптивной статистики и корреляционный анализ, в свою очередь, качественные данные обрабатывались методом тематического анализа с выделением ключевых категорий и паттернов в высказываниях респондентов [3].

Материальное стимулирование остается фундаментом мотивации, однако его эффективность напрямую зависит от понятности критериев начисления [4].

Результаты исследования показали, что система стимулирования сотрудников образовательных учреждений характеризуется преобладанием материальных форм поощрения, однако их эффективность в современных условиях снижается, в частности, анализ данных анкетирования выявил, что только 34% респондентов считают существующую систему оплаты труда справедливой и мотивирующей, тогда как 58% отметили необходимость пересмотра критериев начисления стимулирующих выплат, при этом было установлено, что наибольшее влияние на профессиональную мотивацию педагогов оказывают нематериальные факторы: возможности профессионального развития (отмечено 72% респондентов), признание профессиональных достижений (68%), благоприятный психологический климат в коллективе (64%) и автономия в принятии педагогических решений (59%).

Корреляционный анализ продемонстрировал статистически значимую связь между удовлетворенностью системой стимулирования и показателями профессионального выгорания педагогов, при этом сотрудники, высоко оценивающие систему мотивации в своих учреждениях, демонстрировали более низкие показатели эмоционального истощения и деперсонализации. Интервью с руководителями образовательных организаций выявили основные барьеры в реализации эффективной системы стимулирования: ограниченность финансовых ресурсов (отмечено в 89% случаев), отсутствие гибких механизмов дифференциации стимулирующих выплат (67%), формальный подход к оценке результативности

труда педагогов (61%) и недостаточная разработанность нематериальных методов поощрения (56%).

Исследование показало существенные различия в предпочтениях различных категорий педагогических работников: молодые специалисты со стажем до 5 лет в большей степени ориентированы на возможности карьерного роста и обучения, педагоги среднего возраста с стажем 5-15 лет акцентируют внимание на справедливости распределения нагрузки и стимулирующих выплат, тогда как работники предпенсионного возраста придают наибольшее значение стабильности и признанию их опыта, что указывает на необходимость дифференцированного подхода к стимулированию с учетом карьерной стадии и индивидуальных потребностей сотрудников.

Анализ данных *таблицы 1* демонстрирует закономерное изменение мотивационных приоритетов в зависимости от карьерной стадии педагога, также следует отметить - респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 1. Приоритетные факторы мотивации педагогических работников в зависимости от стажа работы (в % от числа опрошенных)

Фактор мотивации	Стаж до 5 лет (n=68)	Стаж 5-15 лет (n=102)	Стаж 15-25 лет (n=54)	Стаж более 25 лет (n=23)
Размер заработной платы	78	85	72	65
Возможности профессионального развития	89	74	61	43
Справедливость распределения нагрузки	52	91	78	59
Признание профессиональных достижений	61	68	74	87
Карьерный рост	82	56	37	13
Стабильность и гарантии занятости	43	59	81	91
Психологический климат в коллективе	58	62	69	74
Автономия в педагогической деятельности	47	54	67	78
Современное оборудование и ресурсы	71	63	48	35

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости трансформации системы стимулирования сотрудников образовательных учреждений в направлении создания комплексной модели, интегрирующей материальные и нематериальные методы мотивации, то есть эффективная система стимулирования должна базироваться на принципах справедливости, прозрачности критериев оценки, дифференциации с учетом индивидуальных потребностей и профессиональных достижений педагогов. Кроме того, ключевое значение имеет развитие нематериальных форм поощрения: создание условий для профессионального роста, формирование системы публичного признания достижений, обеспечение автономии в педагогической деятельности и создание благоприятного организационного климата.

Результаты исследования указывают на важность участия самих педагогов в разработке критериев оценки и распределения стимулирующих выплат, что способствует повышению воспринимаемой справедливости системы и её мотивирующего потенциала, в частности, руководителям

образовательных организаций рекомендуется внедрять гибкие системы стимулирования, учитывающие специфику различных категорий педагогических работников и адаптирующиеся к меняющимся условиям образовательной среды. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение долгосрочных эффектов различных моделей стимулирования на качество образовательного процесса и профессиональное благополучие педагогов [5].

Стимулирование сотрудников образовательных учреждений — это комплексная задача, не сводимая только к повышению зарплаты. Эффективная система мотивации должна строиться на нескольких принципах:

1. Прозрачность и справедливость: Критерии материального стимулирования (баллы, KPI) должны быть понятны всем сотрудникам и исключать субъективизм руководства.

2. Комплексность: Сочетание материальных (эффективный контракт, надбавки) и нематериальных (наставничество, геймификация, конкурсы) методов.

3. Адаптивность: Учет специфики учреждения, текущих стратегических задач и особенностей разных поколений сотрудников.

4. Участие: Вовлечение педагогов в разработку показателей эффективности, что повышает их доверие к системе и лояльность.

Только такой комплексный подход позволит образовательным учреждениям не только удержать ценные кадры, но и повысить свою конкурентоспособность на рынке образовательных услуг.

Список литературы

[1] Арляпова Е.С. Особенности и проблемы мотивации персонала образовательной организации // В сборнике: Наука, образование, технологии: вчера, сегодня, завтра. Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2024. С. 50-55.

[2] Ермаков А.Н. Методики повышения эффективности мотивации труда в системе управления персоналом образовательной организации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 12 (100). С. 291-295.

[3] Концевич Г.Е., Мамонов А.А. Мотивация персонала в образовательной организации // В сборнике: Человек труда и наука. Сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2023. С. 123-127.

[4] Петрова Е.А., Чучкалова Е.И. Мотивация персонала в образовательной организации // В сборнике: Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании. Материалы 29-й Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2024. С. 349-352.

[5] Хакимова Г.С., Мешкова Л.М. Роль мотивации как принцип стимулирования персонала образовательной организации // В сборнике: Традиции и инновации в национальных системах образования. Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Национального педагогического форума. Уфа, 2023. С. 326-328

References:

[1] Arlyapova E.S. Features and problems of motivation of personnel of an educational organization // In the collection: Science, education, technology: yesterday, today, tomorrow. Collection of articles from the II International scientific and practical conference. Petrozavodsk, 2024. Pp. 50-55.

[2] Ermakov A.N. Methods for improving the effectiveness of labor motivation in the personnel management system of an educational organization // Skif. Issues of student science. 2024. No. 12 (100). P. 291-295.

[3] Kontsevich G.E., Mamonov A.A. Personnel motivation in an educational organization // In the collection: Man of Labor and Science. Collection of articles from the IV All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, 2023. Pp. 123-127.

[4] Petrova E.A., Chuchkalova E.I. Personnel motivation in an educational organization // In the collection: Innovations in professional and professional-pedagogical education. Proceedings of the 29th International Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg, 2024. pp. 349-352.

[5] Khakimova G.S., Meshkova L.M. The role of motivation as a principle of stimulating the personnel of an educational organization // In the collection: Traditions and innovations in national education systems. Proceedings of the International scientific and practical conference within the framework of the National Pedagogical Forum. Ufa, 2023. pp. 326-328.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-587-590

ФАТЕЕВА Наталья Борисовна,
преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: natbor73@mail.ru

ПЕТРОВА Любовь Николаевна,
старший преподаватель кафедры

менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: lyubow.petrova@mail.ru

АЛИМАРДАНОВА Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: ana_natalya@mail.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: Staheeva53@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург. Россия,
e-mail: uprkadr@mail.ru

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются основные направления обучения работников организации, программы обучения, процесс обучения персонала в организации.*

Ключевые слова: *Процесс «управление обучением», специальные программы, индивидуальный план развития, подготовка работников и дополнительное профессиональное образование.*

FATEEVA Natalya Borisovna,
Lecturer, Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

PETROVA Lyubov Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University, e-mail: lyubow.petrova@mail.ru

ALIMARDANOVA Natalya Aleksandrovna,
Senior Lecturer, Department of
Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor,
Department of Economics, Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Candidate of Sciences (History),Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory
of the Ural State Agrarian University

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia.

ANALYSIS OF THE PERSONNEL TRAINING SYSTEM IN AN ORGANIZATION

Annotation. *This article examines the main areas of employee training in an organization, training programs, and the personnel training process within the organization.*

Key words: *"Learning management" process, special programs, individual development plan, employee training, and continuing professional education.*

Актуальность обучения персонала внутри организации обусловлена тем, что в условиях взаимозависимости экономики, политики, культуры, технологического развития, конкуренции на рынке труда роль новых знаний повышается в стратегическом развитии организации. Конкурентоспособность компании зависит не только от умений, знаний, но и от коммуникативных навыков сотрудников. Обучение, как необходимость совершенствования знаний работников рассматривают такие авторы, как Адаменко А.А., Лаврентьева Е.А., Назарчук Ю.И. [1,3,4]. Н.У. Ярычев говорит о значимости корпоративного обучения, утверждая, что они «должны быть гибкими, адаптивными и экономически эффективными, что позволяет компании оперативно внедрять инновации и развивать своих сотрудников» [5]. О.А. Абдулаева и И.А. Греку утверждают, что обучение способствует профессиональной мотивации и саморазвитию сотрудников [1].

Основными направлениями обучения работников организации являются:

- повышение профессиональной квалификации в рамках специальности, направленное на непрерывное повышение их профессионализма;

- расширение специальностей – обучение, направленное на расширение области знаний, навыков и умений в смежных с основной специальностью направлениях.

Обучение осуществляется по группам работников, соответствующим категориям персонала (например, руководители, специалисты, рабочие), квалификации, опыту работы. Уровни образовательных программ соответствуют ступеням образования.

В рамках каждого уровня образовательных программ действуют основные и дополнительные образовательные программы, которые могут быть активными, пассивными, интерактивными [3].

Основными типами образовательных программ и программ обучения в организациях являются следующие:

- программы вводного обучения – проводится на местах, нацелена на адаптацию работника;

- специализированные (уникальные) программы - программы обучения, направленные на развитие профессиональных навыков, необходимых компании;

- программы повышения квалификации – программы обучения, направленные на повышение квалификации работников по трудовой функции;

- программы профессиональной переподготовки – программы обучения, направленные на обучение новому виду профессиональной деятельности.

- программы высшего и среднего профессионального образования - программы получения работниками высшего и среднего профессионального образования при необходимости.

Формы подготовки и дополнительного профессионального образования работников, перечень необходимых профессий и специальностей определяются исходя из потребности организации. В целях установления единых подходов при формировании и реализации кадровой политики в организации может быть утверждён единый порядок управления обучением, который должен учитывать необходимость обучения, сроки обучения, порядок обучения для собственных нужд.

Работа по управленческому процессу «управление обучением» основывается на следующих принципах:

– ориентация на цели организации: высокий уровень знаний, умений и навыков работников должны позволять достигать стратегических целей. Таким образом, в первую очередь ресурсы организации инвестируются в программы и формы обучения, которые поддерживают достижение стратегических целей, такое обучение реализуется с помощью единого отраслевого подхода (отраслевое обучение);
– непрерывность: высокий темп развития производственных, информационных и управленческих технологий, а также высокие требования заказчиков формируют необходимость в непрерывном развитии каждого работника для повышения соответствия корпоративным ценностям / уровня развития профессионально-технических знаний, умений и навыков по текущей должности (профессии) и освоению новых профессиональных областей;
– соотношения действий в обучении работника в его индивидуальном плане развития «70/20/10»: 70% - развитие на рабочем месте; 20% - обратная связь и обучение на опыте других; 10 % - самообучение;
– использование преимуществ современных форм обучения: постоянно изменяющиеся внешняя среда и внутренние условия деятельности организации определяют основное условие в развитии работников - необходимость быстрой передачи новых знаний и навыков каждому работнику, которое требует использования современных форм обучения (электронных, дистанционных, смешанных), и также позволяет достичь оптимального соотношения между достигаемым результатом обучения и затраченными ресурсами.

Процесс «управление обучением» состоит из следующих этапов:

1. Актуализация требований и ресурсов обучения: актуализация требований к обучению работников и ресурсов обучения (каталогов курсов, программ, оборудования);

2. Планирование обучения на длительную перспективу (следующий календарный год): формирование перспективных индивидуальных планов развития работников (на следующий календарный год) в части обязательного специализированного обучения и долгосрочных отраслевых программ развития.

3. Планирование обучения на краткосрочную перспективу (текущий календарный год): составление индивидуального плана развития на основании результатов ежегодной оценки эффективности деятельности.

4. Организация и проведение обучения: реализация потребности в обучении персонала с помощью обучающих и развивающих мероприятий различных форматов, например, применение интерактивной видеоконференции между организацией и учебными заведениями для руководителей и специалистов.

Как правило, интерактивные видеоконференции используются для связи двух и более отдаленных адресатов.

5. Оценка эффективности процесса: сбор и анализ обратной связи работников относительно качества и сроков реализации потребностей в обучении персонала.

Особенности реализации этапов «Планирование обучения на следующий календарный год» и «Организация и проведение обучения»:

- в ходе планирования обучения анализируются выявленные потребности в обучении, определяются наиболее приоритетные, рекомендуется непосредственным руководителям работников вид обучения, который в наибольшей степени отвечает потребностям работника и позволяет эффективно использовать ресурсы организации, а также поставщиков услуг по обучению;

- для оформления внешнего обучения в организации работник может самостоятельно инициировать процедуру оформления запланирован-

ного внешнего обучения, а также непосредственный руководитель. Руководители структурных подразделений могут назначать в рабочем порядке кураторов обучения от структурных подразделений, которые реализуют план внешнего обучения работников подразделения.

В настоящее время существует множество видов обучения персонала, но особое внимание уделяется наставничеству.

Наставничество – это отношения, в которых опытный или более знающий человек помогает менее опытному или менее знающему человеку усвоить определенные компетенции. Опыт и знания наставника, относительно которых строятся отношения наставничества, могут касаться как особой профессиональной.

Именно наставничество в большей степени может обеспечить организацию квалифицированными и эффективными работниками, позволит сохранить ключевые знания и навыки, повысить эффективность системы развития персонала за счёт использования внутренних ресурсов организации в целом.

Список литературы:

[1].Абдулаева О.А., Греку И.А. Внутрифирменное и корпоративное обучение учителей: анализ понятий. Проблемы современного педагогического образования. 2019; № 63-1.

[2].Адаменко, А. А. Современное состояние и проблемы кадрового обеспечения в агропромышленном комплексе России/ А. А. Адаменко, Н. В. Фалина, А. В. Острецова// Бухучет в сельском хозяйстве. – 2024. - № 6. – С. 444–455.

[3].Лаврентьева, Е. А. Обобщение зарубежных методов оценки персонала/ Е. А. Лаврентьева, А. В. Некрасов// Муниципалитет: экономика и управление. - 2024.- № 1.- С. 10–16.

[4].Назарчук, Ю.И. Электронное обучение: к вопросу об эффективности// Norwegian Journal of development of the International Science. – 2021. – № 69. – С. 26-32

[5].Ярычев Н.У. Возможности внутриорганизационного обучения в обеспечении подготовки молодого преподавателя колледжа к проектированию индивидуальной методической системы. Современные проблемы науки и образования. 2012; № 4. Available at: http//www. science-education. ru/pdf/2012/4/333/pdf

References:

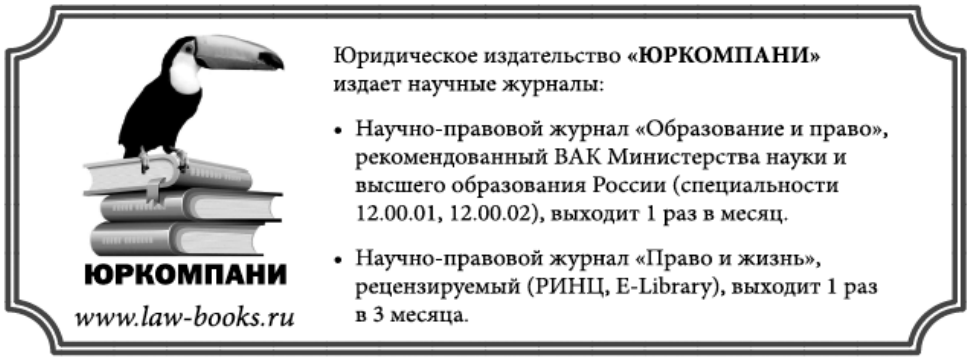
[1].Abdulaeva O.A., Greku I.A. Vnutrifirmennoe i korporativnoe obuchenie uchitelej: analiz ponyatij. Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2019; № 63-1.

[2].Adamenko, A. A. Sovremennoe sostoyanie i problemy kadrovogo obespecheniya v agropromyshlennom komplekse Rossii/ A. A. Adamenko, N. V. Falina, A. V. Ostrecova// Buhuchet v sel'skom hozyajstve. – 2024. - № 6. – S. 444–455.

[3].Lavrent'eva, E. A. Obobshchenie zarubezhnyh metodov ocenki personala/ E. A. Lavrent'eva, A. V. Nekrasov// Municipalitet: ekonomika i upravlenie. - 2024.- № 1.- S. 10–16.

[4].Nazarchuk, YU.I. Elektronnoe obuchenie: k voprosu ob effektivnosti// Norwegian Journal of development of the International Science. – 2021. – № 69. – S. 26-32

[5].YArychev N.U. Vozmozhnosti vnutriorganizacionnogo obucheniya v obespechenii podgotovki molodogo prepodavatelya kolledzha k proektirovaniyu individual'noj metodicheskoj sistemy. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012; № 4. Available at: http//www. science-education.ru/pdf/2012/4/333/pdf



Дата поступления рукописи в редакцию: 15.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-591-597

САДОВСКИЙ Ян Владимирович,
ассистент кафедры теории права и государства
ФГАОУ ВО «Российский Университет Дружбы Народов
имени Патриса Лумумбы»,
e-mail: sadovskiy-yav@rudn.ru

ПРЕКАРИЗАЦИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ТРУДА В ГЕРМАНИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРОЧНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ

Аннотация. *Статья посвящена комплексному анализу правового регулирования трудовых отношений в системе высшей школы Федеративной Республики Германия, находящихся на пересечении публичного и частного права, тарифного регулирования и специального законодательства о науке. Исследуется дуализм правового регулирования, обусловленный разграничением компетенций между федеральным центром и землями, а также сосуществованием двух категорий работников — тарифных служащих, чьи условия труда определяются коллективными соглашениями (TV-L, TVÜ-L, TVöD, AVR), и государственных чиновников (Beamte), правовое положение которых регулируется нормами публичного служебного права. Подробно рассматриваются механизмы Закона о срочных трудовых договорах в науке (Wissenschaftszeitvertragsgesetz). В заключение формулируется вывод о том, что преодоление структурного кризиса трудовых отношений в немецкой образовательных учреждения невозможно без радикального пересмотра модели финансирования науки в пользу увеличения окладов для контрактов на неопределённый срок.*

Ключевые слова: *трудовые отношения, ФРГ, образование, тарифное регулирование, срочные трудовые договоры, государственная служба, охрана труда, научные сотрудники.*

SADOVSKY Yan Vladimirovich,
Assistant Professor,
Department of Theory of Law and State,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PRECARIZATION OF ACADEMIC LABOR IN GERMANY: LEGAL ISSUES OF FIXED-TERM EMPLOYMENT OF RESEARCHERS

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the legal regulation of labor relations in the higher education system of the Federal Republic of Germany, which lies at the intersection of public and private law, wage rate regulation, and specialized legislation on science. It examines the duality of legal regulation, conditioned by the delimitation of competencies between the federal center and the Länder, as well as the coexistence of two categories of employees: wage rate employees, whose working conditions are determined by collective agreements (TV-L, TVÜ-L, TVöD, AVR), and civil servants (Beamte), whose legal status is regulated by the norms of public service law. The mechanisms of the Act on Fixed-Term Employment Contracts in Science (Wissenschaftszeitvertragsgesetz) are examined in detail. The conclusion is that overcoming the structural crisis of labor relations in German educational institutions is impossible without a radical revision of the research funding model in favor of increasing salaries for indefinite-term contracts.*

Key words*: labor relations, Germany, education, tariff regulation, fixed-term employment contracts, civil service, labor protection, researchers.*

Трудовые отношения в высшей школе Германии образуют сложную, многоуровневую и непрерывно развивающуюся систему, находящуюся на пересечении публичного и частного права, тарифного регулирования и специального законодательства о

науке. Данная сфера трудовой деятельности традиционно характеризуется глубоким дуализмом: с одной стороны, действует конституционно закрепленный принцип свободы научного творчества и преподавания [1], а с другой — жесткие рамки трудового законодательства, находящегося в совместной компетенции земель и федерации, стремящегося обеспечить социальные гарантии работников.

Рассматривая фундаментальные правовые основы регулирования трудовых отношений академического и вспомогательного персонала, необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство договоров научно-педагогических работников государственных вузов в Германии регулируется тарифными соглашениями земель (TV-L). В то же время система оплаты и условий труда постоянно претерпевала значительные изменения, что обусловило необходимость внедрения промежуточного правового регулирования для отдельных категорий работников, чаще всего возрастных профессоров.

Рассмотрим систему регулирования условий труда на основании тарифных соглашений подробнее. Всего в ФРГ на данный момент применяются четыре основных соглашения об урегулировании трудовых прав работников: TV-L, TVÜ-L, TVöD, AVR.

Основное регулирование трудовых отношений работников образовательных и некоторых других организаций на уровне земель осуществляется с помощью TV-L (Tarifvertrag für den öffentlichen Dienst der Länder) [2]. Этот соглашение распространяется на служащих 15 из 16 федеральных земель Германии. Земля Гессен и создала собственное соглашение - TV-H. Создание TV-L является следствием желания академического сообщества субъектов отказаться от общего государственного регулирования для экономии и проведения самостоятельной финансовой политики. По этой причине тарифная сетка, оклады, надбавки, предусмотренные TV-L менее выгодны, чем предусмотренные TVöD. Базовые оклады могут быть немного ниже, а рабочая неделя на земельном уровне во многих случаях чуть длиннее (обычно от 39,2 до 39,8 часов в неделю в зависимости от конкретной земли). Регулирование условий труда посредством TV-L является основным в Германии.

Поскольку TV-L вступил в силу только в 2006 году, то для решения вопросов, касающихся правового статуса работников, которые начали свою трудовую деятельности на иных условиях и до вступления указанного соглашения в силу было разработано TVÜ-L «Tarifvertrag zur Überleitung der Beschäftigten der Länder in den TV-L und zur Regelung des Übergangsrechts» [3]. Этот документ был подписан в 2006 году, когда на смену устаревшим тарифным договорам BAT (для служащих) и MTArb (для рабочих) пришел современный и единый договор TV-L. Главная цель TVÜ-L заключалась в том, чтобы обеспечить плавный переходный период для сотрудников, которые уже работали в государственных земельных учреждениях до 1 ноября 2006 года.

Основным принципом этого документа стала защита ранее приобретённых прав и гарантий (Besitzstandswahrung). Перед законодателем стоял задача обеспечить гарантиии того, что из-за смены тарифной системы никто из действующих работников не станет получать меньше денег или по иным другим основаниям ухудшите свое положение. Для этого в TVÜ-L были прописаны механизмы расчета «сравнительной зарплаты» (Vergleichsentgelt), это специальный механизм коэффициентов, позволяющий справедливо обеспечить уровень зарплаты, на который работник мог претендовать до вступления в силу TV-L. Старый механизм BAT (Федеральный тарифный договор) уровень дохода сильно зависел от возраста сотрудника и его семейного положения (выплачивались надбавки за брак и наличие детей). TVÜ-L позволил трансформировать эти индивидуальные суммы в новую систему TV-L, где оклад зависит исключительно от должности и профессионального опыта. Если по новым правилам выходила сумма меньше старой, сотруднику назначалась специальная сохраняющая надбавка.

Кроме сохранения уровня дохода, TVÜ-L регламентирует перевод старых категорий оплаты труда в новые группы (Entgeltgruppen). Также договор устанавливает специальные переходные правила для повышения в должности и учета выслуги лет для сотрудников, нанятых до реформы.

На сегодняшний день TVÜ-L актуален главным образом для кадров с многолетним стажем, которые непрерывно трудятся в земельных структурах с периода до конца 2006 года. Для новых работников, подписавших контракт после вступления в силу реформы, эти переходные положения не играют роли — их трудовые отношения регулируются исключительно нормами актуального договора TV-L.

На земельном уровне тарифное регулирование осуществляется с помощью TV-L (Tarifvertrag für den öffentlichen Dienst der Länder**.** Этот договор охватывает служащих 15 из 16 федеральных земель Германии. Исключением является земля Гессен, которая вышла из общего союза и создала собственный, но очень похожий договор — TV-H. По этому тарифу работают сотрудники земельных министерств, полиции (гражданский персонал),

земельных судов, администрация государственных школ и, что очень важно, сотрудники и научные работники государственных университетов и университетских клиник.

Исторически TV-L возник после того, как земли решили отделиться от общего государственного тарифа из-за желания сэкономить и проводить собственную финансовую политику. В результате этого тарифная сетка TV-L часто бывает чуть менее выгодной финансово, чем TVöD. Базовые оклады могут быть немного ниже, а рабочая неделя на земельном уровне во многих случаях чуть длиннее (обычно от 39,2 до 39,8 часов в неделю в зависимости от конкретной земли). Структура зарплатных групп и ступеней (E1–E15, Stufen 1–6) здесь практически идентична TVöD, как и наличие дополнительной пенсии (VBL) и годовой премии.

В ФРГ распространены и религиозные образовательные учреждения, для них действуют особые правила заключения трудовых договоров с работниками. AVR (Arbeitsvertragsrichtlinien) [4]. AVR Caritas (для католических учреждений) и аналогичный ему AVR Diakonie (для евангелических учреждений) юридически не являются «тарифными договорами» в классическом светском понимании. Из-за исторически сложившегося конституционного права церквей в Германии на самоуправление, в этой сфере действует так называемый «Третий путь» (Dritter Weg) трудового права. Главное его отличие — полный запрет на проведение забастовок. Любые споры между работодателем и работниками решаются исключительно путем переговоров в специальных паритетных комиссиях.

Применяется AVR в огромном количестве клиник, домов престарелых, детских садов, приютов и консультационных центров, принадлежащих церкви. В финансовом плане AVR тесно ориентируется на TVöD, однако зачастую предлагает даже более выгодные условия для сотрудников. Например, в AVR Caritas традиционно выплачивается специальная надбавка на детей (Kinderzulage), которой нет в светских договорах, а также предусмотрена мощная система дополнительного церковного пенсионного страхования (KZVK). Однако от сотрудников (особенно на руководящих постах или в воспитательной сфере) часто ожидается лояльность базовым церковным ценностям, а иногда и принадлежность к конфессии, хотя в последние годы из-за нехватки кадров эти требования стали гораздо мягче.

Дуализм правового регулирования трудовых отношений в высшей школе в Германии обусловлен тем, что он находится в сфере федеральной власти и компетенции земель. В то же время, обнаруживаются и некоторые специфичные черты такого регулирования на уровне земель. Так, в земле Северный Рейн-Вестфалия в классических университетах и высших технических школах работодателем выступает непосредственно само высшее учебное заведение как корпорация публичного права, тогда как в художественных и музыкальных академиях эту функцию берет на себя непосредственно земля в лице профильного министерства. Высшим должностным руководителем сотрудника в подавляющем большинстве случаев является ректор или президент образовательного учреждения, в то время как научное руководство осуществляет заведующий кафедрой или руководитель исследовательского проекта. Важно отметить, что в 2023 и 2024 годах в рамках масштабных тарифных переговоров в базовый договор TV-L были внесены существенные коррективы, включая выплаты для компенсации инфляции и базовое повышение окладов, что несколько улучшило финансовое положение научных сотрудников.

Параллельно с работниками, занятыми по тарифным договорам (Tarifbeschäftigte), в немецкой системе высшей школы продолжает существовать, хотя и в значительно меньшем объеме, особая категория государственных служащих — чиновников (Beamte). К их числу относятся подавляющее большинство штатных профессоров, академические советники, библиотечные директора и некоторые категории административного персонала. Их правовое положение определяется не трудовым договором, а нормами публичного законодательства о государственной службе (Beamtenrecht) и фундаментальным принципом алиментации, согласно которому государство обязано обеспечивать чиновнику и членам его семьи надлежащий уровень жизни на протяжении всего периода службы и после выхода на пенсию, вне зависимости от внешних, в том числе экономических условий. Вместе с тем, приобретение статуса чиновника строго ограничено законодательными рамками, включая жесткие возрастные пороги при приеме на службу. Для высшей должностной группы этот порог в земле Северный Рейн-Вестфалия был повышен в соответствии с решениями судебных инстанций и требованиями адаптации к демографическим изменениям. Для всех же остальных категорий вузовского персонала ключевую роль неизменно играет договор TV-L, который устанавливает обязательные минимальные стандарты в области оплаты труда, нормирования рабочего времени, предоставления отпусков, социальных льгот и строгого порядка расторжения контракта.

При подготовке настоящей статьи и изучении правоприменительной практики было установлено, что в образовательных организациях высшей школы ФРГ до сих пор остается актуальным вопрос сроков контрактов и трудовых договоров. В правоприменительной практике критически важно понимать, что любые требования работника могут основываться исключительно на условиях, закрепленных в письменном трудовом договоре, заключенном с кадровой службой университета. Составляют большую проблему изначально слишком маленькие сроки контрактов.

Ситуация в рассматриваемой в настоящей статье области приобрела особую остроту в последние десятилетия и продолжает оставаться предметом интенсивных профессиональных и общественных дискуссий вплоть до настоящего времени. Доля научных сотрудников докторантского и постдокторантского уровня, занятых на основе срочных трудовых договоров, в среднем по стране стабильно держится на критической отметке в 80–90 процентов. При этом значительная часть таких контрактов заключается на срок менее одного года, что делает академическую карьеру крайне нестабильной. Подобное положение влечет за собой целый комплекс серьезных социальных и профессиональных последствий: от невозможности долгосрочного планирования жизни и семьи, ослабления правовой защиты и психологического выгорания работников до общего снижения привлекательности академической профессии и масштабного оттока наиболее квалифицированных молодых ученых за рубеж или в частный корпоративный сектор. Реакцией на эти деструктивные тенденции стали как общенациональные инициативы снизу, в частности, получившее широкий резонанс движение академических работников против прекаризации их труда, так и законодательные изменения на федеральном и региональном уровнях. Ключевым региональным ориентиром остается «Рамочный кодекс хороших условий занятости», принятый в земле Северный Рейн-Вестфалия в 2015 году и впоследствии неоднократно дополнявшийся подзаконными актами вузов. На федеральном уровне после принятия спорной новеллы 2016 года к Закону о срочных трудовых договорах в науке в настоящее время реализуется масштабный пересмотр этого закона, направленный на установление минимальной продолжительности контрактов для докторантов и сокращение сроков допустимой прекарной занятости для постдоков.

Специфика труда в высшей школе нашла отражение в специальных параграфах тарифного соглашения. Эти нормы делают исключения из общих тарифных правил, допуская бóльшую гибкость в распределении рабочего времени и учитывая ненормированный характер исследовательской работы. Однако, несмотря на изначально творческий и автономный характер научного труда, жесткие нормы рабочего времени де-юре в полной мере применяются ко всем категориям сотрудников. Для государственных служащих стандартная рабочая неделя на данный момент составляет 41 час, с поэтапным снижением по мере достижения сотрудником возраста 55 лет и старше. Для научных работников, трудоустроенных по контрактам в рамках TV-L, базовая недельная норма составляет 39 часов 50 минут. Впрочем, реальная продолжительность рабочего времени исследователей, как правило, значительно превышает эти нормативы из-за высокой конкуренции и необходимости постоянной публикации научных результатов.

Одной из проблемных областей академического администрирования является учебная нагрузка, регламентируемая специальным актами на уровне земель, например, Постановлением об учебной нагрузке. Именно этот нормативный документ традиционно служит главным источником скрытых и явных конфликтов в университетской среде. Конкретные объемы обязательной преподавательской деятельности колоссально варьируются в зависимости от занимаемой должности. Стандартные академические преподаватели, как правило, обязаны проводить около четырех академических часов контактной аудиторной работы в неделю, тогда как нагрузка профильных преподавателей-практиков и сотрудников технических школ может достигать чудовищных для исследователя двадцати четырех часов в неделю. Принципиальный дефект действующего законодательства кроется в том, что хронометраж одного зачетного учебного часа официально не соотнесен с реальными затратами времени на подготовку материала, проверку студенческих работ и организационное сопровождение курса.

Анализируя правовой режим срочных трудовых договоров, нужно констатировать, что массовая временная занятость является не просто отклонением, а структурной основой современной немецкой высшей школы. Данная ситуация находится в глубочайшем противоречии с общим духом трудового права Европейского Союза, согласно которому трудовые отношения должны носить преимущественно бессрочный характер. Краеугольным камнем регулирования в этой сфере выступает Закон о срочных трудовых договорах в науке (Wissenschaftszeitvertragsgesetz) [5]. Его базовая архитектура опирается на так называемое правило «шесть плюс шесть»: исследователю дается максимум шесть лет до успешной

защиты кандидатской диссертации и аналогичный период после защиты для завершения процесса хабилитации или достижения иного уровня квалификации, позволяющего претендовать на должность профессора. Таким образом, совокупный лимит временной занятости обычно составляет двенадцать лет, а в сфере клинической медицины этот срок расширен до пятнадцати лет. Внесенные в последние годы коррективы, в частности новеллизация закона, существенно ужесточили требования к целеполаганию таких контрактов. Теперь работодатель обязан доказать, что ограниченный срок договора неразрывно связан с содействием в получении сотрудником дополнительной научной квалификации, причем продолжительность контракта должна быть соразмерна поставленной цели. Это положение было призвано искоренить порочную практику заключения трехмесячных или полугодовых контрактов, однако на практике администрации университетов по-прежнему находят лазейки для дробления ставок.

Помимо указанного специального закона, в университетах также применяется общая нормативная база о неполном рабочем времени и срочных контрактах. В соответствии с ее положениями, работодатель может заключить срочный договор без указания объективной причины на срок до двух лет, однако любая процессуальная ошибка, такая как несоблюдение обязательной строгой письменной формы до фактического начала работы, карается законом автоматическим признанием данного трудового договора бессрочным.

Настоящим вызовом для трудового права является проблема срочной занятости, обусловленной финансированием исследовательских проектов из средств внешних грантодателей, таких как национальные научные фонды или отраслевые министерства. Закон о срочных контрактах в науке намеренно исключает эту категорию договоров из-под действия общего двенадцатилетнего лимита. Это означает, что если заработная плата специалиста более чем наполовину обеспечивается за счет грантовых траншей, университет получает законное право заключать с ним временные договоры практически бесконечно, перебрасывая специалиста из одного проекта в другой. Это привело к формированию целого класса так называемых «вечных постдоков», которые десятилетиями переходят от одного срочного контракта к другому. Федеральный суд по трудовым делам Германии постановил, что непрерывные и бесконечно продлеваемые цепочки срочных договоров могут быть признаны незаконными и квалифицированы как злоупотребление правом, однако доказать это в суде крайне сложно из-за дифференцированной природы каждого отдельного научно-исследовательского проекта.

Неотъемлемым аспектом карьерного планирования остается система тарифных разрядов и ступеней финансового развития научного работника. Лица с законченным высшим образованием уровня магистратуры или традиционного специалитета, выполняющие независимую исследовательскую или преподавательскую работу, автоматически попадают в тарифный разряд тринадцать. Если к должности предъявляются особо высокие требования по управлению коллективом или реализации уникальных научных задач, возможно присвоение четырнадцатого или даже пятнадцатого разрядов. Поступательный рост дохода внутри одного разряда обеспечивается системой ступеней опыта. Переход на вторую ступень происходит через год работы, на третью — после двух лет пребывания на второй ступени, и так далее, вплоть до достижения максимальных уровней, требующих многих лет непрерывного стажа. При смене места работы или переходе из одного университета в другой, что неизбежно в условиях краткосрочных контрактов, критически важной задачей становится признание работодателем так называемого релевантного профессионального опыта. Если кадровое управление вуза отказывается засчитывать годы, проведенные за рубежом или в независимых исследовательских институтах, сотрудник рискует при каждом новом трудоустройстве снова сталкиваться с падением своего дохода до базового уровня первой ступени. Современная тарифная сетка TV-L полностью отказалась от ранее существовавших надбавок за выслугу лет просто по факту долголетия или семейного статуса, переориентировавшись на функциональный подход, хотя в ней и сохранились механизмы для выплаты целевых премий за удержание ценных кадров или реализацию особо значимых научных разработок.

Законодатель внедрил в структуру права ряд адаптивных механизмов, призванных защитить родительство. В частности, предусмотрена так называемая семейно-политическая компонента, которая искусственно расширяет максимальный допустимый срок временной занятости на два года за каждого находящегося на иждивении ребенка в возрасте до восемнадцати лет. Вдобавок к этому, закон гарантирует право на продление действующего срочного договора на срок, эквивалентный периоду, когда работник физически не мог заниматься своей научной и диссертационной активностью из-за предписаний по охране материнства, нахождения в отпуске по

уходу за ребенком, тяжелой продолжительной болезни свыше периода продолжения выплаты заработной платы или из-за необходимости постоянного ухода за тяжелобольным членом семьи.

За пределами действия стандартных тарифных договоров располагается огромный, по сути прекарный, сегмент вспомогательного персонала и приглашенных преподавателей. Научные вспомогательные сотрудники, преимущественно аспиранты без полноценной ставки или студенты старших курсов, выполняют колоссальный объем черновой исследовательской и организационной работы, однако их договоры выводятся за рамки жесткого тарифного регулирования. Ставки их вознаграждения диктуются региональными министерствами в одностороннем порядке и часто находятся на границе установленного государством минимального размера оплаты труда. Кроме того, функционирование факультетов во многом держится на внештатных преподавателях, которые привлекаются для ведения узкоспециализированных семинаров или закрытия брешей в учебных планах. Их взаимоотношения с университетом лежат в плоскости публично-правового контракта об оказании услуг, не предоставляющего ни защиты от увольнения, ни права на оплачиваемый отпуск, ни компенсации по болезни. Вознаграждение таких коллег рассчитывается исключительно за фактически проведенные в аудитории часы, при этом предполагается, что многочасовая подготовка к семинару априори включена в скудный гонорар. Региональные соглашения лишь пытаются ограничить максимальный объем нагрузки для таких работников, чтобы не позволять вузам замещать ими полноценные штатные единицы, однако проблема скрытой эксплуатации внештатников остается одним из самых позорных аспектов современной академической системы.

Особое внимание в последние годы уделяется вопросам охраны труда и поддержания здоровья сотрудников в условиях нарастающего стресса. Современное трудовое законодательство бескомпромиссно требует от администраций университетов проведения не только физического, но и психосоциального анализа рисков на каждом рабочем месте. Это подразумевает оценку уровня стресса, вызываемого ненормированным рабочим днем, давлением сроков сдачи проектов и страхом перед непродлением контракта. В случае длительной утраты трудоспособности сотрудником закон предписывает запуск обязательной процедуры производственной реинтеграции. Ее суть заключается в поиске путей сохранения занятости за счет изменения организационных условий: предоставления ортопедической мебели, перевода на режим частичной удаленной работы, снижения учебной нагрузки или пересмотра целевых показателей грантового проекта. Процедура проводится исключительно на добровольной основе с соблюдением максимальных стандартов защиты медицинской тайны. Для сотрудников с тяжелой инвалидностью или приравненных к ним лиц предусмотрены дополнительные уровни правовой протекции. Они обладают правом на дополнительные дни оплачиваемого отдыха, могут претендовать на пропорциональное снижение обязательной преподавательской аудиторной нагрузки и получают дополнительные годы к максимально возможному сроку временной занятости, что позволяет хоть в какой-то мере нивелировать стартовое неравенство и создавать инклюзивную академическую среду, отвечающую современным стандартам социальной ответственности государства.

Подводя итог настоящей работы, необходимо констатировать, что система трудовых отношений в высшей школе Германии и контурно, и сущностно находится в состоянии перманентного поиска баланса между экономико-исследовательской эффективностью и социальной справедливостью. Регулярные попытки реформирования тарифных соглашений, изменения федеральных законов о срочных контрактах и внедрение региональных кодексов свидетельствуют о признании государством насущной необходимости остановить процесс маргинализации академического труда. Тем не менее, фундаментально преодолеть сложившийся кризис и обеспечить университетам статус привлекательных работодателей на мировой арене будет невозможно без радикального пересмотра структуры финансирования науки, предполагающего отказ от краткосрочной проектной модели в пользу увеличения базовых бюджетов учебных заведений и планомерного создания бессрочных рабочих позиций для высококвалифицированных специалистов всех уровней.

Список литературы:

[1] Основной закон Федеративной Республики Германия 1949 года // Избранные конституции зарубежных стран / Сост. Б.А. Страшун. М.: Юрайт, 2011. Ст. 5.

[2] Tarifvertrag für den öffentlichen Dienst der Länder // Tarifgemeinschaft deutscher Länder. URL: https://www.tdl-online.de/fileadmin/downloads/TV-L/TV-L__i.d.F._des_ÄTV_Nr._13_VT_Neu.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

[3] Tarifvertrag zur Überleitung der Beschäftigten der Länder in den TV-L und zur Regelung des Übergangsrechts. // Tarifgemeinschaft deutscher

Länder URL: https://www.tdl-online.de/fileadmin/downloads/TV-L/Überleitungsrecht/TVÜ-L_i.d.F._des_ÄTV_Nr._11__VT.pdf (дата обращения: 11.01.2026).

[4] Arbeitsvertragsrichtlinien // Wolfram Schiering. URL: https://schiering.org/arhilfen/gesetz/avr/avr.htm (дата обращения: 11.01.2026).

[5] Wissenschaftszeitvertragsgesetz // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/wisszeitvg/BJNR050610007.html (дата обращения: 11.01.2026).

References:

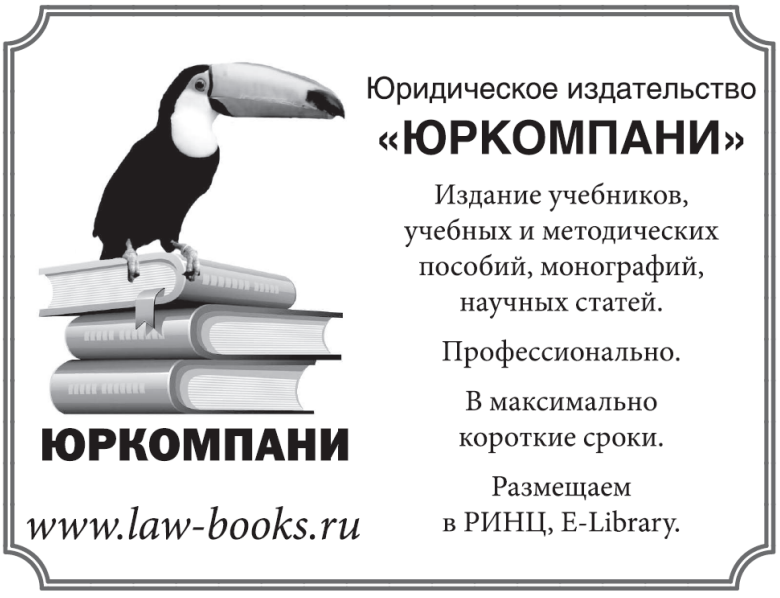
[1] Basic Law of the Federal Republic of Germany of 1949 // Selected Constitutions of Foreign Countries / Comp. B.A. Strashun. Moscow: Yurait, 2011. Art. 5.

[2] Tax Law for the Federal Republic of Germany // Tax Law of the German Federal Republic. URL: https://www.tdl-online.de/fileadmin/downloads/TV-L/TV-L__i.d.F._des_ÄTV_Nr._13_VT_Neu.pdf (accessed: 11.01.2026).

[3] Tax Law for the General Regulation of the Constitution of the Federal Republic of Germany in the TV-L and for the Regulation of Foreign Laws. // Tarifgemeinschaft deutscher Länder URL: https://www.tdl-online.de/fileadmin/downloads/TV-L/Überleitungsrecht/TVÜ-L_i.d.F._des_ÄTV_Nr._11__VT.pdf (access date: 01/11/2026).

[4] Arbeitsvertragsrichtlinien // Wolfram Schiering. URL: https://schiering.org/arhilfen/gesetz/avr/avr.htm (access date: 01/11/2026).

[5] Wissenschaftszeitvertragsgesetz // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/wisszeitvg/BJNR050610007.html (accessed: 11.01.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-598-603

МОРОЗОВ Андрей Александрович,
кандидат юридических наук
доцент кафедры гражданского права,
Северо-Западный филиал федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева», г. Санкт-Петербург,
e-mail: 9126543@mail.ru

БОЕНКО Даниил Вадимович,
студент 4 курса специалитета факультета
подготовки специалистов
для судебной системы (юридический факультет)
Северо-Западного филиала федерального
государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Российский государственный университет правосудия
имени В.М. Лебедева», г. Санкт-Петербург,
e-mail: daniilneizvestny@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СРОЧНОГО И БЕССРОЧНОГО ТРУДОВОГО ДОГОВОРА

Аннотация. *В статье исследуются правовые проблемы, возникающие при разграничении срочных и бессрочных трудовых договоров в российской правоприменительной практике. В статье обосновывается исключительность природы срочного трудового договора зачастую нивелируемая его формальным применением, что порождает значительные юридические риски для работодателя. Выявляются ключевые коллизии на стадиях заключения, исполнения и прекращения срочного договора, а также систематизация возможных судебных рисков. Реализуется комплексное рассмотрение срочного трудового договора сквозь призму судебных споров о его трансформации в бессрочный, что позволяет сформулировать практико-ориентированные рекомендации для правоприменителей. В результате исследования делается вывод о необходимости обоснования временного характера работы и соблюдения процедурных гарантий как основных условий легитимного использования данной формы договора.*

Ключевые слова: *срочный трудовой договор, бессрочный трудовой договор, исключительность, основания заключения, судебные риски, трансформация договора, работодатель, увольнение.*

MOROZOV Andrey Alexandrovich,
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department of Civil Law,
Northwest Branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Lebedev Russian State University of Justice”, Saint Petersburg

BOENKO Daniil Vadimovich,
4th year student of the Faculty of Specialists
for the Judicial System (Law Faculty)
Northwest Branch of the Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Education
“Lebedev Russian State University of Justice”, Saint Petersburg

PROBLEMS WITH DISTINGUISHING BETWEEN FIXED-TERM AND INDEFINITE-TERM EMPLOYMENT CONTRACTS

Annotation. *The article explores the legal issues that arise when distinguishing between fixed-term and indefinite-term employment contracts in Russian law enforcement practice. The article argues that the exceptional nature of a fixed-term employment contract is often undermined by its formal application, which poses significant legal risks for employers. The article identifies key conflicts at the stages of conclusion, execution, and termination of a fixed-term contract, as well as systematizes possible legal risks. The article provides a comprehensive analysis of a fixed-term employment contract through the lens of court disputes regarding its transformation into an indefinite-term contract, which allows for the formulation of practical recommendations for law enforcement agencies. The study concludes that it is necessary to justify the temporary nature of the work and comply with procedural guarantees as the main conditions for the legitimate use of this form of contract.*

Key words: *fixed-term employment contract, indefinite employment contract, exclusivity, grounds for conclusion, judicial risks, contract transformation, employer, dismissal.*

Трансформация современной экономики, внедрение платформенной занятости, ориентация на гибкие формы занятости и проектный характер работы меняют представление о трудовых отношениях, в том числе повышается востребованность срочных трудовых договоров. Однако в российской правовой системе трудовых договоров, в соответствии со статьями 58 и 59 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ), срочный трудовой договор представляет собой не общую, а исключительную форму регулирования трудовых отношений, допустимую лишь при наличии строго определенных законом оснований. Данная законодательная конструкция, с одной стороны, обладает достаточной гибкостью, что позволяет ей адаптироваться к реальным социально-экономическим условиям, необходимым для стабильного функционирования экономических отношений, а с другой – порождает правоприменительную неопределённость, создавая зону потенциальных коллизий.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым противоречием между широкой хозяйственной практикой применения срочных трудовых договоров и ужесточающейся судебной позицией, направленной на ограничение необоснованной срочности. Верховный Суд РФ неоднократно указывал на недопустимость заключения срочных трудовых договоров в целях уклонения от предоставления гарантий, свойственных бессрочным отношениям [12]. Это приводит к росту числа судебных споров, в которых ключевым вопросом является признание договора заключенным на неопределенный срок со всеми вытекающими для работодателя последствиями.

Авторы предпринимают попытку реализовать системную классификацию судебных рисков, возникающих при заключении срочного трудового договора применительно к различным этапам его существования (заключение, действие и прекращение), а также в обосновании трансформации презумпции срочности в процессуальную презумпцию бессрочности, возлагающую бремя доказывания необходимости установления срочных трудовых отношений исключительно на работодателя.

Основная проблема заключается в отсутствии единообразных и объективно проверяемых критериев для разграничения срочных и бессрочных трудовых отношений на всех стадиях договора (заключение, исполнение, прекращение). Это порождает ситуацию, при которой решающим фактором в квалификации договора становятся не первичные обстоятельства его заключения, а последующая способность работодателя доказать в суде правомерность применения исключительной формы, что превращает срочный договор в зону повышенного процессуального риска.

Срочный трудовой договор, определяемый в статье 58 ТК РФ как договор, заключаемый на срок до пяти лет, обладает фундаментальным признаком – временной ограниченностью [13]. Однако эта ограниченность не является самоцелью или правом работодателя, а выступает лишь правовым изъятием из общего правила, установленного частью 2 статьи 58 ТК РФ: «Если в трудовом договоре не оговорен срок его действия, то договор считается заключенным на неопределенный срок». Таким образом, бессрочный договор представляет собой правовую норму, а срочный – исключение из нее, что предопределяет особый, ограничительный режим его применения [1, с. 432-433].

Правовая природа срочных трудовых договоров определена рамками императивного условия: для его заключения необходимо не просто согласие сторон, а наличие одного из установленных в статье 59 ТК РФ объективных или субъективных оснований [14]. Воля сторон в данном слу-

чае не безразлична, но имеет второстепенное значение, вторична по отношению к требованию закона. Даже при взаимном согласии работника и работодателя на срочный характер отношений, отсутствие в законе соответствующего основания или его неправильное оформление влечет за собой применение санкции в виде юридической трансформации договора в бессрочный [2, с. 193-195].

Именно эта квалификация, автоматическое преобразование, является краеугольным камнем всей системы разграничения. Она трансформирует срок из правообразующего условия в обстоятельство, требующее доказывания и строгого соблюдения процедур. Фактически, законодатель создал презумпцию бессрочности любых длящихся трудовых отношений, которую работодатель обязан опровергнуть, обосновав временный характер работы. Это радикально меняет баланс рисков: бремя доказательства правомерности срочности и соблюдения всех сопутствующих процедур полностью ложится на работодателя, что и формирует основной массив судебных рисков.

Следовательно, ключевой проблемой разграничения является не столько теоретическое различие договоров, сколько практическая сложность для работодателя в документальном и фактическом обосновании исключительности ситуации, в которой он применяет срочный трудовой договор. Последующее невыполнение этого требования закона суды трактуют по общему правилу в пользу более слабой экономической стороны, то есть работника (физического лица).

Основания для заключения срочного трудового договора, перечисленные в статье 59 ТК РФ, на практике обладают различной степенью правовой определённости. Их можно условно разделить на три группы, вызывающие наиболее частые судебные коллизии. Первая группа — объективные основания. К ним относятся случаи, когда срочность обусловлена характером работы (временные, сезонные работы, замещение отсутствующего работника). Основная проблема здесь — доказывание объективных причин. Указания в договоре на «временный характер работы» недостаточно. Работодатель должен располагать документами, подтверждающими, например, что работа является сезонной (приказ о начале сезона, производственный план) или что замещается именно временно отсутствующий сотрудник, чье место сохраняется (приказ об отпуске, больничный лист основного работника). Отсутствие такой связи между основанием и конкретным работником является потенциальной причиной трансформации срочного трудового договора в бессрочный [3, с. 71].

Вторая группа — субъективные основания. Наибольшее количество споров возникает вокруг пункта 2 части 1 статьи 59 ТК РФ — заключение срочного трудового договора с субъектами малого предпринимательства по соглашению сторон. Формально закон допускает такую возможность, однако судебная практика, следуя разъяснениям Пленума ВС РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей — физических лиц и у работодателей — субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям», проверяет не просто наличие подписи работника в договоре, а реальность и добровольность его согласия, отсутствие злоупотребления правом со стороны работодателя [4].

На практике это означает, что если работник оспаривает срочность, ссылаясь на то, что был вынужден согласиться на такие условия под угрозой не получить работу вовсе, суд становится на его сторону. Работодателю крайне сложно доказать обратное, особенно если трудовая функция носит постоянный, а не проектный характер. Таким образом, основание «соглашение сторон» из удобного инструмента гибкости превращается в самую уязвимую позицию, которая при оспаривании почти гарантированно приводит к признанию договора бессрочным.

Третья группа – основания нетипичного правового определения работы для которой привлекается конкретный гражданин-исполнитель. Так, отдельные основания, такие как «временное расширение производства или объема услуг (до одного года)» или выполнение «заведомо определенной работы», содержат оценочные категории. Возникает вопрос, что считать «временным расширением» – период в 3 месяца или 11? Как документально подтвердить, что работа была «заведомо определена» как временная, а не является частью обычной деятельности компании. Отсутствие четких критериев в законе приводит к разнообразию судебных трактовок. Работодатель, используя эти основания, вынужден закладывать в локальные акты и договоры максимально детализированные описания причин срочности, например, приказ о запуске конкретного краткосрочного проекта с указанием его целей, бюджета и плановой даты завершения, чтобы впоследствии представить их суду в качестве доказательств.

Таким образом, проблема разграничения начинается уже на стадии выбора и формулировки основания в договоре. Наиболее рискованными являются субъективные основания, базирующиеся на соглашении. Использование любого основания требует от работодателя не формального указания на пункт статьи 59 ТК РФ, а создания целостной системы документальных доказательств, подтверждающих реальный, а не фиктивный временный характер трудовой функции.

Даже при изначально верном выборе и оформлении основания заключения срочного трудового договора риски для работодателя смещаются в его последующее исполнение. Законодатель и правоприменительная практика сформировали ряд ситуаций, в которых договор, заключенный на срок, утрачивает свой срочный характер и трансформируется на неопределённый срок по факту поведения сторон. Эта автоматическая трансформация выступает главным правовым последствием процессуальных упущений работодателя.

Сюда относится фактическое продолжение трудовых отношений после истечения срока. Наиболее частый и безусловный случай трансформации закреплен в части 4 статьи 58 ТК РФ: если ни одна из сторон не потребовала прекращения срочного трудового договора в связи с истечением его срока, а работник продолжает работу, договор считается заключенным на неопределенный срок [5, с. 52]. Риск здесь носит процедурный характер, выраженный в отсутствии заблаговременного (не менее чем за три календарных дня) письменного уведомления работника об увольнении по пункту 2 части 1 статьи 77 ТК РФ (статья 79 ТК РФ). Даже один день работы после формальной даты окончания договора при отсутствии уведомления кардинально меняет его природу. Судебная практика строго следует этой норме, не принимая во внимание устные договоренности или иные причины.

Также сюда относится многократное перезаключение договоров на одну и ту же трудовую функцию. Так, срочный трудовой договор будет считаться заключенным на неопределенный срок, если он был неоднократно (два и более раза) перезаключался, а суд установит, что причина срочности отсутствовала. Проблема заключается в оценочном характере формулировки. Суды исследуют не только количество перезаключений, но и объективную необходимость такой повторяющейся срочности. Если работник выполняет одну и ту же функцию, являющуюся постоянной для организации, например, работу бухгалтера, а работодатель лишь формально разбивает отношения на краткосрочные контракты, суд усматривает в этом злоупотребление правом и признает отношения бессрочными [6, с. 125]. Критически важным становится наличие между договорами значительных перерывов или документальное обоснование, почему каждый новый срок носил исключительный характер.

Последней причиной трансформации срочного трудового договора служит неверное определение срока через отлагательное событие. Заключение «на время исполнения обязанностей отсутствующего работника» или «до выхода основного работника» создает специфический риск, связанный с доказыванием фактического наступления этого события. Если основной работник увольняется, переводится или срок его отсутствия не определен, ы этом случае теряется «срочность» договора замещающего работника. Продолжение работы в этой ситуации суды также часто расценивают как возникновение бессрочных отношений, поскольку отпала самая причина срочности [7, с. 264]. Таким образом, срок, привязанный к событию, требует от работодателя постоянного мониторинга и своевременного кадрового реагирования.

Прекращение срочного трудового договора в связи с истечением срока (пункт 2 части 1 статьи 77 ТК РФ) формально является наиболее простым и предсказуемым способом завершения трудовых отношений. Однако на практике этот этап сталкивается со специфическими рисками, связанными как с общими процедурами, так и с особым статусом некоторых категорий работников.

Так, нарушение порядка увольнения – ключевая причина признания его незаконным. Помимо уже упомянутого срока уведомления (ст. 79 ТК РФ), к типичным ошибкам относятся: увольнение в период временной нетрудоспособности или отпуска работника, отсутствие предложения всех имеющихся вакансий работнику, имеющему право на преимущественное оставление на работе, если увольнение связано с истечением срока [8, с. 194-196]. Несоблюдение этих гарантий влечет не только восстановление работника, но и взыскание с работодателя среднего заработка за все время вынужденного прогула и компенсации морального вреда.

Прекращение договора с особыми категориями работников является самым серьезным риском для работодателя. В соответствии со статьей 261 ТК РФ, истечение срока срочного трудового договора не является основанием для увольнения беременной женщины по инициативе работодателя. Работодатель обязан продлить срок договора по ее заявлению до окончания беременности или отпуска по беременности и родам. Увольнение возможно лишь в исключительном случае – при заключении срочного трудового договора на время замещения и при невозможности перевода на другую имеющуюся работу. Несоблюдение этого безусловного запрета гарантированно приводит к восстановлению на работе.

Увольнение замещающего работника должно быть напрямую увязано с документально подтвержденной датой выхода основного сотрудника. Досрочное увольнение «в связи с истечением срока», если основной работник еще не приступил к обязанностям, будет признано незаконным, так как юридический факт, прекращающий договор, еще не наступил.

На практике также встречаются ситуации, когда работник по срочному трудовому договору

оспаривает, например, процедуру его увольнения, а суд по своей инициативе ставит под сомнение и изначальную правомерность заключения такого договора. Таким образом, ошибка на этапе прекращения договора может привести к комплексной проверке всех предыдущих этапов и, в итоге, не только к восстановлению работника, но и к признанию всего периода работы бессрочным со всеми финансовыми последствиями.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что срочный трудовой договор в российской правовой системе действительно функционирует как исключительная, а потому высокорисковая форма трудовых отношений, прежде всего для работодателя. Проблема разграничения с бессрочным договором носит системный характер и пронизывает весь жизненный цикл трудовых отношений.

На стадии заключения, ключевой проблемой является отсутствие в статье 59 ТК РФ четких критериев по применению оснований для заключения срочного договора, что в итоге приводит к судебным спорам [9, с. 120].

На стадии исполнения главный риск смещается в процедурную плоскость. Бездействие работодателя или его формальные действия (многократное перезаключение) приводят к автоматической трансформации срочного трудового договора в бессрочный в силу прямого указания закона или решения суда, что полностью нивелирует изначальные цели срочности.

На стадии прекращения риски концентрируются вокруг нарушения специальных процедур и гарантий для отдельных категорий работников [10, с. 200]. Ошибка на этом этапе может привести к комплексной проверке законности договора в целом и повлечь негативные последствия для работодателя.

Для каждого срочного трудового договора необходимо создавать документальную обоснованность в виде локальных актов, объективно подтверждающих временный характер работы, соответствующей выбранному основанию из статьи 59 ТК РФ. В тексте договора следует максимально детализировать условие о сроке (конкретная дата, указание на событие) и причину срочности, избегая шаблонных формулировок [11, с. 136]. Внедрение строгого кадрового контроля за сроками действия срочного трудового договора и соблюдение процедуры уведомления об увольнении являются обязательными. Работа по срочному трудовому договору с особыми категориями работников требует повышенного внимания к изменению обстоятельств и строгого соблюдения специальных норм действующего законодательства.

Таким образом, легитимное использование срочного трудового договора требует от работодателя не только знания норм права, но и выстраивания последовательной системы внутреннего документооборота и контроля, способной отстоять проверку в суде. В противном случае исключительная форма трудовых отношений превращается для работодателя в источник негативных юридических и финансовых последствий.

Список литературы:

[1] Кадигроб Е.С. Трудовой договор: понятие, содержание и виды / Е.С. Кадигроб // Вестник науки. – 2023. – Т. 2, № 6(63). – С. 431-436.

[2] Лада А.С. Проблемы перезаключения, продления и пролонгации срочных трудовых договоров / А.С. Лада // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 3(207). – С. 193-195.

[3] Драчук М.А. Спорные вопросы конструкции срочного трудового договора как формы взаимного ограничения прав работника и работодателя / М.А. Драчук, Ю.А. Кучина // Ежегодник трудового права. – 2020. – С. 67-79.

[4] Осипов С.В. Заключение срочного трудового договора в обязательном порядке // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – №2. – С. 52-53.

[5] Михайленко Ю.А. О классификации срочных трудовых договоров / Ю.А. Михайленко // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2020. – № 18. – С. 50-53.

[6] Абалдуев В.А. Изменение условий о сроке трудового договора: концептуальные проблемы и способы их решения / В.А. Абалдуев // Журнал российского права. – 2017. – № 3(243). – С. 121-129.

[7] Родионов А.О. Особенности прекращения срочного трудового договора, заключенного на время исполнения обязанностей отсутствующего работника / А.О. Родионов, Е.И. Мальцева // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 12. – С. 262-270.

[8] Лада А.С. К проблеме заключения срочного трудового договора с отдельными категориями работников / А.С. Лада // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2(206). – С. 194-196.

[9] Морозов А.А. Гражданско-правовое регулирование механизма защиты прав предпринимателей в саморегулируемых организациях в сфере строительства / А.А. Морозов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 11-2(37). – С. 120-122.

[10] Морозов А.А. Теория и практика толкования понятия и содержания юридической ответственности за экологические правонарушения / А.А. Морозов // Образование и право. – 2025. – № 3. – С. 197-201.

[11] Морозов А.А. Медиация при урегулировании споров в сфере строительства / А.А. Морозов // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 года / Под общей редакцией В.П. Очередько, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 135-138.

[12] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.08.2023 N 78-КГ23-19-К3 (УИД 78RS0019-01-2020-013277-55) от 21 августа 2023 года // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21082023-n-78-kg23-19-k3/?ysclid=m-m328aepgn732682787 (дата обращения: 18.02.2026).

[13] «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // СЗ РФ 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.

[14] Постановление Конституционного Суда РФ № 25-П, от 19 мая 2020 года по делу о проверке конституционности абзаца восьмого части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Сысоева // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRF-Decision470104.pdf (дата обращения: 18.02.2026).

References:

[1] Kadigrob E.S. Employment contract: concept, content and types / E.S. Kadigrob // Bulletin of science. - 2023. - Vol. 2, No. 6 (63). - Pp. 431-436.

[2] Lada A.S. Problems of renewal, extension and prolongation of fixed-term employment contracts / A.S. Lada // Law and state: theory and practice. - 2022. - No. 3 (207). - Pp. 193-195.

[3] Drachuk M.A. Controversial issues of the design of a fixed-term employment contract as a form of mutual restriction of the rights of the employee and the employer / M.A. Drachuk, Yu.A. Kuchina // Yearbook of labor law. - 2020. - Pp. 67-79.

[4] Osipov S.V. Mandatory conclusion of a fixed-term employment contract // Legal Bulletin of Samara University. - 2017. - No. 2. - P. 52-53.

[5] Mikhailenko Yu.A. On the classification of fixed-term employment contracts / Yu.A. Mikhailenko // Altai Bulletin of State and Municipal Service. - 2020. - No. 18. - P. 50-53.

[6] Abalduev V.A. Changing the terms of the employment contract term: conceptual problems and ways to solve them / V.A. Abalduev // Journal of Russian Law. - 2017. - No. 3 (243). - P. 121-129.

[7] Rodionov A.O. Features of termination of a fixed-term employment contract concluded for the period of performance of duties of an absent employee / A.O. Rodionov, E.I. Maltseva // Issues of Russian justice. – 2021. – No. 12. – P. 262-270.

[8] Lada A.S. On the Problem of Concluding a Fixed-Term Employment Contract with Certain Categories of Employees / A.S. Lada // Law and State: Theory and Practice. – 2022. – No. 2(206). – P. 194-196.

[9] Morozov A.A. Civil Law Regulation of the Mechanism for Protecting the Rights of Entrepreneurs in Self-Regulatory Organizations in the Sphere of Construction / A.A. Morozov // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theory and Practice Issues. – 2013. – No. 11-2(37). – P. 120-122.

[10] Morozov A.A. Theory and Practice of Interpreting the Concept and Content of Legal Liability for Environmental Offenses / A.A. Morozov // Education and Law. – 2025. – No. 3. – P. 197-201.

[11] Morozov A.A. Mediation in the Settlement of Disputes in the Sphere of Construction / A.A. Morozov // Conciliation Procedures in Civil Law and Legal Proceedings: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, April 26–27, 2019 / General editors V.P. Ocheredko, A.N. Kuzbagarov, S.Yu. Katukova. Volume Part 2. – St. Petersburg: Center for Scientific and Information Technologies “Asterion”, 2019. – P. 135-138.

[12] Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 21, 2023 No. 78-KG23-19-K3 (UID 78RS0019-01-2020-013277-55) dated August 21, 2023 // Laws, codes and regulations of the Russian Federation. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21082023-n-78-kg23-19-k3/?ysclid=m-m328aepgn732682787 (date of access: February 18, 2026).

[13] “Labor Code of the Russian Federation” of 30.12.2001 N 197-FZ (as amended on 28.12.2025, as amended on 06.02.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation of 07.01.2002, N 1 (Part 1), Art. 3.

[14] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 25-P of 19 May 2020 on the case of verifying the constitutionality of paragraph eight of part one of Article 59 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.A. Sysoev // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision470104.pdf (date of access: 18.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-604-608

ФАТЕЕВА Наталья Борисовна,
преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: natbor73@mail.ru

ПЕТРОВА Любовь Николаевна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: lyubow.petrova@mail.ru

АЛИМАРДАНОВА Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры
менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: ana_natalya@mail.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: Staheeva53@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: uprkadr@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОГРАММЫ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА В ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются основные цели и задачи, для изучения системы обучения персонала в организации, основы теории системы обучения сотрудников организации.*

Ключевые слова: *Программа развития, внутренняя система персонала, системный подход к развитию человеческих ресурсов, подготовка кадров, повышение квалификации, система развития персонала.*

FATEEVA Natalya Borisovna,
Lecturer,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

PETROVA Lyubov Nikolaevna,
Senior Lecturer,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

ALIMARDANOVA Natalya Aleksandrovna,
Senior Lecturer,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna,
PhD in Economics, Associate
Professor, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University,
Yekaterinburg, Russia

SIMACHKOVA Natalya Nikolaevna,
Associate Professor,
Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Lecturer, Department of Economics,
Accounting, and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg, Russia

IMPROVING THE STAFF DEVELOPMENT PROGRAM IN AN ORGANIZATION

Annotation. *This article examines the main goals and objectives of studying the staff training system in an organization, as well as the fundamentals of the theory of the organization's employee training system.*

Key words: *Development program, internal staff system, systems approach to human resource development, training, advanced training, staff development system.*

Организации должны уделять особое внимание кадровой политике, в том числе политике развития человеческих ресурсов. Это обусловлено тем, что организациям необходимо быстро реагировать на изменения экономики, требования законодательства, влияющие на внутреннюю потребность в навыках персонала, требующую адаптации знаний к требованиям рынка. В связи с этим большинству организаций необходимо обучать своих сотрудников, чтобы они могли справиться с надвигающимися изменениями.

Внутренняя система развития персонала – это весь комплекс взаимосвязанных процессов, структур, программ обучения, форм и методов обучения, учебно-методических материалов и технических средств, реализуемых непосредственно в организации или учебном центре организации с привлечением внутренних и внешних преподавателей.

В научной литературе существуют различные определения и подходы к понятию «обучение» и «развитие персонала».

Так, А.Я. Кибанов даёт следующее определение: «обучение – основной путь получения профессионального образования. Это целенаправленно организованный, планомерно и систематически осуществляемый процесс овладения знаниями, умениями, навыками и способами общения» [3, С.25]. Л.П. Волкова и И.Б. Дуракова считают,

что: «обучение – один из элементов профессионального развития сотрудников, процесс непосредственной передачи новых профессиональных навыков и знаний сотрудникам организации» [6, С.14]. Согласно определению А.П. Егоршина «обучение персонала предназначено для обеспечения соответствия профессиональных знаний и умений работников современному уровню производства и управления» [2, С.6]. И.А. Беспалова утверждает, что «развитие персонала представлено комплексом мероприятий, направленных на повышение профессиональной и управленческой компетентности сотрудников для увеличения производительности труда и рентабельности бизнеса, сокращения производственных и экономических потерь, связанных с влиянием человеческого фактора» [1]. «Под развитием персонала подразумевается совокупность различных мероприятий и действий, направленных на обеспечение максимального соответствия возможностей человека стратегическим целям организации» - утверждают Лазич Ю.В., Попова И.Н. [4].

Системный подход к развитию человеческих ресурсов и наращиванию потенциала работников может привести к экономическому росту организации. Формы, виды развития персонала (подготовка кадров, повышение квалификации, переподготовка) организация выбирает самостоятельно, основываясь на стратегии развития организации, политики в области управления персоналом, возможностями персонала, требованиями к персоналу, финансовыми возможностями.

Виды обучения тесно связаны друг с другом, но имеют свои особенности (*см. табл. 1*).

Таблица 1. Виды обучения [5, С. 146].

Виды обучения	Краткая характеристика видов обучения
Профессиональная подготовка	Получение квалификации (диплома об образовании)
Профессиональное совершенствование	Повышение компетентности, получение новых навыков, знаний, личностный рост.
Рост имеющихся знаний	Владение современными знаниями
Владение новыми навыками в целях карьерного развития	Развитие новых компетенций, личностных способностей
Переквалификация	Получение новых знаний, соответствующих другому виду выполняемых работ

Дифференциация к подходам обучения влечет большую эффективность от использования образовательных программ.

Для обучения персонала в организациях используются различные формы обучения (*см. табл. 2*).

Таблица 2. Формы обучения персонала [2, С. 43].

Классификация	Формы обучения
Среда получения образования	- внешняя (в образовательной организации); - частная (обучение внутри кампании); - самообразование
Способ использования учебного времени	- с отрывом от производства; - без отрыва от производства
Срок обучения	- непродолжительный; - длительный
Формирование группы обучения	- частная; - групповая

Наличие в том или ином виде системы развития персонала в организациях не вызывает сомнений. Система развития персонала создаёт внутри организации конкурентную среду, позволяющую решить производственные задачи на разных уровнях развития.

Цели развития человеческих ресурсов устанавливаются на основе деятельности организации, с учётом рыночных условий, сфер деятельности и внутренних ресурсов организации. Не все организации устанавливают цели развития человеческих ресурсов.

Многие организации стараются принимать на работу квалифицированных специалистов, это связано с экономией денежных средств организации на обучение персонала. Работодателям не стоит забывать о том, что в случае расширения производства, расширении организации, персонал необходимо обучать.

Обучение персонала организации может проходить в несколько этапов.

Основные этапы обучения персонала представлены на *рисунке 1.*

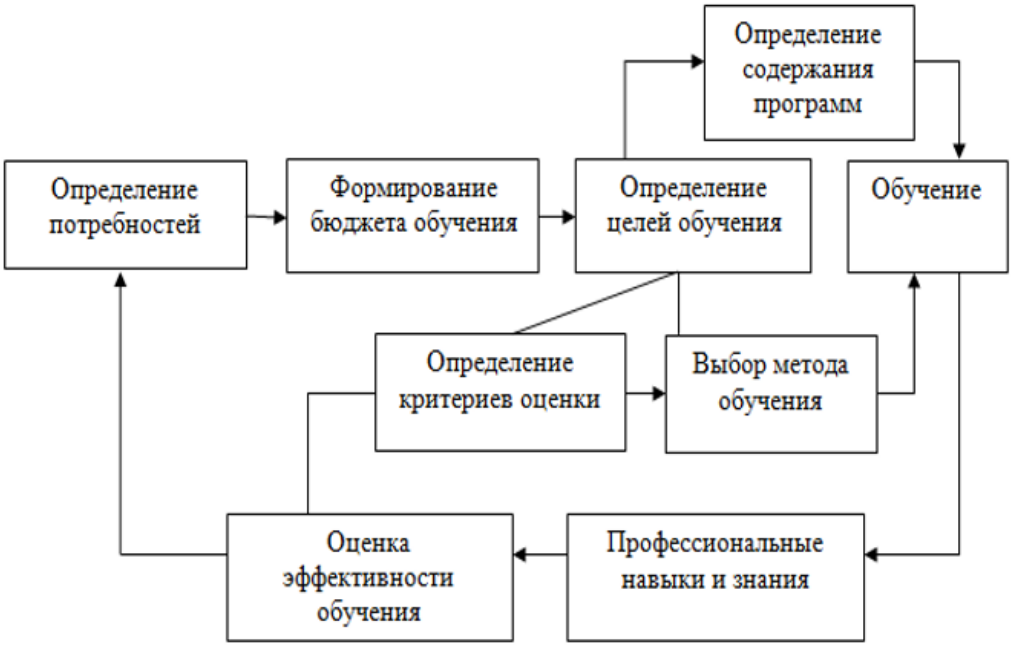


Рисунок 1. Процесс профессионального обучения [7, С. 154].

Формы, виды развития персонала выстраиваются в систему развития, которая является динамичной, постоянно меняющейся, совершенствующейся.

Процесс развития персонала начинается с анализа потребности в новых компетенциях, знаниях, умениях, основывается на целях организации, планируемом дальнейшем ее развитии, строится на выборе методов развития персонала, эффективность процесса в том числе зависит и от мотивации к обучению персонала, его способности воспринимать новое и внедрять в рабочий процесс.

Список литературы:

[1] Беспалов И.А. Обучение и развитие сотрудников (2021). // Smart Business Solutions. URL: http://www.sbsc.ru/business/development.html (дата обращения 15.09.2021).

[2] Егоршин А. П. Основы управления персоналом: учебное пособие / А. П. Егоршин. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва: ИНФРА-М, 2024. - 352 с.

[3] Кибанов А. Я. Управление персоналом: учебник / А. Я. Кибанов, Л. В. Ивановская, Е. А. Митрофанова. - Москва: РИОР, 2020. - 288 с.

[4] Лазич Ю.В., Попова И.Н. Развитие персонала как важный элемент современной системы управления человеческими ресурсами // BENEFICIUM. 2021. № 4(41). С. 105-111. 2021. № 4(41). С. 105-111.

[5] Пугачев В. П. Управление персоналом организации: практикум: учебное пособие для вузов / В. П. Пугачев. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 280 с.

[6] Управление персоналом : учебник / И.Б. Дуракова, Л.П. Волкова, Е.Н. Кобцева ; под ред. И.Б. Дураковой. - Москва : ИНФРА-М, 2023. - 570 с.

[7] Управление персоналом: учебник и практикум для вузов / А. А. Литвинюк [и др.]; под редакцией А. А. Литвинюка. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2024. - 461 с.

References:

[1] Bespalov I.A. Employee Training and Development (2021). // Smart Business Solutions. URL: http://www.sbsc.ru/business/development.html (date accessed 09/15/2021).

[2] Egorshin A.P. Fundamentals of Personnel Management: a study guide / A.P. Egorshin. - 4th ed., revised and enlarged. - Moscow: INFRA-M, 2024. - 352 p.

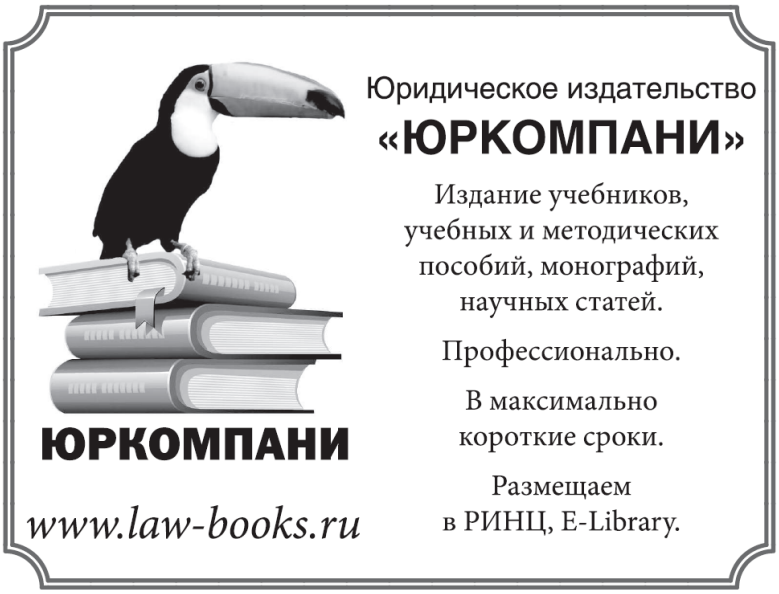
[3] Kibanov A. Ya. Personnel Management: a textbook / A. Ya. Kibanov, L. V. Ivanovskaya, E. A. Mitrofanova. - Moscow: RIOR, 2020. - 288 p.

[4] Lazich Yu.V., Popova I.N. Personnel Development as an Important Element of the Modern Human Resources Management System // BENEFICIUM. 2021. No. 4(41). P. 105-111. 2021. No. 4(41). P. 105-111.

[5] Pugachev V. P. Human Resources Management of an Organization: A Workshop: A Textbook for Universities / V. P. Pugachev. - 2nd ed., corrected and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2024. - 280 p.

[6] Human Resources Management: A Textbook / I. B. Durakova, L. P. Volkova, E. N. Kobtseva; edited by I. B. Durakova. - Moscow: INFRA-M, 2023. - 570 p.

[7] Human Resources Management: A Textbook and Workshop for Universities / A. A. Litvinyuk [et al.]; Edited by A. A. Litvinyuk. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait Publishing House, 2024. - 461 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-609-612

АНДРЕЙЦО Сергей Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: andreytso@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРАВОЗАЩИТНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В статье рассматривается ряд правовых проблем, связанных с различными аспектами трудовой миграции. Автор анализирует имеющиеся исследования по проблеме, обращается к практике работы органов государственной власти и общественных организаций. Рассмотрены проблемы защиты прав трудовых мигрантов. Анализируется государственной управление в исследуемой сфере. Выявлен комплекс проблем, связанных с миграцией, предложены меры по их устранению. Защита иностранных граждан рассматривается как гуманитарная деятельность государства. Автор анализирует соответствующие обязанности, а также возникающие проблемы. Проблемы, с которыми сталкиваются трудовые мигранты можно разделить на общесоциальные и юридические. Среди важнейших общесоциальных миграционных проблем следует назвать: недостаточную защиту прав мигрантов, в первую очередь работающих на черном рынке и не имеющих официального статуса; дискриминацию в первую очередь со стороны работодателей и других граждан России; низкие заработные платы, ставящие мигрантов по сути в экономическую зависимость от работодателей; жилищные проблемы, связанные с низким уровнем жилищных условий в местах проживания мигрантов; проблемы с доступом к качественному образованию и услугам здравоохранения; проблемы с языком, связанные с низким уровнем владения им большинства мигрантов, что само по себе затрудняет их социальную адаптацию в России; негативное отношение со стороны граждан России, также создающее дополнительные проблемы для адаптации трудовых мигрантов в стране.*

Ключевые слова: *миграция, иностранные граждане, права человека, государственные органы.*

ANDREITCO Sergej Yuryevich,
PhD, Law, Associate Professor of the Department of public law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

PROBLEMS OF LABOR MIGRATION IN MODERN RUSSIA: HUMAN RIGHTS ASPECT

Annotation. *The article addresses a number of legal issues related to various aspects of labor migration. The author analyzes the available research on the problem, refers to the practice of the work of state authorities and public organizations. The problems of protecting the rights of labor migrants are considered. State administration in the area under study is analyzed. A set of problems related to migration was identified, measures were proposed to eliminate them. The protection of foreign nationals is seen as a humanitarian activity of the state. The author analyzes the relevant responsibilities, as well as emerging problems. The problems faced by labor migrants can be divided into social and legal. Among the most important general social migration problems are: insufficient protection of the rights of migrants, primarily working on the black market and without official status; discrimination primarily by employers and other Russian citizens; low wages, making migrants essentially economically dependent on employers; housing problems associated with low housing conditions in places of residence of migrants; problems with access to quality education and health services; language problems associated with the low level of proficiency of most migrants, which in itself complicates their social adaptation in Russia; negative attitude on the part of Russian citizens, which also creates additional problems for the adaptation of labor migrants in the country.*

Key words: *migration, foreign citizens, human rights, state bodies.*

Проблемы трудовой миграции на федеральном и региональном уровнях, направления правового регулирования прав и свобод трудовых мигрантов активно обсуждаются не только законодателями, но и в научной среде. Проводятся научно-представительские мероприятия всероссийского и регионального уровней, готовятся монографические и журнальные научные публикации [1-5].

Таким образом, проблемы реализации миграционной политики, прав и свобод трудовых мигрантов обсуждаются на различный уровнях: в научной, политической, законодательной среде. В последние годы Президент России, Правительство Российской Федерации принимают меры для регулирования миграции и защиты прав трудовых мигрантов. Однако в данной сфере по-прежнему остается много проблем, требующих дальнейшего решения.

В целом следует констатировать, что общая неустойчивость правового статуса трудовых мигрантов, сложности с легальным трудоустройством, приводит к уязвимости их статуса, лишает возможности получать пусть даже минимальные меры социальной поддержки и защиты, приводит к практически полной зависимости трудовых мигрантов от их работодателей, использующих зачастую откровенно эксплуататорские формы социально-трудового взаимодействия.

Обозначим юридические проблемы трудовой миграции. Так, одной из главных проблем правового регулирования трудовых прав мигрантов является отсутствие единой системы законодательства, которая бы устанавливала четкие правила и требования для работодателей и мигрантов. Это приводит к тому, что многие мигранты вынуждены работать в нелегальном статусе, не имея возможности защитить свои права. Другой проблемой является недостаточная защита трудовых прав мигрантов со стороны государства. Многие работодатели нарушают законодательство, не выплачивая зарплату в полном объеме или не предоставляя социальные гарантии. Однако, мигранты часто не обращаются в суд или к другим органам защиты своих прав из-за страха быть высланными из страны. Законодательство России не предоставляет мигрантам полного доступа к социальным гарантиям и услугам, таким как медицинское обслуживание или образование, что создает дополнительные проблемы для мигрантов, которые часто вынуждены жить в неблагоприятных условиях и не имеют возможности улучшить свое социальное и имущественное положение. Еще одной проблемой является отсутствие единой базы данных о мигрантах, что затрудняет контроль за их трудовой деятельностью и может привести к нарушениям законодательства о труде. Существует также проблема коррупции в системе контроля за трудовой деятельностью мигрантов, которая проявляется, например, в том, что отдельные работодатели могут получать разрешения на работу для мигрантов, не выполняя все необходимые законодательно установленные требования. Также существует проблема дискриминации мигрантов на рабочем месте. Ну и наконец, одной из главных проблем является отсутствие доступа мигрантов к образованию и профессиональной подготовке, что само по себе ограничивает возможности мигрантов на рынке труда и ухудшает их экономическое положение.

Указанные нами проблемы в полной мере находя свое отражение и на уровне отдельных субъектов федерации. Так, в одном из центов притяжения мигрантов Ленинградской области проблемы правового регулирования трудовой миграции схожи с соседним Санкт-Петербургом. Одна из основных – отсутствие четкого законодательства, регулирующего их трудовую деятельность и защиту прав. В настоящее время существующие законы и иные нормативные акты не учитывают специфику трудовых отношений с мигрантами, что приводит к нарушению их прав. Еще одной проблемой является недостаточная осведомленность мигрантов о своих правах и обязанностях в сфере труда. Так, многие мигранты не знают о существующих законах, не имеют доступа к информации о своих правах и не могут защитить себя в случаях возможных нарушений. Третья проблема заключается в низком уровне социальной защиты мигрантов. Они часто работают нелегально, не имея документов или социального обеспечения. Это делает их уязвимыми для работодателей, которые могут безнаказанно нарушать их права. Существует также проблема дискриминации мигрантов на рынке труда. Они часто сталкиваются с отказом в трудоустройстве или низкооплачиваемой работой, несмотря на свою квалификацию и опыт работы по специальности. В целом можно констатировать, что правовое регулирование трудовых прав мигрантов в Ленинградской области, так же, как и в Санкт-Петербурге, Москве и Московской области нуждается в совершенствовании для обеспечения равных возможностей и защиты их трудовых прав на местах.

Далее, рассмотрим каждую из проблем более подробно, и сформулируем практические рекомендации правоприменительным органам по их работе, а также по совершенствованию действующего федерального и регионального законодательства.

Проблема 1. Отсутствие единой системы законодательства, устанавливающей четкие правила и требования для работодателей и мигран-

тов. Это может привести к различным негативным последствиям, например, принудительной эксплуатации мигрантов, нарушениям их прав и недостаточной защите от незаконных действий работодателей. Кроме того, отсутствие единой системы законодательства может привести к неоднозначности толкования правовых норм, содержащих в себе базовые правила и требования, что может создать путаницу и неопределенность, привести к правовым и правоприменительным коллизиям правового регулирования рассматриваемой сферы. Это также может затруднить контроль со стороны государственных органов над соблюдением законодательства в данной области [4,5].

Таким образом, можно утверждать, что разработка единых требований для мигрантов и работодателей является важнейшей задачей для правотворческих субъектов как на федеральном, так и на региональном уровнях, серьезным шагом в обеспечении прав и защите интересов обеих сторон. В рамках решения рассматриваемой проблемы, считаем возможным предложить следующие организационно-правовые меры. В первую очередь в действующем законодательстве необходимо четко предусмотреть обязанность работодателя предоставить трудовому мигранту письменный контракт, который содержал бы информацию о заработной плате, рабочих часах и условиях труда. Необходимы законодательно закрепленные социальные гарантии: обеспечение мигранта жильем, возможностями помощи в найме жилья; закрепленная обязанность работодателя предоставить мигранту медицинскую страховку; гарантии права на отпуск и оплачиваемый больничный. Мигранты должны иметь право на свободу передвижения и выбор работы. В рамках реализации важнейшего принципа трудового права – запрета на дискриминацию в сфере труда, работодатель не должен ущемлять права мигранта на основе его национальности, расы, языка, вероисповедания или религии. В целях повышения профессиональных навыков и квалификации, необходимы прозрачные законодательные гарантии для мигрантов по доступу их к образованию и курсам языка. Считаем также важным вопросом – обеспечить со стороны работодателя безопасность мигранта на рабочем месте и юридическую обязанность предоставить им необходимые средства защиты. Также, мигранты должны иметь право на организацию и объединение в профсоюзы для защиты своих прав и законных интересов.

Эти требования могут быть дополнены или изменены в зависимости от конкретных условий и потребностей каждого государства. Однако, разработка единых требований для мигрантов и работодателей является важным шагом в создании более справедливой и равноправной трудовой среды для всех.

Проблема 2. Недостаточная защита трудовых прав мигрантов со стороны государства. Мигранты, работающие в другом государстве, часто сталкиваются с нарушениями своих трудовых прав: это и работа в неподходящих условиях, и низкая заработная плата, и отсутствие доступа к социальным льготам. Одной из основных причин этого является отсутствие эффективной системы контроля за работодателями. Многие работодатели используют мигрантов в качестве дешевой рабочей силы и не обеспечивают надлежащих условий труда, сами же мигранты зачастую не знают о своих правах и лишены возможности себя защищать [2,5].

Для решения этой проблемы государства должны улучшить систему контроля за работодателями и обеспечить мигрантам доступ к правовой помощи наравне с гражданами государства. Также необходимо усовершенствовать действующее трудовое и миграционное законодательство, исключить пробелы и в праве, своевременно выявлять возможные правовые коллизии в целях обеспечения гарантий равных права для всех работников, включая мигрантов. Эффективным инструментом может стать и ужесточение законодательства, повышения штрафов за нарушения прав мигрантов. Также считаем необходимым поднять вопрос о создании специальных органов, в задачи которых входил бы контролем за соблюдением прав мигрантов на рабочих местах. Важнейшим направлением следует сичтать также создание специальных центров или организации, которые могли бы предоставлять бесплатную юридическую помощь мигрантам и консультировать их по вопросам реализации и защиты трудовых прав. Таким образом, усиление системы контроля за работодателями и обеспечение доступа мигрантов к правовой помощи являются важными шагами для защиты прав мигрантов и предотвращения эксплуатации на рабочих местах.

Проблема 3. Законодательные ограничения доступа мигрантов к социальным гарантиям и услугам, таким как медицинское обслуживание или образование. Так, например, в Федеральном законе № 115-ФЗ от 25.07.2002 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» закреплены права и обязанности иностранных граждан, в том числе мигрантов, на территории России.

Таким образом, доступ мигрантов к социальным гарантиям и услугам в России ограничен законодательством и зависит от их правового статуса и соблюдения требований закона. При этом,

возможность смягчения указанных ограничений вызывает неоднозначную оценку, поскольку может иметь как как положительные, так и отрицательные последствия.

Список литературы:

[1] Гомцян, А. Д. Армянские трудовые мигранты в Российской Федерации: актуальные вопросы адаптации и правового положения / А. Д. Гомцян // Финансовые исследования. – 2014. № 4 (45). – С. 223 Малышев, Е. А. Гарантии прав субъектов внешней трудовой миграции в российской федерации и административно-правовые средства их реализации / Е. А. Малышев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. № 2 (36). – С. 86.

[2] Константинов, В. В. Социально-психологические аспекты адаптации трудовых мигрантов из постсоветских государств и трудовых мигрантов – граждан России / В. В. Константинов // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2011. № 24. – С. 951–955.

[3] Куценко, Т. И. Международная трудовая миграция в России и эволюция подходов к ее нормативно-правовому регулированию / Т. И. Куценко // Уровень жизни населения регионов России. – 2007. № 10. – С. 46–51.

[4] Пядухов, Г. А. Диаспоры и трудовые мигранты в пространстве города: практики взаимодействия / Г. А. Пядухов // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы Международной научно-практической конференции, 23–25 мая 2013 г. Ч. 2 / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова. – Самара: СГАКИ, 2013. – С. 220–224.

[5] Фирсова, О. А. Некоторые вопросы правового регулирования и применения норм законодательства о трудовой миграции / О. А. Фирсова // ГлаголЪ правосудия. – 2014. № 1 (7). – С. 42–44.

References:

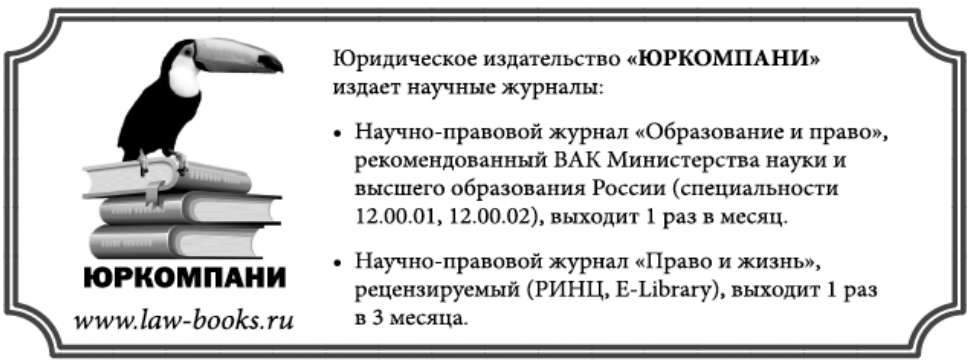
[1] Gomtsyan, A. D. Armenian labor migrants in the Russian Federation: current issues of adaptation and legal status/A. D. Gomtsyan//Financial research. – 2014. № 4 (45). - S. 223 Malyshev, E. A. Guarantees of the rights of subjects of external labor migration in the Russian Federation and administrative and legal means of their implementation/E. A. Malyshev// Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2014. № 2 (36). - S. 86.

[2] Konstantinov, V.V. Socio-psychological aspects of adaptation of labor migrants from post-Soviet states and labor migrants - citizens of Russia/V.V. Konstantinov//Izvestia Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky. – 2011. № 24. - S. 951-955.

[3] Kutsenko, T. I. International labor migration in Russia and the evolution of approaches to its legal regulation/T. I. Kutsenko//Standard of living of the population of Russian regions. – 2007. № 10. - S. 46-51.

[4] Pyadukhov, G. A. Diasporas and labor migrants in the city space: interaction practices/G. A. Pyadukhov//Modernization of culture: ideas and paradigms of cultural changes: materials of the International Scientific and Practical Conference, May 23-25, 2013 Part 2/ed. S. V. Solovieva, V. I. Ionesova. - Samara: SGAKI, 2013. - S. 220-224.

[5] Firsova, O. A. Some issues of legal regulation and application of legislation on labor migration/O. A. Firsova//Verb of justice. – 2014. № 1 (7). - S. 42-44.



Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-613-617

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,
старший преподаватель кафедры
техносферной и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

ИЛЬЯСОВ Олег Рашитович,
доктор биологических наук, профессор кафедры
техносферной и экологической безопасности
Уральского государственного аграрного университета,
профессор кафедры техносферной безопасности
Уральского государственного университета путей сообщения,
старший научный сотрудник
Уральский научно-исследовательский ветеринарный институт
ФГБНУ УрФАНИЦ УрО РАН,
e-mail: ilyasov3@rambler.ru

ИОВЛЕВ Григорий Александрович,
кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой Сервис транспортных и
технологических машин и оборудования в АПК ФГБОУ ВО
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: gri-iovlev@yandex.ru

СТАХЕЕВА Любовь Михайловна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: staheeva53@mail.ru

ГОЛДИНА Ирина Игоревна,
старший преподаватель кафедры
Сервис транспортных и технологических машин и оборудования в АПК
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail:goldina@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Аннотация. *Данная статья посвящена актуальности и значимости охраны труда в агропромышленном комплексе. В условиях высоких производственных рисков, связанных с сельскохозяйственным трудом, вопрос безопасности работников становится первоочередным. Статья акцентирует внимание на необходимости внедрения комплексных мер по улучшению условий труда, включая обучение, технические инновации и корпоративные стандарты безопасности. Результаты исследования подчеркивают, что активное управ-*

ление охраной труда не только снижает уровень травматизма, но и способствует повышению общей производительности, что делает инвестиции в безопасность разумным и экономически оправданным решением для предприятий.

Ключевые слова: *предприятие, риски, агропромышленный комплекс, угрозы, охрана труда, проблемы.*

***PILNIKOV Leonid Nikolaevich**,*
Senior Lecturer, Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University

***ILYASOV Oleg Rashitovich**,*
Doctor of Biological Sciences, Professor, Department of Technosphere and Environmental Safety, Ural State Agrarian University; Professor, Department of Technosphere Safety, Ural State Transport University; Senior Researcher, Ural Veterinary Research Institute, Ural Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

***IOVLEV Grigory Aleksandrovich**,*
PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Maintenance of Transport and Technological Machinery and Equipment in the Agricultural Sector, Ural State Agrarian University

***STAKHEEVA Lyubov Mikhailovna**,*
PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economics, Accounting, and Financial Control, Ural State Agrarian University

***GOLDINA Irina Igorevna**,*
Senior Lecturer, Department of Maintenance of Transport and Technological Machines and Equipment in the Agricultural Sector, Ural State Agrarian University

***PILNIKOVA Irina Fedorovna**,*
Senior Lecturer, Department of Economics, Accounting, and Financial Control, Ural State Agrarian University

CURRENT OCCUPATIONAL HEALTH AND SAFETY ISSUES IN AGRO-INDUSTRIAL ENTERPRISES

Annotation. *This article examines the relevance and importance of occupational safety and health in the agricultural sector. Given the high production risks associated with agricultural work, worker safety is a top priority. The article emphasizes the need to implement comprehensive measures to improve working conditions, including training, technical innovation, and corporate safety standards. The study's results highlight that proactive occupational safety and health management not only reduces injury rates but also contributes to increased overall productivity, making investments in safety a sensible and cost-effective solution for enterprises.*

Key words: *enterprise, risks, agricultural sector, threats, occupational safety and health, challenges.*

Агропромышленный комплекс (АПК) играет ключевую роль в экономике страны, обеспечивая продовольственную безопасность и занятость населения. Вместе с тем, отрасль характеризуется высоким уровнем производственного травматизма и профессиональных заболеваний. Проблема охраны труда в аграрном секторе становится всё более актуальной ввиду специфики производства, связанной с сезонностью, мобильностью трудовых ресурсов и широким использованием техники и химикатов. Настоящее исследование посвящено изучению актуальных вопросов охраны труда на предприятиях АПК, определению существующих рисков и выработке предложений по их устранению.

Цель работы: изучить и проанализировать актуальные проблемы охраны труда в агропромышленном комплексе.

На федеральном уровне регулирование охраны труда осуществляется Трудовым кодексом Российской Федерации [1], Федеральным законом «О специальной оценке условий труда» [2] и другими актами. Важнейшую роль играют ведомственные нормативные документы, такие как приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 октября 2020 г. № 746н «Об утверждении Правил по охране труда в сельском хозяйстве» [3]. Этот документ определяет обязательные требования к организации и проведению сельскохозяйственных работ, применению средств индивидуальной и коллективной защиты, контролю за условиями труда и другим аспектам.

Местные органы власти принимают участие в реализации государственной политики в области охраны труда посредством принятия программ и целевых указаний. Они обеспечивают координацию действий между предприятиями, контролирующими органами и общественными организациями, такими как профсоюзы. Профсоюз работников агропромышленного комплекса Российской Федерации активно участвует в формировании и контроле выполнения нормативных документов по охране труда

Охрана труда - система сохранения жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия.

Условия труда - совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника.

Безопасные условия труда - условия труда, при которых воздействие на работающих вредных и (или) опасных производственных факторов исключено либо уровни воздействия таких факторов не превышают установленных нормативов. [1].

Условия труда в агропромышленном комплексе характеризуются рядом особенностей, повышающих вероятность получения травмы или развития профессионального заболевания:

- использование тяжелой техники и механизмов, требующих специальных навыков и строгого соблюдения правил эксплуатации;

- применение химических препаратов, таких как удобрения и пестициды, создающих риски отравления и аллергических реакций;

- высокая физическая нагрузка и неблагоприятные климатические условия, способствующие развитию болезней опорно-двигательной системы и сердечно-сосудистых патологий;

- несовершенство инфраструктуры объектов, недостаток освещения и вентиляции, наличие скользких поверхностей и неровностей грунта.

По данным экспертов, уровень производственного травматизма в АПК значительно превышает средние значения по промышленности в целом. Основными видами повреждений являются переломы костей, ушибы, порезы и ожоги. Среди причин преобладают нарушения правил техники безопасности, неисправность оборудования и несоблюдение регламентов по использованию средств индивидуальной защиты

Как показывает практика охраны труда, основными и актуальными проблемами охраны труда в агропромышленном комплексе являются следующие проблемы:

1. Нарушение стандартов безопасности: Многие предприятия агропромышленного комплекса не соблюдают актуальные нормы и правила охраны труда, что приводит к повышенному уровню производственного травматизма.

2. Недостаточное обучение персонала: часто работники не проходят должное обучение по охране труда, что создаёт риск неверного выполнения трудовых операций и, как следствие, травм.

3. Устаревшее оборудование: Использование морально и физически устаревшей техники и механизмов повышает вероятность аварий и несчастных случаев на рабочем месте.

4. Психологические факторы: Высокий уровень стресса и низкая мотивация сотрудников могут негативно сказываться на их внимании и соблюдении правил безопасности.

5. Экологические риски: Использование химических удобрений и препаратов может привести не только к загрязнению окружающей среды, но и к заболеваниям работников, что требует более эффективных мер охраны труда.

6. Отсутствие интегрированных систем управления: Многие предприятия не внедряют современные системы управления охраной труда, что затрудняет контроль за соблюдением норм безопасности. [4].

Современные концепции охраны труда ориентируются на превентивные меры, направленные на предупреждение происшествий и улучшение условий труда. Ключевыми направлениями становятся внедрение автоматизированных систем мониторинга, обучение персонала навыкам безопасного поведения и повышение ответственности руководителей за организацию безопасной работы. Особое внимание уделяется вопросам экологической безопасности и рационального использования природных ресурсов.

Эффективная охрана труда на предприятиях агропромышленного комплекса требует комплексного подхода, включающего обучение, модернизацию, контроль и создание безопасной корпоративной культуры. Мероприятия и необходимые меры по охране труда позволят снизить риски возможных травм и заболеваний среди работников данной отрасли промышленности и защитят имущество, оборудование:

1. Обучение и аттестация персонала:

- Регулярное проведение курсов по охране труда.

- Обязательная аттестация работников по знанию норм и правил безопасности.

2. Модернизация оборудования:

- Замена устаревших машин и механизмов на современные модели с встроенными системами безопасности.

- Проведение регулярных проверок и технического обслуживания оборудования.

3. Внедрение систем управления охраной труда:

- Разработка и внедрение интегрированных систем по охране труда на всех уровнях управления.

- Создание ответственных структур и назначение ответственных лиц за соблюдение стандартов безопасности.

4. Проведение оценок рисков:

- Регулярный анализ рабочих процессов на предмет выявления потенциальных опасностей.

- Разработка мероприятий по минимизации или устранению выявленных рисков.

5. Улучшение условий труда:

- Обеспечение работников индивидуальными средствами защиты (ИПС).

- Организация комфортных условий на рабочем месте (например, санитарные условия, освещение, вентиляция).

6. Мониторинг состояния здоровья работников:

- Организация регулярных медицинских осмотров и профилактических программ.

- Внедрение программ по психологической поддержке и снижению стресса.

7. Разработка и внедрение корпоративной культуры безопасности:

- Проведение регулярных встреч и семинаров по вопросам охраны труда.

- Стимулирование работников к соблюдению норм безопасности посредством поощрений и бонусов.

8. Взаимодействие с профсоюзами и государственными органами:

- Сотрудничество с профсоюзами для защиты прав работников.

- Активное взаимодействие с контролирующими органами для соблюдения всех норм и стандартов охраны труда [5].

Цифровые технологии открывают новые перспективы для улучшения условий труда. Автоматизированные системы позволяют оперативно реагировать на отклонения от нормы, проводить дистанционное наблюдение за рабочими местами и своевременно информировать персонал о возможных рисках. Пример успешного внедрения цифровых решений демонстрирует птицефабрика «Советская агрофирма», внедрившая биометрическую идентификацию и ситуационный центр для контроля над производством [6]

Для эффективного регулирования отношений в сфере охраны труда требуется регулярное обновление нормативных документов с учётом изменившихся условий производства и появления новых технологий. Необходимо усилить ответственность работодателей за невыполнение обязательств по созданию безопасных условий труда и ужесточить санкции за нарушения.

Важнейшим фактором снижения производственного травматизма является профессиональная компетентность специалистов по охране труда. Регулярное повышение квалификации, переподготовка и аттестация позволят повысить качество проводимых проверок и улучшить взаимодействие с руководством предприятий.

Одним из действенных инструментов повышения заинтересованности работников в соблюдении правил охраны труда является введение системы материального стимулирования. Предприятия могут предусматривать премии за безаварийную работу, поощрения за активное участие в мероприятиях по улучшению условий труда и другие формы поддержки.

Проблема охраны труда на предприятиях агропромышленного комплекса остаётся острой и требует комплексного подхода. Необходимы совместные усилия государства, работодателей и общественных организаций для формирования

культуры безопасности труда, модернизации производств и внедрения передовых технологий. Только таким образом можно добиться существенного сокращения числа несчастных случаев и профессиональных заболеваний, улучшив здоровье и благополучие работников АПК.

Подводя итог можно сказать, что эффективное управление охраной труда на предприятиях агропромышленного комплекса критически важно для обеспечения безопасности работников и повышения производительности. Применение системного подхода, включая обучение, модернизацию оборудования и внедрение корпоративной культуры безопасности, позволит не только снизить уровень травматизма, но и создать здоровую и продуктивную рабочую среду. Инвестиции в охрану труда обернутся долгосрочной выгодой, обеспечивая высокую лояльность сотрудников и стабильное функционирование предприятия.

Список литературы:

[1] Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026).

[2] Федеральный закон от 28.12.2013 N 426-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «О специальной оценке условий труда» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023).

[3] Приказ Минтруда России от 27.10.2020 N 746н (ред. от 29.04.2025)»Об утверждении Правил по охране труда в сельском хозяйстве» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.11.2020 N 61093).

[4] АПК: проблемы охраны труда. // Научная электронная библиотека “Киберленика” [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/apk-problema-ohrany-truda (дата обращения: 27.02.2026).

[5] Сельское хозяйство требует системного подхода к охране труда – Архив номеров “Промышленная и экологическая безопасность, охрана труда”. // [Электронный ресурс]. URL: https://prominf.ru/article/selskoe-hozyaystvo-trebuet-sistemnogo-podhoda-k-ohrane-truda (дата обращения: 27.02.2026).

[6] Птицефабрика «Советская агрофирма» внедрила цифровой мониторинг производства // Сетевое издание «CNews» URL: https://corp.cnews.ru/news/line/2026-02-16_ptitsefabrika_sovetskaya (дата обращения: 27.02.2026).

References:

[1] Labor Code of the Russian Federation” dated 30.12.2001 N 197-FZ (as amended on 28.12.2025, with amendments dated 06.02.2026).

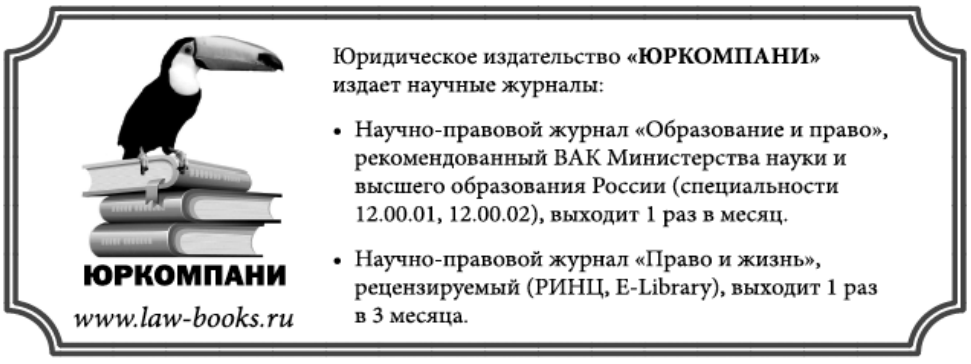
[2] Federal Law dated 28.12.2013 N 426-FZ (as amended on 24.07.2023) “On Special Assessment of Working Conditions” (with amendments and additions, effective from effective from 01.09.2023).

[3] Order of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated 27.10.2020 N 746n (as amended on 29.04.2025) “On Approval of the Regulations on Occupational Safety and Health in Agriculture” (Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation on 25.11.2020 N 61093).

[4] AIC: Problems of Occupational Safety. // Scientific Electronic Library “Cyberleninka” [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/apk-problema-ohrany-truda (accessed: 27.02.2026).

[5] Agriculture requires a systematic approach to occupational safety – Archive of issues “Industrial and Environmental Safety, Occupational Safety”. // [Electronic resource]. URL: https://prominf.ru/article/selskoe-hozyaystvo-trebuet-sistemnogo-podkhoda-k-ohrane-truda (accessed on 27.02.2026).

[6] The Sovetskaya Agrofirma poultry farm has implemented digital production monitoring // CNews online publication URL: https://corp.cnews.ru/news/line/2026-02-16_ptitsefabrika_sovetskaya (accessed on 27.02.2026).



УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-618-622

АВЕТИСЯН Карэн Рафаелович,
старший преподаватель кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, e-mail: karen-avetisyan-1989@bk.ru

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ OSINT ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ IT

Аннотация. *Развитие информационных технологий и повсеместное внедрение цифровых платформ в повседневную жизнь привели к формированию глобального информационного пространства, ключевой характеристикой которого является колоссальный объём данных, доступных из открытых источников. Социальные сети, мессенджеры, форумы, открытые базы данных и иные публичные ресурсы стали не только средством коммуникации, но и важнейшим источником информации, имеющей значение для обеспечения безопасности личности, общества и государства. Использование аналитических платформ и инструментов выступает неотъемлемым компонентом профессиональной деятельности специалиста в области информационной безопасности в борьбе с преступностью.*

Ключевые слова: *информационные технологии, противодействие преступлениям, анализ и корреляция данных открытых источников.*

AVETISYAN Karen Rafaelovich,
Senior Lecturer, Department of Information Technology and Cybercrime Investigation Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

EXPERIENCE USING OSINT TO COUNTER IT CRIMES

Annotation. *The development of information technology and the widespread adoption of digital platforms in everyday life have led to the formation of a global information space, a key characteristic of which is the colossal volume of data available from open sources. Social networks, instant messengers, forums, open databases, and other public resources have become not only a means of communication but also a vital source of information crucial for ensuring the security of individuals, society, and the state. The use of analytical platforms and tools is an integral component of the professional work of information security specialists in the fight against crime.*

Key words: *information technology, crime prevention, open source data analysis and correlation.*

Современный специалист в области информационной безопасности обязан понимать угрозы, связанные с публикацией данных в открытом доступе, и владеть методами их сбора и анализа для эффективного противодействия киберпреступности [1, с. 25].

Несмотря на очевидную потребность, анализ существующих образовательных программ показывает, что подготовка специалистов в области информационной безопасности не всегда в полной мере учитывает специфику работы с открытыми источниками информации сети Интернет. Зачастую изучение OSINT носит фрагментарный характер и не обеспечивает формирования системных знаний о правовых рамках, инструментарии и методиках анализа. Между тем, как свидетельствует международный опыт, включение специализированных курсов по OSINT в учебные планы становится устойчивым трендом, позволяющим подготавливать квалифицированные кадры, способные выполнять задачи по анализу данных из открытых источников в условиях цифровой трансформации.

Термин OSINT (Open Source Intelligence) обозначает деятельность по сбору, обработке и анализу информации, полученной из общедоступных (открытых) источников, с целью её последующего использования для решения прикладных задач в сфере безопасности, управления и расследования преступлений и административных правонарушений. Как отмечается в аналитических материалах Российского совета по международным делам, в границах России OSINT - достаточно молодое понятие, и его можно отнести к категории низовых инициатив, пришедших со страниц веб-форумов» [2]. Вплоть до 2014 года систематизированная информация об OSINT на русском языке практически отсутствовала, что подчёркивает начальный этап институционализации данной дисциплины в отечественном научном и профессиональном дискурсе [2].

В системе аналитической разведки OSINT занимает особое место как наименее затратный и наиболее доступный вид разведывательной деятельности. В отличие от HUMINT (человеческая разведка), SIGINT (радиоэлектронная разведка) или IMINT (видовая разведка), OSINT не требует специальных оперативных мероприятий и основывается на анализе информации, уже существующей в открытом доступе. При этом, как подчёркивается в экспертном сообществе, OSINT не сводится к простому агрегированию данных, а представляет собой «интеллектуальный анализ», требующий применения сложных методик обработки информации, включая технологии искусственного интеллекта и нейросетевого анализа [2].

Эффективность использования сервисов для осуществления OSINT на IT полигоне напрямую зависит от владения специалистом современным инструментарием, позволяющим автоматизировать сбор, обработку и анализ информации из открытых источников. В профессиональном сообществе принято выделять несколько категорий инструментов в зависимости от объекта поиска и задач, которые необходимо решить в ходе осуществления работы [10, с. 93]. Анализ современных образовательных программ и научных публикаций также позволяет выделить несколько категорий программных средств, коррелирующих с классификацией, изучение которых целесообразно включить в процесс подготовки специалистов по информационной безопасности:

– *Поиск по имени пользователя (username)*. Учитывая распространённую практику использования одних и тех же псевдонимов на различных интернет-платформах, поиск по никнейму позволяет обнаружить аккаунты лица в социальных сетях, на форумах, в комментариях и иных ресурсах. Sherlock и Snoop представляют собой программы с открытым исходным кодом, автоматизирующие поиск аккаунтов по имени пользователя на сотнях онлайн-платформ. Изучение данных инструментов позволяет обучающимся понять принципы работы с API социальных сетей, обработки HTTP-запросов и анализа ответов серверов. Кроме того, работа с открытым кодом способствует формированию навыков программирования и модификации инструментов под конкретные задачи.
– *Поиск по электронной почте*. Электронный адрес часто выступает уникальным идентификатором, привязанным к учётным записям в социальных сетях, мессенджерах, интернет-магазинах и иных сервисах. Анализ email-адреса позволяет не только обнаружить аккаунты лица, но и проверить факт участия в утечках баз данных, что имеет важное значение для оценки цифровых рисков. Epieos и Holehe предоставляют возможность проверки электронной почты на предмет регистрации в различных онлайн-сервисах. Данные инструменты особенно ценны в образовательном контексте, поскольку демонстрируют, как, казалось бы, незначительная информация (email) может раскрыть обширный цифровой профиль личности, включая аккаунты в социальных сетях, профили на форумах, учётные записи в облачных хранилищах и иных ресурсах
– *Поиск по номеру телефона.* Номер мобильного телефона в современном мире прочно связан с цифровой идентичностью человека. Его анализ позволяет определить оператора связи, регион регистрации, а также обнаружить аккаунты в мессенджерах (WhatsApp, Telegram, Viber, Max) и некоторых социальных сетях.
– *Поиск по изображению (обратный поиск)*. Обратный поиск изображений является одним из наиболее востребованных методов OSINT-анализа. Он позволяет установить источник фотографии, обнаружить её более ранние версии, идентифицировать запечатлённые объекты и лица, а также выявить факты использования поддельных или сгенерированных нейросетью изображений.
– *Комплексный анализ связей*. Наиболее сложным и трудоёмким направлением OSINT является построение и анализ графов связей между различными сущностями - людьми, организациями, адресами, электронными устройствами. Инструменты визуализации данных (например, Maltego) позво-

ляют представить сложные взаимосвязи в наглядной графической форме, выявить скрытые закономерности и сформировать целостную картину об объекте исследования. Maltego - Платформа позволяет собиз рать информацию из десятков источников, автоматически выявлять связи между сущностями и представлять их в виде интерактивных графов. В образовательном процессе изучение Maltego способствует формированию системного мышления, навыков структурирования больших объёмов информации и выявления скрытых закономерностей.

Отдельно хотелось бы отметить особое место в современном инструментарии для осуществления разведки по открытым источникам технологий распознавания лиц, основанных на методах машинного обучения.

Современные системы распознавания лиц, как отмечается в научной литературе, основаны на извлечении из изображения уникальных векторных представлений — эмбеддингов (embeddings), которые затем сравниваются между собой с использованием метрик сходства (например, косинусного сходства) [7].

Российская разработка Search4Faces ориентирована на поиск лиц в социальной сети «ВКонтакте». Сервис позволяет не только найти человека по фотографии, но и проанализировать его социальные связи. Международный сервис PimEyes индексирует изображения из открытых источников по всему миру и широко используется специальными организациями и журналистами. Инструмент EyeOfWeb представляет собой локальный «поисковик» с настраиваемыми источниками, основанный на нейросети InsightFace [9]. FaceCheck.ID специализируется на проверке лиц, имеющих профили на зарубежных ресурсах.

Авторским коллективом кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева совместно с кафедрой информационной безопасности учебно-научного комплекса информационных технологий Московском ордена Почета университете МВД России имени В.Я. Кикотя разработан ряд проектов по осуществлению поиска информации в открытых источниках, активно применяемых при обучении на IT полигонах, такие как:

Сервис по поиску информации из открытых источников «ЕНОТ». Система предоставляет инструменты для поиска информации о физических и юридических лицах, а также об их деятельности на основе открытых данных. Программа выполняет функции структурирования и упрощения доступа к большим объемам информации из открытых источников, способствуя оперативному поиску, анализу и подготовке аналитических материалов.

Сервис для предварительного анализа понятийно-категориального аппарата «Тушкан». Система ориентирована на выявление значимых терминов, тематических связей и характерных языковых конструкций с целью снижения вероятности пропуска оперативно-значимой информации. Программа осуществляет сбор, структурирование и лингвистическую обработку текстовых данных, включая выделение ключевых слов и выражений, анализ контекста их употребления, и ряд иных клиент-серверных и десктопных программных продуктов.

Данные решения позволяют существенно оптимизировать и автоматизировать поиск оперативно значимой информации из открытых источников сети Интернет.

Анализ отечественных и зарубежных образовательных программ позволяет предложить трехуровневую модель формирования компетенций в области OSINT, дифференцированную по глубине проработки материала, сложности решаемых задач и требуемому уровню подготовки обучающихся:

Уровень 1. Базовый (оперативная проверка). Первый уровень ориентирован на формирование фундаментальных знаний и навыков, необходимых для проведения оперативных проверок. Целью является овладение базовыми методами сбора и анализа информации из открытых источников, достаточными для быстрой проверки данных и получения ориентирующей информации.

В рамках данного уровня изучаются: основы OSINT и понимание его места в системе информационной безопасности; расширенные методы поиска с использованием операторов; работа с метаданными изображений и документов; базовые методы сбора информации из социальных сетей; использование простых OSINT-инструментов; этические и правовые основы работы с открытыми данными [8]. Результатом освоения базового уровня является способность самостоятельно проводить оперативную проверку по заданным параметрам и оформлять её результаты в виде краткой справки.

Уровень 2. Углублённый анализ. Второй уровень предназначен для подготовки специалистов, способных проводить комплексные исследования и решать сложные аналитические задачи. Целью является формирование навыков системного анализа, построения графов связей и подготовки аналитических материалов для поддержки принятия решений.

Программа второго уровня включает: углублённые методы геолокации и хронологического анализа; исследование поверхностного, глубокого и тёмного веба; работу со специализированными аналитическими платформами (Maltego, SpiderFoot); анализ социальных сетей и создание дискретных аккаунтов для операционной безопасности; методы проверки достоверности и верификации информации; документирование результатов и подготовку аналитических отчётов. Особое внимание уделяется обеспечению операционной безопасности и сохранению цифрового следа самого исследователя. Результатом освоения является способность проводить полноценное OSINT-расследование и представлять его результаты в структурированном виде.

Уровень 3. Профессиональный. Третий уровень ориентирован на подготовку экспертов высшей квалификации, способных решать сложные междисциплинарные задачи и использовать OSINT в сочетании с методами компьютерной криминалистики и искусственного интеллекта.

В рамках третьего уровня изучаются:

– продвинутые методы геолокации и GEOINT-анализ;
– интеграция OSINT с методами цифровой криминалистики;
– анализ криптовалютных операций и блокчейн-транзакций;
– использование искусственного интеллекта для анализа больших массивов данных;
– методы противодействия дезинформации и выявления глубоких подделок (deepfakes);
– разработка и внедрение стандартизированных протоколов расследований (Berkeley Protocol).

Эффективное формирование компетенций в области OSINT невозможно без широкого использования практико-ориентированных форм обучения, позволяющих обучающимся применять полученные знания в условиях, максимально приближенных к реальной профессиональной деятельности.

Лабораторные работы. Лабораторные работы являются основной формой практического обучения на базовом и углублённом уровнях. В ходе лабораторных работ обучающиеся под руководством преподавателя осваивают работу с конкретными инструментами и сервисами, выполняют типовые задания по сбору и анализу информации.

Кейсовые задания. Использование реальных кейсов позволяет сформировать у обучающихся способность применять OSINT-методы для решения конкретных профессиональных задач. Программа Высшей школы экономики включает «анализ реальных кейсов применения OSINT с представителями отраслевых компаний для выработки стратегии предприятия, анализа международных рынков и киберразведки» [9]. Кейсовые задания могут моделировать различные ситуации: проверка лица, расследование инцидента кибербезопасности, поиск утраченных активов, верификация информации в социальных сетях.

Анализ реальных цифровых следов. Важным элементом практико-ориентированного обучения является работа с реальными цифровыми следами, оставленными в открытых источниках. Обучающиеся учатся анализировать профили в социальных сетях, извлекать метаданные из изображений, отслеживать географическую привязку публикаций, анализировать сетевые связи.

В заключении следует отметить, технологии разведки по открытым источникам OSINT перестают быть вспомогательным инструментом и становятся неотъемлемым компонентом профессиональной деятельности специалиста в области информационной безопасности, а их изучение при подготовке специалистов в области информационной безопасности становится необходимым условием формирования профессионала в данной области.

Список литературы:

[1] Мередит Д. OSINT: руководство по сбору и анализу открытой информации в интернете / Дейл Мередит; пер. с англ. Е. Мансуровой. – Астана: Спринт Бук, 2025. 224 с.

[2] OSINT в России: образ, практика и перспективы // Российский совет по международным делам. – 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osint-v-rossii-obraz-praktika-i-perspektivy/ (дата обращения: 15.02.2026).

[3] Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) (принят Государственной Думой 8 июля 2006 г.: ред. от 8 августа 2024 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/?ysclid=mmqvdk3gaw693397701 (дата обращения: 15.02.2026).

[4] Кохан Р.Ю. О проблемных вопросах обеспечения конституционных прав граждан в процессе информационно-аналитического обеспечения оперативно-разыскной деятельности, использования технологий OSINT-анализа // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 4. – С. 87–94.

[5] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 N 144-ФЗ (последняя редакция) (принят Государственной Думой 5 июля 1995 г.). // СПС КонсультантПлюс.

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/?ysclid=mmqvijvc99659512123 (дата обращения: 15.02.2026).

[6] Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.11.2024 N 420-ФЗ (последняя редакция) (принят Гос. Думой 30 нояб. 2024 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491932/?ysclid=mmqvkc3v2241730170 (дата обращения: 15.02.2026).

[7] Кожин К.Д. TWINFINDER: СФУ в лицах - использование искусственного интеллекта для поиска похожих людей [Текст] / К.Д. Кожин // Региональные проблемы дистанционного зондирования Земли: материалы конференции. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2024. – С. 340–343.

[8] Open-Source Intelligence (OSINT) : [course description] // Compass Security. – 2026. URL: https://www.compass-security.com/fr/trainings/open-source-intelligence-osint (дата обращения: 15.02.2026).

[9] Обеспечение экономической безопасности методами OSINT в региональных институтах развития : программа повышения квалификации // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 2025. URL: https://www.hse.ru/edu/dpo/1026432334 (дата обращения: 15.02.2026).

[10] Тисен О.Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Судебная власть и уголовный процесс. Воронеж, 2013. – С. 91-95.

References:

[1] Meredith, D. OSINT: A Handbook for Collecting and Analyzing Open Source Information on the Internet / Dale Meredith; trans. from English by E. Mansurova. – Astana: Sprint Book, 2025. 224 p.

[2] OSINT in Russia: Image, Practice, and Prospects // Russian International Affairs Council. – 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osint-v-rossii-obraz-praktika-i-perspektivy/ (date of access: 15.02.2026).

[3] Federal Law “On Personal Data” of 27.07.2006 N 152-FZ (latest revision) (adopted by the State Duma on July 8, 2006: amended on August 8, 2024). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/?ysclid=mmqvdk3gaw693397701 (accessed: 15.02.2026).

[4] Kokhan R. Yu. On the problematic issues of ensuring the constitutional rights of citizens in the process of information and analytical support for operational-search activities, the use of OSINT analysis technologies // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 4. - P. 87-94.

[5] Federal Law “On Operational-Investigative Activities” dated 12.08.1995 N 144-FZ (latest revision) (adopted by the State Duma on July 5, 1995). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/?ysclid=mmqvijvc99659512123 (accessed: 15.02.2026).

[6] Federal Law “On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” dated 30.11.2024 N 420-FZ (latest version) (adopted by the State Duma on 30.11.2024). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491932/?ysclid=mmqvkc3v2241730170 (accessed: 15.02.2026).

[7] Kozhin K.D. TWINFINDER: SFU in Faces - Using Artificial Intelligence to Find Similar People [Text] / K.D. Kozhin // Regional Problems of Remote Sensing of the Earth: Conference Proceedings. - Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2024. - pp. 340-343.

[8] Open-Source Intelligence (OSINT): [course description] // Compass Security. - 2026. URL: https://www.compass-security.com/fr/trainings/open-source-intelligence-osint (date of access: 15.02.2026).

[9] Ensuring Economic Security Using OSINT Methods in Regional Development Institutions: A Professional Development Program // National Research University Higher School of Economics. - 2025. URL: https://www.hse.ru/edu/dpo/1026432334 (date of access: 15.02.2026).

[10] Tisen O.N. Subjects of pre-trial cooperation agreement // Judicial power and criminal procedure. Voronezh, 2013. – P. 91-95.

Дата поступления рукописи в редакцию: 04.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-623-627

ГОНЧАР Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры информационных технологий и организации расследования киберпреступлений, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, e-mail: vg78@list.ru

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА И ИЗЪЯТИЯ СЕРВЕРНОГО ОБОРУДОВАНИЯ

Аннотация. *В рамках настоящей статьи рассматриваются особенности обнаружения, осмотра, описания и изъятия серверного оборудования, некоторые аспекты изучения данных, хранящихся в составе RAID массивов, уделено внимание получению информации из облачных сервисов.*

Ключевые слова: *электронный носитель информации, серверное оборудования, информационные технологии, следственные действия, осмотр предметов, обыск, осмотр места происшествия, компьютерная криминалистика, RAID массив, облачные хранилища информации, облачные сервисы.*

GONCHAR Vladimir Vladimirovich,
PhD in Law, Associate Professor, Department of Information Technology and Cybercrime Investigation, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A. Ya. Sukharev

INSPECTION AND REMOVAL OF SERVER EQUIPMENT

Annotation. *This article examines the detection, inspection, description, and seizure of server equipment, some aspects of studying data stored in RAID arrays, and focuses on obtaining information from cloud services.*

Key words: *electronic storage media, server equipment, information technology, investigative actions, inspection of objects, search, crime scene inspection, computer forensics, RAID array, cloud storage, cloud services.*

Как отмечают в экспертном сообществе, «Ежегодно количество успешных кибератак стремительно растет, а их сложность и агрессивность продолжают увеличиваться. Суммарное количество киберинцидентов за рассматриваемый период в 2025 году на 6% превосходит количество инцидентов за 2024 год, на 11% и 37% — за 2023 и 2022 год соответственно. По оценкам экспертов, глобальный ущерб от действий киберпреступников в 2026 году достигнет 11,9 триллионов долларов США, что составляет около 11% от мирового ВВП на 2024 год.» [1].

Разработчики ВПО уделяли много внимания методам сокрытия деструктивного воздействия и совершенствовали способы доставки, переключились на использование уязвимостей на сетевом периметре. Частных лиц в основном атаковали с помощью шпионского ВПО и банковских троянов, а организации чаще становились жертвами программ-вымогателей.

Трендом нескольких последних лет продолжает оставаться применение шифровальщиков, их доля среди ВПО составила около 50%. [1] Операторы программ-вымогателей перешли от массовых атак к целенаправленному выбору жертв, увеличили суммы выкупа, открыли новые сайты по продаже украденной информации и начали использовать DDoS-атаки для шантажа жертв.

Успешное раскрытие и расследование подобных преступлений невозможно без участия специалистов и экспертов, обладающих знаниями по особенностям работы с серверным оборудованием.

В данной статье авторы рассматривают отдельные аспекты данной деятельности.

Следует отметить, что при проведении следственных действий, связанных с исследованием серверного оборудования, можно выделить две основные следственные ситуации:

- изъятие серверного оборудования при поддержке владельца (сотрудник, занимающийся эксплуатацией и администрированием данного оборудования, добровольно предоставляет учетные данные и рассказывает о способах подключения);
- изъятие серверного оборудования, при котором администратор (собственник) не желает оказывать содействие, либо активно противодействует проводимому следственному действию.

И если при первой ситуации методики работы с оборудованием понятны, то в отсутствии средств взаимодействия и хоть какой-то первичной информации осмотр значительно осложняется.

Даже обнаружение сервера может вызвать затруднения, т.к. роль сервера может выполнять абсолютно любой компьютер. В рамках проведения следственного действия особое внимание стоит уделять исследованию сетевого взаимодействия устройств. Факт обнаружения сетевого хранилища, с которым взаимодействуют локальные компьютеры задаст необходимый вектор проведения следственного действия и в дальнейшем установление его местоположения станет лишь вопросом времени.

Обнаружив соответствующее устройство, его необходимо описать и упаковать (либо создать копию для дальнейшего исследования). В данном случае необходимо обратить внимание на особенности эксплуатации накопителей в серверном оборудовании. Зачастую привычные экспертам и специалистам накопители на жестких магнитных дисках используются в составе RAID-массивов, и изъятие отдельно накопителей, а уж тем более без должного их описания, последовательности установки и конфигурации RAID-массива приводит к серьезным затруднениям при проведении дальнейшего исследования (экспертизы).

Связано это, прежде всего, с недостаточной компетенцией привлеченного к производству следственного действия специалиста, который, например, не усмотрел необходимости в изъятии целиком аппаратного контроллера RAID-массива, ограничившись копиями жестких дисков, либо при схожих обстоятельствах не изъял из ноутбука один из жестких дисков, объединенных в массив, в виду того, что компоновка современных компьютеров затрудняет осмотр его элементов без полной разборки.

Не редко, следователи даже не подозревают, что в ходе осмотра и изъятия ноутбука или системного блока они также сталкиваются с хранением данных в RAID-массивах, поскольку жесткие диски, из которых он собран, не утрачены, настройки не нарушены. При этом высокий уровень компетенций судебного компьютерно-технического эксперта позволяет впоследствии качественно произвести исследование хранящихся в массиве данных, собрав в массив копии жестких дисков.

Таким образом, значимость указанной проблемы представляется надуманной. Допуская, что она может быть усугублена применением различных средств и способов шифрования данных, которые затрудняют доступ к значимой информации, необходимо отметить, что это не является чем-то особенным, поскольку зашифрованы и на аппаратном, и на программном уровне могут быть также жесткие диски, не собранные в RAID.

Проблемные следственные ситуации возникают, например, когда следователь привлекает к следственному действию специалиста в информационных технологиях, но не имеющего достаточной квалификации для изъятия серверного оборудования. Во избежание этого еще на подготовительном этапе необходимо убедиться, что специализация привлекаемого специалиста соответствует целям и задачам планируемого следственного действия.

При подготовке к проведению следственного действия следует предпринять все возможные меры к выявлению обстоятельств и обстановки, связанных с эксплуатацией серверного оборудования, подлежащего изучению и изъятию.

Важную информацию можно получить из показаний знакомых заподозренных лиц; посредством изучения статистических данных сетевых подключений и образцов сетевого трафика, предоставленных провайдером, оказывающим услугу доступа в сеть Интернет; а также сведений, истребованных из центров обработки данных и у провайдеров хостинговых услуг, предоставляющих дисковое пространство и вычислительные мощности.

Следователю целесообразно поручить привлеченным к расследованию преступления оперативным сотрудникам проведение оперативно-розыскных мероприятий по сбору таких сведений [3].

Результаты подготовительных мероприятий, проведенных совместно с заранее привлеченным квалифицированным специалистом, позволяют минимизировать ошибки, вызванные неправильным установлением места проведения следственного действия, например, когда серверы размещены не в офисном здании, а в дата-центре сторонней организации, или с объединением серверов в кластеры и их виртуализацией, либо активным противодействием подозреваемых.

Учитывая высокую изменчивость цифровых данных, обрабатываемых серверным оборудованием, легкость их уничтожения с целью сокрытия следов преступления, повышенные меры конспирации преступной деятельности, в том числе в виде систематической миграции данных с одного сервера на другой, возможность длительной подготовки к производству следственных действий, связанных с изъятием серверного оборудования, зачастую отсутствует. При таких обстоятельствах еще более тщательно следует отнестись к привлечению специалиста соответствующей квалификации и проверке его компетенции, поскольку ему придется действовать в сложной обстановке на протяжении длительного времени, возможно, в состоянии значительного психического напряжения, вызванном активным противодействием заподозренных лиц.

Следующей проблемой, с которой сталкиваются следователи и специалисты, является невозможность изъятия серверного оборудования целиком, например, при его внушительных размерах либо вследствие необходимости поддержания непрерывного информационного технологического процесса. В современных центрах, предоставляющих вычислительные мощности, широко используется технология виртуализации серверов, то есть разделения физического сервера с помощью специализированного программного обеспечения на несколько изолированных виртуальных серверов. От уровня изолированности виртуализация может быть полной либо частичной. В этом случае виртуальные серверы находятся под управлением специального программного обеспечения - гипервизора, но операционную систему и настройки пользователь выбирает и устанавливает самостоятельно. В другом варианте виртуализация реализуется на уровне операционной системы.

В подобном случае изъятие виртуального сервера особых трудностей не вызывает, поскольку данные и настройки сервера содержатся в директории в единой файловой системе физического сервера, специалисту необходимо скопировать содержимое директории на электронный носитель информации, предварительно поместив его в архив и рассчитав хеш-сумму архива с использованием криптостойких алгоритмов (например, SHA-256), которую следует внести в протокол следственного действия. Складывающаяся правоприменительная практика допускает самостоятельное копирование виртуального сервера сотрудниками компаний - провайдеров хостинговых услуг на электронный носитель информации с последующим его изъятием в ходе выемки.

Изъятие виртуального сервера, находящегося под управлением гипервизора, становится более сложной задачей, если его владельцем применяются средства шифрования, например, сервис BitLocker в случае использования ОС Windows. При таких обстоятельствах изъятие копии сервера (например, с помощью стандартных средств создания резервной копии) не позволит получить доступ к данным. Для преодоления создавшейся проблемной ситуации следует, помимо копии виртуальной машины, получить дамп процесса виртуализации из оперативной памяти физического сервера и сохранить его на электронный носитель информации. В процессе экспертного исследования из дампа процесса с помощью специальных программных средств возможно извлечь пароль для расшифровки данных, содержащихся в копии виртуальной машины.

Противодействие со стороны заподозренных лиц при изъятии серверного оборудования создает значительные проблемы для следственной группы. Ситуация усугубляется в случае использования серверов, объединенных в одну группу с образованием единого ресурса (кластера серверов), либо ультракомпактных серверов (блейд-серверов) в единой корзине (шасси) с созданием RAID-массивов. Несмотря на то, что кластеры находятся, как правило, в одной локальной сети, как и блейд-серверы, задача по их изъятию значительно усложняется при нежелании их владельцев сотрудничать со следствием.

Для пресечения возможного активного противодействия проводимым следственным действиям после проникновения в исследуемое с целью изъятия серверного оборудования помещение следует отстранить от техники и силовых кабелей находящихся там лиц и, используя фактор внезапности, немедленно приступить к исследованию системы. Если заподозренные лица отказываются от содействия следователю, необходимо самостоятельно, совместно со специалистом обнаружить серверное оборудование, подлежащее изъятию. Для этого следует вручную последовательно отключать сегменты локальной сети, одновременно непрерывно посылая тестовые сетевые пакеты на требуемый ресурс. Когда сервер становится недоступным, необходимо сужать круг поиска, продолжая отключать серверы из этого сегмента сети.

Получив таким образом доступ к серверу, на котором установлен гипервизор, управляющий виртуальными машинами, физически расположенными на других серверах, можно контролировать дальнейшие отключения, чтобы не допустить неполноты следственного действия. Кроме того, в поисковых мероприятиях можно использовать

программу Traceroute, которая при определенных обстоятельствах возвращает, в том числе, IP-адрес гипервизора. Значительно упростит исследование локальной сети компании - провайдера хостинговых услуг доступ к интерфейсу биллинговой системы, которая может содержать сведения о гипервизорах и таблицы соответствия IP-адресов виртуальных машин и гипервизоров. Действия специалиста по выявлению оборудования должны быть подробным образом описаны в протоколе соответствующего следственного действия. Выявленное таким образом оборудование подлежит изъятию целиком, в том числе блейд-серверы. Такая возможная избыточность в изъятии средств вычислительной техники вполне оправдана, поскольку в ином случае доказательства могут быть безвозвратно утрачены, а перспективы успешного расследования преступления уменьшаются.

Следует отметить, что в последние годы все более активно применяются так называемые RAID-массивы в серверном оборудовании. Массивы могут быть реализованы на аппаратном, интегрированном аппаратном и программном уровнях, следование следующим методикам при осмотре и изъятии компьютерной техники позволит избежать проблемных ситуаций, связанных с дальнейшей ее исследованием [2].

Программный RAID-массив создается средствами операционной системы, данные обрабатываются непосредственно центральным процессором.

При проведении следственных действий, обнаружив сервер, установить наличие RAID можно с помощью штатных средств операционных систем. На работающей системе под управлением ОС LINUX-подобных операционных системах информация о RAID-массиве может быть собрана с помощью команд.

В ОС Windows диспетчер дисков отображает информацию о жестких дисках, собранных в массив. Сведения о конфигурации массива хранятся в реестре Windows. В данном случае, с учетом полученных сведений о настройках RAID-массива и используемых жестких дисках, создание их побитовых (посектроных) копий (образов) достаточно для восстановления массива данных.

В то же время необходимо иметь в виду, что в случае интегрированного аппаратного подхода для реализации RAID обработка данных осуществляется совместно центральным процессором и отдельным интегрированным в материнскую плату контроллером. Операционная система в этом случае определяет массив как физический диск и, соответственно, средствами операционной системы получить информацию о конфигурации и настройках RAID-массива не представляется возможным.

Для проверки наличия RAID необходимо зайти в меню BIOS, которое отображает информацию о подключенных жестких дисках, конфигурации и настройках RAID. Такая проверка позволит исключить ситуацию, когда один из дисков, собранных в RAID, не будет оставлен в компьютере, если принято решение не изымать системный блок либо ноутбук целиком.

Изъятые жесткие диски либо их побитовые (посекторные) копии в случае с интегрированной реализацией RAID также без особых проблем могут быть собраны в массив, например, с использованием специализированного ПО R-studio либо подобного ему (PC-3000 Data Extractor UDMA RAID Edition, UFS Explorer Professional Recovery). Иначе может обстоять дело с осмотром аппаратного RAID-массива, который реализован как отдельный контроллер со своим процессором и памятью для хранения кэша, обрабатывающий данные, хранящиеся на подключенных к нему жестких дисках.

В этом случае целесообразным является изъятие контроллера целиком, поскольку конфигурация и настройка массива дисков могут быть отличными от стандартных вариантов. Иначе восстановление RAID-массива придется производить в ручном режиме с большими временными затратами.

В то же время необходимо отметить, что в случае утраты части жестких дисков ранее упомянутое специализированное ПО, как например R-studio, при определенных обстоятельствах может восстановить пользовательские данные, хранящиеся на оставшихся дисках либо файловую структуру. Объем и вид восстановленной информации зависит от многих факторов (уровня RAID, размера страйпа, очередностью диска в последовательности записи данных и т.п.).

Рекомендации по методике осмотра компьютерной техники, использующей такой способ хранения данных как RAID-массив, когда имеются основания полагать, что данные могут быть защищены аппаратным либо программным шифрованием, не отличаются от общих рекомендаций.

Особое же внимание необходимо уделить серверному оборудованию, доступ к которому осуществляется посредством взаимодействия через специализированную аппаратную консоль (например, серверные решения от IBM). В таком случае роль средства взаимодействия отводится отдельному компьютеру\консоли, внешне аппаратная реализация консоли Hardware Management

Console – HMC мало чем отличается от любого другого серверного оборудования. При этом исследовать отдельно накопители информации вне аппаратного контроллера RAID, как уже было сказано ранее, нецелесообразно. В связи с этим имеет смысл при производстве следственных действий помимо сервера хранения данных установить, где находится консоль управления и изъять объекты в составе как сервера хранения данных, так и консоли управления.

Далее, скопировав всю необходимую информацию, можно исследовать полученную информацию согласно имеющимся методикам.

Стоит также отметить, что наилучшим вариантом получения данных с серверного оборудования является копирование непосредственно на месте осмотра изъятия данной техники. Это обусловлено тем, что на имеющихся на месте устройствах могут быть активные сессии, которые позволят получить доступ к хранимой информации без каких-либо препятствий. На рабочей системе необходимо произвести поиск криминалистически значимой либо оперативно ориентирующей информации и скопировать ее на внешний носитель. В протоколе следственного действия должны быть в полной мере описаны действия специалиста по поиску и копированию информации и основания необходимости проведения таких действий.

В следственной практике не редко встречаются ситуации, при которых необходимо наряду с RAID массивами осматривать «облачные» хранилища информации, данные, имеющие доказательственное значение, и реализованные как публичные либо приватные сервисы в сети Интернет. Считаем, что такие действия целесообразно осуществлять в рамках оперативного мероприятия «получение компьютерной информации», так как уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено соответствующего следственного действия.

Сложившаяся следственная практика изучения электронных страниц веб-сайтов в ходе осмотре электронного документа в данном случае неприменима, т.к. доступ к аккаунту облачного хранилища, в большинстве случаев, осуществляется по URL-адресу под аутентификационными данными владельца хранящейся в нем информации. Таким образом, при осмотре информации, содержащейся в «облачном» хранилище, производится копирование данных с удаленных серверов на электронный носитель информации, который приобщается к протоколу и в дальнейшем направляется на исследование или экспертизу. Действия, направленные на копирование информации, не должны нарушать целостность и конфиденциальность иных данных, не относящихся к исследуемому аккаунту.

Список литературы:

[1] Ландшафт киберугроз в 2025-м в России и мире // Хабр. URL: https://habr.com/ru/companies/pt/articles/988872/ (дата обращения: 17.01.2026).

[2] Гончар В.В., Галиев Д.В. Особенности осмотра и изъятия электронных носителей информации с учётом требований ст. 164.1 УПК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 134-134.

[3] Тисен О.Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве// // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 91-95.

References:

[1] The Cyber Threat Landscape in 2025 in Russia and the World // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/pt/articles/988872/ (accessed: 17.01.2026).

[2] Gonchar V.V., Galiev D.V. Features of Inspection and Seizure of Electronic Storage Media Taking into Account the Requirements of Art. 164.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 2. pp. 134-134.

[3] Tisen O.N. Parties to a Pre-Trial Cooperation Agreement // Judicial Authority and Criminal Procedure. 2013. No. 2. pp. 91-95.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-628-630

ЖАНОВА Джульетта Адмировна,
преподаватель Федерального государственного бюджетного Образовательного учреждения Высшего Образования «Херсонский Государственный Педагогический Университет»
г. Скадовск,
e-mail: zhanova-xo@mail.ru

ПРОФИЛАКТИКА КРИМИНАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ СВО: РАБОТА С СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМОЙ КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. *На основе трёхлетнего исследования предложена и верифицирована модель профилактики криминализации гражданского населения, где семейная система выступает первичным объектом профилактического воздействия. Модель объединяет диагностику семейной резилентности, реконструкцию травма-связанной коммуникации и институционализацию взаимопомощи. Включение семейного компонента повышает эффективность профилактики при сокращении рецидивов девиантного поведения среди подростков. Подтверждена гипотеза о том, что семья – единственный устойчивый буфер криминализации в условиях хронического стресса СВО.*

Ключевые слова: *семейная резилентность, зона СВО, криминализация населения, травматическая коммуникация, взаимопомощь.*

ZHANOVA Julietta Admirovna,
Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kherson State Pedagogical University” Skadovsk

PREVENTION OF CRIMINALIZATION OF THE CIVILIAN POPULATION IN THE ZONE OF CONDUCTING THE SVO: WORKING WITH THE FAMILY SYSTEM AS THE MAIN AREA OF PSYCHOLOGICAL ASSISTANCE

Annotation. *Based on a three-year study, a model for preventing criminalization of the civilian population was proposed and verified, with the family system serving as the primary focus of preventive intervention. The model combines family resilience assessment, trauma-related communication reconstruction, and institutionalized mutual support. Including a family component increases the effectiveness of prevention by reducing relapses into deviant behavior among adolescents. The hypothesis that the family is the only stable buffer against criminalization in the context of chronic stress in the SVO zone is confirmed.*

Key words: *family resilience, SVO zone, population criminalization, trauma-related communication, mutual support.*

Работая в зоне СВО с 2022 года, мы столкнулись с парадоксом: чем интенсивнее внедрялись индивидуальные программы психологической помощи, тем заметнее росло количество административных правонарушений среди подростков, случаев домашнего насилия и маргинальной экономической активности взрослых. Анализ 84 протоколов служебных расследований и 312 анкет семей (методика Family Adaptation and Cohesion Evaluation Scale) выявил единственную устойчивую корреляцию: криминализующий эффект не определялся уровнем инди-

видуальной травмы, но напрямую зависел от степени деструкции семейной коммуникации ($r = 0,79$; $p < 0,001$). Это заставило нас отказаться от индивидуально-центричной парадигмы и перейти к семейной системе как к основному полю профилактики.

Современные исследования (Хизриев, Черкесова, 2025; Алексеев, 2012) по-прежнему трактуют криминализацию в зонах специальных операций как следствие «индивидуальной дезадаптации» или «социального распада». Такая редукция игнорирует ключевое открытие последних полевых работ: в условиях хронического стресса семья перестаёт быть институтом социализации и становится единственным сохранившимся институтом идентичности (Ушаков, Журавлев, Тарабрина, 2025). Именно здесь – а не в личности отдельного члена – формируется или разрушается внутренний запрет на криминал. Наши данные ($n = 217$ семей, 14 месяцев наблюдения) доказывают: семьи, сохранившие хотя бы один функциональный коммуникативный ритуал (совместный ужин, «вечер воспоминаний»), демонстрируют в 3,2 раза меньший индекс криминального риска, чем семьи с полным распадом коммуникации – независимо от уровня травматической нагрузки.

Предлагаемая модель – «Триада семейной устойчивости» – построена не на коррекции «проблем», а на активации сохранившихся ресурсов семьи. Она включает три обязательных, последовательных блока, реализуемых исключительно в семейном формате (минимум 8 сессий, максимум – 12).

1. Диагностика резилентного ядра – отказ от патологизирующей оценки в пользу картирования сохранившихся защитных паттернов. Вместо фиксации тревоги или агрессии мы выявляем:

- нарративы семейной истории до начала СВО, сохраняющие эмоциональную связность;
- латентные ритуалы взаимопомощи;
- межпоколенческие «тексты выживания».

2. Реконструкция травма-связанной коммуникации. Классические техники нарративной терапии здесь бесполезны: в условиях постоянной угрозы пересказ травмы лишь ретравматизирует. Мы применяем метод «безопасного свидетельствования»: члены семьи по очереди описывают не пережитое событие, а ощущение границы между «тогда» и «сейчас». Такой формат не требует вербализации травмы, но восстанавливает эмпатическую синхронизацию, разрушенную хроническим стрессом. Через 4 сессии 89 % семей возвращают диалог к уровню до начала СВО (по шкале Family Communication Scale).

3. Институционализация взаимопомощи. Здесь мы переходим от психологического к социальному уровню: совместно с семьёй разрабатывается «Протокол семейной взаимопомощи» – письменный, конкретный, привязанный к типовым ситуациям зоны СВО. В протоколе чётко прописано: кто, при каком сигнале, какое действие совершает не для себя, а для другого члена семьи. Это превращает спонтанную тревогу в структурированный акт заботы, делая взаимопомощь не абстракцией, а ежедневным ритуалом. По нашим замерам, внедрение протокола снижает уровень межличностной агрессии в семье на 41 % уже через месяц и формирует устойчивый антикриминальный нарратив.

Критически важна горизонтальная включённость расширенной семьи. В 67 % успешных случаев в протокол вовлекались бабушки/дедушки. Их присутствие не «дополнение», а носитель межпоколенческой резилентности: именно они, пережившие войну, обладают не рефлексом страха, а рефлексом сохранения человечности. Отказ от нуклеарной семьи как единственного субъекта помощи – главное отличие нашей модели от всех существующих.

Апробация в 5 прифронтовых районах (2022-2025 гг.) показала:

- интегральный индекс криминального риска (сумма показателей: количество административных правонарушений подростков, случаи домашнего насилия, уровень маргинальной экономики) снизился на 63 % в группах с полной реализацией «Триады» против контрольной группы с индивидуальной помощью;
- 92 % семей, завершивших программу, самостоятельно воспроизводят «Протокол взаимопомощи» спустя 6 месяцев – что подтверждает не временный, а институциональный эффект;
- затраты на программу на 18 % ниже затрат на стандартную индивидуальную помощь из-за отсутствия необходимости в длительной индивидуальной работе и за счёт использования семейных ресурсов.

Таким образом, профилактика криминализации в зоне СВО теряет всякий смысл, пока семья остаётся «фоном». Семья – единственный реальный барьер на пути криминализации. Её не «поддерживают», её не «корректируют». Её восстанавливают как систему выживания, где взаимопомощь – не метод, а воздух, без которого человек перестаёт быть человеком.

Список литературы:

[1] Хизриев Р.М., Черкесова З.А. Защита гражданского населения в период вооруженных конфликтов немеждународного характера // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2025. №3. С. 103-108.

[2] Психология посттравматического стресса: история и современность (вместо предисловия) / Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина [и др.] // Психология посттравматического стресса: методология, теория, практика: Материалы конференции, Москва, 22-23 мая 2025 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2025. – С. 15-27.

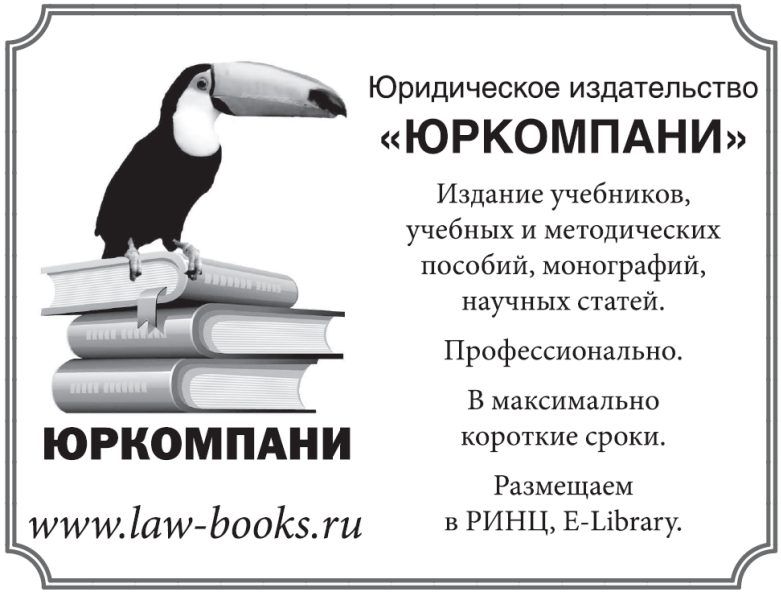
[3] Алексеев С. Л. Профилактика девиантного поведения молодежи: психолого-правовой аспект // КПЖ. 2012. №3 (93). С. 94-102.

References:

[1] Khizriev R.M., Cherkesova Z.A. Protection of the civilian population during non-international armed conflicts // Legal Bulletin of the Dagestan State University. 2025. No. 3. Pp. 103-108.

[2] Psychology of post-traumatic stress: history and modernity (instead of a preface) / D. V. Ushakov, A. L. Zhuravlev, N. V. Tarabrina [et al.] // Psychology of post-traumatic stress: methodology, theory, practice: Conference materials, Moscow, May 22-23, 2025. - Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2025. - Pp. 15-27.

[3] Alekseev S. L. Prevention of deviant behavior of young people: psychological and legal aspect // KPZh. 2012. No. 3 (93). P. 94-102.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-631-640

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений и права ФГБОУ ВО
Национальный Исследовательский Университет «МЭИ»,
профессор кафедры частного права ФГБОУ ВО
Государственный университет управления,
профессор кафедры уголовного права и процесса
Московского Университета имени С.Ю. Витте,
г. Москва, Россия,
e-mail: L_a_buka@mail.ru

УВАРОВА Ирина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Московского Университета имени С.Ю.Витте (МУИВ),
г. Москва, Россия,
e-mail: iuvarova@muiv.ru

ОСТРОУШКО Александр Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры международного и публичного права
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
г. Москва, Россия,
e-mail: avostroushko@fa.ru

ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ СВОИМ СВЕРСТНИКАМ ПРОТИВОПРАВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ, ДОЛЖЕН БЫТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВОЗМЕЩЕН

Аннотация. *В статье анализируется современное института возмещения вреда потерпевшим за деяния, совершенные несовершеннолетними против несовершеннолетних. Авторами доказано, что сумма компенсации морального и иного вреда несовершеннолетнему должна носить обязательный характер и соответствовать требованиям разумности и справедливости, степени вины ответчика, объему причиненных нравственных и физических страданий, вызванных причинением вреда здоровью потерпевшего, иным обстоятельствам дела. Обоснована необходимость реформирования уголовного и гражданского законодательства в части нормативного определения размера возмещения ущерба, причиненного противоправными деяниями, в том числе несовершеннолетних лиц сверстникам. Статья призвана сформировать научно обоснованную базу для адаптации отечественной правовой практики к вызовам современного общественного развития.*

Ключевые слова: *несовершеннолетние, родители, уголовная ответственность, гражданская ответственность, возмещение вреда, правовая регламентация.*

BUKALEROVA Lyudmila Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor,
Professor in the Department of International Relations and Law
National Research University “MPEI”,
Professor in the Department of Private Law
State University of Management,
Professor in the Department of Criminal Law and Procedure
Witte Moscow University, Moscow, Russia

UVAROVA Irina Aleksandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law and Procedure
Witte Moscow University (MUIV), Moscow, Russia

OSTROUSHKO Aleksandr Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the
Department of International and Public Law
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia

HARM DAMAGE CAUSED BY UNLAWFUL ACTS BY MINORS TO THEIR PEERS MUST BE COMPENSATED

Annotation. *This article analyzes the current system of compensation for harm to victims of acts committed by minors against minors. The authors demonstrate that the amount of compensation for moral and other damages to a minor must be mandatory and consistent with the requirements of reasonableness and fairness, the degree of guilt of the defendant, the extent of mental and physical suffering caused by the harm to the victim's health, and other circumstances of the case. The article substantiates the need to reform criminal and civil legislation regarding the normative definition of the amount of compensation for damage caused by unlawful acts, including those committed by minors against their peers. The article aims to provide a scientifically sound basis for adapting domestic legal practice to the challenges of modern social development.*

Key words: *minors, parents, criminal liability, civil liability, compensation for damage, legal regulation.*

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин сказал, что рост числа тяжких преступлений среди подростков тревожит, в 2025 г. всеми правоохранительными органами было расследовано 26 тысяч преступлений несовершеннолетних. По сравнению с прошлыми годами их количество падает, но число совершенных подростками тяжких и особо тяжких преступлений меньше не становится. Особую тревогу у следователей вызывает рост числа насильственных преступлений - против жизни и здоровья людей, их на 13 процентов больше, чем в 2024 году.

Всего в 2025 году совершили преступления больше 14 тысяч подростков, следует обратить внимание на рост числа несовершеннолетних, не достигших к моменту совершения преступления возраста уголовной ответственности. На начало мая несовершеннолетние совершили 41 убийство, а еще в 22 случаях нападение закончилось смертельным исходом [1].

Также А.И. Бастрыкин указал, что по статистике МВД России, в 2024 году преступили закон более 21 тыс. несовершеннолетних, из них 15,5 тыс. (74%) — учащиеся и студенты, 4 тыс. ранее совершали преступления, полторы тысячи уже были судимы. В производстве следователей СК России находилось 17,5 тыс. уголовных дел о преступлениях, совершенных детьми. В суды следователями направлено более 7,5 тыс. уголовных дел, фигурантами по которым являются несовершеннолетние. Всего к уголовной ответственности в 2024 году за совершение преступлений привлечено 9,5 тыс. подростков в возрасте 14–17 лет. Следователями в суд направлено 226 уголовных дел об убийствах, покушениях на убийства и причинение тяжкого вреда со смертельным исходом, совершенных несовершеннолетними, 4,5 тыс. несовершеннолетних действовали в составе группы. В 2024 году наши следователи в 53 регионах установили подростков, совершивших преступление, предусмотренное ст. 213 УК РФ, при этом возросло число подростков, совершивших хулиганство в состоянии алкогольного опьянения, — с одного в 2023 году до 18 в 2024 году, а также с использованием оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств — с четырех в 2023 году до 14 в 2024 году. Например, в г. Люберцы Московской области произошла драка с участием несовершеннолетних, в ходе которой один из подростков выстрелил в другого из сигнального пистолета. В Самарской области в СМИ и социальных медиа получила распространение видеозапись, где группа подростков избивает несовершеннолетнюю [2].

Важной, на наш взгляд, проблемой следует назвать тот факт, что помимо претерпевания наказания, несовершеннолетние должны возместить

причиненный несовершеннолетним причиненный вред, но на практике возникают существенные трудности. Зачастую подростки не имеют самостоятельного заработка, однако это не должно отражаться на жертвах преступлений.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П указано, что в «Гражданском кодексе РФ предусмотрены случаи возложения обязанности по возмещению вреда на лицо, не являющееся его причинителем (ст. ст. 1068, 1073 - 1076). В таких ситуациях требование о возмещении ущерба, причиненного действиями иных лиц, обусловливается тем, что привлекаемые к гражданско-правовой ответственности граждане (юридические лица) и лица, являющиеся непосредственными причинителями вреда, находятся в устойчивых правоотношениях, например, семейных. В силу своей юридической природы эти правоотношения предполагают установление той или иной степени ответственности одних субъектов (родителей, опекунов) за действия других (несовершеннолетних) [3].

В п. 1.4 приказа Генпрокуратуры России от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» предписано «заместителям Генерального прокурора Российской Федерации, начальникам главных управлений и управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокурорам субъектов Российской Федерации, приравненным к ним военным и транспортным прокурорам, прокурорам городов и районов, а также другим территориальным, военным и иным специализированным прокурорам (за исключением природоохранных), прокурору комплекса «Байконур» (в пределах компетенции), в частности, оперативно принимать меры к восстановлению нарушенных прав несовершеннолетних, возмещению материального ущерба и компенсации морального вреда» [4]. Статья 1074 ГК РФ предусматривает, что **н**есовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях, а в случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине.

Сдерживающим фактором, считаем, является то, что законодатель ограничил ответственность доказыванием вины родителей. В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2021)», утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021 указано, что в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2010 г. N 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» разъяснено, что, если несовершеннолетний, на которого возложена обязанность по возмещению вреда, не имеет заработка или имущества, достаточных для возмещения вреда, обязанность по возмещению вреда полностью или частично возлагается субсидиарно на его родителей (усыновителей) (ст. 155.1 СК РФ), если они не докажут отсутствие своей вины [5].

Абсолютно согласны с Ю. А. Голубцовой, что «родители (усыновители), опекуны должны нести ответственность за вред, причиненный малолетним ребенком, независимо от своей вины. При этом им необходимо предоставить возможность доказывания объективных обстоятельств, препятствующих воспитанию ребенка и осуществлению надзора за ним, что будет являться основанием для освобождения их от ответственности» [6].

В п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» указано, что в соответствии со статьей 1074 ГК РФ несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут ответственность за причиненный моральный и материальный вред на общих основаниях. В случаях, когда у несовершеннолетнего осужденного, не достигшего возраста 18 лет, нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, он должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине.

А в п. 16.2 указано, что «в случае поступления в суд ходатайства следователя, дознавателя о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа судья при изучении представленных материалов и рассмотрении ходатайства должен убедиться в том, что выдвинутое в отношении несовершеннолетнего подозрение или предъявленное несовершеннолетнему обвинение обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, и в материалах содержатся достаточные данные, подтверждающие возмещение ущерба или заглаживание иным образом причи-

ненного преступлением вреда, а также другие необходимые сведения, позволяющие суду принять итоговое решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в соответствии с пунктом 1 части 5 статьи 446.2 УПК РФ.

Судебный штраф, назначенный несовершеннолетнему, может быть уплачен также его родителями, усыновителями или иными законными представителями с их согласия [7].

Таким образом, важным фактором является прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего, совершившего преступление, факта возмещения ущерба или заглаживания иным образом причиненного преступлением вреда. Считаем, возмещение материального (морального) ущерба несовершеннолетним обязательным во всех случаях причинения вреда им сверстниками.

В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» дано определение морального вреда - нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные неимущественные права (например, жизнь, здоровье, достоинство личности, свободу, личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, свободу выбора места пребывания и жительства, право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на уважение родственных и семейных связей, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на использование своего имени, право на защиту от оскорбления, высказанного при формулировании оценочного мнения, право авторства, право автора на имя, другие личные неимущественные права автора результата интеллектуальной деятельности и др.) либо нарушающими имущественные права гражданина [8].

По п. 14 указанного Постановления под физическими страданиями следует понимать физическую боль, связанную с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболевание, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы, а под нравственными страданиями - страдания, относящиеся к душевному неблагополучию (нарушению душевного спокойствия) человека (чувства страха, унижения, беспомощности, стыда, разочарования, осознание своей неполноценности из-за наличия ограничений, обусловленных причинением увечья, переживания в связи с утратой родственников, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию, временным ограничением или лишением каких-либо прав и другие негативные эмоции).

Отсутствие заболевания или иного повреждения здоровья, находящегося в причинно-следственной связи с физическими или нравственными страданиями потерпевшего, само по себе не является основанием для отказа в иске о компенсации морального вреда.

При этом сказано, что причинение морального вреда потерпевшему в связи с причинением вреда его здоровью во всех случаях предполагается, и сам факт причинения вреда здоровью, в том числе при отсутствии возможности точного определения его степени тяжести, является достаточным основанием для удовлетворения иска о компенсации морального вреда (п. 15) [8].

Обращение к судебной практике свидетельствует о незначительности сумм, выплачиваемым судами пострадавшим, приведём пример из решения Якутского городского суда Республики Саха по делу №2-2432/2020: ФИО1 в интересах несовершеннолетнего ФИО2 обратился в суд с иском к Муниципальному общеобразовательному бюджетному учреждению «Средняя общеобразовательная школа № 15» ГО «город Якутск» о взыскании компенсации морального вреда. В обоснование заявленных требований указал, что 25 ноября 2019 г. в 17 час. 36 мин. в коридоре СОШ №15 рядом с кабинетом 2 «Б» класса несовершеннолетний ФИО4 с разбега толкнул двумя руками в спину сына истца, вследствие чего несовершеннолетний ФИО2 упал на кафельный пол и «пролетел» до стоящих рядом с классом сидений примерное расстояние около 1 м. Данный инцидент произошел на глазах истца. После падения его сын не смог самостоятельно подняться на ноги, его поднял с третьего раза рядом находящийся родитель. При данном инциденте, классного руководителя ни в коридоре, ни в классе не было. В связи с ухудшением здоровья несовершеннолетнего ФИО2 они обратились за медицинской помощью в ГАУ РС(Я) «Республиканская больница №1 НЦМ», где ребенку поставлен диагноз: ___» и рекомендовано обратиться к участковому неврологу по месту жительства. 27 ноября 2019 г. они

обратились участковому педиатру ГАУ РС(Я) «МЦ г. Якутска» в связи с тем, что у ребенка после падения и удара не проходила тошнота и беспокойный ночной сон, где был подтвержден диагноз «___», а также ___ и дана справка о временной нетрудоспособности с 27 ноября 2019 г. по 02 декабря 2019 г. Согласно акту №1 о расследовании несчастного случая, причиной несчастного случая явились безопасные условия проведения учебного процесса, нарушение пункта должностной инструкции учителя п. 2.1.8, 2.1.9, 2.1.9, 2.1.28, 2.1.29, ст. 21 ТК РФ, а также установлено должностное лицо допустившее нарушение законодательства и иных правовых актов, явившихся причинами несчастного случая ФИО5, классный руководитель 2 «Б» класса, а также ФИО4. Таким образом, несовершеннолетний ФИО2 понес физические и нравственные страдания, которые истец оценивает в 500 000 рублей. При определении компенсации морального вреда, просит суд учесть следующие обстоятельства: индивидуальные особенности лица, является несовершеннолетним ребенком; в результате причинения ребенку вреда здоровью, последний был вынужден обратиться в органы здравоохранения; в настоящее время ребенок ограничен частично в занятиях спортом, а также прежним активном образе жизни; после случившегося, ФИО2 вынужден решать вопрос о переводе в другой класс или школу, связано это в связи с негативным настроем преподавательского состава ответчика, по мнению которых, вред здоровью истца был причинен именно по его вине, а также по вине несовершеннолетнего ФИО4; вред здоровью был причинен на глазах у всей школы, в этот момент несовершеннолетний ФИО2 чувствовал себя беззащитным, бессильным и униженным. До сегодняшнего дня ребенок испытывает чувство тревоги, нарушение сна, принимал обезболивающие препараты. Истец просил суд взыскать с ответчика в пользу законного представителя ФИО1, действующего в интересах несовершеннолетнего ФИО2 компенсацию морального вреда в размере 500 000 руб.

В результате суд взыскал с Муниципального общеобразовательного бюджетного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 15» ГО «город Якутск» в пользу законного представителя несовершеннолетнего ФИО2, ДД.ММ.ГГГГ г.р. ФИО1 компенсацию морального вреда в размере 5 000 рублей. А с ФИО3 в пользу законного представителя несовершеннолетнего ФИО2, ДД.ММ.ГГГГ г.р. ФИО1 компенсацию морального вреда в размере 5 000 рублей. С ФИО1 в пользу ФИО3 было взыскано в интересах несовершеннолетнего ФИО4, ДД.ММ.ГГГГ г.р. компенсацию морального вреда в размере 10 000 рублей. В иске ФИО3 в интересах несовершеннолетнего ФИО4 к Муниципальному общеобразовательному бюджетному учреждению «Средняя общеобразовательная школа № 15» ГО «город Якутск» - отказано [9].

Согласно п. 9 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ: «по общему правилу, ответственность за причинение морального вреда возлагается на лицо, причинившее вред (пункт 1 статьи 1064 ГК РФ): «в случаях, предусмотренных законом, обязанность компенсировать моральный вред может быть возложена судом на лиц, не являющихся причинителями вреда …на родителей (усыновителей), опекунов несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцати лет (малолетнего), организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которую был помещен под надзор малолетний гражданин, оставшийся без попечения родителей, образовательную организацию, медицинскую организацию или иную организацию, обязанную осуществлять надзор за малолетним гражданином, под надзором которых он временно находился, либо на лицо, осуществлявшее надзор над малолетним гражданином на основании договора, - за моральный вред, причиненный малолетним (пункты 1 - 3 статьи 1073 ГК РФ), и др.)» [8].

Например, суд в Бердске Новосибирской области обязал родителей школьника, участвовавшего в драке в одной из местных школ, выплатить 450 тыс. руб. в качестве компенсации пострадавшему однокласснику. Конфликт между учащимися, который перерос в физическое столкновение, привел к серьезным травмам у потерпевшего. В результате суд постановил, что родители виновника драки должны возместить моральный ущерб. В рамках решения суда судебные приставы наложили запрет на выезд родителей за границу, арестовали банковские счета и обязали удерживать часть заработной платы в счет погашения ущерба. В итоге родители выплатили всю сумму сразу [10].

А п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 содержит положение, согласно которому: «суду при разрешении спора о компенсации морального вреда, исходя из статей 151, 1101 ГК РФ, устанавливающих общие принципы определения размера такой компенсации, необходимо в совокупности оценить конкретные незаконные действия причинителя вреда, соотнести их с тяжестью причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий и индивидуальными особенностями его личности, учесть заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела, а также требования разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения прав. Размер компенсации морального вреда не может быть поставлен в

зависимость от размера удовлетворенного иска о возмещении материального вреда, убытков и других имущественных требований [8].

При определении размера компенсации морального вреда суду с учетом требований статьи 151 ГК РФ, принципов разумности и справедливости следует исходить из степени нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя и иных заслуживающих внимания обстоятельств дела [7].

Таким образом, в основу оценки размера возмещенного ущерба несовершеннолетнему положены следующие критерии: степень нравственных или физических страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, степени вины нарушителя, иные заслуживающие внимания обстоятельства дела.

Например, «в г. Нижнем Новгороде родители заплатили 25 тысяч рублей в качестве компенсации морального вреда за то, что их сын избил во дворе школы другого мальчика. В Свердловской области 12-летний мальчик из поселка Первомайский бросил стеклянную бутылку в голову 11-летней девочки и травмировал ей глаз. Суд взыскал с его родителей 300 тысяч рублей» [11].

Заметим, что за рубежом уже выработана практика возмещения вреда, в том числе причиненного несовершеннолетними сверстникам, что констатирует группа ученых Института законодательства и сравнительного правоведения, подготовившая научно-практическое пособие по вопросам возмещения материального вреда потерпевшим на основе результатов сравнительно-правового исследования [12].

Например, в «Республике Казахстан при вынесении судом обвинительного приговора с виновных лиц, а равно с законных представителей несовершеннолетнего, признанного виновным, или юридического лица, несущего в соответствии с законом материальную ответственность за вред, причиненный уголовно наказуемым деянием физического лица, в Фонд компенсации вреда потерпевшим в зависимости от вида и категории уголовного правонарушения взыскивается фиксированный платеж в следующих размерах: за уголовные проступки — 5 МРП; за преступления небольшой тяжести — 10 МРП; за преступления средней тяжести — 15 МРП; за тяжкие преступления — 20 МРП; за особо тяжкие преступления — 30 МРП» [12].

В «Австралии в случае гибели несовершеннолетнего выплата родителям (опекунам) составляет 7500 австралийских долларов. К категории С (category C recognition payment) относится компенсация, подлежащая уплате в случае совершения всех иных половых преступлений, покушения на совершение половых преступлений, повлекшего причинение тяжкого вреда здоровью, причинения тяжкого вреда здоровью, систематического нанесения побоев несовершеннолетнему. Размер компенсации категории С составляет 5000 австралийских долларов» [13].

В Великобритании вопросами проверки заявлений и выдачей компенсаций ведает созданное в 1996 г. в составе Министерства юстиции Великобритании Управление по вопросам компенсации за вред, причиненный преступлением (Criminal Injuries Compensation Authority (CICA) — далее Управление) [14]. «Минимальная сумма компенсации, которую выплачивает Управление, составляет 1000 фунтов стерлингов. Минимальная компенсация может быть определена также путем сложения меньших сумм, полагающихся за мелкие травмы, либо назначена за одну травму, тариф которой превышает этот порог. Максимальная сумма компенсации, присуждаемой за причинение вреда, составляет 250 тыс. фунтов стерлингов. Такая же сумма — 250 тыс. фунтов стерлингов — может быть выплачена за упущенную выгоду, однако общая сумма компенсации не может превышать 500 тыс. фунтов стерлингов. Компенсация, назначенная в отношении несовершеннолетнего (т. е. лица в возрасте до 18 лет), направляется на его сберегательный счет и будет доступна ему только по достижении 18 лет. Правом обратиться за компенсацией в случае причинения преступным деянием жертве смерти обладает биологический родитель. В этом случае максимальная сумма, подлежащая выплате, составляет 11 тыс. фунтов стерлингов. Если за компенсациями обратились два или более заявителя, то каждому выплачивается по 5500 фунтов стерлингов. Схема предусматривает оплату других расходов, например, ритуальных услуг. Кроме того, правом на помощь обладают лица, находившиеся на иждивении умершего и утратившие в связи с его смертью финансовую помощь. Так, дети лица, погибшего в результате преступления, в возрасте до 18 лет, а также его родители вправе претендовать на финансовую помощь, которая в настоящее время составляет 2000 фунтов стерлингов в год» [12].

Безусловно, возмещением морального или физического вреда, причиненного противоправными действиями несовершеннолетних, должны заниматься специальные фонды, которые можно было бы формировать из штрафов, взимаемых с лиц, совершивших преступления. В настоящее время ущерб выплачивается страховыми организациями и, к сожалению, он минимален и совсем недостаточен для реальной компенсации.

Закон Италии № 71/2017 требует от школ определить педагога-референта с задачей коор-

динации инициатив по предотвращению и борьбе с буллингом. Если случай буллинга не является преступлением, директор школы, которому становится известно о нем, должен незамедлительно уведомить об этом родителей (опекунов) несовершеннолетних и принять воспитательные меры.

Во исполнение законов были приняты судебные решения, например: приговором № 633/2020 суда г. Болоньи было признано законным дисциплинарное взыскание в отношении учителя, который не предотвратил издевательства; приговором № 1087/2020 суда г. Реджо-ди-Калабрия определены критерии оценки ущерба, причиненного в результате издевательств. «Отсутствие оперативного решения проблемы и непринятие положений Закона № 71/2017 и вышеупомянутых Руководящих принципов, а также недостатки в области надзора налагают на школу обязанность выплатить компенсацию за ущерб на основании положений ст. 28 Конституции, а также ст. 1218 и 2048 Гражданского кодекса Италии. Но возмещение ущерба, помимо любого регресса, влечет за собой дисциплинарную ответственность, предусмотренную § 1 ст. 55, Законодательного декрета № 165/2001: «1. Нарушение обязанностей, связанных с выполнением работ, которое повлекло за собой предписание администрации возместить ущерб, в любом случае влечет за собой в отношении виновного работника применение временного отстранения от службы с лишением содержания от службы на срок от трех дней до трех месяцев пропорционально размеру компенсации, если не выполнены условия для применения более серьезного наказания дисциплинарное взыскание». Таким образом, в Италии предприняты все меры, чтобы учащийся мог хорошо себя чувствовать в школе, и действующее законодательство справедливо требует не только принятия предусмотренных мер, но и существенной административной, дисциплинарной, управленческой, гражданской, уголовной ответственности» [15].

«Независимо от уголовной значимости актов издевательства, несовершеннолетний через родителей может подать гражданский иск для получения компенсации как против причинившего вред обидчика или его родителей, а также по отношению к учебным заведениям, которые должны были защищать его и гарантировать ему безопасное и защищенное пространство» [16].

Например, в Италии был такой случай: суд г. Флоренция своим постановлением, опубликованным 9 ноября 2021 г. «обязал Министерство образования и страховую компанию школы выплатить несовершеннолетнему ученику и его семье компенсацию в общей сложности 95 тысяч евро за издевательства, которым молодой человек подвергался в течение многих лет, к тому же с трудностями при ходьбе, между партами начальной школы. Ему приходилось терпеть как физическую агрессию (удары кулаками в живот, удары ногами по лицу, перелом руки), так и моральную агрессию (серьезные оскорбления, на перемене или сразу после звонка). Поступки настолько невыносимые, что они заставили его задуматься о самоубийстве» [17].

Уголовная ответственность в Италии наступает с 14 лет, но ст. 2048 Гражданского кодекса устанавливает ответственность родителей, опекунов за вред, причиненный противоправными действиями несовершеннолетних детей, лиц, подлежащих опеке, проживающих с ними, в то время, когда они находятся под их надзором. Верховный суд Италии постановлением от 2019 г. (Cass. III № 22541/2019) признает, что «учреждения, в частности школа, должны вмешаться, чтобы остановить явление издевательств и поддержать молодых жертв, не возлагая на последних и их семьи полную ответственность за любой ущерб, причиненный реакцией, которая может быть продиктована раздражением» [17].

В Италии кибербуллинг, в том числе совершаемый несовершеннолетними, подпадает под признаки ряда преступлений: ст. 595 «Диффамация»: «кто, общаясь более чем с одним лицом, оскорбляет репутацию других лиц, наказывается лишением свободы на срок до одного года или штрафом в размере до десяти тысяч лир. Если правонарушение заключается в установлении конкретного факта, то предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, либо штрафа в размере до двадцати тысяч лир. Если преступление совершено посредством печати или иным способом публичного освещения или публичным актом, то наказанием является лишение свободы на срок от шести месяцев до трех лет или штраф в размере не менее пяти тысяч лир».

Статья 596-бис «Клевета через прессу» гласит: «если преступление диффамации совершено с помощью прессы, то положения предыдущей статьи распространяются также на главного редактора или заместителя главного редактора и на издателя» [18]. Таким образом, ответственность за клевету (буллинг часть клеветы) могут нести и редакторы, и издатели СМИ.

Издевательства и (или) кибербуллинг часто представляют собой поведение против субъекта «травли» с уголовным уклоном, которое может преследоваться по жалобе оскорбленной стороны или «ex officio». Так, директора школ и учителя являются государственными должностными лицами, если им становится известно о кибербуллинге, они обязаны сообщить об этом в прокуратуру или в полицию, а инертность в этом отношении представляет собой преступление, указанное

в ст. 361 Уголовно-процессуального кодекса Италии (УПК Италии): «Государственное должностное лицо, которое не сообщает или задерживает сообщение в судебный орган или в другой орган, обязанный сообщать ему о преступлении, о котором ему стало известно при исполнении или в связи с выполнением своих функций, наказывается штрафом в размере от 30 до 516 евро». Также важно положение ст. 316 УПК Италии: «Если есть веские основания полагать, что гарантии уплаты денежного штрафа, судебных издержек и любой другой суммы, причитающейся Государственной казне, отсутствуют или утеряны, государственный обвинитель на каждой стадии и уровне судебного разбирательства по существу дела ходатайствует о предупредительном аресте движимого или недвижимого имущества ответчика или сумм или вещей, причитающихся ему, в той мере, в какой закон допускает их арест. Если есть веские основания полагать, что гарантии гражданских обязательств, вытекающих из преступления, отсутствуют или утеряны, гражданский истец может ходатайствовать о предупредительном аресте активов ответчика или лица, ответственного за гражданский ущерб» [19].

То есть, имущество виновных может быть арестовано. Такую меру следовало бы распространить в России как обязательную после установления обязательной компенсации вреда потерпевшему несовершеннолетнему. Это в первую очередь будет касаться родителей подростка. С этим согласно 70,2% респондентов (См.: Приложение А).

Во Франции уже принят ряд законов о противодействии буллингу. Важно, что в УК Франции есть ст. 222-33-2-2, предусматривающая ответственность за «акт причинения вреда какому-либо лицу путем неоднократных слов или действий, имеющих своей целью или следствием ухудшение условий его жизни, повлекший за собой ухудшение его физического или психического здоровья, наказываются лишением свободы на срок до двух лет и штрафом в размере 30 000 евро когда они совершены в отношении несовершеннолетнего, либо когда они были совершены с использованием онлайн-службы связи общего пользования или с помощью цифровых или электронных средств; либо когда несовершеннолетний присутствовал» [20].

Безусловно, сумма компенсации морального и иного вреда несовершеннолетнему должна соответствовать требованиям разумности и справедливости, степени вины ответчика, объему причиненных нравственных и физических страданий, вызванных причинением вреда здоровью потерпевшего, иным обстоятельствам дела. Однако, считаем, что в России необходима реформа гражданского законодательства в части нормативного определения размера возмещения ущерба, причиненного противоправными деяниями, в том числе несовершеннолетних лиц сверстникам. Во-первых, компенсация вреда должна быть обязательной для несовершеннолетних жертв. Особенно это важно в случаях, когда подростки в силу возраста не могут быть признаны субъектами уголовно наказуемых деяний.

Во-вторых, требуется единое, нормативное определение тарифов и сумм для определения такого вреда для всех потерпевших, в том числе в случаях совершения противоправных деяний несовершеннолетних против несовершеннолетних.

В-третьих, возложение существенной и разумной материальной ответственности на родителей виновных подростков (иных уполномоченных субъектов) должно быть законодательно закреплено в безусловном порядке.

Список литературы:

[1] Александр Бастрыкин: Рост числа тяжких преступлений среди подростков тревожит // Российская газета. URL: https://rg.ru/2025/10/22/kriminalnyj-podrost.html?ysclid=mmnuw7he9f584557553 (дата обращения 03.03.2026).

[2] Интервью Председателя СК России информационному агентству ТАСС // Следственный комитет Российской Федерации. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409 (дата обращения 03.03.2026).

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 N 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 868. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142234/?ysclid=mmtg2kaefw805075456 (дата обращения 03.03.2026).

[4] Приказ Генпрокуратуры России от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» // Законность. 2022. № 2.

[5] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2021), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 10.

[6] Голубцова Ю. А. Вина родителей (усыновителей) и опекунов при причинении вреда несовершеннолетними, не достигшими четырнадцати лет // Цивилист. 2024. № 5. С. 52–57.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних // Российская газета. 2011. № 29.

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

[9] Решение № 2-2432/2020 2-2432/2020~M-945/2020 M-945/2020 от 27 мая 2020 г. по делу № 2-2432/2020 // СудАкт.ру. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rzXREu6ad2lq/?ysclid=mmnu628vik949572133 (дата обращения 03.03.2026).

[10] Почти полмиллиона заплатили родители школьника за драку в Бердске // MK.ru. URL: www.novos.mk.ru, 05.05.2025 (дата обращения: 22.02.2026).

[11] Верховный суд обяжет родителей возмещать вред за преступления детей // Российская газета. URL: https://rg.ru/2020/09/01/verhovnyj-sud-obiazhet-roditelej-vozmeshchat-vred-za-prestupleniia-detej.html?ysclid=mmqk8r3bi0355125351&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения 03.03.2026).

[12] Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование : науч.-практ. пособие / А. С. Автономов, В. Ю. Артемов, И. С. Власов и др. ; отв. ред. С. П. Кубанцев. М. : ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2016. 304 с.

[13] Australian Support for victims of crime. URL: http://www.victimservices.justice.nsw.gov.au/Documents/bkl9_vss-guide-details.pdf (дата обращения: 11.09.2025).

[14] The Criminal Injuries Compensation Authority (CICA) // Gov.uk. URL: https://www.gov.uk/government/organisations/criminal-injuries-compensation-authority/about (дата обращения: 11.09.2025).

[15] Буллинг в школе: правовые аспекты // Diritto scolastico.it. URL: https://www.dirittoscolastico.it/il-bullismo-a-scuola-aspetti-giuridici (дата обращения: 11.09.2025).

[16] Лучано А. Каковы уголовные и гражданские последствия буллинга в школах? // Studio Legale Luciano. URL: https://www.studiolegaleluciano.it/quali-sono-le-conseguenze-penali-e-civili-del-bullismo-nelle-scuole (дата обращения: 11.09.2025).

[17] Буллинг в школе и ответственность // Sinergie di scuola. URL: https://www.sinergiediscuola.it/rivista/sommari/approfondimenti/bullismo-a-scuola-e-responsabilita.html (дата обращения: 11.09.2025).

[18] Уголовный кодекс Италии: Преступления против личности // Studio Cataldi. URL: https://www.studiocataldi.it/codicepenale/delitti-persona.asp (дата обращения: 11.09.2025).

[19] Codice di procedura penale // Brocardi.it. URL: https://www.brocardi.it/codice-di-procedura-penale (дата обращения: 11.09.2025).

[20] Уголовный кодекс Франции. Раздел 5: Психологическое преследование (статьи 222-33-2–222-33-2-3) // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006165282 (дата обращения: 11.09.2025).

References:

[1] Alexander Bastrykin: The rise in serious crimes among teenagers is alarming // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2025/10/22/kriminalnyj-podrost.html?ysclid=mmnuw7he9f584557553 (accessed 03/03/2026).

[2] Interview of the Chairman of the Investigative Committee of Russia to the TASS news agency // Investigative Committee of the Russian Federation. URL: https://sledcom.ru/press/interview/item/1967409 (accessed 03/03/2026).

[3] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.02.2013 N 4-P “On the case of reviewing the constitutionality of the Federal Law “On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Federal Law “On Assemblies, Rallies, Demonstrations, Marches and Pickets” in connection with the request of a group of State Duma deputies and the complaint of citizen E.V. Savenko // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 8. Art. 868. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_142234/?ysclid=mmtg-2kaefw805075456 (date of access 03.03.2026).

[4] Order of the Prosecutor General’s Office of Russia dated December 13, 2021 No. 744 “On the Organization of Prosecutor’s Supervision over the Implementation of Legislation Regarding Minors, Observance of Their Rights and Legitimate Interests” // Legislation. 2022. No. 2.

[5] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2021), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 30, 2021 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2021. No. 10.

[6] Golubtsova Yu. A. Guilt of Parents (Adoptive Parents) and Guardians in the Causing of Harm by Minors Under the Age of Fourteen // Civilist. 2024. No. 5. pp. 52–57.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 01.02.2011 N 1 “On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors // Rossiyskaya Gazeta. 2011. No. 29.

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.11.2022 N 33 “On the practice of applying the rules on compensation for moral damage by courts” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. No. 2.

[9] Decision No. 2-2432/2020 2-2432/2020~M-945/2020 M-945/2020 of May 27, 2020 in case No. 2-2432/2020 // SudAkt.ru. URL: https://sudact.ru/regular/doc/rzXREu6ad2lq/?ysclid=mmnu628vik949572133 (accessed March 3, 2026).

[10] Schoolboy’s parents paid almost half a million for a fight in Berdsk // MK.ru. URL: www.novos.mk.ru, May 5, 2025 (accessed February 22, 2026).

[11] The Supreme Court will oblige parents to compensate for damages for their children’s crimes // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2020/09/01/verhovnyj-sud-obiazhet-roditelej-vozmeshchat-vred-za-prestupleniia-detej.html?ysclid=mmqk8r3bi0355125351&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed 03.03.2026).

[12] Compensation for material damage to victims. Comparative legal research: a scientific and practical manual / A. S. Avtonomov, V. Yu. Artemov, I. S. Vlasov, et al.; ed. S. P. Kubantsev. Moscow: IZiSP, CONTRACT, 2016. 304 p.

[13] Australian Support for victims of crime. URL: http://www.victimservices.justice.nsw.gov.au/Documents/bkl9_vss-guide-details.pdf (accessed on 11 September 2025).

[14] The Criminal Injuries Compensation Authority (CICA) // Gov.uk. URL: https://www.gov.uk/government/organisations/criminal-injuries-compensation-authority/about (accessed on 11 September 2025).

[15] Bullying at School: Legal Aspects // Diritto scolastico.it. URL: https://www.dirittoscolastico.it/il-bullismo-a-scuola-aspetti-giuridici (accessed on 11 September 2025).

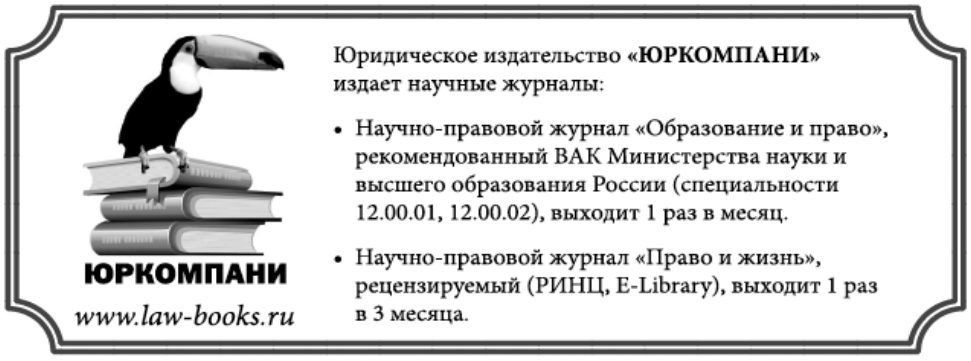
[16] Luciano A. What are the criminal and civil consequences of bullying in schools? // Studio Legale Luciano. URL: https://www.studiolegaleluciano.it/quali-sono-le-conseguenze-penali-e-civili-del-bullismo-nelle-scuole (accessed on 11 September 2025).

[17] Bullying at School and Responsibility // Sinergie di scuola. URL: https://www.sinergiediscuola.it/rivista/sommari/approfondimenti/bullismo-a-scuola-e-responsabilita.html (accessed on 11 September 2025).

[18] Italian Criminal Code: Crimes against the Person // Studio Cataldi. URL: https://www.studiocataldi.it/codicepenale/delitti-persona.asp (accessed on 11 September 2025).

[19] Codice di procedura penale // Brocardi.it. URL: https://www.brocardi.it/codice-di-procedura-penale (accessed on 11 September 2025).

[20] French Penal Code. Section 5: Psychological Harassment (Articles 222-33-2–222-33-2-3) // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070719/LEGISCTA000006165282 (accessed on 11 September 2025).



Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-641-644

ЧУЙКОВ Павел Вячеславович,
аспирант Департамента права ИЭУиП
ГАОУ ВО МГПУ,
e-mail: info@law-books.ru

Научный руководитель:
РОСТОКИНСКИЙ Александр Владимирович,
доктор юридических наук,
Профессор Департамента права ИЭУиП
ГАОУ ВО МГПУ,
e-mail: info@law-books.ru

ВОПРОСЫ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТАТЕЙ УК РФ В РАЗРЕЗЕ КАРТЕЛЬНЫХ СГОВОРОВ

Аннотация. *Настоящая статья исследует аспекты вопросов возможной декриминализации некоторых экономических статей Уголовного Кодекса РФ на примере картельных сговоров, что особенно интересно с учетом их негативного влияния на рыночную конкуренцию и абсолютной разнонаправленности позиций экспертного сообщества относительно вопросов декриминализации экономических составов в целом, и картельных сговоров в частности. Природа картелей, их эволюционные механизмы, современные трансформации, их разрушительные последствия и методы противодействия им, остаются актуальным вызовом для регуляторов по всему миру. Однако нельзя не отметить тренды, связанные с гуманизацией законодательства, когда ставка делается не на карательную функцию государства, а на эффективность современных инструментов противодействия картелям, включая программы снисхождения, повышение штрафных санкций и на инструменты, повышающие осведомленность бизнеса относительно негативных последствий сговоров и устраняющие пробелы в понимании правового регулирования.*

Автор статьи пытается рассуждать на тему поиска баланса, при котором государство в полной мере сможет реализовать свою функцию по контролю и недопущению сговоров, с гуманизацией законодательства и выводом ряда деяний из-под действия уголовного законодательства.

Ключевые слова: *картельные сговоры, антимонопольное регулирование, декриминализация экономических преступлений, гуманизация законодательства, цифровая экономика, антимонопольный комплаенс.*

CHUYKOV Pavel Vyacheslavovich,
Postgraduate Student,
Department of Law, Institute of Economics,
Management and Law, Moscow State Pedagogical Univ.

Scientific supervisor:
ROSTOKINSKY Alexander Vladimirovich,
Doctor of Law, Professor, Department of Law,
Institute of Economics, Management and Law,
Moscow State Pedagogical Univ.

ISSUES OF DECRIMINALIZATION OF ECONOMIC ARTICLES OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION FROM THE VIEWPOINT OF CARTELS

Annotation. *This article examines aspects of the possible decriminalization of certain economic articles of the Criminal Code of the Russian Federation using the example of cartel agreements, which is especially interesting given their negative impact on market competition and the absolute diversity of positions of the expert community regarding the decriminalization of economic structures in general, and cartel agreements in particular. The nature of cartels, their evolutionary mechanisms, modern transformations, their destructive consequences and methods of countering them remain an urgent challenge for regulators around the world. However, it is impossible not to note the trends related to the humanization of legislation, when the emphasis is not on the punitive function of the state, but on the effectiveness of modern anti-cartel tools, including leniency programs, increased penalties, and tools that increase business awareness of the negative consequences of collusion and eliminate gaps in understanding legal regulation.*

The author of the article tries to talk about finding a balance in which the state can fully implement its function of controlling and preventing collusion, with the humanization of legislation and the removal of a number of acts from the scope of criminal law.

Key words: *cartel agreements, antimonopoly regulation, decriminalization of economic crimes, humanization of legislation, digital economy, antimonopoly compliance.*

В современных условиях, в условиях рыночной экономики конкуренция считается одним из главных двигателей прогресса, стимулирующим развитие сервисов и услуг, способствующий сбалансированности цен и прочих выгод для потребителя. И как известно, противостоят нормальному развитию конкурентных отношений - сговоры, нивелирующие честную борьбу, устраняющие конкуренцию и все преимущества от нее. Речь идет, без преувеличения, о серьезной системной угрозе развитию рынка, и глобальному доверию к экономическим институтам. Особенно сегодня, когда картели трансформировались в международные сети, способные влиять на стоимость товаров на различных рынках, оказывая негативное влияние на конкурентную среду многих стран. Однако, несмотря на всю сложность и серьезность вопроса, хотелось бы порассуждать на тему возможной декриминализации картелей. И тут речь не о том, как бы сделать поблажки и лазейки злостным нарушителям, а о том, возможны ли варианты, когда при достаточных на то основаниях, ряд деяний будет выведен из-под действия уголовного закона, без ущерба охраняемым законом общественным интересам. Есть ли способы дифференцировать подходы в зависимости от различных обстоятельств, когда грань допустимого поведения добросовестного хозяйствующего субъекта и преступного деяния может быть не столь очевидной.

Итак, как известно картель — это незаконное соглашение между хозяйствующими субъектами-конкурентами, направленное на ограничение конкуренции. Оно запрещено статьей 11 Федерального закона № 135 «О защите конкуренции» [1] и может повлечь уголовную ответственность по статье 178 Уголовного кодекса (УК) РФ [2].

Статья 178 Уголовного Кодекса РФ за время своего существования претерпевала изменения и изначально включала в том числе недобросовестную конкуренцию, сговор на торгах, антиконкурентные соглашения, однако со временем часть норм была исключена.

13 декабря 2024 г. Президент РФ подписал Федеральный закон № 467-ФЗ [3], направленный на совершенствование уголовно-правовых механизмов в сфере противодействия антиконкурентным соглашениям. Закон ввел изменения в УК РФ и в УПК РФ, которые вступили в силу 24 декабря 2024 г., и, применительно к статье 178 УК РФ, уголовная ответственность за картель на торгах была значительно ужесточена.

Обращает на себя внимание тот факт, что ужесточение санкции произошло на фоне того, как Президент РФ, в послании к Федеральному Собранию РФ, в феврале 2023г., предложил декриминализовать ряд экономических преступлений: «Государство должно контролировать, что в этой сфере происходит, но и перегибать палку ни к чему», указал глава государства [4].

Давайте попробуем разораться с тем, какие изменения произошли в части декриминализация ряда экономических преступлений после послания Президента. Ведь посыл предельно логичный и закономерный - государство должно контролировать, что происходит в сфере экономических отношений, но без создания чрезмерного давления на бизнес, что может иметь и коррупционную составляющую. И тут ключевой вопрос заключается в том, как сохранить эффективную контрольную функцию государства, но с возможным поиском компромиссов, направленных на декриминализацию ряда деяний, или, как вариант дополнительную дифференциацию ответственности за допущенные нарушения.

Если вернуться к тезису Президента РФ о ситуации с декриминализацией экономических статей после обращения, то с учетом информации

выше о принятии Федерального закона № 467-ФЗ, ужесточающего санкции за картель, можно говорить о том, что фактический вектор законодательной работы оказался прямо противоположным.

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) поддержал указанные тезисы Президента РФ и подготовил комплекс мер по снижению уголовного и административного давления на бизнес, включая декриминализацию десяти статей Уголовного кодекса. Резолюция направлена в Генпрокуратуру, Минюст, МВД, Госдуму и другие организации [5].

Однако, ни одна из указанных статей не декриминализована, более того, помимо ужесточения ответственности за картели по многим экономическим составам серьезным образом увеличены штрафы. Да, этому есть объяснение и это можно и нужно рассматривать как индексацию штрафов, впервые за многие годы. Тем не менее, факт остается фактом - обращение Президента к Федеральному собранию не привело к декриминализации и спустя три года после самой речи, был реализован лишь сценарий усиления финансовой ответственности.

Но все-таки, возможна ли декриминализация статьи 178 УК РФ, и если возможна, то в каком виде, в отношении каких именно картелей, это крайне интересный дискуссионный вопрос, по которому существуют различные точки зрения.

Некоторые подходы основаны на том, что уголовное наказание (вплоть до лишения свободы) считается избыточным для части нарушений, и их можно эффективнее пресекать иными мерами в том числе заменой уголовной ответственности на административную, когда будет осуществлен полный вывод определенных видов картельных соглашений из-под действия УК РФ, а нарушители будут нести ответственность в рамках КоАП, в виде более крупных штрафов. Подобная практика позволит бизнесу сохранить рабочие единицы, обществу полноценных его членов, а государству получить значительные денежные компенсации в бюджет. Картели на товарных рынках не наносят прямого вреда госбюджету и могут регулироваться рынком и контролироваться через призму финансовых-административных санкций. Понятно, что все случаи индивидуальны, но идеи гуманизации и декриминализации ряда экономических статей рождаются именно из преломления существующей парадигмы, когда государство меняет подход, при котором есть преступник, которого необходимо изолировать от общества, а есть правонарушитель, который может оставаться частью общества, но должен осознать важность проступка и понести существенное финансовое наказание.

Но тут, безусловно нужны четкие границы дифференциации подходов в зависимости от фактических обстоятельств и логичной представляется идея существенного повышения порога ущерба, как некого «водораздела» уголовного преступления и административного проступка. Подобный подход позволит при относительной неизменности самой статьи 178 УК РФ, изменить критерии, при которых уголовное дело будет возбуждаться только если доход или ущерб от сговора превысит очень высокую сумму. Конкретные суммы и пороги могут обсуждаться отдельно, сейчас речь именно про возможные подходы по декриминализации. Подобный подход с существенным повышением порога ущерба позволит снять риски уголовного давления на малый и средний бизнес, снизит возможную коррупционную составляющую и при достаточно больших оборотных штрафах сможет сохранить баланс, при котором эффективность контрольной функции государства не пострадает.

Еще одним подходом по декриминализации может стать вариант связанный с разделением картелей на виды и применении к ним разной ответственности.

Картели на торгах важно сохранить уголовным преступлением, в этой части усиление ответственности со стороны государства в полной мере оправданно. Речь идет о сговоре участников закупок (тендеров, аукционов), при котором происходит искусственное завышение цены контракта или заранее определяется победитель, когда зачастую под него и подстраивают критерии закупок. Подобные сговоры наносят прямой вред государственному и муниципальному бюджетам, приводят к нецелевому расходованию средств. На долю таких случаев приходится основная масса всех выявляемых картелей, и они признаются наиболее опасными, в этой связи меры государства по поводу ужесточения ответственности вызывают больше понимания и поддержки в обществе.

Где можно было бы подумать по поводу декриминализации, так это картели на товарных рынках, когда может быть допущен сговор между производителями или продавцами товаров/услуг о фиксации цен, разделе рынка, ограничении производства. Такие сговоры наносят урон в первую очередь другим участникам рынка и потребителям, но не государственному бюджету напрямую и их можно эффективно пресекать крупными административными штрафами, а также просветительской работой, направленной на их недопущение. По статистике ФАС, на долю подобных картелей приходится лишь около 5% выявляемых нарушений.

Вопрос декриминализации — это без преувеличения предмет острой дискуссии. Подходить к подобным вопросам нужно взвешенно, учитывая позиции различных экспертов, общественных объединений, ФАС России, правоохранительных органов. Очевидно, что ослабление уголовной ответственности не должно подрывать борьбу с картелями и негативным образом отражаться на экономической безопасности государства. Но включение тезиса о декриминализации ряда экономических составов в послание Президента РФ Федеральному Собранию – это во многом запрос самого общества на гуманизацию законодательства. Снижение карательной функции государства и работа на предотвращение нарушений, путь, который выбирают многие страны, в том числе участники БРИКС, и в этом есть здравое зерно развития национальных законодательств с пониманием того, что уголовные санкции могут быть избыточными для ряда рыночных нарушений, тогда как экономические санкции в виде крупных административных штрафов могут быть эффективнее и выгоднее государству, как средство борьбы и предотвращения картельных сговоров на товарных рынках.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/?ysclid=mmr0gya9sr908399616 (дата обращения: 05.02.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mmr0icemqm483993817 (дата обращения: 05.02.2026).

[3] Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 76.1 и 178 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 28.1 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 13.12.2024 N 467-ФЗ (последняя редакция). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493070/?ysclid=mmr0iz8v8a710603003 (дата обращения: 05.02.2026).

[4] Послание Президента Федеральному Собранию // Администрация Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565?ysclid=mlid0egfna249957494 (дата обращения: 05.02.2026).

[5] Эксперты прокомментировали предложение РСПП по декриминализации 10 статей Уголовного кодекса // Российская газета. URL: https://rg.ru/2023/03/09/eksperty-prokommentirovali-predlozhenie-rspp-po-dekriminalizacii-10-statej-ugolovnogo-kodeksa.html?ysclid=mlider9ut3276650390&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 05.02.2026).

References:

[1] Federal Law “On Protection of Competition” of July 26, 2006 N 135-FZ // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61763/?ysclid=mmr0gya9sr908399616 (date accessed: February 5, 2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation” of 13.06.1996 N 63-FZ (as amended on 29.12.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 20.01.2026). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=mmr0icemqm483993817 (date of access: 05.02.2026).

[3] Federal Law “On Amendments to Articles 76.1 and 178 of the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 28.1 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” dated 13.12.2024 N 467-FZ (latest revision). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493070/?ysclid=mmr0iz8v8a710603003 (accessed: 05.02.2026).

[4] Presidential Address to the Federal Assembly // Administration of the President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565?ysclid=mlid0egfna249957494 (accessed: 05.02.2026).

[5] Experts comment on the RSPP proposal to decriminalize 10 articles of the Criminal Code // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2023/03/09/eksperty-prokommentirovali-predlozhenie-rspp-po-dekriminalizacii-10-statej-ugolovnogo-kodeksa.html?ysclid=mlider9ut3276650390&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (date of access: 05.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-645-650

ШИКУЛА Ильмира Рифкатьевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНОВО «Московский международный университет»,
Профессор кафедры прикладного правоведения
и междисциплинарных юридических исследований
факультета «Высшая школа прикладной юриспруденции»
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»,
член экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства,
академик РАЕН,
e-mail: ila.vnii@mail.ru

ШОТКИНОВ Сергей Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНОВО «Московский международный университет»,
e-mail: shotkinov@rambler.ru

КУРТЫНОВ Игорь Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНОВО «Московский международный университет»,
e-mail: kurtynov_igorvla@mail.ru

К ВОПРОСУ УЖЕСТОЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Аннотация. *В настоящей статье авторами обосновывается объективная необходимость дальнейшего ужесточения уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья в Российской Федерации. Авторы последовательно анализируют системные недостатки действующих санкций, их несоответствие принципу социальной справедливости в условиях роста общественной опасности отдельных видов преступных посягательств. Сквозь призму современной судебной практики Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции выявляются правоприменительные коллизии и дискреционные перекосы, порождаемые излишне широкими рамками санкций и недостаточной дифференциацией ответственности за особо циничные и жестокие деяния. Доказывается, что текущий уровень репрессивности по ряду ключевых составов не выполняет в полной мере ни карательной, ни превентивной функций наказания, что требует законодательных корректировок в сторону усиления санкций и введения дополнительных квалифицирующих признаков, адекватно отражающих характер и степень общественной опасности.*

Ключевые слова: *преступления против жизни, преступления против здоровья, ужесточение наказания, уголовная политика, социальная справедливость, общественная опасность, судебная практика, Уголовный кодекс РФ, цели наказания, рецидив, санкции.*

SHIKULA Ilmira Rifkatyevna,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor in the Department of Civil and Criminal Law and Procedure
ANOVO “Moscow International University”,
Professor in the Department of Applied Law
and Interdisciplinary Legal Studies

Faculty "Higher School of Applied Law"
Russian State Humanitarian University,
Member of the Expert Council of the State Duma Committee
on Family Protection, Fatherhood, Motherhood, and Childhood,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

SHOTKINOV Sergey Alekseevich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of
Civil and Criminal Law and Procedure
ANOVO "Moscow International University"

KURTYNOV Igor Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the Department
of Civil and Criminal Law and Procedure
ANOVO "Moscow International University"

TO THE QUESTION OF STRENGTHENING PUNISHMENT FOR CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH (BASED ON COURT PRACTICE)

Annotation. *This article substantiates the objective necessity for further tightening of criminal liability for crimes against life and health in the Russian Federation. The author consistently analyzes systemic shortcomings of the existing sanctions and their inconsistency with the principle of social justice in the context of increasing public danger of certain types of criminal offenses. Through the lens of modern judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and courts of general jurisdiction, the article identifies law enforcement conflicts and discretionary biases caused by overly broad frameworks of sanctions and insufficient differentiation of liability for particularly cynical and cruel acts. It is proven that the current level of repressiveness for a number of key offenses does not fully fulfill either the punitive or the preventive function of punishment, which requires legislative adjustments towards strengthening sanctions and introducing additional qualifying features that adequately reflect the nature and degree of public danger.*

Key words: *crimes against life, crimes against health, sentencing reform, criminal policy, social justice, public danger, judicial practice, Criminal Code of the Russian Federation, purposes of punishment, recidivism.*

Актуальность проблемы противодействия преступлениям против жизни и здоровья остается неизменно высокой в любом цивилизованном обществе, что обусловлено характером охраняемых социально-правовых благ – жизни человека и его физической неприкосновенности. В Российской Федерации, несмотря на определенные позитивные сдвиги в уголовном законодательстве последних лет, сохраняется устойчивая общественная потребность в адекватной и справедливой уголовно-правовой реакции на данные виды преступных посягательств. Настоящая статья ставит своей целью не просто констатацию факта ужесточения наказаний, что является наблюдаемым трендом, а системное обоснование объективной необходимости данного процесса, исходя из принципов социальной справедливости, неотвратимости ответственности и задач специального предупреждения.

Насколько существенно ужесточение наказания, предусмотренное принятым по предложению Президента РФ Федеральным законом от 27 июля 2009 г., можно судить, сравнивая прежние санкции статей с их новыми редакциями. Так, если ранее действовавшая и состоявшая из одной части ст. 134 УК («Половое сношение и иные действия сексуального характера лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста») предусматривала наказание в виде ограничения свободы на срок до трех лет или лишение свободы на срок до четырех лет, то теперь наказание по ч. 4 этой статьи — лишение свободы на срок от 12 до 20 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до 20 лет или без такового.

Ранее ст. 135 УК предусматривала наказание в виде штрафа в размере до 300 тыс. р. или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо ограниче-

ние свободы на срок до двух лет, либо лишение свободы на срок до трех лет; теперь — лишение свободы на срок от 7 до 15 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 20 лет или без такового.

Безусловно, преступления, посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних, особенно малолетних, вызывают крайнее возмущение, однако усиление уголовной ответственности и за эти преступления не должно противоречить принципу справедливости, согласно которому справедлив закон, отвечающий требованию «социальной обоснованности криминализации деяния и пенализации преступлений» [2, с. 153].

О какой справедливости, соразмерности наказуемости различных деяний в зависимости от степени их общественной опасности может идти речь, если за добровольное половое сношение или иные действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего 14 лет, совершенные группой лиц (ч. 4 ст. 134 УК), предусмотрено такое же наказание, как за изнасилование (ч. 4 ст. 131 УК) или насильственные действия сексуального характера (ч. 4 ст. 132 УК) в отношении лица, не достигшего 14 лет (в том числе и совершенные группой лиц), — лишение свободы на срок от 12 до 20 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без такового [1, с. 115].

Еще в XVIII в. Чезаре Беккариа писал: «Если за два преступления, наносящие различный вред обществу, назначено одинаковое наказание, то отсутствуют побуждения, препятствующие совершению более значительного преступления» [3, с. 120]. Зачем домогаться согласия потерпевшей, если за насильственное преступление наказание такое же?

В Федеральном законе «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 27.07.2009 N 215-ФЗ отражены новые редакции ст. 131 и 132 УК РФ, усиливающие ответственность за изнасилование и совершение насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних: с лишения свободы на срок от 4 до 10 лет (п. «д» ч. 2 ст. 131 и п. «д» ч. 2 ст. 132 УК в прежней редакции) до лишения свободы на срок от 8 до 15 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 20 лет или без такового (п. «а» ч. 3 ст. 131 и ч. 3 ст. 132 УК). Кроме того, в указанных статьях образованы части четвертые, в которых предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком от 12 до 20 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до 20 лет или без такового за изнасилование или насильственные действия сексуального характера, повлекшие по неосторожности смерть потерпевшего лица (п. «а», «б» ч. 4 ст. 131 и п. «а», «б» ч. 4 ст. 132 УК) либо в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста (п. «б» ч. 4 ст. 131 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК). Ранее в частях третьих соответствующих статей за указанные преступления было предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет [4, с. 122].

Кроме того, в указанный Федеральный закон также внесены направленные на усиление наказания изменения в ст. 105, 111, 112, 156, 228-1, 230, 242-1 УК РФ.

Анализ действующей судебной практики выступает здесь не просто иллюстративным материалом, а критическим источником, выявляющим лакуны и системные сбои в действующей системе санкций, которые могут и должны быть устранены путем целенаправленной законодательной корректировки в сторону усиления репрессивного компонента в строго выверенных и обоснованных пределах. Современное состояние уголовного законодательства в части регламентации ответственности за преступления против личности, несмотря на ряд прогрессивных изменений, все еще демонстрирует определенное отставание от динамично развивающихся общественных рисков и форм проявления крайней степени антисоциального поведения. Устойчиво высокий уровень тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, их особая жестокость и цинизм, наблюдаемые в ряде случаев, а также сохраняющаяся латентность отдельных видов посягательств свидетельствуют о недостаточной эффективности превентивного воздействия существующих мер уголовной репрессии. Логика законодателя, направленная на гуманизацию уголовной политики в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, является верной и оправданной, однако она не должна распространяться на те деяния, которые посягают на высшие конституционные ценности и влекут необратимые последствия.

Принцип дифференциации ответственности, являющийся краеугольным камнем уголовного права, требует адекватного отражения в санкциях статей Особенной части УК РФ, и именно в этой плоскости наблюдается существенный дисбаланс, когда санкции за отдельные виды умышленного причинения тяжкого вреда здоровью или убийства при отягчающих обстоятельствах не в полной мере соответствуют степени их общественной опасности, что и порождает обоснованный общественный резонанс и требует научного переосмысления.

Центральным аргументом в пользу ужесточения наказания выступает принцип социальной справедливости, который, согласно ст. 6 УК РФ, предполагает соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Анализ судебной практики по делам об убийствах (ст. 105 УК РФ) позволяет выявить устойчивую тенденцию: значительное количество приговоров по ч. 2 данной статьи, предусматривающей широкий спектр особо квалифицирующих признаков, выносится с назначением наказания, существенно не достигающего верхнего предела санкции, даже при наличии нескольких отягчающих признаков одновременно. Безусловно, институт индивидуализации наказания и учет смягчающих обстоятельств является обязательным элементом правосудия, однако складывающаяся практика зачастую создает впечатление неадекватности наказания тяжести содеянного, особенно в случаях, сопряженных с особой жестокостью, совершением в отношении малолетнего или беспомощного лица, либо по мотиву национальной или религиозной ненависти. Подобные приговоры, будучи законными с формальной точки зрения, подрывают общественное доверие к правосудию и создают ощущение безнаказанности для потенциальных правонарушителей, которые могут рассчитывать на значительное смягчение наказания даже за совершение наиболее тяжких деяний. Превентивная функция наказания в такой ситуации существенно ослабляется, так как потенциальный преступник может проводить в своем сознании расчеты, основанные не на строгости закона, а на вероятности назначения наказания в нижней части санкции.

Особую озабоченность с точки зрения социальной справедливости вызывает практика назначения наказаний за преступления, совершенные с исключительным цинизмом и пренебрежением к человеческому достоинству. Речь идет о случаях, когда тяжкий вред здоровью или убийство совершаются на почве бытовой распущенности, немотивированной агрессии, в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, что, к сожалению, не является редким явлением. Действующая редакция УК РФ, хотя и предусматривает состояние опьянения в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «е.1» ст. 63 УК РФ), на практике не всегда обеспечивает соразмерную кару.

Суды, руководствуясь сложившейся практикой и учитывая, порой, формальные характеристики личности виновного (например, положительные характеристики с места работы или жительства), нередко избирают наказание, которое не воспринимается обществом как справедливое возмездие. Это порождает правовой нигилизм и стихийное стремление к самочинному «правосудию», что абсолютно недопустимо в правовом государстве. Ужесточение санкций за подобные деяния, а также более четкая законодательная регламентация обязанности судов учитывать подобные обстоятельства как, безусловно свидетельствующие о повышенной общественной опасности виновного, могли бы способствовать восстановлению баланса и укреплению авторитета судебной власти.

Следующим ключевым аспектом, требующим усиления репрессивного воздействия, является сфера преступлений против здоровья, повлекших тяжкие последствия. Статья 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью), несмотря на суровые санкции, демонстрирует определенные пробелы. В частности, квалифицирующий признак, предусмотренный ч. 4 данной статьи – причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, – создает сложную конкуренцию со ст. 109 УК РФ (причинение смерти по неосторожности). Разграничение проводится по субъективной стороне: умысел на причинение тяжкого вреда здоровью при неосторожном отношении к смерти. Однако судебная практика изобилует случаями, когда подобное разграничение носит крайне условный характер, а наказание по ч. 4 ст. 111 УК РФ, хотя и является строгим, зачастую не отражает в полной мере двойную вину и двойную общественную опасность деяния – умышленное насилие и наступившую смерть. В этой связи представляется обоснованной постановка вопроса о введении в УК РФ специального состава, криминализирующего умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, заведомо для виновного сопряженного с реальным риском наступления смерти, с установлением более строгой санкции, нежели существующей в настоящий момент, что позволило бы более адекватно квалифицировать действия виновных в подобных «пограничных» ситуациях и назначать им заслуженное наказание.

Значительную проблему представляет собой рецидивная преступность против личности. Лица, ранее судимые за преступления против жизни и здоровья и не прошедшие полноценной социальной и психологической коррекции, нередко вновь совершают аналогичные или более тяжкие деяния. Действующий механизм учета рецидива (ст. 68 УК РФ), хотя и предписывает назначать наказание не ниже одной трети максимального срока наиболее строгого наказания, предусмотренного за совершенное преступление, на практике не всегда обеспечивает необходимый уровень изоляции и воздействия. Анализ приговоров показывает, что суды, учитывая формальные признаки

рецидива, зачастую назначают наказание, лишь незначительно превышающее низший предел, что не соответствует задаче специального предупреждения и защиты общества от особо опасных правонарушителей. Ужесточение наказания для рецидивистов, специализирующихся на насильственных преступлениях, путем установления более высоких минимальных порогов наказания или введения дополнительных квалифицирующих признаков, связанных с особо опасным рецидивом, видится необходимым и целесообразным шагом.

Особого внимания заслуживает преступность в сфере семейно-бытового насилия. Несмотря на недавнюю криминализацию самого факта побоев в рамках семейно-бытовых отношений (ст. 116.1 УК РФ), этого явно недостаточно для противодействия систематическому и эскалирующему насилию, которое зачастую заканчивается причинением тяжкого вреда здоровью или убийством. Судебная практика по делам о систематических истязаниях (ст. 117 УК РФ) демонстрирует, что санкции данной статьи зачастую не отражают всей глубины физических и психических страданий жертвы, а также потенциальной опасности, которую представляет собой виновный для членов своей семьи [1, с. 115].

Ужесточение наказания за истязание, совершенное в отношении заведомо для виновного беспомощного лица (например, ребенка или престарелого человека), либо с применением пыток, а также введение квалифицирующего признака, связанного с совершением данного преступления лицом, ранее привлекавшимся к административной ответственности за побои в семье, могло бы стать действенной мерой по разрыву порочного круга насилия и отправке четкого сигнала о недопустимости подобных действий [1, с. 115].

Проблема назначения альтернативных видов наказания за преступления средней тяжести против здоровья (ст. 112, ч. 1 ст. 111 УК РФ) также требует пересмотра. В условиях, когда суды, руководствуясь принципом гуманизма, все чаще прибегают к наказаниям, не связанным с лишением свободы (исправительные работы, ограничение свободы), за преступления, сопряженные с умышленным насилием, возникает системный риск девальвации значимости охраняемого блага – здоровья человека. Безусловно, изоляция от общества – не панацея, однако в случаях умышленного причинения вреда здоровью, особенно из хулиганских побуждений, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, применение мягких видов наказания может восприниматься как слабость государственной власти и неспособность обеспечить защиту прав потерпевших. Ужесточение санкций за данные составы, в частности, за счет сокращения возможности применения не связанных с лишением свободы наказаний за квалифицированные виды преступлений, представляется социально оправданным.

В контексте ужесточения наказания нельзя обойти вниманием и вопрос о применении норм о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ). Сложившаяся в последние годы правоприменительная практика Верховного Суда РФ, направленная на расширительное толкование прав граждан на самооборону, является верной и поддерживаемой обществом. Однако это не отменяет необходимости строгого наказания для тех, кто совершает преступления против жизни и здоровья, маскируя их под мнимую оборону. Ужесточение наказания для лиц, умышленно спровоцировавших нападение с целью последующего причинения вреда обидчику, либо превысивших пределы необходимой обороны при явном несоответствии характеру и опасности посягательства, будет способствовать очищению института необходимой обороны от злоупотреблений и укреплению его как действительного инструмента защиты прав личности.

Таким образом, проведенный анализ действующего законодательства и судебной практики позволяет сделать однозначный вывод о наличии системных оснований для дальнейшего, научно обоснованного и взвешенного ужесточения уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья. Это ужесточение не должно носить характера тотальной репрессии, а должно быть направлено на: ликвидацию диспропорций между тяжестью деяния и строгостью санкции; усиление защиты наиболее уязвимых категорий граждан (дети, старики, жертвы домашнего насилия); противодействие рецидивной и особо циничной преступности; и, наконец, восстановление и укрепление в общественном сознании принципа неотвратимости справедливого наказания за посягательство на высшие ценности человеческого бытия.

Только адекватная уголовно-правовая реакция, сочетающая в себе как карательные, так и восстановительные элементы, способна стать действенным инструментом снижения уровня насилия в обществе и укрепления правопорядка. Предлагаемые меры, такие как введение новых квалифицирующих признаков, повышение минимальных порогов наказания для рецидивистов и ужесточение санкций за преступления, сопряженные с исключительной жестокостью, должны быть предметом широкой профессиональной дискуссии с последующей выработкой конкретных законодательных инициатив.

Список литературы:

[1] Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии: российский и зарубежный опыт: монография / И. Р. Шикула. - Москва : Юрлитинформ, 2021. – 278 с.

[2] Бакин А.А. Причины, способствующие криминальной активности преступников-педофилов // Науч. тр. Рос. акад. юрид. наук. Т. 3. М., 2009. С. 390.

[3] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. С. 222.

[4] Котельников Е.А. Уголовно-правовая политика Российской Федерации как средство противодействия сексуальной эксплуатации несовершеннолетних // науч. тр. Рос. акад. юрид. наук. Вып. 8. Т. 3. М., 2009. С. 572.

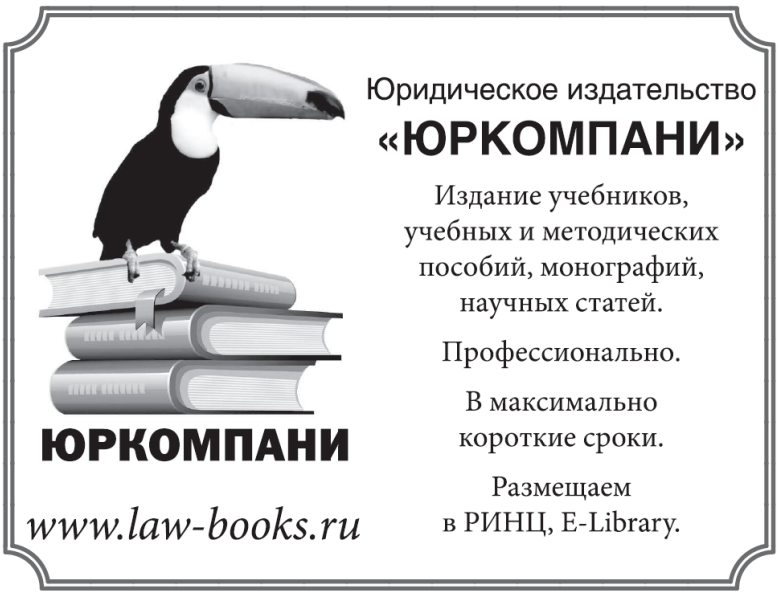
References:

[1] Current issues of criminal-legal protection of the rights and freedoms of a victim in a helpless state: Russian and foreign experience: monograph / I. R. Shikula. - Moscow: Yurlitinform, 2021. - 278 p.

[2] Bakin A. A. Reasons contributing to the criminal activity of pedophile offenders // Scientific. t. of the Russian Academy of Legal Sciences. Vol. 3. Moscow, 2009. P. 390.

[3] Beccaria C. On crimes and punishments. Moscow, 1939. P. 222.

[4] Kotelnikov E. A. Criminal-legal policy of the Russian Federation as a means of combating sexual exploitation of minors // scientific. t. of the Russian Academy of Legal Sciences. Iss. 8. T. 3. M., 2009. P. 572.



Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-651-659

ЛУНЁВ Максим Валерьевич,
аспирант департамента права
Института экономики, управления и права,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
адвокат, Московская коллегия адвокатов «ГРАД»,
e-mail: maxim.lunev@gmail.com

Научный руководитель:
ДАНЕЛЯН Рита Суреновна,
кандидат юридических наук, доцент департамента права
Института экономики, управления и права,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
e-mail: rozmarin.58@list.ru

ДИСТАНЦИОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА

Аннотация. *В статье исследуется проблема отсутствия нормативной и доктринальной определенности понятия дистанционного мошенничества и смежных категорий. Актуальность работы обусловлена масштабами распространения мошенничеств, совершаемых с использованием современных информационных и коммуникационных технологий, низким уровнем их раскрываемости, а также терминологической запутанностью, проявляющейся в параллельном и несогласованном употреблении понятий «информационно-телекоммуникационные технологии», «информационно-коммуникационные технологии», «телефонное», «интернет-» и «кибермошенничество». Отсутствие единых дефиниций снижает эффективность уголовно-правовой оценки и разработки мер противодействия данным преступлениям.*

Целью исследования является формирование унифицированного подхода к определению дистанционного мошенничества с учетом действующего законодательства, судебной практики и научных позиций. В работе применяются формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы, а также анализ правоприменительной и статистической информации. Особое внимание уделяется соотношению понятий ИТТ и ИКТ, включению телефонной (мобильной) связи в сферу информационно-телекоммуникационных сетей, а также разграничению дистанционного мошенничества с киберпреступлениями и специальными составами мошенничества, предусмотренными статьями 159.3 и 159.6 УК РФ.

Научная новизна статьи заключается в обосновании приоритетности дистанционного способа совершения преступления как ключевого признака исследуемого явления и формулировании авторского определения дистанционного мошенничества как хищения, совершенного путем обмана или злоупотребления доверием с использованием (в сфере) информационно-коммуникационных технологий при отсутствии личного контакта между преступником и потерпевшим. Полученные выводы ориентированы на создание единого понятийного аппарата и могут быть использованы в нормотворческой, правоприменительной и научной деятельности.

Ключевые слова: *уголовное право, квалификация преступлений, понятие преступления, способ совершения преступления, информационно-коммуникационные технологии, информационно-телекоммуникационные технологии, информационно-телекоммуникационные сети, сети связи, телефонное мошенничество, интернет-мошенничество, дистанционное мошенничество, кибермошенничество.*

LUNEV Maksim Valerievich,
graduate student, The Institute of Economics,
Management and Law,Moscow City University,
advocate, Moscow Bar Association GRAD

Academic supervisor:
DANELYAN Rita Surenovna,
Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor
of the Department of Law of the
Institute of Economics, Management and Law,
Moscow City University

REMOTE FRAUD: CERTAIN ASPECTS OF THE CONCEPTUAL AND CATEGORICAL APPARATUS

Annotation. *The article examines the problem of the lack of normative and doctrinal certainty surrounding the concept of remote (distance) fraud and related categories. The relevance of the study is обусловлена the large-scale prevalence of fraud offenses committed through modern information and communication technologies, their persistently low detection and clearance rates, as well as terminological ambiguity manifested in the parallel and inconsistent use of the notions of «information and telecommunication technologies», «information and communication technologies», «telephone fraud», «internet fraud», and «cyber fraud». The absence of unified legal definitions reduces the effectiveness of criminal-law assessment and hinders the development of coherent countermeasures against such crimes.*

The purpose of the study is to develop a unified approach to defining remote fraud, taking into account current legislation, judicial practice, and scholarly positions. The research employs formal-legal, systemic-structural, and comparative-legal methods, as well as the analysis of law enforcement practice and statistical data. Particular attention is paid to the correlation between the concepts of information and telecommunication technologies and information and communication technologies, the inclusion of telephone (mobile) communication within the scope of information and telecommunication networks, and the delimitation of remote fraud from cybercrime and special types of fraud provided for in Articles 159.3 and 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The scientific novelty of the article lies in substantiating the priority of the remote modus operandi as the key characteristic of the phenomenon under study and in formulating an author's definition of remote fraud as misappropriation committed by deception or abuse of trust through the use of (or within the sphere of) information and communication technologies in the absence of direct personal contact between the offender and the victim. The conclusions drawn are aimed at establishing a unified conceptual framework and may be utilized in legislative activity, law enforcement practice, and further academic research.

Key words: *criminal law, crime classification, the notion of a crime, modus operandi, information and communication technologies (ICT), information and telecommunication technologies, information and telecommunication networks, communication networks, telephone fraud, Internet fraud, remote fraud, cyber fraud.*

Введение. Последняя четверть века ознаменовалась бурным ростом и широким распространением информационных технологий, начиная от мобильной сети до сети «Интернет» в каждом устройстве. Благами цифровой цивилизации активно пользуются злоумышленники, получившие доступ практически к любому человеку в любой точке и из любого места на планете.

Одной из актуальных проблем уголовно-правовой борьбы является противодействие дистанционному мошенничеству, масштабы которого остаются огромными. За 2025 год совершенно 345 879 мошенничеств (345 461 – ст. 159 УК РФ, 99 – ст. 159.3 УК РФ, 319 – ст. 159.6 УК РФ) с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), что составляет свыше 83 % от всех преступлений мошеннической направленности [11]. За 2024 год – 380 344 мошеннических преступлений (379 762 – ст. 159 УК РФ, 273 – ст. 159.3 УК РФ, 309 – ст. 159.6 УК РФ) [12]. По сравнению с 2024 годом фиксируется снижение количества мошенничеств с использованием ИТТ на 9 %, но раскрываемость остается на рекордно низком уровне 10 %.

Употребляемое в статистике МВД России понятие информационно-телекоммуникационных технологий не нашло своего нормативного закрепления в национальном законодательстве, а дистанционное мошенничество – единого определения в доктрине.

Таким образом, **проблема исследования** заключается в отсутствии единого нормативного и

теоретического определения мошенничеству, совершенному дистанционным способом, а **целью исследования** является формирование унифицированного подхода к определению дистанционного мошенничества с учетом действующего законодательства, судебной практики и научных позиций. В работе применяются формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой **методы**, а также анализ правоприменительной и статистической информации.

Результаты и обсуждения. С учетом использования в МВД России для обозначения дистанционных мошенничеств признака ИТТ следует начать с его раскрытия. При отсутствии единого нормативного определения ИТТ указанный термин применяется, но не раскрывается в следующих законах:

- ст. 6.1 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»: «получения … и направления … в форме электронных документов с использованием ИТТ»;

- ст. 18.1 Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»: «… обеспечивает конфиденциальность, целостность и доступность информации … при ее передаче с использованием ИТТ».

В тоже время, наиболее приближенным к понимаю сущности ИТТ стали разъяснения Верховного суда Российской Федерации, согласно которым «действия могут совершаться в том числе с использованием ИТТ, например, посредством размещения информации в сети «Интернет» [13].

Действительно сеть «Интернет» отождествляется как частный случай с информационно-телекоммуникационной сетью (далее – ИТС) – родовым понятием для ИТТ. Так, согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под ИТС понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники, а под информационными технологиями – процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

Тем самым можно вывести определение ИТТ как процессов и методов, применяемых при работе с информацией, для её передачи по ИТС, либо способов осуществления таких процессов и методов.

Одновременно с этим возникает вопрос о включении в понятие ИТС и использовании ИТТ для телефонной (мобильной, сотовой) связи, поскольку большая часть мошеннических действий совершается с помощью телефонных звонков.

Согласно Федеральному закону от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» под сетями связи понимаются технологические системы, включающие в себя средства и линии связи и предназначенные для электросвязи или почтовой связи. Телефонное соединение – установленное в результате вызова взаимодействие между средствами связи, позволяющее абоненту и (или) пользователю услуг связи передавать или принимать голосовую и (или) неголосовую информацию (Постановление Правительства Российской Федерации от 30.12.2024 № 1994).

Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» уточняется, что для целей уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей, видом которых является сеть «Интернет», не разграничиваются. При этом в объем общего понятия таких сетей входят, в частности, сети операторов связи, локальные сети организаций и т.п. [14]

Самостоятельное определение телекоммуникаций (как передачи и приема на расстоянии речи или других звуковых сигналов, изображений или других данных с помощью электрического или оптического сигнала для проводной коммуникационной сети связи или посредством электромагнитных волн для беспроводной коммуникационной сети связи) [15] включает в себя сотовую связь как таковую.

Собственно, и сети связи, и ИТС – это технологические системы, предназначенные для передачи информации. Таким образом, использование мобильного телефона для совершения мошеннического звонка (как посредством обычной сотовой сети, так и сети «Интернет» через мессенджер) также подпадает под применение ИТТ.

Кроме того, в Генеральной прокуратуре и МВД России неизменным остается положение, что мошенничества подлежат учету как преступления, совершенные в сфере ИТТ, только при условии их совершения посредством сети «Интернет», или других средств, способствующих бесконтактному совершению преступлений (мобильные телефоны) [7, С. 326].

В то же время ряд авторов придерживается узкого трактования понятия преступлений с использованием ИТТ, которое, по их мнению,

охватывает все уголовно-наказуемые деяния, которые совершаются с использованием технологий, моделирующих киберпространство [10, С. 279]. Данная позиция ведет к ограничению понимания правовой природы дистанционных хищений, необоснованно ограничивая их с компьютерными технологиями и сетью «Интернет», и связывает их исключительно с киберпреступностью.

В КНР мошенничество, совершенное дистанционным способом, описывается через использование телекоммуникационных технологий, под которыми понимаются не только использование сети «Интернет», но и отправка текстовых сообщений, телефонные звонки, публикации на радио и телевидении, в газетах и журналах [9, С. 83-84].

Между тем, наряду с применением в статической отчетности ИТТ в системе МВД России для определения дистанционных хищений также употребляется понятие «информационно-коммуникационные технологии» (далее – ИКТ) [16], которое на интуитивном уровне совпадает с пониманием ИТТ. В 2022 году в структуре центрального аппарата МВД России создано даже Управление по организации борьбы с противоправным использованием ИКТ [17], основная задача которого – организация предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием (в сфере) ИКТ [18].

Тем же министерством была разработана Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием ИКТ, утвержденная Правительством Российской Федерации [19].

В Концепции изложены основные определения: ИКТ – процессы и методы создания, обработки, распространения информации, а также способы и средства их осуществления.

К преступлениям с использованием (применением) ИКТ или в сфере компьютерной информации относятся в том числе деяния с использованием (применением) электронных или ИТС, включая сеть «Интернет», информационной инфраструктуры, компьютерной техники, программных средств, онлайн-сервисов, средств коммуникации (в том числе средств мобильной связи, сервисов обмена мгновенными сообщениями, IP-телефонии), электронных средств платежа, операций с цифровой валютой и цифровыми финансовыми активами.

Указанное определение раскрывается широко и включает разные способы дистанционных хищений. При этом существует иное нормативное определение ИКТ, приведено в Приказе Росстата от 31.07.2024 № 332 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки и инноваций»: ИКТ – это технологии, использующие средства микроэлектроники для сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных, текстов, образов и звука. Соответственно, при чистом телефонном мошенничестве (посредствам обычной сотовой связи) говорить об использовании средств микроэлектроники не приходится, что делает употребление данного термина для обозначения дистанционных хищений (в редакции определения Росстата) не корректным.

Важным нововведением явилось принятие Федерального закона от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который создал дополнительные меры для предупреждения случаев дистанционного мошенничества. В то же время в законе не раскрывается понятие преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, но в пояснительной записке к законопроекту они также назывались преступлениями в сфере высоких технологий и включали в себя разные способы мошенничества, в том числе звонки по сетям связи и сети «Интернет». В современных условиях применение к телефонному мошенничеству характеристики «высокие технологии» выглядит излишним, преувеличивая технологическое содержание мобильного телефона и ставя на один уровень с сложным программным обеспечением, используемым для взлома различных информационных систем.

Отсутствие нормативной определенности порождает разные толкования и употребления определений, что создает правовой хаос и потерю содержательной ценности.

В связи с этим, обозначение дистанционного мошенничества как преступления, совершенного с использованием (в сфере) ИТТ, является наиболее правильным по существу. Однако, в данный момент с нормативной стороны верным будет использовать понятие ИКТ, к которому законодателю следует унифицировать правовое регулирование, а научной среде прийти к доктринальному единообразию.

В свою очередь, понятия дистанционного мошенничества, телефонного мошенничества или кибермошенничества в законодательстве также не закреплены, но используются повсеместно, в том числе высшими должностными лицами.

Президент России В.В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России назвал дистанционные хищения «преступлениями, совер-

шенными с использованием информационных технологий» [20], без какой-либо привязки к коммуникационной или телекоммуникационной характеристике, что не меняет их содержания. На заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека Президент употреблял термины «телефонное и интернет-мошенничество» [21], разделяя мошеннические действия по способу их совершения.

Одновременно с этим в МВД России создана и функционирует подсистема ИБД-Ф «Дистанционное мошенничество», предназначенная для сбора, систематизации, обработки и анализа сведений в рамках расследования преступлений, совершенных дистанционным способом с использованием ИТТ (например, абонентские номера, номера банковских карт и счетов, электронных кошельков, адреса интернет-ресурсов и т.п.) [3, С. 89].

В доктрине также нет единого мнения как обозначать мошенничество с использованием ИКТ (ИТТ), и имеется ли в этом необходимость. Некоторые авторы утверждают, что использование средств связи (мобильных телефонов) привело к появлению новой формы мошенничества – дистанционному [8, С. 75]. В то же время квали7фикация мошенничества с использованием телефона не изменилась и осуществляется по общему составу (ст. 159 УК РФ), что подтверждается судебной практикой.

Например, один из участников организованной группы приискал номер потерпевшего и под видом обновления данных на «Госуслугах» вынудил последнего сказать паспортные данные, после чего потерпевшему поступили звонки от других соучастников преступления, представившиеся «сотрудниками ЦБ России и ФСБ России». Обвиняемые сообщили о попытке мошенничества и обманом убедили с целью сохранности денежных средств обналичить денежные средства со счетов и передать «курьеру» [22]. В другом деле соучастники преступной группы осуществляли телефонные звонки пожилым гражданам, с последующим предоставлением им заведомо ложной информации о том, что их родственники попали в дорожно-транспортное происшествие и необходимости денежного возмещения причиненного их родственниками ущерба для исключения возможности привлечения последних к уголовной ответственности. Денежные средства обманутые потерпевшие передавали наличными курьеру» [23].

Кроме того, к дистанционному мошенничеству ряд авторов относят также деяния, которые квалифицируются по ст. 159.3 и 159.6 УК РФ [2, С. 140; 4, С. 56]. Также существует мнение, что деяния, предусмотренные ст. 159.3 и 159.6 УК РФ, относятся к понятию преступлений с использованием ИТТ и являются киберпреступлениями [1, С. 36, 77]. Данный вывод сделан на основании международных договоров (докладов ООН, Конвенции Совета Европы о киберпреступности), а также того, что компьютер является орудием преступления, а сеть «Интернет» – способом. Если к составу ст. 159.6 УК РФ указанное определение применимо, поскольку мошенничество осуществляется в сфере компьютерной информации, то к ст. 159.3 УК РФ такой вывод является спорным. Обязательным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ, является использование электронных средств платежа. А вот использовал ли злоумышленник при совершении преступления компьютер или сеть «Интернет» выступают на задний план.

Например, осужденный по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ Х. в ходе телефонного звонка путем обмана убедил ранее незнакомого П. перечислить ему на банковскую карту денежные средства в качестве аванса за выполнение строительных работ и покупку строительных материалов, не имея намерения исполнить взятые на себя обязательства. После перечислений П. денежных средств Х. скрылся, строительные работы не произвел, строительные материалы не закупил [24]. Осужденный по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ М. размещал на сайтах информацию о продаже товаров, после отклика потерпевших на приобретение товара, переносил переписку с ними в мессенджер, в котором предлагал им приобрести товар с доставкой и отправлял фишинговую ссылку, имитирующую реальную страницу с оплатой доставки. После перечисления денежных средств потерпевшими по фишинговой ссылке, удалял с ними переписку и товар не направлял [25].

По ст. 159.6 УК РФ осужденный Л. получил удаленный доступ к аккаунтам клиентов торговой сети, на счетах которых хранились баллы программы лояльности, которые Л. обменял на товары торговой сети. Л. использовал неустановленное программное обеспечение, которое позволяло осуществлять мониторинг поступления баллов на аккаунты для неоднократного санкционированного доступа к ним с целью приобретения за баллы товаров [26]. М. в составе группы по предварительному сговору создали в сети «Интернет» ряд взаимосвязанных между собой веб-сайтов, содержащих ложную информацию об онлайн-продаже авиабилетов, фактической целью которых было хищение денежных средств граждан. Потерпевший зашел на указанный веб-сайт с целью приобретения авиабилетов, ввел данные своей банковской карты и осуществил перевод денежных средств на подконтрольные участникам преступной группы счета [27].

Исходя из приведенных примеров ключевым элементом дистанционного мошенничества (в рамках общего состава по ст. 159 УК РФ и специальных – по ст. 159.3, 159.6 УК РФ) является дистанционный способ их совершения, то есть вне личного контакта с жертвой хищения.

При широком употреблении как правоприменителями, так и учеными указанного понятия, единого определения дистанционного мошенничества доктриной так и не выработано. Одни авторы понимают под ним вид мошенничества, при котором виновный, чаще всего используя компьютерные и телефонные сети, воздействует на сознание потерпевшего путем обмана, склоняет к передаче имущества удаленным образом [6, С. 218].

Другие определяют его как хищение денежных средств с использованием технических устройств (электронных средств платежа), путем обмана или злоупотребления доверием потерпевшего, при взаимодействии с которым преступник не вступает с ней в визуальный контакт [2, С. 140]. Третьи сводят дистанционное мошенничество исключительно к телефонному, совершенному с помощью сотовой связи, реже стационарной телефонной связи в условиях, когда отсутствует личный контакт преступника и жертвы [5, С. 65].

Заключение. На основании анализа законодательства, судебной практики и теоретических исследований можно сформулировать следующее определение дистанционного мошенничества – это хищение путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием (в сфере) информационно-коммуникационных технологий, при отсутствии личного (очного) контакта между преступником и потерпевшим в условиях удаленного взаимодействия.

Единообразие в подходах к определению дистанционного мошенничества будет способствовать общему пониманию уголовно-правовой природы указанного преступного явления с целью принятия эффективных уголовно-правовых и криминологических способов противодействия ему.

Список источников:

[1] Абдулвалиев А.Ф. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования: монография /А.Ф. Абдулвалиев и др.; под науч. ред. проф. Е.В. Смахтина, проф. Р.Д. Шарапова, доц. В.И. Морозова // Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2021. – 376 с.

[2] Бухкало С.Е. Дистанционное мошенничество: понятие и некоторые проблемы квалификации / С. Е. Бухкало // Проблемы становления гражданского общества : Сборник статей Международной научной студенческой конференции. В 2-х частях, Иркутск, 22 марта 2024 года. – Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2024. – С. 139-142.

[3] Давыдов В.О. Об актуальных проблемах криминалистического обеспечения раскрытия и расследования мошенничеств, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / В.О. Давыдов, И.В. Тишутина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – №2 (14). – С. 81-91.

[4] Дорофеев К.И. Особенности организации расследования мошенничеств, совершенных дистанционным способом / К.И. Дорофеев // Академическая мысль. 2019. – №4 (9). – С. 55-61.

[5] Евтушенко И.И. Дистанционные хищения: понятие и признаки / И.И. Евтушенко, А.А. Венедиктов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 12-2. – С. 65-67.

[6] Кудрявцев Р.В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств / Р.В. Кудрявцев // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 218-221.

[7] Лаврова О.Н. К вопросу об определении понятия «Дистанционное мошенничество» / О.Н. Лаврова, Н. В. Селедников // Право, общество, государство: системные основы взаимодействия и развития: Сборник статей научно-представительских мероприятий. – Москва: Индивидуальный предприниматель Колупаева Елена Владимировна, 2024. – С. 325-327.

[8] Литвинов Н.Д. Мошенничество с использованием средств мобильной связи (дистанционное): понятие и особенности совершения / Н.Д. Литвинов, А.Н. Федоров // JSRP. – 2015. – №12(32). – С. 73-80.

[9] Лунёв М.В. Правовое регулирование ответственности за дистанционное мошенничество в уголовном законодательстве отдельных стран-участников БРИКС+ / Р.С. Данелян, М.В. Лунёв // Science and modernity : Материалы III Международной научно-практической конференции, Москва, 07 мая 2025 года. – Москва-Бишкек: Университет информационных технологий и бизнес-образования, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, 2025. – С. 80-87.

[10] Унукович А.С. Понятие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А.С. Унукович // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 4. – С. 278-280.

[11] Состояние преступности в России (январь-декабрь 2025 года) // ФКУ «ГИАЦ» МВД

России: сайт. – URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 02.02.2026).

[12] Состояние преступности в России (январь-декабрь 2024 года) // ФКУ «ГИАЦ» МВД России: сайт. – URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 02.02.2026).

[13] Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 21 О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного производства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

[14] Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам с комментариями, 2023 год / авторы комментариев С. В. Борисов, М.Г. Решняк. Москва : Эксмо, 2023. С. 41.

[15] Приказ ФТС России от 17.11.2021 № 995 Об утверждении Разъяснений о классификации в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза отдельных видов товаров (в ред. от 08.07.2025). // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

[16] Распоряжение МВД России от 27.06.2025 № 1/8169 О некоторых вопросах оперативно-служебной деятельности по фиксации следов преступлений, совершенных с использованием вредоносного программного обеспечения. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

[17] Указ Президента РФ от 30.09.2022 № 688 О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

[18] Приказ МВД России от 29.12.2022 № 1110 Положение об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

[19] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.01.2026).

[20] Расширенное заседание коллегии МВД. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России. 05.03.2025 // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 10.01.2026).

[21] Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека 09.12.2025 // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/7869113 (дата обращения: 10.01.2026).

[22] Приговор Перовского районного суда г. Москвы от 25.09.2025 по уголовному делу № 1-0844/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/perovskij/services/cases/criminal/details (дата обращения: 21.01.2026).

[23] Приговор Бабушкинского районного суда г. Москвы от 28.07.2025 по уголовному делу № 1-585/25 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/criminal/details (дата обращения: 21.01.2026).

[24] Приговор Преображенского районного суда г. Москвы от 07.07.2025 по уголовному делу № 1-0258/25 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/preobrazhenskij/services/cases/criminal/details/ (дата обращения: 21.01.2026).

[25] Приговор Зеленоградского районного суда г. Москвы от 07.07.2025 по уголовному делу № 01-0458/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases/criminal/details/ (дата обращения: 22.01.2026).

[26] Приговор Останкинского районного суда г. Москвы от 09.08.2022 по уголовному делу № 01-0500/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/ostankinskij/services/cases/criminal/details/ (дата обращения: 22.01.2026).

[27] Постановление Хорошёвского районного суда г. Москвы от 10.03.2020 о прекращении производства по уголовному делу 01-0112/2020 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/criminal/details/ (дата обращения: 22.01.2026).

References:

[1] Abdulvaliev A.F. Crimes Committed with the Use of Information Technologies: Qualification Issues and Investigation Features: Monograph / A.F. Abdulvaliev et al.; edited by Prof. E.V. Smakhtin, Prof. R.D. Sharapova, Assoc. Prof. V.I. Morozova // Tyumen: Tyumen State University Publishing House, 2021. – 376 p.

[2] Bukhalo S.E. Remote Fraud: Concept and Some Qualification Issues / S.E. Bukhalo // Problems of the Formation of Civil Society: Collection of Articles from the International Scientific Student Conference. In 2 parts, Irkutsk, March 22, 2024. – Irkutsk: Irkutsk

Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2024. – pp. 139-142.

[3] Davydov V.O. On the current problems of forensic support for the detection and investigation of fraud committed using information and telecommunication technologies / V.O. Davydov, I.V. Tishutina // Forensic science: yesterday, today, tomorrow. - 2020. - No. 2 (14). - P. 81-91.

[4] Dorofeev K.I. Features of organizing the investigation of fraud committed remotely / K.I. Dorofeev // Academic thought. 2019. - No. 4 (9). - P. 55-61.

[5] Yevtushenko I.I. Remote theft: concept and features / I.I. Yevtushenko, A.A. Venediktov // Humanitarian, socio-economic and social sciences. - 2020. - No. 12-2. - P. 65-67.

[6] Kudryavtsev R.V. Organization of activities to disclose remote fraud / R.V. Kudryavtsev // Young scientist. - 2019. - No. 24 (262). - P. 218-221.

[7] Lavrova O.N. On the issue of defining the concept of "Remote fraud" / O.N. Lavrova, N.V. Selednikov // Law, society, state: systemic foundations of interaction and development: Collection of articles from scientific and representative events. - Moscow: Individual entrepreneur Elena Vladimirovna Kolupaeva, 2024. - P. 325-327.

[8] Litvinov N.D. Fraud using mobile communications (remote): concept and features of commission / N.D. Litvinov, A.N. Fedorov // JSRP. - 2015. - No. 12 (32). - P. 73-80.

[9] Lunev M.V. Legal regulation of liability for remote fraud in the criminal legislation of individual BRICS+ member countries / R.S. Danelyan, M.V. Lunev // Science and modernity: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 7, 2025. - Moscow-Bishkek: University of Information Technology and Business Education, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, 2025. - Pp. 80-87.

[10] Unukovich A.S. The concept of crimes committed using information and telecommunication technologies / A.S. Unukovich // Civil Service and Personnel. - 2021. - No. 4. - Pp. 278-280.

[11] The state of crime in Russia (January-December 2025) // Federal State Institution "GIAC" of the Ministry of Internal Affairs of Russia: website. URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (accessed: 02.02.2026).

[12] The state of crime in Russia (January-December 2024) // Federal State Institution "GIAC" of the Ministry of Internal Affairs of Russia: website. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (accessed: 02.02.2026).

[13] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2022 No. 21 On certain issues of the application by courts of the provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. // SPS "ConsultantPlus" (date of access: 10.01.2026).

[14] Collection of resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases with commentaries, 2023 / authors of the commentaries S. V. Borisov, M. G. Reshnyak. Moscow: Eksmo, 2023. P. 41.

[15] Order of the Federal Customs Service of Russia dated 17.11.2021 No. 995 On approval of the Explanations on the classification in accordance with the unified Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union of certain types of goods (as amended on 08.07.2025). // SPS "ConsultantPlus" (date of access: 10.01.2026).

[16] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 27, 2025, No. 1/8169, On Certain Issues of Operational and Service Activities to Record Traces of Crimes Committed Using Malware. // SPS "ConsultantPlus" (accessed on January 10, 2026).

[17] Decree of the President of the Russian Federation dated September 30, 2022, No. 688, On Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation // SPS "ConsultantPlus" (accessed on January 10, 2026).

[18] Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated December 29, 2022, No. 1110, Regulation on the Department for Organizing the Fight against the Illegal Use of Information and Communication Technologies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // SPS "ConsultantPlus" (accessed on January 10, 2026).

[19] Order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2024 No. 4154-r Concepts of the state system for countering illegal acts committed using information and communication technologies // SPS "ConsultantPlus" (date of access: 01/10/2026).

[20] Expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs. Vladimir Putin spoke at the annual expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. March 5, 2025 // Official website of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (accessed on January 10, 2026).

[21] Meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights, December 9, 2025 // Official website of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/7869113 (accessed on January 10, 2026).

[22] Verdict of the Perovsky District Court of Moscow dated September 25, 2025, in criminal case No. 1-0844/2025 // Official portal of the courts of gen-

eral jurisdiction of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/perovskij/services/cases/criminal/details (date of access: January 21, 2026).

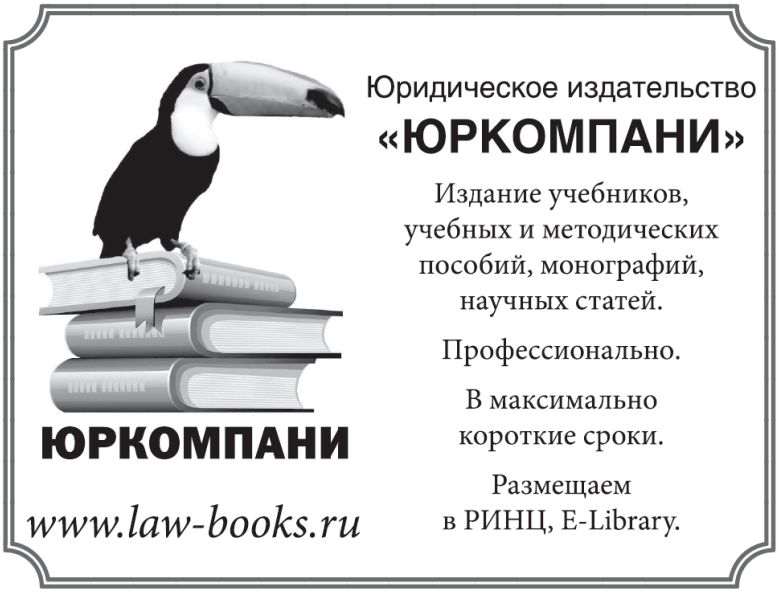
[23] Verdict of the Babushkinsky District Court of Moscow dated July 28, 2025, in criminal case No. 1-585/25 // Official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/criminal/details (date of access: January 21, 2026).

[24] Verdict of the Preobrazhensky District Court of Moscow dated July 7, 2025, in criminal case No. 1-0258/25 // Official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/preobrazhenskij/services/cases/criminal/details/ (date of access: January 21, 2026).

[25] Verdict of the Zelenogradsky District Court of Moscow dated July 7, 2025, in criminal case No. 01-0458/2025 // Official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/zelenogradskij/services/cases/criminal/details/ (date of access: January 22, 2026).

[26] Verdict of the Ostankino District Court of Moscow dated August 9, 2022, in criminal case No. 01-0500/2022 // Official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/ostankinskij/services/cases/criminal/details/ (date of access: January 22, 2026).

[27] Resolution of the Khoroshevsky District Court of Moscow dated March 10, 2020 on the termination of proceedings in criminal case 01-0112/2020 // Official portal of the courts of general jurisdiction of Moscow. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/horoshevskij/services/cases/criminal/details/ (date of access: January 22, 2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-660-664

МУРКШТИС Мариус Иокубович,
доктор юридических наук, председатель
московской коллегии адвокатов «Муркштис, Калиненко и партнеры»,
доцент кафедры «Уголовного права, процесса и криминалистики»
Юридического института РУДН,
e-mail: 7607428@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРЕДЕЛЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ПРИГОВОРА

Аннотация. *В статье исследуются правовые пределы допустимости использования искусственного интеллекта в постановлении приговора в условиях цифровой трансформации судебной системы. Автор анализирует соотношение технологий ИИ с фундаментальными принципами уголовного судопроизводства — независимостью судей, презумпцией невиновности, индивидуализацией наказания. На основе изучения российской судебной практики и зарубежного опыта выявлены ключевые риски: эффект «чёрного ящика», алгоритмическая предвзятость, проблема доказуемости использования ИИ, размывание персональной ответственности судьи. Предложено использовать ИИ исключительно как вспомогательный инструмент для анализа доказательств и систематизации правовой информации при условии законодательного регулирования, сертификации алгоритмов и сохранения за судьёй права на окончательное, мотивированное решение.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, приговор, уголовный процесс, судейское усмотрение, цифровое правосудие.*

MURKSHTIS Marius Iokubo,
Doctor of Law, Chairman of the Moscow Bar
Association «Murkshtis, Kalinenko and Partners»,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Procedure and Forensics of the Law Institute of RUDN University

LEGAL LIMITS TO THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SENTENCE-DELIVERY

Annotation. *This article examines the legal limits of the permissibility of using artificial intelligence in sentencing in the context of the digital transformation of the judicial system. The author analyzes the relationship between AI technologies and the fundamental principles of criminal proceedings—the independence of judges, the presumption of innocence, and the individualization of punishment. Based on a study of Russian judicial practice and international experience, key risks are identified: the "black box" effect, algorithmic bias, the problem of provability of AI use, and the erosion of judges' personal responsibility. It is proposed that AI should be used solely as an auxiliary tool for analyzing evidence and systematizing legal information, subject to legislative regulation, certification of algorithms, and the preservation of the judge's right to a final, reasoned decision.*

Key words: *artificial intelligence, verdict, criminal procedure, judicial discretion, digital justice.*

Цифровая трансформация судебной системы, обусловленная развитием технологий искусственного интеллекта (здесь и далее - ИИ), ставит перед теорией и практикой принципиально новые вызовы. Если автоматизация рутинных процессуальных действий (составление протоколов, распределение дел) вызывает относительно умеренные споры, то вовлечение алгоритмических систем в принятие решений, непосредственно затрагивающих фундаментальные права и свободы человека на стадии постановления приговора, требует глубокого междисциплинарного анализа.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, глобальным трендом на внедрение «предиктив-

ных» технологий в правосудие, где алгоритмы используются для решения различных вопросов, в том числе и рекомендации вида и размера наказания. Во-вторых, активной разработкой в Российской Федерации концепций «цифрового правосудия». В-третьих, появлением первых прецедентов фактического использования ИИ при составлении судебных решений.

Целью настоящей статьи является определение правовых пределов допустимости участия искусственного интеллекта в постановлении приговора. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: 1) исследовать теоретические основы соотношения принципов уголовного судопроизводства с технологиями ИИ; 2) проанализировать российскую судебную практику использования ИИ при вынесении приговоров; 3) выявить системные риски и правовые коллизии, возникающие при применении ИИ; 4) обосновать правовые гарантии, минимизирующие угрозы для справедливого правосудия; 5) разработать научно обоснованные предложения по регулированию использования ИИ в уголовном процессе.

В научной литературе отсутствует единое определение искусственного интеллекта применительно к правовой сфере. Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490, под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [2].

С точки зрения уголовно-процессуального права целесообразно выделять три уровня взаимодействия ИИ с системой правосудия.

1. Инструментальный уровень - предполагает использование ИИ для автоматизации вспомогательных функций: анализ судебной практики по аналогичным делам, проверка расчётов размера штрафа, выявление противоречий в приговоре.
2. Рекомендательный уровень - включает применение алгоритмов для формирования прогнозов и рекомендаций: оценка вероятности рецидива, прогнозирование поведения лица, совершившего преступление, рекомендация вида наказания в пределах санкции статьи УК РФ.
3. Уровень принятия решения, который подразумевает делегирование ИИ полномочий по принятию итогового решения. Такой подход, например, реализован в отдельных юрисдикциях Китая для мелких правонарушений, но в отношении уголовных дел с возможностью лишения свободы вызывает серьёзные конституционные возражения[3].

Любое внедрение ИИ на стадии постановления приговора должно оцениваться через призму фундаментальных принципов уголовного судопроизводства. Принцип независимости судей и личного отправления ими правосудия представляет собой непреодолимый барьер для делегирования ИИ полномочий по вынесению приговора.

Согласно ч. 3 ст. 1 Закона РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации», судьями являются лица, наделенные в конституционном порядке полномочиями осуществлять правосудие и исполняющие свои обязанности на профессиональной основе [1]. ИИ не обладает правосубъектностью, не может нести юридическую ответственность и, следовательно, не может заменить судью в отправлении правосудия.

Презумпция невиновности требует, чтобы бремя доказывания вины лежало на стороне обвинения, а все сомнения толковались в пользу подсудимого. Алгоритмы оценки рисков, основанные на ранее полученных данных о личности, могут косвенно нарушать этот принцип, формируя «прогнозируемую опасность преступника» на основе его демографических характеристик, что эквивалентно презумпции виновности на основе принадлежности к определённой социальной группе.

Индивидуализация наказания требует учёта конкретных обстоятельств дела и личности подсудимого. Алгоритмы, обучающиеся на значительных массивах данных, склонны к усреднению и могут игнорировать определенные факторы: раскаяние, мотивы преступления, семейные обстоятельства, которые не поддаются количественной оценке, но имеют решающее значение для справедливого наказания.

Так, в 2024 году в Ейском городском суде Краснодарского края был вынесен приговор по делу о получении взятки (п. «а», «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ), в тексте которого по заявлению адвоката были выявлены пять фрагментов с явными признаками машинной генерации. Адвокат отметил, что использованные логические конструкции искусственны, противоречат принципу презумп-

ции невиновности, содержат повторяющееся слово «якобы» с негативной коннотацией, характерной для автогенерации, а также разговорные конструкции («какие-то свои»), недопустимые в официальном документе. Согласно заключению лингвистической экспертизы, в представленных фрагментах содержатся «лингвистические признаки отклонения текстов от нормы юридического подстиля языка, с большой долей вероятности свидетельствующие о генерации текста с использованием технологии искусственного интеллекта». Апелляционная инстанция, рассмотрев жалобу защитника, оставила приговор без изменения, указав, что «выбранная судом стилистика изложения определенных умозаключений не влияет на законность принятого судом решения, не противоречит нормам Уголовно-процессуального закона РФ и Постановлению Пленума ВС от 29 ноября 2016 г. № 55» [5].

Однако сам факт даже частичного использования текстов, сгенерированных большими языковыми моделями, при подготовке процессуальных документов, порождает комплекс фундаментальных вопросов. Центральным вопросом остается допустимость делегирования функций по составлению судебных решений алгоритмическим системам. Судебная власть, по своей природе, предполагает осуществление правосудия конкретными лицами, наделенными полномочиями на оценку доказательств по внутреннему убеждению. Использование генеративного ИИ для формулирования мотивировочной части решения, как было указано ранее, ставит под сомнение основные принципы правосудия. Возникает правовая коллизия: если текст приговора сгенерирован нейросетью, чья интеллектуальная воля отражена в документе — судьи или разработчика алгоритма? Это создает риски размывания персональной ответственности судьи за вынесенное решение и является основанием для пересмотра или отмены такого решения.

В условиях цифровизации критически важным становится вопрос доказуемости факта использования ИИ. Существует гипотеза, что современные программные средства анализа позволяют с высокой долей вероятности идентифицировать машинный текст. На рынке представлен ряд коммерческих решений (Writer, Copyleaks, Content at Scale, Sapling, Corrector и аналоги), позиционируемых как детекторы AI-контента. Однако эмпирические исследования и тестирование данных инструментов демонстрируют их принципиальную несостоятельность в рассматриваемых условиях [7; 8].

Ни один из существующих на текущий момент инструментов не обладает достаточной специфичностью и чувствительностью, чтобы гарантировать отсутствие ошибок первого и второго рода (ложноположительных и ложноотрицательных срабатываний). Методы детекции, основанные на анализе перплексии и вариативности текста, оказываются неэффективными перед лицом постоянно эволюционирующих архитектур нейросетей. Наблюдается устойчивая тенденция опережающего развития генеративных возможностей по сравнению с технологиями их обнаружения. Современные модели (такие как Qwen, ChatGPT, DeepSeek и другие) обладают способностью к глубокой стилистической адаптации. Используя методы тонкой настройки и промпт-инжиниринг на основе исходных образцов текста конкретного автора (в данном случае — судьи), нейросеть может мимикрировать под индивидуальные синтаксические и лексические паттерны. Это приводит к тому, что сгенерированный текст становится стилистически неотличимым от антропогенного. В результате, ни автоматизированные системы детекции, ни традиционная лингвистическая экспертиза не могут с уверенностью, достаточной для процессуального доказывания, утверждать о наличии или отсутствии машинной генерации в тексте судебного решения.

Еще одной проблемой применения ИИ в уголовном судопроизводстве является «эффект чёрного ящика» — невозможность объяснить, как именно алгоритм пришёл к определённому выводу. Развитые нейронные сети принимают решения на основе миллионов параметров, что делает их логику непостижимой даже для разработчиков. Это создаёт коллизию с правом подсудимого на обжалование приговора, поскольку невозможно оспорить решение, мотивация которого неизвестна. Примером служит американская система COMPAS (англ. - Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), используемая для оценки риска рецидива. Доступ к информации об алгоритмах работы системы является коммерческой тайной, что делает невозможным проверку обоснованности рекомендаций. Исследования показали, что система демонстрирует систематическую предвзятость в отношении афроамериканцев: при одинаковом уровне риска рецидива алгоритм чаще классифицировал их как «высокорисковых». Аналогичная проблема возникла с российской системой «Электронные весы правосудия», критикуемой за отсутствие раскрытия алгоритма определения вида наказания [4]. ИИ, участвующий в постановлении приговора, должен быть независимым и беспристрастным, но он зависим от разработчиков и оттого, кто финансирует его создание. Государственные органы, выступающие заказчиками ИИ-систем в уголовном судопроизводстве, смогут влиять на разработку алгоритма, заложить в программу

скрытые параметры, влияющие на принятие решений. Представители государственных органов будут обладать информацией о принципах работы алгоритма, а сторона защиты — вряд ли. Это создаёт угрозу нарушения принципов равенства сторон и состязательности.

Как отмечает вице-президент ФПА РФ Е.А. Рубинштейн, «в сложившихся современных условиях правоприменения использование ИИ вряд ли может ухудшить качество рассмотрения уголовных дел. Более того, можно предположить, что объективное использование возможностей ИИ сейчас только улучшит качество судебных актов. Другой вопрос, что вносит сведения в систему ИИ человек с присущим ему правосознанием, профдеформацией и целеполаганием» [5]. Даже при формальном сохранении за судьёй права на окончательное решение, психологический феномен «автоматизации доверия» приводит к фактическому переносу ответственности на алгоритм. Человеку свойственна склонность принимать предложение программы, даже если это предложение для него не обязательно. В Китае Верховный суд обязал судей при отклонении рекомендаций ИИ письменно излагать объяснения своей позиции, что фактически создаёт административное давление на судей с целью следования алгоритмическим рекомендациям [4]. Анализ теоретических и практических аспектов позволяет сформулировать следующие выводы о допустимых формах применения ИИ:

1. Анализ доказательств и выявление корреляций. ИИ может обрабатывать колоссальные объёмы информации в сложных экономических или налоговых делах, выявляя противоречия в показаниях и документах, на которые судья мог бы не обратить внимания в силу когнитивных и иных ограничений.
2. Систематизация правовой информации. ИИ может предоставлять судье предварительную правовую квалификацию со ссылками на конкретные нормы права, пункты Постановлений Пленума ВС РФ и релевантную судебную практику, выступая в роли «второго мнения» или экспертной справки.
3. Расчёт параметров наказания. При наличии чётких математических моделей (категория преступления, возраст лица, рецидив, смягчающие и отягчающие обстоятельства) ИИ может рассчитывать рамки возможного наказания, но окончательное решение должно принимать судья.

Для минимизации рисков и создания правовых гарантий предлагается:

1. Внести изменения в УПК РФ, дополнив главу 39 «Постановление приговора» статьёй, регулирующей порядок использования технических средств и ИИ при постановлении приговора, с обязательным указанием в приговоре на факт и характер использования таких систем.
2. Создать государственную систему сертификации судебных ИИ-систем, обеспечивающую «герметизацию» алгоритмов от незаконного воздействия и гарантирующую их соответствие требованиям справедливого правосудия.
3. 4. Разработать «Стандарты использования ИИ в уголовном судопроизводстве» с участием IT-специалистов и юристов, определяющие требования к обучению ИИ на качественных массивах данных и к использованию ИИ при составлении процессуальных актов.

В качестве выводов отметим следующее:

1. Использование ИИ в уголовном судопроизводстве представляет собой двойственное явление: с одной стороны, такие технологии могут повысить эффективность анализа доказательств и выявить аномалии в назначении наказания; с другой стороны, применение алгоритмов на стадии принятия решения, создаёт серьёзные угрозы для фундаментальных принципов справедливого правосудия.
2. Основные принципы отправления правосудия делают невозможным делегирование ИИ полномочий по вынесению судебного решения, в том числе приговора. Искусственный интеллект не обладает правосубъектностью и не может нести юридическую ответственность за принимаемые решения, что противоречит самой природе правосудия.
3. Российская судебная практика уже столкнулась с проблемой скрытого использования ИИ при составлении приговоров, что свидетельствует о необходимости немедленного правового регулирования данного вопроса.
4. Допустимым представляется использование ИИ исключительно в качестве вспомогательного инструмента для анализа доказательств, систематизации судебной практики и расчёта параметров наказания при строгом соблюдении требований прозрачности, объяснимости алгоритмов и сохранении за судьёй права на окончательное решение.
5. Легитимизация ИИ в уголовном судопроизводстве должна осуществляться в правовых рамках, гарантирующих, что право и обязанность вершить судьбу человека, применяя не только нормы закона, но и нравственные

нормы справедливости, должны навсегда остаться за судьей-человеком. Только при условии строгого соблюдения конституционных принципов, обеспечения прозрачности алгоритмов и сохранения за человеком (судьёй) права на окончательное решение использование искусственного интеллекта может стать инструментом повышения качества правосудия, а не угрозой для прав и свобод человека.

Список литературы:

[1] Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 28.12.2025) «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.02.2026).

[2] Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 26.02.2026).

[3] Зуйков С.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе России // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. Сентябрь. № 3 (49). С. 125-129.

[4] Папышева Е.С. Пределы допустимости участия искусственного интеллекта в постановлении приговора // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 5. С. 386–391.

[5] ФПА РФ. В использовании искусственного интеллекта в судах необходим порядок // Федеральная палата адвокатов РФ. URL: https://fparf.ru/news/fpa/v-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta-v-sudakh-neobkhodim-poryadok/ (дата обращения: 19.02.2026).

[6] Alshammari H., El-Sayed A., Elleithy K. Ai-generated text detector for arabic language using encoder-based transformer architecture //Big Data and Cognitive Computing. — 2024. — Т. 8. — №. 3.

[7] Kublik S. GPT-3: The Ultimate Guide to Building NLP Products with OpenAI API / S. Kublik, S. Saboo. —: Packt Publishing Ltd, 2023. — 139 с.

[8] Lancaster T. Artificial intelligence, text generation tools and ChatGPT — does digital watermarking offer a solution? / T. Lancaster. — Текст: непосредственный // International Journal for Educational Integrity. — 2023. — № 19.

References:

[1] Law of the Russian Federation of June 26, 1992 No. 3132-1 (as amended on December 28, 2025) “On the Status of Judges in the Russian Federation” // SPS “ConsultantPlus” (accessed on February 26, 2026).

[2] Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 (as amended on February 15, 2024) “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” (together with the “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030”) // SPS “ConsultantPlus” (accessed on February 26, 2026).

[3] Zuykov S.A. Prospects for the Use of Artificial Intelligence in the Russian Judicial System // Journal of the Court of Intellectual Property. September 2025. No. 3 (49). Pp. 125-129.

[4] Papysheva E.S. Limits of Admissibility of the Participation of Artificial Intelligence in Sentencing // Gaps in Russian Legislation. 2023. Vol. 16. No. 5. Pp. 386-391.

[5] FPA RF. Procedure is Required in the Use of Artificial Intelligence in Courts // Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. URL: https://fparf.ru/news/fpa/v-ispolzovanii-iskusstvennogo-intellekta-v-sudakh-neobkhodim-poryadok/ (date of access: 19.02.2026).

[6] Alshammari H., El-Sayed A., Elleithy K. Ai-generated text detector for Arabic language using encoder-based transformer architecture // Big Data and Cognitive Computing. - 2024. - T. 8. - No. 3.

[7] Kublik S. GPT-3: The Ultimate Guide to Building NLP Products with OpenAI API / S. Kublik, S. Saboo. —: Packt Publishing Ltd, 2023. — 139 p.

[8] Lancaster T. Artificial intelligence, text generation tools and ChatGPT — does digital watermarking offer a solution? / T. Lancaster. — Text: direct // International Journal for Educational Integrity. - 2023. - No. 19.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-665-670

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук,
профессор, главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Целью исследования явились организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы учебно-воспитательного процесса, реализуемого в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы. Для ее достижения применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности воспитательных колоний по осуществлению в них учебно-воспитательного процесса, воспитательной работы с осужденными, оказания на них воспитательного воздействия. Организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы осуществления в ВК УИС образовательной деятельности, профессионального обучения и воспитательной работы являются приоритетными направлениями современной отечественной пенитенциарной науки и практики. Они находят свое отражение и правовое регулирование в национальном уголовно-исполнительном законодательстве, директивных документах Правительства Российской Федерации, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России. Принципиальным отличием в понимании организации воспитательной работы в исправительных и воспитательных колониях является реализуемый в последних комплексный учебно-воспитательный процесс, сопровождающийся воспитательным воздействием на осужденных, в котором принимают участие не только сотрудники различных служб и подразделений ВК, но и родители, родственники осужденных, входящие в родительский комитет колонии. Целями учебно-воспитательного процесса в ВК УИС являются исправление осужденных к лишению свободы и их подготовка к самостоятельной жизни. Задачами выступают формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, профессиональное обучение и получение среднего профессионального образования, повышение образовательного и культурного уровня. Комплексный подход законодателя к организации учебно-воспитательного процесса в ВК УИС является прогрессивным явлением не только в отечественной пенитенциарной практике. Он в полной мере соответствует международным пенитенциарным стандартам. «Пекинским правилам» - «Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.), установившим принципы и стандарты работы с несовершеннолетними правонарушителями. Указанный комплексный подход позволяет его субъектам не только осуществлять их профессиональные компетенции, но и оказывать постоянное системное воспитательное воздействие на осужденных, зависящее от конкретной модели воспитательной работы, применяемой в учреждении.*

Ключевые слова: *воспитательные колонии, осужденные, несовершеннолетние, учебно-воспитательный процесс, воспитательная работа, воспитательное воздействие, общее образование, среднее профессиональное образование, родительские комитеты.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

ON THE ISSUE OF THE ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE EDUCATIONAL COLONIES OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The purpose of the study was the organizational, legal, psychological and pedagogical issues of the educational process implemented in the educational colonies of the penal system. To achieve this goal, the principle of dialectical cognition, statistical and analytical methods, and included observation were applied. The article analyzed legislative and departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific publications, materials on the activities of educational colonies for the implementation of the educational process in them, educational work with convicts, and providing educational influence on them. Organizational, legal, psychological and pedagogical issues of the implementation of educational activities, professional training and educational work in the Penal Colony are priority areas of modern Russian penitentiary science and practice. They are also reflected in legal regulation in the national penal enforcement legislation, policy documents of the Government of the Russian Federation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia. A fundamental difference in the understanding of the organization of educational work in correctional and educational colonies is the comprehensive educational process implemented in the latter, accompanied by an educational impact on convicts, which involves not only employees of various services and departments of the Penal Colony, but also parents and relatives of convicts who are members of the colony's parent committee. The goals of the educational process in the CC UIS are the correction of those sentenced to imprisonment and their preparation for an independent life. The tasks are the formation of law-abiding behavior among convicts, a conscientious attitude to work and study, vocational training and secondary vocational education, and improving the educational and cultural level. The legislator's comprehensive approach to the organization of the educational process in the Penal Colony is a progressive phenomenon not only in domestic penitentiary practice. It fully complies with international penitentiary standards. The Beijing Rules are the United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (1985), which established principles and standards for dealing with juvenile offenders. This comprehensive approach allows its subjects not only to exercise their professional competencies, but also to have a constant systematic educational impact on convicts, depending on the specific model of educational work used in the institution.*

Key words: *educational colonies, convicts, minors, educational process, educational work, educational impact, general education, secondary vocational education, parent committees.*

Введение. Организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы осуществления в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы (далее ВК УИС) образовательной деятельности, профессионального обучения и воспитательной работы являются приоритетными направлениями современной отечественной пенитенциарной науки и практики. Они находят свое отражение и правовое регулирование в национальном уголовно-исполнительном законодательстве, директивных документах Правительства Российской Федерации, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России (Концепции воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования УИС). При этом воспитательная работа с осужденными понимается как система педагогически обоснованных мер, способствующих преодолению их личностных деформаций, интеллектуальному, духовному и физическому развитию, правопослушному поведению и социальной адаптации после освобождения. Она рассматривается как предмет профессиональной деятельности всех сотрудников УИС с участием родственников осуждённых, общественности, иных лиц и организаций, а также самодеятельных формирований осужденных [1].

Теоретико-правой анализ рассматриваемого института современного уголовно-исполнительного права, пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики, нашедший отражение в национальном уголовно-исполнительном законодательстве, показал важное, принципиальное отличие в понимании организации воспитательной работы в исправительных и воспитательных колониях. В последних активно реализуется комплексный учебно-воспитательный процесс, сопровождающийся воспитательным воздействием на осужденных, в котором принимают участие не только сотрудники различных служб и подразделений ВК, но и родители, родственники осужденных, входящие в родительский комитет колонии. Важно отметить, что указанная деятельность должностных лиц ВК и общественных объедине-

ний, институтов гражданского общества осуществляется в рамках условий отбывания осужденными наказания [2, с. 34-39]. Особенностей их правового положения, детерминируемого уголовно-исполнительным законом, Правилами внутреннего распорядка ВК УИС [3, с. 81-83]. Таким образом, учебно-воспитательный процесс, реализуемый в ВК УИС представляет собой динамичное, комплексное явление, органически сочетающее в себе организационно-правовые и психолого-педагогические механизмы, нуждающиеся в междисциплинарном анализе.

Методы и принципы исследования. Для изучения организационно-правовых и психолого-педагогических вопросов учебно-воспитательного процесса, реализуемого в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы применялись принцип диалектического познания, статистический и аналитический методы, включенное наблюдение. Анализировались законодательные и ведомственные правовые акты Минюста и ФСИН России, научные публикации, материалы деятельности воспитательных колоний по осуществлению в них учебно-воспитательного процесса, особенности участия в нем родительских комитетов. Воспитательной работы с осужденными, оказания на них воспитательного воздействия.

Основные результаты. Организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы учебно-воспитательного процесса в ВК УИС регулируются уголовно-исполнительным законом (статьями 141-142 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Законодатель перечислил цели рассматриваемого процесса, отнеся к ним:

– исправление осужденных к лишению свободы;
– подготовку к самостоятельной жизни [4].
– В качестве задач учебно-воспитательного процесса выступают:
– формирование у осужденных законопослушного поведения, профилактика нарушений порядка отбывания лишения свободы [5, с. 160-167];
– добросовестного отношения к труду и учебе [6, с. 79-84];
– профессиональное обучение и получение среднего профессионального образования [7];
– повышение образовательного и культурного уровня [8, с. 101-107].

Успешное решение перечисленных задач способствует исправлению осужденных, их ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. Купированию и устранению неблагоприятных факторов, негативно влияющих на личность несовершеннолетних осужденных, затрудняющих формирование и развитие их позитивных психологических свойств и качеств [9, с. 169-173]. Сопровождает профилактику повторных преступлений несовершеннолетних осужденных после отбытия лишения свободы и освобождения их из ВК УИС [10, с.290-295].

В части второй статьи 141 УИК РФ законодатель предусмотрел осуществление общего, среднего профессионального образования по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих. Также закрепил что профессиональное обучение осужденных осуществляется в общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях и учебно-производственной (трудовой) мастерской ВК УИС [11]. Таким образом, включил в учебно-воспитательный процесс, реализуемый в ВК весь спектр образовательных и профессиональных организаций.

Подобный комплексный подход законодателя к организации анализируемого процесса, безусловно заслуживает одобрения и положительной оценки, поскольку позволяет сотрудникам служб и подразделений колонии, преподавателям и мастерам не только осуществлять их профессиональные компетенции, но и оказывать воспитательное воздействие на осужденных. Которое определяется конкретной моделью воспитательной работы, применяемой в учреждении (классической, воспитательно-профилактической и психолого-педагогической, чаще всего используемой сотрудниками ВК) [12, с. 265-270]. Более того, закон в части третьей статьи 141 УИК РФ разрешил несовершеннолетним осужденным обучаться по заочной форме в образовательных организациях высшего образования и профессиональных образовательных организациях, подчеркнув тем самым гуманный подход в обеспечении учебно-воспитательного процесса, организуемого в ВК УИС. Важную роль в осуществлении учебно-воспитательного процесса играют не только сотрудники различных служб и подразделений колонии, педагоги, мастера профессионального обучения, но родители и родственники осужденных, особенно состоящие в составе родительских комитетов ВК. Они способствуют повышению эффективности воспитательного воздействия на осужденных и оказанию помощи администрации ВК УИС. Их деятельность регулируется специальным положением, утверждаемым начальником колонии [13].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

– VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и

общество: опыт взаимодействия», состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

– V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
– XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
– Научно-практическом круглом столе «Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты», состоявшемся в Академии ФСИН России 13.02.2025. Доклад на тему: «Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений».

Заключение. Организационно-правовые и психолого-педагогические вопросы осуществления в ВК УИС образовательной деятельности, профессионального обучения и воспитательной работы являются приоритетными направлениями современной отечественной пенитенциарной науки и практики. Они находят свое отражение и правовое регулирование в национальном уголовно-исполнительном законодательстве, директивных документах Правительства Российской Федерации, ведомственных правовых актах Минюста и ФСИН России.

Принципиальным отличием в понимании организации воспитательной работы в исправительных и воспитательных колониях является реализуемый в последних комплексный учебно-воспитательный процесс, сопровождающийся воспитательным воздействием на осужденных, в котором принимают участие не только сотрудники различных служб и подразделений ВК, но и родители, родственники осужденных, входящие в родительский комитет колонии.

Целями учебно-воспитательного процесса в ВК УИС являются исправление осужденных к лишению свободы и их подготовка к самостоятельной жизни. Задачами выступают формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, профессиональное обучение и получение среднего профессионального образования, повышение образовательного и культурного уровня.

Комплексный подход законодателя к организации учебно-воспитательного процесса в ВК УИС является прогрессивным явлением не только в отечественной пенитенциарной практике. Он в полной мере соответствует международным пенитенциарным стандартам [14, с.126-133]. Так называемым «Пекинским правилам» - «Минимальным стандартным правилам ООН, касающимся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.), установившим принципы и стандарты работы с несовершеннолетними правонарушителями. Указанный комплексный подход позволяет его субъектам не только осуществлять их профессиональные компетенции, но и оказывать постоянное системное воспитательное воздействие на осужденных, зависящее от конкретной модели воспитательной работы, применяемой в учреждении.

Список литературы:

[1] Концепция воспитательной работы с осужденными в условиях реформирования УИС от 20.04.2000 г. // Garant.ru (дата обращения 31.01.2026).

[2] Ковалев О.Г. Правовое и психологическое содержание условий отбывания наказания несовершеннолетними осужденными в воспитательных колониях // Право и управление. 2025. № 8. С. 34-39.

[3] Ковалев О.Г., Зайцева С. И. Правовой статус осужденных и его влияние на организацию

оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях УИС // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 94-4. С. 81-83.

[4] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Трунов И.Л., Филимонов О.В., Айвар Л.К., Михлин А.С., Гришко А.Я., Гейхман В.Л., Ковалев О.Г., Толкаченко А.А., Трунцевский Ю.В., Лобов Я.В., Самойлов А.С., Шабанов Г.Х., Шарапов С.Н., Середа Е.В., Казакова В.А. Москва, 2006. 148 с.

[5] Ковалев О.Г., Иконников Д.С., Семенова Н.В. Проблемы организации воспитательной работы в исправительных учреждениях в процессе профилактики противоправного поведения осужденных // Перспективы науки. 2024. № 3 (174). С. 160-167.

[6] Ковалев О.Г., Ковтуненко Л.В. Учебная деятельность и профессиональная подготовка в исправлении осужденных // В сборнике: Духовно-нравственное воспитание личности в пенитенциарной системе: педагогические и социально-психологические аспекты. Тверь, 2025. С. 79-84.

[7] Приказ Минюста России от 06.10.2006 № 311 (ред. от 22.09.2021) «Об утверждении правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы» // Consultant ru. (дата обращения 31.01.2026).

[8] Ковалев О.Г., Кулакова С.В. Психолого-педагогические проблемы предупреждения правонарушений подростков // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России, ежеквартальное научно-практическое издание. Москва. С. 101-107.

[9] Ковалев О.Г. Психолого-педагогические механизмы генезиса неблагоприятных факторов, влияющих на формирование личности несовершеннолетних осужденных // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3 (109). С. 169-173.

[10] Ковалев О.Г., Мельникова О.В. Профилактика повторных преступлений несовершеннолетних осужденных: вопросы теории и пенитенциарной практики // Российский научный вестник. 2025. № 6. С. 290-295.

[11] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Филимонов О.В., Селиверстов В.И. (постатейный) / Москва, 2008. 448 с.

[12] Ковалев О.Г. Современные модели организации воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // Международный научный вестник. 2025. № 6. С. 265-270.

[13] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[14] Вилкова А.В., Ковалев О.Г. Исполнение наказаний на мировом уровне: перспективы развития // В сборнике: Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. ФКУ НИИ ФСИН России. Москва. 2022. С. 126-133.

References:

[1] The concept of educational work with convicts in the context of the reform of the penal system dated 04/20/2000 // Garant.ru (date of application 01/31/2026).

[2] Kovalev O.G. Legal and psychological content of the conditions of serving sentences by minors convicted in educational colonies // Law and management. 2025. No. 8. pp. 34-39.

[3] Kovalev O.G., Zaitseva S. I. The legal status of convicts and its impact on the organization of operational investigative activities in correctional institutions of the penitentiary system // Trends in the development of science and education. 2023. No. 94-4. pp. 81-83.

[4] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Trunov I.L., Filimonov O.V., Aivar L.K., Mikhlin A.S., Grishko A.Ya., Geikhman V.L., Kovalev O.G., Tolkachenko A.A., Truntsevsky Yu.V., Lobov Ya.V., Samoilov A.S., Shabanov G.Kh., Sharapov S.N., Sereda E.V., Kazakova V.A. Moscow, 2006. 148 p.

[5] Kovalev O.G., Ikonnikov D.S., Semenova N.V. Problems of organizing educational work in correctional institutions in the process of preventing illegal behavior of convicts. Perspektivy nauki. 2024. No. 3 (174). pp. 160-167.

[6] Kovalev O.G., Kovtunenko L.V. Educational activity and professional training in the correction of convicts // In the collection: Spiritual and moral education of the individual in the penitentiary system: pedagogical and socio-psychological aspects. Tver, 2025. pp. 79-84.

[7] Order of the Ministry of Justice of Russia dated 06.10.2006 No. 311 (as amended on 22.09.2021) “On approval of the internal regulations of educational colonies of the penal system” // Consultant ru. (accessed 31.01.2026).

[8] Kovalev O.G., Kulakova S.V. Psychological and pedagogical problems of preventing juvenile delinquency // In the collection: Scientific Papers of

the Federal State Budgetary Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia, quarterly scientific and practical publication. Moscow. pp. 101-107.

[9] Kovalev O.G. Psychological and pedagogical mechanisms of the genesis of adverse factors affecting the personality formation of juvenile convicts // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3 (109). pp. 169-173.

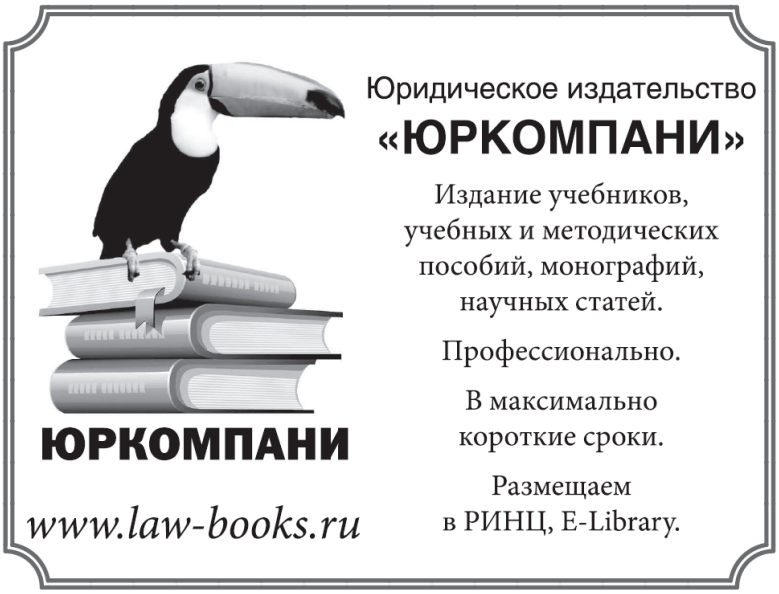
[10] Kovalev O.G., Melnikova O.V. Prevention of repeated crimes of juvenile convicts: issues of theory and penitentiary practice // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 290-295.

[11] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation / Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Filimonov O.V., Seliverstov V.I. (article-by-article) / Moscow, 2008. 448 p.

[12] Kovalev O.G. Modern models of organization of educational work with prisoners sentenced to imprisonment // International Scientific Bulletin. 2025. No. 6. pp. 265-270.

[13] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[14] Vilkova A.V., Kovalev O.G. The execution of punishments at the global level: development prospects // In the collection: Scientific papers of the Federal State Budgetary Institution of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Scientific and practical quarterly publication. Federal State Budgetary Institution of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Moscow. 2022. pp. 126-133.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-671-675

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

КОМПЕТЕНТНОСТЬ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ РАБОТНИКОВ В НАПРАВЛЕНИИ ПРОФИЛАКТИКИ И КОРРЕКЦИИ ПРОЯВЛЕНИЙ ИДЕОЛОГИИ ТЕРРОРИЗМА В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. *Актуальные вызовы современности предъявляют серьезные требования к формированию и развитию компетентности пенитенциарных работников по многим направлениям их профессиональной деятельности. Тем не менее, одним из важнейших направлений формирования и развития рассматриваемой компетентности является направление профилактики проявлений идеологии терроризма в исправительных учреждениях. Об актуальности именно этого направления профилактической работы свидетельствует как совокупность теоретико-методологических исследований в сфере проявления идеологии терроризма в пенитенциарных учреждениях, так и события, происходящие на практике функционирования исправительных учреждений.*

Целью статьи, таким образом, является определение криминолого-типологических личностных характеристик лиц, подверженных влиянию радикализации, а также вовлеченности в процесс распространения идеологии терроризма, способствующих формированию компетентности пенитенциарных работников в направлении работы с осужденными за террористические преступления.

Цель данного исследования достигается посредством разрешения ряда соответствующих задач: исследование содержательных аспектов профессиональной компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактического процесса работы с осужденными за террористические преступления; изучение всех имеющихся результатов проведенной научно-исследовательской работы, направленной на выявление типологических личностных характеристик лиц, подверженных влиянию радикализации и, как следствие этого, вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма; выявление типологических личностных характеристик лиц, подверженных влиянию радикализации, вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма, а в частности, выявление уголовно-правовой характеристики конкретных норм (статей) уголовного права в соответствии с которыми осуждены рассматриваемые лица; определение по результатам нашей исследовательской работы уголовно-правовой характеристики конкретных норм (статей) уголовного права в соответствии с которыми осуждены лица, совершившие преступления террористического характера.

В процессе реализации исследовательской работы применялся следующий методический инструментарий: сравнительный анализ, синтез, индукция, дедукция, анкетирование, интервью, анализ практики организации исправительного воздействия на лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера.

Определены следующие рабочие гипотезы: актуальные современные условия определяют все большее значение проблемного вопроса проявления компетентности пенитенциарных работников в направлении именно профилактики проявлений идеологии терроризма в исправительных учреждениях; возможно предположить, что к содержательным аспектам компетентности пенитенциарных работников относится вопрос их способности идентифицировать типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации и, как следствие этого, вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма в исправительных учреждениях; формированию компетентности работников способствует способность выявлять типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации и, как следствие этого, вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма, а в частности, выявление уголовно-правовой харак-

теристики конкретных норм (статей) уголовного права в соответствии с которыми осуждены рассматриваемые лица; способность выявлять типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации способствует возможность пенитенциарных работников определять уголовно-правовые характеристики конкретных норм (статей) уголовного права в соответствии с которыми осуждены лица, совершали преступления террористического характера.

Результаты исследования позволили достичь цель публикации, а в частности, раскрыть криминолого-типологические личностные характеристики лиц, осужденных за совершение террористических преступлений. Имеющийся объем эмпирических данных об осужденных за террористические преступления позволил сформулировать криминолого-типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации, а также вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма. Прежде всего, это уголовно-правовая характеристика конкретных норм (статей) уголовного права, согласно которых совершены осужденными лицами террористические преступления, а также степень тяжести этих преступлений.

Ключевые слова: *компетентность пенитенциарных работников, направление профилактики, идеология терроризма, исправительные учреждения, осужденные за террористические преступления, криминолого-типологические характеристики.*

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

COMPETENCE OF PRISON STAFF IN PREVENTING MANIFESTATIONS OF TERRORIST IDEOLOGY IN CORRECTIONAL FACILITIES

Annotation. *Current challenges place significant demands on the development and proficiency of penitentiary staff across many areas of their professional work. However, one of the most important areas for developing this competency is the prevention of terrorist ideology in correctional facilities. The relevance of this particular area of preventive work is evidenced by both the body of theoretical and methodological research on the manifestation of terrorist ideology in correctional facilities and the events occurring in the practice of correctional facilities.*

The aim of this article, therefore, is to identify the criminological and typological personality characteristics of individuals susceptible to radicalization, as well as their involvement in the dissemination of terrorist ideology, which contribute to the development of penitentiary staff competence in working with those convicted of terrorist crimes.

The purpose of this study is achieved by addressing a number of related objectives: examining the substantive aspects of the professional competence of penitentiary staff in the preventive process of working with those convicted of terrorist crimes; A study of all available research findings aimed at identifying the typological personality traits of individuals susceptible to radicalization and, as a result, their involvement in the dissemination of terrorist ideology; identifying the typological personality traits of individuals susceptible to radicalization and, as a result, their involvement in the dissemination of terrorist ideology, in particular, identifying the criminal-legal characteristics of specific provisions (articles) of criminal law under which the individuals in question were convicted; determining, based on the results of our research, the criminal-legal characteristics of specific provisions (articles) of criminal law under which individuals who have committed terrorist crimes were convicted.

The following methodological tools were used in the implementation of the research: comparative analysis, synthesis, induction, deduction, questionnaires, interviews, and analysis of the practice of organizing correctional measures for individuals convicted of committing terrorist crimes. The following working hypotheses have been defined: current modern conditions determine the increasing importance of the problematic issue of demonstrating the competence of penitentiary workers in the direction of preventing manifestations of terrorist ideology in correctional institutions; it can be assumed that the substantive aspects of the competence of penitentiary workers include the issue of their ability to identify the typological personal characteristics of individuals susceptible to the influence of radicalization and, as a consequence, involved in the process of spreading the ideology of

terrorism in correctional institutions; the development of the competence of workers is facilitated by the ability to identify the typological personal characteristics of individuals susceptible to the influence of radicalization and, as a consequence, involved in the process of spreading the ideology of terrorism, and in particular, the identification of the criminal-legal characteristics of specific norms (articles) of criminal law in accordance with which the individuals in question were convicted; the ability to identify the typological personal characteristics of individuals susceptible to the influence of radicalization is facilitated by the ability of penitentiary workers to determine the criminal-legal characteristics of specific norms (articles) of criminal law in accordance with which individuals who committed terrorist crimes were convicted. The study's results enabled the publication to achieve its objective, specifically, to reveal the criminological and typological personality characteristics of individuals convicted of terrorist crimes. The available empirical data on those convicted of terrorist crimes allowed for the formulation of criminological and typological personality characteristics of individuals susceptible to radicalization and involvement in the dissemination of terrorist ideology. This primarily involves a criminal-legal characterization of the specific criminal law provisions (articles) under which the convicted individuals committed their terrorist crimes, as well as the severity of these crimes.

Key words: *competence of penitentiary workers, prevention direction, ideology of terrorism, correctional institutions, convicted of terrorist crimes, criminological and typological characteristics.*

Введение. В актуальных современных условиях все большее значение приобретает вопрос проявления компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактики проявлений идеологии терроризма в исправительных учреждениях [4, с. 437; 6, с. 8]. К содержательным аспектам рассматриваемой компетентности пенитенциарных работников относится, прежде всего, вопрос их способности идентифицировать типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации и, как следствие этого, вовлеченности их в процесс распространения идеологии терроризма в исправительных учреждениях [2, с. 117].

Необходимо отметить и то, что рассматриваемая в материалах нашей публикации компетентность пенитенциарных работников может быть сформирована лишь на основании полученных результатов реализованной научно-исследовательской работы, направленной на выявление типологических личностных характеристик лиц, подверженных влиянию радикализации и, как следствие этого, вовлеченности их в процесс распространения идеологии терроризма.

Гипотезы исследования:

– актуальные современные условия определяют все большее значение проблемного вопроса проявления компетентности пенитенциарных работников в направлении именно профилактики проявлений идеологии терроризма в исправительных учреждениях;
– возможно предположить, что к содержательным аспектам компетентности пенитенциарных работников относится вопрос их способности идентифицировать типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации и, как следствие этого, вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма в исправительных учреждениях;
– формированию компетентности работников способствует способность выявлять типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации и, как следствие этого, вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма, а в частности, выявление уголовно-правовой характеристики конкретных норм (статей) уголовного права в соответствии с которыми осуждены рассматриваемые лица;
– способность выявлять типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации способствует возможность пенитенциарных работников определять уголовно-правовые характеристики конкретных норм (статей) уголовного права, в соответствии с которыми осуждены лица, совершившие преступления террористического характера.

Цель статьи – определение криминолого-типологических личностных характеристик лиц, подверженных влиянию радикализации, а также вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма, способствующих формированию компетентности пенитенциарных работников в направлении работы с осужденными за террористические преступления. Задачи статьи:

– исследование содержательных аспектов профессиональной компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактического процесса работы с осужденными за террористические преступления;
– изучение всех имеющихся результатов проведенной научно-исследовательской работы, направленной на выявление типологических личностных характеристик лиц, подверженных влиянию радикализации и,

как следствие этого, вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма;
– выявление типологических личностных характеристик лиц, подверженных влиянию радикализации и, как следствие этого, вовлеченных их в процесс распространения идеологии терроризма, в частности, выявление уголовно-правовой характеристики конкретных норм (статей) уголовного права в соответствии с которыми осуждены рассматриваемые лица;
– определение по результатам нашей исследовательской работы уголовно-правовой характеристики конкретных норм (статей) уголовного права, в соответствии с которыми осуждены лица, совершившие преступления террористического характера.

К методам и методикам работы относятся реализация: сравнительного анализа, синтеза, индукции, дедукции, анкетирования, интервью, анализа практики организации исправительного воздействия на осужденных, обобщение, моделирование, наблюдение и т.д.

Результаты исследования. Необходимо отметить, что в настоящий момент имеется ряд результатов проведенной научно-исследовательской работы, направленной на выявление типологических личностных характеристик лиц, подверженных влиянию радикализации и, как следствие этого, вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма [1, с. 15; 5, с. 77]. Эти результаты исследовательской работы носят, скорее, межотраслевой, междисциплинарный характер и определяют необходимым обратится в процессе формирования рассматриваемой нами компетентности пенитенциарных работников к данным, относящимся к различным научным отраслям и учебным дисциплинам. И в этом ряду нам необходимо особо выделить данные, относящиеся к сфере криминологии, уголовного права и уголовно-исполнительного права. Подчеркнем еще раз, что лишь рассматриваемый нами характер интеграции возможностей различных научных отраслей и учебных дисциплин позволит сформировать актуальную компетентность пенитенциарных работников в направлении профилактики проявлений идеологии терроризма в исправительных учреждениях.

Из общего объема актуальных научных отраслей и учебных дисциплин мы обращаем внимание, прежде всего, на необходимость учета криминолого-типологических личностных характеристик лиц, подверженных влиянию радикализации, а также вовлеченности в процесс распространения идеологии терроризма в процессе формирования компетентности пенитенциарных работников в направлении работы с осужденными за террористические преступления [3, с. 45; 5, с. 77].

Весь имеющийся объем эмпирических данных об осужденных за террористические преступления позволил сформулировать криминолого-типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации, а также вовлеченности в процесс распространения идеологии терроризма. Прежде всего, это уголовно-правовая характеристика конкретных норм (статей) уголовного права, согласно которых совершены осужденными лицами террористические преступления, а также степени тяжести этих преступлений. Так, нами определено, что чаще всего (более 42%) преступления террористического характера совершаются в соответствии с содержанием статьи 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее ¬– статья кодекса) «Террористический акт». Аналогичный показатель принадлежит преступлениям террористического характера, совершающимся в соответствии с содержанием статьи 208 кодекса. Эти преступления относятся к категориям тяжких и особо тяжких преступлений. Примечательно то, что каждый пятый из числа лиц, осужденных за террористические преступления, совершил смешанное экстремистско-террористическое преступление, то есть совершенное преступление состояло из ряда эпизодов террористического и экстремистского характера.

Остальным статьям кодекса, относящимся к преступлениям террористического характера, принадлежат куда более скромные показатели. Так, преступления террористического характера, совершающиеся в соответствии с содержанием статьи 318 кодекса, совершаются лишь в 6% случаев совершения таких преступлений. Это преступление относится к категории тяжких преступлений. А преступления террористического характера, совершающиеся в соответствии с содержанием статьи 206 кодекса, реализуются всего в 5,5% случаев совершения террористических преступлений и определяются как особо тяжкие преступления.

Оставшиеся статьи кодекса, относящиеся к преступлениям террористического характера, имеют еще менее значительные показатели, колеблющиеся в диапазоне от 1 до 2 процентов от общего количества совершенных преступлений террористического характера. Говорить, таким образом, о распространенности таких преступлений, относящихся к преступлениям террористического характера и раскрывающих уголовно-правовую характеристику конкретных норм (статей) уго-

ловного права, согласно которых совершены осужденными лицами террористические преступления, а также степени тяжести этих преступлений, не приходится. В свою очередь указанная выше уголовно-правовая характеристика конкретных норм (статей) уголовного права способствует определению криминолого-типологических личностных характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации, а также вовлеченных в процесс распространения идеологии терроризма.

Выводы, заключение. Определенные по результатам нашей исследовательской работы уголовно-правовая характеристика конкретных норм (статей) уголовного права осужденных за преступления террористического характера, а также криминолого-типологические личностные характеристики лиц, подверженных влиянию радикализации, способствуют, таким образом, формированию компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактики проявлений идеологии терроризма в исправительных учреждениях.

Список литературы:

[1] Бабкина Н.А. Устойчивость сотрудника ОВД в сложных профессиональных ситуациях // Психопедагогика в правоохранительных органах. Омск. 2007. № 4. С. 56.

[2] Вилкова А.В., Холопова Е.Ю. Стрессогенность: психотравмирующие педагогические факторы // Перспективы науки. – 2021. – № 12(147). – С. 95-97.

[3] Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Агрессия и психическое здоровье. – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 2002. 464 с.

[4] Караваев О.В., Субботина О М. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с региональными органами власти по вопросам социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань, 2016. Т. 2. С. 437–440.

[5] Кулакова С.В. Профессиональное выгорание психологов уголовно-исполнительнй системы Российской Федерации: история феномена, анализ акуальной проблематики, направления профилактики // Педагогика и современное образование: Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования, Санкт-Петерьург, 08 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2022. – С. 76-80.

[6] Кровяков В.М. Психотравматология. Психическая травма, психогении в этиопатогенетических механизмах развития психических расстройств: монография. – Екатеринбург, 2006. С. 10.

References:

[1] Babkina N.A. Stability of an ATS officer in difficult professional situations//Psychopedagogy in law enforcement agencies. Omsk. 2007. № 4. S. 56.

[2] Vilkova A.V., Kholopova E.Yu. Stressogenicity: psycho-traumatic pedagogical factors//Perspectives of science. – 2021. – № 12(147). - S. 95-97.

[3] Dmitrieva TB, Shostakovich BV Aggression and Mental Health. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. 464 p.

[4] Karavaev O.V., Subbotina O.M. Improving the forms and mechanisms of interaction between institutions and bodies of the penal system and regional authorities on the social adaptation of convicts//Penal policy and issues of the execution of criminal sentences: Sat. materials International. scientific-practical. conf. (Ryazan, November 24-25. 2016): in 2 vols. Ryazan, 2016. VOL. 2. S. 437-440.

[5] Kulakova S.V. Professional burnout of psychologists of the penitentiary system of the Russian Federation: the history of the phenomenon, analysis of academic issues, areas of prevention//Pedagogy and modern education: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Scientific Leaders, Young Scientists Specializing in Education, St. Petersburg, June 08, 2022. - St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, 2022. - S. 76-80.

[6] Krovyakov V.M. Psychotraumatology. Mental trauma, psychogenics in etiopathogenetic mechanisms of the development of mental disorders: monograph. - Yekaterinburg, 2006. S. 10.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-676-682

КОРЯГИНА Светлана Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Института юстиции Байкальского государственного университета,
e-mail: koryagina.sveta@yandex.ru.

ГАРМЫШЕВ Ярослав Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Института юстиции Байкальского государственного университета,
e-mail: garmyv@mail.ru.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье рассмотрены отдельные вопросы криминологической характеристики преступлений, связанные с вовлечением несовершеннолетних граждан в незаконный оборот наркотических средств или их аналогов при непосредственной оптимизации современной уголовной политики в противодействии отдельным видам преступлений. Определено, что некоторые аспекты уголовно-правого характера остаются недостаточно урегулированы в практическом плане, и данный факт не соответствует криминологическим требованиям, что необходимо устранить законодательным и правоприменительным путем. Конкретизированы признаки объективной стороны состава преступления при вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность и сделан вывод, что свойство деяния должно отражать показатели общественной опасности. К числу современных актуальных проблем уголовно-правового механизма вовлечения несовершеннолетних в преступную детальность определены признаки современных информационных технологий. Отмечается, что в отраслевом законодательстве при формулировании задач в информационном ограничении определенных ресурсов нужно реализовать баланс интересов различных субъектов права, а также предлагается расширить их перечень на тех субъектов, которые могут представлять его интересы несовершеннолетних лиц: любых сферах жизнедеятельности, а не только в процессе воспитательной деятельности молодежи, что расширяет сферу уголовной ответственности в отношении института представительства. Предлагается концепция эффективной уголовно-правовой защиты несовершеннолетних граждан от противоправной деятельности. В своей методологической основе она базируется, в том числе на принципе приоритета сбалансированности мер противодействия преступности и уголовно-правовой защиты объекта уголовно-правовой охраны. Сделан вывод о необходимости использования научных подходов к изучению преступной деятельности в сфере противодействия различным формам преступности.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, вовлечение в преступление, квалификация преступлений, ответственность, незаконный оборот наркотических средств.*

KORYAGINA Svetlana Anatolyevna,
PhD, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Criminology Institute
of Justice of Baikal State University

GARMYSHEV Yaroslav Vladimirovich,
PhD, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Criminal Law and Criminology Institute
of Justice of Baikal State University

SOME ASPECTS OF COUNTERING THE INVOLVEMENT OF MINORS IN DRUG TRAFFICKING: CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL LAW ASPECTS

Annotation. *The article considers certain issues of criminological characteristics of crimes related to the involvement of minors in the illicit trafficking of narcotic drugs or their analogues in the direct optimization of modern criminal policy in countering certain types of crimes. It is determined that some aspects of the criminal law nature remain insufficiently regulated in practical terms, and this fact does not meet criminological requirements, which must be eliminated by legislative and law enforcement means. The signs of the objective side of the corpus delicti in the involvement of minors in criminal activities are specified and it is concluded that the property of the act should reflect indicators of public danger. The signs of modern information technologies are identified among the current urgent problems of the criminal law mechanism for involving minors in criminal detail. It is noted that in sectoral legislation, when formulating tasks in the information restriction of certain resources, it is necessary to realize a balance of interests of various subjects of law, and it is also proposed to expand their list to those subjects who can represent his interests of minors: any spheres of life, and not only in the process of youth education, which expands the scope of criminal liability in relation to Institute of Representation. The concept of effective criminal law protection of minors from illegal activities is proposed. In its methodological basis, it is based, inter alia, on the principle of priority of balancing crime prevention measures and criminal law protection of the object of criminal law protection. The conclusion is made about the need to use scientific approaches to the study of criminal activity in the field of countering various forms of crime.*

Key words: *minor, involvement in a crime, qualification of crimes, responsibility, illicit drug trafficking.*

На законодательном и правоприменительном уровне должна выстраиваться соответствующая общественная безопасность всех сфер жизни общества, создана эффективная система защиты прав и законных интересов соответствующих субъектов правоотношений от противоправных деяний. Борьба с незаконным оборотом наркотиков занимает центральное место в повестке дня по укреплению национальной безопасности, поскольку уголовная политика играет решающую роль в поддержании правопорядка и защите общества от угроз, связанных с распространением наркотиков в обществе целом, молодежи в частности.

Наиболее актуальным документом, регулирующим борьбу с незаконным оборотом наркотиков среди молодежи, особенно несовершеннолетних в России, является «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030» [10]. В документе (Р.3; п.9 Угрозы национальной безопасности в сфере оборота наркотиков) отмечается «угрозы, связанные с попытками легализации наркотиков, увеличением объема производства и транзитом наркотиков через Россию, а также ростом популярности синтетических наркотиков, представляют особую опасность для молодежи». Более того, в упомянутом документе (Р.2 п. 8 Анализ наркоситуации в Российской Федерации) говорится, что, проведенные антинаркотическими комиссиями в субъектах России социологические исследования, демонстрируют тревожную ситуацию, связанную с уровнем наркотизации общества и отношением молодежи к этому явлению. Среди молодых людей эта проблема проявляется особенно остро: около 21,8% опрошенных сталкивались с предложением попробовать наркотики, каждый четвертый респондент (24%) имеет контакты с людьми, употребляющие наркотики. Подобные параметры подчеркивают необходимость усиленного внимания к молодежной среде и разработке результативных профилактических мер против их распространения.

Согласно данным Судебного департамента Верховного суда, хотя число осужденных несовершеннолетних снизилось в 2024 году, значительная доля приходится на преступления, связанные с наркотиками (ст. ст. 228-234.1 УК). Среднее значение за последние пять лет составляло примерно 9 %, тогда как в 2024 году оно достигло рекордных 10,7%. Стоит отметить положительную динамику прироста осужденных за аналогичные преступления в 2022 и 2024 годах, когда показатели выросли на 5,9% и 2,2% соответственно (*табл.1*).

Таблица 1. Количество осужденных несовершеннолетних за преступления, связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами, % [11]

Показатель	2020	2021	2022	2023	2024
Всего осуждено несовершеннолетних возрасте 14-17 лет	14 702	14 855	14 214	12 769	11944
преступления, связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами (ст.ст.228-234.1 УК РФ)	1321	1413	1497	1247	1274
Удельный вес,%	9,0	9,5	10,5	9,8	10,7
Прирост к предш. году, %	-	+6, 9	+5,9	-16,7	+2,2

Обращает на себя внимание значительное увеличение количества осужденных несовершеннолетних за незаконный оборот наркотиков в группе за период с 2020 по 2024 год (*рис.1*). Так, в 2020 году этот показатель составлял 36,6 %, а к 2024 году он вырос до 60, 9%. Это может свидетельствовать о вовлечении подростков в распространение наркотиков и их желании быстрого заработка без значительных усилий, а также о влиянии сверстников и старших по возрасту лиц. Очевидно, что доступность информации о наркотиках в социальных сетях и интернете также способствует их распространению. За последние пять лет доля осужденных несовершеннолетних в составе группы с участием взрослых увеличилась в 2 раза, в 2024 году и она составила 48,7%. Иными словами, каждый второй осужденный несовершеннолетний в составе группы был вовлечен в преступную деятельность с участием взрослых.

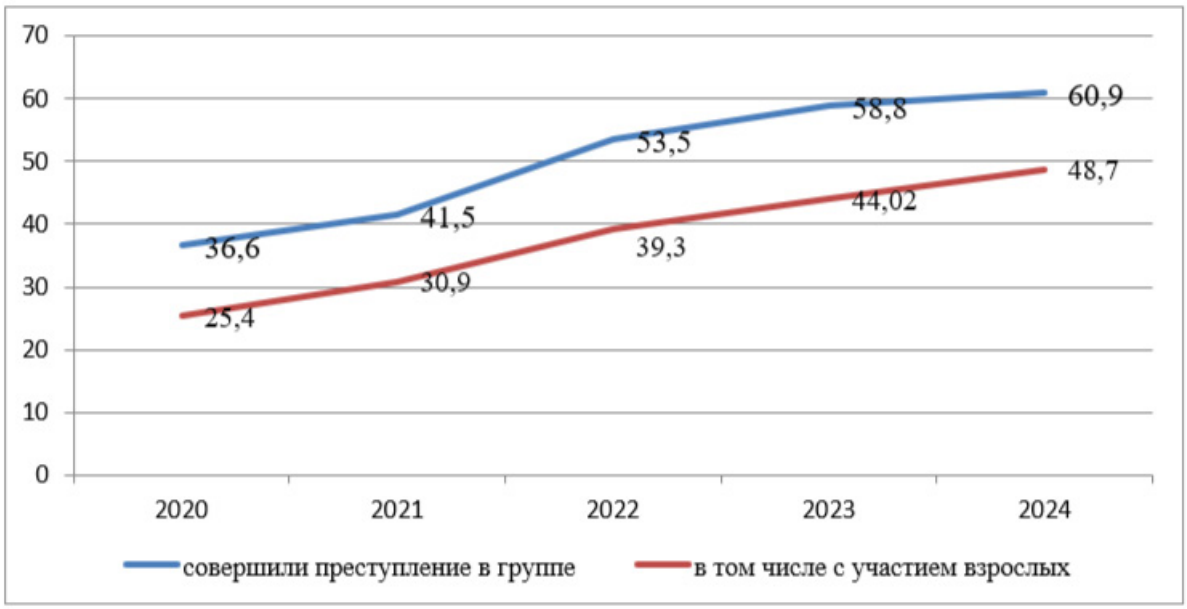


Рисунок 1. Характеристика несовершеннолетних, осужденных за преступления связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами, в зависимости от группового признака, %

Более того, исследование показывает, что система наказаний для несовершеннолетних имеет недостатки, а официальные данные и эмпирические исследования подтверждают низкую эффективность мер предупреждения среди этой группы. Высокий уровень рецидива преступлений после отбытия наказания свидетельствуют о необходимости пересмотра подходов (*рис.2*). Отметим, что осужденные за преступления, связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами, имеющие неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения за исследуемый период (2020 -2024 гг.) в среднем составило 9,0%. Причем отчетливо прослеживается темп их прироста в 2023 году +18,09 %; в 2024 году + 11,3%, что свидетельствует о негативной динамики.

Между тем, наказание для несовершеннолетних осужденных имеют свои особенности, такие как сокращенные сроки и дифференциация в зависимости от возраста. Самым распространенным видом наказания является лишения свободы с применением условного осуждения, которое составляет около 70% всех назначенных наказаний.

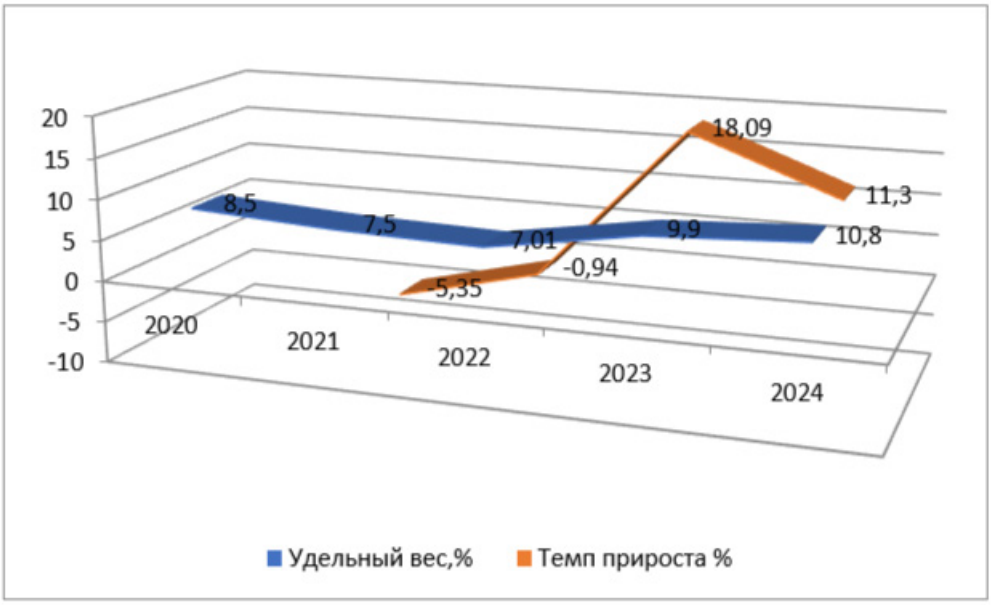


Рисунок 2. Характеристика несовершеннолетних, осужденных за преступления связанные с наркотическими средствами или психотропными веществами, имеющих неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения

Риски рецидива при назначении условного осуждения несовершеннолетних включает несколько ключевых аспектов. Во-первых, отсутствие реального наказания, не создает достаточного сдерживающего фактора для предотвращения повторного совершения преступления. Во-вторых, подростки, находящиеся под условным осуждением, могут продолжать общаться с криминальными лицами, в том числе с лицами, старшими по возрасту, что также увеличивает риск рецидива. В-третьих, условное осуждение требует регулярного контроля со стороны правоохранительных органов, но этот контроль может быть недостаточно эффективным, что позволяет подростку продолжать преступную деятельность.

Если рассматривать уголовно-правовой аспект анализируемой темы, то термин «вовлечение», указанный в содержании признаков преступного деяния, давно является предметом обсуждения в юридической литературе, но отсутствие единого подхода к его пониманию влечет оценочные признаки в каждой конкретной ситуации на практике. Правовая терминология, как отмечается в юридической литературе, должна передавать законодательный смысл, структурно формировать норму, однако это не всегда прослеживается [1,2].

В этой связи по смысловому содержанию представляется более правильным преступную деятельность в виде вовлечения и склонения рассматривать не тождественно, хотя законодатель призывает в отдельных моментах к обратному выводу и поэтому совершенно справедливым представляется суждение, что «преступное вов-

лечение является более широким понятием, построения предложения «склонение» и «склонение и вербовка» являются частными деяниями, которые используется в уголовном законе, а «иное вовлечение» является общей характеристикой, иными словами «иное вовлечение» поглощает и «склонение», и вербовку» [3, с. 148]. В контексте противодействию преступлениям правовая неопределенность в квалификации противоправных действий возникает так же в определении содержания термина «призыв». В частности, А. В. Галахова указала, что призыв – это воздействие на сознание и волю людей с целью возбуждения у них желания вести себя определенным образом [4]. Следовательно, призыв в отношении несовершеннолетнего следует определить, как противоправное воздействие на его сознание, побуждение к определенным поступкам, нужным для заинтересованного субъекта.

Как отмечается совершенно правильно в теории права, что «временами «возникают сложности с доказыванием вины при вовлечении несовершеннолетних, особенно когда они действуют под влиянием старших товарищей или родственников, что требует уточнения норм и усиления мер профилактики» [5]. В уголовном законе указано, что виновным лицом в квалифицированном составе ст. 150 УК РФ может быть только лицо, которое обязано воспитывать несовершеннолетнего и как возможный вариант, учитывая вышеизложенное, предлагается расширить их перечень на тех субъектов, которые могут представлять его интересы в целом: любых сферах жизнедеятельности, а не только в процессе воспитательной деятельности молодежи, что расширяет сферу уголовной ответственности в отношении института представительства.

Доступность на сегодняшний день информационных ресурсов предопределяет так же вопрос о необходимости его возможного ограничения для аудитории несовершеннолетних лиц [6,7]. Задача осложняется необходимостью совмещения соблюдения принципа свободы информации и применения действий по недопущению негативного информационного воздействия на несовершеннолетних. Как отмечает А.В. Бычков в отраслевом законодательстве при формулировании задач в информационном ограничении определенных ресурсов присутствует «формулировка закона: не «применяются меры», а «могут применяться меры», что означает, отсутствие ответственности с контролирующего органа (Роскомнадзора) за непринятие мер информационной безопасности и если дополнительно анализировать практику применения законодательства по отдельным иностранным информационным ресурсам, то она «демонстрирует относительную непоследовательность правоприменителя, которая фактически граничит с халатностью» [8]. Представляется своевременным внедрением в информационное пространство различного рода цифровых программ, по аналогии с системой автоматического поиска «Окулус», которые бы отслеживали соответствующею информацию при противодействии различным противоправным деяниям.

На сегодняшний день особую проблему в противодействии преступности представляет и такая форма, «где несовершеннолетний опосредованно может выполнять роль посредника, в частности, под воздействием привлекательности работы курьером, фасовщика и пр. работ. Как правило молодые люди соглашаются на получение легких денег и, сами того не подозревая, перевозят запрещенные вещества. Так же можно остановиться на такой форме для несовершеннолетнего как работа трафаретчиком, где предлагается сначала его изготовление, а затем размещение с его помощью рекламы в общественных местах, где виновный субъект уверяет подростка, что максимум это мелкое хулиганство, однако данный факт может грозить вандализмом или склонением к потреблению запрещенных веществ для несовершеннолетнего и тут нужно дифференцированно подходить в установлении признаков общественной опасности и противоправности деяния. При установлении признаков состава конкретного преступления в сфере общественной безопасности существенную роль играет процесс установления вины соответствующих субъектов правоотношений, которая указывает определенное психическое отношение лица к совершаемому им событию преступления и возникшим преступным последствиям. Учитывая умышленную форму вины в анализируемой группе преступлений, то совершенно справедливо высказывание А.И. Рарога, что «предметом сознания как элемента умысла является не только общественная опасность, но и осознание противоправности своего деяния [9].

Очевидно, многие аспекты уголовно-правого характера остаются, недостаточно урегулированы, и не соответствуют криминологическим требованиям. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода предупреждению незаконного оборота наркотиков среди молодежи, который предусмотрен в Указе Президента «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года». В документе частности отмечается:

1. Профилактика незаконного потребления наркотиков среди молодежи:

– внедрение профилактических мероприятий в образовательные программы, федераль-

ные и региональные программы, практики гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания граждан, в особенности детей и молодежи.
– социально-психологическое тестирование обучающихся в образовательных организациях для раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ.
2. Развитие инфраструктуры и методов первичной профилактики:
– совершенствование педагогических программ и методик профилактики противоправного поведения несовершеннолетних и включение таких программ и методик в электронные образовательные ресурсы.
3. Духовно-нравственное воспитание:
– фокус внимания сделан на воспитании гражданственности и нравственности, что способствует формированию у молодежи ценностей, несовместимых с незаконным потреблением наркотиков.
4. Ранее выявление незаконного потребления наркотиков:
– совершенствование механизма раннего выявления незаконного потребления наркотиков в образовательных организациях.
– создание условий обязательного участия обучающихся в мероприятиях, связанных с формированием негативного их отношения к потреблению наркотиков.

Учитывая вышеуказанные обстоятельства, предопределяется соответствующий вывод о важности комплексного подхода в противодействии преступности в отношении несовершеннолетних, включающего не столько улучшение образовательного процесса, усиление взаимодействия семьи и образовательных учреждений, разработку индивидуальных профилактических программ и расширение информированности населения, сколько обязательное глубокое изучение и учет факторов, влияющих на криминализацию личности. Кроме этого, законодательные инициативы требуют определенной методической проработки, поэтапного тестирования в современных условиях, а также мониторинга и оценки промежуточных результатов для последующей корректировки.

Список литературы:

[1] Гришанин Д.С. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления: вопросы толкования / Д.С. Гришанин // Российская государственность: история и современность: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Абакан, 27 октября 2023 года. — Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2023. — С. 31—33.

[2] Замараев В.И., Никиташина Н.А. Дефиниции в уголовном законодательстве // Вестник Сургутского государственного университета. 2023. Т. 11. — № 2. — С. 84—90

[3] Кашкаров А. А. Уголовно-правовая характеристика склонения и вовлечения в преступную деятельность / А.А. Кашкаров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2021. — Т. 7 (73), № 2. — С. 141—146.

[4] Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. — М.: Норма, 2014. — 735 с.

[5] Гармышев Я.В. Вовлечение несовершеннолетних в преступления против общественной безопасности: криминологический и уголовно-правовой аспект / Я.В. Гармышев, С.А. Корягина, Г.Г. Небратенко. — DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(4).1460-1469. — EDN WGISYD // Baikal Research Journal. — 2025. — Т. 16, № 4. — С. 1460–1469.

[6] Забавко Р.А. Теоретико–методологические подходы к «цифровизации» уголовного закона / Р.А. Забавко, Т.И. Забавко. — DOI 10.17150/1819–0928.2025.26(3).501–510. — EDN YFICHO // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 3. — С. 501–510.

[7] Жмуров Д.В. От нейронных сетей к нейропреступности / Д.В. Жмуров. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.2.42-48. — EDN DQDSAD // Сибирские уголовно–процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 2. — С. 42–48.

[8] Бычков А.В. Противодействие деструктивному контенту, распространяемому на интернет-ресурсах иностранных лиц: проблемы правоприменительной практики / А.В. Бычков // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 3(39). — С. 27—38.

[9] Бархатова Е.Н. Вина в преступлениях в сфере спорта / Е.Н. Бархатова, Э.В. Якушев. — EDN IPKRTR // Вестник Калининградского филиала Санкт–Петербургского университета МВД России. — 2025. — № 1(79). — С. 9–15.

[10] Указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. N 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС Консультант Плюс: [сайт] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/?ysclid=mluoojo18k79285454 (дата обращения 20.02.2026).

[11] Данные Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г. URL: http://www.cdep.ru;Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020-2024 годы. URL: http://www.cdep.ru (дата обращеө ния: 10.02.2026).

References:

[1] Grishanin D.S. Involvement of minors in the commission of a crime: interpretation issues/D.S. Grishanin//Russian statehood: history and modernity: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Abakan, October 27, 2023. - Abakan: Khakass State University named after N.F. Katanova, 2023. - S. 31 - 33.

[2] Zamaraev V.I., Nikitashina N.A. Definition in criminal law//Bulletin of Surgut State University. 2023. T. 11. — № 2. - S. 84 - 90

[3] Kashkarov A.A. Criminal law characterization of declination and involvement in criminal activity/A.A. Kashkarov//Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. — 2021. - T. 7 (73), NO. 2. - S. 141-146.

[4] Evaluation features in the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation: scientific-practical. allowance/ed. A.V. Galakhova. - M.: Norma, 2014. - 735 s.

[5] Y. V. Garmyshev. Involvement of minors in crimes against public safety: criminological and criminal law aspects/Ya.V. Garmyshev, S.A. Koryagina, G.G. Nebratenko. — DOI 10.17150/2411-6262.2025.16(4).1460-1469. — EDN WGISYD // Baikal Research Journal. — 2025. - T. 16, NO. 4. - S. 1460-1469.

[6] Zabavko R.A. Theoretical and methodological approaches to the “digitalization” of the criminal law/R.A. Zabavko, T.I. Zabavko. — DOI 10.17150/1819–0928.2025.26(3).501–510. - EDN YFICHO//Academic Law Journal. — 2025. - T. 26, NO. 3. - S. 501-510.

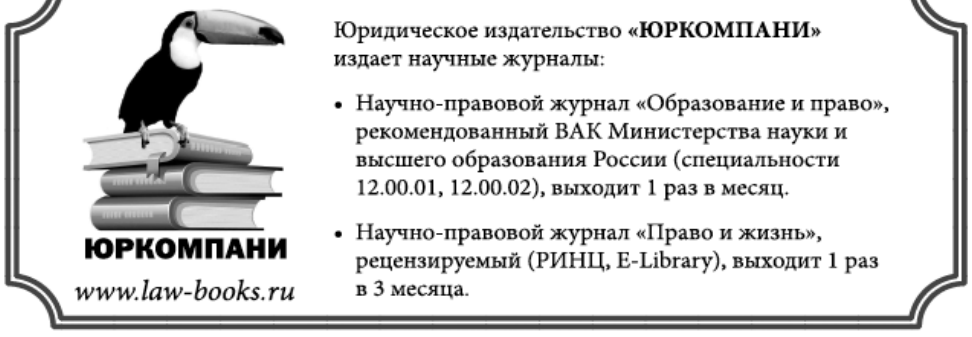
[7] D.V. Zhmurov. From neural networks to neuro-crime/D.V. Zhmurov. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.2.42-48. - EDN DQDSAD//Siberian Criminal Procedure and Forensic Readings. — 2025. — № 2. - S. 42-48.

[8] Bychkov A.V. Counteraction to destructive content distributed on the Internet resources of foreign persons: problems of law enforcement practice/A.V. Bychkov//Prologue: a journal about law. — 2023. — № 3(39). - S. 27-38.

[9] Barkhatova E.N. Guilt in crimes in the field of sports/E.N. Barkhatova, E.V. Yakushev. - EDN IPKRTR//Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2025. — № 1(79). - S. 9-15.

[10] Decree of the President of the Russian Federation of November 23, 2020 No. 733 “On approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the period up to 2030 “// SPS Consultant Plus: [website] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/?ysclid=mluoojo18k79285454 (date of reference 20.02.2026).

[11] Data of the Office of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2024 URL: http://www.cdep.ru; Main statistical indicators of the state of criminal record in Russia for 2020-2024. URL: http://www.cdep.ru (access date: 10.02.2026).



Дата поступления рукописи в редакцию: 19.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-683-689

ЛУНЁВ Максим Валерьевич,
аспирант департамента права
Института экономики, управления и права,
ГАОУ ВО «Московский государственный педагогический университет»,
адвокат, Московская коллегия адвокатов «ГРАД»,
e-mail: maxim.lunev@gmail.com

Научный руководитель:
ДАНЕЛЯН Рита Суреновна,
кандидат юридических наук,
доцент департамента права
Института экономики, управления и права,
ГАОУ ВО «Московский государственный педагогический университет»,
e-mail: rozmarin.58@list.ru

КВАЛИФИКАЦИЯ ЗВОНКА МОШЕННИКА КАК ОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *В последние годы мобильный телефон превратился в основной инструмент коммуникации, что привело к бурному росту дистанционного мошенничества. Ежедневно в России совершаются миллионы звонков с целью обмана граждан, однако большинство таких деяний остаются безнаказанными ввиду отсутствия четкой уголовно-правовой квалификации. В статье рассматриваются проблемы определения момента окончания преступления при дистанционном мошенничестве, анализируются положения уголовного законодательства и судебная практика. Проведен анализ дел, квалифицированных как покушение на мошенничество, и установлено, что основное различие между приготовлением и покушением состоит в моменте передачи ложных сведений потерпевшему и конкретизации требований о передаче имущества. Отмечается отсутствие правоприменительной практики по квалификации подобных действий как приготовления. Рассматриваются альтернативные подходы к оценке противоправности действий. В статье делается вывод о необходимости законодательного закрепления самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за совершение телефонных и электронных коммуникаций, содержащих заведомо ложную информацию, аналогично опыту Китайской Народной Республики. Предлагается создать отдельную уголовно-правовую норму, направленную на защиту граждан от массовых мошеннических звонков, что позволит повысить эффективность противодействия дистанционному мошенничеству и обеспечить реальную защиту информационной безопасности.*

Ключевые слова: *квалификация преступлений, информационно-коммуникационные технологии, окончание преступления, телефонное мошенничество, дистанционное мошенничество, приготовление к мошенничеству, покушение на мошенничество.*

LUNEV Maksim Valerievich,
graduate student, The Institute of Economics,
Management and Law, Moscow City University,
advocate, Moscow Bar Association GRAD

Scientific supervisor:
DANELYAN Rita Surenovna,
Candidate of Sciences in Jurisprudence,
Associate Professor of the Department of Law
of the Institute of Economics, Management and Law,
Moscow City University

CLASSIFICATION OF A FRAUDULENT TELEPHONE CALL AS A COMPLETED CRIME

Annotation. *In recent years, the mobile phone has become the primary tool of communication, leading to a rapid increase in remote fraud. Every day, millions of calls are made in Russia with the intent to deceive citizens; however, most of these acts remain unpunished due to the lack of clear criminal-legal qualification. The article examines the issue of determining the moment of completion of a crime in cases of remote fraud and analyzes the provisions of criminal law and judicial practice. A review of cases classified as attempted fraud shows that the main distinction between preparation and attempt lies in the moment when false information is conveyed to the victim and when specific demands for the transfer of property are made. The absence of law enforcement and judicial practice qualifying such actions as preparation is emphasized. Alternative approaches to assessing the unlawfulness of such conduct are also considered. The article concludes that there is a need to legally establish a separate criminal offense that provides liability for making telephone or electronic communications containing deliberately false information, similar to the approach adopted in the People's Republic of China. It is proposed to create an independent criminal law norm aimed at protecting citizens from mass fraudulent calls, which would increase the effectiveness of combating remote fraud and ensure genuine protection of information security.*

Key words: *crime qualification, information and communication technologies, crime completion, telephone fraud, remote fraud, preparation for fraud, attempted fraud.*

Мобильный телефон в последние десятилетия превратился из средства связи в полноценный карманный компьютер, ставший неотъемлемой частью обыденной жизни. Люди с ним просыпаются и засыпают. Коммуникация с другими людьми ведется по большей части через смартфон. Учитывая этот факт, чтобы найти и связаться с человеком, достаточно просто знать его абонентский номер, позвонить или написать сообщение. Безусловно, создание условий для удобства человеческого общения – это улучшение жизни людей, но обратная сторона развития технологий – это их использование в преступных целях.

Особое распространение в настоящее время получило дистанционное мошенничество, когда злоумышленники, зная абонентский номер жертвы и другие персональные данные, совершают звонок, представляясь, например, сотрудниками правоохранительных органов, государственных органов и учреждений, а затем под обманным предлогом выманивают деньги потерпевшего. Сценарии таких звонков на практике могут быть разные: помощь родственникам, попавшим в беду или в правоохранительные органы; угроза собственным денежным средствам от «потенциальных мошенников»; связи с «неизвестными преступниками»; проблемы с налоговой службой; почтовые отправления от Почты России; вербовка сотрудниками Федеральной Службы Безопасности. Схемы постоянно меняются, чтобы иметь преступный успех. Однако большинство таких звонков оканчиваются ничем для злоумышленников. Их обман раскрывается, люди им попросту не верят и заканчивают разговор.

В свою очередь, широкому распространению подобных звонков способствует их фактическая безнаказанность, обусловленная проблемой квалификации, а именно определения момента окончания преступления.

В 2025 году на территории Российской Федерации в сфере противоправного использования информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ) было зарегистрировано 675 372 преступления, из которых 51 % составляют дистанционные мошенничества (ст. 159, 159.3 и 159.6 УК РФ) [8]. Раскрываемость из 345 879 вышеуказанных преступлений составила всего лишь 9,1 %.

Однако, это только вершина айсберга. Заместителем председателя правления ПАО «Сбербанк» С. Кузнецовым отмечалось, что примерно 6-7 млн звонков ежедневно поступают россиянам, а на пике (в марте 2024 года) их совершалось в день около 20 млн раз [9].

По данным ВЦИОМ свыше 67% россиян получали фейковые звонки, с попытками обмана путем получения сообщений сталкивался каждый шестой (17%) [10].

Таким образом, масштаб мошеннических звонков по сравнению с количеством возбужденных уголовных дел превышает в тысячи раз. Необходимо оговориться, уголовные дела возбуждаются в подавляющем своем значении именно по оконченным преступлениям, когда мошенники получили денежные средства своих жертв. Собственно, подавляющая часть всех попыток (звонков) остаются безнаказанными, что является одной из ключевых проблем в противодействии дистанционному мошенничеству.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин на основе анализа уголовных дел прогнозирует, что пик показателей преступности в сфере ИКТ еще не достигнут, а тенденция к росту вышеуказанных преступлений будет сохраняться [1].

Проблема роста преступлений, совершенных с использованием ИТТ, а также количества мошеннических звонков отражена в Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [11]. Одной из целей государственной политики названо совершенствование уголовного законодательства в части определения видов преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий.

В качестве одной из задач обеспечения государственной и общественной безопасности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [12] определены предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Для реализации вышеуказанных целей и задач рассмотрим звонок мошенника как преступное деяние. С учетом правоприменительной практики конструкция такого звонка состоит из следующих элементов:

1) Приискание сведений о потенциальной жертве: абонентский номер, фамилия, имя, отчество, возраст и т.п. В ряде случаев мошенники подходят тщательно к разработке конкретного человека, узнают его личность, его род деятельности, социальные связи, состояние счетов.
2) Разработка сценария взаимодействия с жертвой – например, операция спецслужб, которая предотвращает хищение денежных средств и вывод их на счета террористических группировок.
3) Подбор подставных абонентских номеров для звонков жертве (жертвам) и (факультативно) подконтрольных расчетных счетов для перечислений от неё (них).
4) Звонок и общение с жертвой – собственно реализация сценария, непосредственный обман и введение в заблуждение.
5) Передача потерпевшим имущества преступнику.

На четвертом этапе и возникает проблема. Звонок могут отклонить, не ответить, а в случае начала общения – прекратить его в любой момент. Остается вопрос имело ли место преступление – мошенничество, если да, то с какого момента его следует считать оконченным.

Мошенничество как форма хищения совершается с корыстной целью и состоит в противоправном безвозмездном изъятии и (или) обращении чужого имущества (прим. 1 ст. 158 УК РФ).

Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации [13] мошенничество будет оконченным, когда имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц, и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению. В случае безналичных или электронных денежных средств – с момента их изъятия с банковского счета их владельца.

Таким образом, для признания дистанционного мошенничества оконченным должны наступить общественно-опасные последствия как обязательный признак материального состава преступления. Они аккумулируют в себе общественную опасность, то есть суть хищения заключается не в самом процессе, а в их результате – ущербе из-за выбытия имущества из владения потерпевшего.

В соответствии со ст. 8 УК РФ все признаки состава преступления должны быть в наличии в совершенном деянии, чтобы оно стало основанием для уголовной ответственности. Вместе с тем, существуют неоконченные преступления (ст. 30 УК РФ), которые содержат только часть вышеуказанных признаков, и делятся они на два вида – приготовление (создание условий для совершения преступления) и покушение (действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления).

Тем самым уголовный закон выделил неоконченное деяние как преступление, давая ему отдельную характеристику, которая, по сути, сводится к отсутствию общественно-опасных последствий.

Логика заключается в том, что после совершения всех необходимых, по мнению виновного, действий дальнейшее развитие причинно-следственной связи лежит за рамками его поведения и от него не зависит [2].

Например, приговором Бабушкинского районного суда г. Москвы [14] подсудимый Т. был признан виновным в совершении покушения на мошенничество (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ), а именно Т. и неустановленные лица приискали абонентский номер потерпевшего К., информацию о его социальном и имущественном положении, абонентский номер, с которого осуществлялись звонки, позвонили по очереди К. и представлялись сотрудниками Росфинмониторинга и сотрудниками правоохранительных органов, сообщили заведомо ложные сведения о возбуждении в отношении К. уголовного дела о денежных переводах на Украину. Т. и другие участники

преступления путем обмана убедили К. взаимодействовать с ними, предоставить информацию о наличии средств на счетах и обналичить их, чтобы передать другим членам преступной группы. При передаче денежных средств Т. был задержан.

Приговором Кузьминского районного суда г. Москвы [15] подсудимый Г. признан виновным в совершении покушения на мошенничество (ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ). Г. и неустановленные соучастники организованной группы приискали телефонный номер потерпевшего К., абонентские номера, с которых они звонили, разработали преступный план. В рамках него К. и другие соучастники совершили звонки К., представившись по очередности сотрудниками «Госуслуги», «службы безопасности банка», «ФСБ России», сообщили ему о совершаемых в отношении него преступлений, попытке вывода средств с его счетов на Украину. В целях спасения денежных средств участники организованной группы убедили К. снять все имеющиеся у него средства на счетах и передать им. К. в рамках оперативно-розыскных мероприятий под контролем полиции сообщил злоумышленникам о снятии денежных средств, впоследствии в виде макета передал Г., который был задержан сотрудниками полиции.

Кроме задержания мошенника, выделяют также следующие обстоятельства, независящие от виновного, для квалификации покушения на мошенничество [3]: приостановление кредитной организацией операции по банковскому счету, распознание обмана потерпевшим и отказ перевести либо передать деньги преступнику.

Следует подчеркнуть, что устоявшаяся судебная практика по квалификации мошенничества, в том числе дистанционного, как приготовление (ч. 1 ст. 30 УК РФ) отсутствует.

Показательным примером является Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции [16], переквалифицировавшее действия осужденного лица с покушения на приготовление к мошенничеству. Согласно приговору П., будучи адвокатом, предложил Е. содействие в принятии процессуальных решений сотрудниками следственного комитета за вознаграждение в размере 2 млн руб., на что Е. согласился. При этом П. не имел возможности и не собирался выполнить обещания, а Е. не передал ему денежные средства, обратившись в правоохранительные органы с заявлением на П.

Суд указал, что по смыслу закона действия (бездействие) при покушении направлены непосредственно на совершение преступления. Это означает, в частности, что действия (бездействие) являются частью объективной стороны преступления, которой у мошенничества является хищение имущества.

Учитывая, что денежные средства не передавались, то нет конкретных действий, непосредственно связанных с изъятием денежных средств, образующих объективную сторону хищения. П. лишь создал необходимые условия для дальнейшего совершения преступления, сообщив Е. ложную информацию.

С данным выводом не согласился Верховный Суд Российской Федерации [17] и указал, что П., намереваясь завладеть деньгами Е. сообщил последнему заведомо ложные сведения, касающиеся его, П., возможности повлиять на ход следствия с целью переквалификации действий Е. на менее тяжкий состав преступления, уменьшение объема обвинения и размера ущерба, причиненного в результате указанного деяния, а также озвучил сумму, которую необходимо передать ему за совершение обещанных действий и способ передачи, то есть, П. выполнил действия, входящие в объективную сторону мошенничества. Однако, по независящим от осужденного обстоятельствам, а именно обращением Е. в правоохранительные органы, П. не смог выполнить до конца объективную сторону преступления.

В указанной ситуации следует разделить позицию П.С. Яни о том, что [приготовление] и [покушение] различить оказывается невозможно, соответственно подготовительные действия признаются частью объективной стороны деяния [4].

Из вышеуказанного решения Верховного суда Российской Федерации можно вывести формулу, определяющую границы покушения, применимые к квалификации дистанционного мошенничества. Первая граница – сообщение заведомо ложных сведений (обман или введение в заблуждение), определение имущества (например, размера денежных средств), которое мошенник требует передать, то есть, потерпевший должен знать от мошенника, что конкретно от него требуется путем сообщения заведомо ложных сведений, а также согласование порядка передачи имущества. Указанные действия должны быть в совокупности. Вторая граница – отсутствие у мошенника реальной возможности распоряжаться имуществом.

Однако, как должна происходить квалификация деяния, если действия мошенников не достигли первой границы? С этой целью разберем ранее приведенные ситуации из судебной практики.

Из них усматривается, что участники преступлений приискали абонентские номера потерпевших и информацию о них, абонентские номера и мобильные устройства, с которых осуществлялись звонки, а также разработали план обмана жертвы. Далее мошенники сообщили заведомо ложные сведения, довели обман до стадии, когда

потерпевший обязался им передать конкретную сумму денежных средств.

Важно отметить, что до момента звонка умысел преступников не распространялся на конкретные суммы, понимание размера возникло у злоумышленников непосредственно в ходе общения с жертвой, сообщившей под влиянием обмана указанные сведения.

В случае же, если мошенники все же получили бы денежные средства от потерпевшего, а затем стали требовать новые суммы, либо получили деньги в меньшем размере, чем договаривались с потерпевшим, то их действия также будут квалифицированы как покушение на мошенничество. Размер будет считаться из той суммы, которую они планировали получить.

Данная позиция подтверждается установленной судебной практикой, согласно которой, если виновный завладел лишь частью имущества, а умысел его был направлен на хищение имущества путем обмана в большем размере, завладеть которым он не смог по не зависящим от него причинам, его действия следует квалифицировать как покушение на мошенничество в соответствии с его умыслом [18].

Таким образом, можно сделать вывод, что приискание абонентских номеров, сведений о потенциальном потерпевшем, сговор соучастников, разработка плана хищения и подготовка сценария обмана, а также сам звонок, сообщение заведомо ложных сведений, до момента определения суммы и предъявления требований к их передаче – является созданием условий для совершения дистанционного мошенничества.

Подчеркиваем, что создание условий для совершения преступления не всегда равно приготовлению, поскольку последнее следует квалифицировать для тяжких и особо тяжких преступлений (ч. 2 ст. 30 УК РФ).

В связи с чем квалификация вышеуказанных действий как приготовление к мошенничеству (ч. 3 и 4 ст. 159 УК РФ) столкнется с неустранимыми проблемами доказывания, что приведет к отсутствию оснований даже для возбуждения уголовного дела. Так, размер денежных средств, на которые распространяется умысел мошенников, в большинстве случаев может быть не установлен. Выявить же сговор участников в форме организованной группы ввиду дистанционного характера действий в реальности также не представится возможным.

Раскрываемость оконченных преступлений и так составляет меньше десяти процентов от всего объема, поэтому говорить о том, что на стадии доследственной проверки будут установлены признаки организованной группы, выглядит иллюзорно. Собственно, указанные выводы подтверждает полное отсутствие правоприменительной практики.

Кроме того, само по себе приискание абонентских номеров, сведений о личности человека, звонок и сообщение заведомо ложных сведений не может однозначно быть обращено только на хищение. Умысел в данной ситуации может иметь альтернативные направления, в том числе не преступные – «пранк или розыгрыш».

Отождествление указанных действий исключительно с составом мошенничества, и как следствие признание безальтернативности умысла их совершения, может привести к незаконному уголовному преследованию.

Аналогичную позицию выразили О.Н. Агеева, С.В. Анощенкова: направленность умысла нельзя приравнивать к потенциальному, фактически ненаступившему результату, к нереализованной цели виновного. Поэтому любое искусственное перенесение момента окончания преступления, согласно направленности умысла, колеблет принцип вины в той его части, которая касается запрета на объективное вменение [5].

П.А. Скобликов выражает мнение, что в каждом таком случае против граждан совершено и закончено преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 272 УК РФ, - неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, поскольку деяние повлекло копирование информации и совершено с корыстной целью (это может объяснить, каким образом неизвестные завладели персональными данными граждан), и (или) другое преступление, предусмотренное ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни». Кроме того, в большинстве указанных случаев усматриваются признаки покушения на мошенничество либо иные преступления, которые не были доведены до конца по независящим от посягающего лица обстоятельствам (ч. 3 ст. 30 УК РФ), а следовательно, виновные должны нести уголовную ответственность, даже если не причинили материальный ущерб потерпевшим [6].

Возможно, в ходе приискания абонентских номеров потерпевших и сведений об их личности, совершаются преступления, предусмотренные ст. 137, 272 УК РФ, однако именно теми лицами, что их распространяют, но не теми злоумышленниками, которые их используют для своих звонков. Фактически конструкция мошеннического звонка до его определения как покушение на мошенничество остается без должной уголовно-правовой регламентации.

Напрашивается вывод, что граждане России не защищены уголовным законом от многомиллионного потока подобных звонков. В то же время в Китайской Народной Республике предусмотрена уголовная ответственность по статье мошенниче-

ство (законодательное определение которому отсутствует) именно за сами звонки или СМС-сообщения с распространением ложной информации [7]. При том, что преступление будет считаться оконченным именно от количества таких звонков и СМС-сообщений, а не потенциального размера ущерба или иных признаков.

Следует ли Российской Федерации перенять опыт правого регулирования Китайской Народной Республики, скорее да, чем нет. Вопрос будет заключаться в создании самостоятельной уголовно-правовой нормы, поскольку конструкция уже существующих составов преступлений не позволяет инкриминировать подобные звонки. По аналогии со ст. 327 УК РФ – либо отдельный состав подделки документов, либо часть объективной стороны мошенничества.

Список литературы:

[1] Бастрыкин, А.И. Выявление и расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий / А.И. Бастрыкин // Вестник Российской правовой академии. – 2022. – № 4. – С. 88-94.

[2] Швейгер, А.О. Место совершения мошенничества в отношении безналичных денежных средств, совершаемого при помощи средств компьютерной техники и мобильной связи / А.О. Швейгер // Уголовное право. – 2019. – № 3. – С. 121-127.

[3] Быкова, Е.Г. Сложности квалификации неоконченного телефонного мошенничества по уголовному законодательству России и Беларуси / Е. Г. Быкова // Следственная деятельность: наука, образование, практика. – 2024. – № 4. – С. 18-22. – EDN LDICCY.

[4] Яни, П.С. Неопределенность уголовного закона порождает неразрешимые проблемы правоприменения / П.С. Яни // Законность. – 2020. – № 6. – С. 32 - 37.

[5] Агеева, О.Н. Квалификация деяния: направленность умысла виновного как камень преткновения (на примере преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов) / О.Н. Агеева, С.В. Анощенкова // Законность. – 2024. – № 11. – С. 44-47.

[6] Скобликов, П.А. Стратегия борьбы с киберпреступностью: должное и сущее / П.А. Скобликов // Сибирское юридическое обозрение. – 2025. – № 1. – С. 128-146.

[7] Лунёв, М.В. Правовое регулирование ответственности за дистанционное мошенничество в уголовном законодательстве отдельных стран-участников БРИКС+ / Р.С. Данелян, М.В. Лунёв // Science and modernity : Материалы III Международной научно-практической конференции, Москва, 07 мая 2025 года. – Москва-Бишкек: Университет информационных технологий и бизнес-образования, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, 2025. – С. 80-87. – DOI 10.26118/9088.2025.11.35.040. – EDN TTXOZU.

[8] Состояние преступности в России (январь-декабрь 2025 года) // ФКУ «ГИАЦ» МВД России: сайт. – URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (дата обращения: 02.02.2026).

[9] В «Сбере» оценили в 50–70 тыс. в день число жертв мошенников в России 19.06.2025 // РБК: статья. – URL: https://www.rbc.ru/finances/19/06/2025/ 6853e7329a7947090b0e777d (дата обращения: 15.10.2025).

[10] Телефонное мошенничество: мониторинг // ВЦИОМ: социологическое исследование. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring (дата обращения: 15.10.2025).

[11] Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [Электронный доступ]: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный доступ]: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] Приговор Бабушкинского районного суда г. Москвы от 03.07.2025 (УИН 77RS0001-02-2025-008170-89) по уголовному делу № 1-605/25 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы: сайт – URL: https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/criminal/details/ 57cca7f0-3fc6-11f0-a707-81b80df74b48?codex=159%2C+ч.+4&documentType= ab1da71&publishingState=f06e64a&formType=fullForm (дата обращения: 16.10.2025).

[15] Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы от 30.07.2025 (УИН 77RS0012-02-2025-008988-59) по уголовному делу № 1-523/2025 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы: сайт – URL: https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/criminal/details/d6ffc390-2b1c-11f0-9547-dfb56e02b179?codex=159%2C+ч.+4&documentType=ab1da71&publishingState=f06e64a&formType=fullForm (дата обращения: 16.10.2025).

[16] Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.11.2020 № 77-2357/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2021 № 69-УДП21-9-К7 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] Постановление Президиума Верховного суда Республики Коми от 28.12.2016 N 44у-131/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

[1] Bastrykin, A.I. Detection and investigation of crimes committed using information and communication technologies/A.I. Bastrykin//Bulletin of the Russian Law Academy. – 2022. – № 4. - S. 88-94.

[2] Schweiger, A.O. Place of committing fraud in relation to non-cash funds committed using computer equipment and mobile communications/A.O. Schweiger//Criminal law. – 2019. – № 3. - S. 121-127.

[3] Bykova, E.G. Difficulties in qualifying unfinished telephone fraud under the criminal legislation of Russia and Belarus/E.G. Bykova//Investigative activities: science, education, practice. – 2024. – № 4. - S. 18-22. – EDN LDICCY.

[4] Yani, P.S. The uncertainty of the criminal law creates intractable problems of enforcement/P.S. Yani//Legality. – 2020. – № 6. - S. 32-37.

[5] Ageeva, O.N. Qualification of the act: the orientation of the intent of the perpetrator as a stumbling block (on the example of crimes related to illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues)/O.N. Ageeva, S.V. Anoshchenkova// Legality. – 2024. – № 11. - S. 44-47.

[6] Skoblikov, P.A. Strategy for combating cybercrime: due and present/P.A. Skoblikov//Siberian Legal Review. – 2025. – № 1. - S. 128-146.

[7] Lunev, M.V. Legal regulation of liability for remote fraud in the criminal legislation of individual BRICS +member countries/R.S. Danelyan, M.V. Lunev//Science and modernity: Materials of the III International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 07, 2025. - Moscow-Bishkek: University of Information Technologies and Business Education, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, 2025. - S. 80-87. – DOI 10.26118/9088.2025.11.35.040. – EDN TTXOZU.

[8] The state of crime in Russia (January-December 2025)//PKU “GIAC” of the Ministry of Internal Affairs of Russia: website. - URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/ (access date: 02.02.2026).

[9] Sberbank estimated the number of victims of fraudsters in Russia at 50-70 thousand a day 19.06.2025 //RBC: article. - URL: https://www.rbc.ru/finances/19/06/2025/ 6853e7329a7947090b0e777d (accessed on: 15.10.2025).

[10] Telephone fraud: monitoring//VTsIOM: sociological research. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring (дата обращения: 15.10.2025).

[11] The concept of the state system for countering illegal acts committed using information and communication technologies [Electronic access]: Order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2024 No. 4154-r. - Access from ConsultantPlus legal system.

[12] National Security Strategy of the Russian Federation [Electronic Access]: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400. - Access from ConsultantPlus legal system.

[13] On judicial practice in cases of fraud, misappropriation and embezzlement [Electronic resource]: Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 30.11.2017 No. 48 (ed. 15.12.2022). Access from the ConsultantPlus legal system.

[14] Verdict of the Babushkinsky District Court of Moscow from 03.07.2025 (UIN 77RS0001-02-2025-008170-89) in criminal case No. 1-605/25 [Electronic Resource]//Official portal of courts of general jurisdiction of Moscow: website - URL: https://mos-gorsud.ru/rs/babushkinskij/services/cases/criminal/details/ 57cca7f0-3fc6-11f0-a707-81b80df74b48? codex = 159%2C+h+4 & documentType = ab1da71 & publishingState = f06e64a & formType = fullForm (Accessed: 16.10.2025).

[15] Verdict of the Kuzminsky District Court of Moscow from 30.07.2025 (UIN 77RS0012-02-2025-008988-59) in criminal case No. 1-523/2025 [Electronic Resource]//Official portal of courts of general jurisdiction of Moscow: website - URL: https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/ criminal/details/d6ffc390-2b1c-11f0-9547-df-b56e02b179?codex=159%2C+ч.+4&documentType=ab1da71&publishingState=f06e64a&formType=fullForm (date of appeal: 16.10.2025).

[16] Cassation ruling of the Seventh Court of Cassation of General Jurisdiction of 05.11.2020 No. 77-2357/2020 [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal system.

[17] Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 10.06.2021 No. 69-UDP21-9-K7 [Electronic Resource]. Access from the ConsultantPlus legal system.

[18] Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Komi Republic of 28.12.2016 N 44u-131/2016 [Electronic resource]. Access from the ConsultantPlus legal system.

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.02.2026 г. DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-690-694
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

СИНЁВ Иван Ильич,
аспирант кафедры уголовного права,
направление подготовки 40.06.01-Юриспруденция,
Российский государственный университет правосудия
им. В.М. Лебедева, Москва, Российская Федерация,
e-mail: ivansinev2000@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ИСТЯЗАНИЙ ИХ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ И НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. *Статья посвящена изучению социальных свойств истязаний с точки зрения их общественной опасности в совокупности с другими преступлениями против личности, криминологической характеристике истязаний, их оценке с точки зрения негативных последствий для общества, виктимологической профилактике истязаний. В статье также изучены вопросы, связанные с реабилитацией жертв внутрисемейного насилия. Социальные свойства истязаний значительно отражаются на структуре общества и взаимоотношениях внутри него. Насилие провоцирует подобную же реакцию среди пострадавших, что, в свою очередь, снижает общую степень доверия между людьми. Изменения в социальных структурах, вызванные истязаниями, влияют и на органы власти, увеличение числа инцидентов насилия заставляет органы государственной власти пересматривать методы и подходы к правоприменению, что, в свою очередь, влечет за собой необходимость выделения дополнительных ресурсов на правоохранительные органы и социальные программы. Эффективность борьбы с истязаниями сама по себе нуждается в осмыслении и пересмотре тактики работы с жертвами насилия, а также в выработке методов направленных на профилактику насилия.*

Ключевые слова: *Истязание, побои, социальные свойства, криминологические проблемы, семейно-бытовое насилие, физические и психические страдания, виктимологическая профилактика истязаний, реабилитация жертв внутрисемейного насилия, реабилитация жертв.*

SINEV Ivan Ilyich,
postgraduate student of the Department of Criminal Law,
field of study 40.06.01-Jurisprudence,
Lebedev Russian State University of Justice,
Moscow, Russian Federation

THE SOCIAL PROPERTIES OF TORTURE, THEIR SOCIAL CONNECTIONS AND NEGATIVE CONSEQUENCES

Annotation. *The article is devoted to the study of the social properties of torture in terms of their social danger in combination with other crimes against the individual, criminological characteristics of torture, their assessment in terms of negative consequences for society, victimological prevention of torture, the article also examines issues related to the rehabilitation of victims of domestic violence. The social properties of torture significantly affect the structure of society and the relationships within it. Violence provokes a similar reaction among the victims, which, in turn, reduces the overall degree of trust between people. Changes in social structures caused by torture also affect government authorities, an increase in the number of incidents of violence forces government authorities to review methods and approaches to law enforcement, which, in turn, entails the need to allocate additional resources to law enforcement agencies and social programs, the effectiveness of combating torture itself needs to be understood and reviewing the tactics of working with victims of violence, as well as developing methods aimed at preventing violence.*

Key words: *Torture, beatings, social characteristics, criminological problems, domestic and family violence, physical and mental suffering, victimological prevention of torture, rehabilitation of victims of domestic violence, rehabilitation of victims.*

Введение. Профилактика истязаний имеет большое уголовно-правовое и криминологическое значение, поскольку проблема совершения данных преступлений в настоящее время остаётся актуальной и распространенной. В структуре насильственной преступности истязания занимают довольно устойчивую и значительную долю, согласно официальной статистике МВД РФ за 2023-2024 г. г., 24% россиян сталкивались с насилием в ближайшем окружении, в том числе в собственной семье.

Актуальность исследования подтверждается официальной статистикой МВД РФ за 2023-2024 г. г., фиксирующей устойчивый рост случаев семейно-бытового насилия в последние годы. Эта тенденция свидетельствует о системном характере проблемы, требующей комплексного научного осмысления, а также статисткиой международных организаций: по данным ВОЗ, около 30% женщин в мире подвергались физическому или сексуальному насилию. Понимание глубинных механизмов воспроизводства насилия становится ключевым для разработки превентивных мер.

Целью исследования является системный анализ истязаний с точки зрения их социальных свойств, изучение криминологических проблем, связанных с совершением истязаний, рассмотрение данного состава преступления с точки зрения негативного социального влияния как на отдельные социальные группы, так и на общество в целом. Комплексный характер исследования предполагает рассмотрение как непосредственного ущерба для жертв, так и негативных последствий для общественного развития.

В ходе иссследования темы используются следующие методы: формально-юридический, системно-структурный, формально-логический и системный методы, которые позволили сформулировать научные концепции, направленные на изучение социальных свойств истязаний, метод анализа, применялся в ходе исследования правоприменительной практики по данной теме.

Степень научной разработанности. Проблемы, связанные с семейно-бытовым насилием в своих работах неоднократно рассматривали: С. Харламов, Ю. С. Беспалов, К. А. Барышева, И. Р. Шикула, Л. В. Сердюк Д. В. Попов, Р. А. Брунер, Е. Р. Шестопалова, А. В. Куянова и другие учёные, однако на сегодняший день не до конца не изучены социальные свойства истязаний, а также негативные последствия в результате совершения истязаний, влияющие как на отдельные социальные группы, так и общество в целом.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций, направленных на предотвращение насилия, предлагаемые меры направлены на предотвращение насилия, через изменение нормативных установок и укрепление институтов гражданского общества, создаются предпосылки для формирования культуры ненасильственного взаимодействия на разных уровнях социальной организации.

Основной материал. Социальные свойства истязаний значительно отражаются на структуре общества и взаимоотношениях внутри него. При исследовании социальных свойств истязаний необходимо отметить, что само по себе данное преступление носит цикличный характер. 1. Напряжение- конфликтная атмосфера в семье, оскорбления, брань, с каждым конфликтом напряжение возрастает, однако физическое насилие не применяется. 2. Острое насилие- всплеск насилия и гнева виновного с наступлением новой конфликтной ситуацией, припадки гнева настолько сильны, что обычная брань переходит в совершение актов насилия над жертвой. 3. В благоприятных случаях разрешение данной ситуации заканчивается привлечением виновного к уголовной ответственности и разрывом отношений между жертвой и виновным, однако, как показывает правоприменительная практика, последствия от совершения истязаний являются крайне тяжелыми.[2, с. 21-25].

Наиболее сложным моментом в судебной практике остается необходимость систематического подхода к установлению фактов истязания. Применение термина «системность» в рамках рассмотрения уголовных дел часто вызывает споры среди юристов и судей, что усугубляет ситуацию и содействует возникновению законодательных пробелов [3, с. 4-7]. Обсуждение особенностей квалификации деяний, связанных с истязанием, характеризуется отсутствием единого подхода к определению понятия истязания в правопримнительной практике.

Существующие правовые нормы по квалификации истязаний предполагают наличие определённых признаков, однако их внедрение в судебную практику часто сопровождается определенными пробелами в законодательстве и противоречиями в правоприменительной практике[4, с. 22-25], например, декриминализация побоев, ослабляет защиту жертв, поскольку подобные деяния влекут за собой минимальные последствия и, по сути, остаются безнаказанными, возникает необходимость пересмотра подхода к защите от насилия, с помощью мер уголовно-правового характера, однако, изменения должны опираться не только на правовые рамки, но и на социальные и культурные аспекты. Важна комплексная работа с каждым случаем применения насилия, направленная на изменение общественного

мнения о насилии и истязаниях. Решение проблем, связанных с совершением истязаний требует комплексного подхода, соединяющего как правовые, так и социальные меры, направленные на изменение культурных установок.

В обществе агрессия часто служит способом установления власти и подчинения. Механизмы доминирования и установлеения власти над жертвой способствуют проявлению насилия в обществе, появляются определенные общественные установки, характеризующие насилие как нормальное поведение. В средствах массовой информации одним из наиболее актуальных факторов формирования преступного и (или) виктимного поведения у подростков считается «школьная травля» (буллинг): оскорбления, злые и непристойные шутки, насмешки, распространение слухов и сплетен, бойкот (социальная изоляция), запугивания[5, с. 23-26]. Пробелы в законодательстве создают проблемы в правоприменительной практике и позволяют избегать ответственности за совершение побоев и истязаний. Экономическая зависимость повышает уязвимость определенных социальных категорий, многие женщины находятся в материальной зависимости от мужчин, что делает их уязвимыми и подверженными насилию, данная ситуация характерна для групп с низким уровнем доходов, материальная нестабильность напрямую связана с риском совершения истязаний, отсутствие поддержки со стороны общества и государства увеличивает безнаказанность агрессоров, жертвы, находящиеся в изоляции, лишены возможности получить помощь или защиту, это создает замкнутый круг, где истязания остаются скрытыми и непрекращающимися.

Традиционные представления о семейной жизни часто служат основой для оправдания физических наказаний как допустимого метода воспитания. В некоторых обществах существует идея о мужчине как главе семьи, который обладает абсолютной властью над женщиной и детьми, это создаёт среду, где насилие может быть оправдано или даже воспринято как норма, такие установки формируют социально приемлемые модели поведения, способствующие проявлениям насилия в семейно-бытовой сфере. В работе К.В. Адушкиной приводятся данные о том, что 83% родителей используют психологическое давление на ребенка как особый вид наказания, при этом наиболее распространенными формами воздействия на детей являются: «крики (61%), отказ разговаривать (39%), изоляция (39%), оскорбления (11%)»[1, с. 163].

Совершенствование уголовного законодательства выступает ключевым способом профилактики истязаний, именно чёткая и грамотная квалификация составов преступлений повышает эффективность правоприменения. Целесообразно сосредоточить основное внимание на: а) развитии системы социальных служб с целью обеспечения раннего выявления и предотвращения насилия в семьях; б) создании межведомственных механизмов взаимодействия правоохранительных органов, позволяющих оперативно реагировать на сигналы о потенциальных случаях истязаний[6, с. 17-19].

Профилактическая работа по борьбе с истязаниями должна включать регулярный мониторинг наиболее уязвимых групп риска и укрепление инфраструктуры кризисных центров с целью расширения возможностей оказания своевременной помощи пострадавшим[9, с. 48-51]. Эффективность психокоррекционных программ для жертв истязаний напрямую зависит от их индивидуализации с учётом специфики перенесённых травм. Дифференциация подходов осуществляется на основе типа психического расстройства (депрессия, тревожные состояния) и продолжительности воздействия насилия. Социальная адаптация жертв требует комплексных мер, включающих трудоустройство, жилищную поддержку и восстановление семейных отношений [7, С.51].

Социальное осуждение жертв истязаний, часто приводит к сокрытию фактов насилия, страх перед осуждением и изоляцией заставляет жертв избегать обращения за помощью, данный механизм способствует проявлению насильственных отношений как в семейно-бытовой сфере, так и в обществе в целом. Наиболее сложным аспектом в судебной практике остается необходимость систематического подхода к установлению фактов истязания. Применение термина «систематичность» в рамках рассмотрения уголовных дел часто вызывает споры среди юристов и судей, что усугубляет ситуацию и содействует возникновению законодательных пробелов. Обсуждение особенностей квалификации деяний, связанных с истязанием, показывает, что отсутствие единого подхода к определению этих понятий затрудняет правоприменение на практике.

С учетом данных обстоятельств целесообразно пересмотреть и систематизировать нормы и принципы, которым должны следовать правоохранительные органы, изучение международных стандартов, созданных с целью защиты личности от истязаний и других видов жестокого обращения, позволит не только улучшить качество правоприменения, но и снизить количество преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием, совершенствование законодательства, связанного с уголовной ответственностью за истязания становится актуальной задачей, требующей ком-

плексного подхода с учетом социальных изменений и правозащитных инициатив[1, С. 163].

Результаты исследования. В ходе исследования социальных свойств истязаний установлено, что насилие часто приводит к социальным и экономическим проблемам. Негативные последствия истязаний носят многоплановый характер, затрагивая различные уровни общественной жизни, на индивидуальном уровне они проявляются в тяжёлых психологических травмах жертв и их окружения. С точки зрения социального взаимодействия, наблюдается нарушение социальных связей в обществе, подрыв доверия и значительный экономический ущерб, что в совокупности ослабляет отношения внутри общества. Результаты исследования подтверждают актуальность комплексного междисциплинарного подхода к проблеме истязаний, выполненные задачи по выявлению социальных свойств, общественных связей и последствий насилия позволяют систематизировать знания для разработки мер профилактики.

Истязания как социальное явление оказывают разрушительное воздействие не только на отдельных людей, но и на общество в целом, подрывая моральные основы, родственные связи и активность в социуме. Способы решения данной проблемы должны включать не только правовые подходы, но и образовательные инициативы, направленные на изменение восприятия насилия в обществе. Необходимы теоретические разработки, помогающие осознать глубинные причины насильственного поведения и методы его предотвращения [8 С. 52-56].

Выводы. Обобщая результаты проведенного исследования следует отметить, что для наиболее эффективной профилактики семейно-бытового насилия целесообразно: а) совершенствование механизмов раннего выявления лиц группы риска через системы мониторинга семейного неблагополучия; б) внедрение адресных программ психологической коррекции для лиц, склонных к совершению семейно-бытового насилия; в) обеспечение межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и социальных служб, путём создания единой базы данных жертв семейно-бытового насилия, а также лиц, ранее привлекавшихся к административной ответственности за совершение побоев и к уголовной ответственности за совершение побоев, истязаний и других преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием.

Список литературы:

[1] Адушкина, К. В. Психолого-педагогическое сопровождение субъектов образования : учебное пособие / К. В. Адушкина, О. В. Лозгачёва ; Уральский гос. пед. ун-т. - Екатеринбург : [б. и.], 2017. – с. 163

[2] Беспалов Ю. Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект / Ю. Ф. Беспалов // Нотариус. — 2019. — № 1. — С. 21–25.

[3] Галюкова М. И. Криминологические аспекты семейно-бытового насилия. Научная статья «Право» 2013. С. 4-7

[4] Давыдова Н. Н. Принцип уважения чести и достоинства личности в российском уголовном судопроизводстве / Н. Н. Давыдова // Российский следователь. — 2019. — № 9. — С. 22–25.

[5] Жарких Е. А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив: точки соприкосновения / Е. А. Жарких // Российский следователь. — 2016. — № 19. — С. 23–26

[6] Зебницкая А. К. Некоторые вопросы правовой регламентации «бытового (домашнего) насилия» в России и США / А. К. Зебницкая // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2020. — № 3. — С. 17–19.

[7] Ким Е. П. Преступность в сфере бытовых отношений и ее предупреждение: проблемы теории и практики: автореферат доктора юридических наук: 12.00.08 / Юрид. ин-т МВД РФ. — Москва, 2002. — 51 с.

[8] Куянова А. В. Профилактика семейно-бытовых конфликтов, домашнего насилия и предупреждение преступлений, совершаемых на бытовой почве / А. В. Куянова // Административное право и процесс. — 2015. — № 9. — С. 52–56.

[9] Шикула И. Р. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насилия в семейно-бытовой сфере / И. Р. Шикула // Российский следователь. — 2020. — № 3. — С. 48–51.

References:

[1] Adushkina, K. V. Psychological and pedagogical support of subjects of education : a textbook / K. V. Adushkina, O. V. Lozgacheva ; Ural State Pedagogical University. un-T. Yekaterinburg : [B. I.], 2017. p. 163

[2] Bespalov Yu.F. Family violence in the Russian Federation as a vice of life and activity of the family and its members: a socio-legal aspect / Yu.F. Bespalov // Notary. — 2019. — No. 1. — pp. 21-25.

[3] Galyukova M. I. Criminological aspects of domestic violence. Scientific article “Law” 2013. pp. 4-7

[4] Davydova N. N. The principle of respect for the honor and dignity of the individual in Russian

criminal proceedings / N. N. Davydova // A Russian investigator. — 2019. — No. 9. — pp. 22-25.

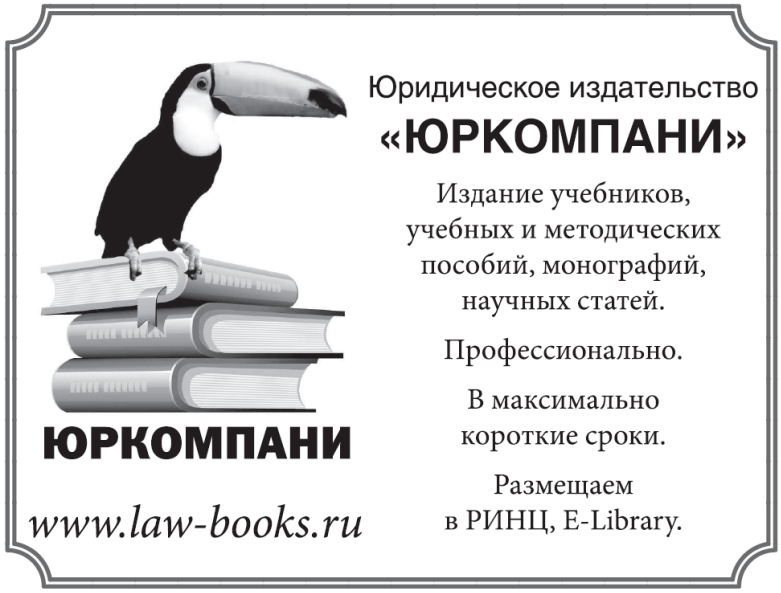
[5] Zharkikh E. A. Criminal law and administrative law recidivism: points of contact / E. A. Zharkikh // Russian investigator. — 2016. — No. 19. — pp. 23-26

[6] Zebnitskaya A. K. Some issues of legal regulation of “domestic (domestic) violence” in Russia and the USA / A. K. Zebnitskaya // International criminal law and international justice. - 2020. — No. 3. — pp. 17-19.

[7] Kim E. P. Crime in the sphere of domestic relations and its prevention: problems of theory and practice: abstract of the Doctor of Law: 12.00.08 / Jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. — Moscow, 2002. — 51 p.

[8] Kuyanova A.V. Prevention of family and domestic conflicts, domestic violence and prevention of crimes committed on domestic grounds / A.V. Kuyanova // Administrative law and Process, 2015, No. 9, pp. 52-56.

[9] Shikula I. R. Actual problems of criminal law protection of the rights and freedoms of a victim in a helpless state from violence in the family and household sphere / I. R. Shikula // A Russian investigator. - 2020. — No. 3. — pp. 48-51.



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-695-699

СВЕРЕДЮК Максим Геннадьевич,
начальник юридического отдела Хабаровского филиала ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова» Минздрава России, доцент кафедры «Организация здравоохранения и медицинское право» КГБОУ ДПО ИПКСЗ, председатель комиссии по вопросам правового регулирования в сфере здравоохранения Хабаровского регионального отделения Ассоциации юристов России, руководитель научно-образовательного центра права и биоэтики в сфере охраны здоровья Юридического института ФГБОУ ВО «ТОГУ», ORCID: 0000-0002-8722-1142, e-mail: uristms27@bk.ru

МЕНЬШАКОВА Ася Сергеевна,
адвокат адвокатской палаты Архангельской области, медиатор, член Ассоциации юристов медицинских клиник, e-mail: mail@law-books.ru

ПШЕНИЧНОВ Максим Валерьевич,
кандидат медицинских наук, директор ФГАУ «НМИЦ «МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова» Минздрава России (Хабаровский филиал), главный внештатный специалиста-офтальмолог министерства здравоохранения Хабаровского края, ассистент кафедры общей и клинической хирургии ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный медицинский университет» Минздрава России, член комиссии по вопросам правового регулирования в сфере здравоохранения Хабаровского регионального отделения Ассоциации юристов России, ORCID: 0000-0002-4879-1900, e-mail: naukakhvmntk@mail.ru

АНАЛИЗ ПРИЧИН И ФАКТОРОВ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОФТАЛЬМОЛОГИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ)

Аннотация. *Тема уголовного преследования медицинских работников в последнее время получает все больший общественный резонанс. Ятрогенным преступлениям придается особое значение. Кроме того, возрастает количество случаев привлечения к уголовной ответственности представителей медицинской профессии по статьям, не связанным с оказанием медицинской помощи. Авторами проводится анализ ряда факторов, создающих риск привлечения медицинских работников к уголовной ответственности.*

Ключевые слова: *уголовная ответственность, преступления, офтальмология, медицинский работник.*

SVEREDIUK Maxim G.,
Head of the Legal Department of the Khabarovsk Branch of the S.N. Fedorov Eye Microsurgery Federal State Institution of the Russian Ministry of Healthcare, associate Professor of the Regional State Budgetary Educational Institution of Additional Professional Education «Institute for Advanced Training of Health Professionals», Chairman of the Commission on Legal Regulation in Healthcare of the Khabarovsk Regional Branch of the Association of Lawyers of Russia, Head of the Scientific and Educational Center for Law and Bioethics in the Field of Health Protection of the Law Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pacific National University»

MENSHAKOVA Asya S.,
attorney at the Arkhangelsk Region Bar Association, mediator, and member of the Association of Medical Clinic Lawyers

PSHENICHNOV Maxim V.,
PhD, Director of the S.N. Fedorov Eye Microsurgery Federal State Institution of the Russian Ministry of Healthcare (Khabarovsk Branch), Chief Ophthalmologist of the Khabarovsk Krai Ministry of Healthcare, Assistant Professor of the Department of General and Clinical Surgery at the Far Eastern State Medical University of the Russian Ministry of Healthcare, member of the Commission on Legal Regulation in Healthcare of the Khabarovsk Regional Branch of the Association of Lawyers of Russia

ANALYSIS OF THE REASONS AND FACTORS FOR THE CRIMINAL LIABILITY OF MEDICAL WORKERS (BASED ON OPHTHALMOLOGICAL PROFILE MATERIALS)

Annotation. *The issue of criminal prosecution of healthcare workers has recently gained increasing public attention. Iatrogenic crimes are given particular importance. Furthermore, the number of cases of criminal prosecution of medical professionals for offenses unrelated to medical care is increasing. The authors analyze a number of factors that create the risk of criminal prosecution of healthcare workers.*

Key words: *criminal liability, crimes, ophthalmology, healthcare worker.*

Одна из причин привлечения к уголовной ответственности медицинских работников - ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей, которое состоит в нарушении правил оказания медицинской помощи и внутренних организационно-распорядительных документов организации (порядков оказания медицинской помощи, клинических рекомендаций, стандартов, правил, инструкций, руководств, положений, постановлений, приказов, профессиональных стандартов, положений трудовых договоров, должностных инструкций и т.д.), в результате чего причиняется смерть или тяжкий вред здоровью пациента. За совершение таких деяний предусмотрена уголовная ответственность по ряду статей Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее – УК РФ).

Наиболее встречающиеся статьи в данном аспекте:

- ч. 2 ст. 118 УК РФ: «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей»;
- ч. 2 ст. 109 УК РФ: «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей».

Необходимо обратить внимание, что медицинский работник привлекается к уголовной ответственности при наличии прямой причинно-следственной связи между ненадлежащим оказанием медицинской помощи и наступившими последствиями.

Ненадлежащее оказание медицинской помощи может выражаться в виде диагностических, тактических и технических дефектов. К диагностическим дефектам можно отнести неправильный или неполный диагноз, неадекватную

оценку тяжести состояния пациента (недооценку или переоценку), неполный сбор и неполную оценку анамнеза, неправильную интерпретацию результатов исследований, не проведение необходимых обследований, игнорирование действующих клинических рекомендаций. Как правило, качество лечения напрямую зависит от качества диагностики.

Тактические дефекты – это отсутствие своевременного наблюдения за пациентом, несвоевременная коррекция лечения, выполнение непоказанных или противопоказанных процедур и вмешательств, неправильное назначение лекарственных препаратов, необоснованная задержка госпитализации, неправильный выбор тактики лечения, например, консервативное вместо оперативного, не перевод пациента при необходимости в стационар другого профиля, не учет сопутствующих заболеваний.

Под техническими дефектами следует понимать такие деяния, как оставление медицинским работником предметов в полостях тела после операции, ятрогенные повреждения (ранения в ходе операции или процедур), нарушение техники выполнения операции, ведение неправильного раствора, передозировка лекарственными препаратами, неправильная настройка параметров работы оборудования и нарушение техники безопасности при использовании оборудования.

В качестве примера можно привести следующее дело: Л, являясь врачом-офтальмологом учреждения здравоохранения, находясь в помещении этого лечебного учреждения, осуществил медицинскую помощь несовершеннолетнему, не соответствующую требованиям «Порядка оказания медицинской помощи взрослому населению при заболеваниях глаза, его придаточного аппарата и орбиты», утвержденного Приказом Министерства здравоохранения РФ от 12 ноября 2012 года № 902н, - пациент не был направлен в ГБУЗ для оказания ему специализированной медицинской помощи (ушивания склерального ранения). Эти действия состоят в прямой причинной связи с удалением правого глаза пациенту, поскольку вероятность благоприятного исхода для глаза при неотложном (до 3-х суток после получения травмы) оперативном лечении была высокой [2].

Помимо непосредственно дефектов оказания медицинской помощи стремительному нарастанию правовой составляющей в медицинской деятельности способствуют множество факторов влияния.

«Выборочная экспертиза судебных дел, досудебных претензий, медицинской документации показывает, что помимо дефектов оказания медицинской помощи имеет место ряд факторов, негативно влияющих на разрешение спора с пациентом (законным представителем) на досудебном и судебном этапе» [3, с. 7].

Факторы влияния - это проблемные вопросы являющихся условиями для обострения, нарастания рисков при осуществлении медицинской деятельности, включая медико-правовые риски [4, с. 29].

В уголовно-правовом аспекте данных факторов множество.

Следует отметить ситуации, когда медицинскими работниками вносятся недостоверные сведения в медицинскую документацию. В зависимости от обстоятельств, подобные деяния могут быть квалифицированы по ст. 159 УК РФ, 285 УК РФ, 201 УК РФ, 292 УК РФ, части 1 статьи 327 УК РФ. При внесении недостоверных сведений в медицинскую информационную систему лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 272 УК РФ и 274 УК РФ.

Мотивы внесения недостоверных сведений медицинскими работниками в медицинскую документацию как правило различны.

Это может быть связано с желанием повышения по карьерной лестнице, получением стимулирующих выплат (корыстные мотивы).

Бывают ситуации, когда медицинские работники становятся заложниками своего желания помочь, и из чувства сострадания помогают своим близким и знакомым, однако данный факт не освобождает от уголовной ответственности.

В качестве примера можно привести следующее дело: «Врач - офтальмолог, действуя из иной личной заинтересованности, выраженной в желании последней помочь своему близкому родственнику – родной сестре Свидетель № 7, при отсутствии у Свидетеля № 7 временной нетрудоспособности внесла заведомо ложные сведения о диагнозе и о периоде временной нетрудоспособности, тем самым сформировав подложный лист нетрудоспособности в форме электронного документа, после чего передала информацию посредством МИС в ЕИС «Соцстрах».

Указанные незаконные действия повлекли за собой последствия в виде освобождения от работы Свидетеля № 7, а также назначения и выплаты пособия по временной нетрудоспособности на общую сумму 8 472 рубля.

По статье 292 части 1 УК РФ врачу назначено наказание в виде штрафа в размере 40000 рублей с лишением права заниматься медицинской деятельностью сроком на 2 года 6 месяцев [5].

Использование при осуществлении медицинской деятельности поддельных документов является еще одним из оснований для привлечения к уголовной ответственности по ст. 327 УК РФ.

Пример из практики: «А. не имея высшего образования, приобрела у неустановленного лица заведомо поддельные документы, а именно: диплом о высшем образовании по квалификации «врач» по специальности «Лечебное дело» Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования на другое имя, а также удостоверение о прохождении ординатуры по специальности ««Офтальмология» на свое имя, предоставляющие ей право занимать должность врача-офтальмолога, предъявила в отдел кадров тем самым использовала данные поддельные документы до момента увольнения».

Врачу назначено наказание в виде ограничения свободы сроком на 6 (шесть) месяцев по ст.327 ч.3 УК РФ [6].

Взимание платы за медицинские услуги, которые фактически не оказывались и не внесение денежных средств в кассу медицинской организации может стать основанием для привлечения работников к ответственности по статье 159 УК РФ (мошенничество).

Пример из практики: врач-офтальмолог в сентябре 2020 года пообещал 16 пациентам остановить зрение при проведении дорогостоящих процедур. При этом фактически никакого лечения не проводил. Приговором Калининского районного суда города Тюмени от 19.07.2022 года по делу № 1-58/2022 (1-489/2021) врач был осужден и назначен наказанием в виде 5 лет лишения свободы [7].

Под действие статьи 159 УК РФ также могут попадать те ситуации, когда работниками медицинской организации взымается плата с пациентов за медицинские услуги, входящие в перечень бесплатно оказываемых, в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания граждан медицинской помощи. Например, оплата пациентами расходных материалов, анестезии, лекарственных средств, госпитализации.

Так, врач – офтальмолог сообщила П. заведомо ложные сведения о том, что оперативное лечение имеющегося у нее заболевания правого глаза возможно только платно и его стоимость составляет 46000 рублей, которые необходимо передать ей, желая обратить похищенные денежные средства в свою пользу и распорядиться ими в последующем по собственному усмотрению.

По ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 159 УК РФ приговором врачу назначено наказание в виде штрафа в размере 100 000 (сто тысяч) рублей [8].

Незаконное вознаграждение – еще один риск для уголовного преследования при оказании медицинской помощи. По статье 290 УК РФ (получение взятки) и 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество) к уголовной ответственности могут привлекаться работники государственных и муниципальных учреждений здравоохранения. Для медицинских работников в коммерческих или некоммерческих организациях, которые не являются государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением, государственной корпорацией, возможно наступление ответственности по статье 204 УК РФ (коммерческий подкуп) и 204.2 УК РФ (мелкий коммерческий подкуп).

Незаконное вознаграждение будет таковым, когда медработник выполняет административно-хозяйственные или организационно-распорядительные функции в медицинской организации, в том числе, принимает решения, которые имеют юридические последствия для пациента. Например, выдаёт листки нетрудоспособности, справки, заключения, устанавливает факт инвалидности.

В качестве примера можно привести следующее дело: в период с сентября 2022 года по ноябрь 2023 года врач - офтальмолог получала от местных жителей взятки в суммах от 12 тысяч до 20 тысяч рублей за открытие и выдачу им фиктивных листков нетрудоспособности без осмотра и при отсутствии у них заболеваний.

По части 3 статьи 290 УК РФ (4 эпизода) и части 1 статьи 292 УК РФ (4 эпизода) врачу назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года условно, с испытательным сроком 3 (три) года [9].

Во избежание рисков привлечения к уголовной ответственности, рассмотренных в данной статье, медицинским работникам следует соблюдать ряд профилактических мер:

- оказывать медицинскую помощь на основе клинических рекомендаций, порядков, стандартов;
- вести медицинскую документацию надлежащим образом;
- честно и открыто общаться с пациентом, с соблюдением принципов этики и деонтологии;
- в доступной форме информировать пациента о возможных рисках и исходах лечения;
- непрерывно учиться, повышать квалификацию, отрабатывать навыки;
- обсуждать сложные случаи с коллегами, своевременно привлекать консультантов.

Список литературы:

[1] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025, с изм. от 17.12.2025) // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 22.12.2025).

[2] Приговор мирового судьи судебного участка № 124 г. Бодайбо и Бодайбинского района от 18.03.2021 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 18.12.2025).

[3] Свередюк М.Г., Шевченко О.А., Решетникова И.С. «Анализ судебной практики по искам пациентов (законных представителей) к медицинским организациям, за период 2018-2023 годы (по материалам Хабаровского края) // Российский судья. № 6. 2025. С. 7.

[4] Свередюк М.Г., Топалов К.П. «Системный анализ дефектов при осуществлении медицинской деятельности: правовые и клинические аспекты» / М.Г. Свередюк, К.П. Топалов. – Москва, Научно-издательская группа «Юркомпани», 2025. С. 29.

[5] Постановление Ленинского районного суда города Владимира от 28.11.2022 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 12.12.2025).

[6] Приговор Зимовниковского районного суда от 15.12.2023 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.12.2025).

[7] Приговор Калининского районного суда города Тюмени от 19.07.2022 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 15.12.2025).

[8] Приговор Центрального районного суда г. Читы от 24.06.2023 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 19.12.2025).

[9] Приговор Сургутского районного суда от 24.04.2025 // СПС «Консультант плюс» (дата обращения 19.12.2025).

References:

[1] “Criminal Code of the Russian Federation” dated 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 17.11.2025, as amended on 17.12.2025) //SPS “Consultant Plus” (date of application 22.12.2025).

[2] Verdict of the magistrate of the judicial district No. 124 of Bodaibo and Bodaibo district of 18.03.2021 //SPS “Consultant plus” (date of appeal 18.12.2025).

[3] Sveredyuk M.G., Shevchenko O.A., Reshetnikova I.S. “Analysis of judicial practice on claims of patients (legal representatives) against medical organizations, for the period 2018-2023 (based on materials from the Khabarovsk Territory)//Russian judge. № 6. 2025. S. 7.

[4] Sveredyuk M.G., Topalov K.P. “Systemic analysis of defects in the implementation of medical activities: legal and clinical aspects “/M.G. Sveredyuk, K.P. Topalov. - Moscow, Scientific and Publishing Group “Yurkompani,” 2025. S. 29.

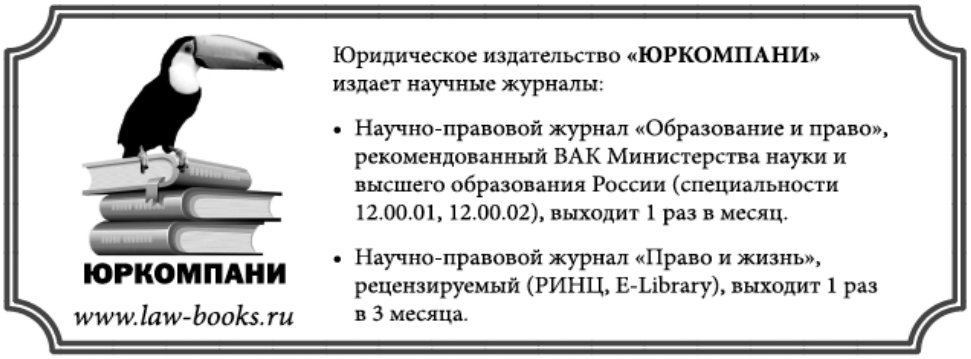
[5] Resolution of the Leninsky District Court of Vladimir dated 28.11.2022 //SPS “Consultant Plus” (date of appeal 12.12.2025).

[6] Verdict of the Zimovnikovsky District Court of 15.12.2023 //SPS “Consultant Plus” (date of appeal 15.12.2025).

[7] Verdict of the Kalininsky District Court of the city of Tyumen from 19.07.2022 //SPS “Consultant Plus” (date of appeal 15.12.2025).

[8] Verdict of the Central District Court of Chita from 24.06.2023 //SPS “Consultant Plus” (date of appeal 19.12.2025).

[9] Verdict of the Surgut District Court of 24.04.2025 //SPS “Consultant Plus” (date of appeal 19.12.2025).



Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-700-703

ХАСАНОВА Светлана Кузьминична,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: xsk2008@yandex.ru

ТАПТЫКОВ Алексей Владимирович,
научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
e-mail: commoncontacts@yandex.ru

ИНСТИТУТ ПЕРЕДАЧИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ В ГОСУДАРСТВО ИХ ГРАЖДАНСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье исследуются вопросы осуществления исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении осужденных, не являющихся гражданами Российской Федерации. Рассматривается институт передачи исполнения наказания в государство, гражданином которого является осужденный, как закрепленный международных нормах, так и в российском законодательстве. Делается вывод о дальнейшем следовании российской уголовно-исполнительной политики в области гуманизации правовых норм и положения осужденных.*

Ключевые слова: *Наказания, не связанные с изоляцией осужденных от общества, передача исполнения наказаний, иностранные осужденные, Конвенция.*

KHASANOVA Svetlana K.,
Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service

TAPTYKOV Alexey V.,
Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service

THE INSTITUTION OF TRANSFERING PUNISHMENT BY FOREIGN CITIZENS TO THEIR STATE OF CITIZENSHIP: INTERNATIONAL STANDARDS AND IMPLEMENTATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article examines the questions of carrying out non-imprisonment punishments for convicts who are not citizens of the Russian Federation. The institution of transferring the execution of a sentence to the state of the convicted person's citizenship is considered both in the established international norms and in Russian legislation. The article analyzes scientific research on the implementation of justice for foreign citizens and concludes that the Russian criminal executive policy should continue to focus on the humanization of legal norms and the status of convicts.*

Key words: *non-imprisonment punishments, transfer of punishment enforcement, foreign convicts, and the Convention.*

Введение

Одной из характерных особенностей современной криминогенной ситуации является рост доли мигрантов в общем числе лиц, совершивших преступные деяния. Согласно данным, озвученным на Конференции участников Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Вена, 23–27 мая 2022 года), около 500 тыс. человек отбывают наказание в виде лишения свободы за пределами своих стран [1]. Примечательно, что эта статистика не учитывает лиц, осужденных к

альтернативным видам наказаний, численность которых, по экспертным оценкам, значительно превышает количество заключенных, что свидетельствует о масштабности данного явления.

Активизация миграционных потоков закономерно влечет за собой увеличение численности осужденных иностранцев – носителей иных культурных, религиозных и правовых традиций. Данное обстоятельство создает дополнительные сложности в деятельности сотрудников правоохранительных органов, в том числе уголовно-исполнительной системы, требуя учета национальных особенностей таких осужденных при организации работы. Данная ситуация также приводит к увеличению финансовых расходов на содержание спецконтингента и росту социальной напряженности внутри исправительного учреждения и общества в целом.

В связи с этим все большее значение приобретает развитие института передачи осужденных для дальнейшего отбывания наказания в страну гражданства.

Материалы и методы

В целях анализа данного института использован сравнительно-правовой метод для исследования положений международного и российского законодательства, среди которых заметное место занимают акты Организации Объединенных Наций, Совета Европы и стран Содружества Независимых государств.

Результаты

Институт передачи исполнения наказания в государство, гражданином которого является осужденный, имеет прочную основу в международных нормах и законодательстве многих стран. Существуют различные политические причины для содействия передаче осужденных лиц, начиная от гуманитарных соображений, заканчивая необходимостью надлежащего и эффективного отправления правосудия. Кроме того, меры по ресоциализации и социальной адаптации могут быть более успешными, если осужденные лица отбывают наказание в своих родных странах [2].

Еще в 1975 году на пятом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями было рекомендовано разработать политику и практику регионального сотрудничества, начиная с заключения двусторонних соглашений, с целью облегчить процесс возвращения к месту постоянного жительства лиц, отбывающих наказания в других странах.

В 1985 году на уровне Организации Объединенных Наций были приняты Типовое соглашение о передаче заключенных-иностранцев и Рекомендации в отношении обращения с заключенными-иностранцами.

Резолюцией Генеральной Ассамблеи от 1990 года № 45/119 был утвержден Типовой договор о передаче надзора за правонарушителями, которые были условно осуждены или условно освобождены, позволяющий осужденным вернуться в страны происхождения или переехать в другие страны, при условии передачи ответственности за надзор соответствующей стороне. Типовой договор был адресован государствам-участникам, которые еще не установили договорных отношений с другими государствами в этой области или если они желают пересмотреть существующие договорные отношения.

Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2020 г. № 55/25) рекомендовала государствам-участникам рассмотреть возможность заключения двусторонних или многосторонних соглашений или договоренностей о передаче лиц, осужденных к тюремному заключению или другим видам лишения свободы за преступления, охватываемые Конвенцией, с тем чтобы они могли отбывать срок наказания на их территории [3].

Первым нормативным документом, разработанным в рамках Совета Европы для международного исполнения наказаний, стала Европейская конвенция о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями 1964 года. Европейская конвенция о международном признании судебных решений по уголовным делам 1970 года распространялась на наказания, связанные с лишением свободы, штрафы, конфискацию и лишение дееспособности. В соответствии с данной конвенцией государство-участник на основании договора может обратиться к другому с просьбой исполнить судебное решение.

Ключевым инструментом для передачи осужденных лиц по любым приговорам, связанным с лишением свободы, стала Конвенция Совета Европы 1983 года о передаче осужденных лиц. Она установила упрощенную процедуру передачи и наличие согласия осужденного.

Российская Федерация и страны постсоветского пространства также развивали данное направление. В марте 1998 года была принята Конвенция Содружества Независимых государств о передаче осужденных к лишению свободы. Впоследствии, по инициативе Российской Федерации, разработана и в 2019 году подписана Конвенция государств – участников Содружества Независимых государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (ратифицирована Федеральным законом от 12.12.2023 № 570-ФЗ) (далее – Конвенция). В 2024 году принят Федеральный закон от 22.04.2024 № 85-ФЗ, внес-

ший соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Согласно данным статистики, в 2024 году в Российской Федерации к уголовной ответственности было привлечено более 21 тысячи иностранных граждан [4], что составляет примерно 4% от общего числа осужденных в России [5]. При этом доля осужденных, отбывающих наказание без изоляции от общества, от общего числа состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций лиц, составляет около 0,9-1% [6].

Отечественным законодательством предусмотрена возможность назначения иностранным гражданам наказаний и уголовно-правовых мер, не связанных с лишением свободы, исполнение большинства которых возложено на уголовно-исполнительные инспекции (исправительные работы, обязательные работы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, условное осуждение, отсрочка отбывания наказания). Однако практика реализации данных полномочий сталкивается с рядом препятствий, объективного и субъективного характера.

Так, невозможность легального трудоустройства иностранных граждан без патента или разрешения на работу [7] вызывает определенные трудности в исполнении назначенного наказания в виде исправительных работ. Иная культура, правосознание, языковой барьер, отличные от российских религиозные и социальные нормы затрудняют установление соответствующего контакта сотрудников уголовно-исполнительных инспекций с осужденными. Высокая миграционная мобильность, которой способствует отсутствие постоянного жилья и устойчивых социальных связей, а зачастую и документов, удостоверяющих личность, делает невозможным осуществление систематического контроля.

В силу указанных факторов, по мнению экспертов, применяемые уголовно-исполнительными инспекциями методы профилактической работы, демонстрирующие эффективность в отношении российских граждан, не дают ожидаемого результата при применении к иностранным осужденным [8].

Кроме того, как справедливо отмечают исследователи, отсутствие согласованности между уголовным, административным и миграционным правом приводит к тому, что осужденные иностранцы, незаконно находящиеся на территории РФ и подлежащие депортации или выдворению, зачастую покидают страну, оставляя приговор суда неисполненным [9].

Сфера действия рассматриваемой Конвенции охватывает отношения сторон по исполнению санкций, не предполагающих лишение свободы, когда осужденный убывает на территорию государства, гражданином которого он является. Участвующие в ее реализации Государства выразили свою убежденность в эффективности в данных случаях достижения целей исполнения наказания, а также влиянии данного фактора на социальную реабилитацию осужденных иностранных граждан.

Алгоритм реализации положений Конвенции выглядит следующим образом:

– осужденный иностранный гражданин (его законный представитель) подает письменное ходатайство о передаче исполнения наказания в страну своего гражданства в компетентный орган Российской Федерации, либо в компетентный орган государства своего гражданства;
– Минюст России (уполномоченный орган) готовит запрос в компетентный орган государства гражданства осужденного, который рассматривает запрос и в кратчайший срок направляется ответ;
– полученные материалы направляются в суд, который выносит решение о согласии на передачу исполнения наказания либо об отказе (на основании ст. 469.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), о чем Минюст России уведомляет Государство исполнения наказания;
– компетентными органами Государства назначения наказания и Государства исполнения наказания организуется процедура передачи исполнения наказания.

В числе оснований, по которым в передаче исполнения наказания осужденному иностранному гражданину будет отказано (ст. 5 Конвенции), следующие: деяние не является преступлением в стране гражданства; назначенное наказание не может быть исполнено на территории государства гражданства, истечение срока давности; осужденный отбыл назначенное наказание, был оправдан и т.д.; осужденный не дал согласия на исполнение наказания в государстве гражданства; не установлено место жительства осужденного на территории государства его гражданства и др.

Важно отметить следующие правовые последствия передачи. Государство, в котором вынесен приговор, утрачивает полномочия по исполнению неотбытой части наказания. В дальнейшем вопросы, связанные с исполнением наказания (меры уголовно-правового характера), включая замену наказания (изменение меры уголовно-правового характера) и освобождение от отбывания наказания, решаются по законодательству Государства исполнения наказания. Если назначенный вид наказания в нем не предусмотрен, осужденному может быть назначен более мягкий вид наказания, предусмотренный законодательством данного государства.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что институт передачи исполнения наказания в государство гражданской принадлежности иностранных осужденных выступает одним из основных современных проявлений гуманизации уголовной политики и важным инструментом международного сотрудничества в правовой сфере.

Ратификация Конвенции создала необходимую нормативную основу для передачи исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, что позволяет гарантировать, что лицо, совершившее преступление на территории России, понесет установленную судом ответственность, но в условиях, более благоприятных для его последующей ресоциализации – на родине, с учетом родного языка, культуры и при поддержании социально полезных связей.

Список литературы:

[1] Передача осужденных лиц (статья 17 Конвенции об организованной преступности) // Конференция участников Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (CTOC/COP/WG.3/2022/2). Вена, 23–27 мая 2022 г. URL: https://www.unodc.org/ documents/treaties/International_Cooperation_2022/CTOC_COP_WG.3_2022_2/CTOC_COP_WG.3_2022_2_R.pdf.

[2] Rehabilitation, resocialization and reintegration // UNODC, Handbook on the International Transfer of Sentenced Persons, Criminal Justice Handbook Series (Vienna, 2012). URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/11-88322_ebook.pdf.

[3] Подготовительные материалы, касающиеся переговоров о разработке Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Протоколов к ней // издание Организации Объединенных Наций № R.06.V.5. С. 171.

[4] Верховный суд сообщил о более чем 21 тысячи осужденных иностранцев за год. URL: https://www.vesti.ru/article/4487611(дата обращения 12.01.2026).

[5] РБК: доля иностранцев среди осужденных в России составляет 4–4,5%. URL: https://www.vesti.ru/article/4531096 (дата обращения 12.01.2026).

[6] Лядов Э.В. Исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы, в отношении осужденных – иностранных граждан и лиц без гражданства // Современный ученый. 2019. № 2. С. 308-313.

[7] Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[8] Барсегян С.В. Наказания, несвязанныес лишением свободы и передача их исполнения государствамучастникам СНГ: криминологическиеаспекты предупреждения повторных преступлений // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 3.

[9] Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н., Жиляев Р.М. Правовые коллизии в сфере исполнения наказаний в отношении иностранных граждан // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 296–298.

References:

[1] Transfer of convicted persons (article 17 of the Organized Crime Convention)//Conference of the Parties to the United Nations Convention against Transnational Organized Crime (CTOC/COP/WG.3/2022/2). Вена, 23–27 мая 2022 г. URL: https://www.unodc.org/ documents/treaties/International_Cooperation_2022/CTOC_COP_WG.3_2022_2/CTOC_COP_WG.3_2022_2_R.pdf.

[2] Rehabilitation, resocialization and reintegration // UNODC, Handbook on the International Transfer of Sentenced Persons, Criminal Justice Handbook Series (Vienna, 2012). URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/11-88322_ebook.pdf.

[3] Preparatory Materials for the Negotiation of the United Nations Convention against Transnational Organized Crime and its Protocols//United Nations Publication No. R.06.V.5. S. 171.

[4] The Supreme Court reported more than 21,000 convicted foreigners in a year. URL: https://www.vesti.ru/article/4487611 (date of contact 12.01.2026).

[5] RBC: the share of foreigners among convicts in Russia is 4-4.5%. URL: https://www.vesti.ru/article/4531096 (date of contact 12.01.2026).

[6] Lyadov E.V. Execution of alternative punishments to imprisonment in relation to convicts - foreign citizens and stateless persons//Modern scientist. 2019. № 2. S. 308-313.

[7] Federal Law No. 25.07.2002 of 115-FZ “On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation.” Access from SPS “ConsultantPlus.”

[8] S.V. Barseghyan. Punishment unrelated to imprisonment and the transfer of their execution to the CIS member states: criminological aspects of the prevention of repeated crimes//Police and investigative activities. 2024. № 3.

[9] Pervozvansky V.B., Strogovich Yu.N., Zhilyaev R.M. Legal conflicts in the field of execution of punishments against foreign citizens//Gaps in Russian legislation. 2018. № 3. S. 296-298.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-704-709

КОВАЛЕВ Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук,
кандидат психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник ФКУ
научно-исследовательский институт
ФСИН России,
e-mail: okovalev66@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ, ДЛЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Аннотация. *Целью исследования явились правовые и организационные основы использования учреждений, исполняющих наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Для ее реализации применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых осуществлялся сравнительно-правовой анализ положений национального уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы. Практики использования учреждений, исполняющих наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Деятельность органов следствия и дознания, а также судов, утверждающих постановления о выборе меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых, нуждается в правовом регулировании и организационном обеспечении создания необходимых условий содержания под стражей лиц на территориях, где отсутствуют СИЗО. Также это касается осужденных, отбывающих наказания в ИУ, задержанных по подозрению в совершении другого преступления. Для этого национальное уголовно-исполнительное законодательство активно использует правовой институт использования учреждений, исполняющих уголовные наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Данный институт предполагает не только обеспечение функционирования ПФРСИ, но создание соответствующей нормативной базы по обеспечению правового статуса подозреваемых, соблюдению прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых. На данном направлении законодателем проделана значительная системная работа, модернизировано национальное законодательство. ФЗ 1995 г. № 103-ФЗ, указывает на то, что осужденные, отбывающие наказание в ИУ, задержанные по подозрению в совершении другого преступления, могут содержаться в этих учреждениях, но изолированно от осужденных, отбывающих наказание. Подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, могут содержаться в тюрьмах или на территориях учреждений, исполняющих наказания в специально оборудованных для этих целей ПФРСИ. Перечень указанных учреждений согласован с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и утвержден Приказом Минюста РФ от 30.06.199 г. № 212. Национальное законодательство требует от администрации ИУ и СИЗО соблюдения прав и законных интересов, регламентированных национальным уголовно-исполнительным и уголовно-процессуальным законом, рассмотренными ведомственными правовыми актами, установив за этим процессом современную систему контроля и надзора.*

Ключевые слова: *учреждения, исполняющие наказания, подозреваемые и обвиняемые, следственные изоляторы, уголовно-исполнительная система, контроль и надзор, уголовно-исполнительное законодательство.*

KOVALEV Oleg Gennadievich,
Doctor of Law, Candidate of Law of Psychological Sciences,
Professor, Chief Researcher of the FKU Scientific Research
Institute Federal Penitentiary Service of Russia

THE USE OF PENAL INSTITUTIONS FOR THE DETENTION OF SUSPECTS AND THOSE ACCUSED OF COMMITTING CRIMES IN NATIONAL PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION

Annotation. *The purpose of the study was the legal and organizational basis for the use of penal institutions to detain suspects and those accused of committing crimes. To implement it, the dialectical method of cognition and other well-known methods of logical cognition (general scientific and private scientific) were used: synthesis, comparison, analogy, generalization, sociological survey, observation, which were used to carry out comparative legal analysis of the provisions of national penal enforcement legislation, departmental legal acts of the Ministry of Justice and the Federal Penitentiary Service of Russia, scientific and educational methodological literature. The practice of using penal institutions to detain suspects and those accused of committing crimes. The activities of investigative and inquiry bodies, as well as courts approving decisions on the choice of preventive measures in the form of detention of suspects and accused persons, need legal regulation and organizational support for the creation of necessary conditions for the detention of persons in territories where there are no pre-trial detention centers. This also applies to convicts serving sentences in the Detention Center, detained on suspicion of committing another crime. To this end, the national penal enforcement legislation actively uses the legal institution of using institutions that execute criminal penalties to detain suspects and those accused of committing crimes. This institution involves not only ensuring the functioning of the PFRSI, but also creating an appropriate regulatory framework to ensure the legal status of suspects, respect for the rights and legitimate interests of suspects and accused. The legislator has done significant systematic work in this area, and the national legislation has been modernized. Federal Law No. 103-FZ of 1995 indicates that convicts serving sentences in prisons, detained on suspicion of committing another crime, may be held in these institutions, but in isolation from convicts serving sentences. Suspects and accused persons, in respect of whom detention has been chosen as a preventive measure, may be held in prisons or on the territories of institutions executing sentences in specially equipped PFRSI for these purposes. The list of these institutions has been coordinated with the Prosecutor General's Office of the Russian Federation and approved by Order No. 212 of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 30.06.199. National legislation requires the administration of the detention center and the SIZO to respect the rights and legitimate interests regulated by the national penal enforcement and criminal procedure laws, reviewed departmental legal acts, establishing a modern system of control and supervision over this process.*

Key words: *institutions executing punishments, suspects and accused, pre-trial detention facilities, penal enforcement system, control and supervision, penal enforcement legislation.*

Введение. Проблема использования учреждений, исполняющих уголовные наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений является актуальной для теории уголовно-исполнительного права, уголовно-процессуального права, практической деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее УИС) в современных условиях ее развития.

Деятельность органов следствия и дознания, а также судов, утверждающих постановления о выборе меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых, нуждается в правовом регулировании и организационном обеспечении создания необходимых условий содержания под стражей лиц на территориях, где отсутствуют следственные изоляторы (далее СИЗО). Также это касается осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях (далее ИУ), задержанных по подозрению в совершении другого преступления.

Для этого национальное уголовно-исполнительное законодательство активно использует правовой институт использования учреждений, исполняющих уголовные наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Данный институт предполагает не только обеспечение функционирования специальных помещений в режиме СИЗО (далее ПФРСИ), но создание соответствующей

нормативной базы по обеспечению правового статуса подозреваемых, соблюдению прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых.

На данном направлении законодателем проделана значительная системная работа, модернизировано национальное законодательство. Оно подвергнуто специальному теоретико-правовому анализу, результаты которого изложены в настоящей научной статье.

Методы и принципы исследования. Для изучения правовых и организационных основ использования учреждений, исполняющих наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений применялись диалектический метод познания и другие общеизвестные методы логического познания (общенаучные и частнонаучные): синтез, сравнение, аналогия, обобщение, социологический опрос, наблюдение, с помощью которых осуществлялся сравнительно-правовой анализ положений национального уголовно-исполнительного законодательства, ведомственных правовых актов Минюста и ФСИН России, научной и учебно-методической литературы. Практики использования учреждений, исполняющих наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

Основные результаты. Теоретико-правовое исследование темы позволило установить, что рассматриваемый правовой институт регулируется следующими нормативными актами:

Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации в контексте осуществления уголовно-исполнительной политики, обеспечения учреждениями УИС условий содержания подозреваемых и обвиняемых [1];

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации в части назначения экспертиз и осуществления медицинского освидетельствования подозреваемых и обвиняемых [2];

Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ, определившим цели и принципы, условия содержания под стражей, правовой статус подозреваемых и обвиняемых [3];

Правилами внутреннего распорядка СИЗО УИС, конкретизировавшими содержание под стражей различных категорий подозреваемых и обвиняемых, их участия в следственных действиях, обеспечения прав и законных интересов [4];

Перечнем ИУ, на территории которых, по согласованию с Генпрокуратурой РФ созданы ПФРСИ для содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [5].

Так, статья 10 ФЗ 1995 г. № 103-ФЗ, указывает на то, что осужденные, отбывающие наказание в ИУ, задержанные по подозрению в совершении другого преступления, могут содержаться в этих учреждениях, но изолированно от осужденных, отбывающих наказание.

Подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, могут содержаться в тюрьмах или на территориях учреждений, исполняющих наказания в специально оборудованных для этих целей ПФРСИ [6, с. 229-235]. Перечень указанных учреждений согласован с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и утвержден Приказом Минюста РФ от 30.06.199 г. № 212.

Реализация прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, в случаях назначения экспертизы (в соответствии со статьей 196 УПК РФ) и оказания им медицинской помощи помещаются в медицинские организации в порядке, установленным анализируемым законом [7, с. 136-139].

Таким образом, национальное законодательство требует от администрации ИУ и СИЗО соблюдения прав и законных интересов, регламентированных национальным уголовно-исполнительным и уголовно-процессуальным законом, рассмотренными ведомственными правовыми актами.

Учитывая важность правового института использования учреждений, исполняющих уголовные наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений для современной уголовно-исполнительной деятельности, соблюдения их прав и законных интересов активно реализуется система контроля государственных органов, общественных объединений, институтов гражданского общества. В которой, безусловно, первостепенное значение принадлежит ведомственному контролю со стороны вышестоящих служб и подразделений ГУФСИН, УФСИН субъектов Федерации и ФСИН России. Надзору органов прокуратуры за законностью содержания подозреваемых и обвиняемых в СИЗО и ПФРСИ [8]. Осуществляемому помощниками прокуроров в территориях Российской Федерации в ходе проводимых плановых (один раз в месяц) и внеплановых прокурорских проверок в СИЗО И ПФРСИ [9, с. 148-154]. Внесению актов прокурорского реагирования на выявляемые нарушения закона в рассматриваемой сфере [10, с.347-353].

Обсуждение. Результаты исследования обсуждались на следующих научно-практических форумах, где автор выступал с докладами на:

– VIII Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», состояв-

шейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 13.04.2021 г. Доклад на тему «Взаимодействие органов прокуратуры с общественными наблюдательными комиссиями при осуществлении надзора за законностью исполнения уголовных наказаний»;

– V Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление» (приуроченном к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий)., состоявшемся 17-19.10.2021 г. в Академии ФСИН России. Доклад на тему «Организация и методика проведения прокурорских проверок в исправительных колониях уголовно-исполнительной системы в условиях ее реформирования»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации», состоявшейся в Вологодском институте права и экономики ФСИН России 09-11.12.2022. Доклад на тему «Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в СИЗО ФСИН России»;
– 10 Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия» в Пермском институте ФСИН России 15.04.2023. Доклад на тему: «Современная оперативно-розыскная политика в УИС и ее влияние на комплексное обеспечение безопасности пенитенциарных учреждений»;
– XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики», 18 -19.10.2023 в ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН (г. Новокузнецк). Доклад на тему «Современные проблемы правовой имплементации пенитенциарных стандартов в деятельность уголовно-исполнительной системы России»;
– Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система, государство и общество: проблемы взаимодействия», состоявшейся 20.10.2023 в Псковском филиале Университета ФСИН России. Доклад на тему: «Влияние уголовной и уголовно-исполнительной политики современной России на состояние женской преступности»;
– 6 Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», приуроченном к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», состоявшемся в Академии ФСИН России 15.11.2023. Доклад на тему: «Значение прокурорского надзора при реализации основных направлений деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе ее развития»;
– XI Международной научно-практической конференции «Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия», посвященной 145-летию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, состоявшейся в ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России 05.04. 2024 г., на секции «Правовое регулирование деятельности подразделений УИС по обеспечению режима, охраны и конвоирования». Доклад на тему: «Особенности деятельности оперативных подразделений по обеспечению режима исправительных учреждений»;
– Межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Уголовно-исполнительная система: история и современность», состоявшейся 16-17.10. 2024 г. в Псковском филиале Санкт-Петербургского университета ФСИН России. Доклад на тему «Современные подходы обеспечения безопасности следственных изоляторов».

Заключение. Деятельность органов следствия и дознания, а также судов, утверждающих постановления о выборе меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемых и обвиняемых, нуждается в правовом регулировании и организационном обеспечении создания необходимых условий содержания под стражей лиц на территориях, где отсутствуют СИЗО. Также это касается осужденных, отбывающих наказания в ИУ, задержанных по подозрению в совершении другого преступления.

Для этого национальное уголовно-исполнительное законодательство активно использует правовой институт использования учреждений, исполняющих уголовные наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Данный институт предполагает не только обеспечение функционирования ПФРСИ, но создание соответствующей нормативной базы по обеспечению правового статуса подозреваемых, соблюдению прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых. На данном направлении законодателем проделана значительная системная работа, модернизировано национальное законодательство.

ФЗ 1995 г. № 103-ФЗ, указывает на то, что осужденные, отбывающие наказание в ИУ, задержанные по подозрению в совершении другого преступления, могут содержаться в этих учреждениях, но изолированно от осужденных, отбывающих наказание. Подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, могут содержаться в тюрьмах или на территориях учреждений, исполняющих наказания в специально оборудованных для этих целей ПФРСИ. Перечень указанных учреждений согласован с Генеральной прокуратурой Российской Федерации и утвержден Приказом Минюста РФ от 30.06.199 г. № 212.

Национальное законодательство требует от администрации ИУ и СИЗО соблюдения прав и законных интересов, регламентированных национальным уголовно-исполнительным и уголовно-процессуальным законом, рассмотренными ведомственными правовыми актами.

Учитывая важность правового института использования учреждений, исполняющих уголовные наказания для содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений для современной уголовно-исполнительной деятельности, соблюдения их прав и законных интересов активно реализуется система контроля государственных органов, общественных объединений, институтов гражданского общества. В которой, безусловно, первостепенное значение принадлежит ведомственному контролю со стороны вышестоящих служб и подразделений ГУФСИН, УФСИН субъектов Федерации и ФСИН России, а также надзору органов прокуратуры за законностью содержания подозреваемых и обвиняемых в СИЗО и ПФРСИ.

Список литературы:

[1] Комментарий к уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный) // Бриллиантов А.В., Геранин В.В., Зубарев С.М., Дубровицкий Л.П., Епанешников В.С., Казакова В.А., Ковалев О.Г., Куденеев С.В., Лысягин О.Б., Лядов Э.В., Михлин А.С., Селиверстов В.И., Филимонов О.В. Москва, 2011.

[2] Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. Дашков и К. 2005. 21 с.

[3] Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» от 15.07.1995 № 103-ФЗ // Garant.ru (дата обращения 04.02.2026).

[4] Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Garant.ru (дата обращения 04.02.2026).

[5] Приказ Минюста РФ от 30.06.199 г. № 212 «Об утверждении перечня исправительных учреждений, на территории которых созданы помещения, функционирующие в режиме следственных изоляторов» (с изменениями и дополнениями) // Garant.ru (дата обращения 04.02.2026).

[6] Ковалев О.Г. Роль правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в правоохранительной и правозащитной деятельности, реализуемой в местах содержания под стражей // Международный научный вестник. 2025. № 11. С. 229-235.

[7] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Правовые и психологические вопросы соблюдения законности при содержании лиц, заключенных под стражу // Журнал прикладных исследований. 2024. № 7. С. 136-139.

[8] Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1. Капинус О.С., Винокуров А.Ю., Кехлеров С.Г., Аберхаев Э.Р., Александрова Л.И., Андреев Б.В., Андреев Г.В., Андрианов М.С., Аристархов А.Л., Артемов В.В., Ашиткова Т.В., Беллевич А.Ю., Бессарабов В.Г., Борисов С.В., Бриллиантов А.В., Будай С.Н., Буланова Н.В., Бут Н.Д., Викторов И.С., Городков Ю.А. и др. Практическое пособие / Сер. 9 Профессиональная практика, (5-е изд., пер. и доп.) Москва 2018. 481 с.

[9] Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Организационно-правовые особенности и методика проведения прокурорских проверок в следственных изоляторах ФСИН России // В сборнике: Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению ресоциализации. Сборник материалов международной научно-практической конференции: в 3 ч. Вологда. 2022. С. 148-154.

[10] Ковалев О.Г. Правовые и психологические вопросы соблюдения прав подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений при осуществлении прокурорского надзора за следственными изоляторами // Право и управление. 2024. № 12. С. 347-353.

References:

[1] Commentary to the Penal Enforcement Code of the Russian Federation (article by article) // Brilliantov A.V., Geranin V.V., Zubarev S.M., Dubrovitsky L.P., Epaneshnikov V.S., Kazakova V.A., Kovalev O.G., Kudeneev S.V., Lysyagin O.B., Lyadov E.V., Mikhlin A.S., Seliverstov V.I., Filimonov O.V. Moscow, 2011.

[2] Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article). M. Dashkov and K. 2005. 21 p.

[3] Federal Law “On the detention of suspects and accused of committing crimes” dated July 15, 1995 No. 103-FZ // Garant.ru (date of application 02/04/2026).

[4] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 No. 110 “On Approval of the Internal Regulations of Pre-trial Detention Facilities of the penal system, Rules internal regulations of correctional institutions and Internal regulations of correctional centers of the penal system” // Garant.ru (accessed 02/04/2026).

[5] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 30.06.199 № 212 “On approval of the list of correctional institutions on the territory of which premises operating in the mode of pre-trial detention facilities have been established” (with amendments and additions) // Garant.ru (date of application 02/04/2026).

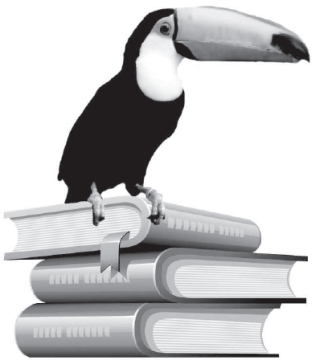
[6] Kovalev O.G. The role of internal regulations of pre-trial detention facilities in law enforcement and human rights activities carried out in places of detention // International Scientific Bulletin. 2025. No. 11. pp. 229-235.

[7] Kovalev O.G., Semenova N.V. Legal and psychological issues of legality in the detention of persons in custody // Journal of Applied Research. 2024. No. 7. pp. 136-139.

[8] The prosecutor’s desk book in 2 parts Part 1. Kapinus O.S., Vinokurov A.Yu., Kekhlerov S.G., Aberkhaev E.R., Alexandrova L.I., Andreev B.V., Andreev G.V., Andrianov M.S., Aristarkhov A.L., Artemov V.V., Ashitkova T.V., Bellevich A.Yu., Bessarabov V.G., Borisov S.V., Brilliantov A.V., Budai S.N., Bulanova N.V., Booth N.D., Viktorov I.S., Gorodkov Yu.A. and others. Practical guide / Ser. 9 Professional practice, (5th ed., trans. and add.) Moscow, 2018. 481 p.

[9] Kovalev O.G., Semenova N.V. Organizational and legal features and methods of conducting prosecutorial inspections in pre-trial detention facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia // In the collection: The Russian penitentiary system in modern conditions of social development: from the paradigm of punishment to the correction of re-socialization. Collection of materials of the international scientific and practical conference: at 3 a.m. Vologda. 2022. pp. 148-154.

[10] Kovalev O.G. Legal and psychological issues of observing the rights of suspects (accused) of committing crimes in the implementation of prosecutorial supervision of pre-trial detention facilities // Law and Management. 2024. No. 12. pp. 347-353.



www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-710-715

КАЗБЕРОВ Павел Николаевич,
Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
кандидат психологических наук,
e-mail: mr.kazberov@mail.ru

РАЗВИТИЕ СПОСОБНОСТЕЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ РАБОТНИКОВ ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ОСУЖДЕННЫХ, СОВЕРШИВШИХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. *Существует достаточно много причин того, что проблемный вопрос формирования и развития компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактики в исправительных учреждениях проявлений идеологии терроризма актуален сегодня как никогда. Значимость этих причин находит свое выражение в практике функционирования пенитенциарных учреждений, а также в результатах проведенных научных исследований по рассматриваемой тематике. Осужденные, относящиеся к категории осужденных, совершивших террористические преступления, достаточно давно находятся в эпицентре внимания как пенитенциарных работников практиков, так и ведомственных научных исследователей.*

Целью публикации, таким образом, является определение возможностей для развития способностей пенитенциарных работников по определению криминологических свойств осужденных, совершивших террористические преступления.

Цель данного исследования достигается посредством разрешения ряда соответствующих задач: раскрытие актуальности вопроса формирования и развития компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактики в исправительных учреждениях проявлений идеологии терроризма как в практике функционирования пенитенциарных учреждений, так и в результатах проведенных научных исследований; изучение полученных в ходе научно-исследовательской работы эмпирическим данных, посвященных системному исследованию личностных характеристик осужденных, а также имеющихся научных публикаций с целью определения роли осужденных в совершенных преступлениях и характеристик этих преступлений; реализация анализа полученных результатов изучения личностных характеристик осужденных с целью определения наличия у них криминального опыта, выраженного в количестве привлечений к уголовной ответственности, а также случаев привлечения к административной ответственности, что в совокупности может говорить о степени отношения осужденных к криминальной субкультуре; определение степени отношения осужденных террористов к криминальной субкультуре для установления характера возможности исправительного воздействия на них в сравнении с данными категорий осужденных, совершивших насильственный и корыстный тип преступлений и имеющих значительный характер отношения к криминальной субкультуре.

В процессе реализации исследовательской работы применялся следующий методический инструментарий: сравнительный анализ, синтез, индукция, дедукция, анкетирование, интервью, анализ практики организации исправительного воздействия на лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера.

Определены следующие рабочие гипотезы: вопрос формирования и развития компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактики в исправительных учреждениях проявлений идеологии терроризма является актуальным сегодня как в практике функционирования пенитенциарных учреждений, так и в результатах проведенных научных исследований; благодаря полученным в ходе научно-исследовательской работы эмпирическим данным, посвященным системному изучению личностных характеристик осужденных, а также ряду имеющихся наших публикаций по данной теме возможно предположить, что рассматриваемая категория осужденных совершает особо тяжкие и тяжкие преступления, входя в состав хорошо организованных и вооруженных преступных, террористических групп;

полученные результаты изучения личностных характеристик осужденных определяют, что преобладающая часть этих осужденных до актуального осуждения не имела никакого криминального опыта и даже не привлекалась к административной ответственности, что в свою очередь позволяет предположить вывод о том, что осужденных до осуждения не имели никакого отношения к криминальной субкультуре;

выраженное слабо отношение осужденных террористов к криминальной субкультуре разительно конструктивно отличает их от иных категорий осужденных, совершивших как насильственный, так и корыстный тип преступлений и имеющих значительный характер отношения к криминальной субкультуре, что дает возможность предполагать, что исправительное, психокоррекционное воздействие на осужденных имеет значительную потенциальную возможность.

Результаты исследования позволили реализовать цель статьи, а в частности, определить возможности для развития способностей пенитенциарных работников по определению криминологических свойств осужденных, совершивших террористические преступления.

Ключевые слова: *развитие способностей, пенитенциарные работники, компетентность, криминологические свойства, террористические преступления.*

KAZBEROV Pavel Nikolaevich,
Leading researcher FKU Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

DEVELOPING THE CAPACITY OF PRISON STAFF TO DETERMINE THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CONVICTED TERRORIST OFFENDERS

Annotation. *There are many reasons why the problem of developing and enhancing the competence of penitentiary staff in preventing manifestations of terrorist ideology in correctional facilities is more relevant today than ever. The significance of these reasons is reflected in the operational practices of penitentiary institutions, as well as in the results of scientific research on the topic. Convicts classified as those who have committed terrorist crimes have long been the focus of attention for both penitentiary practitioners and departmental academic researchers.*

The purpose of this publication, therefore, is to identify opportunities for developing the abilities of penitentiary staff to determine the criminological characteristics of convicts who have committed terrorist crimes.

The goal of this study is achieved by addressing a number of related objectives: To reveal the relevance of developing and enhancing the competence of penitentiary staff in preventing manifestations of terrorist ideology in correctional facilities, both in the operational practices of penitentiary institutions and in the results of scientific research; A study of empirical data obtained during research on the systematic study of the personal characteristics of convicted individuals, as well as existing scientific publications, was conducted to determine the role of convicted individuals in the crimes committed and the characteristics of these crimes. An analysis of the results obtained from the study of the personal characteristics of convicted individuals was conducted to determine their criminal history, as measured by the number of criminal convictions and administrative convictions, which, taken together, may indicate the degree of their relationship to the criminal subculture. A determination of the relationship of convicted terrorists to the criminal subculture was made to establish the potential for corrective intervention in comparison with data from categories of convicted individuals who have committed violent and acquisitive crimes and who have a significant relationship to the criminal subculture.

The following methodological tools were used in the research process: comparative analysis, synthesis, induction, deduction, questionnaires, interviews, and an analysis of the practice of organizing corrective interventions for individuals convicted of terrorist crimes. The following working hypotheses have been formulated: the issue of developing and enhancing the competence of penitentiary staff in preventing manifestations of terrorist ideology in correctional facilities is relevant today, both in the practical functioning of penitentiary institutions and in the results of conducted scientific research; based on empirical data obtained during the research work, dedicated to the systematic

study of the personal characteristics of convicts, as well as a number of our existing publications on this topic, it can be assumed that this category of convicts commits particularly serious and serious crimes, being part of well-organized and armed criminal and terrorist groups;

the obtained results of the study of the personal characteristics of convicts determine that the majority of these convicts, prior to their current conviction, had no criminal experience and had not even been brought to administrative responsibility, which in turn allows us to conclude that the convicts had no connection with the criminal subculture before their conviction;

The weak relationship of convicted terrorists with the criminal subculture strikingly distinguishes them from other categories of convicts who have committed both violent and mercenary crimes and who have a significant connection to the criminal subculture. This suggests that corrective, psychocorrectional interventions for convicts have significant potential.

The results of the study made it possible to achieve the goal of the article, namely, to identify opportunities for developing the capacity of prison staff to identify the criminological characteristics of convicts who have committed terrorist crimes.

Key words: *development of abilities, prison officers, competence, criminological properties, terrorist crimes.*

Введение. Проблемный вопрос формирования и развития компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактики в исправительных учреждениях проявлений идеологии терроризма актуален сегодня как никогда [2, с. 95; 6, с. 9]. Причин этому множество, что находит свое выражение в практике функционирования пенитенциарных учреждений и в результатах проведенных научных исследований по рассматриваемой тематике. Такая категория осужденных как осужденные, совершившие террористические преступления (далее - ОСТП), достаточно давно находятся в эпицентре внимания как пенитенциарных работников практиков, так и ведомственных научных исследователей [1, с. 183; 4, с. 437].

Полученные в ходе научно-исследовательской работы эмпирические данные, посвященные системному изучению личностных характеристик ОСТП, а также ряд имеющихся наших публикаций по данной теме позволяют определить, что рассматриваемая категория осужденных совершает особо тяжкие и тяжкие преступления, входя в состав хорошо организованных и вооруженных преступных, террористических групп [5]. Все указанные характеристики необходимо доводить до пенитенциарных работников в ходе реализации повышения их профессиональной квалификации и при проведения служебной подготовки. Тем не менее, крайне актуальным является также и развитие способностей пенитенциарных работников по определению иных криминологических свойств личности ОСТП. Об этом и идет речь в данной публикации.

Гипотезы исследования:

– вопрос формирования и развития компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактики в исправительных учреждениях проявлений идеологии терроризма является актуальным сегодня как в практике функционирования пенитенциарных учреждений, так и в результатах проведенных научных исследований;
– благодаря полученным в ходе научно-исследовательской работы эмпирическим данным, посвященным системному изучению личностных характеристик ОСТП, а также ряду имеющихся наших публикаций по данной теме возможно предположить, что рассматриваемая категория осужденных совершает особо тяжкие и тяжкие преступления, входя в состав хорошо организованных и вооруженных преступных, террористических групп;
– полученные результаты изучения личностных характеристик ОСТП определяют, что преобладающая часть этих осужденных до актуального осуждения не имела никакого криминального опыта и даже не привлекалась к административной ответственности, что в свою очередь позволяет предположить вывод о том, что ОСТП до осуждения не имели никакого отношения к криминальной субкультуре;
– выраженное слабо отношение ОСТП к криминальной субкультуре разительно конструктивно отличает их от иных категорий осужденных, совершивших как насильственный, так и корыстный тип преступлений и имеющих значительный характер отношения к криминальной субкультуре, что дает возможность предполагать, что исправительное, психокоррекционное воздействие на ОСТП имеет значительную потенциальную возможность.

Цель статьи – определение возможностей для развития способностей пенитенциарных работников по определению криминологических свойств осужденных, совершивших террористические преступления.

Задачи статьи:

– раскрытие актуальности вопроса формирования и развития компетентности пенитенциарных работников в направлении профилактики в исправительных учреждениях проявлений идеологии терроризма как в практике функционирования пенитенциарных учреждений, так и в результатах проведенных научных исследований;
– изучение полученных в ходе научно-исследовательской работы эмпирическим данных, посвященных системному исследованию личностных характеристик ОСТП, а также имеющихся научных публикаций с целью определения роли осужденных в совершенных преступлениях и характеристик этих преступлений;
– реализация анализа полученных результатов изучения личностных характеристик ОСТП с целью определения наличия у них криминального опыта, выраженного в количестве привлечений к уголовной ответственности, а также случаев привлечения к административной ответственности, что в совокупности может говорить о степени отношения ОСТП к криминальной субкультуре;
– определение степени отношения ОСТП к криминальной субкультуре для установления характера возможности исправительного воздействия на них в сравнении с данными категорий осужденных, совершивших насильственный и корыстный тип преступлений и имеющих значительный характер отношения к криминальной субкультуре.

К методам и методикам работы относятся реализация: сравнительного анализа, синтеза, индукции, дедукции, анкетирования, интервью, анализа практики организации исправительного воздействия на осужденных, обобщение, моделирование, наблюдение и т.д.

Результаты исследования. Действительно, данные предыдущего криминологического «анамнеза» осужденных, совершивших террористические преступления представляют крайне важный характер для проведения пенитенциарными работниками эффективной профилактической работы с такими лицами. Проведенное нами анкетирование ОСТП, в рамках системного исследования личности данной категории осужденных, позволили составить определенное впечатление (выводы) о предыдущем криминологическом «анамнезе» этих лиц. Указанные данные представлены на *рисунке 1.*

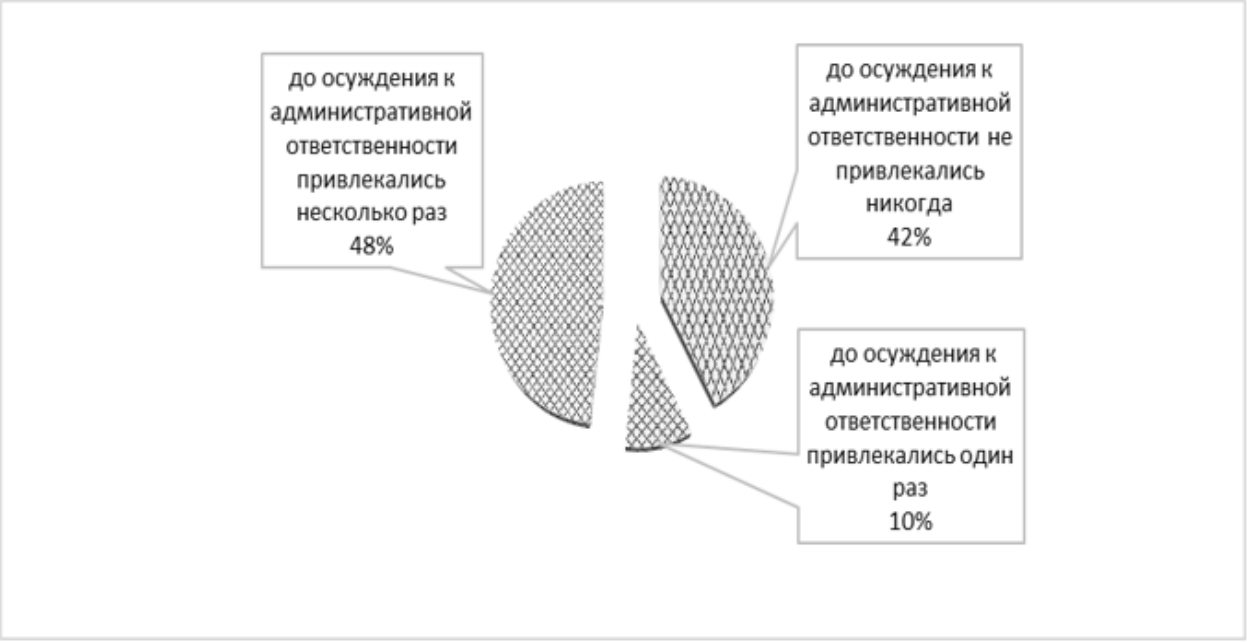


Рис. 1. Данные по ОСТП в аспекте проявления характеристик их криминального анамнеза

Данные, представленные на рисунке 1 указывают на то, что абсолютное большинство, более семидесяти процентов этих лиц, не были осуждены ранее, то есть не привлекались судом к уголовной ответственности. Чуть менее половины из них (42%) ранее, до настоящего отбывания уголовного наказания, не были привлечены ни разу и к административной ответственности. Из общего количества ОСТП, ранее, к административной ответственности привлекались не более одного раза только 10%, то есть, лишь каждый десятый. То есть, нам представлена ситуация, согласно которой, преобладающая часть ОСТП до актуального осуждения не имела никакого криминального опыта и даже не привлекалась к административной ответственности. То есть ОСТП не имели до осуждения никакого отношения к криминальной субкультуре.

Указанная выше характеристика разительно конструктивно отличает ОСТП от иных категорий осужденных, совершивших как насильственный, так и корыстный тип преступлений и имеющих значительный характер отношения к криминальной субкультуре. Это положение позволяет с гораздо большим оптимизмом рассматривать возможности исправительного и, в частности, психокоррекционного воздействия на ОСТП, реализуемого пенитенциарными работниками. Вышеуказанная характеристика криминологических свойств осужденных, совершивших террористические преступления, очень важна для реализации профилактической работы пенитенциарными работниками. Развитие способностей пенитенциарных работников по определению криминологических свойств осужденных, совершивших террористические преступления, возможно в рамках реализации повышения их профессиональной квалификации, а также проведения служебной подготовки с ними [3, с. 48].

Слабая выраженность причастности ОСТП к криминальной субкультуре, воровским традициям в целом, свидетельствует о том, что их проникновение в криминальную сферу осуществлялось достаточно быстро, минуя многие этапы обычного формата такого процесса. Следовательно, это позволяет с гораздо большим оптимизмом рассматривать возможности исправительного и, в частности, психокоррекционного воздействия на ОСТП, реализуемого пенитенциарными работниками.

Выводы, заключение. Процесс развития способностей пенитенциарных работников по определению криминологических свойств осужденных, совершивших террористические преступления крайне актуален для пенитенциарной практики. Результаты нашего исследования определяют, что способность пенитенциарных работников по определению криминологических свойств осужденных, совершивших террористические преступления, играет ключевую роль в проведении профилактической работы с ними.

Список литературы:

[1] Баимова Р.Р. Особенности фрустрации у подростков с девиантным поведением // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 3А. С. 182-193. DOI: 10.34670/AR.2021.90.40.019

[2] Вилкова А.В., Холопова Е.Ю. Стрессогенность: психотравмирующие педагогические факторы // Перспективы науки. – 2021. – № 12(147). – С. 95-97.

[3] Дмитриева Т.Б., Шостакович Б.В. Агрессия и психическое здоровье. – Санкт-Петербург: Юридический центр пресс, 2002. 464 с.

[4] Караваев О.В., Субботина О М. Совершенствование форм и механизмов взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с региональными органами власти по вопросам социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Рязань, 24–25 нояб. 2016 г.) : в 2 т. Рязань, 2016. Т. 2. С. 437–440.

[5] Кулакова С.В. Профессиональное выгорание психологов уголовно-исполнительнй системы Российской Федерации: история феномена, анализ акуальной проблематики, направления профилактики // Педагогика и современное образование: Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, докторантов, научных руководителей, молодых ученых, специализирующихся в области образования, Санкт-Петерьург, 08 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, 2022. – С. 76-80.

[6] Кровяков В.М. Психотравматология. Психическая травма, психогении в этиопатогенетических механизмах развития психических расстройств: монография. – Екатеринбург, 2006. С. 10.

References:

[1] Baimova R.R. Peculiarities of frustration in adolescents with deviant behavior//Psychology. Historical-critical reviews and contemporary studies. 2021. T. 10. No. 3A. S. 182-193. DOI: 10.34670/AR.2021.90.40.019

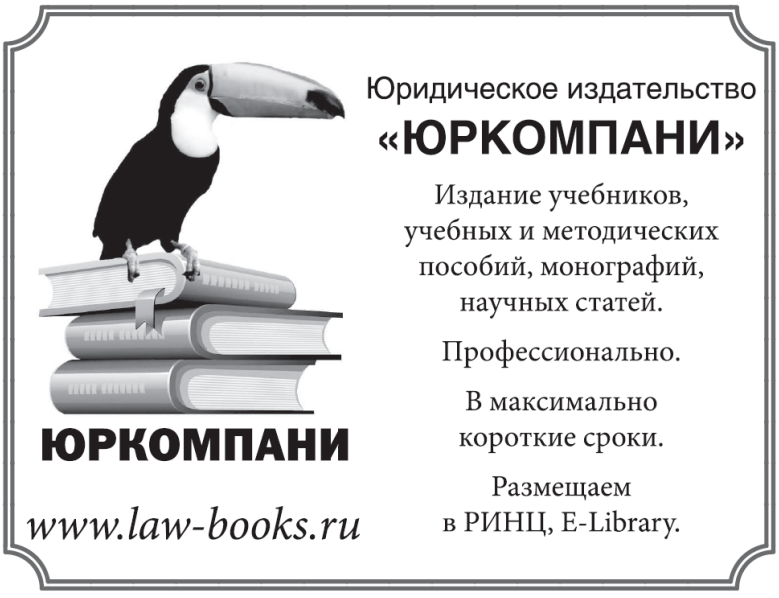
[2] Vilkova A.V., Kholopova E.Yu. Stressogenicity: psycho-traumatic pedagogical factors//Perspectives of science. – 2021. – № 12(147). - S. 95-97.

[3] Dmitrieva TB, Shostakovich BV Aggression and Mental Health. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2002. 464 p.

[4] Karavaev O.V., Subbotina O.M. Improving the forms and mechanisms of interaction between institutions and bodies of the penal system and regional authorities on the social adaptation of convicts//Penal policy and issues of the execution of criminal sentences: Sat. materials International. scientific-practical. conf. (Ryazan, November 24-25. 2016): in 2 vols. Ryazan, 2016. VOL. 2. S. 437-440.

[5] Kulakova S.V. Professional burnout of psychologists of the penitentiary system of the Russian Federation: the history of the phenomenon, analysis of academic issues, areas of prevention//Pedagogy and modern education: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Graduate Students, Applicants, Doctoral Students, Scientific Leaders, Young Scientists Specializing in Education, St. Petersburg, June 08, 2022. - St. Petersburg: St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education, 2022. - S. 76-80.

[6] Krovyakov V.M. Psychotraumatology. Mental trauma, psychogenics in etiopathogenetic mechanisms of the development of mental disorders: monograph. - Yekaterinburg, 2006. S. 10.



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-716-721

ШИКУЛА Ильмира Рифкатьевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНОВО «Московский международный университет»,
Профессор кафедры прикладного правоведения
и междисциплинарных юридических исследований
факультета «Высшая школа прикладной юриспруденции»
ФГАОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»,
член экспертного совета Комитета Государственной Думы РФ
по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства,
академик РАЕН,
e-mail: ila.vnii@mail.ru

ШОТКИНОВ Сергей Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНОВО «Московский международный университет»,
e-mail: shotkinov@rambler.ru

КУРТЫНОВ Игорь Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры Гражданского и Уголовного права и процесса
АНОВО «Московский международный университет»,
e-mail: kurtynov_igorvla@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЖЕСТОЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РФ

Аннотация. *В настоящей статье авторами проводится комплексный анализ тенденций ужесточения уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья в современном российском законодательстве. Исследуются законодательные новации последних лет, направленные на усиление санкций за отдельные виды преступлений, а также введение новых квалифицирующих признаков. Центральное место в работе занимает анализ актуальной судебной практики Верховного Суда РФ и нижестоящих судов, позволяющий выявить реальное применение ужесточенных норм на практике, возникающие правоприменительные коллизии и дискреционные пределы судейского усмотрения. На основе проведенного исследования формулируются выводы об эффективности и потенциальных рисках политики ужесточения наказаний, ее соответствии целям уголовного права и социальным ожиданиям.*

Ключевые слова: *преступления против жизни, преступления против здоровья, ужесточение наказания, уголовная ответственность, судебная практика, Уголовный кодекс РФ, цели наказания, общественная опасность, квалифицирующие признаки.*

SHIKULA Ilmira Rifkatyevna,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor in the Department of Civil and Criminal Law and Procedure
ANOVO “Moscow International University”,
Professor in the Department of Applied Law
and Interdisciplinary Legal Studies

Faculty "Higher School of Applied Law"
Russian State Humanitarian University,
Member of the Expert Council of the State Duma Committee
on Family Protection, Fatherhood, Motherhood, and Childhood,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

SHOTKINOV Sergey Alekseevich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the Department of
Civil and Criminal Law and Procedure
ANOVO "Moscow International University"

KURTYNOV Igor Vladimirovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor in the Department
of Civil and Criminal Law and Procedure
ANOVO "Moscow International University"

CURRENT ISSUES OF STRONGER PUNISHMENT FOR CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH IN THE CONTEXT OF MODERN JUDICIAL PRACTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article provides a comprehensive analysis of the trends in tightening criminal liability for crimes against life and health in modern Russian legislation. It examines legislative innovations in recent years aimed at enhancing sanctions for specific types of crimes and introducing new qualifying features. Central to the work is the analysis of the current judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation and lower courts, which reveals the practical application of the tightened norms, the resulting law enforcement conflicts, and the discretionary limits of judicial discretion. Based on the conducted research, the article formulates conclusions regarding the effectiveness and potential risks of the policy of toughening punishments, and its alignment with the goals of criminal law and social expectations.*

Key words: *sentencing, crimes against life, crimes against health, criminal liability, judicial practice, Criminal Code of the Russian Federation, purposes of punishment.*

Учитывая место права на жизнь в содержании международного и конституционного статуса человека, преступления с соответствующим объектом посягательства можно признать одной из основных угроз национальной безопасности, что с очевидностью следует из положений пункта 43 Стратегии национальной безопасности РФ [2, с. 18].

В многочисленных специальных исследованиях неоднократно указывалось на необходимость модернизации уголовной политики в сфере противодействия преступлениям против жизни [5, С. 40], что подтверждается и статистическими показателями, в соответствии с которыми в 2017 г. наметился рост зарегистрированных случаев убийства и покушений на его совершение [3, с. 27]. В этой связи актуализируется проблема систематизации преступлений против жизни.

В действующем законодательстве преступления, где непосредственным объектом посягательства выступает жизнь человека, расположены в главе 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» раздела VII «Преступления против личности». В общей системе преступлений против жизни, предусмотренных главой 16 УК РФ, можно выделить три подсистемы: убийства, причинение смерти по неосторожности и доведение до самоубийства, и смежные с ним составы преступлений.

Убийство, как умышленное причинение смерти другому лицу, подразделяется на несколько видов.

1. Простое убийство, которое совершается как с прямым, так и с косвенным умыслом и, в соответствии с санкцией части 1 статьи 105 УК РФ, влечет за собой наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового [4, с. 51].

2. Убийство с квалифицирующими признаками, в качестве которых законодатель выделяет: наличие двух и более потерпевших, выполнение потерпевшим служебной деятельности или общественного долга; малолетство или беспомощное состояние потерпевшего; сопряженность убий-

ства с похищением человека; убийство беременной женщины; особую жестокость и общеопасный способ лишения жизни; совершение преступления по найму, мотив, в качестве которого выступают кровная месть, корысть, политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда, либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы; совершение преступления в соучастии, как в простой форме, так и по предварительному сговору, с распределением ролей, организованной группой; убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, а также с разбоем, вымогательством или бандитизмом, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, в целях использования органов или тканей потерпевшего.

3. Привилегированное убийство, то есть причинение смерти другому лицу при наличии особых обстоятельств, в силу которых законодатель смягчает уголовную ответственность за данное деяние сравнительно с неквалифицированным составом, предусмотренным частью 1 статьи 105 УК РФ. К числу названных обстоятельств относятся: состояние матери, совершившей убийство новорожденного во время или сразу же после родов, а равно совершение данного преступления в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости; внезапно возникшее сильное душевное волнение, вызванное насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего; превышение пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление [4, с. 52].

Актуализация вопросов, связанных с противодействием преступлениям против личности, в частности против жизни и здоровья, неизменно занимает центральное место в уголовной политике любого государства, что детерминировано высочайшей степенью общественной опасности данных деяний, посягающих на важнейшие социально-правовые блага. Российская Федерация не является исключением, и в последнее десятилетие мы наблюдаем устойчивую тенденцию к ужесточению уголовной ответственности за данную группу преступлений. Этот курс находит свое выражение как в регулярном внесении изменений в санкции статей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), так и в расширении перечня квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Однако законодательная инициатива, будучи лишь одной из составляющих уголовно-правового регулирования, требует тщательной верификации через призму правоприменительной деятельности. Именно судебная практика, будучи живым организмом права, демонстрирует реальную эффективность, потенциальные издержки и системные проблемы вводимых новелл. В связи с этим комплексный анализ действующей судебной практики по делам о преступлениях против жизни и здоровья в условиях их последовательного ужесточения представляется не только научно значимым, но и практически востребованным для дальнейшего совершенствования как законодательства, так и правоприменения.

Общая направленность законодательных изменений в рассматриваемой сфере характеризуется отчетливым смещением в сторону карательной парадигмы. Речь идет не о точечных корректировках, а о системном пересмотре подходов к санкциям за целый ряд составов. Ярким примером служит эволюция ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью). Введение такого особо квалифицирующего признака, как совершение преступления «в целях воздействия на деятельность органов государственной власти или органов местного самоуправления либо из мести за такую деятельность», сопровождалось установлением крайне суровой санкции – до пятнадцати лет лишения свободы. Аналогичным образом развивалась и ст. 105 УК РФ (убийство).

Постоянное расширение круга особо квалифицирующих признаков (например, убийство в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, сопряженное с похищением человека или захватом заложника, по мотиву кровной мести) привело к тому, что значительная часть обвинительных приговоров по данной статье выносится по ч. 2, предусматривающей наказание вплоть до пожизненного лишения свободы или смертной казни (хотя мораторий на последнюю действует). Логика законодателя здесь прозрачна и заключается в необходимости адекватной дифференциации ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния и личности виновного, а также в выполнении социального заказа на суровое наказание за наиболее тяжкие и циничные преступления.

Однако провозглашенные законодателем цели сталкиваются с многогранной и зачастую противоречивой судебной практикой. Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» неоднократно подчеркивал, что суды обя-

заны соблюдать принципы справедливости и индивидуализации наказания. Это означает, что ужесточение санкций в статьях Особенной части УК РФ не должно приводить к автоматическому назначению максимально возможного наказания без учета всех обстоятельств конкретного уголовного дела. Анализ обзоров судебной практики Верховного Суда РФ позволяет выявить ряд устойчивых тенденций. Во-первых, наблюдается значительный разброс в назначаемых наказаниях по сходным составам преступлений в разных регионах, что свидетельствует о сохраняющейся проблеме единства правоприменительной политики. Во-вторых, суды все чаще сталкиваются с необходимостью квалификации сложных, комплексных составов, где преступления против жизни и здоровья сопряжены с другими деяниями, например, хулиганством, действиями террористической направленности или преступлениями в сфере предпринимательской деятельности.

Особый интерес в контексте ужесточения наказания представляет практика применения ч. 2 ст. 105 УК РФ. Верховный Суд в своих определениях систематически указывает на необходимость тщательной проверки наличия именно тех квалифицирующих признаков, которые вменяются обвинением. Так, не любая группа лиц может быть признана таковой для квалификации по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ; требуется установить предварительный сговор на убийство, а не просто совместное совершение иных действий. Аналогичным образом, признак «особой жестокости» (п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ) требует от суда установления не только способа причинения смерти, но и осознания виновным того, что его действия носят особо мучительный для потерпевшего характер. Многочисленные случаи отмены приговоров в кассационном и апелляционном порядке связаны именно с формальным подходом следствия и суда первой инстанции к установлению данных признаков. Это порождает серьезную проблему: ужесточенные нормы, предназначенные для борьбы с наиболее опасными проявлениями преступности, на практике иногда применяются к случаям, не обладающим необходимой для этого специфической общественной опасностью, что ведет к нарушению принципа справедливости.

Не менее показательной является судебная практика по ст. 111 УК РФ. Введение и применение такого квалифицирующего признака, как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), породило длительную дискуссию в доктрине и на практике. Сочетание умысла на причинение тяжкого вреда и неосторожности в отношении смерти создает сложный состав, который зачастую сложно отграничить от убийства, совершенного с косвенным умыслом, и от причинения смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ). Верховный Суд в Обзоре судебной практики от 2019 года акцентировал внимание на том, что для правильной квалификации необходимо устанавливать субъективное отношение виновного к последствиям. Если виновный предвидел возможность наступления смерти, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на ее предотвращение, либо не предвидел, но должен был и мог предвидеть, – налицо ч. 4 ст. 111 УК РФ. Если же будет установлено, что виновный сознательно допускал наступление смерти либо относился к ней безразлично, содеянное должно квалифицироваться как убийство. Судебная практика демонстрирует, что ошибки в установлении этой субъективной грани являются одним из самых частых оснований для изменения приговоров.

Еще одним аспектом ужесточения наказания является введение и применение норм о так называемой «сексуальной безопасности» (ст. 131, 132 УК РФ), где объектом посягательства, среди прочего, выступает и здоровье потерпевшего лица. Ужесточение санкций за изнасилование и насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних, а также введение новых составов (например, ст. 132.1 УК РФ – совершение развратных действий) отражает стремление законодателя усилить защиту наиболее уязвимых категорий населения. Судебная практика по этим делам отличается особой сложностью, поскольку требует от судов тонкого и тактичного подхода к оценке доказательств, показаний потерпевших, проведения комплексных судебных экспертиз. Верховный Суд требует от нижестоящих судов неукоснительного соблюдения процедуры доказывания, чтобы избежать как необоснованного осуждения, так и, что не менее важно в контексте ужесточения наказаний, ухода виновного от ответственности.

Проблема назначения наказания, не связанного с лишением свободы, за преступления средней тяжести против здоровья (например, ст. 112 УК РФ – умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью) также заслуживает пристального внимания. Несмотря на то, что санкция данной статьи предусматривает такие виды наказаний, как исправительные работы, ограничение свободы или принудительные работы, суды, особенно в условиях общественного резонанса, зачастую склонны назначать реальные сроки лишения свободы. Эта тенденция находится в некотором противоречии с декларируемым курсом на гуманизацию уголовной политики в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, не представляющих повышенной общественной опасно-

сти. Верховный Суд в своих обзорах неоднократно указывал на недопустимость назначения наказания в виде лишения свободы, если исправление виновного возможно без изоляции от общества, и если закон допускает применение альтернативной меры. Однако на практике судьи, опасаясь критики за излишний либерализм, нередко избирают более строгий вариант наказания.

Отдельного анализа заслуживает институт назначения наказания при вердикте присяжных заседателей о снисхождении. Согласно ст. 65 УК РФ, если присяжные заседатели признают подсудимого виновным, но заслуживающим снисхождения, срок или размер наказания не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого наказания, предусмотренного за совершенное преступление. При этом если за преступление предусмотрено смертная казнь или пожизненное лишение свободы, эти виды наказаний не применяются, а наказание назначается в пределах санкции соответствующей статьи. Данный институт является важным противовесом политике ужесточения, предоставляя суду возможность учесть исключительные обстоятельства дела. Анализ практики показывает, что суды в целом следуют этому предписанию, однако возникают сложности при квалификации деяний, где вердикт присяжных о снисхождении вступает в противоречие с формально установленными особо квалифицирующими признаками, требующими, по логике законодателя, безусловно строгого наказания.

Вопрос об эффективности ужесточения наказания как инструмента уголовной политики остается дискуссионным. Криминологические исследования не выявляют прямой корреляции между ужесточением санкций и снижением уровня преступности против жизни и здоровья. Напротив, есть основания полагать, что сверхдлинные сроки лишения свободы могут оказывать десоциализирующее воздействие на осужденных, затрудняя их последующую реинтеграцию в общество. С другой стороны, нельзя игнорировать и общественный запрос на справедливое возмездие за тяжкие и особо тяжкие преступления. В этом аспекте судебная практика выполняет роль барометра, который должен балансировать между двумя этими подходами. Правильно назначенное, индивидуализированное наказание, учитывающее все смягчающие и отягчающие обстоятельства, личность виновного и последствия преступления, является более значимым показателем эффективности правосудия, чем абстрактная строгость санкции в законе.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Тенденция к ужесточению наказаний за преступления против жизни и здоровья является устойчивым элементом современной уголовной политики РФ. Она находит свое выражение в системном пересмотре санкций и расширении системы квалифицирующих признаков. Однако действующая судебная практика демонстрирует, что реализация этих законодательных новаций сопряжена с рядом системных проблем. К ним относятся: риск формального применения квалифицирующих признаков, ведущий к нарушению принципа справедливости; сложности в разграничении смежных составов преступлений, особенно при оценке субъективной стороны; сохраняющийся разброс в назначаемых наказаниях по сходным делам; а также определенное противоречие между курсом на ужесточение за тяжкие преступления и декларируемой гуманизацией уголовной политики в целом. В этих условиях ключевая роль в обеспечении адекватного и справедливого правосудия ложится на судейское сообщество, которое, руководствуясь как буквой, так и духом закона, а также разъяснениями Верховного Суда, обязано обеспечивать индивидуальный подход к назначению наказания, чтобы ужесточение мер ответственности не превратилось в самоцель и не привело к девальвации принципов гуманизма и справедливости, составляющих основу уголовного права демократического государства. Дальнейшее совершенствование законодательства должно идти не только по пути усиления репрессивного компонента, но и в направлении повышения его гибкости и дифференцированности, что позволит судам более эффективно выполнять свою главную задачу – вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора.

Список литературы:

[1] Авдеева Е.В. Новеллизация российского законодательства в сфере уголовно-правового обеспечения права на жизнь // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 18-21.

[2] Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии: российский и зарубежный опыт: монография / И. Р. Шикула. - Москва: Юрлитинформ, 2021. – 278 с.

[3] Кожухарик Д.Н. Развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение смерти по неосторожности // Российский следователь. 2017. № 14. С. 27-29.

[4] Хатуаева В.В., Соскова К.А., Система преступлений против жизни: тенденции развития законодательства //Актуальные проблемы государства и права. 2019. С. 51-65.

[5] Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. 194 с.

References:

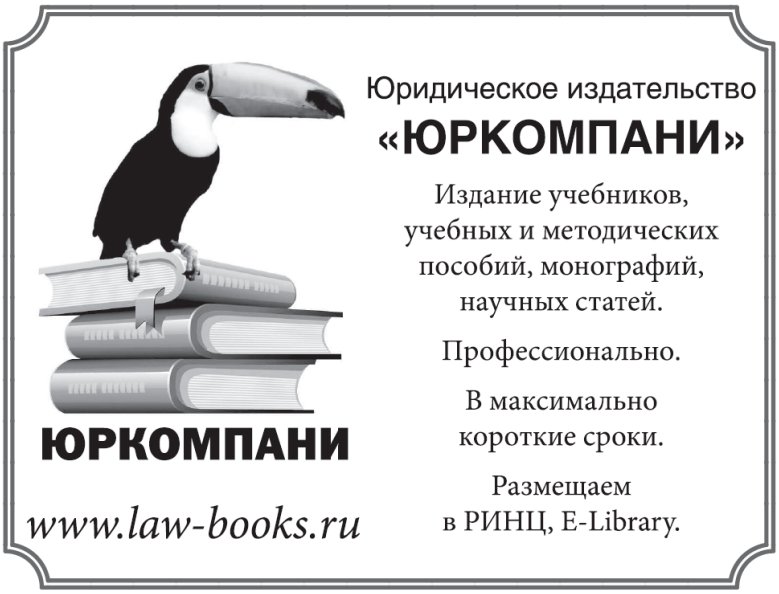
[1] Avdeeva E.V. Novelization of Russian legislation in the sphere of criminal-legal support of the right to life // Russian Justice. 2017. No. 11. pp. 18-21.

[2] Actual problems of criminal-legal protection of the rights and freedoms of a victim in a helpless state: Russian and foreign experience: monograph / I.R. Shikula. - Moscow: Yurlitinform, 2021. - 278 p.

[3] Kozhukharik D.N. Development of criminal legislation on liability for causing death by negligence // Russian investigator. 2017. No. 14. pp. 27-29.

[4] Khatuayeva V.V., Soskova K.A., The system of crimes against life: trends in the development of legislation // Actual problems of state and law. 2019. Pp. 51-65.

[5] Shargorodsky M.D. Crimes against life and health. Moscow, 1948. 194 p.



ЦИФРОВОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-722-726

КОТ Екатерина Михайловна,
доктор экономических наук,
заведующий кафедрой экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля
ФГБОУ ВО Уральского государственного
аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: ktekaterina@rambler.ru

РАДИОНОВА Светлана Владимировна,
преподаватель кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля ФГБОУ ВО
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: svr_svetlana@mail.ru

ПЕТРЯКОВА Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля ФГБОУ ВО
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: uprkadr@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры экономики,
бухгалтерского учета и финансового контроля ФГБОУ ВО
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: pilnikovai@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля ФГБОУ ВО
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономический наук,
доцент кафедры экономики, бухгалтерского
учета и финансового контроля ФГБОУ ВО
Уральский государственный аграрный университет,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *Сельское хозяйство всегда было основой жизнеобеспечения человечества. Однако в XXI веке перед аграрным сектором стоят беспрецедентные вызовы: необходимость прокормить растущее население планеты (по прогнозам ООН, к 2050 году — около 10 млрд человек), изменение климата, деградация почв, ограниченность водных ресурсов и требование снизить экологический след производства. Ответом на эти вызовы становится глубокая цифровая трансформация агропромышленного комплекса (АПК). Искусственный интеллект (ИИ), интернет вещей (IoT), роботизация и анализ больших данных перестали быть экзотикой и превращаются в повседневные инструменты аграриев по всему миру. В данной статье рассматриваются современные направления применения цифровых технологий в сельском хозяйстве, их преимущества, существующие барьеры и перспективы дальнейшего развития.*

Ключевые слова: *цифровизация, искусственный интеллект, сельское хозяйство, роботизация, дроны, беспилотници, нейросети.*

KOT Ekaterina Mikhailovna,
Doctor of Economics,
Head of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

RADIONOVA Svetlana Vladimirovna,
Lecturer of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

PETRYAKOVA Svetlana Viktorovna,
Lecturer of the Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
St. Lecturer, Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

MALKOVA Yulia Vadimovna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Department of Economics,
Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Economics, Accounting and Financial Control,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

THE APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN AGRICULTURE AT THE PRESENT STAGE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *Agriculture has always been the basis of human life support. However, in the 21st century, the agricultural sector faces unprecedented challenges: the need to feed a growing global population (according to UN forecasts, around 10 billion people by 2050), climate change, soil degradation, limited water resources, and the need to reduce the environmental footprint of production. The answer to these challenges is a profound digital transformation of the agro-industrial complex (AIC). Artificial intelligence (AI), the Internet of Things (IoT), robotics, and big data analysis are no*

longer exotic and are becoming everyday tools for farmers worldwide. This article examines modern areas of application of digital technologies in agriculture, their advantages, existing barriers and prospects for further development.

Key words: *digitalization, artificial intelligence, agriculture, robotics, drones, unmanned vehicles, neural networks.*

Цифровизация сельского хозяйства охватывает все этапы производственной цепочки — от подготовки почвы до реализации готовой продукции [1]. Условно технологии можно разделить на несколько групп.

1. Точное земледелие (Precision Agriculture)

Точное земледелие базируется на сборе и анализе пространственно-временных данных о состоянии полей. С помощью датчиков, спутниковых снимков и дронов собирается информация о рельефе, влажности, химическом составе почвы, вегетационном индексе растений (NDVI и другие). Искусственный интеллект обрабатывает эти массивы данных и выдаёт рекомендации: где и сколько вносить удобрений, когда проводить полив, как бороться с сорняками. Это позволяет оптимизировать затраты и повысить урожайность [3].

Дроны и беспилотники оснащаются мультиспектральными камерами и датчиками, которые фиксируют малейшие отклонения в развитии культур. Снимки в реальном времени передаются в облачные платформы, где нейросети выявляют очаги болезней, поражения вредителями или дефицит элементов питания задолго до того, как это станет заметно невооружённым глазом.

Автономная техника — тракторы, комбайны, опрыскиватели — работают без участия человека по заданным маршрутам, корректируя свои действия на основе данных с датчиков. Например, система может автоматически снижать скорость на участках с низкой урожайностью или отключать секции опрыскивателя при повторном проходе, экономя до 30% средств защиты растений.

2. Интеллектуальные системы поддержки принятия решений (DSS)

Современные цифровые платформы (например, «Агроаналитика», «Digital Agro», Cropio) интегрируют данные с полей, метеостанций, спутников и исторических архивов. Алгоритмы машинного обучения прогнозируют урожайность, оптимальные сроки посева и уборки, моделируют развитие культур в зависимости от погодных условий. Фермер получает на мобильное устройство персонифицированные рекомендации: когда начинать сев, как скорректировать нормы внесения удобрений после дождя, стоит ли проводить обработку от болезней [4].

3. Цифровые технологии в животноводстве

В животноводстве активно внедряются системы мониторинга здоровья и поведения скота (Precision Livestock Farming). Индивидуальные датчики (ошейники, бирки, камеры) отслеживают температуру тела, пульс, активность, жвачку, приёмы корма. Искусственный интеллект анализирует эти данные и предупреждает о наступлении охоты, начале заболевания или отёле за несколько часов до события. Автоматизированные системы кормления рассчитывают рацион для каждого животного с учётом его продуктивности, что повышает надои и привесы при снижении затрат кормов.

4. Роботизация трудоёмких процессов

Сбор плодов и ягод, прополка, сортировка — традиционно ручные операции, требующие большого количества работников. Сейчас появляются роботы, способные выполнять эти задачи. Например, робот для сбора клубники с компьютерным зрением определяет спелые ягоды и аккуратно срывает их, не повреждая растение. Прополочные роботы распознают сорняки и точечно удаляют их механически или микродозами гербицидов, что снижает пестицидную нагрузку на окружающую среду.

5. Блокчейн и прослеживаемость продукции

Цифровые технологии позволяют создавать прозрачные цепочки поставок — от поля до прилавка. Каждый этап (посев, обработка, уборка, транспортировка, хранение) фиксируется в распределённом реестре. Покупатель, отсканировав QR-код на упаковке, может увидеть полную историю продукта: где и когда он выращен, какие удобрения использовались, при какой температуре хранился. Это повышает доверие потребителей и позволяет производителям подтверждать экологичность своей продукции[5].

Внедрение ИИ и цифровых технологий даёт аграриям ощутимые выгоды.

Рост урожайности и продуктивности за счёт оптимального управления ресурсами и своевременного реагирования на угрозы. По данным исследований, точное земледелие позволяет увеличить урожайность на 10–30% при одновременном снижении затрат удобрений и пестицидов [2].

Экономия ресурсов: вода, топливо, удобрения, средства защиты растений используются более эффективно, что снижает себестоимость продукции и уменьшает нагрузку на окружающую среду.

Повышение качества продукции благодаря точному соблюдению агротехнологий и оперативному выявлению проблем.

Снижение зависимости от погодных рисков: прогностические модели позволяют заранее подготовиться к засухе, ливням или заморозкам, минимизируя потери.

Улучшение условий труда и решение проблемы дефицита кадров: роботы берут на себя тяжёлую, монотонную работу, а специалисты сосредотачиваются на аналитике и управлении.

Несмотря на очевидные преимущества, массовое внедрение цифровых технологий в сельском хозяйстве сталкивается с рядом препятствий.

Высокая стоимость оборудования и программного обеспечения. Для мелких и средних хозяйств инвестиции в дроны, датчики, системы анализа могут быть неподъёмными. Требуются механизмы господдержки, лизинг, кооперация.

Нехватка квалифицированных кадров. Цифровая трансформация требует агрономов нового типа — владеющих навыками работы с данными, понимающих основы машинного обучения. Подготовка таких специалистов отстаёт от потребностей рынка.

Проблемы инфраструктуры, особенно в удалённых сельских районах: отсутствие стабильного интернета, перебои с электроснабжением ограничивают применение облачных технологий и IoT.

Кибербезопасность и защита данных. С увеличением количества подключённых устройств растут риски взломов, кражи коммерческой информации или диверсий. Необходимы надёжные протоколы защиты.

Отсутствие единых стандартов и совместимости оборудования. Разные производители используют закрытые протоколы, что затрудняет интеграцию систем в единую цифровую платформу фермы.

Социальные аспекты: автоматизация может привести к сокращению рабочих мест в сельской местности, что требует программ переобучения и создания новых видов занятости.

Будущее сельского хозяйства неразрывно связано с дальнейшим развитием технологий ИИ и цифровизации. Можно выделить несколько ключевых направлений.

1. Интеграция с большими данными и глобальное прогнозирование

Сбор и анализ данных с миллионов полей позволят создавать глобальные модели урожайности, прогнозировать цены на продовольствие, управлять рисками голода и продовольственной безопасности на уровне государств и мира. ИИ сможет учитывать климатические изменения, экономические факторы и социальные тренды, предлагая оптимальные стратегии развития АПК.

2. Развитие автономных систем и полностью автоматизированных ферм

Технологии автономного вождения, роботизации и ИИ приведут к появлению ферм, где участие человека будет минимальным. Уже сейчас существуют экспериментальные проекты вертикальных ферм с полностью автоматизированным выращиванием зелени в городских условиях. В будущем такие системы могут стать основой производства продуктов в мегаполисах, сокращая транспортные издержки и обеспечивая свежей продукцией круглый год.

3. Биотехнологии и генетика на основе ИИ

Искусственный интеллект активно применяется в биоинформатике для анализа геномов растений и животных. Это позволяет ускорять селекцию: нейросети моделируют, какие гены отвечают за засухоустойчивость, урожайность, вкусовые качества, и подбирают оптимальные комбинации для скрещивания. В перспективе возможно создание новых сортов и пород с заданными свойствами в разы быстрее, чем традиционными методами.

4. Цифровые двойники (Digital Twins)

Концепция цифровых двойников — создание виртуальной копии реального объекта (поля, фермы, теплицы), которая обновляется в реальном времени на основе данных с датчиков. С помощью цифрового двойника можно моделировать различные сценарии: как изменится урожай при другом режиме полива, как поведёт себя теплица при отключении отопления. Это позволяет оптимизировать процессы без риска для реального производства.

5. Вертикальное и городское сельское хозяйство

В городах, где земли мало, активно развиваются вертикальные фермы — многоярусные установки с искусственным освещением и гидропоникой/аэропоникой. Управление микроклиматом, световым режимом и питательным раствором полностью автоматизировано и оптимизируется ИИ. Это направление имеет огромный потенциал для обеспечения свежими овощами и зеленью жителей мегаполисов при минимальном использовании воды и без пестицидов.

6. Экологизация и углеродное земледелие

Цифровые технологии помогают измерять и контролировать выбросы парниковых газов, секвестрацию углерода в почве. Фермеры смогут получать дополнительный доход за «углеродные кредиты», доказывая с помощью данных, что их методы ведения хозяйства снижают углеродный след. Применение искусственного интеллекта и цифровых технологий в сельском хозяйстве переходит от экспериментальной фазы к широкому практическому внедрению.

Список литературы:

[1] Александрова Н.Р., Субаева А.К., Чутчева Ю.В. Цифровизация сельского хозяйства: тенденции и перспективы развития // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (52). С. 25-30.

[2] Архипова М. Ю. Моделирование урожайности зерновых культур сельскохозяйственных регионов с использованием технологий компьютерного зрения // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 2. С. 581-594.

[3] Гурнович Т.Г., Дзетль Б.Р. Точное земледелие как инструмент повышения эффективности производственных процессов в условиях цифровизации // Деловой вестник предпринимателя. 2023. № 4 (14). С. 21-24.

[4] Черепанова В.И., Зайцева О.П. Цифровизация в экономике сельского хозяйства // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 11. С. 157-163.

[5] Щербаков Н.В., Конин М.В., Денисов Д.В. Цифровизация сельского хозяйства: тренд или необходимость // В сборнике: Стратегические направления развития экономики, финансов и бухгалтерского учета в современных условиях. Информационно-правовое обеспечение ГАРАНТ как комплексная профессиональная поддержка образовательной и научной деятельности. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Мичуринск-наукоград РФ, 2025. С. 192-196.

References:

[1] Aleksandrova N.R., Subaeva A.K., Chutcheva Yu.V. Digitalization of Agriculture: Trends and Development Prospects // Research in Natural Sciences and Humanities. 2024. No. 2 (52). Pp. 25-30.

[2] Arkhipova M.Yu. Modeling Grain Crop Yields in Agricultural Regions Using Computer Vision Technologies // Regional Economy. 2022. Vol. 18, No. 2. Pp. 581-594.

[3] Gurnovich T.G., Dzetl B.R. Precision Farming as a Tool for Improving the Efficiency of Production Processes in the Context of Digitalization // Business Herald of the Entrepreneur. 2023. No. 4 (14). Pp. 21-24.

[4] Cherepanova V.I., Zaitseva O.P. Digitalization in Agricultural Economics // Current Issues of Modern Economics. 2022. No. 11. Pp. 157-163.

[5] Shcherbakov N.V., Konin M.V., Denisov D.V. Digitalization of Agriculture: Trend or Necessity // In the collection: Strategic Directions for the Development of Economics, Finance, and Accounting in Modern Conditions. Information and Legal Support of GARANTEE as Comprehensive Professional Support for Educational and Scientific Activities. Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference. Michurinsk, Science City of the Russian Federation, 2025. Pp. 192-196.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-727-737

КОСТРЮКОВ Алексей Сергеевич,
аспирант 2 курса,
ассистент кафедры процессуального права,
ФБОУ «Ростовский государственный
экономический университет» (РИНХ),
e-mail: alex.ostra@yandex.ru

ЯНДИЕВ Ахмед Аликович,
студент 4 курса ФБОУ «Ростовский государственный
экономический университет» (РИНХ) ,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ФЕДОРЕНКО Наталия Владимировна,
д.с.н., к.ю.н., профессор кафедры, судья в отставке ФБОУ
«Ростовский государственный экономический
университет» (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. *Статья посвящена исследованию цивилистических принципов и тому, как они коррелируют с цифровыми технологиями. Понятие «электронное правосудие» вошло в российскую правовую систему, подразумевая проведение судебных разбирательств в электронном виде. Введение этой системы — это объективное следствие общественных трансформаций. Основная задача данного направления заключается в повышении качества и эффективности работы судов, обеспечении соблюдения законодательных норм и унификации судебной практики посредством внедрения информационных технологий в судебные процессы. В России в суды постепенно внедряются передовые технологии для того, чтобы повысить эффективность функционирования судебной системы. Электронное правосудие с каждым годом совершенствуется и адаптируется под требования современного общества.*

Ключевые слова: *цивилистические принципы, цифровизация, электронное правосудие, арбитражный процесс, гражданский процесс, судопроизводство.*

KOSTRYUKOV Alexey Sergeevich,
2nd year postgraduate student,
Assistant of the Department of Procedural Law,
Rostov State University of Economics (RINH)

YANDIEV Ahmed Alikovich,
is a 4th-year student at Rostov State University of Economics (RINH)
The problem of applying the principles of the civil process
in the context of electronic justice

Scientific supervisor:
FEDORENKO Natalia V.,
Doctor of Agricultural Sciences, Candidate of Law,
Professor of the Department, retired judge Rostov State University
of Economics (RINH) Rostov-on-Don, Russia

THE PROBLEM OF APPLYING THE PRINCIPLES OF CIVIL PROCEDURE IN E-JUSTICE

Annotation. *The article is devoted to the study of civilistic principles and how they correlate with digital technologies. The concept of "electronic justice" has entered the Russian legal system, implying the conduct of court proceedings in electronic form. The introduction of this system is an objective consequence of social transformations. The main objective of this area is to improve the quality and efficiency of the courts, ensure compliance with legislation and the unification of judicial practice through the introduction of information technology in judicial processes. In Russia, advanced technologies are gradually being introduced into the courts in order to improve the efficiency of the judicial system. E-justice is improving every year and adapting to the demands of modern society.*

Key words: *civil principles, digitalization, electronic justice, arbitration process, civil procedure, judicial proceedings.*

Введение

Деятельность судебной системы подверглась множеству изменений, ведь именно развитие цифровых технологий в XXI веке помогло усовершенствовать судопроизводство и выявить пробелы в законодательстве. Внедряя цифровые технологии в судебную систему, государство дало возможность участникам процесса обмениваться информацией в электронном виде, получать доступ к материалам дела в режиме ограниченного доступа, участвовать в онлайн-заседаниях, а также создание электронного межведомственного взаимодействия между судом и остальными государственными учреждениями.

Электронное правосудие несет в себе дополнительные возможности для реализации традиционных процессуальных прав участников судопроизводства. Электронное правосудие представляет собой способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных информационных технологий в деятельности судов. Иными словами, все предусмотренные законом процессуальные действия могут выполняться в цифровой форме с помощью специализированных электронных систем. В отличие от традиционного судопроизводства, опирающегося на бумажные документы и личное присутствие участников, электронное правосудие предполагает цифровой документооборот, дистанционное взаимодействие сторон и автоматизацию ряда процессов. Электронное правосудие опирается на ряд технологических решений. В их основе – информационные системы судебной власти, обеспечивающие хранение и обмен данными. При электронном формате судопроизводства судебные акты и материалы дела существуют в электронной форме, стороны могут направлять и получать документы через интернет, а участие в заседаниях возможно посредством видеоконференцсвязи. Таким образом, процесс становится более оперативным и независимым от физического местонахождения участников.

Результаты

Следует различать широкое и узкое понимание электронного правосудия. В широком смысле электронное правосудие охватывает комплекс вспомогательных информационных систем и сервисов, обеспечивающих новую степень взаимодействия суда и участников процесса, например публикация судебных актов онлайн, ведение «электронного дела», доступ сторон к материалам дела через интернет. Эти средства повышают удобство и прозрачность работы суда, хотя сами по себе не изменяют сущность судебной процедуры. В узком смысле под электронным правосудием понимается возможность осуществлять непосредственно юридически значимые процессуальные действия в цифровой форме – такие как подача документов в суд в виде электронного документа или участие в судебном заседании через систему видеоконференцсвязи. Именно узкое понимание отражает коренное отличие от традиционного порядка, поскольку меняется формат взаимодействия: вместо личной явки и бумажных носителей используются цифровые коммуникации.

Принципы цивилистического процесса – это фундаментальные правовые категории, которые одновременно имеют формальное закрепление в нормах права и доктринальное обоснование в юридической науке. Российское законодательство (конституционное и процессуальное) закрепляет основные из этих принципов, обеспечивая их обязательность для судов. В то же время наука предлагает разъяснение их содержания, значение для системы права и развития правосудия. Современные трактовки исходят из того, что принципы – это стержень процесса, гарантирующий его справедливость и эффективность. Практически все элементы, предусмотренные российским процессуальным законодательством, способствуют процессуальной экономии, причём в разной степени. Это может проявляться в сокращении времени, затрачиваемого на процесс, уменьшении финан-

совых затрат или снижении нагрузки на участников судебного разбирательства. Благодаря этому процессуальные действия участников сокращаются, а судебный процесс становится короче. У истца теперь есть возможность дистанционно подать заявления, приобщить документы в материалы дела, отследить движение дела, поучаствовать в онлайн-заседании.

Цифровизация, в целом, усилила возможности сторон реализовывать свои права, расширила "арсенал" для диспозитивности. Так, подать исковое заявление теперь можно не только придя лично или отправив почтой, но и в электронном виде через интернет-портал. Это упрощает реализацию права на обращение в суд (сторона быстрее и с меньшими затратами инициирует процесс). Аналогично, стало проще направлять ходатайства, заявления о примирении, отказы, отзывы – зачастую это можно сделать онлайн, даже вне заседания. Например, сторона может в личном кабинете суда подать заявление об отзыве иска в любое время суток, и суд оперативно это учтёт. Раньше требовалось явиться или прислать письменное заявление. Электронное правосудие обеспечивает непрерывную связь сторон с судом, что прямо способствует диспозитивности: права сторон реализуются без лишних бюрократических барьеров. Вместе с тем, такая свобода действия в цифровой среде порождает новые риски злоупотреблений. Важнейший момент – идентификация участника. Если бумажное заявление подписано собственноручно, подделка менее вероятна (нужен доступ к оригиналу подписи). В электронном же виде есть риск, что, например, кто-то получил несанкционированный доступ к аккаунту на портале и от имени истца подал отказ от иска. Поэтому закон устанавливает требования к электронной подписи: ключевой документ (исковое, отказ, мировое) должен быть подписан усиленной квалифицированной ЭП, проверенной по сертификату. Это снижает риск, но требует от сторон наличия такой подписи и умения ею пользоваться. Другой аспект – судебные уведомления: диспозитивность подразумевает, что сторона должна знать о процессе и иметь возможность действовать. Электронное уведомление (email, СМС, через Госуслуги) ускоряет информирование, но может быть проигнорировано адресатом (например, человек не проверил почту). Тогда возникает проблема: формально извещён (отправлено на согласованный адрес), а фактически не узнал – и потерял возможность распорядиться правом (например, пропустил подачу отзыва). Ещё изменение: онлайн-сервисы правовой информации (например, банки судебных решений) дают сторонам больше информации о сходных делах, что влияет на их диспозитивные решения (могут спрогнозировать, стоит ли заключать мировое, глядя на практику).

Принятый в 2002 году ГПК РФ оформил принципы гражданского судопроизводства с учётом новых реалий. Интересно, что создатели нового Кодекса пошли по пути, во многом аналогичному советскому. Тем не менее, ряд принципов закреплён прямо и однозначно, а их содержание заметно трансформировалось по сравнению с советским периодом:

– Состязательность и равноправие сторон. Сегодня состязательное начало – краеугольный принцип процесса, «красной нитью» проходящий через всё гражданское судопроизводство. Он прямо закреплён в ст. 12 ГПК РФ, развивающей конституционное положение [1]. Стороны имеют равные возможности знать доводы друг друга, представлять доказательства, заявлять ходатайства, участвовать в исследовании материалов дела. Роль суда принципиально изменена по сравнению с прошлым: судья сохраняет объективность и независимость, не становясь обвинителем или защитником какой-либо стороны. На практике это выражается в том, что суд не вправе по собственной инициативе собирать доказательства (кроме особо оговорённых случаев) – обязанность доказывания возложена на стороны. Тем самым реализуется идея формальной истины: суд рассматривает дело в пределах представленных доказательств. Однако полностью отказаться от активной роли суда закон не смог – ГПК РФ предоставляет судье право в некоторых ситуациях истребовать доказательства или привлекать специалистов, если это необходимо для выяснения обстоятельств (например, когда стороны объективно лишены возможности сами получить важные доказательства). Таким образом, современное понимание состязательности стремится к балансу: суд обеспечивает процессуальный порядок и разъясняет сторонам их права, но исход спора зависит прежде всего от активности и добросовестности самих сторон. В отличие от советской теории, где существование принципа состязательности ставилось под вопрос, теперь никто не оспаривает его самостоятельное значение.
– Диспозитивность (свобода распоряжения своими материальными и процессуальными правами). Этот принцип также значительно укрепился. Хотя ГПК РФ прямо не даёт определения принципа диспозитивности

(подобно советским кодексам), его содержание раскрывается через множество норм. Лицо само решает, обращаться ли ему в суд за защитой, определяет предмет и основание иска, вправе в ходе процесса отказаться от иска, изменить требования, заключить мировое соглашение и т.п. Суд не может начать рассмотрение дела по собственной инициативе, не может выйти за пределы заявленных требований (кроме случаев, предусмотренных законом). В современной доктрине диспозитивность рассматривается как необходимое дополнение к состязательности: стороны не только соревнуются на равных, но и свободны строить процесс по своему усмотрению в пределах, дозволенных законом. В советское время диспозитивные начала были ограничены – например, прокурор или органы государственного управления могли возбуждать гражданские дела в интересах других лиц независимо от их воли. Сейчас круг таких случаев сузился до минимум (прокурор обращается в суд лишь в защиту неопределённого круга лиц, инвалидов, пожилых и т.п.). Тем самым реализация принципа диспозитивности стала полной мерой прерогативой сторон, а вмешательство государственных органов – исключением. Вместе с тем, учёные указывают на сохраняющиеся проблемы: отсутствие легального определения диспозитивности в кодексе приводит к разночтениям в практике, особенно при участии в процессе публичных субъектов (государственных органов, муниципалитетов). Законодатель обсуждает идею прямого закрепления этого принципа и единообразного регулирования его в ГПК и АПК РФ.

– Принцип законности и справедливого правосудия. В современной России принцип законности обогащён концепцией верховенства права. Суд обязан не только формально применять нормы, но и обеспечивать соблюдение прав и свобод, гарантированных Конституцией и международными договорами. Показательно включение в Основной закон принципа недопустимости использования доказательств, полученных с нарушением закона (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ) [2] – это новелла по сравнению с советской традицией. ГПК РФ (ст. 55) конкретизировал данное положение, исключив «плоды отравленного дерева» из доказательственной базы процесса [1]. Таким образом, принцип законности теперь тесно увязан с идеей справедливости судопроизводства и защиты прав человека. Если в советском праве акцент делался на соблюдении социалистических нормативных актов, то современное понимание законности включает приоритет Конституции, прямое действие ее норм, учет практики Европейского Суда по правам человека и т.д. Это существенная трансформация содержания принципа законности.
– Гласность и доступность правосудия. Конституция РФ 1993 г. (ст. 123, 4) утвердила открытость разбирательства во всех судах. ГПК РФ (ст. 10) подтверждает, что рассмотрение дел происходит открыто, за исключением случаев охраны тайны или иных специальных оснований. В постсоветское время принцип гласности наполнился новым содержанием благодаря развитию технологий: сейчас открытость подразумевает, помимо присутствия публики, ещё и публикацию судебных актов в интернете, трансляции резонансных процессов, доступ к судебным решениям через базы данных. Всё это направлено на повышение доверия общества к суду и профилактику злоупотреблений. Тем не менее существуют и проблемы – например, баланс между гласностью и правом на приватность участников процесса: суды нередко закрывают процессы необоснованно широко, ссылаясь на защиту персональных данных. Данная дискуссия продолжается, и принцип гласности продолжает эволюционировать под влиянием как законодательных изменений, так и позиций Конституционного Суда РФ.
– Независимость суда. Принцип независимости судей сейчас обеспечен институционально гораздо лучше, чем в советский период: конституционные гарантии включают несменяемость, особый порядок назначения, запрет постороннего воздействия. Создан Совет судей, органы судебного сообщества, призванные защищать судей от давления. Устранены прежние партийные механизмы влияния – прямое телефонное право стало нелегитимным. Однако проблемы независимости не исчезли полностью: исследователи отмечают влияние так называемых неформальных факторов (корпоративная солидарность, давление со стороны вышестоящих судов при пересмотре дел и т.п.). Тем не менее, по сравнению с советской системой произошёл коренной сдвиг – независимость превратилась из декларации в реально действующий принцип, по крайней мере на нормативном уровне.
– Принцип объективной истины: дискуссия в новом ключе. Один из наиболее интересных поворотов – переосмысление принципа объ-

ективной (материальной) истины. Формально ГПК РФ не упоминает о «судебной истине» как цели процесса. Это связано с тем, что состязательная модель предполагает выводы суда на основе представленных доказательств, даже если они не дают абсолютно исчерпывающей картины. Тем не менее, многие ученые продолжают защищать идею, что суд должен стремиться к установлению истинных обстоятельств дела, а не удовлетворяться формальной стороной. А.Т. Боннер и его последователи указывают, что принцип объективной истины пронизывает весь гражданский процесс и оказывает существенное влияние на деятельность суда [3]. Современное законодательство фактически сохраняет советское прочтение объективной истины: суд может привлекать третьих лиц, экспертов, исследовать доказательства сверх того, что представлено сторонами, – особенно в случаях, затрагивающих права несовершеннолетних, недееспособных и т.д. Однако в условиях расширенной состязательности реализация этого принципа сталкивается с новыми вызовами. Например, если стороны злоупотребляют своими правами или намеренно скрывают факты, суд ограничен в возможности самостоятельно восполнить пробелы. В юридической литературе продолжается дискуссия: нужен ли современному судопроизводству прямо провозглашённый принцип объективной истины, или достаточно общих положений о всесторонности исследования доказательств. Некоторые авторы полагают, что объективная истина скорее цель процесса, чем его руководящий принцип, другие же считают её фундаментальным началом, обеспечивающим истинную справедливость решения. Российский законодатель пока занял сдержанную позицию, не упоминая истину в кодексе, но и не запрещая суду действовать в направлении её установления. Можно констатировать, что понимание данного принципа трансформировалось: от безусловной обязанности суда раскрыть объективную истину (советская установка) – к компромиссному подходу, сочетающему инициативу сторон с контролем суда за полнотой выяснения обстоятельств.

Основоположником внедрения информационных технологий в судебную систему еще в 1992 году стал Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, это ознаменовало начало процесса цифровой трансформации в области юриспруденции. В рамках этой программы было приобретено 13 рабочих станций, которые стали основой для создания первой локальной сети. Данное нововведение явилось значимым этапом в цифровизации судебных процедур и существенно повысило операционную эффективность судебной системы. А уже через шесть лет Высший Арбитражный Суд разработал и утвердил Концепцию единой федеральной автоматизированной системы арбитражных судов, которая стала фундаментальной основой для дальнейшего развития и интеграции информационно-коммуникационных технологий в судебную практику.

Внедрение технологий электронного правосудия преследует ряд важнейших целей, направленных на укрепление эффективности и открытости судебной системы:

– Повышение доступности правосудия. Цифровизация призвана устранить географические и организационные барьеры для участия в процессе. Благодаря электронным сервисам граждане могут обращаться в суд дистанционно, из любой точки, где есть интернет, что особенно важно для жителей удалённых регионов или маломобильных групп населения. Например, подача иска через онлайн-кабинет экономит время и силы – заявителю не требуется лично приезжать в суд, стоять в очереди в приемной, достаточно отправить документы через интернет. Дистанционное участие посредством видеоконференцсвязи позволяет реализовать право на судебную защиту тем, кто физически не может прибыть в зал суда. Таким образом, электронное правосудие расширяет реальный доступ граждан к правосудию.
– Обеспечение прозрачности и гласности судебного процесса. Цифровые технологии делают работу судов более открытой для общества. Публикация судебных решений и информации о делах на официальных порталах обеспечивает реализацию принципа гласности: любое заинтересованное лицо может своевременно узнать о результатах рассмотрения дела. Онлайн-трансляции и видеофиксация судебных заседаний (где это допускается) повышают общественный контроль. Электронные системы также фиксируют все процессуальные действия (вплоть до времени подачи документов, отправки уведомлений и т.д.), что делает процесс более прозрачным и подотчетным. В итоге внедрение электронного правосудия способствует укреплению доверия граждан к судебной системе за счет ее открытости и прогнозируемости.

– Сокращение сроков и повышение оперативности судопроизводства. Автоматизация и электронные коммуникации позволяют значительно ускорить обмен информацией между участниками процесса и судом. То, что ранее занимало дни или недели (пересылка повесток по почте, доставка материалов дела из одного суда в другой), в электронном формате выполняется мгновенно. Суд может уведомить сторону по электронной почте или через СМС в считанные минуты, а сторона – направить необходимые документы в суд за пару кликов. Обработка электронных документов также проще: они легко тиражируются, ищутся, их невозможно потерять. В результате сроки рассмотрения дел сокращаются, повышается оборачиваемость судебных дел. Как отмечают специалисты, современные технологии способны не только облегчить работу судей, но и существенно ускорить судопроизводство. Быстрота получения и предоставления информации означает более динамичное и эффективное правосудие, отвечающее запросам общества на своевременное рассмотрение споров.
– Рост эффективности и качества правосудия. Электронные инструменты позволяют судам работать более продуктивно и принимать более обоснованные решения. Во-первых, автоматизация рутинных операций (регистрация исков, распределение дел, подготовка шаблонов документов) освобождает время судей и аппарата для сосредоточения на содержательной стороне дел, что повышает качество судебных актов. Во-вторых, единые электронные базы данных (например, банк судебных решений) позволяют анализировать судебную практику, что способствует единообразию практики и предсказуемости правоприменения. В-третьих, за счёт электронного взаимодействия с другими ведомствами (МВД, ФНС, Росреестр и др.) суд быстрее получает нужные сведения, а значит – полнее исследует обстоятельства дела. Совокупность этих факторов ведёт к повышению эффективности правосудия: с меньшими затратами ресурсов достигается лучший результат в виде своевременных, законных и исполняемых судебных решений. Немаловажно и то, что цифровые технологии минимизируют влияние человеческого фактора и вероятность ошибок (например, исключается потеря документов, снижается риск технических проволочек), что также положительно сказывается на качестве судебной деятельности.

Исследуя сущность электронного правосудия, Я. В. Антонов указывает, что «судопроизводство не должно полностью переходить на электронное ведение дела, не должно исключать присутствие сторон в судебном процессе» [4]. В своей работе он относит электронное правосудие к дополнительной (второстепенной) функции судопроизводства, и убежден, что электронного правосудия сводится к переходу от бумажного к электронному обороту, проведению судебных заседаний в электронном формате в том случае, когда нет необходимости физического присутствия сторон (например, несложные судебные дела).

Литературный обзор

В 2025 году Председатель Верховного Суда Российский Федерации Игорь Краснов высказал свое мнение по поводу внедрения современных технологий в работу судов: «Сегодня цифровизация затрагивает практически все стороны нашей жизни — это современный тренд, и сфера отправления правосудия должна соответствовать требованиям времени. <...> В дальнейшем необходимо развитие системы электронного правосудия, повышение качества взаимодействия судов с заявителями через цифровые форматы обратной связи, расширение соответствующих каналов. В современных условиях от уровня цифровизации судебной системы зависит её надёжность, удобство и эффективность» [5]. Также А.Е. Кириллов в своей статье отмечал: «Внедрение в работу нового оборудования и технологий за короткий срок, равный 15–20 годам, изменило деятельность органов правосудия настолько, что сформировался целый пласт процессуальных отношений, получивший название электронного правосудия, требующий научного определения, осмысления и нормативного урегулирования» [6]. Что касается цивилистического процесса, то он представляет собой деятельность судов и иных уполномоченных инстанций, которые регулируются законодательством Российской Федерации. Его задача - урегулировать и разрешить споры, связанные с защитой гражданских прав, в том числе трудовые, семейные, земельные и другие отношения. Кроме того, процесс охватывает исполнение судебных решений и актов, вынесенных по результатам рассмотрения этих дел. оскольку общепринятого определения не существует, в качестве основы и критерия для дальнейшего анализа можно использовать следующее определение, предложенное Е. А. Талыкиным: «именно цивилистическая процессуальная форма является тем сущностным качеством и критерием, что позволяет квалифицировать то или иное процессуальное явление как цивилистическое» [7].

Обсуждение

В Российской Федерации судебная власть функционируют исключительно через судебные инстанции, тем самым отражается ее институциональная целостность и автономность. Закрепляются фундаментальные принципы в основополагающих нормативно-правовых документах, таких как Конституция Российской Федерации [2], Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [8], а также процессуальные кодексы и иные нормативно-правовые акты, регламентирующие её деятельность.

Гражданский процессуальный кодекс РФ закрепляет ключевые аспекты, на которые в дальнейшем опираются участники процесса, в главе 1 «Основные положения» [1]. Их сущность остается неизменной даже при внедрении информационных технологий в судебную систему. В статье мы рассмотрим на примере нескольких цивилистическим принципов, как взаимодействуют технологии совместно с законодательством Российской Федерации.

В первую очередь все участники судебного процесса равны перед законом, тем самым это обеспечивает доступность судебной системы. Статья 6 ГПК РФ закрепляет, что правосудие по гражданским делам осуществляется на началах равенства перед законом и судом всех граждан независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств, а также всех организаций независимо от их организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения, подчиненности и других обстоятельств.

Обратимся к статье 10 Гражданского процессуального кодекса РФ, в которой указано, что разбирательство дел во всех судах открытое, разбирательство в закрытых судебных заседаниях осуществляется по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, а также по другим делам, если это предусмотрено федеральным законом. Цифровые технологии делают работу судов более открытой для общества. Публикация судебных решений и информации о делах на официальных порталах обеспечивает реализацию принципа гласности: любое заинтересованное лицо может своевременно узнать о результатах рассмотрения дела. Онлайн-трансляции и видеофиксация судебных заседаний, где это допускается, повышают общественный контроль. Электронные системы также фиксируют все процессуальные действия (вплоть до времени подачи документов, отправки уведомлений и т.д.), что делает процесс более прозрачным и подотчетным. В итоге внедрение электронного правосудия способствует укреплению доверия граждан к судебной системе за счет ее открытости и прогнозируемости. Использование средств аудиозаписи и систем видеоконференц-связи, а также системы веб-конференции в закрытом судебном заседании не допускается. Судопроизводство ведется на русском языке - государственном языке Российской Федерации или на государственном языке республики, которая входит в состав Российской Федерации и на территории которой находится соответствующий суд (статья 9 ГПК РФ).

Изначально законодатель предполагал, что все судебные заседания должны быть доступны на всех этапах процесса, но в условиях электронного правосудия принцип гласности подвергся переосмыслению и адаптации. В Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. №35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» указано, что доступ к информации о деятельности судов обеспечивается посредством ее размещения в сети Интернет [9], осуществляемого в соответствии с Положением по созданию и сопровождению официальных интернет-сайтов судов.

Федеральная программа «Развитие судебной системы России» на 2002-2006 годы стала отправной точкой для работы Государственной автоматизированной системы Российской Федерации (ГАС «Правосудие») [10]. Ее целью было формирование единого информационного пространства судов общей юрисдикции (мировые судьи, районные, областные и городские суды, Верховный Суд РФ), повышение эффективности деятельности судов, увеличение точности и полноты исходных данных, которые собираются во время судебных заседаний и улучшение процесса сбора и оформления юридической документации в ходе подготовки и рассмотрения дел.

Сервис оказался очень удобным в использовании, но несмотря на его положительные черты Счетная палата в 2025 году раскритиковала ГАС «Правосудие». Аргументируя это тем, что программа базируется на технически устаревших зарубежных программных продуктах, так как Российская Федерация находится под санкциями западных стран многие программные обеспечения не работают на нашей территории. Также хакерская атака в 2024 году, которая привела к утрате консолидированной базе данных, где хранились более 89 млн решений [11].

Для арбитражных судов в России в 2011 году создали специализированный интернет-сайт «Мой Арбитр» [12], которые предоставляет воз-

можность физическим и юридическим лицам отправлять исковые заявления в Арбитражные суды, получать неограниченный доступ судебным актам, опубликованным в картотеке арбитражных дел. Благодаря данному интернет-порталу граждане Российской Федерации в режиме реального времени могут отслеживать движение дела и загружать дополнительные документы, не выходя из дома. Суды, публикуя принятые судебные акты в сети Интернет, обеспечивают прозрачность своей деятельности, а также формируют судебную практику. Представленный методологический подход способствует разработке критериев для формирования эмпирической базы, которая является критически важной для принятия объективных и аргументированных судебных решений. Российский опыт демонстрирует успешное внедрение цифровых решений для усиления гласности и ускорения процесса. Как отмечает С.Ф. Афанасьев, «сложившаяся в настоящее время правоприменительная практика демонстрирует, что в арбитражные процессуальные правоотношения «цифра» вошла достаточно давно и прочно, детерминантом чего выступает специфика и характеристика лиц, участвующих в деле, – индивидуальных предпринимателей, организаций и юридических лиц, занимающихся экономической деятельностью» [13].

Согласно статье 35 Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации, лица, участвующие в деле, вправе представлять в суд документы в электронном виде, в том числе в форме электронного документа, подписанного электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Также в статье 4 Арбитражного процессуального Кодекса Российской Федерации закрепляется, что исковое заявление, заявление, жалоба, представление и иные документы могут быть поданы в суд на бумажном носителе или в электронном виде, в том числе в форме электронного документа [14]. Таким образом, порядок подачи документов в суд стал значительно проще. Гражданин может из любой точки страны подать заявление или приобщить дополнительные документы в материалы дела посредством Интернет-порталов ГАС «Правосудие» или «Мой Арбитр». Больше нет необходимости ехать суд и подавать документы нарочно через канцелярию или отправлять почтой в адрес суда.

Еще одним важным моментом является возможность ознакомления с материалами дела в электронном режиме. Чтобы получить доступ к делу лицо, участвующее в процессе, должно подать ходатайство об ознакомлении, судье через свой личный кабинет необходимо одобрить заявку. Далее канцелярия суда направит код на почту, указанную в ходатайстве, тем самым у стороны появится возможность ознакомиться с материалами дела в течении суток. Чтобы подтвердить подлинность документа, представленного посредством электронного документооборота, необходимо заверить его электронной цифровой подписью (ЭЦП). Согласно Федеральному закону от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», электронная подпись - информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию [15]. То есть это, по сути, инструмент, подтверждающий подлинность и целостность электронных документов, которые ей заверены. Она усиливает их юридическую значимость, и в современных реалиях тем самым у документа появляется доказательная сила. Электронная цифровая подпись основывается на особом методе шифрования и аутентификации, важно, что ее невозможно подделать.

Стоит заметить, что в ГАС «Правосудие», «Мой Арбитр» не загружаются документы с пометкой ДСП (Для служебного пользования). Без разрешения председателя суда такая информация не подлежит разглашению. За разглашение или нарушение порядка обращения с документами, содержащими служебную информацию ограниченного распространения, работники аппарата суда несут ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Взаимодействие с процессуальными правами через Интернет-порталы связано с рядом технических и правовых сложностей. В частности, необходимо осуществлять печать материалов, поступающих в суд, а также конвертацию электронных документов в бумажный формат. На сегодняшний день отсутствует нормативно-правовая база, которая четко регламентировала бы последствия подачи документов в электронном виде. Судебные инстанции не всегда оперативно обрабатывают обращения, представленные через интернет-платформу. Кроме того, объем документов, допустимых к подаче в электронном формате, ограничен, что требует использование специализированного программного обеспечения для конвертации файлов в соответствии с требованиями суда.

Судебные заседания также могут проводится дистанционное посредством видеоконференц-связи. В Российской Федерации с 2015 года активно используется проведение онлайн-трансляции судебных заседаний, что помогло повысить принцип открытости судопроизводства и укрепить доверие к Российским судам. Отправной точкой

массового внедрения в работу судов онлайн-заседания стал 2020 год, когда в России был объявлен карантин [16].

Президиум Верховного Суда Российской Федерации и Президиум Совета судей Российской Федерации в этом же году издали постановление № 821, регламентирующее внедрение системы веб-конференций в судебную практику. С 8 апреля 2020 года данный документ вступил в силу и продолжал действовать до 11 мая 2020 года включительно. Документ предлагает использовать видео-конференц-связь или веб-конференции в качестве одного из альтернативных форматов проведения судебных заседаний.

На пленарном заседании Государственной Думы Российской Федерации был одобрен законопроект, направленный на расширение возможностей участия граждан в судебных заседаниях с использованием дистанционных технологий [17]. В рамках данного нормативно-правового акта предусматривается внесение значительных изменений в Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Эти изменения отражают стремление законодателя к обновлению процессуальных норм и повышению эффективности функционирования судебной системы в условиях развития цифровой инфраструктуры.

Участники судебного процесса, включая истцов, ответчиков и других заинтересованных лиц, могут участвовать в заседании дистанционно через веб-конференцию. Для этого нужно подать ходатайство в письменной форме, а суды должны создать необходимые технические условия для проведения такой процедуры. Необходимо упомянуть, что в большинстве случаев у судов нет технической возможности осуществлять онлайн-заседание, поэтому довольно часто судьи отказывают стороне в ходатайстве об участии в таком формате судебного заседания. Даже в случае удовлетворения ходатайства об участии в веб-конференции возможен сбой во время проведения заседания, например, отключение интернета или электроэнергии, неисправность оборудования, технические работы в интернет-сервисах.

В зарубежных странах распространенно использование онлайн трансляций судебных заседаний, например, Апелляционный суд Англии с 2018 года размещает в сети-Интернет свои судебные заседания. Примечательно, что запись ведется с двух сторон – с одной предоставляется возможность наблюдать за действиями судьи, с другой за действиями участников судопроизводства [18]. То есть у интернет-пользователей есть возможность объективно воспринимать происходящее, а также изучить порядок проведения судебных заседаний.

Достаточно резонансным в 2024 году являлось дело Куандыка Бишимбаева, который жестоко убил свою супругу Салтанат Нукенову в ресторане. Родственники погибшей потребовали провести трансляцию судебного заседания и придать огласке преступление, совершенное экс-министром нацэкономики Казахстана. За этим судебным процессом следили миллионы людей по всему миру. Таким образом, онлайн-трансляция предоставляет возможность простым гражданам следить за участниками процесса, то есть трансляция в какой-то степени выступает «учебным пособием», с помощью которого повышается прозрачность и открытость судебной системы. Несмотря на то, что в данном процессе рассматривалось уголовное дело, трансляция данного судебного заседания является одном из ярким примеров того, как цифровизация глубоко проникла в судебную систему, и какие возможности открылись для граждан в эпоху электронного правосудия.

Внедрение системы электронного правосудия может потенциально ограничить возможности непосредственного взаимодействия участников судебного процесса с судьей, что будет противоречить цивилистическим принципам. В дальнейшем это может привести к недовольству судебной властью со стороны общественности. На наш взгляд, чтобы минимизировать риски, связанные с онлайн-заседаниями и их трансляцией, необходимо ограничить дистанционный формат судебного заседания. Например, рассматривать судебные заседания в таком формате только, если у одной из сторон есть на это уважительные причины (ограниченная физическая возможность, фактическое прибывание в удаленных регионах страны или в другой стране). Потому что технологии, внедренные в систему правосудия, должны оптимизировать процесс и укреплять права граждан. Ведь если суд, внедряя цифровые технологии, будет отступать от своих основных принципов, то можно будет подвергнуть принятые им решения сомнению.

Многие работники судебной системы не владеют навыками в сфере электронного правосудия, в большинстве случаев судьи отказываются принимать электронные документы, так как не могут проверить их подлинность. Тем самым следует повысить уровень технологической компетентности судей, помощь IT-специалистов, которые смогли объяснить простым языком работу интернет-порталов судов, а также научили свободно пользоваться программным обеспечением. Ведь внедрение такого «сопровождения» значительно поможет улучшить рабочие процессы, повысить производительность всех участников и более рационально использовать имеющиеся ресурсы.

Заключение

Цифровые технологии в судебном процессе представляют многогранный комплекс, требующий всесторонней подготовки – разработка нормативно-правых актов, обеспечение судебных органов современными техническими средствами, информирование население и повышение правовой и цифровой грамотности. Технологии также успешно интегрировались в правовую систему, что позволило внедрить цифровые платформы в работу судов. Это было неизбежно, так как современное общество обусловлено требованиями и вызовами к правосудию. При этом отметим, что низкий уровень технического обеспечения судов, тормозит быстрый и полный переход к информационных технологиям. Таким образом, помимо усовершенствования и разработки нормативно-правовых актов, необходимо обеспечить суды современными компьютерами, серверами и доработать программное обеспечение. Переходя к цифровым технологиям, судебная система должна сохранить свои принципы неизменными, но при этом адаптироваться под современные реалии. На наш взгляд именно информационные технологии помогут открыть новые возможности гражданского и арбитражного процессуального права, выявить новые аспекты ключевых процессуальных принципов.

Список литературы:

[1] Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. - http://pravo.gov.ru, 06 октября 2022 г.

[3] Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе : монография. — СПб. : Юрид. книга, 2009.

[4] Антонов Я. В. Правовые характеристики электронного правосудия как проекта электронной демократии в контексте международной практики и влияние электронного правосудия на обеспечение независимости и беспристрастности органов судебной власти // Управленческое консультирование. - 2015. - № 6 (78). - С. 65.

[5] Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/34833/ (дата обращения 01.02.2026).

[6] Кириллов А.Е. Процессуальные основы электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 220-228.

[7] Талыкин Е. А. Цивилистический процесс как категория перспективного развития правовой системы // Современное право. - 2016. - № 4. – С. 50.

[8] Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 №1-ФКЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1997. №1. Ст. 1.

[9] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» от 13.12.2012 №35 (в актуальной редакции) //Российская газета. 2012. №292.

[10] Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2002 - 2006 годы» от 20.11.2001 №805 (редакции 06.02.2004) // Собрание законодательства РФ. 2001. №49. Ст. 4623.

[11] Хакеры атаковали правительственный сервис ГАС «Правосудие». URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/07/24097453.shtml?utm_auth=false (дата обращения 05.02.2026)

[12] Мой Арбитр. URL: https://my.arbitr.ru (дата обращения: 05.02.2026).

[13] Афанасьев С.Ф. Правосудие и судебное решение по whatsapp: допустимая цивилистическая процессуальная реальность? // Арбитражный и гражданский процесс. - 2021. - № 2. - С. 42.

[14] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрании законодательства РФ. 2002. №30. Ст.3012.

[15] Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 №63-ФЗ (в актуальной редакции) //Собрание законодательства РФ. 2011. №15. Ст. 2036. Год с начала локдауна. Главные цифры и факты начала изоляции в России. URL: https://www.rbc.ru/business/30/03/2021/605db6239a7947a204eb354e (дата обращения 10.02.2026)

[16] Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ «О приостановлении личного приема граждан в судах» от 08.04.2020 №821 (ред. от 29.04.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349751/ (дата обращения 01.02.2026).

[17] Дистанционное участие в судебном заседании. URL: https://www.garant.ru/article/1457775/ (дата обращения 10.02.2026).

[18] Televising of court of appeal proceedings starts this week | Court of appeal | The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/law/2013/oct/30/court-of-appeal-proceedings-televised (дата обращения 10.02.2026).

References:

[1] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.

[2] The Constitution of the Russian Federation (adopted by the national by a vote on December 12, 1993, with modifications approved during the all-Russian voting 01 July 2020)//Official Internet portal legal information. - http://pravo.gov.ru, October 06, 2022.

[3] Bonner A. T. Problems of establishing truth in a civil process: a monograph. - St. Petersburg: Jurid. book, 2009.

[4] Antonov Y. V. Legal characteristics of e-justice as a project of e-democracy in the context of international practice and the impact of e-justice on ensuring the independence and impartiality of the judiciary//Management consulting. - 2015. - № 6 (78). - S. 65.

[5] Interview of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation Igor Krasnov to Rossiyskaya Gazeta and the TASS news agency. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/news/34833/ (access date 01.02.2026).

[6] Kirillov A.E. Procedural foundations of e-justice//Bulletin of Civil Procedure. 2018. № 1. S. 220-228.

[7] Talykin E. A. Civil process as a category of prospective development of the legal system//Modern law. - 2016. - № 4. - S. 50.

[8] Federal Constitutional Law “On the Judicial System of the Russian Federation” dated 31.12.1996 No. 1-FKZ (as amended)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. №1. Art. 1.

[9] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On the openness and publicity of legal proceedings and on access to information on the activities of courts” dated 13.12.2012 No. 35 (as amended)//Rossiyskaya Gazeta. 2012. №292.

[10] Decree of the Government of the Russian Federation “On the federal target program “Development of the judicial system of Russia” for 2002-2006” dated 20.11.2001 No. 805 (revised 06.02.2004) //Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. №49. Art. 4623.

[11] Hackers attacked the government service GAS “Justice.” URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/07/24097453.shtml?utm_auth=false (access date 05.02.2026)

[12] My Arbiter. URL: https://my.arbitr.ru (access date: 05.02.2026).

[13] Afanasyev S.F. Justice and Judgment on whatsapp: Permissible Civil Procedural Reality ?// Arbitration and Civil Procedure. - 2021. - № 2. - S. 42.

[14] Arbitration Procedure Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 (as amended)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. №30. Article 3012.

[15] Federal Law “On Electronic Signature” dated 06.04.2011 No. 63-FZ (as amended)//Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. №15. Art. 2036. A year since the lockdown began. The main figures and facts of the beginning of isolation in Russia. URL: https://www.rbc.ru/business/30/03/2021/605db6239a7947a204eb354e (access date 10.02.2026)

[16] Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation “On the suspension of personal reception of citizens in courts” dated 08.04.2020 No. 821 (ed. 29.04.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349751/ (access date 01.02.2026).

[17] Remote participation in the court session. URL: https://www.garant.ru/article/1457775/ (access date 10.02.2026).

[18] Televising of court of appeal proceedings starts this week | Court of appeal | The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/law/2013/oct/30/court-of-appeal-proceedings-televised (дата обращения 10.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-738-744

ПЕЧЕРСКАЯ Анастасия Юрьевна,
студентка 2 курса магистратуры,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОСРЕДНИКИ В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. *В статье исследуются особенности защиты интеллектуальных прав в условиях цифровой трансформации. На основе доктринальных подходов, а также анализа законодательства Российской Федерации и зарубежных стран рассматриваются проблемы правового регулирования ответственности информационных посредников и выявляются ключевые пробелы действующей модели защиты интеллектуальных прав в цифровой среде. Сформирована расширенная правовая концепция информационного посредника как самостоятельного инфраструктурного субъекта цифровых правоотношений, обеспечивающего технологические и организационные условия существования и оборота цифрового контента при отсутствии авторского вклада и статуса конечного пользователя. Предложена функционально ориентированная классификация информационных посредников на сетевых провайдеров, сервисных провайдеров хранения, контент-платформы и информационных навигаторов, позволяющая соотнести объем обязанностей и мер ответственности с фактической ролью посредника в цифровом обороте. Обоснована необходимость законодательного признания статуса цифровых доказательств и создания механизмов трансграничного сотрудничества при пресечении нарушений, совершаемых с использованием иностранных цифровых инфраструктур.*

Ключевые слова: *информационные посредники, интеллектуальные права, цифровое пространство, цифровой контент, ответственность информационных посредников.*

PECHERSKAYA Anastasia Yuryevna,
2nd year graduate student, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow

INFORMATION INTERMEDIARIES IN THE SYSTEM OF PROTECTION OF INTELLECTUAL RIGHTS IN DIGITAL SPACE

Annotation. *The article explores the features of protecting intellectual rights in a digital transformation. On the basis of doctrinal approaches, as well as an analysis of the legislation of the Russian Federation and foreign countries, the problems of legal regulation of the responsibility of information intermediaries are considered and key gaps in the current model of protecting intellectual rights in the digital environment are identified. An expanded legal concept of an information intermediary has been formed as an independent infrastructure subject of digital legal relations, providing technological and organizational conditions for the existence and circulation of digital content in the absence of an author's contribution and end-user status. A functionally oriented classification of information intermediaries into network providers, storage service providers, content platforms and information navigators is proposed, which allows correlating the scope of responsibilities and measures of responsibility with the actual role of the intermediary in digital circulation. The need for legislative recognition of the status of digital evidence and the creation of mechanisms for cross-border cooperation in suppressing violations committed using foreign digital infrastructures is justified.*

Key words*: information intermediaries, intellectual rights, digital space, digital content, responsibility of information intermediaries.*

Введение. Сегодня цифровизация стала одной из базовых характеристик экономики. Как отмечают В.М.Ячменева и Е.Ф.Ячменев, формирование целостного цифрового пространства является необходимым условием цифровизации экономики и обеспечивает равный доступ к ресурсам для всех участников взаимоотношений [14].

Так, постепенное внедрение во все сферы жизни электронного документооборота, комплексное развитие цифровых платежных систем, появление виртуальных активов и сетевых платформ изменили привычные способы создания, обращения и потребления экономических благ. В свою очередь, Е.А.Оркина подчеркивает, что цифровая среда радикально усиливает уязвимость объектов интеллектуальной собственности и создает устойчивое отставание права от технологического развития [8]. Результаты интеллектуальной деятельности, ранее преимущественно связанные с материальными носителями, например, книгами или холстами, в условиях цифровой среды все чаще существуют в форме программного кода и мультимедийных файлов. Помимо этого, круг участников правоотношений в цифровой сфере шире, чем в традиционной. Кроме авторов и правопользователей (лицензиатов), в него входят: пользователи, платформы и агрегаторы, хостинг-провайдеры и интернет-провайдеры, разработчики ПО и модераторы [10]. Таким образом, в новых условиях защита интеллектуальных прав перестала быть сугубо двусторонней сферой взаимодействия правообладателя и нарушителя: решающую роль стали играть информационные посредники – операторы связи, хостинг-провайдеры, интернет-платформы и поисковые системы.

Правовое значение информационных посредников заключается в том, что именно они обеспечивают доступ к контенту, управляют потоками информации и нередко извлекают коммерческую выгоду из его распространения. Традиционные механизмы защиты, ориентированные на пресечение нарушений со стороны конечных пользователей, оказываются неэффективными в цифровой среде, где копирование и распространение информации происходит мгновенно и без территориальных границ. В связи с этим научный интерес смещается к вопросам регулирования деятельности информационных посредников и определения их ответственности за нарушения интеллектуальных прав.

Основная часть. Согласно части IV Гражданского кодекса РФ, результаты интеллектуальной деятельности (РИД) и средства индивидуализации являются объектами гражданских прав [15]. Норма исходит из традиционной реальности: РИД рассматриваются как отдельные, отчуждаемые объекты, а права на них — как нематериальные имущественные права. Однако в юридической литературе все чаще звучит тезис, что цифровые произведения не являются лишь «оцифрованной» формой традиционного объекта [5]. Цифровые произведения следует рассматривать как самостоятельную правовую категорию, обладающую иными свойствами по сравнению с традиционными объектами интеллектуальной собственности. В цифровой среде объект исключительного права не связан с материальным носителем и существует в форме совокупности данных, что трансформирует само представление о владении и использовании результата интеллектуальной деятельности. Существенной особенностью цифровых произведений является возможность их неограниченного воспроизведения без утраты качества, при которой каждая вновь созданная копия подобна исходному экземпляру. Кроме того, оборот и использование цифрового контента объективно зависят от функционирования информационных систем, программных решений и технологических протоколов, которые во многом определяют условия доступа, распространения и контроля над такими объектами. В этой связи Е.С.Дементьева обоснованно указывает на необходимость адаптации правовой терминологии к цифровым реалиям, поскольку традиционные правовые конструкции не в полной мере отражают специфику электронных произведений и механизмов их использования [3].

Помимо Гражданского кодекса, регулирование интеллектуальных прав осуществляется специальными законами. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информационные отношения, устанавливает обязанности операторов по защите данных и содержит механизм ограничения доступа по мотивированному требованию правообладателя [16]. Закон № 126-ФЗ «О связи» регулирует деятельность операторов связи, в том числе вопросы конфиденциальности и хранения данных [17]. Несмотря на наличие этих норм, действующая модель регулирования не учитывает всех особенностей цифровой среды и не предоставляет достаточно эффективных инструментов для воздействия на информационных посредников, от которых во многом зависит соблюдение прав.

Понятие информационного посредника не закреплено, однако в статье 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации приведены виды ответственности в зависимости от вида информационного посредника, позволяющие сформулировать общее представление об этом термине. Так, в соответствии со статьей к таким субъектам относятся лица, обеспечивающие размещение, хранение, передачу либо поиск информации в сети

Интернет. Действующее гражданское законодательство предусматривает специальные условия освобождения информационного посредника от гражданско-правовой ответственности за нарушение интеллектуальных прав, допущенное в цифровой среде [18]. В зависимости от характера осуществляемой деятельности законодатель различает посредников, осуществляющих передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, и посредников, предоставляющих возможность размещения такого материала или доступа к нему. Так, информационный посредник, обеспечивающий передачу материала, не подлежит ответственности при условии, что он не является инициатором передачи и не определяет получателя информации, не изменяет передаваемый материал за исключением технических изменений, обусловленных процессом передачи данных, а также не знал и не должен был знать о неправомерном использовании соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу. В свою очередь, информационный посредник, предоставляющий возможность размещения материала в сети Интернет, освобождается от ответственности при отсутствии у него сведений о незаконном характере использования соответствующих объектов и при условии, что после получения письменного заявления правообладателя с указанием конкретного сетевого адреса он своевременно принял необходимые и достаточные меры по прекращению нарушения.

Л.С.Иванова отмечает, что единственная норма в части IV ГК РФ, посвященная информационным посредникам, оставляет неопределённость в определении их статуса и критериев ответственности, что приводит к отсутствию единообразия судебной практики [4]. Так, действующая российская модель правового регулирования деятельности информационных посредников характеризуется рядом существенных недостатков, снижающих эффективность защиты интеллектуальных прав в цифровой среде. Прежде всего, статья 1253.1 ГК РФ не предусматривает дифференциации посредников в зависимости от их функциональной роли, в результате чего операторы доступа к сети Интернет, хостинг-провайдеры, социальные сети и поисковые системы формально оказываются в одинаковом правовом положении, несмотря на существенные различия в степени контроля над контентом и характере извлекаемой экономической выгоды.

Представляется необходимым детализировать права и обязанности информационных посредников с учетом функциональной роли, которую они выполняют в цифровой среде, и уровня их фактического контроля над распространением контента. Так, операторы доступа к сети Интернет осуществляют исключительно передачу данных и не участвуют в формировании или отборе информации, в связи с чем их обязанности целесообразно ограничить исполнением требований уполномоченных государственных органов. Хостинг-провайдеры, обеспечивающие хранение информации на своих серверах, должны быть обязаны оперативно реагировать на уведомления о нарушении интеллектуальных прав, принимать меры по удалению или ограничению доступа к спорным материалам и информировать правообладателей о принятых действиях. Платформы-агрегаторы и социальные сети, напротив, активно взаимодействуют с размещаемым контентом, используют алгоритмы рекомендаций и нередко извлекают коммерческую выгоду из его распространения, что обосновывает возложение на них расширенных обязанностей, включая внедрение механизмов фильтрации, заключение лицензионных соглашений с правообладателями и обеспечение прозрачной отчетности. Ответственность поисковых систем, осуществляющих индексацию и систематизацию информации, должна определяться с учетом степени их осведомленности о незаконном характере выдаваемых результатов и технической возможности исключения таких материалов из поисковой выдачи. Такой подход позволит устранить пробелы и обеспечить баланс интересов правообладателей, пользователей и цифровых платформ.

Дополнительную неопределенность создает использование оценочных формулировок, таких как «не знал и не должен был знать» и «принял необходимые и достаточные меры», которые не имеют нормативного раскрытия и по-разному интерпретируются судами, что приводит к неоднородности правоприменительной практики. Существенным пробелом является и отсутствие в законодательстве стандартизированной процедуры реагирования на уведомления о нарушении интеллектуальных прав: не установлены требования к форме и содержанию уведомлений, сроки их рассмотрения и перечень действий, которые обязан предпринять посредник, что осложняет защиту прав правообладателей и создает риск злоупотреблений. Особую проблему представляет неурегулированность трансграничных аспектов защиты прав, поскольку при размещении контента на иностранных серверах российские судебные решения нередко оказываются затруднительными в исполнении, а действующие механизмы международной правовой помощи отличаются сложностью и длительностью. Наконец, в российском процессуальном праве до настоящего времени не сфор-

мирован четкий правовой статус цифровых доказательств, полученных с использованием блокчейн-реестров, смарт-контрактов и автоматизированных систем мониторинга, что затрудняет фиксацию и доказывание факта нарушения интеллектуальных прав в условиях цифровой среды.

Судебная практика по делам, связанным с нарушениями интеллектуальных прав в Интернете, носит неоднозначный характер [13]. В одних случаях суды освобождают посредников от ответственности, полагая, что они лишь осуществляют передачу данных. В других – возлагают ответственность, исходя из того, что хостинг-провайдер или платформа могли удалить незаконный контент, но не приняли мер. Отсутствие чётких критериев, в том числе сроков и порядка реагирования на уведомления, создаёт неопределённость для бизнеса [2].

В странах ЕС институт ответственности посредников регулируется Директивой 2000/31/ЕС [19]. Она вводит концепцию «безопасной гавани» (safe harbour), которая освобождает интернет-провайдеров от ответственности при соблюдении условий: отсутствия знания о незаконности информации и оперативного удаления её после уведомления. Директива 2019/790 (статья 17) возложила на крупные платформы обязанность заключать лицензии с правообладателями и внедрять эффективные технологии предотвращения нарушений («stay-down mechanism») [20]. В 2024 году вступил в силу Регламент «О цифровых услугах» (Digital Services Act, DSA), который вводит дополнительные обязанности для очень крупных платформ: тщательный контроль за контентом, механизмы оценки рисков, публичные отчёты и прозрачность алгоритмов [21].

Американская система основывается на Законе об авторском праве (Title 17 USC.) и DMCA [22]. Последний содержит механизм «notice-and-takedown»: при получении уведомления о нарушении права владелец платформы обязан удалить или заблокировать доступ к спорному контенту, чтобы сохранить иммунитет от ответственности. Закон закрепляет понятие «безопасной гавани» и дифференцирует категории посредников – поставщиков доступа, хостинг-провайдеров, сервисов кеширования, поисковиков и онлайн-платформ. Критерии освобождения от ответственности в DMCA более конкретны: например, платформа не должна получать прямой выгоды от нарушения и должна действовать оперативно.

Модель fair use (добросовестного использования) в США также позволяет гибкое использование произведений без разрешения правообладателя для критики, научных исследований, пародии, что снижает количество судебных споров. Эта гибкость отсутствует в российском праве, что делает регулирование более жестким.

Бернская конвенция и Договор ВОИС по авторскому праву не устанавливают специальных правил для посредников. Они закрепляют общие принципы: национальный режим, минимальные стандарты охраны и запрет формальных требований [23]. Вопросы трансграничного преследования нарушений и ответственности информационных посредников остаются за рамками международных договоров. Тем не менее развитие регионального и национального законодательства стимулирует дискуссию о необходимости многосторонних соглашений, регулирующих функционирование платформ в глобальном масштабе.

Проведенный анализ действующих норм российского законодательства и международного опыта позволяет обозначить основные направления его дальнейшего развития в части регулирования ответственности информационных посредников. В первую очередь представляется целесообразным нормативно закрепить понятие и классификацию информационных посредников с учетом их функциональной роли в цифровом обороте, степени контроля над размещаемым контентом и характера извлекаемой экономической выгоды. Так, информационного посредника можно определить как юридическое или физическое лицо, которое в профессиональных целях обеспечивает технологическую или организационную инфраструктуру для доступа, хранения, индексации, агрегирования, распространения, поиска либо иной обработки цифрового контента в информационно телекоммуникационной сети, при этом не являясь создателем данного контента и не выступая в роли его конечного пользователя. В качестве признаков, характерных для информационного посредника, предложенное понятие выделяет: профессиональный характер деятельности посредника, его инфраструктурную роль в управлении информационными потоками и отсутствие авторского вклада. Поскольку роль информационных посредников различна, их необходимо дифференцировать их на четыре функциональные категории:

1. Сетевые провайдеры — операторы доступа и транзитные сервисы, обеспечивающие физическую и логическую передачу данных между участниками сети. Они не имеют доступа к содержанию и не влияют на его форму, поэтому должны нести лишь минимальные обязанности по исполнению решений компетентных органов и сохранению трафиковых данных для нужд правообеспечения.

2. Сервисные провайдеры хранения — хостинг провайдеры, поставщики облачных сервисов и файловых хранилищ, которые предоставляют дисковую емкость и могут ограничивать доступ к спорному контенту. В силу возможности управления размещенными данными на них возлагаются обязанности оперативно реагировать на уведомления правообладателей, удалять или блокировать доступ к незаконным материалам, а также информировать пользователей и правообладателей о предпринятых мерах.
3. Контент платформы — социальные сети, видеохостинги, маркетплейсы, онлайн магазины приложений и иные площадки, активно взаимодействующие с пользовательским контентом и извлекающие из него коммерческую выгоду. Они организуют прием, хранение и распространение контента, используют алгоритмы рекомендаций и получают доход от рекламы или подписок. Их деятельность характеризуется высокой степенью влияния на оборот произведений, поэтому помимо обязанностей сервисных провайдеров хранения на них следует возложить обязательство заключать лицензионные соглашения с правообладателями, использовать системы фильтрации и контент идентификации, обеспечивать прозрачную отчетность о распространении произведений и распределении доходов, а также внедрять процедуры разрешения споров.
4. Информационные навигаторы — поисковые системы, каталоги, рекомендательные сервисы и другие «указатели», которые индексируют и структурируют информацию, но не хранят и не размещают контент. Их ответственность должна определяться степенью осведомленности об очевидной незаконности результатов поиска и наличием технической возможности исключить указатели на незаконный контент из выдачи.

Включение в Гражданский кодекс Российской Федерации и специальные законы перечня категорий посредников с указанием объема их обязанностей и условий освобождения от ответственности способствовало бы устранению существующей неопределенности и формированию единообразного правоприменения. Существенным элементом такой модели должно стать установление стандартизированной процедуры уведомления о нарушении интеллектуальных прав, предусматривающей требования к форме и содержанию уведомления, сроки его рассмотрения и последовательность действий посредника. Уведомление должно содержать сведения об объекте интеллектуальной собственности, ссылку на конкретный контент, подтверждение прав правообладателя и контактную информацию, при этом посредник обязан подтвердить его получение, временно ограничить доступ к спорному материалу и уведомить пользователя о поступившей претензии. Одновременно требуется нормативное раскрытие критериев «необходимых и достаточных мер», принятие которых позволяет посреднику рассчитывать на освобождение от ответственности, включая такие действия, как временная блокировка контента, информирование правообладателя и предоставление сведений о пользователе по мотивированному запросу суда. Отдельного регулирования требуют трансграничные аспекты защиты интеллектуальных прав, поскольку размещение контента на иностранных серверах существенно осложняет исполнение судебных решений. В этой связи актуальной является разработка международных соглашений либо присоединение к существующим инициативам, предусматривающим взаимное признание мер по ограничению доступа к контенту и обмен информацией между компетентными органами. Не менее важным направлением является закрепление в процессуальном законодательстве статуса цифровых доказательств, полученных с использованием распределенных реестров, автоматизированных систем мониторинга и цифровых подписей, с установлением требований к их достоверности и надёжности. Наконец, дополнительным инструментом повышения эффективности защиты интеллектуальных прав может стать развитие механизмов саморегулирования и добровольных кодексов поведения, заключаемых между правообладателями и цифровыми платформами, при условии их институциональной поддержки со стороны государства, в том числе через признание таких соглашений обязательными для участников или применение стимулирующих мер.

Заключение. Введение функционально-дифференцированной модели ответственности, разработка стандартизированных процедур уведомления, признание статуса цифровых доказательств и создание механизмов трансграничного сотрудничества позволят повысить эффективность защиты интеллектуальных прав в цифровом пространстве. Законодательство должно стремиться к балансу между интересами правообладателей и участников цифрового рынка, обеспечивая безопасность контента и поддерживая развитие креативных индустрий.

Список литературы:

[1] Блинкова Е.В., Кошелюк Б.Е. Особенности защиты цифровых прав // Вестник Тюменского

государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10. № 3 (39). С. 158–173.

[2] Геец К.В. Ответственность информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2023. N 4 (42). С. 121-136.

[3] Дементьева Е.С. Проблемы правового регулирования цифровой формы произведения // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 7. С. 53–60.

[4] Иванова Л.С. Юридическая ответственность информационных посредников // Образование и право. 2022. № 5. С. 169–173.

[5] Кириллова Е.А., Зульфагарзаде Т.Э., Метелёв С.Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6, №1. С. 245–256.

[6] Коровникова Н.А. Искусственный интеллект в креативных индустриях: возможности и риски // Экономические и социальные проблемы России. 2025. № 4. С. 31–47.

[7] Мостовая В.О. Особенности защиты прав интеллектуальной собственности в цифровой среде // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. 2024. № 5. С. 235–239.

[8] Оркина Е.А. Интеллектуальная собственность в цифровой среде: проблемы и решения // Философия права. 2020. № 2 (93). С. 44–50.

[9] Рахматулина Р.Ш. Государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 5. С. 153–161.

[10] Родин А.С. Правовой статус субъектов, участвующих в правоотношениях в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Журнал Культура: теория и практика, 2021. С. 1-6.

[11] Свиридова Е.А. Особенности охраны программы для ЭВМ по законодательству Европейского союза // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 6. С. 106–112.

[12] Фролова Е.Е., Купчина Е.В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Т. 61. С. 479–498.

[13] Щербак Н.В. Ответственность за косвенные нарушения интеллектуальных авторских прав // Вестник Московского университета. Серия И. Право. 2024. № 6. С. 178-201.

[14] Ячменева В.М., Ячменев Я.И. Цифровое пространство как необходимое и достаточное условие цифровизации экономики // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11. № 3. С. 2–12.

[15] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026), ст. 1225. // СПС «Гарант».

[16] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Гарант».

[17] Федеральный закон от 07.07.2003 N 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи». // СПС «Гарант».

[18] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025), ст. 1253.1. // СПС «Гарант».

[19] Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market.

[20] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market.

[21] Digital Services Act, DSA, 2022.

[22] Digital Millennium Copyright Act (DMCA) of 1998 (Pub. L. No. 105-304).

[23] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works.

References:

[1] Blinkova E.V., Koshelyuk B.E. Features of digital rights protection//Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2024. T. 10. № 3 (39). S. 158-173.

[2] Geetz K.V. Responsibility of information intermediaries for violation of intellectual rights//Journal of the Court for Intellectual Rights. December 2023. N 4 (42). S. 121-136.

[3] E.S. Dementieva. Problems of legal regulation of the digital form of the work//IP. Copyright and related rights. 2016. № 7. S. 53-60.

[4] Ivanova L.S. Legal responsibility of information intermediaries//Education and law. 2022. № 5. S. 169-173.

[5] Kirillova E.A., Zulfagarzade T.E., Metelev S.E. Institute of Digital Rights in Civil Law of Russia// Law Enforcement. 2022. T. 6, NO. 1. S. 245-256.

[6] Korovnikova N.A. Artificial intelligence in creative industries: opportunities and risks//Economic and social problems of Russia. 2025. № 4. S. 31-47.

[7] Mostovaya V.O. Features of protection of intellectual property rights in the digital environment//Development of customs affairs of the Russian Federation: Far Eastern vector. 2024. № 5. S. 235-239.

[8] Orkina E.A. Intellectual property in the digital environment: problems and solutions//Philosophy of law. 2020. № 2 (93). S. 44-50.

[9] Rakhmatulina R.Sh. State regulation of relations in the field of intellectual property//Economics. Taxes. Right. 2015. № 5. S. 153-161.

[10] Rodin A.S. Legal status of subjects participating in legal relations in the information and telecommunication network of the Internet//Journal Culture: Theory and Practice, 2021. S. 1-6.

[11] Sviridova E.A. Peculiarities of protection of the computer program under the legislation of the European Union//Gaps in Russian legislation. 2023. T. 16. № 6. S. 106-112.

[12] Frolova E.E., Kupchina E.V. Digital tools for protecting intellectual property rights: on the example of blockchain and artificial intelligence//Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. T. 61. S. 479-498.

[13] Shcherbak N.V. Liability for indirect infringement of intellectual copyright//Bulletin of Moscow University. Series I. Law. 2024. № 6. S. 178-201.

[14] Yachmeneva V.M., Yachmenev Y.I. Digital space as a necessary and sufficient condition for the digitalization of the economy//Baikal Research Journal. 2020. T. 11. № 3. S. 2-12.

[15] "Civil Code of the Russian Federation (part four)" dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended 23.07.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 04.01.2026), Article 1225 .//SPS "Guarantor."

[16] Federal Law of 27.07.2006 N 149-FZ (as amended by 24.06.2025) " On Information, Information Technologies and Information Protection "//SPS" Garant. "

[17] Federal Law of 07.07.2003 N 126-FZ (as amended by 31.07.2025) " On Communications. "// SPS" Garant. "

[18] "Civil Code of the Russian Federation (Part Four)" dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended by 23.07.2025), Article 1253.1 .//SPS "Garant."

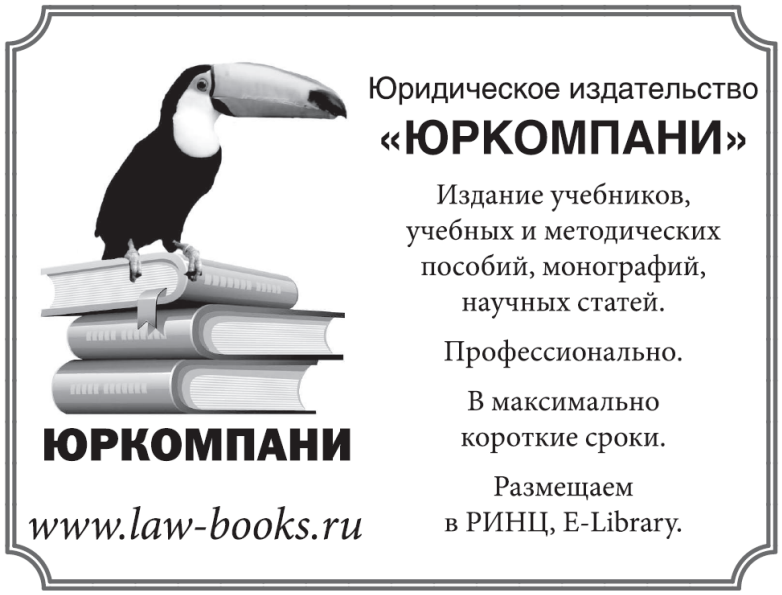
[19] Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market.

[20] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market.

[21] Digital Services Act, DSA, 2022.

[22] Digital Millennium Copyright Act (DMCA) of 1998 (Pub. L. No. 105-304).

[23] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-745-749

БЕЗЗАТЕЕВА Вероника Сергеевна,
старший преподаватель кафедры
гражданского права и кафедры информационной безопасности
Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения,
e-mail: bezzateeva@inbox.ru

ПРАВО НА ЗАБВЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *В статье анализируется коллизия между формирующейся в России моделью обязательной идентификации пользователей сети Интернет и правом несовершеннолетних на забвение. Показано, что совокупность мер по паспортизации доступа к контенту 18+, биометрической верификации подростков и учету «детских» SIM-карт приводит к созданию устойчивой «цифровой памяти» о ребенке, которая в значительной части не охватывается действующим механизмом права на забвение, закрепленным в ст. 10.3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». На основании проведенного исследования обосновывается необходимость выделения специального режима «усиленного права на забвение» для несовершеннолетних. Предлагаются правки в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ФЗ «О персональных данных», а также процессуальные механизмы реализации права на забвение несовершеннолетних в условиях обязательной идентификации и алгоритмического профилирования.*

Ключевые слова: *право на забвение, цифровая идентификация, персональные данные несовершеннолетнего, информационная безопасность, Рунет, права несовершеннолетних.*

BEZZATEEVA Veronika Sergeevna,
Senior Lecturer of the Department of Civil Law,
Saint-Petersburg State University
of Aeronautical Instrumentation

THE RIGHT TO FORGIVE MINORS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Annotation. *The article analyzes the conflict between the emerging model of mandatory identification of Internet users in Russia and the right of minors to be forgotten. It is shown that a combination of measures to passportize access to 18+ content, biometric verification of teenagers, and the registration of "children's" SIM cards leads to the creation of a persistent "digital memory" about a child, which is largely not covered by the current mechanism of the right to be forgotten, as stated in Article 10.3 of the Federal Law "On Information, Information Technologies, and Information Protection." Based on the conducted research, the need to allocate a special regime of "enhanced right to oblivion" for minors is substantiated. Amendments to the Federal Law "On Information, Information Technologies, and Information Protection" and the Federal Law "On Personal Data" are proposed, as well as procedural mechanisms for implementing the right to oblivion for minors in the context of mandatory identification and algorithmic profiling.*

Key words: *right to be forgotten, digital identification, personal data of minors, information security, Runet, and the rights of minors.*

Цифровая трансформация российского общества сопровождается устойчивым ростом числа несовершеннолетних пользователей сети Интернет и параллельным усложнением спектра угроз их правам и законным интересам.[1, с.107] Ответом государства становится политика ужесточения регулирования доступа детей к информационной продукции, в том числе путем внедрения механизмов верификации возраста пользователей и обсуждения обя-

зательной идентификации для доступа к контенту с маркировкой 18+. Планируемое и активно обсуждаемое введение механизмов обязательной идентификации в российском сегменте сети Интернет (через ЕСИА, банковские данные, биометрию и пометку «детских» SIM-карт) в экспертном и медийном дискурсе декларируется, прежде всего, как мера по защите несовершеннолетних от неконтролируемого доступа к порнографическому, насильственному и иному деструктивному контенту, а также как инструмент борьбы с анонимными злоупотреблениями. Эти инициативы опираются на положения Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации, которая подчеркивает необходимость защиты ребенка от вредной информации наряду с развитием его медиаграмотности.[2, с. 113]

Методология исследования

Исследование основано на теоретическом анализе отечественной литературы по вопросам информационного, гражданского и семейного права, а также научных работ в области информационной безопасности несовершеннолетних и правового регулирования йифровой идентификации личности. Были использованы методы формально-юридического анализа для толкования действующих норм российского законодательства включая положения Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федерального закона «О персональных данных» и документов стратегического планирования в сфере информационной безопасности детей. Применялся сравнительно-правовой метод для сопоставления российских подходов к защите персональных данных несовершеннолетних с зарубежными моделями регулирования права на забвение и минимизации цифрового следа, с последующей адаптацией релевантных решений к российской правовой системе.

Основным целями исследования являются:

Целью данного исследования является комплексный анализ правовых основ и проблем реализации права несовершеннолетнего на забвение в условиях цифровой идентификации и накопления устойчивого цифрового следа в Российской Федерации, а также формулирование предложений по совершенствованию законодательства в части защиты персональных данных в цифровой автономии несовершеннолетних.

В российском законодательстве с 2015 года в ст. 10.3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закреплено право на забвение, которое подразумевает возможность требовать от оператора поисковой системы прекращения выдачи ссылок на определенные сведения о лице при наличии установленных законом оснований. В доктрине право на забвение обосновывается как самостоятельное правомочие в системе права на неприкосновенность частной жизни и информационную автономию личности. [3, с. 101] Однако данная конструкция разрабатывалась преимущественно с ориентацией на совершеннолетнего пользователя, самостоятельно защищающего свою репутацию и частную жизнь в сети, тогда как особенности статуса несовершеннолетнего и специфика обработки его данных в условиях тотальной идентификации учитывались лишь фрагментарно. [3, 4] В этих условиях возникает объективная коллизия между усиливающейся цифровой идентификацией несовершеннолетних и потребностью в эффективном механизме «стирания» или существенного ослабления их цифрового следа в будущем. Решение этой коллизии не может быть сведено лишь к техническим мерам, оно требует корректировки правовых конструкций в отраслевом (информационное и гражданское право) и межотраслевом (семейное, административное право) аспектах.

Статус несовершеннолетнего как субъекта права на забвение определяется совокупностью норм информационного, гражданского и семейного права. Федеральный закон «О персональных данных» устанавливает особый режим обработки персональных данных данной категории пользователей и закрепляет, что согласие на их обработку, как общее правило, дается законными представителями до достижения ребенком определенного возраста, что подтверждается как правоприменительной практикой, так и разъяснениями специалистов по защите данных. Практика показывает, что операторы персональных данных, включая образовательные организации и интернет-платформы, часто не выстраивают отдельную модель работы с данными несовершеннолетних, используя общий режим обработки, что критикуется в научной литературе и экспертных обзорах. Основные ориентиры государственной политики в сфере информационной безопасности несовершеннолетних закреплены в Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации. Концепция исходит из необходимости сочетания защиты детей от деструктивного контента с формированием у них медиаграмотности и навыков ответственного поведения в сети, подчеркивая, что обеспечение информационной безопасности возможно лишь при эффективном взаимодействии государства, общества и семьи. Вместе с тем в Концепции практически не затрагивается проблема долговременного хранения и

вторичного использования данных о цифровой активности несовершеннолетнего, а значит, не раскрывается потенциал права на забвение как инструмента минимизации данных до момента достижения совершеннолетия. Исследования в области информационной безопасности несовершеннолетних демонстрируют, что уже сегодня дети оставляют в сети значительный цифровой след, включающий данные о взаимодействии с социальными сетями, образовательными платформами, игровыми сервисами и различными интернет-сообществами. [1, с. 107] При этом анонимность, традиционно рассматривавшаяся как один из факторов риска (возможность создания псевдопрофилей, контакт с деструктивными сообществами), оказывается целенаправленно сокращаемой посредством идентификации, что трансформирует сам характер угроз: вместо исключительно анонимных злоумышленников на первый план выходит проблема накопления государством и бизнесом избыточных персональных и поведенческих данных о несовершеннолетних.

Современные исследователи подчеркивают, что при регулировании прав детей в сети Интернет необходимо исходить из принципа наилучшего обеспечения их интересов, закрепленных в международных актах и имплементированных в российское право. Р.В. Хисамова указывает, что защита детей в сети требует согласования публичных, частных и общественных начал, что особенно трудно в условиях, когда цифровая среда формируется преимущественно частными платформами, для которых данные пользователей выступают ключевым экономическим ресурсом. [1, с. 111] Право на забвение в таком контексте должно служить инструментом «обнуления» цифрового следа ребенка по достижении определенного возраста или по его требованию, однако действующая редакция ст. 10.3 Закона об информации исходит из модели индивидуального обращения самого субъекта к оператору поисковой системы. Ю.Н. Петров, анализируя конструкцию права на забвение, прямо указывает на целесообразность предоставления права на подачу соответствующего требования детям, их родителям и пережившему супругу в случае смерти лица, однако эти предложения пока не нашли отражения в законодательстве. [4, с. 314] В доктринальной литературе подчеркивается, что право на забвение, будучи производным от права на частную жизнь, не является абсолютным и должно реализовываться с учетом баланса с правом на доступ к информации и свободой выражения мнения, однако, для несовершеннолетних акцент неизбежно смещается в сторону превалирования интересов защиты личности ребенка. Использование идентификационной карты школьника для защиты несовершеннолетних от деструктивного контента и иных угроз в сети, демонстрирует технико-правовой потенциал инструментов идентификации при условии их «встроенности» в режим минимизации данных и ограниченного хранения. Идентификационная карта школьника может выступать не только средством подтверждения его возраста, но и основой для юридического закрепления специальных гарантий, включая ограничение перечня обрабатываемых данных, установление сокращенных сроков хранения и автоматическое прекращение обработки по достижении совершеннолетия. [5] Эти выводы создают доктринальную базу для разработки «усиленного права на забвение» для несовершеннолетних в условиях обязательной идентификации.

С учетом вышеизложенного, целесообразно выделить в российском праве особую конструкцию – «усиленное право на забвение несовершеннолетнего», функционирующую в тесной связи с режимом обязательной идентификации и алгоритмического профилирования. Под усиленным правом на забвение предлагается понимать совокупность специальных материальных и процессуальных норм, обеспечивающих: во-первых, расширенный круг субъектов, уполномоченных заявлять требования о забвении, во-вторых, расширенный объем подлежащей забвению информации (включая идентификационные и поведенческие данные, а не только поисковые ссылки), в-третьих, сокращенные сроки хранения и обязательную анонимизацию данных несовершеннолетнего по достижении им установленного возраста.

Реализация концепции «усиленного права на забвение» несовершеннолетних требует внесения изменений как в Закон об информации, так и в Федеральный закон «О персональных данных», а также принятия ряда подзаконных актов, конкретизирующих технические и процедурные аспекты. На уровне ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» целесообразно дополнить ст. 10.3 отдельной нормой, предусматривающей право законного представителя несовершеннолетнего либо самого несовершеннолетнего, достигшего 14 лет, требовать не только прекращения выдачи ссылок поисковыми системами, но и удаления (или анонимизации) информации о нем из результатов внутреннего поиска и рекомендаций на платформе, если такая информация не относится к категориям, подлежащим обязательному размещению или хранению.

В Федеральном законе «О персональных данных» следует закрепить специальные положения о сокращенных сроках хранения и запрете профилирования в отношении несовершеннолет-

них. Во-первых, целесообразно ввести презумпцию, согласно которой обработка данных ребенка свыше определенного минимально необходимого срока (например, трех лет с момента их сбора или одного года после достижения совершеннолетия) допускается только при наличии отдельного, информированного, свободного согласия самого субъекта. Во-вторых, необходимо прямо запретить использование персональных и поведенческих данных детей для политического таргетинга, микротаргетированной рекламы и оценки кредитоспособности, что согласуется с доктринальными подходами к ограничению коммерческой и политической эксплуатации уязвимых групп.

Также, необходимо законодательно возложить на операторов идентификационных систем обязанность вести отдельный учет «детских профилей» и обеспечивать режим «ускоренного забвения» для них. Такой режим должен включать: ограничение состава собираемых данных, минимально необходимых для подтверждения возраста, автоматизированное удаление или анонимизацию данных по истечении установленных сроков, техническую возможность для законного представителя и самого ребенка (с определенного возраста) инициировать процедуру забвения через единый интерфейс электронного правительства или самой платформы. При разработке такого интерфейса можно использовать подходы, сформировавшиеся в рамках реализации прав субъектов данных по европейскому GDPR, адаптируя их к российской системе и национальным стандартам безопасности. [3]

Особое значение имеет совершенствование ответственности за нарушение режима забвения. В КоАП РФ целесообразно ввести отдельный состав административного правонарушения за неисполнение требований о забвении данных несовершеннолетнего, предусматривающий повышенные штрафные санкции по сравнению с аналогичными нарушениями в отношении совершеннолетних лиц. Кроме того, целесообразно предусмотреть возможность применения к систематически нарушающим операторам таких мер, как ограничение обработки данных несовершеннолетних или временное блокирование сервисов, ориентированных на детскую аудиторию.

Также, важным направлением является развитие правопросветительской деятельности и цифровой грамотности несовершеннолетних, родителей и педагогов. Концепция информационной безопасности детей уже исходит из необходимости формирования у несовершеннолетних навыков самостоятельного и ответственного потребления информации, однако, в практических программах медиаграмотности редко рассматривается право на забвение и порядок его реализации. Включение этих вопросов в образовательные модули, разработка наглядных инструкций и электронных сервисов, понятных для несовершеннолетних, позволило бы не только повысить эффективность предлагаемых правовых механизмов, но и сформировать культуру бережного отношения к собственной цифровой идентичности.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что право на забвение в его традиционном, «взрослом» понимании оказывается недостаточным для защиты интересов несовершеннолетних в условиях стремительного развития механизмов обязательной идентификации и алгоритмического профилирования в российском сегменте сети Интернет. Накопление государственными и частными операторами значительных массивов идентификационных и поведенческих данных о несовершеннолетних формирует долговременную «цифровую память», способную повлиять на их будущее задолго до того, как необходимость в столь интенсивном контроле отпадет.

Предложенные в статье изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О персональных данных», а также идеи по развитию подзаконного регулирования и правоприменительной практики опираются на уже существующие тенденции российской доктрины и государственной политики в сфере информационной безопасности детей. Их реализация позволит не только снизить риски перманентного цифрового следа для новых поколений, но и придать российском праву о защите несовершеннолетних в сети Интернет инновационный характер, соотносимый с лучшими зарубежными практиками при сохранении приоритета национальных интересов и специфики правовой системы Российской Федерации.

Список литературы:

[1] Хисамова Р. В. Особенности защиты прав детей в интернете // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2025. – №2 (61). – С.105-113.

[2] Нынюк Р.Н. Информационная безопасность детей в Российской Федерации: проблемы реализации // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. – №2 (26). – С.110-119.

[3] Э. С. Чаб Право на забвение: новое право человека? // Digital Law Journal. – 2022. – Т.3 № 4. – С. 89-106.

[4] Петров Ю.Н. Право на забвение: понятие, содержание, проблемы законодательного регулирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – №3 (67). – С. 310-315.

[5] Беззатеева В.С. Использование идентификационной карты для защиты несовершенно-

летнего от деструктива и других угроз в сети Интернет // III Всероссийская научно практическая конференция «Социотехнические и гуманитарные аспекты информационной безопасности». ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». – 2022. – С. 24-28

References:

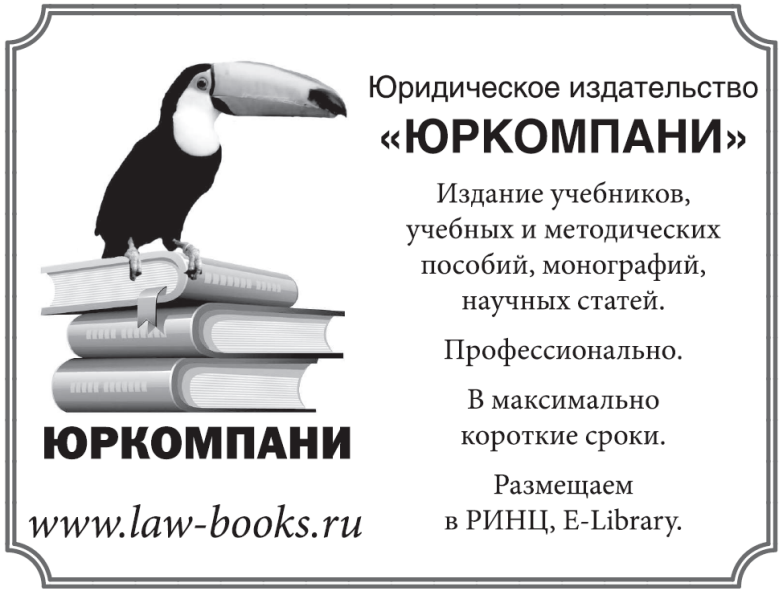
[1] Hisamova R.V. Features of the protection of children's rights on the Internet//Vestnik VSU. Series: Right. – 2025. – №2 (61). - P.105-113.

[2] Nynyuk R.N. Information security of children in the Russian Federation: implementation problems// Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2023. – №2 (26). - P.110-119.

[3] E. S. Chub Right to be Forgotten: A New Human Right ?//Digital Law Journal. – 2022. - T.3 No. 4. - S. 89-106.

[4] Petrov Yu.N. The right to oblivion: concept, content, problems of legislative regulation//Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – №3 (67). - S. 310-315.

[5] Bezzateeva V.S. Use of an identification card to protect a minor from destructive and other threats on the Internet//III All-Russian Scientific Practical Conference "Sociotechnical and Humanitarian Aspects of Information Security." FSBEI HE «Pyatigorsk State University.» – 2022. - S. 24-28



Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-750-753

ЯРЫГИН Дмитрий Александрович,
Аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет,
e-mail: dmitriyyar716@gmail.com

ПОНЯТИЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ И ЕЁ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

Аннотация. *В статье рассматривается понятие «информатизация» и определяется воздействие данного процесса на юридические факты. В научном сообществе до сих пор ведутся дискуссии относительно понятия «информатизация». Информатизация – это сложноорганизованный процесс насыщения пространства информационными технологиями для решения социально-экономических задач.*

Значение юридических фактов велико, и когда встречаются новые сложности и новые проблемные аспекты в их существовании, это всегда отражается на правовой действительности и формировании правовых процессов в целом, в связи с чем происходят процессы трансформации юридических фактов к новым условиям действительности.

Информатизация позволяет автоматизировать процессы правоприменения, что может повысить эффективность и скорость рассмотрения дел. Информатизация непосредственно воздействует на юридические факты и правоприменение в целом. Переход на электронные документы, автоматизация процессов и изменение правосознания граждан создают новые возможности и вызовы для правовой системы. Необходимость адаптации законодательства и правоприменительной практики к новым условиям становится актуальной задачей для юристов и законодателей.

Ключевые слова*: информатизация, правореализация, общество, государство, юридические факты, искусственный интеллект, решение суда.*

YARYGIN Dmitry Alexandrovich,
Postgraduate student, Department of Theory and History of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal University

THE CONCEPT OF INFORMATIZATION AND ITS IMPACT ON LEGAL FACTS

Annotation. *The article examines the concept of "informatization" and defines the impact of this process on legal facts. Discussions regarding the concept of "informatization" are still underway in the scientific community. Informatization is a complex process of saturating the space with information technologies to solve socio-economic problems.*

The importance of legal facts is great, and when new difficulties and new problematic aspects of their existence are encountered, this always affects the legal reality and the formation of legal processes in general, and in this connection, processes of transformation of legal phenomena to new conditions of reality occur.

Informatization makes it possible to automate law enforcement processes, which can increase the efficiency and speed of case review. Today, informatization directly affects legal facts and law enforcement in general. The transition to electronic documents, automation of processes and changing the legal consciousness of citizens create new opportunities and challenges for the legal system. The need to adapt legislation and law enforcement practice to new conditions is becoming an urgent task for lawyers and legislators.

Key words: *informatization, legal realization, society, state, legal facts, artificial intelligence, court decision.*

Цифровые технологии – движущие механизмы, которые влияют на все сферы общества и государства. Не исключением стало существенное влияние процессов информатизации и цифровизации на систему права, правореализацию и ее составляющие. В данном исследовании, проводимого в настоящей статье, целесообразно, определить такую категорию как «правореализация», в блок механизмов которой входят юридические факты.

По мнению Ю.С. Решетова сущность процесса правореализации заключается в «воплощении в жизнь социальной воли, выраженной в виде общеобязательных государственно-властных велений» [1, с. 152]. Ю.С. Решетов также в своих трудах отмечает, что процесс правореализации и социальная функция права являются неотделимыми категориями, которые не могут существовать друг отдельно друга.

В условиях существования процесса правореализации важным блоком её механизмов являются юридические факты. Как отмечается в науке, «значение юридических фактов заключается в том, что они связывают право с жизнью, позволяют праву реагировать на изменения в общественных отношениях» [2, с.70]. Непосредственно юридические факты под влиянием динамичности и развития общественных процессов столкнулись с некоторыми проблемами или лучше сказать препятствиями, которые связаны с информатизацией.

По мнению В. В. Яркова юридические факты позволяют составить комплексную оценку системы правосудия. Именно юридические факты оценивают эффективность, реальность существования судебной системы, осуществления инструментов защиты и позволяют оценить роль суда в формировании правовой реальности, которая продиктована современной действительностью [3, с. 6].

Несомненно, значение юридических фактов велико, и когда встречаются новые сложности и новые проблемные аспекты в их существовании, это всегда отражается на правовой действительности и формировании правовых процессов в целом.

Учитывая важность вышеописанных процессов, определим понятие «информатизация» в рассматриваемом контексте. В национальном законодательстве на сегодняшний день не интерпретирован данный термин открыто, как это было ранее в редакции Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации». Так, в ст. 2 указанного нормативного акта было дано толкование термина «информатизация». Так, ранее законодатель под информатизацией понимал определенный организационный процесс, который реализуется посредством информационных ресурсов для удовлетворения потребностей общества, организаций и органов власти.

Можно предположить, что причиной исключения данной трактовки является то, что такая интерпретация в складывающихся условиях общественной и государственной организации не совсем отражает суть понятия «информатизации».

В действующем Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в пп. 1, п. 1, ст. 12 информатизация упоминается как процесс поиска, получения, передачи, производства и распространения информации с использованием информационных технологий. Вот так кратко законодатель обозначил что такое процесс информатизации.

В науке до сих пор ведутся дискуссии относительно понятия «информатизация». Особое место, по нашему мнению, стоит отвести интерпретации данного термина, которая дана В.В. Васильевым. Ученый обозначает информатизацию как степень проникновения данного явления в общественные и экономические процессы [4, с.12].

Резюмируя сказанное, информатизация – это сложноорганизованный процесс насыщения пространства информационными технологиями для решения социально-экономических задач. Учитывая сложность данного процесса, рассмотрим его воздействие на юридические факты в настоящее время.

В настоящее время, игнорирование возможности оценки реальных сведений, имеющих значение по делу без установления их через институт юридических фактов и без учета использования ЭВМ, явно приводит к ошибкам при осуществлении правосудия, что негативно отражается на ожиданиях граждан при судебной защите нарушенных прав. Следовательно, установление юридических фактов в условиях информатизации деятельности судов должно обрести осмысление и обновление в гражданском процессуальном законодательстве.

Сделанный вывод обоснован еще экономически. Затраты федерального бюджета для целей только информирования судебных органов, без придания процессуальных гарантий лицам, участвующим в деле, не отвечают требованиям социального развития государства, в том числе судебной власти. Судебная власть и все, что с ней связано, существует для граждан (их прав, интересов и свобод), а не наоборот.

Информатизация и цифровизация - это обособленные институты, с которыми необходимо считаться как обществу, так и государству. Именно

вовлечение данных институтов в жизнеоборот меняет современные реалии, создавая новые явления и правовые феномены.

Государство и общество пытается больше вовлечь как процесс информатизации, так и процесс цифровизации в сферы жизни общества, в том числе это отражается на законодательном уровне. Тому примером является Указ Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» принята Национальная Стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. В данном нормативном акте содержатся рекомендации для исполнительных органов власти страны.

Влияние процессов информатизации и цифровизации на юридические факты приведём на примере решения суда, являющегося непосредственно тем фактом, который приводит к возникновению, изменению и прекращению набора прав и обязанностей.

По своей сути решение судебного органа - это результат. Такой результат урегулирует определённые общественные отношения в рамках сложно-организованного процесса. Соответственно, учитывая развития технологий в институтах информатизации и цифровизации и относительно такому юридическому факту как решение суда, зададимся вопросом: возможно ли при наборе информационных технологических инструментов получить качественный результат правооборота в виде решения суда.

Прецедент появления так называемого электронного решения суда посредством компьютерных программ, где заложены алгоритмы создания соответствующих юридических фактов, был создан компанией ELL Partnership и OmniCode. Прецедент основывался на разрешении спора, возникшего из семейных правоотношений, связанного с присуждением алиментов на содержание детей. Данный алгоритм предусматривал создание решения, в основу которого лежат определённые вводные. Оценить качество такого решения не представляется возможным, в виду того, что всё-таки в современных реалиях искусственный интеллект, сопряженный с процессами информатизации являются неприменим при создании решений судов.

Несомненно, возможность создания посредством информатизации и цифровизации решений по различным категориям дел есть, учитывая постоянное развитие технологий, но вот нравственно общество не готова к принятию такой позиции, чтобы «машина» решала судьбу человека.

Безусловно процессы информатизации облегчают деятельность, например, судебной системы. Такие улучшения подталкивают и общество, и государство на создание новых инструментов и механизмов информатизации, которые позволят разгрузить судей, аппарат суда, заинтересованные службы. Но делать это нужно постепенно, с учётом правосознания и доверия общества к процессам информатизации.

Чтобы проследить суть трансформационных процессов юридических фактов в условиях и под влиянием информатизации, обратимся к их признакам и проследим процессы изменений.

Во-первых, юридическим фактом признается такое обстоятельство, которое выражается вовне определенным образом (документ, физическое действие, событие и др.). Но данное понимание характерно для традиционного восприятия. Под влиянием цифровизации в первую очередь юридические факт приобретает цифровое воплощение, а именно в виде цифровых данных и записей.

Во-вторых, юридический факт – это обстоятельство, которое выражается в наличии либо отсутствии явлений материального мира. Традиционная привязанность юридического факта к объектам и действиям материального мира сильно изменилась под влиянием цифровизации, что выражено в таких процессах как виртуализация, дематериализация объектов. Существование юридического факта в виртуальной среде и его частая дематериализация (владение и распоряжение относится, в частности, не к материальному объекту, а цифровому праву: лицензия на ПО и др.) смогли видоизменить данный признак.

В-третьих, юридический факт как обстоятельство, содержащие информацию о состоянии общественных отношений трансформировалось ввиду процесса их оцифровывания и отражения в потоках данных в реальном времени (платежные транзакции, данные геолокации и др.). К тому же, состояние общественных отношений благодаря информатизации стало поддаваться не только анализу, но и прогнозированию.

В-четвертых, традиционно юридический факт как обстоятельство, которое предусмотрено в нормах права, подразумевает собой описание его с помощью абстрактных оценочных категорий («разумный срок», «существенное нарушение» и др.). Но на сегодняшний день правовые нормы находятся в процессе интеграции в программное обеспечение, возникают новые виды фактов, которые не регулируются законодательно (майнинг, блокчейн и др.)

В-пятых, закрепление юридического факта в законодательно установленной процессуальной форме (нотариальное удостоверение и др.) под влиянием процессов информатизации приобре-

тает новое видение. Так, закрепление юридического факта происходит через электронные реестры, заверение ЭЦП и др., тем самым выражения юридического факта в цифровой процессуальной форме.

В-шестых, юридический факт как обстоятельство, влекущие за собой предусмотренные в законе правовые последствия требовали участия человека и были разделены во времени, но под влиянием процессов информатизации происходит в первую очередь автоматизация таких последствий (последствия наступают мгновенно) и происходит «смещение» роли человека в данном процессе.

Таким образом, трансформация юридических фактов и их признаков под влиянием информатизации не отменяет саму теорию данных правовых явлений, но несомненно вносит новшества и цифровое содержание посредством изменения юридических фактов их статичных материальных событий, в динамичные, виртуальные и машиночитаемые потоки данных.

Подводя итог, можно сделать вывод, что юридические факты представляют собой события или действия, которые имеют правовые последствия.

В традиционном праве юридические факты фиксируются и интерпретируются с использованием бумажных документов и устных свидетельств. Однако с развитием технологий происходит изменение как самих фактов, так и способов их фиксации и доказательства.

Исследование также показало, что информатизация позволяет автоматизировать процессы правоприменения, что может повысить эффективность и скорость рассмотрения дел. Именно информатизация влияет не только на юридические факты, но и на правосознание граждан.

Информатизация оказывает значительное влияние на юридические факты и правоприменение. Переход на электронные документы, автоматизация процессов и изменение правосознания граждан создают новые возможности и вызовы для правовой системы. Необходимость адаптации законодательства и правоприменительной практики к новым условиям становится актуальной задачей для юристов и законодателей.

Тем самым, важно учитывать как положительные, так и отрицательные аспекты информатизации, чтобы обеспечить эффективное функционирование правовой системы в условиях цифровой эпохи.

Список литературы:

[1] Решетов Ю.С. Характерные черты реализации права // ВЭПС. 2013. №3. С. 152-158.

[2] Юридические факты и их влияние на отраслевые институты права: проблемы и направления развития монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва: Проспект, 2021. 536 с.

[3] Ярков В.В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 582 с.

[4] Васильев В.В. Мониторинг информатизации: показатели, методология: монография. М.: Изд–во «Палеотип», 2005. 160 с.

References:

[1] Reshetov Yu.S. Characteristic features of the implementation of law//VEPS. 2013. №3. S. 152-158.

[2] Legal facts and their influence on sectoral institutions of law: problems and directions of development monograph/under the general. ed. V.N. Sinyukova, M.A. Egorova; O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA). - Moscow: Prospect, 2021. 536 pp.

[3] V.V. Yarkov. Legal facts in the civil process. M.: Infotropic Media, 2012. 582 p.

[4] Vasiliev V.V. Informatization monitoring: indicators, methodology: monograph. M.: Publishing house «Paleotype,» 2005. 160 s.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-754-759

ШУРОВ Елисей Алексеевич,
Аспирант, кафедра государственного права,
юридический факультет, Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ И ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. *В статье анализируются основные подходы к правовому регулированию экологической экспертизы и оценки воздействия на окружающую среду (ЭЭ/ОВОС) на примере США, Европейского союза и Китая. Системы ОВОС всех стран объединяет обязательность предварительной экологической оценки крупных проектов, участие государственных органов и общественности в процессе принятия ключевых решений по проектам, а также мониторинг в части исполнения экологических требований. Специфика различных государств заключается в степени участия социума, жесткости санкционных мер, автоматизации контроля, а также значительности интеграционных составляющих нормативных процедур. Наиболее демократичный и прозрачный подход присущ США и ЕС, жесткая централизация типична для Китая. Выявлены достоинства и недостатки представленных систем, а также определены современные тенденции развития ОВОС в мире. Сделан вывод о необходимости объединения лучших международных практик для разработки и усовершенствования отечественной модели ОВОС с целью повышения эффективности экологической экспертизы и доверия общества.*

Ключевые слова: *ОВОС, экологическая экспертиза, проект, мониторинг, Закон, государственный контроль, публичные слушания, альтернативы проекта, общественное участие, санкции, автоматизация, зарубежный опыт, устойчивое развитие.*

SHUROV Yelisey Alekseevich,
Postgraduate Student, Department of State Law,
Faculty of Law, A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University

LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENTAL EXPERT REVIEW AND ENVIRONMENTAL IMPACT ASSESSMENT: INTERNATIONAL EXPERIENCE

Annotation. *The article analyzes the main approaches to regulating environmental impact assessments and environmental impact evaluations (EIA/EE) using the example of the United States, the European Union, and China. The EIA systems of all countries are united by the mandatory pre-approval of major projects, the involvement of government agencies and the public in the decision-making process, and the monitoring of compliance with environmental requirements. The specifics of different countries lie in the degree of public participation, the severity of sanctions, the automation of control, and the significance of the integration components of regulatory procedures. The United States and the European Union have the most democratic and transparent approach, while China has a highly centralized system. The article identifies the advantages and disadvantages of these systems and examines current trends in the development of EIA worldwide. It is concluded that*

it is necessary to combine the best international practices in order to develop and improve the domestic EIA model in order to increase the effectiveness of environmental impact assessments and public trust.

Key words*: EIA, environmental impact assessment, project, monitoring, Law, state control, public hearings, project alternatives, public participation, sanctions, automation, international experience, sustainable development.*

Глобальный экологический кризис и экспансия хозяйственной деятельности в различных сферах жизни человечества заставляет искать эффективные механизмы регулирования воздействия на окружающую среду. Основными инструментами предупреждения и минимизации негативных последствий от реализации проектов являются оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) и экологическая экспертиза (ЭЭ). Международный опыт аккумулирует разнообразие подходов к организации этих процессов, что позволяет принимать оптимальные решения для национальных систем.

Российская Федерация, ставя во главу угла устойчивое развитие и интеграцию в мировое экономическое пространство, принимает активные меры по совершенствованию внутренней системы ОВОС и ЭЭ. Анализ лучших практик, существующих в мире на данный момент, представляется важным для повышения эффективности.

Актуальность темы связана с потребностью трансформации российского законодательства в области охраны окружающей среды, исходя из реалий современного мира, усиления требований к экологической безопасности, а также стремления России соответствовать международным экологическим стандартам. Сравнительный анализ в этой области с крупнейшими странами мира (США, ЕС, Китай) дает возможность вскрыть сильные и слабые стороны российской практики, а также обозначить направления развития, способствующие более эффективной реализации проектов с минимальным воздействием на природу и здоровье человека.

В *таблице 1* представлен краткий сравнительный анализ международного опыта регулирования экологической экспертизы (ЭЭ) и оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) на примере ключевых экономически развитых стран.

Таблица 1. Примеры международного опыта регулирования экологической экспертизы (ЭЭ) и оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС)

Страна	Система ОВОС/ЭЭ
США	National Environmental Policy Act (NEPA) – обязательная ОВОС с общественными слушаниями
ЕС	Директива 2011/92/EU – единый стандарт ОВОС для стран-членов, строгие требования к отчетности
Китай	ОВОС обязательна для большинства проектов. Система ОВОС включает Закон КНР «Об охране окружающей среды» (Environmental Protection Law), а также Закон «Об оценке воздействия на окружающую среду» (EIA Law, 2003).

Подробно проанализируем представленные системы.

1. Американский опыт. Система экологической экспертизы и мониторинга воздействия на окружающую среду в США признана мировым сообществом как самая обширная и институционально развитая. Ее фундаментом является Национальный закон о политике в области окружающей среды (NEPA, 1969) [1], который представляет из себя базу для ОВОС/ЭЭ всех федеральных проектов. Главная задача документа – обеспечить максимально выверенное принятие решений с точки зрения аспектов экологического контроля, публичную прозрачность и контроль за исполнением предписаний.

Следует отметить, что в Законе напрямую нет алгоритмов регулирования загрязнений, равно

как и нет конкретики относительно экологических стандартов, однако он порождает процедурную основу, налагающую на федеральные агентства обязанность оценки экологических последствий своих предлагаемых проектов и решений перед их внедрением.

Основными целями NEPA являются:

1) оценка экологического воздействия, заключающаяся в том, что федеральным агентствам вменяется подготовка запроса об экологическом воздействии для любых федеральных действий (будь то строительство, финансирование, лицензирование и т. д.), которые оказывают значительное влияние на качество окружающей среды;
2) информированное принятие решений на основе анализа агентствами альтернативных точек зрения и проектных решений, в которых публично раскрыты экологические последствия предполагаемых действий:
3) обязательное вовлечение общественности в процесс экологической проверки для влияния на принимаемые решения;
4) минимизация экологического вреда путем внедрения мер по его смягчению, влияющих на принятие и реализацию проекта.

Закон NEPA основан на запросе об экологическом воздействии (EIS), который представляет из себя документ, анализирующий потенциальные экологические последствия планируемого проекта для окружающей среды, включая прямые, косвенные и кумулятивные эффекты. Он конкретизирует как достоинства, так и недостатки проекта, что позволяет уполномоченным органам сопоставить выгоды с потенциальным вредом для окружающей среды экосистемы.

Сам процесс экологической экспертизы обычно сдержит четыре стадии. Вначале непосредственно идет инициация проекта, когда Федеральное ведомство определяет, подпадает ли проект под действие NEPA. Следующим шагом является подготовка Environmental Assessment (EA), включающая краткую оценку потенциального воздействия проекта на экосистему. Если риски незначительные, то процесс завершается составлением документа, в котором объясняется, почему проект не окажет значительного воздействия на окружающую среду – Finding of No Significant Impact (FONSI).

Следующей стадией является составление Environmental Impact Statement (EIS) – официального документа, который объясняет, как предлагаемый проект может повлиять на окружающую среду. Он представляет из себя полный детальный отчет о воздействиях, способах смягчения, а также анализа альтернатив. В итоге составляется Record of Decision (ROD) –документ, который излагает решения, принятые Агентством EPA в отношении запроса о воздействии на окружающую среду в рамках Национального закона о политике.

Агентство EPA (Environmental Protection Agency) занимается проверкой всех документов EIS на соответствие требованиям NEPA. После анализа документов оно представляет свои комментарии в области экологической оценки для точности и научной обоснованности.

Таким образом, система регулирования экологической экспертизы в США представляет пример комплексного, прозрачного и публичного процесса, когда каждый этап (оценка, согласование, мониторинг) взаимосвязан и документально подтвержден. Достигается максимальная защита окружающей среды, однако это требует существенных ресурсов, а также профессионализма специалистов и активного участия общества.

2. Далее обратимся к опыту Европейского Союза. Директива 2011/92/EU «Об оценке воздействия некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду» [2] – единый стандарт ОВОС для стран-членов ЕС. Ее основное предназначение – создание и функционирование единых правил проведения ОВОС всеми организациями, разрабатывающими крупные проекты, независимо от принадлежности (государственные или частные).

Директива ставит целями обеспечение комплексного, прозрачного и эффективного экологического контроля, а также предотвращение или минимизация негативного воздействия на окружающую среду, а также здоровье людей.

Таблица 2 содержит конкретизацию ключевых принципов и этапов данной Директивы

Таблица 2. Ключевые этапы Директивы 2011/92/EU

Этап/аспект	Описание
Охват масштаба проектов	Общеобязательна для наиболее крупных проектов в области инфраструктурного развития, промышленных объектов, энергогенерирующих компаний, а также утилизации отходов и др.

Этап/аспект	Описание
Скрининг	Определение необходимости ОВОС для конкретного проекта на основании перечня категорий, требующих детальной оценки.
Скоупинг	Определение объемов работ посредством анализа границ и содержания оценки предполагаемых воздействий
Оценка воздействия (EIA)	Составление подробного отчета об экологическом воздействии, разработка альтернатив, прогнозов, рекомендаций по минимизации ущерба.
Вовлечение общественности и консультации	Открытые публичные слушания, а также организация обратной связи в части отзывов и предложений от всех заинтересованных сторон.
Межгосударственная координация	Для трансграничных проектов – обязательное уведомление государств-соседей для совместных обсуждений и мониторинга.
Принятие решения	На основании подготовленного отчета ОВОС, а также итогов публичных слушаний, органы власти осуществляют выдачу разрешений на строительство (или реализацию проекта).
Мониторинг	Всеобъемлющий контроль в области проверки экологических условий после начала реализации проекта.

Ключевыми моментами Директивы можно отметить локальную адаптацию единого стандарта, когда каждая страна ЕС подстраивает единые требования в области содержания и процедур ОВОС, закрепляя их в национальном законодательстве, учитывая специфику своей страны.

Также стоит отметить строгие процедурные аспекты отслеживания и отчетности, выражающиеся в обязательной регистрации и надзоре любого проекта, который подпадает под действие Директивы.

Важным моментом данного документа является, безусловно, его трансграничный характер, предполагающий информирование и обсуждение со странами-партнерами в случае влияния проекта на окружающую среду соседней страны.

Несомненным достоинством документа является также его публичность и максимальная прозрачность, выражающиеся в опубликовании для общественности документации о проведенной оценке и принятому решению.

Среди преимуществ системы, существующей в Европе, можно отметить реально действующую систему ответственности бизнеса и власти перед социумом; высокие стандарты экологической защиты; сокращение доли проектов, которые предполагают критические негативные последствия для экологии и общества в целом; применение инновационных подходов в области строительства и проектирования.

Однако, как и у любого документа, у Директивы есть и непроработанные до конца юридические и практические аспекты. Среди основных отметим рост административных барьеров вследствие сложности и длительности процедурных моментов; разногласия и противоречия применения некоторых аспектов Директивы в отдельных странах ЕС; неоднородная степень вовлечения общества по странам ЕС, а также разное качество национального контроля, влияющие на воплощение результатов ОВОС.

Таким образом, Директива 2011/92/EU может считаться одним из самых твердых и эффективных инструментов экологической экспертизы в европейской практике. Ее положения создают условия для максимальной прозрачности, широкого участия общества и межгосударственной экологической координации. Данный документ может служить образцом системного, интегрированного и юридически обоснованного подхода к ОВОС. Внедрение подобного рода стандартов играет весомую роль в повышении экологической безопасности и доверии социума к развитию инфраструктуры и промышленности.

3. Проанализируем систему ОВОС Китайской народной республики, которая включает Закон КНР «Об охране окружающей среды» (Environmental Protection Law) [3], а также Закон «Об оценке воздействия на окружающую среду» (EIA Law, 2003) [4].

Система ОВОС предполагает обязательную оценку большинства крупных проектов в части влияния на окружающую среду до принятия решения по проекту, а также строгий государственный контроль в этой области. Проекты подразделяются на категории, исходя из уровня потенциального риска. Специфика процедур ОВОС представлена в *таблице 3.*

Таблица 3. Этапы проведения ОВОС в Китае

Этап процедуры	Описание
Идентификация проекта	Определяется потребность проведения ОВОС с присвоением категории риска (от комплексной экспертизы до уведомления).
Подготовка отчета ОВОС	Компетентные лица дают оценку воздействия проекта на водные ресурсы, биоразнообразие, воздух, почвенный покров. Проводится также анализ альтернативных решений и мер, смягчающих негативные последствия.
Проверка и утверждение	Отчетная документация направляется в местные (провинциальные), либо же центральные органы экологической защиты (Министерство экологии и окружающей среды Китая)
Общественное обсуждение	Для наиболее крупных и значимых проектов предусмотрено публичное консультирование с общественностью; итоги мнения социума учитываются при утверждении проекта.
Внедрение и мониторинг	После утверждения вводится обязательный государственный контроль в области исполнения экологических требований.

Характерными особенностями китайской модели ОВОС является жесткая вертикаль подчинения, когда экологические органы центрального уровня имеют право пересмотра или блокировки решений местных органов.

В крупных городах и провинциях внедрена система автоматизированного экологического мониторинга, которая позволяет быстро обрабатывать большой массив документов, сохраняя при этом тщательный уровень его проработки и анализа.

Среди безусловных достоинств системы следует отметить механизм жесткого государственного контроля, когда республика имеет право вмешиваться и наказывать за нарушения в области ОВОС; внедрение современных IT-систем в области мониторинга, а также онлайн-отчетность; ОВОС обязательна для большинства отраслей промышленности, а также инфраструктуры и сельского хозяйства; установлена система штрафов и строгих санкций, включая остановку проектов, за несоблюдение экологических требований.

Проблемными аспектами пока остаются недостаточный учет рисков по проектам из-за шаблонности составления документальной базы проектов; формализованность и коррупционная составляющая, присущая местному бюрократическому уровню, а также малым и средним предприятиям; полное игнорирование мнения общественности в сельских районах, а также послабление к нарушениям в области ОВОС, если это затрагивает государственные интересы в аспекте экономического роста страны.

Таким образом, системе ОВОС Китая присуща высокая степень централизации при наличии эффективной нормативной базы и реальных санкций за экологические нарушения. Вместе с тем, остается проблемное поле в области формализации подхода и недостаточного общественного контроля, что предполагает дальнейшую модернизацию, в том числе ориентацию на лучшие международные практики по общественному участию и информированию.

Проанализировав зарубежный опыт ОВОС, можно заключить, что во всех рассмотренных странах ОВОС выступает ключевым инструментом устойчивого развития, так как процедуры оценки проектов охватывают все стадии, начиная с анализа альтернатив, заканчивая оценкой воздействия на экосистемы и здоровье социума.

Обязательными этапами всех представленных систем является мониторинг и общественное участие, однако, степень вовлечения и прозрачности имеют существенное отличие по странам.

Большинство стран осуществляют правовую защиту от непродуманного строительства и индустриализации.

Таким образом, система ОВОС в крупнейших странах представляет собой баланс между развитием экономики и защитными механизмами правового регулирования окружающей среды. США и ЕС делают основной акцент на прозрачности и общественном контроле, в то время как Китай достигает эффективности путем обеспечения жесткой вертикали, а также правовой системы наказаний. Для России в этом аспекте необходимо перенимать опыт и лучшие практики ЕС и США в области прозрачности процедур и принимаемых решений; создавать и внедрять российские системы автоматизированного мониторинга по примеру китайской модели. В российском контексте полезно учитывать китайский опыт категорийности проектов и «жесткой руки государства» как элементов правоприменительной практики повышения эффективности экологической экспертизы. Современная ОВОС – это не только оценка специалистов и экспертов, но и правовой инструмент доверия социума, позволяющий предотвращать конфликты и осуществлять стратегическое планирование природопользования.

Список литературы:

[1] Закон о Национальной экологической политике [Электронный источник] // Режим доступа: URL: https://www.epa.gov/nepa (дата обращения 18.08.2025)

[2] Директива 2011/92/ЕС Европейского Парламента И Совета от 13 декабря 2011 года «Об оценке воздействия некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду» (кодификация) [Электронный источник] // Режим доступа: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32011L0092 (дата обращения 18.08.2025)

[3] Закон КНР об охране окружающей среды от 26 декабря 1989 года [Электронный источник] // Режим доступа: URL: https://asia-business.ru/law/law2/resources/environment/ (дата обращения 20.08.2025)

[4] Пересмотренная редакция Закона Китайской Народной Республики об оценке воздействия на окружающую среду 2016 года [Электронный источник] // Режим доступа: URL: https://www.waizi.org.cn/law/11686.html (дата обращения 20.08.2025)

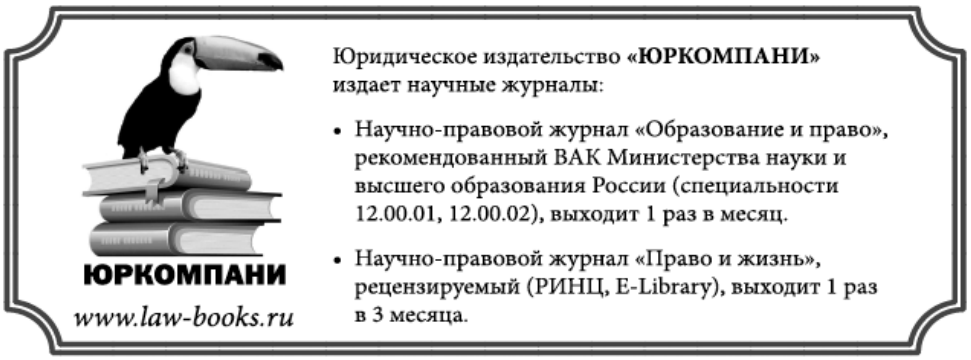
References:

[1] National Environmental Policy Act [Electronic Source]//Access Mode: URL: https://www.epa.gov/nepa (Accessed on 18.08.2025)

[2] Directive 2011/92/EC of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 “On the assessment of the environmental impact of certain public and private projects” (codification) [Electronic source]//Access mode: URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-%3A32011L0092 (date of reference 18.08.2025)

[3] PRC Environmental Protection Law of December 26, 1989 [Electronic Source]//Access Mode: URL: https://asia-business.ru/law/law2/resources/environment/ (Accessed on 20.08.2025)

[4] Revised Version of the Environmental Impact Assessment Law of the People’s Republic of China 2016 [Electronic Source]//Access Mode: URL: https://www.waizi.org.cn/law/11686.html (Accessed on 20.08.2025)



Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-760-764

КОНЕВ Сергей Игоревич,
к.ю.н., старший преподаватель кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
e-mail: konev.s@gubkin.ru

СЛЮЗАР Кристина Игоревна,
студентка 4 курса факультета комплексной безопасности ТЭК РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕЛЁНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕНИЯ НЕСТАБИЛЬНОСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. *Статья посвящена анализу влияния российско-украинского конфликта на реализацию «зелёной стратегии», в том числе и на отношения между Российской Федерацией и Европейским Союзом по вопросам энергетики. Рассматриваются ключевые программы, такие как European Green Deal и REPowerEU, направленные на сокращение зависимости от российских энергоносителей. Авторы выделяют противоречия энергоперехода, включая временный возврат к углю и признание газа и атома «зелёными» источниками. Подчёркивается, что дальнейшее развитие зелёной энергетики в ЕС зависит от геополитической ситуации, внутренней консолидации и поиска альтернативных поставщиков.*

Ключевые слова: *«зелёная сделка»; зелёная энергетика; энергопереход; административное право, регулирование.*

KONEV Sergey Igorevich,
Ph.D., Senior Lecturer, Department of Public and International Legal Support of National Security, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (NRU)

SLUZAR Kristina Igorevna,
4th year student of the Faculty of Integrated Safety of the Fuel and Energy Complex of the Russian State University of Oil and Gas (NRU) named after I.M. Gubkin

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF GREEN ENERGY IN CONDITIONS OF INCREASING INSTABILITY OF THE ENERGY TRANSITION OF THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION

Annotation. *The article analyzes the impact of the Russian-Ukrainian conflict on the implementation of the Green Strategy, including relations between the Russian Federation and the European Union on energy issues. Key programs such as the European Green Deal and REPowerEU aimed at reducing dependence on Russian energy resources are being considered. The authors highlight the contradictions of the energy transition, including a temporary return to coal and the recognition of gas and atom as "green" sources. It is emphasized that the further development of green energy in the EU depends on the geopolitical situation, internal consolidation and the search for alternative suppliers.*

Key words: *Green Deal; green energy; energy transition; regulation, state law.*

Зелёная энергетика в условиях глобального кризиса международных отношений в Евросоюзе очень четко определяется финансовыми аспектами, особенно в свете отношений между Россией и Украиной. Эти события негативно сказались на энергетической безопасности стран-членов ЕС, подчеркивая уязвимость, которая связана с зависимостью от ископаемых источников энергии. Однако, необходимо понимать, что переход на зелёные источники энергии, хотя и представляет собой «необходимый» шаг к повышению энергетической независимости, фактически отходит на второй план, так как соответствующие финансовые вложения и экономические реалии становятся основными приоритетами в условиях современного кризиса.

В последние годы Евросоюз действительно проявил интерес к развитию зелёной энергетики, потратив немало ресурсов на проекты, связанные с ветровой, солнечной и биомассовой энергией. Тем не менее, когда речь идет о реализации таких инициатив, в первую очередь встает вопрос финансирования и рентабельности. Европейская зеленая сделка, представленная в декабре 2019 года и направленная на углеродную нейтральность к 2050 году, нередко рассматривается не столько как экологическая инициатива, сколько как средства для привлечения инвестиций. Пакет «Зеленый пакт для Европы», с амбициозной целью мобилизации более 1 триллиона евро, больше говорит о желании выйти на прибыльные рынки зеленых технологий, нежели о настоящем стремлении к экологическому прогрессу.

Несмотря на имеющиеся достижения, важно подчеркнуть, что в контексте серьезного финансового давления многие проекты в области зелёной энергетики могут быть минимизированы или вовсе отложены, что является весьма оправданным решением. Связь в структуре энергоснабжения ЕС все еще остается зависимой от углеводородов, а эта зависимость создает значительные преграды для любого реального перехода на устойчивые энергорешения. По данным Евростата, в 2021 году около 45% всего потребляемого в Европе природного газа поступало из России [3], что подчеркивает, насколько для Европы критически важно заменить эти объемы в условиях текущих геополитических изменений. Однако, по оценкам Европейской комиссии, для достижения энергетической независимости потребуется увеличить производство возобновляемых источников энергии на 25% в ближайшие десять лет [2], что станет значительным вызовом для ряда стран-членов.

Прежде всего, не следует забывать о повышении цен на энергоресурсы. Цена на газ к 2024 году снизилась с пиковых значений в семь раз. В среднем по Европе цены на электроэнергию для домохозяйств выросли [1] в 2023 году на 47% — с €0,1515 ($0,17) за киловатт-час (КВт/ч) до €0,2226 ($0,24) за КВт/ч, свидетельствуют данные Евростата. Дополнительно, скачок цен на нефть и газ влияет не только на уровень благосостояния граждан, но и на уровень инфляции. Кроме того, вопрос доступности и надежности поставок энергии ставит Европу в особенно уязвимое положение.

Американский СПГ сыграл важную роль, когда Европе нужно было компенсировать объемы газа [10], выпавшие после остановки «Северного потока». До этого поставки из США были довольно скромными. В 2025 году, по подсчетам Reuters, на долю США приходилось уже почти 17% импорта газа в ЕС. Они занимают третье место среди всех поставщиков: на первом — Норвегия (33,6%), на втором — Россия (18,8%). В 2024 году доля России, как ожидается, опустится ниже 10% — на фоне прекращения транзита трубопроводного газа через территорию Украины. Теперь поставки из России в основном будет обеспечивать компания «Новатэк». Позиции «Газпрома» на рынке СПГ слабы. Европа, возможно, придет к выводу, что в краткосрочной перспективе полный отказ от российского газа ей невыгоден. Безопаснее иметь дело с двумя умеренными зависимостями, чем с одной острой. «Нам нужна диверсификация маршрутов, нельзя полагаться на один-два источника, — говорит в интервью Reuters глава французской компании TotalEnergies Патрик Пуянне. - Европа уже не вернется к прежним 150 млрд кубометров из России… Но я бы поставил на 70 млрд [9]».

Условия, на которых ЕС мог бы нарастить поставки газа из России, пока не ясны. Европейская комиссия может предложить странам ЕС ограничить сотрудничество с Россией с помощью торговых инструментов — таких, как квоты или пошлины, говорят источники Bloomberg и Reuters, знакомые с обсуждениями, которые сопровождали подготовку дорожной карты. О том, как это могло бы работать, рассказывается в материале аналитического центра Bruegel [8]. Более предпочтительным вариантом названы пошлины. Они помогли бы ЕС ограничить доходы России, но при этом оставили бы возможность при необходимости увеличивать закупки. Аккумулированные средства можно было бы направить на поддержку стран, которым особенно трудно дается перестройка экспортных потоков — тех же Венгрии и Словакии. Открытым, однако, остается вопрос диверсификации поставок. Ранее DW сообщала, что американские инвесторы заинтересованы в том, чтобы взять под контроль экспорт российского газа в Европу [11]. В частности, они стремятся восстановить и контролировать газопровод «Северный поток – 2». Представитель ХДС/ХСС

Томас Барайс как раз и заявил, «конечно, газ может снова пойти по трубопроводу — под контролем США». Кроме того, по данным Reuters, в проекте нового соглашения о доступе США к украинским полезным ископаемым предусмотрена передача им контроля над газотранспортной системой страны.

Таким образом, в условиях глобальных экономических изменений и текущей геополитической напряженности, ситуация лишь усложняется. Энергетические стратегии стран ЕС должны учитывать не только текущие потребности, но и долгосрочные планы по устойчивому развитию. Эта предпосылка стала основанием для запуска инициативы REPowerEU [5].

По своей юридической сути, указанная инициатива, представляет собой дорожную карту с элементами нормотворчества, координации и финансового регулирования, которые включают в себя:

– ускоренные процедуры выдачи разрешений на объекты ВИЭ;
– временное ослабление антимонопольного регулирования;
– централизованные закупки газа через механизмы Европейской комиссии;
– упрощенные процедуры оценки воздействия на окружающую среду

Система управления энергетикой ЕС опирается на институциональную связку между национальными регуляторами и центральными органами ЕС (в первую очередь — Европейской комиссией, Агентством по сотрудничеству энергетических регуляторов (ACER) и Советом европейских регуляторов CEER). В условиях энергетического дефицита было выработано несколько административно-правовых решений. Во-первых, применение общих регламентов, определяющих технические и рыночные стандарты подключения, передачи и распределения электроэнергии на трансграничном уровне, например, Demand Connection Code от 17 августа 2016 г [14]. Во-вторых, внедрение процедур мониторинга и отчетности, которые позволяют контролировать процесс выполнения целей и показателей плана энергоперехода [7]. И, в-третьих, создание дорожных карт по синхронизации энергосистем стран. В качестве примера можно назвать интеграцию стран Балтики в энергосиситему континентальной Европы [13].

В целом право ЕС закрепляет принцип устойчивого развития как кросс-секторальный ориентир в политике. Это означает, что любые регуляторные действия в энергетике — от выдачи разрешений до проектного финансирования — должны проходить через фильтр оценки долгосрочного воздействия на климат, биосферу и социальную справедливость. Как справедливо отмечает L. Krämer что «эффективное устойчивое регулирование возможно только при наличии действенного механизма принудительного исполнения» [4].

Приведенный анализ демонстрирует, что кризис стал катализатором административной дерегуляции в энергетике, вызвав пересмотр принципов управления, основанных на рыночной автономии. Одновременно с этим обострив ряд правовых проблем, связанных с отказом от поддержки ископаемой генерации [12], аннулированием лицензий на строительство и эксплуатацию атомных электростанций [15], пересмотром контрактов по механизму защиты инвестиций на основании Договора к Энергетической хартии [6]. ЕС применяет сложную нормативную модель с высокой степенью формализации административных процедур и сильной ролью наднациональных органов. В то время как Россия отдает предпочтение программно-целевому управлению, с опорой на вертикально интегрированные решения федеральных служб и агентств. Это затрудняет взаимодействие двух правовых систем в вопросах трансграничного регулирования и усложняет перспективы правовой гармонизации. А в условиях политического кризиса делает ее практически невозможной.

Список литературы:

[1] Energy price statistics // [Electronic resource] // https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/energy-prices (дата обращения: 15.02.2026).

[2] Five key action areas to put Europe's energy transition on a more orderly path // [Электронный ресурс]:McKinsey & Company. – URL: [https://www.mckinsey.com/capabilities/sustainability/our-insights/five-key-action-areas-to- put-europes-energy-transition-on-a-more-orderly-path](https://www.mckinsey.com/capabilities/sustainability/our- insights/five-key-action-areas-to-put-europes-energy-transition-on-a-more-orderly-path) (дата обращения: 15.02.2026).

[3] How Europe can cut natural gas imports from Russia significantly within a year // Электронный ресурс] : International Energy Agency (IEA). – URL: [https://www.iea.org/news/how-europe-can-cut-natural-gas-imports- from-russia-significantly-within-a-year](https://www.iea.org/news/how-europe-can-cut-natural-gas-imports-from- russia-significantly-within-a-year) (дата обращения: 04.10.2023).

[4] Krämer L. EU Environmental Law. – 10th ed. – Sweet & Maxwell, 2020. – С. 153–174.

[5] REPowerEU, Affordable, secure and sustainable energy for Europe // [Электронный ресурс]: https://commission.europa.eu/topics/energy/repowereu_en (дата обращения: 15.02.2026).

[6] Rockhopper подаст иск против Италии // [Электронны ресурс]: https://globalarbitrationreview.com/article/rockhopper-refile-claim-against-italy (дата обращения: 15.02.2026).

[7] State of the Energy Union Report 2023 (pursuant to Regulation (EU) 2018/1999 on the Governance of the Energy Union and Climate Action) // [Электронный ресурс]: https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vm7ligfgjvz1 (дата обращения: 15.02.2026).

[8] The future of European Union gas imports: Balancing different objectives // [Электронный ресурс] Bruegel. – URL: [https://www.bruegel.org/analysis/future-european-union-gas-imports-balancing-different- objectives](https://www.bruegel.org/analysis/future-european-union-gas-imports-balancing-different-objectives) (accessed: 15.02.2026).

[9] В ЕС захотели вернуть российский газ // [Электронный ресурс] : https://life.ru/p/1743747 (дата обращения: 15.02.2026).

[10] Европа «съедает» почти весь объем поставок СПГ из США // [Электронный ресурс] : LNG Expert. – 2025. – март. – URL: [https://lng.expert/2025/03/evropa-sedaet-pochti-ves-obem-postavok-spg-iz- ssha/](https://lng.expert/2025/03/evropa-sedaet-pochti-ves-obem-postavok-spg-iz-ssha/) (дата обращения: 15.02.2026).

[11] Макеев Н. Чем Европа сможет заменить российский газ зимой: эксперты назвали альтернативы // [Электронный ресурс]: Московский комсомолец (МК.ru).– URL: [https://www.mk.ru/economics/2022/10/16/chem-evropa-smozhet-zamenit-rossiyskiy-gaz-zimoy-eksperty-nazvali-alternativy.html](https://www.mk.ru/economics/2022/10/16/chem-evropa-smozhet-zamenit-rossiyskiy-gaz-zimoy- eksperty-nazvali-alternativy.html) (дата обращения: 15.02.2026).

[12] Милюкова М.А. Международно-правовой режим возобновляемых источников энергии : диссертация ... кандидата юридических наук : 5.1.5. / Милюкова Мария Андреевна; [Место защиты: ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» ; Диссовет MGIMO 5.1.5.0021]. - Москва, 2025. С.64

[13] Подписана политическая дорожная карта по синхронизации энергосистем стран Балтии и Континентальной Европы к 2025 году // // [Электронный ресурс]: https://www.ruscable.ru/news/2019/06/28/Podpisana_politicheskaya_dorozhnaya_karta_po_sinxr/ (дата обращения: 15.02.2026).

[14] Регламент Комиссии (ЕС) 2016/1388 от 17 августа 2016 г. Demand Connection Code // [Электронный ресурс]: https://www.entsoe.eu/network_codes/dcc/ (дата обращения: 15.02.2026).

[15] Шведская Vattenfall поддержала иск к властям ФРГ за отказ от АЭС // [Электронный ресурс]: https://lenta.ru/news/2012/07/12/vattenfall/ (дата обращения: 15.02.2026).

References:

[1] Energy price statistics // [Electronic resource] // https://www.iea.org/data-and-statistics/data-product/energy-prices (дата обращения: 15.02.2026).

[2] Five key action areas to put Europe's energy transition on a more orderly path // [Электронный ресурс]:McKinsey & Company. – URL: [https://www.mckinsey.com/capabilities/sustainability/our-insights/five-key-action-areas-to- put-europes-energy-transition-on-a-more-orderly-path](https://www.mckinsey.com/capabilities/sustainability/our- insights/five-key-action-areas-to-put-europes-energy-transition-on-a-more-orderly-path) (дата обращения: 15.02.2026).

[3] How Europe can cut natural gas imports from Russia significantly within a year // Электронный ресурс] : International Energy Agency (IEA). – URL: [https://www.iea.org/news/how-europe-can-cut-natural-gas-imports- from-russia-significantly-within-a-year](https://www.iea.org/news/how-europe-can-cut-natural-gas-imports-from- russia-significantly-within-a-year) (дата обращения: 04.10.2023).

[4] Krämer L. EU Environmental Law. – 10th ed. – Sweet & Maxwell, 2020. - S. 153-174.

[5] REPowerEU, Affordable, secure and sustainable energy for Europe // [Электронный ресурс]: https://commission.europa.eu/topics/energy/repowereu_en (дата обращения: 15.02.2026).

[6] Rockhopper will file a lawsuit against Italy//[Electronic resource]: https://globalarbitrationreview.com/article/rockhopper-refile-claim-against-italy (date of appeal: 15.02.2026).

[7] State of the Energy Union Report 2023 (pursuant to Regulation (EU) 2018/1999 on the Governance of the Energy Union and Climate Action) // [Электронный ресурс]: https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j9vvik7m1c3gyxp/vm7ligfgjvz1 (дата обращения: 15.02.2026).

[8] The future of European Union gas imports: Balancing different objectives // [Электронный ресурс] Bruegel. – URL: [https://www.bruegel.org/analysis/future-european-union-gas-imports-balancing-different- objectives](https://www.bruegel.org/analysis/future-european-union-gas-imports-balancing-different-objectives) (accessed: 15.02.2026).

[9] The EU wanted to return Russian gas//[Electronic resource]: https://life.ru/p/1743747 (circulation date: 15.02.2026).

[10] Europe eats up almost the entire volume of LNG supplies from the USA//[Electronic resource]:

LNG Expert. – 2025. - March. – URL: [https://lng.expert/2025/03/evropa-sedaet-pochti-ves-obem-postavok-spg-iz- ssha/](https://lng.expert/2025/03/evropa-sedaet-pochti-ves-obem-postavok-spg-iz-ssha/) (дата обращения: 15.02.2026).

[11] Makeev N. How Europe will be able to replace Russian gas in winter: experts named alternatives//[Electronic resource]: Moskovsky Komsomolets (MK.ru) .- URL: [https://www.mk.ru/economics/2022/10/16/chem-evropa-smozhet-zamenit-rossiyskiy-gaz-zimoy-eksperty-nazvali-alternativy.html] (https://www.mk.ru/economics/2022/10/16/chem-evropa-smozhet-zamenit-rossiyskiy-gaz-zimoy- eksperty-nazvali-alternativy.html) (date cases: 15.02.2026).

[12] Milyukova M.A. International legal regime of renewable energy sources: thesis... Candidate of Legal Sciences: 5.1.5 ./Milyukova Maria Andreevna; [Place of protection: FSAEI HE “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”; MGIMO 5.1.5.0021]. - Moscow, 2025. S.64

[13] Signed a political roadmap for synchronizing the energy systems of the Baltic countries and Continental Europe by 2025////[Electronic resource]: https://www.ruscable.ru/news/2019/06/28/Podpisana_politicheskaya_dorozhnaya_karta_po_sinxr/ (accessed on: 15.02.2026).

[14] Commission Regulation (EU) 2016/1388 of 17 August 2016 Demand Connection Code//[Electronic Resource]: https://www.entsoe.eu/network_codes/dcc/ (accessed on: 15.02.2026).

[15] Swedish Vattenfall supported the lawsuit against the German authorities for abandoning nuclear power plants//[Electronic resource]: https://lenta.ru/news/2012/07/12/vattenfall/ (accessed on: 15.02.2026).

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-765-768

КОРОВИНА Лариса Валентиновна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры английского языка № 2
Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России,
e-mail: korovina_larisa_@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ЭВОЛЮЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. *В статье рассматриваются основные способы образования и перевода неологизмов в английском языке. Данная проблема обладает высокой актуальностью, поскольку существенные изменения и потрясения в политической, экономической и социальной жизни, а также технологические достижения и прорывы стали источником появления новых слов и словосочетаний или новых значений уже существующих лексем. Цель данной работы продемонстрировать активизацию эволюционных процессов в языке на примере различных способов образования неологизмов экономического дискурса, а также рассмотреть основные приемы их перевода и связанные с этим трудности. В исследовании приводятся примеры новообразований в языке из периодической печати, в частности журнала The Economist, что определяет новизну исследования. Автор делает вывод о том, что перевод неологизмов подразумевает использование соответствующих переводческих приемов и наличие необходимых экономических знаний, а также об активизации эволюционных процессов в английском языке на современном этапе.*

Ключевые слова: *неологизмы, приемы перевода, экономический дискурс, калькирование, способы образования неологизмов.*

KOROVINA Larisa Valentinovna,
PhD in Economics,
Associate Professor of English Language Department № 2
Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

MODERN STAGE OF THE ENGLISH LANGUAGE EVOLUTION

Annotation. *The article researches the main ways of creation and translation of neologisms in English. This issue is of great relevance since substantial transformations and shocks in political, economic and social lives as well as technological achievements and breakthroughs have become a source of new words and word combinations on top of new meanings of the existing words. The aim of the research is to demonstrate activated evolutionary processes elaborating on various ways of neologism formation in economic discourse as well as exploring the main techniques of their translation and difficulties associated with it. The paper contains examples of new words which have appeared in the mass media, in The Economist magazine in particular, which determines the novelty of the research. The author draws the conclusion that translation of neologisms implies using the corresponding translation techniques and required economic knowledge as well as that of accelerating evolutionary processes in Modern English.*

Key words: *neologisms, translation techniques, economic discourse, calquing, ways of neologism formation.*

В английском языке постоянно появляются новые слова и возникают новые значения уже существующих слов, или неологизмы, в результате изменений в политической сфере, экономике, социальной области и развития технологий.

Согласно «Словарю лингвистических терминов» Ахмановой О.С., неологизм – это «слово или оборот, созданные (возникшие) для обозначения нового (прежде неизвестного) предмета или для выражения нового понятия» [2, с. 261].

Роль неологизмов в языке значительна. Прежде всего, они выполняют номинативную функцию и появляются для наименования новых предметов, процессов и понятий в результате трансформации многих сфер жизни, в особенности вследствие научных прорывов и технических достижений. Также они придают предметам некую образную характеристику.

Наиболее продуктивными способами образования неологизмов в английском языке являются следующие:

1. Искусственно созданные или придуманные слова: pingdemic – шквал уведомлений о самоизоляции заболевших Ковид 19; shrinkflation – скрытое повышение цен за счет уменьшения объема или веса товара при сохранении прежней цены; vaxication – первая поездка после вакцинации от Ковид 19; greedflation – рост цен, вызванный стремлением компаний к увеличению прибыли, а не вследствие роста темпов инфляции; shecession – вынужденный отпуск работающих матерей (в период изоляции в начале пандемии Ковид 19 школы закрывались, и за детьми дома чаще всего присматривали их матери, вынужденные брать отпуск).

- словосложение, например, warm banks - центры обогрева (были открыты для того, чтобы люди смогли пережить периоды холодной погоды зимой в условиях резкого роста цен на топливо); hybrid work - гибридный формат работы (совмещение режимов работы из дома и в офисе), cloud-service provider – провайдер облачных сервисов; friend-shoring – перенос производства в дружественную страну.

- сокращение (аббревиация, акроним), например, такой акроним как MAGA (Make America Great Again), который переводится следующим образом «Вернем Америке былое величие». Данный политический лозунг был популяризирован Дональдом Трампом в ходе его президентской кампании; DeFi (decentralized finance) – децентрализованнные финансы – экосистема финансовых приложений и сервисов, построенных на базе блокчейна и смарт-сервисов; TACO – Trump Always Chickens Out – «Трамп всегда идет на попятную». Автором данного сокращения является журналист газеты “The Financial Times”, и подразумевает неоднократные обещания Дональда Трампа поднять таможенные пошлины, которые он в последствии не выполняет.

- аффиксация (префиксальный и суффиксальный способы) – decoupling – уход западных компаний с китайского рынка; anti-vax – противники вакцинации от Ковид 19.

- заимствования из других языков – uber-rich – сверхбогатые слои населения; mittelstand – малый и средний бизнес.

- конверсия («образование одной части речи от другой, например, глаголов от имен существительных» [5, с. 30]) – to incentivize (стимулировать), to vax (вакцинировать), to digitalise (переводить в цифровой формат).

- переосмысление уже существующих слов – debasement trade – покупка инвесторами наиболее надежных активов (в качестве защиты от инфляционных рисков); brain rot – интернет-контент низкого качества.

Перевод неологизмов зачастую вызывает трудности, поскольку в данном случае помочь не могут не только словари, включая специализированные, но даже сервисы машинного перевода и модели искусственного интеллекта. Для перевода данных лексем переводчику необходимо задействовать знания в соответствующей области и быть в курсе последних тенденций и изменений. Студентам экономических ВУЗов в процессе перевода неологизмов экономической тематики нужно использовать фоновые знания, полученные при изучении специальных предметов, а также быть в курсе текущих трендов в конкретной области знаний и последних событий в определенной сфере экономики или состояния экономики конкретной страны или региона. В данном случае, «что касается роли предметных знаний, получаемых при изучении специальности, то их наращивание существенным образом влияет на освоение иностранного языка профессии, расширяя тематическое поле учебного профессионального иноязычного дискурса, возможности студентов для анализа профессионально релевантных иноязычных материалов и представленных в них проблем специального характера» [3, с. 8].

Основные способы перевода неологизмов являются следующие: калькирование; поиск равнозначного эквивалента в языке перевода; транскрибирование и транслитерация; описательный перевод.

Калькирование представляет собой пословный или поморфемный перевод отдельных частей соответствующей языковой единицы. Данный способ в основном характерен для перевода лексем или словосочетаний, образованных при помощи словосложения. «Применяя этот прием, переводчик переводит составляющие элементы слова или словосочетания и затем объединяет переведенные части в единое целое [4, с.160] – cloud computing – облачные вычисления, scaling laws – законы масштабирования; cloud-service provider – поставщик облачных услуг, Taiwanese disease –

Тайваньская болезнь (долгосрочная структурная проблема, связанная с занижением стоимости национальной валюты, что снижает покупательную способность населения, повышает цены на жилье и создает растущие финансовые риски).

Данный фрагмент текста из журнала «Экономист» содержит пример вышеупомянутого способа перевода: “Call it Taiwanese disease, or Formosan flu: when a central bank’s efforts to suppress the currency to keep exports competitive lead to worrying economic strains. This condition, although not necessarily fatal, will certainly not improve without treatment” [6]. В данном случае следующий вариант перевода является наиболее приемлемым: «Назовем эту ситуацию тайваньской болезнью или формозским гриппом: когда усилия центрального банка по сдерживаю роста курса валюты, чтобы сохранить конкурентоспособность экспорта, приводят к экономическим проблемам. Данное состояние, хотя оно не обязательно приводит к катастрофическим последствиям, само по себе не улучшится».

Транскрибирование основано на фонетическом принципе, то есть передаче русскими буквами звуков или наименования. Примером использования транскрибирования при переводе неологизмов можно считать появившееся в русском языке слово локдаун (от английского слова lockdown). Наиболее часто оно встречалось в период пандемии Ковид 19 и имело смысл «изоляция». Тем не менее, в русском языке прочно закрепился вариант, полученный в результате транскрибирования. Иллюстрацией данного подхода в переводе является следующий отрывок публикации в периодической печати: “Its (Chinese) property market, which peaked in 2021, is still fragile. Consumer confidence, shattered by the covid-19 lockdowns in 2022, has never recovered. The consequences include lacklustre spending, dwindling fiscal revenues and deflationary pressure” [7]. Этот отрывок текста из современной экономической прессы может переводиться как: «Ситуация на рынке недвижимости Китая, конъюнктура которого достигла наивысшей точки в 2021 году, все еще неблагоприятная. Потребительский спрос, который сильно упал во время локдаунов в 2022 году, так и не восстановился. Последствия этого включают низкий уровень расходов, сокращение бюджетных доходов и дефляционное давление».

Одним из наиболее часто используемых способов перевода неологизмов является поиск равнозначного эквивалента, что иллюстрируется примером из журнала «The Economist» такого словосочетания как data-centre – центр обработки данных: “The sprawling AI supply chain consists of hundreds of firms. Some of them, such as Nvidia, produce the hardware that sits inside data centres. Others rent out that gear as cloud-service providers (Amazon, Microsoft and Google). Model-makers (OpenAI and Anthropic) train AI systems in the cloud, and software firms (Salesforce and SAP) build applications on top of those models to sell to customers” [8]. Данный вариант перевода в этом случае допустим: «Постоянно растущая цепочка поставок сервисов искусственного интеллекта состоит из нескольких сотен компаний. Некоторые из них, такие как Нвидиа, производят оборудование, которое используется центрами обработки данных. Другие же сдают в аренду это оборудование, выступая поставщиками облачных сервисов (Амазон, Майкрософт и Гугл). Создатели моделей (ОупенЭйАй и Антропик) обучают системы искусственного интеллекта в облачной среде, а компании-разработчики программного обеспечения (Сейлсфорс и САП) создают приложения к этим моделям для продажи потребителям».

И, наконец, «описательный перевод представляет собой лексическую замену с генерализацией, сопровождаемую лексическими добавлениями и построенную по принципу определения понятия» [1, с. 177]. Данный способ перевода является весьма распространенным при переводе неологизмов, как, например, в случае такого появившегося в последнее время в экономической прессе слова slop – «низкокачественный цифровой контент, созданный с помощью искусственного интеллекта» (данная лексема возникла в 18 веке и первоначально имела значение «слякоть» или «грязь», а затем «помои» и «мусор». В настоящее время так называют цифровой контент низкого качества, производимый с помощью искусственного интеллекта). В качестве иллюстрации такого способа перевода можно привести следующий пример из англоязычной прессы: “Yet for the best-known creators, slop presents two opportunities. First, there is little evidence that the tidal wave of user-generated content unleashed by the internet has detracted attention from the biggest stars. Quite the reverse. In a sea of endless content, users rely on algorithms to point them to the best stuff—and many end up in the same place” [9]. Одним из возможных вариантов перевода является следующий: «Тем не менее, для самых известных авторов низкокачественный цифровой контент создает две возможности. Во-первых, отсутствуют факты, подтверждающие, что всплеск контента, созданного пользователем и распространяемого по Интернету, отвлекает внимание от настоящих звезд. Происходит как раз обратное. В условиях огромного количество контента пользователи используют алгоритмы, чтобы найти контент лучшего качества – и в итоге многие приходит к одним и тем же результатам».

Таким образом, в результате трансформации различных сфер жизни (политической, экономической, социальной) в английском языке постоянно появляются новые слова и выражения, а также возникают новые значения у уже существующих лексем, что выступает одним из подтверждений активизации процесса эволюции английского языка. Также следует отметить, что перевод неологизмов зачастую вызывает трудности и требует углубленного изучения соответствующей области знаний и выбора наиболее подходящего способа перевода.

Список литературы:

[1] Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / 3-изд., испр. и доп. СПб: Филологический факультет СПбГУ. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 368 с.

[2] Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «Либроком», 2016. – 576 с.

[3] Бунина Т.А., Гринева М.В. Роль вузовского курса иностранного языка для специальных целей в формировании предметных и универсальных компетенций студентов-международников // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования, проблемы преподавания: Сборник научных статей. – М.: Квант-Медиа, 2025. – С. 6-13.

[4] Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Ученое пособие. – М.: ЭТС. – 2002. – 424 с.

[5] Слепович В.С. Курс перевода (английский ↔ русский язык) = Translation Course (English ↔ Russian): учеб. пособие для студентов вузов. – 5-е изд. – Мн.: ТетраСистемс, 2005. – 320 с.

[6] Taiwan's amazing economic achievements are yielding alarming strains. // The Economist. Nov 13th. URL: https://www.economist.com/briefing/2025/11/13/taiwans-amazing-economic-achievements-are-yielding-alarming-strains (дата обращения: 12.01.2026).

[7] China should not wait to stimulate its economy. // The Economist. Nov14th. URL: https://www.economist.com/leaders/2024/11/14/china-should-not-wait-to-stimulate-its-economy (дата обращения: 12.01.2026).

[8] DeepSeek sends a shockwave through markets. // The Economist. Jan 27th. URL: https://www.economist.com/business/2025/01/27/deepseek-sends-a-shockwave-through-markets (дата обращения: 12.01.2026).

[9] Sloponomics: who wins and loses in the AI-content flood? // The Economist. Oct 16th 2025. URL: https://www.economist.com/business/2025/10/16/sloponomics-who-wins-and-loses-in-the-ai-content-flood (дата обращения: 12.01.2026).

References:

[1] Alekseeva I.S. Introduction to Translation Studies: a textbook for students of philological and linguist departments of higher educational institutions / 3rd ed., corrected and supplemented. SPb: Philological Faculty of St. Petersburg State University. – Moscow: Publishing Center "Academy", 2008. – 368 p.

[2] Akhmanova O.S. Dictionary of Linguistic Terms. Stereotype Publ. – Moscow: Book House "Librokom", 2016. – 576 p.

[3] Bunina T.A., Grineva M.V. The Role of a University Course in Foreign Language for Special Purposes in the Formation of Subject-Specific and Universal Competencies of International Relations Students // Language. Culture. Society. Current Issues, Research Methods, Teaching Problems: Collection of Scientific Articles. – Moscow: Kvant-Media, 2025. – Pp. 6-13.

[4] Komissarov, V.N. Modern Translation Studies. Scholarly Handbook. – Moscow: ETS. – 2002. – 424 p.

[5] Slepovich, V.S. Translation Course (English ↔ Russian): Textbook for University Students. – 5th ed. – Minsk: TetraSystems, 2005. – 320 p.

[6] Taiwan's Amazing Economic Achievements Are Yielding Alarming Strains. // The Economist. Nov 13th. URL: https://www.economist.com/briefing/2025/11/13/taiwans-amazing-economic-achievements-are-yielding-alarming-strains (accessed 01/12/2026).

[7] China should not wait to stimulate its economy. // The Economist. Nov14th. URL: https://www.economist.com/leaders/2024/11/14/china-should-not-wait-to-stimulate-its-economy (accessed 01/12/2026).

[8] DeepSeek sends a shockwave through markets. // The Economist. Jan 27th. URL: https://www.economist.com/business/2025/01/27/deepseek-sends-a-shockwave-through-markets (accessed on 12 January 2026).

[9] Sloponomics: who wins and loses in the AI content flood? // The Economist. Oct 16, 2025. URL: https://www.economist.com/business/2025/10/16/sloponomics-who-wins-and-loses-in-the-ai-content-flood (accessed on 12 January 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-769-773

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

HOMO INCARCERATUS: ТЮРЬМА КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КАТАЛИЗАТОР

Аннотация. *Статья представляет исследование феномена тюремной изоляции как антропологического катализатора – условия, в котором базовые свойства человеческой природы обнажаются, гипертрофируются и кристаллизуются в особый тип личности, обозначаемый как homo incarceratus. Опираясь на концепции тотальных институтов Ирвинга Гофмана, анализ депривaций Грешема Сайкса, феноменологию социальной смерти Лизы Гюнтер и современные исследования пенитенциарного стресса, автор рассматривает, как социальность, иерархичность, агрессия, творчество и духовность трансформируются в условиях заключения. Показано, что тюрьма выступает не просто местом лишения свободы, но экзистенциальной лабораторией, в которой человеческая природа испытывается на пределе возможного, порождая как патологические деформации, так, в редких случаях, возможности для подлинной трансформации.*

Ключевые слова*: homo incarceratus, антропологический катализатор, тюремная субкультура, тотальный институт, депривация, пенитенциарный стресс, иерархия, дегуманизация, социальная смерть, идентичность.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU “Research Institute of the Federal Penitentiary Service”

HOMO INCARCERATUS: PRISON AS AN ANTHROPOLOGICAL CATALYST

Annotation. *The article presents a study of the phenomenon of prison isolation as an anthropological catalyst - conditions in which the basic properties of human nature are exposed, hypertrophied and crystallized into a special type of personality, designated as homo incarceratus. Drawing on Irving Hoffmann’s concepts of total institutions, Gresham Sykes’ analysis of deprivation, Lisa Gunther’s phenomenology of social death, and contemporary studies of penitentiary stress, the author considers how sociality, hierarchicity, aggression, creativity, and spirituality are transformed in incarceration. It is shown that the prison acts not just as a place of imprisonment, but as an existential laboratory in which human nature is tested to the limit of what is possible, giving rise to both pathological deformations and, in rare cases, opportunities for genuine transformation.*

Key words: *homo incarceratus, anthropological catalyst, prison subculture, total institution, deprivation, prison stress, hierarchy, dehumanization, social death, identity.*

Введение: тюрьма как антропологическая лаборатория. В истории философской мысли тюрьма никогда не была лишь местом наказания. От платоновской пещеры до «Записок из мертвого дома» Достоевского заключение осмыслялось как пространство предельного опыта, в котором человек, лишенный привычных опор, оказывается наедине с собственной сущностью. Но что происходит с этой сущностью, когда изоляция длится годы и десятилетия? Какие грани человеческой природы обнажаются, какие атрофируются, а какие рождаются заново в бетонных стенах?

Понятие «катализатор» заимствовано из химии, где оно обозначает вещество, ускоряющее реакцию, но само в ней не расходующееся. Тюрьма выступает таким катализатором для антропологических процессов: она не создает человеческие свойства из ничего, но многократно ускоряет их проявление, доводит до крайних форм, делает видимым то, что в обычной жизни

остается в тени. Как отмечает С.Б. Пономарев, тюремная субкультура представляет собой уникальный объект социальной антропологии, поскольку сообщество лиц, отбывающих наказание, обладает всеми признаками автономной социальной системы со своей структурой, нормами и механизмами воспроизводства [1].

Человек, переступивший порог исправительного учреждения, не остается тем же, кем был на свободе. Запускаются процессы, которые либо разрушают его личность, либо трансформируют ее до неузнаваемости. Возникает особый человеческий тип – homo incarceratus, человек тюремный, чья антропология определяется не столько прошлым опытом, сколько настоящим положением в замкнутой системе тотального контроля.

Социальность: от сообщества к выживанию. Человек есть животное социальное, учил Аристотель. В тюрьме это определение подвергается жесточайшему испытанию. С одной стороны, заключенные никогда не бывают полностью одиноки, они живут в перенаселенных камерах, где телесная близость достигает предела, несовместимого с психологическим комфортом. С другой стороны, эта вынужденная социальность лишена того, что делает человеческое общение подлинным: свободы выбора, доверия, интимности.

Ирвинг Гофман в своем анализе тотальных институтов показал, что тюрьма систематически разрушает привычные социальные связи и замещает их искусственной структурой, где все отношения определяются формальным статусом. Заключенный теряет не только свободу передвижения, но и свободу выбора собеседника, свободу уединения, свободу молчания. Он вынужден постоянно находиться среди чужих, часто враждебных людей, и эта вынужденная социальность становится источником хронического стресса [2].

Исследования пенитенциарного стресса, проведенные М.Г. Дебольским, показывают, что тюремная изоляция провоцирует множество негативных изменений: переживания тревоги, страха, чувства безнадежности, беспомощности и постоянного напряжения [3]. У лиц, впервые попавших в места лишения свободы, отмечается угнетенное самочувствие, сниженная активность, преимущественно негативное настроение и высокий уровень депрессии. Социальность, которая на свободе была источником поддержки, в тюрьме становится источником дополнительного стресса.

Но парадокс заключается в том, что именно в этих условиях рождаются новые формы социальности. Тюремное сообщество вырабатывает сложные механизмы солидарности и взаимопомощи, жестко регламентированные, но позволяющие выживать. Как замечает Пономарев, внешне кастовая иерархизация в тюремном социуме сходна с кастовой структурой древнего индийского общества [1]. Это сходство не случайно: в условиях предельного дефицита ресурсов и тотального контроля социальная структура неизбежно архаизируется, возвращаясь к наиболее древним, проверенным тысячелетиями формам организации.

Иерархичность: касты и «понятия». Базовое свойство человеческих сообществ, иерархичность, в тюрьме обнажается до такой степени, что становится почти осязаемой, материальной. На свободе социальные иерархии часто замаскированы, смягчены культурными нормами, допускают социальную мобильность. В тюрьме иерархия абсолютна, жестка и пронизывает все сферы жизни.

Грешем Сайкс в классическом исследовании «Общество заключенных» описал систему депривaций, порождающих тюремную субкультуру: лишение свободы, лишение материальных благ, лишение гетеросексуальных отношений, лишение автономии, лишение безопасности [4]. В ответ на эти депривации заключенные создают собственную социальную систему, компенсирующую утраченное. Иерархия становится способом обрести хотя бы иллюзию контроля над собственной жизнью.

В этой системе каждый занимает строго определенное место. «Блатные», «мужики», «опущенные»: эти категории не просто слова, они определяют всю совокупность прав и обязанностей, возможностей и ограничений. Пономарев подчеркивает, что уникальным явлением тюремной субкультуры является наличие в ней жесткого деления на тюремные касты, каждой из которых присущи специфические признаки и черты [1]. Переход между кастами практически невозможен, а нарушение иерархических границ карается с беспощадностью, неведомой на свободе. Что происходит с человеком, помещенным в такую систему? Он интериоризирует иерархию, начинает мыслить категориями рангов и статусов даже тогда, когда выходит на свободу. Homo incarceratus отличается тем, что для него любой другой человек прежде всего носитель определенного социального статуса, а не уникальная личность. Эта особенность мышления сохраняется на годы, а иногда и навсегда, делая невозможной полноценную интеграцию в общество, где иерархии сложнее и тоньше.

Агрессия: между подавлением и взрывом. Агрессия – одно из фундаментальных свойств человеческой природы, в тюрьме подвергающееся двойной трансформации. С одной стороны, система тотального контроля требует ее постоянного подавления: любое проявление агрессии к сотрудникам или даже к сокамерникам может

повлечь суровые наказания. С другой стороны, сама структура тюремной жизни постоянно провоцирует агрессию: скученность, несправедливость, унижения, страх.

В своем исследовании одиночного заключения Лиза Гюнтер вводит понятие «социальной смерти», состояния, при котором человек лишается возможности подтверждать свое существование через признание другими [5]. Это состояние порождает особую форму агрессии, направленную не столько на достижение конкретных целей, сколько на прорыв сквозь стену небытия, на то, чтобы быть замеченным, пусть даже ценой насилия. Агрессия в тюрьме принимает ритуализированные формы. Существуют неписаные правила, регулирующие, когда, на кого и как можно ее направлять. Ударить «правильного» осужденного нельзя, ударить «обиженного» можно и даже нужно, если требует ситуация. Эта ритуализация, с одной стороны, сдерживает тотальное насилие, с другой закрепляет дегуманизацию определенных категорий людей.

Коррекционный служащий по имени Трэвис в интервью исследователям так описал атмосферу в блоке одиночного заключения: «Вы не осознаете, насколько стрессово внутри этих стен. Ты чувствуешь себя заключенным. Заключенные управляют учреждениями, а ты должен делать все, чтобы заботиться о них, и никто не заботится о нас» [6]. Это свидетельство важно: агрессия и стресс захватывают не только заключенных, но и сотрудников, превращая всю систему в замкнутый круг взаимного ожесточения.

Творчество: сублимация в неволе. Казалось бы, тюрьма это место, наименее приспособленное для творчества. Но именно здесь, в условиях предельных ограничений, творческая способность человека проявляется с неожиданной силой. Татуировки, рисунки на стенах, стихи, песни, поделки из подручных материалов – все это свидетельствует о том, что творчество есть не роскошь, а базовая потребность человеческого духа. В психоаналитической традиции творчество понимается как сублимация, перенос энергии подавленных влечений в социально приемлемые формы. В тюрьме, где подавлены практически все влечения, сублимация становится едва ли не единственным способом сохранить психическое здоровье. Осужденные, которые находят канал для творческого самовыражения, значительно лучше адаптируются к условиям изоляции и реже демонстрируют деструктивное поведение.

Исследование программы GRIP (Guiding Rage into Power) в калифорнийских тюрьмах показало, что работа с эмоциональным интеллектом и осознанностью может приводить к глубоким позитивным изменениям даже у осужденных за насильственные преступления. Участники программы демонстрировали глубокую приверженность самоосознанию и трансформации, что подтверждалось их нарративами и выбором визуальных образов [7]. Творчество здесь выступает не как развлечение, а как инструмент реконфигурации идентичности. Homo incarceratus, лишенный возможности творить в широком смысле: строить, менять, преобразовывать мир вокруг себя, обращает творческую энергию внутрь. Он творит собственное «я», пересобирает его из обломков прежней жизни и новых, тюремных идентичностей. В этом смысле каждый долгосрочный заключенный художник, а его материал собственная душа.

Духовность: встреча с предельным. Пожалуй, ни одно человеческое свойство не обнажается в тюрьме так глубоко, как духовность. В ситуации, когда отнято все: свобода, близкие, работа, будущее, человек неизбежно задает вопросы о смысле. За что? Почему я? Есть ли что-то за пределами этих стен? Эти вопросы ведут либо к отчаянию и распаду, либо к рождению нового, часто религиозно окрашенного мировоззрения.

Виктор Франкл, прошедший концлагерь, писал, что человек способен вынести почти любое «как», если у него есть «зачем». Тюрьма это место, где «зачем» подвергается радикальному сомнению [8]. Исследования показывают, что религиозное обращение в тюрьме явление частое и глубокое. Но это не всегда традиционная религиозность: многие заключенные создают собственные духовные системы, синкретические, странные, но искренние. В одиночных камерах, где человек проводит двадцать три часа в сутки в полной изоляции, духовные переживания могут принимать экстремальные формы. Гюнтер описывает это как «мертвое время»: время, лишенное событий, развития, будущего [5]. В таком времени человек либо умирает духовно, либо совершает прорыв к иному измерению существования, где ценность определяется не внешними событиями, а внутренним отношением к ним.

Парадоксальным образом, именно в тюрьме некоторые люди впервые встречаются с подлинной духовностью не как с культурным наслоением, не как с социальной привычкой, а как с экзистенциальной необходимостью. Homo incarceratus в своем высшем проявлении это человек, прошедший через горнило отчаяния и вышедший с убеждением, что есть нечто, чего у него не отнять: способность выбирать отношение к своей судьбе.

Идентичность: распад и сборка. Все описанные процессы сходятся в одной точке, в трансформации идентичности. Что происходит с «я» человека, годами живущего в тотальном институте? Исследователи выделяют несколько стадий:

дезорганизация прежней идентичности, адаптация к тюремной среде, формирование новой идентичности, и, в случае освобождения, мучительная реинтеграция. Анализируя идентичность заключенных, важно понимать не только историю заключения, быт и условия содержания, но и то, кем и как осужденный себя чувствует в стенах колонии, и какие практики он проходит. Идентичность формируется через практики, а практики в тюрьме специфичны: подчинение, выживание, иногда сопротивление.

Человек с многолетним сроком неизбежно становится другим. Меняется речь, осанка, взгляд, способы реагирования. То, что на свободе называлось бы паранойей, в тюрьме адекватная бдительность. То, что на свободе агрессивность, в тюрьме необходимый для выживания статус. Дебольский показал, что существуют достоверные различия в эмоциональном состоянии лиц с разным количеством судимостей [3]. Рецидивисты адаптированы к тюремной среде иначе, чем впервые осужденные, но цена этой адаптации глубокая деформация личности.

Homo incarceratus это не просто человек, побывавший в тюрьме. Это человек, чья идентичность сформирована тюрьмой, для которого тюремные нормы стали внутренними, тюремные иерархии естественными, тюремные способы реагирования автоматическими. Он может выйти на свободу, но свобода не входит в него.

Заключение: катализ и его последствия. Тюрьма как антропологический катализатор действует неотвратимо и безжалостно. Она ускоряет процессы, которые на свободе протекали бы медленно или не протекали вовсе. Социальность превращается в стадность, иерархичность в кастовость, агрессия в жестокость, творчество в суррогат, духовность в болезненную экзальтацию. Но та же самая сила может, в редких случаях, привести к обратному результату: подлинной трансформации, обретению себя через потерю всего. Хэттери и Смит, подводя итог своему исследованию одиночного заключения, пишут: это система, в которой никто не выигрывает и все проигрывают [6]. Заключенные теряют человеческое достоинство, сотрудники душевное здоровье, общество миллиарды рублей и перспективу снижения преступности. Но пока существует эта система, существует и homo incarceratus – человек, рожденный тюрьмой и обреченный носить ее в себе всегда.

Вопрос, который оставляет эта ситуация для философии, психиатрии и всего общества: возможно ли превратить катализатор разрушения в катализатор роста [9; 10]? Возможно ли создать условия, в которых изоляция будет не ломать, а собирать человека? Ответ на этот вопрос лежит за пределами чисто пенитенциарной системы, он в области антропологии, этики и, в конечном счете, нашего понимания того, что значит быть человеком.

Список литературы:

[1] Пономарев, Д. С. Тюремная субкультура: анализ феномена с точки зрения системного анализа / Д. С. Пономарев, В. Е. Полищук, С. Б. Пономарев // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Пермь, 02 апреля 2020 года / составитель В. А. Овченков. – Пермь: Пермский институт ФСИН России, 2020. – Т. II. – С. 272–275. – EDN EXZFPL.

[2] Goffman, E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates / E. Goffman. – New York: Anchor Books, 1961. – 386 p.

[3] Дебольский, М. Г. Пенитенциарный стресс и особенности его проявления у осужденных, подозреваемых, обвиняемых / М. Г. Дебольский, Д. В. Мельникова // Психология и право. – 2015. – № 2. – С. 105–116. – DOI 10.17759/psylaw.2015100208.

[4] Sykes, G. M. The Society of Captives: A Study of a Maximum Security Prison / G. M. Sykes. – Princeton: Princeton University Press, 1958. – 176 p.

[5] Guenther, L. Solitary Confinement: Social Death and Its Afterlives / L. Guenther. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. – 321 p. – ISBN 978-0-8166-7959-3.

[6] Hattery, A. Locked Away: Why the System of Solitary Confinement Is Dehumanizing and Breeds Racial Resentment / A. Hattery, E. Smith // Milwaukee Independent. – 2022. – 21 October. – URL: https://www.milwaukeeindependent.com/syndicated/locked-away-system-solitary-confinement-dehumanizing-breeds-racial-resentment/ (дата обращения: 19.02.2026).

[7] Calhoun, S. Socio Emotional Learning Within Prison Walls: The Effects of GRIP Program (Guiding Rage into Power) as Perceived by Participant and Non Participant Incarcerated Persons / S. Calhoun, M. A. Maggioni, B. Paulle, C. Regalia, D. Rossignoli // Journal of Community & Applied Social Psychology. – 2025. – Vol. 35, No. 1. – P. e70013. – DOI 10.1002/casp.70013.

[8] Frankl, V. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn / V. Frankl. – München; Zürich: Piper, 1979. – 276 S.

[9] Искандаров, Р. Р. Пенитенциарный посттравматический рост: нейробиологические, психологические и реабилитационные аспекты / Р. Р. Искандаров // Психическое здоровье. – 2025. – Т. 20, № 10. – С. 82–90. – EDN YJRYKD.

[10] Искандаров, Р. Р. Теория выученной беспомощности как патогенетическая основа депрессивной дезадаптации осужденных: роль хронического стресса и депривации контроля / Р. Р. Искандаров // Право и управление. – 2025. – № 7. – С. 317–322. – EDN WETNWC.

References:

[1] Ponomarev, D. S. Prison subculture: analysis of the phenomenon from the point of view of systemic analysis/D. S. Ponomarev, V. E. Polishchuk, S. B. Ponomarev//Penitentiary system and society: experience of interaction: collection of materials VII International Scientific and Practical Conference, Perm, April 02, 2020/compiled by V. A. Ovchenkov. - Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. - T. II. - S. 272-275. – EDN EXZFPL.

[2] Goffman, E. Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates / E. Goffman. – New York: Anchor Books, 1961. – 386 p.

[3] Debolsky, M. G. Penitentiary stress and the features of its manifestation in convicts, suspects, accused/M. G. Debolsky, D. V. Melnikova//Psychology and Law. – 2015. – № 2. - S. 105-116. – DOI 10.17759/psylaw.2015100208.

[4] Sykes, G. M. The Society of Captives: A Study of a Maximum Security Prison / G. M. Sykes. – Princeton: Princeton University Press, 1958. – 176 p.

[5] Guenther, L. Solitary Confinement: Social Death and Its Afterlives / L. Guenther. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. – 321 p. – ISBN 978-0-8166-7959-3.

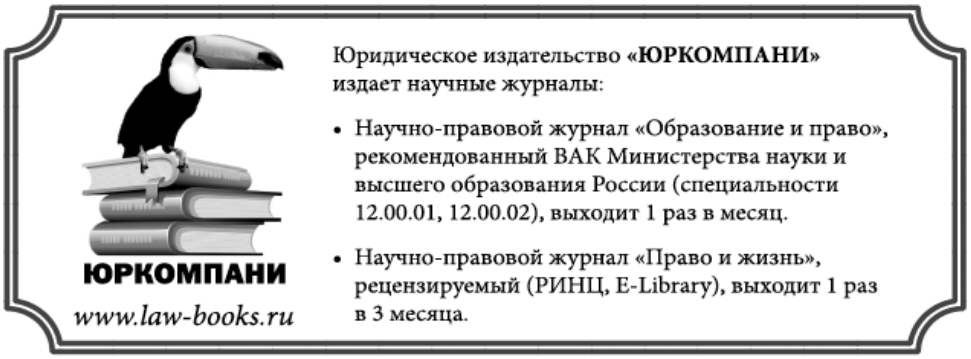
[6] Hattery, A. Locked Away: Why the System of Solitary Confinement Is Dehumanizing and Breeds Racial Resentment / A. Hattery, E. Smith // Milwaukee Independent. – 2022. – 21 October. – URL: https://www.milwaukeeindependent.com/syndicated/locked-away-system-solitary-confinement-dehumanizing-breeds-racial-resentment/ (дата обращения: 19.02.2026).

[7] Calhoun, S. Socio Emotional Learning Within Prison Walls: The Effects of GRIP Program (Guiding Rage into Power) as Perceived by Participant and Non Participant Incarcerated Persons / S. Calhoun, M. A. Maggioni, B. Paulle, C. Regalia, D. Rossignoli // Journal of Community & Applied Social Psychology. – 2025. – Vol. 35, No. 1. – P. e70013. – DOI 10.1002/casp.70013.

[8] Frankl, V. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn / V. Frankl. – München; Zürich: Piper, 1979. – 276 S.

[9] Iskandarov, R. R. Penitentiary post-traumatic growth: neurobiological, psychological and rehabilitation aspects/R. R. Iskandarov//Mental health. – 2025. - T. 20, NO. 10. - S. 82-90. – EDN YJRYKD.

[10] Iskandarov, R. R. The theory of learned helplessness as a pathogenetic basis for the depressive maladjustment of convicts: the role of chronic stress and deprivation of control/R. R. Iskandarov// Law and management. – 2025. – № 7. - S. 317-322. – EDN WETNWC.



Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-774-778

РОЩИНА Наталья Викторовна,
преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: roshinat@mail.ru

ВУКОВИЧ Ирина Сергеевна,
преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: irinayhova1@gmail.com

ВОЛКОВА Светлана Александровна,
преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: volkova_sa@urgau.ru

МАКАРОВА Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: makarova_tn@urgau.ru

НЕКРАСОВА Карина Иоскаевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Уральский государственный аграрный университет, магистрант,
Уральский государственный педагогический университет,
e-mail: melindochka@yandex.ru

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Аннотация. *В статье автор поднимает философские, социальные проблемы общества. Автор показывает, что Достоевский раскрывает этот роман именно как христианское произведение, он считает, что жизнь человека неприкосновенна и священна. Дается определение понятию литературного психологизма, и как с его помощью детально рассматривается каждый персонаж произведения. Рассматривается важность и значение совести как нравственного закона жизни. На страницах романа мы читаем «боль о человеке» с социальной, философской и духовной точки зрения. История Родиона Раскольникова, студента, совершившего убийство из-за нищеты и желания доказать свою исключительность, заставляет задуматься о природе добра и зла, о справедливости и совести.*

Ключевые слова: *преступление, наказание, душа, покаяние, борьба, жизнь, испытание, бог, нравственность, справедливость.*

ROSHCHINA Natalia Viktorovna,
Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

VUKOVICH Irina Sergeevna,
Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

VOLKOVA Svetlana Aleksandrovna,
Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

MAKAROVA Tatyana Nikolaevna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University

NEKRASOVA Karina Ioskaevna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University, Master's student,
Ural State Pedagogical University

MORAL AND PHILOSOPHICAL ISSUES OF THE NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»

Annotation. *In this article, the author raises philosophical and social issues of society. The author shows that Dostoevsky presents this novel as a Christian work, emphasizing the sanctity and inviolability of human life. The article defines the concept of literary psychologism and explores how it is used to analyze each character in the novel. It also highlights the importance of conscience as a moral law of life. Through the pages of the novel, we witness the "grief over a man" from a social, philosophical, and spiritual perspective. The story of Rodion Raskolnikov, a student who committed a murder out of poverty and a desire to prove his exceptionalism, makes us think about the nature of good and evil, justice, and conscience.*

Key words: *crime, punishment, soul, repentance, struggle, life, test, god, morality, justice.*

> Все сердце мое с кровью положится в этот роман. Я задумал его в каторге, лежа на нарах, в тяжелую минуту грусти…
>
> *Ф. М. Достоевский (из письма брату Михаилу 9 октября 1859 г.)*

Каждый писатель ставит центральным персонажем своего произведения героя с трудной, сложной судьбой, с противоречивыми чертами характера и душевным миром. В связи с этим литературный персонаж является макетом, на котором изучаются сложные человеческие взаимоотношения. В этом смысле автор произведения становится психологом для своего героя, использует разнообразные психологические приемы, пытается его понять, объяснить причины поступков, мотивы, разобраться в противоречивых для самого героя ситуациях, показать последствия тех или иных действий, но в этом исследовании герой свободен в своих действиях.

Психологизм в литературе – это художественный метод, который раскрывает внутренний мир героев: их желания, чувства, мотивы, мысли, мечты, задачи, взаимоотношения. Благодаря такому литературному приему, читателю легче понять поступки героев произведения, их страхи и убеждения.

Выдающимся мастером в изучении человеческой психологии является Ф. М. Достоевский, и венцом его исследования души человека можно назвать роман «Преступление и наказание». Писатель использует традиционные способы проникновения во внутренний мир героя – портрет, пейзаж, речь, но чтобы показать душу человеческую в развитии, необходимо глубоко проникнуть в этот сложный и непонятный мир, попытаться «восстановить погибшего человека».

Центральная тема романа – жизнь и духовный облик русской молодежи шестидесятых годов двадцатого века. Главная проблема произведения – религиозно-философский смысл нигилизма, распространившегося в 1860-е годы среди радикально настроенных молодых людей. Достоевский, включившись в спор о современном нигилизме, хотел показать, к чему приводят утрата веры в Бога и отказ от нравственной «почвы» [2].

Достоевский поднимает самый важный и трудный вопрос: кто хозяин жизни, кто имеет право назначать дату смерти, ухода… Почему каждый человек имеет право на жизнь? Что такое совесть, зачем она человеку, почему человек гибнет вместе с утратой совести, как ее сохранить в этом несправедливом мире? Но, говорит Достоевский, главный герой обнулил законы совести и, как следствие, совершил преступление. Раскольников некий образец для всех нас, через него читатель понимает, что личность человека священна и неприкосновенна, и в этом отношении все люди равны. И так должен пасть каждый, кто нарушает закон человеческой совести, поэтому у Достоевского звучит уже «боль о человечестве».

«Боль о человеке» – это основное чувство писателя, протестующего против социальных устоев жизни, против положения, «когда человеку некуда идти», когда человек задавлен бедностью и нищетой. Жизненные условия, в которых находятся герои романа, ужасны. Духота петербург-

ских трущоб – частица общей безысходной атмосферы произведения. Теснота, удушливая скученность людей, ютящихся на аршине пространства, усугубляется духовным одиночеством человека в толпе. Люди относятся друг к другу с недоверием, с подозрением; их объединяет лишь любопытство к несчастьям ближних.

Мы чувствуем «боль о человеке» и тогда, когда он рассуждает о роли благодеяний, религии и смирения. Раскольников попирает святое. Он посягает на человека. В древней книге было записано: «Не убий». Это заповедь человечества, аксиома, принимаемая без доказательства. Раскольников дерзнул усомниться в этом. И писатель показывает, как за этим невероятным сомнением следует тьма других. Всем ходом романа Достоевский доказывает: человек, преступивший заповедь Бога, совершивший насилие, теряет собственную душу, перестает ощущать жизнь. И судить Раскольникова может только Сонечка Мармеладова с ее действенной заботой о ближних. Это суд любовью, состраданием, человеческой чуткостью – тем высшим светом, который удерживает человечность даже во тьме «бытия униженных и оскорбленных». С образом Сонечки связана великая гуманистическая идея Достоевского о том, что мир спасет духовное единение людей [4].

«Боль о человеке» проявляется и в том подходе, который использует Достоевский в создании образов, в показе мельчайшей эволюции человеческой души, в глубоком психологизме. «Боль о человеке» выражается и в выборе конфликта. Конфликт романа – это борьба теории с жизнью. Это и мучительное столкновение характеров, воплощающих разные идейные принципы. Это и борьба теории – с жизнью в душе героев.

В душе Раскольникова происходит борьба этих чувств, и в конце концов побеждают милосердие и сострадание. Герой понимает, что не сможет жить с этим черным пятном, убийством старушки, на совести. Он понимает, что он «тварь дрожащая» и никакого права не имел на убийство. Любой человек имеет право на жизнь. Кто мы такие, чтобы лишать его этого права?

Милосердие и сострадание в романе играют значительную роль. На них строятся взаимоотношения почти всех героев: Раскольникова и Сонечки, Раскольникова и Дуни, Раскольникова и семьи Мармеладовых, Пульхерии Александровны и Раскольникова, Сони и Мармеладовых, Сони и Дуни. Причем милосердие и сострадание в этих отношения проявлялось с обеих контактирующих сторон. Многие человеческие качества героев подверглись испытаниям. Некоторые в процессе этих испытаний затерялись среди пороков и зла. Но главное то, что среди пошлости, грязи и разврата герои смогли сохранить, пожалуй, самые важные человеческие качества – милосердие и сострадание [5].

Достоевский выбрал главного героя для своего произведение очень сложного и противоречивого. С одной стороны, перед нами человек непреклонный, твердо идущий к своей цели, гордый, страдающий из-за бедности, которой он, как ему думалось, совсем не достоин, это удел других людей – глупых, пустых, плоских, однозначных. При этом писатель показывает его высокие человеческие качества, например, благородство, великодушие, доброта, жалость и сострадание. Он образован, умен и наблюдателен, способен к философским обобщениям. Именно такое сочетание делает его натурой неоднозначной, сложной, глубокой, противоречивой

Он вынужден оставить учебу из-за нехватки средств. Родион не работает и живет крайне бедно. Тайно он замышляет убить старуху-процентщицу, у которой закладывает вещи. Окончательно решается на преступление после письма матери, в котором говорится о предстоящей свадьбе её сестры с господином Лужиным. Раскольников сразу понимает, что сестра не любит будущего мужа и хочет пожертвовать собой ради благополучия близких. Родион грабит и убивает старуху, попутно убивая еще одну свидетельницу. Имея свою теорию о том, что люди делятся на обычных людей, плывущих по течению, и людей, подобных Наполеону, которым дозволено все, Раскольников до убийства причисляет себя ко второй категории, однако после убийства обнаруживает, что в полной мере не относится ко второй категории людей. Он теряет самообладание и совершив ряд поступков, обращает на себя внимание следствия, что вынуждает его сознаться в преступлении.

Родион раскольников считал, что «сверхчеловек» уверен в своих поступках, имеет на них право, не испытывает совестливых мучений по той причине, что он выше закона и общей человеческой морали. Простой человек совершает преступление не холодным рассудком, в состоянии стресса, скажем, аффекта, поэтому, вернувшись в свое нормальное состояние, он испытывает муки совести.

Главный герой, «разрешая» «кровь по совести» людям «высшего типа», фактически ставит их вне сферы действия нравственных законов. Получается, он отрицает саму основу юридических законов, а это страшнее, чем «официальное разрешение кровь проливать». Юридическая сторона преступления Раскольникова практически не интересует. Он даже готов признать справедливость юридического наказания.

Толкая своего героя на убийство, Ф. М. Достоевский стремится осознать причины того, почему в сознании Родиона Раскольникова возникает столь жестокая идея. Конечно, его «среда заела», но заела она и бедную Сонечку Мармеладову, и Катерину Ивановну, и многих других. Почему же не становятся убийцами они? Дело в том, что корни преступления Раскольникова лежат гораздо глубже. На его взгляды огромное влияние оказывает популярная в XIX веке теория существования «сверхлюдей», то есть таких людей, которым дозволено больше, чем обыкновенному человеку, той «дрожащей твари», о которой размышляет Раскольников.

Соответственно и само преступление Родиона Раскольникова понимается писателем гораздо глубже. Смысл его не только в том, что Раскольников убил старуху-процентщицу, но еще и в том, что он сам разрешил себе это убийство, возомнил себя человеком, которому дозволено решать, кому жить, а кому нет. По мнению Достоевского, вершить людские судьбы способен только Бог. Следовательно, Родион Раскольников ставит себя на место Бога, мысленно приравнивает себя к нему. Что же это влечет за собой? Ф. М. Достоевский не сомневался, что только Бог, Христос должен быть нравственным идеалом человека. Заповеди христианства незыблемы, и путь приближения к идеалу заключается в выполнении этих заповедей. Когда Родион Раскольников ставит на место Бога себя, он сам начинает создавать для себя и определенную систему ценностей. А это значит, что он разрешает себе все и постепенно начинает терять все лучшие качества, попирая общепринятые моральные нормы.

Великий писатель считает, что любое преступление является результатом неправильных мыслей, поступков человека. Люди рождаются в этот мир, который уже порочен, и каждый легко впитывает пороки общества с рождения. Ф.М. Достоевский говорит, что в мире много зла, несправедливости, что светлые чувства легко попираются, даже уничтожаются при определенных тяжелых обстоятельствах. Тогда возникает вопрос: а как же противостоять этому, как вступить в борьбу с преступлениями? Писатель отвечает, что только добром, ни в коем случаем не насилием. Зло всегда будет порождать зло, а потому необходимо искать нравственные пути изменения человека.

Что же тогда для Достоевского наказание? По мнению писателя, юридическое наказание, такое, как оно осуществляется в обществе, не имеет смысла. Само по себе оно может лишь вызвать чувство еще большей озлобленности. Наказанием для героев Ф. М. Достоевского становятся муки совести, ощущение постоянного нравственного неудовлетворения своим поступком. Человек приходит к очищению только тогда, когда он вновь обретает Бога и становится человеком, осознающим, что есть нравственный идеал. Это возможно только в том случае, когда преступник находит в себе силы для общения с человеком, который может этот нравственный идеал явить. Для Раскольникова таким человеком становится Соня [3].

Убийство, совершенное Раскольниковым, отрезало его от родных – матери и сестры, ему крайне трудно было находиться рядом с ними; он не мог смотреть на людей, общаться с ними, преступление отрезало его и от общения с остальными людьми. Достоевский поднимает вопрос, а может ли человек, совершивший преступление, жить прежней жизнью, вернуться к здравому состоянию? Писатель говорит, что может, но должен пройти долгий и мучительный путь духовных и физических страданий, нужно опуститься на дно своей души, и оттуда воскрешать себя вновь. Но главное – необходимо покаяться в своей античеловеческой теории и прекратить себя оправдывать, именно такой путь предстоит пройти Раскольникову.

Смысл теории Раскольникова, по Достоевскому, состоит в том, что герой, отвергнув идею равенства всех людей перед моральным законом, порывает и с человечеством, и с Богом. Ведь, просматривая основы христианской морали, он «отпадает» от нее, а следовательно, и от Бога. Идея порабощает душу героя, изменяет его отношение к людям: любое общение с ними становится для него мучительным.

Главный герой совершает преступление «из-за куска хлеба». Разумихин подрабатывал переводами, дешевым репетиторством, но не отчаивался, держался, впереди была цель – закончить университет. Раскольников же считал ниже своего достоинства давать уроки за гроши, жить в отвратительной каморке, он считал, что достоин лучшего. Отсутствие денег, исключение из университета, жизнь на грани нищеты были только предлогом убить старуху. Ему хотелось доказать себе «вошь» он ил человек. Раскольникова погубила гордыня, амбиции, принципы, максимализм. Он хочет решить сразу все проблемы, в том числе нравственно-психологическую.

Решившись провести эксперимент, определить, к какой категории он принадлежит «…тварь ли я дрожащая или право имею…», он загнал себя в угол, так сказать в нравственно-психологический тупик. Убийство старухи должно было помочь «раз и навсегда» решить «вопрос», подтвердить или опровергнуть гипотезу о своей принадлежности к людям «высшего разряда». Этот эксперимент был трагическим…

Раскольников нашел в себе силы совершить преступление, но в итоге человеческое в нем взяло верх, он все просчитал и холодно совершил преступление, но не ожидал, что совесть, человеческое начало в нем сильнее хладнокровного рассудка. Философская идея совершенного им преступления заключается в ошибочности своей теории. Понимая, что он сходит с ума, что он слаб как человек, приходит к выводу, что он не относится к необыкновенным людям, что не имел права на преступление, что он «тварь дрожащая» и с юридической и моральной точки зрения он преступник.

С социальной точки зрения убийство не принесло результатов, а драгоценности так и остались лежать под камнем, но социальным последствием было то, что между ним и людьми образовалась пропасть, Раскольников оказался вне общества. Достоевский показывает читателю, что преступление было совершено гораздо раньше: богоотступничество покалечило души героя. Сам факт убийства – открытое проявление «бунта» против христианской морали.

Раскольников еще долго не мог отказаться от своей теории, он не испытывал сомнений в ее правильности. Он искренне считал, что открыл новый Закон, считал, что он ошибся в себе, а не в своих ошибочных взглядах.

Моральные кардинальные изменения в сознании Родиона намечаются только в конце романа. Отправившись на каторгу и находясь там, сознание его души долго не менялось. Соня дала ему с собой Библию Лизаветы, и постепенно, изучая священное писание, шло выздоровление души героя. Автор любит своего героя и не оставляет его без покаяния и изменения, он дает шанс Раскольникову начать новую, другую жизнь, признать свое заблуждение, покаявшись в содеянном грехе. «Перерождение» Раскольникова не может произойти внезапно, это длительный процесс. По словам Ф.М. Достоевского, обновление главного героя могло бы стать темой отдельного произведения [3].

Этот роман актуален и сегодня, он никогда не потеряет своей силы, величия, значимости. Ведь великий писатель показал нам Человека, любого, каждого… Образ Раскольникова собирательный. В каждом человеке переплетено добро и зло, благородные и низкие поступки, муки совести и безжалостность… На его примере можно показать, как человек слаб и как велик, и силен, но без Бога справиться с собой, своими грехами и пороками невозможно. Именно духовное начало является стержнем, на который всегда можно опереться и получить прощение. Достоевский призывает каждого посмотреть в себя, вглубь своей души, задуматься над главными вопросами. Читатель вместе с героями переживает, сострадает, ищет смысл совершенных поступков и нравственный достойный выход. Жизнь каждого человека задумана Богом, и только он вправе решать: кому и как уходить из жизни, только он хозяин. Человек не должен ставить себя на место Бога, иначе это приведет к моральной, идейной, духовной катастрофе.

«Преступление и наказание», как и другие романы М.Ф. Достоевского, – произведение, в котором широкий круг философских и нравственных проблем поставлен на современном, злободневном жизненном материале.

Список литературы:

[1] Бальчугов, А.В. Духовные аспекты романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / А.В. Бальчугов // Сборник научных трудов Ангарского государственного технического университета. – 2020. – Т. 1, № 17. – С. 294–298.

[2] Буянова, Е.Г. Романы Ф.М. Достоевского / Е.Г. Буянова. – Москва : Издательство Московского университета, 2006. – 376 с.

[3] Гибайдуллина, В.Р. Тема вины и наказания в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / В.Р. Гибайдуллина // Молодой учёный. – 2016. – № 6 (110). – С. 895–897.

[4] Румянцева, Э.М. Проблема преступления и наказания в творчестве Достоевского / Э.М. Румянцева, Е.И. Анненкова, М.Л. Семанова // Анализ художественного произведения. – Москва : Просвещение, 2008. – С. 102–118.

[5] Чиркова, П.Р. Философские проблемы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / П.Р. Чиркова // Тенденции развития науки и образования. – 2021. – № 74-3. – С. 139–142.

References:

[1] Balchugov, A.V. Spiritual aspects of F.M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment "/A.V. Balchugov//Collection of scientific works of the Angarsk State Technical University. – 2020. - T. 1, NO. 17. - S. 294-298.

[2] Buyanova, E.G. Novels F.M. Dostoevsky/E.G. Buyanova. - Moscow: Moscow University Publishing House, 2006. - 376 p.

[3] Gibaidullina, V.R. The topic of guilt and punishment in the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment "/V.R. Gibaidullina//Young scientist. – 2016. – № 6 (110). - S. 895-897.

[4] Rumyantseva, E.M. The problem of crime and punishment in the work of Dostoevsky/E.M. Rumyantsev, E.I. Annenkova, M.L. Semanova//Analysis of a work of art. - Moscow: Enlightenment, 2008. - S. 102-118.

[5] Chirkova, P.R. Philosophical problems in the novel by F.M. Dostoevsky "Crime and Punishment "/P.R. Chirkova//Trends in the development of science and education. – 2021. – № 74-3. - S. 139-142.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-779-786

НЕКРАСОВА Карина Иоскаевна,
Ст. преподаватель
Уральского Государственного Аграрного Университета,
Магистрант УрГПУ,
e-mail: melindochka@yandex.ru

МАКАРОВА Татьяна Николаевна,
Старший преподаватель
Уральского Государственного Аграрного Университета,
e-mail: rowanta@mail.ru

РОЩИНА Наталья Викторова,
Преподаватель
Уральского Государственного Аграрного Университета,
e-mail: roshinat@mail.ru

ВОЛКОВА Светлана Александровна,
Преподаватель
Уральского Государственного Аграрного Университета,
e-mail: volkiva.s.a@inbox.ru

СТЕПАНОВ Роман Иванович,
Доцент кафедры иностранных языков
Уральского Государственного Аграрного Университета, к.п.н.,
e-mail: ramanist89@mail.ru

КОНЦЕПТ «ЧЕСТЬ» В ПРОСТРАНСТВЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО РОМАНА: ТРАВМА, ЭМИГРАЦИЯ И НЕПРОСТАЯ ЖЕНСКАЯ СУДЬБА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ЭЛИФ ШАФАК «ЧЕСТЬ»

Аннотация. *В статье представлен комплексный литературоведческий анализ романа современной британо-турецкой писательницы Элиф Шафак «Честь» (Honour, 2011). Рассматривается художественное своеобразие произведения, его проблемно-тематическая структура и место в развитии мультикультурного турецко-британского романа. Особое внимание уделяется трем ключевым аспектам: изображению эмигрантского опыта и связанных с ним травм, репрезентации женской судьбы в контексте патриархальных традиций, а также осмыслению концепта «честь» как культурного конструкта, определяющего логичную трагическую развязку. Анализируется система персонажей, нарративная структура и художественные приемы, позволяющие автору избежать однозначных моральных оценок и представить «убийство во имя чести» как сложный социокультурный феномен.*

Ключевые слова: *концепт, честь, турецкая литература, Элиф Шафак.*

NEKRASOVA Karina Ioskaevna,
Art. Lecturer of the Ural State Agrarian University,

Graduate Student of Ural State Pedagogical University

MAKAROVA Tatyana Nikolaevna,
Senior Lecturer, Ural State Agrarian University

ROSHCHINA Natalia Viktorova,
Lecturer, Ural State Agrarian University

VOLKOVA Svetlana Alexandrovna,
Lecturer, Ural State Agrarian University

STEPANOV Roman Ivanovich,
Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Ural State Agrarian University, Ph.D.

THE CONCEPT OF "HONOR" IN THE SPACE OF A MULTICULTURAL NOVEL: TRAUMA, EMIGRATION AND A DIFFICULT FEMALE FATE IN ELIF SHAFAK'S "HONOR"

Annotation. *The article presents a comprehensive literary analysis of the novel Honor (2011) by the modern British-Turkish writer Elif Shafak. The article consides the artistic originality of the work, its problematic and thematic structure and its place in the development of the multicultural Turkish-British novel. Special attention is paid to three key aspects: the depiction of the emigrant experience and related traumas, the representation of women's fate in the context of patriarchal traditions, as well as the understanding of the concept of "honor" as a cultural construct that defines a logical tragic outcome. The author analyzes the character system, narrative structure and artistic techniques that allow the author to avoid unambiguous moral assessments and present "murder in the name of honor" as a complex socio-cultural phenomenon.*

Key words: *concept, honor, Turkish literature, Elif Shafak.*

Элиф Шафак (Elif Shafak) — одна из наиболее значимых фигур современной мировой литературы, автор девятнадцати книг, переведенных на 57 языков, член Европейского совета по международным отношениям, президент Королевского литературного общества с 2025 года. Её творчество, балансирующее между восточной и западной культурными традициями, представляет собой уникальный материал для изучения процессов культурного трансфера, гибридизации идентичности и трансформации традиционных ценностей в условиях глобализации.

Роман «Честь» (оригинальное название «Honour»), опубликованный в 2011 году (в Турции под названием «İskender»), занимает особое место в творчестве турецко-британской писательницы. Это произведение, как отмечает исследовательница Л. Н. Юзмухаметова, «освещает проблемы расового, гендерного равенства, эмиграции, противостояния Востока и Запада, устаревших догматических норм морали, приводящих к трагическим последствиям, в контексте темы травмы, посттравматического синдрома». [4]

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, роман Шафак «Честь» продолжает привлекать внимание исследователей в различных странах: в 2024 году опубликована статья Л. Н. Юзмухаметовой в «Вестнике Рязанского государственного университета», в 2026 году вышло переводоведческое исследование К. Теккая в авторитетном журнале Sage Open (Q1). Во-вторых, проблематика романа — эмиграция, культурная травма, гендерное неравенство, столкновение традиционных и современных ценностей — сохраняет острую актуальность в современном мире. В-третьих, роман представляет собой показательный пример мультикультурной литературы, создаваемой на стыке культур и языков.

Цель статьи — проанализировать роман Элиф Шафак «Честь» как художественное целое, выявив его ключевые темы, систему персонажей и художественные особенности, а также определить место этого пронзительного художественного произведения в контексте творчества писательницы и современной мультикультурной литературы. В статье обобщаются результаты современных научных исследований романа, включая работы Л. Н. Юзмухаметовой (2024), переводоведческий анализ К. Теккая (2026), а также рецепцию произведения в критике и читательской среде.

Как справедливо отмечают Воротникова П.В. и Алешина Л.Н. в своей статье «Лингвокультурема «Честь» в современном русском языке (на материале детектива В. Пронина «Женщина по средам»)» «Изучение термина «концепт» является одной из самых актуальных тем в области когнитивной лингвистики. Основная причина такого интереса заключается в репрезентации и восприятии той или иной лексемы (концепта) в целом, она освещена в научных трудах многих исследоватей». [1]

Роман «Честь» был впервые опубликован на английском языке в 2011 году. В Турции он вышел под названием İskender (по имени одного из главных героев) и, как и предыдущие книги Шафак,

разошелся сотнями тысяч экземпляров и продолжает расходиться и вызывать острый интерес читателей. Однако появление романа сопровождалось скандалом: блогеры обвинили писательницу в заимствовании тем и персонажей из романа Зэди Смит «Белые зубы» (White Teeth). Обвинения были опровергнуты самой Смит, которая в открытом письме Шафак назвала эти обвинения «абсурдными».

Как отмечает обозреватель London Review of Books К. Генч, сходство между романами двух писательниц действительно существует — оба произведения посвящены опыту иммигрантских семей, действие обоих происходит в лондонском районе Хакни в 1970-е годы, в обоих фигурируют близнецы, сквоттеры, феминистки в расклешенных брюках. Однако, подчеркивает Генч, ««Честь» — это специфически анатолийская история: значительная ее часть происходит в 1940-е годы в курдском городке на востоке Турции».[5] Поэтому справедливо можно заметить, что «Честь» — это уникальное и ни с чем несравнимое произведение, достойное Нобелевской премии по литературе.

Роман «Честь» занимает важное место в творческой эволюции Шафак. Если ранние произведения писательницы (такие как, например, «Стамбульский бастард», 2006) были сосредоточены преимущественно на турецкой истории и культуре, а последовавший за ним роман «Сорок правил любви» (2009) обращался к суфийской традиции, то «Честь» знаменует поворот к осмыслению опыта турецких иммигрантов в Великобритании.

Как отмечает Л. Н. Юзмухаметова, Шафак является «одной из самых заметных мультикультурных авторов в современной британской литературе». [4] Её тексты, создаваемые на английском языке автором с турецкими корнями, «дают богатый материал для изучения природы» культурных взаимодействий. В этом контексте «Честь» может рассматриваться как программное произведение, в котором мультикультурная проблематика выходит на первый план.

Роман открывается знаковой фразой: «Моя мать умерла дважды». Эти слова произносит в 1992 году в Лондоне Эсма, образованная и ассимилированная молодая женщина, по пути в тюрьму, где с 1978 года отбывает наказание её брат Искендер, осужденный за убийство их матери Пембе. Таким образом, убийство задано с самого начала — интрига заключается не в том, что произошло, а в том, что привело к этой трагедии. При этом автору удается и удивить, и восхитить, и вызвать у читателя поток слёз.

Действие романа разворачивается в двух временных пластах и двух географических пространствах. Первый план — Лондон 1970-х годов, где разворачивается трагедия семьи Топрак. Второй план — курдская деревушка на востоке Турции 1940-х годов, где формируются характеры и судьбы персонажей, где укоренены те традиции и представления, которые в конечном итоге и приведут к катастрофе. Нельзя не отметить, что романы Шафак очень хорошо структурированы, она очень удачно использует довольно распространенный писательский приём параллельного развития двух и более историй, которые потом вплетаются в одну. [14]

Шафак использует полифоническую нарративную структуру: повествование ведется от лица разных персонажей, что позволяет читателю увидеть события с множества точек зрения. Как отмечает рецензент Kirkus Reviews, эта техника позволяет автору «превратить то, что в руках менее искусного писателя могло бы стать полемикой против убийств чести, в пронзительную, полную сочувствия, но в конечном счете универсальную семейную трагедию». [6]

Некая Кристин в рецензии на Goodreads подчеркивает, что «использование множества точек зрения ставит читателя в уникальное и, возможно, тревожное положение». Зная с самого начала трагический исход, читатель получает возможность увидеть, какие силы привели Искендера к убийству: «читатель может не любить Искендера, но читатель не испытывает к нему ненависти. Отчасти потому, что читатель видит силы, которые движут им — расизм в обществе, перемещение, отсутствие отцовской фигуры, выбор кого-то на замену этой фигуре, отвержение семьей».[6]

Центральными фигурами романа, что совсем не очевидным является в начале являются две сестры-близняшки — Пембе и Джамиля. Как отмечает исследователь К. Хусейн в статье «Бездомность против гибридности: страдания женщин и кризис идентичности в романе Элиф Шафак «Честь»», они составляют «краеугольный камень романа». [2] Сестры рождаются в бедной семье, где у матери было восемь дочерей и отчаянные попытки родить сына. С самого начала их существование определено гендерной иерархией патриархального общества.

Пембе — более авантюрная и смелая сестра, стремящаяся вырваться из тесного мира деревенских ограничений. Джамиля — мечтательная, склонная к мистицизму. Изначально Адем Топрак влюбляется в Джамилю, но она уже обещана пожилому мужчине из семьи, которая похитила ее и тем самым скомпрометировала ее честь.

Судьбы сестер расходятся: Пембе уезжает в Лондон, Джамиля остается в Турции. Однако обе они, как отмечает в своем исследовании романа Шафак Хусейн, страдают от «бездомности и отчуждения даже в патриархальных обществах в результате патриархальных ограничений». [2]

Адем Топрак — муж Пембе, отец ее троих детей — фигура сложная и неоднозначная. Переехав в Лондон, он не может найти себя: к концу 1970-х он проигрывает семейные сбережения в азартные игры и бросает Пембе ради любовницы.

Искендер, старший сын, воспитывается в убеждении, что он должен быть защитником чести семьи. Подростком он с трудом находит свое место в британском обществе. Когда Пембе, оставленная мужем, начинает работать в парикмахерской и постепенно расцветает, а затем встречает достойного мужчину и влюбляется, Искендер воспринимает это как угрозу семейной чести. Четырнадцатилетний подросток идёт убийство матери как ему кажется во имя чести.

Юнус, младший сын, семилетний ребенок, представляет собой полную противоположность Искендеру. Он «полностью британский», «волшебный ребенок, невинный, но мудрый не по годам». Юнус становится талисманом группы хиппи в соседнем сквоте. Его образ символизирует возможность иного пути — интеграции, а не конфликта, принятия, а не отрицания.

Важной особенностью романа является отсутствие однозначно положительных и однозначно отрицательных персонажей. Как отмечает многие читатели, в том числе и на портале «Литрес», «каждый образ показан с разных сторон. Тут нет очень положительных и очень отрицательных героев... Как и в жизни, они совершают то хорошие, то не очень поступки. Не то чтобы каждому можно было найти оправдание, но, по крайней мере, можно понять мотив совершенных действий».

Эта моральная сложность — сознательная художественная стратегия Шафак. Показывая историю глазами разных персонажей, включая самого горе-убийцу, она добивается того, что читатель в процессе чтения «не только содрогается от ужаса, но и испытывает печаль, смешанную с жалостью и гневом».

Название романа выносит в заглавие ключевое понятие, вокруг которого строится трагедия. Шафак исследует «честь» не как универсальную ценность, а как культурный конструкт, по-разному определяемый в разных обществах и по-разному применяемый к мужчинам и женщинам. Честь входит в ядро личности, а ядро личности в целом составляют концепты, выступающие своеобразным регулятором нравственности.

Одна из читательниц точно цитирует ключевой пассаж романа: «Таков был мир, в котором родились Розовая Судьба и Достаточно Красивая. В этом мире слово «честь» было не просто словом, но и именем. Но это имя давали только мальчикам. Только мужчины имели честь, будь они стариками, мужами в расцвете лет или же юнцами, на губах которых еще не обсохло материнское молоко. У женщин чести не было. Честь им заменял стыд».

В этом фрагменте сконцентрирована гендерная асимметрия концепта: мужчина обладает честью (namus), женщина должна быть стыдливой, чтобы не запятнать мужскую честь. Убийство чести, таким образом, предстает не как аномалия, а как логическое следствие этой асимметрии, как крайнее выражение патриархальной логики.

Как пишет Мусханова И.В. в своей статье «Лингвопедагогический аспект концепта «честь» в парадигме духовно-нравственного воспитания личности» «Несмотря на достаточное количество работ по педагогике, психологии, филологии, культурологии, рассматривающих различные аспекты концепта «честь»... данный конспект недостаточно изучен как лингвопедагогический феномен. Исследование концепта «честь» представляется актуальным, поскольку он является значимым в любой лингвокультуре и определяется как ключевой компонент национальной картины мира». Также в статье в заключении справедливо отмечается, что «полученные экспериментальные данные подтверждают мнение, что человек всегда идентичен своей национальной культуре и каким бы изменениям не подвергался мир с его вызовами, рисками, трендами, незыблемыми остаются нравственность, духовность, человечность, т.е. всё то, что делает человека настоящим Человеком.» [11]

Одной из центральных тем романа является эмиграция и связанные с ней травмы. Л. Н. Юзмухаметова подчеркивает, что в романе «проблемы расового, гендерного равенства, эмиграции, противостояния Востока и Запада, устаревших догматических норм морали... освещаются в контексте темы травмы, посттравматического синдрома».

Исследование К. Хусейна, выполненное с использованием теоретических концепций Хоми К. Бхабхи, анализирует состояние «бездомности» (unhomeliness), которое переживают иммигранты. Пембе и ее семья, переехав в Англию, оказываются в пространстве между культурами: они уже не полностью принадлежат традиционному турецкому миру, но еще не интегрировались в британ-

ское общество. Это промежуточное состояние, по Бхабхе, порождает глубокий психологический дискомфорт и кризис идентичности.

Разные члены семьи по-разному реагируют на этот кризис. Адем пытается бежать от него в азартные игры и измену. Искендер — в гипертрофированную маскулинность и защиту «чести». Эсма — в образование и ассимиляцию. Юнус — в полное принятие британской контркультуры.

Феминистская оптика пронизывает весь роман. Шафак показывает, как патриархатные структуры ограничивают жизнь женщин, определяя их судьбы с самого рождения. Восемь дочерей в семье Пембе и Джамили воспринимаются как трагедия — мать отчаянно пытается родить сына, который даст семье статус и «честь».

Однако роман Шафак показывает не только страдания женщин, но и формы их сопротивления. Пембе, выйдя замуж за Адема, совершает акт свободы — пусть ограниченный, пусть в рамках доступных ей опций, но это ее выбор. В Лондоне, оставленная мужем, необразованная деревенская женщина не погибает, а находит работу, начинает расцветать, открывается любви. Ее убийство становится не просто трагедией отдельной женщины, но символом насилия, которое патриархатная система обрушивает на женщину, осмелившуюся жить своей жизнью, пойти своим путем.

Джамиля, оставшаяся в Турции, избирает другой путь сопротивления — путь духовности, внутренней свободы. Она сама добродетель, она по своей воле посвящает свою жизнь не семье, а целительству, она становится хранительницей традиций, но традиций не патриархатных, а народных, связанных с женской мудростью.

Проблема идентичности — сквозная для всего творчества Шафак. В романе «Честь» эта тема раскрывается через судьбы трех детей Пембе: Искендера, Эсмы и Юнуса.

Искендер пытается сохранить традиционную идентичность, понимаемую им как защита чести семьи. Однако в британском контексте эта идентичность становится токсичной, ведущей к насилию и саморазрушению. Эсма выбирает ассимиляцию — получает образование, говорит без акцента, работает. Но и этот путь не дает полного освобождения от травмы прошлого. Юнус, самый младший, уже полностью «британский», он органично вписывается в мультикультурную среду Лондона. Его образ намекает на возможность иного будущего — будущего, в котором гибридность становится не источником травмы, а источником силы и свободы.

Важной особенностью романа «Честь» является его двуязычная природа. Как отмечает исследователь К. Теккая в статье, опубликованной в журнале Sage Open (2026), роман был «изначально написан на английском языке, а позже переведен на турецкий с участием автора». Это делает «Честь» случаем «само-перевода» (self-translation), когда автор пересматривает собственную культурную идентичность через другой язык. [12]

Исследование Теккая, выполненное на материале десяти репрезентативных текстовых фрагментов, показывает, что «турецкая версия содержит заметные добавления и опущения, которые выходят за рамки лингвистической эквивалентности и указывают на сознательный акт переписывания». Автор приходит к выводу, что ««Честь» представляет собой пример культурно мотивированного само-переписывания, функционирующего как средство переговоров об идентичности и культурного перепозиционирования, а не просто как лингвистический перенос». [12]

В 2019 году роман был издан на русском языке в переводе Екатерины Большелаповой (издательство «Азбука-Аттикус»). Перевод вышел очень удачным и верным, но всё же вызвал неоднозначную небольшую критику читателей особенно в отношении перевода имен. Как отмечает одна из читательниц, «мне до сих пор непонятно, почему вы так перевели имена героев? Почему Пимби, Джамилия и Эдим, если они Пэмбе, Джамила и Адем? Конечно, смысла романа это не меняет, но мне резало глаза, особенно, от «Пимби»».

Эта критика указывает на важную проблему передачи культурно-специфических элементов при переводе. Имена собственные в романе несут культурную нагрузку, и их адаптация может существенно влиять на восприятие текста. Однако, как показывает исследование Теккая, сама Шафак в турецкой версии своего романа также прибегала к значительным трансформациям, что делает вопрос о «правильном» переводе особенно сложным.

Роман «Честь» получил высокие оценки критиков. Kirkus Reviews называет его «пронзительной, полной сочувствия, но в конечном счете универсальной семейной трагедией». Критики отмечают способность Шафак превращать сложные социополитические вопросы в глубоко человечные истории, в которые погружаешься с головой.

Читательские отзывы на платформе «Литрес» также преимущественно положительны. Читатели отмечают «глубину и проникновенность» прозы Шафак, ее умение создавать «живых» персонажей, способность говорить о сложных вещах без морализаторства. Многие читатели подчерки-

вают актуальность поднятой автором темы: «Тема, конечно, очень непростая и, несмотря на то, что действия романа происходят в 70-е годы, она остается актуальной и в наше время. И это можно встретить не только в Турции, или каких-то исламских странах, подобным историям есть место и на юге России (в Дагестане, например)». И с этим нельзя не согласиться.

Роман «Честь» становится объектом всё более пристального научного изучения. В 2024 году опубликована статья Л. Н. Юзмухаметовой «Эмиграция, травма и женщина в романе Элиф Шафак «Честь»», анализирующая роман в контексте тем эмиграции, травмы и женской судьбы. [4] В 2022 году вышло исследование К. Хусейна, использующее теоретические концепции Хоми К. Бхабхи для анализа идентичности персонажей. В 2026 году опубликовано переводоведческое исследование К. Текkая в журнале Sage Open. [2]

Этот растущий исследовательский интерес свидетельствует о том, что роман «Честь» воспринимается не просто как очень интересная книга, мировой бестселлер, запоминающееся глубокое произведение, но как значимое художественное произведение, требующее серьезного академического анализа.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Роман Элиф Шафак «Честь» представляет собой многослойное художественное произведение, в котором темы эмиграции, травмы, гендерного неравенства, чести и культурной гибридности сплетены в сложную ткань семейной саги. Автор книги с первых страниц вводит читателя в напряжение и даёт пищу для размышления и начинает по-тихоньку очень граммотно распутывать событийный клубок ниточкой за ниточкой, всё больше раскрывая персонажей, историю и изучаемый в нашей статье концепт «честь», который автор даже вынесла в название своего произведения.
2. Центральным концептом романа является «честь» — многогранное понятие, которое автор подвергает деконструкции, показывая его гендерную асимметрию и культурную обусловленность. Убийство чести предстает не как аномалия, а как логическое следствие патриархальной логики. Промывание мозгов нередко приводит к трагедии и здесь это очень интересно и красиво обыгрывается, а уж выводы читатель сделает сам.
3. Полифоническая нарративная структура позволяет Шафак избежать однозначных моральных оценок и представить трагедию во всей ее сложности, вызывая у читателя не только ужас, но и сострадание, не только осуждение, но и понимание.
4. Система персонажей романа построена таким образом, чтобы продемонстрировать различные стратегии существования в ситуации культурного пограничья: от гипертрофированной защиты традиции (Искендер) через ассимиляцию (Эсма) к органичной гибридности (Юнус).
5. Женские образы романа (Пембе, Джамиля) показывают не только страдания, причиняемые патриархатной системой, но и различные формы сопротивления — от индивидуального выбора до сохранения альтернативных духовных традиций.
6. Двуязычная природа романа (написан на английском, переведен на турецкий с участием автора) делает его показательным примером само-перевода, в котором автор пересматривает собственную культурную идентичность через другой язык.

Как справедливо и весьма точно автор статьи старший преподаватель из Узбекистана отмечает в аннотации к своей статье «Лингвопрагматические средства реализации межличностных отношений в художественом тексте (на примере творения Элиф Шафак)» «В произведениях Элиф Шафак межличностные отношения складываются уникальным образом, что еще больше привлекает читателя. Тот факт, что факты связным образом связаны друг с другои придает произведению больше шарма. Человек прочитавший ее произведения один раз, будет испытывать потребность в них снова и снова. Это показывает насколько привлекательно и искуссно написано это произведение.» [13]

А как отмечает Л. Н. Юзмухаметова, тексты Элиф Шафак «могут дать богатый материал для изучения природы» культурных взаимодействий «не только в рамках литературоведческого анализа, но и в других междисциплинарных научных работах». [4]

В заключении хотелось бы отметить, что роман «Честь» с его сложной проблематикой и художественным совершенством остается одним из наиболее значимых произведений турецко-британской писательницы, продолжая привлекать внимание читателей и исследователей по всему миру. Это произведение, которое определенно не назвать проходным. Оно ещё не раз попадет в поле зрения исследователей и будет представлять научный интерес ещё долгое время.

Список литературы:

[1] Воротникова П.В., Алешина Л.Н. «Лингвокультурема «Честь» в современном русском языке

(на материале детектива В. Пронина «Женщина по средам»)» Текст научной статьи по специальности «Языкознание и литературоведение» — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturema-chest-v-sovremennom-russkom-yazyke-na-materiale-detektiva-v-pronina-zhenschina-po-sredam (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Хусейн К. Х. Бездомность против гибридности: страдания женщин и кризис идентичности в романе Элиф Шафак «Честь» // Anbar University Journal of Languages and Literature. — 2022. — Июнь. — URL: https://aujll.uoanbar.edu.iq/index.php/aujll/article/view/174 (дата обращения: 10.03.2026). (На англ. яз.).

[3] Шафак Э. Честь / пер. с англ. Е. Большелаповой. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2019. — 480 с.

[4] Юзмухаметова Л. Н. Эмиграция, травма и женщина в романе Элиф Шафак «Честь» // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2024. — № 3 (84). — С. 151–155.

[5] Genç K. Anglobalisation [Электронный ресурс] // London Review of Books. — 12 April 2012. — URL: https://pugpig.lrb.co.uk/blog/2012/april/anglobalisation (дата обращения: 10.03.2026).

[6] Kirkus Reviews. Honor by Elif Shafak [Электронный ресурс] // Kirkus. — 11 March 2013. — URL: https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/elif-shafak/honor-shafak/print/ (дата обращения: 10.03.2026).

[7] Christine‘s review of Honour [Электронный ресурс] // Goodreads. — 6 March 2013. — URL: https://www.goodreads.com/review/show/554122568 (дата обращения: 10.03.2026).

[8] Отзывы на книгу «Честь» [Электронный ресурс] // Литрес. — URL: https://litres.com/book/elif-shafak/chest-8510992/reviews/ (дата обращения: 10.03.2026).

[9] Ягаева С. Б. Характеристика концепта «честь» (на примере разных лингвокультур) // Гуманитарные и естественно-научные исследования: основные дискуссии. - 2021 - с. 177-180

[10] Собенников А. С. Концепт «честь в языке и культуре / А. С. Собенников // Специальная техника и технологии транспорта. - 2020. - № 6(44). - С. 293-296

[11] Мусханова И.В. «Лингвопедагогический аспект концепта «честь» в парадигме духовно-нравственного воспитания личности» Текст научной статьи по специальности «Науки об образовании» — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopedagogicheskiy-aspekt-kontsepta-chest-v-paradigme-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-lichnosti/viewer (дата обращения: 10.03.2026).

[12] Теккая К. Культурно-специфические элементы в романе Элиф Шафак «Честь»: анализ перевода через теории переписывания и культурного трансфера на английском и турецком языках // Sage Open. — 2026. — Vol. 16, № 1. (На англ. яз.).

[13] Жораева М.Б. «Лингвопрагматические средства реализации межличностных отношений в художественом тексте (на примере творения Элиф Шафак)» Текст научной статьи по специальности «Языкознание и литературоведение» — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskie-sredstva-realizatsii-mezhlichnostnyh-otnosheniy-v-hudozhestvennom-tekste-na-primere-tvoreniya-elif-shafak (дата обращения: 10.03.2026).

[14] Некрасова К.И. «Роман Элиф Шафак «Сорок правил любви» как пример хорошего структурированного повествования» В книге: Обучение иностранному языку в неязыковом вузе: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург, 2023. С. 18-20.

References:

[1] Vorotnikova P.V., Aleshina L.N. “Linguoculturema “Honor” in modern Russian (based on the material of detective V. Pronin “Woman on Wednesdays”) “Text of a scientific article in the specialty “Linguistics and literary criticism” - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturema-chest-v-sovremennom-russkom-yazyke-na-materiale-detektiva-v-pronina-zhenschina-po-sredam (дата обращения: 10.03.2026).

[2] Hussein K.H. Homelessness vs. Hybridity: Women’s Suffering and Identity Crisis in Elif Shafak’s novel “Honor “//Anbar University Journal of Languages and Literature. — 2022. - June. - URL: https://aujll.uoanbar.edu.iq/index.php/aujll/article/view/174 (access date: 10.03.2026). (In English).

[3] Shafak E. Honor/per. From the English E. Bolshelapova. - St. Petersburg: ABC: ABC-Atticus, 2019. - 480 s.

[4] Yuzmukhametova L.N. Emigration, trauma and a woman in Elif Shafak’s novel “Honor “//Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin. — 2024. — № 3 (84). - S. 151-155.

[5] Genç K. Anglobalisation [Электронный ресурс] // London Review of Books. — 12 April 2012. - URL: https://pugpig.lrb.co.uk/blog/2012/april/anglobalisation (access date: 10.03.2026).

[6] Kirkus Reviews. Honor by Elif Shafak [Electronic Resource]//Kirkus. — 11 March 2013. — URL: https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/elif-shafak/honor-shafak/print/ (дата обращения: 10.03.2026).

[7] Christine's review of Honor. — 6 March 2013. - URL: https://www.goodreads.com/review/show/554122568 (access date: 10.03.2026).

[8] Reviews of the book "Honor" [Electronic resource]//Liters. - URL: https://litres.com/book/elif-shafak/chest-8510992/reviews/ (access date: 10.03.2026).

[9] Yagaeva S. B. Characterization of the concept of "honor" (using the example of various linguistic cultures)//Humanitarian and natural-scientific research: main discussions. - 2021 - p. 177-180

[10] Sobennikov A. S. Concept "honor in language and culture/A. S. Sobennikov//Special transport technology and technology. - 2020. - № 6(44). - S. 293-296

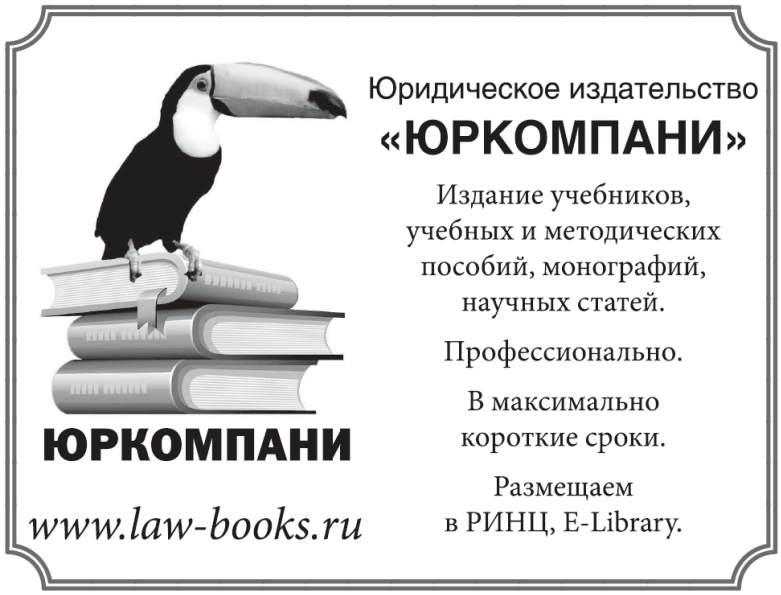
[11] Muskhanova I.V. "Linguopedagogic aspect of the concept of "honor" in the paradigm of spiritual and moral education of a person" Text of a scientific article in the specialty "Sciences of Education" - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopedagogicheskiy-aspekt-kontsepta-chest-v-paradigme-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-lichnosti/viewer (дата обращения: 10.03.2026).

[12] Tekkaya K. Cultural-specific elements in Elif Shafak's novel "Honor": an analysis of translation through theories of rewriting and cultural transfer in English and Turkish//Sage Open. — 2026. — Vol. 16, № 1. (In English).

[13] Zhoraeva M.B. "Linguopragmatic means of implementing interpersonal relations in an artistic text (using the example of the creation of Elif Shafak)" Text of a scientific article in the specialty "Linguistics and literary criticism" - URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskie-sredstva-realizatsii-mezhlichnostnyh-otnosheniy-v-hudozhestvennom-tekste-na-primere-tvoreniya-elif-shafak (дата обращения: 10.03.2026).

[14] Nekrasova K.I. "Roman Elif Shafak "Forty rules of love" as an example of a good structured narrative" In the book: Teaching a foreign language at a non-linguistic university: experience, problems, prospects. Yekaterinburg, 2023. S. 18-20.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-787-792

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

«ЛЮДЕЙ, ОТЛЫНИВАЮЩИХ ОТ УЧЕБЫ…КРИТИКОВАТЬ БЕСПОЩАДНО»: ПОДГОТОВКА К РЕОРГАНИЗАЦИИ ПАРТИЙНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В 1946 ГОДУ

Аннотация. *Статья посвящена анализу процессов подготовки к реорганизации системы партийного образования в Свердловской области в 1946 году. На основе архивных первоисточников рассматривается комплекс проблем, связанных с повышением образовательного уровня номенклатурных кадров в первый послевоенный год.*

В статье показано, что инициатива центральных органов власти по созданию двухгодичных партийных школ столкнулась с серьезными вызовами на местах. На примере Свердловской области раскрываются такие явления, как недостаточное внимание части руководящих работников к заочной форме обучения, кадровый голод в районах, а также использование партийной учебы в качестве инструмента для «избавления» от слабых или скомпрометировавших себя сотрудников. Особое внимание уделяется дискуссиям на партийных совещаниях, где местные руководители открыто критиковали существующие порядки: отсутствие системного подхода к направлению на учебу, низкий качественный состав направляемых кандидатов и недостаточное материально-техническое обеспечение районных партийных работников.

В статье отражен образовательный уровень слушателей, поступивших в Свердловскую областную партийную школу после окончания войны. Приводятся данные о том, что значительная часть кандидатов (45%) не справилась с письменной работой по русскому языку, а отчисления оборачивались значительными финансовыми потерями для государства. В статье также представлена статистика распределения выпускников областной партийной школы 1945/46 учебного года по направлениям партийной и советской работы, что позволяет оценить реальную роль региональных партийных школ в воспроизводстве номенклатурных кадров.

Ключевые слова: *Свердловская область, партийное образование, областная партийная школа, кадровая политика, переподготовка партийных и советских кадров, районная номенклатура, заочное обучение.*

EGOROV Sergey G.,
Candidate of historical sciences, Associate Professor,
Associate professor of the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina P.,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya N.,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,
Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

«PEOPLE WHO SKIPPED THEIR STUDIES... MUST BE CRITICISED MERCILESSLY»: PREPARATION FOR THE REORGANIZATION OF PARTY EDUCATION IN THE MIDDLE URALS IN 1946

Annotation. *The article analyzes the processes of preparation for the reorganization of the party education system in the Sverdlovsk region in 1946. Based on archival primary sources, it examines the complex of problems associated with raising the educational level of nomenklatura cadres in the first post-war year.*

The article shows that the central authorities' initiative to establish two-year party schools faced serious challenges at the local level. Using the example of the Sverdlovsk region, it reveals such phenomena as insufficient attention by some leading officials to correspondence courses, personnel shortages in rural districts, and the use of party studies as a tool for "getting rid" of weak or compromised employees. Special attention is paid to discussions at party meetings where local leaders openly criticized existing practices: the lack of a systematic approach to selecting candidates for training, the low quality of recommended candidates, and insufficient material and technical support for district party workers.

The article reflects the educational level of students admitted to the Sverdlovsk Regional Party School after the war. It provides data indicating that a significant portion of candidates (45%) failed the written Russian language test, and student attrition resulted in substantial financial losses for the state. The article also presents statistics on the distribution of 1945/46 academic year graduates of the Regional Party School across various areas of party and Soviet work, which allows for an assessment of the actual role of regional party schools in the reproduction of nomenklatura cadres.

Key words: *Sverdlovsk region, party education, Regional Party School, personnel policy, retraining of party and soviet cadres, district nomenklatura, correspondence courses*

По окончании Великой Отечественной войны высшее советское руководство обратило серьезное внимание на систему партийного образования, повышение «уровня политической и теоретической подготовки» номенклатурных работников. Внимание к

данному вопросу было обусловлено низким образовательным уровнем партийных и советских кадров, выдвинутых на руководящую работу в военный период.

Весной 1946 года решением Оргбюро ЦК ВКП(б) была создана комиссия по выработке предложений об обновлении системы образования местной номенклатуры. Руководство Управления кадров ЦК ВКП(б) планировало за 3–5 лет переподготовить посредством системы партийных школ и курсов все руководящие партийные и советские кадры. На региональном уровне эта задача возлагалась на двухгодичные партийные школы и 6-месячные курсы переподготовки при них [1, с. 65].

2 августа 1946 года вышло постановление ЦК ВКП(б) «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников», в котором признавалось неудовлетворительное состояние дел в этой сфере. В стране создавалась Высшая партийная школа с трехгодичным сроком обучения для подготовки работников областного, краевого и республиканского уровня. Данная школа организовывалась на базе действующей Высшей школы партийных организаторов при ЦК ВКП(б) [2, с. 40-41]. Помимо этого на основе существующих одногодичных школ создавались областные, краевые и республиканские партийные школы с двухгодичным сроком обучения, которые должны были выпускать кадры «для района и села». Свердловск вошел в число 15 советских городов, где в составе партийных школ предписывалось иметь отделения газетных работников для подготовки редакторов районных и городских газет [2, с. 43-44].

Однако еще до выхода постановления ЦК ВКП(б) обсуждение вопросов, связанных с повышением образовательного уровня региональных работников, оказалось в центре внимания областной партийной организации Среднего Урала. В июне-июле 1946 года руководители Свердловской области рассматривали кадровые проблемы в контексте будущих изменений системы партийного образования. Директор Областной партийной школы Г.И. Жуков уже в начале июля сообщил на областном совещании секретарей по кадрам о переходе с осени 1946 года на двухгодичный срок обучения (при цитировании первоисточников пунктуация, орфография и стиль оригиналов сохранены – авт.): «…партия заботится о том, чтобы подготовка наших партийных кадров была поставлена солидно» [3, л. 129].

В послевоенный период проблем в системе подготовки руководящих региональных работников было достаточно. Первый секретарь Свердловского обкома ВКП(б) В. И. Недосекин отмечал на июньском пленуме нерадивость многих представителей областной номенклатуры в получении образования заочно: «Есть у нас прекрасная форма учебы - заочная партийная школа при ЦК ВКП(б). Многие товарищи - Мишин, Матвеева, Носенков, Кривощеков, Ленский - и ряд других учатся прилежно, но некоторые другие заочники, хотя и находятся на крупной руководящей работе, но надо прямо сказать, остаются неисправимыми невеждами. Это, например, Гильматдинов – зам. председателя Облисполкома, Кузьмин – зам. зав. отделом кадров, Никитин - секретарь Обкома комсомола и некоторые другие. Надо этих людей призвать к порядку, если они не знают, что надо делать (шум). Надо установить контроль за учебой коммунистов, чаще ставить вопросы на собраниях, заседаниях бюро, пленумах, активах, проверять людей по существу, что и как они усвоили, давать советы, указания, проверять выполнение. Людей, отлынивающих от учебы, ленивых, беззаботных, критиковать беспощадно, как невежд, невзирая на лица и занимаемые посты» [4, л. 78].

Отдельные номенклатурные работники осознавали недостаточность своего образовательного и культурного уровня и с наступлением мирного периода ставили вопрос перед областным руководством о создании условий для роста информированности об актуальных внутренних и международных событиях. Характерно выступление секретаря Камышловского горкома Попова: «За годы войны руководители партийных организаций и их основной партийный актив вынес всю тяжесть работы на своих плечах, работая, не считаясь с трудностями и временем – днем и ночью, но сейчас пора бы Обкому партии, Облисполкому, торговому отделу подумать об улучшении материально-бытового положения партийного актива. Ежегодно мы, секретари горкомов и райкомов, используем ранее полученный багаж в практической партийной работе, по сути говоря учимся сами, кто как сумеет, коммунистам предъявляем серьезную претензию в деле повышения идейно-политического уровня, а они нам в свою очередь.

В связи с этим, мне хотелось бы поставить… вопрос, чтобы Обком партии дал возможность приобрести каждому секретарю райкома и горкома партии хороший радиоприемник, чтобы можно было слушать не только одну станцию РВ-5, но и Москву и Ленинград, и знать, что делается за границей. Много опыта передается по радио из других областей республики. Это дало бы, несомненно, возможность роста секретарям райкомов и горкомов партии… следовало бы просить ЦК ВКП(б) установить такой порядок, чтобы получать журналы, книги, особенно новинки в цен-

трализованном порядке. Ведь карты географической не купишь, а она нужна и для коммунистов и в партийной организации…

Московские и свердловские большевики давно прочитали первый том сочинения товарища Сталина, а нам до сих пор не посылают. Разве нам не хочется прочитать произведение товарища Сталина. Очевидно, в отделе пропаганды никто этим делом не занимается. То же самое в отношении второго тома “История дипломатии”, она вышла давно и в Свердловске давно уже видимо товарищи прочитали её, а на переферии этой литературы нет» [4, Лл. 207-208].

Попов также обращал внимание на необходимость получения партийного образования старыми районными руководителями: «Секретари горкомов и райкомов партии не учатся. Я 6-й год работаю в Камышлове и ни разу не вызывался на учёбу. Тут следует вскрыть непорядки отдела кадров. Отдел кадров молодых секретарей посылает на учёбу в Москву, а многих старых по опыту работы и заслуживающих внимания секретарей не учат. Тов. Сталин ещё на мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году говорил, что на ленинские курсы следует направлять первых секретарей горкомов и райкомов партии, а при возвращении - их заместителей» [4, л. 208].

Секретарь обкома по кадрам Н.М. Кокосов отреагировал на это выступление Попова, но при этом поднял вопрос о недостаточно серьезном отношении многих горкомов и райкомов к вопросам партийной учебы: «Некоторые секретари, которые выступали, правильно говорили о недостаточных возможностях учебы и о том, что иногда не удовлетворяют просьбу секретарей в посылке на учебу. Но хорошо иметь желание учиться, надо давать учится и другим, иначе толку будет мало. У нас существует областная партийная школа, которая призвана готовить кадры для нашей области. У нас есть районы, из которых надо просто-напросто силой добывать людей, чтобы послать на учебу.

Тов. Недосекин – А кого посылают?

– Можно привести несколько примеров. Н-Тагильский горком должен был послать 20 человек, мы приняли 11, а 18 забраковали. Послали людей, которых учи год, а потом опять посылай на ту же работу, на которой они будут ещё хуже работать, так как отвыкли от практических навыков этой работы. Алапаевскому горкому надо было послать 6 человек, они послали 13, мы приняли 4, потому что послали таких людей, которые не нужны у них в районе, а что из него выйдет неизвестно. Я взял такую линию - кого послали, того и получайте. Бывают такие случаи, человек проучился, посылают его обратно, говорят, нам его не надо.

Еланский, Сухоложский, Ивдельский, Коптеловский районы должны были послать по 2 человека, но не нашли ни одного и ни одного не послали, а об учёбе толкуют. Любой секретарь этих районов говорит: дайте кадры» [4, л. 247].

Фактически эту оценку Кокосова подтвердил в своем выступлении секретарь Полевского райкома по кадрам Шахмин: «Нам послали на должность второго секретаря тов. Патрушева, это просто было повседневное посмешище всего нашего города, это был не секретарь, а чудо какое-то. Правда, мы его сейчас корректно отправили на учебу в областную партийную школу (смех в зале), он сейчас учится, но я просто боюсь и хочу предупредить отдел кадров обкома, чтобы его опять не направили на руководящую работу, потому что он не годится, а на курсах он сейчас учится и претендует как будто-бы на руководящую работу. Но нам его не надо, мы его даже инструктором использовать не можем» [3, л. 113].

Подобная тактика избавления от слабых кадров через отправку их на партийную учебу была распространенным явлением управленческой практики того времени. Директор областной партийной школы Жуков приводил множество примеров подобного «непартийного подхода»: «К подбору в школу часто подходят райкомы партии, прежде всего, секретари по кадрам так, чтобы сбыть товарища, некуда его девать, и это не единичный случай. Здесь тов. Шахмин из Полевского района сегодня это показал сам. Мы, говорит, рады, что избавились от одного работника и просим его обратно не присылать.

Другой факт такой же. Комарова из Дзержинского райкома города Нижнего-Тагила. Когда посылали туда товарища проверить, то в райкоме говорят: мы очень довольны, что послали ее на учебу, только просим не возвращать. Или вот Кожурова, недавно ее исключили, она тоже была послана из Нижнего-Тагила и они тоже были рады, что избавились от нее.

Тов. Кокосов – Между прочим, каждой из них дали хорошую характеристику и послали в школу.

– Но когда говорят – обратно этого товарища дадим, они начинают просить, чтобы не давали. Вчера подходит секретарь Режевского райкома и говорит: мы вам дадим трех товарищей, просим их не возвращать обратно, пусть другие возьмут. Двоих, пожалуй возьмем, а третьего Долгорукова не надо, потому что он скомпрометировал себя, когда у нас работал, мы его и послали только поэтому» [3, л. 127].

Часто из районов в партийную школу направляли «случайных кандидатов» со скрытыми фактами биографии («дочь полицейского») или недостойным моральным обликом. Так, Ирбитский райком направил на учебу некоего Демина, в отношении которого было возбуждено «три алиментных дела». Находясь в школе, он еще раз женился («четвертая жена у нас в школе»), после чего был исключен [3, Лл. 125-127]. Обращал внимание Жуков и на низкий общеобразовательный уровень поступающих кандидатов. Из 100 работников, утвержденных в областную партийную школу, письменную работу по русскому языку написал на отлично только один человек, на хорошо – 2, 45% - на неудовлетворительно. Директор резонно отмечал: «Некоторые могут придти к такому выводу – формально подходите, где мы будем брать грамотных людей. Но от этого зависит качество подготовки товарищей, которых мы выпустим» [3, л. 125]. Из-за недостаточной подготовки многие слушатели не могли завершить учебу в областной партшколе, что дорого обходилось государству. Стоимость обучения составляла 17 тыс. рублей в год на человека: 10 тыс. рублей – стипендия и 7 тыс. – плата за обучение [3, л. 128].

В 1945/46 учебном году Областную партийную школу окончили 90 человек, из которых 9 не рекомендовались на партийную работу. В Межобластной школе пропагандистов из 62 выпускников четверо также не рекомендовались на дальнейшую агитационно-пропагандистскую работу. Роль региональных образовательных учреждений ВКП(б) видна по тем видам партийной и советской работы, куда предлагалось направить выпускников Свердловской партшколы в 1946 году [3, Лл. 128- 129]:

Областная партийная школа		Межобластная школа пропагандистов	
Рекомендация по направлению на работу	Количество выпускников	Рекомендация по направлению на работу	Количество выпускников
секретари райкомов и горкомов	6	лекторы и преподаватели	4
зав. отделами райкомов и горкомов	18	зав. отделом	13
инструкторы райкомов и горкомов	41	зав. парткабинетом	9
комсомольские работники	15	пропагандисты	23
профсоюзная работа	1	редакторы газет и газетные работники	7
		областная партийная работа	2
	81		58

Послевоенный период стал временем активного поиска новых форм подготовки руководящих кадров в СССР. Высшее руководство страны, инициировало масштабную реорганизацию партийных школ, стремясь создать стройную систему обучения работников областного, районного и сельского звена.

Однако, как показывает опыт Свердловской области, реализация данной цели на местах столкнулась с объективными трудностями военного и послевоенного времени. Существовал серьезный разрыв между потребностью в квалифицированных кадрах и реальным уровнем подготовки кандидатов. Проблема усугублялась кадровым голодом: райкомы, испытывая острую нехватку работников, не всегда могли направить на учебу лучших, а иногда использовали систему партийного образования для перемещения сотрудников, не

справлявшихся со своими обязанностями. Качество набора слушателей зачастую оставалось низким, что отражалось на успеваемости и, в конечном счете, на эффективности использования государственных средств.

Особую остроту приобретал вопрос мотивации самой номенклатуры. Наряду с искренним стремлением ряда региональных руководителей к повышению своего культурного и политического уровня, существовал и значительный слой работников, откровенно игнорировавших партийную учебу.

В целом, несмотря на все издержки переходного периода и организационные сложности, партийные школы Свердловской области в первый послевоенный год были важным источником пополнения региональной номенклатуры, выступая основой для дальнейшего развития системы партийного просвещения.

Список литературы:

[1] Кометчиков И.В. Тульская областная партийная школа – кузница руководящих кадров (1943–1960 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 63–69.

[2] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 8. 1946-1955 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. - М.: Политиздат, 1985.

[3] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 41. Д. 140. Стенограмма Совещания секретарей горкомов, райкомов по кадрам. 9-10 июля 1946 года.

[4] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 4. Стенограмма заседания XXVII пленума Свердловского обкома ВКП(б). I часть. 18-21 июня 1946 года.

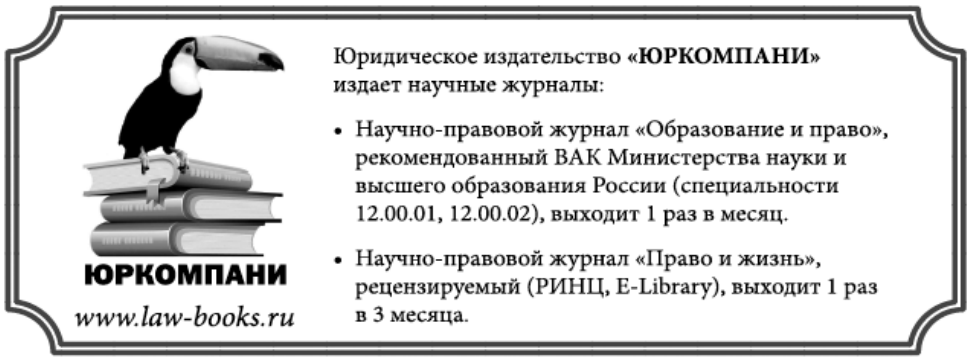
References:

[1] Kometchikov I.V. Tula regional party school - forge of leading personnel (1943-1960)//Bulletin of Kostroma State University. 2022. T. 28, NO. 2. S. 63-69.

[2] Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898-1986). VOL. 8. 1946-1955/Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. - M.: Politizdat, 1985.

[3] Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDOOSO). F. 4. Op. 41. D. 140. Transcript of the Meeting of secretaries of city committees, district committees for personnel. July 9-10, 1946.

[4] EDCO. F. 4. Op. 41. D. 4. Transcript of the meeting of the XXVII Plenum of the Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU (B.). I part. June 18-21, 1946.



Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-793-797

ИСКАНДАРОВ Роберт Рафаилевич,
кандидат медицинских наук,
старший научный сотрудник ФКУ
«Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний»,
e-mail: dr.iskandarov@inbox.ru

ТЮРЕМНАЯ КАМЕРА КАК МОДЕЛЬ СОЗНАНИЯ: ПРОЕКЦИИ ВНУТРЕННИХ ДЕМОНОВ НА СТЕНЫ

Аннотация. *Статья представляет анализ феномена тюремной камеры как пространства, в котором внешняя ограниченность становится условием для внутренней встречи человека с самим собой. Рассматривается механизм проекции, посредством которого стены, решетки и предметы заключения наполняются образами внутренних конфликтов, страхов и подавленных влечений. Опираясь на концепцию Тени в аналитической психологии К.Г. Юнга, идеи М. Фуко о дисциплинарных пространствах, исследования сенсорной депривации и современные данные пенитенциарной психиатрии, автор показывает, что камера есть не просто место лишения свободы, но зеркало души, в котором осужденный встречает собственных демонов. Особое внимание уделяется терапевтическому потенциалу этой встречи: диалог с проецируемыми образами может стать путем к трансформации личности, тогда как их подавление ведет к усугублению внутреннего раскола и развитию психической патологии. На материале клинических наблюдений и философских концепций обосновывается тезис о том, что подлинное освобождение начинается не за стенами, а внутри них.*

Ключевые слова: *тюремная камера, сознание, проекция, Тень, архетип, аналитическая психология, изоляция, дисциплинарное пространство, сенсорная депривация, галлюцинации, трансформация, внутренний конфликт.*

ISKANDAROV Robert Rafailevich,
Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher,
PKU “Research Institute of the Federal Penitentiary Service”

PRISON CELL AS A MODEL OF CONSCIOUSNESS: PROJECTIONS OF INNER DEMONS ON WALLS

Annotation. *The article presents an analysis of the prison cell phenomenon as a space in which external limitations become a condition for a person’s internal meeting with himself. The projection mechanism is considered, through which walls, lattices and objects of conclusion are filled with images of internal conflicts, fears and suppressed drives. Based on the concept of Shadow in the analytical psychology of C.G. Jung, M. Foucault’s ideas about disciplinary spaces, studies of sensory deprivation and modern data of penitentiary psychiatry, the author shows that the cell is not just a place of imprisonment, but a mirror of the soul in which the convict meets his own demons. Particular attention is paid to the therapeutic potential of this meeting: dialogue with projected images can become a path to personality transformation, while their suppression leads to aggravation of the internal split and the development of mental pathology. On the material of clinical observations and philosophical concepts, the thesis is substantiated that true liberation begins not outside the walls, but inside them.*

Key words: *prison cell, consciousness, projection, Shadow, archetype, analytical psychology, isolation, disciplinary space, sensory deprivation, hallucinations, transformation, internal conflict.*

Введение: пространство как психическая реальность. Вопрос о том, как внешнее пространство соотносится с внутренним миром человека, принадлежит к числу древнейших философских проблем. Платон уподоблял душу пещере, на стенах которой пляшут тени, принимаемые узниками

за подлинную реальность. Эта метафора обретает новую глубину, когда речь заходит о реальном, а не метафорическом заключении. Тюремная камера есть предельное воплощение ограниченного пространства, и в этой ограниченности она становится не просто местом отбывания наказания, но экраном, на который проецируются глубинные содержания психики.

Человек, попадая в камеру, приносит с собой не только тело, но и целый мир переживаний, воспоминаний, страхов и желаний. Лишенный привычных стимулов, оторванный от шумящего внешнего мира, он остается наедине с тем, что всегда было внутри, но заглушалось суетой повседневности. Стены камеры не только отделяют от свободы, они возвращают человека к самому себе. Как тонко замечает Гай Сондерс, парадокс одиночного заключения заключается в том, что в изоляции человек оказывается менее одинок: другие люди продолжают существовать для него, он может мыслить вместе с ними, вести внутренний диалог с теми, кто сформировал его как личность [1]. Но вместе с близкими в камеру приходят и демоны. Приходят те, кого он боялся, кого ненавидел, кем сам когда-то был или боялся стать. Приходит его собственная Тень.

Философская традиция экзистенциализма, особенно в лице Жан-Поля Сартра, дала нам формулу: «Ад – это другие». В тюремной камере эта формула переворачивается: ад – это отсутствие других, это одиночество, в котором человек остается наедине с собой. Но Сартр не случайно писал, что ад начинается тогда, когда исчезает возможность спрятаться за взглядом другого, когда некому подтвердить наше существование и не на кого переложить ответственность за наш выбор. В камере, лишенный зеркал в прямом и переносном смысле, человек вынужден сам становиться себе зеркалом. И это зеркало часто оказывается кривым.

Тень и проекция: психологические механизмы встречи с собой. Карл Густав Юнг, разрабатывая концепцию архетипов, уделял особое внимание фигуре Тени. Тень – это та часть психики, которая содержит вытесненные, непризнанные или неразвитые качества личности. Это не обязательно нечто злое, это просто то, что человек не хочет в себе видеть, что скрыто от его сознательного взора. Как отмечается в современных юнгианских исследованиях, Тень не следует воспринимать как некую четкую фигуру, которую можно вывести на свет и сделать полностью обозримой; это скорее направление психики, двигаясь в котором мы можем больше узнать о себе. Тень бесконечна и неисчерпаема, и встреча с ней всегда драматична. Юнг писал, что каждый из нас носит в себе Тень, и чем меньше она присоединена к индивидуальной жизни, тем она чернее и гуще. В обычной жизни мы успешно избегаем встречи с ней, заполняя время работой, общением, развлечениями. Тюрьма лишает этих защит [2].

Механизм, посредством которого внутренние содержания Тени обретают внешнее воплощение, называется проекцией. В психологической литературе проекция описывается как сложная защита, включающая разделение общей оценки на положительный и отрицательный компоненты с последующим приписыванием себе светлого акцента и переносом темного на другого. В обычной жизни мы проецируем свои теневые качества на других людей: собственную агрессивность видим в окружающих, собственную жадность обличаем в ближнем. Но в камере, где других людей почти нет, стены начинают играть роль экрана. На них проецируется то, что раньше проецировалось на соседа, начальника, родственника. Стены не спорят, не сопротивляются, они принимают любую проекцию.

Узник, оставленный наедине с собой, неизбежно сталкивается с тем, что его внутренние демоны обретают форму. Тени на стенах, пятна сырости, трещины в штукатурке, игра света и тьмы – все это становится материалом для проекции. То, что испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет называл «я и мои обстоятельства», здесь сжимается до предела: обстоятельства почти исчезают, и человек остается лицом к лицу с собой. Но это лицо часто оказывается страшным. В психиатрической практике часто наблюдается, как заключенные, особенно в первые недели одиночного содержания, начинали видеть в узорах на стенах лица, фигуры, сцены насилия. Это не галлюцинации в строгом смысле, а скорее парейдолии – иллюзорное восприятие реальных объектов, когда мозг, жаждущий стимулов, достраивает неполные образы до знакомых и значимых. Но содержание этих образов говорит о том, что именно ищет и находит душа.

Архитектура как моральный фактор и зеркало души. Мишель Фуко в своем фундаментальном исследовании «Надзирать и наказывать» подробно анализирует, как тюремная архитектура становится инструментом воздействия на душу заключенного. Он обращает внимание на пенсильванскую модель тюрьмы, где принцип абсолютной изоляции рассматривался как средство нравственного преображения. В тюрьме Черри Хилл, как цитирует Фуко, «стены наказывают за преступление, камера приводит заключенного к самому себе, он вынужден слушать свою совесть» [3].

В этой модели надзирателям не приходится принуждать, ибо принуждает сама материальность вещей. Заключенный, лишенный отвлече-

ний, погружается в молчание собственных страстей и вопрошает свою совесть. Католическая традиция быстро переняла эту технику квакеров: камера воспринималась как ужасный склеп, где вместо червей человека начинают точить муки совести, превращающие жизнь в преждевременный ад. Но одновременно для истинного христианина эта могила становилась колыбелью блаженного бессмертия. Архитектура здесь выступает не просто как оболочка, но как активный участник драмы. Стены не безмолвствуют, они говорят на языке, который узник неизбежно слышит. Но что именно он слышит? Голос совести или голос Тени?

Важно отметить, что разные типы тюремного пространства по-разному моделируют сознание. Камеры с высокими потолками и окнами под самым потолком, как в старых тюрьмах, создают иное переживание, чем низкие бетонные коробки современных следственных изоляторов. В первой архитектуре есть хотя бы иллюзия вертикали, устремленности вверх, возможности взгляда на небо. Вторая придавливает, лишает даже этого. Материал стен также имеет значение: холодный бетон, ржавый металл, осыпающаяся штукатурка – каждый из этих материалов обладает своей тактильной и эмоциональной фактурой, на которую психика реагирует бессознательно. Некоторые пациенты в камерах с сырыми стенами начинали видеть в пятнах плесени разрастающиеся органические формы, которые они интерпретировали как знаки разложения собственного тела или души. Другие, напротив, в царапинах на стене читали послания от предыдущих узников, вступая с ними в молчаливый диалог через годы и десятилетия.

Стэнфордский эксперимент и сила ситуации: рождение демонов из структуры. Филипп Зимбардо в своем знаменитом Стэнфордском тюремном эксперименте 1971 года показал, как тюремная среда трансформирует личность, высвобождая темные стороны человеческой природы. Обычные студенты, случайным образом разделенные на надзирателей и заключенных, уже через несколько дней демонстрировали чудовищные изменения: надзиратели начинали наслаждаться властью и унижать подопечных, заключенные впадали в депрессию и покорность. Эксперимент пришлось прекратить досрочно [4].

Зимбардо назвал этот феномен эффектом Люцифера: системные факторы – идеология, безграничная власть, снятие ответственности, анонимность – способствуют тому, что значительная часть людей начинает совершать насильственные действия. Важно подчеркнуть, что участники проходили тщательный отбор, исключавший людей с неустойчивой психикой и склонностью к агрессии. И тем не менее. Это исследование проливает свет на то, как тюремное пространство не только принимает проекции, но и порождает новые теневые содержания. Человек, поставленный в позицию власти над беззащитным, встречает в себе такого монстра, о существовании которого не подозревал. Камера становится местом, где демоны не только являются изнутри, но и рождаются вновь из самой ситуации.

С психиатрической точки зрения важно различать два процесса: проекцию уже существующих бессознательных содержаний и их актуальное порождение под влиянием стресса, депривации и навязанной роли. В первом случае мы имеем дело с тем, что всегда было в человеке, но скрывалось. Во втором – с тем, чего не было, но что возникло как реакция на невозможные обстоятельства. Тюрьма опасна именно этой способностью творить новую тьму, а не только обнаруживать старую. Виктор Франкл, прошедший концлагерь, писал, что человек способен на любое зло, но также и на любое добро; вопрос в том, какие обстоятельства активируют ту или иную часть его существа [5]. Тюремная камера – это экстремальные обстоятельства, которые испытывают человека на прочность и часто ломают его, создавая монстров там, где были просто слабые или заблудшие люди.

Сенсорная депривация и встреча с архаическим. Современные исследования сенсорной депривации показывают, что ограничение притока внешних стимулов быстро приводит к глубоким изменениям психического состояния. Уже через несколько часов изоляции у испытуемых возникают трудности с концентрацией внимания, эмоциональная лабильность, а затем и иллюзорные восприятия. Мозг, лишенный нормальной сенсорной нагрузки, начинает сам производить стимулы, и эти стимулы черпаются из глубин бессознательного.

В тюремной камере этот процесс усугубляется многократно. Недели и месяцы одиночества приводят к тому, что грань между внутренним и внешним стирается. Сны становятся ярче и часто неотличимы от яви. Галлюцинации, особенно на начальных этапах, носят характер гипнагогических – пограничных между сном и бодрствованием. Затем они могут становиться более развернутыми, приобретая черты архетипических образов. В своей практике я фиксировал случаи, когда заключенные сообщали о явлениях им существ, которых они идентифицировали как демонов, ангелов, умерших родственников или мифологических персонажей. Культурный фон определяет конкретную форму, но структура переживания универсальна: встреча с иным, которое одновременно является глубоко своим.

Александр Гиршон в своих размышлениях о теневом мире выделяет три слоя: слой теневых персонажей, личную тень и архетипическую тень. Теневые персонажи – это относительно легко осознаваемые импульсы, с которыми человек может справиться: раздражение, зависть, похоть, жадность. Личная тень ощущается как равная «я», взаимодействие с ней требует серьезных усилий и часто сопровождается страхом: это те качества, которые человек не просто подавляет, но активно отрицает в себе. Архетипическая тень переживается как сила, большая, чем отдельная личность, – это встреча с коллективным бессознательным, с древними образами зла, смерти, разрушения, которые человечество веками проецировало на богов и демонов [6].

В камере человек может встретиться со всеми этими уровнями. Теневые персонажи являются в виде навязчивых мыслей, неожиданных желаний, импульсов агрессии или самоуничтожения, которые кажутся чуждыми, но при внимательном рассмотрении оказываются глубоко личными. Личная тень предстает как фигура внутреннего врага, с которым ведется непрекращающийся диалог, как с равным, но ненавистным противником. Архетипическая тень может явиться в снах и галлюцинациях, принимая обличье монстров, вампиров, пришельцев, зомби – тех образов, которые, как отмечают юнгианцы, появляются в сновидениях на первых этапах работы с Тенью, сигнализируя о приближении к глубинным слоям психики.

Диалог с тенью: терапевтический потенциал изоляции. И здесь открывается главный парадокс: камера, будучи местом предельного страдания, может стать местом исцеления. Диалог с Тенью, осознание и принятие своих подавленных сторон – это путь к индивидуации, к обретению подлинной целостности, о которой писал Юнг. Как пишет Кен Уилбер, первый шаг в работе с теневыми тенденциями – дать им волю, создать для них пространство, подружиться с теми неудобными чувствами, которые мы прежде презирали [6]. В обычной жизни у нас нет на это ни времени, ни сил, ни мужества. В камере – есть только это.

Конечно, возможность такой работы зависит от множества факторов: длительности срока, условий содержания, личностных особенностей, наличия поддержки. Без специальной психотерапевтической помощи встреча с Тенью чаще всего оборачивается катастрофой: человек не выдерживает напряжения и либо впадает в тяжелую депрессию с суицидальными мыслями, либо психотически декомпенсируется, либо, напротив, ожесточается и идентифицируется с Тенью, становясь тем монстром, которого встретил. Это путь в бездну. Но существует и другой путь, который возможен при минимальной поддержке извне или даже при наличии внутренней психологической культуры.

В своей практике я наблюдал случаи удивительных трансформаций. Один пациент, осужденный за насильственное преступление, в первые месяцы заключения постоянно видел в углу камеры фигуру, которую называл «зверем». Зверь угрожал ему, насмехался, предрекал гибель. В ходе психотерапевтической работы удалось выяснить, что этот зверь воплощал ту часть его личности, которую он сам боялся и ненавидел, – ту самую, которая совершила преступление. Признав, что зверь – это он сам, не в переносном, а в самом буквальном смысле, пациент смог начать диалог. Он перестал бороться с видением и попытался его понять. Постепенно фигура менялась, теряла угрожающие черты, а через полгода исчезла совсем, уступив место спокойному принятию себя. Это не означало, что он оправдал свое прошлое, но он перестал отщеплять его от себя, и это стало началом настоящего исправления, а не просто внешнего соблюдения режима.

Заключение: освобождение внутри стен. Возвращаясь к метафоре Платона, можно сказать, что узник в пещере видит тени, принимая их за реальность. Освобождение начинается тогда, когда он понимает, что тени – всего лишь тени, проекции того, что находится за его спиной. В тюремной камере этот поворот возможен: от восприятия стен как враждебной реальности – к пониманию их как зеркала; от борьбы с демонами снаружи – к диалогу с демонами внутри.

Драматический текст, где Приговоренный разговаривает со своей Тенью, точно схватывает эту ситуацию: «Ты всего лишь заслоняешь свет», – говорит Тень. И Приговоренный отвечает: «Да, я всего лишь тюрьма, темная могила светлых сил, иллюзорная самоидентичность». В этом диалоге – суть того, что происходит с человеком в заключении: он встречает себя как тюрьму, как ограничение, как тьму. Но именно в этой встрече может родиться новое понимание себя.

Эпиктет учил, что человека тревожат не вещи, а представления о вещах. Тюремная камера – это вещь, предельно жесткая и реальная. Но то, что человек в ней переживает, определяется не только кубатурой и наличием решеток, но и тем, какие представления он привносит и какие образы проецирует на стены. Осознать проекцию как проекцию, увидеть за демоном свою собственную отвергнутую часть – значит сделать первый шаг к свободе, даже оставаясь за решеткой.

Тюремная камера как модель сознания – это не просто метафора. Это реальность, в которой внешнее и внутреннее перестают быть разделен-

ными. Стены становятся границами души, решетки – узорами навязчивых мыслей, замки – блокадами чувств. И если человек способен увидеть за этими проекциями себя, если он способен вступить в диалог со своей Тенью, камера может стать местом подлинного освобождения. Не от тюрьмы, а от иллюзии, что мы – только светлая сторона себя, что тьма находится где-то вовне и с ней нужно бороться до уничтожения. Великие мистерии древности учили, что путь к свету лежит через встречу с тьмой. Тюремная камера, этот склеп при жизни, может стать местом такой мистерии – или местом окончательной гибели. Выбор, насколько он возможен в неволе, остается за человеком.

Список литературы:

[1] Saunders, G. Acts of Consciousness: A Social Psychology Standpoint / G. Saunders. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 330 p.

[2] Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – Москва: Ренессанс, 1991. – 304 с.

[3] Фуко, М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / М. Фуко. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.

[4] Зимбардо, Ф. Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев / Ф. Зимбардо. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2013. – 740 с.

[5] Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – Москва: Прогресс, 1990. – 368 с.

[6] Гиршон, А. Е. Маленькая книга о тени / А. Е. Гиршон. – Москва: Ridero, 2017. – 109 с.

[7] Искандаров, Р. Р. Анализ субъективного опыта ограничения воли, автономии и выбора у лиц с психическими расстройствами и/или зависимостями в условиях лишения свободы / Р. Р. Искандаров // Право и управление. – 2025. – № 7. – С. 328–332. – EDN EQRFNA.

[8] Искандаров, Р. Р. Суицидологическая уязвимость в пенитенциарной психиатрии: феноменология, философия и организация профилактики / Р. Р. Искандаров // Право и управление. – 2025. – № 8. – С. 218–221. – EDN AJXHVI.

References:

[1] Saunders, G. Acts of Consciousness: A Social Psychology Standpoint / G. Saunders. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 330 p.

[2] Jung, K. G. Archetype and Symbol/K. G. Jung. - Moscow: Renaissance, 1991. - 304 s.

[3] Foucault, M. Supervise and punish: Birth of prison/M. Foucault. - Moscow: Ad Marginem, 1999. - 480 s.

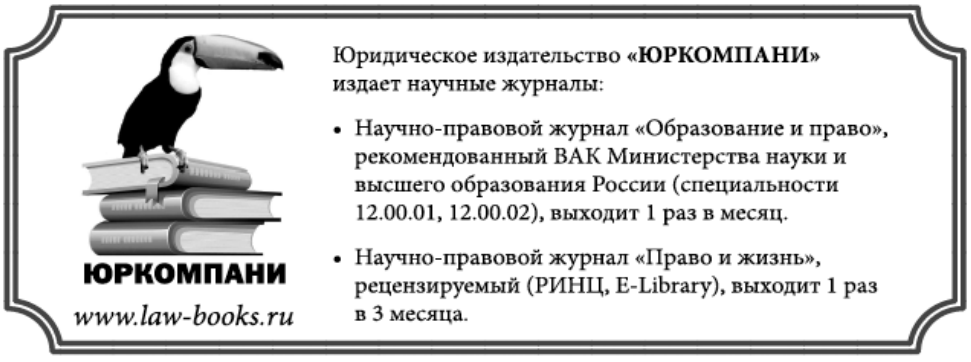
[4] Zimbardo, F. Lucifer effect: why good people turn into villains/F. Zimbardo. - Moscow: Alpina non-fiction, 2013. - 740 s.

[5] Frankl, W. Man in Search of Meaning/W. Frankl. - Moscow: Progress, 1990. - 368 p.

[6] Hirshon, A.E. A little book about shadow/A.E. Hirshon. - Moscow: Ridero, 2017. - 109 s.

[7] Iskandarov, R. R. Analysis of the subjective experience of limiting will, autonomy and choice in persons with mental disorders and/or addictions in prison/R. R. Iskandarov//Law and management. – 2025. – № 7. - S. 328-332. – EDN EQRFNA.

[8] Iskandarov, R. R. Suicidological vulnerability in penitentiary psychiatry: phenomenology, philosophy and organization of prevention/R. R. Iskandarov// Law and management. – 2025. – № 8. - S. 218-221. – EDN AJXHVI.



Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-798-806

ЕЛАЕВ Алексей Александрович,
Доцент,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
Высшая школа философии, истории и социальных наук,
Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кафедра теории и истории государства и права,
соискатель, ORCID: 0000-0001-9031-3825,
e-mail: elaev@yandex.ru

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОБ ОРДЕНАХ, МЕДАЛЯХ И ПОЧЁТНЫХ ЗВАНИЯХ СССР 1979 ГОДА В СИСТЕМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД СССР

Аннотация. *Статья посвящена комплексному историко-правовому анализу Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1979 года № 360-X, в системе правового регулирования института государственных наград СССР. Рассматривается место данного кодифицированного акта в эволюции советской наградной системы, определяемой тремя основными периодами: 1922-1942 гг. (становление и централизация), 1942-1988 гг. (мобилизационная адаптация и системное делегирование) и 1988-1991 гг. (конституционный кризис). Особое внимание уделяется характеристике Общего положения 1979 года как первого в истории СССР акта, закрепившего полный перечень государственных наград, установившего их иерархию и правовой режим. Анализируются правовая природа государственных наград как института, соотношение публичных и частных интересов в их правовом режиме, система органов, уполномоченных в сфере награждения, процедурные аспекты представления к наградам, основания и порядок лишения наград, а также вопросы преемственности наградной системы в постсоветский период. В работе использованы историко-правовой, формально-догматический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы исследования.*

Ключевые слова*: институт государственных наград СССР, кодификация наградного законодательства, правовой режим наград, делегирование полномочий, периодизация наградной системы.*

ELAEV Aleksei Alexandrovich,
Immanuel Kant Baltic Federal University, Hight School of Philosophy,
History and Social Sciences, Associate Professor, Ural Institute of Management –
branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Department of Theory and History of State and Law, PhD Candidate

THE 1979 STATUTE ON ORDERS, MEDALS, AND HONORARY TITLES OF THE USSR IN THE SYSTEM OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTE OF STATE AWARDS OF THE USSR

Annotation. *The article is devoted to a comprehensive historical and legal analysis of the General Statute on Orders, Medals, and Honorary Titles of the USSR, approved by the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 3, 1979, within the system of legal regulation of the institute of state awards of the USSR. The article examines the place of this codified act in the*

evolution of the Soviet award system, defined by three main periods: 1922-1942 (formation and centralization), 1942-1988 (mobilization adaptation and systematic delegation), and 1988-1991 (constitutional crisis). Particular attention is paid to the characterization of the 1979 Statute as the first act in the history of the USSR to establish a complete list of state awards, defining their hierarchy and legal regime. The article analyzes the legal nature of state awards as an institution, the correlation of public and private interests in their legal regime, the system of bodies authorized in the sphere of awarding, procedural aspects of nomination for awards, the grounds and procedure for deprivation of awards, as well as issues of continuity of the award system in the post-Soviet period. The research employs historical-legal, formal-dogmatic, comparative-legal, and systemic-structural methods.

Key words*: state awards of the USSR, codification of award legislation, legal regime of awards, delegation of powers, periodization of the award system.*

Введение: теоретические проблемы изучения института государственных наград

Институт государственных наград представляет собой сложный правовой феномен, находящийся на пересечении публичного права, социальной политики, идеологии и символической коммуникации государства с обществом. С теоретико-правовой точки зрения, государственные награды выполняют одновременно несколько функций: поощрительную (стимулирование социально-одобряемого поведения), статусную (маркирование особого положения награжденного лица в социальной структуре), идеологическую (трансляция государственных ценностей) и мемориальную (увековечение заслуг). Как справедливо отмечают исследователи, государственные награды и наградная политика государства выступают в качестве морально-правового стимула для граждан, причем эта функция имела особое значение именно в советский период [5].

В советской правовой доктрине награды традиционно рассматривались как элемент публичного права, форма поощрения со стороны государства. Принципиальное значение для понимания правовой природы советских наград имеет то обстоятельство, что они представляли собой правовой институт – совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с учреждением наград, представлением к награждению, вручением наград, правовым статусом награжденных лиц, а также с оборотом и сохранностью наградных знаков. Нормы о наградах СССР входили в различные отрасли – конституционное, административное, трудовое право, право социального обеспечения.

Кодификация наградного законодательства 1979 года стала ключевым событием в эволюции института государственных наград СССР, завершив длительный период его формирования и развития. Однако для понимания значения Общего положения 1979 года необходимо рассмотреть его в контексте общей периодизации истории института государственных наград СССР, а также проанализировать его структуру, содержание и место в системе правового регулирования.

Методология исследования

Достижение поставленной цели требует применения комплекса взаимодополняющих методов историко-правового исследования. Историко-правовой метод позволяет провести диахронический анализ трансформации института государственных наград, рассматривая его в неразрывной связи с политическим, социальным и военным контекстом советской эпохи. Формально-догматический метод применяется для тщательного анализа текстов нормативно-правовых актов: Конституций СССР 1924, 1936, 1977 годов, законов об их изменении, указов Президиума Верховного Совета СССР, Общего положения 1979 года, статутов и положений о конкретных государственных наградах. Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления правовых моделей, действовавших в разные выделяемые периоды. Системно-структурный метод необходим для понимания места Общего положения 1979 года в системе правового регулирования института государственных наград СССР.

Источниковую базу исследования образуют несколько групп документов. Нормативно-правовые акты: конституции и законы СССР, указы и постановления Президиума Верховного Совета СССР, утвержденные им положения о государственных наградах, включая Общее положение об орденах, медалях и почетных званиях СССР от 3 июля 1979 года. Архивные материалы: документы Верховного Совета СССР, в частности, докладные записки, справки и переписка Отдела наград, раскрывающие практические проблемы награждения в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Наградные документы: орденские книжки, грамоты и удостоверения к медалям. Научная литература: работы по советской фалеристике (П.В. Ахманаев, В.А. Дуров), исследующие историю конкретных наград, а также труды по конституционному и административному праву, разрабатывающие теоретические аспекты института государственных наград.

Периодизация института государственных наград СССР

На основе анализа эволюции института государственных наград, прежде всего такого его ключевого элемента как делегирование полномочий по награждению, можно выделить три основных периода в его истории.

Первый период (1922-1942 гг.): становление и централизация института государственных наград. Данный этап охватывает формирование общесоюзной наградной системы от момента образования СССР до начала Великой Отечественной войны. Он характеризуется переходом от ситуативного, военно-административного регулирования, унаследованного от практики РСФСР периода Гражданской войны, к жёсткой конституционной централизации.

В 1922-1933 гг. продолжала функционировать наградная система союзных республик, созданная в годы Гражданской войны [1]. Награждение республиканскими наградами производилось по ряду причин: отсутствие общесоюзной наградной системы; продолжающиеся вооруженные столкновения на национальных окраинах; наличие в республиках всех элементов наградной системы – нормативно-правовой базы, республиканских органов власти и орденов. В 1924 г. учреждается первая общесоюзная награда – орден Красного Знамени СССР, формируется союзная вертикаль награждения. Однако одновременно в союзных республиках продолжали существовать собственные награды. Таким образом, на первом этапе функционировали параллельно союзная и республиканские ветви наградной системы, что создавало проблему «наградного дуализма» [16].

Первая попытка систематизации наградного законодательства была предпринята в 1936 году, когда ЦИК и СНК СССР утвердили первое «Общее положение об орденах Союза ССР». Оно закрепило разделение: награждение в мирное время – прерогатива ЦИК СССР, в военное – передается Народному комиссариату обороны СССР. Положение 1936 года частично разрешило противоречия «наградного дуализма», но не устранило их полностью, создав основу для последующей централизации.

Принятие Конституции СССР 1936 года и закрепление права награждения исключительно за Президиумом Верховного Совета СССР (ст. 49) ознаменовало завершение этапа централизации. Сформировалась модель абсолютной монополии высшего государственного органа на наградную прерогативу. Даже в условиях локальных военных конфликтов конца 1930-х годов все награждения производились исключительно указами Президиума Верховного Совета СССР.

Второй период (1942-1988 гг.): мобилизационная адаптация и системное делегирование. Великая Отечественная война стала катализатором кардинальной трансформации института государственных наград. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1942 года легализовал и систематизировал делегирование права награждения рядом орденов и медалей командованию фронтов, армий, флотов [15]. Параллельно возникла модель так называемого «массового» награждения, при которой Президиум Верховного Совета СССР общим указом награждал категорию лиц, а право установления конкретного состава награжденных и вручения наград делегировалось нижестоящим органам.

В послевоенный период эта модель стала доминирующей, распространившись на сферу трудовых и социальных поощрений. Учреждение медалей «Ветеран труда», «За спасение утопающих», «За отличие в охране государственной границы СССР», а также других, в том числе многочисленных юбилейных медалей, строилось по одной схеме: Указ Президиума Верховного Совета СССР либо определял категорию награждаемых, а право формирования списков и вручения делегировалось министерствам, ведомствам, исполкомам местных Советов, либо прямо предоставлял органам государственной власти СССР, союзных или автономных республик награждать определённой государственной наградой СССР от имени Президиума Верховного Совета СССР.

К концу 1970-х годов наградная система СССР представляла собой сложный массив нормативных актов, формировавшийся на протяжении более пяти десятилетий. Количество орденов и медалей многократно возросло, активно развились новые виды наград (почетные звания), накопилось множество статутов и положений, принятых в разное время и не всегда согласованных между собой. Проблема кодификации имела не только практическое, но и теоретическое значение: требовалось не просто объединение разрозненных норм, принятых в различные периоды существования СССР, но их систематизация на основе единых принципов, определение иерархии наград и легитимация сложившейся наградной практики в контексте новой Конституции СССР 1977 года.

Третий период (1988-1991 гг.): конституционный кризис института. Конституционные реформы 1988-1990 годов привели к глубокой деформации института государственных наград. Закон СССР от 1 декабря 1988 года разделил полномочия по учреждению наград (передав их Верховному Совету СССР) и по награждению (оставив за Президиумом Верховного Совета СССР). Закон от 14 марта 1990 года, учредив пост Президента СССР, передал ему право награждения, не предусмо-

трев механизма делегирования. Возник правовой вакуум, приведший к параличу системы массовых награждений.

Общее положение 1979 года как кодифицированный акт

Принятие Указом Президиума Верховного Совета СССР № 360-X от 3 июля 1979 года Общего положения об орденах, медалях и почетных званиях СССР (далее – Общее положение 1979 года, Общее положение) стало ключевым моментом в истории института государственных наград. Данный акт не просто механически объединил существующие нормы, а провел их глубокую систематизацию, создав единый кодифицированный документ, регулирующий все аспекты наградной системы страны.

В Преамбуле документа подчеркивалось идеологическое значение наград: «Советские награды, учрежденные в годы гражданской войны, первых пятилеток, во время Великой Отечественной войны, восстановления и развития народного хозяйства, символизируют историю нашей великой Родины, говорят о беззаветном героизме и славном труде всех поколений советских людей во имя торжества коммунизма. Награждение государственными наградами СССР является одним из важнейших моральных стимулов в развитии трудовой и общественно-политической активности советских граждан».

Статья 1 Общего положения определяла правовую природу наград: «Ордена, медали и почетные звания СССР являются государственными наградами СССР за особые заслуги в коммунистическом строительстве, защите социалистического Отечества, а также за иные особые заслуги перед Советским государством и обществом». Статья 2 устанавливала, что в соответствии с Конституцией СССР ордена и медали учреждаются, а почетные звания устанавливаются Президиумом Верховного Совета СССР. Статья 3 расширяла субъектный состав награждаемых, предусматривая возможность награждения не только граждан СССР, но также предприятий, учреждений, организаций, воинских частей, административно-территориальных единиц, а также иностранных граждан и организаций.

С теоретической точки зрения, перед законодателем 1979 года стояла проблема выбора модели кодификации: либо создание рамочного акта, устанавливающего общие принципы и отсылающего к отдельным статутам, либо создание исчерпывающего кодифицированного акта, включающего все элементы правового института. Был избран первый путь – Положение 1979 года стало рамочным актом, установившим общие принципы, иерархию и правовой режим наград, при сохранении отдельных статутов и положений для конкретных наград.

Перечень государственных наград СССР в Положении 1979 года

Принципиальной новацией Общего положения 1979 года стало то, что оно впервые в истории СССР закрепило полный систематизированный перечень всех государственных наград. Ранее такие перечни либо отсутствовали, либо содержались в разрозненных нормативных актах и справочных изданиях, но не имели официального кодифицированного характера [18, с. 23].

Глава II «Высшие степени отличия» (статьи 8-13) устанавливала: звание Героя Советского Союза, звание Героя Социалистического Труда, звание «Город-Герой», звание «Крепость-Герой», звание «Мать-героиня».

Глава III «Ордена СССР» (статья 14) содержала полный перечень орденов, классифицированных по целевому назначению:

1. для награждения за революционные, трудовые заслуги, заслуги в защите социалистического Отечества;
2. для награждения за заслуги в защите социалистического Отечества и другие военные заслуги;
3. для награждения за высшие степени отличия и за заслуги в укреплении обороноспособности страны.

В перечень входили: орден Ленина, орден Октябрьской Революции, орден Красного Знамени, орден Суворова I, II и III степени, орден Ушакова I и II степени, орден Кутузова I, II и III степени, орден Нахимова I и II степени, орден Богдана Хмельницкого I, II и III степени, орден «Победа», орден Славы I, II и III степени, орден Трудового Красного Знамени, орден Дружбы народов, орден Красной Звезды, орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» I, II и III степени, орден «Знак Почета», орден «Мать-героиня», орден «Материнская слава» I, II и III степени.

Глава IV «Медали СССР» (статьи 15-18) закрепляла перечень медалей, классифицированных на шесть групп:

1. Медали – знаки особого отличия: медаль «Золотая Звезда», золотая медаль «Серп и Молот».
2. Медали за трудовые заслуги: медаль «За трудовую доблесть», медаль «За трудовое отличие», медаль «Ветеран труда», медаль «За восстановление предприятий черной металлургии Юга», медаль «За восстановление угольных шахт Донбасса», медаль «За освоение целинных земель», медаль

«За строительство Байкало-Амурской магистрали», медаль «За преобразование Нечерноземья РСФСР», медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

3. Медали за военные заслуги: медаль «За отвагу», медаль Ушакова, медаль «За боевые заслуги», медаль Нахимова, медаль «За отличие в охране государственной границы СССР», медаль «За отличную службу по охране общественного порядка», медаль «За отличие в воинской службе» I и II степени, медаль «За укрепление боевого содружества».
4. Медали за заслуги в решении народно-хозяйственных задач, охране граждан, выполнении государственных обязанностей: медаль «За спасение утопающих», медаль «За отвагу на пожаре».
5. Медали за оборону, взятие и освобождение городов и территорий: медали «За оборону Ленинграда», Одессы, Севастополя, Сталинграда, Киева, Кавказа, Советского Заполярья; медали «За взятие Будапешта», Кенигсберга, Вены, Берлина; медали «За освобождение Белграда», Варшавы, Праги; медаль «Партизану Отечественной войны» I и II степени.
6. Юбилейные медали: медаль «За доблестный труд (За воинскую доблесть) в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», медали «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль «За победу над Японией», юбилейные медали «XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии», «30 лет Советской Армии и Флота», «40 лет Вооруженных Сил СССР», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «70 лет Вооруженных Сил СССР», медаль «В память 800-летия Москвы», медаль «В память 250-летия Ленинграда», медаль «В память 1500-летия Киева».

Глава V «Почетные звания СССР» (статья 19) содержала перечень почетных званий, включая звания народный артист СССР, народный художник СССР, заслуженный летчик-испытатель СССР, заслуженный штурман-испытатель СССР, заслуженный военный летчик СССР, заслуженный военный штурман СССР, а также многочисленные отраслевые звания (заслуженный врач, учитель, строитель, изобретатель и др.).

Таким образом, Положение 1979 года впервые установило исчерпывающий официальный перечень всех государственных наград СССР, существовавших на момент его принятия, что имело фундаментальное значение для систематизации института [19, с. 67].

Правовая природа государственных наград как института

Положение 1979 года выявляет сложную правовую структуру наград, характерную для института государственных наград. Во-первых, награды выступают как элемент правового статуса награждённого. Получение награды влекло за собой не только моральное признание, но и определенные юридические последствия: право на льготы (ст. 33), особый почет и уважение со стороны государственных органов (ст. 32), а также особые обязанности – «служить примером в труде, выполнении воинского долга» (ст. 31).

Статья 33 Общего положения устанавливала, что лица, награжденные орденами, медалями и почетными званиями СССР, пользуются льготами, предусмотренными законодательством Союза ССР и союзных республик. Это положение создавало основу для формирования системы льгот и преимуществ для награжденных, которая в 1970-е гг. стала получать развитие в законодательстве о ветеранах и социальном обеспечении.

Во-вторых, награды обладают свойством публичности. Положение неоднократно подчеркивает, что награждение – это акт, имеющий общественное значение. Статья 26 требовала вручения наград «в обстановке торжественности и широкой гласности», а статья 32 обязывала государственные органы проводить работу по пропаганде достижений награжденных. Это превращало награду из индивидуального акта поощрения в инструмент социального воздействия и воспитания [21, с. 134].

В-третьих, награды порождают сложные правоотношения по поводу самого знака отличия как предмета. Статья 37 устанавливала особый правовой режим: после смерти награжденного награды остаются в семье «как память», но при отсутствии наследников возвращаются в Президиум Верховного Совета СССР. Это указывает на то, что государство сохраняло определенные права на награды как на символы государственного признания, а награжденный обладал не правом собственности в классическом цивилистическом смысле, а особым правом хранения и ношения.

Система и компетенция органов в сфере награждения

Статья 4 Общего положения закрепляла исключительное право Президиума Верховного Совета СССР на награждение, одновременно допуская делегирование: «Президиум Верховного Совета СССР может уполномочить Президиумы Верховных Советов союзных республик, Президиумы Верховных Советов автономных республик, другие государственные органы производить награждение граждан от его имени». Это положение легализовало утверждённую правовыми актами Президиума Верховного Совета СССР практику делегированного награждения, особенно в отношении «массовых» медалей .

Статья 5 ввела принципиально важное разграничение между статутом (для орденов) и положением (для медалей и почетных званий). Статут ордена являлся более сложным документом, определявшим основания награждения, степень ордена, старшинство при ношении, правила повторного награждения и особые права награжденных. Общего положения о медалях и почетных званиях имели менее сложную структуру, что отражало их место в наградной иерархии.

Глава VI детально регламентировала порядок представления к награждению. Статья 22 юридически закрепила роль трудовых коллективов и партийных органов: «Ходатайства о награждении возбуждаются перед вышестоящим органом или организацией, как правило, в трудовом коллективе, где работает представляемый к награде. Ходатайство возбуждается администрацией совместно с партийной, профсоюзной и комсомольской организациями».

Статья 23 устанавливала порядок рассмотрения ходатайств: «Представления о награждении государственными наградами СССР направляются через соответствующие министерства, государственные комитеты, ведомства СССР, Советы Министров союзных республик, другие государственные органы. Порядок представления к награждению военнослужащих определяется Министерством обороны СССР, Министерством внутренних дел СССР и Комитетом государственной безопасности СССР».

Статья 24 определяла субъектов, имеющих право вносить представления о награждении: «Право вносить представления о награждении государственными наградами СССР предоставляется: Президиумам Верховных Советов союзных республик, министерствам, государственным комитетам и ведомствам СССР, общесоюзным органам общественных организаций, другим государственным органам по согласованию с Отделом наград Президиума Верховного Совета СССР».

Высшие степени отличия и экстраординарный правовой статус

Особый теоретический интерес представляет правовой режим высших степеней отличия. Статья 8 определяла, что высшими степенями отличия СССР являются звание Героя Советского Союза и звание Героя Социалистического Труда. Статья 9 устанавливала знаки особого отличия для Героев – медаль «Золотая Звезда» и золотую медаль «Серп и Молот».

Статья 10 предусматривала награждение городов и крепостей: «Звание «Город-Герой» присваивается городам, трудящиеся которых проявили массовый героизм и мужество в защите Родины в Великой Отечественной войне. Звание «Крепость-Герой» присвоено Брестской крепости».

Статья 11 закрепляла в качестве нормативной уникальную правовую норму: Герою Советского Союза и Герою Социалистического Труда, награжденным второй медалью «Золотая Звезда» или золотой медалью «Серп и Молот», а также лицу, удостоенному обоих званий, сооружался бронзовый бюст на родине. Эта норма подчеркивала экстраординарный характер данных отличий – государство брало обязательство по увековечению памяти гражданина еще при его жизни, что не предусматривалось для кавалеров даже высших орденов (за исключением не применявшегося до 2000 года положения об увековечении награждённых высшим военным орденом «Победа»). Важным отличием установленного нормативного регулирования от ранее действовавшего являлась возможность установки бюстов лицам, которым было присвоено оба звания.

Статьи 12-13 регулировали правовой режим звания «Мать-героиня» и награждения орденом «Материнская слава» и медалью Материнства. Эти награды имели особую социальную направленность, поощряя многодетность и воспитание детей. Стоит отметить, что до принятия Общего положения звание «Мать-героиня» относилось к почётным званиям, а не к высшим степеням отличия, что отражается также в текстах Грамоты Президиума Верховного Совета СССР награждаемым лицам.

Порядок вручения наград и правовой статус награжденных

Глава VII регулировала порядок вручения государственных наград. Статья 26 устанавливала, что вручение производится в торжественной обстановке, как правило, по месту работы, службы или жительства награжденного. Вручение наград лицам, находящимся на лечении, производится в

лечебных учреждениях, а лицам, находящимся в местах лишения свободы, – администрацией этих учреждений.

Статья 27 определяла, что вручение наград может производиться депутатами Советов, руководителями министерств и ведомств, командованием воинских частей, руководителями предприятий и организаций, представителями общественных организаций.

Статья 28 устанавливала, что ордена, медали и документы к ним вручаются награжденным лично. В случае смерти награжденного ордена, медали и документы к ним остаются в семье как память.

Глава VIII определяла права и обязанности награжденных. Статья 31 обязывала награжденных «служить примером в труде, выполнении воинского долга, соблюдении правил социалистического общежития, беречь честь награды». Статья 32 обязывала государственные органы и общественные организации широко пропагандировать достижения награжденных. Статья 33 закрепляла право на льготы, а статья 34 – право награжденных на ношение наград в соответствии с установленными правилами.

Проблема ответственности и охранительных правоотношений

Глава IX вводила исчерпывающий перечень оснований для лишения наград. Статья 40 устанавливала: «Лишение государственных наград СССР может быть произведено только Президиумом Верховного Совета СССР по представлению суда в случае осуждения награжденного за тяжкое преступление, а также по представлению прокурора, органов следствия, командования воинских частей, общественных организаций в случае совершения награжденным проступка, порочащего его как награжденного, или в случае лишения награжденного гражданства СССР».

Статья 41 предусматривала восстановление в правах на награды в случае реабилитации: «В случае реабилитации лица, лишенного государственных наград СССР по приговору суда, вопрос о восстановлении его в правах на награды решается Президиумом Верховного Совета СССР по представлению суда, вынесшего оправдательный приговор, или вышестоящего суда».

С теоретической точки зрения, лишение награды представляло собой особый вид правоограничения, связанный с утратой почетного правового статуса. Примечательно, что основанием для лишения могло служить не только уголовное преступление, но и административно- или морально-правовой деликт – «проступок, порочащий его как награжденного».

Глава X содержала важные запреты. Статья 42 запрещала учреждение и изготовление значков, имеющих по внешнему виду сходство с орденами и медалями СССР. Статья 43 запрещала ношение орденов, медалей и нагрудных знаков к почетным званиям лицами, не имеющими на то права. Уголовная ответственность за такие действия предусматривалась соответствующими статьями Уголовного кодекса. Эти нормы охраняли не только имущественные интересы, но и символический капитал государства – исключительное право государства определять, кто и за какие заслуги может носить тот или иной знак отличия.

Вопросы, не урегулированные Общим положением 1979 года

Общим положением 1979 года не были урегулированы вопросы соотношения указанных в нём наград с иными наградами, вручавшимися на территории СССР. В частности, вопросы учреждения и награждения государственными наградами союзных и автономных республик, а также соотношения между указанными наградами, вопросы учреждения и награждения ведомственными наградами, а также вопросы, связанные с награждением иными наградами СССР, ранее учреждёнными Президиумом Верховного Совета СССР, но нормы о которых не вошли в Общее положение 1979 года. Таким образом, сложилась ситуация, при которой министерства СССР продолжали награждение медалями и нагрудными знаками, в том числе учреждёнными Президиумом Верховного Совета СССР (например, нагрудный знак «Почётный донор СССР»), но положение указанных наград в системе наград СССР не было урегулировано.

Заключение

Общее положение об орденах, медалях и почетных званиях СССР 1979 года стало вершиной развития института государственных наград СССР. Принятие этого кодифицированного акта было важным событием второго этапа длительной эволюции правового института государственных наград СССР.

Значение Общего положения 1979 года для института государственных наград можно определить следующими факторами:

1. Унификация – создан единый кодифицированный акт, объединивший нормы, ранее установленные в десятках различных правовых актов СССР или применявшиеся в силу традиции, что позволило преодолеть правовую фрагментарность и противоречивость регулирования.
2. Системность – установлена четкая иерархия наград (высшие степени отличия – ордена –

медали – почетные звания) и их классификация по функциональному признаку, что создало стройную систему, облегчающую правоприменение.

3. Полнота перечня – впервые в истории СССР закреплен официальный исчерпывающий перечень всех государственных наград союзного уровня, что имело фундаментальное значение для идентификации наград и их правового режима.
4. Определение правовой природы наград – установлен особый правовой режим наград как символов государственного признания, не сводимый к праву собственности на конкретный вручаемый предмет. Награда рассматривалась как неотчуждаемое достояние награжденного, находящееся под охраной государства.
5. Регламентация соотношения централизации и делегирования – закреплены правовые основы делегирования полномочий по награждению нижестоящим органам при сохранении исключительного права лишения наград за высшим органом власти.
6. Детальная процедурная регламентация – установлен четкий порядок представления к награждению, вручения наград, прав и обязанностей награжденных, что обеспечивало единообразие правоприменительной практики.
7. Охранительный механизм – определены основания и порядок лишения наград, а также ответственность за незаконные действия по отношению к наградам, что обеспечивало защиту символического капитала государства.

Положение 1979 года остается ценнейшим источником для изучения истории государства и права, социальной политики и идеологии позднесоветского общества, а также основой для понимания эволюции института государственных наград на постсоветском пространстве. Современные дискуссии о правовом режиме советских наград – проблема отнесения тех или иных наград государства к государственным наградам, признания наград для присвоения звания «Ветеран труда», вопрос об уголовной ответственности за незаконный оборот наград, правила передачи наград в музеи – прямо восходят к тем правовым конструкциям, которые были заложены в Общем положении 1979 года.

Таким образом, Общее положение 1979 года представляет собой не только исторический памятник советского законодательства, но и действующий элемент правовой системы в части, касающейся признания правового режима наград СССР и их охраны. Это свидетельствует о глубокой преемственности института государственных наград и о том, что кодификация 1979 года продолжает оказывать влияние на правоприменительную практику спустя десятилетия после распада СССР.

Список литературы:

[1] Ахманаев П.В. Советская наградная система / Павел Ахманаев. – Москва: Фонд «Русские Витязи», 2014. – 560 с., ISBN 978-5-903389-83-4

[2] Баранов В.М. Логико-гносеологические, аксиологические, технико-юридические проблемы наградного права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №1. С. 361-370.

[3] Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / Под ред. М.И. Байтина. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1978. - 146 с

[4] Винокуров В.А. Государственное наградное право: Монография / Винокуров В.А. – Москва, Издательство Московского университета, 2014. 608 с. ISBN 978-5-19-010908-5

[5] Гринчишин В.А. Совершенствование правового регулирования государственного награждения: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / АН УССР. Ин-т государства и права им. В. М. Корецкого. - Киев, 1990. – 272 с.

[6] Гущина Н. А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика / ассоц. Юрид. Центр. – Санкт-Петербург: Издательство Юридический Центр Пресс, 2003. - 292 с.

[7] Дуров В.А., Стрекалов Н.Н. Орден Красного Знамени. – Москва: Серия: Энциклопедия советских наград. Издательство: Collector`s Book, 2005. 224 с. ISBN 1-932525-32-7

[8] Елаев А.А. Проблема преемственности государственных и ведомственных наград Украинской ССР, Украины и Донецкой Народной Республики в условиях вхождения Донецкой Народной Республики в состав Российской Федерации // Вестник Донецкого университета. Серия 06. Юридические науки. 2025. № 2. С. 16-21.

[9] Иванов Ф.Н. Наградная система Союза ССР: учебное пособие по курсу «Вспомогательные исторические дисциплины» (фалеристика) / Ф. Н. Иванов, И. В. Минин; М-во образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО «Сыктывкарский гос. ун-т». - Сыктывкар : Сыктывкарский гос. ун-т, 2010. - 163 с., [2] л. цв. ил. - ISBN 978-5-87237-724-5

[10] Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР: 3-е издание / Г.А. Колесников, А.М. Рожков. – Москва: Воениздат, 1983. – 301 с.

[11] Кокурина О.Ю. Пролегомены к учебному курсу наградного права Российской Федерации // Образование и право. 2020. № 11. С. 200-207.

[12] Королёв, М. В. Государственные награды и наградная политика государства как морально-правовой стимул для граждан в СССР и современной России: монография / М. В. Королёв, Л. Ю. Королёва. - Москва : Русайнс, 2025. - 153 с.

Королёв, М. В. Правовой статус кавалеров государственных наград в СССР и современной России : монография / М. В. Королёв. - Москва : Русайнс, 2022. - 107 с

[13] Савин А.И. Коммунистический пуризм Н.С.Хрущева и государственная наградная политика «славного десятилетия» / А.И.Савин // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. №4. С. 55-63.

[14] Шелудченко И.А. Делегирование в конституционном праве: теоретико-правовое осмысление категории // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. Т. 65 № 6. С. 229-246.

[15] Шуняков Д.В. Наградная система СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2019. – 245 с.

[16] Шуняков Д.В. Награждение сотрудников правоохранительных органов СССР в период наградного дуализма (1922-1933 г.) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2022. № 5. С. 5-14.

References:

[1] Akhmanaev P.V. Soviet award system/Pavel Akhmanaev. - Moscow: Russian Knights Foundation, 2014. - 560 p., ISBN 978-5-903389-83-4

[2] Baranov V.M. Logical-epistemological, axiological, technical and legal problems of award law// Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. №1. S. 361-370.

[3] Baranov V.M. Incentive norms of Soviet socialist law/Ed. M.I. Baitina. - Saratov: Saratov University Publishing House, 1978. - 146 s

[4] Vinokurov V.A. State Award Law: Monograph/Vinokurov V.A. - Moscow, Moscow University Publishing House, 2014. 608 p. ISBN 978-5-19-010908-5

[5] Grinchishin V.A. Improving the legal regulation of state awards: dis.... Candidate of Law: 12.00.02/Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. Institute of State and Law named after V.M. Koretsky. - Kyiv, 1990. - 272 p.

[6] Gushchina N. A. Incentive norms of Russian law: theory and legislative practice/assoc. Jurid. Center. - St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. - 292 p.

[7] Durov V.A., Strekalov N.N. Order of the Red Banner. - Moscow: Series: Encyclopedia of Soviet awards. Publisher: Collector's Book, 2005. 224 pp. ISBN 1-932525-32-7

[8] Elaev A.A. The problem of continuity of state and departmental awards of the Ukrainian SSR, Ukraine and the Donetsk People's Republic in the context of the entry of the Donetsk People's Republic into the Russian Federation//Bulletin of Donetsk University. Series 06. Legal sciences. 2025. № 2. S. 16-21.

[9] Ivanov F.N. Award system of the USSR: textbook on the course "Auxiliary historical disciplines" (faleristics)/F.N. Ivanov, I.V. Minin; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, SEI HPE "Syktyvkar State University." - Syktyvkar: Syktyvkar state university, 2010. - 163 p., [2] l. zv. il. - ISBN 978-5-87237-724-5

[10] Kolesnikov G.A., Rozhkov A.M. Orders and medals of the USSR: 3rd edition/G.A. Kolesnikov, A.M. Rozhkov. - Moscow: Military Publishing House, 1983. - 301 s.

[11] Kokurina O.Yu. Prolegomena for the course of award law of the Russian Federation//Education and Law. 2020. № 11. S. 200-207.

[12] Korolev, M.V. State awards and award policy of the state as a moral and legal incentive for citizens in the USSR and modern Russia: monograph/M.V. Korolev, L. Yu. Koroleva. - Moscow: Rusines, 2025. - 153 s.

Korolev, M.V. Legal status of holders of state awards in the USSR and modern Russia: monograph/M.V. Korolev. - Moscow: Rusines, 2022. - 107 s

[13] Savin A.I. Communist purism of N.S. Khrushchev and the state award policy of the "glorious decade "/A.I. Savin//Humanities in Siberia. 2022. №4. S. 55-63.

[14] Sheludchenko I.A. Delegation in constitutional law: theoretical and legal understanding of the category//Bulletin of Moscow University. Series 11. Right. 2024. T. 65 NO. 6. S. 229-246.

[15] Shunyakov D.V. Award system of the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945): dis.... Candidate of Historical Sciences. - Yekaterinburg, 2019. - 245 s.

[16] Shunyakov D.V. Awarding of law enforcement officers of the USSR during the period of award dualism (1922-1933)//Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2022. № 5. S. 5-14.

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-807-812

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук,
доцент, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ethos08@mail.ru

КОШЕЛЕНКО Любовь Владимировна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: lubov-koshelenko@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: nikolina73@yandex.ru

«ЛУЧШЕ НЕ ДЕРЖАТЬ ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА»: КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВКП(Б) В 1946 ГОДУ

Аннотация. *В статье на основе архивных первоисточников рассматривается процесс корректировки кадровой политики Свердловского обкома ВКП(б) в первый послевоенный год. Особое внимание уделяется анализу дискуссий, развернувшихся на XXVII пленуме Свердловского обкома и совещании секретарей по кадрам горкомов и райкомов региона, и их роли в выработке новых подходов к подбору и расстановке руководящих кадров в условиях перехода от войны к миру.*

В статье показывается кризисная ситуация, сложившаяся в партийной организации Нижнего Тагила – одного из крупных промышленных центров Среднего Урала. На пленуме были выявлены формализм в руководстве предприятиями, подавление критики со стороны рядовых коммунистов, факты злоупотреблений. Приводятся конкретные примеры неудовлетворительной работы Высокогорского железного рудника и социальной несправедливости при распределении материальных благ.

Значительное место в статье уделяется анализу кадровых решений, проведенных в июле 1946 года. Рассматривается логика замены первого секретаря Нижнетагильского горкома А. Н. Бровкина на А. П. Пчелякова, а также аргументация представителя ЦК Д. Г. Смирнова о необходимости выдвижения местных кадров.

В статье обращается внимание на особенности биографии Д. Г. Смирнова, позволяющие лучше понять мотивы его позиции по вопросу о возвращении эвакуированных работников на свою родину. На примере судеб Бровкина и Пчелякова прослеживаются различные траектории послевоенной номенклатурной карьеры.

Статья показывает, каким образом в первый мирный год происходил непростой отказ от чрезвычайных методов управления военного времени, как региональная власть искала новые принципы формирования руководящего состава.

Ключевые слова: *Свердловская область, Нижний Тагил, Высокогорский железный рудник, А.И. Каретникова, А.Н. Бровкин, Д.Г. Смирнов, партийная номенклатура, эвакуированные работники.*

EGOROV Sergey G.,
Candidate of historical sciences, Associate Professor,
Associate professor of the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University

CHUPINA Irina P.,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

ZARUBINA Elena V.,
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

KOSHELENKO Lyubov V.,
PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SIMACHKOVA Natalya N.,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Management and Economic Theory,
Ural State Agrarian University

«IT IS BETTER NOT TO KEEP FOR THE GOOD OF THE CAUSE»: PERSONNEL POLICY OF THE SVERDLOVSK REGIONAL COMMITTEE OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY (BOLSHEVIKS) IN 1946

Annotation. *This article, based on archival primary sources, examines the process of adjusting the personnel policy of the Sverdlovsk Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the first post-war year. Particular attention is given to the discussions that unfolded at the 27th Plenum of the Sverdlovsk Regional Committee and the meeting of personnel secretaries of the region's city and district committees, and their role in developing new approaches to the selection and placement of leadership during the transition from war to peace.*

The article examines the crisis that developed in the party organization of Nizhny Tagil, one of the major industrial centers of the Middle Urals. The plenum revealed formalism in enterprise management, the suppression of criticism from rank-and-file communists, and instances of abuse. Specific examples of the unsatisfactory performance of the Vysokogorsk Iron Mine and social injustice in the distribution of material goods are given.

The article devotes significant space to an analysis of personnel decisions made in July 1946. The article examines the rationale behind replacing A.N. Brovkin, First Secretary of the Nizhny Tagil City Committee, with A.P. Pchelyakov, as well as the arguments of Central Committee representative D.G. Smirnov for the need to promote local cadres.

The article draws attention to aspects of D.G. Smirnov's biography, which provide insight into his position on the return of evacuated workers to their homeland. The case studies of Brovkin and Pchelyakov illustrate the different trajectories of their post-war nomenklatura careers.

The article demonstrates how, during the first year of peace, the extraordinary methods of wartime governance were difficultly abandoned, and how the regional authorities sought new principles for forming their leadership.

Key words: *Sverdlovsk region, Nizhny Tagil, Vysokogorsky Iron Mine, A.I. Karetnikova, A.N. Brovkin, D.G. Smirnov, party nomenklatura, evacuated executives.*

В начале июля 1946 года в Свердловске было организовано совещание секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) по кадрам. На совещании присутствовали партийные руководители области, а также ответственный организатор Управления кадрами ЦК ВКП(б) Д. Г. Смирнов.

Предыдущее подобное совещание, посвященное кадровым проблемам областной партийной организации, было проведено еще в военный период, в марте 1945 года. За прошедшие полтора года ситуация в стране и мире полностью изменилась, окончание военного периода ставило перед руководством Свердловской области новые задачи в кадровом вопросе.

Первый секретарь обкома В.И. Недосекин был необычайно критичен в оценке кадровой практики чрезвычайных военных лет (при цитировании первоисточников пунктуация, орфография и стиль оригиналов сохранены – авт.): «Товарищи, всем безусловно известно, что война наложила тень и на наши кадры. Война торопила отделы кадров, не позволяла оставлять пустые места… Кое-где работники за время войны попортились основательно в связи с отсутствием своевременного контроля за работой этих кадров…За это время была принижена критика и самокритика плохой работы, недостатков нашей работы. Вот это сейчас требует решительного изменения дела по подбору, расстановке и выдвижению новых руководящих кадров и воспитанию старых руководящих кадров, которые уже работают на ответственной работе» [1, л. 236].

За две с лишним недели до проведения совещания в Свердловске прошел XXVII пленум обкома (19-21 июня 1946 года), по итогам работы которого было принято постановление «О состоянии и улучшении внутрипартийной работы областной партийной организации». Таким образом, региональное партийное руководство уделяло серьезное внимание перестройке управленческой деятельности после окончания войны.

В первой половине 1946 года многие районные и городские комитеты партии области критиковались за различные недостатки в своей работе, но особенно много замечаний высказывалось в адрес партийного руководства Нижнего Тагила. Этот уральский город сыграл выдающуюся роль в годы Великой Отечественной войны как центр металлургии и военного производства. Однако послевоенная перестройка промышленности оказалась довольно болезненной, вскрылись многочисленные проблемы на предприятиях и в социальной сфере города.

В своем докладе на июньском пленуме Недосекин неоднократно упоминал партийную организацию Нижнего Тагила в негативном ключе. В частности, он указал на неудовлетворительную деятельность горкома по улучшению работы Высокогорского железного рудника: «Плохая работа рудника создает большие трудности в работе предприятий черной металлургии области, особенно Ново-Тагильского металлургического завода, который из-за несвоевременного получения руды работает рывками и на тихом ходу.

Нижне-Тагильский горком партии решил разобраться в первичных организациях рудника, ознакомился с положением дел на руднике, включил в план работы бюро на апрель вопрос о руководстве соцсоревнованием на руднике. Дело до конца не доведено, вопрос на бюро не обсужден. Даже по заслушанным на бюро вопросам о работе той или иной партийной организации не дается глубокого анализа причин слабой работы, не дается практических указаний для повышения уровня партийной работы» [2, л. 29].

Руководители Нижнетагильского горкома не способствовали деловому обсуждению местных проблем. По словам члена пленума обкома А.И. Каретниковой: «…тов. Недосекин вчера крепко критиковал город Нижний Тагил и особенно критиковал Высокогорский железный рудник. Есть большие недостатки на Высокогорском железном руднике в воспитании политических кадров. Чем же занимается там партком во главе с тов. Москаленко, его кажется нет, а ему нужно было бы здесь быть. Тов. Москаленко за последнее время, грубо выражаясь, раскис внутри кабинета. Ему бы нужно больше заниматься на производстве и производственными делами, партийно-политическим воспитанием, смотреть как наши кадры, молодые коммунисты идут вверх, заботиться о том, чтобы они каждый день были охвачены политическо-воспитательной работой. Этого как раз и не хватает на нашем Высокогорском железном руднике.

В период войны у нас критика была все таки недостаточная. Попробуйте покритиковать партком, или первичную парторганизацию, правда первичная парторганизация еще не так, как партком, а партком никакого значения не придавал критике, еще скажут, какое право Вы имеете критиковать партком, когда о парткоме Высокогорского железного рудника прошла слава по всему Советскому Союзу» [2, л. 149].

Каретникова, работавшая начальником смены промывочной фабрики рудника, обратилась на пленуме к первому секретарю Нижнетагильского горкома А.Н. Бровкину, указывая на пример прямого осуждения критики: «Был такой случай, была партийная конференция города, пришлось мне выступить покритиковать, что когда был руководителем тов. Осипов, партийная работа была лучше, чем когда руководители тт. Дубок и Москаленко. Так тов. Дубок вызвал меня

и говорит - какое ты имеешь право критиковать наш партком, когда про нас весь Советский Союз знает, что мы работаем хорошо, а ты сказала, что партком недостаточно работает среди коммунистов. Я этому значения не придала. Я буду и дальше критиковать как коммунист. Но все таки критика недостаточная тов. Бровкин. Посмотрите, когда бывают партийные городские активы, кто выступает, выступит директор, либо Москаленко, а низовые работники за последнее время не стали выступать» [2, Лл. 149-150].

Недосекин сразу же уточнил, есть ли условия для критических высказываний в адрес руководства: «Им может быть слова не дают?»

Каретникова не стала исключать такой позиции со стороны руководства Высокогорского железного рудника: «Может быть и не дают. Не привлекают их. Раньше было так при Осипове и до Осипова, говорят сегодня будет актив. Вы выступайте, критикуйте, недостатки будем вместе исправлять.

Нужно, чтобы больше выступали люди с низов, критиковали, отмечали и хорошие и плохие стороны и парткому и Ленинскому райкому нужно учесть, чтобы критика была снизу. Без критики мы существовать не можем большие и малые работники» [2, л. 150].

В своем выступлении Каретникова также подняла проблему социальной несправедливости, т.к. по ее мнению городские власти не обращали внимания на недостойное поведения представителей местных партийных организаций: «Наши коммунисты из ОРСа занялись наживой. Вчера тов. Недосекин еще не все сказал, вы видимо не все знаете, какие они капиталы нажили за время войны. Ольшанский до этого имел корову, когда поступили в ОРС коровы продал свою за 50 тыс. рублей, разве это не нажива? Все командиры получили коров по 3 тысячи, а своих продали по 50 тысяч. Горком партии и Ленинский райком партии знали, что поступает скот, кому он распределяется. Один командный состав получил этих дешевых коров, а работники, которые по несколько лет работают, имеют детей, только некоторые получили телок. Можно было не давать корову Ольшанскому и ….., которые приобрели за время войны такие ценные вещи, как пианино. Думаете мозолистыми руками заработаете пианино, его заработаете поборами. Нельзя заниматься этим коммунистам. Откуда они взяли, что коммунисты должны за это время наживаться» [2, л. 150].

Таким образом, Каретникова дополнила ранее отмеченные Недосекиным злоупотребления на руднике: «Руководящим работникам Высокогорского железного рудника были проданы по твердым ценам коровы. Энергетик, член партии Кандаков, Сандригайло, Ломосов, Зайцев и другие продали этих коров на рынке, а молоко получают из подсобного хозяйства, тогда как кормящие матери и беременные женщины, работницы рудника, молока не получают и Ленинский райком города Нижнего Тагила проходит мимо таких возмутительных безобразий» [2, л. 67].

Смелое выступление А.И. Каретниковой на пленуме Свердловского обкома было воспринято как важный сигнал о серьезных недостатках в Нижнем Тагиле. Активная общественная позиция способствовала избранию в феврале 1947 года Анны Ивановны депутатом Верховного Совета РСФСР, что еще больше укрепило ее авторитет в городе [3, с. 62].

По окончании работы пленума кадровые решения в отношении руководства города были приняты довольно оперативно. Первый секретарь Нижнетагильского горкома А.Н. Бровкин был освобожден от должности и на его место был назначен А.П. Пчеляков, заместитель секретаря обкома по черной металлургии. На совещании секретарей по кадрам 10 июля 1946 года представитель ЦК ВКП(б) Д.Г. Смирнов следующим образом объяснил причины данного кадрового решения: «Особенно сейчас состоит задача Обкома партии в том, чтобы выдвигать местные кадры, уральские или товарищей, которые действительно полюбили Урал за период работы на Урале, в частности, в Свердловской области…Опыт показал, что в Нижнем-Тагиле, когда первый секретарь был приезжий, второй секретарь был приезжий, третий секретарь был приезжий – все три секретаря Нижнего-Тагила были приезжие, из числа 6 первых секретарей городских райкомов партии 4 было также приезжие, спрашивается, что от этих работников можно было ожидать в перспективе роста Тагила? Они были не заинтересованы в благоустройстве города, им не интересно посадить лишний сквер, сад, деревья, потому что они вырастут через десятки лет, а они проработают 5-6 месяцев или год, зачем им этим делом заниматься? Они не начинают капитального строительства, потому что долго строить, как бы их Обком партии не ругал. Вот поэтому наша задача в том, чтобы воспитывать и выдвигать местные кадры, т.е. такие кадры, которые бы стремились работать, дорожили бы городом, районом, областью и работали бы с большой перспективой» [1, Лл. 234-235].

В первый мирный год данная проблема была необычайно актуальна для Свердловской области. В регионе находились десятки тысяч эвакуированных специалистов и партийных работников, которые после окончания войны всеми силами стремились вернуться на прежнее место работы и проживания. Первый секретарь Серовского горкома П.Н. Исаев жаловался в 1946 году на подоб-

ные настроения коммунистов северного Урала: «…Виктор Иванович не хуже меня знает, так как каждый день получает по 50 заявлений с Краснотурьинска, Карпинска, гор. Серова с просьбой отпустить. Достаточно сказать, что на металлургическом заводе из 12 тыс. человек, 6 тыс. живут в общежитиях, приехавшие из Белоруссии, Украины, Кировограда, Западной Сибири.

Уж если нас природа обидела, мы должны другим восполнить. Наши города должны быть культурными и благоустроенными, надо чем-то товарищей заинтересовать. Чувствуется, одним из самых трудных условий у нас в условиях Северного Урала и в ближайшее время будут вопросы рабочей силы» [2, л. 110].

Ответственный организатор Управления кадрами ЦК ВКП(б) Д. Г. Смирнов занял по этому вопросу довольно мягкую позицию, прямо посоветовав не удерживать людей во что бы то ни стало: «Нам опыт показывает, что поступает масса заявлений в ЦК партии, еще больше в Обкомы партии и все те товарищи или во всяком случае большинство из них, которые приехали к нам из Ленинграда, с Украины, из других мест, тем или иным путем стараются выехать. Поэтому, если они нынче работают у нас на руководящих постах, то работают без перспективы. Я в этом не хочу обвинять всех, надо разбираться, но, если есть такие попытки этих людей, я бы считал, лучше не держать для пользы дела» [1, л. 234].

Бровкин, который до войны работал в Сумской и Харьковской областях, был отпущен на Украину, где уже в августе занял должность заместителя заведующего отделом машиностроения ЦК КП(б)У. В 1951 году его номенклатурная карьера пошла совершенно по другому пути, поскольку Алексей Николаевич был переведен на работу в органы МГБ-МВД. На новом поприще Бровкин успешно проявил себя, дослужившись в хрущевский период до поста министра внутренних дел УССР [4, с. 220-221]. Его преемник, А.П. Пчеляков, был родом с Поволжья, до войны работал в Москве и также оказался в Свердловской области только с началом войны. Однако он, в отличие от Бровкина, по-видимому, относился к тем номенклатурным работникам, «которые действительно полюбили Урал за период работы». Пчеляков успешно руководил городом до 1949 года, а затем был переведен с повышением в Сталинградский обком, на должность второго секретаря [5, с. 38].

Либеральный подход Д.Г. Смирнова к Бровкину и другим членам партии, стремившимся вернуться из эвакуации, скорее всего, был обусловлен тем, что он сам прошел этим путем. В предвоенные годы жизнь Смирнова была тесно связана с Сумской областью Украины, где он занимал различные хозяйственные и партийные посты. В эвакуации, в декабре 1941 года, Дмитрий Григорьевич был избран первым секретарем Златоустовского горкома. В военный период под руководством Смирнова Златоустовская городская партийная организация являлась инициатором многих начинаний, обеспечивших успешное выполнение заданий ГКО. Смирнов был награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Красной Звезды. Однако в январе 1945 года он был переведен в Москву, в Управление кадров ЦК ВКП(б) [6, с. 41-42]. Смирнову были близки и понятны настроения партийных руководителей, вынужденных в военные годы резко изменить свою жизнь, отдать все свои силы на достижение победы на новом месте, но не готовых в мирное время связать свою личную судьбу с Уралом. Отсюда его довольно смелая установка для Свердловского обкома и секретарей горкомов и райкомов по кадрам: «лучше не держать для пользы дела». Данный подход фактически противоречил принятым в сталинский период принципам жесткой партийной дисциплины и декларируемым требованиям к членам номенклатуры быть готовыми к выполнению любых поручений партии и правительства.

Первая половина 1946 года стала для руководства Свердловской области временем серьезного пересмотра устоявшихся методов кадровой работы. Совещание секретарей по кадрам, состоявшееся в июле, и предшествовавший ему июньский пленум обкома стали важными вехами в осмыслении послевоенной реальности. На примере Нижнего Тагила, и особенно Высокогорского железного рудника, вскрылись не только производственные недочеты, но и глубинные проблемы в партийной среде.

Выступление А. И. Каретниковой, рискнувшей бросить вызов устоявшейся практике замалчивания недостатков, показало, что старая система военной поры, основанная на безусловном авторитете начальства и недостаточной обратной связи, требует обновления. Её критика была услышана и впоследствии поддержана кадровыми перестановками, что свидетельствовало о готовности регионального руководства к корректировке управленческого курса.

Освобождение А. Н. Бровкина от должности первого секретаря Нижнетагильского горкома и выдвижение на его место А. П. Пчелякова, обоснование этой замены представителем ЦК Д. Г. Смирновым, обозначили новый вектор кадровой политики. Происходил поворот к формированию устойчивого, заинтересованного в долгосрочном развитии региона слоя управленцев, для которых Урал не являлся временным пристанищем или перевалочным пунктом.

Особого внимания заслуживает позиция Д. Г. Смирнова, носившая подчеркнуто прагматичный характер. Смирнов, отдавший Челябинской области несколько лет своей жизни и добившийся здесь выдающихся успехов, понимал психологию эвакуированных руководителей лучше, чем кто-либо. Его подход, продиктованный не идеологическими догмами, а пониманием человеческой природы и управленческой эффективности, во многом противоречил привычной традиции рассматривать номенклатурного работника исключительно как винтик в государственной машине, обязанный безропотно служить там, куда его направят.

Управленческий кризис в Нижнем Тагиле летом 1946 года постарались преодолеть сменой приоритетов кадровой политики. Предлагалось сделать ставку на тех, кто связывал свою судьбу с Уралом, а стремившимся уехать - не чинить препятствий. Тем самым власти стремились не только решить насущные кадровые проблемы, но и заложить основы для будущего успешного развития, основанного на ответственности и заинтересованности местных руководителей.

Список литературы:

[1] Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 41. Д. 140. Стенограмма Совещания секретарей горкомов, райкомов по кадрам. 9-10 июля 1946 года.

[2] ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 41. Д. 4. Стенограмма заседания XXVII пленума Свердловского обкома ВКП(б). I часть. 18-21 июня 1946 года.

[3] От века прошлого до наших дней. История выборов в городе Нижний Тагил. - Екатеринбург, 2008.

[4] Петров Н.В. Кто руководил органами госбезопасности. 1941-1954. Справочник. – М.: Звенья, 2010.

[5] Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. – Киров: Лобань, 2009.

[6] Политическая элита Нижегородской области. 1917-1995. Информационно-справочное издание. - Нижний Новгород: ФИСНИМО ННГУ, 1995.

References:

[1] Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDOOSO). F. 4. Op. 41. D. 140. Transcript of the Meeting of secretaries of city committees, district committees for personnel. July 9-10, 1946.

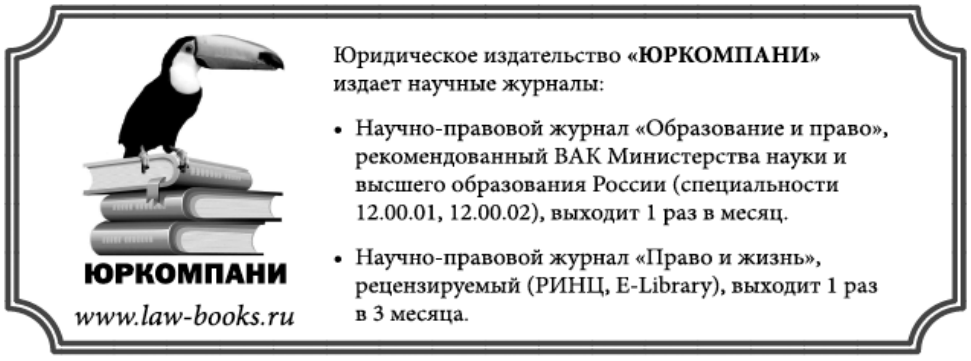
[2] EDCO. F. 4. Op. 41. D. 4. Transcript of the meeting of the XXVII Plenum of the Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU (B.). I part. June 18-21, 1946.

[3] From the century past to the present day. History of elections in the city of Nizhny Tagil. - Yekaterinburg, 2008.

[4] Petrov N.V. Who led the state security agencies. 1941-1954. Handbook. - M.: Links, 2010.

[5] Political leaders of the Vyatka Territory. Biographical handbook. - Kirov: Loban, 2009.

[6] Political elite of the Nizhny Novgorod region. 1917-1995. Information and reference publication. - Nizhny Novgorod: FISNIMO NNSU, 1995.



Дата поступления рукописи в редакцию: 13.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-813-818

МИХАЛЕВ Владимир Евгеньевич,
аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП)», член ассоциации историков права,
e-mail: vladimirm.mihalev77@yandex.ru

Научный руководитель:
ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич,
д.ю.н, к.и.н., профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ШВЕДСКАЯ АФРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ И БРИТАНСКАЯ ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ КОМПАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *В статье анализируются историко-правовые предпосылки создания и деятельности Британской южноафриканской и Шведской колониальной компаний в период традиционного колониализма. Выявлены и проанализированы особенности правового регулирования и управления колониальными компании, рассмотрены права и обязанности ее учредителей. На основе анализа научной литературы и уставных документов рассматриваемых колониальных компаний выявлены общие и отличительные черты моделей колониального управления. Делается вывод, что, несмотря на различные исторические условия деятельности колониальных компаний, в практике колониального управления выявлено больше схожих черт, чем различий. Деятельность колониальных компаний сказалась на современном уровне социально-экономического развития бывших колоний.*

Ключевые слова: *акционерное общество, колониальная компания, колониальная администрация, модель колониального управления, монополия, неоколониализм, работорговля, хартия, экспансия.*

MIKHALEV Vladimir Evgenievich,
Postgraduate Researcher at the Department of Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation, Federal State Research Institution Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (ILCL), Member of the Association of Legal Historians

Scientific supervisor:
PASHENTSEV Dmitry Alekseevich,
Doctor of Law, Ph.D., Professor,

SWEDISH AFRICAN COMPANY AND BRITISH SOUTH AFRICAN COMPANY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF COLONIAL MANAGEMENT MODELS

Annotation. *The article analyzes the historical and legal prerequisites for the creation and operation of the British South African and Swedish colonial companies during the period of traditional colonialism. The features of the legal regulation and management of the colonial company are identified and analyzed, the rights and obligations of its founders are considered. Based on the analysis of the scientific literature and the statutory documents of the colonial companies under consid-*

eration, the common and distinctive features of the colonial management models have been identified. It is concluded that, despite the different historical conditions of the colonial companies, there are more similarities than differences in the practice of colonial management. The activities of the colonial companies affected the current level of socio-economic development of the former colonies.

Key words: *joint stock company, colonial company, colonial administration, model of colonial management, monopoly, neocolonialism, slave trade, charter, expansion.*

Угроза возрождения неоколониализма в современном мире усиливает интерес к исследованию исторических моделей колониального управления и условий их формирования. Начиная с середины XVI в. и вплоть до второй половины XX в. обширные и богатые ресурсами регионы Африки находились в сфере колониальной политики западноевропейских держав. К началу XX в. африканский континент оказался практически полностью разделён между европейскими метрополиями. Колониальная экспансия сопровождалась работорговлей, массовым уничтожением местного населения и разрушением самобытной культуры. Особенно заметную роль в этом процессе играла Британия, проводившая колониальную политику в Южной Африке, Судане, Египте и Сомали, последствия которой до сих пор ощущаются в политической и экономической нестабильности ряда государств.

Как отмечает Д.А. Пашенцев, деятельность колониальных компаний не ограничивалась торгово-экономическими задачами, а в определённых исторических условиях приобретала политико-административный характер. На примере Британской Ост-Индской компании он показывает, что реформы британского законодательства, включая Акт об Индии 1784 года, акты 1833, 1861 и 1909 годов, а также передачу управления Индией Министерству по делам Индии в 1858 году, отражали превращение компании в важный элемент колониального управления и адаптацию британских правовых механизмов к колониальным условиям [8, с. 177].

Этот вывод имеет методологическое значение и для анализа африканских колониальных компаний, включая Шведскую Африканскую компанию и Британскую Южно-Африканскую компанию.

Политическая нестабильность во многих бывших английских колониях Африки сохраняется и сегодня. Наряду с Британией интерес к африканскому континенту проявляли и другие западноевропейские государства, в том числе Швеция. Важнейшим инструментом колониальной экспансии выступали колониальные компании, создававшиеся для закрепления господства на африканских территориях и вытеснения конкурентов. В этой связи представляется актуальным сравнительно-правовой анализ моделей колониального управления, реализованных Британией и Швецией.

В научной литературе британское колониальное владычество в Африке исследовано значительно полнее, чем шведский опыт. Это объясняется как длительностью британского присутствия на континенте, так и его масштабом. Так, А.М. Криулин [4] анализирует исторически сложившиеся имперские связи и положение Великобритании как крупнейшего инвестора в Южной Африке, подчёркивая тесную взаимосвязь внешнеполитических курсов Лондона и Южно-Африканского Союза. Определённый интерес представляет и работа О.О. Лисенковой [5], в которой сопоставляются колониальные модели Британской и Французской империй. По мнению автора, Британия в большей степени использовала косвенные формы управления, сохраняя отдельные элементы местной власти, тогда как Франция опиралась на прямое административное управление и развитый бюрократический аппарат.

В исследовании Е.В. Балацкого [2] поднимается вопрос о преемственности колониальных практик. Автор доказывает, что классический колониализм и современный неоколониализм образуют единый исторический цикл, основанный на разделении политических и экономических систем на управляющие и управляемые. В то же время колониальная политика Швеции в Африке освещена в литературе значительно слабее. Помимо работ Ф. Томассона [11], посвящённых влиянию шведских колониальных компаний на развитие работорговли, данная проблематика представлена лишь отдельными историческими и правовыми свидетельствами.

Цель настоящей работы заключается в сравнительно-правовом анализе моделей колониального управления на примере Шведской Африканской и Британской Южно-Африканской компаний. Для достижения этой цели необходимо выявить историко-правовые особенности создания и деятельности Британской Южно-Африканской компании, определить предпосылки возникновения и причины краха Шведской Африканской компании, а также сопоставить модели колониального управления, реализованные указанными компаниями.

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой метод, применяе-

мый для изучения условий возникновения и развития рассматриваемых колониальных компаний, метод сравнительного анализа, позволяющий выявить их общие и отличительные черты, а также метод системного анализа, используемый при исследовании факторов и элементов колониальной политики Швеции и Британии в Африке.

Британия с середины XVII в. постепенно утвердила экономическое и политическое господство в Восточной и Южной Африке, стремясь распространить влияние и на другие регионы континента. Наиболее заметно британская колониальная политика проявилась на территории современной ЮАР. В конце XIX в. в целях экономической и промышленной экспансии британское правительство при участии частного капитала создало Британскую Южно-Африканскую компанию (BSAC).

Компания была учреждена в 1889 г. по инициативе С. Родса, А. Бейта и герцога Аберкорна. Для закрепления монопольного права на добычу ресурсов и внешнюю торговлю ей была предоставлена королевская хартия по образцу Британской Ост-Индской компании. Как отмечают Ю. С. Скубко и Г. В. Шубин, в Южной Африке «формировался колониализм особого типа, когда высокоразвитая метрополия и слаборазвитая колония сосуществовали в единой стране» [9, с. 4].

На основании хартии учредители и акционеры BSAC получили собственную юрисдикцию и право распоряжения недрами. В уставе закреплялось, что сферой деятельности компании являются территории к северу от британского Бечуаналенда, к северу и западу от Южно-Африканской Республики и к западу от португальских владений; фактически компания претендовала не только на междуречье Замбези и Лимпопо, но и на более северные земли [2, с. 205]. BSAC пользовалась монопольным правом на разработку недр в Южной Родезии до 1933 г. и в Северной Родезии до 1964 г., а также владела крупными земельными участками, плантациями и инфраструктурными, финансовыми, транспортными и торговыми предприятиями.

Компания могла создавать политическую администрацию и военизированные полицейские формирования в тех областях, где получала соответствующие права от местных правителей. Британское правительство, в свою очередь, гарантировало ей монополию в районах деятельности и было готово оказывать военную поддержку в случае конфликта с европейскими соперниками или местными восстаниями. При этом в уставе особо подчеркивалось, что BSAC должна сохранять британский характер: ее главный офис находился в Великобритании, а руководство и представительство в Южной Африке должны были принадлежать британским подданным. Тем самым закреплялось исключительное право британцев участвовать в управлении компанией и извлекать из ее деятельности прибыль.

Среди основных целей BSAC устав закреплял добычу полезных ископаемых, строительство железных дорог и иной инфраструктуры, а также развитие поселений для европейских переселенцев. Акционеры компании получали право организовывать собственную администрацию при поддержке вооружённых формирований, владеть правами на добычу полезных ископаемых на основании соглашений с местными правителями, регулировать торговлю и учитывать местные обычаи и законы в вопросах владения и распоряжения землями и товарами. Вместе с тем британское правительство и назначенный им Верховный комиссар по Южной Африке сохраняли контроль над всеми территориями, которые могла приобрести компания, а также над ключевыми решениями BSAC, включая сделки с землей.

Первоначально хартия была выдана на 25 лет, в 1915 г. продлена еще на 10 лет, а в 1924 г. окончательно прекратила действие. После этого прямое управление Северной Родезией перешло к британской колониальной администрации, однако права BSAC на добычу полезных ископаемых сохранялись до 1964 г., когда компания была вынуждена передать их правительству независимой Замбии. В 1964 г. BSAC вошла в состав компании Charter International, фактически прекратив самостоятельное существование [2, с. 211].

Деятельность BSAC существенно повлияла на экономическое и политическое развитие Южной Африки. Во-первых, компания способствовала аннексии значительных территорий, на которых впоследствии возникли Зимбабве и Замбия. Во-вторых, она установила контроль над минеральными ресурсами, железными дорогами и сельским хозяйством обеих Родезий даже после предоставления этим территориям ограниченного самоуправления в 1923 г. В-третьих, политика компании косвенно способствовала развитию сельского хозяйства. Как отмечает А. А. Архангельская, «британскому капиталу принадлежала значительная часть земельных угодий страны, а необходимая для их обработки сельскохозяйственная техника также ввозилась из Великобритании» [1, с. 155]. Однако сельское хозяйство не было основной целью BSAC: приоритетом оставалось извлечение прибыли из добычи минерального сырья, тогда как развитие аграрного сектора стало во многом следствием роста населения и притока белых переселенцев.

Тем самым, рассмотрев организационно-правовые особенности деятельности BSAC, можно заключить, что основным фактором коло-

ниальной экспансии стало приобретение исключительного монопольного права подданных Великобритании контролировать добычу полезных ископаемых в Южной Африки и получать с этого дивиденды, при этом, компания не стремилась конфликтовать с местными правительствами и не вмешивалась в права туземного населения. Однако эксплуатация труда местных жителей управляющим компании наложило определенный, скорее негативный отпечаток на дальнейшее социально-экономического развитие южноафриканского регион, который длительное время находится в стадии экономического упадка.

Эксплуатация местного населения в колониях имела системный характер. Как справедливо пишет К. Хемсон, колонизация была крайне жестоким процессом, который навязывал новые формы организации и ориентировал на «развитие», заключающемся в извлечении богатств, а не в наращивании ресурсов. «Стремление к личной денежной выгоде, а не к объединению людей сформировало представление о том, что такое «развитие»». С этим, указывает К. Хемсон, связано сегодня то, что, даже имея доступ к ценным технологиям, африканцы были отстранены от разработки таких технологий, и доступ к ним остается неравным. «Помимо «прямого насилия»» в процессе колонизации..., это привело к длительному периоду структурного насилия с крайним неравенством, в результате чего страны-колонизаторы получили привилегии перед колонизируемыми, а колониальные или постколониальные элиты – перед массами. Формы угнетения тем самым были возведены в норму» [10, p. 102].

Рассматривая колониальную экспансию европейских государств в Африке, следует отметить, что масштабы и характер эксплуатации ресурсов определялись не только стремлением к максимальной прибыли, но и реальными возможностями метрополий контролировать зависимые территории.

Такие державы, как Британия и Голландия, располагали значительными финансовыми, торговыми и военными ресурсами, тогда как Швеция относилась к числу колониальных держав-аутсайдеров, не обладавших сопоставимым флотом и экономическим потенциалом. Тем не менее попытка Швеции закрепиться на африканском континенте представляет несомненный историко-правовой интерес.

Рост шведских колониальных притязаний был связан с усилением страны в середине XVII в. Швеция временно контролировала несколько поселений на Шведском Золотом берегу (современная Гана) в 1650–1663 гг.; основателем колонии считается Х. Карлофф. Колониальное присутствие Швеции на западноафриканском побережье продолжалось недолго и завершилось в 1664 г., когда форт и фактории были захвачены англичанами.

Шведская Африканская компания (Svenska Afrikanska Kompaniet), или Гвинейская компания, была учреждена в 1649 г. для торговли африканскими товарами и сырьём. 15 декабря 1649 г. королева Кристина I предоставила ей королевскую хартию, закрепившую исключительные привилегии на монопольную торговлю в Африке, прежде всего на Золотом Берегу. Целью хартии было обеспечение прямого доступа к африканским ресурсам в обход посредников и противодействие доминированию Голландии и Британии. Структура компании сочетала элементы акционерного общества и привилегированной монополии, что отражало особенности шведской торговой системы того времени. Управление на местах осуществлял управляющий, одновременно являвшийся акционером компании и заинтересованный в получении прибыли, в том числе от работорговли.

Стремясь закрепиться в Африке раньше конкурентов, Швеция создавала форты и фактории, однако её возможности были ограничены соперничеством с голландскими и португальскими торговцами, а также внутренними конфликтами между акционерами компании. В результате Швеция включилась в борьбу с Англией, Голландией и Португалией за золото, слоновую кость и рабов — наиболее востребованные на европейских рынках товары середины XVII в. Однако в условиях высокой конкуренции финансовое положение компании ухудшалось, торговля не получила устойчивого развития, и к 1663 г. шведы фактически оставили Африку. При этом деятельность компании способствовала развитию работорговли, поскольку шведские суда участвовали в перевозке африканских рабов на плантации европейских держав в Новом Свете.

Как подчеркивает шведский историк Ф. Томассон, «трудно совместить образ современной Швеции с колониализмом и рабством. Только в последние десятилетия историки начали изучать то, как обращались с чернокожим населением в шведской колонии» [11]. Данная оценка подтверждает, что вклад Швеции в колониальную эксплуатацию и работорговлю до сих пор исследован недостаточно.

Таким образом, кратковременность шведского колониального присутствия в Западной Африке объяснялась территориальной удалённостью колоний, отсутствием мощного торгового и военного флота, а также жёсткой конкуренцией с более сильными колониальными державами.

Существенное значение имела и общая логика межимперского соперничества. Как справедливо отмечается в литературе, «несмотря на внешне общие правовые признаки колониальных компаний европейских стран, конкурировать им приходилось в условиях жесткой колониальной борьбы за новые колонии и, следовательно, новые, пока не основные рынки сбыта. Такая борьба часто могла вылиться в военные столкновения между колониальными державами и их сателлитами. Также не нужно забывать про административные расходы по содержанию колониальных чиновников, торговые риски, а также риски от кораблекрушений, природных стихий, неурожаев и т.д., что требовало значительных финансовых вложений» [6, с. 62].

Несмотря на значительную разницу в продолжительности колониального присутствия Швеции и Британии в Африке, анализ уставных документов Шведской Африканской компании и BSAC позволяет выделить как общие черты, так и существенные различия их моделей колониального управления.

К числу общих черт можно отнести, во-первых, стремление обеих компаний к получению исключительного монопольного права на торговлю и эксплуатацию природных ресурсов на подконтрольных территориях. Во-вторых, обе компании были созданы по модели акционерного общества, хотя Шведская Африканская компания в большей степени сочетала черты корпоративной организации и государственной монополии. В-третьих, Британия и Швеция не стремились формировать громоздкую административную систему управления по французскому образцу: отношения с местным населением строились преимущественно на договорной основе, хотя такие договоры не были равноправными. Наконец, эксплуатация местного населения носила как прямой, так и косвенный характер: если Швеция участвовала в работорговле, то Британия после её запрета использовала главным образом косвенные методы принуждения, в том числе налоговые механизмы, обеспечивавшие приток дешёвой рабочей силы.

Различия между моделями колониального управления определялись как разными историческими эпохами, так и неодинаковым уровнем социально-экономического развития метрополий. Британское правительство располагало значительно более мощными финансовыми и экономическими ресурсами, чем Швеция, что обеспечило более глубокое и устойчивое влияние Британии в Южной Африке. Как отмечается в литературе, британский колониализм, как и его голландский прототип, отличался большей гибкостью и способностью адаптироваться к изменяющимся условиям [7, с. 410]. Именно это позволило Британии не только аннексировать зависимые территории, но и удерживать их в целях промышленного освоения и извлечения природных ресурсов.

Британская модель сочетала развитие хозяйственной инфраструктуры — промышленных предприятий, железных дорог и морских коммуникаций — с отсутствием значимых вложений в социальную сферу, включая образование и медицину. Шведская модель носила значительно более ограниченный характер: она была ориентирована преимущественно на внешнюю торговлю, включая торговлю людьми, а её экономическое присутствие сводилось главным образом к созданию факторий и фортов. В этом проявлялась и причина неудачи шведского колониального проекта в Африке.

Таким образом, сравнительный историко-правовой анализ британской и шведской моделей колониального управления в Африке позволяет сделать вывод, что в основе обеих лежал принцип максимально полной эксплуатации природных ресурсов и местного населения. Однако масштабы, формы и долговременные последствия такой эксплуатации существенно различались, что во многом определялось потенциалом соответствующих метрополий и характером их колониальной политики.

Список литературы:

[1] Архангельская А.А. Международные аспекты создания Южно-Африканского Союза в 1910 г. / А.А. Архангельская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – № 1. – С. 150-161.

[2] Африка: санкции, элиты и суверенное развитие. Колл. монография. / Ред. и рук. авт. колл. чл.-корр. РАН Л. Л. Фитуни. – М.: Институт Африки РАН, 2021. – 368 с.

[3] Балацкий Е.В. Эволюция колониальных и неоколониальных моделей геополитического доминирования / Е.В. Балацкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2025. – Т. 18. № 1. – С.46-65.

[4] Криулин А.М. Трансформация внешнеполитических взаимоотношений между Великобританией и Южно-Африканской Республикой (Союзом) в 1950-1970-е годы: причины и особенности / А.М. Криулин // Гуманитарные и юридические исследования. – 2025. – Т. 12. № 1. – С. 93-102.

[5] Лисенков О.О. Империи нового времени: принципы управления колониями. Пример Британии и Франции / О.О. Лисенков // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 6. – URL: https;// nbpublish.com'library_read_article. php?id=33316(дата обращения: 04.03.2026).

[6] Михалев В.Е. Правовые особенности и роль Португальской и Датской Ост-Индских компаний в колониальной торговле XVII века / В. Е. Михалев // International Law Journal. – 2024. – Т. 7, № 5. – С. 58-63.

[7] Михалев В.Е. Сравнительно-правовой анализ вест-индских торговых компаний: голландская, британская и французская модели / В. Е. Михалев // Современный ученый. – 2024. – № 6. – С. 405-412.

[8] Пашенцев Д.А. История государства и права зарубежных стран: учебник / Д.А. Пашенцев. – Москва: Редакционно-издательское объединение «Новая юстиция», 2021. – 360 с.

[9] Скубко Ю.С. Проблемы строительства нерасового государства в ЮАР (2006-2009) / Ю.С. Скубин, Г.В. Шубин. – М.: Институт Африки РАН, 2009. –65 с.

[10] Hemson C. Education for transformation / The Elgar Companion to War, Conflict and Peacebuilding in Africa. Ed. by Geoff Harris. Cheltenham, UK – Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing Co., (c) 2024. – P. 101-119.

[11] Thomasson F. Svarta St Barthélemy: Människoöden i en svensk koloni 1785-1847. – Stockholm: Natur & Kultur, 2022. – 378 p.

References:

[1] Arkhangelskaya A.A. International aspects of the creation of the Union of South Africa in 1910/A.A. Arkhangelskaya//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. – 2017. - VOL. 17. – № 1. - S. 150-161.

[2] Africa: Sanctions, Elites and Sovereign Development. Call. monograph ./Ed. and hands. auto call corr. RAS L. L. Fituni. - M.: Institute of Africa RAS, 2021. - 368 p.

[3] Balatsky E.V. Evolution of colonial and neocolonial models of geopolitical dominance/E.V. Balatsky//Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2025. - VOL. 18. № 1. - S.46-65.

[4] Criulin A.M. Transformation of foreign policy relations between Great Britain and the Republic of South Africa (Union) in the 1950-1970s: causes and features/A.M. Criulin//Humanitarian and legal studies. – 2025. - VOL. 12. № 1. - S. 93-102.

[5] Lisenkov O.O. Empire of modern times: principles of colony management. Example of Britain and France/O.O. Lisenkov//Genesis: historical research. – 2020. – № 6. - URL: https ;//nbpublish. com 'library _ read _ article.php? id = 33316 (Accessed: 04.03.2026).

[6] Mikhalev V.E. Legal features and the role of the Portuguese and Danish East India Companies in the colonial trade of the 17th century/V.E. Mikhalev// International Law Journal. – 2024. - T. 7, NO. 5. - S. 58-63.

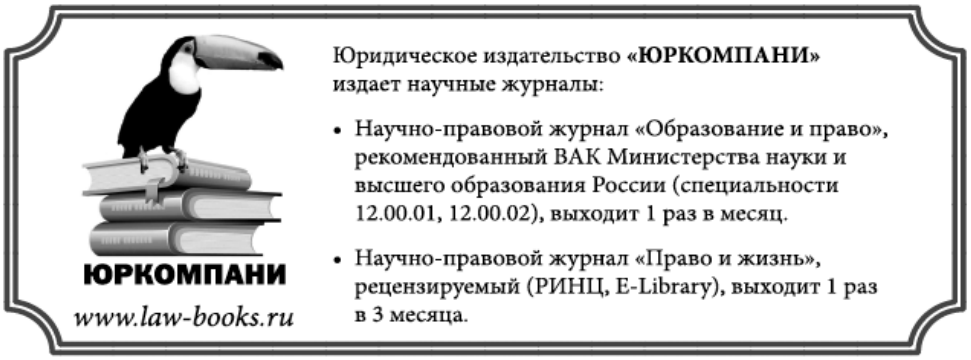
[7] Mikhalev V.E. Comparative legal analysis of West Indian trading companies: Dutch, British and French models/V.E. Mikhalev//Modern scientist. – 2024. – № 6. - S. 405-412.

[8] D.A. Pashentsev. History of the state and the law of foreign countries: textbook/D.A. Pashentsev. - Moscow: Editorial and Publishing Association "New Justice," 2021. - 360 s.

[9] Skubko Y.S. Problems of building a non-racial state in South Africa (2006-2009)/Y.S. Skubin, G.V. Shubin. - M.: Institute of Africa, RAS, 2009. - 65 s.

[10] Hemson C. Education for transformation / The Elgar Companion to War, Conflict and Peacebuilding in Africa. Ed. by Geoff Harris. Cheltenham, UK – Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing Co., (c) 2024. – P. 101-119.

[11] Thomasson F. Svarta St Barthélemy: Människoöden i en svensk koloni 1785-1847. – Stockholm: Natur & Kultur, 2022. – 378 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 03.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-819-824

ШИЛОВЦЕВ Андрей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: a.shilovtsev@mail.ru

СИНЬКО Вера Николаевна,
старший преподаватель кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: vsinko71@mail.ru

ЕГОРОВ Сергей Георгиевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: palamit@rambler.ru

СМИРНОВА Екатерина Сергеевна,
кандидат сельскохозяйственных наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов,
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: ekaterina-kazantseva@list.ru

РАЖИНА Ева Валерьевна,
кандидат биологических наук,
доцент кафедры биотехнологии и пищевых продуктов
Уральский государственный аграрный университет,
e-mail: eva.mats@mail.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОГОРОДНИЧЕСТВА В Г. СВЕРДЛОВСКЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые проблемы продовольственного снабжения населения г. Свердловска в годы Великой Отечественной войны. Одним из способов решения продовольственного вопроса в то время стала организация коллективных и индивидуальных огородов в городе и ближайших к нему территориях. Показана роль советских и партийных органов города в организации коллективного и индивидуального огородничества, приведены результаты эффективности их деятельности на этом направлении.*

Ключевые слова*: город, население, Великая Отечественная война, история, показатели, огородничество, продовольственное снабжение, Ботанический сад, наука, хозяйство.*

SHILOVTSEV Andrey V.,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

SINKO Vera N.,
Senior lecturer at the Department of Philosophy,
Ural State Agrarian University

EGOROV Sergey G.,
Candidate of historical sciences, associate Professor,
Associate professor of the Department of philosophy,
Ural State Agrarian University

SMIRNOVA Ekaterina S.,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor
of the Department of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

RAZHINA Eva V.,
Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Biotechnology and Food Products
Ural State Agrarian University

ON THE DEVELOPMENT OF HORTICULTURE IN SVERDLOVSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Annotation. *The article discusses some of the problems of food supply to the population of Sverdlovsk during the Great Patriotic War. One of the ways to solve the food problem at that time was the organization of collective and individual vegetable gardens in the city and the territories closest to it. The role of the Soviet and party organs of the city in the organization of collective and individual gardening is shown, the results of the effectiveness of their activities in this area are presented.*

Key words: *city, population, Great Patriotic War, history, indicators, gardening, food supply, Botanical garden, science, economy.*

В настоящее время по давней традиции многие жители различных регионов России занимаются ведением и развитием садоводства и огородничества на своих дачных или садовых участках. Эта деятельность заключается в выращивании овощей, фруктов, ягод и других съедобных растений для собственного потребления или для продажи на рынке. Поскольку большую часть своего исторического пути Россия являлась аграрной страной, то желание заниматься выращиванием огородных и садовых растений - так называемый «ген крестьянина» - до сих пор присутствует в сознании городского и сельского населения страны [1].

Огородничество в России прошло довольно непростой путь развития, но тем не менее оно не потеряло свою актуальность и в наши дни. Рассматривая, например, Уральский регион, можно отметить, что с давних времен несмотря на достаточно суровый климат, его жители фактически повсеместно занимались этим видом деятельности. Уже в конце XVIII в. в некоторых уральских городах наблюдалось сравнительно большое разнообразие огородных культур. Эти выращенные самостоятельно продукты предназначались, прежде всего, «для своего употребления» и редко – для продажи в другие места края. На рубеже XIX–XX вв. такая огородная культура как картофель уже заняла прочное место в рационе горожан благодаря, в том числе, и личным подсобным хозяйствам.

Еще до начала Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. огородничество приобрело немаловажное значение для повышения материального достатка рабочих семей. Память о голодных годах Гражданской войны 1918-1920 гг. и карточной системы распределения продуктов времен «военного коммунизма» еще была жива. А для многих семей рабочих и служащих огородный участок являлся единственным возможным дополнительным источником продуктов питания.

Великая Отечественная война Советского Союза с фашистской Германией и ее союзниками (1941-1945 гг.) стала самым трагическим и самым тяжелым испытанием, которые пришлось испытать народу нашей страны. На протяжении долгих четырех военных лет лозунг «Все для фронта, все для победы!» ежедневно призывал все население страны к максимальному напряжению сил на своих рабочих местах в городах и в сельской местности [2, с. 241].

г. Свердловск в то время стал одним из крупнейших эвакуационных пунктов страны: сюда было переправлено более полусотни крупных и средних промышленных предприятий из западных регионов РСФСР и УССР. Сюда же эвакуиро-

вались учебные заведения и культурные ценности. В целом на территории Урала была размещена четвертая часть всех эвакуированных жителей страны [3].

Одной из самых важных экономических проблем военного времени была проблема продовольственного снабжения армии и мирного населения страны. К ее решению партийные и советские организации приступили сразу же после начала войны. Эта работа велась не только на фронте, но и в тыловых районах страны, включая Урал.

«На протяжении всей войны продовольственные ресурсы страны пополнялись за счет продукции колхозов и совхозов, подсобных хозяйств на предприятиях, организациях и учреждениях, а также коллективного и индивидуального огородничества», - отмечают исследователи Н. П. Дембицкий и С. В. Лялькина [4].

В тот период жители городов, включая крупные промышленные центры, должны были развивать индивидуальное огородничество. Предполагалось, что городское население в силах самостоятельно обеспечить себя картофелем и другими овощами. Тем самым с государства снималась часть заботы о продовольственном снабжении горожан, облегчалось разрешение задачи обеспечения продуктами фронта, а также населения районов, освобожденных от врага.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в связи с резким обострением положения с продовольственным обеспечением на фронте и в тылу развитие индивидуального и коллективного огородничества стало составной частью мероприятий, направленных на перестройку системы снабжения в военных условиях [5].

Начиная с 1942 г. советское правительство взяло курс на усиленное развитие индивидуального и коллективного огородничества в тыловых районах страны. Особая роль в этом направлении отводилась Всесоюзному Центральному Совету Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и профсоюзным организациям различного уровня. 5 января 1942 г. Секретариат ВЦСПС принял постановление «О расширении индивидуального огородничества рабочих и служащих в 1942 г.» [6].

Для всех профсоюзных организаций этот участок работы был определен как основной, что предполагало изначально проводить широкую разъяснительную работу среди трудящихся о необходимости работы на огородах, составлялись списки желающих получить земельные участки, организовывалось снабжение сельскохозяйственным инвентарем и семенами и др.

Уральский историк А. Н. Трифонов приводит данные по количеству огородников в ведущих уральских областях в годы войны: в Свердловской - 315 тыс. (17,1 тыс. га), в Челябинской - 200 (20,1), Пермской - 140 (7,1 тыс.) [7, с. 214].

В апреле 1942 г. начали свою деятельность огородные комиссии при фабрично-заводских и местных комитетах, которые вели учет желающих иметь свои огороды и направляли в исполкомы местных Советов заявки на земельные участки. Затем необходимо было выделять участки для их освоения. Город начал менять свой привычный облик: парки, сады, стадионы, цветники и даже пригодные площади на промышленных предприятиях превратились в грядки с овощными культурами. Каждый житель независимо от возраста старался внести свой вклад в борьбу с голодом. В итоге с начала войны 65% семей г. Свердловска стали заниматься индивидуальным огородничеством.

Сохранившиеся газетные хроники военных лет сегодня позволяют получить представление о быте свердловчан, совершавших тогда свой трудовой подвиг. С печатных страниц звучали призывы массово внедрять индивидуальное огородничество: «Надо, чтобы каждый трудящийся нашей области имел свой огород. Надо только помочь в отводе участков и приобретении семенного материала. Что стоит колхозу или совхозу, имеющим парники и теплицы, вырастить 10-15 штук рассады для рабочего. Ведь рабочий не имеет парника. Колхозы и совхозы области должны будут вырастить в своих парниках и теплицах рассаду капусты, огурцов, помидоров и других культур для обеспечения посевов в подсобных хозяйствах предприятий и индивидуальных огородах рабочих и служащих» [8].

Ботанический сад г. Екатеринбурга, работавший еще с 1938 г., также внес свой вклад в борьбу с голодом. Его ученые активно исследовали флору Свердловской области с целью сбора и культивирования растений, пригодных для употребления в пищу или для лечения. Уже в первые годы войны благодаря исследованиям в биохимической лаборатории под руководством эвакуированного белорусского академика-физиолога Тихона Николаевича Годнева были выявлены и научно доказаны питательные свойства более чем 20 видов дикорастущих растений, которыми был в то время богат Средний Урал: сныть, лебеда, пырей, лопух, клевер, крапива, рогоз и др. Во многих растениях обнаружили высокое содержание витаминов С и А, особенно необходимых для ослабленного организма. Рекомендации по употреблению дикорастущих растений ученые Ботанического сада направляли в школы и лечеб-

ные учреждения. Часть растений сотрудники разводили на территории этого учреждения, собирали и затем уже в засушенном виде отправляли в лечебные учреждения города и области. Помимо изучения дикорастущей флоры, в Ботаническом саду занимались тогда и овощеводством, благо территория в 123 гектара земель позволяла это делать. Таким образом, в Ботаническом саду, который прежде был строго научным учреждением, разбили огороды, урожай которых позже спас от голода множество людей.

В заметке от 8 мая 1943 г. газеты «Уральский рабочий» сообщалось, что Свердловский ботанический сад выращивал 200 тысяч штук рассады капусты, брюквы, лука, помидоров, огурцов для индивидуальных рабочих огородов. На двух крупных заводах города сотрудниками сада были организованы выставки по организации и ведению индивидуального огородничества [9]. Систематически проводились консультации по агротехнике высоких урожаев картофеля и овощей.

Учащиеся школ города стали активно участвовать в работе ботанического сада. Сотрудники этого учреждения в свою очередь помогали школам засеивать их собственные участки картофелем, морковью, свеклой и другими овощами, а также зерновыми: рожью, пшеницей, кукурузой и овсом. Также сад стал заготавливать сено для прокорма скота.

Известно, что свердловский ботанический сад выделил для г. Сталинграда семена различных растений и 10 000 саженцев кустов японской розы, акации, сирени, за что получил благодарственную телеграмму от Сталинградского исполкома горсовета.

В марте 1943 г. в газете «Уральский рабочий» вышла большая статья с названием «Индивидуальное огородничество - большое государственное дело». «Война требует, чтобы каждый патриот, любящий свою родину, брал у государства поменьше, а давал ему побольше. И советские люди, сознавая свой долг перед родиной, повышают производительность труда, дают с меньшим количеством рабочих больше продукции, изыскивают дополнительные возможности для того, чтобы облегчить государству решение важнейшей задачи - снабжение фронта и промышленных центров продовольствием.

В годы войны индивидуальное огородничество приняло широкий размах. Десятки тысяч гектаров земли засевали трудящиеся городов под огороды. Сотни тысяч рабочих и служащих трудились в прошлом году на своих огородах для того, чтобы обеспечить себя овощами и картофелем и тем самым меньше требовать от государства» [10].

Чтобы понять, какое огромное значение имело индивидуальное огородничество для увеличения источников снабжения городского населения, достаточно привести следующие цифры. В г. Свердловске только в 1942 г. индивидуальные огороды с общей засеянной площадью в 5 648 гектаров имели 228 тысяч человек. Сотни тонн картофеля и других овощей вырастили тогда рабочие и служащие на своих огородах.

Таким образом, огороды являлись большим подспорьем для семей рабочих и служащих и во многом облегчили государству успешное разрешение задачи снабжения продовольствием фронта и страны. «Ни одной семьи рабочего и служащего без огорода!» — таким был лозунг, под которым проводили всю подготовительную работу к очередной огородной кампании военных лет.

На страницах уральских газет в тот период стали чаще размещаться материалы с консультациями по агротехнике, которые давали известные специалисты в области сельского хозяйства. В газете «Уральский рабочий» часто выходили статьи академика И. Г. Эйхвельда, внесшего тогда большой вклад в дело развития огородничества в Свердловской области. Например, 5 ноября 1943 г. в его статье, посвященной областной выставке по овощеводству и картофелеводству, отмечались достижения рабочих и служащих Уралмашзавода: «Лучшие огородники этого завода собрали с одной сотки до 350 кг картофеля… Овощевод тов. Орлов добился 620 кг овощей и картофеля с 50 квадратных метров [11].

Также в то время отмечалась активная роль школьников в освоении передового опыта. Учащиеся школ г. Свердловска и Свердловской области брали обязательства заготовить для посадки в свободное от занятий время верхушки от продовольственного картофеля. Несколько тысяч подростков и пионеров ходили в окрестные лесные массивы на заготовки грибов и ягод, собирали лекарственные травы, высушивали их и затем сдавали в аптеки.

Основные показатели развития огородничества в СССР в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. демонстрировали значительный рост: в целом по стране численность рабочих и служащих, занимавшихся огородничеством, выросла с 5 млн человек в 1942 г. до 18, 6 млн в 1945 г.; посевная площадь за этот же период увеличилась с 500 тыс. га до 1626 тыс. га. Урожай картофеля и овощей возрос с 400 кг на семью до 515 кг. [12].

Таким образом, несмотря на трудности военного времени, государственным, партийным и профсоюзным органам г. Свердловска удалось в кратчайшие сроки наладить организацию не

только подсобных хозяйств, но и коллективных огородов на предприятиях и индивидуальных хозяйств в частном секторе, что стало важнейшим дополнительным источником продовольственного снабжения рабочих и служащих города и области.

К 1945 г. в Свердловской области удалось добиться значительного количественного роста посевных площадей и валовых сборов овощей и картофеля, что позволило прекратить завоз этой продукции из других регионов [13, с. 435].

В послевоенный период коллективное и индивидуальное огородничество продолжило свое дальнейшее развитие и в основе своей еще сохранялось долгие годы.

Список литературы:

[1] См. К вопросу о развитии садоводства и огородничества в Г. Екатеринбурге в контексте истории повседневности (конец XVIII - начало XX вв.) / А. В. Шиловцев, В. Н. Синько, Е. В. Ражина [и др.] // Международный научный вестник. 2025. № 5. С. 355-361.

[2] Памятники Великой Отечественной войне Г. Екатеринбурга как средство патриотического воспитания студенческой молодежи / А. В. Шиловцев, В. Н. Синько, С. Г. Егоров [и др.] // Российский научный вестник. 2024. № 12. С. 241-245.

[3] Корнилов Г. Е. Эвакуация населения на Урал в годы Великой Отечественной войны / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 112-121.

[4] Дембицкий Н., Лялькина С., Расширение огородничества рабочих и служащих в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Овощеводство и тепличное хозяйство. 2020 г.

[5] Красноженова Е. Е. Роль индивидуального и коллективного огородничества в решении продовольственной проблемы в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 12 [Электронный ресурс]. URL: https://human.snauka.ru/2012/12/2070

[6] ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 31. Д. 20. Л.1

[7] Трифонов А. Н. Огородничество и решение продовольственной проблемы на Урале в годы Великой Отечественной войны / А. Н. Трифонов // Историко-педагогические чтения. 2005. № 9. С. 214-227.

[8] Уральский рабочий. 2 марта 1942. № 069. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/48285

[9] Рассада для индивидуальных огородов // Уральский рабочий. 8 мая 1943 г.

[10] Индивидуальное огородничество - большое государственное дело // Уральский рабочий. 3 марта 1944 г.

[11] Уральский рабочий. 5 ноября 1943 г. [Электронный ресурс]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/48800

[12] См. Профсоюзы СССР: документы и материалы: 1905-1963 гг.: в 4 т.. Профсоюзы в период завершения строительства социализма и начала развернутого строительства коммунизма, (1953-1963 гг.) / под общ. науч. ред. канд. ист. наук Т. В. Батаевой. Москва: Профиздат, 1963, 846 с.; Чернявский У. Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения (1941-1945 гг.): Снабжение гор. населения в Великую Отечеств. войну (1941-1945 гг.) / Акад наук. СССР. Ин-т истории. Москва: Наука, 1964. 208 с.

[13] Развитие картофелеводства и овощеводства в Свердловской области в 1940-е годы: мобилизационный рост и системные проблемы / Егоров С. Г., Чупина И. П., Зарубина Е. В. Синько В. Н., Шиловцев А. В. // Российский научный вестник. 2025. № 10. С. 431-436.

References:

[1] See the question of the development of horticulture and horticulture in Yekaterinburg in the context of the history of everyday life (late XVIII - early XX centuries)/A.V. Shilovtsev, V.N. Sinko, E.V. Razhina [et al.]//International Scientific Bulletin. 2025. № 5. S. 355-361.

[2] Monuments of the Great Patriotic War of Yekaterinburg as a means of patriotic education of student youth/A. V. Shilovtsev, V. N. Sinko, S. G. Egorov [et al.]//Russian Scientific Bulletin. 2024. № 12. S. 241-245.

[3] Kornilov G.E. Evacuation of the population to the Urals during the Great Patriotic War/G.E. Kornilov//Ural Historical Bulletin. 2015. № 4 (49). S. 112-121.

[4] Dembitsky N., Lyalkina C., Expansion of gardening of workers and employees during the Great Patriotic War of 1941-1945. Vegetable growing and greenhouse farming. 2020

[5] E. E. Krasnozhenova. The role of individual and collective gardening in solving the food problem during the Great Patriotic War (based on materials from the Lower Volga region)//Humanitarian scientific research. 2012. No. 12 [Electronic resource]. URL: https://human.snauka.ru/2012/12/2070

[6] GARF. F. 5451. Op. 31. D. 20. L.1

[7] Trifonov A.N. Gardening and solving the food problem in the Urals during the Great Patriotic War/A.N. Trifonov//Historical and pedagogical readings. 2005. № 9. S. 214-227.

[8] Ural worker. March 2, 1942. № 069. [Electronic resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/48285

[9] Seedlings for individual gardens//Ural worker. May 8, 1943

[10] Individual gardening is a big state business//Ural worker. March 3, 1944

[11] Ural worker. November 5, 1943 [Electronic Resource]. URL: http://elib.uraic.ru/handle/123456789/48800

[12] See Trade unions of the USSR: documents and materials: 1905-1963: in 4 tons. Trade unions during the period of completion of the construction of socialism and the beginning of the unfolded construction of communism, (1953-1963)/under the general. scientific. ed. Cand. east. Sciences T.V. Bataeva. Moscow: Profizdat, 1963, 846 p.; Chernyavsky U. G. War and food. Urban population supply (1941-1945): Mountain supply. population in the Great Patriotic War. war (1941-1945)/Acad sciences. USSR. History Institute. Moscow: Science, 1964. 208 pp.

[13] Development of potato and vegetable growing in the Sverdlovsk region in the 1940s: mobilization growth and systemic problems/Egorov S.G., Chupina I.P., Zarubina E.V. Sinko V.N., Shilovtsev A.V.//Russian Scientific Bulletin. 2025. № 10. S. 431-436.

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-825-830

ИВАНОВА София Игоревна,
студент 4 курса Юридического факультета
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации,
Москва, Россия,
https://orcid.org/0009-0009-1952-4318
e-mail: sonia-ivanova-2003@mail.ru

Научный руководитель:
РАХМАТУЛИНА Римма Шамильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Кафедры ПРЭД Юридического Факультета
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации,
Москва, Россия,
https://orcid.org/0000-0002-4303-2358
e-mail: info@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ЗАДЕЙСТВОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОЗДАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу системного кризиса института права интеллектуальной собственности, вызванного экспансией генеративного искусственного интеллекта (ИИ). Автор структурирует комплекс правовых проблем по четырем ключевым направлениям: дефицит правосубъектности (отсутствие автора-человека), дефицит охраноспособности (неопределенность правового режима результатов, созданных нейросетями), дефицит легитимности обучающих выборок (нелицензированное использование охраняемых произведений) и дефицит контроля (вопросы ответственности за вредоносный контент и дипфейки). В работе обосновывается необходимость смены правовой парадигмы: отказа от концепции «автора-одиночки» в пользу функционального подхода, учитывающего эпоху распределенного творчества. В качестве концептуальных путей решения предлагаются введение ограниченного смежного права для «цифровых творений», внедрение стандартов прозрачности датасетов, обязательная маркировка синтетического контента, а также переопределение критерия оригинальности с переносом акцента на творческий выбор пользователя (промпт-инжиниринг и селекцию). Особое внимание уделено дискуссии о правовой природе ИИ как источнике повышенной опасности и перспективам имплементации зарубежного опыта в российское правовое поле.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, генеративные нейросети, авторское право, правосубъектность, результаты интеллектуальной деятельности, промпт, обучающие выборки, смежное право, источник повышенной опасности, дипфейки, цифровые творения.*

IVANOVA Sofia Igorevna,
fourth-year student, Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Academic Supervisor:
RAKHMATULINA Rimma Shamilevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Foreign Economic Activity,
Faculty of Law, Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia

LEGAL ISSUES RELATED TO THE INVOLVEMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE CREATION OF RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITIES

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the systemic crisis in intellectual property law caused by the expansion of generative artificial intelligence (AI). The author structures the set of legal problems into four key areas: the deficit of legal subjectivity (the absence of a human author), the deficit of protectability (uncertainty regarding the legal status of AI-generated outputs), the deficit of legitimacy in training datasets (unlicensed use of copyrighted works), and the deficit of control (liability issues for harmful content and deepfakes). The study substantiates the need for a paradigm shift: moving away from the romantic concept of the "sole author" towards a functional approach that recognizes the era of distributed creativity. As conceptual solutions, the author proposes the introduction of a limited neighboring right for "digital creations," the implementation of dataset transparency standards (opt-out), mandatory labeling of synthetic content, and a redefinition of the originality criterion by shifting the focus to the user's creative choices (prompt engineering and selection). Special attention is paid to the discussion on the legal nature of AI as a source of increased danger and the prospects for implementing foreign experience into the Russian legal framework.*

Key words: *artificial intelligence, generative neural networks, copyright, legal subjectivity, intellectual property, prompt, training datasets, neighboring rights, source of increased danger, deepfakes, digital creations.*

Ситуация, в которой сегодня оказались право и законодательство в сфере регулирования отношений по поводу интеллектуальной деятельности, уникальна: впервые субъектом права (человеком) создан инструмент, способный производить объекты, внешне неотличимые от результатов творческого труда человека, но при этом не обладающий правосубъектностью. Современное положение дел свидетельствует о системной трансформации института ИС, сопоставимой по своему цивилизационному значению с изобретением книгопечатания. Мы наблюдаем не просто технологический сдвиг, а глубинную онтологическую ломку самого понятия «творчество» и, соответственно, объекта правовой охраны. Как представляется, весь массив правовых проблем в рассматриваемой сфере можно структурировать по нескольким ключевым направлениям, а именно:

1) Аксиологический кризис института авторства. С экономической точки зрения, исключительные права – это механизм монетизации творческого труда. ИИ разрушает корреляцию «труд – вознаграждение». Когда основную творческую работу выполняет алгоритм, пользователь получает благо (результат), не производя экономически измеримых затрат труда, охраняемых правом. Это приводит к обессмысливанию категории «творческий вклад». Невозможно квалифицировать *промпт* как эквивалент авторского замысла – это техническое задание, а не художественный образ.

2) Проблема субъекта и авторства (дефицит правосубъектности). Данная проблема представляет собой фундаментальный вызов романо-германской и англосаксонской правовым системам. Традиционное авторское право построено вокруг человека-творца, однако, когда нейросеть генерирует текст или изображение, неизбежно возникает правовая неопределенность, ибо: 1) охрана возникает только, если результат является следствием творческого труда *человека*, результат же работы ИИ не является следствием прямого творческого волеизъявления человека в классическом смысле – это следствие работы алгоритма; 2) *доктрина «владения инструментом» не работает:* нельзя приравнять ИИ к фотоаппарату или кисти, т.к. фотоаппарат фиксирует видение автора, ИИ же генерирует содержание на основе вероятностного прогнозирования, а не репродукции замысла; 3) имеет место *проблемная правосубъектность ИИ:* предложения наделить ИИ статусом «электронной личности» (как это обсуждалось в Европарламенте в 2017 году) вызывают серьезные сомнения, поскольку ИИ не обладает волей, мотивацией, не несет ответственности и не нуждается в материальном стимулировании, а это то, на чем зиждется авторское право.

3) Экономическая асимметрия рынков. При сохранении текущего режима «общественного достояния *de facto*» обесцениваются рыночные активы профессиональных участников: фотографов, дизайнеров, переводчиков. Нейросеть удешевляет производство контента до маржинальных издержек, близких к нулю; это дестимулирует инвестиции в человеческий капитал. Возникает парадокс: право на доступ к технологии вступает в конфликт с правом на защиту профессионального творческого труда.

4) Проблема возникновения и фиксации права (дефицит охраноспособности). Если исходить из того, что право должен получить пользователь, то здесь сразу же возникает вторая группа коллизий: 1) определение *творческого вклада «порогового уровня».* Является ли формулировка запроса *(промпт)* творческим актом, достаточным для возникновения права? Правоприменительная практика США (например, отказ Бюро авторского права регистрировать комикс «Zarya of the Dawn») склоняется к тому, что если итоговая форма создана ИИ, охрана не возникает, даже если промпт был крайне детальным. Текст промпта можно охранять как литературное произведение, но не картинку; 2) *неопределенность правового режима.* Сегодня наблюдается ситуация, когда 90% результатов работы генеративных моделей находятся в зоне *«public domain» de facto*, но не *de jure*. Это создает риски для бизнеса: инвестиции в создание контента не гарантируют монополии на его использование.

5) Проблема заимствования (т.е. дефицит легитимности обучающих выборок). Здесь мы переходим из плоскости авторского права в плоскость смежных прав и ответственности: 1) любая генеративная сеть обучается на огромных массивах данных, включающих охраняемые произведения. С позиций права, даже трансформативное использование не отменяет факта воспроизведения («репродуцирования») оригинала в процессе машинного обучения; 2) *р*азработчик не может отследить, воспроизвела ли сеть защищенный фрагмент текста или использовала его как стимул, а с юридической точки зрения это является нарушением исключительного права (ст. 1270 ГК РФ). Обратимся к судебной практике – например, иск *Safe Creative* против *Stability AI*, когда группа художников подала коллективный иск к компаниям Stability AI Ltd., Midjourney Inc. и DeviantArt Inc. за использование защищенных авторским правом изображений для обучения ИИ. По мнению истцов, для обучения нейросетей, создающих изображения, использовали миллиарды изображений без согласия их создателей и правообладателей [1]. Как представляется, это только начало подобных процессов; 3) *добросовестное использование (fair use):* судами пока не выработано единой позиции в части того, является ли машинное обучение «преобразовательным» использованием: если да, то оно легально; если нет – это массовый контрафакт.

6) Юридико-техническая проблема. Любая генеративная модель – это продукт глубокого обучения на охраняемых и свободно используемых объектах. Правовая фикция исходит из того, что копирование, осуществлённое машиной в процессе обучения, есть воспроизведение произведения (ст. 1270 ГК РФ) – однако технически это представляет собой *неконтролируемое* воспроизведение, так как пока невозможно идентифицировать конкретный объект, ставший прообразом, что, в свою очередь, порождает «кризис доказывания»: правообладатель понимает, что его произведение использовано, но не может идентифицировать и доказать конкретный акт нарушения в сгенерированном ИИ контенте.

7) Проблема правосубъектности. Классический деликт со времен Римского права строится на вине конкретного лица. Но если текст, содержащий порочащие лицо сведения, или точную копию охраняемого образа генерирует ИИ, то кто должен являться правонарушителем: пользователь, который лишь сформулировал запрос, не имея умысла нарушить чьи-то права; разработчик, который не имеет технической возможности контролировать каждый акт генерации; *ИИ*, который не является субъектом права и, более того, «наказывать» который бессмысленно. В результате эта ситуация порождает проблему безответственности, что в правовом государстве является непозволительным и недопустимым.

8) ответственности за результат (дефицит контроля и достоверности). Эта проблема граничит с информационной безопасностью: во-первых, это *дипфейки и персональные данные.* Генерация изображений конкретных лиц без их согласия представляет собой прямое нарушение законодательства о персональных данных (152-ФЗ) – однако идентифицировать «вредоносный» промпт и привлечь к ответственности распространителя сложно, и с технической, и с юридической стороны [2]; во-вторых, при подходе к *ИИ как источнику повышенной опасности* неизбежно встаёт дискуссионный вопрос: можно ли рассматривать алгоритм как источник повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) и взыскивать ущерб без вины конкретного пользователя, если ИИ, например, сгенерировал клевету или призывы к экстремизму? Пока в существующих правовых реалиях преобладает концепция ИИ как «инструмента», где юридическая ответственность возлагается непосредственно на причинителя вреда (т.е. пользователя), но это не всегда обоснованно и справедливо.

Европейский подход не называет ИИ источником повышенной опасности прямо, но вводит категорию «системы высокого риска», ответственность за функционирование которых предлагается строить на принципах объективного вменения, что является аналогом российского ИПО.

Нужно заметить, что в России судебная практика пока ещё фрагментарна; однако в доктрине (напр., работы В.В. Архипова [3; 4], И.Ю. Богдановской и А.А. Волоса [5], Л.В. Санниковой

[6]) уже сформулирована позиция, согласно которой отказ от расширительного толкования ст. 1079 ГК РФ применительно к робототехнике будет тормозить развитие всего сегмента, поскольку инвесторы вряд ли войдут в сферу деятельности, где ответственность не лимитирована и не ясна.

С позиции *экономического анализа права*, наделение ИИ статусом ИПО выполняет превентивную функцию. Если разработчик знает, что он будет отвечать без вины за любой вред, причиненный системой, то с большей вероятностью он будет выбирать наиболее безопасные, верифицированные модели, ограничивать степень автономии, если это экономически оправдано, страховать риски, создавая фонды покрытия убытков. С правовой точки зрения, это будет *защитой слабой стороны* – потерпевшего, поскольку в споре с корпорацией-разработчиком или владельцем алгоритма гражданин заведомо слабее, а переложение бремени доказывания и введение безвиновной ответственности восстанавливает баланс.

Представляется, что отождествление ИИ и ИПО по действующему Гражданскому кодексу допустимо лишь при очень широком, телеологическом толковании нормы; полагаем, что это рискованный путь для правоприменителя. Однако с точки зрения реализации сформулированной в последних законодательных актах правовой политики, распространение режима источника повышенной опасности на автономные, самообучающиеся системы, взаимодействующие с материальным миром, выглядит необходимым, более того – неизбежным. Формой реализации может здесь выступать не признание «ИИ вообще» источником повышенной опасности, а распространение правил ст. 1079 ГК РФ на деятельность по эксплуатации высокоавтономных робототехнических комплексов и систем ИИ, чреватых причинением вреда, через внесение соответствующих изменений в закон или акты высшей судебной инстанции. Без такого шага правоприменитель либо оставит потерпевших без компенсации, либо будет вынужден искусственно «дотягивать» вину там, где ее нет, дискредитируя сам принцип виновной ответственности.

Следовательно, можно прийти к выводу: ИИ не является источником повышенной опасности по природе, но должен быть приравнен к таковому по режиму правового регулирования, когда его автономность создает объективную невозможность полного контроля и повышенную вероятность причинения вреда. Это и будет, на наш взгляд, искомым юридико-техническим компромиссом между инновацией и безопасностью.

В целом же, пути решения правовых проблем, связанных с задействованием искусственного интеллекта в создании результатов интеллектуальной деятельности, видятся в следующих концептуальных вариантах возможного выхода из существующего положения:

во-первых, во введении смежного права для цифровых произведений: не приравнивать результат работы ИИ к авторскому произведению, но дать пользователю право на защиту от копирования на 5-10 лет. Это позволит окупать затраты, не разрушая классическую парадигму авторского права;

во-вторых, в детальном регулировании обучающих выборок: необходимо внедрение стандартов прозрачности (как, скажем, в европейском *EU AI Act*) – разработчик обязан раскрыть, на каких данных обучалась модель, и выплатить компенсацию правообладателям, чьи произведения вошли в датасет;

в-третьих, в маркировке контента, содержащей обязательное указание на синтетическое происхождение контента (водяные знаки в метаданных) для защиты прав потребителей и предотвращения введения в заблуждение.

Анализ существующего положения даёт основания к определению возможных перспектив использования ИИ в отечественных реалиях, которые следует рассматривать как объективно обусловленные сценарии развития системы правового регулирования данных общественных отношений, а именно:

1. Думается, что следует отойти от бинарной оппозиции «охраняется – не охраняется» и перейти к внедрению многоуровневой системы прав, включающей: 1) *полную охрану* для классических произведений человека; 2) *ограниченную охрану* – введение краткосрочного смежного права для объектов, созданных при значимом участии ИИ (например, 5-10 лет вместо 70 лет после смерти автора); 3) *общественное достояние* – для полностью машинной генерации, без творческого вклада человека. Это позволит сохранить баланс между публичным доступом и частными интересами.

2. Законодательная имплементация ответственности платформы. На разработчиков генеративных моделей должна быть возложена обязанность транспарентности датасетов. Необходимо нормативное закрепление правового механизма, при котором использование охраняемых произведений для обучения требует получения лицензии или выплаты вознаграждения через систему расширенного коллективного управления.

3. В целях преодоления рассмотренных выше проблем доказывания необходимо внедрение ряда новых правовых презумпций, например:

1) сходство произведения, сгенерированного ИИ, с охраняемым объектом, входящим в датасет, рассматривается как следствие использования такого объекта, если не доказано иное; 2) внедрение «водяных знаков» (мета-разметки) как обязательного условия коммерческого использования контента, генерируемого ИИ.

4. Переопределение критериев оригинальности. Представляется, что в совсем недалекой перспективе законодателю и судебной практике предстоит отказаться от концепции «автора-творца» в пользу функционального подхода, при котором оригинальным будет признаваться не то, что создано «из головы», а то, что является результатом творческого выбора: если пользователь путём итераций (промпт-инжиниринг, отбор вариантов, постобработка и т.п.) осуществляет такой выбор – результат может быть признан охраноспособным.

Резюмируя сказанное, хотелось бы заметить, что сегодня перед правом не стоит задача «запретить ИИ» или, напротив, «уравнять его в правах с человеком»; задача видится в деконструкции старого и конструировании нового правового института. Времена, когда произведение выступало продолжением личности автора, заменились эпохой «распределённого творчества», где человеческий и машинный интеллект действует совместно, синергетически, дополняя и уравновешивая друг друга. Отсюда задача права – не тормозить этот процесс, а навести, направить в безопасное и справедливое русло, где будет обеспечен баланс интересов создателей алгоритмов, пользователей и правообладателей первичного контента. Без этой правовой модернизации нас ждёт либо обрушение рынка интеллектуальной собственности, либо его полная криминализация – а как представляется, ни тот, ни другой сценарий не являются приемлемыми для цивилизованного общества.

Судя по всему, сегодня, как и многие предыдущие поколения, мы стоим на пороге смены парадигмы: Римское право не знало электричества, но справилось с ним; право XX века не знало алгоритмов, способных к творчеству – однако исторический опыт свидетельствует, что закон инерции правовой системы преодолим лишь путем доктринального осмысления, а не простого копирования старых норм на новые реалии. Этот подход находит своё отражение в публикациях видных учёных [7-11] и полностью разделяется автором настоящей статьи.

Суммируя, полагаем обоснованным прийти к следующим **выводам**:

В части правовых проблем, связанных с задействованием ИИ в создании результатов интеллектуальной деятельности, наблюдается системный кризис института права интеллектуальной собственности, а поскольку генеративный ИИ разрушает базовые постулаты авторского права, построенные вокруг человека-творца, то очевидной становится необходимость смены парадигмы – требуется отказ от концепции «автора-одиночки» в пользу функционального подхода и признания эпохи «распределенного творчества».

Интеграция ИИ во все значимые сферы общественной жизни (преимущественно в экономику и право), ставит перед человечеством задачи, выходящие за рамки существующей юридической техники, формируя системы подрывающие вызовы. Как замечает проф. А.А. Аузан [12], профессии, в основе которых - алгоритмизируемые процессы, будут замещаться ИИ, соответственно, необходимо менять и систему образования, которая, как это исторически сложилось, строится на алгоритмах и правилах, т.е., говоря аллегорически, направлена на развитие левополушарного мышления, а теперь нуждается в переориентации на развитие правополушарного мышления, а именно качеств, принципиально не воспроизводимых ИИ – эмоциональный интеллект, креативность «с нуля», интуитивное, критическое мышление, способность понимать контекст «между строк», к самосовершенствованию «по своей воле».

Список литературы:

[1] В США подали первый иск о нарушении авторских прав нейросетью. // Право.ru. URL: https://pravo.ru/news/244964/ (дата обращения: 12.02.2026).

[2] См. Захарова О.М., Иванова С.И. Правовое регулирование дипфейков: сравнение российского и зарубежного опытов // Академия права. 2024. №1. С. 34-42.

[3] Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12, №4. С. 882-906.

[4] Архипов В.В., Брагинец А.Ю., Грачева А.В., Наумов В.Б. На пути к юридическому определению искусственного интеллекта // Информационное право. 2021. №4. С. 22-26.

[5] Богдановская И.Ю., Васякина Е.В., Волос А.А., Данилов Н.А., Егорова Е.В., Калятин В.А., Карпенко О.И., Салихов Д.Р. Искусственный интеллект и право: Обзор материалов XIII Международной научно-практической конференции «Право в цифровую эпоху» (Москва, НИУ ВШЭ, 18 октября 2024 г.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 4. С. 278-306.

[6] Видра Д., Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Социализация права и технология распределенного реестра: трансформация регулятивного воздействия // Гражданское право. 2020. № 4. С. 15-21.

[7] Садовничий В.А., Акаев А.А., Ильин И.В., Малков С.Ю., Гринин Л.Е., Андреев А.И., Коротаев А.В. Общество будущего и переход к нему // История и современность. М., 2023. №1(47). С. 88-106.

[8] Осипов *Г.В.* Масштабные изменения в развитии человеческой цивилизации и социальный мегапроект XXI века // Представительная власть. 2024. №5-6 (212-213). С. 5-11.

[9] Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Воронцовой. Казань: Отечество, 2020. 415 с.

[10] Мохат, П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: БукиВеди, 2017. 257 с.

[11] Понкин, А.В., Редькина, А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2018. № 1. С. 91-109.

[12] Декан экономического факультета МГУ А. Аузан об искусственном интеллекте, умирающих профессиях, поколении Z и цифровой экономике (фрагменты интервью). // Сайт Уральского государственного экономического университета. URL: https://meu.usue.ru/sobytiya/1342-dekan-ekonomicheskogo-fakulteta-mgu-a-auzan-ob-iskusstvennom-intellekte-umirayushchikh-professiyakh-pokolenii-z-i-tsifrovoj-ekonomike-fragmenty-intervyu/?ysclid=mli8igtlwn563660435 (дата обращения: 21.02.2026).

References:

[1] The first lawsuit over copyright infringement by a neural network has been filed in the US. // Pravo.ru. URL: https://pravo.ru/news/244964/ (date accessed: 12.02.2026).

[2] See Zakharova O.M., Ivanova S.I. Legal regulation of deepfakes: a comparison of Russian and foreign experiences // Academy of Law. 2024. No. 1. pp. 34-42.

[3] Arkhipov V.V., Naumov V.B., Smirnova K.M. Limits of making legally significant decisions using artificial intelligence // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2021. Vol. 12, No. 4. pp. 882-906.

[4] Arkhipov V.V., Braginets A.Yu., Gracheva A.V., Naumov V.B. Towards a Legal Definition of Artificial Intelligence // Information Law. 2021. No. 4. Pp. 22-26.

[5] Bogdanovskaya I.Yu., Vasyakina E.V., Volos A.A., Danilov N.A., Egorova E.V., Kalyatin V.A., Karpenko O.I., Salikhov D.R. Artificial Intelligence and Law: Review of the Materials of the XIII International Scientific and Practical Conference “Law in the Digital Age” (Moscow, HSE University, October 18, 2024) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17. No. 4. Pp. 278-306.

[6] Vidra D., Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Socialization of law and distributed registry technology: transformation of regulatory impact // Civil law. 2020. No. 4. pp. 15-21.

[7] Sadovnichy V.A., Akaev A.A., Ilyin I.V., Malkov S.Yu., Grinin L.E., Andreev A.I., Korotaev A.V. Society of the future and the transition to it // History and modernity. M., 2023. No. 1(47). pp. 88-106.

[8] Osipov G.V. Large-scale changes in the development of human civilization and the social megaproject of the 21st century // Representative power. 2024. No. 5-6 (212-213). pp. 5-11.

[9] Transformation and digitalization of legal regulation of social relations in modern realities and during the pandemic: a collective monograph / Ed. by I.V. Vorontsova. Kazan: Otechestvo, 2020. 415 p.

[10] Morhat, P.M. Artificial intelligence: a legal view. Moscow: BukiVedi, 2017. 257 p.

[11] Ponkin, A.V., Redkina, A.I. Artificial intelligence from a legal perspective // Bulletin of RUDN University. Series: Legal sciences. 2018. No. 1. pp. 91-109.

[12] Dean of the Faculty of Economics at Moscow State University A. Auzan on artificial intelligence, dying professions, generation Z and the digital economy (interview excerpts). // Website of the Ural State University of Economics. URL: https://meu.usue.ru/sobytiya/1342-dekan-ekonomicheskogo-fakulteta-mgu-a-auzan-ob-iskusstvennom-intellekte-umirayushchikh-professiyakh-pokolenii-z-i-tsifrovoj-ekonomike-fragmenty-intervyu/?ysclid=mli8igtlwn563660435 (accessed: 21.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-831-837

КЛИШКОВА Наталия Владимировна,
кандидат педагогических наук,
доцент, заведующая кафедрой физики,
Военная академия связи им. С. М. Будённого,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: n.v.kpn@ya.ru

МАКСИМОВА Марина Викторовна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры физики,
Военная академия связи им. С. М. Будённого,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: marin-vikt@yandex.ru

НОВИКОВА Наталия Георгиевна,
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры биологической и медицинской физики,
Военно-медицинская академия им. С. М. Кирова,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: nnov2006@yandex.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ОБУЧЕНИЯ КУРСАНТОВ В ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ

Аннотация. *В статье рассматривается моделирование как один из результативных методов обучения курсантов при изучении физики в военной академии. Актуальность темы связана с тем, что значительная часть физических процессов и технических систем, лежащих в основе подготовки будущих военных инженеров, не может быть непосредственно воспроизведена или изучена в полном объёме в условиях учебной аудитории. В этой ситуации модель становится не только средством наглядности, но и инструментом теоретического анализа, объяснения, прогноза и переноса знаний в профессиональную сферу. Авторы исходят из того, что моделирование в образовательном процессе выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно выступает как универсальный метод научного познания, с другой - как способ организации мыслительной деятельности обучающихся. На материале основных разделов курса физики показано, что использование идеализированных, предметных, знаково-символических и мысленных моделей позволяет курсантам осваивать абстрактные закономерности через систему опорных образов и логических связей. Особое внимание уделено роли моделирования в формировании умений анализировать свойства объекта, выделять существенные параметры, устанавливать причинно-следственные зависимости и переносить полученные знания на решение учебно-профессиональных задач. Делается вывод о том, что моделирование в условиях военной академии следует рассматривать не как частный приём, а как значимый дидактический механизм фундаментальной подготовки курсантов.*

Ключевые слова: *моделирование, модель, метод обучения, физика, курсанты, военная академия, научное познание, фундаментальная подготовка.*

KLISHKOVA Natalia Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Head of the Physics Department,
S. M. Budyonny Military Academy of Communications,
Saint Petersburg, Russia

MAKSIMOVA Marina Viktorovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Physics Department,
S. M. Budyonny Military Academy of Communications,
Saint Petersburg, Russia

NOVIKOVA Natalia Georgievna,
Candidate of Physics and Mathematics,
Associate Professor of the Biological and Medical Physics Department,
S. M. Kirov Military Medical Academy,
Saint Petersburg, Russia

MODELING AS A METHOD OF TEACHING CADETS AT A MILITARY ACADEMY

Annotation. *The article examines modeling as one of the effective methods of teaching cadets in the process of studying physics at a military academy. The relevance of the topic is determined by the fact that a considerable part of physical phenomena and technical systems underlying the training of future military engineers cannot be directly reproduced or fully studied in classroom conditions. In this situation, a model becomes not only a means of visualization, but also a tool for theoretical analysis, explanation, forecasting and transferring knowledge into the professional sphere. The authors proceed from the idea that modeling in the educational process performs a dual function: on the one hand, it acts as a universal method of scientific cognition, on the other hand, it serves as a way of organizing students 'cognitive activity. Based on the main sections of the physics course, it is shown that the use of idealized, subject, symbolic and mental models helps cadets master abstract regularities through a system of supporting images and logical relations. Particular attention is paid to the role of modeling in developing the ability to analyze object properties, identify essential parameters, establish cause-and-effect relations and transfer acquired knowledge to solving educational and professional tasks. It is concluded that in the conditions of a military academy modeling should be regarded not as a private teaching technique, but as an important didactic mechanism of the cadets 'fundamental training.*

Keywords: *modeling, model, teaching method, physics, cadets, military academy, scientific cognition, fundamental training.*

Введение

Современная подготовка будущего военного инженера требует не только усвоения совокупности физических законов, но и владения способами теоретического мышления, позволяющими применять эти законы в новых условиях. Для военной академии эта задача имеет особую значимость. Курсанту необходимо научиться работать с системами и процессами, которые либо недоступны для непосредственного наблюдения, либо слишком сложны для изучения в натуральном виде, либо связаны с техническими и организационными ограничениями учебного процесса. По этой причине дисциплина «Физика» не может рассматриваться только как вводный естественно-научный курс; она выполняет роль методологической основы дальнейшей инженерной подготовки.

В такой ситуации возрастает значение тех методов обучения, которые дают возможность перейти от единичного наблюдаемого факта к обобщённой теоретической конструкции. Одним из таких методов выступает моделирование. Оно позволяет представить изучаемый объект в упрощённой, но содержательно значимой форме, выделить существенные параметры явления, установить функциональные зависимости и проследить логику перехода от исходных условий к результату. Через модель курсант осваивает не только сам физический материал, но и способ работы с ним.

Для военной академии моделирование особенно важно ещё и потому, что оно создаёт связующее звено между фундаментальной физикой и дисциплинами профессионального цикла. Изучение механических, электромагнитных, волновых и квантовых процессов в форме моделей формирует у обучающихся готовность к восприятию более сложных технических систем, лежащих в основе современной связи, радиотехники, навигации и инженерного обеспечения.

Цель исследования - показать дидактические возможности моделирования как метода обучения курсантов в военной академии и раскрыть его значение в процессе изучения физики.

Научная новизна работы состоит в уточнении роли моделирования не только как средства наглядного представления материала, но и как способа формирования у курсантов аналитического и прогностического стиля мышления, необходимого для дальнейшей военно-инженерной подготовки.

Материалы и методы исследования

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных авторов, посвящённые моделированию, содержанию образования и методике обучения в высшей школе. В работах В. А. Штоффа, И. Б. Новика, Я. Г. Неуймина модель рассматривается как специально создаваемый заместитель объекта, позволяющий получать новое знание об оригинале [7; 8; 12]. Для педагогического анализа существенны также положения О. С. Анисимова о моделировании как средстве развития мыслительной деятельности [1], подход Е. Н. Степанова к функциям моделирования [9], а также идеи В. В. Краевского и С. И. Архангельского, связанные с отбором содержания образования и организацией учебного процесса [2; 5].

В исследовании использовались анализ психолого-педагогической и методической литературы, обобщение опыта преподавания физики в военной академии, педагогическое наблюдение, а также анализ результатов учебной деятельности курсантов при изучении базовых разделов курса физики.

В научной литературе моделирование трактуется как опосредованный способ изучения действительности, при котором исследователь обращается не к самому объекту, а к его специально построенному аналогу. При этом модель не воспроизводит объект полностью. Она выделяет лишь те свойства и отношения, которые имеют решающее значение для поставленной задачи. Именно в этом заключается её познавательная ценность. Модель упрощает объект, но не обедняет его произвольно; напротив, она позволяет точнее увидеть существенное, исключив второстепенное.

В дидактическом плане моделирование обладает рядом функций. Во-первых, оно выполняет объяснительную функцию, поскольку помогает раскрыть внутреннюю структуру изучаемого явления. Во-вторых, имеет иллюстративное значение, делая абстрактные связи доступными для восприятия. В-третьих, носит эвристический характер: работа с моделью побуждает обучающегося к выдвижению предположений, сравнению вариантов и проверке следствий. Наконец, моделирование обладает прогностической функцией, поскольку позволяет заранее оценить поведение системы при изменении параметров [9].

Для методики преподавания физики принципиально важно, что модель выступает не только как готовый результат, предъявляемый курсанту преподавателем, но и как продукт собственной интеллектуальной деятельности обучающегося. Если курсант самостоятельно переходит от наблюдаемого явления к его идеализированному представлению, выделяет ключевые величины и устанавливает связи между ними, то моделирование превращается в активный способ усвоения знания.

Вслед за В. А. Штоффом можно утверждать, что модель ценна постольку, поскольку позволяет в исследовании заместителя получить сведения об оригинале [12]. Эта мысль особенно значима для курса физики, где значительная часть объектов либо принципиально ненаблюдаема непосредственно, либо слишком сложна для прямого изучения. Отсюда вытекает методическое требование: обучение должно быть организовано так, чтобы курсант не просто запоминал готовую схему, а понимал, по каким основаниям она построена и где проходят границы её применимости.

Результаты и обсуждение

Преподавание физики в военной академии строится в особых условиях. С одной стороны, курс должен сохранять фундаментальный характер. С другой - он должен быть связан с будущей инженерной деятельностью обучающихся. Именно поэтому моделирование здесь приобретает не вспомогательное, а системообразующее значение. Оно помогает переводить физические закономерности из абстрактной формы в профессионально осмысленный контекст.

В учебном процессе модель выполняет сразу несколько задач. Она позволяет:

- сократить сложность изучаемого объекта до уровня, доступного теоретическому анализу;
- выделить главные параметры процесса;
- показать причинно-следственные связи между величинами;
- отработать переход от качественного описания явления к количественному;
- сформировать у курсантов умение переносить физические представления на технические и инженерные системы.

Такой подход особенно важен для будущих военных инженеров, поскольку их профессиональная деятельность связана с анализом реальных систем, где нельзя действовать исключи-

тельно по образцу. Необходима способность понимать внутреннюю логику процесса, предвидеть его поведение и оценивать влияние изменения условий. Именно моделирование создаёт основу для такого уровня подготовки.

В образовательной практике военной академии используются различные типы моделей. Наиболее распространёнными являются идеализированные, предметные, знаково-символические и мысленные модели.

Таблица 1. Использование различных типов моделей при изучении физики в военной академии.

Тип модели	Характеристика	Примеры из курса физики	Дидактическая функция	Формируемые умения курсантов
Идеализированные модели	Упрощают объект, выделяя существенные свойства	Материальная точка, идеальный газ, точечный заряд	Выявление закономерностей, абстрагирование	Анализ, выделение существенных параметров
Предметные модели	Имеют наглядную или материальную форму	Демонстрационные установки, макеты, приборы	Иллюстрация и визуализация явлений	Связь теории с практикой, наблюдение
Знаково-символические модели	Представлены формулами, графиками, уравнениями	Графики движения, уравнения Максвелла	Формализация знаний, математическое описание	Работа с формулами, интерпретация данных
Мысленные модели	Основаны на воображаемых экспериментах	Мысленный эксперимент, квантовые модели	Теоретическое моделирование, прогнозирование	Абстрактное мышление, построение гипотез

Идеализированные модели особенно важны на начальных этапах изучения физики. Они позволяют очистить явление от второстепенных факторов и сосредоточить внимание курсантов на сущностных закономерностях. Таковы материальная точка, абсолютно твёрдое тело, идеальный газ, точечный заряд, абсолютно чёрное тело. Работа с такими моделями даёт возможность понять, что любое научное описание строится не на механическом копировании реальности, а на выделении её существенных сторон.

Предметные модели используются там, где необходимо зрительно или экспериментально представить структуру явления. Это могут быть демонстрационные установки, макеты, схемы полей, приборные модели, позволяющие показать связь между теоретическим законом и его проявлением. Важность таких моделей состоит в том, что они создают опору для перехода от чувственного восприятия к абстракции.

Знаково-символические модели представлены формулами, графиками, таблицами, уравнениями и схемами. В физике они имеют особую роль, поскольку именно через них выражается строгая структура научного знания. Для курсанта освоение знаковой модели означает умение видеть за формулой реальный процесс, а за графиком - закономерность изменения явления.

Мысленные модели и мысленный эксперимент применяются в тех случаях, когда натуральный эксперимент невозможен, избыточен или методически неоправдан. Они особенно важны при объяснении процессов микромира, распространения электромагнитных волн, поведения идеализированных систем и других объектов, недоступных непосредственному наблюдению.

Наиболее наглядно возможности моделирования раскрываются при изучении конкретных разделов курса.

Именно в механике у курсантов формируется первичное представление о модели как инструменте научного анализа. Реальное движение всегда совершается в сложных условиях: присутствуют трение, сопротивление среды, неоднородность среды, деформация тел, случайные возмущения. Однако для выявления основных закономерностей вводятся модели материальной точки, абсолютно твёрдого тела, равномерного и равноускоренного движения, свободного падения, замкнутой системы.

Такой путь обучения имеет принципиальное значение. Курсант учится понимать, что закон Ньютона или закон сохранения импульса применяются не к «вещи вообще», а к специально выделенной модели движения. Это развивает точность мышления и умение соотносить условия задачи с границами применимости теоретической схемы.

Кроме того, механика даёт возможность связать моделирование с решением прикладных задач. Анализ траектории, движение по окружности, колебательные режимы, баллистические модели - всё это позволяет постепенно переходить от учебных примеров к техническим и инженерным интерпретациям.

В разделе, посвящённом колебательным и волновым процессам, моделирование приобретает особую эвристическую ценность. Здесь курсант сталкивается с явлениями, которые проявляются в различных физических системах, но подчиняются сходным математическим закономерностям. Модель пружинного маятника, математического маятника, колебательного контура, гармонического сигнала позволяет увидеть внутреннее единство процессов различной природы.

Именно на этом материале особенно продуктивен метод аналогии. Сопоставление механических и электрических колебаний помогает обучающимся осмыслить общий характер колебательного движения, понять смысл параметров системы и проследить, как меняется поведение объекта в зависимости от внешних воздействий.

Для военной академии этот раздел имеет и прямое профессиональное продолжение. Представления о резонансе, фазе, частоте, затухании и распространении волн являются базой для изучения более сложных вопросов, связанных со связью и радиотехническими системами. Следовательно, модель здесь выполняет функцию не только объяснения, но и подготовки к последующему профессиональному знанию.

При изучении молекулярной физики курсант сталкивается с необходимостью осмыслить явления, которые невозможно наблюдать непосредственно на уровне отдельных частиц. Поэтому обращение к моделям становится здесь обязательным. Идеальный газ, хаотическое тепловое движение молекул, статистическое распределение частиц по скоростям, модель внутренней энергии системы - все эти конструкции позволяют связать макроскопические параметры вещества с микроскопическими представлениями.

Особенность данного раздела заключается в том, что здесь модель учит работать с вероятностным описанием и статистическими закономерностями. Это существенно расширяет познавательные возможности обучающихся, поскольку переводит их от линейных причинно-следственных схем к более сложным типам научного объяснения.

В квантовой физике роль моделирования становится ещё более очевидной. Здесь невозможно опереться на непосредственный опыт в его привычной форме; основное содержание строится через систему теоретических моделей. Волновая функция, потенциальная яма, туннельный эффект, модель атома водорода, водородоподобный атом - всё это примеры таких конструкций.

Для курсантов этот раздел традиционно является одним из наиболее трудных. Причина состоит в том, что в нём резко возрастает уровень абстракции и меняется сама логика описания физических процессов. Однако именно моделирование позволяет сделать квантовые представления методически доступными. Если преподавание строится как последовательное введение моделей - от простейших к более сложным, - курсанты начинают воспринимать квантовую физику не как набор изолированных формул, а как связную систему понятий.

В электродинамике моделирование выполняет интегрирующую функцию. По мере изучения законов Кулона, Гаусса, Ампера, Фарадея, понятий поля, потенциала, напряжённости и индукции у курсантов постепенно складывается единая картина электромагнитного взаимодействия. Итогом такого движения становится осмысление системы уравнений Максвелла как обобщённой модели электромагнитного поля.

Здесь особенно заметно, что модель помогает не только понять отдельный закон, но и собрать разрозненные знания в целостную конструкцию. Для курсантов это принципиально важно, поскольку именно целостное представление затем становится основой изучения специальных дисциплин.

В то же время данный раздел показывает и ограниченность моделирования как учебного средства. Если модель вводится без достаточной математической подготовки и без пошагового раскрытия её физического смысла, она может быть воспринята формально. Следовательно, эффективность моделирования зависит от того, насколько грамотно организован переход от образной, качественной схемы к строгому математическому описанию.

Обобщение опыта преподавания позволяет выделить несколько условий, при которых моделирование действительно работает как метод обучения.

Во-первых, модель должна вводиться не как готовый результат, а как ответ на конкретную

познавательную трудность. Когда курсант видит, какую проблему решает модель, он воспринимает её осмысленно, а не формально.

Необходимо специально обсуждать границы применимости модели. Это помогает избежать распространённой ошибки, когда идеализированная схема отождествляется с реальным объектом без учёта условий.

Важно сочетать различные типы моделей. Одной наглядной демонстрации недостаточно, если за ней не следует логическое и математическое развёртывание. Точно так же формула остаётся внешней для обучающегося, если она не опирается на понятную образную основу.

Продуктивным является включение курсантов в самостоятельное построение модели. Постановка вопроса, выбор существенных параметров, допущений и связей между величинами развивают у них исследовательский тип мышления.

Моделирование должно быть связано с будущей профессиональной деятельностью. Для военной академии это особенно важно, поскольку именно через профессиональный контекст фундаментальные знания приобретают для курсанта внутреннюю мотивированность.

Наблюдение за учебной деятельностью курсантов и анализ результатов текущего и итогового контроля позволяют сделать вывод, что систематическое использование моделирования положительно влияет на качество усвоения физики. Это проявляется в нескольких аспектах.

Прежде всего, курсанты лучше понимают внутреннюю логику изучаемого явления. Их ответы становятся менее репродуктивными и более осмысленными. Они увереннее выделяют основные параметры процесса, объясняют ход рассуждения и связывают отдельные положения темы в единую систему. Кроме того, моделирование способствует развитию умения переносить знание. Курсант, освоивший модель как способ анализа, легче ориентируется в новой задаче, даже если её внешние условия отличаются от уже знакомых примеров.

Наконец, моделирование усиливает фундаментальную составляющую подготовки. Оно позволяет формировать не только предметные знания, но и интеллектуальные действия, необходимые будущему инженеру: анализ, сравнение, абстрагирование, установление зависимости, прогнозирование результата. Таким образом, в образовательной среде военной академии моделирование оказывается не просто удобным методическим приёмом, а важным средством формирования профессионально значимого типа мышления.

Выводы

Моделирование в курсе физики военной академии следует рассматривать как один из ключевых методов обучения, обеспечивающих связь между фундаментальной теоретической подготовкой и будущей инженерной деятельностью курсантов.

Его педагогическая ценность определяется тем, что оно позволяет изучать объекты и процессы, недоступные непосредственному наблюдению, переводить сложный материал в логически организованную систему и формировать у обучающихся умение работать с научной абстракцией.

Проведённый анализ показывает, что наиболее значимый эффект моделирование даёт тогда, когда оно используется последовательно: от чувственно воспринимаемой ситуации - к идеализации, от идеализации - к знаково-символической форме, от неё - к объяснению, расчёту и прогнозу. Именно такой путь обеспечивает глубокое усвоение физического содержания.

Для подготовки будущих военных инженеров моделирование важно ещё и потому, что развивает качества, выходящие за рамки одной учебной дисциплины: аналитичность мышления, способность выделять существенные параметры системы, понимать ограничения теоретической схемы и применять её в новых условиях.

Следовательно, моделирование в военной академии должно использоваться не эпизодически, а как системный элемент методики преподавания физики. Перспективным направлением дальнейшей работы представляется исследование возможностей сочетания традиционных форм моделирования с цифровыми образовательными средствами, а также разработка методических решений для включения моделирования в практику решения профессионально ориентированных задач.

Список литературы:

[1] Анисимов О. С. Развитие. Моделирование. Технологии. Калуга: ИМУ, 1996. 92 с.

[2] Архангельский С. И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы. М.: Высшая школа, 1980. 368 с.

[3] Буслова М. К. Моделирование в процессе познания. М.: Наука и техника, 1975. 160 с.

[4] Даньков В. В., Скрипниченко М. М., Логинова С. Ф. и др. Моделирование процессов и систем. СПб.: Лань, 2015. 288 с.

[5] Краевский В. В. Теория содержания общего среднего образования и пути её построения. М.: Педагогика, 1978. 160 с.

[6] Мансуров Н. С. Теоретические предпосылки построения модели образа жизни // Социологические исследования. 1974. № 1. С. 72–79.

[7] Неуймин Я. Г. Модели в науке и технике. Л.: Наука, 1984. 189 с.

[8] Новик И. Б. О моделировании сложных систем. М.: Мысль, 1965. 335 с.

[9] Степанов Е. Н. Моделирование воспитательной системы образовательного учреждения. Псков: ПОИПКРО, 1998. 263 с.

[10] Усова А. В. Формирование у учащихся научных понятий в процессе обучения. М.: Педагогика, 1986. 176 с.

[11] Федоров Б. И., Перминова Л. М. Наука обучать. СПб.: СМИО Пресс, 2000. 288 с.

[12] Штофф В. А. Моделирование и философия. М.; Л.: Наука, 1966. 301 с.

[13] Елизаров И. А., Мартемьянов Ю. Ф. Моделирование систем. Старый Оскол: ТНТ, 2013. 136 с.

References:

[1] Anisimov O. S. Development. Modeling. Technologies. Kaluga: IMU, 1996. 92 p.

[2] Arkhangelsky S. I. The Educational Process in Higher Education, Its Lawful Foundations and Methods. Moscow: Vysshaya shkola, 1980. 368 p.

[3] Buslova M. K. Modeling in the Process of Cognition. Moscow: Nauka i Tekhnika, 1975. 160 p.

[4] Dankov V. V., Skripnichenko M. M., Loginova S. F., et al. Modeling of Processes and Systems. St. Petersburg: Lan, 2015. 288 p.

[5] Kraevsky V. V. Theory of the Content of General Secondary Education and Ways to Develop It. Moscow: Pedagogy, 1978. 160 p.

[6] Mansurov N. S. Theoretical Prerequisites for Constructing a Lifestyle Model // Sociological Studies. 1974. No. 1. pp. 72–79.

[7] Neuimin Ya. G. Models in Science and Technology. Leningrad: Nauka, 1984. 189 p.

[8] Novik I. B. On Modeling Complex Systems. Moscow: Mysl', 1965. 335 p.

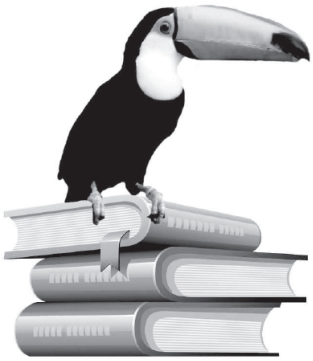
[9] Stepanov E. N. Modeling the Educational Institution's Upbringing System. Pskov: POIPKRO, 1998. 263 p.

[10] Usova A. V. Formation of Scientific Concepts in Students in the Learning Process. Moscow: Pedagogy, 1986. 176 p.

[11] Fedorov B. I., Perminova L. M. The Science of Teaching. St. Petersburg: SMIO Press, 2000. 288 p.

[12] Shtoff V. A. Modeling and Philosophy. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 301 p.

[13] Elizarov I. A., Martemyanov Yu. F. Modeling of Systems. Stary Oskol: TNT, 2013. 136 p.



Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-838-844

ПАТЕЕВА Анна Александровна,
Юридический факультет,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия,
e-mail: lapro-23@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ

Аннотация. *Использование нейросетей и неограниченное распространение ИИ-контента требует оперативного и эффективного правового регулирования. ИИ не обошёл стороной и музыкальную индустрию, в которой контроль за использованием ИИ в силу звукового способа выражения имеет свои особенности. В статье рассмотрены основные вопросы, стоящие сегодня перед законодателем, а также исследована возможная правовая конструкция, которая позволит более четко определять правовой статус Автора ИИ-контента и его творческий вклад в генерацию. Статья также содержит обзор нового законопроекта об искусственном интеллекте и тонкости маркировки.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект, нейросеть, автор музыки, правообладатель, музыкальный лейбл, музыкальное произведение, фонограмма, авторское право, смежное право, право интеллектуальной собственности, закон об ИИ, промпт, маркировка.*

PATEEVA Anna Aleksandrovna,
Faculty of Law,
Financial University under the
Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

CURRENT LEGAL ISSUES OF THE USING AI: FEATURES OF THE MUSIC INDUSTRY

Annotation. *The using of neural networks and the unlimited distribution of AI-content requires prompt and effective legal regulation. AI influences the music industry, which has its own characteristics, unlike visual content. The article examines the main issues facing the publisher today, as well as suggests a legal framework that will make it possible to more clearly define the legal status of the Author of AI-content and his creative contribution to AI-generation. The article also provides an overview of the new draft law on artificial intelligence and the features of AI-content tagging.*

Key words: *artificial intelligence, neural network, author of music, copyright owner, music label, musical work, musical composition, sound recording, Copyright Law, related rights, Intellectual Property Law, AI Law, AI prompt, content tagging.*

Искусственный интеллект адаптируется к любой сфере и деятельности и настойчиво вливается в повседневную жизнь человека. Каждый представитель социума так или иначе сталкивается с ним ежедневно в качестве создателя генераций, пользователя ии-инструментов или обыкновенного потребителя контента и рекламы. Музыкальная индустрия не становится исключением, демонстрируя высокий процент сгенерированных треков в чартах, которые без ограничений заполоняют стриминговые площадки в силу отсутствия какого-либо правового регулирования [16].

Характерными чертами ИИ контента являются скорость его создания, простейший механизм генерации, неограниченный доступ к работе искусственного интеллекта, низкое качество контента, а также отсутствие содержательности. Конечно, часть этих признаков нивелируется при покупке платных версий, а также грамотным и

вдумчивым использованием, но в подавляющем большинстве контент лишь засоряет внимание пользователя и не несет смысловой нагрузки.

Для такого ни к чему непригодного контента в сети сформулировали название – «нейрослоп» (AI slop, от англ. slop — «мусор»), что означает низкокачественный цифровой контент (тексты, картинки, видео, посты), сгенерированные искусственным интеллектом, который не несёт ценности, логики или смысла [15]. Это «мусор» или «ИИ-шлак», создаваемый массово ради кликов, трафика или заработка.

Ключевыми вопросами научного юридического сообщества в отношении ИИ-контента являются:

- Отсутствие правового регулирования и границ генерации;
- Определение Автора сгенерированного контента;
- Фактчекинг и оригинальность контента;
- Маркировка ИИ-контента.

Все вопросы взаимосвязаны между собой и вытекают один из другого, в связи с чем необходимо их комплексное рассмотрение.

Оригинальность контента и границы реальности

С проблемой недостоверности данных, выдаваемых ИИ, общество столкнулось еще в период его появления. На настоящем этапе развития нейросетей рассматривается вопрос того, что ИИ имеет определенную базу данных, на которой он учится и из которой он берет материал для генерации. Из-за разрастания базы данных не оригинального, а сгенерированного контента качество выдаваемой информации снижается, а вероятность получения похожего с другим пользователем результата растет. Кроме того, обсуждается вопрос того, не будут ли нарушены права тех правообладателей, материалы которых используются для обучения нейросети. Похожий результат может быть выдан нейросетью при условии обладания оригинальным промптом, как например, в случае с ИИ-трендами. Также возможны совпадения с реальными ранее созданными оригинальными произведениями, как случилось в конфликте между Warner Music Group (WMG) и SUNO [17].

Судебный спор начался летом 2024 года, когда крупные лейблы, включая WMG, Universal и Sony обвинили SUNO в нарушении авторских прав путём обучения ИИ-моделей на защищённых музыкальных материалах без разрешения. В ноябре 2025 года Warner Music Group урегулировали спор с SUNO путём заключения мирного соглашеo ния и лицензионного договора на использование их материалов для обучения нейросети, что в том числе повлекло ужесточение правил использования этой платформы и сгенерированных материалов.

Кроме того, в дискуссии об ИИ ставится вопрос этики [2]. По факту контент, созданный с помощью ИИ, стирает границу между реальностью и генерацией, что вызывает у психики страх потери контроля, а также делает возможным манипуляцию человеческим разумом и волей [6]. В том числе обостряется психологическая проблема «красивой картинки», которую общество видит в социальных сетях и которая вызывает в некоторых случаях депрессию и иные серьезные заболевания.

Отсутствие правового регулирования и границ использования

На данный момент в РФ отсутствует действующее законодательство, прямо содержащее положения, касающиеся произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта (ИИ). Из-за недостатка правового регулирования не возникает обязанности каким-либо образом указывать информацию об ИИ-генерации в юридических документах, что приводит к утрате этого факта и выдаче сгенерированного контента за оригинальный, созданный реальным автором. Особенно остро эта проблема проявляется в музыкальной сфере, где «цепочки» прав могут иметь множество субъектов. Даже самый обычный трек, созданный одним автором, порождает как минимум такую последовательность передачи прав: «Автор текста/музыки + Правообладатель фонограммы» – «Артист» – «Лейбл» – «Агрегатор» – «Стриминговая площадка». Описанный выше правовой пробел исключает необходимость информирования конечного контрагента, который опубликовывает результаты «интеллектуальной» деятельности на стриминге и стирает у потребителя контента грань между реальностью и генерацией.

Кроме того, ещё одной немаловажной проблемой становится открытый доступ к нейросетям и усугубление масштабов инфоксикации [12] – информационной перегрузки, при которой человек получает больше информации, чем может обработать. Любой пользователь может открыть нейросеть и сгенерировать абсолютно любое изображение, видео, звук и так далее, а после беспрепятственно опубликовать результат в общем доступе, что из-за примитивного создания раздувает объёмы информации до таких размеров, которые еще не видел современный мир.

Зарубежное законодательство стремительно развивается, что дает возможность нашей

стране перенять эффективные практики регулирования и не принимать во внимание стратегии контроля, не прошедшие проверку временем.

В 2025 году в ЕС вступил в силу «Закон об искусственном интеллекте», который демонстрирует риск-ориентированный подход, разделяющий ИИ-системы на категории неприемлемого риска, высокого риска и ограниченного/низкого риска, где первые два защищают от пагубного воздействия ИИ автономию воли, биометрию граждан и социально значимые инфраструктуры такие, как здравоохранение, образование правосудие и другие, а группа низкого риска ограждает граждан от дезинформации вследствие потребления ИИ-контента. В США регулирование имеет гибкий характер, избегая жестких запретов и оставляя поле для саморегулирования крупнейшими технологическими компании, которые в первую очередь и отвечают за будущее искусственного интеллекта и его влияние на общество. Китай занимает позицию жесткого контроля, требуя, чтобы ИИ соответствовал социалистическим ценностям, вводит строгие правила для создания и маркировки ИИ-контента [4].

Развитие правового регулирования Искусственного интеллекта в России

В марте 2026 года Минцифры опубликовало законопроект «Об основах госрегулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта».

Разработчики законопроекта предлагают определять искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их», что практически полностью дублирует определение, сформулированное в 2019 году в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от «10» октября 2019 года, и с учетом скорости развития технологий спустя 7 лет явно требует доработки [5; 9].

Законопроект также не обходит вниманием проблему стирания границ между реальным и сгенерированным контентом, предлагая введение в оборот понятия «эксплуатация уязвимостей человека». В контексте данного понятия отмечается возможность причинения вреда уязвимым социальным группам, которые в силу возрастных или психологических особенностей испытывают трудности при выявлении ИИ-контента. Признается важность «уважения автономии и свободы воли», которое предполагает высокую ценность «права выбора и интеллектуальных способностей человека». Также очерчивается круг субъектов отношений в сфере искусственного интеллекта. Интересно, что не смотря на ориентированность на защиту уязвимых социальных групп от «плодов» ИИ и автономности воли человека, потребители сгенерированной информации и контента не упоминаются в этой статье в качестве субъектов.

На удивление в законопроекте отсутствует понятие «ИИ-контента», которое в свою очередь является ключевым продуктом работы искусственного интеллекта и краеугольным камнем в актуальных научных дискуссиях. Вскользь упоминается лишь «синтезированный, сгенерированный информационный материал» в статье 12 законопроекта, в которой делается попытка смоделировать институт выявления и маркировки ИИ-контента.

Предлагаемый нормативно-правовой акт содержит также упоминание трансграничных отношений в вопросе регулирования искусственного интеллекта, что очень важно в контексте мирового развития нейросетей и активного использования зарубежных разработок в деятельности российских компаний и в жизни российского общества в целом.

В данный момент законопроект находится в процессе публичного обсуждения в отношении текста проекта и антикоррупционной экспертизы. По мнению автора, проект нормативно-правового акта включает в себя крайне общие вопросы, не дающие представления о дальнейшем развитии системы контроля за количеством и содержанием генерацией, делая акцент лишь на необходимости обеспечения информационной безопасности и защиты конституционного строя страны, но при этом не уточняет конкретные механизмы работы с ИИ в разных сферах общества, не освещает юридические аспекты оформления правоотношений между субъектами, что требует включения в него положений, конкретизирующих насущные вопросы юридического сообщества в отношении ИИ.

Определение Автора сгенерированного контента и прав на результат

Согласно Гражданскому Кодексу Российской Федерации, авторские права включают в себя личные неимущественные права автора, исключительные права и иные права. Следует признать, что как раз таки исключительные права на произведения, созданные с помощью ИИ, можно вписать в определённую существующую юриди-

ческую конструкцию. Порядок приобретения исключительных прав на сгенерированные произведения определяется на данный момент Пользовательским соглашением самой нейросети. В Правилах SUNO в разделе «Права интеллектуальной собственности», «Контент» подробно описаны права на Output (сгенерированный результат/звук/музыку) в зависимости от типа подписки на платформу. Suno при генерации изначально владеет Output, но передает права платным пользователям с определенными ограничениями. Платная подписка предполагает, что Suno на условиях лицензии передает полные исключительные права на Output, сгенерированный из входных данных пользователя, на время действия подписки при условии соблюдения Пользовательского соглашения [18]. Коммерческое использование в данном случае разрешается, но при условии указания на площадку создания.

Для бесплатных пользователей представлен ограниченный интерфейс, при генерации контента исключительные права на Output остаются у SUNO, а пользователь имеет право использования получившегося результата только для личных, некоммерческих целей. Площадка SUNO в любом случае не является автором контента, но может быть правообладателем исключительных прав. Ключевым вопросом остается – кто является автором сгенерированных произведений и можно ли таковым назвать то лицо, которое ввело промпт в строку задач нейросети?

Для определения авторства сгенерированного контента практикующие юристы предлагают оценивать «существенный творческий вклад». В доктрине существует противоречивая позиция относительно определения критериев авторства. Некоторые эксперты придерживаются позиции «Промпт как творчество». Пользователь нейросети задает условия, которым должно удовлетворять будущее произведение, через запросы, так называемые промпты, что само по себе требует определенной креативности. Однако, как считает одна из сторон, это размывает грань между творчеством и техническим заданием. Кроме того, критикуется субъективность оценки, ведь без четких критериев (например, объема доработки или сложности промпта) суды будут действовать по своему усмотрению, что создает правовую неопределенность. Кроме того, российское законодательство в сфере интеллектуальной собственности, провозглашает презумпцию творчества. Согласно ст. 1257 ГК РФ, результат интеллектуальной деятельности, охраняемый авторским правом, должен быть создан творческим трудом. Введение понятия «существенного творческого вклада» как условия для защиты авторского произведения, созданного с использованием искусственного интеллекта, противоречит этой презумпции и требует либо изменения подхода ко всему авторскому праву, либо специальных конкретизирующих норм в этой области.

Самым логичным путем решения, по нашему мнению, будет признать, что человек – пользователь нейросети является Автором, а искусственный интеллект – инструментом. Несколько веков назад инструментом были холст и кисти, потом появлялись все новые и новые возможности, как например, переводная бумага, а позже и электронные графические редакторы. И каждый раз принятие проходило через жесткую критику и привыкание. Такая же ситуация и с искусственным интеллектом, общество находится в процессе адаптации к новой реальности.

В рассматриваемых отношениях важна воля автора, то есть желание того, чтобы это произведение было создано. И к тому же было создано в том виде и с той задумкой, которую пользователь хочет осуществить, то есть будет присутствовать творческий замысел. Самым логичным механизмом защиты в данной ситуации сможет стать именно «промпт», который будет являться объективной формой выражения и связываться с конкретным произведением. Однако эта концепция имеет и свои риски, особенно это можно проследить на основании такого интересного течения, как ИИ-тренды. Используя один и тот же промпт, можно создать собственное изображение с лицом пользователя, но идентичной концепцией. Эти изображения в том, числе похожи, потому что создаются с помощью одной и той же нейросети Nano Banana, в которой формируется единая база материала, и чем больше одинаковых промптов поступает, тем более схожи оказываются изображения.

Исходя из всего вышесказанного, вопрос остается в конкретных критериях творческого вклада в произведение, выраженного в расширенном вдумчивом промпте, а также правках и доработках первоначальной генерации. Однако, как показал первый текст законопроекта об искусственном интеллекте, он остается открытым, так как в проекте нормативно-правового акта указано, что «объектами интеллектуальной деятельности признаются исключительно оригинальные творения, соответствующие критериям охраноспособности, установленным гражданским законодательством, независимо от того, были ли они созданы человеком или автоматизированной системой». Произведение охраняется авторским право независимо от его назначения, достоинства

или способа выражения, а значит любой нейрослоп, согласно логике предлагаемой нормы, будет признаваться результатом интеллектуальной деятельности.

Маркировка контента, сгенерированного с помощью ИИ

Из вопроса о границах между реальным контентном и генерацией следует необходимость выявления и информирования об ИИ-контенте, чтобы обычный пользователь имел возможность самостоятельно регулировать потребление информации и отношение к ней. С целью ограничения распространения ИИ-контента, а также поддержания создания оригинального контента, предлагается ввести обязательную маркировку.

К преимуществам маркировки можно отнести следующие признаки. В первую очередь, защита от дезинформации – пользователи по текстовым уведомлениям легко отличают ИИ-генерацию от человеческого творчества, снижая риски манипуляций в СМИ и соцсетях. Во-вторых, преимуществом является поддержка авторов, что помогает бороться с вышеупомянутым нейрослопом и открывать возможности для оригинальных творцов. Также значение имеет стандартизация, которая подразумевает под собой единый структурированный подход к контролю ИИ-контента [11; 13].

С другой стороны, маркировка имеет свои недостатки. Введение обязательной маркировки повлечет за собой технические вызовы. Не секрет, что в нейросети могут устанавливать водяные знаки на генерируемый контент, которые могут быть как видимыми для простого пользователя, так и скрытыми в метаданных файла. Таким образом, чем сложнее код, тем более затруднительным будет путь обхождения маркировки, который зависит от технических возможностей пользователя. Ограничение инноваций также может стать одним из отрицательных последствий, так как установление лимитов в области ИИ может препятствовать дальнейшему развитию искусственного интеллекта, хоть и повысит конкурентность «человеческого» контента.

В музыкальной сфере тоже существует маркировка. В Пользовательском соглашении нейросети SUNO закреплена обязательная атрибуция платформы – «Generated by SUNO», которая должна указываться при любой публикации контента на сайтах, стриминговых площадках или в социальных сетях. Кроме того, SUNO также встрае ивает скрытые метаданные, которые могут обнаружить стриминговые платформы для идентификации ИИ-генерации. Удаление сложно, но возможно через аналоговую перезапись или очистку кода, что в свою очередь требует глубоких знаний в программировании [10].

За рубежом сложилась практика блокирования неподписанных SUNO-треков из-за отсутствия видимой маркировки. Кроме того, некоторые сайты и социальные сети разрабатывают собственные нейросети или программы на основе машинного обучения, которые могут автоматически распознавать ИИ-контент и маркировать его в императивном порядке [13]. В случае если пользователь, опубликовавший «оригинальный» контент не согласен с отметкой об ИИ, он может обжаловать её, написав в техническую поддержку.

Однако пользователи в настоящий момент имеют возможность при публикации и самим указывать информацию о присутствии в их контенте ИИ-генераций, что позволяет соблюдать баланс между императивностью зарождающегося института и презумпцией добросовестности пользователей.

В ведущих зарубежных странах активно развивается явление обязательной маркировки. Самый жесткий подход выбрал Китай, где с 1 сентября 2025 года вступили в силу закон об обязательной маркировки всего ИИ-контента [4]. Маркировка должна быть заметной и указывать на использование нейросетей для генерации изображений, видео и текста. Сайты и социальные сети обязаны самостоятельно маркировать или удалять материалы без пометки. Европейский Союз фокусируется на защите прав и независимости воли граждан и в данный момент находится в процессе разработки единых правил. В США в силу нахождения там самых крупных электронных платформ активную позицию занимают сами участники ИИ-рынка. Например, компания Google разработала технологию SynthID, которая позволяет вносить водяной знак не просто в метаданные файла, а в сам контент, при этом не снижая его качество и не изменяя его визуально [3].

Попытка пойти по пути маркировки предпринята и в Российской Федерации, о чем свидетельствует статья 12 законопроекта об искусственном интеллекте. Авторы предлагают обязать владельцев нейросетей предупреждать пользователей о том, что с помощью их платформы создается контент, сгенерированный искусственным интеллектом, а владельцев сайтов и страниц в сети «Интернет», если их суточная аудитория на территории РФ составляет более 100 тысяч пользователей, проверять весь публикуемый контент на наличие генераций и помечать его. Интересной является закрепленная возможность пользователя сайта или социальной сети отказаться от информационных оповещений об ИИ перед началом использования страницы в сети «Интернет» или приложения. При этом владельцы сайтов должны обеспечивать возможность однозначного и сознательного выбора пользователя.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что искусственный интеллект не должен стать заменой человеку, его воле и мышлению. Он в силу своей неправосубъектности не может обладать правами на производимые им результаты, но может стать полезным инструментом в повседневной деятельности и дополнять человеческую реальность. В сложившейся ситуации внедрение эффективного правового регулирования поможет направить новые технологии в благое русло и адаптировать общество к более экологичному подходу к генерации контента. Далее конкретизация будущего федерального законодательства об искусственном интеллекте под музыкальную сферу станет следующим шагом в развитии правового регулирования и поможет создать благоприятную среду для развития креативных индустрий и повышению качества музыкальных произведений, защитив конкуренцию и оригинальных авторов.

Список литературы:

[1] Антонян А.С. Право на результат интеллектуальной деятельности, созданный с применением нейросетей / А.С. Антонян // Скиф. 2023. №6 (82). С. 512-516.

[2] Аштарова А. Б. Синергия человека и искусственного интеллекта в музыкальном творчестве: новые грани креативности и технологий / А. Б. Аштарова // Вестник науки. 2025. №8 (89). С. 279 – 288.

[3] Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Перспективы правового регулирования и алгоритм маркировки генеративного контента / Н.Ф. Бодров, А.К. Лебедева // Пенитенциарная наука. 2024. №4 (68). С. 344-353.

[4] Брюховецкий И.В. Правовые особенности маркировки созданного генеративным искусственным интеллектом контента в КНР / И.В. Брюховецкий // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. №10 (122). С. 176-181.

[5] Гонышев М.А. Становление правового регулирования искусственного интеллекта в России на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2024. №5 (233). С. 254-256.

[6] Григорьева П. А., Гаев Л. В. Культурное влияние искусственного интеллекта / П. А. Григорьева, Л. В. Гаев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №6-4 (93). С. 41-43

[7] Ли В.К., Ширяев А.В. Применение искусственного интеллекта в звуковом дизайне: технологические возможности и перспективы / В.К. Ли, А.В. Ширяев // Вестник магистратуры. 2024. №5-2 (152). С. 15-16.

[8] Медведев А.А. К вопросу о творческом участии пользователей в процессе создания музыкальных произведений с помощью искусственного интеллекта // Право и управление. 2024. №9. С. 342-351.

[9] Михаленко Н.А. Формирование представлений о возможностях регулирования деятельности генеративных нейросетей в правовом дискурсе // Юридическая наука. 2024. №1. С. 47-50.

[10] Пальмов С.В., Скакун О.О. Использование искусственного интеллекта музыкальными сервисами / С.В. Пальмов, О.О. Скакун // Прикладные экономические исследования. 2023. №1. С. 198-202.

[11] Петрова М.В., Оралков Н.А., Смирнова С.А. Правовое регулирование авторского права и маркировки продуктов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта // Вестник науки. 2025. №12 (93). С. 661-667.

[12] Полякова Е.В., Титлова А.С. Перенасыщение информацией в современной медиакультуре (на примере новостного медиатекста) / Е.В. Полякова, А.С. Титлова // Russian Linguistic Bulletin. 2021. №4 (28). С. 67-69.

[13] Самарцева М.В. Маркировка результатов, автономно создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Пролог: журнал о праве. 2025. №2 (46). С. 57-66.

[14] Саяпина Т.С. Некоторые проблемы интерпретации и правового регулирования искусственного интеллекта в России // Имущественные отношения в РФ. 2023. №2 (257). С. 101-109.

[15] Тихонова Н. Ю. Words of the year 2025: Лексико-семантические и функциональные особенности / Н. Ю. Тихонова // МНКО. 2026. №1 (116). С. 319 – 325.

[16] Якименко В. В., Савостьянова И. Л. Использование нейронных сетей в музыкальной индустрии / В. В. Якименко, И. Л. Савостьянова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. С. 536-538.

[17] Warner Music заключила соглашение с AI-сервисом Suno после урегулирования судебного иска. // Хабр. URL: https://habr.com/ru/companies/technokratos/news/970576/ (дата обращения: 06.03.2026).

[18] Пользовательское соглашение SUNO. // Suno. URL: https://suno.com/terms-of-service (дата обращения: 06.03.2026).

[19] Федеральный портал проектов нормативно правовых актов. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации. // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения: 06.03.2026).

References:

[1] Antonyan A.S. The Right to the Result of Intellectual Activity Created Using Neural Networks / A.S. Antonyan // Skif. 2023. No. 6 (82). Pp. 512-516.

[2] Ashtarova A.B. Synergy of Humans and Artificial Intelligence in Musical Creativity: New Facets of Creativity and Technology / A.B. Ashtarova // Science Bulletin. 2025. No. 8 (89). Pp. 279–288.

[3] Bodrov N.F., Lebedeva A.K. Prospects for Legal Regulation and an Algorithm for Marking Generative Content / N.F. Bodrov, A.K. Lebedeva // Penitentiary Science. 2024. No. 4 (68). Pp. 344-353.

[4] Bryukhovetsky I.V. Legal Features of Labeling Content Created by Generative Artificial Intelligence in the PRC / I.V. Bryukhovetsky // Bulletin of O.E. Kutafin University. 2024. No. 10 (122). Pp. 176-181.

[5] M.A. Gonyshev. Formation of Legal Regulation of Artificial Intelligence in Russia at the Current Stage // Law and State: Theory and Practice. 2024. No. 5 (233). Pp. 254-256.

[6] P.A. Grigorieva, L.V. Gaev. Cultural Influence of Artificial Intelligence / P.A. Grigorieva, L.V. Gaev // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 6-4 (93). Pp. 41-43

[7] V.K. Li, A.V. Shiryaev. Application of Artificial Intelligence in Sound Design: Technological Capabilities and Prospects / V.K. Lee, A.V. Shiryaev // Bulletin of the Magistracy. 2024. No. 5-2 (152). Pp. 15-16.

[8] Medvedev A.A. On the Issue of Creative Participation of Users in the Process of Creating Musical Works Using Artificial Intelligence // Law and Management. 2024. No. 9. Pp. 342-351.

[9] Mikhalenko N.A. Formation of Ideas about the Possibilities of Regulating the Activity of Generative Neural Networks in Legal Discourse // Legal Science. 2024. No. 1. Pp. 47-50.

[10] Palmov S.V., Skakun O.O. Use of Artificial Intelligence by Music Services / S.V. Palmov, O.O. Skakun // Applied Economic Research. 2023. No. 1. Pp. 198-202.

[11] Petrova M.V., Oralkov N.A., Smirnova S.A. Legal regulation of copyright and labeling of products created using artificial intelligence technologies // Science Bulletin. 2025. No. 12 (93). Pp. 661-667.

[12] Polyakova E.V., Titlova A.S. Information oversaturation in modern media culture (using the example of a news media text) / E.V. Polyakova, A.S. Titlova // Russian Linguistic Bulletin. 2021. No. 4 (28). Pp. 67-69.

[13] Samartseva M.V. Labeling of results autonomously created by generative artificial intelligence // Prologue: journal on law. 2025. No. 2 (46). Pp. 57-66.

[14] Sayapina T.S. Some problems of interpretation and legal regulation of artificial intelligence in Russia // Property relations in the Russian Federation. 2023. No. 2 (257). Pp. 101-109.

[15] Tikhonova N. Yu. Words of the year 2025: Lexical, semantic and functional features / N. Yu. Tikhonova // MNKO. 2026. No. 1 (116). Pp. 319 – 325.

[16] Yakimenko V.V., Savostyanova I.L. Use of neural networks in the music industry / V.V. Yakimenko, I.L. Savostyanova // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2022. Pp. 536-538.

[17] Warner Music Signs Agreement with AI Service Suno After Settling Lawsuit // Habr. URL: https://habr.com/ru/companies/technokratos/news/970576/ (Accessed: 06.03.2026).

[18] SUNO User Agreement // Suno. URL: https://suno.com/terms-of-service (Accessed: 06.03.2026).

[19] Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts. On the Fundamentals of State Regulation of the Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation. // Federal Portal of Draft Regulatory Legal Acts. URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (Accessed: 06.03.2026).

www.law-books.ru

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-845-851

БАДАЕВА Марита Ильдаровна,
адвокат,
адвокатское бюро «Шварц и Партнеры»,
e-mail: mbadayeva@gmail.com

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ И ПРАВ РЕБЕНКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ РЕБЕНКА 1989 г.

Аннотация. *В статье рассматривается одна из фундаментальных проблем семейного права – проблема понимания сущности и пределов родительской власти и ее соотношения с правами ребенка, с его личной автономией. Особое внимание автор обращает на проблему оспоримости родительской власти, задаваясь вопросом: допустимо ли рассмотрение в суде исков несовершеннолетних старше 14 лет против их родителей из ненадлежащего, по мнению ребенка, исполнения родителями их обязанностей по воспитанию? Автор предпринимает попытку проанализировать заданные вопросы сквозь призму положений основного международного договора в сфере прав ребенка – Конвенции о правах ребенка 1989 г. Автор приходит к выводу о том, что Конвенцией закреплен ряд прав, существо которых предполагает только самостоятельный способ их реализации, в связи с чем в Конвенции заложен принцип соразмерного уменьшения степени родительской власти по мере взросления ребенка. В результате исследования положений Конвенции о правах ребенка 1989 г. и доктринальных источников сделаны выводы о том, что в государствах различаются подходы относительно существа родительских прав, а именно того, чей интерес в первую очередь ими защищается – интерес ребенка в праве на получение родительской заботы или собственный интерес родителя в воспитании ребенка по своему усмотрению. Именно этот вопрос является определяющим при решении вопроса об оспоримости родительской власти.*

Ключевые слова: *гражданское процессуальное право, семейное право, родительская власть, автономия личности несовершеннолетних, Конвенция о правах ребенка 1989 г., конституционные права, автономия семьи.*

BADAYEVA Marita Ildarovna,
attorney, Schwartz & Partners Law Firm

THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN PARENTAL AUTHORITY AND THE RIGHTS OF THE CHILD THROUGH THE PRISM OF THE CONVENTION ON THE RIGHTS OF THE CHILD 1989

Annotation. *The article examines one of the fundamental problems of family law – the problem of understanding the essence and limits of parental authority and its relationship with the rights of the child, with his personal autonomy. The author pays special attention to the problem of the challenge of parental authority, asking the question: is it permissible to consider in court the claims of minors over the age of 14 against their parents because, in the opinion of the child, the parents improperly fulfilled their parenting duties? The author attempts to analyze the questions asked through the prism of the provisions of the main international treaty in the field of the rights of the child, the Convention on the Rights of the Child of 1989. The author comes to the conclusion that the Convention establishes a number of rights, the essence of which presupposes only an independent way to implement them, and therefore the Convention lays down the principle of a proportionate reduction in the degree of parental authority as the child grows up. As a result of the study of the provisions of the Convention on the Rights of the Child of 1989 Conclusions have been drawn from doctrinal sources that States*

have different approaches regarding the essence of parental rights, namely, whose interest is primarily protected by them – the child's interest in the right to receive parental care or the parent's own interest in raising the child at his discretion. It is this question that is crucial when deciding on the challenge of parental authority.

Key words*: civil procedure law, family law, parental authority, personal autonomy of minors, Convention on the Rights of the Child of 1989, constitutional rights, family autonomy.*

И. А. Покровский в начале прошлого века назвал «проблему личности в сфере семейственных отношений» одной из основных проблем гражданского права. Он считал интересы родителей и детей «коллидирующими», имея в виду противостояние родительской власти и самостоятельности личности несовершеннолетнего [4, с. 163].

На проблемность вопроса о существе родительской власти, содержании родительских прав и обязанностей, их соотношении с объективно возрастающей по мере взросления самостоятельностью ребенка указывали и другие ученые.

Так, Д. И. Мейер писал, что «воспитание – понятие такое общее, что юридическое содержание его теряется», задавался вопросом: «Как обсуждать обязательство приготовить дитя к какому-либо званию сообразно состоянию родителей? Вправе ли, например, родители, принадлежащие к сословию дворян…, приготовлять свое дитя к званию ремесленника, земледельца» [3, с. 762]?

Родительская власть – это правовой институт, существующий со времен римского права. Вот, как он описывался в русской дореволюционной правовой доктрине: «Родительская власть есть полное (конечно, в разумном согласно с нынешними понятиями смысле) подчинение детей указаниям родителей во всей их частной, а иногда и общественной жизни, с правом родителей, конечно, понуждать детей, иногда мерами довольно строгими, к следованию этим указаниям» [1, с. 513].

В современном законе термин «родительская власть» не закреплен – после 1917 г. он был заменен понятиями «прав и обязанностей» – однако сущностно это правовое явление, безусловно, сохранилось, поскольку без данного института невозможно было само воспитание как предполагающее определенную степень принуждения.

В качестве примеров законодательного отражения института родительской власти можно привести п. 31 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и ч. 2 ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ. В приведенных нормах (1) родитель признается самостоятельным субъектом образовательных правоотношений с участием его ребенка (а не только законным представителем ребенка), (2) информация о состоянии здоровья ребенка старше 15 лет передается не только ему, но и его родителю (как и иным законным представителям). В последние годы заметна тенденция все более широкого социального признания родительской власти. Так, приведенное положение о передаче родителям подростков информации об их здоровье было введено в закон относительно недавно (в 2022 году), в то время как ранее врачебная тайна детей старше 15 лет была недоступна в том числе и родителям подростка. Нередко звучат в общественных обсуждениях предложения запретить детям пользоваться социальными сетями без согласия родителей. Перечень таких примеров можно продолжать.

Одним из проблемных вопросов семейного права был и остается вопрос о пределах родительской власти, о ее соотношении с правами ребенка (в первую очередь, правом на личную автономию) и, что особенно интересно, о ее оспоримости. Под последней мы понимаем возможность судебного оспаривания родительского воспитательного решения по иску ребенка.

Почвой для возникновения вопроса об оспоримости родительской власти являются в том числе положения ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (от 14.11.2002 № 138-ФЗ) и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации (от 29.12.1995 № 223-ФЗ).

По тексту приведенных законоположений, если понимать их буквально, то или иное решение родителей по вопросу, касающемуся жизни ребенка, которое предположительно ограничивает права ребенка (речь не идет о явных злоупотреблениях, таких как физическое насилие и пр. правонарушения, являющиеся основанием для лишения или ограничения родительских прав), может быть оспорено ребенком старше 14 лет в суде.

Примерами таких решений могут быть выбор родителем в противоречии с мнением ребенка той или иной школы/секции и т. д. или, наоборот, отказ оплатить занятия ребенка в выбранном им кружке/секции и пр. (как предполагаемое нарушение права на образование и всестороннее развитие (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ), запрет выхода из дома, словесные наказания (как предполагаемое нарушение права ребенка на уважение достоинства личности), лишение карманных денег (как

предполагаемое нарушение права ребенка на получение содержания от своих родителей) и др. подобные примеры.

В настоящей работе не ставится вопрос о том, как именно с точки зрения семейного права должны решаться подобные ситуации (например, обязан ли родитель предоставлять карманные деньги или насколько родитель связан мнением ребенка при выборе образовательной организации).

Исследуемая проблема состоит в том, подлежат ли в принципе подобные споры судебному рассмотрению, то есть оспорима ли родительская власть.

Указанный вопрос является комплексным, и для ответа на него необходимо произвести анализ множества правовых и доктринальных источников. Более того, вопрос лежит не только в плоскости юриспруденции: он требует междисциплинарного исследования в областях культурологии, истории и философии.

В настоящей статье мы предлагаем проанализировать в свете обозначенной проблемы ключевой международно-правовой документ, закрепляющий права ребенка, – Конвенцию о правах ребенка 1989 г. – и попытаться выяснить, как в ней решен вопрос о пределах родительской власти.

Международное сообщество неоднократно обращалось к вопросу закрепления прав ребенка на уровне международного договора. Вопрос о признании ребенка самостоятельным носителем прав – один из ключевых вопросов повестки международного права на протяжении двадцатого столетия.

Хотя на пути достижения этой цели было принято три универсальных международно-правовых документа, Конвенция о правах ребенка 1989 г. стоит в их ряду особняком.

Во-первых, она стала первым обязывающим страны-участницы документом. Принятые ранее Женевская декларация прав ребенка 1924 г. и Декларация прав ребенка 1959 г. (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) являлись декларациями, в то время как Конвенция 1989 г. имеет статус международного договора.

Во-вторых, в ней впервые применительно к несовершеннолетним используется риторика прав. Вышеупомянутые Декларации 1924 г. и 1959 г. существуют в системе координат «принципов» и «гарантий». Так, в Женевской декларации закреплялись лишь общие принципы гуманного обращения с детьми, направленные на обеспечение их безопасности и благополучия.

Декларация 1959 г. уже использует словосочетание «права ребенка», однако речь в ней идет только о тех правах, реализовать которые можно лишь с помощью взрослых: так называемых «негативных» (на защиту от любых форм дискриминации, от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации) и «позитивных» (на социальную защиту для достойного развития, на родительскую заботу, на образование и пр.).

Конвенция 1989 г. от ранее возникших документов отличается тем, что в ней впервые нашли отражение так называемые «права участия» [9, с. 123], то есть права, опосредующие возможность самостоятельного участия ребенка в жизни гражданского общества. К ним относят закрепленные в Конвенции права на свободное выражение взглядов по всем затрагивающим ребенка вопросам, их учет и придание им должного значения, свободу слова, мысли, совести и религии, ассоциаций и мирных собраний.

В классификации притязаний гражданина при описании его административно-правового статуса немецкий юрист Г. Еллинек относил такие права (за исключением специфического «детского» права, провозглашенного Ковенцией, на свободное выражение взглядов по всем затрагивающим ребенка вопросам) к группе «status activus» – притязания гражданина на участие в политической жизни, на формирование государственной воли.

С точки зрения концепции родительской власти закрепление в Конвенции подобных прав представляет сложность. С одной стороны, такие права по самому своему существу не могут и не должны реализовываться под чьим-либо руководством, и это вступает в конфликт с институтом родительского контроля: трудно представить себе реализацию подростком, к примеру, свободы ассоциаций, если родитель, не одобряющий цели такой ассоциации, вправе запретить ребенку в нее вступать. Иными словами, такие права характеризуются тем, что пользование ими возможно только целиком по собственному усмотрению. Вмешательство родителей с несовпадающими взглядами в данном случае не просто ограничивает, а, как правило, блокирует осуществление подобных прав.

В то же время данную правовую коллизию можно решить, если считать, что Конвенция, закрепляя данные права и свободы, связывает обязанностью считаться с ними лишь государства, но не родителей. Иными словами, если предположить, что такие права строго «вертикальны», не обладают так называемым «горизонтальным эффектом» (то есть не связывают частных лиц, а направлены только против публичного субъекта, который обязывается уважать данные права и несоразмерно их не ограничивать), то столкновения с родительской властью не происхо-

дит. При таком варианте толкования Конвенции необходимо прийти к выводу о том, что родители вправе осуществлять свою власть в том числе и в ситуации, когда она препятствует реализации ребенком обсуждаемых «прав участия».

Такое понимание обсуждаемых норм отнюдь не лишено смысла: при данном варианте толкования он состоит в том, что страны-участницы обязуются предоставить своим несовершеннолетним гражданам конституционную гарантию конвенционных прав, то есть не ограничивать в их реализации по признаку возраста. Родительское же влияние, в том числе запрет, блокирующий реализацию «права участия», при этом не исключается.

Конвенция дает определенные основания придерживаться такого подхода.

Во-первых, в ней отсутствуют нормы, исключающие родительскую власть.

Во-вторых, Конвенция, напротив, устанавливает, что государства-участники уважают право родителей в том числе на управление и руководство ребенком при реализации им признанных Конвенцией прав (статья 5). При этом Конвенция не делает исключений, не выводит из-под действия такого «управления и руководства» какие-либо права.

В-третьих, в обсуждаемом международном договоре провозглашается, что родители несут основную ответственность за воспитание и образование ребенка (статья 18). Это положение также косвенно подтверждает признание Конвенцией власти родителей, бремя ответственности за воспитание в отсутствие права контролировать ребенка неисполнимо.

В то же время в Конвенции закреплено положение, отчасти размывающее высказанные аргументы: в вышеупомянутой ст. 5 указывается, что уважается право родителей «управлять и руководить ребенком...и делать это в соответствии с развивающимися способностями ребенка». В этой же смысловой канве находится ст. 14 Конвенции, закрепляющая право ребенка на свободу мысли, совести и религии и право родителя руководить ребенком при осуществлении данного права «методом, согласующимся с развивающимися способностями ребенка».

Оговорка «в соответствии с развивающимися способностями ребенка» может быть понята двояко. С одной стороны, речь может идти о том, что Конвенция не признает чрезмерную родительскую власть (а государства-участники, соответственно, не обязуются давать ей защиту), не соответствующую уровню зрелости ребенка, а ее проявления не защищены от государственного вмешательства. Косвенно это может свидетельствовать о том, что в Конвенции заложено положительное отношение к возможности оспорить в суде родительское решение, не соответствующее степени зрелости ребенка.

Это положение, однако, можно прочитать и иначе: указание на «соответствие с развивающимися способностями» может означать, что Конвенция защищает право родителя самостоятельно определять степень своей вовлеченности в жизнь ребенка, меру своего контроля над ним. Исходя из этой позиции, в данной норме заложена не обязанность родителя соизмерять проявление семейной власти с уровнем зрелости ребенка, а право на это. Иными словами, в этой оговорке Конвенция описывает родительскую власть (но не предписывает ей быть таковой) как изменяющееся во времени, нестатичное явление.

В одном из официальных комментариев Организации Объединенных Наций к Конвенции можно найти поддержку первого подхода. Так, его авторы считают, что надлежащее родительское руководство ребенком во всяком случае должно позволять ребенку осуществлять свои права [11]. Как видим, авторы комментария не разделяют сделанное нами выше предположение о том, что в Конвенции принципиально не отрицается возможность блокирования родительской волей реализации ребенком права из числа status activus.

Авторы комментария идут дальше и указывают, что Конвенция ограничивает методы воспитания теми, что соответствуют развивающейся компетенции ребенка. В комментарии приходят к выводу о том, что по мере взросления ребенка во взаимодействии родителя и ребенка все более должно проявляться равенство, а не подчиненность, а родительские приказы должны со временем быть заменены «напоминаниями и советами».

Даже если согласиться с позицией комментария (что мы считаем поспешным), он не отвечает на возникающий в связи с его тезисами вопрос: если Конвенция устанавливает некий образец воспитания, защищает ли она право на воспитание, если применяемые родителем методы не соответствуют такому «стандарту»? Может ли Конвенция быть прочитана как дающая возможность государствам-участникам вмешаться в воспитание, если оно не соотносится с «развивающимися способностями ребенка»?

Вопрос о возможности обращения в суд против собственного родителя, сформулированный в начале настоящей статьи, в Конвенции прямо не решается. В одном из официальных комментариев комитета ООН по правам ребенка высказана точка зрения, согласно которой конвенционные права должны подлежать судебной защите, а подписанты Конвенции обязаны создавать процедуры, приемлемые для детей и обеспечивающие

доступ последних к правосудию [11]. Этот тезис, однако, едва ли можно считать аргументом в пользу возможности исков детей против родителей: скорее, речь идет о «генеральном» праве детей на судебную защиту, наличие которого еще не означает возможности оспаривать родительские решения, поскольку оспоримость таких решений – вопрос не права на судебную защиту, а вопрос того, могут ли родительские решения принципиально быть предметом судебного рассмотрения.

Несмотря на чрезвычайно широкое признание и одобрение Конвенции мировым сообществом, документ все еще не ратифицирован США. Это единственная страна ООН, не присоединившаяся к Конвенции.

Неприсоединение США к Конвенции трудно объяснимо и вызывает закономерные вопросы, попыткам ответить на которые зарубежные исследователи посвятили немало работ.

Одна из самых широко распространенных в литературе гипотез относительно неприсоединения США к Конвенции состоит в противоречии ст. 12 Конвенции подходам к восприятию ребенка в правовой системе США [10, с. 703]. Ст. 12 предоставляет ребенку, «способному сформулировать свои собственные взгляды, ... право свободно выражать эти взгляды по всем вопросам, затрагивающим ребенка, причем взглядам ребенка уделяется должное внимание в соответствии с возрастом и зрелостью ребенка».

Как указывают авторы, правопорядок США в силу слабости и недостаточной зрелости несовершеннолетних не признает за ними автономию личности, на защиту которой направлена ст. 12 Конвенции.

Родительская же власть, наоборот, защищается в США в качестве конституционной свободы, не подлежащей чрезмерному вмешательству государства[1]. В доктрине можно встретить ее оценку как одной из важнейших, наиболее строго охраняемых конституционных прав [7, 23].

Данный подход формулировался Верховным Судом США в нескольких прецедентах XX века, касающихся вопросов детского образования[2]. Суд в данных делах выразил позиции, согласно которым имеют конституционное значение права родителей по своему усмотрению управлять воспитанием и образованием детей, в том числе выбирать язык обучения [12], перевести ребенка на домашнее обучение [13], а также прекратить занятия ребенка в той или иной школе по религиозным мотивам родителя [14]. Верховный Суд США в данных делах подчеркивал, что «ребенок не творение государства» [13] и «фундаментальные интересы родителя в заботе о ребенке, опеке и контроле не исчезают от того, что он не является образцовым родителем» [15].

М. Гуггенхейм в этой связи указывает, что закрытость, защищенность семьи в целом и родительской власти в частности от излишнего вмешательства государства – ключевая общественная ценность. Автор считает, что невозможно отделить вопросы отношений семьи и государства от глобальных культурных и политико-философских вопросов. Родительские права, с его точки зрения, обеспечивают не только и не столько личные интересы родителей и детей, сколько служат на благо общественным интересам и ценностям.

Одно из объяснений такого подхода заключается в так называемой доктрине «предшествования» [8, с. 462], суть которой состоит в принятии того, что родительская власть (порожденная самой природой) предшествовала власти государственной, а семейная общественная структура – структуре государственной. Из этой посылки последователи доктрины приходят к выводу о том, что государство, будучи вторичным по отношению к семье образованием, не может вмешиваться в организацию семейных отношений без того чтобы не разрушить собственный «генетический код».

Интересно подчеркиваемое исследователями различие американского и европейского подходов к пониманию сути родительских прав. Так, в одной из работ [10, с. 706] указывается, что в Германии благополучие ребенка рассматривается как цель реализации родительских прав, в Англии и Уэльсе и вовсе заметна тенденция замены концепции родительских прав на концепцию родительских обязанностей. В правовой же доктрине США акценты расставлены иначе: право родителя управлять, контролировать ребенка считается обеспечивающим, прежде всего, собственный, родительский интерес в воспитании и обучении ребенка в соответствии со своими личными убеждениями, аутентично, без «подсказок» извне [6, с. 211]. В этом смысле возможность самостоятельно решать, что для ребенка лучше, вырастить из него взрослого, похожего на себя, заложить в его сознание собственные взгляды – часть того блага, к которому стремятся, становясь родителями. Говоря иначе, родительские права в американской доктрине не воспринимаются как служебный правовой конструкт, лишь обеспечивающий интересы ребенка – прежде всего, их рассматривают как инструмент обеспечения собственного родительского интереса в воспитании ребенка по своему усмотрению [6, с. 221].

[1] Американская доктрина и практика до сих используют термин «parental authority» наряду с «parental rights».

[2] Например, «Мейер против штата Небраска», «Пирс против Общества Сестер», «Штат Висконсин против Йодера».

Итак, восприятие родительских прав как конституционных, по мнению ранее упомянутых авторов, обусловливается следующим. Во-первых, родительские права выступают гарантией от несоразмерного вмешательства государства в личную жизнь семьи. Иными словами, признавая за родителями право воспитывать детей по своему усмотрению, государство тем самым ограничивает себя в навязывании родителям того или иного образа воспитания детей. Во-вторых, родительские права, понятые как в том числе право воспитать детей по собственному усмотрению, защищают другую конституционную ценность – право на продолжение рода, поскольку последнее, очевидно, не ограничивается только возможностью произвести детей на свет, но включает в себя право передать им собственные взгляды и ценности, то есть «продолжить род» в социальном смысле.

Схожую позицию можно встретить в трудах русских ученых юристов. Так, В. А. Рясенцев обосновывал, что указание закона о целевом характере родительских прав (положение о том, что они реализуются исключительно в интересах детей) «не умаляет …и не лишает их самостоятельного значения» [5, с. 349]. В. А. Рясенцев подчеркивал необходимость разграничения действий родителя, осуществляемых им от имени ребенка, от тех, с помощью которых он реализует собственное, родительское, право. К последним автор относил в том числе действия по определению ребенка в «среднюю школу, музыкальное училище», приглашению к нему няни, преподавателя и т. д., поскольку «право на воспитание ребенка предполагает возможность выбора места и метода воспитания и обучения» [5, с. 349].

Эту идею разделял и Г. М. Свердлов: «родительское право охраняется социалистическим государством не только потому, что это на пользу детям, но и потому, что охраной родительского права обеспечиваются существеннейшие интересы отца и матери, обеспечивается полноценное и разносторонне развитие их личности» [2, с. 57].

Проведенный анализ показал следующее.

Вопрос о соотношении родительской власти и прав ребенка в Конвенции о правах ребенка 1989 г. рассматривается сквозь призму постепенного сокращения объема родительской власти по мере взросления ребенка, роста его сознательности и личной компетенции. Одна из основных причин такого подхода состоит в том, что Конвенцией за ребенком закреплен ряд прав, существо которых исключает возможность их реализации под контролем родителей (в том числе свобода слова, мысли, совести и религии, свобода ассоциаций и мирных собраний). Вопрос о праве ребенка на иск против собственного родителя для цели преодоления родительской власти Конвенцией не решен (и, как представляется, не может быть решен, поскольку едва ли настолько сложный и острый вопрос может стать предметом консенсуса более чем 190 стран-участниц Конвенции).

Хотя в исторической перспективе заметна тенденция закрепления за детьми все большего объема прав (принятие Конвенции 1989 г. и подписание ее столь большим числом государства стало знаковым моментом на этом пути), в мировой практике подходы к пониманию сущности таких прав, а также сущности родительской власти, родительских прав и обязанностей различаются.

Анализ таких различий показал, что ключевой пункт, предопределяющий всю структуру правового регулирования отношений родителя и ребенка, отношение правопорядка к таким отношениям, – это вопрос о том, чей интерес первостепенно защищается родительскими правами: интерес ребенка в получении от родителей воспитания, образования и материального обеспечения или собственный интерес родителей в продолжении рода в широком смысле этого выражения, то есть в воспитании ребенка с чертами характера, взглядами и убеждениями, близкими родителю. Служебны ли родительские права по отношению к интересам несовершеннолетних или имеют самостоятельную ценность, независимую от обеспечения интересов ребенка? Действительно ли родительские права – это лишь средство реализации родительских обязанностей, или они имеют собственное содержание?

Чем четче мы видим в содержании родительских прав компонент самоценности, не зависящей от обеспечительной по отношению к интересам ребенка функции, тем более мы должны склониться в пользу неоспоримости родительской власти, то есть невозможности ее преодолеть иском ребенка против родителя. Напротив, заняв позицию о том, что родительские права существуют только для исполнения родительских обязанностей и что у родителей нет собственного интереса в осуществлении родительской власти, отличного от интересов ребенка, мы, по-видимому, не сможем категорически отрицать тезис о возможности судебного оспаривания родительских решений (или, как минимум, должны будем привести веские аргументы против него).

В данной работе нам следует остановиться на обозначенных выводах, поскольку вопрос о том, какой из указанных (или отличающийся от них) подходов относительно сущности родительских прав присущ российскому правопорядку, – предмет самостоятельного исследования, выходящий за пределы настоящей статьи.

Список литературы:

[1] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. – Санкт-Петербург, 1902. – 655 с.

[2] Свердлов Г. Право на воспитание и судебные споры о детях. – Советское государство и право. - №5-6. – 1940. – С. 52-71.

[3] Мейер Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2021. – 846 с.

[4] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – 6-е изд., стереот. – М.: Статут, 2013. – 351 с.

[5] Рясенцев В. А. Представительство и сделки в современном гражданском праве. – М.: Статут, 2006. – 603 с.

[6] Altman, S. Parental Control Rights. In Philosophical Foundations of Children's and Family Law.: Oxford University Press. 2018.

[7] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007.

[8] Hafen, Bruce C., and Jonathan O. Hafen. "Abandoning Children to Their Autonomy: The United Nations Convention on the Rights of the Child." Harvard International Law Journal, vol. 37, no. 2, Spring 1996.

[9] John Wall. Ethics in Light of Childhood. Georgetown University Press; 2010.

[10] Lee, Soo Jee. A Child's Voice vs. a Parent's Control: Resolving a Tension between the Convention on the Rights of the Child and U.S. Law. Columbia Law Review, vol. 117, no. 3, April 2017.

[11] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment No. 12 (2009): The right of the child to be heard, CRC/C/GC/12, 20 July 2009, available at: https://www.refworld.org/legal/general/crc/2009/en/70207 (дата обращения: 02.02.2026).

[12] Meyer v. Nebraska, 262 U.S. 390 (1923). // [Электронный ресурс] URL: https://www.njchs.org/wp-content/uploads/Meyer-v.-Nebraska-1923.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

[13] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925). // [Электронный ресурс] URL: https://www.njchs.org/wp-content/uploads/Pierce-v.-Society-of-Sisters.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

[14] Wisconsin v. Yoder, 406 U.S. 205 (1972). // [Электронный ресурс] URL: https://files.ondemandhosting.info/data/stand/case-library/1972-wisconsin-v-yoder_en.pdf (дата обращения: 02.02.2026).

[15] Santosky v. Kramer, 455 U.S. 745, 753 (1982). // [Электронный ресурс] URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/455/745/ (дата обращения: 02.02.2026).

References:

[1] Civil Code. Book Two. Family Law. Project of the Supremely Institutional Editorial Commission for Compiling the Civil Code. Volume One. Articles 1–349. With Explanations. – St. Petersburg, 1902. – 655 p.

[2] Sverdlov G. The Right to Upbringing and Legal Disputes over Children. – Soviet State and Law. - No. 5-6. – 1940. – pp. 52-71.

[3] Meyer D. I. Russian Civil Law / D. I. Meyer. – 4th ed., corrected. and enlarged. – Moscow: Statut, 2021. – 846 p.

[4] Pokrovsky I. A. Basic Problems of Civil Law. – 6th ed., stereot. – Moscow: Statut, 2013. – 351 p.

[5] Ryasentsev V. A. Representation and transactions in modern civil law. – M.: Statute, 2006. – 603 p.

[6] Altman, S. Parental Control Rights. In Philosophical Foundations of Children's and Family Law.: Oxford University Press. 2018.

[7] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007.

[8] Hafen, Bruce C., and Jonathan O. Hafen. "Abandoning Children to Their Autonomy: The United Nations Convention on the Rights of the Child." Harvard International Law Journal, vol. 37, no. 2, Spring 1996.

[9] John Wall. Ethics in Light of Childhood. Georgetown University Press; 2010.

[10] Lee, Soo Jee. A Child's Voice vs. a Parent's Control: Resolving a Tension between the Convention on the Rights of the Child and the U.S. Law. Columbia Law Review, vol. 117, no. 3, April 2017.

[11] UN Committee on the Rights of the Child (CRC), General comment No. 12 (2009): The right of the child to be heard, CRC/C/GC/12, 20 July 2009, available at: https://www.refworld.org/legal/general/crc/2009/en/70207 (accessed 02.02.2026).

[12] Meyer v. Nebraska, 262 U.S. 390 (1923). // [Electronic resource] URL: https://www.njchs.org/wp-content/uploads/Meyer-v.-Nebraska-1923.pdf (date accessed: 02.02.2026).

[13] Pierce v. Society of Sisters, 268 U.S. 510 (1925). // [Electronic resource] URL: https://www.njchs.org/wp-content/uploads/Pierce-v.-Society-of-Sisters.pdf (date accessed: 02.02.2026).

[14] Wisconsin v. Yoder, 406 U.S. 205 (1972). // [Electronic resource] URL: https://files.ondemandhosting.info/data/stand/case-library/1972-wisconsin-v-yoder_en.pdf (accessed: 02.02.2026).

[15] Santosky v. Kramer, 455 U.S. 745, 753 (1982). // [Electronic resource] URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/455/745/ (accessed: 02.02.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-852-857

ЧИБИНОВ Дмитрий Владиславович,
преподаватель кафедры гражданского права,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: dmchibinov@gmail.com

ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АРБИТРА В ФОРМЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ УБЫТКОВ: ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье критикуется регулирование имущественной ответственности арбитра, закрепленное в первом предложении статьи 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», и предлагаются пути его возможного реформирования.*

Ключевые слова: *иммунитет арбитра, ответственность арбитра, третейские суды, третейское разбирательство, арбитраж.*

CHIBINOV Dmitry Vladislavovich,
Lecturer, Department of Civil Law,
National Research University
Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia

LIABILITY OF AN ARBITRATOR IN THE FORM OF DAMAGES: POSSIBLE WAYS OF REFORM

Annotation. *The article criticizes the current regulation of the arbitrator's liability as set out in the first sentence of Article 51 of Federal Law No. 382-FZ, which was passed on December 29, 2015, and proposes possible ways to reform it.*

Key words: *immunity of the arbitrator, responsibility of the arbitrator, arbitral tribunals, arbitration proceedings, arbitration.*

В первом предложении статьи 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – «**Закон об арбитраже**») предусмотрено, что «арбитр не несет гражданско-правовой ответственности перед сторонами арбитража, а также перед постоянно действующим арбитражным учреждением в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением функций арбитра и в связи с арбитражем, за исключением ответственности в рамках гражданского иска по уголовному делу [… - Д.Ч.]».

Столь жесткий иммунитет от имущественной ответственности арбитра, который воспринят в статье 51 Закона об арбитраже, не встретил единодушного подхода в российской доктринальной литературе.

Постоянно действующая конференция третейского сообщества, например, предложила исключить из закона положения об имущественной ответственности арбитра, так как эти меры не соответствуют частно-процессуальной природе отношений, а все риски, связанные с выбором и обращением к альтернативным способам разрешения споров, лежат на сторонах конфликта. С точки зрения участников конференции, «попытка привлечь арбитра [… – Д.Ч.] к гражданской ответственности приведет к тому, что государственные суды просто «утонут» в делах о привлечении третейских судей [… – Д.Ч.] к ответственности, поскольку в любом судебном споре одна сторона остается «обиженной», а предъявление иска о привлечении к ответственности [… – Д.Ч.] арбитра создает формальные возможности для затягивания третейского разбирательства и для иных злоупотреблений» [1]. Соответственно, члены этой конференции придерживаются необходимости установления абсолютного иммунитета арбитра от ответственности.

Другие российские авторы высказывали мнение о том, что предложенная законодателем концепция имущественной ответственности арбитра является адекватной. Так, например, Р.Р. Мифтахов, комментируя положения статьи 51 Закона об арбитраже, писал следующее: «Данный подход [отказ законодателя расширять составы уголовной ответственности арбитра – Д.Ч.] вызывает несомненное одобрение, поскольку уголовная и имущественная ответственность арбитра должна наступать только в вопиющих случаях» [2]. Также, например, В. Бражников, комментируя в том числе статью 51 Закона об арбитраже, указал, что «освобождение арбитра от гражданско-правовой ответственности является положительным моментом» [3].

Большинство же авторов, наоборот, считают введенное законодателем ограничение необоснованным и предлагают его скорректировать.

Наиболее четко и недвусмысленно по этому вопросу высказал свою позицию М.З. Шварц, который указал следующее: «Ее [арбитражной реформы – Д.Ч.] задача – вернуть доверие общества к институту третейского разбирательства. Сопровождать ее решение установлением защиты арбитров от ответственности, каковой (защиты) российское законодательство не знало ранее вообще, означает отрицать исходную установку. Честным и неподкупным арбитрам, осознающим важность выполняемой ими функции, нет оснований бояться предъявления исков. Бояться следует недобросовестным арбитрам. Но именно их закон парадоксальным образом и защитил. Эту ошибку законодателя необходимо исправить» [4, с. 151].

В качестве другого примера можно привести позицию Р.В. Геракова, который полагал «недостаточными основания возникновения гражданско-правовой ответственности арбитра», считая необходимым «расширить такие основания» [5, с. 48]. К такому же выводу пришел С.Д. Федоркин, резюмируя свое исследование по вопросам ответственности арбитра следующим образом: «введенные отечественным законодателем условия, ограничивающие применение института гражданско-правовой ответственности арбитра лишь случаями возмещения вреда в результате совершения арбитром преступления, являются, на наш взгляд, необоснованными и не учитывают в полной мере характер и природу основанных на автономии воли правоотношений, складывающихся между арбитром и спорящими сторонами, существенно ограничивая, тем самым, возможности защиты нарушенных прав» [6, с. 72].

С учетом вышеуказанных соображений различных исследователей в этой области полагаем возможным ниже предложить концептуальные изменения российской модели имущественной ответственности арбитра, которая сейчас закреплена в статье 51 Закона об арбитраже.

Так, текущая редакция статьи 51 Закона об арбитраже ограничивает возможности потерпевших сторон получить судебную защиту своих прав, нарушенных арбитрами. В связи с этим начать рассмотрение данного вопроса стоит с положений части 1 статьи 46 Конституции РФ, которая указывает, что каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, которая включает в себя право на доступ к правосудию (например, Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 года № 1-П).

При этом Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что право на судебную защиту не может быть ограничено. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 03 мая 1995 года № 4-П указано, что: «Согласно Конституции Российской Федерации это право [на судебную защиту – Д.Ч.] не может быть ограничено. Допустимые ограничения конституционных прав в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть введены законодателем только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Право на судебную защиту ни в каком случае не может вступить в противоречие с данными целями и, следовательно, не подлежит ограничению. Именно поэтому право на судебную защиту отнесено согласно статье 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации к таким правам и свободам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах».

С формально-юридической точки зрения право на судебную защиту не нарушается – любое потерпевшее лицо вправе обратиться в суд общей юрисдикции с иском к арбитру о возмещении причиненного вреда, при этом подобный иск будет принят к производству и рассмотрен по существу. Фактически, конечно, право на судебную защиту потерпевших от неправомерных действий арбитра в данном случае умалено.

Здесь необходимо обратить внимание, что Конституционный Суд РФ указывал, что право на доступ к правосудию означает не только возможность обратиться в суд, но и создание правовых средств, достаточных для реального и эффективного действия конституционных прав и свобод и предполагающих возложение на суды обязанности исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, с тем чтобы право на судебную защиту не было ущемленным (Постановление Конституционного Суда РФ от 09 июля 2024 года № 36-П).

Текущая редакция статья 51 Закона об арбитраже не исключает возможности привлечения арбитра к имущественной ответственности в форме возмещения убытков, но ограничивает это одним случаем – привлечением арбитра к уголовной ответственности арбитра, которое не находится под контролем потерпевшего, зависит от действий правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование, которое может быть прекращено помимо воли потерпевшего (например, вследствие акта об амнистии, истечения сроков давности уголовного преследования, смерти арбитра (пункты 2 – 3 части 1 статьи 27, пункты 3 – 4 части 1 статьи 24 УПК РФ).

В связи с этим применительно к имущественной ответственности арбитра имеются основания полагать, что ограничение, указанное в статье 51 Закона об арбитраже, носит несоразмерный и произвольный характер. Сравнивая правовое регулирование имущественной ответственности судьи и арбитра, нельзя не учитывать, что за судьей стоит государство, именем которого судья выносит решения, которое в определенных случаях принимает ответственность за него (статья 1070 ГК РФ), при этом ни государство, ни ПДАУ (только в рамках институционального арбитража) за арбитра никакую имущественную ответственность не принимает. В рамках арбитража как формате *ad hoc*, так и институционального, также нет какой-либо институции, которая могла бы нести субсидиарную ответственность за арбитра.

Аргументы, выдвигаемые в поддержку существующего ограничительного подхода к ответственности арбитра, не могут обосновывать столь существенные ограничения права на судебную защиту.

Так, например, такой жесткий иммунитет арбитра от имущественной ответственности, закрепленный в статье 51 Закона об арбитраже, не может быть мотивирован риском выбора контрагента. Здесь уместно сослаться на позицию М.З. Шварца, который писал, что «Нередкие злоупотребления, с которыми столкнулись участники гражданско-правовых споров, доверившиеся третейским учреждениям, дают основания для противоположного утверждения: никаким доверием нельзя оправдать освобождение арбитров от ответственности. Если бы все проблемы можно было решить возложением риска избрания недобросовестных арбитров на сами стороны, – риска как последствия осуществленного выбора, – столь масштабная реформа не потребовалась бы. Не говоря уже о том, что современная российская практика дает примеры таких третейских разбирательств, в которых сторона оказывалась жертвой навязанного или якобы имевшего место (фиктивного) выбора третейской формы защиты. Ссылаться на доверие к арбитру и связанный с ним риск «за выбор» в таких ситуациях не приходится» [4, с. 145-146].

Такое популярное обоснование иммунитета арбитра, которое заключается в том, что арбитры не захотят больше выполнять свои функции, опасаясь личной имущественной ответственности, также не выглядит убедительным. Как указывают Д.Д.М. Лью, Л.А. Мистелис, «сомнительно, что наличие возможной ответственности помешает лицам принимать назначения в качестве арбитров. Арбитраж превратился в бизнес, в котором работают профессионалы, которые либо в рамках своей профессиональной деятельности, либо на постоянной основе зарабатывают значительные суммы в качестве арбитра. Арбитры больше не являются добровольцами, которым мало платят за их услуги и которым угрожает перспектива привлечения к ответственности» [7, с. 290]. Также авторы, исследующие институт профессиональной ответственности в общем праве (*professional liability),* обращают внимание, что имущественная ответственность врачей за медицинскую небрежность (*medical negligence*) не только не уменьшила количество врачей, но «повышает качество лечения, предоставляемого врачами, которые хотят избежать судебного преследования» [8].

Соображения необходимости обеспечения независимости арбитра, который не должен при принятии арбитражного решения учитывать собственные риски потенциальной имущественной ответственности, заслуживают внимания, однако они не могут приводить к тому, что возможность привлечения арбитра к ответственности будет исключена.

С учетом вышеуказанного следует признать, что ограничение, введённое в статье 51 Закона об арбитраже и требующее привлечения арбитра к уголовной ответственности как условие для возложения на него имущественной ответственности в форме возмещения убытков, необоснованно ограничивает право на судебную защиту и подлежит *de lege ferenda* исключению из российского законодательства.

Если *de lege ferenda* требование о предварительном привлечении арбитра к уголовной ответственности для целей последующего взыскания вреда с арбитра будет исключено законодателем из статьи 51 Закона об арбитраже, встанет вопрос, какой стандарт вины арбитра должен быть.

Для начала отметим, что общим принципом имущественной ответственности является ее виновный характер (пункт 1 статьи 401 ГК РФ, пункт 2 статьи 1064 ГК РФ). Как обоснованно раскрыто в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 года № 1-П, «наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридиче-

ской ответственности во всех отраслях права, и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно».

Оснований для применения безвиновной (рисковой) имущественной ответственности арбитра не имеется ни в статье 401 ГК РФ, ни в статье 1064 ГК РФ, тем более принимая во внимание, что арбитры, разрешающие спор, не осуществляют предпринимательскую деятельность в силу прямого указания пункта 1 статьи 2 Закона об арбитраже. Как указывает О.Ю. Скворцов, соглашение между арбитром и сторонами третейского разбирательства не подчиняется правилам о предпринимательских сделках [9]. Оснований для введения безвиновной ответственности арбитра законодателем *de lege ferenda* также не имеется: подобное решение будет грубо нарушать баланс интересов сторон и подрывать независимость арбитра при разрешении споров.

Соответственно, имущественная ответственность арбитра перед сторонами в любом случае будет выстраиваться на общих началах вины, однако здесь возникает вопрос, какой стандарт вины арбитра должен быть: умысел, грубая небрежность или достаточно простой неосторожности.

Здесь полагаем, что имущественная ответственность арбитра не должна быть связана с причинением вреда с виной в форме простой небрежности: подобное решение как раз не позволит арбитрам сохранить независимость.

В условиях, когда арбитр ограничен в своих возможностях по установлению действительных обстоятельств дела, имеет широкую дискрецию как в оценке доказательств, установлении фактических обстоятельств спора, в толковании применимого законодательства, связывание имущественной ответственности с простой неосторожностью может создавать излишнее давление на арбитров и подрывать их независимость, вынуждая их обосновывать каждое совершенное ими действие. Это связано с тем, что граница между незаконными действиями арбитра, не связанные с его виной, и простой неосторожностью, не может быть определена с достаточной степенью точности. Об этом было указано в Постановлении Конституционного Суда РФ от 25 января 2001 года № 1-П для ответственности государства за вред, причиненный судьями при отправлении ими правосудия (пункт 2 статьи 1070 ГК РФ): «При столь большой зависимости результата осуществления правосудия от судейской дискреции разграничение незаконных решений, принятых в результате не связанной с виной ошибки судьи и его неосторожной вины, представляет собой трудновыполнимую задачу. Поэтому участник процесса, в интересах которого судебное решение отменяется или изменяется вышестоящей инстанцией, может считать, что первоначально оно было постановлено не в соответствии с законом именно по вине судьи».

Сошлемся здесь на позицию Э.С. Ромеро, который писал, что «по-видимому, существует консенсус в отношении того, что простая неосторожность (*mere negligence*) арбитра подпадает под действие иммунитета, а это означает, что арбитры не несут ответственности перед сторонами за простую неосторожность (*mere negligence*)» [10, с. 90]. Аналогично пишут в своих работах М.Л. Мозес, что по большей части правопорядков арбитры не будут привлечены к имущественной ответственности за простую неосторожность (*negligence*) [11, с. 147-148], а также Ж. Куниберти: «Первый [широко распространенный консенсус, что – Д.Ч.] – арбитры не могут быть привлечены к ответственности за простую неосторожность (*mere negligence*)» [12, с. 197].

Также можно утверждать, что общепризнано (в тех правопорядках, которые поддерживают модель квалифицированного иммунитета арбитра), что арбитр должен нести имущественную ответственность за умышленное (в том числе недобросовестное) причинение вреда сторонам.

По этому вопросу наиболее точно выразился Э.С. Ромеро, который писал: «Безусловно, сегодня сформирован общий консенсус, что не может быть абсолютного иммунитета арбитра от ответственности, и арбитр должен нести ответственность перед сторонами за мошеннические действия (*fraud*) и умышленные нарушения (*dol*). Этот консенсус выражается [в том, что – Д.Ч.] испанское право, например, предусматривает, что арбитры несут ответственность в ограниченных случаях таких как мошенничество, намеренное неправомерное поведение (*willful misconduct*) и умышленные нарушения (*intentional wrongdoings*)» [10, с. 90]. В аналогичной манере пишут Д.Д.М. Лью, Л.А. Мистелис, что «иммунитет [арбитров – Д.Ч.], предусматриваемый правилами [ПДАУ – Д.Ч.] и законами, не является неограниченным. Арбитр несет ответственность за любые убытки, которые причинены в результате мошеннических действий (*fraud*), умышленных нарушений (*intentional misconduct*) или иных недобросовестных действий (*bad faith*)» [7, с. 292]. Поддерживает этот подход и Ж. Куниберти: «Второй [широко распространенный консенсус, что арбитры – Д.Ч.] могут быть привлечены к ответственности за умышленное поведение (недобросовестность, мошенничество) (*bad faith, fraud*), повлекшее причинение ущерба» [12, с. 197].

Схожее мнение можно увидеть и в российской литературе. Так, например, А.А. Тер-Ова-

кимян пришла к выводу, что господствует подход, согласно которому возможно «наступления ответственности [арбитра – Д.Ч.] лишь в строго определенных случаях, например, когда доказано, что такое действие (бездействие) являлось умышленным и намеренным правонарушением с точки зрения применимого права» [13, с. 150].

Российскому праву здесь не стоит быть исключением, и арбитр должен нести имущественную ответственность за свои умышленные действия. Вопрос, который остается, должна ли имущественная ответственность арбитра быть связанной только с умышленными действиями или также с совершением грубой небрежности. Эта проблема является ключевой для тех правопорядков, которые устанавливают правило о квалифицированном иммунитете арбитра от имущественной ответственности.

Размышляя о лучшей модели иммунитета арбитра от имущественной ответственности, Г.Б. Борн, наиболее влиятельный автор в сфере международного коммерческого арбитража, указывает, что «арбитры должны быть защищены от претензий, основанных на грубой небрежности (*gross negligence*), безрассудстве (*recklessness*) или аналогичных теориях, которые не доходят до уровня преднамеренного мошенничества (*intentional fraud*) или аналогичного преднамеренного правонарушения (*deliberate wrongdoing*). Угроза независимости и беспристрастности арбитров возникает почти с одинаковой силой как в случае допущения действий, основанных на грубой небрежности, так и в случае исков, основанных на простой небрежности. Только преднамеренные противоправные действия со стороны арбитра могут привести к предъявлению ему гражданских исков» [14, с. 2038].

Другой подход наблюдается в работе М.Л. Мозес, которая утверждает, что по большей части правопорядков арбитры несут ответственность за грубую небрежность (*gross negligence*) или за свое умышленное поведение (*intentional conduct*) [11, с. 147-148]. В аналогичной манере Э.С. Ромеро резюмировал свое исследование такими выводами: «Мы утверждаем [… – Д.Ч.], что общее правило должно предусматривать иммунитет арбитров и что ответственность должна возникать только в трех исключительных ситуациях: (i) мошенничество (*fraud*); (ii) преднамеренное правонарушение (*intentional wrongdoing*); и (iii) грубая халатность (*gross negligence*), особенно если это приводит к отказу в правосудии, за исключением случаев, когда это связано с задачей разрешения спора (*it pertains to the mission of adjudicating the dispute*) [10, с. 90]. При этом какой смысл автор вкладывает в вышеописанное исключение из правила неочевиден из текста его исследования.

Из российской научной литературы такую позицию поддерживает П.А. Ильичев, который писал, что «данный подход [который заключается в возможности привлечения арбитров к гражданско-правовой ответственности только в случае наличия умысла либо грубой неосторожности – Д.Ч.] представляется наиболее оправданным, так как позволяет защитить и сбалансировать интересы как арбитров, так и сторон разбирательства, не оказывая чрезмерного давления на арбитра [15, с. 521].

Автор данной статьи также полагает, что *de lege ferenda*, по общему правилу, имущественная ответственность арбитра должна не ограничиваться только умыслом, но также включать в себя и грубую небрежность. Установить умышленное нарушение арбитра крайне затруднительно – необходимо установить, что арбитр преследовал в качестве цели именно причинить вред сторонам, что зачастую не так – большинство случаев, в которых стороны обоснованно ожидают возмещения причиненных им потерь, связаны с ситуациями именно грубой небрежности, когда арбитр очевидным образом пренебрежительно относится к относится к исполнению своих функций.

Однако, при этом, ограничение имущественной ответственности арбитра только случаями умышленного нарушения или грубой небрежности для всех возможных нарушений арбитра также является излишним. Например, не имеется существенных политико-правовых причин вводить особые правила с точки зрения стандарта вины, касающиеся обеспечения обязанности арбитра соблюдать конфиденциальность арбитражного разбирательства.

Список источников:

[1] Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). СПб.: Редакция журнала «Третейский суд», 2015; М.: Статут, 2015. Вып. 7. 464 с.

[2] Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий и др.; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016. 352 с.

[3] Бражников В. Многообразие в условиях ограничений // ЭЖ-Юрист. 2016. № 4 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/57310271/ (дата обращения: 15.02.2026).

[4] Шварц М.З. К вопросу о правовом режиме ответственности арбитра: первые размышления // Третейский суд. 2017. № 2. С. 144 – 151.

[5] Гераков Р.В. Некоторые аспекты правового статуса арбитра в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 8. С. 47 – 52.

[6] Федоркин С.Д. Правовая природа бремени арбитрирования: выпускная квалификационная работа; Науч. рук. Г.В. Севастьянов; Рецензент М.Б. Юрьев; Санкт-Петербургский государственный университет. Юридический факультет. Кафедра гражданского процесса. – СПб., 2017. – 80 с.

[7] Julian D. M. Lew, Loukas A. Mistelis et al., Comparative International Commercial Arbitration // Kluwer Law International. 2003. - 953 p.;

[8] Li Yat Sen Jason. Arbitral immunity: a profession comes of age. Arbitration 1998, 64(1), p. 51-57.

[9] Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический / В.Н. Ануров, К.В. Егоров, А.В. Замазий и др.; под ред. О.Ю. Скворцова, М.Ю. Савранского. М.: Статут, 2016. 352 с.

[10] Hanotiau Bernard and Mourre Alexis (eds). Players Interaction in International Arbitration, Dossiers of the ICC Institute of World Business Law, Volume 9 // Kluwer Law International; International Chamber of Commerce (ICC). 2012. 184 p.

[11] Moses L. Margaret. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration // Cambridge University Press. 2008. 340 p.

[12] Cuniberti Gilles. The Uncitral Model Law on International Commercial Arbitration. A Commentary. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar 2022. XCII. 533 p.

[13] Тер-Овакимян А.А. Правовой статус арбитров в международном коммерческом арбитраже: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. МГЮА, – М., 2018. – 213 с.

[14] Born Gary B., International Commercial Arbitration (Second Edition), 2nd edition // Kluwer Law International; Kluwer Law International 2014. 4260 p.

[15] Международный коммерческий арбитраж: Учебник / Науч. ред.: О. Ю. Скворцов, М. Ю. Савранский, Г В. Севастьянов. 3-е изд., перераб. и доп. СПб.; М.: АНО «Редакция журнала «Третейский суд», 2025. 1005 с.

References:

[1] Sevastyanov G.V. Legal nature of arbitration as an institution of alternative dispute resolution (private procedural law). St. Petersburg: Editorial office of the journal “Arbitration Court”, 2015; Moscow: Statut, 2015. Issue 7. 464 p.

[2] Commentary on the Federal Law “On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation” (article-by-article, scientific and practical) / V.N. Anurov, K.V. Egorov, A.V. Zamaziy et al.; edited by O.Yu. Moscow: Statut, 2016. 352 p.

[3] Brazhnikov V. Diversity under Restrictions // EZh-Yurist. 2016. No. 4 // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/57310271/ (accessed: 15.02.2026).

[4] Schwartz M.Z. On the Legal Regime of Arbitrator Liability: Initial Reflections // Arbitration Court. 2017. No. 2. pp. 144–151.

[5] Gerakov R.V. Some Aspects of the Legal Status of an Arbitrator in the Russian Federation // Arbitration and Civil Procedure. 2019. No. 8. pp. 47–52.

[6] Fedorkin S.D. Legal Nature of the Burden of Arbitration: Graduation Thesis; Scientific Hand. G.V. Sevastyanov; Reviewer M.B. Yuryev; Saint Petersburg State University. Faculty of Law. Department of Civil Procedure. – Saint Petersburg, 2017. – 80 p.

[7] Julian D. M. Lew, Loukas A. Mistelis et al., Comparative International Commercial Arbitration // Kluwer Law International. 2003. - 953 p.;

[8] Li Yat Sen Jason. Arbitral immunity: a profession comes of age. Arbitration 1998, 64(1), p. 51-57.

[9] Commentary on the Federal Law “On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation” (article-by-article, scientific and practical / V.N. Anurov, K.V. Egorov, A.V. Zamaziy et al.; edited by O.Yu. Skvortsov, M.Yu. Savransky. Moscow: Statut, 2016. 352 p.

[10] Hanotiau Bernard and Mourre Alexis (eds). Players Interaction in International Arbitration, Dossiers of the ICC Institute of World Business Law, Volume 9 // Kluwer Law International; International Chamber of Commerce (ICC). 2012. 184 p.

[11] Moses L. Margaret. The Principles and Practice of International Commercial Arbitration // Cambridge University Press. 2008. 340 p.

[12] Cuniberti Gilles. The Uncitral Model Law on International Commercial Arbitration. A Commentary. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar 2022. XCII. 533 p.

[13] Ter-Ovakimyan A.A. Legal Status of Arbitrators in International Commercial Arbitration: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow State Law Academy, – Moscow, 2018. – 213 p.

[14] Born Gary B., International Commercial Arbitration (Second Edition), 2nd edition // Kluwer Law International; Kluwer Law International 2014. 4260 p.

[15] International Commercial Arbitration: Textbook / Scientific ed.: O. Yu. Skvortsov, M. Yu. Savransky, G. V. Sevastyanov. 3rd ed., revised and enlarged. St. Petersburg; Moscow: ANO “Editorial Office of the Journal “Arbitration Court”, 2025. 1005 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-858-864

БАДАЕВА Марита Ильдаровна,
адвокат,
адвокатское бюро «Шварц и Партнеры»,
e-mail: mbadayeva@gmail.com

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОГО ОСПАРИВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ СТАРШЕ 14 ЛЕТ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ РОДИТЕЛЯ (П. 2 СТ. 56 СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РФ)

Аннотация. *Предметом исследования является вопрос толкования ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ в следующем проблемном аспекте: действительно ли их возможно понимать как дозволяющие детям старше 14 лет предъявить против своих родителей иск из ненадлежащего исполнения последними родительских обязанностей?*

Актуальность исследования подтверждается высокой значимостью защиты (в том числе правовой) семьи, материнства, отцовства и детства, являющейся приоритетом государственной политики Российской Федерации. Работа характеризуется новизной, поскольку в обозначенном в работе аспекте названная проблема ранее в отечественной литературе предметом самостоятельного исследования не становилась.

Используя методы анализа и синтеза, научного абстрагирования, автор приходит к выводу о том, что нормы ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ следует толковать ограничительно, поскольку допущение судебного оспаривания ребенком воспитательных решений родителей порождает ряд неразрешимых проблем, дезавуирующих саму суть воспитания. Судебное рассмотрение внутрисемейных споров вне зависимости от исхода такого «дела» является обоюдоострым орудием, так как одновременно ограничивает право родителя, поведение которого безупречно, на принятие воспитательного решения и право ребенка воспитываться родителями, а не субъектом публичной власти. Автор приходит к выводу, что, несмотря на буквальный смысл обсуждаемых норм, иски ребенка против родителя об оспаривании воспитательных решений являются недопустимыми.

Ключевые слова: *гражданское процессуальное право, семейное право, гражданская процессуальная дееспособность, гражданская процессуальная правоспособность, субъективное право, права ребенка, родительские права, родительская власть, автономия личности, право на иск.*

BADAYEVA Marita Ildarovna,
attorney, Schwartz & Partners Law Firm

ON THE ISSUE OF THE POSSIBILITY OF JUDICIAL CHALLENGE BY MINORS OVER THE AGE OF 14 OF A PARENT'S EDUCATIONAL DECISION (PARAGRAPH 2 OF ARTICLE 56 OF THE FAMILY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Annotation. *The subject of the study is the interpretation of Part 4 of Article 37 of the Code of Civil Procedure and paragraph 2 of Article 56 of the Family Code of the Russian Federation in the following problematic aspect: is it really possible to understand them as allowing children over the age of 14 to sue their parents for improper performance of parental duties by the latter? The relevance of the study is confirmed by the high importance of the protection (including legal protection) of the family, motherhood, fatherhood and childhood, which is a priority of the state policy of the Russian Federation. The work is characterized by novelty, since in the aspect indicated in the work, the named problem had not previously been the subject of independent research in the Russian literature.*

Using methods of analysis and synthesis, scientific abstraction, the author comes to the

conclusion that the norms of Part 4 of Article 37 of the Code of Civil Procedure and paragraph 2 of Article 56 of the Family Code of the Russian Federation should be interpreted restrictively, since allowing a child to challenge the educational decisions of parents generates a number of unsolvable problems that disavow the very essence of education. Judicial review of intra-family disputes, regardless of the outcome of such a "case", is a double-edged weapon, since it simultaneously restricts the right of a parent whose behavior is impeccable to make an educational decision and the right of a child to be raised by parents and not by a subject of public authority. The author comes to the conclusion that, despite the literal meaning of the norms discussed, the child's claims against the parent for challenging educational decisions are unacceptable.

Key words: *civil procedural law, family law, civil procedural capacity, civil procedural legal capacity, subjective law, child rights, parental rights, parental authority, individual autonomy, right to claim.*

В соответствии с п. 2 ст. 56 Семейного кодекса Российской Федерации при нарушении прав и законных интересов ребенка, в том числе при невыполнении или при ненадлежащем выполнении родителями (одним из них) обязанностей по воспитанию, образованию ребенка либо при злоупотреблении родительскими правами, ребенок вправе самостоятельно обращаться за их защитой в орган опеки и попечительства, а по достижении возраста четырнадцати лет в суд.

Данная норма соотносится с ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ, в соответствии с которой в случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы.

Буквальное содержание данных норм приводит нас к выводу о том, что дети старше 14 лет вправе предъявить в суд против своих родителей иск из ненадлежащего исполнения ими обязанностей по воспитанию.

При этом широта формулировок п. 2 ст. 56 Семейного кодекса дает основания считать, что почти любые разногласия между родителями и детьми могут стать предметом судебного разбирательства, поскольку любое родительское принуждение можно истолковать как посягательство на то или иное право ребенка.

Рассмотрим данный тезис на примерах.

В Семейном кодексе РФ особо выделяется, что ребенок имеет право, в частности, на всестороннее развитие, на обеспечение его интересов, уважение его человеческого достоинства (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ), на получение содержания от своих родителей (п. 1 ст. 60 Семейного кодекса РФ).

По букве приведенных норм отказ родителя устроить ребенка в школу, выбранную несовершеннолетним, может быть расценен как ненадлежащее выполнение родителем обязанности по образованию ребенка, неудовлетворение просьбы ребенка оплатить посещение им музыкальной школы, спортивной секции и т. п. – права на всестороннее развитие, применение строгого наказания, не нарушающего, однако, публично-правовые запреты (например, словесные наказания, отнятие мобильного телефона или иных личных вещей, запрет покидать дом без разрешения родителей) – права на уважение человеческого достоинства, предоставление недостаточного по мнению ребенка количества карманных денег – права на получение содержания от родителей. Перечень таких примеров можно продолжать.

Необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, в настоящей работе не рассматривается вопрос о том, как в каждом конкретном случае следует квалифицировать то или иное действие родителя: проблему исследования составляет не право ребенка на удовлетворение, а право на предъявление соответствующего иска к родителю. Приведенные выше примеры призваны показать, что, если ограничиться буквальным толкованием закона, то можно прийти к выводу о то, что такие вопросы могут стать предметом судебного разбирательства по иску ребенка против родителя. Вопрос о том, при каких условиях такой иск подлежит удовлетворению, не входит в предмет данного исследования.

Во-вторых, мы не имеем в виду случаи, когда поведение родителя нарушает публично-правовые нормы и является основанием для лишения/ограничения родительских прав.

Проблема настоящей работы состоит в том, как следует понимать нормы п. 2 ст. 56 Семейного кодекса и ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса РФ: действительно ли можно ограничиться буквальным толкованием данных норм и считать, что верность воспитательного решения принципиально проверяема государством и ребенок может «вызвать» в суд собственного родителя и оспорить родительское веление? Оспорима ли родительская власть? Верна ли гипотеза о том, что родительское принуждение, не нарушающее публично-правовых запретов, принципиально

может быть квалифицировано как правонарушение в том смысле, что не позволяет ребенку реализовывать его права в соответствии с его, ребенка, волей?

В литературе вопрос толкования п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ поднимается редко и, как правило, вне обозначенной нами проблемной плоскости. Авторы либо констатируют право ребенка на самостоятельное обращение в суд после достижения 14-летнего возраста в том числе против своих родителей [1, с. 265], [2, с. 318], либо ограничиваются указанием на проблемность фактической реализации этого права с точки зрения сложности юрисдикционных процедур, финансовых затрат и пр. [3, с. 198].

Представляется, что для нахождения верного ответа на указанные вопросы нельзя ограничиться буквальным прочтением приведенных норм права.

Конфликт отцов и детей в любых его проявлениях представляет собой сложный социокультурный, философский, психологический феномен и не может быть исследован без погружения в соответствующие области знаний.

В настоящей работе не ставится задачи провести исчерпывающий и всеобъемлющий анализ вопроса и дать на него окончательный ответ, однако предпринимается попытка перенести рассматриваемый конфликт на более высокий уровень абстракции, то есть определить, конкуренция каких правовых и общесоциальных институтов предопределяет возникновение обсуждаемой юридической коллизии и как то или иное решение поставленного вопроса на них влияет.

В первую очередь необходимо определиться, какой социальный конфликт стоит за спором родителя и ребенка, не согласного с родительским воспитательным решением. Представляется, что в аксиологической плоскости такой спор – это проявление конфликта двух правовых и нравственных ценностей: родительской власти и автономии личности ребенка.

Термин «родительская власть» в лексике современного законодателя не применяется, однако обозначаемый этим понятием правовой институт существует со времен римского права.

Родительская власть была закреплена в Своде законов Российской империи, где предусматривалось, что «власть родительская простирается на детей обоего пола и всякого возраста» (том X, ст. 164) и что от детей на родителей «в личных обидах или оскорблениях … не приемлется никакого иска, ни гражданским, ни уголовным порядком» (том X, ст. 168). Вот как комментировали это положение в доктрине: «родительская власть есть полное (конечно, в разумном согласно с нынешними понятиями смысле) подчинение детей указаниям родителей во всей их частной, а иногда и общественной жизни, с правом родителей, конечно, понуждать детей, иногда мерами довольно строгими, к следованию этим указаниям» [4, с. 513].

Как писал Д. И. Мейер, личные отношения между родителями и детьми «сводятся к праву власти, принадлежащей родителям по отношению к детям». Это право «давать те или другие приказания и вытекающее отсюда обязательство подвластного повиноваться приказаниям; это право на лицо, чуждое всякого имущественного характера» [5, с. 761].

После 1917 г. термин «родительская власть» был заменен словами «права и обязанности родителей». Как указывал профессор А. Г. Гойхбарг, «родительская власть должна быть предоставлена не как право, а как обязанность по отношению к детям...и лишь постольку, поскольку осуществление этой власти не навредит интересам детей и не нарушает их личных прав» [6, с. 68].

Изменение словоупотребления, однако, не означало отказа законодателя от признания института родительской власти. В современном российском законе существует множество примеров, подтверждающих признание за родителями власти над их детьми (в пределах, ограниченных публично-правовыми запретами).

Так, в п. 31 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании) установлено, что родители признаются самостоятельными участниками образовательных правоотношений. Это означает, что они не просто выступают как законные представители своих детей, то есть дополняют недостающий объем дееспособности последних, но имеют собственные права и собственный интерес в образовании детей.

Родители вправе выбирать до завершения получения ребенком основного общего образования (которое обычно завершается к 16 годам) с учетом мнения ребенка, а также с учетом рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии (при их наличии) формы получения образования и формы обучения, организации, осуществляющие образовательную деятельность, язык, языки образования, факультативные и элективные учебные предметы, курсы, дисциплины (модули) из перечня, предлагаемого организацией, осуществляющей образовательную деятельность. Кроме того, родители имею право дать ребенку дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее общее образование в семье (подп. 1, 2 п. 3 ст. 44 Закона об образовании).

В свою очередь, за детьми право выбора организации, осуществляющей образовательную деятельность, формы получения образования и

формы обучения признается только после получения основного общего образования или после достижения восемнадцати лет (подп. 1 п. 1 ст. 34 Закона об образовании).

Еще один пример признания законодателем родительской власти находим в нормах, регулирующих врачебную тайну несовершеннолетних.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в его нынешней редакции особым образом регулирует врачебную тайну несовершеннолетних: в ч. 2 ст. 22 он устанавливает, что информация о состоянии здоровья несовершеннолетних старше 15 лет предоставляется не только им, но и их законным представителям.

Это положение, введенное в текст закона в 2022 году, активно обсуждалось на страницах юридических изданий. В литературе можно встретить как позитивные комментарии, так и критические замечания. В частности, авторы отмечали проблемы нерешенности вопроса о том, обязан ли врач сообщать родителю медицинскую информацию о его ребенке по своей инициативе или только по запросу родителя, а также о том, какую именно информацию врач передает родителю: только о диагнозе и лечении либо также иную личную информацию, сообщенную ребенком при приеме.

Приведенные положения закона, а также еще не нашедшие закрепления в позитивном праве, но обсуждаемые общественностью положения (например, звучащие в общественных дискуссиях предложения на законодательном уровне запретить детям пользование социальными сетями без разрешения родителей) – примеры, подтверждающие реальность и живость института родительской власти как в позитивном праве, так и в общественном правосознании.

В исследуемом конфликте родительской власти, как мы обозначили ранее, противостоит институт автономии личности ребенка.

Под автономией личности несовершеннолетнего, прежде всего, понимается, что ребенок является самостоятельным носителем конституционных прав (в т. ч. на свободу и личную неприкосновенность, личную тайну, тайну переписки и пр.), достоинство его личности охраняется государством. В современном российском законе отсутствует норма, устанавливающая обязанность детей подчиняться родителям. При таких условиях личная автономия ребенка становится препятствием на пути реализации родительской власти, поскольку легального основания для родительского принуждения в позитивном праве мы не находим.

На «коллидирующий характер» интересов родителей и детей (выражающийся в противостоянии власти родителей и самостоятельности ребенка) указывал еще И. А. Покровский. Более того, проблему личности в сфере семейных отношений он относил к одной из основных проблем гражданского права [7, с. 163].

Проанализируем, каковы последствия передачи в суд спора родителя и ребенка для родительской власти, личной автономии ребенка и семейных отношений.

Прежде чем перейти к обсуждению влияния судебного спора ребенка с родителем на родительскую власть, необходимо более подробно остановиться на ее социальных функциях, аспектах ее социальной значимости.

Первый аспект, конечно, заключается в том, что родительская власть обеспечивает возможность воспитания, поскольку последнее по своему существу предполагает ту или иную степень принуждения. В этой части речь идет о внутрисемейной стороне проявления родительской власти.

В этой связи институт родительской власти находится в непримиримом противоречии с гипотетической возможностью судебных споров с родителями по вопросам воспитания. Судебное оспаривание ребенком принятых в отношении него родительских воспитательных решений принципиально отрицает, исключает родительскую власть. Сам факт рассмотрения такого дела в суде вне зависимости от его исхода неизбежно означает подрыв родительского авторитета и фактическую невозможность нормального воспитания ребенка в дальнейшем. То обстоятельство, что родитель окажется перед необходимостью в суде доказывать перед ребенком свою правоту в воспитании последнего, ставит родителя в положение оправдывающегося, почти подвластного, что, очевидно, ставит крест на власти родителя и противно существу отношений родителя и ребенка.

В доктрине указывают и на вторую, внешнюю функцию родительской власти, которая состоит в том, что она ограждает семью от любых вмешательств извне. У профессора Г. Ф. Шершеневича можно прочитать следующие слова: «Праву личной власти соответствует обязанность всех вообще не ставить себя в такое отношение к жене, детям, опекаемым, которое противоречило бы этой власти...права личной власти отмечены абсолютным характером» [8, с. 677]. Под «абсолютным характером» Г. Ф. Шершеневич понимает то, что обязанность невмешательства распространяется на неопределенный круг лиц, в который входит и государство.

Так, профессор отмечал, что «семья представляет собой основную ячейку государственного организма и пользуется некоторой автономией. Государство охраняет по возможности

неприкосновенность внутренней жизни семьи, опасаясь излишним вмешательством повредить мирным ее отношениям» [8, с. 676].

Итак, второй, «внешней» функцией родительской власти является то, что она выступает стержнем автономии семьи, ограждает семью от вмешательства извне, в том числе от вмешательства государственного: родители, а не третьи лица или государство облечены властью решать важнейший семейный вопрос – вопрос воспитания. Автономия семьи, ее «закрытость» от несоразмерного вмешательства государства – это самостоятельная конституционная ценность, предопределяющая право родителя воспитывать ребенка по своему усмотрению, вырастить его с убеждениями и ценностями, разделяемыми родителем. Иными словами, до пределов публично-правовых запретов родитель свободен в выборе методов воспитания.

На конституционно-правовую ценность непререкаемости родительской власти, ее уважения государством указывают и зарубежные авторы [9, с. 23]

В этой связи интересно обратиться к комментарию авторов Гражданского уложения к норме Свода законов Российской Империи об обязанности ребенка оказывать родителю почтение, которые писали, что запрещаться должны лишь те поступки, которые выражают непочтительное отношение к родителю и видимо *оскорбляют чувства общественного порядка* и мира в семейных отношениях» [4, с. 493].

В комментарии обращает на себя внимание тезис о том, что проявление непочтения к родителям принципиально способно «оскорбить чувство общественного порядка». Иными словами, порядок общественный связывается с порядком внутрисемейным, а почтительное отношение к родителям воспринимается как общесоциальная ценность, элемент правильной социальной организации.

С точки зрения «внешнесоциального» аспекта значимости родительской власти также необходимо прийти к выводу о ее несовместимости с исками ребенка против родителя.

Во-первых, рассмотрение судом такого «дела» означает как минимум раскрытие суду информации, защищенной личной и семейной тайной, в том числе против воли родителей, которые в подобной ситуации оказываются втянутыми в судебный процесс по инициативе ребенка. Конечно, обсуждаемые гипотетические судебные разбирательства должны были бы осуществляться в закрытых судебных заседаниях, однако едва ли родитель-ответчик желал бы сообщать подобные сведения в том числе судье.

Во-вторых, судья, агент государственной власти, в подобных спорах становится на место родителя, что на более абстрактном уровне означает передачу в руки государства воспитательной функции (пусть и по конкретному вопросу). Едва ли несогласие несовершеннолетнего, например, с родительским выбором школы может быть поводом для столь серьезного вмешательства государства в частную жизнь семьи, лишения ее той самой «автономии», о которой писал профессор Г. Ф. Шершеневич, и в сущности лишению родителя права влиять на принятие воспитательного решения.

В сущности, отказ родителю в принятии воспитательного решения можно квалифицировать как определенную степень ограничения родительского права на воспитание. Такое ограничение, при том что оно производится не в связи с противоправным или аморальным поведением родителя, а лишь на основании противоречия воли родителя воле ребенка, представляется несоразмерным.

Необходимо предостеречь себя от опрометчивого предположения о том, что если решение суда по гипотетическому спору о воспитании при каких-то условиях может наилучшим образом защитить тот или иной интерес ребенка, то обращение в суд можно считать полезной и желательной мерой для развития ребенка в целом.

Проведем мысленный эксперимент и представим, что в рамках рассмотрения такого дела по итогам получения консультаций нескольких специалистов абсолютно достоверно (сделаем такое допущение для чистоты мысленного эксперимента) установлено, что складу ума, характера, физическим и психическим способностям ребенка больше соответствуют, к примеру, желаемые им спортивные занятия, а не школа с литературным уклоном, на которой настаивают родители. Суд выносит соответствующее решение, обязывающее родителей направить ребенка на обучение именно в спортивную школу (вопрос об исполнимости такого решения – самостоятельный аспект рассматриваемой проблемы и здесь не исследуется).

Трудно возразить против того, что таким решением в полной мере защищено право ребенка на учет его мнения по касающимся его вопросам (ст. 57 Семейного кодекса РФ) и, по-видимому, в большой степени – право на всестороннее развитие (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ). Одновременно такое решение, как представляется, наносит существенный урон праву ребенка «жить и воспитываться *в семье*», то есть «праву на воспитание *своими родителями*» (п. 2 ст. 54 Семейного кодекса РФ). Интерес ребенка состоит не только и не столько в том, чтобы жить в наилуч-

ших условиях для реализации своих способностей. Не меньшим (а с нашей точки зрения – большим) благом ребенка, охраняемым Семейным кодексом, является возможность воспитываться в соответствии с родительской волей, расти в лоне ценностей, убеждений и идей собственной семьи, будучи одновременно огражденным от навязывания извне. Иначе говоря, расти в условиях, когда родительская воля (безусловно, не выходящая за пределы законодательных запретов) непререкаема для государства и не может быть сломлена в том числе по иску несогласного с ней подростка – самостоятельный интерес ребенка, имеющий, как представляется, ключевое значение.

Сказанное означает, что передача спора родителя и ребенка в суд вне зависимости от его исхода влечет поражение в правах и интересах как ребенка, так и родителя. В конкуренцию при этом, как мы увидели, вступают не только интересы, с одной стороны – ребенка, с другой – родителя, но и разного порядка интересы ребенка между собой.

Наконец, пронаблюдаем, каково влияние гипотетического судебного спора на личную автономию несовершеннолетнего. Представляется, что, передавая «дело» о споре со своим родителем в суд, ребенок в действительности не защищает, а, напротив, ограничивает свою самостоятельность: в конечном итоге решение все равно принимается за него, только уже не родителем, а судьей, то есть посторонним для несовершеннолетнего истца человеком. Наивно было бы считать, что судья разрешит внутрисемейный спор «лучше», чем бы его разрешили родители. Едва ли судья, увидевший ребенка впервые в жизни, способен понять его интересы вернее, чем бы это сделал воспитывающий его родитель.

По этой причине предъявление подобного иска неверно понимать как средство защиты автономии личности ребенка. Скорее, оно выступает средством исключительно «побороть», поставить под сомнение родительскую власть. Едва ли возможно признать законный интерес в подобном стремлении, так как он противоречит базовым принципам семейного права.

Не случайно, что Философы эпохи Просвещения, идеи которых легли в основу современного представления о правах человека и автономии личности, не отвергали родительской власти и не провозглашали независимости детей от родителей. Наоборот, философы Нового времени (Дж. С. Милль, Дж. Локк, Ж. Ж. Руссо) придавали семейному воспитанию огромную значимость в построении гражданского общества, так как именно в семье, по их мнению, должно произойти постепенное становление личности, соответствующей идеалам Эпохи Просвещения: зрелой, ответственной, инициативной, с развитым чувством долга и чести [10, с. 23; 11, с. 275; 12, с. 174].

Приведенные рассуждения приводят нас к выводу о том, что нормы ч. 4 ст. 37 Гражданского процессуального кодекса и п. 2 ст. 56 Семейного кодекса РФ неверно понимать как дозволяющие предъявлять подросткам иски против родителей об оспаривании принятых ими воспитательных решений. Такое толкование данных норм порождает ряд неразрешимых проблем и пагубных последствий, многократно превышающих по своей значимости возможный позитивный эффект данного подхода. Так, передача суду споров подростков с родителями о воспитании дезавуирует родительскую власть, отнимает у родителя право на принятие воспитательного решения в данном конкретном случае и во многом блокирует возможность нормального воспитания в будущем. Представляется, что такое решение является несоразмерным вмешательством государства во внутреннюю жизнь семьи и безосновательным отстранением родителя от воспитания ребенка. Одновременно гипотетическое судебное вмешательство, будучи направлено на защиту прав и интересов ребенка, парадоксально ограничивает его первейшее семейное право – право воспитываться в семье, собственными родителями. В то же время автономия личности несовершеннолетнего, выступающая противостоящей родительской власти ценностью, также не получает сколько-нибудь значимой защиты, поскольку ребенок в гипотетическом процессе все равно остается объектом власти, но уже не родительской, а государственной.

Список литературы:

[1] Антокольская М. В. Семейное право: учебник / М. В. Антокольская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 432 с.

[2] Ильина О. Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации : диссертация...доктора юридических наук : 12.00.03. – Москва, 2006. 374 с.

[3] Права несовершеннолетних: правовое регулирование и проблемы реализации в условиях современного общества : сборник материалов / О. С. Рыбакова, Э. И. Атагимова, А. Т. Потемкина [и др.] ; под ред. О. С. Рыбаковой. — Москва : Русайнс, 2022. – 237 с.

[4] Гражданское уложение. Книга вторая. Семейственное право. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Том первый. Ст. 1 – 349. С объяснениями. – Санкт-Петербург, 1902. 663 с.

[5] Мейер Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2021. – 846 с.

[6] Гойхбарг А. Г. Новое семейное право: введение; вступление в брак; недействительные браки; прежние браки; прекращение брака и развод; отношения супругов; родители и дети; опека / А. Г. Гойхбарг. - Москва : издание военно-юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1918. – 88с.

[7] Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. 6-е изд., стереот. – М.: Статут, 2013. – 353 с.

[8] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. - 10-е изд. - Москва : издание Бр. Башмаковых, 1912. – 951 с.

[9] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007. – 306 p.

[10] Милль Д. С. О свободе / пер. М. И. Ловцовой. СПб.: Изд-во В. И. Губинского, 1901 г. – 237 с.

[11] Локк, Джон. Два трактата о правлении / Дж. Локк ; пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. — 4-е изд., эл. — 1 файл pdf — Москва ; Челябинск : Социум, 2020. 496 с.

[12] Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. — М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.

References:

[1] Antokolskaya M. V. Family Law: textbook / M. V. Antokolskaya. - 3rd ed., revised and enlarged. - Moscow: Norma: INFRA-M, 2013. - 432 p.

[2] Ilyina O. Yu. Private and Public Interests in Family Law of the Russian Federation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03. - Moscow, 2006. 374 p.

[3] The Rights of Minors: Legal Regulation and Problems of Implementation in the Context of Modern Society: a collection of materials / O. S. Rybakova, E. I. Atagimov, A. T. Potemkina [et al.]; edited by O. S. Rybakova. - Moscow: Rusains, 2022. - 237 p.

[4] Civil Code. Book Two. Family Law. Project of the Supremely Institutional Editorial Commission for Compiling the Civil Code. Volume One. Articles 1–349. With Explanations. – St. Petersburg, 1902. 663 p.

[5] Meyer, D. I. Russian Civil Law. – 4th ed., corrected and supplemented. – Moscow: Statut, 2021. – 846 p.

[6] Goykhbarg, A. G. New Family Law: Introduction; Marriage; Invalid Marriages; Previous Marriages; Termination of Marriage and Divorce; Spousal Relations; Parents and Children; Guardianship. – Moscow: Published by the Military-Legal Bookstore "Pravovedenie" of I. K. Golubev, 1918. – 88 p.

[7] Pokrovsky, I. A. Basic Problems of Civil Law. 6th ed., stereot. – Moscow: Statut, 2013. – 353 p.

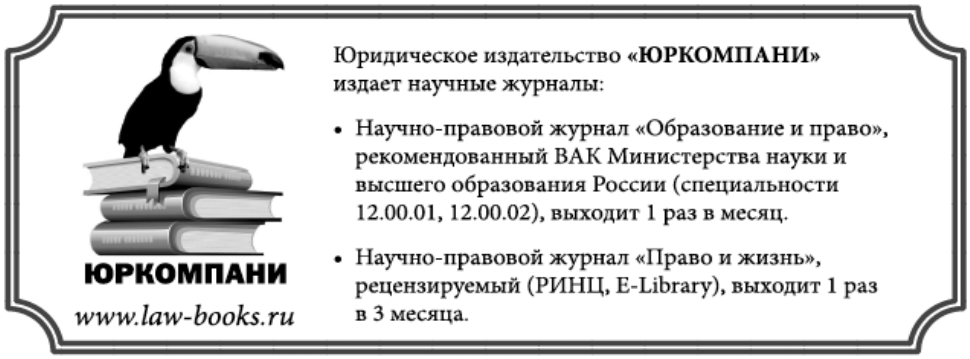
[8] Shershenevich, G. F. Textbook of Russian Civil Law / G. F. Shershenevich. - 10th ed. - Moscow: Bashmakov Brothers' Edition, 1912. – 951 p.

[9] Guggenheim, Martin. What's Wrong with Children's Rights, Harvard University Press, 2007. – 306 p.

[10] Mill, D. S. On Liberty / translated by M. I. Lovtsova. St. Petersburg: V. I. Gubinsky Publishing House, 1901. – 237 p.

[11] Locke, John. Two Treatises of Government / J. Locke; translated from English by E. S. Lagutina, Yu. V. Semenova. — 4th ed., electronic — 1 pdf file — Moscow; Chelyabinsk: Socium, 2020. 496 p.

[12] Rousseau J. J. On the Social Contract. Treatises / Translated from French. — Moscow: "CANON-press", "Kuchkovo pole", 1998. – 416 p.



Дата поступления рукописи в редакцию: 07.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-865-869

КУЖАХМЕТОВА Сауле Нарбулатовна,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Академия управления МВД России,
e-mail: kuzsaule@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ В 1966-1985 ГГ.

Аннотация. *В статье на основе анализа нормативных правовых актов и ведомственных документов исследуется эволюция правовых основ деятельности советской милиции в период 1966-1985 гг. Особое внимание уделяется сравнительному анализу Положения о советской милиции 1973 г. с предшествующим актом 1962 г., что позволяет выявить качественные изменения в юридической технике, идеологической тональности и содержательном наполнении базового документа, регламентировавшего деятельность милиции. Автор обосновывает тезис о том, что Положение 1973 г. стало нормативным завершением формирования номенклатурно-правовой модели профессиональной милиции, закрепив юридическое оформление централизации, идеологизацию правового акта, расширение функций милиции за пределы традиционной правоохранительной деятельности и завершение формирования специализированных подразделений. Раскрывается роль ведомственного нормотворчества как инструмента оперативного регулирования, выполнявшего функцию «правового экспериментатора», и одновременно выявляется его оборотная сторона – закрытость нормативной базы от общественного контроля.*

Ключевые слова: *советская милиция, Положение о милиции 1973 г., правовое регулирование, централизация, партийный контроль, номенклатурно-правовая модель, ведомственное нормотворчество, профессионализация, специализация.*

KUZHAKHMETOVA Saule Nurbulatovna,
Senior Lecturer at the Department of Public Law Disciplines,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

IMPROVING THE LEGAL FOUNDATIONS OF THE SOVIET MILITIA IN 1966-1985.

Annotation. *Based on the analysis of regulatory legal acts and departmental documents, the article examines the evolution of the legal foundations of the Soviet militia in the period 1966-1985. Special attention is paid to the comparative analysis of the Regulations on the Soviet Militia of 1973 with the previous act of 1962, which makes it possible to identify qualitative changes in the legal technique, ideological tone and content of the basic document regulating the activities of the militia. The author substantiates the thesis that the 1973 Regulation It became the normative completion of the formation of the nomenclature and legal model of professional militia, consolidating the legal formalization of centralization, the ideologization of the legal act, the expansion of police functions beyond the traditional law enforcement activities and the completion of the formation of specialized units. The role of departmental rulemaking as an instrument of operational regulation, which performed the function of a "legal experimenter", is revealed, and at the same time its downside is revealed – the closeness of the regulatory framework from public control.*

Key words: *Soviet militia, Regulations on militia of 1973, legal regulation, centralization, party control, nomenclature and legal model, departmental rulemaking, professionalization, specialization.*

Актуальность исследования правовых основ деятельности советской милиции в 1966-1985 гг. обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта формирования отечественной правоохранительной системы в контексте современных дискуссий о соотношении централизации и оперативной самостоятельности, профессионализации и

открытости, расширения полицейских полномочий и механизмов общественного контроля. Период 1966-1985 гг. представляет особый интерес, поскольку именно в эти годы произошло окончательное юридическое оформление той организационно-правовой модели милиции, которая, достигнув институциональной зрелости к середине 1970-х гг., в полной мере проявила как свои сильные стороны, так и внутренние противоречия.

Историография проблемы представлена трудами Р.С. Мулукаева [1, 2, 3, 4], А.Я. Малыгина [5, 6, 7], Ю.П. Соловья [8], Ю.Е. Аврутина, [9, 10, 11], Д.А. Ерина [12, 13], заложивших основы изучения истории милиции и оценки состояния ее правового регулирования. Однако комплексный сравнительно-правовой анализ базовых нормативных актов, регламентировавших деятельность милиции, в их взаимосвязи с механизмами партийно-государственного управления до настоящего времени не проводился, что составляет пробел в историко-правовой науке, восполняемый настоящим исследованием.

Логическим завершением процессов рецентрализации и унификации управления, развернувшихся во второй половине 1960-х гг., стало обновление базового нормативного акта, регламентирующего деятельность милиции. Принятое в 1973 г. новое Положение о советской милиции [14] явилось важным этапом в развитии правовых основ правоохранительной системы, закрепив результаты институциональных преобразований конца 1960-х – начала 1970-х гг. и отразив новый этап в развитии советской государственности – этап «развитого социализма». Сравнительный анализ Положения 1973 г. с его предшественником 1962 г. позволяет не только проследить эволюцию юридической техники, но и выявить глубинные изменения в понимании роли и места милиции в государственном механизме, а также степень влияния партийно-идеологических установок на правовое регулирование.

Прежде всего, обращает на себя внимание изменение общей идеологической тональности документа. Если Положение 1962 г. [15] было относительно лаконичным и деловым, фиксируя статус милиции как «административно-исполнительного органа», служащего народу, то Положение 1973 г. открывается развернутой преамбулой, выдержанной в духе партийных документов эпохи «развитого социализма». В ней подчеркивается, что милиция создана «по инициативе В.И. Ленина», действует «под руководством Коммунистической партии Советского Союза» и прошла «славный путь верного служения своему народу». Само по себе включение подобных формулировок в текст общесоюзного нормативного акта является знаковым. Это не просто дань традиции, а юридическое закрепление той модели партийно-государственного управления, которая сложилась к началу 1970-х гг., где партийное руководство перестало быть только политической реальностью и стало неотъемлемым элементом правового статуса ведомства. Тем самым идеологическая составляющая, ранее присутствовавшая преимущественно в партийных директивах, инкорпорировалась непосредственно в ткань правового акта.

Ключевое изменение в организационной структуре, зафиксированное Положением 1973 г., отражало завершение процесса рецентрализации. Если в 1962 г. милиция входила в состав министерств охраны общественного порядка союзных и автономных республик, а также управлений крайоблисполкомов, то новый акт (ст. 6) прямо декларировал, что «милиция является составной частью системы Министерства внутренних дел СССР». Это положение, отсутствовавшее в прежней редакции, юридически закрепило создание единой, жестко централизованной общесоюзной системы. Ст. 7 дополнительно подчеркивает эту иерархию, устанавливая, что «руководство всеми службами милиции в стране осуществляет Министр внутренних дел СССР». Положение 1973 г. также внесло существенные коррективы в порядок финансирования. Если в 1962 г. основная нагрузка возлагалась на бюджеты союзных республик и местные Советы, то новый акт (ст. 20) устанавливал, что милиция содержится «за счет средств союзного бюджета», а ее численность устанавливается Советом Министров СССР. Это стало финансовым завершением централизации, окончательно превратив милицию в общесоюзную структуру, финансируемую из единого центра. За местными бюджетами осталось лишь содержание специализированных подразделений (дорожно-патрульная служба, вытрезвители, детские комнаты и т.п.), что было закреплено в ст. 21.

Существенно был расширен и детализирован перечень служб, входивших в состав милиции (ст. 6). Если в 1962 г. они упоминались обобщенно, то теперь законодатель перечислил их: «подразделения административной (наружной) службы, уголовного розыска, борьбы с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, паспортной работы, государственной автомобильной инспекции». Выделение ГАИ и БХСС в отдельные позиции отражало тенденцию к специализации, о которой подробно говорилось при анализе организационных преобразований конца 1960-х гг. Отдельно оговаривалось создание подразделений транспортной милиции на железнодорожном, водном и воздушном транспорте, что стало ответом на новые вызовы (угон самолетов) и усложнение экономической жизни. Законодательное

закрепление этих специализированных структур свидетельствовало о том, что профессионализация милиции получила не только организационное, но и нормативное оформление.

Положение 1973 г. значительно расширило и детализировало перечень обязанностей милиции (ст. 9). Если в 1962 г. их было 28, то теперь – 31 пункт, многие из которых были разбиты на подпункты. Эта детализация шла по нескольким направлениям, каждое из которых отражало определенный аспект формировавшейся номенклатурно-правовой модели.

Во-первых, усиление профилактической и надзорной функций. Появились новые обязанности, прямо отражающие государственную политику того времени. Так, п. «з» обязывал милицию вести совместно с другими организациями «борьбу с пьянством и иными антиобщественными явлениями», а также оформлять материалы для принудительного лечения «злостных пьяниц (алкоголиков) и наркоманов». П. «и» посвящен выявлению лиц, «уклоняющихся от общественно-полезного труда и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Включение этих норм в базовый закон о милиции свидетельствовало о том, что правоохранительная система становится ключевым инструментом реализации социальной и морально-этической политики партии, выходя за рамки традиционной борьбы с преступностью.

Во-вторых, расширение полномочий в сфере экономики и контроля за социалистической собственностью. Пункт «с» ст. 9 предоставил милиции беспрецедентно широкие права по проверке сохранности государственного имущества: «посещать предприятия, организации и учреждения», «проводить с участием администрации осмотр производственных, складских и иных служебных помещений», «проверять у должностных и материально ответственных лиц документы», «опечатывать кассы и места хранения документов». Это закрепляло за милицией (прежде всего, за аппаратами БХСС) роль активного контролера в экономической сфере, что было прямым следствием решений партии об усилении борьбы за сохранность социалистической собственности. Данные нормы знаменовали качественное расширение функций милиции, которая из органа, призванного лишь охранять порядок, превращалась в инструмент хозяйственного контроля, действующий в интересах государства-собственника.

В-третьих, совершенствование регулирования разрешительной системы. Пункт «м» ст. 9 и п. «н» ст. 10 детально регламентировали порядок выдачи разрешений на оружие, взрывчатые вещества, множительную технику, а также контроль за их оборотом. Появление в 1975 г. изменения к этому пункту, касающегося множительной техники, печатей и штампов, лишний раз подчеркивало, насколько важной для власти была функция контроля за информационными потоками и недопущения «самиздата». Именно через такие, казалось бы, технические нормы реализовывалась политическая функция милиции по охране существующего идеологического порядка.

Права милиции (ст. 10) также подверглись значительной детализации и расширению. Если в 1962 г. было 15 пунктов, то в 1973 г. их стало 24. Особое внимание обращает на себя появление новых административно-пресекательных мер. Так, п. «д» вводит институт «официального предостережения о недопустимости антиобщественного поведения». П. «л» официально разрешает «фотографировать и производить дактилоскопирование» определенных категорий задержанных. П. «ф» расширил возможности использования средств передвижения граждан и организаций. П. «х» ввел институт внештатных сотрудников милиции. Наиболее показательным является п. «с» ст. 10, который превратил милицию в орган, наделенный широкими контрольными полномочиями в финансово-хозяйственной сфере. Право «опечатывать кассы», «изымать образцы сырья», «проводить контрольные покупки» – все это выходило далеко за рамки традиционной «охраны порядка» и делало милицию активным участником экономических отношений. В этом пункте, как в фокусе, сошлись все ключевые характеристики номенклатурно-правовой модели: централизация, профессионализация, идеологизация и закрытость от общественного контроля.

Выделение отдельной главы V «Личный состав милиции» – важное новшество. Если в 1962 г. вопросы службы были изложены достаточно сжато, то новый акт детализировал требования к кандидатам, порядок прохождения службы, дисциплину. Ст. 14 устанавливала, что комплектование милиции осуществляется, «как правило, из числа лиц, направляемых трудовыми коллективами». Эта норма отражала идею «всенародной» милиции и сохраняла механизм партийно-комсомольских мобилизаций в новой, более формализованной оболочке. Она юридически закрепляла номенклатурный принцип отбора кадров, при котором решающее значение имела не столько профессиональная пригодность, сколько рекомендация «снизу» и, через нее, одобрение партийных структур. Примечательно, что участковые инспекторы (в 1962 г. – уполномоченные) теперь подлежали утверждению исполкомами местных Советов (ст. 14). Это была дань принципу «двойного подчинения» на самом низо-

вом уровне. Однако общий идеологический контроль обеспечивался требованием к работникам быть «беззаветно преданными делу Коммунистической партии» (ст. 4) и принятием Присяги (ст. 15). Здесь вновь проявляется двойственность номенклатурно-правовой модели: формальная подотчетность местным органам сочеталась с жесткой идеологической привязкой к центру.

Подводя итог сравнительному анализу, можно констатировать, что Положение о советской милиции 1973 г. стало закономерным итогом развития правовых основ деятельности милиции в 1960-х – начале 1970-х гг. Оно закрепило следующие ключевые изменения по сравнению с актом 1962 г.: юридическое оформление централизации (милиция конституируется как составная часть единой общесоюзной системы МВД СССР, финансируемой из союзного бюджета); идеологизацию правового акта (включение положений о руководящей роли партии, верности делу коммунизма); детализацию и расширение функций (особенно в сферах профилактики, контроля за экономикой и разрешительной системы); завершение формирования специализации (закрепление специализированных подразделений – БХСС, ГАИ, транспортной милиции); формальное усиление гарантий прав граждан при одновременном расширении прав милиции, создававшее сложный и противоречивый правовой комплекс.

Положение 1973 г. стало нормативным отражением того состояния системы, которое сложилось к середине 1970-х гг., – мощной, централизованной, профессиональной, но и глубоко идеологизированной, готовой выполнять не только полицейские, но и широкие социально-контрольные функции в интересах партийного государства. В нем наиболее полно воплотились все сущностные характеристики номенклатурно-правовой модели: централизация управления, профессионализация кадров, идеологизация деятельности и закрытость от общества. Дальнейшее развитие правовых основ вплоть до середины 1980-х гг. шло в русле, заданном этим документом, и характеризовалось уточнением и детализацией уже закрепленных норм.

Проведенный анализ позволяет заключить, что развитие правовых основ деятельности советской милиции в 1966-1985 гг. представляло собой завершающую фазу формирования номенклатурно-правовой модели, достигшей к середине 1970-х гг. институциональной зрелости. Положение 1973 г. и последующая система ведомственных актов закрепили централизацию, идеологизацию, расширение функций и специализацию. Вместе с тем накопленные противоречия – между профессионализацией и партийным контролем, между расширением прав милиции и отсутствием общественного контроля, между развитостью нормативной базы и ее закрытостью – свидетельствовали о том, что модель исчерпала потенциал эволюционного развития в рамках существовавшей партийно-государственной системы, что в полной мере проявилось в период перестройки.

Список литературы:

[1] Мулукаев Р.С. К вопросу о правовом регулировании организации и деятельности советской милиции (октябрь 1917-1991 гг.) // Труды Академии МВД России. 2017. № 4 (44). С. 158-163.

[2] Мулукаев Р.С., Карташов Н.Н. Милиция России (1917-1993 гг.): историко-правовой очерк. Орел: Ока, 1995. 235 с.

[3] Мулукаев Р.С. Избранные труды: К 80-летию со дня рождения. М., 2009. 561 с.

[4] Мулукаев Р.С. Советская милиция (к столетию со дня основания) // Государство и право. 2017. № 11. С. 89-95.

[5] Малыгин А.Я. К вопросу о гласности в деятельности советской милиции в переходный от капитализма к социализму период // Труды Академии МВД СССР. 1990. С. 93-107.

[6] Полиция и милиция России: страницы истории / А.В. Борисов, А.Н. Дугин, А.Я. Малыгин и др. М.: «Наука», 1995. 316 с.

[7] Малыгин А.Я. Развитие кадровой функции органов советской милиции в период строительства социализма в СССР (1917-1936 гг.): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1979. 21 с.

[8] Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. Омск: ВШМ МВД РФ, 1993. 501 с.

[9] Аврутин Ю.Е. Полиция и милиция в механизме обеспечения государственной власти в России: теория, история, перспективы. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. 501 с.

[10] Аврутин А.Е., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. 456 с.

[11] Аврутин Ю.Е. Законодательное закрепление назначения полиции в Российской Федерации: краткий комментарий // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (50). С. 15-22.

[12] Ерин Д.А. Подзаконное нормотворчество должностных лиц советской милиции в сфере обеспечения охраны социалистической собственности в первые годы НЭПа // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 317-319.

[13] Ерин Д.А. Милиция и другие формирования в механизме обеспечения экономической безопасности Советского государства в период 1917-1941 гг. (историко-правовой очерк): монография / М.: РУСРАЙН, 2018. 250 с.

[14] Постановление Совмина СССР от 08.06.1973 № 385 «О дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности советской милиции» (вместе с «Положением о советской милиции») [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44746#08ctIDVK1t6YAEkV (дата обращения 10.03.2026).

[15] Постановление Совмина СССР от 17.08.1962 № 901 «Об утверждении Положения о советской милиции» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35002#ZmWFcsUOg8ac7I1k (дата обращения 10.03.2026).

References:

[1] Mulukaev R.S. On the issue of legal regulation of the organization and activities of the Soviet militia (October 1917-1991) // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (44). pp. 158-163.

[2] Mulukaev R.S., Kartashov N.N. The Militia of Russia (1917-1993): a historical and legal essay. Orel: Oka, 1995. 235 p.

[3] Mulukaev R.S. Selected works: On the 80th anniversary of his birth. Moscow, 2009. 561 p.

[4] Mulukaev R.S. The Soviet militia (on the centenary of its foundation) // State and Law. 2017. No. 11. pp. 89-95.

[5] Malygin A.Ya. On the issue of glasnost in the activities of the Soviet militia in the transition period from capitalism to socialism // Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. 1990. pp. 93-107.

[6] Russian police and militia: pages of history / A.V. Borisov, A.N. Dugin, A.Ya. Malygin et al. Moscow: Nauka, 1995. 316 p.

[7] Malygin A.Ya. The development of the personnel function of the Soviet police during the construction of socialism in the USSR (1917-1936): Abstract of the dissertation. ... kand. jurid. Sciences. Moscow, 1979. 21 p.

[8] Solovey Yu.P. Legal regulation of police activity in the Russian Federation. Omsk: Higher School of Economics of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993. 501 p.

[9] Avrutin Yu.E. Police and militia in the mechanism of ensuring state power in Russia: theory, history, prospects. St. Petersburg: Publishing house "Law Center Press", 2003. 501 p.

[10] Avrutin A.E., Kikot V.Ya., Sydoruk I.I. Law and order: organizational and legal support in the Russian Federation. Theoretical administrative and legal research. Monograph. Moscow: UNITY-DANA, Law and Law, 2003. 456 p.

[11] Avrutin Yu.E. Legislative consolidation of the appointment of police in the Russian Federation: a brief comment // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 2 (50). pp. 15-22.

[12] Yerin D.A. Subordinate rulemaking of officials of the Soviet militia in the field of ensuring the protection of socialist property in the early years of the NEP // Gaps in Russian legislation. 2009. No. 4. pp. 317-319.

[13] Yerin D.A. Militia and other formations in the mechanism of ensuring the economic security of the Soviet state in the period 1917-1941 (historical and legal essay): monograph / M.: RUSRAIN, 2018. 250 p.

[14] Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 06/08/1973 No. 385 "On further improvement of the legal regulation of the activities of the Soviet militia" (together with the "Regulations on the Soviet Militia") [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=ESU&n=44746#08ctIDVK1t6YAEkV (accessed 03/10/2026).

[15] Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 08/17/1962 No. 901 "On approval of the Regulations on the Soviet militia" [Electronic resource]. Access mode: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35002#ZmWFcsUOg8ac7I1k (accessed 03/10/2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
научных статей, поступающих в редакцию научно-правового журнала «Образование и право»

1. Автор научной статьи предоставляет оформленную и заверенную рецензию (отзыв) доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответственному запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецен-

зирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

10. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет три месяца с момента поступления рукописи в редакцию.

11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

12. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО»

Сведения общего характера

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Образование и право» осуществляется ***БЕСПЛАТНО***, при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Допускается издание статей вне общей очередности (в кратчайшие сроки) на ***ДОГОВОРНО***Й основе.

Авторские экземпляры журнала предоставляются за *ПЛАТУ*.

Почтовые расходы («Почта России», заказное, бандероль) – за счёт денежных средств автора.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи от 10 рабочих дней до 1 месяца.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания об этом факте необходимо поставить в известность редакцию.

Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Отправляя статью в редакцию, в случае принятия ее к публикации, автор соглашается на размещение редакцией статьи в электронных базах данных.

Технические требования

1. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 12 машинописных страниц и (не более 25 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 5 машинописных страниц. В расчет объема статьи не входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах).

2. Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

3. На e-mail: mail@law-books.ru (в соответствии с правилами оформления статей) высылаются:

- электронная версия рукописи (сохраненная в формате Документ Word), которая должна иметь:

А. аннотацию (на русском и английском) объемом 150-250 слов. Аннотация должна иметь информативный характер и отражать актуальность, цели научного исследования, используемую методологию, основные научные результаты полученные автором (-ами) и их практическое значение.

Б. ключевые слова (на русском и английском) - 5-10 ключевых слов или словосочетаний. Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, определять предметную область исследования, встречаться в тексте статьи;

В. сведения об авторах: ФИО, их должности, ученые степени, ученые звания, место работы и адрес электронной почты (на русском и английском языках);

Г. УДК и ББК;

Д. Список литературы должен состоять не менее чем из 10 источников. Приветствуется наличие в библиографическом списке зарубежных изданий.

4. Перевод на английский язык статуса автора(-ов), название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать грамматики и стилистики языка, использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии. Не допускается осуществление перевода на английский язык при помощи автоматических переводчиков.

5. Статья, поступившая в редакцию регистрируется в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора, места работы автора. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

6. Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам.

7. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями.

8. Рецензирование статей проходит несколько уровней по системе type of peer-review: главным редактором, открытой экспертной оценки, одного слепого редактирования, двойного контрольного рецензирования (не менее двумя рецензентами по тематике представленных материалов). Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора

9. Рецензии на опубликованные статьи за последние 5 лет подлежат хранению в редакции.

10. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена с замечаниями вместе с ее первоначальным вариантом.

11. Статья, задержанная после переработки на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

12. После анализа рецензий принимается решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору/ам направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи, если статья может быть опубликована после доработки / с учетом замечаний — даются рекомендации по доработке; если статья не принимается к опубликованию — указываются причины такого решения.

Правила оформления статей

Набор текста производится в формате Microsoft Word 1997-2003. Шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

1. УДК, ББК;

2. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

3. Название статьи (буквы – прописные);

4. Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

5. Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

После текста статьи располагаются (выравнивание «По ширине»):

- Список литературы оформленный исходя из правил (ГОСТ 7.05–2008).

Источники выстраиваются в алфавитном порядке, сначала — литература на русском языке, затем — на других языках.

Указываются:

заглавие работы;

название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), отделенное от заглавия статьи двойным слешем (//), без кавычек;

выходные данные: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника указываются: автор (если есть), название статьи, после двойного слеша (//) полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (URL) и в скобках — дата обращения.

Архивные источники указываются в тексте статьи в круглых скобках, например: (ЦГА. Ф. 1, д. 2. Л. 15). В библиографию не выносятся.

После этого размещается Spisok literatury (References) , в котором библиографическое описание источников на кириллице транслитерировано на латинский шрифт.

Правила транслитерации. Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры).

Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

- фамилия и инициалы автора (авторов) - в транслитерации по системе LC (http://translit.ru/?direction=ru&account=lc);

- заглавие статьи / монографии — в транслитерации;

- заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

- название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (//);

- название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

- выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») — в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское P. (p.);

- указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], — обязательно!

Отдельным файлом направляется сопроводительная информация

Вместе с текстом статьи на адрес редакции направляется доп. персональная информация об авторе (-ах):

- полный почтовый адрес места работы (включая индекс), город и страну либо полный почтовый адрес места жительства (включая индекс), город и страну;

- № тел. рабочий (домашний) с кодом города либо № моб. тел.;

- электронный адрес.

Данная информация не подлежит обнародованию в журнале, кроме электронного адреса.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук в обязательном порядке необходимо указывать:

- телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены;

- данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

Автору рекомендуется при оформлении статьи внимательно ознакомиться со всеми правилами, сверяться с образцом, а в случае возникновения вопросов — направлять обращения на эл. адрес редакции.

Примерный образец

УДК 37.07
ББК 74.4

ИВАНОВА Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: 1234567@mail.ru

SPIN-код: 0000-0000, AuthorID: 000000 (при наличии)

СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. Актуальность исследования вызвана … Цель: ... Методология исследования - ... В результате обосновано ... Во-первых, ... Во-вторых, ... Авторы приходят к выводу, что ... В этой связи важно отметить ...

Ключевые слова: критерии оценки, высшая школа, научно-исследовательская работа, индекс Хирша, образовательное право.

IVANOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University,
e-mail: 1234567@mail.ru

MODERN CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. The relevance of the research is caused by … Purpose: … The research methodology is … As a result, it is justified … First, … Second, … The authors conclude that … In this connection, it is important to note …

Key words: assessment criteria, higher education, research work, Hirsch index, educational law.

Текст статьи ……
……

……
……

Список литературы:

[1] Адизес И.К. Об образовании [Электронный ресурс] / Сайт «Институт Адизеса в России». – Режим доступа: http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/ (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Боброва Н.А. Первый профессорский форум // Проблемы науки . 2018. № 3 (37). – С. 66 – 68.

[3] Галажинский Э. Зачем нужны рейтинги университетов [Электронный ресурс] / Сайт «Ведомости». – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov (дата обращения: 20.08.2018).

[4] Кузьмина Н.Б. Эффективный университет: перезагрузка. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 134 с.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 20.08.2018).

[6] Сапожков О. Для экономики знаний России придется переучиваться [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (дата обращения: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Электронный ресурс] // AdultLearning. 2016. Vol. 27. N 2. P. 68-75. Режим доступа: https://doi.org/10.1177/1045159515602256 (дата обращения 30.07.2018).

[8]……

Spisok literatury:

[1] Adizes I.K. Ob obrazovanii [Elektronnyy resurs] / Sayt «Institut Adizesa v Rossii». – Rezhim dostupa: http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/ (data obrashcheniya: 10.08.2018).

[2] Bobrova N.A. Pervyy professorskiy forum // Problemy nauki . 2018. № 3 (37). – S. 66 – 68.

[3] Galazhinskiy E. Zachem nuzhny reytingi universitetov [Elektronnyy resurs] / Sayt «Vedomosti». – Rezhim dostupa: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[4] Kuz'mina N.B. Effektivnyy universitet: perezagruzka. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 134 s.

[5] Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 295 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013-2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-pravovoy portal «Garant» (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[6] Sapozhkov O. Dlya ekonomiki znaniy Rossii pridetsya pereuchivat'sya [Elektronnyy resurs] / Sayt «Kommersant»». – Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (data obrashcheniya: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Elektronnyy resurs] // AdultLearning. 2016. Vol. 27. N 2. P. 68-75. Rezhim dostupa: https://doi.org/10.1177/1045159515602256 (data obrashcheniya 30.07.2018).

[8]……

ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

Подписано в печать 03.04.2026.
Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 109,75.
Тираж 300 экз. Заказ № 26.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Ленина, д.102.